

В. А. ЖУКОВСКИЙ

**ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ**

ТОМ ПЯТНАДЦАТЫЙ

**ПИСЬМА
1795—1817-х годов**

В. А. Жуковскій
рис. неизв. художн.
изъ альб. А. В. Елагиной

В. А. ЖУКОВСКИЙ

**ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ**

ТОМ ПЯТНАДЦАТЫЙ

**ПИСЬМА
1795—1817-х годов**

В. А. ЖУКОВСКИЙ

**ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ
В ДВАДЦАТИ ТОМАХ**

Памяти Александра Сергеевича Янушкевича

В. А. ЖУКОВСКИЙ

ТОМ ПЯТНАДЦАТЫЙ

ПИСЬМА

1795—1817-х годов

2-е издание

Издательский Дом ЯСК

Москва 2019

УДК 821.161.1
ББК 83.3 (2Рос=Рус) 1-8
Ж 86

Томский государственный университет

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Жуковский В. А.

Ж 86

Полное собрание сочинений и писем: В двадцати томах / Ред. коллегия: И. А. Айзикова, С. В. Березкина, Д. В. Долгушин, Э. М. Жилиякова, В. С. Киселёв, О. Б. Лебедева, Н. Е. Никонова, И. А. Поплавская, А. С. Янушкевич (гл. редактор). — Т. 15: Письма 1795—1817-х годов / Сост., подгот. текстов и примеч. И. А. Айзикова, С. В. Березкина, Э. М. Жилиякова, В. С. Киселёв, О. Б. Лебедева, С. И. Панов, И. А. Поплавская, А. С. Янушкевич; ред. О. Б. Лебедева. — 2-е изд. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. — 1088 с., ил.

ISBN 978-5-907117-49-5 (т. 15)

ISBN 978-5-6040760-8-8

Полное собрание сочинений В. А. Жуковского впервые в эдиционной практике представляет наследие великого русского поэта в максимально полном на сегодняшний день объеме. Тексты Жуковского даны на основе критического осмысления всех известных автографов поэта и прижизненных публикаций.

В т. 15 вошли 355 писем В. А. Жуковского за 1795—1817 гг. к 49 адресатам, собранные по всем доступным источникам: архивохранилищам Москвы и Санкт-Петербурга, периодическим изданиям XIX—XX вв., собраниям сочинений Жуковского, изданным в XIX—XX вв., отдельным публикациям. Более 80 писем публикуются впервые.

УДК 821.161.1

ББК 83.3 (2Рос=Рус) 1-8

На фронтисписе:

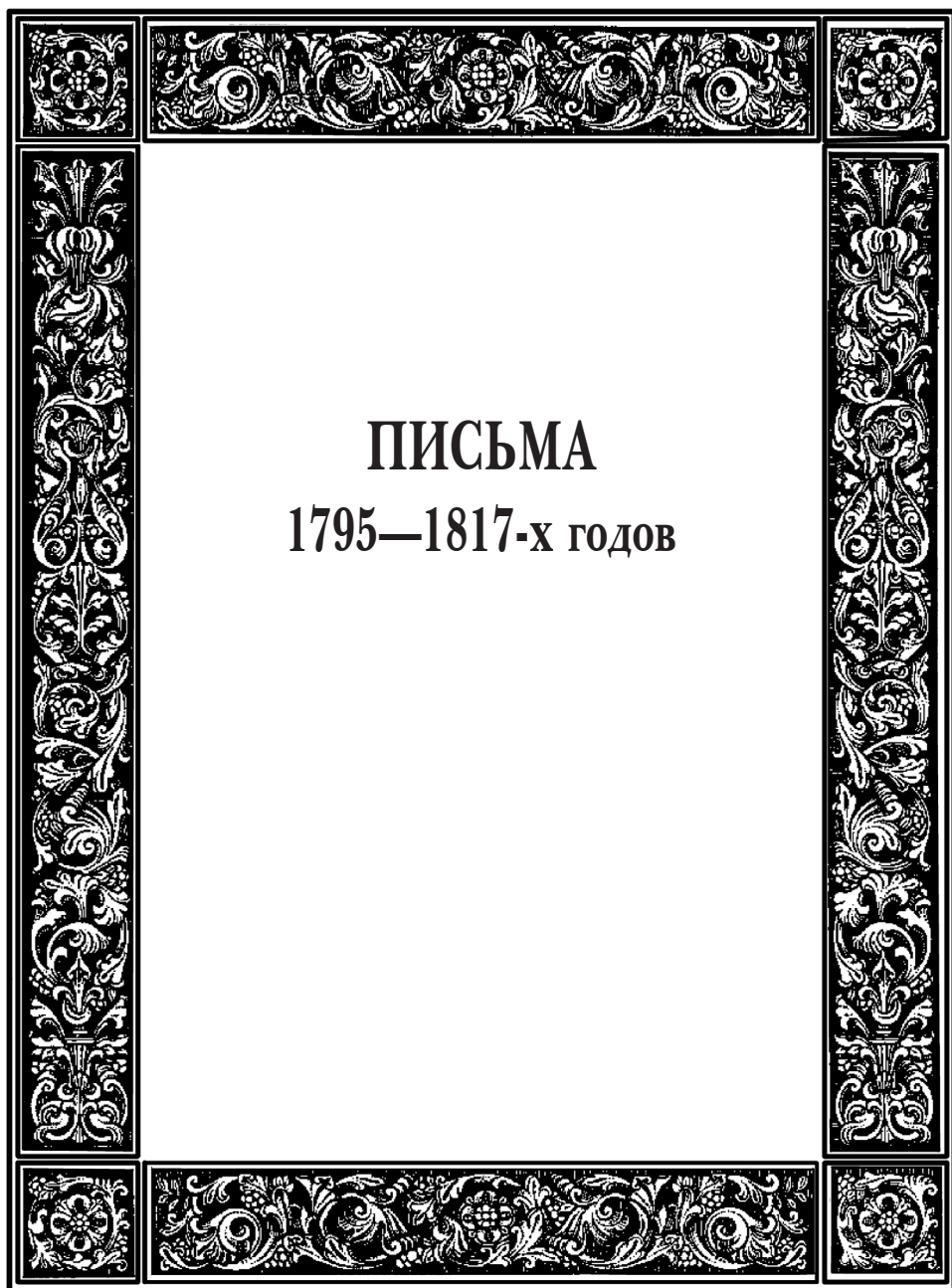
*портрет Жуковского работы К. А. Зенфа (?), 1815—1817, воспроизведен по репродукции в изд.:
Альбом выставки в память Н. В. Гоголя и В. А. Жуковского 1852—1902. М., 1902. Л. 65*

ISBN 978-5-907117-49-5

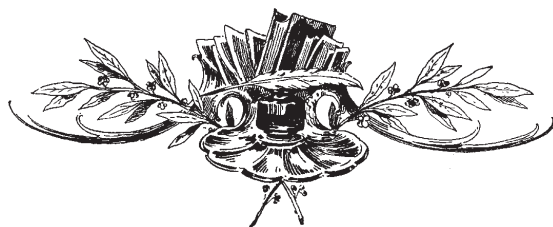

9 785907 117495 >

© О. Б. Лебедева. Редакция тома 15, 2019
© Издательский Дом ЯСК, оригинал-макет, 2019

ПИСЬМА
1795—1817-х годов

1795

1.

Е. Д. Турчаниновой*20 ноября 1795 г. Кексгольм*

Милостивая государыня матушка Елизавета Дементьевна!

Я весьма рад, что узнал, что Вы, слава Богу, здоровы; что ж касается до меня, то и я также, по Его милости, здоров и весел. Здесь я со многими офицерами свел знакомство и много обязан их ласками¹. Всякую субботу я смотрю развод, за которым следую в крепость. В прошедшую субботу, шедши таким образом за разводом, на подъемном мосту ветром сорвало с меня шляпу и снесло прямо в воду, потому что крепость окружена водою, однако по дружбе одного из офицеров ее достали.

Еще скажу Вам, что я перевожу с немецкого² и учусь ружьем. В прочем, прося Вашего родительского благословения и целуя Ваши ручки, остаюсь навсегда Ваш послушный сын Васинька.

20 ноября
1795-го года
Кексгольм³

2.

Е. Д. Турчаниновой*20 декабря 1795 г. Кексгольм*

Милостивая государыня матушка Елизавета Дементьевна!

Имею честь Вас поздравить с праздником и желаю, чтоб Вы оный провели весело и здорово. О себе честь имею донести, что я, слава Богу, здоров. Недавно у нас был граф Суворов¹, которого встречали пушечною пальбою со всех бастионов крепости. Сегодня у нас маскарад, и я также пойду, ежели позволит Дмитрий Гаврилович². В прочем, желая всякого благополучия, остаюсь Ваш послушный сын Васинька.

1795-го года
декабря 20 дня³
Кексгольм

1796

3.

Е. Д. Турчаниновой

<Начало января (после 6-го) 1796 г. Кексгольм>

Милостивая государыня матушка Елизавета Дементьевна!

Имею честь Вас поздравить с наступившим новым годом¹ и желаю, чтоб Вы оный и множество таковых провели благополучно и здорово.

О себе честь имею донести, что я, слава Богу, здоров и весел. У нас здесь, правду сказать, очень весело; в Крещенье² была у нас Иордан³, куда ходили с образами, и была пушечная пальба, и солдаты палили из ружей⁴. В прочем, желая Вам всякого благополучия, остаюсь навсегда Ваш послушный сын Васинька.

1799

4.

Г. Р. Державину

Январь 1799 г. Москва

Милостивый государь!

Творения Ваши, может быть, столько ж делают чести России, сколько победы Румянцевых¹. Читая с восхищением «Фелицу», «Памятник герою», «Водопад» и проч., сколь часто обращаемся мы в мыслях к бессмертному творцу их и говорим: «Он россиянин, он наш соотечественник». Плененные редкими, неподражаемыми красотами оды Вашей «Бог», мы осмелились перевести ее на французский язык, и Вам на суд представляем перевод свой. Простите, милостивый государь, если грубая кисть копиистов обезобразила превосходную картину великого мастера. Чтобы удержать всю силу, всю возвышенность подлинника, надобно иметь великий дух Ваш, надобно иметь пламенное Ваше перо.

Именем всех своих товарищей мы просим Вас, милостивый государь, снисходительно принять сей плод трудов наших, уверяя, что мы почтем себя весьма счастливыми, если он удостоится благосклонного Вашего внимания.

С совершенным высокопочтением имеем честь быть Вашего превосходительства милостивого государя всепокорнейшие слуги

*Василий Жуковский.
Семен Родзянка*

Генваря дня 1799 года, Москва

5.

И. П. Тургеневу

17 февраля 1799 г. <Москва>

Милостивый государь!

Благосклонное участие, приемлемое Вами в образовании нашего ума и сердца, исполняет душу нашу живейшими чувствами признательности. Много, много видели мы опытов Вашей к себе любви; но вчерашнее милостивое посещение Ваше новозаведенного нашего общества пребудет для нас незабвенно. Мы и теперь еще видим ту нежность, ту заботливую о благе нашем почтительность, которую вчера читали на лице Вашем. Пролитые Вами слезы прямо, кажется, упали на наше сердце, размягчили его и приготовили к будущему произрастанию плодов мудрости и добродетели. Каждое слово Ваше отзывается еще в душе нашей и всегда будет для нас ненарушимым законом.

С тою лестною, ободрительною надеждою, что Вы, милостивый государь, и впредь не престанете быть нежным нашим попечителем, нашим Наставником, нашим Отцом; и впредь не престанете принимать участия в дружеских упражнениях Собрании благородных воспитанников¹ и подкреплять их, с тою надеждою мы смело вступаем в открытый пред нами путь и надеемся с бодростью совершить его. Между тем примите, милостивый государь, в воздаяние за те нежные попечения, кои Вы о нас прилагаете, примите чувства искренней нашей благодарности, с которою именем всех членов Собрании честь имеем быть,

Милостивый государь!

Вашего превосходительства

покорнейшие слуги

Василий Жуковский.

Семен Родзянка²

1799 года

17 февраля

1800

6.

А. Ф. Мерзлякову

22 августа 1800 г. <Москва>

Главная Соляная Контора — 1800, авгу<ста> 22

Это письмо будет ответом на твое. Хороший же ты часовщик, когда не умеешь перестроить этих проклятых часов, которые бьют в твоём сердце и унылым

своим стуком нагоняют на тебя тоску и горечь. Загляни в них хорошенько — нет ли какой порчи, не истерлось ли какое колесо, не порвалась ли какая цепочка или что другое — мало ли что случиться может? Поправь, перемени, и дело кончено. Ты скажешь: «Трудно, почти невозможно»; но я буду отвечать с Делилем:

C'est de difficultés que naissent les miracles*¹.

Так, брат, один Бог знает, что такое человек, эта вечная загадка, которую Природа задала ему и которую он с минуты рождения по самую минуту смерти разгадывает и разгадать не может.

Жизнь наша не иное что, как неразрывная тень желаний, смерть есть конец их и, может быть, — исполнение. Ты жалуешься на непостоянство сердца человеческого и вместе на свое, но скажи мне, что бы была жизнь наша без сих желаний или — что почти всё равно — надежд², которых господа Головоломы или философы называют суетами? Холодную, однообразную жизнью, лишенную всех прелестей и удовольствий, одним словом, *степью*, в которой глаза наши ничего не видят, ничего не встречают, кроме отдаленного безмолвного неба, которое сливается с горизонтом... *Espérer c'est jouir*^{**3}, говорит Delille, и я верю Делилию. Положим, что надежды часто нас обманывают, но другие надежды, может быть, также обманчивые, заступают их место и держат сердце наше, как говорят французы, *en suspens*⁴ et ce suspens-là est déjà jouissance^{**}. К тому же, надобно тебе сказать, *совершенное* наслаждение, по натуре человеческого сердца, не может быть чистым; оно смешано с некоторою неприятностью, и, можно сказать, исполнение всех наших желаний есть начало скуки и хладнокровия. Мы можем уподобиться мореплавателям, которых кормчий — надежда, которых попутный ветер — желание; если мы обманываемся, почетши отдаленное облачко желанною пристанью, то мы едем далее и — *опять надеемся*, что скоро увидим настоящую землю. Итак, мой милый, не бранись с собою за то, что ты беспрестанно желаешь нового и недоволен старым. Желание нового (а желать — почти то же, что надеяться) есть *Triebfeder*^{****} наших дел. Тот бедный человек, кто живет на свете без надежды; пускай будут они пустые; но они всё *надежды*, они всё *любезны и нежны*⁵.

NB. Я пишу всё это в гнилой конторе, на куче больших бухгалтерских книг, вокруг меня раздаются голоса толстопузых, запачканных и разряженных крючконоподьячих; перья скрипят, дребезжат в руках этих соляных анчоусов и оставляют чернильные следы на бумаге; вокруг меня хаос приказных; я — только

* Из трудностей рождаются чудеса (*франц.*).

** Надеяться — значит наслаждаться (*франц.*).

*** В *неопределенности*, и эта неопределенность есть уже наслаждение (*франц.*).

**** Движущая сила (*нем.*).

одна планета, которая, плавая над безобразною структурою мундирной сволочи, мыслит *au dessus du Vulgaire** и — пишет к тебе письмо.

Итак, за старую песню.

Одним только матросам нельзя учиться на берегу управлять судном для того, что они — матросы. А нам, между нами будет сказано, философам, это не запрещается; кто из спокойной пристани увидит разбившуюся лодку о подводный камень, тот не направит туда *своего* судна; ветрами не совладеешь тогда, когда они бунтуют; поздно ставить громовой отвод тогда, когда гром ударил и зажег твою хижину. Учись в тишине души управлять душою и заранее предусматривай бури; опыты только поддерживают теорию; когда я с образованным сердцем войду в хаос света, то не нужен Эгид Минервин⁶ для прикрытия его от стрел Купидоновых. Должности диктует нам сердце, мир есть поприще, на котором мы их исправлять должны; как же ступить в это поприще, не имея посоха, которым бы подпереться было можно? — вот мое возражение на то, что ты написал в письме своем; если оно несправедливо, то посылай антирецензию⁷.

Картина твоей Природы прекрасна, стихотворна, только она слишком ветрена, твоя Природа⁸.

Нет, нет, друг мой, если жизнь наша только роза, только *блестящая* роза, то за что мне благодарить Природу?

А я благодарю ее, благодарю с трепещущим сердцем, с пылающею душою.

Я вот как толкую, или только изображаю дары Природы.

Я рождаюсь в свет, и в тихом веянии благодати низлетает ко мне добрая мать моя — Природа;⁹ в руке ее семя моей жизни* (*Эта картина родилась от твоей, только справедливее), вот, говорит она юнорожденному своему сыну, вот семя твоей жизни; вместе с тобою будет оно развиваться, возрастет и некогда обратится в дуб кудрявый. Если ты сбережешь юную, только расцветшую былинку, то распутившееся дерево будет благотворною тенью осенять цветущий луг и украшать леса и рощи. Если же мороз успеет охладить жизнь в расцветающем растении, то оно поблекнет, и ты, сын мой, увянешь вместе с ним.

Благодарю тебя, Природа, за материалы и дары твои, за эту любовь к добру, пылающую в моем сердце, которая есть твой голос и которая меня остерегает; если увянет оно, сие растение, порученное мне тобою, то не тебя обвинять буду, а лишь горестными слезами стану обливать поблекшую былинку, которую не умел сберечь и воспитать... Я, я один буду виновником; ты дала мне всё, и я из этого всего не умею извлечь своей пользы.

Роза не может быть эмблемою моей жизни; она благоухает только тогда, когда цветет под ясным небом; листья ее разлетаются от малейшего ветра — дуб же стоит и тогда, когда бунтуют бури и вихри; дуб стоит и тогда, когда зима

---

* Выше черни (*франц.*).

и дряхлость иссосали жизнь из его сердца. Странник, смотря на обнаженные его ветви, говорит: я наслаждался его тенью; он велик и после смерти.

Мысль твоя прекрасна — быть друзьями, друзьями людей и муз, учиться для того, чтобы знать цену дружбы и добродетели, чтобы делать общими силами добро. Так, друг мой, это прямая дорога к счастью; быть счастливым или добрым, а добрым и счастливым нельзя быть без отношения себя к Богу и обществу — вот моя религия, вот моя любовь к вечному отцу моему.

Воображение мое никогда не было воином, а меньше того, Дон-Кишотом, который мельницы принимал за великанов, а стадо овец — за войско неверных. Я там не вижу препятствий, где их ни видеть, ни превозмочь не намерен. Говоря языком православных русаков, скажу тебе: я *люблю* для того, что любить непременно должно, что это сродно моему сердцу; успехов в любви не надеюсь для того, что не могу, не ищу и не хочу получить их, и еще для того, что — подивись человеческому сердцу, — что они ослабили бы любовь мою. Вот ответ на мистический вопрос твой.

7.

Е. Д. Турчаниновой

<Вторая половина 1800 г. (не ранее июня). Москва>

Милостивая государыня матушка
Елизавета Дементьевна!

Григорий приготовил деньги за себя, только дело остановилось за тем, что он не знает, куда он приписан по подушному окладу и каким образом нам укреплен; итак, извольте потрудиться об этом осведомиться и поскорее ко мне прислать¹. Да не худо бы было, когда б Вы попросили Михайлу Ивановича², чтоб он сделал одолжение написать черную отпускную, ибо я хотя и пустился в статские скрипонеры³, но ничего такого писать не умею, за что я ему отвешу земной поклон. Григорий не может теперь дать более 625 рублей, а других 25-ти просит подождать, ибо теперь их у него нет и — так как и Бог кающихся прощает, — я чистосердечно признаюсь, что из вышереченных 625 взял 25. — На что? — Вы спросите. — На книги, отвечаю я, и уже вижу, что Вы сердитесь. — Но Вы, конечно, меня в том простите; я уверен в этом совершенно, ибо учивши меня столько времени тому-сему, Вы не захотите, чтобы я это забыл, и все деньги, которые Вы за меня платили в пансион, были бы брошены понапрасну.

Итак, как бы то ни было, Вы, конечно, простите меня за то, что из 625 рублей взял я 25 на *нужные* книги⁴.

С этою сладостною надеждою остаюсь с истинным почтением и *преданностью*, милостивая государыня матушка, Ваш послушнейший сын... Хорош

послушный! скажете Вы: 25 рублей взял! На это отвечаю еще громче — препослушный сын В. Жуковский.

1801

8.

Д. Н. Блудову

<Середина ноября (после 12-го) 1801. Москва>*

Мой добрый и любезный друг, извини меня, что я так мало к тебе пишу. Это физическая для меня невозможность написать два письма вдруг; а мне должно написать к тебе попространнее. Теперь я расположил свою корреспонденцию так, что ты, Анд<рей> Ив<анович>¹ и Родзянка² будете получать мои письма каждый через две почты; а теперь хотя бы пожелал написать к тебе, но я крайне не в духе, по крайней мере, что-то не пишется. Прости, друг любезный, будь уверен, что я тебя так же люблю и помню. Скажи от меня то же Родзянке, не забудь; получил ли он мое письмо, в котором я послал ему *The traveller*, Гольдсмитову поэму³.

Попроси его мне отвечать на это письмо.

Adieu, adieu.

Отдай мое письмо Андрею Ивановичу! Ты знаешь ведь, где он остановился⁴.

1802

9.

А. М. Соковниной

<Первая половина 1802 г. Москва>

Покорно благодарю Вас за коврижку.

Она не только прекрасна, но бесподобна, несравненна, потому что от Вас!

Я ел ее с такою приятностью, с таким восхищением, что не увидел, как съел; так всё скоро проходит в свете; одно только не пройдет вечно, и то не в свете, а во мне... Кат<ерина> Мих<айловна>¹ в своем письме пишет ко мне, что *хорошо радоваться любовью других, если своего предмета нет*, — а я хотя и имею предмет, милый, достойный любви, но не радоваться, а плакать должен. Пожалейте обо мне. Вы так жалостливы и — безжалостны!

Прочтите еще раз для памяти песню «Филлида, я любим тобою!», а после нее «Послание к жестокой»². Эти две пьесы неразлучны! Но Вы, я думаю, о них и позабыли! — Бог Вам судья!

1803

10.

Е. А. Протасовой

21 апреля <1803. Москва>

Скажу о себе, что я, может быть, месяцем позже Вас увижу; я еду на месяц в Свирлово жить вместе с Николаем Михайловичем. Вообразите, какое блаженство, и порадитесь вместе со мною. Его знакомство для меня — счастье, и, верно, мой добрый дух сказал Вам, чтобы Вы послали меня с письмом к нему: без того я бы к нему от своей глубокой застенчивости не поехал. Видите, что всё истинно для меня доброе получаю я от Вас. Простите, еще раз целую Ваши ручки. Матушка Вам свидетельствует свое почтение. Посылаю Вам книжку «Les prières d'Eckartshausen»¹: это мой подарок, который, конечно, будет Вам приятен.

11.

И. П. Тургеневу

11 августа <1803 г. Белев>

11 августа

Милостивый государь Иван Петрович!

Я имел счастье получить Ваше драгоценное, утешительное и вместе горестное письмо; Вы можете вообразить себе мою благодарность. Мне лестно и усладительно видеть, что Вы разделяете со мною чувства души своей и находите в этом некоторую отраду. Чувствую цену Вашей милости. Осмелюсь сказать, что воспоминание о незабвенном нашем А<ндрее> И<вановиче> и любовь к его милому праху должны соединить нас теснее, несмотря на расстояние, которое разлучает нас. Я, любя Вас лично, как добродетельного человека, которого пример почитаю благодеянием, буду еще больше любить в Вас отца моего истинного друга, которому я не имел времени и случая доказать, как он мне был дорог и любезен. Вот что еще более усиливает мою горесть. Я всё думал о будущем и надеялся опытов. Но как обманчива надежда! И со всем тем человек не перестает надеяться. Как я несчастлив, что не мог быть при нем в минуту смерти. Но он умер не один, он умер на руках П<аисия> С<ергеевича>¹, которому завидую от всего сердца. По крайней мере, утешаюсь внутренним чувством своим, которое говорит мне, что я не оставил бы его в эту минуту, не побоялся ужасной прилипчивой болезни и пожертвовал бы жизнью для последнего долга дружбы, для утешения умирающего, единствен-

ного друга своего. Может быть, темное, отдаленное воспоминание о тех, которые оставались плакать по нем в этом мире, приходило оживлять его в некоторые минуты, свободные от физического страдания! Может быть, он желал нас видеть и воображал всех тех, которые будут несчастны, потеряв его! Но кого не утешит в самых страданиях вид И<вана> Вл<адимировича>!² Он, конечно, облегчил тягость разлуки его с жизнью! Он усладил его надеждою на бессмертие, на скорое свидание с теми, которых он любил в этом мире! Как такие утешения должны быть действительны при конце жизни! Прошу Бога, чтобы не допустил мне умереть одному, посреди людей нечувствительных! Смерть сама по себе ничего, но обстоятельства смерти могут быть ужасны. Ах, почтенный человек, как понять, что такое смерть? Мертвые не говорят; а те, которые оплакивают их, видят одни развалины, ничтожество целого. Верю, что я, то есть состав мой, не исчезнет. Стихии разделятся, приобщатся к стихиям; но где тот образ, то явление, которые происходили от союза стихий? Части разрушенного инструмента целы; но где гармония, где прелестные звуки, которые восхищали меня? Но в природе нет ничтожества. Смерть есть изменение. Творение умирает, перестает действовать только тогда, когда сила, которая двигала его органами, перестает производить сие движение. Если мы составлены из стихий, то почему не назвать души стихиею же, несравненно тонкою, первородною, притекающею от первоначальной стихии, которая оживляет всё творение, от Бога? Грубые стихии отделятся, возвратятся к своим источникам, душа к своему источнику. Фенелон называет Бога *étendue sans bornes, dans laquelle toutes les étendues bornées existent et se concentrent*^{*3}. *Пространством бесконечный*⁴. Но если душа, как духовный атом, отделенный от души всемирной, объемлющей всё своею беспредельностью, должна к ней приобщиться и в нее *кануть*, как в океан капля, то какая утешительная мысль о будущем свидании может оживлять человека, разлученного смертью со своими любезными? Мы можем желать и надеяться только таких радостей, которые воображать можем; только тот образ, под которым мы здесь были счастливы, может пленять нас в будущей жизни. Ожидая будущего свидания с друзьями, мы желали бы сохранить те чувства к ним, которые имела душа наша в сей жизни. Но душа наша, приобщившись к началу своему, должна необходимо измениться, получить новый образ чувств и мыслей. Где же будут сии наслаждения, которыми были бы мы счастливы в сей жизни? Составляя часть необъятного целого, мы будем чувствовать и наслаждаться только в отношении к этому целому, и я понимаю, что это наслаждение будет чище и выше. Но где же будут наслаждения частные, которые были принадлежностями нашего *особенного* бытия, о которых мы здесь

---

* Безграничным пространством, в котором существуют и сосредоточиваются все ограниченные пространства (*франц.*).

имеем идею и которых одних желать и надеяться можем, потому что уже их испытали? Если душа моя не разрушится с бранным телом, то для чего не блаженствовать ей в кругу отделенном, не почитать сего верховного блаженства своею собственностью, деля его с теми, которые были ей здесь любезны, с которыми она соединилась навеки и никогда не разлучится? Может быть, я сам себе противоречу! Если наслаждения будут выше и благороднее, то должно ли сожалеть о тех, которые имели мы в сем мире? Как бы то ни было, доверенность к Провидению! как говорит Карамзин⁵ и как должен говорить всякий добрый человек. Если есть Бог, то есть и душа, вечная, бессмертная. А как не быть Богу! Мы ограничим Его свойства, если скажем, что Он создал нас для того, чтобы мы обратились в ничто: мы назовем Его тогда только творящим и всеильным Существом и отнимем от Него любовь и благость. Он тиран, если пустил нас в мир для страдания или *несовершенных* удовольствий, давши нам волю и понятия, которые влекут нас к *совершенному*, к высокому и благородному, и отнял у нас бессмертие, которое одно может удовлетворить нашим беспредельным желаниям и планам. Что еще больше заставляет думать, что души наши будут иметь особенные круги действия в том мире, есть то, что не все они оставляют здешний мир с одинаким совершенством. Души Равальяка и Генриха⁶ не могут составлять вместе одного целого. Они будут в течение всей вечности в одинаком расстоянии одна от другой, будут беспрестанно подходить к совершенству, но так, что дух Равальяка, очищенный и возвышенный, всегда будет столькими ж степенями ниже Генрихова, сколькими был он ниже здесь, в этом мире. И в сем отношении можно принять вечное наказание, впрочем, несообразное с понятием о Творце милосердом и всемогущем. Такое наказание есть в порядке вещей и должно быть твердейшим и неизменяемым законом в творении. Довольно! Пусть будет то, что должно быть! Наше дело: быть добрыми в сей жизни. Смерть решит все сомнения. Вообразите же, что для нашего А<ндрея> И<вановича> всё решилось! Для чего, скажу я вместе с Вами, запрещено мертвым сообщаться с живыми; для чего их могилы закрыты и безмолвны? Ах, они видят нас, окружают нас, трогаются нашим несчастьем, и эта одна мысль должна бы была удерживать нас и отвращать от зла... Но человек есть слабость, страдательное, бессильное творение!

Как мне приятно и улаждительно говорить и думать с Вами. Перечитываю письмо и нахожу, что оно беспорядочно. Вы меня простите. Я говорил, не приговариваясь, так, как лилось из души моей, не думая о слоге и порядке.

Осмеливаюсь напомнить Вам, милостивый государь Иван Петрович, о моей просьбе переписать письма и другие интересные бумаги покойника. Этот подарок был бы для меня самым лучшим, какого только я желать могу. Позвольте Вам открыть план мой, которого исполнение зависит от воли Вашей. Позвольте мне сделать выбор из писем А<ндрея> И<вановича>, в которых так

видна душа его, благородная и необыкновенная, и быть их издателем⁷. Это будет лучшим ему памятником. Письма эти суть всё, что нам осталось от человека единственного, который мог бы быть украшением своего отечества. Напечатав их, докажу ему, что память его мне драгоценна. Я пожертвую на это издание несколькими деньгами, приобретенными моими трудами; употреблю всё, что могу, чтобы сделать его достойным моего незабвенного друга. Ах, я не таким образом надеялся доказать ему свою дружбу! Что ж делать! Недавно, перечитывая стихи свои на «Марьину рощу»⁸, которые начал было я сочинять в Свирлове⁹, я прочел в них с некоторым трепетом след<ующие> два стиха:

Что ждет меня в дали на жизненном пути?
Что мне назначено таинственной судьбою?

Ах, судьба очень скоро отвечала мне на этот вопрос! Смелые люди почитают отдаленным то, чего не видят; но как оно бывает от них близко! Сия скрытность есть одно из первейших благодеяний Провидения: если б несчастья приближались видимо, то сколько бы мы страдали, не будучи несчастными!

Я ожидаю и надеюсь Вашего позволения. Уверен, что Вы не станете помогать мне деньгами, нужными для напечатания. Позвольте, чтобы этот памятник был точно мой. Мы можем поставить другой на милый гроб его, который должен быть отличен от других гробов. Пускай отец и друзья своими руками положат камень на могилу своего незабвенного. В день суда он не воспрепятствует восстать ему. Мы можем заметить день его смерти, посвятить его во всё течение жизни своей какому-нибудь обряду, который бы напоминал нам любезнейшего человека и вместе соединял нас всех чувствами и во время разлуки нашей. 8-е июля¹⁰ все мы, где бы мы ни были, будем думать об нем и делать одно. Это его мысль. Он в одном письме ко мне предлагал членам Собрании назначить день, который бы всем посвящать воспоминанию о Собрании.

Итак, Вы позволите мне быть издателем его писем, которые посвящу Вам; Вы позволите приобщить мне к ним краткую историю жизни его: пускай все знают, кто он был и что он был для тех, которые были с ним связаны тесными узами. Вот памятник его достойный! А стихов моих¹¹ не должно печатать: я горд именем его друга, но такими ли стихами я должен почтить кончину его? Они писаны для меня и для Вас. Публика смотрит на стихи, а не на чувства. Она не поймет меня. Простите, милостивый государь; смею надеяться, что Вы скоро исполните мою просьбу и не откажете мне в своем позволении. Почтенному Максиму Ивановичу¹² мое истинное уверение в вечной дружбе.

Остаюсь с сердечною преданностью Вашим покорнейшим слугою

Жуковский

12.

Д. Н. Блудову

7 ноября 1803 г. <Белев>*

Ноября 7го 1803

Благодарен Блудову за его пантомиму¹. Я получил Телемака², *Esprit de l'Histoire*³ и *Le poème de la pitié*⁴, но не получил письма, которое, признаюсь, больше бы меня обрадовало. *Vous avez des torts envers moi, mon cher Bloudov. Vous m'avez manqué dans une occasion essentielle. Vous avez connu mon amitié pour le défunt A.*⁵, et pas un mot de consolation de votre part. Comme si vous étiez étranger à nous deux. Cette froideur est pénible. Je ne puis pas vous forcer à m'aimer, c'est votre affaire, ou pour mieux dire c'est l'affaire de votre cœur. Mais si je puis me fier à l'apparence, je vous crois mon ami, vous m'avez paru tel au moins. C'est votre devoir de me désabuser. Je veux tout ou rien. Point de milieu dans l'amitié. Ayez la bonté de m'écrire si vous n'avez point changé envers moi. Ce n'est pas votre silence qui m'a fait croire que vous n'êtes plus ce que vous étiez auparavant, mais c'est votre silence dans un temps où vos lettres m'étaient le plus nécessaires. Un homme qui était mon ami, qui, je puis le dire à vous, était trop nécessaire pour mon bonheur, vient de nous quitter, et des étrangers m'ont annoncé sa mort; vous qui l'avez vu dans ses derniers instants, vous gardez le silence comme un homme tout à fait indifférent: ce n'est pas agir en ami. Mais si vous avez manqué aux morts, soyez en bon accord avec les vivants, oublions tout. J'aime à croire que c'est votre légèreté ordinaire qui a fait tout cela, que vous n'avez point changé; soyons encore bons amis et pour longtemps, pour toujours. Répondez-moi au plus vite. J'adresse cette lettre à Boschniak ne sachant pas où l'adresser directement. Adieu. Je suis toujours à Belief⁶. Je bâtis une maison, je plante un jardin, et je ne fais rien.

Une commission que vous devez absolument prendre sur vous, c'est de savoir où sont les papiers et les lettres d'André Tu.⁷; chez qui sont ils restés: faites-moi le plaisir de me donner une notice courte sur cet objet. Envoyez-moi votre adresse et celle de Pierre Kaysarow.

P. S. Au nom de Dieu n'oubliez pas de me dire qu'est devenu Rodzianka⁸: je ne sais rien de son sort. Où est-il? Et comment est-il? Il est bien malheureux! Dieu donne que son état soit une maladie passagère. Il y a une sorte de fièvre brûlante dont la suite est que la tête se trouble pour quelque temps! Mais il me semble qu'il n'a pas eu de fièvre brûlante. Quel malheur pour lui! Ce n'était pas un homme ordinaire.

Écrivez-moi une fois chaque mois, je ferai la même chose et nous ne nous accuserons pas mutuellement de paraisse.

Ma lettre est un brouillon plupart. Mais j'espère que vous l'entendrez et me rassurerez pleinement sur votre compte.

Перевод:

Ноября 7го 1803

Благодарен Блудову за его пантомиму¹. Я получил Телемака², «Дух Истории»³ и «Поэму сострадания»⁴, но не получил письма, которое, признаюсь, больше бы меня обрадовало. Ты поступил плохо по отношению ко мне, мой дорогой Блудов. Ты проявил невнимательность при важнейшем обстоятельстве. Ты знал мою привязанность к покойному А<ндрею>⁵, и ни слова утешения с твоей стороны, как если бы ты был совсем чужим нам обоим. Эта холодность мучительна. Я не могу заставлять любить меня, это твое дело или, лучше сказать, дело твоего сердца. Но если я могу полагаться на свое впечатление, я верю, что ты мне друг, по крайней мере, ты мне казался другом. Теперь твое дело меня разубедить. Мне нужно всё или ничего. В дружбе не бывает середины. Будь добр написать, если ты не переменялся в отношении ко мне. Дело не в твоём молчании, не оно заставило меня поверить, что ты не тот, что прежде, но дело в твоём молчании в то время, когда твои письма мне были более всего необходимы. Человек, который был мне другом, который, могу тебе сказать, был очень необходим для моего счастья, покинул нас, и я узнал о его смерти от чужих. Ты, кто видел его в последние минуты его жизни, ты молчишь, как человек, совершенно безразличный: это не по-дружески. Но если ты изменил долгу перед умершими, будь в гармонии хотя бы с живыми, забудем всё. Очень хочу верить, что всему причина — твое обычное легкомыслие, что ты не изменился; будем же добрыми друзьями надолго, навсегда. Ответь мне поскорее. Посылаю это письмо Бошняку, не зная, куда его посылать непосредственно. Прощай. Я по-прежнему в Белеве⁶. Строю дом, засаживаю сад и ничего не делаю.

Поручение, которое ты должен непременно взять на себя: нужно узнать, куда делись бумаги и письма Андрея Т<ургенева>⁷; у кого они остались; сделай одолжение, извести меня по этому поводу. Отправь мне свой адрес и адрес Петра Кайсарова.

P. S. Ради Бога, не забудь мне сказать, что случилось с Родзянкой⁸: мне ничего не известно о его судьбе. Где он? Как его дела? Он очень несчастлив! Дай Бог, что его состояние всего лишь какая-то кратковременная болезнь. Есть что-то вроде сильной лихорадки, в результате которой в голове мутнеет на некоторое время. Но мне кажется, что у него не было жгучей лихорадки. Какое несчастье для него! Он всегда был незаурядным человеком.

Пиши мне раз в месяц, и я буду делать то же самое, и мы не будем обвинять друг друга в лени.

Мое письмо по большей части — набросок. Но я надеюсь, что ты его услышишь и успокоишь меня на свой счет.

1804

13.

Д. Н. Блудову

21 января 1804 г. <Белев>*

21 Janvier 1804

Bonjour, mon cher et très cher Bloudov; beaucoup de remerciement pour votre lettre, qui m'a totalement rassuré sur votre compte: soyons amis derechef ou pour mieux m'exprimer continuons d'être amis, comme nous avons toujours été, car une étourderie peut-elle ou doit-elle produire une méprise. Votre main, mon cher, et ne m'oubliez jamais, ни в грозу, ни в ясную погоду. Notre amitié doit être le symbole de l'existence, mon cher, et qui s'est trop rapidement enfuie de notre défunt ami¹. Est-ce que vous allez souvent sur sa tombe? Non, pourquoi ces cérémonies; allez-y quand votre cœur en sentira le besoin! Il faut abhorrer la sentimentalité, mais il faut alimenter sa sensibilité, car sans elle le monde, la vie même ne sont qu'un néant.

Mon cher ami, jetez sur sa tombe quelques fleurs de ma part² — je vous écris cela, étant sûr que vous ne vous méprenez point sur mes sentiments, ils ne peuvent être risibles que quand on en fait parade; jamais je ne parle de lui avec personne; cette matière est sacrée; elle n'est que pour ceux qui en sentent le prix.

Que vous dirai-je de mon existence! Elle coule, il faut qu'elle s'abandonne à sa pente! Je suis toujours le même! toujours j'élève des édifices sur le sable! Rien de réel, tout est imaginaire! Mais cela doit être nouveau pour vous — (déjà en six mois nous ne nous sommes écrit que deux fois, vive la paresse!).

C'est que je bâtis, et même j'ai commencé à bâtir une maison à Belef, une maison propre, jolie, le site charmant — une maison pour les muses, la philosophie, la solitude et la rêverie — je n'ajoute pas pour la mine car cela s'entend. Cette maison sera située sur une hauteur; en bas coule l'Oka; son autre bord une immense plaine <нрзб.>, qui est rayée de chemins et au loin parsemée de vergers, de villages, de collines, le soleil levant me fera toujours sa première visite. Devant la maison, sur le penchant de la montagne, j'espère planter un jardin à l'anglaise petit mais délicieux, comme cela doit être. Dans cette retraite, mon cher ami, je dirai, invisible, mais peut-être content de mon sort j'espère que vous viendrez me visiter quelquefois, ou si la mort m'est aussi réservée avant le bonheur, vous jetterez quelques soupirs à ma mémoire. Toutes les idées mélancoliques me charment, l'homme qui a quelque chose de plus dans son âme que celui qui est perdu dans la <нрзб.> du vulgaire, aime à s'abandonner à la tristesse, l'âme met en mouvement son réalisme intellectuel: il me semble que le bonheur continu, sans aucune diversion deviendrait à la fin insipide; la mélancolie est une ressource contre une insipidité.

Pour mes créations littéraires, je vous dirai que j'ai commencé quelque chose, je ne sais si je finirai: c'est un conte, tiré de l'histoire Russe, ou pour m'exprimer avec plus de vérité de mon imagination, le titre: *Вадим*, pas moins. Son commencement est déjà imprimé; vous le lirez dans le dernier numéro du *Courrier de l'Europe*, qui va bientôt paraître³. De l'indulgence, mon cher! Je n'ai fait imprimer le commencement que pour fixer l'attention du public; le tout sera critiqué, jugé, rejugé par mes amis sans miséricorde, mais ce ne sera que le tout car je crains d'être découragé à l'entrée de la carrière.

Pour à présent, adieu. Vous me devez une lettre bien longue et bien détaillée sur vos occupations; sur les théâtres et sur vos amours. Si vous voyez, mon cher, Боккаревич⁴, dites-lui de ma part que je l'aime, que je le révère et que jamais, jamais je n'oublierai ce que je lui dois. Dites cela, je crains qu'il ne me croie, ou ingrat, ou trop volage, mais je ne suis ni l'un ni l'autre, je ne suis que paresseux, défaut que vous pardonneriez, j'espère, sans aucune difficulté. Faisons un accord, touchant la paresse, écrivons-nous une fois chaque mois, cela ne nous incommodera point en aucune manière. Je prends pour moi le 30 de chaque mois et vous prenez le 15 et c'est fini. Adieu. Comment vont vos affaires avec Мелпомène et Thalie.

Перевод:

21 января 1804

Здравствуй, мой дорогой и дражайший Блудов; благодарю за твое письмо, которое меня совершенно успокоило на твой счет: будем снова друзьями или, выражаясь точнее, продолжим быть друзьями, как мы и были ими всегда, потому что забывчивость может или должна привести к недоразумению. Твою руку, дорогой, и не забывай меня никогда — ни в грозу, ни в ясную погоду. Наша дружба должна быть, милый мой, символом бытия, которое слишком быстро ушло от нашего покойного друга¹. Часто ли ты ходишь на его могилу? Нет, к чему эти церемонии; иди туда тогда, когда твое сердце будет испытывать в том нужду! Нужно ненавидеть сентиментальность, но нужно питать свою чувствительность, потому что без нее мир, даже жизнь, есть лишь небытие.

Дорогой мой, принеси на его могилу несколько цветов и от меня² — я тебе это пишу, будучи уверен, что ты правильно понимаешь мои чувства, они могут показаться смешными лишь тогда, когда их выставляют напоказ; никогда ни с кем не говорю я о нем; эта тема священна; она только для тех, кто чувствует ей цену.

Что сказать тебе о моей жизни! Она течет, нужно, чтобы она предалась своему течению! Я всё тот же! Всё так же строю замки на песке! Ничего действительного, всё мнимое! Но это должно быть для тебя новостью (ведь в течение полугода мы лишь два раза писали друг другу; да здравствует лень!).

Дело в том, что я строюсь, и даже начал строить дом в Белеве, дом опрятный, красивый; очаровательная местность — дом для муз, философии, одиночества и меч-

таний — я не говорю для настроения, это само собой разумеется. Этот дом будет расположен на возвышенности; внизу течет Ока; ее другой берег является необъятной равниной, изрезанной дорогами и усеянной вдали садами, селами, холмами; восходящее солнце всегда будет наносить мне свой первый визит. Перед домом, на склоне горы, я надеюсь разбить сад на английский манер, маленький, но прелестный, как и должно быть. В этом уединении, дорогой друг, я надеюсь, меня, невидимого, но, может быть, довольного судьбой, ты будешь иногда навещать или, если смерть мне уготована ранее счастья, ты вздохнешь несколько раз в память обо мне. Грустные мысли меня очаровывают; человек, у которого есть нечто большее в душе, чем у того, который погряз в заурядности, любит предаваться унынию, которое приводит в движение его душу: мне кажется, что непрерывное счастье, безо всякого разнообразия, может стать в итоге скучным: грусть есть средство от скуки.

Что до моих литературных творений, я тебе скажу, что я начал кое-что, но не знаю, закончу ли: это рассказ, взятый из русской истории, или, точнее выражаясь, из моего воображения, название «Вадим», не меньше. Его начало уже напечатано; ты прочтешь его в последнем номере «Вестника Европы», который скоро появится³. Снисхождения, милый мой! Я напечатал только лишь затем, чтобы привлечь внимание публики; целое будут немилосердно критиковать, судить и вновь судить мои друзья, но только когда это будет целое, потому что я боюсь потерять всякую надежду в начале карьеры.

А теперь, прощай! Ты мне должен написать очень длинное и обстоятельное письмо о твоих занятиях; о театрах и своих любовных делах. Если ты увидишь Баккаревича⁴, скажи ему от меня, что я его люблю и почитаю и что никогда, никогда я не забуду, чем ему обязан. Скажи это, ибо я боюсь, как бы он не посчитал меня неблагодарным или слишком ветреным, но я ни то ни другое; я всего лишь лентяй; недостаток, который ты, я надеюсь, с легкостью простишь. Уговоримся касательно лености; будем писать друг другу раз в месяц, это нас ни в коей мере не стеснит. На себя я беру 30 число каждого месяца, а ты бери 15, и дело с концом. Прощай. Как твои дела с Мельпоменой и Талией?

14.

Д. Н. Блудову

<Начало августа 1804 г. Белев>*

Здравствуй, Блудов!

«Энеида», переведенная господином Яковом Делилем¹, объявила мне, что ты еще жив и обо мне помнишь. Известие очень приятное для твоего друга; жаль, что «Энеида» приехала ко мне без письма, которое, право, было бы для меня приятнее! Но я не имел права требовать от тебя писем! Другое дело дружба; тебе легче быть моим другом, нежели писать ко мне. Это натурально изведено мною по опыту. Но, жестокий человек, ты мог бы устыдить меня своим великодушием и писать ко мне чаще? Что я говорю *чаще*? Просто писать, потому что ты ни ча-

сто, ни редко ко мне не пишешь. Итак, мне остается только благодарить тебя за одну «Энеиду», по несчастью, безмолвную и, как мне кажется, не совсем удачно переведенную. Делиль старится и только *пишет* стихи, а не *творит* их. Нет силы и величественности в стихах его «Энеиды»: беспрестанно себя повторяет, и мало разнообразия, чувствительная монотония!

Не сердись на меня за мое педанство: я прочел один раз и без отменного внимания «Энеиду»², может быть, вторичное чтение откроет мне глаза, но теперь не нахожу того в стихах Делиля, что прежде находил в них. Скажи мне, ты не переменялся ли так же, как и стихи Делилевы? Не сердись за этот вопрос, ты имеешь такое же право спрашивать у меня об этом, какое я имею; но, правду сказать, ты имеешь больше материи писать ко мне, нежели я к тебе, ты больше видишь — я всегда окружен одними и теми же предметами и для тебя совсем неинтересными. Для тебя искусства *открывают все свои сокровища*; ты мог бы писать ко мне о театрах, о людях, которых видишь в обществах, разве ты не философ, не наблюдатель, не литератор? Я здесь один-одинехонек, затеял строить дом³, и надобно тебе сказать, что строить дом и жить в доме — не одно и то же: первое крайне неприятно, следственно, мои занятия были по большей части неприятны; даже и в себе самом редко нахожу утешение, часто узнается пустота в душе моей, рад бы спрыгнуть с земного шара, как говорит не помню, кто? Чем же бы я мог наполнить свои письма? Описанием тяжкого положения моего сердца: не стоит труда и чернил? Уверениями в моей дружбе? Ты в ней уверен и должен быть уверен. Больше нечем. Я еще ничего не сделал, не дал стихов, не дал прозы, для того, что по сие время не имел спокойного места и почти жил на своем строении. Впрочем, я скажу тебе, что я расположился, *quant au présent*^{*}, жить тихомолком, в своем белевском доме, *en cultivant ma tête et mon jardin*^{**}, с музами, если они благоволят нанять у меня квартиру; одним словом, *со книгой, с лирой, и наконец, с Темирой*⁴. Так, приятель, кто не поставил себе целью ни чинов, ни богатства, ни громкой славы, тот должен искать счастья около себя, в своем доме, в своем семействе. Буду готовить себя для этого счастливого состояния; чтобы им наслаждаться, надобно быть его достойным; или это будет одна маска счастья, условие, которое мог всякий человек исполнить, берется и не исполняется; обыкновенные супружества не иное что, как тяжелые и неисполнимые условия. Одним словом, хочу жить скромным литератором и, если можно, сделаться хоть немного человеком.

Я заметил, что во мне недостает многого множества, чтобы быть не последним во своей форме. Что делать, судьба и обстоятельства сделали таким, я оглянулся на себя только теперь и едва ли не поздно, всё уже основалось; я могу

---

* Что касается настоящего (франц.).

** Возделывая свою голову и свой сад (франц.).

только снять с себя некоторые наросты; кое-что прибавить или поправить, но главное сделано, переменить не можно. Знаешь ли, что мне мешает почти больше всего делать — по крайней мере, теперь — хорошее и славное? Лень⁵. Друг любезный, как вижу, это несчастье дано тебе и мне в большом изобилии; природа — или, за что винить ее, обстоятельства не поскупились! Если теперь себя не переменить, то едва ли что-нибудь из нас выйдет! И я признаю, не сделал ни одного шага к поправлению; но и то хорошо, что вижу беду и хочу помочь ей — помню об этом! Скажу тебе, что есть творение прекрасное, милое и несчастное...⁶ довольно; изъясняй это как хочешь, больше ничего не узнаешь от меня. Если бы ты был со мною, то, может быть, сказал бы что-нибудь. А Панина, эта милая, милая, комическая Панина⁷? Что она делает и что ты сам делаешь? Подумай, однако ж, что следующей зимою едва ли меня не увидишь в Петербурге! Иван Петрович Тургенев приедет к сыну, думаю, в декабре, и я с ним, по крайней мере так полагаю!⁸ Cela vaut quelque chose*; от тебя ожидаю инструкции об этом, что нужно видеть в Петербурге. А театры, а мадам Филлис!⁹ — желал бы съездить на несколько времени в Гёттинген¹⁰; один, без методы ничему не научишься, даже не получишь такой выгоды от чтения! И читать надобно учиться.

Прости, любезный, добрый друг, обрадуй меня ответом ради Бога, неужели ты ленив до такой степени? Прости, спешу приняться за перевод: я теперь за тремя переводами вдруг, скучно сидеть за одним: Руссо¹¹, Дон-Кихот¹², Essai sur les Éloges!¹³

А «Вадима»¹⁴ я бросил; мне все говорят, что он есть подражание «Марфы Посадницы»!¹⁵ Не хочу выходить на сцену подражателем, даже толковым.

1805

15.

Е. Д. Турчаниновой

<Конец марта — начало апреля (до 9-го) 1805 г. Петербург (?)>

Милостивая государыня матушка
Елизавета Дементьевна.

Честь имею Вас поздравить с Светлым Христовым Воскресением¹; желаю от всего сердца, чтобы Вы провели его весело, с приятностью и здорово. Скоро надеюсь я Вас увидеть². Чувствительно благодарю Вас за Ваше милостивое письмо, которое меня обрадовало; только я желал бы, чтобы Вы для себя, а не

---

* Это чего-нибудь да стоит (франц.).

для меня старались иметь что-нибудь и думали больше о своем спокойствии — сделайте милость, матушка, поздравьте от меня Петра Николаевича³ и детей с праздником и Катерину Афанасьевну⁴ — я спешу писать, чтобы поспеть на почту. Простите; с сердечным почтением и любовью,

милостивой государыни матушки
Ваш покорный сын

В. Ж.

16.

Д. Н. Блудову

<Май—июнь 1805 г. Белев>

Что, Блудов? Ты, мне кажется, всё так же ленив, как я! Что мне приятно! По крайней мере, могу всегда найти оправдание перед тобою! Скажи мне, однако же, о себе хотя полслова; мы только ленивы, а всё добрые друзья между собою. Хотя я и не совсем был доволен моею петербургскою жизнью, хотя и не то нашел в твоём обществе (а ты в моем), что бы найти было надобно и чего бы мог надеяться, но это сделалось; отчего, не знаю. Об этом поговорю после plus au long!* Мы с тобою по сию пору всё играли дружбою, а не были прямо друзьями; нечего запыраться! И это по большей части от тебя! Я всегда с теми людьми, с которыми обхожусь теснее, беру тот тон, который они берут со мною. Были минуты, которых я не помню, но которые были мною отменно приятно проведены с тобою, их немного, а я бы желал, чтобы их было побольше! Скажи мне, отчего это, и как можно сделать, чтобы это было не так! Вот вопрос, который ты должен решить в будущем твоём письме.

Теперь скажу тебе несколько слов об «Эдипе» Озерова¹, который, по определению судьбы, странствует где-то, но, конечно, будет возвращен своему господину. Вот как это случилось! Ты прислал его ко мне в Москву, когда я был в деревне. Тургенев, не Александр, но Николай, тотчас отправил его ко мне в Белев, но его не приняли на почте, а прислали ко мне только «Дунтерияду»² и «Mémoires de Mme Mesnil»³, с которыми он путешествовал от Петербурга до Москвы. Николай Тургенев оставил его на почте у одного своего знакомого, который дал ему слово прислать его ко мне. Между тем я приезжаю; спрашиваю об «Эдипе», сказывают, что он на почте; посылаю за ним. Этого человека, у которого он остался, нет; я через два дня после моего приезда в Москву уезжаю в Петербург, давши комиссию Николаю Тургеневу взять «Эдипа» у своего знакомого и отдать его Волхонскому⁴: я не мог сам этого сделать, потому что не успел, и надеялся, что всё это без меня, верно, сделается, и дал к Волхонскому за-

---

* Более подробно (франц.).

писку, в которой объяснил первое желание Озерова (я тогда не знал, что он хотел возвратить свою пиесу) в уверении, что пиеса, конечно, отдана Волхонскому, я сказал В<ладиславу> А<лександровичу>⁶, что ее отдал; но приезжаю в Москву и узнаю, что пиеса не взята, что этот человек, которому ее отдали, в Рязани, что он придет скоро и что пиеса, конечно, не пропадет. Между тем Тургеневы уехали в Липецк⁵; следовательно, «Эдип» не прежде возвратится как по их возвращении⁵. Скажи это всё Вл<адиславу> Алекс<андровичу> и скажи ему, ради Бога, что я ни в чем не виноват, что всему причиною этот фатализм, который сопряжен с жизнью Эдипа. Между тем другой список, который у Волхонского и в котором всего на всё пять ошибок, мною выправлен и оставлен у Волхонского. Роли выучены, следственно мне не для чего было брать его и отсылать назад к автору. Представление, однако ж, отложено до зимы⁷. Если ж Владиславу Александровичу непременно нужна эта копия, то пускай он напишет к Волхонскому и ее вытребует назад. Мне очень жаль, что всё это сделалось таким странным образом! Прости, любезный друг! Обнимаю тебя искренно! Твой портрет у меня есть, а твоя сестрица Новосильцова⁸ дура и сумасбродная! Пожалуйста, возьми у нее Лагарпа!⁹ Почему она дура и сумасбродная, это объясню после!

Я еду в будущем мае вояжировать¹⁰; год пробуду для ученья в Гёттингене; год, для ученья же, в Париже, и год или полтора буду ездить по Европе. Антонский дает мне три тысячи займы бессрочно и без процентов. Что если бы ты поехал вместе со мною! Подумай об этом. Неужели эта любовь, эта Фурия (!!!) тебя удержит. Мои товарищи Мерзляков и Бошняк¹¹. Как бы хорошо было, если бы ты был тут же. Жду твоего ответа!

17.

А. И. Тургеневу

31 августа <1805 г. Белев>

31 августа

Bonjour, ami!* Хочу написать к тебе несколько строк; сказать тебе, что ты очень дурно делаешь, не отвечая мне на мои письма; я не знаю, что ты, где ты, как всё делается вокруг тебя, то есть что твой батюшка и каковы твои обстоятельства. Сверх того, очень мне досадно то, что ты не подумаешь исполнить моей просьбы, то есть отыскать на почте трагедию «Эдипа», за которого, я думаю, что сочинитель бранит меня¹, и он имеет причину, хотя я не виноват ни в чем, а одолжен одной твоей ветрености этою неприятностью. Тебе бы надлежало постараться всё загладить, но ты об этом не думаешь; не стыдно ли, брат, не сделать такой безделицы!

* Здравствуй, друг! (франц.).

Податель этого письма отдаст тебе и урну². Она очень мала, но прекрасная и будет годиться, если поставить ее на столб, который надобно сделать гранитный, потому что такой крепче; при сем прилагаю и рисунок³. Сделай, брат, всё по моему плану: тебе предоставляю исполнение; этого для тебя должно быть довольно! Нас трое делает этот памятник. Знаешь, кто третий? Простая надпись «Здесь лежит... умерший... на году своей жизни» будет всего лучше. Если тебя это письмо не застанет в Москве, то оно будет доставлено Костогоровым⁴ вместе с урною. Отвечай мне, брат, пожалуйста. Я нынче больше чувствую цену твоей и некоторых других людей дружбы. Желал бы, чтобы мы с Андреем Сергеевичем⁵ были в теснейшей связи: он должен быть хороший человек; между нами не должно быть антипатии; я нашел у себя в письмах письмо его ко мне и Мерзлякову, очень дружное, а с тех пор мы с ним не ссорились, и не за что. Скажи ему это. Со временем всё будет сделано, и, надеюсь, всё будет хорошо сделано.

Я нынче, то есть в нынешнее лето, больше себя чувствовал и открыл в себе больше способности, или не знаю чего, быть человеком как надобно, то есть быть во всех отношениях тем, что должно; больше думал и чувствовал. Но для того, чтобы всё это во мне и, прибавлю, во всех нас созрело, надобно, чтобы мы были друзьями, чтобы всякий из нас, делая что-нибудь на сем свете, имел в виду тех людей, которые составляют для него *мир*, то есть тех, которых одобрения его оправдывают и ободряют; чтобы всякий из нас чувствовал, что он точно не *один*; иначе для чего быть и славным и добродетельным! — нет, это я не так сказал! — иначе скучно, трудно быть и славным и добродетельным! Как можно, должно стараться поддерживать в себе энтузиазм наш, которым мы в старину, в счастливое время нашего Собрания⁶, были оживлены гораздо более, по крайней мере вы прочие; я, напротив, чувствую, что теперь я как-то живее, больше думаю сам, больше вижу перед собою возможности сделать из себя что-нибудь хорошее. Это меня делает счастливым, по крайней мере часто счастливым; что ж если то, что думал, будет сделано! Для этого нужно иметь в дружбе подпору! Видишь ли, что я умом доказываю необходимость для нас дружбы, и признаюсь, больше умом, нежели чувством. Я сильнее это буду чувствовать только тогда, когда испытаю. Ты сам признаешься, что вся наша дружба, твоя, моя, Мерзлякова, Кайсарова, была основана на воображении; может быть, вояж больше дал тебе средств быть на *опыте* другом с А<ндреем> С<ергеевичем>, и ему тоже⁷. Тем лучше для вас. Ожидаю того же для себя и надеюсь. Будем друзьями, братцы; мы *сделаем* гораздо больше; но будем друзьями без ребячества, как должно. Я в себе чувствую больше силы быть мужем, потому что начинаю чаще размышлять. До сих пор я, кажется, томился в *женственности*, в бездействии. И теперь немного деятельности, но по крайней мере вижу необходимость быть выше, выше; для этого требую помощи от друзей моих. Братцы, вместе, вместе пойдем ко всему доброму! Это говорит вам не энтузиазм ребяческий и огненный, но холодное размышле-

ние. Еще, брат, хочу обратить внимание на религию. Она нужнее и действительнее простой, умственной философии; но только хочу; испытаю и увижу. Прости, брат! Отвечай мне, если не хочешь меня чувствительно оскорбить.

Это письмо писано к тебе и к Мерзлякову, моему *товарищу* (как много заключается под этим словом). Я пишу его с особенным чувством! Он мой товарищ, мы будем с ним образовываться вместе, всем вместе; лучшее и самое критическое время жизни моей пройдет с ним; отдай ему это письмо. Я не пишу к нему особенно потому, что всё равно, к тебе ли, к нему ли надпись на конверте: содержание для вас обоих. Скажи ему еще раз, что я имею право требовать от него ответа на письмо: я хочу знать, каково его положение, каковы его планы, всё, всё, что принадлежит до нашего с ним путешествия. Если бы я был взыскателен, то бы сказал ему и даже тебе, что вы меня слишком забыли, имея столько важных вещей, об которых я непременно должен знать. С моей стороны вы должны ожидать одного описания моих мыслей и чувств, следовательно, должны знать, что материя не разнообразна и не изобильная, и даже неинтересная, потому что я решил описывать то, что во мне происходит, и не всегда расположение отвечает случаю, то есть не всегда в почтовый час бываешь весел и хорошо расположен, чтобы описывать чувства свои и мысли как надобно, так, как бы хотелось. Во всё, что со мною случается, нет ничего для вас интересного, потому что все мои отношения вам неизвестны. Итак, видите ли, что я совершенно прав. Но вы виноваты: я еще не знал по сие число, что Мерзл<яков> магистр⁸, что ему прибавлено жалование; о приезде твоём из Липецка узнал от Сохацкого⁹; больше ничего не знаю. Исправьтесь, милостивые государи, друзья мои. Ожидаю от вас удовлетворительного письма¹⁰.

P. S. Между тем требую непременно, чтобы ты, Александр, исполнил мои комиссии. Они следующие: прислать все мои книги, которые у тебя, непременно; я терпеть не могу разрознивания в больших увражах. У тебя *Histoire de l'Amérique* 1 и 2 томы, *Weispielsammlung* 1-й том, *Catalogue de Laharpe* 1, *Mémoires de Lekain*¹¹. Пришли непременно и как можно похлопочи об этом. Если нет тебя в Москве, то Мерзляков должен исполнить все сии комиссии. Заставь Николая¹² съездить на почту, сам съезди и пр. и пр.

À propos de Nicolas^{*}. Я еще не благодарил твоего батюшку за его милость (доверенность с его стороны почитаю милостью). Скажи, что я буду самым верным и вернейшим товарищем Николаю, тем надежнее, что моим товарищем будет Мерзляков. В самом деле, это позволение ехать со мною Николаю и для меня собственно будет благодетельно; желая *его* пользы, буду себя, может быть, от многого удерживать и вообще буду осторожнее во всем. Не правда ли? Но я хотел написать несколько строк, а написал несколько страниц.

^{*} Кстати о Николае (*франц.*).

Вот рисунок: столб и камень гранитные; желал бы, чтобы каждое дерево имело свое собственное имя, то есть имя тех людей, которые больше были к нему¹³ привязаны. Разумеется, что первые должны быть посвящены батюшке и Ив<ану> В<ладимировичу>¹⁴. Делай как хочешь, впрочем; всё это зависит от одного тебя.

Мерзляков! Если Тургенев уехал в Петербург, отошли это письмо и урну к нему с Костогоровым. Будь хотя в этом случае, против своего обыкновения, деятельным, то есть не ленивым, для Жуковского.

Извините, братцы, что в письме моем такой беспорядок: я писал так, как говорил, а вы знаете, как я говорю.

18.

А. И. Тургеневу

<Вторая половина августа 1805. Белев>

Здравствуй, брат и друг; отчего не пишешь ко мне ни строки о возвращении вашем из Липецка, о здоровье батюшки¹, о самом себе и прочее? Стыдно. Я от других узнаю, что вы приехали. Что ты делаешь и отчего такая лень? Я не требую большого письма, а нескольких строк. Твое письмо из Липецка получил я очень поздно²; не писал на него ответа для того, что уже не думал, чтобы он застал вас в Липецке, и дожидался известия о твоём приезде в Москву.

О нашем путешествии³ вместе с Мерзляковым не говорю ничего: ты обо всем узнаешь от самого Мерзлякова; но очень радуюсь тому, что вместе с нами посылают Николая⁴. Мой план — год пробыть в Гёттингене, учиться; еще год в Париже, также учиться; потом год ездить по Европе; если ж обстоятельства не позволят, то всё время посвятить учению. Путешествие будет для меня важным делом, особенно если удастся поехать вместе с Мерзляковым. Возвратясь, посвящу себя совершенно литературе. Надобно сделаться человеком, надобно прожить не даром, с пользою, как можно лучше. Эта мысль меня оживляет, брат! Я нынче гораздо сильнее чувствую, что я не должен пресмыкаться в этой жизни; что должен возвысить свою душу и сделать всё, что могу для других. Мы можем быть полезны пером своим, не для всех, но для некоторых, кто захочет нас понять, но и кто может быть для всех полезен! А для себя будем полезны своим благородством, образованием души своей. Наше счастье в нас самих! Ах, брат, не надобно терять друг друга из виду, не надобно оставлять друг друга! Будем взаимно подавать друг другу помощь! Надобно быть людьми непременно! Я это чувствую! Мы живем не для одной этой жизни, я это имел счастье несколько раз чувствовать! Удостоимся этого великого счастья, которое ожидает нас в будущем, которому нельзя не быть, потому что оно неразлучно с бытием Бога!

Adieu!* Я радуюсь заранее тому, что сделает для меня путешествие! Все эти животворные идеи во мне усилятся! Мы будем вместе с Мерзляковым странствовать, всем пленяться и всем возвышать свою душу. Покажи это письмо ему. Я хотел писать к нему, но не стану: он должен поверить, что он в моих мыслях! Попроси его написать ко мне.

Что же моя трагедия «Эдип»?⁵ Если ты о ней не хлопотал и не хлопочешь, то, признаюсь, очень худо делаешь! Достань ее, ради Бога! Пришли, пожалуйста, мои книги: Histoire de l'Amérique, два тома⁶, Mémoires de Lekain⁷, Catalogue de Laharpe⁸, Beispielsammlung⁹.

19.

А. И. Тургеневу

11—16 сентября 1805 г. Белев

Сентября 11^е. 1805го. Белев

Благодарю тебя, мой любезный Александр, за твое письмо¹. Оно меня тронуло до слез; нет ничего приятнее мысли: есть добрый, прекрасный человек, для которого я очень много значу и который будет моим помощником во всем добром, во всем прекрасном и который удержит меня, если буду следовать какому-нибудь заблуждению, или ободрит, если что-нибудь приведет меня в уныние. Вот вещи, которые мне всего нужнее и которых, по несчастью, не имею. Иногда чувствую в себе какую-то необыкновенную живость, которая делает для меня свет прекрасным, и я воображаю в дали какую-то счастливую участь, которой ожидание волнует мою кровь. Иногда всё это исчезает; те же самые чувства, которые меня радовали, приводят меня в уныние, самое тягостное, свою вялость. Но теперь эти минуты вообще реже, гораздо реже. Мой ум получил какую-то особенную твердость: по крайней мере, во многие минуты был очень ясен и деятелен. Тем тяжелее минуты бездействия. Хотел бы всё пробыть в одинаковом живом положении, и огорчаешься вдвое, когда оно прекращается. Вот для чего желал бы иметь вас, братцы, с собою. Как прекрасно быть хорошим человеком в глазах друзей! Это я теперь очень чувствую! Напротив, в глазах тех людей, которые нас не понимают или имеют совсем другой образ чувств и мыслей, делаешься мертвым, сомневаешься в самом себе, теряешь свою свободу чувствовать и мыслить, теряешь самое желание быть деятельным, теряешь надежду, первую, единственную причину всякой деятельности. Вот для чего восхищаюсь необыкновенно вояжем: деятельность, свобода, разнообразие предметов, и друзья-свидетели моих чувств и мои наставники, мои помощники.

---

* Прощай! (*франц.*)

Какая прекрасная перспектива. Я буду очень несчастлив, если этот план не исполнится. *L'âme est un feu, qui s'éteint, s'il ne s'augmente**, сказал Вольтер². Моя душа не имела еще пищи, не пробуждалась, это верно; воспитание, или, лучше сказать, всё то, что было со мною со времени моего младенчества (потому что я не имел воспитания), вместо того, чтобы образовать ее и усилить, только что ее усыпило; я был один совершенно, то есть в кругу множества людей, которых имел с собою, был некоторым образом отделен от всех. Одним словом, прекрасно бы было всем нам жить вместе — я называю жить, не *дышать*, не *спать* и *есть*, но *действовать* и наслаждаться своею деятельностью; следовательно, эта деятельность должна вести к чему-нибудь высокому, иначе можно ли будет ею наслаждаться? Но я буду отвечать на твое письмо; отвечая, много скажу о самом себе, о моей цели и о том, что мы можем и должны сделать друг для друга.

16 сентября

Это письмо не было послано на почту: мне помешали писать, я должен был его оставить. Вообрази, какая досада! Иван Володимирович³ был в Белеве, и я его не видал; мне даже не сказали, что его ожидали, иначе я бы верно его увидел. Очень досадно! Скажи, как он приехал и каково батюшке от его приезда? Что у вас делается и прочее, об этом ты совсем ничего не пишешь и очень дурно делаешь! Буду отвечать на твое письмо и поговорю с тобою посерьезнее. Между тем пожюри за меня Мерзлякова; мне кажется, он не только что ленив писать ко мне, но даже, как видно, ленив обо мне и подумать; а я ведь должен быть его спутником!

Во-первых, я не думаю и не думал, чтобы мы холодели друг ко другу. Этого нет; а я сказал тебе в прошедшем моем письме, что мы вообще не были так тесно связаны, как бы мне этого хотелось. Это правда; может быть, этому причиною обстоятельства, которые нас так надолго разлучили; а разлука, согласишься сам, не усиливает дружбы, когда она не иное что, как простая связь, основанная на привычке быть вместе, сделанная обстоятельствами, приятная, но не такая необходимая, без которой бы нельзя было обойтись, которая бы составляла важную часть жизни (я разумею моральную жизнь)! Такой связи между нами не было, согласишься сам, даже и теперь нет, но будет, должна быть, в этом я уверен: надобно только увериться, что мы не простые друзья, не такие, которым только приятно встречаться, быть вместе, но такие, которым нужно быть друзьями, на которых дружба имеет то же влияние, которое должна иметь религия на всякую благородную душу, то есть самое благодетельное, святое, оживляющее, ободрительное. Нельзя сказать одним словом, мне тебе, тебе мне: я твой друг; мы должны вместе трудиться, действовать, чтобы после сделаться

---

* Душа — огонь, который угасает, если не разгорается (*франц.*).

достойными дружбы и, следовательно, быть друзьями. Дружба есть добродетель⁴, есть всё, только не в одном человеке, а в двух (много в трех или четырех, но чем больше, тем лучше). Если скажут обо мне: он истинный друг, тогда скажут другими словами: он добродетельный, благородный человек, оживленный *одним* огнем вместе с другим, который ему равен, который его поддерживает собою, а сам поддерживается им. Вот что значит дружба в моем смысле. Я не спрашиваю, друзья ли мы? На этот вопрос ни ты, ни я, ни Мерзляков, никто из нас не может ответить: *да!* Но как прекрасно соединиться для того, чтобы после быть друзьями, действовать для самих себя, потом наслаждаться своим собственным делом: жить друг для друга, говорить себе во всяком случае: я делаю не для себя одного, есть свидетели моих дел, которых не боюсь, но которые составляют для меня самое верховное судилище!

Видишь ли, что я говорю не так, как энтузиаст; что всё, мною сказанное, не мечта, но может и должно исполниться, потому что согласно с целью Провидения, которое всему велит совершенствоваться. Только те вещи могут не удаваться, которые зависят от случая или посторонних обстоятельств; но всё, что ни предлагаю, зависит от нас самих, неразлучно с нами — как этому не исполниться!

Я вам всем, тебе, Мерзлякову, Блудову, должен сказать откровенно, что не был никогда привязан к вам с отменною силою, так же как и вы все ко мне (лучше это видеть, нежели не видеть, потому что, увидевши, узнаешь причину и поправишь). Мы все сходились вместе *случайно*, с удовольствием; но, я не знаю, во мне не было этого внутреннего, влекущего чувства, которое бы я желал иметь, будучи вместе с моими друзьями, одним словом, чего-то не было такого, что всего вернее в дружбе — как это назвать, не знаю. Никого из вас, это разумеется, я не любил с такою *привязанностью*, как брата⁵, то есть, не будучи с ним вместе, я его воображал с сладким чувством, был к нему ближе; ему подавал руку с особенным, приятным чувством: я не знаю, как-то отменно весело было чувствовать его руку в моей руке; между нами было более сродства, по крайней мере с моей стороны. Но что делать! Даже при жизни его мы не были то, что бы могли быть; в то время, когда он был со мною, в нас было больше (то есть во мне) ребяческого энтузиазма; потом мы расстались, потом всё кончилось; одним словом, моя с ним дружба была только зародыш, но я потерял в ней то, чего не заменю или чего не возвращу никогда: он был бы моим руководцем, которому бы я готов был даже *покориться*; он бы оживлял меня своим энтузиазмом.

Но, братцы, мы можем быть друг для друга многим, очень многим, всем, со временем, разумеется, не вдруг! Для чего же и жить, как не для усовершенствования своего духа всем тем, что есть высокого и великого? Одному этого сделать почти не можно! Будем же друзьями, то есть верными товарищами на пути к добру! Дружба есть добродетель, еще раз повторяю!

Я забыл сказать о причине той *малой* привязанности (или, справедливее, *не довольно сильной*, малою нельзя ее назвать, потому что это будет неправда), которая была между нами. Я думаю, та причина, что вся наша дружба была не иное что, как ребячество, как простая связь, не на твердом основании, без всякой цели, а сделанная случаем, так же как и все светские дружбы и связи. Положим себе цель (какую знаешь), пойдем по ней вместе, не поперека друг другу, но помогая, но воспаляя друг друга при всяком случайном ослаблении! Тогда не одна склонность соединит нас, но *благодарность, почтение* взаимное и даже чувство необходимости в такой связи, которая должна привести нас наверно к счастью. Всё, что я к тебе теперь написал, всё сказано без особенного натянутого чувства, а просто, с некоторым твердым и очень приятным уверением. Чувства очень меняются, потому что всё на них имеет влияние: я говорю, такие чувства, которые ни на чем не основаны, а *вдруг*, на время, тебя воспаляют; но чувства спокойные, утвержденные умом, тверды и навсегда остаются, потому что, имевши их в спокойную, *обыкновенную* минуту, всегда можешь возобновить, не выходя из своего обыкновенного положения. Это я знаю по частому опыту. Очень нередко бывал я в отчаянии, не находя в себе того сильного чувства, которое в другое время имел; это только оттого, что это сильное чувство, неестественное, или, лучше сказать, необыкновенное, есть феномен, который не всегда возобновлять можешь свободно. Теперь *дурное расположение*, которое так часто прежде меня мучило, не имеет на меня влияния, я дерусь с ним умом и часто — *vive la raison!** — побеждаю его!

Но я исписал почти четыре страницы, а еще очень мало сказал о том, что думал прежде. Я заболтался, но, право, говорил то, что ты должен принять, и, кажется, всё, сказанное мною, навсегда во мне останется, тем больше, что я всё думал, всё говорил без моего прежнего энтузиазма, который так ветрен и переменчив. Из этого, однако ж, ты не должен заключать, что будто я хочу отказать совсем от энтузиазма; напротив, я хочу его усилить, укоренить, только ошибит ему несколько крылья, сделать его спокойнее, постояннее: хочу, чтобы он меня освещал, а не ослеплял. И это даже должна сделать дружба: *один* будешь не так смел, а то, что воспламенит и будет воспалять *многих в одно время*, то покажется не пустою мечтою, а чем-то рассудительным, основательным. Видишь ли, что я хочу быть энтузиастом по рассудку. — *C'est une rareté!***

Оставляю до другой почты, что я хотел сказать о самом себе, то есть о своем характере, о моей цели в жизни, вообще о моей *частной* жизни отдельно от нашей *общей*, которую должна нам дать дружба! Надобно об этом подумать еще, сверх того, я что-то устал; ведь не вдруг привыкнешь к продолжительному *раз-*

---

* Да здравствует разум! (*франц.*).

** Это редкость! (*франц.*).

мышлению. Эта наука труднее всякой, особливо когда человек прожил 23 года на сем свете, не подозревая, чтобы можно было находить приятность в *размышлении*. Это отчасти мой жребий, но я знаю этому причину, следовательно, перемену это с вашею помощью, милостивые государи, друзья мои! Это будет отныне моим обыкновенным припевом.

Хотел еще написать к тебе, но не буду! Некогда, опоздаю.

20.

Ф. Г. Вендриху

19 декабря <1805 г. Белев>

Благодарю Вас, любезный и почтенный Федор Григорьевич, за Ваше приятное письмо, которое меня очень обрадовало; позвольте уверить Вас, что я много ценю Вашу дружбу и желаю искренно, чтобы она укоренилась. Отвечаю Вам несколько поздно потому, что почта отсюда отходит, как мне сказывали, по одним только средам, а Ваше письмо получено мною в прошедший четверг, но прошу Вас верить, что для меня истинно приятно иметь с Вами хотя письменное сношение и что в продолжении нашей переписки я предвижу для себя великую выгоду: сообщение с таким человеком, как Вы, должно не только развивать понятия, но даже сообщать много новых: итак, мне позволено быть в этом случае эгоистом. Не знаю, разберете ли Вы мою руку; я, по несчастью, не имею жены, которая бы могла писать четко и прекрасно, и, сверх того, не надеюсь, чтобы мой русский слог Вам так понравился, как мне Ваш немецкий. Но дело идет не о слоге, пиши как разумеешь, материя, конечно, найдется; французская поговорка: *à bon entendeur demi-mot**, очень справедлива.

Начну ответом на Ваше письмо. Описание вояжа из Долбина в Орел очень меня повеселило. Я теперь твердо уверен, что мораль иногда бывает питательна не для одной души, а вместе и для желудка. Если бы Вы не сделали маленького морального наставления нашему приятелю Киреевскому¹ о средствах хорошо кормить своих гостей, то бы желудок Ваш не очень был доволен долбинским обедом. *Vive la philosophie morale! Vive son influence même sur la cuisine la plus delabrée. Je voudrais pourtant que la philosophie de notre ami Kireefsky fut un peu plus matérielle pour qu'il put boucher un peu les trous par lesquels le vent entre dans sa maison de Dolbino et fait que les honnêtes gents y ont les doigts gelés. Ce cynisme-là est un peu fort!*** Как бы то ни было, поздравляю Вас с счастливым воз-

---

* Умный понимает с полуслова (*франц.*).

** Да здравствует моральная философия! Да здравствует ее влияние даже на самую запущенную кухню! Я хотел бы, однако, чтобы философия нашего друга Киреевского была бы немножко более материальной, дабы он мог заделать отверстия в своем долбин-

вращением в свое семейство, которое для меня весьма интересно. Я воображаю Ваш уголок спокойным и веселым пристанищем добрых людей, которым знакомы музы, которые тем больше умеют наслаждаться удовольствиями жизни, чем лучше и справедливее умеют их ценить, я бы очень желал видеть Вас в середине Вашего семейства, которому прошу меня непременно рекомендовать, и, конечно, исполню это желание, если мне представится благоприятный случай. Между тем скажу Вам, что здесь все об Вас помнят. Madame Protasoff просит Вас верить, что она также не забудет никогда тех приятных минут, которые ей доставило короткое знакомство с Вами. Мария Андреевна благодарит Вас за песню и ноты, которые вытвердила и часто играет².

В благодарность за Ваше подробное описание путешествия в Орел скажу Вам слово о своих собственных занятиях. Я переселился в Белев, в свой дом; вся наша фамилия теперь живет у меня. Следовательно, я не могу пожаловаться, чтобы вокруг меня было пусто; скучать могу еще меньше, потому что принялся читать Виланда, Вашего приятеля³. Читаю «Агатона»⁴; удивительная книга! Я думаю, это лучшее его сочинение. Какой слог! Какое знание света и человеческого сердца! Как всё прекрасно описано: и афинские собрания! и уборная Данаи! и двор Дионисия! И какая философия! Я зачинал читать эту книгу прежде, давно, в французском переводе; признаюсь, тогда она мне наскучила: первое, потому что перевод был дурен и что почти невозможно хорошо перевести книгу, написанную таким единственно-прекрасным слогом, как «Агатон»; второе, потому что эта книга меньше роман, нежели философическое изображение человека; а тогда я не мог так любить *философическое*, как люблю теперь, и меньше мог понимать философию «Агатона». Трудно найти книгу столько полезную, как эта, для молодого человека с некоторою живостью в воображении. Я прочел только два первые тома, теперь начинаю третий, но по оглавлению, кажется, понимаю план и цель Виланда. Он представляет молодого энтузиаста добродетели во всех положениях жизни, он сличает его *вдохновенную философию* с *убийственной философию* светских развратников, эгоистов по правилам, одним словом, Гиппиасов. Это сличение имеет великую пользу. В свете обыкновенно смеются мечтам и чувствам пылких молодых людей; называют их понятия о божестве и добродетели химерами; и в самом деле, они химеры в большом свете, для которого они существуют и который всё привык обращать в смешное; но они не химеры для того человека, который заключает свое счастье меньше в грубой чувственности, нежели в наслаждениях духовных. Виланд хотел согласить сии две противоположности: *мечтательность*, которая разлучает человека с людьми и переселяет его в жилище духов, и грубую

ском доме, в котором гуляет ветер, замораживающий пальцы у порядочных людей. Это уж, пожалуй, слишком цинично! (*франц.*).

телесность, чувственность, которая слишком унижает человека и лишает его морального и первейшего достоинства, единственно отличающего его от скотов. Жить одними идеалами не годится, но не иметь совсем идеалов также не годится: середина есть то, что всякий человек с некоторым особенным образом чувства избирать должен. Я еще не дочитал «Агатона», но мне кажется, что Виланд при конце в виде Архитаса представил настоящего мудреца, истинного морального человека. Я бы желал, чтобы всякий молодой человек с пылкой, платонической душою пред своим вступлением в свет брал в руки «Агатона», прочитывал его несколько раз и приготавливал себя сим чтением к тем многочисленным, иногда трудным опытам, которые для всех нас, бедных грешников, приготовлены. Он бы научился не вверяться своей мечтательности (Schwärmerei), которая сама по себе вредна и опасна, но, будучи обуздана здравою опытною философиєю, может быть источником совершеннейшего земного счастья; в то же время он бы вооружился против обольстительной философии светских эгоистов, которых вся доктрина методически представлена Гиппиасом и самым лучшим образом опровергнута в продолжение всей истории Агатона; я думаю, что Архитас должен быть противоположностью Гиппиаса, и тем лучше, что его философия оставлена для конца: последнее впечатление всегда самое сильнейшее. Одним словом, «Агатон» — прекраснейшая книга в своем роде, я теперь начинаю почитать и прозу Виланда, несмотря на то, что он часто отдалается от материи. Главное достоинство его состоит в том, что он не дает уму заснуть и всегда возбуждает много мыслей... Но я, верно, Вам наскучил, говоря о таком предмете, который Вы, конечно, знаете лучше меня. Что нужды! Любовникам приятно говорить о своих любовницах, а охотникам до чтения — о тех книгах, которые они читают. Вы мне сами должны сообщить свое мнение о «Агатоне». Я бы желал, если бы не боялся Вас отяготить, чтобы Вы назначили мне все лучшие немецкие книги во всех родах литературы; немецкая литература мне мало знакома; но я, конечно, не имею нужды искать лучше Вас советника в выборе книг немецких. Между тем простите. Мое почтение всему Вашему любезному семейству. Присылайте свой перевод и не забывайте

Жуковского

19 декабря

1806

21.

А. И. Тургеневу

8 января <1806 г. Белев>

Генваря 8^е

Сейчас получил твое письмо¹ и сейчас на него отвечаю. Благодарю тебя, брат, любезный друг; ты меня душевно тронул; тронул тем, что мне захотел поверить свои чувства: это доказывает, что я тебе нужен и что ты точно хочешь любить меня. Признаюсь, я несколько боялся; думал почти, что я не совершенно важный человек для тебя, что тебе можно обойтись без меня. Тон твоего письма доказывает мне противное; он трогает меня душевно. Одним словом, нам надобно быть друзьями, товарищами в этой бедной жизни, в которой ничто не радует, по крайней мере не радует продолжительно; одна мысль всегда будет меня восхищать — мысль о таком человеке, как ты, которого дружба должна быть для меня светильником. Я чувствую, брат, что я стал несколько способнее против прежнего быть человеком, то есть не двуножным животным без перьев, но человеком в твоём смысле, несколько способнее для дружбы. Но что делать! Здесь я один; почти всё, что вокруг себя вижу, мне не отвечает, а мне нужна подпора. О! моя жизнь прошла не так, как бы должно было. Ты имел перед собою брата, батюшку — какие люди! но я вечно прозябал, почти один, хуже, нежели один, потому что не был оставлен, не был брошен, следовательно, не имел нужды действовать, мог спать умом и телом, и спал, и проснулся очень недавно, и по сию пору не умею владеть собою. Эта неподвижность, этот душевный паралич, который часто чувствую, приводит меня в отчаяние. Всякий раз, когда вспомню о брате², то живее чувствую цену его и потерю. Что бы он был для меня теперь! Кажется, мне теперь жаль его больше, нежели тогда, когда мы его лишились! Я теперь больше чувствую самого себя, больше знаю цену настоящую жизни и больше понимаю, для чего я живу. Дружба его, как она ни была коротка и как я ни был ничтожен в то время, когда его знал, оставила что-то неизгладимое в душе моей: весь энтузиазм к доброму, всё благородное, что имею, всё, всё лучшее во мне должно принадлежать ему. Мне кажется, всякий раз, когда об нем вспомню, стал бы на колена, для чего — не знаю; но какое-то особое чувство меня к этому побуждает. Ах, брат, нам надобно жить на свете не так, как живут обыкновенно, жить возвышенным образом; но я *один* ничего не сделаю; мне необходима подпора. Я найду ее в дружбе, и в твоей дружбе. Дай руку, но только дай ее от всего сердца и не ожидай найти ничего слишком отменного; я должен еще быть образован для дружбы; но, кажется мне, если не ошибаюсь,

теперь стал я зреее, несколько лучше. Нам надобно помогать друг другу, оживать друг друга делами и мыслями. Бывают такие минуты, в которые жизнь кажется чем-то пустым, в которые самое добро кажется ничтожным, ничего не хочешь, ничего не считаешь нужным и важным; такие состояния души часто очень долго продолжаются; надобно, чтобы какая-нибудь неожиданность их уничтожила, и в такие-то минуты всего нужнее дружеская подпора. По твоему письму заключаю, что ты во всё это время не был счастлив, страдал душевно; вообрази ж, что я почти завидую этому состоянию; душа твоя была по крайней мере не в бездействии. Я бы даже иногда желал, чтобы какое-нибудь потрясение меня разбудило, чтобы я мог с чем-нибудь бороться и, следовательно, напрягать все свои силы: либо пан, либо пропал! Всякое состояние имеет свою горечь. Излишнее спокойствие усыпляет, если оно не приобретено трудом, не есть отдых, а всегдашнее, постоянное состояние. Излишнее волнение изнуряет, следовательно, может быть также убийственно для души, которая, видя свою неспособность действовать, отказывается от деятельности и теряет бодрость. Мне кажется, ты был в последнем положении, а я часто бываю в первом. Иногда не вижу перед собою ничего, всё задернуто каким-то густым туманом, сидел бы поджавши руки и закрыв глаза, больше ничего! Но это состояние оттого так тягостно, что не можешь его не чувствовать, что видишь, как оно низко, и не находишь в себе довольно сил, чтобы из него вырваться; оно хуже самого ничтожества, которое по крайней мере не чувствительно.

Надобно, брат, и мне и тебе назначить себе постоянную цель; видя ее вдали, по крайней мере не будешь в нерешимости, будешь знать, чего хочешь, и следовательно будешь стараться получить. Если минуты расслабления и случатся, то, конечно, не будут так продолжительны: взгляд на будущее, на тот предмет, которой сам себе избрал, будет оживлять душу и возвращать ей прежнюю ее силу и бодрость.

Так, брат, я понимаю и иногда чувствую, что ничто так не возвышенно, как иметь твердую, постоянную уверенность в бессмертии: это единственная цель наша. Как должна быть велика, чиста, непобедима та душа, в которой чувство бессмертия всегда живо и всегда присутственно! Вот всё основание морали, и тот человек должен благословлять судьбу, кто смолоду напитан возвышенными понятиями о бессмертии: он не может не быть добродетельным, по крайней мере никогда не будет дурным. С этой стороны ты счастливец. А я? — Брат! Брат! — скажу тебе, как Карл Моор, который смотрит на ясное заходящее солнце и вспоминает о том, что он был прежде!³ Я не вспоминаю о прошедшем, потому что оно мало оставило на душе моей: но воображаю, кто бы я был, когда бы прошедшее было не таково, каково оно было! В прошедшем не вижу ничего, кроме нескольких часов, проведенных вместе с братом; и те прошли почти не приметно: я был не в состоянии ничем пользоваться и в самом деле ничем

не воспользовался! Наша дружба была зародыш, который совершенно увянул при своем начале; теперь ничего не воротишь! Воспользуемся тем, что можем иметь. Мы, кажется, двое много можем! По крайней мере, я вместе с тобою! Ты должен быть согревателем моей души, должен поддерживать во мне чувство бессмертия. Если оно укоренится в душе нашей, то жизнь наша пройдет не даром. Главное, единственное, что мы друг для друга делать можем, есть взаимное старание возвышать нашу душу; всё прочее само собою сделается. Кто дал себе высокие чувства, тот дал себе всё. В свете должен казаться странным тот человек, который имеет своею целью бессмертие, совершенство; но нашей цели не должен никто ни знать, ни видеть: она должна быть сокритою; взгляд света может ее обезобразить в собственных наших глазах. По крайней мере, я за себя не совсем ручаюсь, и для того-то требую подпору, защиты против самого себя: я не приучен ни к какой деятельности — ни к душевной, ни к телесной, следовательно не уверен, могу ли с чем-нибудь бороться и что-нибудь победить.

Я живо себе представляю, какое блаженство должна давать прямая религия; она возносит человека выше всего, выше самой его личности; но я только представляю это: я в себе не нахожу того сильного, внутреннего, неизгладимого чувства, которое должно быть твердейшим основанием религии. Всё, что я видел вокруг себя по сию пору, должно было если не отвращать, то по крайней мере поселять во мне совершенное равнодушие к религии: я видел христиан на словах, которые не имеют понятия о возвышенности чувств христианских, о бессмертии и пр.; несогласие чувств и дел с правилами и словами, всегда замечаемое мною с колыбели, должно было произвести во мне это неуважение и равнодушие. Я должен теперь, если можно, победить привычку, уничтожить старое, чтобы поселить в себе что-нибудь хорошее; сверх того, необходимо нужно что-нибудь такое, что бы сильно меня к этому подвинуло, а этой-то побудительной причины недостает. Дай мне понятие о религии твоего батюшки. Она не должна быть обыкновенною, и если ты в ней уверен, то почему я не могу быть уверен? Эти вещи самые важнейшие, потому что на них должно основываться всё наше бытие, должны быть между нами общими, по крайней мере столько общими, сколько это возможно. Весело и прекрасно иметь побудительную причину во всех случаях жизни; по крайней мере одна только побудительная причина у всех и быть может: искание совершенства. И что же дружба, когда она не будет пособием в этом искании? Друг, жена — это помощники в достижении к счастью, а счастье есть внутренняя, душевная возвышенность.

Wem der große Wurf gelungen
Eines Freundes Freund zu sein,
Wer ein holdes Weib errungen...^{*4}

---

* Кому удалось великое благо быть другом друга, кто нашел себе милую жену (нем.).

Эти стихи я нынче очень чувствую! И как много такого, что прежде пропускал мимо ушей, теперь сделалось важным и значащим.

Но я всё говорю о себе, а еще не сказал ни слова о тебе. Ты описываешь мне свое душевное уныние, а не говоришь ни слова о том, что произвело его. Что такое? Или не лишние ли мои вопросы? Но с тобою должно было что-нибудь новое случиться! Если тебе тяжело рассказывать, то не рассказывай; я бы хотел быть с тобою! Это бы, может быть, полезно было для тебя, или хотя несколько облегчительно, и для меня также полезно; но две причины меня здесь удерживают. Первая та, что мне совершенно не с кем приехать; вторая та, что я *должен* и хочу заплатить самый важный долг⁵ до своего отъезда в чужие края, следовательно принужден работать. Я и здесь лениво работаю, потому что иногда, право, ничто нейдет в голову, а в Москве и погоотово* буду лениться и не иметь времени. Итак, видишь, что мне необходимо нужно здесь остаться, хотя и желал бы в Москву. Сверх того, построен дом⁶; я уезжаю надолго, надобно всё оставить без себя в порядке, чтобы матушка не имела хлопот, и эти совсем не поэтические занятия часто меня бесят. Одним словом, я должен пробыть здесь всю весну и лето; в конце лета располагаюсь ехать. Думаю вместо вояжа и переезда из места в место остаться в каком-нибудь университете, и именно в Ене⁷, где, говорят, очень дешево жить и который малым чем уступит Гёттингену. Мне описывал это место один немец⁸, который учился в Ене у Нимейера⁹ и который хочет мне дать рекомендательные письма. Путешествовать в теперешних обстоятельствах не совсем будет способно. Лучше учиться. С тремя тысячами, которые дает мне Антонский¹⁰, могу прожить без нужды довольно времени в Ене. Ученье теперь мне всего нужнее, потому что я совсем ничего не знаю, а кажется, время что-нибудь знать. Что ж Николай?¹¹ Поедет ли он, если я поеду? Или не раздумала ли матушка?¹² Признаюсь, эта мысль меня радует — быть ему товарищем: мы бы вместе стали трудиться! Он, мне кажется, человек будет не пустой. Что такое он написал для акта?¹³ Нельзя ли прислать? Уверь его, пожалуйста, что он во мне найдет самого верного товарища. Я для себя и для него ожидаю величайшей пользы от путешествия. Опытность, познания, деятельность — всё можем получить в это время. Путешествие должно положить основание всей моей будущей жизни; теперь еще не знаю, что я, следовательно не знаю, на что гожусь; но тогда, конечно, узнаю. К тому же мне необходимо надобно учиться, самому никак нельзя во всём успеть, особливо одному; мне хочется непременно сделать из себя всё то, что теперь осталось мне возможным, всё лучшее, полезное: кто это имеет целью, тот, по крайней мере, не сделает ничего дурного. Еще раз повторяю: будем помогать друг другу, будем оживлять друг друга словами, делами, всем. Напиши ко мне больше о себе; о своем плане

---

* Поготовово (*простонар.*) — еще больше.

жизни; обо мне; о том, что нам делать обоим; как мы можем быть полезны друг для друга! Мне бы хотелось знать твои мысли о счастье, какое тебе возможно и какого нам обоим можно искать. Что ты думаешь о моем вояже и что мне советуешь делать, если не поеду? В будущем письме буду писать о том, какое счастье я себе воображаю и какое мне возможно. Но всё это похоже на воздушные замки, и тебе должны казаться смешными мои вопросы. Однако же ты должен на них отвечать! Не правда ли, однако ж, что я о твоём и своём счастье хочу рассуждать, как будто о какой-нибудь философической задаче? И в самом деле, неужели об этой материи надобно рассуждать в горячке и быть всегда мечтателем? Надобно сделать для себя какой-нибудь основательный план, не химерический, но утверждённый на возможности; нам надобно друг другу сообщать свои намерения и чувства, друг другу помогая сделать что-нибудь хорошее, утвердиться на чём-нибудь постоянно — итак, напиши мне о себе всё, не поленись, будь моим путеводителем или по крайней мере советником.

Что делает Мерзляков? Он забыл меня совершенно: я не получил от него ни строчки; не знаю, что он делает и что наше с ним путешествие! Я сам к нему почти ничего не писал, но всё писал — и в твоём письме, и один раз особенно. Напомни ему обо мне! За что нам друг от друга отдаляться? Признаюсь, мне обидно слышать, что ты с ним редко видишься: кому ж бы друг друга поддерживать и искать, как не вам двум! Что ж значит это отдаление? Не знаю, как это назвать; но мне кажется, что Мерзляков (хотя с ним мне всегда было весело быть вместе, потому что он человек необыкновенный) не был со мною таков, каким бы я желал его видеть; например, между нами не было искренности; если мы и говорили друг с другом, то вообще всегда говорили о посторонних материях; одним словом, мне всегда казалось, что я мало для него значу, и от этого он мало на меня имел влияния. Может быть, этому причиною и то, что он не хотел иметь влияния: по крайней мере, я по сию пору ещё его не знаю; он никогда мне не открывался, даже в самых безделицах, в своих сочинениях, не только в мыслях и чувствах. Между нами не было ничего общего; я не могу от него ничего требовать; нет ничего тяжелее и скучнее, как насилие и принужденность. Но он не имел причины мне показывать обманчивой наружности; следовательно я имею всё право верить тому, что он мне показывал, и теперь верю; только мне кажется, что всё было не таково, каким бы должно было быть между нами. Отчего такая слабая связь, такое равнодушие между нами? Нас должно оживлять одно, поддерживать одно! Одним словом, наша жизнь должна быть *cause commune*!* А мне кажется, что он меня забыл и всегда искал меня меньше, нежели я его. Или не вздор ли я написал и не похоже ли это на прицепки? Скажи ему обо мне полслова и напиши об нем что-нибудь. Нам надобно жить связно и жить друг

---

* Общим делом (*франц.*).

для друга. Я признаюсь перед вами, любезные друзья, что я сам был что-то не то, но нам надобно быть образователями друг друга. Не забывайте меня; я здесь имею в вас нужду, может быть, больше, нежели вы во мне.

Но прости, брат, на будущей почте буду писать еще; то есть получив от тебя ответ. Теперь некогда, мне мешают.

Пришли мне свое Путешествие¹⁴. Я теперь занимаюсь собранием русских поэтов¹⁵; скажи Мерзлякову, чтоб он прислал мне лучшие свои стихи: не будет ли чего для помещения в это собрание?

Пришли Путешествие. Неужели искреннее суждение дружбы не будет для тебя приятно? Все мои сочинения увидят не прежде свет, как с пропуском и благословением моих друзей.

À rgoros*. Пожалуйста, прочти Виландова «Агатона»¹⁶. Святая книга! Я начинаю больше уважать немецких авторов! Ради Бога, пришли мне что-нибудь хорошее в немецкой философии! Она возвышает душу, делая ее деятельнее; она больше возбуждает энтузиазм. Этому причина, конечно, то, что большая часть немецких философов живут в совершенном уединении, следовательно больше угадывают людей, видят их издали и больше применяют к себе. Французские все играют роль в большом свете, все подчинены хорошему тону, менее глубокомысленны и меньше имеют живости в чувствах, которые обыкновенно притупляются светскою жизнью. Один Руссо¹⁷ может быть исключением, но Руссо жил всегда в уединении. Итак, пришли мне какого-нибудь немца-энтузиаста. Мне теперь нужен такой помощник, нужна философия, которая бы оживила, пробудила мою душу. Если есть Schiller's kleine prosaische Schriften¹⁸, присылай. Не забудь поздравить от меня батюшку с Новым годом; напиши об нем, об Иване Володимировиче¹⁹. О последнем буду говорить с тобою много, но не теперь! Спешу, мешают, торопят писать! Прости, брат! Что Андрей Сергеевич?²⁰ Знаешь ли, что мне приходит в голову с ним поближе сойтись. Нам надобно составить отдельное общество! Но после, после!

22.

А. И. Тургеневу

<Ноябрь 1806 г. Москва>

Mon cher ami**, будучи ленив неподражаемым образом, ты еще меня хочешь наказывать за леность: побойся сатаны! Я отвечал на твое письмо, хотя несколько поздно, но ты сам отчасти причиною такого замедления: ты не доставил мне своего адреса, и я принужден адресовать письма на имя Костогорова¹ и посылать через Соковниных².

---

* Кстати (франц.).

** Мой дорогой друг (франц.).

Деньги твои сию минуту получил и сию минуту везу к братьям³; я очень редко вижу матушку⁴, потому что теперь совершенно никого не вижу, сижу и должен сидеть дома. Не пеняй на меня, любезный друг, и более всего не сердись на меня за мою лень. Говорят, что отдаление, долговременная разлука, светская рассеянность, особливо рассеянность такого рода, как твоя, уменьшают дружбу! Я уверен, что ты это опровергнешь своею ко мне привязанностью. *Обстоятельства* мои теперь идут так, мой любезный, добрый и неизменный Александр, что, может быть, я должен буду ограничить себя одною дружбою.

Эта счастливая идея блеснула сию минуту в моем сердце.

Так, любезный друг, быть может, для *счастья жизни* буду искать прибежища в тебе; ты, может быть, должен будешь заменить для меня *многое*: что с одной стороны *потеряю*, то буду стараться *заменить* тобою! Идея радостная, идея, которая должна быть для меня теперь усладительна! Мы будем действовать вместе, друг для друга, действовать достойным друг друга образом! По крайней мере, эту жизнь можно будет назвать жизнью благородною и почти счастливою! Забудем ли когда-нибудь нашего брата?⁵ Забудем ли когда-нибудь друг друга? Брат, ради Бога, *возобновим* свою дружбу и будем жить, имея всегда перед глазами один другого; тогда, по крайней мере, душа не увянет. Благодарю счастливого гения, который дал мне перо в руку и побудил к тебе написать. Будущее для меня озарилось! Прости, любезный друг; теперь буду видеть в будущем тебя, *et vous devrez être mon refuge**. Для того, чтобы я был добр, ценил жизнь и не потерял живости и чистоты душевной, не закрывай для меня сердца! *Oui, il faut tenir à quelque chose; vivre sans liens, après avoir rompu tous ceux qui ont été si chers, c'est exister dans un tombeau!*** Прости, мой друг; я еще буду говорить с тобою, и много, но не теперь.

23.

А. И. Тургеневу и Д. Н. Блудову

<Первая половина декабря 1806 г. Москва>

Здравствуйте, любезные друзья Тургенев и Блудов! В доказательство того, что я вас помню и люблю, может быть, больше прежнего, посылаю вам целую кипу стихов¹, из которых одни точно на ваше имя написаны и в такую минуту, в которую я с большим чувством думал об вас и о прошедшем времени². Которые это стихи, вы сами узнать можете. Сделай дружбу, брат Тургенев, вели напечатать «Барда»³ особенно, если можно, с виньетом, на котором бы представить ту

* И ты должен быть моим прибежищем (*франц.*).

** Да, нужно держаться чего-либо; жить без привязанностей, порвав все те, которые были так дороги, — это то же, что жить в могиле (*франц.*).

минуту, в которую Бард взбежал на холм и видит летящие тени. Извини, что занимаю тебя стихами тогда, когда мы все должны думать об отечестве⁴; но эти стихи суть новый дар отечеству; я желал бы, чтобы ты сделал их известными. Если напечатаешь, то пришли и мне сколько-нибудь экземпляров. Покритикуйте их вместе с Блудовым и, если вздумаете что поправить, поправьте. Только поспеши. Здесь они будут напечатаны в «Вестнике»⁵. О других же моих пьесах не заботься; они будут напечатаны в «Вестнике» же, и я смешон бы был, когда бы хлопотал об них или занимался сочинением басен⁶ в такое время, каково настоящее. Все эти стихи написаны в октябре, в спокойнейшие минуты, а теперь ни на чем постороннем нельзя остановить внимания. Я приехал было в Москву с тем, чтобы целый год посвятить порядочному учению, пройти историю и философию, и потом уже, имея основательные знания, приняться за что-нибудь важное и полезное; но теперешние обстоятельства, кажется, не позволят заняться науками. Я не знаю, на что решиться, и желал бы знать ваше мнение об этом, братцы. Теперь всякий обязан идти в службу, и я чувствую свою обязанность; но служить надобно для того, чтобы принести пользу. Вы знаете мои способности; скажите, что мне делать? А я не желал бы остаться в бездействии тогда, когда всякий должен действовать, но желал бы действовать так, чтобы принести пользу. Ожидаю вашего ответа, по крайней мере твоего, Тургенев: ты не так ленив, как Блудов, в котором одна страсть поглотила все другие способности, склонности и пр. и пр.⁷ Ты должен непременно отвечать мне, и в скорейшей скорости.

Если не ошибаюсь, то в сочинении манифеста⁸ участвовал и ты: кажется, есть в нем сходство с твоим слогом⁹. Вообще написан хорошо; но вы забыли, государи мои, что вы говорите с русским народом, следовательно не должны употреблять языка ораторского, а говорить простым, сильным и для всех равно понятным. Нынче и тот, кто привык читать и знает риторику, пленяется меньше украшениями, нежели простотою. Вообрази, что этот манифест должны читать все генерально. Кто знает Цицерона, для того он будет убедительнее, хотя и на него ораторские обороты будут вполнину только действовать: язык оратора подозрителен, ибо знаешь, что красноречие всё увеличивает. Для простого народа и для большей части высокого дворянского сословия важнейшие места из манифеста будут почти непонятны, следовательно потеряют бóльшую часть своего действия. Мало и не положительно сказано о награждениях. Вы думаете всё основать на чувстве патриотизма, которое в большей части очень слабо, в одних потому, что они беспрестанно рассеяны светским вздором, следовательно не могут иметь ничего солидного в голове; в других потому, что они слишком грубы и необразованны, следовательно не могут иметь понятия о должностях морального человека и об отношениях гражданина к отечеству; а в простом народе оно едва ли может су-

ществовать: причина очевидна. Итак, надлежало бы говорить даже о личных выгодах и о личной опасности и о любви к государю. Для большей части народа русского государь знакомее отечества; и самый низкий народ всегда бывал привязан к государю, это докажет история: для грубых людей натуральнее любить лицо государя, которое они могут знать и видеть, нежели отвлеченное лицо отечества, которое существует в одном воображении. Тот, кто уже говорит об отечестве и понимает то, что говорит, может назваться довольно просвещенным; этого просвещения еще нет в нашем народе.

Что ж касается до личных выгод и личной опасности, то надлежало бы и их представить явственнее; надлежало бы сказать, какая именно опасность нам угрожает, и сказать самым простым, понятным языком: тут бы можно было распространиться о вере. Вот случай, в котором самая фанатическая вера может быть полезна: фанатизмом можно управлять, а теперь только того и желать должно, чтобы всё покорялось без прекословия. Для чего не сказано ничего об опасности, угрожающей нашей вере? Вера есть имение каждого; всякий, разумеется, верующий, а как скоро верующий, то и большой энтузиазм получить могущий, вступился бы за свою собственность. Этот предлог еще необходимее для наших крестьян, которые не имеют собственности. Представить бы опасность не риторски, а просто, сильно и языком для всех понятным. О награждениях сказано вообще! А это-то и требовало распространения. В первую минуту энтузиазм мог воспламенить ревность, но должно бы было дать подпору энтузиазму; надежда на будущие выгоды могла бы быть ему подпорою. Определить бы награду для дворян, что меньше, однако, нужно, ибо дворяне могут больше быть убеждены в необходимости вооружения; определить бы награду и для самих мужиков, и вот, мне кажется, благоприятный случай для дарования многих прав крестьянству, которые бы приблизили его несколько к свободному состоянию, которого наш государь так сильно, кажется мне, желает: первый шаг труден, и для сделания сего шага нужен нам непременно повод, а теперешний случай может почестся весьма сильным поводом. Мало также и не весьма ясно говорено о распусчении войск: многие вообразят, что должны будут служить как обыкновенные солдаты.

Теперь много, весьма много зависит от помещиков и от исправников: им бы должно было, одним своих крестьян, другим казенных, собрать и толковать им волю государеву, прочесть перед ними манифест и объяснить им их собственную должность; вселить бы в них уважение к тому званию, в которое они посвящаются; дать им почувствовать, что они идут не насильно, а по призыванию своего государя; представить бы им надежду на награждения и отличия; одним словом, уничтожить совершенно то уныние, которое я заметил уже во многих, чему причиною сам манифест, в котором о необходимости вооружения и должности гражданской говорено языком ораторским, следовательно не со-

всем понятным для всех. У большей части по прочтении манифеста остается одна только мысль о новом и ужасном наборе, и никакая другая о выгоде сего набора и об обязанностях каждого не может поколебать впечатления, им произведенного, потому что это впечатление самое главное и сильное. Надлежало непременно уничтожить его другими сильнейшими. Наши дворяне могли бы легко его уничтожить и даже заменить энтузиазмом или по крайней мере готовностью на всё; но сколько на это способных из живущих по деревням? Еще ж, едва ли не больше, могли бы сделать священники. Я бы написал проповедь простую, но сильную, которую бы разослал по всем приходам и велел бы читать перед народом; умный священник к написанному мог бы прибавить свое словесное толкование, а глупый ничего не прибавил, а прочел бы всё так, как написано. Это произвело бы великое действие. В проповеди основал бы всё на вере; говорил бы о любви к государю, к женам и детям, о потере возможной имущества и о наградах в здешнем и будущем мире: одним словом, освятил бы вооружение. Между тем и для каждого офицера приготовил бы такую же инструкцию, по которой он бы непременно часто, если не ежедневно, внушал каждому солдату его должность; но чтобы и тени не было витийства; оно хорошо на кафедре, перед народом афинским, но не в России, где народ не одарен живым воображением: больше ж всего говорить бы о вере, государе, личных выгодах и наградах, которые непременно бы должно было выполнить... Вот тебе, мой любезный друг, мои мысли, которые осмеливаюсь вверить почте, потому что они основаны на желании блага моему отечеству. Теперь узнаём, каков патриотизм русских. По крайней мере, история сохранила не много таких примеров любви к государю, которые заставляют ожидать от истинно русских необыкновенных жертвований. Желал бы узнать, куда назначаются все эти семь войск¹⁰, кто будут начальники? Напиши об этом, если только об этом писать позволено... Между тем прости, любезный друг. Я писал к тебе о манифесте для того, что почитаю тебя его автором. Отвечай мне скорее: что я должен делать и что могу сделать? Об этом ты можешь сказать что-нибудь решительное. Если надобно будет идти, то нельзя ли будет получить такое место, где бы я мог употребить в большую пользу свои способности, а именно, нельзя ли будет найти случая втереться в штат которого-нибудь из главнокомандующих областных для письменных дел и не можешь ли ты для меня этого сделать? Я стал бы работать и душой, и телом. Впрочем, и во фронт идти не откажусь, если нужно будет идти, хотя за способности свои в этом случае не отвечаю¹¹. Подумай за меня хорошенько, любезный друг; сообщи мне свои мысли немедленно. Я между тем буду с другими советоваться, но ни на что решительное без твоего мнения не отважусь. Теперь всякий *желающий* может быть хотя несколько полезен, но чем больше, тем лучше; итак, надобно искать места по способностям. Похлопочи обо мне: в этом случае полагаюсь на тебя совершенно. Прости.

Кто жизнию дерзнет купить порабощенье!
Отчизны ль нашей быть добычей их когтей!
Иль диво нам карать надменных!¹²

Поспешите напечатать эти стихи: это лепта вдовицы.

У батюшки твоего бываю. Он слаб: говорит лучше прежнего и больше, но слабее. Одна только мысль и занимает его: поездка в Петербург¹³. Я непременно всякую субботу у него ночую и обедаю по воскресеньям; в другие дни расположился заняться своими лекциями¹⁴; но теперь не знаю, что будет. Отвечай, отвечай мне немедленно: твой ответ будет для меня доказательством твоей дружбы. Обнимаю вас, любезные друзья...

Нет, нет! Пусть всяк идет во след судьбы своей!
Но в сердце любит незабвенных!¹⁵

Блудов, от тебя жду критики на мои стихи: твоя критика для меня закон.

24.

А. И. Тургеневу

24 декабря <1806 г. Москва>

24 декабря

Le mal est fait, mon cher ami!* Стихи напечатаны в «Вестнике»¹ прежде, нежели я получил твое воспламеняющее письмо², которое оживило мой гений. Для стихотворца, который себя чувствует, довольно двух судей, одаренных сродным с ним чувством: твоя похвала и Блудова стоят для меня похвалы всех наших почтенных сограждан и современников. Слыша чью-нибудь глупую критику, буду думать: мои друзья не так судят, и всякая такая критика будет для меня только смешна. Одним словом, скажу тебе, что я читал твое письмо с восхищением, и эта минута была моею наградою за труды мои, если только стихи, произведенные в минуту вдохновения, можно назвать трудом. Критики Блудова ожидаю и уверен, что она еще больше воспламенит меня: умная критика всегда открывает дорогу к новым подвигам. Поспешите, любезный, добрый друг, напечатать «Барда» и делай с ним, что внушит тебе твоя ко мне дружба, только пришли мне сколько-нибудь экземпляров, и поскорее. Я спешу сообщить тебе мой план. Кашин³ почти положил эту пиесу на музыку. Она должна быть представлена мелодрамою на театре, и думаю, что произведет великое действие, и конечно, больше, нежели при чтении. К будущему понедельнику, то есть через восемь дней, она совсем успеет и тотчас будет по почте доставлена

---

* Беда уже случилась, мой дорогой друг! (франц.).

к тебе; нельзя ли будет похлопотать, чтобы ее дали на театре и чтобы Нарышкин⁴ дал приказание и на здешней <сцене> ее сыграть (об этом уже постарайся ты)? Впрочем, вы с Блудовым рассудите, прилично ли это будет или нет? Мне кажется, что можно бы.

«Вечер»⁵ отдаю на твое расположение и чрезвычайно рад, что ты находишь в нем то же, что я нахожу. Что же касается до моего приезда в Петербург, то я, признаться, пленяюсь твоим приглашением; я чувствую, что я был бы совсем не тот, когда бы жил вместе с вами, братцы! Если письма ваши (которых, однако, почти не пишете) меня так оживляют, что ж ваша дружба, которая мне так нужна и так нам необходима для нашего общего образования! Но я, братец, здесь занят без помешательства лекциями: мои знания очень несовершенны, надобно хотя несколько усовершенствовать их! Если б можно было найти в Петербурге такую службу, которая бы не мешала мне заниматься и в то же время (что всего важнее!) могла доставлять мне средства к моему содержанию (ведь не всё же мне ходить в Блудова сюртуке⁶ и жилете и есть слоеные пироги), то я бы с радостью, с большою радостью к вам приехал. Подумай, любезный друг, какого рода службу можешь найти мне; только, пожалуйста, подумай об этом хорошенько, чтобы мне не потерять! Простите, друзья, милые друзья, не могу больше писать! Блудов, обнимаю тебя от всего сердца, хотя имею право на тебя сердиться. Ты обманул меня! Хотел ко мне приехать и не приехал, а я так радовался этою мыслью. Простите, братья. Вот хор, который я прибавил к «Барду», для музыки:

Росс! И щит, и меч во длань!
Враг за гибелью притек!
Смерть ему от Росса дань!
Жертвой рок его нарек!

Прочь покоем наслажденье!
Там отчизна! Там наш царь!
Братья, руки на алтарь!
Клятва: смерть или спасенье!
Мы ль на жертву предадим
Вас, Славян отцы священные?
Мы ль врага не истребим
От отчизны ополченны?

Росс! И щит, и меч во длань, и пр.⁷

Пришли мне братнины стихи печатные⁸. Я их отдам Кашину, чтобы сделал на них польский.

1807

25.

А. И. Тургеневу

<Первая половина января 1807 г. Москва>

Я получил твое последнее письмо¹, любезный друг Александр, и мне очень жаль, что Блудов болен, тем больше, что его по выздоровлении ожидает самая горестная весть о смерти его матери, которая скончалась от водяной². Я уверен, брат, что и ты, и Озеров³ всё сделаете, чтобы не нанести этою вестью слишком сильного удара, который еще сильнее будет после болезни. Я воображаю, какого рода эта болезнь: расслабление нервов. Скажи Блудову, что я искренно желал бы разделить с ним его горесть, и надеюсь, что мог бы пособить ему ее перенести; но должно быть покуда с вами розно. Не хочу и не почитаю нужным утешать его на письме; горесть успокаивается временем и дружбою: ты можешь быть в этом случае для него очень полезен. Боюсь, не присоединится ли к его болезни какая-нибудь другая горесть⁴, или и болезнь произошла от этой горести? Если так, то его теперешнее положение будет очень тяжело, и я очень, очень сожалею об нем и очень бы желал быть теперь вместе с вами, братцы. Ты правду говоришь, что мы нужны друг другу; но это надобно бы было доказать на самом деле, а мы рассеялись по разным сторонам, и наша дружба мало имеет влияния на нашу душу, тогда когда она бы должна была иметь великое влияние. Не ты один жалуешься на холодность, и я иногда чувствую эту болезнь; твоя происходит от чрезмерной рассеянности, а моя — от частого одиночества. Нам можно бы было оживлять друг друга. Может быть, и приведет судьба жить вместе и вместе действовать. Между тем старайся найти мне такое место, которое не разлучило бы меня с музами и не требовало бы от меня большой гибкости и расторопности: я чувствую, что я, как говорит Державин о себе, — расстегай⁵. Но ты меня знаешь и должен знать, какое место мне прилично; впрочем, служба не очень меня прельщает. Что, если должно будет отказаться от всего, чем привык заниматься, и посвятить себя такому делу, которым я ничего не выиграю, потому что не умею ничем воспользоваться? Думай за меня, только не будь опрометчив. Пожалуйста, напиши мне хоть несколько строк о Блудове на будущей почте: я нетерпеливо хочу знать о его положении; попроси его самого написать, как скоро сможет. Прости. Я тебе, однако, очень благодарен за то, что ты взялся напечатать стихи и не печатаешь. Случай пройдет, и они никуда не будут годиться. Оставь на минуту свою рассеянность, особливо ж это так легко; а хора печатать не надобно⁶. Он только для музыки. Пришли адрес твой и Блудова квартиры.

26.

А. И. Тургеневу

17 января <1807 г. Москва>

17 января

Не стыдно ли, брат Тургенев, быть так ветреным? Ты написал ко мне о болезни Блудова, думаешь, что он почти опасен, и в последнем письме¹ своем говоришь ни слова о его болезни; пожалуйста, поспеши мне дать знать, что с ним делается, и сказали ли вы ему о смерти матери: ее в понедельник погребли², и я был на погребении. Если вы еще не сказали, братцы, то надобно это сделать осторожнее. Пожалуйста, поспеши написать обо всем об этом. Что же касается до последнего твоего письма и до службы, то я, право, не знаю, на что решиться. Как мне приехать в Петербург, не зная, зачем я приеду? Для чего ты не написал, какого рода служба меня ожидает? Нужны выгоды. Я не очень буду доволен, если меня определяют *куда-нибудь*, в первую открывшуюся должность! Сверх того, чем меньше зависимости, тем было бы лучше: нет ли у вас, например, какого-нибудь *библиотечарского* места с хорошим жалованьем, и вообще я бы желал места по части просвещения. Ты, однако, не очень должен спешить: я теперь занят своими лекциями, следовательно, ничего не потеряю, если и через год войду в службу. Прости, любезный друг, буду ожидать твоего письма с нетерпением. Блудова болезнь меня беспокоит: он не очень крепок, а болезнь опасная и тяжелая, как я слышал от Сокорева³; пожалуйста, поспеши дать знать об нем. А я пишу мало оттого, что голова очень тяжела; перо из рук валится.

Твой Жуковский

Мне пришла идея! Что, если бы меня сделать каким-нибудь директором училища, и именно в Москве? Я может бы мог быть и полезен! Но об этом еще надобно подумать и узнать, что за должность. По-настоящему, если бы нашлась хорошая должность в Москве с хорошим жалованьем, то мне бы выгоднее остаться в Москве; мои родные все здесь, и сверх того, моя матушка могла бы жить со мною.

P. S. Что ж, брат, стихи? Видно забыл? А Кашин сделал музыку⁴, но теперь она ни на что не годится. Что ты ничего не напишешь о наших военных обстоятельствах?⁵ Пришли мне свой адрес.

27.

А. И. Тургеневу

28 января <1807 г. Москва>

Мой милый, любезный друг, спешу сказать тебе несколько слов; батюшка твой поехал отсюда в прошедшую пятницу, т. е. 25го я его проводил. Дай Бог, чтобы он обрадовал тебя своим благополучным приездом. Я с своей стороны очень, душевно обрадовался выздоровлением Блудова; поздравь его от меня; писал бы к нему особенно, но, право, спешу. Еще больше буду обрадован, когда от него самого получу несколько строк. Нынче мое рождение¹. Выпейте, братцы, за мое здоровье так, как я буду пить за ваше вместе с Мерзляковым. Тургенев, если хочешь меня видеть у себя, то напиши мне, какого рода службу могу надеяться найти и должен ли я сейчас приехать, или не могу ли остаться до окончания первого курса моих лекций. Напиши пообстоятельнее; возьми на себя этот труд и, пожалуйста, не будь так рассеян. Если моя ода² отпечатана, то поспеши мне доставить несколько экземпляров; жаль, что не будет виньетов.

Прости. Матушка твоя велела тебе сказать, чтобы ты приготовил Франка³ к приезду батюшки, то есть предупредил бы его в том, чтобы он взялся лечить батюшку. Прости, брат. Напиши же поскорее, не забудь сказать о новостях. Если нужно будет приехать, приеду, и поживем вместе.

Жуковский

28 января

28.

А. И. Тургеневу

<Начало февраля 1807 г. Москва>

Спешу послать тебе летописцы; последние экземпляры. Новгородский Летописец¹ обещали мне доставить. В четверг буду у Карамзина и спрошу у него, что за птица *Большой Чертеж*². И Новгородский Летописец, и Чертежа объяснения пошлю в будущий понедельник. Теперь прости. Не стыдно ли написать ко мне целое письмо вздору и не сказать ни слова о том, что для меня важно, о моей службе? Решись на минуту отложить рассеяние. Спроси у Блудова, можно ли ждать его скоро в Москву; мне сказывали, что он должен скоро приехать: это очень бы меня обрадовало. Что нового в армии? Не слыхал ли? Напиши. Теперь батюшка, верно, уже в Петербурге: каков он?

При Московских древностях посылаю и Московские новости: стихи, которых автор твой и мой знакомец³. Бутервекова Эстетика у меня есть⁴; ты можешь свой экземпляр у себя оставить, но хорошо сделаешь, если купишь мне Платнеровы Афоризмы⁵, которых здесь нет и по которым я имею честь

учиться премудрости. Поищи, пожалуйста, если можно, последнее издание: ошарь все ученые немецкие закоулки в Петербурге: очень буду тебе благодарен. А Новгородский Летописец пришлю на следующей почте; по крайней мере на мою медлительность не будешь иметь причины жаловаться так, как я на твою рассеянность.

29.

А. И. Тургеневу

<Вторая половина февраля 1807 г. Москва>

Посылаю тебе, любезный друг, Новгородский Летописец и первый номер Ученых Ведомостей¹. О Чертеже спрашивал у Карамзина; это книжка в двенадцатую долю листа, толстая, в которой содержится не самый чертеж, но описание какого-то старого чертежа; ее титул «Книга большому чертежу, или Древняя карта Российскаго государства. В С.-Петербурге. В типографии Горного училища. 1792-го года». Получил ли ты прежде посланные книги, и те ли я послал, которые тебе нужны? Благодарствую за присылку моих стихов². Я виноват, прежде пенял на тебя за медленность, но, получив твое письмо, в котором ты говоришь о состоянии батюшки³, подсадовал сам на себя: тебе теперь не до стихов, и я очень воображаю, как должно быть для тебя тяжело твое состояние. Что Блудов не едет? Я жду его нетерпеливо; ему надобно быть скоро, дороги портятся, времени терять не можно, если хочет здесь быть. Нельзя ли прислать с ним Платнера⁴ и *Traité de l'économie politique par Say*⁵ или *Canard*?⁶ Здесь не нашел, а очень нужны. Посылаю тебе письмо от Томашевского⁷. Этот бедняк жалок: попался в комнату каких-то шалунов, которые не дают ему покою, дразнят его и даже бьют. Инспектором Аршеневский⁸, которому, видно, не хочется вступить в это дело. Этот бедняк Томашевский очень странен; он не может говорить по-русски и приписывает ненависти к иностранцам те насмешки, которыми потчуют его за странность. Несмотря на то, он жалок; ты сам знаешь, каковы пансионеры и ученики университетские, а Томашевский, кажется мне, второй том Родзянки⁹. Я рекомендовал его Шлёцеру¹⁰; может быть, он сделает, что его переставят в другую горницу. Письмо же его посылаю к тебе для того, что он просил меня его к тебе доставить; впрочем, кажется, по нем ты не можешь ничего сделать. Как просить Муравьева¹¹ о том, чтобы велено переставить в другую комнату? Нельзя ли об нем только напомнить? Нельзя ли, чтобы Муравьев дал знать профессорам, что интересуется этим человеком? В этих господах очень мало человеколюбия: им легко бы сделать всякую помощь этому бедняку, особливо видя, что он здесь чужестранец, но им лень и подумать об этом; впрочем, против странности не скоро найдешь лекарство. Я между тем поговорю с Шлёцером, не захочет ли он что-нибудь

для него сделать? Прости, поклонись братьям. Пожалуйста, напиши мне что-нибудь о батюшке, которому скажи мое искреннее почтение. Что слышно о войне?¹² Сделай милость, скажи что-нибудь: здесь ничего не говорят, а это молчание ужасно.

30.

Д. Н. Блудову

<Конец июня 1807 г. Москва>

Пишу к тебе, любезный странник¹, накануне своего отъезда в деревню. Завтра рано поутру еду: проживу два месяца в деревне и, может быть, напишу кое-что. На будущий год непременно беру «Вестника»²; товарищей у меня не будет: Мерзлякову нельзя, других не возьму, потому что это товарищество может легко обратиться в несогласие. Молись Аполлону, чтобы он меня помиловал; но уже мы не поедem вместе в Петербург: я должен остаться и готовиться к изданию, в котором и ты (надеюсь на дружбу твою!) будешь иногда участвовать. Пора приняться за деятельность; теперь я буду принужден не лениться, и тем лучше!

Реляция о твоём путешествии не очень забавна: ты тонешь и скучаешь³; сверх того, беспокоишься, о чем неизвестно, и по сию пору без причины. Дай Бог, чтобы ты никогда не имел причины, и я как-то уверен, что ты никогда не будешь иметь ее. Оставь ребячество и надейся *лучшего*; освяти свою церковь и поспеши в Петербург; только, ради Бога, не утони опять и сохрани себя для *любви* и дружбы⁴. Твое поручение беру на себя с радостью — готов быть твоим поверенным по части *благих* дел, и письмо твое, в котором говоришь об этой материи, читал с искренним удовольствием. Назначь сумму и пришли ее ко мне: я буду искать и *действовать*, а вам отдавать во всё подробнейший отчет. Немцу нашел квартиру, и он уже ее занимает, а я ему присоветовал выменять образ святой Анны, какой — не знаю.

Заключу это письмо новостями: Данциг освобожден от французов⁵, и англичане высадили свою армию на берег; при отражении французов от Данцига убито их 600 и в плен взято 1 800; Щербатов⁶ сделал вылазку, а Каменский⁷ ударил в тыл. Бонапарте предлагал государю перемирие, обещаясь отступить за Вислу; государь отвечал только: *за Рейн*. Вот всё. Посылаю тебе письмо от Александра Тург<енева> из Бартенштейна⁸. Ты должен быть мне благодарен за это письмо; пишу его тогда, когда принужден хлопотать и убираться: вот прямой героизм дружбы. Прости. Пиши ко мне в Белев.

31.

А. И. Тургеневу

<Начало июля 1807 г. Белев>

Я получил оба твои письма, любезный друг Александр, одно из Бартенштейна, надписанное на мое имя, другое из Тильзита¹, писанное к Костогорову² и присланное мне Соковнинными. Очень благодарю тебя за твою дружбу и желал бы, чтобы ты чаще давал об ней знать своими письмами, которых, однако, не имею права требовать, потому что моя лень обратилась в совершенную болезнь, и писать письма к кому бы то ни было теперь есть для меня *несчастье*. Несмотря на лень, берусь за перо и пишу к тебе. Я в Белеве, с новым планом по своему обыкновению и с совершенною неизвестностью, исполнится ли этот план когда-нибудь. Хочу выдавать на будущий год «Вестника Европы». Каченовский³ отказывается, и мои прелиминарные условия с нашим любезным приятелем Максимусом Ивановичем⁴ сделаны. Теперь начинаю готовить пиесы; но так как я довольно мало на себя надеюсь и даже боюсь своей лени, то, любезный друг, не худо будет, если ты постарайся помочь мне. Ты теперь имеешь довольно пособий и источников; тебе известна хорошо немецкая литература, след<овательно> ты можешь назначить мне: что и где находится годного и нового, или старого, но еще неизвестного, в немецких книгах. Ты теперь в таком месте, которое очень интересно по настоящим обстоятельствам. Записывай, что видишь и слышишь; такого рода записки могут занять хорошее место в моем будущем журнале. Еще: твоё путешествие по Европе не напечатано⁵ и, может быть, не приведено в порядок. Если есть в тебе довольно духу и твердости, то постарайся его обработать и приготовь к будущему году. Ты в связи со многими людьми, которые могут иметь в своих портфелях какие-нибудь важные рукописи, которые очень бы мне пригодились: например, я желал бы иметь Записки Кантемира о его посольстве⁶, которых нет печатных. Нет ли еще каких-нибудь подобных записок? Одним словом, ты имеешь много случаев доставать и слышать любопытные вещи, и если по дружбе своей ко мне возьмешься снабжать мой журнал ими и станешь ревностно доставлять мне всё важное и достойное замечания и *напечатания*, то я буду тебе благодарен от всего сердца. По части политики снабжай меня, если будешь иметь время, сочинениями или переводами, или по крайней мере назначай мне достойные помещения пиесы, то есть сказывай, в каком сочинении их отыскивать. В последнем случае не нужно будет тебе и письма писать, только напиши в двух строках: такая-то пиеса в такой-то книге хороша. Это будет для меня весьма выгодно: спасет у меня много времени. Нет ли чего в бумагах братниных?⁷ Я думаю, некоторые статьи из его журнала, писанные в чужих краях, могли бы годиться. Одним словом, будь моим ревностным помощником и побуждай лентяя Блу-

дова, когда опять с ним сойдешься, помогать мне. Если же паче чаяния не войду в издание журнала, то приезжаю в Петербург и вхожу в службу.

Теперь еще одна просьба, любезный друг, на которую, конечно, не получу отказа. Постарайся справиться хорошенько об одном бывшем пансионере, которого и ты, я думаю, знаешь, Проташинском⁸. Он служит в гвардии, в Измайловском (кажется) полку, унтер-офицером. Думаю, что он уже был в сражении. Что с ним сделалось, жив ли он и в каких он обстоятельствах? Если ему нужна помощь и протекция и если ты можешь и то и другое доставить, то я уверен, что без моей просьбы всё полезное для него сделаешь. Если найдешь его, то заставь его, пожалуйста, написать о себе к своим родным. И я, и многие будем тебе за это благодарны. Прости, любезный друг, не забывай посреди шуму и хлопот своих друзей, которые проводят свои дни смиренно и не шумно. Желаю искренно, чтобы все твои планы и желания исполнялись лучше моих. Не забудь написать о своем приезде в Петербург⁹. Я еще не видал твоей матушки, потому что уехал из Москвы за полторы недели до ее приезда. Наш добрый Леман умер¹⁰; я видел его перед своим отъездом: он страдал и желал смерти, которой и я пожелал ему, видя его страшное мучение, хотя горестно видеть смерть такого человека, который мог бы прожить еще долго и по своему прекрасному характеру достоин был долговременнейшей и лучшей жизни. Adieu*.

Твой навсегда Ж.

Поклонись от меня Гагарину¹¹. А тебе кланяется Лодер¹², который лечил мою руку. Я поехал было с Блудовым в Оренбург, хотел видеть некоторую часть православной Руси, но в двадцати верстах от Москвы наша коляска была опрокинута; я ушиб руку; Блудов здоров и теперь странствует один.

32.

А. М. Соковниной

<Июль—август 1807 г. Белев>

Je vous envoie le reste de ma dette et je n'ai pas d'instant libre pour vous dire encore quelque chose de plus. Je ne puis que vous remercier bien sincèrement pour votre dernière lettre et vous dire que vous pourrez m'être d'un grand secours, si vous êtes toujours la même, c'est à dire telle que vous avez été jadis, dans le temps où on chantait: «Puisque l'orgueil pour jamais te sépare»¹. Nous pourrions encore être heureux, non pas moi, mais nous, et cela dépend de nous, et nous devons absolument faire en sorte que cela soit. Adieu. Bientôt nous nous reverrons. Je me presse seulement d'expédier l'argent pour ne pas faire languir notre malheureux traducteur. Ne m'oubliez

---

* Прощай (франц.).

pas cependant, et Dieu vous bénisse; pour moi je passe ma vie en voyages, bien solitaires et ennuyeux par eux-mêmes, mais qui ont pour moi un côté charmant. Adieu*. Напишите к Тургеневу и напишите на следующей же почте; Вы знаете его адрес, попросите его от меня.

Самому мне писать теперь некогда: еду и спешу.

Попросите, чтобы он отвечал мне на мое последнее письмо², дал бы знать, что он и где существует. Он меня забыл. Это и естественно; он бежит за честью и чинами, или нет: он только рассеян, и в те часы, когда остается свободен от своих честолюбивых хлопот, верно, с удовольствием думает обо мне и старом времени. Но главное и самое важное есть то, чтобы узнать от него, проведаль ли он о Проташинском³, который служит в гвардии, в Измайловском полку. Что с ним сделалось, где он и нет ли ему в чем нужды? Пожалуйста, поспешите об этом написать к нему, и так как Ваши слова для него важнее моих, то заставьте, попросите, убедите и прочее его постараться о Проташинском и написать ко мне пообстоятельнее об нем. Поспешите исполнить эту комиссию, чем одолжите меня совершенно. Adieu, adieu**. Если М<ихаил> Дмитриевич здесь, то поклонитесь ему от меня по-дружески; надеюсь, что он не оставил литературы и будет мне иногда помогать своими переводами⁴. Когда будете писать к моему любезному А<лександр>у Федоровичу⁵, то скажите ему, что я мысленно его обнимаю.

33.

А. И. Тургеневу и Д. Н. Блудову

<Конец ноября 1807 г. Москва>

Здравствуйте, любезные друзья, отвечаю к вам поздно и мало, потому что некогда и лень. Я издаю на будущий год «Вестника», это должно быть вам известно; надеюсь на вашу помощь, и это также, думаю, вы знаете. Получу ли от вас какую-нибудь помощь, это едва ли и самому Богу известно. Хотя Блудов и обещал для

---

* Посылаю Вам остаток моего долга, и у меня нет свободной минуты, чтобы сказать Вам еще что-либо. Я могу только искренне поблагодарить Вас за последнее письмо и сказать, что Вы сможете оказать мне большую помощь, если Вы всё та же, то есть такая же, какою были прежде, в те времена, когда пели: «Ибо гордость навеки тебя отлучает». Мы могли бы еще быть счастливы, не я, но мы, и это зависит от нас, и мы непременно должны сделать, чтобы так было. Прощайте. Мы скоро увидимся. Я только тороплюсь отправить деньги, чтобы не заставлял томиться нашего несчастного переводчика. Тем не менее не забывайте меня, и благословит Вас Господь; что до меня, я провожу время в разъездах, которые сами по себе одиноки и скучны, но они имеют для меня некую восхитительную сторону. Прощайте (франц.).

** Прощайте, прощайте (франц.).

меня трудиться, доставлять мне свои критики, свои рассуждения, не говорю уже о стихах, но может ли быть, чтобы он когда-нибудь изменил своему характеру, то есть сделался аккуратен и помнил свои обещания!¹ Он влюблен!² Извиняю его, бедного человека! Но ты, бесстрастный стоик Тургенев, которого Путешествие, не рожденное и не сотворенное, занимает целую стопу бумаги, ужели не вздумаешь расстаться с этою ненужною для тебя кипюю и дать ее своему приятелю, который, приведши этот хаос в порядок, украсил бы им свой журнал?³ Друзья мои, друзья, вы совсем от меня отступились! Вы могли бы мне помогать и ободрением, и материалами, но вы слишком рассеяны, чтобы обо мне позаботиться! Никак не могу подумать, чтобы были в состоянии исполнить собственное свое желание — в котором я уверен — и подать руку помощи своему товарищу? — Но чего требует этот товарищ? спросите вы. — Сочинений, новостей, книг. Блудов, в Петербурге много и больше, нежели в Москве, литературных новостей! Найди новейшие, разумеется, приличнейшие для моего журнала, дай мне знать и, если можно, некоторые доставь: я заплачу тебе деньги аккуратно, потому что буду платить не свои, а университетские. Например, я желал бы иметь *The lives of most eminent english <sic!> poets by Johnson*⁴, *Der philosophische Bauer von Hirzel*⁵, но более всего новостей. Ты, Блудов, мог бы доставлять мне рисунки и планы лучших петербургских зданий, разумеется, с описанием: это было бы полезно для моего журнала, который хочу украшать не только пером, но и резцом, хотя в объявлении об нем от типографии не достало немного смысла⁶.

Тургенев, еще повторяю, пришли мне свое Путешествие и позволь мне привести его в порядок и выдать. И один раз навсегда, любезные друзья, помогайте мне чем можете и как можно бескорыстнее, то есть не ожидая от меня писем: право, некогда. Блудов, критикуй Петербургский театр и актеров, представляющих и смотрящих; присылай ко мне *Замечания Петербургского зрителя*⁷, пиши что придет в ум, и даже, если хочешь, не заботься о слоге; мне нужно твое остроумие и твои замечания, и чтобы избавить тебя от труда, следовательно от всякой отговорки, позволяю тебе даже писать дурно и нескладно: берусь всё вычищать, только пиши, не ленись! И что тебе делать? Авторские твои проказы украсили бы мой журнал! Друзья, не забудьте что лень разрушает все добродетели; исправьтесь и пишите для «Вестника»! Какою бы прекрасною галерею портретов обогатили вы мой журнал, вы, которые живете в свете, видите такое множество разных рож и имеете способность их видеть! Блудов, будь хоть невзначай аккуратен и возврати мне, ради Бога, мои книги: *Parny*⁸, *Contes de M-e Genlis*⁹ и 1-й том Лагарпа¹⁰, которого купи непременно; где мне, пасынку Плутуса¹¹, взять денег и тратить за твои глупости? Еще не забудь прислать мне записку о том, сколько и в которое число и сколько лет уплачивать мне тебе свой долг. Ты забыл это сделать, а мне нужно непременно знать заранее, чтобы приготовить нужное число денег вовремя и быть исправным.

Не забудь же прислать книги и, если можно, похлопочи о каких-нибудь французских и для журнала моего хороших новостях. Тургенев, тебе поручаю искать мне немецких книг всякого рода.

Пишите, братцы!

Дмитриев¹² кланяется Блудову и просит его купить у Роспини¹³ следующие книги; вот записка его руки! или нет, лучше напишу сам. Тургенев, верно, теряет записку:

1. Les études du magistrat par Francois de Neufchateau¹⁴.
2. Oeuvres choisies de Cochin; avocat au parlement. 2 v.¹⁵
3. De la bienfaisance dans l'ordre judiciaire¹⁶.

Перечитывая письмо свое, нахожу, что в нем нет ни складу ни ладу. Важное открытие!

34.

А. И. Тургеневу

9 декабря <1807 г. Москва>

9^е декабря

Для меня совсем не утешительно слышать, любезный друг Александр, что ты и Блудов собираетесь ко мне писать и не сберетесь, хотя это очень естественно: когда вам обо мне подумать? И можете ли уделить мне хотя минуту! Надобно ехать на бал к Демидову¹, на именины, во дворец и прочее. Ты приготовил некоторые переводы², которые могли бы быть очень интересны в первых книжках, потому что новые, но я не надеюсь их получить! Кто видал, чтобы люди, занятые со светом и которых головы наполнены разными *высокими* идеями, брали на себя какой-нибудь труд, когда надобно сделать удовольствие приятелю отдаленному, одинокому и имеющему в них нужду! Легкое ли дело? Сложить пакет, запечатать, написать адрес и послать на почту! Путешествия твоего иметь не надеюсь; за книги, за журналы, для меня купленные и выписанные, благодарю, хотя уверен, что их иметь не буду. Одним словом, любезные друзья, вы забыли меня совершенно, и для меня очень оскорбительно, что в таких случаях, когда вы можете мне помочь и когда нетрудно помочь — нужно иметь немножечко внимания, в котором, конечно, нельзя отказать и чужому, — вы не только обо мне не думаете, но даже и не позволяете себе думать. В этом случае я не похож на вас, всякую нужду своего приятеля исполню, и тотчас (разумеется, когда могу); лениться писать другое дело: это не есть необходимость и никогда не может оскорбить, разве только в таких случаях, когда письмо нужно. Например, я уверен, что ты, Александр, не отдал Блудову записки о тех книгах, которых требует Дмитриев; между тем мне пеняют, а тебе и дела нет! Просит приятель: на что же исполнить! Обязанности существуют только с одними незнакомыми,

перед которыми надобно *казаться!* Приятели меня знают; на что же поддерживать то, что твердо? Самое логическое рассуждение!

Еще благодарю тебя и за то, что ты постарался потерять письмо к Проташинскому³: доказательство твоего внимания, и больше ничего: ты же, как я вижу, <ищешь?> случаев быть полезным только в важных вещах, а малыми пренебрегаешь. Поверь, любезный друг, что важные немногочисленны и редки, а забывая часто о безделицах, которые требуют от тебя друзья и которые так легко бы было исполнить, ты наконец уверишь их, что совершенно выгнал их из памяти и из сердца! Я в этом, конечно, не уверен, и очень далек от таких мыслей, но, признаюсь, для меня досадно было, и очень досадно, читать в письме к Соковниным: «Скажите Жуковскому, что письмо к Проташинскому потеряно». Ты об этом так пишешь, как будто это очень натурально и иначе быть не могло! *Мы еще не собирались к нему писать* (несмотря на то, что ему теперь в нас нужда). Что против этого сказать? Вы правы, милостивые государи! Больше ничего. И как роптать на людей, которые для пользы приятелей должны опоздать десятью минутами в ресторацию или на бал к Демидову? И можно ли требовать таких великих жертв?

Не сердитесь на меня, братцы, за то, что я на вас сержусь; дружба позволяет иметь требования, а вы забываете меня, слишком забываете: вам нетрудно жертвовать мною рассеянию, а для меня это, признаюсь, оскорбительно. Ленишься писать для того только, чтобы сказать несколько слов, которых можно бы было и не сказать, и ленишься думать о своем приятеле тогда, когда он этого требует, когда это нужно, — великая разница.

Вот комиссии, которые прошу исполнить.

Первая: книги Дмитриеву следующие у Роспини:

Les études du magistrat par F. M. Neufchâteau,
Oeuvres choisies de Cochin. 2 v.
De la bienfaisance dans l'ordre judiciaire⁴.

Вторая: найти Проташинского непременно, если он не уехал, сказать ему о потерянном письме и еще чтобы он, если должен будет ехать через Москву, увиделся со мной. Дать ему адрес.

Dites-moi encore, Alexandre, que veulent dire ces mots*:

Одна живет в году весна,
Одна и милая на свете!⁵

N'est-ce pas inconséquent de montrer; qu'on a des sentiments; sans avoir le dessein de les nourrir et sans en avoir la possibilité? Pourquoi parler d'une chose, qu'on n'a

---

* И скажи мне, Александр, что означают эти слова (*франц.*).

pas ni le désir; ni le pouvoir de recommencer; et pourquoi risquer de réveiller des sentiments, qui ont été bien vifs, qui sont déjà éteints et qui ne peuvent être que douloureux? Je ne sais pas, quelle idée vous aviez eu en écrivant ces vers. Dans ces choses, connaissant bien les personnes, avec lesquelles vous avez relation, vous ne devez pas agir sans but. Et ces expressions parasites, jadis agréables, à présent inutiles, ne vous conviennent plus. Silence sur tout ce qui est passé! En parler seulement pour ne pas se taire sent trop le grand monde, qui n'attache pas beaucoup de valeur à tout ce qu'il dit. Adieu, cher ami, expliquez vous sur cet article. Ma lettre vous paraîtra-t-elle ridicule? Je ne l'espère pas*.

Если ты слышал от Блудова о некоторых моих связях, о которых я ему сказал слова два очень давно, и если он не забыл этих *двух слов*, то попроси его от меня, чтобы он об них забыл и для себя, и для других; что я этого требую как искренний друг и что его скромность в этом случае должна быть самым верным доказательством его дружбы. Я говорю не шутя, и прошу его как друга не шутить (по обыкновению своему) такую вещь, которую почитаю слишком важною. Не надобно говорить и тебе; сомкни свои уста, хотя ты ничего не знаешь. Признаюсь, боюсь нескромности, или, лучше сказать, обыкновенной *невнимательности* Блудова, а она в этом случае, по некоторым обстоятельствам, может быть для меня несчастьем⁴.

35.

А. И. Тургеневу

<Начало декабря (до 10-го) 1807 г. Москва>

Здравствуй, любезный друг Александр; пишу к тебе несколько строк, не имея времени написать больше. *Первое*, прошу тебя забыть мщение и прислать мне те пиесы, которые ты приготовил для «Вестника»¹: то, что интересно и ново, надобно поместить в первых книжках; также доставь мне и свое Путешествие². Надеюсь, что ты и Блудов будете снабжать меня хорошим, в материалах и в готовых пиесах. Боюсь одной вашей беспечности или рассеянности, которые, может быть, не позволят вам обратить внимания на вашего *издающего* друга. *Второе*, и самое важное: мне сказывала Анна Михайловна, что она слышала

---

* Не правда ли, неразумно показывать свои чувства, не имея намерения их питать и не имея возможности это делать? Зачем говорить о чем-то, к чему нет ни желания, ни сил возвращаться; и зачем подвергать себя опасности будить чувства, которые были живы, но теперь угасли и могут лишь причинить боль? Я не знаю, что было у тебя на уме, когда ты писал эти стихи. В данных обстоятельствах, хорошо зная людей, с которыми ты общаешься, ты не должен действовать, не имея цели. И эти чужеродные выражения, некогда приятные, теперь бесполезные, тебе более не подходят. Молчание обо всем, что прошло! Говорить об этом только, чтобы не молчать, слишком присуще высшему свету, который не придает большого значения тому, о чем говорит. Прощай, дорогой друг, и объяснись по этому пункту. Покажется ли мое письмо тебе смешным? Не думаю (*франц.*).

от верных людей, будто ее письма и всё, что у тебя есть от нее, в таком у тебя неприборе, что всякий profane* может их видеть³. Если это правда, то ты, любезный друг, виноват и должен исправить беду: прошедшее заслуживает большее от нас уважение, потому особенно, что настоящего никак нельзя ему предпочесть. Она говорила мне об этом с чувством упрека, и она права! Как можешь так не дорожить ее именем, или, лучше сказать, как можешь быть так рассеянным? Ожидаю от тебя на это обстоятельство объяснения. Мой адрес тебе известен: у Антонского. Прости. Обнимаю тебя.

Жуковский

36.

А. И. Тургеневу

<Конец декабря 1807 — начало января 1808 г. Москва>

Пишу к тебе два слова, любезный друг, не имея совершенно времени писать более. Твое письмо получил и показывал; оно рассеяло все сомнения, для тебя неприятные. Костогоров просил тебя о журнале брата, писанном в Вене¹, для А<нны> М<ихайловны>, а не для К<атерины> М<ихайловны>². Доставь ко мне, если хочешь, а к ним об этом напиши. К<атерине> М<ихайловне> не всё можно показывать, ты знаешь сам. За французские бумаги благодарю, но в них совершенно нет ничего интересного. Я думал, что ты пришлешь мне свой перевод из английских памфлетов о Тильзитском мире³, и Блудова перевод Руссовой пиесы⁴, и свое Путешествие. Но дождешься ли от тебя и от Блудова аккуратности, хотя мне это и очень досадно: как можно так быть незаботливым о друзьях! Скажи Блудову, чтоб он доставил мне поскорее Johnsons Lives⁵, за которые много его благодарю. Не пишу к нему оттого, что пишу к тебе, следовательно для двух одно письмо! Ты спрашиваешь в своих письмах, нужно ли мне то и то. Напрасно! Присылай всё, что тебе покажется хорошо: если мне не будет нужно, возвращу тотчас и аккуратно. Напомни Блудову, чтоб он прислал Laharpe, Parny и Genlis⁶. За что он разрушил мою библиотеку? О друзья мои, какие вы бессовестные! Вы любите меня, это знаю; но лень и рассеянность! Что ж книги Дмитриеву?⁷ Если нет на немецком «Der philosophische Bauer»⁸, то поищи на французском «Le Socrate rustique»⁹. Еще Hirzel an Gleim über Sulzer den Weltweisen¹⁰. Александр, пришли с Андреем Федоровичем¹¹ всё, что в библиотеке твоей найдется годного для журнала; я возвращаю всё в целости и сохране! Поверь Богу! Поищите с Блудовым каких-нибудь политических отрывков. Но этому не бывать; где вам для меня победить свою лень! Я прихожу в отчаяние. О друзья мои, о друзья мои!

---

* Непосвященный (франц.).

À propos* скажу приятную новость: Родзянка приходит в себя! Есть надежды, что выздоровеет. Простите. Блудов, побойся сатаны, пришли книги, мои и свои, и перевод, и всё! Несколько сочинений твоих! Пиши, пожалуйста, какие-нибудь замечания на то, что видишь. Кому ж и писать их, если не тебе? Хотя из жалости к твоему другу будь остроумным.

Томашевский едет в Петербург. Я ему отдал все деньги.

1808

37.

П. А. Вяземскому

<25—27 июня 1808 г. Москва>

Любезнейшего из всех именинников¹ благодарю искренно за его приглашение и за то, что он меня вспомнил, еще раз повторяю ему, что желаю от всего сердца иметь его дружбу; кстати ли это сказано или некстати, не знаю, по крайней мере, для меня всегда кстати.

Но быть к тебе на именины,
О друг бессмертной Мнемозины,
Сказать по правде, не могу!
Прими стихами поздравленье!
Желаю — и, поверь, не лгу, —
Чтоб ты, ударясь в одопенье,
Гремел и смертных оглушал!
Чтоб мир, тобою удивленный,
Тебе венок в награду дал
Не из репейника сплетенный,
Но из душистых пышных роз
И свежих лавров Геликона!
Не бойся кроновых угроз!
К тебе не жопа Аполлона,
Но лик бессмертный обращен!
Ликуй во славе на Парнасе
И, восседая на Пегасе,
Не бойся, чтобы он лягнул!
Прошу тебе стихов от неба,
Молю превыспренного Феба,
Чтоб дух твой пылкий не заснул!

---

* Кстати (*франц.*).

А я к тебе, мой друг, приеду
Не к именинному обеду;
Когда у вас гостей содом,
Когда ваш пышный, светлый дом
Украшен яркими огнями,
Когда шумящими толпами
При звуке бубнов и гитар
Кружится десять, двадцать пар,
Земли не слыша под ногами!
Хочу быть у тебя — с тобой;
Хочу, в покое наслажденья,
В твоём селе, без развлечения,
С тобой беседовать душой.
Не с шумным, мне неизвестным светом,
Который лишь с дали видал,
Который никогда предметом
Моих желаний не бывал!
В спокойный час уединенья,
Когда не будешь окружен
Толпой, живущей для мгновенья,
Когда с тобою Аполлон
Под тень дубравы уклонится
И лирою тебя пленит,
Тогда твой друг к тебе явится,
Тобою сердце оживит!
Тогда еще тебе он скажет,
Что он в душе тебя хранит,
И если жребий повелит,
Он то *на опыте докажет!*²

Прошу не сердиться за стихи, приложенные к этой записке. Письмо на имя Николая Михайловича прошу ему доставить, а ответ поспешите прислать ко мне³. Я перешлю, если надобно. Не нужен ли кому-нибудь учитель?⁴ Я знаю очень хорошего и способного человека; дайте мне знать, если Вы имеете на примете какое-нибудь место. Вы очень бы меня одолжили.

Вам преданный Жуковский

За что моя письменная книга с Вами уехала? и почему не было угодно Вашему сиятельству ее возвратить. По крайней мере, чтобы заглазить вину свою, прошу меня любить и помнить. Adieu, cher et bien cher ami*. Обнимаю Вас от всего сердца.

---

* Прощайте, дорогой и очень дорогой друг (франц.).

38.

И. П. Черкасову

29—30 июня <1808 г. Москва>

Благодарю Вас искренно, любезный и почтенный философ володьковской пустыни¹, за поручение мне Ваших комиссий, которые уже исполнены (сколько их? одна!). Отвечаю к Вам несколько поздно — извините! я уверен, что Вы не отнесете моего молчания к нежеланию с Вами беседовать (что было одною из многих моральных невозможностей, в которых убеждает нас и рассудок, и сердце), а только к моим обстоятельствам, которые мешали мне в то время быть свободным, в которое надобно было взять перо в руки и писать к Вам эпистоле. Благодарю Вас за восемь полновесных страниц, наполненных выражениями дружбы, для меня драгоценной; они напомнили мне некоторые приятные вечера, проведенные перед володьковским камином, и минуту семейственного полдника:

Где мы пред ярким огоньком,
С спокойством дружества приятным,
За *прародительским* столом,
За чаем хинским, ароматным,
Ценили жизнь, людей и свет!
Ценили счастье и несчастье!
Мечтали: «Вечного блаженства в жизни нет!
Но горесть — быстрое ненастье!
Промчится! снова ясный луч —
Как солнца поздний свет за мраком бурных туч —
Утешит сердце утоленно:
За гробом лишь найдем мы счастье неизменно!»
Нередко солнечный закат
Мы в поле взором провожали,
Прохладой вечера дышали,
Смотря на бег шумящих стад,
И тихия зари пленялися блистаньем,
Когда на пруд склоненный лес,
Зефира зыблемый дыханьем,
Покрытый заревом небес,
Блистал с полугоры водами отраженный,
И светлым вечера туманом покровенный
За роцей вдалеке мелькал тот милый град,
Где всё любезное душе моей хранится,
Где я так счастлив был — ах! придут ли назад,
Те дни, к которым днесь душа моя стремится?

Или веселие навеки отцвело
И счастье мое с протекшим протекло!
Как часто о часах минувших я мечтаю!
Как часто с сладостью конец воображаю!
Конец всему — души покой —
Конец веселиям, едва, едва приметным,
Конец борению и с горем, и с собой!
Не знаю... но, мой друг, кончины сладкий час
Любимую моей мечтою становится!
Унылость томная в душе моей таится!
Во всем мне слышится знакомый смерти глас!
Смотрю ли, как заря с закатом потухает,
Так, мыслю, юноша цветущий исчезает!
Внимаю ли рогам пастушьим за горой,
Иль тихого ручья в кустарнике журчанью,
Или мгновенному дубравы трепетанью,
Смотрю ль в туманну даль вечернею порой,
К клавиру ль преклонясь, гармонии внимаю,
Во всем последнюю минуту вспоминаю!
Иль предвещание в унынии моем?
Иль скоро суждено в весенни жизни годы,
Мне, скрывшись в мраке гробовом,
Покинуть и поля, и отческие воды,
И свет, где жизнь моя бесплодно расцвела!
Скажу ль? — мне ужасов могила не являет!
И сердце с сладостью прискорбной ожидает,
Чтоб Промысла рука обратно то взяла,
Чем я безрадостно в сем мире бременился,
Ту жизнь, которой я так мало наслаждался,
Которую лучи надежды не златят!..²

Но полно мне стихотворствовать! Уже одиннадцать часов; не знаю, поспеет ли это письмо на почту! Обнимаю Вас от всего сердца; милым детям кланяюсь. Я видел Марью Алексеевну³ и ей отдал Ваши книги. С Дмитрием Александровичем⁴ еще не видался. Но имел удовольствие с ним встретиться, и он меня звал к себе. Сначала воспрепятствовал мне флюс, который изуродовал мою щеку, исполнить свое желание, после удержала меня моя обыкновенная глупая застенчивость: как ехать к человеку незнакомому, сбравшись так долго и не собравшись, однако я вооружусь мужеством Геркулесовым и смелостью семи мудрецов греческ<их> и отправлюсь к нему с этим запасом; я очень уверен, что потеряю много, не воспользовавшись случаем с ним познакомиться!

30 июня

Таково-то писать на почту стихами! Пропустил время, и письмо не принято! Обвиняйте не меня, а Феба. Но я рад этой отсрочке; имел случай исправить ошибку Марьи Николаевны⁵, которая вместо моих книг — которые были прежде отданы — отдала она Марье Алексеевне журналы немецкие, приготовленные для Карла Яковлевича⁶. Прошу Вас взять на себя труд и их ему доставить.

Истинно преданный Вам Жуковский

P. S. Надеюсь получить от Вас ответ, но вместе надеюсь и на Вашу ко мне снисходительность; Вы, конечно, позволите мне быть несколько неаккуратным и отвечать Вам не всегда на следующей почте. Случается, право, так, что нет времени подумать о постороннем или что-нибудь отвлечет, но поверьте, что я за совершенное удовольствие почитаю делиться с Вами и чувствами, и мыслями; простите, еще раз Вас обнимаю.

39.

П. А. Вяземскому

<30 июля 1808 г. Москва>*

Хорошее начало нашей дружбы, любезный князь! С первого шагу не понимаем друг друга! Я замечаю, что Вы по письму моему приписываете мне какую-то смешную гордость и вообразили, что моя *старость* хочет непременно учить Вашу *молодость*. По крайней мере, я этого совсем не думал. Я, право, уверяю Вас, что я *теперь* искренно Вас люблю, что я Ваш *приятель*, что *желаю* и с этой минуты буду *стараться* быть Вашим другом: мне кажется, большего нельзя ни Вам ожидать от меня, ни мне ожидать от Вас *на эту минуту*. Но я же писал к Вам в том же письме, что мы можем сделать из своей *будущей* дружбы что-нибудь важное для всей своей жизни — разумеется, это случится только тогда, когда с обеих сторон будет одинакое желание, одинакое усилие — с моей стороны оно будет, непременно; желаю, чтоб было и с Вашей. Я надеялся, что Вы напишете мне в ответ: *хорошо! согласен на твое мнение, и мы будем друзьями*. Вы, напротив, присылаете мне стихи¹, писанные pour donс consoler (comme vous le dites) de *la non réussite de deux demarches** и требуете от меня письма о дружбе, которого, однако, не напишу и которое постараюсь заменить опытом. Еще Вам повторяю, что дружба может быть произведением не двух слов, крупно написанных и подчеркнутых, а связи, основанной на взаимной уверенности, что мы нужны друг для друга: итак, любезный князь, сделаемся нужными друг для друга, и мы будем друзьями². Не привязываясь к словам, скажите, согласны ли Вы со мною? Et travaillons ensemble à devenir bons amis, mais amis de cette amitié

* Только чтобы утешиться (как Вы говорите) после неуспеха двух попыток (*франц.*).

qui peut avoir une influence bienfaisante sur toute la vie. Je vous prie donc répondre un petit mot. Tout à vous*.

Joukovsky

1808. 30 Juillet

Peut-être je vous paraîtrai drôle avec mes idées, romanesques, mais vous me donnez là-dessus votre opinion *franchement*.

J'ai déjà cacheté ma lettre, mais après avoir relu encore une fois la vôtre, je la décachette de <nouveau?> pour ajouter quelques mots. Comment avez vous prié m'écrire apres avoir reçu ma réponse <de ce> que votre demande ne vous a pas réussi. Cela est inconcevable. Vous avez dans votre caractère beaucoup trop d'impatience; la moindre chose vous régresse. Voulez vous être dans l'amitié, ce que vous êtes, au jeu du billard? au moins un coup manqué est toujours une sorte de défaite. Mais ici est ce que vous avez manqué <le> vôtre; et n'avez vous pas tort de vous plaindre d'une *non réussite* qui n'existe que dans votre imagination un peu trop <irraisonnable>? Je ne vous ai rien écrit dans ma dernière lettre que je ne voudrais pas maintenant avoir reçu de votre part. Une promesse franche de travailler à devenir votre ami vous l'appellez un refus, ce qui est vraiment injuste**.

Наше знакомство с Вами по сию пору не иное что еще, как *встреча* — можете ли Вы сказать мне с первого раза *я тебе друг* и поверите ли Вы мне, если я скажу Вам *то же*? Такого рода поспешность может ли возбудить доверенность? При первой встрече можно только пожелать, чтобы она произвела дружбу, можно только обещать друг другу, что будешь об этом стараться! Если я Вам даю это обещание, то Вы должны быть уверены, что я искренно желаю его исполнить, что меня побуждает к тому искренняя к Вам привязанность: зависит от Вас и от меня усилить эту привязанность и обратить ее в дружбу. Если такой

---

* И давайте будем вместе стараться стать добрыми друзьями, но <будем> дружны такой дружбой, которая могла бы иметь благодетельное влияние на всю жизнь. Прошу Вас, ответьте в немногих словах. Преданный Вам *Жуковский (франц.)*.

** Возможно, я покажусь Вам смешным с моими романтическими идеями, скажите мне об этом прямо. Я уже запечатал свое письмо, но перечитав еще раз Ваше, я снова распечатаваю его для того, чтобы добавить несколько слов. Как же Вы попросили меня писать Вам, получив мой ответ, показавшийся Вам успехом Вашей просьбы? Это непостижимо. В Вашем характере слишком много нетерпения — малейший пустяк Вас огорчает. Вы хотите в дружбе вести себя так, как в игре в бильярд? во всяком случае, промах — это всегда род поражения. Но здесь промахнулись Вы; вправе ли Вы сожалеть о *неуспехе*, который существует только в Вашем безрассудном воображении? В моем последнем письме я не написал Вам ничего такого, чего не желал бы получить в ответ от Вас. Вы называете отказом мое искреннее обещание постараться сделаться Вашим другом? и это поистине несправедливо (*франц.*).

ответ можете назвать *отказом*, то, признаюсь, Ваше толкование русских слов есть самое неверное, и я советую Вам сделать в своем лексиконе порядочные поправки. То, что Вы называете моею старостью, есть не иное что, как двадцать четыре года жизни, проведенной без всяких опытов: я совершенный еще ребенок; в этом уверен твердо и часто бываю сам смешон в собственных глазах своих: следовательно, не могу упрекать Вас *ребячеством*; но желаю, чтобы наша дружба — *une fois conduite** — была не ребяческая, а настоящая, по крайней мере, сделалась бы со временем настоящей, и я не знаю, можете ли Вы чего-нибудь желать более, если только Вы в самом деле желаете чего-нибудь, в чем я не сомневаюсь, судя по себе! *Adieu*** . Отвечайте мне. Я пробуду здесь до 8-го числа, следовательно, Вы будете еще иметь время.

40.

П. А. Вяземскому

5 августа <1808 г. Москва>*

Ваше, или, лучше сказать, твое письмо, милый князь, то есть милый приятель и будущий друг, для меня очень, очень приятно, и я прочел его с особенным удовольствием, тем более что я начинал уже отчаиваться в получении твоего ответа, вообразив, что ты с досады на *мнимый* промах бросил кий¹ и оставил меня играть с другими (что, мимоходом сказать, было сделано нехорошо).

Вдруг подают мне пакет, и в этом пакете прелюбезное письмо, за которое, к сожалению, не могу обнять тебя лично, хотя бы желал этого от всего сердца. Не войду ни в какие подробности и не хочу делать комментария ни на мое прошедшее письмо, ни на твой теперешний на него ответ: самым лучшим комментарием должен быть *опыт*. Я много бы мог сказать в возражение на твою мысль, что не должно *travailler a devenir amis****; но всё это оставляю до нашего свидания, от которого обещаю себе много и премного удовольствия². Теперь скажу только то, что тебе, как умному и доброму человеку, нельзя будет со мною не согласиться. Из деревни буду писать более; но должно, чтобы ты написал ко мне первый: это условие необходимо для моей лени. Еду дня через четыре: по крайней мере, так бы мне хотелось; не знаю, точно ли исполню это хотение, ибо завишу теперь не от себя. Прости, любезный друг. Мы будем друзьями! Это верно, как и то, что ты со временем будешь предпочитать Крепильону Расина.

Жуковский

5-е августа

---

* Однажды наметившаяся (*франц.*).

** Прощайте (*франц.*).

*** Работать над тем, чтобы стать друзьями (*франц.*).

41.

Е. Д. Турчаниновой

<Сентябрь (не позднее 10-го) 1808 г. Москва>

Целую Ваши ручки, милый друг матушка, имею честь Вам доложить, что я, слава Богу, здоров и что надеюсь через две недели Вас увидеть. Бумаги, касательно до дому, послал по Вашему приказанию на прошедшей еще почте к Катерине Афанасьевне; очень рад, что дом продается. С тех пор, как у меня завелось очень много денег (в воображении), чувствую, что богатеть очень весело; мне хочется привыкнуть иметь деньги, эта болезнь имеет свои приятности, хотя лекарств от нее очень много и хотя я сам не из последних лекарей. Думаю, однако, что мои ближние не заплакали бы, когда бы я занемог богатством и занемог неизлечимо. Пошли мне Господи эту черную немочь: покуда, скажу Вам еще раз, что я здоров и здоров во всех отношениях. Целую Ваши ручки. Дай Бог, чтоб я нашел Вас спокойными, веселыми, здоровыми и пр. и пр.

Ваш
покорный и послушный сын

В. Жуковский

1809

42.

А. И. Тургеневу

<10 февраля 1809 г. Москва>

Через две недели, любезный друг, а много через три, надеюсь тебя увидеть. Приготовь мне, если можно, угол в своей горнице¹.

Однако прежде напиши, будет ли у тебя место. Ведь ты живешь теперь с Блудовым. О причине моего прибытия в Петербург узнаешь тогда, когда увидимся: что бы ни вышло, мы проживем вместе месяц или два. Напомни обо мне Константину Булгакову², с которым, как кажется, не нужно будет снова знакомиться. А Александру Яковлевичу³ рекомандуй меня заранее, так чтобы я приехал совершенно в знакомый дом. Прощай, любезный друг. Au revoir*.

---

* До свидания (франц.).

43.

А. И. Тургеневу

<Конец марта 1809 г. Москва>

Брат, прошу тебя отдать эту шубу Блудову, которому скажи от меня, что я люблю его по-прежнему. Благодарю его за доставленные мне книги. Скажи ему также, что я исправно плачу Томашевскому определенные им сто рублей. О себе нечего сказать хорошего — час от часу более ссорюсь с жизнью. Сообщаю тебе известие, которое для тебя так же горестно будет, как и для меня: Катерины Михайловны нет на свете. Веселись, брат; наш круг час от часу уменьшается. Многих уже нет — а те, которые остались, живут розно и не радуются жизнью. По крайней мере, я давно разучился ею радоваться. Что из этого выйдет, не знаю; но смерть всего лучше.

44.

П. И. Голубкову

25 мая 1809 г. Белев

Надеюсь, любезнейший Петр Иванович, что ты не откажешься исполнить усердную просьбу старого твоего приятеля и сослуживца в полку знаменитого Роде¹. Ты, может быть, удивисься, когда скажу тебе, что и я имею дело с юстициею, с этим слепым божеством, у которого глаза в руках. Кажется, зачем бы журналисту² заглядывать в курьезное жилище госпожи Фемиды, но так оно случилось; самый глупый процесс обрушился на меня, как бомба со всеми своими принадлежностями. Вот в чем состоит мое дело. Бог наградил меня четвернею верных слугителей; один из них, и тебе знакомый, откупился и теперь купечествует в Москве; трое остальных, все мастеровые, ходили по воле и во всё это время были уверены, что платят мне оброк, которого я и в глаза не видывал. Вдруг пришло им в голову, или, лучше сказать, сам черт, под видом одного крючкотворца из уездного суда, посадил им в мысль, что они свободные, что отец их, польский выходец, не был крепостным человеком Афанасья Ивановича³ (от которого он отдан мне и с детьми), а только жил у него по условию — и давай писать просьбу, и ну бить челом в уездном суде, чтобы возвратить им свободу, неправу у них похищенную; но уездный суд вместо свободы возвратил им одну их просьбу, с маленьким нравственным наставлением, в котором сказано, что эта просьба не дельная, то есть, говоря языком правосудия, с надписью. Мои претенденты свободы не удовольствовались; тот же самый слугитель Асмодея, который написал им просьбу в Белевский суд, состряпал в минуту для них новую просьбу в Тулу, которая и послана (по уверению этих господ, уже 3 недели), но еще решения на нее не последовало. Если бы я знал об этом

прежде, то, увидевшись с тобою в Туле, не преминул бы попросить тебя о своем деле лично; но я узнал уже обо всем не прежде, как по приезде своем в Белев, — и вот в чем состоит моя покорная просьба. Просьба моих людей совершенно не дельная: отец их точно польский выходец, но он добровольно пошел в крепость к покойному Афанасью Ивановичу, на что есть у меня и бумага, которую я представлю, если то будет нужно, — следственно, дети его не могут иметь никакого права на свободу и точно принадлежат мне по купчей, данной мне от Афанасья Ивановича. Они не представили в Белевский суд никаких положительных доказательств своей свободы, и потому просьба возвращена и с надписью, без всякого дальнейшего исследования. Они послали бумагу в Тулу — если эта бумага будет уважена и если Белевскому суду велят исследовать дело, то оно может превратиться в продолжительную тяжбу, которая, конечно, должна быть решена в мою пользу, но может наделать мне самых скучных хлопот. Итак, прошу тебя, любезнейший друг, несколько позаботиться о прежнем своем товарище. Первое: узнать, точно ли подана просьба от моих людей: Сергея, Василия и Ефима Казимировых⁴, которые называют себя польскими выходцами. Второе: куда она подана? К губернатору ли, в губернское ли правление? Третье: похлопотать, если можно, чтобы она не пошла в дело, а возвращена была просителем с такою же надписью, как из уездного суда, или чтобы уездному суду приказано было не производить по ней следствия, а только объяснить губернскому правлению, почему он возвратил эту просьбу. Надеюсь, любезнейший друг, что ты не откажешь пожертвовать несколькими минутами тому человеку, который желал бы возобновить старинную связь с тобою не просьбами своими, а услугами. Не забудь, что ты обещал побывать в наших краях. Прости. Когда будешь писать к батюшке и матушке, скажи им мое почтение. Прошу тебя уведомить меня о получении этого письма.

Преданный тебе В. Жуковский

25 мая 1809. Белев

45.

А. П. Юшковой (Зонтаг)¹

<Июнь 1809 г. Муратово>

Любезная из любезнейших Анн Петровна, прошу Вас покорно доставить приложенный пакет в пять этажей в почтамт города Белева, дабы этот почтамт переслал оный пакет в город Москву, в котором городе Москве отнесут его туда, куда надлежит. Если мужик наш приедет и в семь, и в восемь часов вечера, то Вы всё пошлите², хотя на лошади; Федор Александрович³ милостив, а пакет до-

вольно грузен, следовательно и весьма важен. Не забудьте приложить к оному и тетрадку для записания денег.

Я теперь один-одинехонек! Все мои сожители гостят у Плещеевых; я остался дописывать «Вестник»; дописал и посылаю. Простите *troupe charmante**; хотя Вы и одни налицо, милостивая государыня Анна Петровна, но за долг почитаю объявить Вам, что в Вас пребывает целая труппа, именно: три грации из мифологии; два ангела из Старого Завета, да один еще из Магометова Алькорана; начел бы и еще несколько всякой всячины из истории, — но лошадь готова; время летит, надобно еще попросить Вас, чтобы Вы поцеловали за меня раз пяток ручку у бабушки⁴, которой благословением я со всеми вами радуюсь, ибо от него и столбы наши поднялись, да и не косятся!⁵ Также прошу Вас доложить матушке, что я, нижеименованный, в рассуждении того, например, так сказать, оно конечно, — однако, если бы принять в разбирательство, то вышло бы и кстати⁶. Однако думаешь, думаешь и случится что выйдет — а если нет? Впрочем, и то не беда! лихо начать! чихнешь, вспрянешь, аукнешься, съешь репы, наденешь колпак, слава Богу! Всё это значит, что я по приказанию ее разведаль до деревни⁷. Прошу ее благословения и целую ее ручки.

Если есть ко мне письма и журналы, доставьте.

46.

И. В. Лопухину

24 августа 1809 г. Белев

Милостивый государь
Иван Володимирович!

Хотя я уверен, что напоминать Вам о том, что Вами уже обещано, есть дело совсем излишнее, но, получив от Вас Записки Вашей жизни¹ и притом с таким приятнейшим для меня письмом², позволяю себе смело быть с Вами неотступным и даже, если угодно, скучным. К чему такое предисловие, спросите Вы? Всё к тому же! Именно к делу Марьи Ивановны Протасовой³, о котором я уже неоднократно Вас просил и которое, между прочим, послужило еще новым доказательством Вашего особенного ко мне расположения. Оно вступило уже в общее собрание Московского сената, где должно быть рассмотрено в свое время, — а просьба моя состоит в том, чтобы Вы обратили на него такое же благодетельное внимание, как и прежде. Повторяю эту просьбу. Уверен истинно, что она бесполезна.

Позвольте при этом случае затруднить Вас вопросом: какого Вы мнения о самой тяжбе Марьи Ивановны Протасовой? Может ли она по законам решена

---

* Прелестная компания (*франц.*).

быть в ее пользу, и права ее не усилены ли недавно решившимся процессом Голицыных о имении, которое покойным Александром Михайловичем Голицыным оставлено было больнице⁴, процессом, по которому точно объясняется, что имение, *купленное* в роде, выходит из него и становится благоприобретенным? Можно ли надеяться, что Вы удостоите на всё это меня ответом? Еще раз повторяю, простите мне мою неотступность. Я желал бы, чтобы всякая добрая вера могла быть так сильна, как моя вера в Вашу снисходительность к тем людям, которые нападают на Вас с просьбами.

В заключение доложу Вам, что, *первое*, я исполнил Вашу комиссию в рассуждении барона⁵ — пенял ему, он кается, но любит Вас по-старому и что, *второе*, Вы, позволив мне дать копию с Ваших Записок, сделали еще одного человека Вам благодарным. Экземпляр для Тургенева⁶ переписывается, но медленно, здесь нет таких скорописцев, как в Москве. Доложу Вам еще за новость, что мой «Вестник» принадлежит теперь к числу тех оракулов, которых по уничтожении идолопоклонства называли просто болванами, — ему запрещено уже бредить политикою⁷.

Еще увереваю Вас в истинной моей к Вам привязанности, честь имею быть Вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою

В. Жуковский

1809го года
августа 24го дня
Белев

47.

А. И. Тургеневу

<Конец августа 1809 г. Белев>

Я получил твое письмо, любезнейший друг. Благодарю тебя за препоручение твое написать ответ на письмо к Саратовскому жителю¹. Постараюсь выполнить его как можно лучше, теперь могу сказать тебе только одно: пришли мне тотчас печатный экземпляр, как скоро выйдет на свет. Я думаю, что к 1-му или 15 ноября не будет поздно отвечать. Прежде не успею. И нет, кажется, нужды спешить. Вслед за этим письмом получишь непременно другое. Но я не знаю, верно ли ты получаешь мои письма, ибо я не имею от тебя ответа на такое письмо, на которое должен бы был непременно получить ответ. В следующем письме буду отвечать насчет курса словесности²; я имею об этом довольно сказать тебе. Теперь прости, мой любезный, добрый и всегдашний друг. Радуюсь, что ты, живучи с людьми, более и более думаешь, что наша дружба для нас обоих необходима. Я, будучи гораздо тебя уединеннее, час от часу это чувствую. Дай Бог, чтобы то время скорее пришло, в которое мы бы могли сказать решительно и с большим основанием: мы живем друг для друга. Теперь мы живем

только в одном мире и знаем, что наша дружба может быть нашим счастьем. Когда эта возможность исполнится и не будет в одном воображении. Нам надобно не только быть друзьями, но должно, чтобы дружба наша была для нас благодетельна и чтобы мы это чувствовали, следственно, были этим счастливы. Прости. Ив<ан> Володимирович, думаю, уже писал к тебе; по крайней мере, он обещал мне к тебе написать. Он подарил мне экземпляр своих Записок³; я велел уже для тебя, с его позволения, списывать; когда допишут, получишь. Прости, обнимаю тебя.

48.

А. И. Тургеневу

15 сентября 1809 г. Белев

Белев 15го сентября 1809

Сначала буду отвечать тебе на последнее твое письмо от 31 августа¹, любезнейший друг. Ты спрашиваешь, какое содержание того письма, которое было от меня тебе послано и тобою не получено² и что нужно по нем исполнить? Содержание его для меня важно, но исполнение по нем можешь сделать во всякое время. Я писал в такую минуту, когда для меня необходимо было к тебе писать, и просил тебя, чтобы ты меня уверил, что твои слова: *ты забыл меня совершенно*, написанные тобою в заключении одного из стародавних и NB последних твоих писем³, были не иное что, как только слова, без всяких мыслей написанные, что ты уверен в моей истинной к тебе дружбе, которая ни на минуту не ослабевала, а, право, со времени минутного нашего свидания с тобою в Москве удвоилась. Получить от тебя такое драгоценное для меня уверение было мне нужно, и я очень сожалею, что письмо мое потеряно: уверен, что его не донесли на почту, ибо я писал из чужой деревни, в которой останавливался, проезжая в Орел. Так тому и быть! Но что отсрочено, то не потеряно! Ты и теперь можешь сделать мне ответ на мою задачу. Я писал к тебе еще (что повторяю и теперь и что надеюсь повторять по самую смерть), что я желаю, чтобы наша дружба с тобою была не одною только мыслью, но делом, и *главным делом* жизни, что нам надобно воспользоваться жизнью *вместе*, и не только *знать*, но и вместе *чувствовать на опыте*, что мы друзья, следовательно иметь всегда в виду, что мы со временем будем *вместе* и будем стараться друг другу доставить то счастье, которого напрасно искали в других местах (по крайней мере, это могу сказать о себе: я еще не знаю, что такое счастье, выключая разве только те минуты, когда пишешь; но это минуты). На всё это ожидать ответа надобно с нетерпением; потому-то я и написал, что ты *должен* был отвечать на письмо мое; но это-то письмо именно и пропало. Досадно, а нечего делать.

Я уже отпел панихиду политике⁴ и нимало не опечален ее кончиною. Правда, она отымет у моего журнала несколько подписчиков, — но так тому и быть. Это ничуть не умалило моего рвенія; напротив, чувствую желание сделать журнал мой из дурного, или много-много посредственного, хорошим. Издавать его буду не один, но вместе с Каченовским. План наш распространится, о чем узнаешь из объявления⁵. Если бы ты не был и ленив, и беспечен, то мог бы быть весьма полезен моему изданию. Первое, доставляя разные известия о ученых обществах петербургских, о литературе, театре и разных разностях, являющихся на горизонте петербургского мира; или по крайней мере ты мог бы надумать двух-трех и до полдюжины хлопотливых и умных человек (напр<имер>, Костогорова), которые присылали бы мне разные известия, с полною доверенностью делать из них что мне рассудится. Также не худо бы было, если бы ты снабжал меня и книгами, *годными* для журнала, за которые получал бы от меня деньги аккуратно, ибо типография ассигновала на сии издержки 200 рублей и более; но ты ленив, и ленив, и ленив. Надеюсь, одним словом, что «Вестник» на следующий год будет занимательнее, любопытнее, разнообразнее и вдвое менее принесет доходу. Но черт побери те доходы, которые к нам не доходят!

Письмо от Саратовского жителя⁶ будет написано непременно, к тебе прислано на цензуру, но не прежде, как в декабре; теперь я занят другим — пишу стихи⁷, и после опять примусь за стихи — следовательно проза к черту! Но на будущий год и прозы будет в моем журнале довольно! Боюсь только залениться. А планов и предметов в голове пропасть, и пишется как-то скорее и удачнее прежнего. *Honni soit qui mal y pense*^{*8}.

Не стыдно ли Блудову не написать ко мне ни строчки и лениться так же, как я? Не вздумал ли он, что я его забыл? Нет, братцы, прошу вас никогда не воображать обо мне такого сраму. Я ваш вечно, душою и мыслями: но что прикажешь делать, если нет другого средства говорить с вами, как через письма! Мы будем вместе, будем и тогда...

Теперь слово о моем Собрании⁹. Я издаю не *примеры*, но полное собрание лучших стихотворений российских — книгу, которая могла бы заместить для людей со вкусом и для не весьма богатых людей собрание всех сочинений русских поэтов каждого порознь. Беру из каждого лучшее и, всё это смешав вместе, предлагаю нашей публики душистое *pot-pourri*^{**}, в котором между лилеями, розами и жасминами не забыты и ландыши и другие полевые цветы, то есть, говоря без глупых фигур, в котором между лучшими произведениями лучших стихотворцев должны быть помещены и лучшие произведения посредствен-

---

* Да будет стыдно тому, кто об этом дурно подумает (*франц.*).

** Букв.: «рагу из разных сортов мяса»; кроме того, имеет значения «смесь, всякая всячина» и «смесь из цветов и благовонных трав для создания аромата в доме» (*франц.*).

ных, следовательно, в сравнении с первыми посредственные, однако не дурные: под вывескою *посредственного* выступают все те стихотворения, которые выберу я из полных сочинений наших второстепенных авторов и из журналов¹⁰. И кому удалось во всю жизнь свою написать один только порядочный quatrain^{*}, за что ж этому бедному сироте погибать в глуши какого-нибудь журнала? И я, по милости своей, даю ему пристанище в моем Собрании стихотворцев, которое по многим отношениям будет сходствовать с домом *странноприимным*¹¹, удивляющим за Сухаревою башнею путешественника. Вот расположение моего собрания; оно должно состоять из пяти, если не из шести, полновесных томов¹²: в первых двух или трех *лирическая поэзия*; в следующих по порядку: *басни, сказки, элегии*, и прочее и прочее до *дистиха*¹³. Порядок смешан будет с разнообразием; роды поэзии отделены один от другого, зато авторы перемешаны и отличаются один от другого только именем и — слогом. Всё уже списано и приведено в порядок; остается дополнить некоторыми оставшимися дрожжами из журналов (и то из некоторых, ибо все почти перечитаны). Посылаю тебе на апробацию роспись всем назначенным пиесам; просмотри ее вместе с Блудовым и назначьте то, что забыто и что выкинуть. Прошу, однако, помнить, что между превосходным я поместил и посредственное; если пиеса написана чистым слогом, вообще недурна и имеет хорошее, то я принимаю ее без зазрения совести, ибо хочу, чтобы в собрании моем были *chef-d'oeuvres*^{**} *всех* наших стихотворцев без исключения. Если есть у тебя или у твоих знакомых хорошие рукописные пиесы, еще неизвестные или известные, но мною забытые, доставь их мне непременно, а я буду благодарить тебя от всего сердца. При каждом томе будет портрет и виньетка¹⁴. Если это издание будет принято хорошо, то при втором¹⁵ приложу и собственное рассуждение о разных родах поэзии и прочее — но этому быть еще не скоро. Прозы не будет.

Таков мой план — я уже уговорился о печатании. До сих пор останавливало меня одно: я опасался, не будут ли сердиться на меня некоторые мажоры нашей поэзии, то есть всего на всё *Державин* и после него в большем отдалении *Крылов* и *Востоков* с компаниею, за то, что я обокрал их стихи. Кажется, не намерен их обидеть, но чем черт не шутит. Ты бы много одолжил меня, когда бы у первого *униженно* истребовал мне позволения повытаскать кое-что из его сочинений и приложить к сему выбору его портрет¹⁶; а портреты будут *Державина, Ломоносова, Карамзина, Дмитриева, Хераскова* и еще которого-нибудь из мажоров; думаю, *Богдановича* или *Фон-Визина*, хотя последнего стихов мало¹⁷.

По твоему письму кажется мне, однако, что ты сам занимаешься подобным собранием¹⁸; не помешаю ли я тебе? Если надобно, я всё оставлю и даже могу

* Четверостишие (франц.).

** Лучшие произведения (франц.).

тебе помочь своим. Расположи это как хочешь; я на всё буду согласен. Или не возьмешь ли на себя одну прозу — и выдадим вместе. Ты трудишься по препоручению какой-то *высокой* особы; не можно ли, чтобы и я в этом участвовал? Впрочем, воля твоя да будет — ты господин полновластный моего собрания, и я без твоего ответа не приступлю к изданию; следовательно изволь отвечать немедленно. *NB.* По письму твоему вижу, что ты не очень жалуешь *Востокова*¹⁹. Грешешь, любезный друг; этот человек с истинным стихотворческим талантом. Я предсказываю, что он будет одним из хороших наших стихотворцев. Надобно ему только очистить слог. В его стихах виден человек с мыслями, с чувством, с воображением и наполненный духом древних. Желая от всего сердца ему образования и успеха. Я буду *говорить* об нем в своем журнале, ибо Каченовский говорил о его таланте в своей критике на *Лирические его опыты*²⁰.

Записки И<вана> Вол<оdimировича> списываются для тебя, но очень медленно; ибо здесь, в православном Белеве, нет переписчиков; но я доставлю их тебе непременно, в этом будь уверен. Что ни говори, но Иван Володимирович (если забыть только его несчастные и, можно сказать, неизвинительные беспорядки в отношении к долгам) есть человек необыкновенный, и, прочитав его Записки, пожелаешь, чтобы таких людей было поболее, а для себя сочтешь счастьем пользоваться их дружбою. Не читав их, я был как будто в нерешимости, любить ли его или нет, но, прочитав, решился к нему привязаться более и более: рассчитавши всё, доброе и необыкновенно доброе превосходит в нем дурное, а последнее имеет источником также доброе. Впрочем, не всё в его Записках мне нравится, и они были бы плодovитою материею для наших с тобою разговоров. Ах! если бы ты мог приехать в январе в Москву — какое было бы для меня счастье! Подумай об этом. Но возвратимся к Ивану Володимировичу. Не послать ли мне ему твоего письма, в котором ты говоришь о расстройстве, причиняемом тебе его неплатежом вашего долга? Это могло бы послужить вместо твоего с ним объяснения²¹.

Я надеюсь, что ты непременно доставишь мне бюст И<вана> Петровича²². Этот подарок будет для меня очень важен. Также хотелось бы мне очень, чтобы ты прислал мне журнал брата Андрея²³: это единственный памятник, который напоминает, или, лучше, изображает его (ибо нужно ли напоминать об нем?) весьма живо. Ты много, много бы одолжил меня этим. Разумеется, я прошу только *списка*.

Вышла ли «Поликсена»?²⁴ Доставь ее мне поскорее! По дурной критике, напечатанной в «Цветнике»²⁵, заключаю, что план этой трагедии очень прост и отзывается древностью. Между приведенными стихами в примере есть прекрасные, но мало. Озеров с великим талантом и чувством²⁶. Я беспрестанно ссорюсь за него с Карамзиным, который называет «Фингала» дрянью. А «Фингал» делает честь нашей поэзии: три прекрасных характера, Моины, Фингала и особливо

Старна, который весь принадлежит Озерову, ибо в хороших французских трагедиях я не знаю ни одного *мстительного отца*²⁷.

Ты хочешь, чтобы я прислал тебе *полную* роспись моих произведений (!!) в стихах и прозе и переводов для помещения обо мне известия в вашем обозрении. Hélas! Pauvre Jacques! Je sens trop fort ma misère²⁸. Пусть скажут: он перевел «Дон-Кишота»²⁹, но *как* перевел, ни слова, ибо.....³⁰, и что сего творения будет скоро напечатано второе издание³¹, кое-как поправленное; все же прочие поделки мои заключены в «Вестнике», начиная от *Карамзина* до *Жуковского*. Вот и всё. К Мерзлякову пиши сам об этом, потому что мне весьма лень.

Прошу прислать мне примеры *стихотворений* *Буниной*³², «Письмо к Нижегородскому помещику»³³ и «Les treize journées de Gagarine»³⁴.

О возвращении своем еще не знаю, в октябре или в декабре³⁵. Тогда напишу, если не поленюсь, или заставлю написать твоего Сергея³⁶, с которым надобно познакомиться покороче. À propos^{**}: пишет ли Николай?³⁷ Нет ли чего в его письмах годного для «Вестника»? И что Андрей Сергеевич?³⁸ Я видел последнего в проезде его через Москву: добрый малый, всё тот же; надобно, чтоб он навсегда остался нашим. Скажи ему это, когда будешь писать. Я обнимаю его от всего сердца, и тебя, и Блудова, которому должно без всяких околичностей верить моей истинной дружбе. Прошу вас, братцы, любите вашего Жуковского — вашего всегда, всегда и от всего сердца.

Я получил от Петра Петровича Тургенева³⁹ письмо. В конце его стоит следующее: *Что говорю и пишу, от того не отрекусь: Александр мой вляйся волнам житейским!* Что это значит?⁴⁰

49.

А. И. Тургеневу

<2 декабря 1809 г. Москва>

Здравствуй, любезнейший друг, обнимаю тебя от всего сердца; на следующей почте буду к тебе писать более¹ и просить письма к Гагарину². Теперь некогда. Нельзя ли поискать мне в Петербурге книги: «Handbuch der Erziehung» von Niemeuer, последнее издание, в 3-х томах³. Обними за меня Блудова.

Твой Жуковский

---

* Увы, бедный Жак! Я слишком сильно чувствую свою бедность! (*франц.*).

** Кстати (*франц.*).

1810

50.

А. А. Перовскому

<20—25 января 1810 г. Москва>*

Посылаю к Вам, любезнейший Алексей Алексеевич, мое письмо, которое прошу Вас доставить князю¹. Я привез бы его непременно к Вам лично, когда бы не боялся, что не застану Вас дома. Пользуюсь этим случаем, чтобы просить Вас о сохранении мне Вашего знакомства: в противном случае Вы меня сделаете суевером; я могу счесть Вас за привидение, которое, показавшись глазам моим на одну минуту, пропало; а я не охотник до привидений, потому что их боюсь... Но что же значат все эти чудесные мистические фразы? Они значат, что Вам надобно будет непременно дать мне знать о своем возвращении в Москву, как скоро Вы приедете из Новгорода; тогда постараюсь Вам объяснить как-нибудь потолковитее, что мне непременно надобно быть хорошо с Вами знакомым, потому что сие приятное почитаю нужным и даже здоровым. *Von voyage*^{*} и будьте здоровы.

Ваш покорный слуга *Жуковский*

51.

П. А. Вяземскому

<20—25 января 1810 г. Москва>*

Я хотел писать к тебе по почте и просил вашего человека, чтобы дал мне знать, когда Катерина Андреевна¹ будет посылать свое письмо, чтобы приложить к ее письму и свое, потому что я не знал, куда к тебе адресовать. Теперь имею случай доставить к тебе мое письмо через Перовского, пишу с ним². *Mon cher et pauvre ami*^{**}, тебя не нужно уверять, как я разделяю твою потерю³; она и моя собственная; я плакал очень много, смотря, как опускали тело сестры в могилу и смотря на бедного мужа, которому я за несколько месяцев завидовал. Я ждал тебя во всё это время с нетерпением, будучи уверен, что ты приедешь: я думал, что тебе не скажут о твоём несчастье до твоего возвращения. Ты зовешь меня к себе — это приглашение почитаю истинным знаком твоей ко мне дружбы и благодарю тебя за него от всего сердца; для меня, право, неизъяснимо больно, что я не могу тебя возблагодарить за него исполнением твоего желания, которое в то же время и мое; именно в эту минуту нельзя мне отсюда

---

* Счастливого пути (*франц.*).

** Мой дорогой и несчастный друг (*франц.*).

уехать⁴, не остановив журнала, который при всей своей бедности должен быть выдаваем безостановочно; ни строки не заготовлено вперед; Каченовский не может заняться изданием один, у него есть университетские и канцелярские дела, которых теперь гораздо более, потому что граф Разумовский собирается в Петербург⁵; словом, мне невозможно, и я бешусь на эту невозможность. Зато вот тебе мое слово: я поеду с вами в деревню и проживу у вас месяц непременно. Теперь прошу тебя об одном, любезный и добрый друг — не останавливайся ни на каких черных мыслях; рассеивать твоей унылости я и не желаю: как лишить тебя той горести, которая не может не быть дорога, потому что она единственно привязывает тебя теперь к твоей милой сестре; другие связи с нею все кончились; я сам, мой милый друг, вспоминал о твоей печати, она была отдана при мне, я и теперь помню, как она поспешно вышла из горницы, чтобы скрыть свои слезы. *Oui, mon ami, de votre soeur elle est devenu votre ange tutélaire. Cette idée n'a rien de chimérique étant vrai. Elle est en même temps consolante — et elle ne peut pas ne pas être vraie, puisque Dieu existe. Cette vérité a pour moi une évidence invincible — les liens de sentiment ne peuvent pas être anéantis par la mort et il y a une vie éternelle! Que serait Dieu s'il pouvait créer des êtres aussi charmants, qu'elle l'a été, seulement pour quelques instants d'une existence fugitive, seulement pour goûter la mort, sans pouvoir goûter la vie! Divinité, peut elle agir sans but!** Это я думал еще за несколько дней до нашей общей потери, неся гроб молодой женщины, над которою за десять месяцев перед тем держал венец и которая умерла под ножом оператора, будучи не в состоянии родить! И через несколько дней потом я увидел могилу твоей сестры. Ты пишешь: *inspirée dans ce moment elle ignorait elle-même que sa devise devenait mystique — je vis dans l'espérance d'une réunion et en même temps je me trouve dans ce monde privé de tout. J'ajouterai: conservez cette espérance; Dieu vous garde de la perdre; mais ne dites pas que vous êtes privé de tout. Vous avez des amis**.*

Вчера я был у Карамзина; он поднялся, но он был на шаг от смерти. *Sa femme a vraiment une âme grande, son état a été un des plus affreux, qu'on puisse*

---

* Да, мой друг, из твоей сестры она сделалась твоим ангелом-хранителем. Эта мысль несколько не химерическая — это истина. И в то же время это утешение — она не может не быть истиной, поскольку Бог существует. Эта истина для меня — неотразимая очевидность, душевные связи не могут быть отменены смертью, и вечная жизнь существует! Чем был бы Бог, если бы Он создавал существа столь прелестные, как она, только для нескольких мгновений быстрой жизни, только для того, чтобы они вкусили смерть, не вкусив жизни! Может ли Божество действовать без цели! (*франц.*).

** Воодушевленная, в этот момент она сама не ведала, что сказанные ею слова прозвучали мистически — я живу надеждой на воссоединение, и в то же время я нахожусь в мире, лишенный всего. Я добавил бы к этому: сохрани эту надежду, Бог да убережет тебя от ее потери, но не говори, что ты всего лишен — у тебя есть друзья (*франц.*).

s'imaginer, mais elle a tout supporté, et avec quelle fermeté à Dieu. *Au revoir, mon cher ami!* Pensez toujours, que ces mots vous lient aux vivants, aussi bien qu'à celle qui n'existe pour vous qu'au de la de cette vie! Pensez que dans ce nombre de ces vivants existe un qui vous aimera toujours, c'est moi*.

Едва с младенчеством рассталась!
Едва для жизни расцвела!
Как непорочно улыбалась!
И ангел красотой была!
В душе ее, как утро ясной,
Уже рождался чувства жар...
Но жребий сей цветок прекрасной
Могиле приготовил в дар!
И дни Творцу она вручила!
И взоры тихие закрыла,
Не сетуя на смертный час!
Так след улыбки исчезает!
Так за долиной умолкает
Минутный Филомелы глас!⁶

52.

П. А. Вяземскому

1 февраля <1810 г. Москва>*

1 февраля

Comment cela va-t-il, cher ami? ** Где ты теперь? Я жду от тебя с нетерпением ответа, желая узнать, каков ты и что у тебя на душе! Ты очень бы меня обрадовал, когда бы написал ко мне, что скоро будешь в Москву¹: я этого желал бы и для тебя, и для себя. Для тебя потому, что здесь, я уверен, было бы тебе несколько веселее, тебе нужны теперь люди, более к тебе близкие, а меня и всех тех, которые к тебе привязаны, избавил бы ты от тягостных мыслей, что ты, может быть, излишне предаешься своей печали. Сверх того, очень вероятно, что я решусь уехать в Петербург; если решусь, то уеду очень скоро, и мне весьма будет жаль, если отъезд мой случится прежде твоего возвраще-

---

* Его жена истинно великодушна, ее состояние было так ужасно, как только можно вообразить, но она перенесла всё, твердо уповая на Бога. Прощай, мой милый друг! Думай всегда, что эти слова связывают тебя с живыми так же прочно, как и с той, кто существует для тебя только по ту сторону этой жизни. Думай, что среди живых есть один, кто всегда будет тебя любить, — это я (*франц.*).

** Как дела, дорогой друг? (*франц.*).

ния в Москву: я сердечно желаю тебя увидеть. Напиши же ко мне скорее, хотя несколько строк.

У твоих бываю часто. Ник<олай> Мих<айлович> оправляется², и они дней через пять переедут в дом Кушникова³. О себе самом нечего тебе сказать доброго: скучный «Вестник», и скучный «Вестник», и еще скучный «Вестник» — более ничего. Что бы ни было, а нынешний год есть последний моего ежемесячного бреда⁴: надобно делать что-нибудь лучшее, чтобы не стоить твоих эпиграмм, которыми, если верить внутреннему убеждению, ты, без сомнения, награждал меня и заочно, и в присутствии своей незнакомой Пермьки⁵. Хотел было написать к тебе много, но в голове у меня такая вьюга, какая и на дворе. Это случается, думаю, и с тобою: по крайней мере, сужу так по прежним твоим письмам — говорю *прежним*, потому что *теперешних* нет, великодушие твое несколько захворало — одни были такие длинные и веселые, а другие короткие и только злые.

Вчера узнал я, что Перовский здесь, остался за болезнью матери⁵; об этом очень сожалею: ты теперь без доброго товарища; он показался мне любезным и умным и добрым, сколько могу судить по первому орлиному взгляду. Удивительное дело! Нынче поутру собирался к тебе писать, и в голове было много кой-чего; но вот подымись вьюга, испортись желудок, найди на мя гонение Божие, именуемое *запором*, и мысли все стугишася аки содержащееся в моих кишках, тяну их за волосы, и всё упираются. Словом, надобно бросить перо. По крайней мере, скажу тебе то, что и в запор, и в понос, и в ясный, и в пасмурный всегда одинаково, именно, что я люблю тебя всем сердцем.

Au revoir, mon cher ami*.

53.

И. И. Дмитриеву

10 марта 1810 г. Москва

М<илостивый> г<осударь> И <ван> И<ванович>!

Я теперь вдвое благодарю Вас за то, что Вы поручили мне быть корректором Ваших сочинений¹: эта приятная обязанность доставила мне выгоду получить от Вашего превосходительства письмо, которое было чрезвычайно для меня лестно и которое подтвердило мое уверение, что Вы расположены ко мне и в Петербурге так же благоприятно, как и прежде в Москве. Проведя целый год в важнейших государственных заботах², Вы засыпаете каждый вечер с приятною мыслью о своем уединенном московском домике³, о своем

* До свидания, мой дорогой друг (франц.).

саде, о своей люльке доброго эгоиста⁴, о своих московских знакомых — это я слышал от нашего почтенного, возвратившегося из царства мертвых, историографа⁵. И я желал бы, чтобы эта черта была известна Вашему будущему биографу, хотя (со многими вместе) желаю, чтобы дело дошло до Вашей биографии как можно позже.

О себе имею честь доложить Вам, что я, Ваш молодой счастливец во всех отношениях, и по сию пору еще перехожу мыслью от одного понятия о счастье к другому и не знаю еще, на котором остановиться; самыми счастливейшими минутами были для меня по сие время минуты стихотворных родов. Иногда, вообразив, что счастье в Петербурге, готов уже взять подорожную; то вздумается, что оно на каких-нибудь швейцарских горах, и я мечтаю о путешествии в Швейцарию, о двух-трех годах, проведенных у Песталоция⁶, для того чтобы завести что-нибудь подобное его институту в России и быть через то истинно полезным. Часто останавливаюсь мыслью в том идеальном доме, в котором живет моя жена, и в эти минуты обыкновенно досадно, что Вы не исполнили своего намерения женить меня на миловидной немке из немецкой слободы. Одним словом, дай Бог здоровья моему воображению: оно любит разгуливать по-прежнему.

Но позвольте возвратиться к существенному. Первый том стихотворений Ваших совсем отпечатан⁷. Я снова взял его перечитывать и заметил уже ошибок с пять; заставляю читать и своего сожителя Соковнина⁸; Плат<он> Петр<ович> Бекетов⁹ также читает и обещал со мною снестись. Одним словом, мы ведем с большою деятельностью наступательную и оборонительную войну с наборщиками и опечатками. Желал бы я, чтобы и Дмитр<ий> Петр<ович>¹⁰ прислал мне записку о том, что он заметит. По всему этому сделаны будут поправки; для важных ошибок вставятся новые перепечатанные страницы, и менее важные внесены будут в конце в эррату¹¹.

В письменном оригинале (перев<од> Горац<иевой> оды к Гросфу)¹² находятся следующие стихи:

Мать-родину свою покинешь,
Ничем ее не заслужишь.
Но от себя не убежишь;
Сердечной власти не отринешь.

Заслужишь есть ошибка г-на секретаря Северина; должно, если не обманываюсь, *заглушишь*. Но отринуть и заглушить *власть* едва ли это ясно. Не рассудите ли это поправить? Я, между прочим, придумал следующее:

Сердечных жалоб не отринешь,
И укоризн не заглушишь.

Или:

Мать-родину свою оставишь,
Но от себя не убежишь,
Умолкнуть сердце не заставишь
И мук его не утолишь (усмиришь, заглушишь).

Смею надеяться, что Вы простите мне мою дерзость. И прочие части буду просматривать с возможным старанием.

И<мею> ч<есть> б<ыть> с совер<шенною> пред<анностью>
В<ашего> П<ревосходительства>,
М<илостивого> Г<осударя>
П<окорнейший> С<луга>

В. Жуковский

1810.
Марта 10.
Москва

54.

А. И. Тургеневу

<Начало апреля 1810 г. Москва>

Благодарю тебя за письмо твое, любезный и истинно любимый друг. Спешу исполнить твое поручение о Копецком¹, которого, надобно тебе знать, совсем не знаю. Я видел его всего на всё один раз у Карамзина, и еще когда-то, за несколько веков перед сим, у Баккаревича². Всё это еще не дает мне права рекомендовать его Дмитриеву³. Впрочем, и нельзя мне присылать никого к Дмитриеву с моими рекомендательными письмами: ты знаешь его щекотливость. Но я говорил о Копецком Карамзину, который и хочет написать об нем И<вану> И<вановичу>⁴. Он не берется утверждать, что К<опецк>ий человек по всем отношениям хороший, ибо он его знает еще меньше меня; но он будет просить Дмитриева, чтобы он его принял и постарался сделать ему возможное добро. Я же с моей стороны прилагаю здесь письмо к Северину⁵, с которым пускай пойдет сам Копецкий. Северин поможет ему дойти до Дмитриева, а тот уже верно сделает ему добро. Ты жалуешься на мое молчание, а я жалуясь на твое — мы квиты! Но ни я, ни ты не будем никогда, верно, жаловаться на обоюдную нашу холодность друг к другу, ибо этого с нами никогда случиться не может. Я не менее тебя, милый друг, жалею о наших потерянных Афинских вечерах⁶; но как быть! Подождем до будущего года — мы будем вместе

И дружбой, и любовью жить,
Из чаши Вакховой забвенью жизни пить,
Искать добро, как мы его искали прежде,
И горем не скучать, бессмертия в надежде⁷.

Прощай.

Жуковский

Ты и забыл написать ко мне, как зовут Копецкого, — то-то аккуратный человек. Я рад заочному знакомству с Уваровым и прошу тебя рекомендовать ему меня от моего имени. Батюшков тебе кланяется.

55.

К. Н. Батюшкову

<7> мая 1810 г. <Москва>

Приезжай ко мне часу во втором, я достал пилигримов¹ — выберем, что нужно. Потом, если хочешь, поедем обедать к Карамзину, а от него вместе в собрание². Пожалуйста, приезжай. Ж.

Мая 1810

56.

П. А. Вяземскому

<Около 1 июля 1810 г. Москва>*

Здравствуй, любезный друг. Спасибо за угощение. Я добрался вчера очень порядочно до Москвы. Выехал из Остафьева¹ в половине девятого, а в десять был уже у Московской заставы. Но сердце ведун — я точно угадал, что Соковнин переехал на другую квартиру². Приезжаю к воротам прежнего дома своего —

Прибиты ставни к окнам,
На воротах запор,
И только что на кровле
Мяучит тощий кот³.

И я принужден был отправиться в странствие, искать своей Дульциней.

Нашел ее, она изволила уже почивать, в силу чего и я сам лег спать. Тем и кончилось мое пребывание в Остафьеве. И письмо это тем же надобно кончить, хотя оно и невелико и вздорное, — но на дворе несносно жарко и здешний жар совсем не остафьевский. Мой усердный поклон Екатерине Андреевне и Нико-

лаю Михайловичу — желаю, чтобы они были здоровы и меня иногда помнили. Детям посылаю игрушки: солдат и лошадь Андрюше, мельницу Соничке, а кукушку Катеньке⁴. Adieu, mon cher^{*}, если умру, чур поскорее забыть. Если ты получишь на мое имя пакет, возврати его поскорее. Я еду в понедельник в ночь⁵.

57.

П. А. Вяземскому

3 <июля> 1810 г. <Москва>^{*}

Сейчас получил письмо твое и сейчас отвечаю — какова честность? Зато и не требуй длинного письма. Я собираюсь в дорогу. Езжу туда и сюда, как угорелый; читаю корректуру; поправляю стихи и прозу; почти не ем; укладываюсь; словом — весь погружен в суету. Следовательно, не могу и отвечать тебе на твой душистый катрень и дистихом. Прощай. Будь здоров. Обнимаю тебя дружески, а чтобы повеселить твою душу, посылаю тебе № «Друга юношества», в котором ругают тебя нещадно и меня тут же за эпиграммы на Боброва¹. Скажи мой усердный поклон твоим; желаю, чтобы они были здоровы и счастливы. Прости, любезный друг.

Твой Жуковский

1810 г. Июня 3-е

58.

А. И. Тургеневу

11 июля 1810 г. Белев

Белев. 1810го июля 11

Пишу к тебе это письмо, любезный и первый друг мой, только для того, чтобы обременить тебя некоторыми комиссиями, которых всего на всё две. Первая: прислать мне, если можно, Шлёцера «Нестора», Гебгартово¹, Машево² и Тунмановы³ сочинения о правах древних славян (титула сих книг не знаю, но слышал об них от Карамзина, и теперь имею в них нужду). Очень много одолжишь, а возвращу эти книги тебе непременно самолично, ибо имею намерение быть в Петербурге. Но только поспеши исполнить эту комиссию поскорее, за что весьма буду тебе благодарен. Вторая комиссия состоит в том, чтобы ты попросил от себя и от меня М<ихаила> Дмитриевича Костогорова⁴ о докторе Мухине⁵, который был чем-то в Медико-хирургической академии и теперь желает после разрушения этой Академии⁶ получить какую-нибудь награду,

---

^{*} До свидания, мой дорогой (франц.).

а Мих<аил> Дмитриевич может попросить за него доктора В...⁷ у которого он служит и от которого эта награда зависит. Вот и всё. О себе скажу тебе, моему истинному другу, что я, при всём неопisanном молчании моем, привязан к тебе по-прежнему всею душою, как к моему брату и верному товарищу в жизни. Надеюсь, что мы не всё будем жить в отдалении один от другого. Я привез сюда в Белев письма твои и брата Андрея⁸, перечитываю их иногда и, кажется, с бóльшим чувством, нежели даже в то время, когда их получил: теперь к прежнему сладкому чувству присоединяется и горестное чувство вечной потери. Скажу, однако, что я никого никогда не любил так, как твоего, или, лучше, нашего незабвенного друга и брата — ты по нем первый. Сказать ли, кого еще я полюбил гораздо живее прежнего, но полюбил, расставшись с ним? — Твоего брата Сергея! Прекрасное сердце! Я был у твоей матушки, надеясь еще застать его (в это время я жил у Карамзина в деревне и заезжал в Москву на час), но он уже уехал⁹, и матушка твоя очень меня тронула, рассказывая о его с нею прощании. Вообще в последнее время были мы с ним несколько чаще. Подождем будущего! Авань... Так, *авось* дело прекрасное! Что же касается до настоящего, то отвечай мне скорее, скорее. Не знаешь ли чего-нибудь о Блудове?

59.

А. И. Тургеневу

<Август 1810 г. Белев>

Спешу написать тебе несколько слов, любезнейший друг, чтобы успокоить тебя насчет присланных тобою мне книг. Я получил их и благодарю тебя от всей души за твое поспешное исполнение моей просьбы¹. Шлёцер в прибавлении четвертой части «Нестора» говорит о своем сочинении «Geschichte der Deutschen in Siebenbürgen»², в котором есть история печенегов. Нет ли у тебя этой книги? Весьма много одолжишь, если мне ее доставишь. Также позаботься и о тех книгах, которых я у тебя просил³. Ты сам лучше меня теперь знаешь, что мне нужно для того плана, который у меня в голове⁴. Я не хочу быть историком, но хочу иметь основательное понятие о древности Славянской и Русской. Не получив его, и за дело приниматься не должно. Отвечай на это и на первое мое письмо поскорее. Также дай знать и о том, как ты располагаешь с приездом в Москву? Постарайся так приехать, как я писал в прошедшем моем письме, но дай мне об этом знать заранее. Прости, любезнейший друг! Будь здоров, не забудь осведомиться и постараться о Гриневе⁵.

Твой Жуковский

Напиши от меня дружеский поклон к братьям Сергею и Николаю. Нельзя ли доставить мне некоторые Николаевы письма?⁶ Матушка твоя сказывала, что

иные из них годились бы и в «Вестник». Для чего же ты не хочешь которого-нибудь из них напечатать? Еще раз повторяю просьбу мою о доставлении мне сочинения Уварова⁷.

NB. Schlözer's Nordische Geschichte⁸ у меня есть.

Что, если мы сделаем будущую весною путешествие в Киев? Пришли, между прочим, и Гельмольда⁹ и Гебарда¹⁰. О целости книг твоих не сомневайся. Назначь, прошу тебя, мне все те русские книги, которые годились бы мне для моего плана.

60.

А. И. Тургеневу

12 сентября 1810 г. <Муратово>

Благодарю тебя, любезный мой Миллер¹, за длинное твое письмо и за всё то, что в нем заключается. Несмотря на твою деятельность (которой письмо твое, написанное на добрых восьми страницах, могло бы быть неоспоримым доказательством), я начинаю думать, что ты неизлечимый ленивец, и сверх того еще уверяюсь, что ты никогда не заглядываешь в моего «Вестника» — (признаюсь сам, что он весьма худой журнал, и ты бы рассердил меня, если бы вздумал в угождение моему самолюбию и вопреки искренней дружбе его хвалить), — но оглавление каждой книжки прочитать было бы нетрудно, а взявши этот труд на себя, ты и увидел бы, что письма Миллеровы, и именно те, которые посвящены тебе в моих мыслях, переведены мною. Чтобы избавить тебя от скучной работы перебирать все книжки «Вестника», скажу, что эти письма найдешь ты в № 16 на странице 263². Они переведены хорошо, ибо я переводил их с истинным удовольствием; хотя ты и можешь заметить в слогe некоторые бездельные неисправности, напр<имер>, в ином месте частые повторения одних и тех же слов, но эти ошибки остались оттого, что я не перечитывал сам, по причине моего отсутствия из Москвы, корректуры: а в манускрипте никогда не заметишь тех погрешностей, которые увидеть можешь в печатном листе. Итак, первая задача решена: *ты не читаешь «Вестника»*. Но это преступление и не важное, ибо в нем ты не найдешь и не можешь искать *меня*. По какой причине? Об этом говорить теперь не стану. Вторая задача: *ты ленивец!* Как, ленивец? Написавши восемь страниц? Первое доказательство: при этих же восьми страницах ты мог бы прислать мне *Миллеровы письма*; но тебе лень было их завернуть в бумагу и сказать человеку своему: отнеси эту посылку на почту, написав на ней адрес. Второе доказательство: ты *думаешь* о выборе мне книг из своей библиотеки, *угадывая* мое намерение. Через две недели по получении моего письма ты начал только *думать*, тогда как стоило бы только обойти кругом все свои шкапы и вынуть из них без всякого предварительного *обдумывания* все книги, касающиеся до Российской истории, и потом из этих же книг отложить те, которые

мне нужны (и это было бы гораздо легче сделать, имея их все перед глазами, нежели просто об них думая, следовательно подвергая себя опасности иную и забыть); а, отложивши, отправить их по почте, таким же точно образом, как и Миллеровы письма. А *угадать* мое намерение было тебе не совсем трудно, ибо я описал его тебе весьма подробно. Что же касается до моего *плана*³, то он только что посеян в моем воображении, а созреет тогда только, когда семена будут напитаны теми материалами, которых я от тебя теперь требую.

Вторая задача решена: ты ленивец! Вот и некоторые дополнительные доказательства. Я просил тебя о доставлении мне Шлёцеровой книги «Die Deutschen in Siebenbürgen»⁴, где есть что-то о печенеггах; но ты не *подумал* об этой комиссии, или, может быть, только *думаешь*.

Но полно браниться! Какой-то тихий голос сказал мне в эту минуту на ухо твоими словами: *this man is my bosom-friend!** — и я обнимаю тебя заочно со всею искренностью верной дружбы. Еще раз благодарю, любезный друг, за «Нестора» Шлёцера. Я прочитал с *жадностью* первую часть, служащую введением, и ожидаю с нетерпением октября, в котором начнется мой курс отечественной истории; прежде я не могу этого сделать, ибо я теперь не в Белеве, а в другой деревне, находящейся под Орлом⁵, где нет со мною ни карт, ни других книг, без которых не хочу начинать этого чтения. Читая русскую историю, буду иметь в виду не одну мою поэму, но и самую русскую историю; но в истории особенно буду следовать за образованием русского характера, буду искать в ней объяснения настоящего морального образования русских. Это мне кажется прекрасною точкою зрения, и со временем может выйти из моих замечаний что-нибудь весьма полезное (пишу это про тебя). Политические происшествия можно назвать воспитанием того отвлеченного существа, которое называют *нациею*. Читая историю в этом отношении, то есть наблюдая, каким образом воспитатель могущий народов (Судьба, Провидение, Творец) образовал их характер, увидишь и средства, каким образом можно исправить то, что испорчено воспитанием, дополнить недоконченное, воспользоваться выгодным, уничтожить вредное. Эта мысль (которая может служить точкою соединения всех наблюдений), признаюсь, восхищает меня. Я теперь нахожу в себе гораздо более расположения к деятельности; может быть, такая перемена произошла во мне оттого, что я *деятельность писателя* теперь поставляю единственным своим благом, зависящим от меня, и хочу к этому благу стремиться, отказавшись от всех *других*, от меня не зависящих и неверных, предоставляя себе, однако, воспользоваться ими, если они на дороге мне представятся. Но я удалился от Шлёцера.

Этот человек имеет дар оживотворять самую сухую науку исторических древностей (а северные древности не римские и не греческие). Его можно на-

---

* Этот человек — мой близкий друг (англ.).

звать Лессингом, Лагарпом истории; он привлекательно говорит и о скучных ошибках переписчиков «Нестора». Слог его приятен не искусством писателя, но тою твердою логикою и тою экономическою краткостью, благодаря которым мысли его представляются вдруг, ярко и в связи рассудку читателя. Таких критиков весьма немного. Но он иногда бывает излишне недоверчив; особливо странно то, что он сомневается в существовании Песни Игоревым воинам⁶, тогда как она давно напечатана⁷ и имеет, кажется мне, наружность неотрицаемой истины (*autenticité*). Сердит меня немного и то, что он, писавши книгу свою и для русских (которых неученость ему известна), испестрил ее огромными греческими и латинскими тирадами. Немцы красно говорить не хотят или и не умеют, имея слишком *дельные* головы; не отнимая у них ничего из этой полезной дельности, желал бы, чтобы они заняли несколько ветреной привлекательности у французов (англичане, кажется мне, занимают истинную средину между ними и французами). Я желал бы иметь все или по крайней мере избранный сочинения Шлёцера; например, я с большим удовольствием прочел бы его «*Selbstbiographie*»⁸. Есть ли у тебя его «*Probe Russischer Annalen*»?⁹ Он часто ссылается на эту книгу в своем «Несторе». Но для избежания многословия прошу тебя исполнить следующее, без всякого предварительного обдумывания (*à l'allemande*^{*}): 1° — пришли мне Миллера (я буду переводить из него отрывки, а со временем, может быть (разумеется, исподволь), переведу и все письма; они будут точно посвящены тебе, хотя бы я выдавал их и на 60 году жизни). 2° — напиши (NB: без обдумывания) полную роспись всех книг русских, немецких, *latinskyh* и других, принадлежащих к русской и славянской истории, латинские титулы прилагай в оригинале и переводе. 3° — доставь мне те книги, которые мне теперь могут быть нужны, руководствуясь в этом первым моим письмом. 4° — дай мне каталог Шлёцеровых сочинений. Из русских старинных летописей имею: «Нестора» по Радзивиловскому списку (это, думаю, тот, которого бранит Шлёцер); Никонову летопись; Софийский список Нестора; величественный Синописис, старый и новый; есть у меня и «Русская Правда», и Духовная Владимира Мономаха, и Болтин, и Щербатов, и Хилков, и Штриттер, и песнь Игорю¹⁰. Но более всего радуюсь твоим Шлёцером. Теперь смотрю на него с таким же удовольствием, с каким *во время оно* смотрел на него с отвращением, и это не в отношении к одному «Владимиру», а точно из некоторой особенной привязанности к тому занятию, которое представляет мне история. Герберштейн есть и на немецком!¹¹ Нельзя ли им меня снабдить? Но в нем теперь нет крайней нужды (боюсь тебя ограбить; но ведь ты и не будешь лишать себя нужного; этого ни по чему ты не должен делать). NB. Разговоры о Ново-

---

^{*} На немецкий манер (*франц.*).

городе¹² у меня есть. Нет ли чего-нибудь подобного о Киеве, и где я о нем найду какие-нибудь подробности?

На твое мнение предпочесть Владимиру Святослава¹³ теперь не отвечаю ничего, ибо мой план, как я уже сказал выше, есть только одно семя; но Владимир есть наш Карл Великий, а богатыри его — те рыцари, которые были при дворе Карла; сказки и предания приучили нас окружать Владимира каким-то баснословным блеском, который, может быть, заменит самое историческое вероятие; читатель легче верит вымыслам о Владимире, нежели вымыслам о Святославе, хотя последний по героическому характеру своему и более принадлежит поэзии, нежели первый. Благодаря древним романам¹⁴ ни Ариосту¹⁵, ни Виланду¹⁶ никто не поставил в вину, что они окружили Карла Великого рыцарями, хотя в его время рыцарства еще не существовало. Что же касается до святости Владимира, то можно говорить об нем и заставить его действовать приличным образом его историческому характеру; к тому же главным действующим лицом будет не он, а я его сделаю точкою соединения всех посторонних действий, для сохранения единства. Поэма же будет не героическая, а то, что называют немцы *romantisches Heldengedicht**; следовательно, я позволю себе смесь всякого рода вымыслов, но наряду с баснею постараюсь ввести истину историческую, а с вымыслами постараюсь соединить и верное изображение нравов, характера времени, мнений, позволяя, однако, себе нравы и мнения времен до Владимира перенести в его время, ибо это принадлежит к вольности стихотворного дворянства, данного нашей братье императором Фебом. Вот! не хотел ничего говорить о Святославе и Владимире, а наговорил с три кузова! О, перо неутомное и непостижимое! Или оно ленится, или пишет без памяти.

Стихи мои *переписываются* для тебя; но ты получишь их не так-то скоро, ибо я не имею здесь переписчика; зато переписывает их прелестнейшая рука, рука милой Грации, в самом деле Грации¹⁷. Но ты станешь смеяться моим планам и скажешь мне: собирай лучше материалы для «Владимира».

Итак, возвращаюсь к своим сочинениям. На твое намерение печатать их, чтобы дополнить мое издание Русских стихотворцев¹⁸, никак не соглашаюсь; береги их про себя; но выдам их я сам, когда их наберется поболее. На что отнимать у них цену новости? Прошу также никому (разумеется, кроме Блудова, которого суд, и критика, и одобрение весьма для меня важны) не давать копий.

Что же принадлежит до моего издания стихотворцев русских, то оно уже в действии: первый том отпечатан, а выдан будет с вторым¹⁹. Всех томов будет числом пять. Я старался собрать всё то, что можно читать с удовольствием; следовательно не ограничивал себя одним *совершенным*. Благодарю за доставление стихов Уварова²⁰. Со мнением твоим о его таланте совершенно согласен, также

---

* Романтическая героическая поэма (нем.).

и с тем, что Василий Львович²¹ не имеет души, при всей опрятности слога своего. Слог его можно сравнить с прекрасною восковою куклою, в которой находим мы всё, составляющее человека, кроме самого человека. А стихов его²² я не поместил для того, что они слабы, заключают в себе одну только брань, которая есть бесполезная вещь в литературе; впрочем, поместить их более не хотел Каченовский, не желая заводить ссоры, с чем и я согласен. Шишкова почитаю суеверным, но умным раскольников²³ в литературе; мнения его о языке то же, что религия раскольников, которые почитают священные книги более за то, что они старые, а старые ошибки предпочитают новым истинам, и тех, которые молятся не по старым книгам, называют богоотступниками. Таких раскольников надобно побеждать не оружием В<асилия> Львовича, слишком слабым и нечувствительным.

Гомера читаю на английском, имея перед собою и Фоссов перевод²⁴. Не соглашаюсь, однако, чтобы Фоссов перевод был лучше Попова²⁵; может быть, в первом найдешь более истинного гомерова духу и греческой простоты, но он сух, и чувствительно, что немец Фосс из всей силы хотел быть греком. Поп растянут и иногда очень удаляется от гомерова духа, особливо когда дело дойдет до богов, говоря о которых он вмешивает такие выражения, которые более приличны новейшим метафизикам; зато язык его стихотворнее. Эти два перевода по-настоящему надобно читать вместе: один увеличит цену другого; Попова щеголеватость сделает приятнее Фоссову простоту, а Фоссова сухость сделает еще приятнее Попову блистательную поэзию. Чуть ли и я со временем не примусь за греческую грамматику, а латинская уже и очень вертится в голове моей. В Белеве есть один латинус, которого я хочу прибрать в руки; тогда берегись Гельмольд²⁶, а особенно Virgилій и Гораций; доведи, Господи, и до Тацита! Доставь мне пиесу Уварова «Sur l'avantage de mourir <jeune>»²⁷; я очень любопытен читать ее, особенно по тому, что ты об ней пишешь. NB. Первая присланная тобою пиеса его нравится мне более, нежели последняя. В ней, кажется, язык и правильнее, и стихотворнее.

Напрасно бранишь ты послание Воейкова к Мерзлякову²⁸; в нем много хорошего; и ход мыслей, и слог вообще хороши.

Их корни внутри земли,
Вершины за облаком;
Их свойство — величие
Удел — независимость!

.....
О, верь мне, что в городе
И слава вседневная
Есть гроб славы истинной.
Писатель, желая льстить

*И нравиться публике,
Блестя мгновение,
Теряет бессмертие.*

Всё это хорошо, а окончание прекрасное²⁹. И вообще в этой пиесе много легкости; можно бы было кое-что и поправить (что сущая безделица в стихах без рифм), но всё это послание остается очень приятным.

Каким образом Блудов в Петербурге, а не в Молдавии?³⁰ Вот новое дополнение к доказательствам о твоей лени! Как не сказать об нем ни слова? Уверь его, если можно, что ему надобно бы было ко мне написать. Как же он обленился между мусульманами! *Au moins a-t-il conservé son prépuce?*^{*}

На забудь о Гриневе³¹. Клянись братьям, когда к ним писать будешь, и перестань думать о исполнении просьбы моей, а просто исполни ее. Прости, любезный Миллер.

Твой *Бонстеттен*³².

1810го, сентября 12

NB. Замаранные мною строки³³ написаны были перед обедом; после обеда, во время варения желудка, догадался я, что их непременно надобно вымарать — и вымарал, и это сделано по той же причине, по которой ты не хотел поставить всего имени *одного человека* в своем письме и отложил говорить об нем до личного свидания нашего, а только не потому, чтобы я хотел от тебя скрываться. Итак, *vale!*^{**}

61.

А. И. Тургеневу

19 сентября <1810 г. Муратово>

19 сентября

Constantiam et gravitatem werden Sie nicht eher erlangen, bis alle Ihre Stunden wie im Kloster regelmäßig ausgetheilt sind^{***1}. Вот золотое правило, которого держаться надлежит непременно, чтобы достигнуть до чего-нибудь прямо высокого. А Миллеровы письма должны быть катехизисом того человека, который хочет посвятить себя наукам. Я почти дочитал их, но уверен, что буду еще перечитывать и что никогда перечитывать не устану. По этому началу, мой любезный друг, ты, может быть,образишь, что я в своем письме буду рассуждать с тобою

---

* Как бы то ни было, сохранил ли он свою крайнюю плоть? (*франц.*).

** Прощай! (*лат.*).

*** Постоянство и твердость могут быть вами достигнуты лишь тогда, когда всё ваше время будет распределено столь же регулярно, как в монастыре (*лат. и нем.*).

о Миллере, о деятельности ученого человека, о нашей дружбе, — я не имею времени этим теперь насладиться. Мое письмо содержит в себе комиссию, которую исполнить в скорости и с величайшею точностью прошу тебя именем Миллера, Бонстеттена и им подобных. Вот записка о деле, о котором ты должен начать хлопотать тотчас по получении моего письма, ибо здесь всего нужнее поспешность, и твое старание будет истинным доказательством твоей ко мне дружбы. Екатерина Афанасьевна Протасова имеет в 25-летней Экспедиции² свидетельство на 231 душу; но из этих 231 души заложено только 37 душ; остальные свободны. 25-летняя Экспедиция не дает более денег; Ек<атерина> Аф<анасьевна> хочет занять деньги в Опекуном Совете; но двух свидетельств на одно и то же имение получить невозможно, и она просит, вследствие этой невозможности, чтобы 25-л<етняя> Экспедиция передала свое свидетельство Опекуном Совету или снеслась бы с ним о том, что Ек<атерину> Аф<анасьевну> можно удовлетворить деньгами на залог остальных от 231 души крестьян свободных, чему доказательством служит самое свидетельство. И просьба моя к тебе состоит в том, чтобы без всякого замедления выхлопотал (или сам, или через знакомых) это отношение от 25-летней Экспедиции в Опекунский Совет, и как скоро оно будет послано, уведомил бы меня через почту. Надеюсь, любезный друг, что, доставляя тебе случай оказать мне истинное одолжение, я делаю тебе удовольствие; уверен, что ты возьмешься за это дело со всевозможною ревностью, и обнимаю тебя со всею искренностью дружбы. Отвечай на это письмо поскорее; дело, право, весьма для меня важное. Между тем скажу тебе, в заключение моего письма, что я учу латинские вокабулы, читаю латинскую грамматику и думаю с восхищением о греческом языке, который *NB* почитаю необходимым для усовершенствования русского, ибо наш русский язык воспитан греческим, с которого переведены первые наши книги. Но об этом после. Я начинаю предвидеть, что моя лень скоро исчезнет и что мы будем переписываться с тобою весьма порядочно, следовательно будет время еще поговорить и о Миллере, о языке латинском, о «Несторе», о русской истории. Но я советую тебе, любезный мой Миллер, позаботиться о доставлении мне хорошей латинской грамматики. Не худо было бы, если бы ты заранее запас меня и греческою, также хорошою; хотя о греческом языке теперь еще и слуху нет, но я бы изредка заглядывал в грамматику, приучал бы глаза свои к каракулям греческим; это питало бы мою жадность — аппетит голодного увеличивается, когда он смотрит на пищу, в ожидании того часа, как скажут ему: Пиль!^{*}

Прости.

Твой Ж.

---

^{*} Междометие (от франц. *piler* в повелительном наклонении со значением «вперед», «взять»): команда охотничьей собаке броситься на дичь.

62.

М. Т. Каченовскому

27 сентября <1810 г. Муратово>

Поздравляю Вас с именем издателя «Вестника Европы», с благополучным избавлением от тяжкой *всемирной трубы*¹, которую Вы хотели было против меня вооружиться. «Вестник», доведенный *Вами* до цветущего положения, не поблекший и *при мне*, сохранивший древнее великолепие свое и *при нас*, принадлежит Вам теперь безраздельно. В добрый час! Желаю Вам всевозможного успеха. Мне между тем позвольте сказать несколько слов в ответ на Ваше *дружеское* письмецо.

Вначале объявляю Вам, что я согласен с большим удовольствием быть только *посторонним* сотрудником в издании Вашего журнала, не заботясь о его распоряжении, которое теперь единственно зависит от Вас. Но дело пока не о том. Хочу сделать небольшое замечание на две или три строки Вашего письма, которые для меня по всему *неожиданная* резкость. Вы пишете: *позвольте сказать, что Вы несколько хитры; но Бог с Вами, любезный кум. Я всё-таки желаю Вам добра и никак не хочу потерять Вашу дружбу, хоть мне и кажется, будто бы Вы хотели оттереть меня*². Другими словами: любезный кум, Вы вздумали хитрить, ибо нельзя не хитрить, когда идет дело об деньгах. Вы хотели меня оттереть, то есть обмануть, следовательно Вы плут; я прощаю Вас и всё еще Вам желаю добра, хотя, между нами сказать, Вы этого и не стоите. Но я это делаю из милости. Таков и смысл, и тон Вашего письма.

Позвольте ж спросить, Михайло Трофимович, у кого заимствовали Вы такой язык и по какому праву говорите им со мною? Если Вы не шутите (впрочем, и шутить таким образом, кажется, никогда не прилично), то уверяю Вас, что такой образ мыслей насчет людей, которых Вы ни по чему не можете оскорблять подозрением низким, унизителен только для Вас самих. Так говорить со мною могли бы Вы только тогда, когда бы имели в руках доказательства ясные, но по одним подозрениям неосновательным, без всякой причины делать оскорбление человеку, которого честность и совершенное бескорыстие на опыте Вам известны, стыдно и неблагородно. И почему ж Вы не в состоянии предполагать в самых приятелях Ваших прямодушия; разве деньги кажутся Вам столь всемогущими, что все люди без исключения должны жертвовать им своею совестью. Напрасно приводите Вы в пример самого себя. «Вестник», доведенный Вами до *цветущего состояния*, был оставлен в исходе 1807 года³, и я, вступив в издание, не имел нужды делать с Вами условие; теперь напротив, отказываясь от имени издателя, я желал и сам иметь некоторое участие в издании, о чем предварительно и было говорено между Вами и мною. Большая разница! Вспомните и то, что при заключении в 1809 году контракта с типографиею я во всё вверился Вам, не опасаясь, чтобы Вы вздумали оттереть меня.

Находясь в деревне⁴, я никаких не имею способов, если бы и хотел, *оттеть* Вас от издания. Впрочем, этого и хотеть мне невозможно, ибо я располагаюсь бо́льшую часть года жить в деревне, как же бы мне издавать одному.

Конечно, для этого благородного подвига я мог бы сделать наступательный и оборонительный союз с Сущёвым⁵, если бы только он на это согласился⁶. Но и этот союз был бы весьма безуспешен. Я живу в деревне, а Вы — профессор университета, могущий иметь влияние на дела его, состоите налицо, и типография от Вас в двух шагах; я был бы сумасшедший, когда бы вздумал приняться за обман, не предвидя от того никакой себе выгоды и единственно для одного беславия — не говоря уже о собственном к самому себе уважении, это мое дело... но виноват; между нами идет дело не о честности, не о доверенности взаимной, не о дружбе и благородстве, а просто о *деньгах*, и я, оставляя Вам думать обо мне что хотите и как хотите, повторяю, что я совершенно согласен на Ваше условие, Вы будете от меня получать аккуратно для каждого № *два листа* оригиналу, а я буду от Вас получать деньги; в год доставляя Вам не менее и не более 48 листов⁷. Хотя по словесному предварительному уговору и было назначено между нами, чтобы Вам платить мне свою *цену*; но я соглашаюсь получить пятью рублями менее того, что Вы получать будете по Вашему условию с типографией: это составит Вам выигрыша на 240 рублей — впрочем, здесь расположение зависит единственно от Вас, ибо контракт уже сделан. Обязуюсь клятвенно доставлять Вам не более двух листов для каждого №.

Прошу Вас: 1-е — помещать каждую мою пьесу без отговорки (об этом также было говорено между нами), ибо я, живучи своими трудами, не могу терять их понапрасну, и 2-е — позволить мне присылать их по-прежнему непереписанными, а я обязываюсь писать разборчивее. Прошу Вас не замедлить на сии последние пункты ответом. Верьте, Михайла Трофимович, что я из усердия к Вам и совсем бы желал отказаться от всякого участия в «Вестнике», но теперь по моим обстоятельствам этого мне сделать невозможно, и это для меня огорчительно.

Ваш
покорный слуга

В. Жуковский

Сентября 27

63.

М. Т. Каченовскому

<Не ранее 30 сентября и не позднее 3 октября 1810 г. Муратово>

Милостивый государь мой Михаил Трофимович!

Еще одно письмо, с которым позволю себе войти в некоторые объяснения, — и потом всему конец. Итак, Вы шутили, сказав приятелю своему, который искренно дорожил Вашею дружбою, который от всего сердца вверил Вам всё свое имение (ибо он имел полную ко всему доверенность), что он: *хотел оттереть Вас от издания «Вестника»*. Я написал целое письмо, наполненное грубыми укоризнами, это правда, а Вы поместили в Вашем одно только грубое слово — совсем не грубое, и то одно, но Ваше одно слово обиднее всех моих укоризн, ибо оно заключает в себе Ваше дурное мнение насчет человека, который старался всегда быть Вашим приятелем; а все мои укоризны, напротив, означают только то, что мне было чрезвычайно больно найти Вас на счет мой так жестоко несправедливым. Вы виноваты передо мною делом, а я виноват перед Вами словами. Но после нескольких лет короткого дружеского знакомства могли вообразить, чтобы Вы когда-нибудь сказали мне: Ты хотел *оттереть* меня от издания «Вестника», давши слово уступить его мне добровольно.

Право, я всегда старался быть добрым Вам товарищем, и Ваше выражение не могло не быть для меня чрезвычайно чувствительным именно потому, что я уверен был, что Вы меня знаете более многих и более многих характер мой ценить можете. Не зная, что бы Вы отвечали мне, если бы в моем письме к Вам не написано было: *Вы хитры, Вы хотели меня оттереть*, и сочли бы Вы такое выражение шуточным (впрочем, и шутка обнаруживает мнение — а в Вашей шутке какое же обнаруживаете Вы насчет приятеля своего мнение?)

Написанное в письме моем, в чем искренно каюсь, признаю очень резким, но говорю и теперь, что Вы виноваты передо мною гораздо более, нежели я перед Вами, ибо Вы точно показали на счет мой подозрительность, которой я никак от Вас не заслуживал и не ожидал. Пускай Ваше выражение шуточное — но что же значит Ваша шутка? Неужели в ней нет никакого смысла? а если есть он — то какой же? И скажите, ради Бога, не виноватее ли тот человек, который с холодным духом шутя и в выражениях не грубых говорит своему приятелю: *я сомневаюсь в твоей честности*, — нежели тот, который, получив от своего приятеля такой неожиданный комплимент, отвечает ему в первую минуту колкостями и с досадою. Признаюсь, если бы я имел несчастье оскорбить приятеля обидным на счет его подозрением, то для меня такая бы ошибка была бы больнее всех его грубостей, она лежала бы у меня на душе, и я, сказавши ему: твои выражения не годятся никуда, поспешил бы, однако, сложить с своей совести преступление против дружбы, то есть или бы с ним объяснился, или сказал бы

ему: виноват, подозрение мое было неосновательно, но мы поквитались, ибо за мою ошибку в логике заплатил мне порядочною ошибкою против учтивости.

Искренно буду сожалеть, если наше знакомство таким образом прекратится, по крайней мере я не очернил себя перед Вами никаким противным короткому знакомству поступком. Я только написал к Вам грубое письмо. Это преступление против учтивости, благопристойности и тому подобного; а Вы, Вы думали о приятеле своем дурно тогда, когда обязаны были уважать его — истинное преступление против совести, и я не знаю, простит ли она его Вам.

Теперь слово <2 нрзб.> с Вами о журнале.

Прошу Вас покорно, дабы прекратить всякий излишний разговор, всё расположить, как будет Вам выгодно. Платить мне можете Вы то, что Вам покажется *должным*, я соглашаюсь на всё без всякого затруднения. Прошу Вас только *назначить* цену — отказаться мне от этого участия, право, невозможно; но я надеюсь, что пиесы мои не будут портить вашего «Вестника».

По большей части буду переводить для статьи «Науки и искусства», для которой имею хороший запас материалов¹. Прошу Вас отвечать мне без замедления и в ответе своем определить цену. На принятие цены вперед соглашаюсь.

Статья для критики будет приготовлена, если не к XXI, то к XXII книжке².

Будучи уверен, что Вы в этом случае поступите как <...>³.

64.

И. И. Дмитриеву

<Между 30 сентября и 3 октября 1810 г. Муратово>

Милостивый государь Иван Иванович!

Приношу Вашему превосходительству чувствительную благодарность за драгоценный подарок, мною от Вас полученный¹. Читая и перечитывая Ваши сочинения, буду питать, усовершенствовать и оживлять в себе чувство всего прекрасного, а вообразив, что автор их расположен ко мне дружески, буду и в самых печальных обстоятельствах жизни почитать себя счастливым! Уверяю Ваше превосходительство в неизменнейшем почтении и преданности.

Вашего превосходительства <покорнейший слуга

В. Жуковский>²

65.

А. И. Тургеневу

<Конец сентября — начало октября 1810 г. Муратово>

Книги твои получил, любезнейший друг, и дочитываю Миллера¹. Прекрасная, единственная в своем роде книга! Но теперь об ней ни слова; голова болит,

дождик хочет идти, холод несносный — всё это препятствует мне писать; даже и думать не хочется. Я взял перо для того, чтобы пожаловаться тебе на Каменского Латинскую грамматику², которая несносно сбивчива и беспорядочна, особливо для того, кто хочет один учиться по латыни (или с малым весьма пособием). Половина писана по-латыни без перевода, другая с переводом; порядку нет никакого. Меня снабдил ею Каченовский. Нет ли у тебя своей хорошей? А если нет, то поищи в книжных лавках; только в этом случае прошу тебя быть аккуратнее и поспешнее, то есть купить не первую попавшуюся в руки грамматику, а с рассмотрением; очень одолжишь, если не замедлишь доставить мне эту книгу. Нет ли у тебя Винкельмана на немецком?³ Миллер вселил в меня нетерпение прочитать его. Сколько издано в свете «Истории» Миллера?⁴ У меня только четыре части. Какую книгу написал Бонстеттен и что он писал?⁵ Уведомь. Любезный друг, еще раз повторяю тебе, снабжай меня только теми книгами, которые можешь присылать без пожертвования. Где Олеарий?⁶ У тебя? Или у Сергея в Москве?⁷ Я желал бы иметь его. Я его читал, но хочу несколько раз почитать то, что он пишет об русских. Хотя, признаться, он и не очень приветлив, но я не думаю, чтобы он выдумывал, и, вопреки Глинке⁸, начинаю быть уверенным, что нынешнее время лучше старины, даже и со стороны нравственности. Грубость не есть чистота нравов, а что сказать о грубости, соединенной с развратом? Но я совсем не расположен писать; следовательно прости, любезный друг. В первом моем письме буду говорить с тобою о Миллере.

Твой Жуковский

NB. Я читал уже Гереново сочинение о Миллере⁹; меня ссужал этою книжкою твой брат Сергей. Но после писем еще раз ее перечитаю. Просто, но дельно пишет. Прошу тебя не замедлить присылкою грамматики. Время летит, и я еще ни слова не знаю по-латински. Молись Богу, чтобы даровал мне прилежание.

66.

А. И. Тургеневу

11 октября <1810 г. Белев>

11 октября

Любезнейший друг, благодаря тебя усердно за присылку росписи¹, спешу тебя попросить сделать мне еще одно крайнее одолжение: именно прислать как можно поскорее Геренову «Handbuch der neuesten Geschichte»^{(#)2}; для чего она мне так нужна, об этом напишу в следующем моем письме, в котором буду писать о весьма многом. Теперь очень мало времени осталось до почты, а я желал бы поговорить с тобою о некоторых важных для меня вещах, следовательно без всякого спеха, не торопясь. Герена, ради Бога, Герена! Очень он мне надо-

бен. Книжку его о Миллере³ возвращаю. Прекрасно. Прочти 45 страницу. Ты увидишь, что я и без сердечной необходимости имею важную причину писать к тебе много и часто; но к этой важной причине присоединяется еще и то, что мне час от часу становится необходимее быть вместе с тобою, если не в самом деле, то по крайней мере мысленно. Но об этом после; скоро получишь от меня длинное письмо. Отныне переписка наша должна быть для нас важным и необходимым занятием. Итак, прости, любезный друг, до первого моего разговора с тобою. Теперь прошу только прислать мне скорее Герена. И брат твой Сергей обещал мне его дать прочитать, но он уехал, не исполнив этого обещания; сними же вину с его совести. Прошу тебя не забыть о моей другой просьбе, то есть похлопотать в Банке. Обнимаю тебя.

Жуковский

([#]) Я ошибся; у тебя в письме стоит «Geschichte der Europäischen Staatensystem» (sic!). Шлёцеровых сочинений роспись возвращаю; я заметил в них всё то, что тебе надобно будет мне прислать. Милый друг, я надеюсь, что ты позволишь мне располагать твоею библиотекою, как собственною моею⁴. Ни одна книга твоя не пропадает: в этом ты можешь быть твердо уверен; могут они стореть вместе со мною, но тогда будешь ты обо мне сожалеть более, нежели об своих книгах. Ты очень, очень бы одолжил меня, когда бы назначенные мною Шлёцеровы сочинения прислал вместе с Гереном, и на следующей же почте. Что же грамматика латинская и греческая? Ленивец!

P. S. Не откладывай, прошу тебя, присылки книг. Время летит, и я всё еще грубая невежда во всем. Нет ли у тебя хороших книг, трактующих о вспомогательных науках истории: о госуд<арственном> хозяйстве, о правилах политики, статистики и пр. (ты должен это знать лучше меня)? Снабди меня всем этим; живучи в деревне, ни от кого, кроме тебя, не могу иметь пособия. Но главное и важнейшее условие: не медлить! Сделай всё, что можешь сделать и тотчас.

Give me all thou canst and let me dream the rest!⁵ Я теперь сделался очень прилежен. Всякая минута у меня занята. Но когда подумаю, сколько погибло драгоценного времени по пустякам, сердце обливается кровью. Брат, надобно возвратить сколько-нибудь потерянное. Но как-то тяжело время деятельности употреблять на одно приготовление! Прости; об этом в другой раз буду писать и много. Теперь совершенно некогда.

---

⁵ Дай мне всё, что можешь, и позволь мечтать об остальном! (англ.).

67.

А. И. Тургеневу

18 октября <1810 г. Белев>

Октября 18

Друг сердечный, милый Миллер, — два слова! Благодарю тебя за хлопоты о деле Екатерины Афанасьевны¹. Не поленись, похлопочи об нем еще раз. Из записки Хитрова², тобою мне доставленной, вижу, что Е<катерине> Аф<анасьевне> надобно послать в Опек<унский> Совет просьбу, и что по этой просьбе Совет сделает сношение с Экспедициею, и что Экспедиция тогда уже разрешит его на выдачу денег. Почему же Экспедиция не может прямо по просьбе Ек<атерины> Аф<анасьевны> послать этого разрешения в Опек<унский> Совет? И когда уже эта просьба подана, то для чего по ней не исполнить и, оставляя прямую дорогу, переходить на кривую, более продолжительную? Нельзя ли поторопиться, чтобы Экспедиция, не дожидаясь от Оп<екунского> Сов<ета> отношения, тотчас дала ему знать о том, что души, предл<агаемые> в залог, точно свободны. Право, я думаю, что это без всякого затруднения сделать можно, и ты искренно одолжишь меня, если опять несколько потормозишь Хитрова и убедишь его не губить понапрасну драгоценного для просительницы времени.

А грамматики латинской всё еще нет! Брат, и ты пожалей моего времени и не откладывай. Также прошу тебя и о скорейшем доставлении тех книг, которые назначил я в последнем письме моем. О плане своего чтения истории буду говорить с тобою в будущем моем письме. Пишу к тебе мало не от лени, а точно от невозможности. Право, я совсем почти перестал лениться, и только тогда бываю не очень деятелен, когда у меня на жопе геморроидальная шишка³, а в голове тяжесть. Это отчасти есть и теперь. Письмо пишется худо, потому что мысли связаны; а *выдумывать*, чем бы наполнить к тебе письмо, совсем не моя метода. Прости, мой милый Миллер.

Твой Бонстеттен

Вот тебе на этот раз несколько золотых строк из нашего Миллера: Das höchste Glück ist die Unabhängigkeit: und die besteht nicht in dem, dass jemand aus seinen Renten lebt, sondern in dem, dass jeder von den Irrthümern der Menschen unabhängig sei und auch sich, wenn es nöthig ist, besiegen könne^{*4}.

---

* Высшее счастье есть независимость, и она состоит не в том, чтобы жить своими доходами, но в том, чтобы быть вполне независимым от людских заблуждений, а также, в случае надобности, побеждать самого себя (нем.).

68.

П. А. Вяземскому

4 ноября <1810 г. Белев>*
4 ноября

Не сердись на меня, милый мой друг, за то, что я ни одного письма не написал к тебе в четыре месяца, — я не забыл тебя, и это пусть будет моим извинением. Ты беспрестанно бранишься на меня в своих письмах¹; а я отмалчиваюсь; но не писать тебе ко мне за то, что я молчу, и грешно, и стыдно; ты знаешь, что я не люблю писать и что ты, напротив, очень любишь — следовательно пиши, и пиши больше, а мне дай полную свободу молчать и любить тебя в молчании. Ты называешь меня ленивцем — а я скажу, что я никогда не бывал так деятелен, как теперь, и что у меня нет ни одной праздной минуты. Не пишу, то есть не сочиняю ничего единственно оттого, что намерен или писать хорошо, или ничего не писать. Но писать так, как пишу теперь, почти всё то же, что не писать ничего; а чтоб писать хорошо, надобно поболее скопить основательных сведений, и в этом-то *скоплении* состоит теперешняя моя деятельность — верь или не верь, воля твоя, ибо слово деятельность дико для ушей твоих — но я на первый случай скажу, что учусь по-латыни и что скоро примусь за греческий язык. Терпения и трудолюбия достанет, в этом я уверен. Что выйдет из этого скопа матерьялов, не знаю, по крайней мере, тогда уже будет не моя вина. Единственная моя теперешняя мечта состоит в том, чтоб быть *хорошим* писателем, следовательно, не воображая, что я уже писатель, образовать себя сколько возможно, и сколько возможно заменить прилежанием невозвратную потерю драгоценного времени³. Я не выхожу из своей комнаты; часы мои все заняты; и я счастлив занятием — (выключая одни те часы, в которые надобно *переводить* для «Вестника», ибо эта работа нужна для кармана⁴), — но меня оживляет будущее; прошу только от того Бога, к которому ты так немилостиво расположен, здоровья — всё остальное надеюсь (по крайней мере, сколько возможно буду стараться) доставить себе сам. И всё это должно уверить тебя, что я еще не скоро явлюсь в Москву или что я приеду в нее только на самое короткое время: рассеяние меня ужасает.

Критику твою я получил, но она пожаловала ко мне уже поздно, ибо я сам уже написал на тот же несчастный перевод «Зенобии» критику и отправил ее к Каченовскому⁴; выгода от этого та, что ты хотя один номер «Вестника» просмотришь с бóльшим против обыкновенного вниманием и между тем будешь иметь удовольствие, *comme de raison*^{*}, найти, что твоя критика лучше моей. На

---

* Как и следует ожидать (*франц.*).

твое прекрасное рассуждение о любви к России⁵ не скажу ни слова, эта любовь у тебя на одном счету с любовью к Богу, которому очень от тебя достается, как скоро пойдет дождь и некоторой Елене не позволит прийти к некоторому Парису; но замечу, что мне весьма бы невесело было мечтать о славе, когда бы эта слава состояла в том, чтобы стоять наряду с Глинкою и Шихматовым⁶, — к счастью, письмо твое не есть еще скрижаль бессмертия (говоря языком Шихматова), почему я и не отчаиваюсь. Впрочем, я и не забочусь о том, чтобы ты меня хвалил. Помни меня, люби меня, пиши ко мне, верь моей дружбе — и позволь мне писать к тебе письма тогда, когда вздумается, не считая моего молчания недостатком дружбы, — этого довольно. Прости. Это письмо покажи Батюшкову⁷ и скажи ему, что я никак не могу забыть, что он поэт с истинным дарованием и что по тех пор буду любить его, пока он не перестанет быть поэтом — следовательно всегда. И это *всегда* очень может быть согласно с ленью. Поклонись Блудову, если он еще в Москве⁸.

Пиши же ко мне, любезнейший друг.

NB. Ты очень одолжишь меня, если доставишь мне книгу, которая у тебя, кажется, есть: «Cours de Latinité» par Lunau de Bois<j>ermain⁹.

Получил ли Николай Михайлович чин? Тургенев писал ко мне, что он пожалован коллежским советником¹⁰.

Хочешь ли меня очень много одолжить? Выпроси у Николая Михайловича табак и пришли мне его по первой почте. Здесь совсем негде взять этой драгоценности, а для меня она необходима. Выпроси поболее, только прошу тебя, не поленись послать и сам не выкури.

Скажи от меня усердный поклон Катерине Андреевне и Николаю Михайловичу.

69.

А. И. Тургеневу

4 ноября <1810 г. Белев>

4 ноября

Скажи мне, любезный друг, поступал ли Миллер с своим Бонстеттенном так безбожно, как ты со мною поступаешь? В письме твоем от 4го октября сказано¹, что Шлёцеровы книги «Die Deutschen in Siebenbürgen», «Probe russischer Annalen» и «Selbstbiographie»² отложены и готовы к отсылке ко мне. Ты должен давно уже получить и мое письмо, в котором я со всею убедительностью крайней нужды прошу тебя о других Шлёцеровых книгах и о Гереновой новой истории. Грамматика латинская должна уже или по крайней мере уже могла быть давно отыскана — и вот 4 ноября, а я еще ни одной из этих книг не имею!

Признаюсь, такая неаккуратность меня сердит. Неужели твои важные дела не дают тебе ни одной свободной минуты, чтобы сделать прямую (хотя для тебя и самую легкую) услугу твоему другу? И скажи мне, не крайне ли неприятно думать каждый раз, когда тебя просишь о чем-нибудь: он этого не исполнит до тех пор, пока не надоешь ему частым напоминанием. Не забудь, что я в деревне, что письма в Петербург ходят отсюда ровно десять дней и что с оборотом должно это составить двадцать дней.

За что же терять мне по целому месяцу от того только, что тебе лень о просьбе моей подумать? Еще раз прошу тебя: перечитай все мои письма и исполни по ним всё без всякого отлагательства. По крайней мере то исполни, что можешь, а в остальном не мешкай. Единственное одолжение, какое в твоей возможности теперь мне оказать, состоит в доставлении мне тех книг, которые имеешь ты в своей библиотеке и которые сохраняются у меня во всей неприкосновенности, и чистоте, и целости, и прочее и прочее. Возвращу их тебе, когда потребуешь. Сделай же милость, будь несколько снисходительнее к моим просьбам и не сердь меня досадным твоим пренебрежением.

Я кое-как перебиваюсь теперь с латинскою грамматикою Лебедева³; но желал бы иметь такую, в которой правила были бы истолкованы пояснее. Также я просил тебя и о хорошей немецкой грамматике. Любезный друг, пожалей о моем времени; боюсь, что я за ним не поспею, что оно улетит и что мне не удастся быть тем, чем бы хотелось.

Теперь мои занятия идут порядочно. Вдали передо мною «Владимир». Поближе «Владимира» русская история. Но передо мною латинский и греческий язык и история всеобщая. Прежде, нежели примусь за русскую, хочу составить себе хорошее понятие об истории всеобщей, и для того-то имею крайнюю нужду и в Шлёцере, и в Герене. Теперь читаю Гаттерера⁴; в нем удивительно хорошо предложена вся система всеобщей истории, но он дошел только до открытия Америки; Герен изобразил времена новейшие. Промежуток между Гаттерером и Гереном займет Ремер⁵ («Handbuch der neueren Geschichte»), которого выписываю из Москвы. Составив себе это *общее* понятие об истории, буду иметь уже в голове нить происшествий, с которою невредимо пройду через лабиринт историй частных, и тогда уже наряду с русскою историею, которою буду заниматься, входя во все подробности, начну читать и классиков. Не подумай, чтобы эта метода была противна методе Миллера, который от *частного* возвысился до *всеобщего*. Для меня всеобщее будет одним *планом* здания, следовательно не самим зданием; темная идея о всеобщем объяснится *частным* и сделает идею *ясною*.

Но мне надобно будет отказаться от всех идей, и ясных, и темных, если ты не рассудишь отказаться от своей немилосердой лени и беспечности, которые делают тебя совершенно невнимательным к моим просьбам. Оканчиваю это письмо еще просьбою, которую также, без сомнения, ты не рассудишь испол-

нить. Однако на всякий случай попытаюсь, и вот моя просьба: спросить у Северина, за что не отвечает он на мое письмо, в котором я покорнейше просил его помочь одному бедному человеку?⁶ И можно ли ему помочь? Попроси его, чтобы он написал ко мне или по крайней мере хотя через тебя сказал: *да* или *нет*. Более ничего не требую. Прости, любезный, неаккуратный и добрый друг мой.

Жуковский

70.

А. И. Тургеневу

7 ноября <1810 г. Белев>

7 ноября

Письмо твое от 31 октября получил, мой милый Миллер¹; благодарю тебя за присылку книг, которых еще у меня нет, и еще раз повторяю просьбу мою доставить мне все остальные, а чтобы узнать, какие они, перечитай все прежние письма мои и отложи свою обыкновенную, досадную беспечность, которая одна мешает мне *в полноте* восхищаться тобою.

Ты спрашиваешь, на что мне нужен Герен и в каком отношении? Я уже написал к тебе об этом в моем последнем, несколько сердитом письме, но написал коротко. Теперь напишу попространнее. Но в предисловии объясню, для чего не писал к тебе так долго и отчего могут и вперед случаться некоторые промежутки в нашей переписке. Причиною этому Миллер, или, лучше сказать, одно из его прекраснейших правил: *Constantiam i gravitatem werden Sie nicht eher erlangen, bis alle Ihre Stunden wie im Kloster regelmässig ausgetheilt sind**. Этому правилу стараюсь последовать со всею точностью трудолюбивого немца. Часы мои разделены. Для каждого есть особенное неперменное занятие. Следовательно есть часы и для писем. Обыкновенно ввечеру, накануне почты, пишу письма, и таких эпох у меня две в неделе. Но я должен часто писать в типографию; два раза в неделю непременно должен отправить корректуру моего Собрания стихотворцев, которого еще ни один том не отпечатан; первый готов, но еще нет предисловия (следовательно ты и не мог получить его); наконец, случаются и другие письма. Все эти дела положено исправлять у меня в понедельник и пятницу, по вечерам, отчего и случается иногда совершенная невозможность к тебе писать; а в этом порядке непременно хочу быть педантом; в противном случае что ни делай, всё будет не основательно. Прибавь еще к тому и то, что иногда в час, определенный для переписки, в голове моей сидит геморрой, от которого душа как мертвая,

---

* Постоянство и твердость могут быть вами достигнуты лишь тогда, когда всё ваше время будет распределено столь же регулярно, как в монастыре (*лат. и нем.*).

а я хочу угощать тебя живою душою; хочу, чтобы *рука писала от сердца*. Но как писать, когда голова в споре с сердцем?

Итак, поговорим о Герене и братии. *Entre nous soit dit**, я совершенный невежда в истории. Не правда ли, что в этом отношении наша переписка несколько далека от Миллеровой с Бонстеттенем? Он в двадцать лет предвидел политические перемены мира. Но я хочу получить об истории хорошее понятие; не быть в ней ученым, ибо я не располагаюсь писать историю, но приобрести философический взгляд на происшествия в связи. История из всех наук самая важная; важнее философии, ибо в ней заключена лучшая философия, то есть практическая, следовательно полезная. Для литератора и поэта история необходимее всякой другой науки: она возвышает душу, расширяет понятия и предохраняет от излишней мечтательности, обращая ум на существенное. Я хочу прочитать всех классиков-историков; но для того, чтобы извлечь из них всю возможную пользу и чтобы идея об истории была не смутная, а ясная, хочу предварительно составить себе общий план всех происшествий в связи. Для этого и начинаю Гаттерером и Гереном. Вот моя метода, несколько трудная и продолжительная, но для упрямой памяти моей необходимая. Прочитав статью в Гаттерере, имея перед глазами Габлеровы таблицы², откладывая и потом составляя несколько карт (*à la Schlötzer fils***)³ того времени, о котором читал, на картах, в хронологическом и вместе синхронистическом порядке, изображаю главнейшие происшествия — это оставляет в голове чрезвычайно ясную идею о переменах и их последствии. Кончив этот труд, пишу из головы общее обозрение происшествий прочитанного периода. Так составится у меня целый курс всеобщей истории. Подробностей знать не буду; но теперь они мне еще и не нужны. Я хочу иметь один план, с которым можно было бы не заблудиться посреди бесчисленных подробностей. Составив этот план, мне уже будет весьма легко после заниматься отдельно чтением классиков, из которых ни один не написал обо всем, а избрал для себя какую-нибудь важнейшую часть. Эти важнейшие части будут мне известны подробно; а связь между ними сохранит мое предварительное чтение Гаттерера и Герена. Русская история, однако, будет другого рода занятием. Тут уже нечего думать о классиках, а надобно добираться самому до источников. Но и для Русской истории прежде, нежели погружусь в океан летописей, намерен я составить такой же точно план, для которого мне нужна будет какая-нибудь краткая, но хотя несколько сносная Русская историйка. Не знаешь ли чего-нибудь в этом роде? «Владимир» будет моим фаросом; но чтобы плыть прямо и безопасно при свете этого фароса, надобно научиться искусству мореплавания. Вот что я теперь и делаю. Ах, брат

---

* Между нами говоря (*франц.*).

** В духе Шлёцера-сына (*франц.*).

и друг, сколько погубило времени! Вся моя прошедшая жизнь покрыта каким-то туманом *недеятельности душевной*, который ничего не дает мне различить в ней. Причина этой недеятельности тебе известна. А теперь, друг мой, эта самая деятельность служит мне лекарством от того, что было прежде ей помехою. Если романическая любовь может спасти душу от порчи, зато она уничтожает в ней и действительность, привлекая ее к одному предмету, который удаляет ее от всех других. Этот один убийственный предмет как царь сидел в душе моей по сие время. Но теперешняя моя деятельность, наполнив душу мою (или, лучше сказать, *начиная* наполнять), избавляет ее от вредного постояльца. Если бы он ушел сам, не *уступивши* места своего другому, то душа могла бы угаснуть; но теперь она только переменяла свое направление и, признаться, к совершенной своей выгоде. Эту выгоду я очень чувствую, и ты скоро, может быть, получишь от меня «Послание о деятельности»⁴, о благодетельности этого святого гения, которому посвящаю жизнь мою, которым будет храниться всё мое счастье. Не забудь, однако, что этот гений всегда рука в руку с гением дружбы. Пускай же они будут моими ангелами-хранителями. В эту минуту желал бы иметь тебя перед собою, чтобы подать руку, прижать тебя к сердцу, не сказать, может быть, ни слова, но зато всё выразить своим молчанием. Не подумай, однако, чтобы сия мысль о действии любви была *общеею* мыслью, а не моею; нет, она справедлива и неоспорима, но только тогда, когда будешь предполагать некоторые особые обстоятельства; она справедлива в отношении ко мне. Надобно сообразить мои обстоятельства: воспитание, семейственные связи и двух тех, которые так много и так мало на меня действовали⁵. Об этом хорошо говорить на словах, и я надеюсь говорить об этом с тобою в каком-нибудь московском уголку, в котором мы будем двое вспоминать о прошедшем и располагать будущее, возобновляя душевный обет навсегда, навсегда быть добрыми спутниками в счастье и несчастье! Видя, как всё рушится, иногда приходит мне в голову мысль, что, может быть, впереди готовит для нас судьба что-нибудь ужасное⁶. Я часто хотел писать к тебе об этом. Милый друг! Никогда не теряй из головы мысль, что нам надобно помогать, помогать друг другу переносить бурю; что несчастье должно соединить нас, что нам непременно должно быть вместе, когда начнется это испытание. Какое оно — не знаю. Но подумай о том, что были многие эмигранты, рассыпанные по всему свету революциею; взгляни на то, что происходит около нас, и вообрази возможности. И эти-то возможные времена должны соединить нас, если они настанут. Для двух несчастье не ужасно; двое могут иметь одну общую непоколебимую твердость, которой каждый из них *один*, может быть, и иметь не способен; в глазах и в руке друга — надежда и сила⁷. Признаюсь тебе, иногда мысль о будущем приводит меня в уныние. Что, если предпринятая мною деятельность будет бесплодна? Но в этом случае надобно забывать будущее не верное, а только возможное; и я всегда говорю себе: *настоящая минута*

труда уже сама по себе есть плод прекрасный. Так, милый друг, деятельность и предмет ее, польза — вот что меня теперь одушевляет. Первая же моя недеятельность происходила, может быть, и от мысли, что я не могу быть деятельным. Теперь начинаю верить противоположному, ибо я нахожу удовольствие даже и в том, чтобы учить наизусть примеры из латинского синтаксиса, воображая, что со временем буду читать *Виргилия* и *Тацита*. Теперь главные занятия мои составляют: история всеобщая, как приготовление к русской и к классикам, и языки, пока латинский, а через несколько времени и греческий. В «Вестник» буду посылать переводы, ибо это необходимо для кармана. Между тем, чтобы незнакомиться с Музами, буду делать минутные набеги на Парнасскую область, с тем, однако, чтобы со временем занять в ней выгодное место, поближе к Храму Славы. Три года будут посвящены труду *приготовительному*, необходимому, тяжелому, но улаждаемому высокою мыслью быть прямо тем, что должно. Авторство почитаю службою отечеству, в которой надобно быть отличным или презренным: промежутка нет. Но с теми сведениями, которые имею теперь, нельзя надеяться достигнуть до первого. Итак, лучше поздно, нежели никогда. Тебе, как доброму другу моему, надобно желать одного: чтобы обстоятельства, по крайней мере в эти *приготовительные* годы, были благоприятны мне и не столкнули меня с дороги. А труд, который был для меня прежде тяжел, становится для меня любезен, и час от часу более. Я уверен теперь, что один тот только почитает труд тяжким, кто не знает его; но тот именно его и любит, кто наиболее обременен им. Вот мысль *Горация*, которая привела меня в восхищение, ибо теперь с отменной живостью чувствую истину, в ней заключенную:

Et ni
Posces ante diem librum cum lumine, si non
Intendas animum studiis et rebus honestis;
Invidia vel amore vigil torquebere^{*8}.

Не подумай, однако, чтобы я хотел хвастать знанием своим латинского языка. Я прочитал это в переводе, а для тебя, как для латинуса, выписываю в оригинале.

Переписанных моих сочинений нельзя тебе скоро иметь: милая переписчица⁹ улетела в Москву пленять всё, что ей ни встретится, следовательно и переписывать ей некогда. А переписчика здесь нет. Терпение, милый друг. Что-нибудь подоспеет новое, тогда вдруг всё получишь. Между тем мое *Послание* очень вертится у меня в голове, и я бы давно написал его, если бы не был рабом моего немецкого порядка, — восхищению стихотворному назначен у меня

---

^{*} До света требуй книгу и лампу; если ты не обратишь свой ум к достойным занятиям и делам, будешь без сна мучиться любовью или завистью (*лат.*).

час особый, свой. Но это восхищение как-то упрямо, и не всегда в положенное время изволит ко мне жаловать. Между прочим, скажу тебе, чтобы поджечь твое любопытство, что у меня почти готова еще баллада, которой главное действующее лицо диавол¹⁰, которая вдвое длиннее «Людмилы», и гораздо ее лучше. И этот *диавол* посвящен будет милой переписчице, которая сама некоторым образом по своей обольстительности — диавол.

Но пора кончить. Надобно еще написать письмо к Блудову, который зовет, и напрасно, к сожалению моему, зовет меня в Москву. Я буду в Москве не прежде, как в конце декабря, и то на короткое время, и ты непременно в ней быть должен. В противном случае, милый мой Миллер, мы можем опять не увидеться, а это будет для меня очень грустно. Постарайся расположить дела свои так, чтобы тебе непременно приехать в Москву около нового года.

В заключение письма две просьбы: первая, непременно увидеться с Севериным и попросить его для меня самым усердным образом об ответе на мое письмо. Он жалуется на мое молчание, а сам пренебрегает отвечать мне тогда, когда бы надобно было тотчас, без всякого замедления, отвечать; ибо я, по прежней моей с ним приятельской связи, просил его об услуге, в точном уверении, что ему приятно будет для меня ее сделать. Его молчание для меня непостижимо и, признаюсь, несколько обидно. Можно ли таким образом переменяться? Покажи ему эти строки и попроси его, чтобы он объяснил мне, что я должен подумывать о его молчании?

Антонский советует мне ехать в Петербург и пользоваться случаем нашего министра юстиции!¹¹ Нет, я не поеду; не сделаю той глупости, которую вздумал было в начале последнего года сделать!¹² Всё уверяет меня, что наш министр и для своих приятелей министр! Он не имеет того расположения в душе, чтобы воспользоваться силою для добра тех, которых он ласкал и называл *своими* во время оно, и сделать это, избавив их от жестокого труда, или, лучше сказать, от мучения выкланивать себе выгоду, и предупредив их своим добрым желанием, и приносив свое об их попечение к их собственным желаниям и способностям. Он не Муравьев¹³, который два раза, не зная меня совсем в лицо, присылал у меня спрашивать, не может ли он быть полезен, и которого я не могу вспомнить без благодарного чувства... Но basta!^{*}

Зная теперь, как мне время дорого, ты должен без всякого отлагательства прислать мне лат<инскую> грамматику и греческую. И ты много, много одолжил бы меня, если бы снабдил меня и Эйхгорном¹⁴, и «Histoire de la diplomatie»¹⁵. На книги твои позволяю себе иметь полное право, и ты должен снабжать меня всеми, какие имеешь. Покупать их не могу, ибо я бедняк, а тебе должно быть приятно помогать мне в нужде. Это же так легко. Только не медли!

---

* Довольно (*итал.*).

71.

А. И. Тургеневу

<Вторая половина ноября 1810 г. Муратово>

Вот тебе еще хлопоты, любезнейший друг. Прилагаю при сем записку о том, что надобно сделать для Екатерины Афанасьевны Протасовой¹ и что ты сделай без всякого отлагательства. Не знаю, однако, можно ли будет сделать? Если не ошибаюсь, надобно бы для получения из банка копии с свидетельства подать ему об этом просьбу — однако попытайся. Я с своей стороны напишу к Екатерине Афанасьевне, которая находится теперь в Москве, чтобы она послала просьбу, адресовав ее или прямо в банк, или на твое имя. Твое дело хлопотать и *теперь*, чтобы выдали и послали копию куда следует, без просьбы, и *тогда*, когда прилетит просьба, если теперешний опыт окажется неудачен, и в том и в другом случае обязанность твоя есть быть деятельным. А моя обязанность во всех случаях есть любить тебя от всей души и беситься на твою необходимость — ибо книг и теперь еще нет². Правда, что почта еще не пришла, но я почти уверен, что ты поленился послать.

Герен³, Шлёцер: Weltgeschichte, Selbstbiographie, P. R. Annalen, Deutschen in Siebenbürgen, и пр.⁴ Эйхгорн⁵. Греческая грамматика. Латинская грамматика⁶ и прочее. Когда это всё ко мне будет?

Брат! я в деревне. Денег у меня нет. Книги твои останутся целы. Ты можешь меня одолжить — и медлишь. О, людоед!

Тотчас уведомя меня о том, что сделано будет по этому письму.

Обнимаю тебя.

Das beste Mittel wider die bevorstehenden Unannehmlichkeiten ist meinen Geist mit einem desto festern Entschluss zu grossen Dingen und Gesinnungen zu erfüllen, denn ich kenne mich genug um zu wissen, dass der Vorsatz oder die Zuversicht in meinem Leben das gemeine Wohl zu befördern mich mehr als alles andere standhaft und ruhig macht; dadurch werden in meinem eigenen Augen meine Wissenschaften so edel und wichtig, dass Pflicht und Ruhmbegierde mich gegen alles unüberwindlich machen*.

Из Миллеровых писем буду переводить лучшие для Вестника⁷. Из остальных выберу лучшие мысли. Всё это соберу и напечатаю особенно, с посвящением⁸.

---

* Лучшее средство противостоять надвигающимся неприятностям — это направить ум с еще более твердою решимостью к совершению великих дел и предначертаний, ибо я достаточно себя знаю, чтобы понимать, что лишь твердое намерение и упование собственною жизнью содействовать общему благу более всего может меня подкрепить и успокоить; поэтому в моих собственных глазах знания мои становятся столь благородными и важными, что долг и жажда славы делают меня совершенно непреборимым (нем.).

Тогда только ты можешь поздравить меня истинным автором, когда я буду восхищаться Демосфеном, Тацитом, Гомером и Горацием в оригинале.

Перечитав письмо Екат<ерины> Афан<асьевны> ко мне, начинаю думать, что просьба в банк послана и что в ней только неясно сказано то, о чем она просит в приложенной записке — справься. А я между тем всё напишу к ней.

Книги сию минуту получил — обнимаю тебя. О Греческой грамматике не заботься — прислали.

P. R. Appalen⁹ самое старинное издание, я видел у Каченовского совсем другое — большой октаво.

Ты очень одолжишь меня Эйхгорном; прошу тебя не называть меня неотступным и слишком жадным. Еще раз повторяю, что книги твои все до одной будут целы; только доставь все те, которые я требовал, и не сердись на меня, что так на тебя нападаю.

Латинскую грамматику!!!

72.

П. А. Вяземскому

<Начало декабря 1810 г. Белев>*

Отвечаю тебе на два последние письма твои, милостивый государь и любезный друг. На последнее нечего отвечать, ибо в нем, кроме приятных стихов Давыдова, которые будут и поправлены, и напечатаны в «Вестнике»¹, нет ничего. Даже и ужасное твое молчание насчет моей критики² есть то же, что *ничего*. Критический гром твой имеет не<ко>торое сходство с громом театральным — громко, но не убийственно и даже не страшно. На первое твое письмецо надобно, однако, сказать несколько слов. Начинаю тем известием, что к новому году буду иметь удовольствие представить тебе самолично и физику свою, и мораль. Скажу, что ты очень напрасно сделал, не позволив себе потчевать меня перцем насчет моего *безумного* плана учиться и делать дело не шутя — *la matière était belle** и тебе представляется прекрасный случай сказать несколько злых эпиграмм. Но ты заменишь потерянное в одной из тех дружеских бесед, которые будем иметь по приезде моем в столицу. Заранее вооружусь терпением. Кстати о беседах. Уговор лучше денег: видаться часто, но вовремя; я еду в Москву не для праздности и более оттого, что в деревне остаться мне невозможно, ибо мои все уезжают. Прошу тебя как друга; если ты хочешь, чтобы наши частые свидания были истинным для меня наслаждением, сообразуйся с моим временем и щади те часы, которые посвящены будут мною делу. Почитаю за нужное писать об этом к тебе заранее (и, может быть, заставить тебя

---

* Предмет был прекрасный (*франц.*).

посмеяться на мой счет) для того, что ты всегда бывал несколько самоволен. Между нами будь сказано, ты эгоист в своих дружеских связях и никогда не воображаешь, чтобы нужно было сообразоваться в чем-нибудь с своими приятелями; а напротив, думаешь, что им непременно должно с тобою сообразоваться. Знай, однако, любезнейший друг, что ты лишишь наши будущие свидания главной их прелести, если не согласишься исполнить моего условия, для меня чрезвычайно важного, — но этой важности объяснять не стану; она не слишком будет для тебя понятна, ибо ты никогда не выразишь, чтобы я в состоянии был трудиться порядочно и постоянно. И вот мое требование, которое решишь исполнить с совершенною точностью: до шести часов после обеда почитать горницу мою для тебя затворенною. После шести часов будет для меня время отдыха, следовательно и время дружбы³. Такая пышная прокламация может показаться тебе очень забавною — и для меня она забавна, но с тобою, еще раз повторяю, такого рода условие необходимо; и я, несмотря на ужасную тучу готовых обрушиться на меня эпиграмм и сарказмов, отваживаюсь его сделать.

Последнего письма твоего ожидал я с любопытством, надеясь найти в нем подробное описание вашей тверской жизни⁴; но ты удостоил меня двумя или тремя приемами перца на счет моей критики — суди тебя Бог! Говорить вздор тогда, когда бы ты мог говорить дело, — где же совесть? Пламенное желание твое написать комическую оперу⁵ и приговорительное старание приобрести некоторую ученость в *водевилях* французских почитаю весьма полезным для тебя делом, особливо весьма хорошим лекарством против жестокой болезни твоей: *незнания, куда бы девать проклятое время*; но я уже уверен, что этот рецепт теперь не годится; Тверь победила водевили, и место оперы, вероятно, занимают теперь или прекрасные глаза какой-нибудь Сильфиды, или стремление за новыми лаврами и успехами в курьозных обителях Галиматьи.

Жалею очень, что я не мог застать в Москве Блудова⁶; это для меня важная потеря, но как же быть — пусть будут моим утешением те восхитительные строки, которыми угостил меня в твоём письмеце любезнейший Сибирский остроумец: они довольно меня позабавили; и я советую тебе дать этому забавнику пристойное местечко в своих водевилях.

Плана твоего *собрать свои критики*⁷ совсем не одобряю, ибо твои критики, любезный друг (это сказано не в отмщение), не годятся никуда: ты не разбираешь, не судишь и не доказываешь, а только замечаешь некоторые забавные стихи и прибавляешь к ним несколько едких сарказмов, не имеющих никакого достоинства, и особенно в критике не могущих составлять *единственное* достоинство. Ты критикуешь поэтов точно так, как судишь людей: в человеке не замечаешь ты характера, а только его выражения и одни только странные выражения; по ним уже судишь и об уме, и о свойствах моральных; и в критике ты смотришь не на слог, не на общее, а только схватываешь мимолетом (ми-

моходом слишком для тебя степенно) некоторые отдельные выражения и по ним заключаешь о целом. И при таких неосновательных правах на суждение ты позволяешь себе судить очень решительно и даже воображать, что мнение твое не может бы<ть> ложное.

В заключение скажу тебе, что (предполагая мое условие исполненным) я радуюсь мысленно теми минутами, которые проведем мы вместе. В ожидании этого удовольствия обнимаю тебя сердечно. Скажи мой усердный поклон Н<иколаю> Мих<айловичу> и К<атерине> А<ндреевне>. Поздравляю Н<иколая> М<ихайловича> с чином⁸, и поздравляю как человек, которому всё, касающееся до него, так же почти важно, как собственное.

73.

А. И. Тургеневу

4—5 декабря <1810 г. Белев>

Последнее твое письмо от 17го ноября¹. Оно служит ответом на мое сердитое. С тех пор ты уже успел получить два письма от меня: одно большое, другое с запискою о деле Ек<атерины> Афан<асьевны>. Прошло уже три почты с того времени, как я получил это последнее письмо твое, и от тебя нет ответа. Что причиною такой лени, любезный друг? Книгу Уварова² я получил, но при ней нет от тебя ни строчки. Кто же ленивее, ты или я? И от Блудова нет ответа, а я ожидаю его с большим нетерпением. Что же это значит? По-настоящему, мне надлежало бы наказать тебя молчанием, но мне самому теперь молчать не хочется и писать к тебе совсем не тяжело для моей лени. Первое, скажу тебе, что я не совсем доволен последним твоим письмом. Что значит выражение: *тебе не нужно заставлять меня перечитывать письма твои, я и без того читаю их сколько для удовольствия, столько для пользы*. Неужели ты хотел мне сказать комплимент? Не знаю отчего, но это выражение мне очень не понравилось. И тем более что на следующей же странице доказал ты мне очень ясно его несправедливость. Если бы ты перечитывал письма мои для пользы, то непременно воспользовался бы дружеским моим *наставлением* и прислал бы мне Schlözer's Weltgeschichte³, о которой я особенно писал к тебе в двух письмах, а не написал бы ко мне, что мне не худо бы было иметь между прочим и эту книгу. Ты критикуешь мой план *исторического курса*; по длинному письму моему ты уже должен иметь об нем яснейшее понятие и, может быть, уже теперь со мною согласен. Прибавлю одно то, что ты напрасно мне представляешь примером Миллера. Он читал классиков и всему предпочитал источники, потому что уже имел в голове основу, которой я не имею и без которой самые классики вдвое менее будут полезны. К их чтению Миллер приготовлен был Гёттингеном, а для меня не было Гёттингена, и я должен был непременно быть несколько времени

собственным своим учеником. Чтоб быть со временем чем-нибудь, мне надобно непременно *начать с начала* — трудно, скучно, продолжительно, однако необходимо. Я уже не могу надеяться достигнуть до учености обширной, но я могу приобрести хорошее образование, то именно, которое мне нужно по моей части, то есть по части *искусств изящных*. Надлежит только сделать хороший и экономный план учения, такой, чтобы не было употреблено пустого труда и время не пропадало даром. Об этом мы будем беседовать с тобою тогда, когда увидимся в Москве. Я буду в ней непременно в конце декабря; старайся и ты к тому же времени туда приехать; эта перспектива радует меня чрезвычайно. Заранее, однако, прошу тебя привезть мне из библиотеки своей все те книги, которые сочтешь для меня нужными; например, те, в которых могу я получить порядочное понятие о вспомогательных науках истории: статистику, политическую экономию, *Staatsrecht*^{*}, географию и другие, не забывши и тех, о которых я просил тебя в моих последних письмах; ты сделаешь мне этим истинное благодеяние, а бедный карман мой избавишь от горестного убытка.

Прожект Уварова я прочитал и прошу тебя сказать ему от меня усердную благодарность за доставление этой книги. Мне приятно было узнать его со стороны его сведений, и он должен принадлежать, если не ошибаюсь, к числу необыкновенных людей из русских. Жалею только об одном: он разделяет, как видно, со многими несчастье предубеждения против всего русского и лучше соглашается не быть оригинальным на французском языке, нежели унижить талант свой до русского и быть отличным писателем русским (если только *NB* он хочет быть писателем, на что, кажется, дают ему право его хорошие сведения, между русскими необыкновенные). Я очень далек от грубого восхищения à la Glinka⁴; но что же будет с нашим бедным отечеством, если мы все без изъятия будем пренебрегать его и восхищаться всем, что только не наше. Кому же и сделать любезным русское, как не людям с талантом, и особенно людям светским, соединяющим с остроумием и приятностью, приобретенными в большом свете, и талант, полученный от природы, и сведения, приобретенные в кабинете. Что же касается до самого прожекта, то он делает честь изобретателю, но едва ли может быть очень полезен в России. Тогда мы, кажется, могли бы заниматься и с жарким рвением, и с верною пользою рассматриванием литературы азиатской (привлекательной только для любопытства людей ученых), когда бы уже стояли на высокой степени образования; но где же у нас образование и где ученость? Выпишу одну статью из прожекта; она послужит неоспоримым его опровержением: *Et s'il est vrai, que nous sommes arrivés à l'une de ces époques; qui ne sont pas inconnues dans l'histoire de la civilisation; ou l'esprit humain, parvenu au dernier terme de son abondance productive et ne pouvant plus suffire à la fermentation des*

---

^{*} Государственное право (нем.).

idées, se replie sur lui-même pour recueillir de nouvelles forces par l'analyse de ses propres richesses, jamais la renaissance des études orientales ne pouvait rencontrer des circonstances plus favorables. Ce vif élan...⁵ и прочее (почти весь девятый параграф первой части). *Si nous sommes arrivés* — но мы еще очень далеко от этой эпохи. У нас еще никто не воображает, чтобы латинский и греческий язык были нужны для воспитания: мы еще не имеем порядочной русской грамматики. Это правда, что мы в сношении с такими народами, которые дошли уже до степени *пресыщения* в образовании умственном и которые необходимо должны требовать *нового* для того, чтобы оживлять умственную свою деятельность; но нам это *сношение* не дает еще права на *равенство*, и то, что может быть весьма полезно для наших соседей, то очень еще бесполезно для нас. В Германии, например, заведение Академии азиатской привело бы все головы в движение; у нас займет оно несколько образованных голов, и то, вероятно, голов, покрытых немецкими париками, а всем вообще русским покажется странностью; и Академия азиатская внутри России будет не иное что *для русских*, как храм, в котором совершаются таинства непостижимые и совершенно неприступные для профанов. И я опять уверен, что эта Академия, если она только будет основана, будет одно *пышное имя*, и что литература азиатская не может еще быть привлекательна для такого народа, который не имеет литературы *собственной*, очень поверхностно знаком с литературой французской и никакой идеи не имеет о древней, об английской и немецкой. У нас заведено и Общество историческое⁶; но что же оно делало, это Общество? А предмет его *русская история!* Мы сидим еще за русскою азбукою, а хотим уже разбирать китайскую и проникать в глубину древнейшей истории тогда, когда у нас только одна Миллотова всеобщая⁷, а оригинальная русская единственно та, которая издана для народных училищ⁸. Можно ли при таком богатстве словесности воображать *пресыщение* и приметное желание приобретать *новое*? Ce vif élan, cette force de produire и прочее не caractérisent pas le siècle où nous vivons⁹. Это правда; но одно действие от разных причин. Соседи наши оттого не имеют деятельности живой, что они уже истощили свою деятельность, а мы оттого, что еще не начинали действовать; следовательно, нам не может быть прилично то, что будет прилично им. Им нужно *новое*, а нам еще нужно перейти тот путь, который они уже сделали; если же,

---

* И если справедливо, что мы наконец достигли до той эпохи (уже известной в истории просвещения), эпохи, в которую человеческий ум, ступивший на крайнюю степень избытка творческого и не могущий удовлетворить собственному своему стремлению, обращается на самого себя, дабы приобрести новые силы, исчислив свои сокровища: то неоспоримо, что возрождению наук восточных встретились самые счастливые обстоятельства. Это живое стремление... (франц.).

** Это живое стремление, эта творческая сила... не могут быть признаны отличительным качеством нашего времени (франц.).

напротив, будем стараться идти с ними наряду и действовать одинаково с неодинакими способами и силами, то будем в опасности ничего не сделать или всё сделать очень худо. Хвататься за трудное, не приготовив себя к успешному его исполнению работою продолжительною, есть свойство русских, за которое должны они благодарить Петру Великому. В пример целой России могу поставить самого себя. Не зная азбуки, я принялся за авторство; но авторство мое уверило меня, что надобно приняться за азбуку. И я решился, наконец, последовать этому доброму совету, может быть, несколько поздно; но лучше поздно, нежели никогда. Мы хотим заводить Академию азиатскую, а наша русская академия еще в колыбели! Не значит ли это, что мы уверены в своей зрелости; а эта уверенность не есть ли гибельное препятствие и самой возможности некогда сделаться зрелыми? Вот тебе мое мнение. Само по себе разумеется, что оно должно остаться между нами. Прожект будет переведен для «Вестника»¹⁰, ибо он может составить в нем очень любопытную статью; но замечаний на него делать не стану и не могу, ибо эта часть — как и весьма, весьма многие — неизвестна мне совершенно. В письме к тебе позволяю себе умствовать и криво, и косо; но говорить пустяки перед публикою тяжело для совести.

Остальные страницы надобно наполнить кое-чем о себе. Время мое и мои занятия идут порядочно; вообще чувствую себя счастливым; недостает одного — и этот недостаток очень бывает чувствителен — возможности сообщать мысли свои о том единственном предмете, которым занята моя душа беспрестанно, и чрез это сообщение оживлять в себе деятельность. Я окружен милыми людьми, ко всем им очень много привязан; но с этой именно стороны одинок, с которой особенно было бы нужно мне общество, и очень часто думаю, какое было бы для меня наслаждение, когда бы я мог жить или с тобою, или с Блудовым и когда бы мы общими силами трудились над усовершенствованием своего образования. Чтоб дать тебе некоторое понятие о своем теперешнем положении, выпишу одну статью из моей записной книги, статью, написанную с тем, чтобы сообщить ее тебе. Не думай, однако, чтобы я вел порядочный журнал: до этого совершенства в занятии я еще не достигнул, и не всё то еще исполняется, что я хотел бы исполнить.

Ноября 22¹¹

Прежде в голове моей была одна только мысль: *надобно писать!* И я писал очень мало, потому что мой талант естественный всегда был в противоположности с моими способами — я невежда, во всей обширности этого слова. Теперь главная мысль моя: *надобно учиться и потом писать*, и я час от часу становлюсь деятельнее, по крайней мере час от часу сильнее желаю быть деятельным. Я имею теперь довольно твердости, чтоб отступити назад и *начать*

с начала (Bélier, mon ami, commencez par le commencement!)*¹², дабы дойти до счастливого конца. Мысль, что я уже *автор*, меня портила и удерживала на степени невежества. Между тем я внутренно был спокоен и не мог быть счастлив своим положением; ибо то, что я делал, необходимо должно было казаться мне пустым, и неуверенность в собственных силах лишала меня утешительной надежды на успех. Решившись приобрести сведения основательнее, я сделался и спокойнее, и счастливее. Приобретение сведений есть само по себе уже наслаждение. А имея в виду прекрасную цель, это наслаждение удваиваешь: настоящее украшается будущим. Вот два месяца, как работы мои идут порядочно, как я доволен собою, спокоен, внутренно весел. Думаю, что эта привычка к порядку, любовь к деятельности и постоянство в преследовании одного предмета более и более будут во мне укореняться. Эти два месяца более познакомили меня и с самим собою. Теперь я сделался доверчивее к своему постоянству. Прежде казалось мне, что я совсем не имею памяти и что учение для меня труд напрасный; но теперь начинаю думать, что моя беспамятливость по большей части была следствием душевной недеятельности или слишком беспорядочной в деятельности: каждую минуту рождалось новое занятие, не связанное с предыдущим и часто ему противное; одно истребляемо было другим. Могло ли что-нибудь после этого в голове остаться? Теперь в работах моих постоянство; нет беспутного разнообразия, и память во мне рождается. Надобно осудить себя на несколько лет *ученической деятельности*, или *приготовительной*, дабы набрать сведения; надобно не скучать трудностями, более всего дорожить временем и твердо держаться порядка. Теперь утешает меня особенно то, что работать или мыслить о работе есть обыкновенное, всегдашнее мое положение. Работа — средство к счастью, она же и счастье. Я открыл в себе и способность *дорожить временем* (способность, которую, однако, надобно поболее усовершенствовать), а прежде время летело между пальцев. Между тем работа, приносящая пользу и соединенная с некоторым успехом, удивительное имеет влияние и на самое моральное состояние души. Никогда я не был так расположен ко всему доброму и во всех других отношениях так хорош, как теперь: главное дело мое идет как должно, следовательно и всё постороннее, но с главным более или менее имеющее связь, должно быть необходимо в таком же порядке. Все другие должности сделались для меня любезнее; и не должно ли из этой привычки к труду выйти, наконец, и большее совершенство моральное: следовательно, трудясь, не достигну ли верховной цели человека? О! Как благодарю ту минуту, в которую сделался счастливый перелом моих мыслей, в которую я сказал самому себе: ты отчаиваешься, что потерял много времени, и теряешь надежду; но кто же мешает исправить потерянное? Сделай, что можешь сде-

---

* Белье, друг мой, начните с начала! (*франц.*).

лать; только трудись и трудись постоянно! — мое настоящее положение весьма может быть названо *счастливым*. Посредственность состояния не ужасает меня, богатство не кажется мне прелестным, связи мои с матушкой становятся для меня драгоценны; имею добрых друзей, которые меня любят; остается быть достойным и их, и себя — а средство: деятельность в том малом круге, который я для себя назначил. Прежняя моя лень весьма много происходила и от *любви*, которая составляла царствующую в голове моей идею и всему прочему была тираном. Теперь и любовь уступила *трудолюбию*. Одного бы желал, одного бы просил от Бога: не слишком быть озабоченным своим состоянием, иметь не-обходимое, но иметь верное. Надобно себя приучить к расчетливости, если можно, и к скупости, ибо скупость в моем состоянии есть добродетель. Одну половину из составляющего прямое богатство я имею: *нежелание многого*; надобно присоединить к ней и другую: *умение дорожить малым и с ним согласовать образ жизни*. Надобно укоренить в душе утешительную мысль: тихая, скромная жизнь, употребляемая на исполнение должностей и на труд полезный, есть самая счастливая, и Бог благословляет ее всегда, и успех с нею неразлучен. У меня теперь две должности: работать для того, чтобы быть автором (с этим неразлучно и собственное образование); действовать для счастья матушки, иметь его в виду беспрестанно; но и эта последняя тесно соединена с первою, ибо все мои средства соединяются в авторстве. Авторство мне надобно почитать и должностью гражданскою, которую совесть велит исполнять со всевозможным совершенством. Теперь не могу исполнять ее как бы надлежало, ибо я невежда; но я могу исполнить ее со временем, следовательно и самый приговорительный труд есть некоторым образом уже исполнение. Итак — деятельность! А предмет ее — польза! А награда за нее — слава, счастье! Это повторять себе каждую минуту и приучить себя не уважать временными неудачами или худым расположением к работе, которые почитать только временными остановками, долженствующими случаться реже по мере прилежания к работе, что я испытал уже и над собою.

Длинная моя рапсодия не должна тебе скучать: я записал всё это в свой журнал с тем, чтобы к тебе доставить, и переписывать было для меня чрезвычайно приятно. Вообще, этот журнал, в котором написано у меня еще очень, очень немного, заступает для меня место откровенного друга, с которым я разговариваю в минуту *необходимости* сообщения мыслей, следовательно и всё, записанное в нем, принадлежит тебе по праву. Прибавлю еще одно, то, о чем я уже несколько раз думал к тебе написать и что всегда уходило у меня из памяти.

Состояние мое не совсем может назваться хорошим; небольшая сумма денег, из которых некоторая часть отдана в неверные руки, не может меня совершенно обеспечить; боюсь, чтобы тягостные заботы о состоянии не принудили

меня сойти с дороги, мною выбранной, и не бросили меня на такую, на которой я не надеюсь быть счастливым. Делаю тебя с этой стороны своим Промыслом. Прошу тебя, мой милый друг, думай иногда и о том, чтобы доставить мне такое место, в котором я мог бы, имея жалование, заниматься собственным. Я не имею нужды в чинах и других выгодах, лишь бы иметь несколько таких денег, которые не должно было бы вырабатывать; всё это не так необходимо теперь как через год или через два; но знать это не худо заранее, дабы не упустить благоприятного случая. Обязанность об этом думать и хлопотать поручаю тебе и Блудову. Не будет ли для вас большим наслаждением, если вы доставите Жуковскому несколько способов к его счастью? Например, место при какой-нибудь библиотеке было бы всего для меня выгоднее. Еще раз повторяю: место мне нужно только для того, чтобы работать с большею беззаботностью; ибо служба для меня не цель, а только средство. Теперь пока я обеспечен «Вестником», ибо я в нем участвую, хотя уже не буду иметь имени издателя (что для меня весьма выгодно); но со временем могу и этого средства лишиться; следовательно, нужно иметь что-нибудь вернейшее. Советую вам, добрые мои друзья, Миллер-Тургенев и Лагарп-Блудов, составить между собою академию дружбы, которой цель должна быть: изыскание статистическое, филологическое и микроскопическое способов доставить вашему Жуковскому верное состояние; определите для съездов ваших один день в неделю, например несколько утренних часов в воскресенье (помни день субботний, святите его), и в эти часы говорите, думайте и рассуждайте, и действуйте для моей пользы. Такая Академия едва ли не будет полезнее Азиатской; и в самом деле: вы сделаете пользу *мне*, а я — я буду полезен целой России. Говорю это не шутя, ибо я могу быть и буду хорошим писателем.

От Северина всё еще я не получил ответа; попеняй ему хорошенько. Признаюсь тебе, это молчание меня жестоко сердит. Канцелярия министров портит людей, и Северин уже почитает себя человеком весьма важным¹³: ему некогда отвечать приятелю своему на такое письмо, в котором он отважился обременить его просьбою. И мне молчание Северина тем досаднее, что я чрезвычайно хотел бы услужить тому человеку, о котором я к нему писал. Похлопочи, любезный друг, о милостивом ответе.

О деле Екатерины Афанасьевны также от тебя не знаю; а пора бы чему-нибудь решительному уже сделаться. Ты спрашиваешь у меня, кто по этому делу хлопочет. Ты один, любезнейший друг. Вместе с тою запискою, которую я тебе доставил, послана и просьба в банк, на которую надобно выходить благоприятное разрешение; а выходить некому, кроме тебя. Следовательно, решишь еще раз вооружиться деятельностью и напади на того чудака, который уже выдержал первое твое нападение с некоторым уроном для стороны правой. По крайней мере, отвечай мне по этому делу удовлетворительным образом.

Наше свидание в Москве веселит меня заранее, и вот мой план. Я буду жить у Соковнина¹⁴; работы мои будут идти тем же порядком, каким идут теперь; с пяти часов утра до шести после обеда буду сидеть за делом, но каждый день в шесть часов после обеда ты должен будешь ко мне приезжать (не ранее и не позже), и мы будем сидеть очень весело дома, или будем вместе ездить к Карамзину, или куда случится. Только непременно надобно нам видаться всякий день и ездить ко мне тебе, а не мне к тебе, ибо (важное NB) я не намерен нанимать лошадей. (Не правда ли, однако, что я становлюсь расчетливым немцем и в деньгах, и в расположении времени, хотя, увы! эта расчетливость еще по большей части только на словах, а не на деле.) Одним словом, любезнейший мой Миллер, ожидаю приезда твоего в Москву с нетерпением, и наши дружеские, искренние разговоры восхищают меня заранее. Как бы хорошо было, если бы с тобою прилетела и милая рожица Блудов! Но и для него важный закон *шести часов* непреложен. Заклучу письмо свое обыкновенным рефреном. Перечитай все мои письма не для своей, а для *моей* пользы; выпиши из них на особую бумагу все те книги, о которых я тебя просил, не забыв и росписи Шлёцеровых сочинений, в которой я некоторые книги отметил карандашом; отбери назначенные книги; что понужнее, пришли, а что не так нужно, привези с собою, не забыв, однако, приложить к этой сумме и тех книг, которых я не назначил, но которые ты сам сочтешь для меня нужными. Если всё это исполнишь, то я поверю, что ты перечитываешь письма мои для своей пользы. *Пользы!* Какой чудак! Но разве я пишу к тебе эпистолы à la Sénèque?^{*15} А далее какое пышное приветствие: *досуги твои для меня священны! Я не простил бы себе, если бы был причиною потери твоего времени. Оно так дорого для любящих русскую словесность.* Не стыдно ли тебе говорить со мной таким языком? Прошу тебя, мой милый Миллер, иметь обо мне понятие настоящее, следовательно не слишком высокое; ибо для меня будет больно, если ты будешь на мой счет обманываться, хотя бы то было в хорошую сторону. Я желаю, чтобы твое понятие обо мне было для меня самым верным зеркалом и чтобы оно не украшало меня в собственных моих глазах. Мне всегда было неприятно, когда и посторонний ценил меня выше того, что я стою; а от доброго друга это еще неприятнее.

Между тем латинской грамматики всё еще нет. Досуги мои не очень же для тебя священны. Я, кажется, в первый раз писал к тебе о грамматике в августе, вот 4^е декабря. Если бы я, понадеявшись на аккуратность твою, вздумал отложить попечение о латинском языке до радостного прибытия Бредерова¹⁶, то слишком бы мало воспользовался священными досугами.

Нет ли у тебя «Geist der Hebräischen Poesie» von Herder?¹⁷ И «Саконталу»¹⁸ желал бы прочитать. Projet Уварова напечатан будет в 1 № Генваря месяца. Прежде

---

* В роде Сенеки (франц.).

невозможно. Обнимаю тебя от всего сердца. Еще раз прошу тебя — кажется, что я уже об этом просил, — выручи у Андрея Сергеевича¹⁹ Шлёцеров манускрипт: «Записки о жизни его отца»²⁰. Он взялся было перевести его в «Вестник» с дополнением; но и меня лишил этого перевода, и сам ничего не сделал. А Шлёцер, который написал этот отрывок по моей просьбе, досадует на меня и требует, чтобы я возвратил ему манускрипт. А мне досадно на Андрея Сергеевича: взяться за такое дело, которого исполнение могло бы быть для него очень приятно, не исполнить его и меня ввести в нареkanie — это не совсем в порядке вещей. Прости еще раз. Это длинное письмо и предыдущее, которое было не короче, обязывают тебя написать ко мне поболее, и жду твоего ответа с нетерпением. Но это письмо также и для Блудова, которому также советую не мучить меня своим молчанием. В теперешних обстоятельствах ему стыдно не написать ко мне ни слова.

5-го ноября²¹

Написав к тебе, мой милый друг, я всегда чувствую себя веселее обыкновенного, как будто после самого приятного разговора, в котором душа оживилась новыми чувствами, а голова новыми мыслями. Друзья, Тургенев и Блудов, любите меня более и более. Пока мы будем иметь в жизни один общий предмет: сохранение и усовершенствование дружбы нашей, по тех пор и самая жизнь будет в глазах наших иметь высокую цену. Знайте, что вы первые для меня люди в свете. Но, любезные друзья, перестаньте же лениться; вот и еще пришла почта, а от вас ни строки! На что же это похоже? Я начинаю думать, что ни ты, Тургенев, ни ты, Блудов, не получили моих писем, и для избежания такой неприятности ставлю на конверте великое слово: *подателю 25 копеек*. Нет, мало! 50! Для уплаты можете сложиться.

74.

А. И. Тургеневу

<Декабрь 1810 г. Белев>

На будущей неделе еду в Москву¹, следовательно не пиши ко мне в Белев, а в Москву. Письма адресуй в контору Университетской типографии. Мало пишу для того, что не хочу писать; на два больших письма моих нет от тебя никакого ответа; ни слова о банковом деле. До тех пор ни ты, ни Блудов не получите от меня ни строки, пока не увижу от вас порядочных писем. Стихи мои, тебе обещанные, все списаны²; но ты их не скоро получишь, в наказание за твою лень. Сверх того, намерен наказать тебя и денежною пенею; знай наперед, что всякий раз, когда ты заленишься и не станешь отвечать на мои письма, беру бумагу, пишу на ней не более двух строк, и за эти две строки заплатишь ты, смотря по великости твоего преступления, полтину, рубль или пять рублей. Если нельзя выпросить писем от

твоей дружбы, то по крайней мере можно у твоего кошелька. Не правда ли, что выдумка премудрая? Зубы болят, холодно страшно, а я пишу стихи!³

75.

П. А. Вяземскому

<Вторая половина 1810 г. Белев (?)>^{*}

Любезный друг, скажу тебе два слова, очень для меня нужные. Я купил, или покупаю, в здешней стороне маленькую деревнишку¹. Мне нужно непременно 5 000 рублей. Твой Ванюша² обнадеживал меня, что в случае нужды найдет для меня до 6 000 рублей: сделай одолжение, спроси у него, может ли он мне теперь помочь, и уведоь без всякого замедления о его ответе. Я дам знать, нужны ли будут мне деньги; теперь есть надежда найти их и в другом месте; однако всё будет не худо, если и ты с своей стороны обо мне постарайся. Прости, любезный друг, ожидаю твоего ответа и прошу тебя не замедлить. В августе месяце непременно должна быть совершена купчая. В противном случае я теряю две тысячи.

Пришли же мне обстоятельный план вашего журнала³ и что должно быть в первых книжках. На сих днях были у нас Плещеевы⁴. Я еду к ним дней через пять. По поводу галиматши и остроумия вспоминаю и о тебе.

76.

А. И. Тургеневу

<Конец декабря 1810 — начало января 1811 г. Москва>

На письмо твое отвечать в подробности не имею времени, а спешу повторить тебе просьбу мою только об одном, именно о деле Екатерины Афанасьевны, о котором, как мне кажется, ты уже отложил попечение, ибо от тебя никакого слуху; а между тем здесь думают, что ты хлопочешь, и в этом уверении не принимают никаких других мер. Я получил от тебя записку Хитрова¹; но после этой записки я писал к тебе другое письмо, в котором уведомлял тебя, что просьба в банк о выдаче свидетельства послана (и она послана в ноябре месяце); сверх того, просил тебя, чтобы ты постарался, через Хитрова или кого-нибудь другого, чтобы по этой просьбе было исполнено; а ты мне в ответ пишешь, после весьма продолжительного молчания, что ты доставил уже мне записку Хитрова и что надобно прислать просьбу в банк. Одно из двух: или ты не читаешь моих писем, или совсем они к тебе не доходят. И то и другое досадно; но первое досаднее. Сделай милость, возьми за это дело и исправь его, если можешь, как обещался. Просьба состоит в том, чтобы узнать, доставлена ли просьба в банк; если доставлена, то можно ли по ней выполнить, если можно, то выполнить поскорее; а если нельзя, то по крайней мере дать знать, что в этом случае делать.

Благодарю тебя за Шлёцера и за Якобса². Всё горе: я ехал сюда с веселой надеждою тебя увидеть; но вот приезжает М. Кайсаров³ и рассказывает, что тебя

и ожидать не должно. И ты еще хочешь, чтобы я сделался таким же невольником, как ты! Но об этой материи после. Прощай, мое Провидение, и надобно прибавить, весьма беспечное Провидение.

1811

77.

А. И. Тургеневу

15 февраля 1811 г. <Москва>

Просьба в банк послана, любезный друг, в первой половине ноября месяца. Когда будешь просить о исполнении по ней, то скажи просто, что к тебе пишут о ней, не означив числа, ибо я и сам числа не знаю. Содержание ее: дать копию с свидетельства, имеющегося в 25-летней Экспедиции на сельцо Муратово с Козловкою, Орловской губернии, Болховского уезда, с 1802-го года, по которому принято в залог только 37 душ, а прочие свободны, о чем в свидетельстве просят и поместить. И доставить бы это свидетельство в город Белев Тульской губернии на имя Екатерины Афанасьевны Протасовой. Вот и всё. Постарайся, любезный друг, обо всем из дружбы ко мне. На письмо твое, полученное мною через Уварова¹, у которого я еще не был, буду отвечать, но не теперь, ибо ей-ей нет времени.

Твой Жуковский

1811го февраля 15

78.

А. И. Тургеневу

27 марта 1811 г. <Москва>

27 марта 1811

Пламенный Державин под старость лет сделался только вспыльчивым; в поступках его тот же самый сумбур и беспорядок, который в его одах. Письмо его¹, тобою мне доставленное, сначала и огорчило меня, и испугало. Огорчило потому, что всякая грубость², сколь бы она ни была глупа и достойна презрения, на первую минуту не может не быть огорчительна; а испугало совсем по другим причинам. Я вообразил, что человеку, украшенному титулом высокопревосходительного, весьма нетрудно превзойти всякую справедливость и безрассудные угрозы свои привести в исполнение³; а в этом случае исполнение таких угроз повредило бы мне чрезвычайно, не тем, что я потерял бы собственные деньги (ты можешь быть уверен, что я не пожалел бы об них ни минуты), но тем, что за все издержки, употребленные на печатание моей книги тем человеком, который

ее у меня купил, надлежало бы заплатить мне (по нашему условию), что сделало бы мне крайнее разорение. Теперь, однако, смотрю на эту глупость совсем иначе, и грубое письмо нашего Пиндара с некоторых сторон для меня еще и выгодно.

Я не понимаю, однако, по какой причине ты ему не отвечал⁴ и для чего считаешь нужным ожидать моего разрешения. Ведь письмо писано к тебе; тебе известно, что я поместил в своем собрании пиесы Державина с его позволения, ибо нашим посредником был ты⁵; что же помешало тебе ему отвечать? Я же лично не намерен делать ему никакого ответа — всех грубостей сказать ему невозможно, а не сказать их было бы низко; тебе же это легче: ты будешь говорить не за себя, а за меня, и как посторонний. Желание же его исполню⁶, и тем с большею охотою, что оно и без его требования было бы исполнено, ибо все лучшие пиесы его помещены уже в первых частях, а те, которые выброшу из последних, совсем не такого рода, чтобы можно было об них пожалеть. Я почти догадываюсь, что его так против меня взбесило. Он выгнал Гнедича из дому к<нзя> Б<ориса> Г<олицына>⁷, а в первом томе моего собрания его «Вельможа»⁸ стоит подле пиесы Гнедича «Скоротечность юности»⁹. Как же быть оде Державина в одном томе с одою Гнедича, когда сам Державин не хотел быть в одном доме с Гнедичем: том и дом почти одно и то же. А если выбирать, то я предпочту оду Державина всегда самому Державину. Следовательно, по его пиндарической логике, я сделал ему жестокою обиду. Но кто же знал обстоятельства? Итак, любезный друг, отвечай ему что хочешь и как хочешь; дай ему только знать в своем ответе, что ты доставил мне копию с его эпистолы: из моего молчания он должен уже будет понять, что я не нашел ее достойною ответа. Твое дело также стараться, чтобы печатание книги моей не было остановлено; в этом случае полагаюсь на твою попечительность. В IV томе Собрания напечатано будет *Послание Пушкина ко мне о Славянофилах*¹⁰. Это может вооружить против меня всю вашу ватагу скрибентов; смотри же, стой твердо и будь гранитным оплотом моей книги. Причиною этой державинской бури почитаю отчасти и московских бездельников-переплетчиков. Тотчас по отпечатании первых двух частей хотел я послать и к Держав<ину>, и к Ив<ану> Иван<овичу>¹¹ экземпляры, и к тебе: отдал их переплестать; и переплетали их недели три — обыкновенная метода славянорусских художников тянуть дело и портить; наконец переплели; приносят ко мне; что же? Предисловие прилепили к второй части, а портреты стоят после титулов. Как послать, особливо к И<вану> И<вановичу>, который так строг в рассуждении точности? Взбесился и велел переплести новые экземпляры¹², которых по сию пору не могу добиться. Это мне досадно крайне, ибо я теперь должен казаться странным и И<вану> И<вановичу>; он мне прислал свои сочинения, а я не доставил ему еще своей книги. К Державину же не пошлю экземпляра, и с этой стороны грубое письмецо его почитаю для себя выгодным; оно избавляет меня от необходимости и труда писать к нему письмо

в таком тоне, который для меня очень неприятен. Смотри же, не забудь сказать в своем ответе, что копия с письма ко мне доставлена¹³.

Прости, любезнейший друг. Я ныне собирался писать к тебе совсем о другой материи, то есть отвечать на прежние твои письма, на которые ты еще не имеешь ответа, и сообщить тебе некоторые свои намерения, но это оставляю до следующего понедельника; теперь надобно написать другое письмо: это заставило бы меня спешить, а мне хочется поговорить с тобою на просторе. Московская моя жизнь привела в некоторый беспорядок и мою с тобою переписку, так как и прочие мои занятия; возвратясь в деревню, возвращусь и к тебе, и к прежнему счастливому порядку моему. Я всегда более неразлучен с тобою в такие минуты, в которые более доволен самим собою; здесь тьма мелких обстоятельств нарушает обыкновенный ход моих упражнений; от этого беспорядка поселяется и какое-то беспокойство в душе, которое портит и все другие приятные чувства ее. Поклонись от меня С. С. Уварову. И об нем еще не говорил с тобою; но всё это откладываю до следующего понедельника. Теперь скажу тебе только, что я несколько раз внутренне благодарю тебя за это знакомство, доставленное мне тобою.

Любезный друг, еще одно требование: сыскать в своей библиотеке следующие книги: «Ethik von Aristoteles» übersetzt von Garve¹⁴, «Principles of Moral and Political Sciences» by Adam Ferguson (если найдешь перевод этой книги Гарвев)¹⁵, «System of Moral Philosophy» by Hutcheson¹⁶, Feders «Untersuchungen über den menschlichen Willen»¹⁷, Булеву «Историю древней философии» и его же «Историю новой философии»¹⁸. Которые из этих книг в твоей библиотеке, те доставь мне тотчас по почте, если в них не найдешь нужды сам; а об остальных потрудись справиться в книжных лавках; что стоят, дай мне знать, деньги пришлю. Если не найдешь оригиналов, хотя переводы. Две науки: моральная философия и история будут идти у меня рядом, но последняя только для первой. При них изящная словесность. Письмо мое не забудь показать Дмитриеву: хочю, чтобы он знал, почему я не доставил ему экземпляра. Готчесон есть переведенный Лессингом¹⁹, Булева ист<ория> фил<ософии>, кажется, есть у тебя в библиотеке. Прошу тебя, не замедли и не досадуй на меня за мои разорения.

Доставь мне копию с твоего ответа Державину²⁰.

79.

С. С. Уварову

4 мая 1811 г. Москва

Москва. Мая 4. 1811

Я имел удовольствие получить Ваше письмо¹ и спешу на него отвечать. На предлагаемое Вами перепечатание моего перевода² соглашаюсь с большим удо-

вольствием: желал бы только, чтобы Вы или Тургенев взяли на себя труд его пересмотреть и в некоторых местах исправить: я переводил поспешно, ибо должен был кончить в срок, для напечатания в первых №№ «Вестника»; я уверен, что в нем довольно найдется ошибок или худых оборотов. Я сам охотно взял бы на себя эту поправку, но не знаю, к которому времени нужно ее кончить; если время терпит, то прошу Вас покорно меня уведомить: я поспешу доставить Вам экземпляр, сколько можно исправленный, и этот труд возьму на себя с большим удовольствием, ибо он дает мне случай сделать что-нибудь Вам приятное; назначьте только срок, к которому всё надобно изготовить.

На сих днях я был у Николая Михайловича и исполнил Ваше препоручение, то есть сказал ему о новой Шлегелевой книге, которую Вы намерены со временем ему прислать³.

Он скоро едет в деревню. Я также собираюсь проститься с Москвою⁴ и желал бы надолго, дабы без всякого помешательства заняться делом и наконец что-нибудь сделать.

Здесь позвольте мне упомянуть, что Вы предлагали мне в Москве⁵. Предложение это почитаю отменно для себя выгодным, но также почитаю необходимым объясниться с Вами искренно; может быть, искренность моя покажется Вам странной — так и быть. Я совершенно *не готов* к тому званию, на которое Вы меня определяете; мои сведения все вообще весьма еще несовершенны и не приведены в порядок. Для того чтобы их несколько усовершенствовать, нужна свобода; занявшись должностью, для меня важною и по моей *неготовности* весьма для меня трудною, я не буду иметь возможности исполнить это намерение: одно исключительное занятие отвлечет меня от других необходимых занятий, которых я ни за что не хотел бы оставить...

Хотите ли мне сделать истинное добро? Дайте мне время, нужное для приготовления, ученического труда и между тем позвольте мне иметь надежду, что я, по совершении своего курса, на который по крайней мере употребить надобно года два, найду в Вас верное прибежище и что Вы тогда не откажетесь доставить мне средство употребить способности мои на общую пользу. Эта надежда меня совершенно успокоит: без всякой заботы о будущем посвящу себя упражнению и стану заранее наслаждаться мыслью, что выгодами жизни обязан буду тем людям, к которым прилеплен чувствами дружбы. Такая мысль и самый труд сделает для меня сладким. Напротив, если теперь возьму на себя такую должность, к которой я совсем не готов, то она будет для меня только источником самых неприятных ощущений: беспрестанно буду воображать себя не на своем месте и с выгодами *состояния* не получу того, что делает всякое состояние приятным, то есть спокойствия внутреннего и довольства самим собою. Одним словом, прошу от Вас только одной надежды, то есть позвольте мне

быть уверенным, что я в свое время найду в Вас нужную мне помощь. Более ничего теперь не требую и не имею права требовать.

Желал бы, если бы это было возможно, быть теперь просто привязанным к С<анкт>-Петербургскому университету, не получая никакого жалованья, а только при нем *считаться*. Также весьма бы желал знать заранее, к какой особенной должности надлежит мне особенно себя приготовить. Я говорил с Вами искренно, ибо говорил не с таким человеком, от которого ожидаю одних только выгод, но с человеком, к которому хочу быть привязан чувством дружбы без всяких посторонних видов. Хотя несколько приятных часов, проведенных мною с Вами в Москве, и не дают мне на это полного права, но Ваше давнишнее знакомство с Тургеневым и меня сделало Вашим давнишним знакомцем.

Возвращаю с благодарностью Вашего Гёте. Позвольте Вам напомнить, что Вы обещали мне прислать французские Ваши стихи: «Sur l'avantage de mourir jeune»⁶. Эта идея меня пленяет; мне самому хотелось бы ее обработать на нашем гиперборейском языке, укравши у Вас несколько мыслей. Вы обещали мне и другие Ваши стихи и еще Гердеру книгу «Geist der Hebraischen Poesie»⁷.

Простите, почтенный Сергей Семенович. Прошу Вас не забывать искренно преданного Вам

Жуковского

80.

А. И. Тургеневу

<Начало мая (около 6-го) 1811 г. Москва>

Рекомендую тебе, любезнейший друг, своего доброго приятеля и очень доброго человека Владимира Сергеевича Филимонова¹; он должен быть и тебе самому известен, ибо служил, кажется, вместе с тобою в Архиве². Он никак не хотел быть в Петербурге, не узнавши тебя, и непременно требовал, чтобы я тебя с ним познакомил. Это письмо пишу только для того, чтобы оно служило ему проводником к тебе; а более писать некогда; давно начато у меня к тебе послание³, но всё еще его не кончу: Москва для меня источник лени. Прости, любезнейший друг; обнимаю тебя от всей души.

Твой Жуковский

P. S. Если случится Филимонову какая-нибудь такая нужда, в которой ты можешь быть ему помощником, то я надеюсь, что из дружбы ко мне употребишь всё старание помочь ему. Также еще, любезный друг, узнай от Северина, что дело Ершова⁴.

81.

Н. И. Гнедичу

<6 мая 1811 г. Москва>

Жуковский сердечно обнимает любезного Николая Ивановича и желает ему здоровья, удовольствий и более досуга, чтобы почаще быть наедине с Гомеровым гением¹.

82.

А. И. Тургеневу

<Середина мая (около 13-го) 1811 г. Москва>

Любезный и добрый друг, на письмо твое¹ не могу теперь отвечать обстоятельно; несчастный случай велит мне немедленно ехать в деревню, в Белев и потом в Орел, и на несколько месяцев². Из Орла сделаю тебе ответ настоящий; но он будет содержать в себе то же, что и мой последний ответ самому Сергею Семеновичу³, которого от всей души благодарю за его доброе ко мне расположение; если он сохранит его, то я надеюсь со временем им воспользоваться. Ты слишком нетерпелив в делании мне добра, любезнейший мой друг; не упускай из виду того, что ты со временем можешь мне быть полезен, но *жди* того времени, в которое скажу тебе сам: брат, теперь мне нужна твоя помощь. Из деревни опишу обстоятельно все причины, принуждающие меня отказаться от выгодной должности, мне предлагаемой. Теперь мне совсем не до того. Прости, мой милый друг; из деревни буду писать и к Сергею Семеновичу. Отказываясь поневоле теперь от выгоды, я остаюсь с успокаивающим меня уверением, что в вас двух имею таких людей, которые со временем захотят подать мне помощь⁴. Прости. Что же ни слова об Ершове?⁵ Пиши ко мне в Белев; оттуда уже будут присылать ко мне письма очень верно. Я позабыл поблагодарить тебя за твой прекрасный ответ Державину⁶; он тронул меня. Я даже радовался тому случаю, который доставил тебе способ за меня так прекрасно вступить и доказать мне перед всеми искреннюю твою дружбу.

Твой Жуковский

83.

А. И. Тургеневу

<Середина июня 1811 г. Муратово>*

Мой милый и всегдашний друг, скажу о себе два слова. В месяце мае много сделалось перемены в моей участи. Тот несчастный случай, о котором я писал тебе в последнем моем письме, была кончина моей благодетельницы и друга,

Марьи Григорьевны Буниной, у которой в доме я вырос и воспитан. Писав к тебе, я собирался ехать в Белевскую деревню, где надобно было похоронить ее тело. Я пробыл в Белеве три дня, всё исполнил и поехал в Орловскую деревню к Е<катерине> Аф<анасьевне> Протасовой, чтобы сказать ей о кончине ее матери. В это время занемогла моя мать, оставшаяся в Москве; за мною прислали; я поехал в Москву, совсем не зная, зачем еду, ибо меня вызвали под другим предлогом: в восьми верстах от Москвы узнаю, что у меня нет матери; приезжая, нахожу одну ее могилу. Избавляю тебя, мой милый друг, от всех комментариев. Пожалей обо мне и останься для меня навсегда тем же, чем ты был доселе. Вот главное. О службе теперь не хочу думать; она не доставит уже никаких мне выгод, ибо все эти выгоды были только в отношении к моей матери. А для меня самого нужно очень мало: я имею угол, в котором соединены для меня драгоценные мне люди¹, они избавят меня от ужасной муки одиночества; имею маленький кусок, которого может быть для меня довольно и который есть благоденствие моей матери², буду работать и этим одним ограничу свою жизнь. Бог лишил меня счастья успокоить старость моей матери; Он сам на себя взял эту заботу, а мне оставил одну только обязанность жить так, как будто бы она была еще со мною: мой милый друг, я исполню эту обязанность. Между тем я еще имею утешительную отраду в твоей дружбе и в дружбе еще некоторых немногих для меня людей. Напиши ко мне; я буду отвечать тебе подробнее. А теперь еще голова моя не пришла в порядок.

Твой навеки

Жуковский

Благодарю Сергея Семеновича за доставление стихов³; скажи ему, что я звание друга его ценю несравненно выше профессорского звания: весьма вероятно, что я останусь теперь при одном только первом. Обними за меня Блудова и попеняй ему. Не знать об нем в настоящих моих и его обстоятельствах очень для меня тяжело; а он уже доказал мне, что может ко мне писать много, как скоро захочет.

84.

П. А. Вяземскому

<Середина июня 1811 г. Муратово>*

Благодарю тебя, мой милый друг, за твое письмо и за твою дружбу. Прости меня, что я уехал из Москвы, не выдавшись с тобою; признаюсь, что в эти первые минуты мне никого не хотелось видеть, и я только думал о том, как бы поскорее оставить Москву¹. Помнишь ли наше с тобою расставание. Мне было в эту минуту более обыкновенного грустно: как будто мне говорило предчув-

ствие, что ты уже не увидишь меня в счастливых обстоятельствах. Я пользуюсь, однако, твоим наставлением и сию за работою². Не авторствую, но учусь. Вот и все мои планы.

Меня зовут в Петербург для профессорства; но я не поеду³.

План, тобою мне присланный, я читал, и надобно сказать с Мерзляковым: *план написан, а плана нет*; сперва скажи мне, что вы хотите делать, потом я скажу тебе, что я буду вместе с вами делать: вот тебе весь ответ мой на твою 8-ю статью; не замедли уведомить меня о вашем расположении⁴.

Между тем исполни мою просьбу (и я уверен, что ты исполнишь ее с возможною точностью). Съезди к Екатерине Федоровне Муравьевой и узнай, когда она расположена отдать в печать стихотворения М<ихаила> Н<икитича>?⁵ В следующем месяце доставлю ей остальные, мною исправленные; между тем пускай печатается начало. Печатать отдать в Университетскую типографию, Андрею Дмитриевичу Сущёву, который будет уже пересылать ко мне корректурные листы: я с ним об этом говорил, и он знает мой адрес. Биографическое известие о жизни М<ихаила> Никитича не замедлю написать; а ты попроси Ек<атерину> Фед<оровну>, чтобы *поспешила* доставить мне какие-нибудь известия о его службе, о некоторых главных происшествиях его жизни: например, обстоятельства его воспитания, того времени, в которое он был при великих князьях и тому подобное, этого ничего нет в тех бумагах, которые я имею и которыми могу очень хорошо воспользоваться только для изображения его образа мыслей и характера. Обо всем этом ты сам будешь уметь переговорить с нею лучше меня; только сделай дружбу, поспеши. Извини меня перед Екатер<иной> Фед<оровной>, что я уехал, не кончив начатого и не простясь с нею; оправдай меня в этом случае моими обстоятельствами. Надеюсь, мой милый друг, что ты докажешь мне свою дружбу *скорым* исполнением этого поручения, право, для меня очень важного. На точность твою крепко надеюсь. Также доставь мне поскорее и подробное расположение вашего издания, в котором я, однако, участвовать буду не иначе как *посторонний*, ибо я теперь надолго закопался в деревне и буду появляться в Москве на короткое только время. Поклонись для меня Батюшкову. Он меня совсем забыл. По крайней мере, напomini ему о Самаринной⁶ и о моем манускрипте, которому пора ко мне возвратиться. Всем нашим от меня кланяйся. Пиши ко мне, если можно, почаще хотя коротенькие письма. Право, люблю тебя от всего сердца. И заочно — как-то больше, не оттого ли, что здесь не надоедаешь ты мне своими эпиграмами и не рвешь у меня зубы.

Твой Жуковский

Отдали ли тебе портрет? Напиши.

85.

П. А. Вяземскому

8 <сентября 1811 г. Муратово>*

Милый друг, ты сердисься на меня, молчишь и воображаешь, что я тебя забыл. Ради Бога, не будь несправедлив и не меняй ко мне своей дружбы. Во всё это время, которое ты не получал от меня писем, я был болен, не физически, а еще хуже, морально¹: болен и теперь; но в душе своей не переменялся к тебе нисколько. Это письмо пишу только для того, чтобы тебя ко мне написать заставить, потому что письма твои большим для меня утешением служат. Итак, обрадуй меня. Напиши ко мне более и скажи, что ты всё ко мне тот же — друг на всю жизнь. О себе буду писать много — дай только немного успокоиться. Обнимаю тебя от всего сердца. Прости, брат, друг, товарищ.

Твой Жуковский

8 августа

86.

П. А. Вяземскому

22 сентября <1811 г. Муратово>*

Сентября 22-го

Я получил здесь очень неприятное о тебе известие, которому, однако, не верю, ибо оно дошло сюда от человека совсем недостоверного. Пишут об тебе из Москвы, что ты был очень болен¹, что болезнь твоя миновалась, но что ее следствия могут быть весьма для тебя опасны; словом, дают тебе чахотку. Прошу тебя, поспеши меня о себе уведомить; что с тобою делается и что справедливого в этих слухах. Я видел здесь нашего общего знакомца Апухтина², который сказывал мне о некоторых обстоятельствах твоей помолвки; но всё я ничего не знаю подробно. Если ты здоров или если найдешь свободную для меня минуту, то вооружись пером и напиши несколько строк. О себе не скажу ни хорошего, ни дурного; всё для меня более дурно, нежели хорошо, и я частенько говорю с нетерпением: когда же кончится эта глупая трагикомедия? Желая сердечно, чтобы ты не был знаком с этой мрачностью души, которая, однако, если не ошибаюсь, и тебе неизвестна. Обстоятельства твоей помолвки³ показались мне несколько странными, если верить описанию; прошу тебя описать мне всё, как было. Я здесь ни об ком из своих приятелей ничего не ведаю. Стыдно вам так забывать меня. Прости, любезный друг. Обнимаю тебя от всего сердца.

Твой Жуковский

Получил ли ты первое мое письмо в ответ на твое?

87.

П. А. Вяземскому

<Середина сентября 1811 г. Муратово>*

Поздравляю и себя, и тебя с твоим счастьем!¹ Ты удивил меня чрезвычайно. Радуюсь, любезный друг, и от всего сердца желаю, чтобы все твои настоящие радости и восхищения навсегда при тебе остались. Желал бы разделить их с тобою лично, но должен отказать себе в этом удовольствии: обстоятельства приковывают меня к одному месту, и я совсем не надеюсь даже и нынешнею зимою быть в Москве. Следовательно, весьма вероятно, что увижу тебя не прежде, как уже отцом (ибо твоя деятельность в этом случае мне известна); сидя подле люльки, будешь ты с жаром проповедовать мне философию, совсем противную той, которую проповедовал во время оно; я буду слушать и не верить ушам своим; наконец поверю и начну тебе завидовать, и, вероятно, буду завидовать целую жизнь, ибо так делается на сем свете: враги женитьбы женятся и вопреки самим себе бывают счастливы; а тот, кто выше всего ставит семейственную жизнь, принужден навсегда от нее отказать и грызть в одиночестве ногти. Я имел бы право попенять тебе, любезный друг, за твой лаконизм, но слишком счастливым людям всё прощается. Ты пишешь ко мне просто: я жуюсь, я в восхищении! а не описываешь, как это случилось; следующее письмо твое, если только найдешь свободную минуту от любви, должно быть подробнее. Впрочем, твоя метода почти мне известна —

Люби! еще не досказала,
А я уже пылал тобой!²

Так, без сомнения, случилось и здесь. Но на скольких же развалинах эта новая неразрушимая любовь поселилась и скольких врагов ты себе нажил!³ Тем лучше! Веди ее к алтарю в триумфе; а меня между тем не забудь уведомить о всех подробностях приступа, ибо хотя я и не имею надежды когда-нибудь подойти под венец, но всё думаю, что уроки твои на что-нибудь мне пригодятся. Я же несколько за тебя робею, ибо ты некогда проговорился мне что-то о неспособности, о неумении — ради Бога, не будь Батюшков!⁴

Я здесь живу весьма уединенно; круг мой самый тесный, но самый для меня милый; занятия мои идут довольно порядочно; Плещеевы — которые NB будут нынешнею зимою в Москве — от нас близко, и я выдаюсь с ними довольно часто. Деревнишку маленькую купил, но еще и азбуки хозяйства не знаю; между тем, несмотря на некоторые веселые развлечения, чувствую, что у меня в душе всё мрачно и час от часу становится мрачнее; будущее для меня в каком-то печальном тумане и в жизни не представляется для меня совсем никакого счастья; день за днем проходит без всякой радости, и самая жизнь теряет в глазах

моих цену. Такой печальный отголосок на твои веселые восторги совсем здесь не у места, и я, откладывая свои Иеремияты⁵, заключаю письмо свое тем же, чем его начал, то есть сердечным желанием тебе счастья; я желаю его тебе как друг, следовательно почитаю его собственным и для меня драгоценным. Обнимаю тебя искренно.

Твой Жуковский

88.

П. А. Вяземскому

<Первая половина октября 1811 г. Муратово>*

Благодарю тебя, любезнейший друг, за твое письмо, которое успокоило меня насчет твоего здоровья. Слухи о тебе были самые печальные; в одно время с твоим письмом получил я письмо от Северина¹, которое могло бы меня напугать, если бы твое не послужило на него возражением; он почти называет тебя покойником. Хотя я не из тех людей, которые называют смерть большим несчастьем², но желаю, чтобы ты познакомился с нею как можно позже; особливо умирать в женихах смешно и глупо. И я дивлюсь твоему стоицизму: ты шутишь, говоря о смерти. Если когда-нибудь можно на нее смотреть с ужасом, так, конечно, в теперешнем твоём состоянии. Будущее *должно* тебе представляться прелестным, следовательно и разрушитель этого будущего отвратительным. Из двух твоих реляций физической я довольнее, нежели моральной; ты ничего не описываешь мне обстоятельно; многое узнаю со стороны; из твоего письма только *угадываю*, что ты всё состряпал без ведома некоторых особ и теперь с ними дурно³: худой приступ к семейственному счастью! Нарушение прав и обязанностей семейственных! Это несколько похоже на нравочение; я называю это *искренностью*; хотя еще не знаю, о чем с тобою говорить *искренно*, ибо твои обстоятельства мне совсем неизвестны. Если бы ты вздумал отбросить на несколько минут твою лень и посвятить несколько часов *дружескому излиянию мыслей*, то избавил бы меня от тяжелого бремени принужденности — ты говоришь, что в некоторые минуты чувствуешь во мне нужду; но разве нельзя удовлетворить этой нужды будучи розно! Пиши всё, что у тебя на сердце, не бойся бумаги, я буду отвечать тебе так, как буду чувствовать и думать.

Ты хочешь знать о моих занятиях. Они в большом расстройстве. Я более рассеян, нежели занят; но эти рассеяния, однако, были для меня полезны — теперь опять начинаю чувствовать нужду в занятии порядочном и постоянном. Принимаюсь за стихотворство. Хочется поболее написать в продолжении следующих двух лет, ибо — сказать ли тебе мою странную мысль? — мне кажется, и кажется наверное, что я проживу не более двух лет!!! Что-то мне говорит: спеш! оставь после себя что-нибудь такое, что бы всегда напоминало о тебе

с удовольствием! И эта мысль о воспоминании имеет для меня особенную прелесть! Я не желал бы жить долго, ибо уверен, что буду *несчастлив*! Но желал бы непременно прожить два или три года, чтобы в это время написать что-нибудь достойное служить мне *памятником*. Как бы я желал, чтобы какой-нибудь посол судьбы слетел ко мне с неба и сказал мне наверное: два года, не более! Эта уверенность была бы для меня драгоценный подарок; она бы распространила очарование на этот короткий срок жизни! В два года прожил бы я более, нежели в двадцать! Но ты смеешься; поговорим о другом — о моих рассеяниях. Я очень часто выдаюсь с Плещеевыми, с которыми час от часу мне становится приятнее; я у них как дома; вместе с <Александром> <Алексеевичем> пишем комедии⁴, играем их, разумеется, между собою; поем, слушаем музыку.

Я никогда не думал, чтоб можно было мне познакомиться с Плещеев<ыми> коротко и дружески — теперь этому верю, и радуюсь, что моя дикость не помешала мне познакомиться с ними так, как со многими другими. Жена премилая женщина, я люблю ее искренно — здесь не худо тебе напомнить о прошедшем!⁵ Ради Бога, будь скромн! Если ты еще кому-нибудь, кроме меня сделал доверенность, то поступил мерзко; если ж нет, то молчи, а все письма в огонь! Минутная ошибка, произведенная обстоятельствами и горячею кровью, не должна разрушать семейственного счастья. (Об этом ты должен особенной статьей уведомить меня в первом твоём письме: *сожжены ли письма и знает ли кто-нибудь другой, кроме меня, эту тайну!*)

Завтра Плещеевы будут у нас. Мы уговорились, чтобы я каждый месяц приезжал к ним на неделю в деревню: эта неделя будет посвящена поэзии и музыке; я буду писать стихи, он — ноты; уж некоторые мои стихи обречены на бессмертие его музыкаю⁶, а для будущего множество идей превосходных и новых. Мы выдумали новый род соединения музыки с поэзиею; но это еще тайна, которая скоро обнаружится. Терпение! *À propos*^{*}, Плещеев имеет особенный талант чрезвычайно приятный⁷. Я еще никогда не слышал *читающего* с таким искусством, особливо театральные пиесы; ты можешь сказать от меня В. Пушкину, что он, несмотря на то что знаменитый Тальма его учитель, не должен и во сне сравнивать себя в этом отношении с Плещеевым⁸. Недавно он читал нам Шиллерова «Дон Карлоса»; у меня голова разболелась от того впечатления, которое сделала надо мною эта пиеса, хотя я ее и знал прежде⁹. *NB.* Ты много одолжишь меня, мой милый друг, если достанешь мне и на первой же почте пришьешь эту пиесу: не худо, если бы ты взял у Горна¹⁰ на мой счет и весь Шиллеров театр, по крайней мере все те пиесы, которые у него найдутся; не забудь об этой просьбе. Исполнив ее, точно докажешь, что меня помнишь. Прости, любезный друг. Что нового в литературе? Читал ли в последнем

---

^{*} Кстати (*франц.*).

«Вестнике» стихи Милонова и особенно перевод Горация?¹¹ Bravo! Bravo! Прекрасно! Истинная поэзия.

Твой Жуковский

Пришли мне свой адрес. Я принужден писать к тебе через других.

89.

П. А. Вяземскому

<Конец (после 18-го) октября 1811 г. Муратово>

Мой милой друг!
Знать, недосуг
Писать к друзьям?
Пристал к мужьям!
И свысока,
Как с чердака,
На бедняков
Холостяков,
Смеясь глядишь!
И говоришь:
«Вы дураки!
Как челноки,
Игрою волн!
Мой мирный челн
Нашел приют!
Старинный плут,
Эрот слепой
Был кормщик мой!..
Ревел Борей
И, как злодей,
Сожрать грозил!
Но верой был
От бурь, друзья,
Избавлен я!
Теперь мне смех:
Гляжу на всех
Из уголка!
Мне жизнь легка,
Вам — тяжкий груз;
Без милых уз
Что жизнь для нас!»
Ну, в добрый час!
Рад от души!

Да напиши,
Что, мужем став,
Ты старый нрав
Сберег друзьям!
Ведь по годам,
Не по часам,
Друзья растут!
Пусть Леля-плут
Или Эрот
Свое возьмет!
Но часть и — нам,
Твоим друзьям!..
Апухтин прав!
Ведь бес лукав:
Он всем вертит —
И твой пиит
Лекенем стал!
В Орле играл
В Филине он
И был смешон!
Под париком,
Как под шатром,
На двух ногах,
Как на клюках,
Он в первый раз
Для трехсот глаз
(Хоть и не рад)
Был адвокат.
Зато уж он
Не Селадон!
Роль волокит
Ему не льстит!
Апухтин врал,
Когда сказал,
Что милый взор,
Как хитрый вор,
Исподтишка
У чудака
Полсердца сжег!
Свидетель Бог,
Что это ложь!
Не делай рож!

Я не в Орле,
Живу в селе,
Земном раю;
И жизнь свою
В труде, во сне
И в тишине,
Таясь, веду;
И только жду,
Что стукнет в дверь
Плешивый зверь
С большой косой
И скажет: «Стой!
Окончен путь;
Пора заснуть,
И — добра ночь!»
Вот я — точь-в-точь!
Ты хочешь знать,
Позволю ль ждать
Меня зимой
Или весной
В Москву? — Ответ
Короткий: нет!

90.

П. А. Вяземскому

6 ноября 1811 г. <Белев>*

Ноября 6-е 1811

Отвечаю на два письма твои, любезнейший друг, и начну поздравлением. В час добрый! ты в пристани!

Ты кинул якорь свой у пристани забвенья!¹

То есть *забвенья* всего скучного, печального, неверного, ветреного и так далее. Милая жена есть образ возможного счастья. Этот язык, над которым ты прежде забавлялся, должен быть для тебя теперь понятен и, верно, понятнее, нежели для меня, ибо я расстался с мечтою о семейственном счастье и с горем пополам уступаю ее тебе; но для тебя она уже перестает быть мечтою. Из глубины сердца желаю тебе этим счастьем наслаждаться до конца жизни. Твои приглашения дают мне большую охоту побывать в Москве; но я почти уверен, что не буду к вам нынешнею зимою. Терпение.

Последним твоим письмом я весьма доволен, потому что оно успокоило меня насчет твоего разрыва с Карамзинными²; хотя это примирение не совсем оправдывает твою совесть, но оно было тебе необходимо для того, чтобы твое теперешнее счастье было полно. Я могу себе вообразить тебя веселым, счастливым; но еще никак не могу представить тебя мужем — переход был слишком быстрый и неожиданный. Что ты делаешь? Как располагаешь свою жизнь? Обо всем этом желал бы получить от тебя полную репликацию.

В прошедшем письме я говорил о смерти, теперь занят бессмертием — читаю «Федона»³. Читал ли ты его? Если не читал, то не имеешь понятия о красноречии. Но теперь надеюсь, что ты его прочтешь. Разве ты не женился! Кто бы этого от тебя мог ожидать! Почему же теперь не вообразить, что ты читаешь и трактат о бессмертии души. Теперь же тебе не худо несколько более прежнего подружиться с душою и позволить ей существовать! Для нас, бедных одиноких людей, нет нужды в душе! А для тебя, женатого, то ли дело! Без всех шуток, купи Мендельсонова «Федона» и выучи его наизусть; или лучше погоди, я переведу его для «Вестника» и из дружбы к тебе не испорчу в переводе.

Не понимаю, почему короткость моя с Плещеевым тебя удивляет! И какие догадки можешь ты делать насчет этого знакомства! И отчего теряешься в недоумениях. Плещеев добрый малый, умный, приятный, и мне нравится; жена его милая женщина, которая всегда выигрывает в коротком знакомстве. Узнав ее короче, я натурально не мог не надивиться *тому, что случилось*⁴, и не найти его совершенно несходным с тем, что вижу, — надобно было всё оправдать минутным заблуждением ума, помраченного слишком горячим темпераментом. Человек, не со всех сторон правый, может еще со многих сторон заслуживать и любовь, и уважение. Не имел ли я, однако, причины бояться, что минутная ошибка может сделать большой вред этой бедной женщине? Теперь ее тайна в общем владении Северина, Вяземского и Пушкина! Вероятно, что она ими совсем забыта; но можно ли поручиться за их языки! По крайней мере, письма *да обратятся в пепел*, который советую на всякий случай сберечь и принимать вместо порошка всякий раз, как скоро тебе вздумается опять состряпать какую-нибудь глупую нескромность.

За обещание прислать Шиллера благодарю; толь<ко> не откладывай в длинный ящик; и непременно вместе с прочими трагедиями доставь «Дон Карлоса». Едва ли не примусь переводить его!⁵ Прелестная трагедия, но пропасть надобно переделывать.

Я воображаю, что ты теперь или совершенно бросишься в свет, или посвятишь себя одной литературе! Скажи, прошу тебя, как ты располагаешься жить? Что делаешь? и что твоя служба?

Мы с Плещеевым пишем комедии, каких никто никогда не писал, — половина по-русски, половина по-французски — и все в стихах. Но этого вздору

я не намерен к тебе посылать. Дивись только тому, что я играю на театре, пою и танцую в балете в костюме Жука!⁶

Прости, любезный друг, пиши больше и чаще.

91.

В. Ф. Вяземской

7 ноября 1811 г. Белев*

Милостивая государыня
Вера Федоровна!

Ваше письмо есть самое неоспоримое доказательство, что мой любезный Вяземский точно мне друг: он поспешил дать обо мне самое выгодное мнение тому человеку, который теперь для него драгоценнее всего на свете. Благодарю его за этот новый знак дружбы, а Вас за то, что Вы ему поверили. Поздравляя его с его счастьем, я в то же время поздравляю и самого себя, ибо этим счастьем и я буду пользоваться. Мы часто бывали с ним не согласны в некоторых мнениях; теперь смело могу сказать перед целым светом, что Вера его есть моя вера! И обещаюсь быть привязанным к ней от всего сердца. Откладывая все комплименты, прошу Вас просто принять участие в той дружбе, которую имеет ко мне Ваш, или, лучше сказать, наш Вяземский; а я ему оставляю быть порукой в той привязанности, в которой надеюсь и желал бы скорее удостоверить Вас лично. Имею честь быть, милостивая государыня, Вашим покорнейшим слугою

В. Жуковский

1811 г. Ноября 7

Белев

92.

Д. Н. Блудову

<5—11 декабря 1811 г. Белев>

Всё имеет свою хорошую сторону, любезнейший мой друг, даже и наша с тобою лень писать друг к другу (которая, сказать правду, лишает нас больших удовольствий); если бы ты писал ко мне чаще, то слог твоих писем был бы умереннее, и я более радовался бы твоею дружбою, нежели ее выражением; но в последнем письме твоём и дружба и ее выражения одинаково меня обрадовали, и за это благодарю твою лень, которая некоторым образом заставляет тебя в продолжение полугода скопить маленький капитал дружеских чувств, которые ты по совершении срока и перешлешь мне все разом, в одном письмеце. Шутки в сторону; жаль очень, что мы так ленивы; как бы весело было

для меня всякие две недели один раз так радоваться твоим письмам, как я последнему обрадовался. Ты не должен никогда воображать — но ведь ты никогда и не воображаешь этого, — чтобы я по числу писем и по тем случаям, в которых писаны эти письма, рассчитывал твою дружбу; с другими этот расчет мог бы служить масштабом дружеской привязанности, но не с тобою, не со мною и не с Тургеневым, хотя, еще повторю, для общего нашего удовольствия (скажу, даже счастья), желал бы, чтобы какой-нибудь волшебник прикосновением магического жезла выгнал вдруг из души нашей убийственную лень; точно почитаю необходимостью постоянную переписку между нами; я уверен, что она меня *животворила бы*; признаюсь: часто в душе бывает какая-то мрачность и умерщвляющая все ее силы холодность — и любовь к добру, и доверенность к самому себе, и деятельность ослабевают, когда не делишься ими с теми, в ком находишь одинакие с собою чувства.

Конец прошедшего года был для меня пресчастливей¹; я занят был беспрестанно; занятия мои имели успех. Я был доволен собою, следственно до некоторой степени и обстоятельствами. Приехал в Москву² — порядок мой расстроился; а то, что меня *выгнало* из Москвы, надолго меня самого расстроило; теперь опять всё приходит понемногу в порядок; опять принялся за дело; но всё еще недостает живости; мало-помалу и она возвратится — моя судьба кажется совсем решена: жить в своей горнице, работать, ограничить себя сколько можно малым: литература, дружба, посредственность — вот и всё тут! Ты спрашиваешь, чем я занимаюсь? Мое время разделено на две половины; одна посвящена *ученью!* другая *авторству* (в том числе и переводы). *Ученье*: философия и история и языки. Что это значит? Читаю те немногие философические и исторические книги, которые у меня есть, но читаю с порядком. *Сочинение и переводы*: начал перевод из «Оберона» (*недавно*, однако, и дабы успокоить твою ревность насчет моих сочинений, посылаемых на будущей почте к Тургеневу, «Оберон» будет посвящен тебе); сочиняю разные мелкие; делаю планы для будущих сочинений, в которых нет недостатка; имею в голове русскую *поэму*³, которую начну после «Оберона» (!!!) и прочее и прочее. Есть у меня здесь добрый и любезный приятель Плещеев⁴, с которым часто вместе соединяем поэтические силы; он воспламеняет меня своею музыкаю, а я стихотворствую для его музыки; «Оберон» занимает меня поутру; а ввечеру *перевожу*, и теперь занят мендельсоновым «Федоном»⁵, которого уже около половины переведено. Это добыча «Вестника Европы»; но добыча прекрасная, ибо «Федон» в своем роде единственная книга; я прочитал его с жадностью два раза сряду, перевожу его с особенным удовольствием и, вероятно, более ему обязан тем, что моя деятельность несколько пораспыхалась. Живу я очень уединенно и с *своими*, хотя уже настоящей *моей* нет в здешнем свете. Жизнь моя, настоящая и будущая, посвящена *будет уединенной* работе, но, чтобы работа и жизнь имела для

меня прелесть, надобно необходимо, чтобы вы, первые и лучшие друзья мои, Блудов и Тургенев, час от часу теснее, или, лучше сказать, по-прежнему, соединены были со мною. Надобно, чтобы никогда не отдалялась от меня мысль о вашей утешительной для меня дружбе — следственно надобно нам друг к другу чаще писать; переписка если не усиливает, то на верное оживотворяет дружбу, а очень, очень часто служит она большим подкрепителем!⁶

Пришли мне свой адрес; я его забыл.

93.

П. А. Вяземскому

<Начало декабря 1811 г. Муратово>*

Шиллер приехал, и я тебя обнимаю, любезнейший друг, за твой подарок; но это издание не полное, или, лучше сказать, *депарельированное*¹ (это слово для Шишкова); недостает третьего тома. Не взбесился ли Горн?² Полечи его, любезнейший друг; если ж он неизлечим, то есть, когда в его лавке нет сего третьего тома, то вытребуй от него хотя порознь те трагедии, которые должны быть в недостающем томе, именно: «Wallenstein» и «Die Braut von Messina»³, которых я не читал и желаю нетерпеливо прочесть, ибо душа моя опять воспыкала чрево-бесным окаянством Шиллерова Гениального Совершенства; даже я соглашаюсь и на то, чтобы ты мне и эти две трагедии *воздал яко долг природы из преизбыточной атмосферы твоего ко мне дружества*. Но в отношении к будущим могущим произойти от меня комиссиям советую тебе воздержаться от такой изящной фантазмагии, ибо это может и меня воздерживать от всякого приступа к приобретению посредством тебя недостающих мне разнообразностей. Надеюсь на этот предварительный договор — прошу тебя взять у Горна же на мой счет Шиллеровы сочинения, то есть «Geschichte des Dreißigjährigen Kriegs», «Geschichte des Abfalls der Niederlanden von Spanien», и нет ли еще его Oeuvres posthumes⁴; одним словом, всё, что есть Шиллерово, присылай, а Горна проси от меня потерпеть денег *faute de mieux**. Все сии и будущие комиссии даются тебе, любезнейший мой друг, для того, что ты, сверх всякого моего чаяния, оказался весьма точным в исполнении всякого поручения. Советую и тебе запастись господином Фридрихом Шиллером: он именно такой автор, которого ты, яко любитель всего пламенного и преступающего за границы общих правил, должен обожать с энтузиазмом (и это для Шишкопиита <?>). «Wilhelm Tell» трагедия не трагедия, но нельзя ее читать не пылая душою! «Федон»⁵ переводится и переведен уже почти до половины, но ты ведь не будешь его читать, а если и будешь, то à la manière d’Aretine**⁶. При «Федоне» переводится и «Оберон»⁷,

* За неимением лучшего (*франц.*).

** На манер Аретино (*франц.*).

и с довольною живостью; каждый день непременно посвящаю ему часа три и буду стараться не отойти ни на пядь от оригинала.

Между тем для отдыха иногда пишу кое-что и мелкое; следственно, в Москву по тех пор не буду, пока не будет готово большей половины «Оберона», пока не напишется жизнь Муравьева (à rgoros*, что ты сделал с стихами Муравьева, которые мною тебе отданы при моем отъезде, и что сказала Екатерина Федоровна?) — пока не будет довольно мелких разностей, дабы всем этим тебя и прочих вознаградить за долгое мое отсутствие. Но, любезнейший друг, ведь быть с тобою розно не значит менее тебя любить; напротив, еще ты как-то более мне мил, когда я тебя воображаю, нежели когда вижу — как это истолковать, не знаю, но оно так! Уж не причиною ли тому твое беспрестанное Аретинство всегда и во всем!

Подумай! И прощай! Присылай Шиллера и как можно скорее что найдешь. Между тем не забывай знакомить меня и с новостями литературы; например, я желал бы прочесть 2, 3 и 4 книжки «Беседы»⁸; пришли, возвращу в целости. Нет ли и еще чего-нибудь интересного. Дашкова критика очень хороша⁹; слог ясный, умный, благородный. Нет ли «Досугов» *Грамматина*?¹⁰ И стоят ли они того, чтобы прочтению их жертвовать досугом! Прости, обнимаю тебя; где Батюшков и что он пишет?¹¹

94.

П. А. Вяземскому

<Конец 1811 г. Муратово>

Князь Петр, жилец Московский!
Рука твоя легка!
Пожалуй сертука!
Твой сельский друг Жуковский
Обнову хочет сшить.
Но ах! не можно быть
(Ведь тело тяжко бремя)
В одно, мой милый, время
В столице и в Орле.
Он за сто верст в селе.
Есть муза — нет портнова!
А надобна обнова.
Итак, пусть твой сертук,
Сиятельный мой друг,
Для Проля или Грея

---

* Кстати (франц.).

Послужит образцом.
Портной столичный — фея!
Владеет утюгом,
И ножниц острых силой,
И ниток колдовством —
И будет с сертуком
Твой стиходел унылой,
А старый мой сертук
Уж выбился из рук;
И много превращенья,
Несчастный претерпел;
Под щеткою кряхтел;
А сколько же мученья
От злого голика!
Пытали, как злодея!
Ну право, нет жальчее
На свете сертука!
Итак, ничуть не диво:
Отставки просит он;
Служил он не лениво,
И честно награжден
Заплатами за службу!
А ты — не в службу, в дружбу —
Для образца, мой друг,
Пожалуй без расписки
Подателю записки
Твой княжеский сертук!

1812

95.

П. А. Вяземскому

<Начало февраля 1812 г.>*

Любезнейший настоящий друг мой и будущий отец¹ (но не мой) князь Петр Андреевич, приложенное письмо доставь Тургеневу²; на твою эпистолу буду отвечать на следующей почте. Теперь некогда. Скажи мой поклон Вере Федор<овне>, Николаю Мих<айловичу> и Екатерине Андреев<не>³. Давно ли ты сделался панегиристом службы?⁴

Твой Жуковский

96.

П. А. Вяземскому

<Первая половина марта 1812 г. Мишенское>*

У тебя есть в твоей библиотеке книга: «Paris, Versailles et ses provinces a la très du XVIII siècle» (собрание анекдотов)¹. Пришли, сделай одолжение; если и еще что-нибудь есть хорошее в этом роде, также доставь. Да прошу тебя, осведомись у Алара², не получил ли он II и III томов «Précis de la Géographie universelle» par Malte-Brun³; если получил, возьми и доставь также поскорее, назначив цену, а Алару заплати сам. Я просил об этом же написать к Алару некоего Моро⁴; не знаю, написал ли он; ты и об этом спроси у Алара — чтобы мне не получить двойного экземпляра. Первый том я давно уже купил у Алара. Где Тургенев? Да напиши, что у вас слышно о войне с французами?⁵ Здесь страхи рассказывают.

97.

П. А. Вяземскому

<Конец апреля 1812 г. Муратово>*

Любезнейший мой друг, не сердись на меня за мое молчание! Виноват! лежился как дура! Но ведь ты великодушен, и я полагаюсь на твою ко мне дружбу в молчании. Посылаю тебе вместо красного яичка начало нашей переписки с Плещеевым¹. Мы побожились друг с другом не переписываться иначе, как в стихах! Это послание не первое; я уже много намарал к нему вздору — но это, кажется, вышло не вздорное. Критиковать его тебе позволяется, и я за слог не стою, ибо оно написано в два утра с половиною и писано как письмо на почту. По этой скорости оно изрядное. Плещеев пишет ко мне на него ответ, на который, натурально, и с моей стороны должен последовать ответ же: из этого выйдет со временем переписка двух соседей на двух языках. Но посылая эту пиесу к тебе, имею в виду кое-что и другое: ты должен непременно помочь одной бедной, погорелой и прочее и прочее, то есть ты должен прислать мне по крайней мере сотню рублей, которые и будут отданы кому следует. Хорошо, если бы ты сделал сбор и помог этим беднякам². Кто они, до этого дела нет; пришли ко мне, и концы в воду.

О себе скажу, что я служу верно и усерднее прежнего Музам. Пишу и пишу, как сказано в послании для Лексикона³. Еще поспела страшная баллада⁴; переведена Драйденова ода «Сила Гармонии»⁵; начата поэма, которой уже есть стихов 300⁶, и много кое-чего — теперь всё отставляю, чтобы писать к Батюшкову ответ на его стихи к Пенатам⁷. Он скоро поспеет. *И план, и мысли — всё уже есть!*

Батюшкова пиеса прекрасная! Легкость и свежесть в слогe! Стихотворное воображение! Есть места прелестные! Кое-что надобно поправить! Этот лентяй так ленив, что самую безделицу поправить ему невозможно. Доставь приложенную записочку к нему. А на заключение моего послания к Плещееву непременно жду от тебя тяжеловесного ответа. Прости. Обнимаю тебя. Скажи мне, правда ли, что Тургенев на месте Магницкого?⁸ Что Лицей?⁹

98.

П. А. Вяземскому

<Конец мая 1812 г. Чернь>*

Любезный друг, получил твое любезное письмо и деньги¹: за то и другое благодарю. Очень рад, что мои стихи тебе нравятся; но прошу тебя их не раздавать по рукам, первое, потому что они могут мне наделать и неприятностей, если найдется какой-нибудь Кутузов, желающий вредить², который их прочтет: в них говорится о войне, а войны еще нет; сверх того, есть в них и личности; я не знаю, замарал ли я в французских стихах имя Павлова, стоящее в выноске; если не замарал, то этот труд возьми на себя ты; также из французских стихов вымарай слово М. Troquet³, это прозвание одного нашего знакомого, который совсем не будет доволен, если попадетс я оно ему в том месте, где теперь стоит. Всего же лучше не показывать этих стихов профанам, ибо они писаны для себя.

Намерение ваше издать выбор из выбора стихотворений⁴ почитаю весьма благоразумным; только его можешь легко исполнить и не браня моего собрания, которое избавит тебя от труда искать, ибо в нем ничто хорошее не забыто, хотя к хорошему кое-где примешано и посредственное. Пришли мне роспись собранных тобою пиес; я немного побаиваюсь, что ты не исполнишь этого намерения, ибо что ты на своем веку dokonчил? Правда, ты теперь женат и хочешь возложить главные заботы на Северина: это меня ободряет. Когда у тебя всё будет приготовлено, то и я доставлю свои пиесы; у меня мало-помалу набирается, и буду стараться, чтобы все были хороши, то есть такие, которыми бы ты, Блудов и еще несколько строгих чудаков были довольны. Послание к Батюшкову почти готово, осталось написать стихов тридцать; но так как я во всё это время был не весьма в духе, то и не мог их написать; желаю очень, чтобы эта пиеса тебе понравилась; чтобы она стоила Батюшковой пиесы, чем я буду и доволен, ибо наш Пипинька, сказать без всех курьезностей и жеманства, пишет прекрасно; по его приказанию кое-что поправил, и эти бы поправки были доставлены тебе, но я не дома, а у Плещеева в деревне и позабыл взять с собою пиесу Батюшкова. Я пишу довольно прилежно, и если обстоятельства оставят меня до будущего января здесь, то в январе привезу тебе большой запас стихов. Начата одна важная работа или (если угодно) две⁵, но об них ни слова, чтобы

не прослыть синицею, которая ходила зажигать море и не зажгла его, а только шуму наделала.

Ваши московские стихотворные кабали^{*6} гадки; если Мерзляков в них участник, то Феб наказывает его по достоинству теми дурными стихами, которые подсказывает он ему при переводе Тасса! Я начинаю терять надежду, чтобы Мерзляков, при всем своем даровании, когда-нибудь мог хорошо писать. Как изуродован бедный Торквато⁷. Зато есть его прекрасный перевод Горациевой оды в «Вестнике»⁸. Не забудь об нем в своем Собрании. Что ж касается до заговоров против Карамзина, то пускай эти заговорщики квакают и пускай Василий Львович с ними бранится: с обеих сторон пустой труд. Наш Ник<олай> Мих<айлович> в этом случае поступает как истинный автор, достойный своего почтенного звания, он не думает о врялях, пишет и отвечает им прекрасными произведениями. Лучший способ для авторов-царей уничтожать все заговоры авторов-рабов. Напрасно Пушкин горячится; ссорами только навлечешь на себя неприятности и испортишь у себя кровь. Я положил себе за правило не принадлежать ни к какой партии, не мешаться ни в какие распри (для сбережения своего покоя, ибо кто отвечает за свое самолюбие), довольствоваться одним наслаждением труда, ожидая без всякого беспокойства заслуженной награды, то есть похвалы *избранных*, но не поставляя ее своею целью, ибо эта похвала ничто в сравнении с тем удовольствием, которое чувствуешь, когда трудишься. Это, кажется, должно быть законом для каждого автора, который уважает свое достоинство. А я, любезный друг, хочу быть автором и более ничем. Но вот уж я перелез на третью страницу; а я хотел написать к тебе не более трех строк, ибо совсем нет времени. Поэтому и письмо мое кажется галиматшей. Извини. В нем найдешь свой вексель, который мне ни на что не надобен, ибо ты, без сомнения, уже по нем заплатил деньги. А если не заплатил, так заплатишь. Утри им княжескую свою задницу. В заключение прошу тебя обнять от меня хорошенько Северина, если он в Москве. Я хотел было ему попенять за его молчание, но это молчание теперь для меня лучше всякого писания, и вот почему. Я читал письмо Елены Ивановны Протасовой⁹, в котором она, говоря об нем, уведомляет, что он, как верный друг, любит и помнит Жуковского. Это меня весьма обрадовало. Уверь его, что я плачу ему тою же монетою и что этой монеты у меня для него превеликий запас. Попроси его сделать для меня важное одолжение; вот какое: я послал к Тургеневу полный экземпляр своих стихов, но у меня у самого нет списка с теми поправками, которые в этом экземпляре сделаны. Прошу его взять на себя труд по приезде в Петербург велеть списать мне стихи мои повернее и получше и ко мне доставить. Этого поручения не делаю Тургеневу, потому что не надеюсь, чтобы оно

---

^{*} От франц. *cabale* — «клика, шайка».

было исполнено; а Северин из всей нашей братии есть самый точный и порядочный человек. Надеюсь, что он меня не откажется этим одолжить. Буду к нему писать, но после. Теперь некогда. Простите, любезные друзья. Скажи мой поклон Вере Федоровне, Ек<атерине> Андреевне и Ник<олаю> Михайловичу¹⁰.

99.

П. А. Вяземскому и Д. П. Северину

<Конец мая 1812 г. Муратово>*

Здравствуйте, любезнейшие друзья Вяземский и Северин¹. Обнимаю вас и люблю. Тебе, Вяземский, да будет ведомо, что ты непременно должен прислать мне ту вещь (о которой я к тебе писал)² на следующей тяжелой почте, по обыкновенному моему адресу. А почтенному Северину посылается полномочие списать мои стихотворения, если ему оные желается иметь, но с условием доставить мне экземпляр и, сверх того, исполнить следующую мою просьбу: общий нам с ним приятель и весьма добрый человек Моро³ записался в канцелярию Орловского губернского предводителя⁴, который охотно желал бы доставить ему чин, но хочет прежде узнать, согласится ли министр⁵ исполнить по представлению. Об этом-то согласии надобно похлопотать Северину и уведомить меня о успехе его хлопот. Моро же ему рекомендовать нет нужды; он его знает и, верно, любит⁶.

Вяземский! Если это письмо не застанет Северина в Москве, то имеешь ты без всякого замедления его доставить ему; а на меня прошу не сердиться за то, что «Светлана» доставлена Протасовым прежде, нежели тебе. Посылаю и ее⁷. На следующей почте получишь мое «Послание к Батюшкову»⁸, от которого я получил прекрасное письмо⁹. Прошу сделать мне на послание мое замечания строгие и весьма желаю, чтобы эта пиеса вам обоим понравилась, ибо это будет для меня весьма ободрительно. И прочие новости свои доставлю. Простите, любезные друзья.

100.

П. А. Вяземскому

<Начало (?) июня 1812 г. Муратово>*

Вот послание¹. Прошу его прочесть и тотчас мне возвратить с своими критическими замечаниями, дабы я по ним переправив, отослал его к Батюшкову, который требует от меня ответа². Прости. Писать некогда. На будущей почте сообщу тебе некоторые мои планы в рассуждении моих сочинений. Кольцо!³ Обними за меня Северина⁴. Прощайте, друзья.

101.

П. А. Вяземскому

<Конец июля 1812 г.>*

Дней через десять я у тебя в доме¹. Вероятно, найду тебя облеченного в мундир военный. Приготовь и мне такой же. Хочу окурить свою лиру порохом. Прощай. Жди меня.

Твой Жуковский

Весьма бы ты хорошо сделал, когда бы нашел мне к моему приезду 1 500². Знаю, что это в теперешнее время трудно; но это зато будет усилие дружбы. Впрочем, будь твоя воля. Обнимаю тебя. Смотри же: вместе и неразлучно; на голове крест, а на груди и перед глазами честь.

1813

102.

А. И. Тургеневу

6 февраля 1813 г. <Белев>

1813. 6 февраля

Здравствуй, мой милый друг. Ты удивишься, получив мое письмо из Белева¹. Я воротился на свою родину из Вильны, бывши свидетелем единственной в истории войны. Не знаю, останусь ли здесь; не знаю, понесет ли меня судьба на Вислу. Между тем думаю о том, как бы собрать в одно целое всё, что я до сих пор написал². У меня было два списка моих стихов; один сторел в Москве, другой Бог знает где путешествует. У тебя есть еще один, хотя неполный, но зато совсем исправленный; прошу тебя без всякого замедления отдать его подателю сего письма господину Ланцу³, которого тебе рекомендую. Мне нужно непременно иметь список, и ты очень меня одолжишь, если не замедлишь присылкою; а я за это (но не иначе) доставлю тебе всё вновь написанное. Боюсь, чтобы не потерять головы прежде, нежели утверждены будут мои *права на бессмертие*. Во всяком случае (!!!) тебе поручаю быть издателем моих творений. Всего вернее, однако, что я останусь там, где и теперь. Прости, любезнейший друг. Если будешь мне отвечать и пришлешь мой манускрипт, то получишь от меня большое письмо.

Твой Жуковский

103.

В. А. Азбукину

19 февраля <1813 г.> Белев*

Белев. 19 февраля

Бога Вы не боитесь, любезный мой Василий Андреевич! Как можно так долго не написать к своим ни строчки. Федор Александрович¹ получает Ваши письма, а к Екатерине Афанасьевне Вы не найдете случая написать². Она этим огорчается, и не без причины. Скажу Вам, что наши обстоятельства совсем не веселые. Авдотья Афанасьевна вчера скончалась³. В Муратове были почти все больны, но теперь, слава Богу, все здоровы. Прошу Вас не полениться исполнить следующие мои комиссии. Приложенное письмо, в котором находится 150 рублей денег, — вручите от меня Андрею Сергеевичу⁴ и попросите его эти деньги доставить моему доброму благодетелю Сергею Егоровичу Рогачеву⁵. Благодетелем могу его назвать потому, что он в нужде отдал мне *последние* деньги свои. Андрей Сергеевич должен был получить еще из Белева 275 для доставления мне; если он их получил, то попросите его оставить себе 75 рублей, которые я ему должен, отдав остальные 200 Ивану Никитичу⁶.

Уведомьте меня, прошу Вас, поскорее, получил ли он эти деньги. Если не получил, то я поспешу доставить свой долг Ивану Никитичу. Также уведомьте, у Вас ли Карпов⁷ и получил ли от него Иван Никитич те 140 рублей, которые он обещал ему доставить. Всё это нужно мне знать, чтобы поскорее расквитаться <с> долгом, который лежит у меня на сердце. Что-то Вы делаете? Опишите все свои похождения. Иногда мне жаль Вас. Теперь, получив *желаемое* и главное, я могу видеть и хорошие стороны того, что видел в одних только худых. Хотелось бы взглянуть на Германию. Но там, где я, всего лучше. И если не буду *принужден* ехать отсюда, то не поеду. А чтобы не принудили меня, то постарайтесь выхлопотать мне отставку. Думаю, что это Иван Никитич сделать может. В противном случае всё какой-то голос говорит мне: надобно ехать! И я никак не могу заставить молчать этого говоруна. А зачем ехать! Сам не знаю! Простите. Отвечайте скорее о деньгах и об отставке. Да напишите хотя раз в жизни к Екатерине Афанасьевне.

Ваш Жуковский

Скажите Александру Ивановичу Куприянову⁸, что я его обнимаю и люблю от всего сердца. Скоро пришлю ему пук стихов. В оде моей на победы¹⁰ не забуду и об его <не дописано>. Что Игнатьев?¹⁰ Совсем ли протух? Если мне дадут увольнение, то надобно будет выхлопотать и аттестат. Надеюсь, что Вы в этом случае за меня поработаете и постараетесь сделать всё, что возможно. Отвечайте на первой почте.

II.

Это письмо было написано давно, и я ждал только случая его к Вам отправить, любезнейший друг Василий Андреевич. Теперь остается Вам сказать в прибавок старое и новое, то, что я Вас люблю душевно, и надеюсь крепко, что Вы мне тем же платите. Vale*. Поспешите отдать Рогачеву мои деньги.

104.

М. Н. Свечиной и А. Н. Арбеновой

2 марта <1813 г. Муратово>

2 марта

Я получил наконец от Вас письмецо, короткое, но очень милое. Я уверен теперь, что мое письмо у Вас. Этого с меня довольно. Знаю, что Вы принимаете во мне живое участие, остальное оставляю Вашему сердцу, которому наше счастье дорого. Вы не сказали мне ничего, но я и не ожидал, чтобы Вы мне что-нибудь сказали. В этом случае Вам никому не должно открывать своего мнения, кроме тетушки. Мне нужно было иметь одно Ваше участие; для этого стоило только Вам открыться; я уверен в Вашем участии и спокоен. Когда Вы будете с нею говорить, подумайте, что Вы, может быть, решите судьбу всей жизни моей; Вы, без сомнения, тот человек, который наиболее может на нее подействовать. Не откажитесь с нею говорить решительно. Не опасайтесь этим потерять ее дружбы. Если Вам удастся согласить ее, то Вы будете причиною и ее счастья: спокойствие души, семейственное согласие, радость видеть вокруг себя довольные лица — всё это заключено в ее согласии. Несколько твердости с Вашей стороны будет нам благодеянием; нашим благодеянием? жизнью. Вам непременно должно сюда приехать. Вещи не могут остаться в том положении, в каком они теперь; нам или должно быть навсегда вместе, или расстаться навсегда. Быть здесь нарушителем спокойствия милых людей без надежды на счастье и не видеть впереди ничего лучшего — такая жизнь ужасна. Ваш приезд решит. Доведите до того, чтобы тетушка сама обо всем Вам сказала, — она готова сделать эту доверенность; она часто говорит об Вас, и говорит, я уверен, с этою целью. У меня готово к ней письмо¹. Я написал его в такое время, когда думал, что она хочет со мною объясниться. Признаюсь, без Вас боюсь этого объяснения. Некому будет нас поддержать. Но не понимаю, как по сию пору она могла молчать; она видит Машу и *знает* уже ее ко мне привязанность — и ни слова. Как это объяснить? Я уверен, что она сама рада будет, если уверится в возможности, и даже думаю, что она в нерешительности. В противном случае как бы молчать? Одним словом, милая сестра, *наш добрый гений*, жду Вас как своего счастья.

---

* Прощайте (*лат.*).

О! если бы можно было пожертвовать только одним собою! Если бы с этим пожертвованием не было соединено и ее горе! Как бы тогда можно было поколебаться? Но я не могу не быть привязанным всеми силами души к тому счастью, которое есть и ее счастье! Жизнь, от которой надобно добровольно отказаться, представляется для меня прелестною, лучшею, какую только могу вообразить! Как же разрушить всё это добровольно? Не думайте, милая, чтобы могла для меня в жизни быть какая-нибудь замена. Невозможно. Как думать о своем счастье, воображая, что ее счастье разрушено, и мною разрушено? Не низко ли *даже думать* о своем отдельном счастье? Не надобно ли будет презирать себя, если будешь способен желать такого счастья. В будущем для меня или самая ясная, спокойная жизнь, посвященная тихому добру, в глазах ангела; или одно скучное, бесполезное, ничтожное, механическое существование.

Простите, милые друзья.

P. S. Отсюда поехал Гавр<ила> Петрович Апухтин² в Петербург. Я поручил ему отдать Вам в Москве тетрадь своих стихов: бедный подарок в день Вашего ангела. Вчера я выпил полный бокал малаги; мы стукнулись с Машею рюмками, и я сказал Вам тост, Шиллеров немецкий стих: «Dieses Glas dem guten Geist»³. *Доброму Гению!*

105.

Н. П. Свечину

<Весна (март?) 1813 г. Белев>*

Думаю, что это письмо тебя уже не застанет в Борисове, любезный командир и комендант, но пишу на волю Божию. Из газет видел я, что наша милиция распущена. Заключаю из этого, что и я должен быть вместе с вами уволен¹. Прошу тебя, любезный друг, одолжить меня в десятый раз и доставить мне мое увольнение. Окажешь мне большую помощь, если избавишь меня от необходимости ехать отсюда, ибо денежный мой запас совсем исчах; поход этот произвел сильную в кармане моем чахотку. Скоро ли увидим тебя в наших краях. Пора к Белеву. Здесь Содом и Гомор. Возвратись и брось на него огонь небесный. Хорошо, когда бы все здешние плуты могли обратиться в столпы соляные; была бы от них польза, и один Белев послужил бы тогда магазином для целой России, и в этом магазине не было бы ни усыпки, ни утечки. Я получил твое комендантское *извещение* и думал, что вследствие оною имею право надеть на себя драгоценную медаль². Но желал бы, чтобы ты мне ее доставил. А я посылаю тебе две стихотворные свои проказы. Одна написана перед сражением Тарутинским³, а другая после Краснинского дела⁴. Voilà tout mon talent! Je ne sais s'il

---

* Этот бокал — доброму духу (нем.).

suffit! À propos*. Я послал тебе из Вильны⁵ рубашки, которые сшиты были для тебя тетушкою Екатель<иною> Афанасьевн<ою>. Получил ли ты их? Прощу, любезнейший командир, отвечай на это письмо хотя несколько строк⁶
искренне преданному тебе

Жуковскому

106.

А. И. Тургеневу

9 апреля <1813 г. Муратово>

9 апреля

Я писал к тебе, милый друг, маленькое письмо с Ланцом¹, на которое не имею ответа. Получил ли ты его и не сердись ли на меня за мое молчание? Оно может только быть извинено моею к тебе истинною дружбою, которой ничто никогда ослабить в душе моей не может. Она еще увеличилась с недавнего времени благодарностью. Мне сказывал в Орле Абаза², и потом из письма твоего к Ив<ану> Владимировичу, у которого я был в деревне³, узнал я, что ты посылал ко мне в Вильну курьера⁴. Я был болен порядочною горячкою и вылежал 13 дней в постели. Слабость заставила меня взять отпуск, ибо я никак не мог следовать за главною квартирою: путешествие в маленьких санках и в сырую весеннюю погоду могло бы возобновить горячку, которая была бы вероятно смертельная. Жаль мне, что твой курьер не застал меня в Вильне; я потерял одно из самых чувствительных удовольствий. По крайней мере, напиши ко мне в Орел. Сколько перемен во всё то время, в которое ты не получал от меня известий! Мог ли бы ты вообразить, чтобы я когда-нибудь очутился во фрунте и в сражении? Происшествия нынешнего времени делают всё возможным. Впрочем, не воображай, чтобы я сколько-нибудь был знакомее прежнего с военным ремеслом. Вся моя военная карьера состоит в том, что я прошел от Москвы до Можайска пешком; простоял с толпою русских крестоносцев в кустах в продолжение Бородинского дела, слышал свист нескольких ядер и канонаду дьявольскую; потом, наскучив биваками, перешел в Главную квартиру, с которою по трупам завоевателей добрался до Вильны, где занемог, взял отпуск *бессрочный* и теперь остаюсь в нерешимости: ехать ли назад или остаться? Мне дали чин⁵, и наверное обещали *Анну* на шею, если я пробуду еще месяц. Но я предпочел этому *возвращение*, ибо записался под знамена не для чина, не для креста и не по выбору собственному⁶, а потому, что в *это время* всякому *должно* было быть военным, даже и не имея охоты; а так как теперь война не внутри России, а вне

---

* Вот весь мой талант! Я не знаю, достаточно ли его для этого. Кстати (*франц.*).

России, то почитаю себя вправе сойти с этой дороги, которая мне противна и на которую могли меня бросить одни только обстоятельства. Не знаю, будешь ли ты согласен со мною и оправдаешь ли мой поступок? Я желал бы узнать искреннее твое мнение. Оно решило бы меня и успокоило; ибо иногда приходит мне в голову, что мне никак не должно *здесь* оставаться, хотя и я уверен, что буду *там* совсем бесполезен, что потеряю остаток своего имения, которого уже почти половину истратил (ибо мой поход стоит мне денег!), и что, наконец, потеряю драгоценное время, которое мог бы употребить с большею пользою. Одним словом, прошу тебя сказать мне, что ты об этом думаешь. Мнение твое в этом случае будет для меня законом. Ведь ты знаешь, что такое друг:

Он наша совесть! Он для нас
Второе Провиденье!⁷

И я это писал, думая о тебе. À propos*. «Певца» ты напечатал в Петербурге⁸. Я некоторые места поправил, и жаль, если твой экземпляр напечатан по старому стилю; жаль, если в этом экземпляре остался Чичагов, которого я выкинул после той проказы, которую он с нами сыграл на переходе Березиной⁹. Пришли мне этот экземпляр и всё, что есть хорошего на случай нынешних побед. И мне хочется кое-что написать¹⁰, тем более что имею на это право, ибо я был их предсказателем; многие места в моей песни точно пророческие и сбылись *à la lettre*** . План давно сделан, но всё мешает нездоровье и худое расположение. Напиши ко мне поскорее и поболее. Твое письмо будет для меня вместо энтузиазма.

Скоро буду опять писать.

Прошу тебя поспешить доставить мне экземпляр моих стихов. Я удивляюсь, что по сию пору не имею никакого известия от Ланца. А мой адрес по-старому: в *Белев*.

107.

И. И. Дмитриеву

18 апреля 1813 г. <Муратово>

Милостивый государь
Иван Иванович!

Не могу изъяснить, с какою благодарностью к Вам читал я Ваше лестное ко мне письмо¹. Никогда не вообразал я иметь счастья обратить на себя внимание ее величества², и это счастье тем для меня драгоценнее, что, без сомнения,

---

* Кстати (франц.).

** Буквально (франц.).

обязан им Вашей ко мне дружбе, — осмеливаюсь употребить это выражение. Неудивительно, что я мог иметь некоторый успех в поэзии, — я пользовался Вашими уроками и Вы всегда были моим образцом. Спешу исполнить приказание ее величества; имею честь препроводить при сем экземпляр моих стихов, мною переписанный. Извините, если почерк не весьма хорош; я употребил всё свое старание и уверяю Ваше превосходительство, что лучше писать не умею. Я осмелился приложить к этому экземпляру всеподданнейше посвящение моей песни ее величеству; прошу Ваше превосходительство и в этом случае быть моим покровителем и представить государыне мое послание. Я был бы неизъяснимо счастлив, когда бы ее величеству было угодно, чтобы эти стихи, писанные с чувством живейшей благодарности к ее милостям, были напечатаны во втором издании «Певца»³.

Для меня сладостно гордиться благосклонным вниманием ее величества, хотя уверен, что мало заслужил сие счастье.

Читая письмо Вашего превосходительства, я вспомнил счастливое старое время; вспомнил, какие приятные вечера проводил я в Вашем прекрасном домике!⁴ — но где он? Наша Москва представляет теперь печальное зрелище. вчера сказали мне, что дом Марьи Ивановны Протасовой⁵ уцелел; я заключил из этого, что и Ваш домик упасен от пожара; но после, к сожалению, услышал, что и его постигла общая участь.

Итак! ее уж нет,
Сей пристани спокойной,
Где добрый наш поэт
Играл на лире стройной,
И, счастья достойной,
Пройдя стезю честей,
Мечтал закатом дней
Веселым насладиться,
И с жизнью проститься,
Как светлый майский день
Прощается с природой!
Исчезла мира сень!
С харитами, свободой,
В сем тихом уголке
Веселость обитала,
И с сердцем на руке
Там дружба угощала
Друзей по вечерам!..
Но время всё умчало,
И здесь, навеки там! —

Как весело бывало,
Когда своим друзьям,
Под липою ветвистой
Хозяин разливал
С коньяком чай душистой
И круг наш оживлял
Шутливым, острым словом!..
О, дерево друзей!
Сколь часто мирным кровом
Развесистых ветвей
Ты добрых осеняло!
Сколь часто ты внимало
Веселым мудрецам,
Кудрявых од разборам,
Забавным, важным спорам,
И — Пушкина стихам!..
Как часто прохлажденный
Сей тенью Карамзин —
Наш Ливий-славянин —
Как будто вдохновенный
Пред нами разрывал
Завесу лет минувших
И смертным сном заснувших
Героев вызывал
Из гроба перед нами!
С подъятыми перстами,
Со пламенем в очах,
Под серым юберроком
И в пыльных сапогах
Казался он пророком,
Открывшим в небесах
Все тайны их священны!
И наш мудрец смиренный,
Козлятьев незабвенный
Оратору внимал
С улыбкой одобренья,
И взором выражал
В молчанье все движенья
Души своей простой!..
Он кончил путь земной!
Но как без восхищенья
О добром говорить!
О! можно ль позабыть

Сей взор приятный, ясной,
Орган души прекрасной;
Сей скромной, милой вид,
Сердечную учтивость,
И старческих ланит
Прелестную стыдливость,
И простоту речей?..
Покой сих мирных дней
Смиренье ограждало;
Ничто их не смущало
Священной чистоты!
Страдальца, сироты
Молчащее стенанье
Внимал он со слезой!
Он скрытою рукой
Благотворил в молчанье!
Увы! его уж нет!
И милой жизни след
Хранит воспоминанье!..
Но что ж? очарованье
Сих дружеских бесед
Погибло ль без возврата?..
Пожар не пощадил
Ни доброго *Сократа*,
Которому грозил
Амур в тени акаций;
Ни скромной *урны граций*,
Ни тесной *люльки* той,
Где эгоист спокойной
Под тенью в полдень знойной,
С подругою мечтой
Делил уединенье!..
Всё грозною рукой
Постигло разрушенье!..⁶

Писавши к Вашему превосходительству, нельзя удержаться от поэтического вдохновения. Простите моей музе ее болтливость. Я замечаю, что она кокетствует перед Вашею; но это доказывает только то, что ей весьма хотелось бы обратить на себя внимание Вашей богини и уверить ее, что она одинакового с нею происхождения! Но я поубавлю этой гордости, напомнив ей о тех ошибках, которые по милости ее сделаны мною в моей *песни*⁷ и которые Вы благосклонно заметили.

Одна из них, если не ошибаюсь, принадлежит или наборщику, или корректору. Мои стихи в Петербурге напечатаны, не знаю с какого списка, и я после сделал некоторые прибавления и поправки.

Не тщетной славы пред тобой,
Не мщение дружины.

Это ошибка типографическая. Надлежало бы напечатать:

Но мщение дружины.

Но и так едва ли смысл будет совершенно ясен. Всему виновата перестановка. Другой стих, замеченный Вашим превосходительством, я поправил; не знаю, сделал ли лучше. По крайней мере, теперь он мне кажется яснее.

Пой лебедь! свергнуть их мечам и пр.

Значило

Пой лебедь! определено свергнуть их мечам и пр.

Эти выпущения глаголов, кажется мне, делают выражение сильным; но они не всегда бывают удачны, как, например, здесь. Сила должна быть соединена с ясностью. Признаюсь, что и еще некоторые места в этой песни, по собственному моему замечанию, надлежало бы поправить; но мне обыкновенно удается портить всё то, что примусь поправлять. Моя метода писать стихи благоприятна для чистоты слога, но очень неблагоприятна для поправок. Я до тех пор нейдю *далее*, пока мое выражение кажется мне еще недостаточным. Это истощает в голове запас выражений, нужных для будущих поправок. И вот почему все мои поправки бывают несчастливы. Извините, Ваше превосходительство, что занимаю Вас такими мелочами.

Вы, я думаю, улыбнулись, когда Вам сказали, что я надел мундир. Признаюсь, это и для самого меня теперь забавно. Как бы то ни было, судьба велела мне видеть войну во всех ее ужасах. Минута энтузиазма, весьма естественная при чтении манифестов нашего государя, заставила меня броситься на такую дорогу, которая мне совсем неизвестна. Вот единственная хорошая сторона моего поступка. Дурная та, что я не спросился ни с здоровьем, ни с способностями, ни с обстоятельствами. В Вильне захватила меня горячка; я взял отпуск и теперь опять дома, беседую, в ожидании того, что велит мне судьба, с своею музою, под покровительством любимого божества моего, которое

Зовут *уединеньем!*
Изнежен наслажденьем,

Сын света незнаком
С сим добрым Божеством;
Ни труженик унылый,
Безмолвный раб могилы,
Презревший Божий свет
Степной анахорет!
Ужасным привиденьем
Пред их воображеньем
Является оно,
Как тьмой облечено
Одеждою печальной,
И к урне погребальной
Приникшее челом;
И в сумраке кругом,
Объятый грозной думой,
Совет его угрюмой:
С толпой видений *страх*,
Унылое *молчанье*
И мрачное *мечтанье*
С безумием в очах;
И душ холодных мука,
Губитель жизни, *скука!*
О! вид совсем иной
Для тех оно приемлет,
Кто зову сердца внемлет
И с мирною душой,
Младенец простотой,
Вслед Промысла стремится,
Ни света, ни людей
Угрюмо не дичится,
Но счастья жизни сей
От них не ожидает
И в сердце заключает
Прямой источник благ!
С улыбкой на устах,
Покоясь на лоне
Веселой тишины,
В сиянии весны,
На благовонном троне
Из лилий молодых,
Как райское виденье
Себя являет их
Очам *уединенье*.

Вблизи под тенью мирт
Кружится рой *Харит*
И пляску соглашает
С струнами *Аонид*;
Смотря на них, смягчает
Наука важный вид;
При ней сын размышленья
С веселым взглядом *труд*,
В руке его сосуд
Счастливого забвенья
Сразивших душу бед,
И радостей минувших,
И сердце обманувших
Разрушенных надежд.
Там зрится *отдых* ясный,
Труда шуточный друг,
И сладостный *досу*!
И три сестры, прекрасны
Как юная весна:
Вчера — воспоминанье,
И ныне — тишина,
И завтра — упованье;
Сидят рука с рукой:
Та с розой облетелой,
Та с розою молодой,
А та, мечтой веселой
Стремясь к небесам,
Их тайны проникает
И, радуясь, сливает
Неведомое нам
В магическое *там!*⁸

Опять стихотворная вылазка! Простите великодушно. Повторю прозою мою благодарность Вашему превосходительству за то, что Вы таким чувствительным образом показываете мне свою благосклонность. Ни от кого покровительство не может быть мне так приятно, как от Вас; Вы имеете тайну делать его привлекательным. Смею надеяться, что Ваше превосходительство удостоите меня ответом. Мысль, что ее величеству угодно сделать второе издание моего «Певца», делает меня счастливым⁹. Я никак не смею надеяться такого лестного одобрения и для меня приятно обнаруживать это чувство. Как буду обрадован, когда получу экземпляр этого издания, памятник монаршей милости и драгоценной дружбы Дмитриева. Я написал бы сам требуемые Вашим превосходи-

тельством исторические примечания, но никак не думаю, чтобы это было мне можно сделать *здесь* с надлежащею точностью, почему и осмеливаюсь просить Ваше превосходительство быть мне в этом случае помощником¹⁰.

Простите, что отвечаю на Ваше письмо несколько поздно, это не моя вина. Письмо Вашего превосходительства было адресовано в Белев. Почтмейстер, думая, что я в Орле, переслал его в Орел, оттуда оно, пролежав несколько времени на почте (ибо меня не было в городе), отправлено было ко мне в Болхов, близ которого я поселился в благословенной Аркадии¹¹ (Аркадию называю дом милых мне людей, достойных золотого века). Одним словом, я получил его накануне Светлого Воскресения; следовательно, имею право надеяться, что Ваше превосходительство меня извинит.

Но я начинаю замечать, что слишком обременяю длинным письмом моим внимание Вашего превосходительства. Повторяя уверение в совершенной моей к Вам привязанности и в искреннем почтении, честь имею быть,

Вашего превосходительства
покорнейшим слугою

В. Жуковский

1813. Апрель 18

108.

А. И. Тургеневу

9 мая <1813 г.> Орел

Орел. 9 мая

Что же ты ко мне не пишешь, любезный друг! На два письма мои нет ответа. Вот третье коротенькое, но очень для меня нужное. Дело состоит в том, чтобы оказать услугу человеку, очень достойному твоего внимания. Здесь в Орле есть пленный генерал Бонами¹, храбрый и благородный человек. Я видел его после Можайского сражения², с десятью или и более ран, сделанных штыком (из коих одна преглубокая на груди и от которой он весьма страдает). Теперь он находится в Орле, откуда велено его переслать с прочими пленниками в Казань. Это путешествие будет для него смертельно; тяжелая рана его погубит. Он писал к военному министру³ письмо, в котором просит, чтобы ему позволено было остаться в Орле до поправления раны. Письмо это послано вместе с моим к тебе. И просьба моя состоит в том, чтобы ты, если имеешь какую-нибудь возможность, выхлопотал у министра ответ благоприятный; если не сам, то хотя через других. Очень бы я желал, чтобы можно было помочь этому хорошему человеку, умному и храброму. Будет весьма жестоко, если просьба его не уважится. О себе скажу, что я очень рад, что еще отселе не

уехал: милиция наша распущена, и мне надобно скидывать мундир. Обнимаю тебя. Отвечай, ради Саваофа⁴.

Бонами писал и к министру полиции⁵; следовательно надобно будет хлопотать у обоих. Письмо его послано двумя или тремя почтами прежде моего.

109.

А. И. Тургеневу

15 мая <1813 г.> Белев

Белев. 15 мая

Вручитель этого письма, Иван Петрович барон Черкасов¹, был очень хорошо знаком с твоим отцом, есть один из добрых моих приятелей и достоин с твоей стороны всякого уважения. Рекомендую тебе его. При первом свидании прими его как любезного мне человека. А при втором, без сомнения, примешь его как приятного знакомого и для тебя. Он приехал в Петербург по тяжбному делу. Надобно непременно оказать ему всю ту помощь, какую тебе возможно будет. Он взял у меня письмо и к Дашкову². Постарайся, чтобы их знакомство сделалось у тебя в доме, и убеди вместе со мною Дашкова быть ему помощником. Всякую услугу, ему от тебя оказанную, приму за новый знак твоей бесценной ко мне дружбы. Еще одна просьба. Ему хотелось бы поместить сына своего³ в Петербургский университет или Педагогический институт. Мне сказывали, что там прекрасно учат. Сын его редкий молодой человек, самого прекрасного характера и больших способностей; одним словом, наш Поддевический⁴. Я желал бы, чтобы ты дал Ив<ану> Петр<овичу> наставления о помещении его в Петербург, а если он расположится туда его перевести, был ему и добрым приятелем, и покровителем у Уварова. Обо всем этом вы переговорите лучше на словах. Прости, бесценный друг.

Твой Жуковский

110.

А. И. Тургеневу

20 мая <1813 г.> Белев

20 мая. Белев

Твое письмо, любезный мой друг, тронуло меня до слез. Твои хлопоты о бедном Жуковском были бы ему вместо лекарства, когда бы он об них узнал еще в Вильне. Вероятно, что твой посланный не застал уже меня в этом городе. Приехавши сюда, я писал к тебе с одним иностранцем, ехавшим из

Орла в Петербург (Ланцем¹). В этом письме я просил тебя, чтобы ты немедленно отдал подателю оного тот манускрипт моих стихов, который я переслал к тебе с Новосильцовым². Но, видно, Ланц не успел еще тебя найти. Итак, повторяю мою просьбу о скорейшем доставлении мне этого экземпляра. Мне он нужен, потому что он *единственный поправленный*; я хочу сделать для себя список, нужный для издания в печать всех *моих творений*. Прошу тебя поспешить исполнить мою просьбу. Очень рад, что ты находишь хорошими мои стихи³; твое-то одобрение мне и надобно. Благодарю, что ты их напечатал, хотя и с ошибками⁴; но твое дружеское старание доставить мне какое-нибудь имя меня восхищает. Я получил от Ивана Ивановича Дмитриева письмо, в котором он говорит, что государыне *вдовствующей* императрице угодно сделать второе издание моей песни⁵; я поспешил переписать эту пиесу и доставил ее к И<вану> И<вановичу>, приложив к ней и Послание к ее величеству⁶. Но ты пишешь, что государыня Елизавета Алексеевна приказала И<вану> И<вановичу> требовать у меня другого списка. Это меня удивляет. Кто из вас ошибся? Ты или И<ван> И<ванович>? Признаюсь, желал бы, чтобы ошибка была твоя, ибо мой список уже сделан и давно отправлен. Прошу тебя уведомить меня о его судьбе. Между тем скажу тебе, что всё это меня чрезвычайно радует и порядочно щекочет мое авторское самолюбие, которое теперь беспрестанно жужжит мне на ухо словами моего доброго друга: *пиши более и скорее*. Буду, буду писать. Другого нечего и делать, ибо ничего другого не умею. Планов весьма много, и теперь, когда буря, сдернувшая меня с моего мирного местечка, *для меня* миновалась, буду писать с большим рвением. Может быть, осмелюсь посвятить несколько стихов священному праху нашего спасителя⁷. Какой счастливый и славный конец! Он привел свои войска к тому месту, где некогда подняла голову свобода Европы⁸, сказал им: Спасайте мир! и улетел к Густаву⁹. Дай Бог, чтобы эта смерть была для нас пророчеством!

Ты зовешь меня в Петербург. Я и сам, мой милый друг, ничего так не жалею, как тебя видеть. Но теперь невозможно. Я обеднел совершенно. Мой поход стоит мне половины моего капитала, о котором, однако, я не жалею. Для путешествия в Петербург нужны деньги. Сверх того, мне нужно всем снова запасаться, даже платьем, ибо у меня всё почти распропало. А в долги входить опасно. Итак, я принужден отложить мое свидание до приведения в большее устройство моих скудных финансов. Ты говоришь, что мне нельзя оставаться в деревне. По сию пору ничего не могу желать, кроме того, чтобы жить в деревне. Здесь буду и могу писать более, нежели где-нибудь. Вся моя деятельность должна ограничиться авторством, а служба совсем меня не прельщает. Правда, она мне нужна для того, чтобы иметь кусок хлеба; но пока еще не дошло до этого, то попользуемся свободою и будем писать с вольным духом. Желания мои весьма скромны. Ничего не имею в виду, кроме независимости; хочу иметь

столько, чтобы, не думая о завтрашнем дне, писать, писать и писать. Впрочем, могут случиться такие обстоятельства, которые заставят меня искать приюта в службе¹⁰. Тогда ты будешь моим прибежищем. Думая о *том*, что может со мною случиться худого, думаю всегда, что ты мне останешься и что в тебе найду замену того, чего, может быть, должно лишиться. Это покажется тебе мистическим. Объяснимся после. Дорого бы дал, чтобы с тобою увидеться: я так давно уже не имел этого счастья. Но что говорить о счастье; нельзя сказать, чтобы оно было со мною знакомо. Верно только то, что я имею твою дружбу и никогда ее не лишусь. Кстати о дружбе. Где Вяземский? Как и куда к нему писать? Уведомь его о моем местопребывании и пришли мне его адрес. Он был последний, которого я видел в Москве.

Слава Витгенштейну!¹¹ Первый шаг — победа! С ним Русская слава не погибнет! А Коновницын ранен!¹² Храни его русский Бог! Я этого человека обожаю! Воплощенная доброта и храбрость!

Я не на шутку помышляю о собрании моих стихотворных грехов. Как скоро доставишь ко мне мой манускрипт, то сделаю верный список, расположив писесы в надлежащем порядке. Этот список будет к тебе доставлен; ты отдашь его в печать и возьмешь на себя корректуру или поручишь ее какому-нибудь аккуратному человеку (дабы стихи были напечатаны повернее «Певца»). Продав этот манускрипт, может быть, доставишь мне способ побывать и в Петербурге. Вот тебе план моего воздушного замка. Постарайся по нем исполнить.

Прошу тебя сказать мое почтение Сергею Семеновичу¹³, которого душевно уважаю и люблю, хотя виделся с ним на минуту. Братьев твоих обнимаю; надеюсь, что они обо мне не забывают. Отвечай скорее и уведоь, что сделалось с моим письмом к Ив<ану> Ив<ановичу> Дм<итриеву>.

Письма адресуй в Белев. Поклонись от меня Дашкову.

При сем прилагаю письмо, писанное две недели тому назад. Похлопочи о *Бонами*¹⁴.

111.

П. А. Вяземскому

13 июня <1813 г. Муратово>*

13 июня

Откликнись, милый друг ваше сиятельство. Я давно жду от тебя письма, но ты не пишешь; давно хочу к тебе написать, но не знаю, куда? Наконец, из газет узнаю, что ты возвратился в Москву, — еще более прежнего надеюсь, что ты, узнавши от нашей литературной братии о месте моего пребывания, ко мне напишешь или по крайней мере пришьлешь мне свой адрес — нет! Я полагаю, что ты теперь в своем разоренном Остафьеве¹; пишу к тебе через Моро², которому

поручил с тобою увидеться. Ты можешь быть ему весьма полезен. Он теперь очень в тесных обстоятельствах; ищет учительского места и должен ехать в Петербург, не имея верной надежды поместиться. Помоги ему, как можешь; этим одолжишь и меня, ибо мы с ним добрые приятели. Но, разумеется, помоги не деньгами, а рекомендациями; и пока не будет у него места, дай ему (NB если можно) убежище у себя в доме (это ему предложи от себя). Жена его³ — женщина чрезвычайно интересная; писательница; музыкантша (воспитанница Сюара⁴); сочиняет прекрасные стихи. Тебе ее общество, без сомнения, будет приятно. Одним словом, ты одолжишь меня весьма много, если окажешь Моро всю ту помощь, какая только от тебя зависит.

Я давно уже на старом месте; на границах простился с армиею и взял отпуск. Едва не ушел я на тот свет. Горячка едва не унесла меня на заказных. Теперь конец моему военному поприщу. О наших приключениях будем говорить, когда увидимся; скажи мне только, уволен ли ты или нет⁵. Московская милиция рушена. Но какой должны иметь вид офицеры? Отпущены ли они? Я этого здесь не знаю; ибо живу здесь с отпуском и еще не имею отставку. Прошу тебя уведомить меня об этом обстоятельно и, если можно, доставь мне такой же точно вид, какой сам имеешь. Похлопочи, милый друг! Очень одолжишь. Я думаю, что тебе надобно будет спросить в канцелярии Маркова⁶, если только она существует. Надеюсь, что ты в этом случае откажешься от своей обыкновенной лени и за меня подействуешь усердно.

Если твой остафьевский дом не сожжен и не совсем разграблен⁷, то ты, верно, найдешь в нем мои бумаги, отправленные тобою туда из Москвы: *список моих стихов, послание Батюшкову⁸ и пр.* Прошу тебя всё это мне поскорее доставить. Жаль очень, если эти chefs d'oeuvres* употреблены на разжигание французских трубок и на подтирание французских жоп.

Напиши ко мне поскорее. Что ты намерен делать с собою? Куда ехать? Что из тебя родилось: сын или дочь?⁹ (Я помню, что я об этом спрашивал в Вильне у твоего человека, но горячка отшибла у меня память, и я совсем забыл его ответ.) Здорова ли Вера Федоровна? Где Карамзин и что с ним делается? Не потерпела ли его История от пожара московского и спас ли он свои рукописи? Что Батюшков? и прочее и прочее! Отвечай на все эти вопросы. А я опять принимаюсь за стихотворство и теперь буду писать более, нежели прежде. Ты, верно, уже читал в «Вестнике» новую мою балладу¹⁰. Еще готовится новая¹¹; скоро начну собирать свои стихи для полного издания. Собери и все свои. Выдадим вместе. Но прежде доставь мне и мой, и свой манускрипт. Надобно пересмотреть.

Поклонись от меня усердно Вере Федоровне. Как было мне грустно с ней прощаться! И как теперь весело подумать, что вы опять вместе и что она совсем

---

* Шедевры (франц.).

спокойна. Последние минуты, которые провели мы с тобою в Москве, были ужасны: право, сердце сжимается от одного воспоминания!

Прости, брат.

Твой Жуковский

Р. S. Моро должен будет ехать в Петербург для приискания себе места. Везти с собою жену и сына, не имея верной надежды получить успех в своем искании, весьма затруднительно для человека, не имеющего ничего, кроме долгов. Я желал бы, мой милый друг, чтобы ты на это время дал жене его пристанище в своем остафьевском доме (если это только не будет противно собственным твоим расположениям). Я делаю это предложение тебе потому, что сам сделал бы на твоём месте то же, что тебе предлагаю. Впрочем, не знаю твоих обстоятельств, может быть, они и не согласны с моим требованием. Уверен, что ты из уважения к моей просьбе всё то сделаешь, что от тебя зависит. Прости, добрый друг. Люблю тебя по-прежнему; или более; прошедшая буря, кажется, еще более меня к тебе придвинула.

112.

П. А. Вяземскому

27 июня <1813 г. Муратово>*

27 июня

Наконец я обрадован известием о тебе, мой милый друг! Для меня было великим удовольствием получить твое коротенькое, но милое письмо. Я из газет ведал, что ты приехал в Москву, но это было для меня танталовым праздником: я не знал, куда адресовать к тебе письмо; Кисловка, и Смирнова дом, и Иоанн Милостивый, вероятно, погибли¹, а с ними и твой адрес. Жаль только, что ты пишешь слишком мало, не сказал ни слова ни о Вере Фед<оровне>, ни о своем детище (сын или дочь, не знаю; помню, что я спрашивал об нем в Вильне у Демиды²; но горячка, которая тогда меня ела, выбила у меня из памяти ответ Демидов и она же не позволила мне к тебе написать ни строчки). Я сам очень хочу тебя видеть и даже надеюсь у тебя побывать в Остафьево. Теперь еще не могу; но думаю, что скоро это может быть исполнено. Я опять на старом своем пепелище. Я взял отпуск; горячка разлучила меня в Вильне с армиею; я хотел было ехать опять, но услышал, что милиция московская распушена; это меня остановило. Еще не имею, однако, полного увольнения. Прошу тебя в этом случае мне помочь; то есть доставить мне, если можешь, такой же точно вид, с каким ты уволен. Избавь меня от лишних хлопот: я совсем растерялся; моя короткая служба высосала много из моего кармана, да и здоровье едва было не совсем по-

гибло. Предпринимать новое путешествие будет стоить новых издержек, а мне уже издерживать нечего. Итак, похлопочи, да пришли мне экземпляр медали, данной милиции, надеть ее на себя очень будет приятно³.

Вот тебе и сведение, которое может быть нужно: мой полк первый пехотный московского ополчения, полковой командир Свечин⁴; полк находился в Борисове; где он теперь, не знаю; распущен ли, нет ли, также не знаю; к Свечину я писал, но не имею ответа⁵. Если нужно будет явиться туда, чтобы идти в поход, я готов; но если надобно ехать единственно только для того, чтобы получить увольнение, то будут одни пустые издержки, и для меня весьма тяжелые потому, что карман пуст и чрезвычайно грустен. Мой чин: штабс-капитан. Вот всё, что тебе знать надобно.

Еще другая просьба: я оставил тебе при нашем расставании некоторые стихотворные бумаги свои; если они избегли хищных когтей французских, то ты, верно, найдешь их в Остафьеве. Потрудись отыскать и поскорее доставить: жаль будет, если пропали; жаль послания Батюшкова к Пенатам⁶ и моего к Батюшкову. Последнее напечатано, но по старому стилю; у тебя было поправленное⁷. Жаль и начала перевода «Art Poétique»⁸ и пр. и пр. Отыщи, люб<езный> друг! Я собираю свои старые крохи, чтобы из них что-нибудь целое составить. А между тем принимаюсь и за новое. Если буду у тебя в Остафьеве, то поработаем вместе. Я желал бы, чтобы ты с моими стихами доставил и свои *избранные*; можно бы было напечатать их вместе с моими. Я хочу сделать верный и полный список, который доставлю или тебе, дабы напечатать в Москве у Всеволожского⁹ (если его тип<ография> существует), или в Петербург к Тургеневу¹⁰. У меня много стихотворных проектов. Теперь работа, после жестоких хлопот прошедшего 1812-го года, имеет для меня неизъяснимую сладость. Мой угол сделался для меня очаровательным. И беды на что-нибудь годятся.

Я очень рад, что «Певец» мой тебе понравился. В нем много было пророческого, и всё сбылось. Писать эту пиесу было для меня большим наслаждением. Она и многим понравилась. Мне было очень приятно получить от И. И. Дмитриева письмо, в котором он от имени вдовст<вующей> императрицы просил меня доставить ему верный список этой пиесы, дабы государыня могла велеть его на свой кошт напечатать¹¹. Я послал список, а с ним и послание к государыне. Из этого всего родился перстень, который приятно было мне получить потому, что я его совсем не искал. Новое издание «Певца» еще не вышло¹². Более всего льстит моему самолюбию то, что *Дмитриев есть его издатель*. Но всего лучше (лучше и славы) — есть удовольствие писать, и я буду писать, писать и писать (не забывая, однако, иногда и лениться); а ты будешь меня хвалить — ибо я буду показывать тебе только хорошее, с дурным же стану управляться сам.

Мой поклон Вере Федоровне. Приложенное письмо отдай Николаю Михайловичу¹³.

113.

П. А. Вяземскому

<Начало июля 1813 г. Муратово>*

Я еще не имею от тебя ответа на мое письмо, а весьма бы желал его иметь поскорее. Мне очень нужно знать решительно о своей судьбе. Я просил тебя уведомить меня, точно ли распущена наша милиция и могу ли иметь заочно мое увольнение. Повторяю опять о том же мою просьбу. Узнай и дай мне без замедления знать, что сделано с тем полком, в котором я служил до вступления в Главную квартиру и в котором теперь только числюсь (*это первый пехотный полк Московского ополчения*). Я слышал здесь, что его хотят обратить в линейный: это будет весьма для меня неблагоприятно, ибо я никак не хочу вступать в *настоящую* военную службу и в ней оставаться. Напиши мне, каким образом ты получил свое увольнение и что я должен сделать, чтобы его иметь. Если имеешь способ, чтобы избавить меня от хлопот и сам за меня всё выхлопотать, то употреби этот способ. Прости. Обнимаю тебя. Отвечай скорее. Мой адрес всё в Белеве.

Р. S. Узнай обо всем этом в канцелярии графа Маркова¹. Там скажут тебе, распущен ли 1 пехотный полк или обращен в линейный — прошу тебя написать ко мне поаккуратнее и поскорее. Если же полк не распущен и не причислен к линейным, то encore une fois adieu les Muses! et vive la gloire ou la mort!*

114.

А. И. Тургеневу

<Начало июля 1813 г. Мишенское>

Прошу тебя, мой милый друг, поспешить уведомить меня о своем здоровье¹. Надеюсь, что ты уже теперь совсем оправился; очень обрадуешь, когда ко мне напишешь и когда из письма твоего увижу, что болезнь твоя совсем миновалась. Письмо Сергея Ив<ановича>² меня удивило. Кто тебе сказал, что мне дана Анна?³ Признаюсь, не понимаю, как могло это случиться, и по сих пор никак этому не верю. Уведомь пообстоятельнее. Не ошибка ли? Но пуще всего поспеши уведомить о себе; право, сердце будет не на месте до получения о тебе известия. Ты мне дорог чрезвычайно как верный и необходимый товарищ жизни; я часто о тебе думаю, и всегда эта мысль меня трогает. Поблагодари от меня милого Сергея Ив<ановича> за его письмо, за которое обнимаю его дружески; сердечно бы желал вас всех троих⁴ видеть и пожить с вами вместе; но пока невозможно. Не теряю, однако, надежды. О службе моей, кажется, могу сказать,

---

* Еще раз прощайте, Музы! и да здравствуют победа или смерть! (*франц.*).

что она кончилась; полк мой будет к началу августа в Москве, где и распустился. Он стоял всё в Борисове. Если же ему сказан будет поход за границу, то не отставать же. О брате Андрее⁵ я погрузил. Славная, завидная смерть!

Мигом ношу в прах!⁶

Надобно друга и товарища помянуть стихами⁷. Напишу и доставлю к тебе. Прощайте, друзья. Любите вашего брата Жуковского.

Ради Бога, отвечай скорее. Да что же! Когда доставишь мне список с моих стихов? Право, необходимо нужен, и мне очень досадно, что многократная просьба моя осталась тобою забыта. Как горохом в стену!

115.

С. С. Уварову

15 июля <1813 г. Белев>

Милостивый государь Сергей Семенович!

Я имел удовольствие получить Ваше письмо; простите, что отвечаю на оно несколько поздно. Оно долгое время путешествовало вслед за мною. На сих только днях получил я его в Белеве.

Сердечно благодарю Вас за приятный Ваш подарок; наконец желание мое исполнилось: Вы приняли за русскую литературу. Несколько раз сряду прочитал я Ваше маленькое сочинение, и с большим удовольствием. Оно написано простым, ясным, правильным, совершенно приличным предмету слогом. Уверяю Вас, что я очень обрадовался Вашему обращению на путь истинный. До сих пор Ваш прекрасный талант посвящен был языку чужому; Вы раскаялись и приняли за отечественный, и доброе дело не остается без награждения. По-видимому, этот переход не стоит Вам никакого усилия; Ваше рассуждение написано пером опытным; простота оживлялась воображением; слог приятный, ясный и правильный; нельзя не подумать, чтобы автор не писал много по-русски. Позвольте ж мне быть пророком: Ваш стихотворный талант мне известен¹; если Вы приметесь за русские стихи, то наша литература будет иметь еще одного хорошего поэта. Не знаю, однако, обратите ли Вы свое внимание, занимаясь важными обязанностями, соединенными с Вашим званием?

Почему же? Часы отдохновения разве не могут быть посвящены Музам? По крайней мере, от прозы Вам отделаться невозможно. И самое Ваше звание требует, чтобы Вы были автор. Вы можете много сделать для просвещения нашего отечества. Будучи исполнителем намерений правительства по своему чину, Вы можете некоторым образом его руководствовать, представляя ему свои мысли как писатель. Вы можете иметь благодетельное влияние на обще-

ственное воспитание; предмет важнейший, на котором единственно основано благо нашего отечества. Без просвещения, без нравственности, без твердого национального характера (которые могут нам быть возвращены одним только воспитанием) не может быть и могущества. Без них огромность империи есть только *материал для огромных развалин*. Просвещение родит в нас уважение к самим себе, не то глупое уважение, которым хотят напугать гордость нашу фанатики-декламаторы, которые беспрестанно кричат, что русский народ *по всему* первый есть в мире² и что нам надобно только возвратиться в грубое состояние наших предков, чтоб быть совершенными. Такое мнение почти так же вредно, как и то, что иностранное не может быть лучше русского. Одно дает излишнюю самонадеянность и производит чванство, другое уничтожает уважение к самим себе и погашает пламень соревнования³. Нам должно знать свои недостатки⁴, но знать их не для того, чтобы предпочитать собственному всё чужое, а для того, чтобы самим взойти на ту степень просвещения, на которой стоят другие народы — немцы, англичане; о французах ни слова: они своим просвещением задавили нравственность; избави Бог от такого разрушительного просвещения. Одним словом: русским нужно общественное воспитание, устроенное по хорошему плану, и еще не менее нужно, чтобы все вообще были уверены в необходимости воспитания и образованности. Благодаря крикунам у нас по большей части думают, что просвещение есть синоним разврата и что старинная русская грубость есть то благодатное состояние, в которое нам необходимо возвратиться должно⁵. Кто ж победит такой губительный предрассудок? Хорошие писатели. Тут опять обращаюсь к Вам. Вы можете быть хорошим писателем. Вы занимаете такое место, на котором как государственный человек можете исполнять то, что будете мыслить как писатель. Пером можете действовать на умы, а властью производить в действо намерения общепользные. Как же Вам не быть писателем?

Многие места в Вашем рассуждении мне особенно понравились. Вообще в Вашем слогe заметил я то, что весьма редко в наших прозаистах (Карамзина в сторону): точность выражений (*propriété des termes*)*, без которой нет слога. Можно иметь много идей, можно иметь богатое воображение, но они останутся в тумане, если будут выражаться без точности и неясно. Сказать не более и не менее, а так, как должно, — вот главное. Более других понравились мне 6 и 7 § — быстрая картина иностранных происшествий. Прекрасное дело — воображение стихотворное! Оно найдет способ оживить самую сухую материю или оборотом, или сравнением, вставленным как будто невзначай: *характер русского народа, на который Европа смотрит, как изнеможенный старец на бодрость и силу цветущего юноши*. Это прекрасно! Всё вообще мне нравится. Право, пишите более.

---

* Свойство терминов (*франц.*).

Это Ваша обязанность. Писатель — государственный человек — всегда возбуждает доверенность и большое внимание. Предмет, которым Вы можете заниматься, есть самый обильный и полезный. Одно только условие: не забывайте иногда заглядывать и к нам в дом сумасшедших, то есть к нам, стихотворцам⁶. Как ни говорите, а Вы имеет право гражданства и между нами.

Теперь позвольте Вам сообщить некоторые мысли, которые пришли мне в голову при чтении Вашего рассуждения. О плане Вашем не говорю ни слова. Он может быть очень хорошим руководством для всякого наставника. Мне хочется сказать несколько слов о народных училищах⁷. Их можно назвать первую степенью просвещения, а для некоторых классов людей эта же степень есть высшая, далее которой они идти не могут и не должны, — для простого ремесленника, простого купца и пр. В народном училище должны быть закончены все те науки, которые им в их состоянии нужны, и целью того просвещения, которое они приобретают в сих местах, должно быть образование нравственности и приобретение всех способов, которыми они могут улучшить свое состояние. Итак, все науки, им не нужные в этом состоянии, должны быть из народных училищ исключены; ибо они вместо пользы сделают вред, исторгнут человека просвещением из того круга, в котором он заключен судьбою. И Ваша мысль, что заведение хорошего народного училища еще труднее, нежели заведение хорошего университета⁸. Кто хочет идти вдаль, для того открыты гимназии и университеты; кто должен остаться на первой степени, тот должен найти в народном училище *всё* нужное для него в тесном его круге, но не более.

Например, *история* для простого, ограниченного низким жребием человека совсем не может быть представлена с той точки зрения, с какой смотрит на нее человек, имеющий круг деятельности обширной. Для него она не иное что, как курс практической нравственности. Я бы разделил преподавание оной на два курса: один *моральный*, другой *политический*⁹. Первый начинался и кончился бы в народном училище; другой начинался бы в гимназии, а кончился бы в университете. В первом представлялись бы одни действия человека, движимого страстями, несчастливого или счастливого под руководством Провидения (разумеется, что в этом курсе главное место занимали бы, как Вы хотите, священная и отечественная истории, но без целости. Не худо бы кинуть один взгляд и на всеобщую). С такою целью история может быть полезна и для простолюдина. Тогда она не есть для него один предмет любопытства, непривлекательный потому, что любопытство его совсем не обращается на то, что выходит из его сферы, но предмет приятного занятия; ибо он сам некоторым образом становится наряду с людьми историческими, видя их, сходных с ним страстями, бедствиями и покорных тому же Промыслу, который и о нем заботится; одна только эта черта сходства может сделать для него историю привлекательною и полезною.

Языки иностранные едва ли нужны в народных училищах¹⁰. Зато русский и славянский необходимы; особенно славянский, на котором написаны у нас все священные книги — нужнейшее чтение для простолюдина. Иностранные языки потому не нужны ему, что могут познакомить с предметами, совершенно ему чуждыми, а может быть, и вредными. Эти предметы могут быть полезны для тех только, которые пройдут полный курс наук: для них гимназии и университеты.

Если единственную целью преподавания наук в народных училищах будет совершенное образование простолюдина, остающегося в своем смиренном классе (*совершенным* называю образование, доставляющее ему ни более, ни менее того, что *ему* нужно), и только открытие дальнейшего пути тому, кто пожелает идти далее, то необходимо нужно, чтобы и всё соответствовало сей цели. Для того чтобы ремесленник, купец, земледелец были счастливы в своем звании, нужно, чтобы они имели идеи, приличные их званию. Следовательно, курс нравственности им преподавания должен быть написан для них. Само по себе разумеется, что он должен быть основан на религии; надобно, чтобы в нем говорено было о должностях, им особенно принадлежащих, о нравственном образовании, им особенно возможном¹¹. Такого курса еще никто не написал. Что еще им необходимо? Начальные понятия о математике, общие понятия о натуральной истории¹² и физике, знакомящие их с тем, что перед их глазами, и разрушающие многие гибельные предрассудки! Технология¹³, отечественная география! Я прибавил бы к этому понятия о медицине¹⁴, нужные для каждого. Учебные книги о сих предметах должны быть написаны по особенному плану и для сей особенной цели. Мы их еще не имеем.

Но этого не довольно! Получив нужные сведения в народном училище, простолюдин или растеряет их, возвратясь в самого себя, или испортит, обратив пробужденное внимание свое на предметы, ему вредные. У нас еще нет книг, написанных для этого класса людей. Германия и Англия ими богаты¹⁵, и потому-то простой народ имеет у них много основательных сведений. Например, какую великую пользу принес бы у нас писатель с талантом, когда бы вздумал выдавать журнал, подобный франклинову¹⁶. Какая бездна для него материалов! Такой журнал мог бы заключать в себе всё — всё дело состояло бы в предложении, в приноровлении к предположенной цели, то есть к образованию простолюдина. Правительство сделало бы великое благодеяние нашему отечеству, когда бы позаботилось о издании книг, нужных для бедного класса людей¹⁷, для которого нужно распространять приобретенные им сведения, не выходя из того круга, которым очертили его судьбы.

Надеюсь, что Вы, для доброго намерения, извините мою болтливость. Не знаю, справедливы ли мои мысли. Но с Вами даю себе волю говорить себе всё то, что мне взбредет на ум. Сверх этого права Вы мне дали другое право: лю-

бить Вас и желать приобрести Вашу дружбу. Похвалы Ваши моим стихам радуют меня и ободряют. Не знаю, заслуживаю ли я их, но уверен, что Вы хвалите меня искренно, хотя, может быть, и пристрастно. Приобретение всеобщей известности, правда, весьма привлекательно, но очень, однако, меня тревожит; но похвала немногих для меня важная, и не заслужить ее будет больно. В числе этих немногих считаю и Вас. Для меня чрезвычайно весело думать, что Вы обо мне помните, что Вы принимаете во мне дружеское участие, что Вы всегда скажете мне искренно свое мнение pro и contra. Писать приятно, если только не имеешь причудливого, слишком неугомонного самолюбия. Когда пишешь, тогда наслаждаешься самим собою в высочайшем градусе; но это наслаждение усиливается мыслью, что есть люди, которые будут ценить твой труд, которые умеют его ценить и не откажут в заслуженном одобрении. Весело иметь пред глазами такое судилище: самое неодобрение его приятно, ибо оно есть урок. Еще же веселее видеть в этом судилище друзей, готовых насладиться твоим успехом.

Вашего рассуждения о *стопосложении*¹⁸ ожидаю нетерпеливо. Теперь каждое Ваше сочинение (русское, разумеется) будет для меня торжеством. Мне смертно хочется, чтобы Вы много писали — такое прекрасное поприще для Вас открыто! Вы можете приобрести славу, и славу самую восхитительную, писателя, который не только писал, но и действовал для пользы.

Позвольте заключить письмо мое просьбою. Жалуюсь Вам на Тургенева. Я послал ему очень давно список моих стихов; это единственный поправленный экземпляр¹⁹. Другой бывший у меня сгорел с Москвою. Давно уже прошу Тургенева, чтобы он доставил мне этот список. Нет никакого ответа. Вступитесь за меня. Если бы не боялся затруднить Вас пустяками, то попросил бы Вас переслать этот манускрипт ко мне сюда.

Прошу Вас покорно быть уверенным в моей искренней к Вам преданности.
Честь имею быть
Вашим покорнейшим слугою

Жуковский

15 июля

116.

А. П. Киреевской (Елагиной)

<Июль 1813 г. Чернь, Мишенское>

Я пишу к Вам для того, что на словах или *не всё* скажу, или не буду иметь ни случая ни времени, или не буду уметь довольно ясно выразиться, или от противоречия потеряю из памяти то, что сказать был намерен. К тому же сказанное забывается, а написанное остается.

Наше путешествие в Долбино¹, признаюсь, пугает меня и за Вас, и за прочих. Я был бы совершенно покоен, когда бы мог быть уверен, что Вы *захотите* дать волю рассудку, дабы победить то впечатление, которое натурально должен произвести первый взгляд на Долбино. Очень понимаю, что весьма тяжело возвратиться в такое место, где всё напоминает о милом человеке²; но я не понимаю, как можно давать волю над собою печальному чувству, не понимаю, как можно даже находить наслаждение в этом раздражении горести. А этого-то я от Вас и боюсь. Как Вы ни говорите, но имея много настоящей чувствительности, Вы имеете и слишком распаленную голову; ничто до сих пор не заставляло Вас думать об излечении этой болезни, которая, право, может иметь жестокое влияние и на Вашу жизнь, и на судьбу Ваших детей. Пускай бы люди, у которых нет души, трудились над тем, чтобы иметь подделанные чувства, Вам какая нужда прибавлять к тому, что имеете от природы. И несмотря на то, Ваше воображение любит трудиться над изобретением новых горестей, чтобы произвести в душе такие чувства, которых нет и не должно быть в натуре и которые самые натуральные должны наконец уничтожить. Возвращение в Долбино естественно должно возбудить горестное воспоминание. Но этого довольно. Что перейдет за эту границу, то будет не естественное, а подделанное. Не думайте, чтобы я здесь говорил о притворстве. Нет! я никогда не замечал в Вас притворства; но подделанным чувством называю такое, которое с усилием, стараясь раздражать и питать свою горесть, наконец, производит <ее> в душе и которое действует на нее столь же сильно, как и настоящее, еще сильнее, потому что ему помогает воображение, которое, произведя его, старается и укоренить. Боюсь, что Вы, оживив свою горесть воспоминанием, к ней привяжетесь, начнете ее растревать, может быть, сочтете, что Вы *обязаны* ей предаваться, что не иметь ее есть оскорбление Вашей должности, Вашей любви; таким образом, прошедшее возобновится, и Вы насильно себя приведете в то самое положение, в какое привела бы Вас новая потеря, подобная прежней. Признаюсь, я боюсь, чтобы Вы не имели вредной мысли, что горесть есть обязанность, что стараться ее уменьшить есть некоторым образом преступление и что, напротив, весьма достойно Вашего характера ее усиливать и продлить сколько можно. Прошу Вас, милая, выйти из заблуждения. Горесть не есть воспоминание, она, разлучая нас с жизнью, переселяет из мира в гроб и связывает с мертвыми союзом, нимало их не достойным. Воспоминание есть союз другого рода: это милое *товарищество*, которого и смерть не разрывает, *завещание*, по которому мы *одни* исполняем то, что прежде исполняли *вдвоем*. Скажите ж! разве Вам не оставлено никакого завещания? а если оставлено, то горесть не есть ли первая преграда к его исполнению, особливо неумеренная, усиленная воображением и никогда не позволенная горесть? На это ни с какою диалектикою не можете Вы сделать сносного возражения. И на что же возражение? Дело не о том, чтобы Вам или

мне быть правым! но о нашем общем добре, о нашем общем счастье? Итак, самолюбие в сторону! подумайте о том, что я Вам говорю; согласитесь, если найдете, что я прав (но дай Бог, чтобы я был неправ! тем меньше труда!), и *agissez en conséquence**.

До сих пор написано было в Черни. Наш разговор в коляске меня несколько успокоил. Вы заодно со мною старались опровергать Сашу, следовательно во многом Вы со мною согласны. Но весь мой страх не без основания; и я доскажу, что был сказать намерен. Одно только прошу Вас как доказательство дружбы: не показывайте никому этого письма. Оно для Вас одних. Мне будет очень больно, если кому-нибудь вздумается надо мною пошутить и найти мое послание к Вам странным. Право, я пишу для того, что боюсь Вашей поездки в Долбино и думаю что-нибудь своим письмом сделать.

Вы спросите, чего я от Вас требую? Я требую, чтобы Вы себя переломили; чтобы Вы, дав волю настоящей горести в первую минуту, решительно отказались от всего того, что может ее усилить; не останавливались бы на ней мыслями; избегали бы всякого случая возобновить ее; думали бы о том, что у Вас есть, а не о том, что Вы потеряли, и, наконец, чтобы Вы уничтожили вредную, фальшивую мысль, что горесть есть должность. Стараться быть счастливою, сколько возможно, есть Ваша обязанность, ибо Вы мать (не говоря уже о прочих Ваших связях). Уверьте же себя один раз навсегда, что воспитывая своих детей для *счастья*³ и стараясь сберечь для них оставленное им состояние в наилучшем порядке, Вы самым убедительным образом докажете, что память их отца Вам дорога. Но чтобы иметь в этом успех, надобно сохранить душевный покой, беречь его как некоторую драгоценность, а не стараться его расстроивать. Боюсь, что мое требование покажется Вам неисполнительным, но я бы желал — и Ваше согласие было бы для меня самым неоспоримым знаком дружбы — я бы желал, чтобы Вы не ходили в церковь во всё время Вашего пребывания в Долбине. Кто ручается за следствие сильного впечатления. Взгляните на себя! но если и надеетесь на свои силы, то можете ли ручаться за тетушку⁴ и особливо за Машу. У одной всякий день болит голова. Другой здоровье на волоске. Скажите ж, как не отказаться от обряда (который сам по себе бесполезен и только есть наружный знак воспоминания), когда можно почти наверное предсказать, что он будет иметь на них вредное действие⁵. Теперь всякое новое потрясение пагубно для Маши; Фор⁶ говорит: *il est bien temps de prendre des précautions sérieuses*** . Следовательно, всего более надобно думать, как бы поправить испорченное; а не прибавлять к старому новое, которое тем будет сильнее, что должно действовать на силы уже истощенные. Еще один какой-

---

* Действуйте по обстоятельствам (*франц.*).

** Время предпринимать серьезные меры предосторожности (*франц.*).

нибудь чувствительный удар, и тогда, может быть, уже ничего исправить не будет возможно. Подумайте ж, если Вы некоторым образом сделаетесь причиною этого ужасного несчастья? Что нас тогда утешит! Признаюсь, мне очень жаль, что наш отъезд не был еще отсрочен. Только что начала она лечиться, а уже и готово новое горе: слезы, ночи без сна, унылость — всё это для нее яд! Милая, Вы ее искренно любите, Вы всегда об ней думаете, Вы точно находите счастье в привязанности к ней — в этом я уверен. Но Вам недостает постоянства в Вашей к ней доверенности. Иногда Ваша *susceptibilité** бывает причиною огорчения и для нее, и для Вас. Зачем давать воображению волю и принимать его выдумки за правду. Особливо с Машею должно быть как можно осторожнее. Вы знаете, что всё падает прямо к ней на сердце и в нем остается; она скрывает всякое огорчение в самой себе. Бездельное волнение при таком нежном здоровье есть прием яда; а этот яд, мало-помалу скопляясь, наконец подействует. Посмотрите на нее. Эта слабость, право, меня ужасает. Милая, Вам можно быть ее хранителем. Дайте ж мне слово, что с этой минуты даже и тогда не огорчите ее упреком, когда бы имели на то право. Если и может она сделаться перед Вами виновною, то, конечно, не от недостатка дружбы и, верно, на одну минуту. Но ее спокойствие — это должно быть для Вас главное. На спокойствии основана ее жизнь. Душевное волнение для нее пагубно — как же ужасно быть его причиною. Вы всё можете делать для ее сбережения! Вы имеете столько способов ее счастливить — на что же то, что составляет ее счастье, Ваша дружба, бывает источником и огорчения. Я очень понимаю, что можно и в дружбе быть ревнивым (новое доказательство привязанности), но огорчения ревности всегда несправедливы; скрывая их, живее доказываешь свою привязанность. Лучше простить, не дождавшись оправдания, нежели, обнаружив свое огорчение, расстроить спокойствие милого человека, особливо, когда знаешь, что всякое душевное волнение ему вредно. На Вашем месте при всякой досаде я говорил бы себе: *или я ошибаюсь, или нет! Но огорчу ее верно, лучше же пожертвовать своим неудовольствием*. Я уверен, что против такой мысли никакая досада устоять не может — иначе нет и дружбы. Таким образом, Вы будете не только ей другом, но и в полном смысле хранителем ее жизни. Не правду ли ж я говорил дорогою, что *счастье Ваше в Ваших руках*. Чтоб быть счастливою в дружбе, Вам стоит только не давать воли первым движениям досады и быть не столько взыскательною. Я это говорю не для того, чтобы Вас обвинять, но для того единственно, что почитаю необходимым сказать Вам искренно мое мнение. Или я очень ошибусь в Вас, или Ваша дружба ко мне должна за это усилиться. Например, Вы иногда говорите: *я не хотела бы никого любить; всего лучше не иметь привязанности и прочее*. Всё это чрезвычайно оскорбительно и несправедливо; и может слу-

---

* Чувствительность (франц.).

жить не только к огорчению, но со временем охладить и самую дружбу, которая не может существовать без полной доверенности. Я смотрю с удовольствием на Вас, когда Вы с такой заботливостью приготавливаете лекарства для Маши, но иногда мне кажется это печальным противоречием: Ваши огорчительные ссоры, основанные на безделицах, не должны ли назваться ядом, который уничтожает действие этих лекарств! Разрушать одною рукою то, что сделала другая! День, проведенный в слезах, которые надобно еще скрывать, и ночь без сна то же для Маши, что день болезни. Одним словом, для сохранения ее жизни и Вашего счастья должны Вы наперед пожертвовать всеми будущими досадами, должны решиться их не иметь, даже и тогда не иметь, когда бы было на то право. Такое жертвование даст Вам полное и счастливое спокойствие, и самая Ваша дружба от этого должна увеличиться. Какое счастье для Вас быть ее хранителем. Веселость души нужнее для нее всех Форовых лекарств, и Вы владеете этим верным лекарством. Вы созданы для того, чтобы быть ею любимую; Ваш характер дает Вам на то право. Истребите ж из него всё то, что может это право уничтожить.

Я не говорю уже ни слова о том, как необходимо принять предписанный Фором *regime**. Хотя и собирался говорить об этом весьма пространно. Я думал сначала, что это предписание будет пренебрежено и Форов совет сочтен неосновательным. Но теперь я спокоен с этой стороны. Кажется, у Вас положено слушаться доктора. Теперь остается одно: постоянство, исполнять *всегда*, что начато *однажды*. Если нет болезни, то из этого не следует еще, что нет нужды и в предосторожности. Напротив, при таком хилом здоровье, каково Машино, нужно иметь осторожность неусыпную и не оставлять без замечания ни малейшей безделицы: Фор говорит, что он ручается за ее сохранение только тогда, когда *всё* и *всегда* было исполняемо. И от Вас зависит, чтобы *всё* было исполняемо *всегда*. Но не забывать, что без душевного лекарства не может действовать и телесное.

Р. S. Баронесса (я слышал) говорила⁷, что не худо бы пригласить к Вам в Долбино Николы Гостунского⁸ протопопа, думая, что его присутствие послужило бы к Вашему успокоению. Тетушка нашла это излишним — и очень справедливо. А мне это было и досадно. Почему же человек, одетый в рясу и имеющий имя протопопа, может иметь на Вас более влияния, нежели наша общая польза, нежели вид Ваших детей, нежели собственный рассудок, который запрещает Вам всякое излишество и говорит Вам, что избегать всякого бесполезного расстройства души есть Ваша должность. Признаюсь, что ничто так меня не трогает и не возбуждает моего почтения, как спокойная твердость чувствительного человека, решившегося исполнять свою обязанность, ничему не поддаваясь, и ничто так не приятно, как иметь такое почтение к своим друзьям.

---

* Режим (франц.).

Самое действительное лекарство от огорчения есть *занятие*. Это я много раз испытал на себе. Вы имеете два таких занятия, которые могли бы служить для Вас на всю жизнь источником приятнейшей *деятельности*: *воспитание* Ваших детей и *хозяйство*. По сию пору я еще не заметил, чтобы Вы и тем и другим занимались как должно. О последнем не говорю, потому что не могу никакого подать совета в таком деле, которого не знаю; что же касается до первого, то Вам нельзя же вообразить, чтобы Вы имели все сведения и опытность, нужные для воспитания. Прочитывать в день по странице с Петрушей и с Ваничкой⁹ не значит еще их воспитывать. Если где нужна метода и *одна* постоянная система, то, конечно, в воспитании, ибо здесь каждый шаг, каждая ошибка могут иметь важнейшее следствие на целую жизнь детей. Скажите ж, имеете ли Вы какую-нибудь методу? Ее можно только занять из чтения хороших книг и из чтения порядочного; а Вы читаете Ифланда¹⁰, переписываете ноты или (*helas!**) мои стихи. Надобно Вам самим несколько времени поучиться, чтобы сделаться полезною для детей. Для сыновей Ваших будут со временем открыты университеты, а для дочери Вы одни. Для чего же не стараетесь скопить нужные сведения для воспитательницы. Одной материнской привязанности не довольно. И в самом образовании нравственности нужна метода. Чтобы получить ее, надобно спроситься с книгами: в них собраны чужие опыты, которые можно приурочить к своим обстоятельствам. Займитесь же сперва воспитанием как *наукой*, для себя, потом будете исполнять прочитанное на деле. А это занятие наполнит приятнейшим образом Вашу жизнь, и с ним душевное спокойствие неразлучно. Только порядок и постоянство.

Еще раз прошу: *этого письма отнюдь никому не показывать*. Исполнение этой просьбы будет доказательством искренней дружбы.

117.

А. П. Киреевской (Елагиной)

<Июль 1813 г. Мишенское>

Я ходил, ходил по зале в надежде, что Вы выйдете, наконец потерял терпение и вздумал к Вам написать. Маше непременно надобно пробить несколько времени в глазах доктора; это особенно нужно при *начале* лечения; Вы видите сами, что Вы ничего не умеете делать; надобно, чтобы он научил.

Вместо Долбина ехать бы в Чернь и там пробить недели полторы или две. Это и потому нужно, что для первых дней пребывания в Долбине Маше надобны большие силы; я уверен, что ей почти так же будет грустно там, как и Вам самим. Эта грусть, право, помешает лечению. Надобно привести здоровье

---

* Увы! (*франц.*).

несколько в порядок. Не понимаю, как это могло не прийти нам в голову еще в Черни. Успех лечения зависит от начала его. Но Вы видите, что оно в начале идет худо. Вместо того, чтобы *<нрзб.>*¹ имела желанное действие, мы теперь *останавливать* ее действие: две беды вместо одной. К тому же еще и мучительное страдание. Прибавьте к этому *новую грусть*, и всё испортится. То, что Вас зовет в Долбино, милая, может быть отложено. Приедем туда через две недели; но по крайней мере уж с одной стороны сердце будет на месте. Для Вашего собственного спокойствия это необходимо. Я не знаю, достанет ли у Вас довольно сил, чтобы снести два огорчения. Быть в Долбине и видеть ее страдания — две грусти, право, несносны. Настойте ж, милая, на том, чтобы ехать в Чернь. Не слушайте Маши! она всем готова для Вас жертвовать; потому-то и не должно принимать таких жертвований. Я не знаю, как тетушка могла сказать, что *они могут быть там в тягость*, там, где за величайшее счастье почитают их любить и всё для них делать. Как бы то ни было, теперь совсем не время ехать в Долбино. Настойте с твердостью. Ехать в Долбино совсем не есть *необходимость*, а быть в Черни, право, *необходимо*. Возьмете ли на себя отвечать за следствия? Для Вас всё равно: ехать ли *завтра* или через *две недели* в Долбино; а для нее, право, не всё равно. Не подумайте, чтобы я считал за нужное Вас в этом случае уговаривать; я знаю, что Вы этого желаете сами, что Вы уж сделали предложение. Но я желаю только, чтобы Вы настояли решительнее и не откладывали. Если ехать, так ехать завтра или поздно, поздно послезавтра. Нынче бы послать в Чернь, чтобы нам прислали в Дольцы подставу; Вы своих лошадей отошлете в Долбино; они будут дожидаться нас в Каменове тогда, когда мы поедем назад. *J'ai eu la bêtise de dire un mot sur ce départ. J'ai mal fait. Selon ma coutume ordinaire je gâte les choses dont je me mêle. Tâchez de remédier à ce mal**.

118.

А. П. Киреевской (Елагиной)

<Июль 1813 г. Мишенское>

Ваше милое письмо, которое меня очень тронуло, еще более утвердило меня в мысли, что Вы имеете высокую душу и прекрасное сердце. Но я не могу не сделать замечаний на некоторые места: *«нет ни одной счастливой минут, которую бы я не променяла на то, чтобы быть там; сильного впечатления это на меня сделать не может — я перенесла сильнее»*¹. Простите, милая, я Вас огорчаю, но не могу не сказать того, что думаю. Ваше чувство для меня понятно, я ценю его настоящим образом, его источник благородный, но, право, рассудок ему проти-

---

* Я имел глупость сказать об этом отъезде. Я сделал плохо — согласно моей привычке я порчу то, во что вмешиваюсь. Постарайтесь поправить эту неприятность (*франц.*).

вится. Оно есть для меня новое доказательство, что Вы *привязаны* к своей горести и намерены ее *питать*. Что же в свете может усилить ее более, как не предмет, столь печальный, возбуждающий такие горестные мысли! Не удаляться от него — значит *самой* стараться раздражать свою болезнь. Быть там! Скажите, милая, что будете *там* делать? чего Вы будете там искать? Неужели утешения? или сил для перенесения печали своей? «Сильного впечатления это на меня сделать не может». Что ж Вы это говорите? Можно ли так себя обманывать? Какое же впечатление? неужели приятное? Нет, милая, я бы очень был счастлив, когда бы могли Вы решиться пожертвовать *на этот раз только* своим намерением. Дайте еще волю времени и мыслям. Когда Вы более обдумаете все выгоды своего положения, когда более утвердитесь в мысли, что Вы можете быть еще истинно счастливы — тогда можете дать себе полную свободу. А теперь бы смотреть за собою как за младенцем; и пуще всего не говорить: «нет ни одной счастливой минуты, которой бы не променяла на то, чтобы быть там». Это язык горести, разгоряченной воображением! Ваше место не там — ибо там всё говорит о потере, всё возбуждает отвращение к жизни (а такого рода мысли и чувства Вам запрещены), — Ваше место подле Ваших детей; вот милые памятники, при них Вы находите спокойствие души, надежду и самым чистым образом удовлетворяете своей чувствительности! Но что можете Вы сказать гробу? и еще более: что скажет он Вам? Этот язык ужасен! Если б Вы могли переломить себя и не удовлетворять сильному влечению сердца, которое, право, требует от Вас поступка, противного Вашему спокойствию! И тем более это пожертвование нужно, что Вам нельзя будет скрыться от других; те Вас не выпустят из глаз, а я опять напомню о состоянии Машина здоровья. Теперь спокойствие для нее нужнее, нежели когда-нибудь: ей необходимо нужно возратить потерянные силы.

Следующая фраза написана точно Вами: «для меня довольно того чувства, что она *мне* теперь всё на свете и что от нее не буду *требовать* ничего». Вы забыли прибавить, что и Вы для *нее* всё; и что Вам уже ничего более не осталось от нее требовать: ибо Вы всё имеете. Для такой связи, каковы ваши, нужна только *доверенность*, ею она укоренится, ею она будет приятна и делается верным счастьем на всю Вашу жизнь.

Вы говорите, что Ваша недеятельность в рассуждении воспитания детей и хозяйства сокрушает Вас. Но почему же деятельность не в Вашей власти? Вы можете заняться чтением без всякого помешательства, и всё расположение времени, нужного для этого занятия, зависит единственно от Вас; читая книги о воспитании, которых и у Вас, и у меня довольно, Вы будете собирать нужные сведения (дети между тем будут в Ваших глазах, и ничто их испортить не может), в год или в полтора много можно набрать сведения — время между тем не уйдет, и всё еще можно будет привести в исполнение. Этим и в Муратове, и в Долбине можете заниматься с одинаковым успехом. Что же касается

до хозяйства, то надобно непременно найти человека, которому бы поручить его; за ним можете Вы наблюдать, но он будет иметь на руках главные хлопоты. Для Вас же воспитание пусть будет главным занятием. Прочие занятия будут только отдохновением. В этом случае Маша Вам помощник самый усердный, и такого рода занятие ей самой не только будет приятно, но и весьма полезно. Оно будет заменю того, чего ее лишают, и заменю самую сладостною. Быть Вам товарищем, Вашим сотрудником в такой милой должности! Это может быть между вами иного рода связью и самую тесною. Вы будете и здесь не одни.

Для чего я всё это пишу? Собственного счастья, того, которое мне *нужно*, я иметь не буду! Мне остается только видеть его в Вашем милом круге — оно всё будет *моим*. Когда буду его находить вокруг себя, тогда и работа будет для меня наслаждением! Даже и для моей *славы* должны Вы стараться быть сколько можно счастливее! Без душевного спокойствия нельзя трудиться с успехом. «En vous suppliant d'être heureuses autant que possible je plaide ma propre cause»^{*2}.

119.

А. И. Тургеневу

<Август 1813 г. Муратово>

Отдай это письмо Оленину¹. Я благодарю его за виньеты. Да уведоь скорее меня, Кирилов и архимандрит Филарет² одна ли персона? Мне это знать весьма нужно³. А для чего, после узнаешь. Писать более некогда. Обнимаю тебя. Пришли экземпляры «Певца», да еще, если есть, рисунок памятника⁴, который ты поставить хочешь. На будущей почте получишь письмо к Голицыной⁵. Смотри же, оправдай меня.

Твой Жуковский

120.

Е. И. Голицыной

<Конец августа — начало сентября 1813 г. Муратово>

Простите меня, что так поздно отвечаю на Ваше лестное письмо; оно получено было в моем отсутствии. Возвратясь, я занемог, и эта продолжительная болезнь была принужденной причиною моего молчания. Я несколько раз перечитывал с отменным удовольствием Ваш манускрипт¹, который позвольте мне сохранить, и приношу Вам благодарность за те приятные минуты, которые доставило мне это чтение. Нынче время патриотизма. Всякий спешит положить

---

^{*} Умоляя вас быть счастливою, насколько это возможно, я защищаю свое собственное дело (*франц.*).

свою дань на алтарь отечества. Вы принесли прекраснейшие чувства души, исполненной благородного пламени. Будет ли принято Ваше предложение или нет — это зависит от вышней власти; но Ваше намерение, изображенное таким прекрасным слогом, останется навсегда памятником Ваших чувств, драгоценным для каждого русского, привязанного к своему отечеству.

Многие мысли в Вашем «Мнении» разительны своею справедливостью. *Nos rêves etc.*^{*2} 1812 год был для нас важен не одними победами; он открыл нам в самих нас такие силы, которых, может быть, прежде мы не подозревали. Всего важнее для народа уважение к самому себе: теперь мы приобрели его. Минутными несчастьями купили мы такое благо, которого никто у нас не отымет. Ужасное потрясение 1812 года вместо того, чтобы нас сразить, только что нас пробудило. Патриоты, имевшие доверенность к своему отечеству, ободрились; и те немногие, которые, пользуясь его благотворениями, были его истинными врагами по своему холодному к нему презрению, потеряли бодрость и должны молчать. Если Провидение допустит совершить начатое дело освобождения Европы, то мы увидим Россию на такой степени величия, на какой никогда она еще не стояла.

Я желал, чтобы Ваша мысль *включить крест в русский герб* была принята государем: этот крест, присоединенный к скипетру, будет напоминанием славнейшего происшествия в нашей истории, и, конечно, такой памятник (как Вы говорите) нетленнее всех триумфальных ворот и всех Аустерлицких мостов, которые могут быть уничтожены временем. Присоединение креста к скипетру означает великую эпоху, эпоху *возрождения* нашей силы, эпоху, с которой, может быть, определено считать нам истинное бытие наше. Он будет эмблемою нашей благодарности Промыслу, который чудесно возвеличил нас бедствием! И, отдавая его нашему орлу — который есть изображение России, — мы некоторым образом ознаменуем свою благодарность, вверив его попечению отечество, и в то же время мы вверим отечество покровительству той верховной силы, которая так разительно в прошедшем году за нас вступилась.

Вероятно, что Вы теперь уже получили какой-нибудь отзыв от государя на Ваше предложение. Сердечно желаю знать, имело ли оно успех. Вы дали мне право принимать живейшее участие в том, что до Вас касается. Заключу письмо мое благодарностью. Ваши похвалы для меня весьма ободрительны; но то самое живое удовольствие, которое они мне сделали, невольно возбудило во мне печальную мысль о сиротстве нашего языка. Нельзя не признаться, чтобы враги, которые произвели внутри нашего отечества такое опустошение, не сильно владычествовали над нами своим языком и своею словесностью. Бедный русский писатель, которому одобрение просвещенных и имеющих нежный вкус судей так дорого, почти не имеет доступа к тем, которым наиболее желал бы

---

* Наши мечты и т. д. (франц.).

нравиться. Именно Ваше любезное письмо произвело во мне это сожаление об участи нашей словесности, изгнанной из лучшего общества. Но вступаясь за русскую поэзию, я должен употребить и язык ее.

121.

А. И. Тургеневу

2 сентября <1813 г. Муратово>

2 сентября

Я получил твои два милые письма, брат и друг, и начал отвечать на них стихами: низкая проза их не стоит. Думаю, что на будущей почте отправлю к тебе мое послание¹. До тех пор довольствуйся молчанием. Теперь пишу для того, чтобы сказать тебе, что я получил письмо Голицыной², и список моих стихов, и экземпляры «Певца». На первое буду отвечать, как случится, прозой или стихами. Список своих стихов пришлю тебе полный для напечатания, только не знаю когда. Надобно прибавить еще несколько баллад, чтобы книжка была пополнее. Баллады мой избранный род поэзии; следовательно их число должно быть по крайней мере 10, ибо и заповедей Божиих такое же число. «Певца» ты прислал ко мне совсем изуродованного, без середины — одно начало и конец. Это похоже на тебя; но из этого следует, что ты должен мне прислать 25 экземпляров полных и переплетенных. С остальными поступай как хочешь. Я хотел было их принести в дар вашему благотворительному обществу³ — но что за дар! смешно! Лучше продать их просто книгопродавцу, если купит и если у тебя достанет заботливости, чтобы взять на себя эту продажу; а деньги пришли мне — вот и всё тут. А мои экземпляры присылай поскорее. Хорошо, когда бы на следующей же почте. Что же касается до денег, то ты можешь и сам сделать из них такое употребление, какое хочешь. Прости, брат. Обнимаю твоих братьев. И стихи на смерть нашего Андрея⁴ будут написаны и посвящены тебе.

Твой Жуковский

2 сентября

Какой день! Я бы желал, чтобы его всегда торжествовали. День славной жертвы за свободу и отечество⁵.

122.

А. Ф. Воейкову

<Сентябрь 1813 г. Муратово>

Коротко да ясно. Брат, я получил твое маленькое письмо из Сарепты¹, и получил его в то самое время, когда писал к Тургеневу послание, касающееся

и до тебя, ибо в нем говорится о прошлом времени, о нашем лучшем времени²: я доставлю его и к тебе, ибо ты имеешь на него такое же право, как и Тургенев. Ты один из действующих лиц той прекрасной комедии, которую мы играли во время оно и которая называется *счастье*³. Многие из актеров сошли со сцены, а для остальных пьеса кончилась, они разделись, устали и просят, чтобы их скорее отпустили по домам. В ответ на твое письмо скажу, что я никуда не располагаюсь ехать и (если что-нибудь неожиданное не пихнет меня к черту) буду всё жить в Болхове⁴. Приезжай. Уверю тебя, что ты не раскаешься в своем путешествии. *Первое*: проживешь несколько времени вместе со мною. Попишем, поговорим о прошлом, поплюем на настоящее и еще теснее сдружимся: что главное. *Второе*: познакомишься с двумя милыми семействами⁵, с которыми время пролетит для тебя скоро. *Третье*: получишь от меня послание в ответ на твое прекрасное и слишком уже для меня обольстительное⁶. Напишу его при тебе и, верно, оттого напишу лучше и отдам тебе из рук в руки. Приезжай в Болхов (Орловской губернии), спроси Александра Алексеевича Плещеева, который готов от всего сердца с тобою познакомиться и редко добрый и милый малый. Он живет близ Болхова⁷ и будет тебе проводником ко мне. Приезжай, ради Бога. Я воображаю, что мы проведем друг с другом самые сладостные минуты. Знаешь ли, что делаю в эту минуту? Перечитываю письма Андрея Ивановича. Как они всё живо напоминают. И какая досада рвет сердце, когда подумаешь, что уже этого воротить нельзя⁸.

Весь твой Жуковский

Мой самый верный адрес: в *Белев*, откуда ко мне пересылает письма сам почтмейстер⁹.

123.

П. А. Вяземскому

<Около 20 сентября 1813 г. Муратово>*

Друг и брат, что же нет от тебя никакого ответа на последнее мое письмо? Я просил тебя в нем постараться об моей отставке, послал к тебе белый лист, написав на нем мое имя, дабы ты, написавши сам прошение, подал его Маркову¹ или сказал бы мне в ответе своем, что этого сделать нельзя заочно; тогда бы я скрепя сердце отправился в Москву. Ты сделаешь мне истинное одолжение, когда избавишь меня от этой поездки. Я уверен, что Свечин² сказал пустое. Нельзя, чтобы я был взят Барклаем³. Он хотел только *запутать*, и, право, не понимаю, что могло побудить его к такому поступку. Ты распутай этот хаос. Может быть, ты не получил моего письма. Я прилагаю при сем еще белый лист с моею подписью; в прошении скажи, что я за болезнью отпущен был из Вильны

Светлейшим⁴, а теперь, когда московское ополчение распущено, желаю наряду с другими иметь отставку. Буду писать к тебе много на одной из следующих почт. А ты отвечай на это письмо подробнее и скорее.

Твой Жуковский

Начинаю важную пиесу⁵ — о чем, узнаешь, когда прочтешь. Теперь собираю свои мелочи в один корпус для издания⁶. Издавать будете в Петербурге ты и Тургенев⁷. Не будь эгоистом; не жалуйся, что я не приехал к тебе в Остафьево; не приписывай этого недостатку дружбы — я люблю тебя как брата; не спрашивай о причинах — но верь моей дружбе без пустых уверений; это еще лучше будет сказано в моем к тебе послании, которое еще не начато.

Поздравляю с прошедшею именинницею⁸. Мой усерд<ный> поклон ей и всем.

На всякий случай посылаю два белых листа с разными подписями — если одна не годится, то другая!!!!!!

124.

П. А. Вяземскому

26 сентября <1813. Муратово>*

26 сентября

Ты удивительный и премилый чудак: даешь мне деньги, которые я от тебя не просил, хлопчешь обо мне как о себе и даже не сердись на меня за то, что к тебе не еду и не говорю, для чего не еду. Благодарю тебя за твою *тысячу*; я не имел необходимой нужды в этих деньгах; но так как тебе, верно, было приятно одолжить меня, и так как меня очень трогает то чувство, которое побудило тебя помочь твоему другу, — то не могу отказать и тебе, и себе в удовольствии принять эти деньги; они послужат мне к уплате некоторых долгов, а тебе возвращены будут, когда я сделаюсь миллионщиком, то есть когда продам манускрипт своих сочинений. Он готовится и будет доставлен к тебе, дабы ты делал из него, что хочешь, и продал его, кому хочешь; это собрание моих творений должно состоять из трех томов: два тома стихов, а третий прозы¹. Всё будет переписано так, как должно быть напечатано. Останется только найти хорошего корректора — это твоя с Тургеневым забота. Мне обещали уговорить *Тончи*² сделать для некоторых пиес виньеты; я написал для него программы; но еще не знаю, согласится ли он. Если ж и согласится, то не знаю, что делать с этими виньетами, — издание будет слишком дорого. Но об этом подумаю тогда, когда всё приготовится для напечатания. Еще многие пиесы, которые назначены для этого издания, не написаны и существуют в одном моем воображении: между

прочим, и послание к тебе, которое может быть прекрасное³. (*Твоего*⁴ теперь не посылаю для того, что еще не придумал, какие где сделать поправки; когда это сделаю, то доставлю тебе на апробацию; ты всё выправишь по моему или по своему плану и возвратишь эту пиесу ко мне. Я не замедлю.)

У меня много прожектов для новых сочинений — если я мало теперь писал, то этому причиною не лень, но обстоятельства. Во всё это время я не имел спокойного духа, нужного для того, чтобы писать с успехом. О причинах расстройки моей не спрашивай: об этом на письме говорить нельзя. Моя судьба довольно странная. Не испытав убийственных несчастий, я всегда лишен был счастья; будучи одарен характером таким, который бы должен был сделать меня счастливым, я в лучшее время жизни не пользовался жизнью и был от обстоятельств по большей части к ней равнодушен. Всё это должно показаться тебе мистическим, но я не намерен об этом писать, да и говорить бы не скоро согласился. Довольно с тебя того, что я мало писал не от лени или недостатка в желании, но от худого расположения духа. Теперь надеюсь быть деятельнее. В голове у меня вертится план журнала. Какой он должен быть, еще не знаю, но только знаю то, что будущий год стану готовить материалы (так, чтобы их было заранее приготовлено по крайней мере на полгода), выдавать будет кто-нибудь из вас в Петербурге или Москве, а мне останется только присылать к вам материалы. Обдумая план, потом к тебе его доставлю. Весьма было бы хорошо выдавать что-нибудь подобное Аддисонову «Спектатору»⁵.

Друг милый, употреби всё старание, чтобы выхлопотать мне отставку. Свечин поступил мерзко: он обманул меня и сделал мне неприятность вместо услуги, которую ему так легко было мне оказать⁶. Эти люди для меня не постижимы. Уехавши из Вильны, я много потерял, ибо мне представлялись величайшие выгоды по службе; но я вошел в эту службу не для выгод, а потому что этого потребовала должность! Теперь почитаю себя избавленным от этой обязанности. Но отставку иметь мне необходимо — то есть *вид* отставки, ибо с полком нашим и служба моя кончилась. Хлопочи, милый друг. Признаюсь: с одним *отпуском* оставаться неприятно. Те, которые не знают моих побудительных причин и меня самого, могут иметь право меня осуждать; а это тяжело! Тебе вверяю, моему милому другу, попечение о том, чтобы избавить меня от такой неприятности.

Не зови меня в Петербург, это дело решенное — я не буду и не хочу служить! Если мне должно будет отсюда уехать, то *тем хуже* для меня. Я буду писать и писать *здесь* — вот всё, что теперь знаю. А тебе в заключение скажу, что час от часу живее чувствую то, что я люблю тебя как доброго брата; я вижу в тебе истинную ко мне привязанность — она меня трогает и моя собственная более и более к тебе усиливается. Скажи мне, зачем едешь в Петербург, долго ли там останешься и какие у тебя планы?

Обнимаю тебя. Читал ли ты в «Сыне Отечества» маленькое послание Батюшкова к Дашкову?⁷ Прекрасно! Прекрасно! Этот Пипинька превосходный поэт! Зачем черт его понес в службу! Оторвут голову? Кто тогда станет за него писать?

Поцелуй за меня своего малютку⁸ и скажи его матери, что я всем сердцем к ней привязан. Николаю Михайл<овичу> и Кат<ерине> Андр<еевне>⁹ мой усердный поклон. Плещеев¹⁰ тебя обнимает. Отвечай скорее.

Твой Жуковский

Скоро надеюсь тебе доставить французский перевод в стихах моей баллады «12 спящих дев». Переводила Mme Moreau¹¹, очень умная женщина, с прекрасным стихотворным дарованием. Она жила несколько времени у нас. Слог очень приятный и живой. Я еще не читал перевода, но он скоро будет ко мне доставлен. Знаю другие ее стихи: в них много хорошего. Она воспитанница Сюара¹²; и в связи с многими хорошими литераторами Франции.

125.

П. А. Вяземскому

<Начало октября 1813 г. Муратово>*

Два последние твои письма получил я в одно время. Обнимаю тебя, бесценный друг, за твое милое *люблю тебя, как душу*; это выражение от тебя меня очень трогает. Так, брат, люби меня. Я чувствую, что наша взаимная дружба должна час от часу быть сильнее; это чувство для меня весьма сладостно, и я люблю ему предаваться. А на мою таинственность не сетуй. Она не означает ни скрытности, ни недоверчивости к тебе. Довольно с тебя быть уверенным, что я твой верный душою и сердцем товарищ в жизни.

Послание к государыне¹ будет доставлено на следующей почте; а ты пришли мне остальные твои стихи. Присланные же все перечитал с отменным удовольствием. Лучше всего понравилось мне твое послание ко мне и баллада². Видишь ли, тебе бы должно более писать, чтобы развернуть совершенно свой талант. На все эти пиесы напишу замечания, но для этого нужно писать к тебе одному — теперь пишу целых шесть писем — нет времени. На следующей почте получишь ты от меня «Певца» с поправками, и вот для чего. Я получил от бывшего книгопродавца Попова прошение сделать новое издание «Певца»³. Он просит также назначить за оное цену. Я хочу прибавить кое-что в тексте и в нотах. Также думаю, что не худо будет поместить в начале и мое послание к государыне. Всё это приготовив, к тебе доставлю, а ты уже делай какое хочешь условие с Поповым и сам назначай цену. Я писал к нему, чтобы он к тебе адресовался⁴. Присылай остальные стихи свои, а с ними и отставку. Надобно

тебе сыскать Караулова⁵, правителя канцелярии Маркова⁶. Он всё дело сделает, а об нем узнай от Офросимова Николая Михайловича⁷, который был в моем полку адъютантом и которого адрес не знаю, спроси об нем в Почтамте у Петра Михайловича Рудина⁸. Хлопочи, брат. Да еще просьба. В Москве продается «Певец» с портретами наших генералов. Если стоит того, купи и пришли. Прости, друг милый. Всем твоим кланяюсь.

Посылаю тебе послание к императрице; к Ивану Ивановичу⁹ доставлю на след<ующей> почте. Не успели переписать, да и сам к нему писать буду.

Твой Жуковский

126.

П. А. Вяземскому

12 октября <1813 г. Муратово>*

12 октября

Посылаю тебе письмо к Северину, которое доставь с своим, и письмо к Дмитриеву, которое не замедли отдать¹. Прочитай мое письмо к Северину; оно касается и до тебя: мысль моя, право, не романическая; она полюбилась мне в ту минуту, в которую я стал ее объяснять на письме. Что ты об ней скажешь? Напиши об этом ко мне поболее; я тебе стану отвечать *обстоятельно*!! Займемся мечтою как делом. Мечта — дело важное, когда она доставляет удовольствие, а в исполнении моего плана я вижу большое удовольствие — ты будешь смеяться! И не мудрено! Идеи, которые приходят в голову человеку, живущему в уединенном углу Болховской степи², должны иногда казаться забавными тому, у кого перед глазами сожженная Москва, и еще более смешными тому, кто едет при посольстве в Гишпанию³. Как бы то ни было, отвечай. «Певца» поправляю и доставлю; а ты узнай от Ивана Ивановича, можно ли напечатать в новом издании эпистолу к государыне⁴. Опять же много писать писем (ибо я всё откладываю, наконец и накопится). Когда будет время, напишу к тебе большое письмо в ответ на твое послание⁵, и критику стихов твоих тебе доставлю, а ты доставь всё, что есть еще у тебя в портфеле, чтобы критиковать всё разом. Кланяйся своим. Желал бы посмотреть, как ты нянчишься с своим малюткой⁶.

Отвечай мне на две вещи: зачем едешь в Петербург и что сделалось с твоим Ванюшей?⁷

127.

П. А. Вяземскому

31 октября <1813. Муратово>*

31 октября

Милый друг и инфант, посылаю тебе переправленного «Певца» с прибавлениями назло Иванову¹ и в угождение тетушкам, бабушкам и кузинам. Не думай, однако ж, чтобы мысль сделать эти прибавления пришла мне от этих кликуш. В самом деле, я виноват, что, говоря о некоторых, не сказал ни слова о других, не менее достойных². Воронцову я вместо двух строк посвятил две строфы: это истинный герой по своей храбрости и по своему прелестному характеру³. Что скажешь о строфе Щербатову? Прилично ли?⁴ Я писал ее с особенным удовольствием. О партизанах также надобно было упомянуть. Они творили и еще теперь творят великие чудеса⁵. Спросись у Ивана Ивановича⁶, можно ли поместить послание к государыне. Не надобно ли чего будет поправить и в предисловии. Всё это оставляю на твою волю, так же как и условие с Поповым⁷ и надзирание за изданием. Прошу тебя послать к Попову и пригласить его к себе. Об нем узнай в типографии университетской: он имеет дом подле тюремного замка, на самом выезде из Москвы. Прошу тебя взять на себя все эти заботы. Благодарю тебя за милые, бесценные письма, которые читаю и смеюсь от всего сердца и другим читаю и других заставляю хохотать. На них будет ответ обстоятельный с обстоятельными замечаниями на твои стихи. Теперь скажу только одно общее замечание: пиши более. Ты обещаешь прекраснейшего стихотворца. Всё это будет доказано как дважды два четыре в моей будущей критике. Теперь пишу мало оттого, что сию минуту едут на почту, которая от нас в 40 верстах, — боюсь опоздать. Я у тебя буду непременно в Остафьево. Не знаю только, можно ли мне разъезжать, не имев отставки. Черт знает, как это досадно! В будущем письме скажу и о своих стихотворных проектах. К тебе готовлю послание⁸; но прежде надобно написать кое-что другое. С посланием в руках приеду и в Остафьево. Но об этом еще напишу. Отложи на всякий случай до весны поездку в Питер, если это можно. Обнимаю тебя, будь здоров, милый инфант.

Что когда б одни влачились
Мы дорогою земной
И нигде на ней не льстились
Повстречать души родной?..
И от странствия, друзья!
Отказался б лучше я!

Что тогда красы творенья
В наших были бы глазах?

На источник наслажденья
Мы смотрели бы в слезах!
И веселья милый глас
Был бы жалобен для нас!

Кто б отрадными устами
Нам: *терпение!* сказал?
Кто б нас братскими руками
Утомленных поддержал?
Кто б в опасный, страшный час
Был покров и щит для нас?

И безрадостно б, уныло
Наша вся дорога шла!..
От чего ж нам жить так мило?
Чем дорога весела?..
О друзья! то сердца глас:
Провожают *Братья* нас!⁹

Это пошли при случае Северину. Песня Братьев для условленного дня воспоминания будет написана¹⁰. Ты не хочешь первого января? Согласен: будь первое мая! Возрождение земли, пусть оно будет эмблемою возобновления дружеских обетов. Пришли мои отрывки из «Вестника»¹¹. Я очень рад, что они не пропали. Обнимаю тебя. Сообщи мою *любовь Вере*. А *надежду*, то есть милого твоего малышку, поцелуй¹². Прости, брат и друг!

128.

П. А. Вяземскому

<Конец ноября — начало декабря 1813. Муратово>*

Отвечаю тебе на твои замечания¹:

Любви и скорби оживить и пр.

Темновато; я и сам это знаю; но ведь понять можно, эти два стиха тут для двух последних, которых мне переменить не хотелось². Для того и теперь не переменяю, ибо уверен, что сделаю хуже. Обыкновенная судьба всех моих поправок. Это мне и вперед уроком: не отставать дотоле от отделки, пока сам не буду совершенно доволен. Мне ничего нельзя оставлять на поправку, всегда испорчу.

И мир *откликнул*: слава

Откликнул хуже, нежели отгрянул³, это правда, но эта поправка показалась мне необходимою для того, что *отгрянул: слава!* употреблено уже мною в переводе Томсонова «Гимна»⁴, где оно более на месте, да и в «Певце» есть уже в другом месте:

Родится жизнь в ея струнах,
И звучно грянут: слава!

Зачем красть у самого себя! Повторяя часто счастливые выражения, делаешь их обыкновенными. Этим стихом пожертвовал я для пользы тех двух. Лучше убить один, нежели три. Итак, оставь *откликнул*, хотя оно и слабее.

Хвала тебе, славян *любовь*.
*врагов*⁵

Гадкая рифма! Я, однако, сам ее не заметил, иначе верно бы не оставил. Не придумаешь ли ты чего — поправь! Отдаю на твою волю! NB. С Коновницыным⁶ у нас не было никакой ссоры; напротив, он предлагал мне войти в гвардию для скорейшего производства — говорил об этом не мне, но Скобелеву⁷, но я, признаться, не хотел закабалить себя в настоящую службу, из которой не скоро бы выбрался, хотя теперь и часто жалею, зачем уехал, — это поступок весьма, весьма неосновательный! Надлежало бы кончить, что начал! Часто бывает досадно на себя и завидно на прочих! Но тут было другое побуждение, которое слишком было сильно и заставило меня сделать глупость. Так и быть. Но ты, видно, забыл хлопотать о моей отставке. Есть ли какой-нибудь след? Возвращаюсь к стихам. Посади на место Остермана⁸ Дохторова⁹, а Строгонова¹⁰ на место Дохторова — на все эти перемены согласен. Только ты не так читаешь стих:

Хвала наш Строгонов! — Хвала
Наш Иловайский ярый¹¹.

Последняя хвала принадлежит Иловайскому.

Вместо *прогремит* ставь смело *пролетит*, это ошибка; и вместо *ясным взором* — с *ясным взором*; но не знаю, почему гадки стихи

*Бросает взглядом и пр.*¹²

В них нет ничего неправильного, если не ошибаюсь. Согласен, что они не могут удостоиться ордена Большого Креста!¹³ но, кажется, совсем не режут ни здравого смысла, ни слуха. Я бы их и рад поправить, но, право, не умею: давно, давно мой стихотворный дух лежит лежмя. Читая твои стихи, возгорается желание приняться за перо, но для того чтобы писать, надобно быть и веселым и спокойным — а я очень далек от этого вожделенного состояния. Вот причина,

для чего и так долго не возвращается к тебе твоя стихотворная тетрадь. Замечаний будет немного, весьма немного — но весьма много замечу под титлом *прекрасно!* Уверяю тебя, что ты имеешь большой дар и что твой истинный род *послания*: ты имеешь много *мыслей*, выражаешь их просто, но стихотворно; ты мыслишь в стихах; нет принуждения, нет усилия; твои стихи принадлежат к роду таких, которые всегда весело *перечитывать*, а этот род самый лучший.

Из маленьких пиес послания к Межакову и к Батюшкову¹⁴ могут быть в своем роде образцами. Одного только боюсь: не перестань писать, уехав в Петербург; но об этом поговорю в моих примечаниях; а ты проси за меня Аполлона, чтобы дал мне тишины душевной, тогда и стихи польются. Ты, Батюшков и я составим триумвират стихотворный и триумвират друзей.

Эта мысль меня пленяет. Всё, что напишешь, доставляй ко мне. Я буду вести верный протокол и красотам, и ошибкам. То же будешь для меня и ты. Я готовлю полное собрание моих стихов, которое сперва пойдет к тебе на цензуру, потом ты же и продашь и напечатаешь. Надобно только еще многие пиесы прибавить. План их есть, но меня самого еще для них нет, и буду ли когда, не знаю.

NB. Литеры Ж и Д вымарай¹⁵. Но всё еще спросись с Ив<аном> Иван<овичем>, как он посоветует, печатать ли или нет? Для меня всё равно! Я не сам это вздумал, а ко мне писал Попов¹⁶. За деньгами же я не гонюсь.

Карандаш мой — пришли.

À propos*. Что за Межаков? Твои стихи сделали его для меня интересным.

129.

П. А. Вяземскому

<Начало декабря 1813 г. Муратово>*

Брат, сделай мне два одолжения: первое — прикажи сшить на свою мерку пару платья, фрак и панталоны, какого цвета хочешь, лучше бы синие; и еще сюртук. Да купи (и прошу тебя, без всякого замедления) по прилагаемому образцу бумажки четырех разных цветов, каждого цвета 12 листиков; да другого маленького формата, также столько же цветов и по столько же листов. Что всё это будет стоить, уведошь непременно и не думай меня дарить (иначе не буду тебе никаких поручать комиссий). Только прошу тебя, пришли бумагу поскорее. Меня весьма просили, и ты очень обяжешь.

На будущей почте буду отвечать на твой запрос о Пантеоне иностр<анной> словесности¹. Очень бы много ты одолжил меня, если бы исполнил еще следующее важное поручение. Недели две тому, как посланы из Орла в Опекунский совет деньги — последняя сумма в уплату долга на заклад душ Орловской гу-

---

* Кстати (франц.).

бернии села Мелехова, принадлежащих Екатерине Афанасьевне Протасовой. Сумма 4 200; число заложенных душ 60, а заложено имение 1806 августа 23 дня. Нужно, чтобы из Опекунского совета в Орловскую гражданскую палату было послано разрешение, без которого нельзя будет совершить на эту деревню купчую. Потрудись, друг, выхлопотать, чтобы это разрешение было поскорее послано. Тут нужно только заглянуть в Воспитательный дом² да заплатить несколько рублей, чтобы написали да отправили по почте. Это тебе не трудно будет сделать, а нас избавит от большого затруднения. Да бумагу присылай поскорее. Не худо, если бы ты купил и белой по приложенным образцам — каждого цвета тетрадок по десяти. Это уже для меня.

Твои стихи у меня здесь списывают без памяти. Прошу не зазнаваться.

130.

А. Н. Арбеновой

15 декабря <1813 г. Муратово>

15 декабря

Не могу изъяснить Вам, мой милый и истинный друг, как мне жаль, что я бедная, безденежная тварь; каким бы было для меня наслаждением отдать Вам последнюю копейку. Для чего черти нынче не то, что были в старину; я заложил бы первому черту, по примеру моего приятеля Громобоя¹, душу, взял бы у него неистощимый кошелек и посыпал бы из него червонцами во имя Ваше до тех пор, пока бы Вы не закричали: стой, довольно! И уверен, что причина, для которой погубил бы душу, была бы спасением; кто жертвует собою для дружбы, тому никогда райская дверь закрыта не будет. Шутки в сторону. Вот Вам положение дел моих *in naturalibus**. Капиталу у меня верного всего на всё есть 2 500, и они отданы. Есть у меня еще деревнишка²; я ее продаю и должен получить за нее 12 000. Для чего продаю, спросите Вы. Вот для чего. Тетушка Екатерина Афанасьевна продала деревню свою Мелехово за 33 500, из коих 1 000 уже употреблена на уплату казенного долга; следовательно, ей остается 32 500; в то же время купила она другую деревню за 50 000; прибавьте к этому 1 000 на пошленные расходы, на купчую, выйдет 51 000. Вот на ней долгу 8 500; да еще собственного долгу имеет она 9 000, всего 17 500. Это побудило меня разделиться с своею деревнею и отдать ей свои 12 000 — почему, видите, милая, что из этой суммы не могу Вам дать ничего. Мне быть должным для нее не тяжело; напротив, всякому другому долг был бы для нее отяготителен. В иные минуты ничего бы так не желал, как всемогущества (безделица!). Но из него сделал бы

---

* В действительности (лат.).

прекрасное употребление — я употребил бы его на счастье моих друзей. И как бы Вы были счастливы тогда! Говорю это от полноты сердца и признаюсь с горем, воображая, как я беден и как ничтожны одни желания. А люблю Вас более, нежели когда-нибудь, люблю, как сестру, которой мое счастье дорого, и, думая об Вас, всегда сердце у меня разгорячается. Еще о многом надобно мне говорить с Вами; я намерен Вам открыть свою душу и, может быть, Вам назначено иметь величайшее влияние на судьбу целой моей жизни³. Теперь скажу только одно, что я, при возможности пользоваться истинными благами жизни, чувствую одну только тяготу жизни, что большая часть ее проходит для меня в желании ее прекращения; всё бы могло для меня перемениться, и ничто не меняется. Всё это для Вас загадка или, может быть, полузагадка. Погодите, милый друг, милая сестра; я с Вами объясняться теперь еще не могу, но скоро получите от меня предлинное письмо. Уверен только в том, что в Вашем сердце найду сильнейшего моего заступника. Ваше сердце богато истинною чувствительностью и выше всех ничтожных предубеждений, разрушителей всякой чувствительности. *En attendant**, любите меня. *Об наших* скажу, что они теперь все здоровы. Не пишут к Вам потому, что теперь нет времени. Мы говорим об Вас часто, и тот, кто говорит, у того сверкают глаза и рад бы прижать к сердцу тех, кто его слушает и понимает. Но прошу Вас, милая, в Ваших письмах к ним не упоминать об моем и не говорить ни слова ни об каких объяснениях. То, что теперь я к Вам писал, принадлежит Вам одним. У меня еще сидит в голове и стихотворное к Вам послание⁴. Но стихи пишутся тогда только, когда на душе ясно. А на моей душе часто и очень часто сумерки. Перецелуйте за меня детей. А вихря-атамана дважды⁵.

1814

131.

П. А. Вяземскому

6 января 1814 г. <Муратово>^{*}

6 Января 1814

Обнимаю тебя, милый друг, и поздравляю с Новым годом. Вместо подарка на новый год посылаю тебе несколько моих стихов, а с моими вместе и твои. Из моих «Послание к императрице» (с маленьким к нему примечанием, которое сделай сам). Балладу «Ивиковы журавли», «Эпимесида» и «К самому себе»

---

* Пока, в ожидании (франц.).

отдай в «Вестник»¹; послание же к Тургеневу² посылается к тебе на апробацию, оставь его в своем портфеле; оно будет напечатано в собрании моих творений, которое всё еще не переписано; зато как скоро будет готово, то и отправится к тебе, моему милому, доброму Аристарху на суд беспристрастный.

Передо мною лежит множество твоих писем, на которые не сделано еще ответа. Начну их перечитывать и отвечать по порядку на каждое. Между тем Воейков, сидящий подле меня, перечитывает все твои стихи и к моим на них замечаниям прибавит собственные... Воейков? Какой Воейков? Как он очутился у меня!³ Да! Приехал нарочно на свидание с братом по Фебу. Живет в моей горнице. Мы перечитываем с ним его перевод «Садов» и начало его перевода Virгилиевых «Георгик»⁴. Читаем вместе твои стихи и вместе восклицаем: браво, браво, Вяземский! истинное дарование! Спаси Господи его от петербургского рассеяния! Пошли ему Творец усердия, чтобы писал больше и больше, ибо он будет один из лучших наших поэтов и в некоторых частях образцом и пр. и пр.

Воейков остается у меня до 17 сего месяца. Он приехал звать меня путешествовать с ним вместе будущую весною по Тавриде⁵; но... я не поеду. Он принял этот удар с смиренною покорностью. А ты, друг, бранишься на меня за мой неприезд и даже от этого краснеешь. Бранись сколько хочешь, но не красней и не добивайся до *причины*, которая меня здесь останавливает, а знай, что я, при всей своей неподвижности и лености писать в определенное время письма, привязан к тебе, как к брату по душе, и что у меня всегда сердце запрыгает, когда подумаю о твоей братской ко мне привязанности. На три твои послания будет у меня сделан ответ, и скоро. Стихи на смерть Кутузова приготовлены будут к тому числу, когда исполнится год его смерти⁶. Я обязан этою данью его памяти; я должен воспеть его не только как благотворителя отечества, но также как и моего собственного благотворителя. Но теперь дело не о том. Вот блистательная мысль, которая озарила в сию минуту мою голову и голову Воейкова, следовательно две из лучших голов в мире: что если бы Вяземский, тотчас по получении этого письма, воскликнул: Демид⁷, скорей уложи что надобно в чемодан и лошадей! Еду в Белев; спрашиваю в Белеве у почтмейстера, где село Мишенское, останавливаюсь в нем на минуту, беру проводника и прямо еду в село Муратово к Жуковскому, у которого пробуду до дня рождения, то есть до 29-го января!

Как думаешь об этом! Способен ли ты это воскликнуть и исполнить, а следствием этого было бы то, что я, глядя на тебя, написал бы к тебе послание, так, как теперь готовлюсь писать к Воейкову⁸; вместе поправили бы и твои, и мои стихи и прочее. Остается на твое размышление. Но исполнением этого плана оживишь и обрадуешь мою душу.

Боже мой! одиннадцать часов, а до почты 12 верст; а почта отходит в 3-м часу. Непременно должно бросить перо и опять отложить подробный от-

вет на твои письма до... Если это письмо опоздает, то ты получишь его днями пятью позже, следовательно не приедешь ко мне вовремя (если поедешь) и не застанешь у меня Воейкова.

Прости друг. Свою Веру, своего малютку, Никол<ая> Мих<айловича> и Екат<ерину> Андр<еевну>⁹ поздравь от меня с праздником, то есть с новым годом, если только новый год можно назвать праздником.

Стихи мои отошли к Измайлову¹⁰.

Карандаш, бумагу и платье получил¹¹. Сколько всего на всё я тебе должен?

132.

А. И. Тургеневу

31 января <1814 г. Муратово>

Прошу тебя, любезнейший друг, сделать мне большое одолжение. В Тамбове есть пленный François, adjudant major au 4-ème de ligne^{*1}; в Болхове есть родной его дядя, может быть, знакомый и тебе, Осип Петрович Букильон², живущий у Александра Алексеевича Плещеева, которого ты, вероятно, знаешь. Этот Франсуа был бы весьма счастлив, когда бы мог быть вместе с своим родным. Постарайся сделать, чтобы его переслали из Тамбовской губернии в Орловскую, для пребывания в Болхове. Этим обяжешь меня, ибо я желаю оказать какую-нибудь услугу Плещеевым³, потому что их дружба заботится обо мне, как об них самих. Об *нашем обо всем*⁴ узнаешь от Воейкова⁵, который, вероятно, с тобою увидится. Прости. Éloge de Moreau^{**6}, Miller⁷ etc.

Что скажешь о моем новом послании?⁸

Жуковский

Отвечай мне поскорее на это письмо⁹.

31 января

133.

П. А. Вяземскому

<Начало февраля 1814 г. Муратово>*

Одно меня чрезвычайно тронуло в твоём сумасшедшем письме: то, что ты меня обвиняешь в убиении твоего стихотворного дара, — это обвинение падает прямо на сердце, и меня, право, в жар бросило, когда это прочитал в твоём письме. Если бы ты мог видеть, с какою радостью читаю сам и потом по не-

---

* Франсуа, адъютант-майор 4 линейного полка (франц.).

** Похвальное слово Моро (франц.).

сколько раз перечитываю окружающим меня твои стихи, тогда бы ты не сказал, что я хочу убивать твой гений. Его нельзя убить. Он слишком живущ, и такой оригинал, каких у нас немного. Причина краткости моего письма была надежда, что ты сам приедешь ко мне, надежда, за которую уцепилась моя лень писать письма. Я хотел написать большое письмо, и точно такое, какого ты желал, хотел сказать в нем вообще о твоих стихах (сделав частные замечания на маржах*), о роде стихов, более тебе приличном, о твоём слоге, о его погрешностях — и последняя сия статья была бы очень недолга, может быть, ее бы и совсем не было — всего этого лишила тебя моя надежда увидеться с тобою. Ты узнал бы от меня самого и от Воейкова¹, что думаю о твоих стихах, узнал бы, что я ничего так не желаю тебе, как плодovitости и желания писать беспрестанно. Вместо тебя самого получаю от тебя письмо, и такое, какого не мог никак от тебя ожидать, обидное и даже глупое. Мне чрезвычайно больно, что я, который восхищаюсь твоим талантом, мог на минуту его охолодить. Это жестоко меня огорчило. Остальное же в твоём письме есть не иное что, как сумасшествие, досадное и обидное, — удивляюсь, как мог ты отправить на почту такое письмо, как мог ты позабыть, что между мною и тобою 300 верст, что огорчение, сделанное в одну минуту и по первому движению, может остаться на несколько недель и не быть заглаженным; удивляюсь твоему самолюбию, которое так глупо вступается за всякое выражение, сбежавшее с твоего пера: я совсем иначе принимаю твою критику, даже и такую, на которую не совсем можно согласиться. Тот стих или то выражение, которых ты не одобрил, становятся для меня *подозрительны*, и я всегда склоннее их поправить, нежели оставить по-старому, если же не поправлю, то по крайней мере остаюсь с мнением, что в них есть что-нибудь недоброе, когда человек со вкусом не одобряет их. Ты же, напротив, осыпашь меня глупыми сарказмами как жалкий пачкун, которому всяко слово, написанное его пером, дорого и кажется неприкосновенным. Этот опыт есть для меня первый и последний. Отныне ты не дождешься от меня ни одного замечания. Буду хвалить твои стихи, ибо их нельзя не хвалить — всё, что ты ни напишешь, и оригинально, и замысловато, и стихотворно. В этом мнении, кажется, нет ничего убийственного для твоего дарования. Но никогда не осмелюсь сделать замечания об ошибках: ты опять с высоты совершенства своего скажешь мне, что я дурак, Болховский страмец, выходец из дома сумасшедших. Признаюсь, не понимаю, как можно согласить с дружбою и уважением, на которые имею от тебя право, такой грубый и оскорбительный тон. Послание твое к Мерзлякову и Кокошкину прелестно — возвращаю его; стихи к подушке...² Но об этом ни слова: я буду говорить только с тобою о тех стихах, которые мне нравятся. Возвращаю тебе и подушку. В за-

---

* От франц. *marge* — «край, поле (книги, тетради)».

ключение скажу, что ты ошибся в различии тех знаков, которые я сделал на твоих стихах, — стихи подчеркнутые показались мне требующими поправки; всё то, напротив, что подчеркнуто сзади, то нравится мне чрезвычайно — может быть, я не объяснил этого в письме; виноват — забыл; всё надеялся объяснить на словах. Несмотря на твои сарказмы, стихи, которые ты защищаешь, всё остаются для меня недостойными твоей Музы — это замечание последнее и, право, только в оправдание моего болховского³ ничтожества. Если на маленькую песню «Красны девицы» сделано более замечаний, нежели на послание к Батюшкову⁴, то причина очевидная: в этой крошке более уродства, нежели в том великане, — а я хотел заметить всё без изъятия. Но полно. На все твои оправдания я мог бы отвечать убедительным образом; но не хочу, не хочу и никогда хотеть не буду! Оставайся при своих стихах, если ты так к ним привязан, только избавь меня от сарказмов. Другое письмо такого рода будет тебе возвращено без ответа, а следующего за ним и не распечатаю. Ты оскорбил меня своею мыслью, что я хотел тебя охолодить, — этого я не стою и долго тебе не прощу. И не скоро ты теперь дождешься от меня послания.

Прошу позаботиться о Моро и его жене⁵. Я рекомендую их как добрых и умных людей. Их положение несчастное и в них будешь покровительствовать людям, которых люблю искренно и которые много ко мне привязаны. Мне Moreau необыкновенная женщина. Очень жаль, что тебе не нужно иметь у своего сына никого: ей бы весьма можно верить его первоначальное воспитание. А для тебя и твоей жены была бы она приятнейшею беседою. Она умна; автор и музыкант и обращения самого любезного.

Вот стих, выпущенный из «Эпимесида»:

Врага в прошедшем видит он;
Влачить забот и скуки время
Он в настоящем осужден;
А счастье будущего сон и пр.⁶

À propos!^{*} Не срами себя невежеством: Ивик точно существовал, и история журавлей есть старинное греческое предание⁷. У тебя в голове одни французы, потому-то и величественный гекзаметр, перед которым ямб есть дохлая проза, кажется тебе слабым и вялым.

Я написал большое послание к Воейкову, но ты не прежде будешь его читать, как по напечатании в «Вестнике»⁸.

---

^{*} Кстати (франц.).

134.

П. А. Вяземскому

<Начало февраля 1814 г. Муратово>*

Друг и брат! на письмо твое отвечал я сгоряча. Оно показалось мне совсем не таким, каким теперь кажется, то есть не шуточным и забавным, а только что сердитым. Я виноватее, нежели ты. Но начало его, право, не шутка. Делать меня убийцей твоей Музы, тогда когда я ее обожатель, совсем не сварительная вещь, и это мне было больно. Я опять тебе сказываю, что мое письмо сократила надежда тебя увидеть. Теперь пишу только для того, чтобы сказать тебе, что мы ведь и не ссорились. Я писал много писем, устал, и поэтому прощай; на будущей почте поговорим о Карамзине, Муравьеве¹ и о прочих конфектах.

Твой Жуковский

Ко мне пишет Каченовский, что книгопродавец Ширяев² предлагает мне выдавать какой-то журнал «Народный вестник», по какому-то плану Пнина³. Что это за план? и чего им хочется? Как ты думаешь! Порасклей эту мысль журналоиздательства. Не худо бы нам затеять что-нибудь вместе. Что ты написал нового? А я сделал послание к Воейкову, которое на следующей почте получишь для себя и потом для помещения в «Вестник». Пришли мне копию с твоих стихов. Моя готова почти и будет тебе доставлена. А сколько бишь я тебе должен за все конфекты?

135.

П. А. Вяземскому

<Начало февраля 1814 г. Муратово>*

Брат Вяземский, вот тебе вместо письма стихи¹.

Голова болит, и перо валится из рук. Люби и присылай более стихов. Неужли в самом деле я палач твоей Музы. Да бишь, вот и препоручение. Купи мне экземпляр «Собрания русских стихотворений» в переплете². Очень одолжишь. Да пришли мне список своих старых стихов, то есть тех, которые я уже имел. Здесь есть на них охотники. Между прочим, я *обещал* графине Чернышовой³ их доставить. Ради Бога, пиши, иначе я пропаду от горя. Такого убийства не было примера. Я много буду писать тебе на твое глупое письмо. Свинтус! Как можно такую бесовщину на меня взвалить. Не забывай думать о Моро⁴. Очень много этим меня обяжешь. Приложенного послания не отдавай в печать⁵.

136.

А. Ф. Воейкову

13 февраля <1814 г. Муратово>

Пятница. Февр<аля> 13

Я белой книги не страшуся¹

Вчера получил твое письмо из Мценска² и жалел, читая его, что ты, мой милый изгнанник на время из мира ангелов³ (но получивший из оногo подорожную⁴ в мир человекoв с надписью *обратно*), коптишься на постоялом дворе вместо того, чтобы пить чай в зеленом кабинете из рук Александрины⁵, слушаешь явную ложь из пасти Ржевского⁶ вместо того, чтобы видеть скрытую истину на милом лице кошачьего брадобрея⁷. Мой припев: приезжай, приезжай; наши дела идут сильно к развязке. Сатана, на которого я в прошедшем письме жаловался⁸, был, напротив, так сказать, ангел; ничто не испорчено — хотя и могло бы испортиться, — струны только более натянуты; или они лопнут, или будет совершенная гармония. При всей своей трусости верю более последнему. Друг милый, твое возвращение ускорено должно быть целым месяцем. Арбенева будет в конце февраля в Москву и в начале марта в Муратово⁹: ты сам должен чувствовать, что твое присутствие тогда будет необходимо. Я уверен, что по приезде Арбеновой тотчас последует и объяснение. *Она одна* совсем не то, что *она и ты*. Одною батареєю будет менее. Я завтра еду в Орел, а послезавтра к Ив<ану> Владимировичу¹⁰. Надобно его приготовить, дабы можно было его употребить наверное в пору и вовремя.

Твои дела идут хорошо; говорят об тебе как о *своем*; списывают твои стихи в несколько рук; за обедом поят кошку цимлянским вином и увещевают ее пить за здоровье *черного негра*¹¹. А я уверяю, что все кошки от Муратова до Саратова будут тобою обстрижены и что ты привезешь к нам с собою большой пук кошачьих усoв

В святой залог воспоминанья
И в верный знак, что в жизни сей
Малейшие души твоей
Свершаются желанья¹².

Было слово и об Иване Владимировиче. Он здесь более силен, нежели как я думал. Это открылось мне вчера. Он крестный отец Ваночки Киреевского, а Екатерина Афан<асьевна> его кума. Но он сам об этом не знает, и его только имя упоминалось при крещении¹³. Киреевский, чудак, который всегда верил приметам, хотел иметь крестным отцом своего сына истинного христианина.

И они вместе с Екатерин<ою> Афан<асьевною> выбрали Иван<а> Владимировича, но его об этом не уведомяли. После этого как сильно будет его покровительство. О! надежда меня делает счастливым. Брат, подумай, что если устроится наша Аркадия?¹⁴ Вообрази это себе как можно живее, и пускай сердце твое оболется радостью. Я вчера с восхищением смотрел на ясное, светлое небо, и благодарность к *Создателю этого неба и надежды* наполняла мою душу. Я говорил Отцу, который скрывался за этим светлым небом: «Ты готовишь мне счастье, тебя достойное, и я клянусь сохранить его как залог милости, и не унизиться, чтобы не потерять на него право»¹⁵. В эту минуту жизнь и земля совсем казались мне иными. И я не мог усидеть в кибитке (я ехал в Чернь)¹⁶; надобно было выйти и подышать на свободе. Как бы мы жили вместе: согласие во всем, одинакие занятия и стремления к одному не по пустой скучной дороге, но вместе с верными товарищами, которых цель не особенная, но общая, и которые не могли бы желать дойти к этой цели одни. И всё это возможно — возможно потому, что мы созданы быть добрыми и знаем то, что достойно искать в жизни. Знаем, что это достойное вблизи нас и в нас самих. Брат, и то еще меня успокаивает — такое счастье было бы неверно, когда бы оно досталось легко. Но оно будет куплено дорогою ценою, и прошедшее порука за будущее. Я готов даже благодарить Создателя и за несчастье, и, верно, теперь настоящее огорчение не будет для меня так горько, как было. Я буду в нем видеть одну только надбавку цены: тем прочнее покупка, чем выше цена. Лишь бы сохранить надежду! И знаешь ли, что наиболее меня радует в будущем. Я самого себя вижу лучшим: я сам для себя теперь только надежда. Мне кажется, что тот я, который должен еще жить на сем свете, вдали, и что я иду за ним; и что он уже мне показывается на дороге, и что я уже подымаю руку, дабы отдать ему свою жизнь и потом, сказав: «Наслаждайся», исчезнуть, уступив ему свою дорогу. Самая неопытность кажется для меня теперь счастьем. Я теперь как Бюффов человек, одаренный всем совершенством жизни и вдруг пробуждающийся: так, как для него открылась вдруг вся вселенная со всеми ее красотами¹⁷, так и я должен буду получить вдруг *все* радости: семейственные, дружба, деятельность, самая религия, всё для меня еще надежда. Сон начинает меня покидать, я готов открыть глаза, чувствую *сквозь сон* всю прелесть того, что увижу... Молись же судьбе, чтобы вдруг меня не ослепило. Это значит: приезжай; и в белой книге наполнятся страницы. О, как мы опять будем торжествовать, ты, я и мой Негр (*наш* Негр¹⁸, который *плачет* от радости при каждой *моей* надежде) <в> ту минуту, в которую подам тебе *дописанного* «Владимира». Как бы ни учрежден был этот праздник, но к вечеру накануне этого дня мы должны трое, без штанов, на полу, пить рейнвейн в кабинете Негра и кричать: Э! взяла, белая книга! Прости. Обнимаю тебя.

Ж.

Посылаю тебе письмо Каченовского¹⁹; поразжуй на досуге предложение Ширяева. Нам со временем нельзя будет обойтись без издания журнала. Надобно будет приняться без всяких шуток за ковку денег.

Положись на тебя; ты совсем забыл о Моро²⁰. Вот об нем записка: толстый, добрый, с хорошими сведениями и правилами француз Моро, учащий языку франц<узскому>, географии, истории и особенно математике, и жена его, знающая немецк<ий>, франц<узский> и итальянский языки, большая музыкантша, мастерица петь, да к тому же и литератор. Если нельзя поместить обоих, то одну жену, ибо муж имеет уже место.

Та же пятница, к вечеру

Хотел печатать это письмо²¹ — глядь на стол, вижу пакет. Что же? от тебя²². И откуда? из Москвы. И ты пишешь, что надеешься найти кипу писем от меня у Тургенева; а я и не вообразал, чтобы ты был на дороге из Москвы в Петербург. Одно мое письмо — правда, маленькое — будет очень смиренно ожидать тебя в смиренном Балашове²³. И это за ним последовало бы туда же, если бы твое письмо нечаянно не попало мне прежде в руки. Ветренный осел! Я тебя, право, не постигаю. Ты точно из ослиного упрямства лезешь на профессорскую кафедру. Ради Бога, скажи мне, на что может быть тебе нужно теперь твое профессорство. Ты не хотел бросать надежды на него единственно для того, что другая твоя надежда казалась тебе неверною — но она теперь верна, а ты скачешь Бог знает куда и Бог знает за чем. Признаюсь, я думал, что в Рязань отзывали тебя нужные дела и не противоречил; но если бы мог вообразить, что ты едешь в Москву и в Петербург единственно для профессорства, то не пустил бы тебя и не стал бы дожидаться почты, чтобы сказать тебе, что ты ветер и... осел. От профессорства же ты должен отказаться, совсем отказаться. Другого и думать нечего. Я думал, что ты, переделав свои рязанские дела, воротись в Муратово и потом, вместо того чтобы ехать за профессорством, — останешься в Муратове. Нет! ты скачешь в Петербург. И еще надеешься иметь от меня в Петербурге письма, думая, что я об этом знаю, что и в моей голове твои планы так же меняются, как в твоей. Право, никак не понимаю, чего тебе хочется. Сделавшись профессором, надобно *быть* профессором, и быть им не неделю, а целый год по крайней мере, дабы после иметь неизреченное счастье быть отставным надворным советником!²⁴ А время? А жизнь-изменница? Всё к черту! Сделай милость, желай решительно и желай *одного*, и будь немного попонятнее — ты для меня загадка. В одном письме говоришь дело, в другом дичь, в одном желаешь *берега*, в другом *открытого моря*; но так и быть! По крайней мере, пиши обстоятельнее! Замечу тебе одно: на *небе* очень хмурятся на твой Дерпт и говорят: или Дерпт, или Муратово. Да я и сам то же говорю, перенося самого себя на твое место. Вот всё.

137.

А. Ф. Воейкову

20 февраля <1814 г. Муратово>

20-е февраля

15-го числа отправился я к Ивану Владимировичу. Он пробудет еще здесь до конца мая. Это расположение для нас всех прекрасное. Вероятно, что он и для тебя пригодится. Я пробыл у него двое суток и 17<-го> после обеда от него поехал. Он *наш* и готов нам содействовать. Я уверен, что его слово будет иметь наибольшее влияние. Он здесь в силе более, нежели я себе то воображал. Но если бы и ты был здесь, то всё шло бы гораздо лучше. На письме не стану рассказывать того, что случилось. Одно только то скажу, что дело приближается к развязке. Без тебя большой шаг к ней сделан. Всему бы надлежало испортиться, но не испортилось ничто, и едва ли не сделалось лучше, хотя были и жесткие минуты. Ив<ан> Вл<адимирович> смотрит на эти обстоятельства как просвещенный христианин и не видит препятствия. Как сладостна для меня мысль ему быть обязанным своим счастьем. Мой благодетель и друг И<вана> Петровича Тургенева будет моим отцом — настоящим отцом, не случайным, но выбранным по душе и утвержденным благодарностью. Всё это меня к нему приблизило, и я намерен более утвердить мою с ним связь. Оставляя всё то, в чем его обвиняют, буду видеть в нем человека необыкновенного по доброте души, необыкновенного по твердости характера в государственном деле¹. Всё то, что могут в нем опорочивать, объясняется мягкостью характера, может быть, беспечностью, нерадением о *собственном*²; но душа в нем прекрасная, источник его дел чистый; он может быть в затмении для тех, которые судят об нем издали, предубежденные стечением обвиняющих обстоятельств; но тот, кто к нему близок, кто видит в нем морального человека, тот не должен повторять подобострастно мнения других; *мы все* должны в нем видеть доброго, нежного, исполненного высоких чувств человека — на остальное пускай благодарность и любовь накроют покров! По крайней мере для меня нужно теперь видеть его только с этой стороны. Я уверен, что тесное, искреннее с ним сообщество, даже при несогласии в понятиях³, будет для нас благотворительно. Прочитав его записки, скажешь: *вот человек, который старается восстановить себя во мнении людей*; но в то же время как не скажешь: *вот человек, каких мало!*⁴ По обыкновению своему был он довольно говорлив, много рассказывал мне любопытных вещей; жалел, что ты его не посетил; я извинял тебя необходимостью и сказал, что ты для того не поехал *теперь*, что надеялся скоро возвратиться, и тогда к первому к нему. (Дал ему почувствовать, что возвратишься за делом важным.) Он тебя очень любит⁵. Прощаясь с ним, я просил, чтобы он дал мне

благословение. Теперь жду тебя с Арбеневою⁶. Вы здесь крайне нужны. Стараясь как можно не иметь до тех пор объяснения. *Один* я бессилен, хотя уже заметно, что мысли в той голове, которая должна решить нашу участь, в большом брожении. Это предвещает кризис, и мне самому верится, что этот кризис возвратит нам всем здоровье.

Теперь ответ на твои два последние письма: одно из Рязани от 5-го числа, полученное после первого московского, другое из Москвы от 12—13⁷. Прежде маленькое NB: ты ничего не пишешь о племяннике Букильона⁸, что ты сделал с вверенными тебе деньгами — по крайней мере, не забудь похлопотать об нем в Петербурге, то есть о перемещении его в Орел; а нас уведомя о пересылке денег. Также и о Фриофе⁹ постарайся. Эти оба письма получены 18 февраля в день моего возвращения. Мы все сидели в гостинной. Доктор с нами. Загадывали друг другу загадки. Я выставил № и число получения на письмах (единственная моя должность и единственный признак моего на них права: они же сами отдаются Е<катерине> Афанасьевне); потом начал читать их вслух. О двух предпоследних скажу, что они здесь всех тронули, и Маша благодарит тебя (как мать) за чашку. Она переписывает все твои стихи для Е<катерины> Афан<асьевны>. А Саша по ее просьбе нарисовала твой портрет с Фриофова для помещения в фронтисписе¹⁰. Счастливцев! Другому бы я стал завидовать. Но ты поддевический¹¹ — а наше счастье общее. Худо бы ты меня знал, когда бы мог подумать, чтобы твое не было мне утешением даже и при уничтожении *моего*. (Но мы будем счастливы; по крайней мере, во всяком случае, постараюсь не быть несчастным.) Впрочем, теперь в моих мыслях чувствительная перемена: вера к Провидению и надежда на него сделалась для меня необходимостью. Возможность иметь то счастье, которое единственно меня удовлетворит в этой жизни, располагает душу и к вере. Я вижу в ней большое наслаждение. Сердце бьется, когда подумаю о той жизни, которую *мы* можем еще вести в этом свете: жизнь, обращенная на внутреннее наслаждение собою, наслаждение верное, для других невидимое, но тем более драгоценное. Брат, несмотря на твое буйное прошедшее, я уверен, что ты способен чувствовать цену такой жизни. А для нас двух, взаимно помогающих друг другу в достижении прямого счастья, такая жизнь будет легка. И желать ее совсем не есть мечта воображения. Благодарю судьбу, что она привела меня к этой цели дорогою печали: она должна быть довольна испытанием и, верно, в будущем приготовила мне удовлетворительную замену. Но перо увело меня от моего предмета. Я хотел было затопать ногами, прочитав в твоём письме: *скачу в Петербург*¹²; но твои слова: *увиджусь с Тургеневым* удержали на воздухе правую мою ногу, она тихо опустилась, а левая и не подумала пошевелиться. Я даже позавидовал. Обними его за *двух*, скажи ему всё, что дружба внушит твоему сердцу, скажи ему, что он мой брат, что я чту память его отца как святыню и что он почти замена для меня Андрея. Это *почти*

не может быть для него оскорбительно. Об Дерпте *подумай* — и только. Здесь *все* против Дерпта и ждут *тебя*, а не надворного советника¹³; желают, чтобы ты думал об *одном* решительно, а не колебался, как ты делаешь. Профессорство для тебя теперь не нужно. Колтовская <?>¹⁴ другое дело — бери с нее деньги в час добрый! Но с деньгами к нам, а не в Дерпт! (Здесь маленькое NB: будь осторожнее в некоторых выражениях, не говори, например, что ты хочешь в случае неудачи ускакать на тот свет на пуле и тому подобное. Здесь это и в шутку дерет ухо. Скажу еще: в твоих письмах ни слова обо мне. Эта материя до свидания. Тургеневу скажи обо всем, но чтобы это *всё* осталось у него в душе; к делу не приступать без моего побуждения.)¹⁵

Ответ на второе письмо. 1 пункт, здоровье. У Ек<атерины> Аф<анасьевны> была дважды без тебя сильная мигрень с своею жестокою спутницею рвотою. За последнюю можно поблагодарить, кажется, первую неделю поста¹⁶, которая *comme de raison** снабжала желудок ее грибами, пустыми щами, капустою и тому подобным; эта *неделя*, по несчастью, выговоренная — но порадуйся: она постничала не всю неделю. Слава тебе! Саша была во всё время здорова. Маша здорова, но слаба (следствие не физического, но морального расстройства). Видишь ли, как ты здесь нужен и как не нужно профессорство. 2 пункт и прочие. Плещеевы были у нас один только раз, а мы у них ни разу, и не думаю, чтобы скоро собрались. Из этого *мы* исключая *я*. Шахматы отложены до свидания¹⁷, и в них играть не *хотят*. На учтивость Кутузова сделаю одно замечание: он не может быть *добрым* кстати. Здесь истинное добро было бы не давать тебе аттестатов¹⁸. И ты еще требуешь, чтобы я переводил отрывок из *Виргилия*. На что он тебе?¹⁹ Ради Бога, будь посогласнее с самим собою! Чего ты хочешь? Профессорство и Муратово исключают одно другое, — а ты желаешь и того и другого! Непонятно. В ответе твоём Антонскому²⁰ есть погрешность: я не имею еще чина — счастливого! Я только еще кандидат и нахожусь в герольдии Надежды в списке Терпения. Обвинения Антонского насчет забывчивости его воспитанника и прочего тронуло меня за живое — я виноват перед ним²¹. Жду с нетерпением и, признаюсь, с недоверчивостью той минуты, в которую упаду на колена и воскликну: *Виноват! Я не понимаю тебя*. Чтобы избавить меня от несчастья *не понимать*, лучше бы всего было объясниться! Твоя таинственность не есть ли доказательство, что ты не имеешь способа сделаться понятным и сам еще не понимаешь себя, а следуешь какому-то темному влечению? Смотри, чтобы не увело это влечение тебя в тину. Натал<ья> Андр<еевна> благодарит тебя очень за дружеские твои заботы о ее брате²².

Очень любопытен знать суждение *братии* о «Певце»²³. Отсюда вижу Иванова, который врет матерщину и думает, что делает острое заключение²⁴; Ко-

---

* Как и следовало ожидать (*франц.*).

кошкина, который топорщится и всякому хорошему стиху дает как министр одобрение, а при дурном смотрит на Мерзлякова, читает на его лице мысль, которую ловит на полете и выдает важно за свою²⁵; Мерзлякова, который сердится и дуется и решительно громит меня правилами, неясно им предлагаемыми²⁶; Каченовского, который цитует Ломоносова и судит с пренебрежением²⁷. Несмотря на то, желаю знать приговор священного ареопага и уверен, что будут справедливые замечания, хотя и с предубеждением сделанные, ибо, что ни говори, а у этих господ муза моя не в кредит. Простота кажется им прозою. Я очень пеняю тебе за то, что ты не видал лучшего из нашей братии, *Вяземского*; могу извинить это разве одною твоею *дикостью*; но Вяземского тебе любить должно — он добрый и благородный детина, а стихотворец будет прекрасный, и вкус его самый верный. Не заводя партий, мы должны быть стеснены в маленький кружок: Вяземской, Батюшков, я, ты, Уваров, Плещеев, Тургенев — должны быть под одним знаменем: *простоты и здравого вкуса*. Забыл важного и весьма важного человека: *Дашкова*. Обними его за меня по-братски. Министрами просвещения в нашей республике пусть будут *Карамзин* и *Дмитриев*, а папою нашим *Филарет*²⁸. Мы с тобою будем трудиться там, в Суринамском уголке²⁹, и верно, верно отдадим со временем святой долг отечеству; *остальные* на открытой сцене света будут нашими ободрителями, сотрудиниками и судиями. Их мнение будет и наградю нашею, и нашим законом.

О прочих здесь останемся беспечны!³⁰

Брат, брат! вообрази нашу Суринамскую жизнь, вообрази наш тесный союз, наше спокойствие, основанное на душевной тишине и озаренное душевными радостями; вообрази труд постоянный и полезный, не рассеянный светским шумом, но делимый и награждаемый в тесном круге самыми лучшими людьми; вообрази, что у нас, сверх того, будут и верные друзья, одобрители и сообщники — Тургенев, Уваров, Кавелин, хотя и вдали, но всё наши: вообрази, что мы будем иметь все наслаждения чести без малейших ее невыгод, вообрази, что мы трудимся вместе, вместе располагаем, утверждаем свое счастье, служим друг другу подпорою и в горе.

Сообрази всё это и благодаря Провидение, которое внушило тебе мысль посетить

Жуковского

138.

М. Н. Свечиной и А. Н. Арбеновой

7 марта 1814 г. <Муратово>

7 марта 1814

По несчастью, Ваше письмо получил я поздно, милая Марья Николаевна (это письмо для вас обеих, мои добрые сестры). Я отвечал к Вам на ваше последнее маленькое, которое вы написали вместе. Но это, на которое теперь отвечаю, получено мною гораздо после¹. О, почта! почта! Очень досадно мне такое замедление. Несмотря на то, что Вы говорите мне в своем письме о том человеке, которого не знаю и которого мнение должно быть так для меня решительно, я всё боюсь². Боюсь его образа мыслей; боюсь предрассудка, которым могут быть определены эти мысли; боюсь влияния, которое могут они иметь на Ваши собственные, которых согласие с моими так для меня важно, потому что на Вас более, нежели на ком-нибудь, основаны мои надежды. По всему вижу, что никто не может принять с таким жаром мое счастье, *наше* счастье к сердцу, как Вы. Что же если и Ваше мнение сделается ему противоположным? Для меня самого сомнения нет — но что же я? Бедный, бессильный невольник, которому оставлена свобода только беситься на свой жребий. Всё мое лучшее в чужих руках. Жаль очень, что Ваше письмо получено поздно. Я бы Вас предупредил и представил Вам другой способ, такой же точно, как и Ваш, но, мне кажется, более успешный. Впрочем, и теперь еще время не ушло. Вот в чем дело. Удивляюсь только, как это средство не пришло мне в голову гораздо прежде. Всё бы, может быть, давно уже было решено. Я сам имею здесь человека³, который с самой нежной молодости мною любим, который был благодетелем лучших моих друзей, уважавших его как отца и теперь к нему привязанных, который был другом лучших людей нашего времени, истинного христианина, но христианина не суевера.

Я говорил с ним искренно, говорил с ним как с отцом — это имя останется ему теперь навсегда. Он меня одобрил, он меня благословил, он сказал мне, что на месте тетушки ни минуты не поколебался бы сделать наше счастье.

Такое одобрение меня ободрило. Тетушка его знает, имеет величайшую доверенность к его правилам и большое уважение к его характеру⁴ — этому имею несомненное доказательство. Мнение такого человека было бы решительно, если бы оно было поддержано Вашим, милая Авдотья Николаевна. Сколько для нее убеждения! С одной стороны, одобрение человека, которого христианство несомненно; с другой стороны, Ваше согласие и, что всего важнее, — счастье ее детей, и с ним собственное ее счастье. Положим, что тот, с кем Вы советовались, противоречит нам своим образом мыслей. Я с своей стороны представляю Вам другого, которого правила с этой стороны тверды, которого жизнь

и мнения всегда были основаны на чистом христианстве. Вот два христианских разных мнения. Которое же из этих двух мнений справедливо? Но как же сомневаться? Конечно, то мнение, которое дает счастье, а не то, которое его разрушает. Здесь могу напомнить Вам, милая Марья Николаевна, еще о том, что я от Вас же самих слышал. Ваш отец был истинный христианин. Но какие же были его намерения?⁵ Кого готовил он Вашим мужем? И что, если бы его планы не исполнились, — не были ли бы Вы во сто раз счастливее? Нет! никогда не могу оскорбить Создателя своею мыслью, чтобы то, что производит настоящее счастье — *спокойствие души, привязанность к жизни, деятельность, даже вера*, было противно Его закону. Согласен. Тетушка с одной стороны права. Не разбирая справедливости ее мнения, она слепо считала его сообразным с законом Божиим и на нем основывалась. Теперь дело в том, чтобы решить, что важнее: мнение или счастье милых ей людей? Не должно ли это счастье быть побуждением, чтобы разобрать, нет ли ошибки во мнении, ибо здесь ошибка ужасна. Можно ли иметь привязанность ко мнению, слепую и даже жестокую? Если это мнение уничтожает истинное счастье — не есть ли уже это *почти* доказательством, что оно ложное? Бояться смерти одного из нас, как наказания свыше за преступление! Кто дал ей право на такую боязнь, и на чем может быть она основана? Есть суеверы, которые от просыпанной солонки ожидают несчастья! Итак, мне стоит вообразить себе всякую нелепицу и на этой нелепице основать свои поступки, и потом освятить их еще именем закона. Где же понятие о Боге? Бояться нашей смерти и, чтобы избавить себя от этого несчастья, самой готовить ее и давать преждевременную, настоящую смерть счастья, уничтожающую не физическую, но моральную жизнь! Прежде нежели она уверена, что Бог накажет преступление, она уже заступает Его место, и наказание предупреждает преступление. А преступления нет и не будет.

Если тебе надобно принести великую жертву, пишете Вы, *ты принесешь ее Отцу Небесному*. Правда, принесу великую жертву; но совсем не Отцу Небесному; не хочу и оскорблять Его такою жертвою. Она Ему противна. Я в этом уверен. Буду уверен до конца жизни. Я принесу жертву какому-то чудовищу, которое называют Богом, а не моему Богу, который в моем сердце. Принесу жертву как связанный человек, который *соглашается*, чтобы его зарезали и в глазах его зарезали лучшего его друга; соглашается, потому что не может перервать цепей своих. Тут нет покорности, и я не считаю такого несчастья ни для кого нужным. *Великодушия оставит всякое земное чувство, быть ей братом, быть тетушке сыном*, как пишете Вы, я иметь не могу, потому что здесь и иметь его будет не можно. Это могло бы сделаться прежде, если бы с одной стороны была уверенность; но я не имел и того, на что имел право. Теперь этого иметь и не надеюсь. Я не предполагаю себе никакого счастья возможным в доме тетушки. Уверен, что она была бы мною истинно счастлива с одним только условием; без

этого условия мы должны *навсегда* расстаться, и на это я готов. Прошедшее есть для меня образец будущего; что было прежде, то будет и вперед. Как же снести такую жизнь? Прежде, по крайней мере, оставалась у меня надежда на перемену; она давала мне силу; счастье будущее (и то счастье было бы истинным) украшало для меня всё печальное в настоящем; но без этой надежды я не могу сносить того, что было сносить довольно легко. Быть только *терпимым*, иметь только *приют* от холоду и голоду там, где я хотел бы *жить*. Можно ли на это согласиться? Быть разрушителем спокойствия Маши, сносить подозрения и даже пренебрежения без всякой надежды, чтобы это было во что-нибудь вменено, — это всё выше меня. Да это же было бы противно и счастью Маши. Ее спокойствие должно быть правилом моих поступков. Если не буду иметь возможности дать ей счастье, то по крайней мере хотя не отнимать того, что ей останется. Когда-нибудь и тетюшка будет жалеть; но такое сожаление ужасно! Оно будет и позднее, и бесполезное.

12 февраля, день, в который я поехал к Ивану Владимировичу⁶, если уже надобно его назвать, был для меня одним из счастливейших в жизни. Неужели надежда, которая тогда наполнила мою душу, есть обман! Эта надежда была чистая; могу ли не почитать ее тайным голосом одобряющего Божества? Я в эту минуту живо и ясно чувствовал, что *можно быть счастливым в жизни*. Такого сильного чувства еще и не помню. Я не молился, то есть никаким выражением не объяснял то, что стеснялось в моей душе; но то, что было в моей душе, — была клятва, которую давал я Богу *удостоиться* того счастья, которое мне в этой надежде изображалось. К этому присоединялась для меня еще другая, лучшая мысль: я видел там самого себя не таким, каков я теперь, но лучшим, новым, живым, а не мертвым. Вдали, как будто сквозь тень, представлялось мне совсем новое существование: спокойствие, душевная тишина, доверенность к Провидению, словом, всё, что составляет настоящее бытие человека. До этого времени, признаюсь, я замечал какую-то холодность к религии — предрассудки ее слишком для меня были убийственны; но в эту минуту, с живою надеждою, оживилось во мне и живейшее чувство ее необходимости. О, как она нужна для того, чтобы счастье было просто и чисто! Я еще не могу себе представить этого счастья ясно; всё это есть не иное что, как предчувствие чего-то необыкновенно приятного. Вижу тихую и вместе самую деятельную жизнь: тихую, потому что она ограничится самым тесным кругом, из которого ни шагу; деятельную, потому что всё обратится на *себя*. Столько чувств, которые во мне погибали даром, вдруг получили бы свободу! Вдруг иметь все святейшие связи, о которых я имел одно только понятие, но понятие грустное, потому что оно только давало мне чувствовать их недостаток; и, сверх всего этого, вера живая, идущая из сердца вера, не на словах, не на обрядах основанная, но вера, радость души, ее счастье, ее необходимая подпора, ее жизнь: чувство, доселе совсем почти незнакомое

мне, убитое одиночеством, заглушенное непривязанностью к жизни. Что сравнится с таким приобретением и как не быть привязанным более, чем к жизни, к тому, кому был бы им обязан? А это — она! Верить вместе с нею благому Провидению и ему вручить *с ней* всю жизнь свою и все свои надежды! Повторяю опять: я чувствовал до сих пор одно только отдаление от религии; она казалась мне убийцею моей жизни; уважать ее значило для меня — соглашаться с предрассудком, разрушителем моей надежды. Но теперь в каком новом свете она представляется моему сердцу и как считаю ее нужною для истинного счастья! Вместе с таким милым товарищем искать в вере прямого блага — это было бы для меня новою наукою, которой бы скоро я выучился, ибо она необходима для жизни. Вместе с нею готовиться здешнюю жизнью для будущей и в этом одном заключить свою жизнь: иметь одну эту цель, не заботясь о постороннем. Здесь, право, не вмешивается никакая мечтательность. Всё это для меня в будущем, и всё это возможно! Такое счастье было бы твердо, ибо оно было бы нашею пищею; мы имели бы его в глазах нашей матери, им счастливой. Такая жизнь, непонятная для большей части претендентов на счастье, была бы нашею без раздела, тихою, скрытою от ненужных свидетелей; она не призрак, но она только внутри сердца существовать может. И целая прошедшая жизнь меня к ней приготовила. Я даже рад бы был благодарить Провидение за все прошедшие потери и горести; они — достойная цена за такое счастье. Без них можно бы было его страшиться. Но оно будет купленное, и дорого.

Я точно теперь похож на такого человека, который видел один только сон жизни, прекрасный, восхитительный, но знал, что это сон и что он только видел его в горячке и им не наслаждается, и вдруг чувствует, что к нему приближается Ангел, чтобы его разбудить, и говорит: *проснись, чтобы жить*. И он готов встать с полным понятием о жизни, с полною готовностью ею воспользоваться, как человек слепой от рождения, знавший только по слуху о красотах мира и вдруг получающий зрение. Для меня в жизни всё еще будет *новым*, но я приготовлен к нему *лишениями*. Довольно!

Скажу вам в заключение, милые мои друзья, сделайте с своей стороны *вы всё*, что можете, чтобы дать нам это счастье. В И<ване> Владимировиче будете иметь сильного помощника; только не откажитесь с ним вместе действовать. Я уверен, что все вместе вы перемените образ мыслей тетушки. Я уверен, что она сама обрадуется случаю от него отказаться. Сделаем всё, что от нас зависит; остальное представим Провидению. Простите.

139.

А. И. Тургеневу

<Середина марта 1814 г. Болхов>

Благодарю тебя, милый друг, за исполнение моей комиссии¹, и вот тебе в благодарность другая, которую постараюсь так же, если можно, исполнить. Дело состоит в том, чтобы успокоить бедную мать насчет ее сына²; а эта мать была другом моей, из чего можешь заключить, как желаю исполнить ее требование. Сын ее в военной службе. Вот об нем записка: 1807го года декабря 23 вступил он в ординарцы унтер-офицером в Московский конновоенный полк; 1809 ноября 18 переведен в 19 егерский полк юнкером; 1812 февраля 28 произведен прапорщиком в 17 егерский полк, который теперь в Грузии, на персидских границах. Имя моего клиента Григорий Ильич Астраков³. Просьба состоит в том, чтобы из той армии он переведен был в здешнюю. Нельзя ли этого сделать и как сделать? Постарайся, друг милый. Мне это будет большим одолжением.

Критика твоя на *горшок*⁴ кажется мне несправедлива; я не стою за красоту стихов своих, но здесь эта черта характерная — она изображает *обычай* народа; уже это одно делает благородным слово горшок; сверх того оно прикрашено эпитетом *братский*. Напрасно ты не сделал больших замечаний. *Из коих деды их стреляли*. Это кажется тебе прозой? Не знаю — могу ошибиться; но тут нет ни поэзии, ни прозы. Впрочем, всякий стих, на который уже сделано замечание человеком, стоящим доверенности, приходит для меня в упадок. Читал ли ты со вниманием заключение этого послания? Молись, брат, чтобы в моей белой книге⁵ наполнились страницы. Об издании же моих стихов не думай. У меня здесь все они переписываются в том порядке и формате, который должен быть при напечатании; этот список ты получишь. Прости.

Твой Жуковский

Обними Воейкова⁶; скажи, что у нас все здоровы и что я уже написал к нему 5 писем. Получил ли он их? Вот как вещи меняются! В то время, когда я писал к тебе о профессорстве Воейкова, я прибавил: от этого может зависеть его счастье; теперь говорю: ему необходимо для счастья отказаться от профессорства. Поэтому и прошу тебя употребить все усилия, чтобы ему не давали кафедр⁷.

140.

А. И. Тургеневу

24 марта <1814 г. Муратово>

24 марта

Мой милый друг, я очень много обязан тебе за скорое исполнение моей комиссии о François¹. Но еще нет об нем никакого слуху. Осведомься, послано ли в Тамбов приказание о его перемещении. Я писал к тебе на последней почте об Астракове². Получил ли ты мое письмо? Можно ли сделать что-нибудь по моей просьбе? Утешь, друг милый, бедную мать, которая с большим горем просила меня о своем сыне. На всякий случай опять повторяю здесь, в чем состоит просьба: письмо могло, как и многие, писанные мною к тебе и к Воейкову, пропасть. Вот в чем дело. Прапорщик Григорий Ильич Астраков, вступивший в службу 1807 года декабря 23 ординарцем с чином унтер-офицера в Московский конновоенный полк, переведенный 1809, 18 ноября в 19 егерский полк юнкером, а потом 1812, февраля 28 дня, с чином прапорщика в 17 егерский полк, находится теперь в Грузии за Елисаветполем. Ему более всего хочется перейти в здешнюю армию; да и полк его 17 егерский, кажется, здесь же; в Грузии один батальон, не более. Нельзя ли этого сделать? Одолжи меня, брат и друг, и не замедли уведомить, есть ли надежда, чтобы это могло исполниться.

Я просил и тебя, и Кавелина о докторе Фриофе³. Что об нем слуху?

Наконец на закуску еще просьба о докторе же. Здесь есть в Орле Гаспаридоктор⁴. Он еще в прошлом году представлен к Анне 2-го класса. Прилагаю при сем его письмо об этом предмете. Что сделано по этому? Люди, с ним в одно время представленные, получили награждения; а он нет. Узнай, похлопочи. Меня одолжишь много; а одолжить доктора не безделица; он министр смерти, следовательно защитник жизни и часто, что бывает также по обстоятельствам весьма выгодно, ее истребитель. К Воейкову не пишу, предполагая, что он в дороге. Он бранит меня за то, что пишу к нему мало, а я написал уже к нему шесть писем и получил ответ на одно только из них. Что же делать с почтою? Теперь у меня готово к нему письмо, но я его не посылаю, а отдам из рук в руки. Прости. Обнимаю Кавелина. Самый усердный поклон Уварову.

Твой Жуковский

141.

А. И. Тургеневу

<26 марта 1814 г. Муратово>

Nei giorni tuoi felici
Ricordati di me!^{*1}

В день счастья вспомнить о тебе!
На что такое, друг, желанье?
На что нам поручать судьбе
Священное воспоминанье?
Когда б любовь к тебе моя
Моим лишь счастьем измерялась
И им лишь в сердце оживлялась, —
Сколь беден ею был бы я!
Нет! нет! мой брат, мой друг-хранитель!
Воспоминанием иным
Плачу тебе! Я *вечно* с ним!
Оно мой лучший утешитель!
Во дни печали ты со мной!
И, ободряемый тобой,
Еще я жизнь не презираю!
Ты судия избранный мной!..
О! что бы ни было... я знаю,
Где мне прибежище обрести,
Куда любовь свою принести,
И *где* любовь не изменится,
И *где* нежнейшее хранится
Участие к судьбе моей!
Дождусь иль нет *счастливых дней*,
О том, мой милый брат, ни слова!
Каким бы я ни шел путем —
Всё ты мне гением-вождем!
Со мной до камня гробовова
Не изменяясь, друг, иди!
Одна мольба: не упреди!²

Вот тебе ответ на твои два италийские стиха, которых всю цену и всё значение понимаю и чувствую. Не думаю, однако, чтобы когда-нибудь удалось по ним исполнить. Но ты от этого ничего не потеряешь. Воейков польстил мне

---

^{*} В твои счастливые дни вспомни обо мне! (*итал.*).

надеждою, что ты соберешься ко мне. Не верю. То, что я писал к тебе в одном из моих писем о неисполнении по его желанию относительно до профессорства, есть шутка³. Но он беспокоился, чтобы ты шутки не принял за дело. Итак, эта просьба должна быть оставлена без внимания. Не забудь о Гаспари, Астракове и François. Люблю тебя и обнимаю.

Твой навсегда Жуковский

Мое усердное почтение С. С. Уварову. Он как будто обещал мне английских книг, W. Scott⁴, etc. etc. Нельзя ли ему напомнить? Скоро будет от меня к нему цидула. Дашкова обнимаю и буду к нему писать⁵.

142.

П. А. Вяземскому

<Около 30 марта 1814 г. Муратово>*

Воистину прекрасно вопреки твоей антихристианской критике¹, и такая критика совсем не делает тебе чести. Разве никому еще не удавалось тебе сказать: *Христос воскрес!* и разве никто не отвечал тебе *воистину?* Разве не видал ты священника, стоящего на амвоне с крестом, и не слышал, как весь народ отвечает ему: *воистину!* Это самая торжественная минута заутрени. Христос воскрес! есть для нас лучшее слово во всей религии нашей: оно уверяет нас в бессмертии. И чье *воистину* может быть утешительнее того, которое говорит нам дух наших друзей или (что всё равно) воспоминание наше о потерянных наших друзьях! Одним словом, ты не лучше меня критикуешь, и я имел бы право отвечать тебе таким же письмом, каким одолжил меня ты сам.

Одушевлены табунами².

Стих этот кажется мне без погрешности — всё живое одушевляет. Здесь дело идет не о бессмертной душе, но о живости, которую сообщает мертвой природе присутствие всякого животного. По сходству можно движение принять за душу. Это кажется не есть *licence*^{*}, а самое простое выражение, даже и в прозе дозволенное.

Что сделал ты, певец лукавый,
Мою ты душу погубил!³ —

Правда! правда! Стих матушки Еремеевны! Поправлю его, если не испорчу. В «Ивиковых журавлях», признаюсь и сам, есть некоторые стихи *образные* — виноват Шиллер, автор этой баллады⁴, виноват тем, что прельстил меня своим

---

* Своеволие, вольность (*франц.*).

слогом и не позволил мне от себя отдалиться. Я хотел выразить близко и выразил темно. Но содержание этой пьесы прекрасное. По содержанию она лучшая. Эвмениды⁵ делают большой effet*. И всё греческое. Жаль, если она дурна. Себе самому не верю, но, право, не нахожу, чтобы она была такая злодейская пьеса, чтобы уж надлежало ее предать смерти.

Теперь слово о твоих стихах. Напрасно ты мучил и себя, и меня глупою мыслью, что у тебя нет большого таланта, и твердил вслед за богинею глупости c'est un demi-caractère**⁶ и пр. Вздор и пустяки! Demi-caractère! Ты не можешь еще себе решить, к чему особенно влечет тебя твой талант; всё до сих пор написанное было мелочи — но все эти мелочи были написаны с тем дарованием, которое им прилично. И теперь всё написанное тобою в роде Буфлера⁷ гораздо выше ставлю буфлера! Острота истинная, непринужденная. Никогда выражение не портит мысли — напротив, ее усиливает и украшает. Вот талант. До сих пор мне казалось, что тебе сатирическое и остроумное более свойственно. Но и во всех других родах ты всегда au niveau de sujet***. А главная мысль, служащая основанием, и план всегда стихотворны. Вот общее мнение о твоём таланте. Из присланных новых твоих стихов: «К двоюродной сестре»⁸ прелестно, все прочие читать весело и весело перечитывать — а это главное! Избави Бог от чести быть уважаемым и нечитанным. Для меня приятнее быть автором двадцати лафонтеновых басен, нежели огромной «Мессиады»⁹, которая величественно скучна.

Из присланных «Письмо из Казани» и песня «Пускай монах»¹⁰ совсем мне не нравятся. Изорвать их! Да не забыть прислать мне полный список твоих творений и всего, что есть у тебя из стихов Батюшкова. Ты славишь меня по Москве, а я хочу расславить тебя по уездам. Пиши, друг. Собрание твоих стихов будет кладовою острых и прекрасных мыслей, в которую и потомки будут заглядывать с надеждою обогатиться. Но прими совет от дружбы, которой дарование твое драгоценно. Не унижай таланта своего злословием. Я слышал, что ты написал Noël, где множество злого остроумия¹¹. Поверь мне, что такого рода сочинения не сделают никогда чести и могут быть причиною несчастья. Тебе необходимо должно дорожить своим спокойствием — ты отец семейства. Одному позволено и погибнуть, но, имея священные связи, нужно быть и уважаемым, и любимым. Слава остряка не есть еще слава. Одобрительный хохот некоторых чудаков не есть еще одобрение, и человеку с твоим умом и характером такое одобрение постыдно. На снурке самолюбия водят тебя шалуны и показывают обществу за деньги. А ты в угодность им покрываешь себя бесславием, тогда как тебе открыта совсем другая дорога. Твой Noël есть па-

---

* Эффект (франц.).

** Полухарактер (франц.).

*** На уровне предмета (франц.).

сквиль, и пасквиль, достойный не только презрения, но еще и наказания. Ты нападаешь на честь и репутацию людей, поставленных самим государем на высокую степень. Заслуживают ли они это или нет — о том ни слова! Но твое ли дело — в двадцать лет — быть обвинителем и, может быть, клеветником. Признаюсь, меня жестоко огорчила эта пиеса, и для меня больно воображать, что теперь и такие люди, которые тебя не стоят ни по уму, ни по сердцу, имеют *право* нападать на твое доброе имя. Еще одна вещь меня тронула больно: мне сказывали, что ты всё продолжаешь играть! Что со временем из этого выйдет? Бедствие! Но в состоянии ли ты приноровиться к несчастью? С пылким и неукротимым твоим характером! Не забудь, что ты теперь не один! Одному всё сносно! А жена? а сын? Или всё это должно быть принесено на жертву минуте! И для тебя еще нет никакого *образа жизни*! А всё определяется одним мгновением, и *завтра* может для тебя уничтожить всё сделанное *нынче*! На что же ум и талант? Ты можешь жить и быть счастливым! Брат, кто имеет средства пользоваться жизнью, у кого ничто не отнято, что может возвысить душу, и кто всё это отвергает — тот в глазах моих низкий человек, и тем более низкий, чем он выше других по тем способам, которые дали ему и счастье, и природа. Не называй меня проповедником пошлой морали. Здесь дело идет о твоей судьбе. А для нас, друзей, не должно быть ничего отдельного, и наша судьба есть общее наше благо или несчастье. При всем твоим уме тобою правит всегда одно *первое впечатление*. Карабанина¹² не полюбил ты за его распухлую жопу и по жопе судишь о его голове и сердце. Он странен — может быть! Но этот порок ужасен для глаз светского человека, привыкших к формам приятным. Я имел случай видеть на опыте и в обстоятельствах для меня важных, что он имеет доброе сердце, имеет и ум — не для всех открыта уборная большого света, в которой и глупость иногда надевает маску остроумия. Гнедичево послание к Хвостову¹³ также напрасно навлекло на себя твою анафему: тебя поразил один стих:

Но ты, о ревностный поклонник Аполлона.

Не то же ли этот стих, что Карабанина жопа, он заслонил перед тобою все прочие стихи, между которыми многие прекрасные. Вообще всё послание мне нравится. В нем виден талант. И самый этот стих, который ты критикуешь, есть более насмешка над Хвостовым, нежели ему похвала, по связи своей с предыдущим и последующим. Лучше к Хвостову написать не можно. К Муравьеву¹⁴ ты несправедлив. Мысли его о математике и воспитании прекрасны. В последнем письме о французском языке есть много разительно справедливого и вообще письма его писаны хорошим слогом, показывают мыслящего человека; если в иных местах и проскакивает фанатизм, то это еще не дает тебе права закрывать глаза на другие хорошие стороны. Зачем быть фанатиком цинизма? А *Филарет*?¹⁵ Как не отдать ему надлежащей чести! Этот человек имеет вели-

кое дарование оратора! Не сужу об нем в других отношениях — на это еще не имею права, но в слогe истинное красноречие, и дай Бог нам иметь поболее Филаретов! За что нападки на *Витгенштейна*?¹⁶ Досадно и больно. А письмо к Измайлову!¹⁷ Но говорить об нем не нужно! Ты сам каешься! А он точно *не разобрал* твоей руки (это я слышал здесь), иначе бы твои стихи были напечатаны! Буйная голова. Но полно браниться. Ты дурно поступишь, если на всё это будешь мне отвечать сарказмами! Они ничего не поправят — а могут много испортить. Из тех, которые окружают тебя в Москве, верно, нет ни одного, которому бы твое счастье так было дорого, как мне, то есть твое настоящее счастье! Там у тебя выигрывают деньги и бьют твой характер, созданный быть прекрасным и высоким, — а я хочу выиграть одну только твою любовь, основанную не на остроумии, а на взаимном уважении. Итак, прощу не хмуриться.

Слово о журнале. У меня есть в голове прекрасный план; но об нем ни слова. Надобно только, чтобы этот журнал имел и достоинство журнала, пленяющего на минуту и в минуту забываемого, и достоинство хорошей книги, которую всегда перечитывают. План сообщу со временем и подробный. Ты попробуешь тогда, имея *les preuves dans la main**. Просто быть журналистом, то есть занимать праздное внимание приятным вздором, не стоит; талантам цель лучшая: полезное занятие и влияние более обширное на вкус и нравственность. Издание этого журнала зависит от обстоятельств. Молись за меня судьбе. *Aut Cezar, aut nihil***.

В заключение просьба, которую прошу не отринуть для дружбы. Я несколько раз писал к тебе о Madame Moreau¹⁸. Она заслуживает всё твое внимание по уму и по достоинствам характера. Она без места, в самых тесных обстоятельствах, обременена семейством и долгами. Этот подвиг тебя достоин; помоги ей продрасться если не к счастью, то по крайней мере к спокойствию. Приищи ей место. Смело ее рекомендуй. Постарайся сам с нею познакомиться. Ты увидишь сам, что она имеет в себе много, что заслуживает уважение, а главный повод к уважению — несчастье. Мать семейства — и вместо всякого пропитания долги и необходимость вверить себя и с детьми произволу людей неизвестных. Такого рода положение самое тягостное. Непременно найди ее. Сотвори благо во имя мое. Ее адрес: на Моросейке, в доме Казакова¹⁹, у госпожи Зубовой. Я уверен, что она у тебя в доме была бы не лишняя, и прекрасная компания для княгини. А со временем и твои *дети* смогут иметь в ней нужду.

Кажется, всё сказано, что хотелось сказать. Что же не шлешь мне Собрание русских стихотворений²⁰ и списки своих стихов? Всё это мне нужно. Что же

* Доказательства в руках (*франц.*).

** Букв.: «Или Цезарь, или ничто» (*лат.*). Эквиваленты: «Все или ничего», «Или пан, или пропал».

пародия на «Певца»?²¹ Ты человек аккуратный на комиссии. Пошли к Попову²² и проси его, чтобы отдал тебе мой перстень, и перешли его ко мне.

Кончу лучшим: Христос воскрес! Это значит, что моя к тебе дружба бессмертна. Помни обо мне и в хорошие, и в дурные минуты. Вид друга, товарища жизни есть всегда приятный посетитель.

Воейков опять у меня — или, лучше сказать, не у меня, а у своей невесты²³. Приехал к дружбе, а подле нее нашел и любовь. А поп с венцом как тут — он женится. Ты знаешь его невесту, Александру Андреевну Протасову. Она бывала и у вас, но вероятно, что ты ее проглядел по милости близорукости. Тем лучше для *Веры*²⁴. Скажи ей мой дружеский поклон, надеюсь, что она уверена в моей к ней привязанности.

143.

А. А. Прокоповичу-Антонскому

30 марта <1814 г. Муратово>

30 марта

Христос воскрес¹, почтенный мой благодетель Антон Антонович! Здоровы ли Вы? Еще не имею от Вас ответа на мое письмо, писанное из Орла², но смею надеяться, что Вы простили *своего* Жуковского, который почитает Вас душевно и во всю жизнь почитать не перестанет. Это письмо пишу для того, чтобы представить Вашему покровительству молодого человека, желающего быть моим потомком, т. е. воспитанником Вашего пансиона². Представляю Вам нового кандидата для получения Ваших благодеяний и для платежа за них благодарностью и привязанностью. Прошу Вас принять его. Он не имеет ни отца, ни матери. Его единственная покровительница — молодая двадцатилетняя сестра, которая одна беспокоится и за самое себя и еще должна пристраивать своих братьев. Ваше к ней благодеяние будет милостью, а сироте благотворением. Не откажите³.

На одной из следующих почт доставлю Вам должные мною Вам деньги, тысячу рублей. Проценты за 1813 Вам не заплачены — это верно. Но заплачены ли за 1812? Право, этого не помню. Уведомьте. Да я и еще сверх тысячи останусь сколько-то Вам должен. И об этом прошу меня известить.

Будьте здоровы, почтенный мой благодетель. Пишу к Вам мало оттого, что мне еще очень много писать надобно. Прошу Вас не замедлить уведомлением меня о себе.

Подательница этого письма есть самая девица Голостеева⁴; будьте к просьбе ее благосклонны.

Честь имею быть Вашим вечно преданным

Жуковским

144.

А. И. Тургеневу

30 марта 1814 г. Муратово

Воейков был сильно растроган за минуту до того, как взялся за перо, чтобы к тебе писать, *мой брат, мой друг-хранитель*. Хотя дело идет и обо мне, но я в эту минуту похолоднее. Вот в чем это дело. Авд<отья> Ник<олаевна> Арбенева, которую ты должен знать¹, женщина очень умная, но, как теперь слишком поздно для меня открылось, более энтузиаст, нежели чувствительная и добрая, очень любима и уважаема Екатер<иною> Афанасьевной, матерью моей доброй Маши. Она имела и показывала ко мне большую дружбу, и теперь, вероятно, имеет ее. Но чего не уничтожит суеверие? Я писал к ней, просил ее всё переделать в мою пользу; она горячо вступилась за нас обоих, и всё пошло бы прекрасно, когда бы не замешался монах². Он грозит гневом Неба и испугал ее суеверным страхом. Теперь видит она необходимость *всё разрушить*, и вот что пишет к своей сестре³ — читай приложенное письмо. По счастью, ей самой сюда быть не можно. Екатер<ина> Афан<асьевна> не поедет в Москву. Я же написал к Арбеневой такое письмо, которое если не обратит ее в мою сторону, то по крайней мере не даст ей нам вредить. Итак, время выиграно. Но ты что можешь для меня сделать? Не зная нисколько, до какой обширности простирается твое антифанатическое могущество, ничего не требую. Но вот мои мысли. Нельзя ли затащить на нашу сторону Августина⁴ и заставить его внушить Филарету, чтобы он и поправил испорченное, и успокоил тот страх, который сам произвел? Это было бы всего действительнее. Впрочем, всё оставляю на твою волю. Ты знаешь лучше. Мое счастье тебе дорого. Оно же для меня *в одном*. Потеряю это, и *всё* пропало. Может быть, и Досифей⁵ со временем нам понадобится. Тогда тебе же действовать. Прости, бесценный брат. Стихи, сочиненные на твои два стиха италийские⁶, написаны для тебя, и для нее⁷, для двух *нераздельных в моем сердце*. Твоя бумажка будет всегда при мне. Первый день счастья запишу на ней. Христос воскрес!

Не худо ли я объяснился? Тебе надобно писать к Августину, изобразить ему мои обстоятельства, требовать его участия, зацепить его самолюбие и заставить его (не *самого*, ибо от этого всё дело испортится), но чрез Филарета, действовать на ум Арбеневой. Можешь ли это сделать? Только будь осторожен. Нельзя ли скрыть мое имя и имя Маши от Августина, а назвать в письме одну только Арбеневу (Авдотья Николаевна)? Если это возможно, то пиши скорее. Не говорю: оставь свою лень! Ведь дело идет о счастье жизни моей.

Еще одна важная заметка: в письме своем к Августину говори с ним искренно и проси его, чтобы он скрыл свое посредство и чтобы строго приказал Филарету не открывать того, что он (Августин) в это дело вмешался. Иначе всё будет тщетно. А ко мне тотчас пришли копию с твоего письма к Августину, дабы

я здесь мог согласно с тобою действовать. Прошу тебя не медлить. Надобно это совершить, пока Арбенева в Москве. Боюсь, что она сюда взбеленится ехать. Тогда бы не худо заставить Филарета к ней написать. Иначе она всё здесь испортит. Ее же письмо прошу тебя изорвать.

Посылаю перевод элегии Андрея Ивановича, сделанный Фриофом⁸.

145.

А. А. Прокоповичу-Антонскому

<Конец марта (после 30-го) — начало апреля 1814 г. Муратово>

Я получил Ваше письмо, почтеннейший Антон Антонович. Нельзя сказать, чтобы оно меня порадовало. Вы, вместо того чтобы меня бранить, на меня сердитесь, и как будто расположены были сердиться. Знаете ли, что это не богоугодно? Нет, будьте по-старому и забудьте старое, настоящее и, вероятно, будущее, то есть мою лень писать письма¹. Любить Вас, быть всегда Вам благодарным и признавать это перед целым светом я никогда не перестану. Много же мне Вам о себе и писать нечего, хорошего мало; всё старое — то же, и то же, и всегда то же.

Посылаю при сем 1 000 рублей, которые я Вам должен, и проценты за 1812 и 1813. Прошедшие смутные обстоятельства сделали меня неаккуратным; надеюсь, что они и извинят меня перед Вами. Благодарю Вас за помощь в нужном случае. Если опять когда-нибудь она будет для меня необходима, то мимо Вас не пойду никуда, и надеюсь, что мой добрый покровитель сочтет за удовольствие ее мне сделать².

Простите, любезнейший Антон Антонович. Уведомьте меня о себе. Обрадуйте чем-нибудь веселым.

Поздравляю Вас с великими делами русского государя. Теперь и Вы, при всей Вашей старинной взыскательности, при всей охоте всё предвидеть слишком издали, должны быть довольны политическими происшествиями. Но кто бы это предсказал в половине 1812 года? Провидение за нас чудесным образом обнаружилось.

146.

А. Ф. Воейкову

<Середина апреля (не позднее 16-го) 1814 г. Муратово>

И я приписываю к тебе в этом милом письме, друг, брат, товарищ. Дело наше не испорчено; профессорство тебе остается, итак, не сердись на меня. Ты сам виноват, что мне не открыл надлежащей причины, для чего этого места желаешь. Наши добрые друзья за тебя хлопочут. Смотри, не хотеть моего Турге-

нева. Отошли к нему мои письма — а я буду перед ним сам виниться и перед Кавелиным на следующей почте. Извини, что прочитал письмо Тургенева и Кавелина; я думал найти в нем что-нибудь, касающееся до меня.

Твой Жуковский

И дай Бог, чтобы навсегда остался твоим — это слово всё для меня заключает в себе. Кавелин прислал тебе и то письмо, о котором я тебе говорил: я не рассудил его к тебе посылать. Мы прочтем его вместе.

147.

А. И. Тургеневу

16 апреля <1814 г. Муратово>

16 апреля

Обнимаю тебя, милый друг. Ты, верно, уже получил мою палинодию¹, то есть мое отречение насчет профессорства Воейкова. Он сам виноват в том, что я написал это письмецо, которое тебя привело в сомнение: он не объяснился со мною, а я видел и его, и свою выгоду в неполучении профессорства. Но ничто не испорчено, и он профессор, женится, счастлив; а я пишу к нему *послание о его счастье*², сидя у моря, дожидаясь погоды, видя полнеба моего закрытого тучею и еще не зная, разойдется ли эта туча или совсем покроет мое небо и грянет в меня залпом своих перунов. Монахи, энтузиасты, самолюбие сделали против меня союз. Они уже добрались до моей Москвы и грозят ее выжечь, и пускай выжгут, лишь бы какой-нибудь Кутузов их прогнал и истребил. Мою Москву не трудно будет перестроить, и тогда уже басурманы не будут ей ужасны.

Дело пока не обо мне, а об Воейкове — то же, что и обо мне: теперь наша с ним судьба пока неразлучна; то, что сотворится с ним, будет иметь великое влияние и на меня. Ты же главная наша пружина. Он профессор. Чтобы всё привести в порядок, и *свое*, и *мое*, ему необходимо нужно остаться здесь до начала или половины сентября. Друг, как хочешь, выхлопчи ему отсрочку³. Тут для тебя нет отговорок. *Сделай*, во что бы то ни стало. Эти месяцы самые решительные для всей моей жизни. Брось свою лень и употреби всю свою деятельность. Эта отсрочка нужна ему для приведения своих дел в порядок, для женитьбы, для меня — и для меня более, нежели для себя. Итак, чтобы был ему отпуск непременно; уведоь, что для этого надобно сделать; какую бумагу написать и как написать — пришли образец. Одним словом, тотчас по получении этого письма начинай работать и присылай нам ответ и полное наставление. Впрочем, если можно, то, по полученному тобою праву, пиши и подписывай всё, что нужно будет подписать и представить. Он же дает тебе слово быть самым ревностным профессором.

Думаю, что на следующей почте пришло тебе свои переписанные творения. Прошу тебя с компаниею добрых критиков — именно Уварова и Дашкова — переглядеть их, и то, что нужно будет выбросить, выбросить без сожаления. Пощадите только «Пиршество Александра»⁴. Что ни бредит Воейков, а этот перевод хорош.

Буттервека получил⁵. Не знаю, но он мне мало нравится. Он более философ, нежели поэт. Стихотворец делает из мыслей чувства и картины, а он из картин и чувств делает мысли. В слоге его нет той ясности, которая составляет главную прелесть всякого слога. В нежных его стихах видна страсть, воспитанница воображения, не страсть сердца, которое одно истинно красноречиво, одно дает жизнь выражению, как бы оно просто ни было. Но это мнение может быть и несправедливо. Я читал бегом. Прочитав повнимательнее, может быть, и перемену мысли.

Не забудь об Астракове. Сделав ему помощь, окажешь мне истинное одолжение и оживишь бедную мать, которая только и думает, что о сыне.

Что же François? Мы не имеем здесь никакого об нем известия. Прости, друг.

Твой Жуковский

Я, может быть, еще потребую от тебя важного одолжения. Может быть, мне нужно будет тебе рекомендовать Проташинского⁶, которого, вероятно, и ты знаешь⁵. Он служил и служит в военной службе, ранен под Бородиным, теперь в Москве, добивается от Раstopчина⁶ места, и всё не добьется. Если будет нужно, не найдешь ли средства доставить ему при военном министре или через военного министра выгодного места в Петербурге, а пока он не будет его иметь, позволить ему провести несколько времени у тебя в доме? Он ничего не имеет, но он брат М<аши>⁷. Всё это еще одно *может быть*. Уведомь, как об этом думаешь? Я от тебя многого требую; но от кого же и могу требовать *всего*, как не от тебя, которому и мое *всё* отдам с наслаждением! Брат, я теперь более, нежели когда-нибудь, к тебе привязан. Вижу и чувствую глубоко в сердце, как нежно ты меня любишь; а моя дружба к тебе есть в то же время и благодарность. В рассеянии света, на дороге к почестям⁷ ты обо мне помнишь, и чем более между нами расстояния, времени и образа жизни, тем твое сердце ко мне ближе. Какое сокровище на свете заменит такую дружбу?⁸

148.

А. П. Киреевской (Елагиной)

<16 апреля 1814 г. Муратово>

Здравствуйте, милая моя сестра, новая знакомка и старый друг¹. Вы мне дали на дорогу добрый запас размышлений и чувств. Месяца за два я бы не во-

образил, что мне будет можно поехать *с грустью* из Долбина в Муратово, — бедные мы люди! думаем о бессмертии, о *горнем*, отдаленном счастье, а под носом не видим того, что может нас утешать и делать довольнее. Наше путешествие сделало и моему сердцу большое добро; оно помогло найти ему находку — *доверенность* к дружбе, прежде смешанную с сомнением, потом почти совсем разрушенную, обратить в *веру*, — не есть ли это находка? И не везде ли видно доброе Провидение? Отымая с одной стороны, оно всегда заменяет с другой. С полною доверенностью я сунулся было просить дружбы там, где было одно притворство, и меня встретило предательство со всем своим отвратительным безобразием, — от Вас не думал ничего требовать, и всё само сделалось. Эта мена ничуть не избыточная; а вместе с нею и добрый урок.

Вот Вам моя реляция. Поехав от Вас, я думал ночевать в Черни. Но в Болхове узнал, что Плещеев, мой добрый Негр, который белых книг не страшится², приехал один из Ельца. Я скорее в Чернь; но его не застал — он уехал в Муратово. Переменив лошадей, скачу за ним. Ночь и страшная грязь не выпустили меня из Козловки, и я ночевал у Марии Николаевны³. Она сказала мне официальную новость: *свадьба назначена на 2 июля, а после свадьбы едут в Дерпт*⁴. Я поглядел на своего спутника — Вы его знаете. Больная, одержимая подагрой надежда, которая скрепя сердце тащится за мною на костылях и часто отстает. — Что скажешь, товарищ! — Что сказать? Нам *недолго* таскаться вместе по белу свету. После второго июля — что бы ни было — мы расстанемся! Или покину тебя одного и бреди, как хочешь! или оставлю тебе свою сестрицу, которая лучше меня и гораздо лучше (не только для добрых) *исполнение*. С нею дурной человек становится хуже, а добрый гораздо добрее. Она приготовит тебя к тому обетованному краю,

Где вера не нужна, где места нет надежде,
Где царство вечное одной любви святой!⁵

— А если останусь один! — Тогда! Готовься, как умеешь сам, к переселению в этот край! Но едва ли удастся получить пропускной билет!

Разве чудо путь укажет
В сей прелестный край чудес!⁶

— Но ждать чуда? Кто его дождется! — И я то же думаю! — Что же делать! — Не знаю! а для меня верно только то, что мы расстанемся! — вот Вам слово в слово весь наш разговор.

Поутру рано приезжаю. Плещеев здесь по делам. У них всё идет лучше: Вадковская⁷ стала поздоровее и весною ее перевезут в Орел. А сами Плещеевы возвратятся в Чернь недели через две. Я принят был по-обыкновенному; но, давая мне руку, смотрели на Плещеева. А мой подагрик шепнул мне на ухо:

терпи! тебя будут *любить*, когда получишь свободу быть тем, каким быть хочешь и можешь. И сердце скрепилось. Но было ли оно довольно так, как бывает довольным у человека, возвратившегося в тот круг, где его счастье, где его настоящая жизнь?.. Нет! Нет! сиротство и одиночество ужасно в виду счастья и счастливых! Гораздо легче быть одиноким в лесу со зверями, в тюрьме с цепями, нежели подле той милой семьи, в которую хотел бы броситься и из которой тебя выбрасывают. Благодаря моему подагрику это всё еще для меня пока сносно. Но когда он от меня отковыляет в дальнюю, неизвестную сторону — тогда быть совсем выброшенным будет даже утешительно — можно разбиться вдребезги. Плещеев уехал во втором часу. У Воейкова заболела голова — его положили в кабинете; сами подкладывали ему под ноги, под голову подушки; я сидел спичкою, и на меня поглядывали с торжествующим, радостным видом — в самом деле, торжество и радость. Я посматривал исподлобья, не найду ли где в углу христианской *любви*, внушающей сожаление, пощаду, кротость. Нет! одно холодное *жестокосердие* в монашеской рясе с кровавою надписью на лбу *должность* (выправленную весьма неискусно из слова *суеверие*) сидело против меня и страшно сверкало на меня глазами. И мне стало страшно, и я ушел к себе отведать ничтожества, то есть как-нибудь *заснуть* — и заснул, и проснулся *к утешению*, к Вашей записке, которая и всегда бы меня обрадовала, а тут утешила... голос друга послышался в пустыне. В ней стоит: *милый брат мой!*⁸ Это слово имеет совсем иной смысл в минуту тяжелого горя. Да это же слово прилетело с родины, где было много *моего, собственного!* было и нет.

Опять слова два об Вашей записке! *ce voyage a fait tant de bien à mon coeur** пишете Вы! И моему сердцу это путешествие большой благодетель. Нельзя изъяснить, что такое значит доверенность к искреннему участию, к дружескому сожалению. Я не верил Вашей привязанности к Маше, а теперь ей верю. Так говорить об ней, как мы говорили, нельзя, не любивши ее нежно. Теперь знаю, что Вы будете понимать друг друга не одним молчанием, которое иногда может быть и непонятно. А ей так часто бывает нужно говорить без закрывки. Весь век таиться в самой себе ужасно. Свобода — жизнь души, — а тюрьма душевная гораздо страшнее той, в которой мы можем играть хотя цепями.

Возвратимся к своей реляции. Еще очень много осталось Вам сказать. После обеда приехала Марья Николаевна, а ввечеру получены три письма от Авд<отьи> Ник<олаевны>⁹ и между ими одно большое, в котором она рассказывает тетушке о моих к ней письмах, о угрозах Филарета, об Ив<ане> Влад<имировиче> (которого производит в мартинисты). Я не знаю его содержания; рассказываю Вам, что слышал. Но подивитесь же. Мне об этом письме ни слова, даже я не заметил почти никакой к себе перемены. И по-видимому оно

---

* Это путешествие сделало столько добра моему сердцу (*франц.*).

ничего слишком дурного не произвело. Итак, если оно не испортило, то поправило, потому что приготовило. Был после разговор об Иване Владимир<овиче>. Тетушка сказала, что ей хотелось бы с ним познакомиться!¹⁰ Познакомиться тогда, когда знает, что он мое мнение оправдывает. Это весьма важно. Милая, может, оно подействует на ее мысли. И тут Провидение! Оно назначило, может быть, Вашему Ваничке быть моим ангелом-хранителем¹¹. Родясь на свет, он принес, может быть, мое счастье; он свою жизнь сделал между ими связь, которая может сделаться причиною и здешнего, и будущего моего счастья, — я их не разлучаю! Одно необходимое следствие другого. Но подумайте ж о поступке Авдотьи Никол<аевны>. Пока дружба была одно слово, которое стоило только произнести или написать и которое ни к чему не обязывало, по тех пор она ею меня прельщала! Понадобилось сделать опыт — прощай, дружба! Я ведь не требовал от нее нарушения правил — я только себя ей вверил! В первую минуту показывала она живое участие. Вдруг всё переменилось. И вместо того чтобы мне прямо сказать свои мысли, она с каким-то каменным равнодушием не отвечала ни слова ни на одно из писем моих и прямо всё открыла тетушке. Я не мог требовать от нее того, что, по ее образу мыслей, могло казаться ей или непозволенным, или невозможным, но имел право требовать прямодушия, участия, внимания, потому что меня приманили дружбою на доверенность. И эти люди называют себя христианами. Какое же понятие имеют они о самых простых должностях, предписываемых совестью и религиею, которая есть та же совесть, но только более возвышенная и определенная? Что это за религия, которая учит предательству и вымораживает из души всякое сострадание? Эти люди, эгоисты под святым именем христиан, смотрят на людей свысока: одним несчастным более или менее в порядке создания! Какое дело! Режь во имя Бога и будь спокоен! Но дело не об том! Я презираю ее от всей души и с тою ложною религиею, которую она так пышно выдает за истинную!¹² Жаль только, что обманулся! Ее чувствительность есть не иное что, как искра, которая таится в кремне, иногда из него выскакивает при сильном ударе, но всегда оставляет его и холодным, и жестким. Еще не всё испорчено. Вам много можно сделать. Поговорите с М<арьей> Алексеевной¹³. Теперь ее мнение великий сделало бы перевес. Тетушка знает, что И<ван> Вл<адимирович> со мною согласен. Машино чувство ей также известно¹⁴, хотя она и хочет себя уверить, что оно не существует. Если можно, упросите М<арью> Алексеевну написать к ней. Только бы мнение ее согласно было с нашим — писать и сказать его искренно не будет стоить для нее никакого усилия. Боже мой! Она за нас молилась! Неужели человеку будет сказать ей труднее то, что она говорит Богу! Дело идет о целой жизни двух добрых тварей — она может им дать на всю жизнь самое нежное, благодарное об ней воспоминание! Быть причиною счастья — какое святое дело для христианина.

Я думал написать к ней сам, но считаю это неприличным! Не имею на это права. Но посылаю Вам то письмо, которое я давно приготовил тетушке¹⁵, — в той мысли, что она захочет со мною объясниться. Объяснения не было. Но я всё отдам его ей непременно, когда будет надобно. Покажите его М<арье> Алексеевне. Если сочтете нужным, покажите и это. Еще посылаю Вам тот листок, который я написал тотчас по возвращении моем от И<вана> Владим<ировича>¹⁶, *говоря, и хотел* показать Вам в Долбине, но не нашел. Всё это Вы мне возвратите.

Я уверен, что Марья Ал<ексеевна> много для нас сделать может. Скажите ей, что, узнавши о ее участии, о том, что она за меня молилась, я привязался к ней, право, сыновнею благодарностью. Такую нежную доброту в редком сердце встретишь. Она сама по себе уже есть благодеяние.

149.

Д. А. Кавелину

<23 апреля 1814 г. Муратово>

И я, нижеподписавшийся, подтверждаю брату Кавелину — брату по сердцу, брату по подлости, брату по всему хорошему, даже и по всему дурному, ибо и в дурном не откажусь быть его братом, — подтверждаю, что отпуск нашему претенденту на педантство весьма нужен. Нужен для *счастья* — законная причина, когда говоришь с другом; когда же надобно будет говорить перед министром, то просто сказать для *женитьбы*¹. И я, как крестный отец профессорши будущей, который принимал ее от купели, клялся Богу, что она будет лучшим в мире творением, и сдержал клятву. Клянусь и за будущего профессора, что он, добившись счастья, будет одним из ревностнейших и достойнейших шпанского парика педантом; то есть будет в условленный час ходить на лекции; разбирать русских стихотворцев; хвалить свои стихи бесстыдно; поправлять вкус немцев и пр. и пр. Клятва эта, верно, исполнится. Хлопочите, милый, добрый *наш* друг, — говорю это по праву. Отпуск нашему Негру очень нужен, и думаю, что не могут и отказать в нем, ибо *женитьба причина законная*; для этого и из армии отпускают. Простите, милый, почтенный Дмитрий Александрович. При наших планах о счастье, которые мы иногда делаем с Воейковым, — а ему как их и не делать: он видит счастье лицом к лицу, — Вы всегда присутствуете. Хоть Вас и нет с нами, но мысль о друзьях всегда добрый товарищ. Простите. Будьте счастливы Вашим семейством — лучшего пожелать на сем свете нечего. Даже и в Петербурге такое желание есть самое лучшее.

Ваш Жуковский

150.

А. П. Киреевской (Елагиной)

<Конец апреля 1814 г. Муратово>

Я успею к Вам написать только два слова — говорили ли Вы с баронессою? Если Вы не говорили, то не откладывайте, прошу Вас. Письмо ее много подействует. Только не надобно ей отдавать того, что я к Вам послал. Ничего, мною писанного, ей посылать не должно к тетушке. Пускай пишет от себя. Моего же письма, к Вам писанного, не показывайте никому: ни баронессе, ни сестрам. Я написал много лишнего. Но чего не напишешь, когда на душе кошки. Я скоро у Вас буду. Теперь пишу для того только, чтобы Вас предупредить. Пускай баронесса пишет. Это теперь всего нужнее, только, ради Бога, чтобы не было обо мне ни слова. Всё делайте от себя. Я поцеловал Нинушку, когда она сказала, что Вы просили, чтобы я к Вам писал. Но мои письма были уже посланы. Получили ли Вы их?

151.

А. П. Киреевской (Елагиной)

<5 мая 1814 г. Чернь>

Милая моя сестра. Какие два письма я от Вас получил¹. Не доброе ли дело иногда и горе. Оно сильно дает чувствовать и нужду в прямой дружбе, и действие прямой дружбы. Вы в первом письме своем говорите, что Вам грустно, что я имею нужду в Вашей дружбе. Это не имело бы никакого смысла, если бы моя бедная судьба не была толкователем Ваших слов: Вам грустно, что в Вашей дружбе ищу *подпоры*. В хорошее время, когда всё вокруг весело, довольно и одной общей мысли, что любим и любишь, но когда тонешь или валишься в ров, то хватаешься за соломинку, и великое счастье, когда вместо соломинки встретишь руку друга, которая хотя немного согреет сердце. Еще Вы спрашиваете, *на что мне Ваша дружба?* Право, не знаю, как этот вопрос забрел в Ваше письмо, и никак не могу понять, что могло заставить Вас его сделать. Неужели Вы думали в эту минуту о прошедшем? Пропади и самое об нем воспоминание. Я поехал с Воейковым в прошедшую субботу² из Муратова в Орел, где встретил Плещеевых, и первое, что мне попало в руки, было Ваше письмо — милое, утешительное. Я собрался было ехать к Вам на другой же день. Но лошадей уже не было; а Плещеевы сами должны были ехать в понедельник; почему я и решился остаться до их отъезда. Вчера, то есть в понедельник, мы отправились из Орла и приехали сюда, в Чернь, ввечеру. Я с тем намерением, чтобы на другой же день отправиться в Долбино, к своей доброй сестре, освежить подле нее душу, которая жестоко стеснена и так пуста, что едва ли что осталось в ней на жертву ни-

чтожеству. Но Ваше письмо остановило меня, и точно, эта остановка для меня большая тягость. Я много люблю Анну Ивановну³ и знаю, что она имеет ко мне дружбу неограниченную, но никогда не говорил с нею таким языком о себе и об Маше, как в последний раз с Вами в Долбине. Теперь это еще мне нужнее. И живое горе все-таки есть жизнь. А мертвое страшнее смерти. Теперешнее мое бытие для меня так тяжело, как самое ужасное бедствие. Для меня было бы величайшим наслаждением попасть в горячку, в чахотку или что-нибудь подобное и увидеть вдруг вблизи *прелестный край чудес*⁴. Но этого вожатого еще нет; а самому броситься, без лодки, в *ужасный поток, который грозно мчится по скалам*⁵, нельзя, не должно — сиди на пустом берегу и рвись с досады, глядя на *ту сторону*, где всё так прекрасно или по крайней мере так тихо. Пускай всякое чувство гниет вместе с душою. Это выражение Вам не понравилось⁶. Вы показываете на вечность. Но что бы отвечал Вам человек, зараженный неизлечимую болезнью, и которому Вы бы сказали, что ему еще долго жить остается. Да на что же жить с болезнью. А здешняя жизнь, согнившая в бездействии всех чувств, не есть ли зараза, неизлечимая и для вечности. Здешняя жизнь есть то же, что младенчество. Она так же, как младенчество, готовящее нас для зрелых лет, готовит нас для вечности. Что будем мы там, если мы здесь *ничто*? А мое здешнее всё в одном. Пропади оно, всё пропало.

Грядущее для нас протекшим лишь прелестно!⁷ Но для чего все эти отступления? Воейков уверяет, что я слишком болтлив в своих письмах и никогда остановиться не умею. Итак, стану Вам отвечать по порядку. Вас ободрило и обрадовало то, что хотят знакомиться с Ив<аном> Владимировичем⁸. Не слишком ободряйтесь. Это я написал Вам еще прежде нашего объяснения с тетушкой. Между прочим, я ей сказал и об Ив<ане> Владимировиче. Вот ее ответ: *«Если мнение Ив<ана> Влад<имировича> с твоим согласно, то это только переменил мое об нем мнение»*. Признаюсь Вам, ее сердце для меня весьма часто есть ужасная загадка. Неужели для нее важнее остаться правою в своих мыслях, нежели дать нам счастье? В противном случае, как бы не поколебаться, как бы хотя минуту не подумать, что она может ошибаться и что ошибка эта может разрушить счастье целой моей и Машиной жизни. Да, и Машиной. Ибо в ее привязанности ко мне она более не сомневается⁹. Маша сама с нею объяснилась, сказала ей *всё* и прибавила то же, что я, то есть, *что спокойствию ее готова жертвовать собственным*. Но скажите, возможно ли ж для нее какое-нибудь спокойствие? Что же? Она думает только о том, как бы это скрыть от других. Боже мой! Что пользы, когда другие будут воображать нас счастливыми, если для нее не будем мы счастливы! И кто же другие? Все те, которые вокруг нее, *знают*; а для тех, которые *вдали*, можно ли надевать такую маску, которой они и видеть не будут и не захотят. Несмотря на то, всё не теряю надежды на Иван<а> Владимировича. Мы были у него с Воейковым¹⁰. Он обещал написать письмо

*от себя к Воейкову*¹¹, в котором хочет представить доказательства, взятые из самого Евангелия, что это не есть преступление. По крайней мере, она увидит, что жертва эта не Богу, а ее спокойствию, и пускай приносит ее.

Знаете ли, что более всего меня тронуло в том, что Вы говорите о баронессе. Ее мысль, что *Маша не будет счастлива*¹². Эта мысль наполнила сильную горестью мое сердце. Баронесса, добрая, чистая душа, во мне сомневается и в чем же сомневается? В том, что я не способен счастливить этого ангела. Это мнение поселило во мне какую-то горькую, унижительную недоверчивость к самому себе! Боже мой! если это правда! Если я отнял у Маши спокойствие без всякого права на то, чтобы чем-нибудь за то вознаградить ее? Это значит, что и тогда, когда бы и никаких препятствий не было, я бы не должен был думать о таком счастье! Что же мне останется, когда и на сожаление о потере его не могу иметь права! Тут не нахожу ничего сказать в свое оправдание! Объясните, только ли это думала баронесса! и почему она так думает! Мне остается только одно искреннее, непритворное желание дать ей счастье и искать его в добре, во всем, что может быть достойно человеческого сердца! Найду ли его для нее? Способен ли быть ей в этом товарищем — как сказать решительно? Но разве тот, для кого только нужно, чтобы мы *стремились* <нрзб.>, не укажет мне прямой дороги? Верно только то, что желаю найти эту прямую дорогу и что для меня *единственное* на это средство.

Я сам думал, что она не согласится писать *мимо* барона¹³. Думаю также, что нет никакой беды ему открыться. Но знаете ли, какой способ привлечь его на *нашу* сторону? Дать ему наперед почувствовать, что Вы уже почитаете его согласным с нами во мнении. Начните тем, что скажите ему о мнении Ив<ана> Влад<имировича>, давно ко мне писанное¹⁴, которое прилагаю и в котором есть слова два *об нас*. Если он будет с нами согласен, то баронесса уже не колеблется и напишет гораздо сильнее. Итак, всё теперь зависит от Вашего красноречия. Но говорите с ним и с нею *от себя*. Чтобы они и не думали, что это всё по моей просьбе. Мои письма покажите *от себя же*. И найдите сами объяснить, по какой причине эти письма у Вас. Хорошо, когда бы они написали или теперь, или в начале будущего месяца. Вот почему. *Тетушка 12 числа едет к Павлу Ивановичу*; оттуда в Коренную¹⁵. Эти путешествия ослабят или совершенно уничтожат в ней впечатления, сделанные письмами барона. В половине же июня будет Воейков¹⁶ — он нам поможет. К тому же времени поспеет и письмо Ив<ана> Владимир<овича>, которое отдадим при случае. Между тем и Досифей будет приготовлен¹⁷ — если только можно его приготовить. Я нынче отправил к Тургеневу эстафету и велел ему приготовить два письма Досифею¹⁸. Одно послать теперь же. Другое доставить ко мне, которое отдадим ему тогда, когда говорить решимся. Уведомьте немедленно, как Вы обо всем этом думаете. Если теперь не станете говорить с бароном, то мне

к Вам приехать будет можно. Буду у барона и не скажу ему ни слова. А у Вас проживу с неделю.

Я забыл Вам сказать, что Ив<ан> Вл<адимирович> будет посаженным отцом Воейкова, следовательно будет на свадьбе, следовательно может объясниться и словесно¹⁹.

Вы спрашиваете, говорить ли Вам об Маше? Говорите и верьте, что она вместе с Вами говорить будет. Она уже и говорила. И Саша, во всяком случае, объявляет свободно свое мнение. Не бойтесь только того, когда Екат<ерина> Аф<анасьевна> скажет Вам в ответ, что уверена в Машинем равнодушии, — она уверена в противном²⁰.

Вас огорчило мое выражение насчет Авд<отьи> Ник<олаевны>. Это моя судьба — предаваться первому движению, открывать его и потом раскаиваться. Слово *презираю*²¹ ее есть первое движение. Но я имею право сказать его только в отношении ее ко мне дружбы. Я имел право ожидать участия — но мне показана одна холодная нечувствительность. Не было ни одного ответа на мои письма, и всё мимо меня сказано тетушке. Фанатизм может управлять мнениями; но разве он может делать предателем доброе сердце. Я не имею права требовать от нее согласия со мною в образе мыслей, и ее противоречие не оскорбило бы меня. Но ее поступок — предатель мой, а всякое предательство заслуживает ненависть и презрение. Ни на одно из дружеских писем моих она не отвечала. Недавно получил от нее большой и *дружеский* ответ²², но на какое же письмо, на то, в котором я делал ей упреки. Несмотря на то, и это письмо меня бы тронуло, если бы в руках тетушки не было уже *того*, которым она ее против всего вооружила. Такая поспешность губит людей, такое несомнение в самой себе ужасно, зато теперь она и может навсегда хвалиться перед собою тем, что единственно ей буду обязан уничтожением всего, что могло льстить меня в жизни. Как могла она не подумать, взявшись за перо, что письмо ее может иметь влияние на целую жизнь *двух друзей!* Письмо написать недолго! Но что, если она обманулась. Чем поправить?

«*Слушайте, друг, — пишете Вы, — всегда ли так будет? Опять покажут Вам то, чего нет. Боюсь очень; а через 2 недели и более бояться буду.*». Милая, верьте одному, что нет человека искреннее меня. С Вами сердце открылось и теперь всегда открыто будет. Что дурное всползет на него, то не будет спрятано. И станем очищать вместе. А опыт для меня верное правило: в дурном верить одному себе. Прямодушие же всегда заставит сверяться. Итак, на этот счет будьте спокойны и спокойны не на 2 недели, а на всю жизнь. Я имею одну добродетель: *bonne fois**. Никто более меня не боится несправедливости и не имеет такой готовности признаваться, когда был или есть несправедлив. Всё

---

* Чистосердечие (*франц.*).

наружное мне противно. А голос прямой дружбы всегда прямо в душе моей отзовется.

Это письмо для *всех трех*²³. От них обеих ничего не хочу иметь скрытного. Я просил Вас не показывать первого моего письма²⁴ не от недоверчивости, а потому только, что оно написано в первом движении, — следовательно и Вам бы не надобно было его видеть. Но что же мне делать с собою. Я всегда буду слишком виден. Лучше перестать заботиться о *decorum**.

В заключение словечко о себе. Я простился с ними на месяц и буду бродить подле ворот рая, не смея в него заглянуть, до приезде Воейкова. Этот карантин меня не вылечит. Больница моя, в которой есть верный лекарь, стоит за *рубежом* — знаете ли этот рубеж? Подагрик крепко охает²⁵. Между тем сердце бьется, смотря на то, что вместе с этим бедным страдальцем гибнет. Что, если мне суждено положить его в гроб, а вместе с ним и всё? Ничего пустее и гнилее не представить той жизни, которую он мне после себя оставит. А Вы еще утешаете меня вечностью. О, вечность прекрасная бездна! да только бы поскорее! Со всем не нужно для того, чтобы ею наслаждаться, ползти до нее по навозу и тине.

Поэзия! Но поэзия и счастье одно и то же! Можно с большим наслаждением ковать подковы или строгать доски, чтобы рассеять себя усталостью! Но писать стихи — для этого нужно быть в свете, иметь надежду на жизнь, потому что со всякою хорошею мыслью сливается нечувствительно и земное воспоминание о том, что мило в жизни! Я был бы не то, когда бы был счастлив; и ничем не буду, если не буду иметь счастья.

Простите. Дайте поскорее с собою увидиться. Право, это большая для меня необходимость. Детей перецелуйте и уведоьте о Петушке²⁶. Важная просьба: первое — подарить красный шалевый платок, который Вы мне дали на дорогу, отпуская меня из Долбина. Он что-то очень мне мил с того времени. Другая, в которой Вы и не подумаете мне отказать, дать мне *половину Машинных волос*, которые она отдала Вам прошлого года в Орле и которыми я так жестоко завидовал. Я тогда не думал, что мне можно будет их у Вас просить. Милая, ради Бога, не откажите.

152.

А. И. Тургеневу

5 мая <1814 г. Чернь>

5 мая

Это письмо отправляется с эстафетою. Надобно, чтобы ты получил его и верно, и скоро; и отвечал на него тотчас по получении. На многие писанные

---

* Украшение (*лат.*).

мною и Воейковым к тебе письма нет ответа. Или почта ползет черепахою, или сам Ариман¹, который присутствовал при моем рождении, крадет мои письма и их к тебе не допускает.

Обнимаю тебя, друг бесценный, за твое последнее письмо, от <...> апреля². Оно утешительно во всякое время, а теперь еще более, когда хочется ухватиться и за соломинку, чтобы спасти счастье целой жизни. Мои дела идут к развязке. Хорошей развязки не предвижу еще, но обманщица-надежда всё еще меня не покидает. Вот в чем дело. Арбенева, к которой я писал и на которую так много надеялся, всё испортила. Она не отвечала ни на одно из моих писем, но мимо меня писала обо всем к матери³. И сам можешь вообразить, каково должно быть это письмо, которое диктовал суеверный монах⁴. Мать имела со мною объяснение, которого результат есть тот, что она сказала мне, что ей невозможно согласиться, потому что она видит тут беззаконие. Я отвечал ей, что ничего подобного тут не вижу, что я не родня ей, потому что закон, определяющий родство, не дал мне имени ее брата, следовательно всякое родство уничтожил между нами; я прибавил, что уверен в нашем счастье, если бы она на него согласилась, но что готов от всего отказаться, если мое счастье не сделает ее счастья или его разрушает. Теперь она со стороны моих намерений покойна, уверена в моей готовности ей собою жертвовать. Но еще не всё пропало. Может быть, найдется еще способ переменить ее образ мнения. Воейков еще с нею не объяснился. Ив<ан> Владимирович обещал писать и будет писать непременно⁵. Здесь есть люди, которых она уважает и которые готовы с нею говорить *за нас*, — именно баронесса Черкасова⁶. Она хочет ей присоветовать отдаться на суд орловского архиерея Досифея. Согласится ли она на это, не знаю; но во всяком случае надобно предупредить Досифея. Можешь ли это взять на себя? Если можешь, то пиши к нему немедленно. Более всего в письме своем утверждай, что между нами родства нет. Ты знаешь, в чем состоит это родство: *я сын ее отца*. Скажи в своем письме, что ищешь его покровительства, еще не зная, будут ли ему об нас говорить, но что хочешь только предупредить его в нашу пользу. Это письмо отправь к нему немедленно. А другое к нему же доставь ко мне с этою эстафетою. В этом — которое сберегу на всякий случай — скажи то же и упомяни о первом письме, к нему об том же предмете написанном. Не говори, однако, ни слова о подателе письма, потому что я не знаю, кто будет подателем. Это письмо оставляю у себя, и оно будет передано Досифею в таком только случае, когда согласится с ним советоваться. Я теперь *скитаюсь*, как Каин с кровавым знаком на лбу⁷. 25 этого месяца буду у Ив<ана> Владимировича, и он напишет письмо обо мне к Воейкову, который тотчас после своей свадьбы, назначенной 2 июля, начнет говорить. Дело не в том, чтобы вырвать у нее согласие. В добрую минуту она и может согласиться. Но какое же выйдет следствие? Расстройство общего спокойствия. Счастья, на таком хилом фундаменте основанного, желать не могу.

Надобно убедить и разрушить предрассудок. Если ничто не удастся, то надобно будет отсюда бежать, и всё, всё для меня переменится. На что решусь, еще не знаю. Никакой план не представляется мне и ни к какому не лежит сердце. Ведь это не будет *план счастья*, а только того, как бы дожить те годы, которые еще остались на мой удел. Самая печальная перспектива! И самое лучшее из дурного была бы жизнь совершенно уединенная, уголок, в котором бы я мог работать только для того, чтобы работать. Другое ничто не может быть для меня прилично. Служба есть тяжкое бремя. Петербургская и московская жизнь меня пугают. Не вижу ничего, кроме убийственного рассеяния, которое только что умерщвляет душу. Я представляю себе самый прекрасный образ жизни, и то, что может его для меня заменить, есть *совершенное уединение*, ограниченность необходимым и занятия, чтобы не иметь скуки считать часов и минут. Подумай и об этом. Если бы мог я найти такое местечко, где бы можно было прожить *двумя тысячами* в год, читать, писать и утешать себя мыслью, что есть у меня добрый друг, товарищ мой душою, и в прочем не иметь никаких связей, никакой зависимости, то я бы ничего и не пожелал другого. В своих четырех стенах был бы я *хотя покоен*, а перо бы меня не покинуло. Брат, потеряв то, что составляет главную прелесть жизни, нельзя ни в чем искать прибежища, кроме одного себя; быть с тобою — этого довольно. Если бы я мог в Петербурге *жить для тебя*, то ни об каком другом угле бы не подумал. Но жизнь петербургская будет для меня убийственна. Мы будем далее друг от друга, нежели здесь, и я лишусь главного своего прибежища — *занятия*. Ты велишь мне писать. Нет, друг! Теперь перо мое как будто в параличе, и в воображении моем большая засуха. Смотрю на все прекрасные планы, как на развалины. Одно только счастье или совершенное уединение могут на этих планах что-нибудь построить. Смотри на прошедшую жизнь свою, говорю с горем: я совсем не то, что бы мог быть; смотря на будущую, должен сказать, что я, *вероятно*, ничего не буду. А как узнать, долго ли это ощутительное ничтожество продолжится и скоро ли дойдешь до рубежа?

Полно выть! Поговорим об Воейкове! Он отсюда уехал, и твое письмо его не застало. Я писал к тебе об том, чтобы выхлопотать ему отсрочку. Опять повторяю свою просьбу. Отсрочка до 1 сентября ему необходима. Свадьба его назначена 2 июля, и в течение августа он должен привести в порядок и свои, и мои дела. Думаю, что не могут ему отказать в этой отсрочке: причина законная; а твое покровительство всё сделает. Что же касается до обязательства на 6 лет, то ничего об этом не могу сказать решительного, ибо его мнения не знаю. Но вот мое мнение: постараться избежать от этого обязательства. По всему оно для него крайне невыгодно. Нельзя ли просить министра⁸, чтобы от него уволить, представив ему, что такого обязательства человеку, имеющему семью и дела собственные, взять на себя невозможно и что никто, вступая в службу,

не дает таких обязательств; что профессор не может делать контрактов с тем местом, в которое вступает, и что эта неволя не предписана никаким уставом. Ты же знаешь, что такое обязательство для него крайне невыгодно. Прибавлю: и для меня. Но *мое* должно решиться прежде, и во всяком случае это профессорство много мне вреда сделает. Но об этом нечего и говорить. Для меня верное на сем свете одно: *твоя дружба, ее любовь*. Прочее оставим Провидению.

Прилагаю при сем копию с билета, данного мне из Главной квартиры⁹. Выхлопочи форменное увольнение. Билет засвидетельствуй сам. Также выхлопочи и послужной список, которого форму здесь прилагаю. Вопрос: я был в строевой службе, наш полк, первый пехотный, был под Бородиным; имею ли право носить медаль? Обо всем этом уведомя.

Récapitulation*.

1. Написать письмо к Досифею и тотчас отправить, а об отправлении уведомить эстафетою.

2. Написать другое письмо к Досифею и доставить ко мне.

3. Уведомить, писал ли к Августину.

4. Уведомить о деле Воейкова. Дастся ли ему отпуск и можно ли будет избавиться от 6-летнего заточения?

5. Уведомить, отправлено ли повеление к Тамбовскому губернатору о перемещении François и что сделать можно в пользу Астракова?

6. Уведомить, возьмешься ли продать мои сочинения, которые совсем приготовлены для печати, можешь ли скоро это сделать и взять деньги, ибо они мне нужны, и возьмется ли Дашков держать корректуру и проч.?

7. Увольнение. Послужной список и пр.¹⁰

На эти семь пунктов ответить и потом исполнить прошу тебя немедленно и прислать обратно ответ с эстафетою. А письмо адресовать, дабы оно не попало к кому не надобно, изволь на имя Александра Алексеевича Плещеева в Болхов, вложив в его пакет другой. И все другие письма адресуй на его же имя: это скорее и вернее. Также и все письма к Воейкову.

153.

А. П. Киреевской (Елагиной)

<Середина (?) мая 1814 г. Чернь>

Вместо себя посылаю Вам Максима¹. Вы, верно, милая Дуняша и сестры, не рассердитесь, что я отложил мою к Вам поездку дня на два — причиною этому письмо Марьи Николаевны², которое к Вам посылаю. Прочитайте его,

---

* Краткое повторение, резюме (*франц.*).

и Вы увидите, что мне нельзя было к ней не поехать. Она грустна. Начинает строить свой дом и не знает, с чего начать. Я предпочел лучше ехать теперь, нежели после, — теперь тетушки там нет, и я уеду до ее возвращения. Нынче там ночую, а завтра опять возвращусь в Чернь. Вас же прошу прислать мне в Чернь дрожки с тройкою лошадей; высылайте их завтра, чтобы они могли переночевать в Черни; а в Пальну³ подставу. Здесь лошадей нет. Нанимать же — нет денег. Это роковое *нет* даст Вам чувствовать, что Вы должны приготовить мне рублей 300 (если есть); по возвращении Воейкова, который взял у меня 300 рублей, отдам Вам эти деньги.

Я получил от Тургенева письмо⁴ — он писал прежде, нежели я этого требовал, туда, куда надобно. И Ив<ан> Влад<имирович> писал — и там всё слажено⁵. Но всё это едва ли не напрасно! Еще кое-что есть у меня в запасе — я всё это к Вам привезу; мы помечтаем вместе и... только.

Но зачем же Вы себя упрекаете? И в чем? Неужели в желании сделать всё для нашего счастья? Какой удачи ждать с теми людьми, которые служат кровожаднейшему из всех идолов, Молоху Я? Самые наши неудачи имеют для меня прекрасную сторону! Они все доказательства Вашей бесценной дружбы! Прочитав письмо Марьи Николаевны, Вы еще более полюбите ее. *Que n'est il riche ou pauvre qui est si généreux!** Я писал к ней от Ив<ана> Влад<имировича>⁶. Дай Бог, чтобы то чувство и те мысли, которые *au beau milieu de la lettre*** родились у меня в душе, навсегда в ней остались. Они были бы моим спокойствием и дали мне много той твердости, которая нужна для того, чтобы не умереть заживо и жить, пользуясь жизнью. Теперь поддерживает меня мысль, что я уже ни от кого и ни от чего не зависим. Тетушка ни дать мне ничего, ни отнять у меня ничего не может. Разве мы с Машею не на одной земле и не под одним отеческим правлением? разве не можем друг для друга жить и иметь всегда в виду друг друга? Один дом — один свет, одна кровля — одно небо⁷, не всё ли равно? А будущее всё еще наше! То, чего мы *желали*, не исполнилось и, вероятно, не исполнится! *Желание* можно переменить — а цель останется всё одна и та же! Будучи у Вас, я об этом к ней напишу. От нее единственно зависит дать мне еще много счастья! Она одна может заставить меня или уважать жизнь, или ее презирать. До свидания, милый друг! Надобно быть выше судьбы своей! А я еще много имею! Могу сохранить все свои чувства — теперь на них никто иметь права не может, — могу свободно презирать и несправедливости, и кровожадные суеверие и эгоизм, украшенный маскою добродушия. Напишите мне все *свои* мысли об этом — я буду их беречь. Такого рода мысли должны быть для меня *написаны*, дабы в случае нужды принять их как крепительное.

* Богат он или беден, он так великодушен (*франц.*).

** Посередине письма (*франц.*).

Письмо Марьи Николаевны мне возвратите, то есть оставьте у себя до моего приезда, чтобы отдать из рук в руки.

154.

А. П. Киреевской (Елагиной)

<22 мая 1814 г. Чернь>

Отчего Вы не написали мне ни словечка с Иваном Никифоровичем¹, голубушка Дуняша? Я остался здесь нарочно, чтобы дожидаться от Вас письма и с ним вместе письма из Муратова, и теперь должен уехать, ничего не дождавшись. Вчера мы посылали в Муратово. Нынче посланный возвратился — там никого нет². Одна Наталья Андреевна³. Она ко мне пишет и уверяет, что все здоровы и здоровее. Я сам нынче в ночь отправляюсь в Орел⁴; но поеду через Муратово, чтобы увидеться с Марьей Николаевною⁵, которая завтра же едет на ярмарку⁶. От нее получил я записочку сию минуту через Морленкура, который у нас с Мену⁷, но в этой записочке нет ни слова в ответ на мое письмо. Получила ли она его? Не потеряно ли оно нашим посланным? Или дошло ли до нее и не задержала ли его тетушка? всё это бунтует в моей голове и не дает мне покоя. Впрочем, чего же ждать? Кажется, это для меня на сем свете дело решено, а остается ждать только одного: *на своей улице праздника*. Жду его с нетерпением и с досадою на неизвестность. Никакого желания живее этого не имею, и никакая другая надежда не имеет для меня такой прелести. Не сердитесь на меня, милая, и не скучайте моими элегиями: я сам знаю, что лучше всего молчание; но иногда, право, хочется бросить два или три слова в сердце друга, ведь это не на ветер.

Смотрите! чтобы я непременно нашел от Вас письмо после своего сюда приезда! А теперь простите! Еду нынче в ночь.

155.

А. И. Тургеневу

<Вторая половина мая 1814 г. Чернь>

Я получил твое милое письмо¹, бесценный друг. Оно утешит всякое горе. Иметь такого человека, как ты, своим другом есть богатство, неотъемлемое никакою судьбою. Одна только просьба: не упреди!² Спешу отвечать тебе в немногих словах. Ты, верно, получил мое письмо, посланное с эстафетою, в котором прошу о письме к Досифею. И теперь повторяю ту же просьбу. Но не знаю, будет ли какая-нибудь польза, захотят ли с ним советоваться и примут ли его совет. Не один фанатизм против меня вооружается. Есть много нечувствительности и упрямства. Если нельзя дойти до сердца, то рассудок убедить

трудно; а при слабом, нерешительном характере едва ли и возможно³. Я сам с твоим мнением согласен: монахов вводить в это дело опасно. Но если уже нельзя будет избежать от них, то хотя приготовленных монахов, а не простых, покрытых непроницаемою рясою, заставить действовать. Итак, пиши к Досифею. Напиши об нем и к Ивану Владимировичу, который твое письмо подкрепит в случае нужды своим. Августина оставь в покое. Арбенева свое сделала: написала письмо к матери и много испортила. Теперь вся надежда на Воейкова и, если захотят *советоваться*, на Досифея. Но я не думаю, чтобы это возможно было устроить. В июле Воейкова свадьба. В сентябре или октябре поедут в Дерпт. Когда ж к Досифею в Севск? Мы расстанемся — и всему конец. Особливо, если нельзя будет избавиться от 6-летней обязанности. Но почему бы нельзя? Одни воспитанные на казенный кошт принимают такую обязанность. Воейков дворянин. Неужели университет может уничтожить право дворянства, дающее полную свободу входить в службу и выходить из нее, *как захочешь*? Разве не могут случиться такие обстоятельства по делам его, которые необходимо потребуют отставки? Как поручиться за себя за шесть лет? Похлопочи, ради Бога, чтобы этого не было.

Ты велишь мне писать. Друг бесценный, душа воспламеняется при всем великом, что происходит у нас перед глазами. Сердце жмется от восторга при воспоминании о нашем государе и той божественной роли, которую он играет теперь в виду целого света. Никогда Россия не была столь высоко возведена. Какое восхитительное величие! Но, как нарочно, теперь и засуха в воображении. Мысли пробуждаются в голове; но, взявшись за перо, чувствую, что в нем паралич, и остается только жалеть о самом себе. Не умею тебе описать своего положения. Это не горе — нет! и горе есть жизнь; а какая-то мертвая сухость. Всё кажется пустым, а жизнь всего пустее. Такое состояние хуже смерти, и разве одно только Наполеоново может быть еще его хуже. Мне пришла, однако, прекрасная мысль, но эта мысль мечта. Я вообразил, что ты можешь сюда приехать к свадьбе Воейкова (2 июля). Но может ли это сбыться? В теперешних обстоятельствах ты должен быть *на виду*. Я о себе теперь не думаю, и на что думать? Пускай всё случится само собой. Для будущего планов нет. Будущее само покажет, чему быть должно.

Мое дело предать себя с совершенным равнодушием бегущему потоку. Иногда (то есть всегда) досадно, что этот поток так медлителен. Перечитай мое послание к тебе: теперь более, нежели когда-нибудь, оно выражает мое состояние.

О! Беден, кто себя переживет⁴.

Не упрекай меня, брат! При всем этом мысль о тебе есть лучшее мое утешение —

О, что бы ни было, я знаю,
Где мне прибежище обрести⁵.

Прошу только тебя за меня думать, за меня делать планы для будущего — мое дело быть покорным.

Сажусь писать некоторые нужные примечания к моим сочинениям, чтобы после тебе их доставить. Сам размысли, как с ними поступить — продать ли, напечатать ли на свой кошт. Знай только то, что у меня нет денег и что единственный доход, какой я теперь имею в виду, есть их продажа.

Не забудь об Астракове. Успех его дела весьма у меня на сердце.

Письма ко мне и к Воейкову адресуй в Болхов на имя Александра Алексеевича Плещеева. Это необходимо нужно для того, чтобы они не могли попасть в заповеданные руки.

Я, однако, несмотря на свой паралич, подумываю иногда о послании к нашему Марку Аврелию⁶. Какой прелестный характер! И какие страницы для истории 1814 год приготовил! О, милая Русь! Как душа возвышается при имени русского! И как не обожать того, кто нас так возвеличил! Брат, брат! Если бы счастье, что бы я написал! Но как же велеть душе летать, когда она вязнет в тине? Поэзия есть счастье — то есть тишина души, надежда в будущем, наслаждение в настоящем. Как иметь стихотворные мысли, когда всё это погибло? Стихотворная мысль то же, что день весенний: он радует одну только живую душу, для которой в жизни есть прелесть!

Что в оны дни будило радость в нас,
То в нас теперь унылость пробуждает⁷.

Прости, бесценный друг! Думай за меня о моем настоящем и будущем.

Я сказал в последнем моем письме, что профессорство Воейкова мне повредит. Нет! это вздор. И сам не понимаю, почему это сказал. Смотри, и ты не вооружись против профессорства. Если кто может мне сделать добро, так, конечно, Воейков.

Отвечай скорее на это письмо.

156.

П. А. Вяземскому

<Май 1814 г. Чернь>

Твои четыре стиха прелестны¹, но письмо твое слишком коротко, и вообще ты пишешь ко мне и редко, и мало. Что это значит? Уж не сердись ли за мою проповедь? Избави тебя Бог от желания сделать меня неискренним с моим добрым другом! Искренность — эгида дружбы. Не так ли?

Пришли мне непременно описание своего праздника² и всё, что будет на этот случай написано. Только прошу не называть меня так некстати Мраморным мужем. Нет, друг! Я в восторге от происшествия, от русского царя, от славы и имени русского. Какое беспримерное и кроткое величие на высочайшей ступени могущества и славы! Кто в мире лучше его играл такую роль и какое лицо будет он играть в истории. Но писать — это другое дело; для этого недостает мне многого; в чем это *многое*, говорить нечего, и не обвиняй меня в таинственности. А береги мне свою дружбу. Только мне от тебя и надобно. Очень вероятно, что мы увидимся, и скоро.

Я ничего не написал и ничего не пишется. А ты, Мраморный друг, и не думаешь исполнить моей просьбы, не присылаешь мне своих стихов. Не забудь, что ты, Батюшков и я составляем триумвират. И ради Бога, перестань говорить, что твоя Муза имеет *un demi-caractère*^{*3}, который тебе не нравится. Elle a un *caractère bien décidé et c'est un très beau caractère*^{**}. Если краткость моих замечаний, которые надеялся я дополнить *словесными*, отняла у тебя доверенность к моему суждению, то виноват ты, а не я. Верно, никто не может так радоваться твоим талантом и так ценить его, как я. Только не пиши Ноелей⁴ и тому подобного; не скверни своего пера личностями — и без того много предметов, тебя достойных. Никогда не соглашусь, чтобы имя пасквилянта сделало кому-нибудь честь. Как ни будь пасквиль остроумен, он всё пасквиль и так же несносен в литературе, как умный человек, бодун и дригун в хорошем обществе.

Жду от тебя большого письма, подробного описания праздника; всех стихов твоих; стихов Пушкина⁵ и пр.

Благодари Василья Львовича за его дружеское ко мне письмецо и за его стихи, ко мне присланные.

Что есть слуху о Батюшкове? Когда ты пришлешь мне его пародию на «Певца»⁶, которой давно жду не дождусь?

Прости, друг.

157.

А. И. Тургеневу

6 июня <1814 г. Чернь>

6 июня

Я получил твое письмо¹ и благодарю душевно за то утешение, которое ты им мне сделал. Мне никак не должно жаловаться на судьбу. Я много и точно бесценных благ имею. И то, чего лишаясь, не должно делать меня нечувстви-

---

* Полухарактер (*франц.*).

** У нее очень решительный характер, и он прекрасен (*франц.*).

тельным к тем сокровищам, которые у меня есть. Буду писать к тебе об этом много. Теперь нет времени. Теперь пишу к тебе для того единственно, чтобы тебя заставить поскорее переслать приложенное письмо по адресу. Очень много обяжешь меня, если без замедления исполнишь мою просьбу. Еще прошу вывести меня из беспокойства: что значит предполагаемая тобою поездка на Волгу и на *долгое время*? Что значит возвращение Николая?² О чем говоришь в заключении твоего письма и что *миновало* тебя? Всё это меня очень тревожит. Объяснись, друг. За что же я один свои беды на тебя налагаю, а твоих мне и частицы нет!

Франсуа здесь. Но ты не на все вопросные пункты мне отвечал. Об Астракове я еще ничего от тебя не имею; а много, много бы ты меня обязал, когда бы о переводении его похлопотал. Мне очень хочется оказать услугу его доброй матери. Прости, милый друг.

Воейков еще не возвращался. Жду его всякий день.

Твой Жуковский

Если у тебя есть сколько-нибудь моих денег за «Певца» — пришли. Я совсем обеднел.

158.

А. П. Киреевской (Елагиной)

<10—12 (?) июня 1814 г. Чернь>

Здравствуйте, милая сестра. Каковы Вы? все ли в добром здоровье? Были ли Вы здоровы с тех пор, как я имел честь Вас видеть? и прочее. Что ангел-Маша (я говорю о Вашем ангеле)? Что Ваня и Петя? Одним словом, что всё милое долбинское мое?

А Воейкова еще нет! и я хорошо бы сделал, когда бы не так от Вас спешил. Теперь не трогаюсь с места и жду его прибытия. Между тем скажу Вам новость. Свечин¹ пишет к тетушке письмо и в нем стоят следующие конфекты. (Копию этого письма прислал он к Марье Алексеевне², а она его показала Плещеевым.)

«Ne précipitez rien, voyez, considérez et surtout, gagnez du temps: c'est là le creuset où l'amour vrai s'épure. Le caractère, la conduite, les qualités du coeur tout paraîtra au grand jour — je ne puis vous en dire davantage. Votre chère Alexandrine, qui maintenant ne voit que par vos yeux, n'agit, que par vos conseils et n'aime que par votre coeur, une fois mariée, cette chère ne peut être ni heureuse, ni souffrir à demi. Gardez vous d'ensevelir dans la même tombe une femme malheureuse, une mère au désespoir, une soeur tendre et sensible, *un ami véritable et si digne de l'être, le seul que vous avez, qui vous sacrifia sa vie, et qui par un élan de son bon coeur malheureusement participe à l'événement qui vient d'attrister la plupart de ceux qui vous aiment véritablement.*

Иls pensent comme moi et par une fausse délicatesse ne se hasardent pas à vous dire la vérité»*. Как Вам это кажется? Я написал к нему об этом³, и письмо мое посылаю к Вам незапечатанное; запечатайте его и доставьте ему.

О себе нечего сказать ни доброго, ни худого: здорово, скучно, грустно, пусто, глупо. Вот и всё.

159.

А. П. Киреевской (Елагиной)

<10—15 (?) июня 1814 г. Чернь (?)>

Воейкова еще нет!¹ Следовательно, судьба велит мне ехать к Павлу Ивановичу². Вчера я доехал сюда здорово, но очень поздно. И ужина не застал. Возвращаю Вам Ваши дрожки и с ними еще том деток Аббатства³. Остальные пришлю скоро. И оду Карамзина возвращаю⁴. У меня здесь есть экземпляр, присланный Вяземским, который говорит об этой оде с восторгом⁵. А у него вкус верный. Уж не ошибся ли я? Еще раз перечитаю. Увидим.

Подробного слова писать к Вам, милая и прелестная душа моя, некогда. Сейчас едем с Марьей Николаевной в Орел; а оттуда еду к Ив<ану> Владимировичу. Там напишу к Вам поболее. Благодарю Вас за бесценное письмо. Я возвращусь к Плещеевым 29-го и оттуда его к Вам пришлю. Теперь нечего другого сказать, как *дружба за дружбу* и навсегда.

160.

А. П. Киреевской (Елагиной)

<15—20 (?) июня 1814 г. Муратово (?)>

Милый дружок, или, лучше сказать, милые дружки¹ мои, большие и малые, являйтесь все к нам. Воейков здесь, да и Муратовские здесь. Я поехал было провозать Воейкова только до Муратова и хотел его отпустить одного к Пав<лу>

---

* Не спешите, наблюдайте, смотрите и особенно выигрывайте время, тогда в горниле очистится настоящая любовь. Характер, поведение, свойства души — все однажды придет великим днем. Я не могу Вам сказать об этом заранее. Ваша дорогая Александра, это дорогое существо, которая сейчас всё видит Вашими глазами, следует только Вашим советам, любит Вашим сердцем, выйдя замуж, не может быть ни наполовину счастливой, ни страдать наполовину. Остерегайтесь похоронить в одной могиле несчастную женщину, отчаявшуюся мать и нежную, чувствительную сестру, *истинного друга и такого достойного быть им, единственного, который у Вас есть, который Вам пожертвует своей жизнью и который по устремлению своего доброго сердца, к несчастью, участвует в событии, опечалившем большинство тех, кто Вас действительно любит. Они думают, как и я, из ложной деликатности не решаются сказать Вам правду (франц.)*.

Ив<ановичу>². И худо бы сделал. Там меня любят и *хотят*. Это словечко объяснит Вам Маша. Только прошу не прыгать и не строить Сурьяновских планов³. Ничего нет. Приезжайте. Я принят был прекрасно, сердце было опять начало бушевать. Mais ce beau n'est qu'un beau idéal*. Ни на пядь от того, что уже довольно твердо сидит в моем сердце. Я чувствую в себе какую-то гордую независимость. Только умом постигаю возможность лучшего, но не хочу этой возможности отдавать на аренду своего сердца. Оно всё отдано тому сокровищу, которое имею, которого отнять у меня никто не может, которое может только увеличиться и никогда, никогда не может уменьшиться. А увеличит его, верно, тот, у кого власть всемогущая и воля прямого отца. О! ему весело отдавать в проценты свою сумму. Не успеешь оглянуться, как она и вдвое. Я чувствую, что душа возвышается от одной этой мысли. Напрасно боялись Вы *капли*, которая мою пустоту может переполнить. Ничто не может взволновать в моей душе того, что в ней *начало укладываться*. В ней всё то же, то же навсегда — захочу ли потерять лучшую свою драгоценность — но это то же само по себе стало лучше. Оно освещено прекрасным и возвышенным светом. Вся жизнь будет посвящена тому, чтоб этот свет час от часу становился ярче и чище.

О прочем здесь останемся беспечны⁴.

То есть будем иметь беспечность младенца, которому только и думать о *игрушках* на руках доброго отца. Не правильное ли это сравнение? Маша, мой *добрый ангел*, весела и здорова и на мой счет покойна. Она читала мое письмо к М<арии> Ник<олаевне>⁵ и верит ему. Это главное! О! для меня много, много еще в жизни осталось. А будущее? Разве не может оно быть прекрасным. Будь сам только лучше. Anathème au désespoir! Rien de plus bas et de plus criminel que le désespoir**.

Мы с Воейковым едем к Павлу Ивановичу⁶. Всё, что здесь об нем (т. е. о П<авле> И<вановиче>) слышал, заставило меня душевно его любить и уважать.

Теперь слово об Вас. Прежде нежели сюда отправитесь, пошлите непременно *нарочных* для сделания описей тех деревень, которых описи еще не поданы в Опеку, и тотчас эти описи в Опеку. Без *этого* приступить к заключению продажи нельзя и с Опекую не сладишь⁷. Ту же деревню, к которой принадлежит лес, надобно Вам будет взять на седьмую часть (чего без описи сделать нельзя); таким образом и всё скорее развяжется. Всё затруднение теперь в описях. Скорее описи. Поговорите об этом с Алекс<еем> Сергеевичем⁸. Да не худо бы и Ивана Никифоровича взять за пупок⁹. Не забудьте взять тысячу для Чай-

* Но это прекрасное — только прекрасный идеал (*франц.*).

** Анафема отчаянию! Нет ничего более низкого и преступного, чем отчаяние (*франц.*).

ковских¹⁰. Да я еще с Юшковыми¹¹ говорил об некоторой тысяче — поговорите и Вы с ними: если можно, то сделайте. Но не иначе как мне¹².

Тетушка показала мне письмо Свечина¹³. Советую Вам и Юшковым с ней об нем поговорить, а мое, *писанное к Свечину*¹⁴, пошлите, ибо я сказал, что к нему писал; если же оно у Вас изодрано, то прилагаю новый экземпляр. Всё *мое* перещелуйте и между собою собственноустно пощелуйте. Да постарайтесь как-нибудь послать мое почтение (мало *почтение*, мою искреннюю сыновнюю приязанность) Марье Алексеевне и Елене Ивановне¹⁵ милой *братскую*. Не правда ли, что жизнь была бы прекрасною вещью, когда бы половина или хотя утро каждого дня было таким, какое провели мы вместе в Володькове¹⁶ за круглым столом. *Vive les bons coeurs!** И с добрым сердцем не хотеть жить на свете! *Кто приказал*, скажу я с Варлашкою!¹⁷ *Я сам капитан!*

Вася едет в Орел с Сергеем¹⁸ и там всё, что нужно, сделает. Я ему дам письмо к всемогущему Клушину¹⁹.

Рецепт отправлен мною в Орел, и капли тотчас пошлются к Е<лене> И<вановне> т. е. к Катоше²⁰. Простите, милые братья.

Vivat!** Азбукин нашелся²¹. Растопчин²² видел его в Париже. Три ордена.

Не забудьте о том, что я Вам говорил. Обо мне ни слова; когда будут начинать с Вами говорить, отклоняйте материю.

161.

А. И. Тургеневу

21 июня 1814 г. <Чернь>

Милый друг, обнимаю тебя и спешу дать тебе несколько препоручений, о которых ты, верно, позабудешь. Сначала побранимся: я просил тебя несколько раз о Астракове; для меня очень важно сделать услугу его матери, которую мать моя очень любила и которая всё полагает счастье в своем сыне. Неужели тебе лень об нем подумать? Друг милый, утешь меня, похлопочи об нем. Теперь еще две просьбы. Одна об общем нашем благодетеле Антонском¹. Он просил меня убедить тебя выходить ему место директора Лицея². Можешь ли? По крайней мере, сделай, что можешь. Как же не весело нам об нем заботиться? Я всегда храню к нему в сердце благодарное уважение. Другая просьба о Плещеевых³. Здесь есть пленный доктор Фор⁴, которого они очень бы желали оставить у себя. Есть ли средство, и если есть, то какое? Уведомь об этом обстоятельно и поскорее. Наконец, последнее. Кавелин писал ко мне о Никольском⁵, который торгует мои стихи для своего издания. Извини меня перед ним и поблагодари за честь.

---

* Да здравствуют добрые сердца! (*франц.*).

** Да здравствует! (*франц.*).

На его желание согласиться не могу, потому что сам хочу скоро выдавать всё свое вместе. Тот же ответ и от Воейкова. О себе не пишу ни слова, а буду писать много. Мне надобно разделить с тобою все свои чувства. Уверен, что ты будешь и ободрителем моим и во всём со мною согласишься. Твое одобрение есть мое верховное судилище.

Скоро у вас в Петербург будет и мой, и твой знакомец: милый, прелестный человек — Протасов, сын Павла Ивановича⁶. Поручаю его твоей дружбе. Он стоит ее. Он меня любит. Я буду писать об нем много. Он будет искать службы. Ты должен быть ему в этом случае самым ревностным помощником.

Пришли мне новое сочинение Уварова⁷.

Прости, милый, бесценный друг.

От всего сердца твой Жуковский

1814. 21 июня

162.

М. А. Протасовой

21 июня <1814 г. Муратово>

21 июня. Понедельник. Я возвращаю тебе Май, *пустой* совершенно¹. Что было в него записывать? Нужно ли было выражать для моего друга такое состояние души, которое было ее недостойно. Пустота в сердце, непривязанность к жизни, чувство усталости — вот всё. Можно ли было об этом писать. Рука не могла взяться за перо. Словом, такая жизнь была смерть заживо. И самое живое и приятное желание и надежда мои были в это время на смерть! Друг мой! прости меня! теперь о смерти не могу подумать без самого нежнейшего о тебе сожаления. Как желать ее, когда ты на свете! Как предпочесть свое спокойствие твоему! Маша, милая моя спутница, моя истинная благодетельница, заплачу ли за все те чувства, которые ты в меня поселила, презрением к жизни, к самому себе, низостью, отчаянием! Нет! я должен любить тебя иначе! Я должен жить для тебя — кто мне запретит это! Быть счастливыми, то есть дойти до своей цели, зависит не от нас; но быть достойным счастья, идти к прекрасной цели — о! это наше! наше навеки! Как живо чувствую в эту минуту всю высоту жизни, посвященной добру и тебе! Не знаю, как пробудилось во мне это чувство, — но это сделалось вдруг. По моему письму к М<арье> Ник<олаевне>², то есть по его началу, ты могла судить, что я взялся за перо совсем в другом расположении: и мысли, и чувства были черные. Вдруг как будто свет озарил мое сердце и взгляд на жизнь совсем переменялся. Ангел-утешитель! ведь ты на свете и ты моя.

Я остановился на этом месте и пошел в залу искать платка — ты подала мне изломанное кольцо³. Как кстати, какой прекрасный знак! Друг мой, оно дано

тебе *не мною*. Возьми *мое*. Пускай оно означает совершенную перемену моих чувств к тебе на лучшее, возвышеннейшее чувство самой чистой, неизменной привязанности; в ней истинная моя жизнь; она будет для меня источником верного счастья, добра, надежды, религии и наконец получит награду от того, кто будет *видеть* жизнь мою, кто соединил нас и освятит наш союз. В знак *того же* дай и ты мне кольцо *от себя*. Обручимся во имя Бога на добродетель, на хорошую жизнь, которая пройдет если не вместе, то по крайней мере *одинаково* и для *одного*. Милый друг, уверяю тебя, что ты мне теперь еще милее, еще святее и необходимее прежнего. Я в последний месяц слишком испытал, что без тебя, без ободрительного о тебе воспоминания, без чистой к тебе привязанности я ничто. Мы не можем быть вместе. Но одна кровля, одно небо — разве не одно и то же! Главное — *наше сердце* — кто его переменит? Мы могли бы жить вместе, если бы нам дана была полная доверенность, полная свобода любить друг друга и показывать друг другу без принуждения самую чистую привязанность! Мы бы были счастливы вместе и сохранили бы свое счастье непорочным. Но ожидать такой доверенности невозможно. Захочешь ли, чтобы я был только терпимым в твоей семье, без уважения, без дружбы; чтобы я всякую минуту чувствовал недостаток счастья; завидовал тем, кто пользуются бесценно правом делить всё с тобою, и свои чувства таил бы как какое преступление. Вдали от тебя я более с тобою. Здесь всё для меня отравлено. Когда я один, то думаю только о том, как бы быть с тобою, и ничто другое не входит в голову; когда с тобою, то сердце рвется и самая твердость исчезает, — поневоле ропот, досада на жизнь, унылость во мне поселяются. Такая жизнь тебя недостойна. Когда я с тобою простился, то в первые дни, или, лучше сказать, во весь первый месяц, я был как мертвый — нестерпимая холодность ко всему давила мое сердце.

О! смерть несравненно лучше такого ощутительного ничтожества. В душе моей было одно только чувство разлуки. Всему конец, нечего искать в жизни — вот что я думал и более ниче<го> не мог думать! Но это переменялось! Я нашел верное для себя убежище — ангел мой! хранительница моего сердца! самое лучшее украшение моей жизни! Ты мое убежище! Как могла ты сказать в своем последнем бесценном письме⁴: *я даже желаю, чтобы ты меня любил мене*. Это желание убийственное; нет! нет! Желаю, чтобы моя к тебе любовь усиливалась, если можно, беспрестанно! В ней *всё* для меня! Она заключает для меня всю мою силу и деятельность в *настоящем*; ею может быть для меня прекрасно и *будущее*! С нею могу воображать *вечность*! Она даст мне пример — религию. С нею я богач — без нее был бы самый жалкий, отверженный нищий. Скажу тебе то же, что я писал к Марье Николаевне: для нас осталось теперь одно: *твердая вера друг в друга*! Разве, расставшись, мы друг для друга погибли! Разве нет у нас одной общей надежды; одного верного защитника! Разве цель, к которой он нас ведет, не прекрасная! Он только говорит нам: *идите!* Ужели откажемся

от проводника доброго? Разве можем требовать награды прежде заслуги? Разве брошены мы в эту жизнь как в пустыню, в которой ужасы собраны только для того, чтобы ужасать! Нет! это опыт! Из него надобно выйти невредимо и достойным награды! Вера в тебя будет моею твердостью! А ты верь мне и будь спокойна! Тот, кому дорого наше прямое счастье, сделает всё за нас и лучше, нежели мы сами. Неудача употребленных нами усилий доказывает нам только то, что мы *ничего* не можем, итак, оставим всё на волю Тому, кто *всё* может! А мы будем ждать, каждый в своем углу, розно, чтоб после благодарить *вместе*. «Где бы я ни был (это выписываю из письма моего к М<арье> Н<иколаевне>), всё ты будешь в душе моей, лучшею моею надеждою, верным моим счастьем. Будем в настоящем относить всё к этой надежде, а о будущем перестанем и заботиться. Станем *порознь* употреблять это *настоящее* самым лучшим образом, имея в виду то счастливое *вместе*, которое когда-нибудь придет. *Знай и верь*, что я живу для тебя. Разве место и время переменят чувства. С такою целью могу любить жизнь! Где бы я ни был, везде буду помнить, что я принадлежу тебе. Итак, везде и всегда надобно быть тебя достойным. Если дашь мне слово (и сохранишь его) быть спокойною и беречь себя для лучшего времени, то я даю слово (и сохраню), что буду пользоваться сколько можно своею жизнью, буду думать о себе как о твоей свято неотъемлемой собственности. Как не уважать жизнь, когда она *твоя*! Как не желать ее сделать тебя достойною!» Разве мысли быть тобою любимым не довольно на целую жизнь! Такое счастье подвержено ли перемене судьбы? Случай может ли им владычествовать! Нет! нет! верить Провидению! верить друг другу! всегда и везде быть достойными друг друга — вот всё! Остальное не может быть дурно! Дай же мне руку! будь мне примером! товарищем! ангелом-хранителем!

Милый друг, расставаясь с тобою, я много теряю! Боже мой! не видаться! Но знаешь ли, что мы выигрываем? Свободу любить друг друга! Мы заплатили за нее своим пожертвованием! Теперь любовь верная и чистая *наша* и никто не может на нее иметь права. Маменька⁵ могла бы дать нам полное счастье — о! с таким счастьем ничто не сравнится! Но теперь она уже ничего у нас отнять не может! Без этого полного счастья нам нельзя быть вместе. *Без доверенности, но вместе* — мы бы опять были рабами, принуждены бы были таиться и притворствоваться, — *розно* мы свободны, и наша любовь принадлежит нам по праву. Я никогда и нигде не буду *одиноким* с моею к тебе привязанностью, с моею верою в твое сердце! Я буду богат мыслью, что ты моя и что всякое мое чувство, всякая мысль, всякий поступок мой будут освещены воспоминанием о том, что мне всего дороже, — разве это не жизнь? Кто такой союз разрушит? Кто имеет право его осуждать? Наша жертва сделана! Теперь мы выше всех, кто так равнодушно располагает нашею судьбою; мы спокойно можем скрыть себя в глубину сердца и в нем находить свое счастье, в нем заключить веру друг

в друга, не зависящую ни от кого, и веру в Провидение, которая нас приведет ко всему и всё заменит, что дурно, добрым. *Розно* — мы независимы ни от кого, ни от чего. *Вместе* — нас только бы оскорбляли и сохранили бы еще некоторое право и на то, что у нас в сердце. Нет! мой ангел! для меня довольно одной моей к тебе привязанности на целую жизнь! *Одно* чувство распространит на нее самый прекрасный свет, который ничем не помрачится. Я буду, буду дорожить жизнью.

Признаюсь тебе, с тех пор как я сюда возвратился — я несколько колебался в этих мыслях. Видя тебя снова, чувствую всё то жестокое горе разлуки, которое стесняло мою душу, — вижу одно только то счастье, которого я лишен, и забываю о том, которое мне осталось. Видеть тебя перед собою и иметь одно только воспоминание о тебе — какая разница! Но я и не хочу сражаться с этим чувством: пускай оно меня мучит! Теперь последнее время — оно бесценно при всех страданиях! Но даю тебе слово, что убийственная безнадежность ко мне уже не возвратится. Нет! друг милый! Я знаю, где и в чем искать счастье! По крайней мере, теперь я с одной стороны спокойнее, — я ничего не жду от маменьки; я поставил себя выше несправедливости и пренебрежения и доволен мыслью, что она уже у меня ничего отнять не может.

Прошу от тебя только одного — будь мне примером и верным товарищем в этой твердости, в этой взаимной доверенности; ищи такого же спокойствия в самой себе. О, если бы я мог быть уверен в твоём спокойствии! Какую бы твердость это мне дало на целую жизнь!

Я сделал себе правило, которое одно мне на *целую жизнь* послужить может. При всяком чувстве, при всякой мысли, при всяком намерении буду у себя спрашивать: *достойны ли они моей Маши? Можно ли их ей открыть? Будет ли и должна ли она в них участвовать?* Милый мой ангел, разве этого не довольно, чтобы не только не испортиться, но еще и сделаться лучшим?

Скажу несколько слов о своем плане жизни. Для меня теперь одно — занятие. И это занятие будет тройное: *читать* — собирать хорошие мысли и чувства; *писать* — для славы и пользы; *делать* всё то добро, которое будет в моей власти. Милый ангел, еще жить можно. Хорошо мыслить и чувствовать не есть ли быть всегда с моею Машею, становиться для нее лучшим. О! я это часто, часто испытывал: при всякой высокой мысли, при всяком хорошем чувстве воспоминание о тебе оживляется в моем сердце! я становлюсь как будто с тобою знакомее и дружнее. Где же разлука? Разве не от меня зависит всегда быть с тобою вместе? *Слава* имеет теперь для меня необыкновенную и особенную прелесть — какой, может быть, не имела прежде. Ты будешь обо мне слышать! Честь моего имени, купленная ценою чистою, будет принадлежать тебе! Ты будешь радоваться ею, и обещаю возвысить свое имя. Эта надежда меня радует. Приобрести общее уважение для меня теперь дорого. О! как мне сладко думать,

что сердце твое будет трогаться тем уважением, которое будут мне показывать. Или его не будет, или оно будет справедливое, достойное тебя, мой друг бесценный и единственный.

Быть *добрым на деле* значит для меня любить мою Машу. Я мало, слишком мало добра сделал. Теперь много имею быть причины сделаться добрее. Всякое доброе дело будет новою с тобою связью. О! если бы только это не осталось одним намерением! Боюсь своей лени, — а здесь нужна деятельность! Но ты со мною! Буду выработывать деньги! Часть себе, — а всё, что не будет *необходимым*, — другим. Но и пожертвование даже будет весело. Какой прелестный у меня свидетель! Милый друг! проси Бога, чтобы Он благословил меня на такую жизнь и сама дай мне благословение любви, верности и товарищества. Всё доброе, что мы сделаем, будет для нас *заслугою* для счастья в глазах Провидения. Но мы будем только верить этой награде, — а действовать и без награды, только не желай, чтобы *любовь моя к тебе уменьшилась*. Нет! пускай она час от часу усиливается: в ней все мои сокровища.

Думаю, что буду жить в Мишенском, — то есть Мишенское будет главным местом моего пребывания (впрочем, увидим). Желал бы лучше в Долбине. Дуныша всех лучше умеет тебя любить⁶, всех лучше тебя понимает и с нею всегда говорим об тебе *одним языком*, но у нее нет места.

Уединение для меня лекарство. Я всегда лучше с собою, когда один; душа утихает; мысли приходят в порядок и *лучшее* всё подымается вверх. Для меня рассеяние не только не нужно, но и вредно. От чего мне рассеиваться? Неужели желать забыть? Забыть всё мне милое, всё лучшее!

Нет! моя к тебе любовь не может быть моим губителем! Теперь более нежели когда-нибудь знаю, сколько она нужна моему сердцу! Как бы то ни было: буду *здесь, с ними*, как можно уединеннее; порядок и занятие — этого в рассеянной жизни найти не можно! Рассеяние, если не отвлечет меня сердцем от моей милой цели, то по крайней мере будет препятствием стремиться к ней на деле. Думаю, однако, что изредка буду заглядывать и в Москву. Сарепта же была безумная мысль⁷, произведенная первым волнением. Нет, милая, совершенно уединиться невозможно — но лучшие минуты мои будут для меня со мною. Часть времени буду проводить в Черни. Одним словом, буду кружиться на своей родине. Но, Боже мой! то место, где я считал иметь всё, мой рай земной, будет уже для меня пусто или заперто. Но зачем этим себя мучить? Мой рай — твое сердце — оно никогда не будет для меня закрыто. Как, однако, вдруг одна мысль всё помрачит, и надобно пройти несколько времени, чтобы душа опять пришла в порядок. Какое горькое сиротство в этом слове — *быть розно с тобою*. Но разве я думаю теперь о счастье? Его нет! Нам надобно думать только о вере в счастье! Оно будет наше, когда мы будем счастья достойны. Мы еще много сокровища сберегли от бури! Но смею ли сказать, что мы сберегли луч-

шее! О! это слово: *розно!* Как оно раздирает душу! Другие будут иметь право заботиться о твоём счастье! А я буду для тебя чужой? Нет! не чужой! Они будут только иметь наружность права! а настоящее, данное твоим сердцем, принадлежит мне! В своём уголке буду думать, верить, утешаться мыслью, что я *живу для твоего счастья!* что мое право никому не будет уступлено. Это жестокое *розно* можно украсить; всё, всё употреблю на то, чтобы оно не было так убийственно. *Думать, чувствовать, делать, писать* — всё для тебя! О! если бы только иметь довольно твердости — но моя твердость зависит от твоей. Будь моим утешителем, хранителем, спутником жизни!

Ты говоришь о поездке в Петербург — если можно будет согласить уединение и занятия с петербургскою жизнью, то я поеду. Но ты напрасно желаешь, чтобы я вошел в службу, — служба ничего мне не доставит! Всё могу сделать пером — а для пера нужны уединение и свобода. Одно только может меня на это подвигнуть: петербургская жизнь нас сблизит! Но что же пользы, если только сблизит, а не соединит, а между тем бросит меня совсем не в тот круг действий, в котором я могу что-нибудь хорошее сделать. Впрочем, обо всем посоветуюсь с Тургеневым⁸. Он укажет мне настоящую дорогу. Ты пишешь: *нельзя, чтобы маменька не захотела тебя увидеть.* Ангел мой! мне ужасно быть у вас гостем! Увидеться для того, чтобы расстаться, — какое мучение! Быть подле вас и не с вами — как это тяжело! О! тогда нет ни покоя, ни твердости! Душевное волнение не дает места никакой доброй мысли укорениться; чувствуешь одно бремя жизни и желаешь только его сбросить. Здесь я буду по крайней мере без забот и независим.

Всем бы этим я пожертвовал, когда бы мог видеть, что петербургск<ая> жизнь приведет к чему-нибудь счастливому. Но еще раз повторяю — наше счастье зависит теперь единственно от Провидения! вверим ему отеческую об нем заботу. На *наши* средства полагаться нечего. Моя последняя надежда была на Воейкова — милый друг, эта надежда пустая⁹. Он не имеет довольно постоянства, чтобы держаться одной и той же мысли. Я боюсь быть к нему несправедливым — но кажется мне, что пылкость его и рвение более на словах, и он слишком переменчив для приведения чего-нибудь к концу. Я не сомневаюсь в его дружбе. Но теперешний язык его и со мною не похож на *прежний*. Он прежде говорил так часто о *нашей жизни вместе*; теперь об этом нет и в помине. Il s'est trop vite résigné pour moi^{*}. Мы с ним живем под одною кровлею и как будто не знаем друг друга, а нам жить вместе недолго. Одним словом, лучше не ждать ничего и ни от кого, а верить Тому, кто не обманывает и не переменяется. О, мой милый друг! Ему поручаю твою судьбу и твое будущее, и в этом всё мое — ты моя единственная цель в этом свете. Пропади твое счастье, и я не подорожу

^{*} На мой взгляд, он слишком быстро смирился (*франц.*).

жизнью! Тогда будет приятно с нею расстаться, и слово «смерть» опять получит для меня свою прелесть. Теперь жизнь моя освящена тобою, и я буду любить ее как твою принадлежность.

Теперь план моей жизни тебе известен — благослови нас Бог! Я уверен, что ты одинаково со мною думаешь и о себе. Я желал бы, чтобы ты более занималась и таким, что бы питало твою душу. Я желал бы, чтобы ты сколько можно более читала. План чтения у тебя есть. Форово предписание также¹⁰. Неужели без меня не будешь о себе заботиться так же, как и при мне? Вот что тебе скажу: в первые дни после моего от вас отъезда мне пришло желание сделать что-нибудь такое, что бы совсем расстроило здоровье, что бы дало болезнь, и если можно, смертельную — прости меня за такую мысль, но знаешь ли, что меня останавливало всякий раз? — *сожаление* о тебе, а теперь и самая мысль о смерти возбуждает это сожаление — ангел мой! имей такое же ко мне сожаление! Береги себя! Не убей моей жизни. Я желал бы, чтобы ты не бросала и своих *feuilles volantes**. Записывай дни свои, мысли и то, что хорошего заметишь в книгах, — я то же буду делать и с своей стороны. Когда-нибудь разменяемся.

Участие Алек<сандра> Павл<овича>¹¹ в нас сильно меня тронуло. Какое доброе сердце! Но эта доброта не одно преходящее чувство — нет, она выше! Она дает его душе сожаление и побуждает ее *действовать* для облегчения или утешения! Это прямая, но редкая доброта. Дружба такого человека бесценна: я готов его любить как брата — и знаешь ли, что меня радует? То, что он познакомился с Тургеневым¹² и они вместе — два добрых, благородных сердца — будут о нас заботиться. Я с ним переговорю о Петербурге. Если можно будет всё согласить, то он с Тургеневым всё устроит.

Такая привязанность к нам милых, прекрасных людей не есть ли большое утешение? О мой ангел! сколько людей тебе желают счастья!

Авдотья Никол<аевна> придет, и придет с уроками и увещаниями¹³. Друг милый, не старайся ее убеждать; скажи ей просто, что она разрушила прямое счастье; но скажи один раз и не давай ей никакой доверенности; отклоняй даже и разговор, если она захочет с тобою обо мне говорить. Всё решено. От нее же утешения не нужно.

Я буду писать к маменьке — но только тогда, когда с нею расстанусь. Я никакой надежды не полагаю на свое письмо — но сказать ей всё необходимо. Ее мнение обо мне несправедливое и унижительное — это надобно ей доказать. Более ничего и не желаю. Я не хочу, чтобы она считала, что я признаю себя виноватым, что принимаю изгнание из ее дома с покорностью раскаяния. Нет, такое мнение о себе ей оставить мне невозможно. Теперь она ко мне ласкова. Я этого не приму за дружбу. И вера к ее ласке совсем исчезла в моей душе. Но

---

* Отдельные листки (франц.).

я благодарен ей и за добрую наружность. Теперь вижу в ней одну твою мать, и это имя для меня свято. Почтение, неожиданное ничего и терпение — вот всё. Письмо мое будет просто. Отъезд мой не будет разрывом. Наружность связи будет сохранена.

Прилагаю при этом письмо М<арьи> Ник<олаевны>¹⁴. Ответ на то, которое я к ней написал, и еще письмо Дуняши, после него написанное. Милые люди! Какое наслаждение для нас их дружба и участие! Они ничего не заменят для меня — но они будут знать мою цель! Они будут понимать мои чувства! С ними легче и бодрее буду идти к этой цели.

Милый ангел! сердце разрывается, когда подумаю, что ты не будешь иметь их с собою. О! для меня было бы легче, когда бы можно было отдать тебе все свои отрады! И тогда бы я не был одиноким! Нет! нет! прочь мысль об одиночестве! Моя цель прекрасная! Мой милый спутник в одном свете со мною: мы мыслим, чувствуем и живем одинаково и для одного! Боже! благодарю тебя!

Прилагаю при этом и *весь пустой май*. Прошу тебя всё это в него переписать. От слова до слова, и прибавить свой ответ. Эта книжка будет моим законом. А то, что ты мне напишешь, перепишу для тебя. Даю тебе слово, что вся моя жизнь будет посвящена исполнению этих добрых намерений или (чтобы кончить одною чертою) *любви к тебе*.

Воспоминание, святая, утешительная мысль о моем друге — пусть будет оно хранителем моего сердца. Где бы я ни был, этот ангел меня не покинет. С ним моя жизнь не может быть пустою, ничтожною жизнью. Нет, она будет *доброю* жизнью. Я чувствую в душе своей какое-то стремительное влечение к добру. Чувствую за себя и за тебя высокую твердость, которая говорит мне: *вы ни от чего теперь не зависимы. Ни судьба, ни люди не истребят того, что вы имеете! а лучшее впереди! Там Бог! Он вас видит и вы в любви Его неразлучны! Никогда будете сами это чувствовать. А теперь только верьте и будьте выше своего жребия.*

Laß mich

Aus dem geliebten Mund was meine Seele hasset
Nie wieder hören! Klage dich
Nicht selber an, nicht Den, der was uns drücket
Uns nur zur Prüfung, nicht zur Strafe zugeschicket!
Er prüft nur, die Er liebt, und liebet Väterlich!

.....
Mir sagt's mein Herz, ich glaub's, und fühle was ich glaube.
Die Hand, die uns durch dieses Dunkel führt,
Laßt uns dem Elend nicht zum Raube.
Und wenn die Hoffnung auch den Ankergrund verliert,
So laß uns fest an diesem Glauben halten:

*Ein einziger Augenblick kann Alles umgestalten.
 Doch laß das ärgste sein! Sie ziehe ganz sich ab
 Die Wunderhand, die uns bisher umgab;
 Laß sein daß Jahr um Jahr sich ohne Hülf erneue,
 Fern sei es das mich je, was ich gethan, gereue!
 Und läge noch die freie Wahl von mir,
 Mit frohem Muth ins Elend folgt'ich dir!
 Mir kostet's nichts von allem mich zu scheiden
 Was ich besaß; mein Herz und deine Lieb' ersetzt
 Mir alles; und so tief das Glück herab mich setzt,
 Bleibst du mir nur, so wird' ich keine neiden
 Die sich durch Gold und Purpur glücklich schätzt,
 Nur, daß *du leidest*, ist mein wahres Leiden!
 Ein trüber Blick, einstach, das dir entfährt,
 Ist was mit tausend Färb die eigne Noth erschwert.
 Sprich nicht von dem was ich für dich gegeben,
 Für dich gethan! Ich that was mir mein Herz gebot,
 That's für mich selbst, der zehenfache Tod
 Nicht bitterer ist als ohne dich zu leben.
 Was unser Schicksal ist, hilft deine Liebe *mir*,
 Hilft meine Liebe *dir* ertragen;
 So schwer es sei, so unerträglich — hier
 Ist meine Hand — ich will's mit Freuden tragen^{*15}.*

На твое письмо завтра буду отвечать¹⁶.

---

* Не заставляй меня // Никогда больше слышать из любимых уст то, // Что ненавидит моя душа! Не обвиняй // Ни себя, ни Того, который посылает нам страдание // Лишь как испытание, а не как наказание; // Он только испытывает тех, кого отечески любит! // <...> Мне говорит это мое сердце, я верю и чувствую то, во что верю. // Рука, ведущая нас сквозь этот мрак, // Не отдаст нас в добычу отчаянью. // И даже если надежда потеряет почву, // Мы будем крепко держаться за якорь веры: // *Одно единственное мгновение может всё преобразить.* // Пусть будет худшее! Пусть совсем нас покинет // Чудотворная рука, доселе хранившая нас; // Пусть год идет за годом, не принося облегчения, // Я не раскаиваюсь в том, что я сделал! // И если бы у меня был свободный выбор, // Я радостно сопровождал бы тебя и в нужде! // Мне ничего не стоит от всего отказаться, // Чем я обладал; мое сердце и твоя любовь // Заменят мне всё; и как бы глубоко ни низвергла меня удача, // Если только ты мне останешься, я не позавидую никому, // Кто считает себя счастливым в золоте и пурпуре; // Лишь то, чем *ты страдаешь*, — для меня истинное страдание! // Мрачный взгляд, упрек, вырывающиеся у тебя, // Тысячекратно утяжеляют мое страдание. // Не говори о том, что я дал тебе, // Что я для тебя сделал! Я делал то, что требовало мое сердце. // И делал для тебя; десятикратная смерть // Не горше жизни без тебя. // То, что будет нашей судьбой, поможет мне // Вынести твоя любовь, а тебе — моя; // Как бы тяжело ни было, как бы невыносимо — // Вот моя рука; я понесу бремя судьбы с радостью (нем.).

163.

М. А. Протасовой

28 июня <1814 г.> Дер. Куликовка — Сорочьи Кусты <Орловская губ.>

Июня 28

Я еду по вашим следам. Остановился в Куликовке, в 17 верстах от Орла, там, где вы ночевали в последний раз, возвращаясь с ярмарки. Сижусь на том месте, где ты сидела, мой милый друг, и воображаю тебя. Хозяйка мне рассказывала об вас и я уверил ее, что я жених, но что невеста моя не младшая, а старшая дочь той госпожи, которая у нее останавливалась.

Ночевать буду в Разбегаевке, на вашем же ночлеге; а завтра обедать в Губкине у Крылова¹ и поклонюсь тому гробу, который вы сами сделали.

Ты видела меня грустным, друг милый, в последние дни — может ли быть иначе? Во всяком положении, где бы я ни был, грусть более или менее будет в моем сердце — она будет его обыкновенным состоянием. Могу ли когда-нибудь не чувствовать, что я лучшего не имею в жизни и иметь не буду? Но как же расстаться с нею, с этой грустью? Она есть для меня воспоминание; счастья истинного, настоящего никогда для меня не будет, и я не могу даже его искать. В чем можно найти его? Но верь мне! убийственная безнадежность никогда ко мне не возвратится. Тем, что осталось для меня в жизни, буду стараться воспользоваться<ся>, и так, чтобы не был недостойным тебя. Теперь должно переменить понятие о жизни. Вчера, — подъезжая к Мезени², я смотрел на рощу, которая растет близ дороги, — погода была тихая, и роща была покрыта прекрасным сиянием заходящего солнца. Чувство во мне было приятное, но с этою приятностью соединено было уныние, которое всегда чувствую, когда что-нибудь подобное мне представится. Я очень понимаю это чувство. Прежде (но давно уже) с приятным впечатлением соединялась всегда веселая надежда на будущее — надежда неизвестная, но еще не обманутая и потому веселая. Теперь при каждом таком впечатлении недостает веселой надежды, и сердце стесняется. Будущее известно. Ждать того, что составляет лучшее в жизни, нечего... Для чего это пишу? Чтобы сказать тебе то, что я в эту минуту подумал. Мысль обыкновенная, слишком обыкновенная. Но в эту минуту она показалась мне разительно-новою. Отчего это? Оттого, что прежде она была просто мыслью, а теперь есть опыт; тогда убеждал в ее справедливости один ум, а теперь она представилась как необходимость, как прибежище: — *Ограничить себя настоящим*.

Будь настоящее наш утешительный Гений³.

Милый друг, настоящее принадлежит нам. Если надежда на будущее пропала, то будем, сколько возможно, стараться пользоваться настоящею мину-

тою и соберем *вокруг себя всё то*, что у нас есть, — предоставив *всё будущее без всякой заботы* попечению Промысла. В настоящем мы принадлежим друг другу и настоящим должны жить друг для друга. Будем, смотря на прекрасный вечер, наслаждаться им и не давать воли сердцу сжиматься при мысли о будущем. *То, что есть*, на то устремлять *всё* внимание, и не давать никакой посторонней мысли его расстраивать. В том маленьком кружку, в котором суждено мне действовать, может найтись *доброе* занятие для каждой минуты. А я имею свидетеля, верного и неразлучного со мною. Любви к этому другу достанет на всю жизнь.

Но всё это одно прибежище. Я уцепился за него, как утопающий за доску. Лучшего в жизни, семейственного счастья, единственного, которого мог я желать, я иметь не буду — грусть об его потере всегда останется на дне сердца. Не должно только давать ей власти — чтобы она не отравляла того, что мне осталось. Жизнь моя должна быть тебя достойна — в этом главная теперь моя обязанность.

Но пользоваться настоящим — эта мысль еще не имеет для меня полной ясности. Это одно только темное намерение. Во мне два человека. Один — *вседневный*, то есть по привычке недеятельный, следующий своим склонностям, со всеми недостатками; другой — *совершенный*, то есть в иные минуты готовый на всё прекрасное, имеющий высокие мысли и желания. Этого *совершенного* я вижу часто как будто во сне, и он точно как сон пропадает, оставляя по себе одно легкое воспоминание. Надобно непременно взять, как говорится, *этот сон в руку*. Не надобно быть хорошим во сне; надобно *совершенное* сделать *вседневным*. Совершенное: какое гордое слово... но, друг милый! если предположить себе цель, то уже должно, чтобы эта цель была самая высокая.

Например, кстати или некстати, скажу то, что пришло мне в голову об *удовольствии*: много такого называют удовольствием, что пленяет нас одну минуту и потом исчезает, не оставив по себе следа. Достойно ли такое удовольствие искания? Нет! одно *удовольствие с воспоминанием* есть прямая принадлежность души человеческой; одно воспоминание может дать ему цену. И только такие удовольствия могут *слиться в счастье*. Но для этого они должны быть *добрые*. Об этом много бы можно было сказать; после что-нибудь и напишу. Еще одна мысль: пока ничто в жизни не решилось, по тех пор мы живем *вне себя* — всё наше; от всего чего-то ждешь; когда же узнаешь, что такое жизнь, — то нужда велит заключить себя *в самом себе*, с тем, что лучшего сберечь от судьбы своей. Еще счастлив, когда это прибежище возможно, когда сам для себя можешь быть приютом. Милый друг! я не буду один в этом приюте — мой лучший друг со мною! Ты!

Вот смешное замечание. В Орле остановился я ночевать на постоялом дворе. Там стоит княгиня Несвицкая⁴ с больною дочерью. Эта женщина в раз-

воде с мужем, которого я знал. Глупый и пустой человек. Но вот что смешно. С глупым мужем она не ужилась. А к глупому любовнику имела *нежную привязанность*. Чтобы сказать *всё* одним словом, этот Грандиссон был Ник<олай> Ив<анович> Вельяминов⁵. Чтобы быть мужем — нужны добродетели; а любовника делает прелестным для многих женщин мысль, что его можно оставить. Pardon, pour cette bêtise. Je ne devrais pas la faire entrer ici^{*}. Но мне хочется с тобою болтать.

Пишу к тебе, сидя у дверей постоянного двора, — деревня Сорочьи Кусты; в Разбегаевке оттого не остановился, что завтра будет слишком велик переезд до Губкиной. Но я *видел* тот двор, в котором вы ночевали. Перед самыми окнами колодезь и мост. Признаю, жаль было его проехать.

Около меня бегают три забавных мальчика — здоровые и свежие, хозяйские дети. Я перекупил у них землянику, за которую они предлагали грош, а я дал пятак. Надобно было видеть их гордость, когда они торговались, и смирение, когда торг не состоялся; но я их утешил, разделив эту землянику между ними. Этот великодушный поступок произвел великое впечатление над детьми, собирательницами земляники. Явилось их ко мне с полдюжины — и у всех земляника была куплена и роздана ребятишкам, за исключением одного стакана, за этим транспортом явился новый — но я отказал. Вот все мои подвиги.

Вот еще мысль: самая верная дорога к цели есть *прямая*⁶. Осторожность не есть хитрость. Но хитрить — значит подвергать себя опасности быть открытым, необходимости поддерживать обман обманом, или себе изменить. Если цель хорошая, то чтобы к ней достигнуть, надобно и средства употреблять хорошие; — иначе дурные средства и самую цель обезобразят. Кто ищет счастья, тот должен его *стоять* и чувствовать, что стоит; без этого чувства не будет и счастья. Получив желаемое унижением самих себя, мы сами то уничтожаем, чего желали, ибо дело не в приобретении, а в сохранении; — приобретение — *минута*, сохранение — *жизнь*.

Но как же сохранить хорошее, когда оно приобретено дурным способом и, след<овательно>, когда мы сами сделались неспособны им пользоваться. Важность не в *присутствии счастья*, а в том, чтобы *мы* могли выдержать его присутствие.

Эта мысль написана прежде моего разговора с маменькою *об Иванове*⁷.

Писал бы еще более, но темно; надобно ложиться спать, чтобы встать до свету. В Губкине опять поговорю с тобою. Эти синенькие книжки непременно будут продолжаться. Прошу и тебя писать. Возвратясь, нашел их тебе много.

Хорошо, что я ничего не писал в мае. Он точно был пустой в жизни⁸. Но ты его наполнишь. Эта книжка всегда будет при мне. Она будет моим катехизисом.

---

^{*} Извини за эту глупость. Я не должен был ее сюда записывать (*франц.*).

164.

М. А. Протасовой

29 <июня 1814 г.> С. Губкино <Орловская губ.>

29 <июня>. — Губкино. Лежу в сарае, в санях, на сене. Читаю Виландова *Diogenes von Sinope*¹ и часто перерываю чтение, чтобы думать о тебе. Гулял и по кладбищу — даже и срисовал его.

Ты хотела знать мои мысли о предведении. Право, не помню, что я писал к Ив<ану> Вл<адимировичу>², — этого письма нет у меня. Смысл, кажется, следующий: в мире, под властью Божиею, два закона управляют всеми вещами. Один физический — неизменяемый, другой нравственный — свободный. Первому подчинено всё, не имеющее ума. Последнему — всё, что имеет ум и волю. Предопределение, фатализм существует только в физическом мире.

Закон, установленный от века, продолжает и вечно будет продолжать действовать без всякого изменения. Но в нравственном мире нет предопределения, иначе не было бы и воли, а без воли нет добродетели, и человек был бы машиною, самую жалкою из машин, потому что он бы чувствовал свою неволю. Но предведение и предопределение одно и то же. Бог предвидит только то, что сам предопределяет. Предвидеть наши поступки — значит предопределить их, значит отнять у нас волю. Только тогда Бог может быть нашим помощником, защитником и наградителем, когда не будет иметь сего предведения, лишаящего и Его всякой свободы относительно к нам. Одному только всемогуществу возможно было отказаться от сего предведения. Случаи жизни устраиваются Промыслом; путь человека назначается им же, но человек сам действует, сам мыслит — чувствует посреди этих случаев, сам *идет* по этой дороге. Всё, что ни встречается с нами в жизни, есть только *повод к действию* и зависит от Провидения. Но *как по этому* поводу действовать, это зависит от нас.

Творец предоставил себе только одно — судить наши действия. Не предвидя их, Он оставил себе свободу нас награждать; облегчать работу, трудную для наших сил, содействовать нам, располагать случаи так, чтобы мы не могли никогда потерять силы и надежду (для этого Он требует от нас одного только упования). В противном случае нет для человека надежды, а для Творца свободы исполнять надежду верующего сердца. Если подумаешь, то ты найдешь, что моя мысль гораздо более сходна с понятием о Провидении, нежели мысль тех, которые дают Богу это жестокое предведение, думая тем доказывать Его всемогущество, но в самом деле только лишая Его свободы. Надобно отделить человека *самого* от того, что бывает *с человеком*. То, что с ним бывает, определяется, устраивается, предвидимо Божеством. То, что он *сам* бывает в этих разных случаях жизни, — зависит единственно от него и предоставлено совершенно на произвол его всемогуществом Божиим. В одном и том <же> случае человек (один

и тот же) может действовать тысячью разных манер — доказательство, что от него зависит избрать способ действия. Иначе, где было бы достоинство человека. Бог склоняет человеческую волю к добру — это правда, но человек властен следовать или не следовать этому влечению. В чем же состоит Провидение? В том, что оно располагает случаями жизни, устраивает их к лучшему, а человеку говорит: действуй согласно со мною и верь моему содействию. Что бы ни было, мой друг, но мы должны смотреть на всё, что ни встречается с нами, как на предлагаемый нам способ *свыше* приобрести *лучшее*. Надобно только верить. Как бы ни было страшно и трудно, а тайный, невидимый помощник близко.

Друг! что беды для веры в Провиденье?
Лишь вестники, что смотрит с высоты
На нас святой, незримый Испытатель!
Лишь сердцу глас: крепись! Минутный ты
Жилец земли! Есть Бог! и ждет Создатель
Тебя в другой и лучшей стороне!
Дорога бурь приводит к тишине³.

165.

М. А. Протасовой

5 июля <1814 г.> Орел

5 июля. Орел. В Нетрубеже¹ не писал ничего, и не было времени писать. Мне было очень свободно, и я принят был очень хорошо. Признаться, мне не хотелось ехать, — я боялся быть неловким, принужденным, — следовательно скучным. Но этого совсем не было, и никогда быть не может, если не захочешь иметь никаких *претензий*. Моя принужденность иногда бывает от *расположения*. В иные минуты невольно думаешь более о самом себе; от этого теряешь всякую свободу или не имеешь ни способности, ни желанья быть с другими веселым, ласковым и прочее. Непринужденность в обращении много зависит от *первой минуты* — от того, каков был в первую минуту с людьми, с которыми заводишь сношение. Если первая минута не удалась, то это делает надолго или и навсегда неловким. Много непринужденность зависит от *их характера и образа жизни*.

В первый вечер много было говорено *об вас* и о тебе особенно. Милая, видно, опять надобно отказаться от доверенности! Ты опять больна и опять начинаешь скрываться. Ты только хочешь носить маску любви ко мне — не сердись за это выражение! Где же любовь, когда нет никакой заботы о себе, когда ты довольствуешься только тем, что я тебе верю и нимало не думаешь оправдывать моей веры. Правда! меня с тобою не будет и я не буду *видеть*. Но помни и то, что и тебя не будет со мною, что и ты также *видеть* не будешь. Но следствия

для меня всё обнаружат и тогда уже сожаление не удержит меня от подражания. Подумай об этом хорошенько и будь заботлива. Моя привязанность к жизни, мое уважение к ней основаны на мысли, что ты всё со мною разделяешь. Одна только ты можешь для меня всё уничтожить. Ал<ександр> Павлович говорил обо всем со мною. Предполагая нежнейшее сожаление в сердце маменькином к нам, он думает, что всего важнее стараться переменить ее мнение и что это возможно; надеется на Досифея, на Ив<ана> Владим<ировича> и пр. Милый друг, он был бы прав, если бы его *предположение* было справедливо. Я сам всего ждал от сожаления, от желания сделать наше счастье. Но их нет. Ты видишь, что маменька не хочет верить, что это тебе *нужно*; что она только об том заботится, чтобы и другие тому верили. Наше несчастье для нее не существует. Иначе могла ли бы она иметь дух с такою холодностью, с таким пренебрежением шутить насчет нашей привязанности, которую называет страстью и хочет представить смешною и странною; а нас какими-то романическими героями и тому подобным. Для нее важно только исполнение ее воли.

О! она была бы исполнена и без этих жестоких, незаслуженных несправедливостей. Она не понимает нас или понимать не хочет. Где же тут думать о перемене мнения. Тогда была бы возможность его победить, когда бы она сравнивала его пожертвование с пожертвованием нашего счастья! Но она не чувствует необходимости в этом сравнении и не думает колебаться. Ей не страшно. Ал<ександр> Павл<ович> сказывал мне, что и отец, и мать его слышали об нас и были весьма недовольны, что, узнавши вас, они уверились в несправедливости слухов и что М<арья> Ник<олаевна>² — как она об этом сказывала Катер<ине> Яковлевне³, — *поговорив со мною, по своей проницательности всё узнала и совсем успокоилась на мой счет. Начав говорить о тебе, она смотрела мне пристально в глаза; не заметила никакой во мне перемены; и я отвечал ей холодно! чего же более?* и она обещала порядочную спеть обедню тем, которые так ее вздумали дурачить.

На них нечего надеяться. Павел Иван<ович> способен сильное в нас принять участие, но он не имеет никакой воли и ничего решительно желать не может. Он говорит о тебе с чувством; я уверен, что, несмотря на мнение, он в состоянии согласиться с нами в желаниях, — но исполнить их он неспособен. При первом противоречии он нас оставит, следовательно всё еще более испортит. Я даже скорее бы положился на Мар<ью> Никол<аевну>, несмотря на весь ее флегматизм. Она имеет твердость. Стоит только найти способ привлечь на свою сторону ее мнение. Но для этого нужна бы была великая осторожность и время, если бы и думать, что и он, и она могут быть нам полезны. Но что они для нас сделают? Всё, что теперь остается, есть только приобрести их дружбу — это отчасти и сделано, само собою, без всяких *пантомим* и *маскарадов*, а просто — иначе и не должно.

166.

М. А. Протасовой

9—15 (?) июля <1814 г.> Дер. Котовка <Орловская губ.> — Муратово

9 июля. Деревня Котовка. Завтра увидимся, друг милый. Вчера я простился с своими хозяевами, которые, кажется, довольно меня полюбили. А с Александром Павловичем у нас идет по-братски. Знаешь ли, что мне вчера было предложено? Не менее как путешествие с Алекс<андром> Павловичем¹. Что ты на это скажешь? Я дал слово подумать, но решительного ничего не сказал. Александр Павл<ович> очень был бы рад путешествию, но он не верит, чтобы этот план был исполним. Его уже совсем снарядили было один раз в Неаполь и вдруг ужасное *не хочу* всё расстроило; был некогда общий план ехать в Америку, и всё уже было уложено, но грозное *не хочу* подоспело в свое время. Его состояние тяжелое. Он совершенный невольник капризов. Время у него отнято; занятиями его располагают самовластно; беспрестанно упрекают его в холодности и твердят о его независимости. Павел Ив<анович> при всей своей доброте со всем соглашается и всё сносит. Но он сносит, потому что имеет характер слабый, который во всех положениях, быть может, и на всё погнется. А Алекс<андр> Павл<ович>, имея характер твердый, должен всё снести, обо всем молчать и всё скрывать в самом себе. Это его невольно от них отдаляет в душе своей, и он совершенно одинок в отеческом доме. Но и в самом этом одиночестве он не имеет свободы. Напр<имер>, он желал бы писать и точно имеет дарование², которое мог бы при такой охоте к трудолюбию весьма образовать, но он должен отказать от пера — ему будут и здесь связывать руки, будут поправлять то, что он напишет, и свое печатать под его именем. Служба для него прибежище. Но вот уже матери опять не хочется, чтобы он служил, а отец с нею согласен. Лучше желают, чтобы он путешествовал, — а он боится, чтобы под предлогом путешествия только не была бы у него отнята служба.

Одним словом, у него нет матери. Под этим именем безрассудное творение управляет его судьбою — желает от него любви, хочет искренности, но естественно ли быть искренним с теми, которые не предполагают в нас никакой собственной воли, не дают нам ни радости, ни права мыслить, а требуют одной слепой и безответной покорности! Это ожесточает человека с характером твердым. Он мог бы иметь в отце и товарища, и друга, и участника в счастье, когда бы отец его был с ним свободен, когда бы чужая воля не управляла его слабою волею. Но безрассудство матери не только обременяет сына, но и отца с ним разлучает. Таково его положение. К матери он имеет привязанности не может — он может только рабски молчать перед нею; к отцу также — от него не надеется он ни справедливости, ни помощи, ибо доброе сердце его молчит перед самовластием матери. К тому же его не понимают. Он выше их образом мыслей

и чувствами. В своей горнице со мною он совсем не тот, каков в гостиной с отцом и матерью. Главное его чувство — желание оставить дом семейственный, где нет ему никакого счастья. Такое положение ужасно.

Путешествие было бы весьма приятно с таким товарищем, каков Ал<ександр>, а ему очень было бы хорошо со мною — я в этом уверен. Между тем это бы сохранило мою с ними связь, а они для нас нужны. Твое же сердце и мое не могут перемениться. Путешествие не рассеет меня, и ничто в свете не отымет у меня лучшей моей драгоценности: *любви к моему земному спутнику*. Подумай сама об этом, мой бесценный ангел. Эта мысль — уехать за границу — ужаснула бы меня в другое время, но теперь и без того надобно будет разлучиться, и скоро. Я думаю, что я *должен* уехать от вас *сам*, а не ждать вашей поездки в Дерпт³. Как жить у вас, зная образ мыслей маменьки? Как быть у вас только *терпимым*; иметь только приют — уехать, с вами видаться, но не жить у вас. Я желаю знать твое мнение на этот счет. Подумай, милая, что маменька видит во мне Иванова⁴ и ставит меня на одну с ним доску. К тебе, мой друг, я привязан теперь более, нежели когда-нибудь, — прошедший месяц убедил меня, что эта привязанность необходима для моей жизни. Теперь знаю на опыте, что имею такое благо, которого ничто — ни обстоятельства, ни случай — у меня не похитят. Но от маменьки благодарений принять не могу — она не должна думать, чтобы чем-нибудь могла заплатить мне за ту дружбу, которую я от нее требовал в замену моей, и чтобы была какая-нибудь замена того счастья, которого она меня лишила с таким спокойствием. Милому человеку простить не можно, хотя бы и желал. Я недавно между письмами нашел одно свое письмо, писанное к ней в Москве в марте 1811 после вашего отъезда⁵. Не помню, почему оно не послано. Но в этом письме я прошу от нее доверенности и уверяю ее, что это единственный способ переменить мою к тебе привязанность в чувство брата и сделать нас счастливыми. Это письмо я ей отдам в доказательство, что *она* не захотела нашего счастья. За последний тяжелый месяц я готов даже благодарить Провидение. Оно жестоким способом преобразовало мое сердце и сделало его тебя достойнее. Теперь люблю тебя как причину всего, что может сделать мою жизнь хорошою. Надежда моя не пропала, но от нее отделилось беспокойное нетерпение, которого место заступила беззаботная доверенность к Промыслу. Пускай он всё устроивает сам, и всё будет устроено к лучшему.

Будущее всё еще наше — не будем мешаться в распоряжения отеческой власти, а будем только думать о том, как бы заслужить от нее награду. Такая мысль, мой друг, не дает ли душе утешительное спокойствие: что перед этою надеждою случаи жизни?

Как тяжела рассеянная жизнь! Я это чувствовал во всё время нынешнего моего путешествия⁶. Счастлив тот, кто может заниматься и уметь не скучать

с самим собою. Дорогою — из Муратова в Орел — я завел разговор с Павлом Ив<ановичем> о свадьбе Толстого (Варф<оломея> Вас<ильевича>)⁷, в которой он много участвовал. Из этого разговора заключить можно только то, что он всё для нас сделать может и ничего не сделает. Он любит тебя нежно, и его редко доброе сердце заставит его с жаром взять твою сторону, но он не устоит против противоречий. Как бы то ни было, всё ты можешь иметь в нем доброго защитника.

Теперь вспомнил еще одно, что слышал о тебе от Павла Ивановича. Ты возвратилась с ярмарки⁸ с больною грудью, и у тебя болел бок. Он (который тебя останавливал от поездки) спросил у тебя, не повредило ли тебе это путешествие. Ты и не подумала ничего сказать. Напротив, успокоила его и, по обыкновению своему, рассудила страдать молча... Неужели это всегда так будет. Когда я видел тебя в последний раз, ты была бледнее и казалась нездоровою. Друг мой, какого же мне счастья велишь ты искать на свете, когда не буду иметь доверенности к твоей любви. И есть ли какое-нибудь в тебе ко мне сожаление! Ты последнее сама у меня отымаешь, последнее добровольно хочешь разрушить!

Если можно, друг мой, спиши мне некоторые мысли, которые в этой тетрадке.

Я желал бы их сохранить. Этот список доставить мне с Марией Николаевной⁹.

Милый друг, когда я стоял в церкви и смотрел на нашу милую Сашу и когда мне казалось сомнительным ее счастье, сердце мое было стеснено, и никогда так не поразило меня слово *Отче наш* и вся эта молитва. Я читал ее, или, лучше сказать, объяснял для себя, совсем иначе, нежели как это случалось прежде. Во мне возбудилась доверенность к Промыслу, и будущее не было уже так страшным. Я обещал Саше написать эту молитву с собственными, немногими прибавлениями. Где же лучше написать ее, как не здесь?

Пусть будет она *прежде* для тебя, а потом и *для нег*. Жаль, что это не написано тогда же, так как было в душе.

Отче наш. Что утешительнее этого имени, друг мой! Отец, *наш* Отец и *всесильный*, следовательно, всё строящий к благу. И ты и она будете счастливы. Сердца ваши достойны счастья. Отец — а мы дети. Вообрази обязанности, налагаемые на нас этим именем! Вообрази счастье, с ним соединенное! Быть добрыми детьми доброго Отца и Отца всемогущего. Можно ли бояться жизни! Мы живы, и Он наш Отец — мы созданы для этого святого семейства! Где же одиночество? И земля и небо разве не наш отеческий, семейственный дом? Я живу

в доме Отца моего, в доме, куда ни зло, ни несчастья не входят, а когда входят, то единственно только для того, чтобы мы живее могли почувствовать всю безопасность отеческого крова, живее почувствовали всю красоту милого, отеческого края.

Где лучше товарищество, как не с Отцом? А этот Отец наш товарищ. Перед ним *всё* ясно. Он нас видит и слышит. Не нужно языка, чтобы перед Ним выражать свои чувства. Они для Него понятны. Только нам надобно понимать язык Его.

Иже еси. Какое утешение! Какую твердость дает душе это слово *еси*. Он существует — Он *есть* наш товарищ, наш защитник, судия нашего сердца неизменный, неподкупный. Он *есть* — в этом слове вся наша судьба, все наши надежды, утешения и подпоры. Он *есть* — Он везде, где бы мы ни были, и мы носим Его в своем сердце, и Он везде наш, везде видим нашему сердцу. *На небесех.* Там, где увидим Его некогда лицом к лицу, — где Он всё для нас объяснит. Но и объяснение нужно ли нам будет! *На небесех* — этим величественным словом всё еще здесь объясняется. *И на земле.* Здесь, где Он наш товарищ, — на жизнь и смерть, в горе и радости! С Ним прямо к цели! Что дорога жизни с таким сопутником! Куда ни оглянись, — Он везде на земле, везде видим в могуществе и благости и всюду слышен сердцу, — только склоняй слух к Его утешительному голосу! Только научись понимать Его! Только верь и люби. *Да святится имя Твое.* Можно ли сказать без чувства Отцу, *да святится имя Твое?* Имя милое. Вообрази сына, который святит имя отца, — святит его всем: любовью, когда он еще с ним, воспоминанием, когда его уже нет. Но отец земной разлучается с своим сыном; с Отцом небесным разлуки нет.

Да святится имя Его любовью, благодарностью, надеждою и твердостью. *Да придет царствие Твое.* Не то царствие, которое начинается для нас за гробом, — оно откроется вместе с гробовою доскою, и эта минута сама собою наступит. Желать ее ускорения можно только в минуту забвения самого себя и значило бы нарушать закон вечный, но царствие сие да начнется для нас на земли. Вообразим, что оно уже началось, что мы все граждане этого царствия. Если не все с нами согласны в покорности, то будем покорны каждый отдельно своему царю, будем верными подданными его престола и скажем: *Да будет воля Твоя, якоже на небеси и на земли.* Здесь и там. Мир земной да сольется для нас с миром небесным. О, как не предаться в *Его* волю, когда всё так обманчиво и тленно на земле! Но как же и земная жизнь становится возвышенною, когда предашь себя этой воле, всем земным управляющей! *Хлеб наш насущный даждь нам днесь.* Всё Провидению — и обо всём беспечность младенца. Верь и будь достоин — *остальное* дурно быть не может. *И остави нам долги наши.* Суди нас как отец! И дай нам в Твоих милостях уроки добра! Самые Твои наказания да приемлем как милости и наставления. *Якоже и мы оставляем должникам*

нашим. О! Это пишу от всего сердца! Прочь, низкое! прочь, злоба! С именем Святого Отца — всем любовь или всем — прощение. Бог станет нас судить, как мы сами здесь судили. Друг мой! Я начинаю теперь *новую дорогу жизни* — вон из сердца всякое чувство ненависти и злобы. Оскорбления не чувствовать не могу — но прочь, низкое и злоба! Я буду достоин моего Небесного Отца! Вся моя жизнь Его Провидению.

Не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого. Не несчастье для нас искушение — по слабости души, приводящей к ропоту, который всё унижает: и жизнь и свет делает противным! *Отчаяние* — вот опасный враг; тот *лукавый*, от которого да избавит нас Отец Всевышний. Оно и небо и землю покрывает для нас темнотою, в которой исчезает путь Провидения. Дух бодрый на дороге бед!

Воейков сейчас рассказал мне ваш разговор с маменькою. Боже мой, сколько обвинений!

Последнее! и кончу навсегда! Сейчас мы говорили с Воейковым — обнялись, плакали и дали друг другу слово в братстве от сердца. Друг мой, будь с ним искренна, ищи в них обеих подпоры и *верь* им. Доверенность не будет обманута. Сердце мое рвалось, когда я воображал тебя с ними одинокою. Теперь легче, но, ради Бога, не таись ни в чем и всё дели с ними. Мне же остается теперь одно — вера в твое сердце! Если в нем сбережено будет мое место, если твое уважение ко мне будет всегда неизменно, — чего мне останется желать? Моя судьба теперь вся от тебя зависит; никто другой на мою жизнь влияния иметь не может. Ты и Провидение — в вас мое верное счастье. Тебя отдаю под его защиту, а сам даю тебе слово предаться ему с совершенным спокойствием; оно сохранит нас — мы перед ним невинны; мы желали и желаем счастья, основанного на всем добром; оно нас приведет к Нему — когда? Это неизвестно! Но думай, *верь* всякую минуту, что мы к Нему идем! Эта спокойная надежда стоит счастья. Я боялся одного — чтобы не захотели делать насилия твоему сердцу. Саша и Воейков ручаются за его сохранение. Я просил Воейк<ова> как друга, как брата быть твоим помощником, твоим утешителем¹⁰. Нет! он не обманет меня. Он это завещание верно исполнит. Сохраняя твое спокойствие, он будет и моим благотворителем. Я просил его ничего более для нас не требовать, но быть только всегда на наш счет неизменным во мнении. Это для него не может быть трудно. Только будьте согласны и не имейте недоверчивости друг к другу. Ангел мой, прости. Благослови тебя Бог!

Я жив — и ты моя!¹¹

В этих двух словах весь мой жребий.

167.

А. Ф. Воейкову

<10—12 (?) июля 1814 г. Муратово>

Пишу к тебе не для того, чтобы я считал это слишком нужным для *тебя*, но для того, что *мне* нужно сказать искренно свое мнение. Вперед уже говорить его не удастся; наше *вместе* с тобою кончилось и, вероятно, на всю жизнь. Дело здесь идет не о расчетах касательно дружбы; а о том, что важнее: о *вашем* семейственном согласии и спокойствии.

Вчера на вопрос Саши: *ты знаешь, что Воейков тебя любит*, я отвечал: *не знаю!* Если бы она спросила это у меня при первом твоём отъезде из Муратова или при первом твоём возвращении в Муратово, я отвечал бы: *верю*. Но верить еще не есть знать. Верить можно и без доказательств. Тогда, однако, я имел много причин *верить*: проезд нарочный ко мне издалека¹, жаркое участие во всем, что принадлежит до меня, — кажется, доказательств довольно. Но признаюсь, и тогда меня этот жар несколько удивлял. До того времени между мною и тобою не было жаркой, исключительной дружбы — была одна дружеская связь молодых товарищей; вдруг такой скачок к дружбе меня удивил, но вместе обрадовал, и я поверил.

Можно ли было принять жарче тебя участие в моей привязанности к Маше? Можно ли желать сильнее тебя, чтобы она была моею? — по крайней мере, так мне казалось! Стихи и проза — всё за меня ополчилось! С этим духом отправился ты и в Петербург² — там привел в движение всех друзей, и своих, и моих! Всё было на моей стороне! Ты же советовался и с Ив<аном> Владимировичем, и к *тебе* он адресовал свое письмо!³ Когда узнал о поступке со мною Арбеновой, то едва ли не более моего против нее вооружился — вспомни, что ты писал об ней к Тургеневу⁴. Сам же на счет мой и Машин был убежден совершенно, первое, тем, что *желал* нашего счастья и говорил, что без него не захочешь и собственного, второе, и самим *мнением*: ибо (тогда) для тебя образ мыслей Екате<рины> Афан<асьевны> казался суеверным, и в этом ты не колебался нисколько. Семейственное счастье казалось тебе возможным только *вместе* со мною; наши общие планы были прекрасные. Признаться, такая способность к дружбе давала большую уверенность к твоему характеру, который никогда не был мне известен *по опыту*. Но опыт скоро и подоспел. После объяснения моего с Екате<риной> Афан<асьевной>⁵ уже начало мне казаться, что ты как будто отделился от меня, — но я не хотел еще давать воли сомнению. Помнишь ли нашу последнюю поездку из Муратово в Орел, тогда, когда мы встрет<или> Плещеевых?⁶ Дело уже казалось решенным! Трудность склонить Екате<рину> Афан<асьевну> была очевидна. Я говорил тебе дорогою, что я *решился уехать*. Признаюсь, в эту минуту мне тяжело было заметить, что и ты на это же ре-

шился без большого усилия, — какое несходство с прежним жаром! Я обвинял тебя не в том, что это не *сбылось*, — было бы великое безумство ставить на твой счет то, что от тебя совершенно не зависит. Но для меня больно было не найти в тебе того чувства, которое я имел право ожидать от тебя в таком случае; и в эту минуту сделалось для меня заметнее, что у тебя в душе судьба наша, прежде неразлучная, разделилась. Ты написал к Екатерине Афанасьевне письмо — в котором говоришь обо мне, — сказываешь, что это письмо прекрасное, и на это письмо был тебе ответ пружестокый⁷. Я этого письма не читал. Но здесь мимоходом признаю тебе, что во всех твоих письмах вообще я замечал что-то авторское, приготовленное, неискреннее. Во всех чувствительно, что ты думаешь не об одном читателе, а об читателях. Ты возвратился и нашел меня у Плещеевых. Первое слово твое, сказанное мне, была жалоба *на то, что хотят тебя поработить в лучших твоих чувствах: в 15-летней ко мне дружбе, а второе — несогласие на требование, чтобы ты ехал к Павлу Ивановичу*⁸. На последнее ты по моему убеждению согласился. А первое было само собою опровергнуто последствием. Жестокое письмо на мой счет имело только то действие, что оно охолодило тебя ко мне, или, лучше сказать, твой наружный вид *дружбы* переменяло на холодный, естественный. И во всё время, проведенное с тех пор нами вместе, я не слыхал от тебя ни слова. Живучи в одном доме, мы как будто жили под разными полюсами. И самый твой образ мнений на счет всего, что ты прежде с таким жаром защищал, переменялся. Мне говорил ты одно, а с Екатер<иной> Афан<асьевной> другое. После всего этого не имею ли право сказать, что я о твоей дружбе ничего *не знаю*. Было что-то на нее похожее в начале. Согласно с обстоятельствами это *что-то* переменялось на *ничто*. То есть теперь и того не осталось, что было между нами до твоего приезда в Муратово. Тогда я мог видеть в тебе если не избранного друга, то по крайней мере товарища молодости — современника поддевических счастливец⁹; теперь вижу совсем другого, нового, надевающего и снимающего, смотря по времени и обстоятельствам, маску по мерке: прежнего Воейкова нет на свете! А теперешний мне чужой!

Вот всё, что я имел тебе сказать о твоей ко мне дружбе — но это не главное. Мне горестно увериться, что она мечта, но я от тебя не завишу, судьба моя вся слажена. Мое решено, и для меня перемены быть не может. Хуже со мною не может уже ничего случить<ся>, а лучшее еще возможно, благодаря <тому что?>, я не заслужил несчастья. Будущее в руке Провидения, которому теперь верю, тем более верю, что знаю на опыте, как оно не обманчиво и как *обманчивы бывают люди*. Остается сказать о главном, о *твоем* характере, который несколько удалось мне рассмотреть, видя тебя вблизи. Он пугает меня, потому что от него зависит счастье тех, которых люблю наравне с жизнью, и вот почему и мое счастье много связано с твоим.

Или ты никакого не имеешь характера, или в тебе совсем нет прямодушия. Одно из двух. По крайней мере, многое заставляет меня сомневаться в последнем. И если бы надобно было выбирать, я бы выбрал скорее *бесхарактерность*, которая всё еще может быть согласна с доброю сердца, нежели *лицемерие*, которое всегда есть маска дурного. Вот мои доказательства. Ты совсем не имеешь никакой искренности в *обхожд<ении>*. С *Екат<ериной> Афан<асьевой>* в гостинной ты совсем не тот, как во флигеле. Согласен, ее собственная неискренность может и тебя делать принужденным; но она никогда не может оправдать притворства. Твои чрезмерные к ней ласки в ту самую минуту, когда ты противу нее огорчен, меня ужасают; твои нежные поцелуи в то время, когда ты в душе своей имеешь что-то похожее на отвращение, кажутся мне поцелуями Иуды; твои уверения исполнять волю ее и никогда с нею не разлучаться тогда, когда ты почти решился сделать противное, производят во мне отвращение. Помнишь ли тот день, в который ты пришел ко мне в крайней на нее досаде (день твоего отъезда к Арбеновой) и говорил, что ты решился всё разорвать и не возвращаться? Несколько минут разговора тебя успокоили. Но что же? Возвратясь к ней, ты начал целовать ей ноги. У меня сердце поворотилось. Сейчас нечаянно развернул я твоего Гесснера и на одной странице прочитал следующее: *несчастье и опыт Авдотьи Николаевны — будут счастьем и опытом для Саши. После матушки — она ей первый ментор и лучший, нежели я и Маша*¹⁰. После матушки!!! Это замечание написано для Муратова. *Авд<отью> Никол<аевну>* я не знаю; но знаю, как ты думаешь об *опытности матушки*. Одним словом, всё это жестоко пахнет притворством. Но всего более меня возмущает — твоя религия¹¹. Атеизм сто раз простительнее, нежели притворная набожность. Религия, употребленная как способ понравиться, есть святотатство. Я знаю истинно, что ты не имеешь *той* религии, которую здесь показываешь. Это поразило меня еще и тогда, когда ты прислал сюда свои стихи к моим друзьям, — из Петербурга¹². И не ты ли сказал, что нарочно промешкал один день, чтобы быть здесь в день Казанской Богоматери¹³, ибо так обещал Авдотье Николаевне Арбеновой. Боже мой! какой переворот! Но это язык Тартюфа¹⁴. Могу ли после этого и уважать тебя, и верить твоей дружбе. И такое притворство не должно ли заставить меня ужасаться всего для Сашиной судьбы! Какого ей ожидать счастья, когда в тебе нет искренности! Разве в счастье можно быть прямым, когда дойдешь до него ползком? А ты ползешь или, что всё равно, носишь маску. Религию должно иметь, а не употреблять ее как средство привлечь на свою сторону — это и для нее, и для самого себя унижительно. Всего благороднее и надежнее прямодушие. Что же касается до твоей твердости в намерениях и образе мыслей, то довольно и одного примера. Твое истинное, или, лучше сказать, назвавшееся истинным мнение насчет моей прив<язанности> к Маше мне известно. В Петербурге ты только утвердил его и, возвратясь, уси-

лил собственную мою надежду; здесь начал колебаться и почти потерял убеждение; письмо Ив<ана> Владимировича переменяло в мою пользу; помнишь ли, что ты мне говорил при отъезде к Арбеновой о разговоре с Екат<ериной> Афан<асьевой>. Ты сказал ей, что имеешь письмо от почтенного человека, которое покажешь после свадьбы. (NB. Но ты не объявил от кого, и она думала, что это письмо от Авд<отьи> Петр<овны>.)¹⁵ Побывав у Арбеновой, ты называешь Ив<ана> Владим<ировича> сумасшедшим и твердишь Саше, что положения соборов неприкосновенны¹⁶ (что я собств<енными> ушами слышал), совершенно противное тому, что ты ей говорил прежде. После этого спрашиваю, чего же ты желаешь решительно? Признаться, не могу найти на это ответа. Если бы ты был всегда *против меня* просто и искренно, мог ли бы я на тебя жаловаться. Дружба не принуждает к измене правилам. Но такая переменчивость — смотря по времени и месту — неужели она не есть унижение характера. Я уверен, что ты не осмелился сказать и Арбеновой своего настоящего мнения на счет наш, но что ты и ей сказал то же, что и Екатер<ине> Афан<асьевне>, то есть противное тому, что говорил мне: *не знаю! не думаю, чтобы было позволено*. Послушай: если бы и ничего не удалось тебе для меня сделать (могу <ли> требовать невозможного), всё бы я остался тебе благодарным, и дружба наша могла бы существовать, ибо ты показал бы мне прямое участие, был бы одинаков и неизменчив. Мы бы сожалели вместе о неудаче, и я был бы тебе обязан мнением Саши, покоем их всех и знал бы, что Маша имеет в тебе верного утешителя и друга; но теперь — ты переменял свою дружбу ко мне и свое сердце для всех и каждого; счастье Саши кажется мне неверным, ибо я не имею доверенности ни к прямодушию твоему, ни к постоянству, а для Маши не вижу никакого утешения. Как же нам оставаться друзьями?

Я выпишу для тебя ту мысль, которую возбудила в моей голове твоя поездка к Арбеновой и которую только что подтвердило твое возвращение. «Самая верная дорога к цели есть *прямая*»¹⁷.

168.

Д. А. Кавелину

18 июля 1814 г. <Муратово>

Любезнейший Дмитрий Александрович, посылаю Вам письмо ко мне Фриофа¹, в котором *изражает* он всё, что по его делу в Орле. Прошу Вас опять принять его под свое покровительство. Этот чужак немец долго промедлил исполнить по Вашему совету — его удерживала обыкновенная немецкая раздумчивость, которая и добро самому себе делать мешает.

О плане нового издания прозы и стихов² будет к Вам подробно писать Воейков. А меня простите, что пишу мало. Много хлопот, и самых скучных.

От всего этого и письмо не пишется. Но во всякое время, и в вёдро, и в ненастье, и в тюрьме, и в раю, скажу Вам и буду в состоянии написать самую твердую рукою, что Вас душевно люблю и почитаю.

Ваш Жуковский

1814

18 июля

169.

А. Ф. Воейкову

19 июля 1814 г. <Муратово>

Для чего всё это пишу? Какую может это иметь пользу? Если ты искренно хочешь счастья с Сашею — простого, чистого, единственного, которое с нею возможно, то ты его найдешь. Но если это счастье состоит для тебя в одном только исполнении буйного желания — не страсти, ибо и страсти в тебе к ней не замечаю, — то оно исчезнет в несколько мигов! И для тебя останется одно только бедственное уверение, что ты уничтожил прекрасную жизнь прекраснейшего творения. Ее счастье неразлучно с ее матерью и сестрою. Если будешь желать его *искренно*, то решишься твердо, несмотря ни на что, осчастливить их *трех вместе*. Что ты ни думай о характере Екатер<ины> Афанасьевны, но ты обязан ей таким благом, какого немногие в жизни добиваются; безо всякого с твоей стороны права на ее уважение ты получил от нее всё то, что только годами привязанности приобрести было бы возможно; благодарность должна закрыть глаза на недостатки, а недостатки матери ничто, когда такая дочь и жена, как Саша, помогает их сносить и в этом согласном терпении заключает свое счастье. Вообразив себя на твоём месте — чтобы для меня было трудно иметь своим товарищем Машу? Тебя же называет Екатер<ина> Аф<анасьевна> своим спасителем и спасителем от меня — надобно удостоиться такого названия. В твоей власти вести прекраснейшую жизнь. Нельзя же почитать тебе себя таким любимцем Промысла, чтобы уже и некоторые неприятности в жизни найти слишком тяжкими. Промысел выбрал для тебя жребий прекрасный. Неприятности для тебя *будут*. Но счастье ты иметь *должен*, и оно от тебя зависит: только помни, что оно между вами нераздельно. Разделясь, оно исчезнет, и ты только докажешь, что был его недостоин.

NB. Записано 19 июля 1814.

Воейков вздумал уверять Машу, что я не люблю Екатер<ины> Афанасьевны. Воейков, который обязан ей всем своим счастьем, который накануне свадьбы сказал мне, что ее презирает, который наружными знаками, а не искренним сердечным чувством доказывал ей любовь. Моя привязанность к ней была воспитана со мною. Если я теперь показывал на нее досаду и к ней холод-

ность, то это потому, что был жестоко оскорблен ее ко мне равнодушием и несправедливостью. Если бы я их сильно не чувствовал, то это значило бы, что я к ней никогда привязан не был. Я уверен, что через несколько времени (а может быть, уже и теперь) Воейков, который более нежели кто-нибудь одобрял и поддерживал мою привязанность к Маше, который и прежде и недавно советовал мне ее увезти¹, сам начнет уверять, что я и злодей и развратник. Как прикажут! Что *нужно* сказать, то и свято².

170.

Е. А. Протасовой

<Конец июля 1814 г. Чернь>

Сердце у меня рвется, когда подумаю, что Вы теперь грустите. Мое письмо¹, верно, Вас расстроило. Нет! мне не надобно бы было его отдавать; оно написано было в огорчении. В последние два дня, видя, что и Вам грустно, я сильно колебался: отдавать ли его или нет? Не отдавать — значило для меня решиться оставить Вам добровольно то мнение обо мне, которое было для меня несносно; отдавать — значило огорчить Вас. Вчера ввечеру я поручил его Воейкову; а нынче поутру, не имея власти решиться ни на то, ни на другое, написал к Воейкову записочку, в которой оставил ему на волю поступать как хочет. Если Вы его читали, то Вам должно быть очень грустно, а это меня мучит. И эта мысль, что мое письмо у Вас в руках, еще при выезде из Муратова совсем преобразовала самые мои к Вам чувства. Я нахожу в себе всю прежнюю мою к Вам привязанность и вижу теперь *только себя* виноватым. Без меня были бы Вы спокойны. А невозможность сделать меня счастливым разве не есть и для Вас несчастье? Нет! нет! Сохрани меня Бог обвинять Вас! Будьте на этот счет спокойны. В прошедшем вижу и буду помнить только то, что Вы для меня были, в чем я был уверен и что всегда было так нужно для моего счастья. Расставшись с Вами, буду помнить одну только Вашу ко мне любовь. Ваша горесть, которую теперь воображаю, всё заглаживает. Ах! гораздо лучше любить и верить, чем упрекать! Возвратите мне свою прежнюю, давнишнюю привязанность; я имею на нее некоторое право, хотя потому, что от Вас ожидал счастья жизни и не получил его. Будучи розно, мы будем только любить друг друга. Избавьте меня от мысли, что я для Муратова мертвый. Эта мысль ужасная. Быть с Вами мне невозможно, Вы не будете при мне спокойны и не можете на меня глядеть глазами дружбы. Как же мне желать быть нарушителем Вашего семейственного счастья? А принужденность несносна. Расставшись с Вами, эта принужденность исчезнет, не будет причин меня не любить, и Вы свободно можете мне отдать справедливость. Нет! для собственного спокойствия не хочу думать, чтобы мое место между вами было забыто, чтобы мы ничего уже не могли сделать друг для друга

в жизни. Вы много можете для меня сделать — можете меня любить и помнить! А я могу жить так, чтобы моя жизнь была Вас достойна. Всегда останусь уверен, что счастье, которого я желал, не может быть никогда противно Богу; но оно противно Вашему, следовательно невозможно, и желать его перестая; но оно никаким заменено быть не может. Привязанность мою к Маше сохраняю вечно: она для меня необходима; она всегда будет моим лучшим и самым благотельным для меня чувством. Эта привязанность даст мне силу и бодрость пользоваться жизнью. С нею найду еще много хорошего в жизни. Будьте же на мой счет спокойны, и чтобы мысль обо мне никогда не нарушала Вашего счастья! Я от Вас требую только одного — любить меня и уважать. Более Вам нечего для меня сделать. Нам нельзя делиться счастьем, зато можно делиться жизнью. Мы все в одном свете; всё Муратово будет моим раем, из которого я не выгнан, где всё *мое*, и теперь более, нежели когда-нибудь, — наша разлука всё согласила; теперь всё осталось для одной дружбы! Воспоминание одному только счастью, одним добрым, вместе проведенным минутам; благодарность за все взаимные благодеяния! И совершенное забвение всему, что делало нас взаимно несчастными! С таким воспоминанием смело смотрю на будущее. Оно ничего у меня не отымет. Мое место в сердцах моих друзей сохранено; всё остальное Провидению! Ах! Как утешительна для меня мысль, что у Вас, в моем раю, всё будет тихо и весело, что я не буду никогда в нем ни чужой, ни забытый и что я могу *розно с вами* жить — так, как бы и *вместе*. А когда-нибудь и *вечно вместе*. Теперь смело, при Вас, называю Машу моим другом; она мне благотельница на целую жизнь. Моя привязанность к ней самая чистая, и Вы не должны ею оскорбляться. Благословите же меня *прежним* благословением и будьте уверены, что я моею жизнью сохраняю спокойствие Ваше. Это теперь святая для меня обязанность.

Пришлите мужа Машиной кормилицы. Здесь есть ему место, и Фор² будет лечить.

Я перечитал это письмо. Оно Вас огорчит, и мне тяжело быть причиной этого огорчения. Но как же расстаться с Вами и оставить Вам то несправедливое обо мне понятие, какое Вы имеете? Надобно же когда-нибудь *всё* сказать, что на душе. Даю Вам слово, что это огорчение будет последнее. Я был причиною многих печалей для Вас в жизни; но, право, никогда мое сердце не было перед Вами виновато. Всему причиною то, что мне жаль было расстаться с своим счастьем. Что же делать, что на мою часть выпало такое, которое не может быть согласно с Вашим! Пожалейте обо мне и забудьте всё. Нового беспокойства от меня не будет для Вас никакого. Я буду вести тот род жизни, который наиболее мне приличен, — буду писать, и ничего более искать не буду. Не воображайте, чтобы я когда-нибудь мог быть в недостатке: умеренность будет мой эконо́м, а на небольшое всегда у меня деньги будут. Что ж касается до спокойствия душевного, то я теперь гораздо спокойнее. Перестать жалеть о потерянном, не думать,

что я потерял его *напрасно*, я никогда не смогу. Того, в чем полагаю истинное счастье, для меня никогда не будет. Это решено на всю жизнь. *Хуже быть для меня ничего не может*. Для меня собственно будущее не страшно. Но я почитаю обязанностью пользоваться сколько возможно своею жизнью и найти в ней всё возможное добро. А добра в ней много и без счастья. Я еще много, много имею. Я верю, что всё хорошее придет само собою к нам навстречу, когда пойдем к нему прямою дорогою и вместо излишней заботливости будем иметь надежду на своего путеводителя. И горе бывает полезно. Я это знаю по собственному опыту. Оно нас дружит с самим собою и открывает нам в нас самих множество таких способов, каких мы и не подозревали. Более всего дает оно надежду и веру. Итак, прошу Вас нимало обо мне не беспокоиться. Я не хочу иметь в душе этого несчастья. Вам остается быть счастливою в своей семье: счастье Ваше не разрушено, а, напротив, устроено. В Вашей воле его сохранить. И на это одно средство: доверенность.

Я не мог с Вами проститься. Это было бы тяжело. С Вами, может быть, и скоро увижусь. Но с Вашею семьею, с Муратовым, с моим настоящим отечеством, расстаюсь навсегда. Можно ли прощаться? Благослови Вас Бог спокойствием и радостью. Это всегда будет моим сильнейшим желанием.

171.

А. П. Киреевской (Елагиной) и А. П. Юшковой (Зонтаг)

31 июля — 2 августа <1814 г. Чернь>

31 июля

Надобно еще начать маленькою побранкою. *Она спокойна! я не буду нарушителем ее спокойствия!* Что если бы это было сказано в том смысле, который Вы этому дали, и с той досадою, которую при этом вообразили! Какое было бы прелестное чувство в душе моей! *Я не буду нарушителем ее спокойствия* — не значит, чтобы воспоминание обо мне было для нее несчастьем. Это, напротив, представилось мне как единственным утешением в несчастье быть розно. Жить *вместе* без доверенности, дружбы и уважения не значит ли нарушать ее спокойствие! Не видать меня — значит не огорчаться ни холодностью ко мне, ни несправедливостью и свободно верить моему сердцу. Не утешает ли это, не заставляет ли смотреть приятными глазами на разлуку, и не скажешь ли тогда с отрадою: *она спокойна!* Но позвольте ж сердцу сжиматься и при этом слове. Боже мой! о каком же счастье и жалеть, как не о счастье давать спокойствие самому милому человеку. Можно ли без стеснения души это счастье уступить другому? А всё бы доверенность поправила — но полно ссориться! Имя шептуна¹ принадлежит Вам по праву! Если бы мой тайный шептун мог

быть слышен, то я никакого другого языка не дал бы ему, как Вашего. Вы, милая, умеете задевать за сердце! Может быть оттого, что не Вы с пером спрашиваетесь, а оно с Вами. Подумаем же вместе, какую одну фразу выбрать покороче, но такую, чтобы можно было ее растянуть на всю жизнь. Да чего долго думать? *Persévérance** , да и только. Я переведу Вам это словечко на русский, на *свой* язык, и Вы тогда ясно увидите, что оно может быть на целую жизнь растянуто. Что ни есть доброго в настоящем и в будущем, всё можно прицепить к этому слову. Ваша правда, есть прекрасные минуты в жизни, такие, которые оставляют прекрасный свет в душе! Их можно сравнить с сиянием молнии, которая осветит мрак и исчезнет, — после нее останется прежняя темнота; но уже эта темнота не страшна: если не видишь, то по крайней мере знаешь, где дорога, — вот то же, что вера! идешь вперед до первой молнии, которая возобновит ослабшее воспоминание и оживит бодрость. А есть ли буря без благодетельных освещающих молний? В эти прекрасные минуты несчастье хотя и не переменяет своего имени, но дает душе необыкновенную возвышенность! Ни в какое другое время так не можешь себя чувствовать, так быть близким к Творцу и Провидению! Нет! не надобно надевать маски на лицо несчастья — гораздо лучше смотреть ему в глаза и не робеть. Иначе отымешь всё очарование у слова Провидение! Избави Бог только от минут равнодушия, от минут душевного паралича, когда ничто не трогает и жизнь представляется пустою, ничтожною, — тогда и сам для себя становишься противным. Но такие минуты со мной нынче реже и давно меня не посещают. Моя жизнь не может быть скучною (скука для пустого сердца), она не должна быть тяжелою — чувствовать тягость жизни — значит желать, чтобы она кончилась! А как позволить такой мысли коснуться души — нет! Милая, я смерти боюсь не так, как чего-то противного, но как опасного обольстителя, который может выгнать из души всё то, что ей дорого. Скажем просто: будем тянуть жизнь без счастья в надежде, что ею дойдем до прекрасной, свободной, тихой. — Аминь!

Обещание держать верно! — писать и говорить всё, что взойдет в мысль, хотя бы попасть и в Утки!² Хорошо бы вы все сделали, когда бы приехали, — то есть я не знаю, хорошо ли бы это было. Не могу решиться ни на *нет*, ни на *да*.

Вы закричали бы от всего сердца: *возвратись!* а между тем запрещаете мне писать к тетушке, и Вы, и Анета, чтобы избавить и себя, и ее от нового горя. Друзья! но я для того и пишу, чтобы вырвать из *сердца* это *возвратись!* Если не откликнется сердце, то я останусь там, где теперь. Уезжать уже нет нужды — я уехал. Я желал бы, чтобы Вы прочитали то, что я писал к тетушке³. Ей легко сделать нас счастливыми, не *жертвуя* даже ничем, — дать волю только сердцу. Но, может быть, *не уехав*, я этого ни написать, ни даже чувствовать не был бы

---

* Постоянство, твердость (*франц.*).

в состоянии. Я здесь один — сужу обо всем по себе! Что мне возможно, то кажется мне возможным и ей. Я ничего от нее не требую, кроме того только, на что имею *право* (если она NB искренно сказала, что *никто не умеет ее любить так, как я*). Верно, ни с кем из вас не говорил я так об Маше, как с нею в этом письме; и ни с кем бы я не был так искренним, как с нею, если бы она сама того могла хотеть; если бы могла дать свободу нашим чувствам; если бы вокруг нее не были мы все *одинокими* и не должны были не *чувствовать*, а только бы *применяться* к ее чувствам. Я требую от нее семьи, в которой бы я был уважаем, любим и мог свободно любить Машу в глазах ее матери, — за такое счастье чем не пожертвуешь! Но, вероятно, я требую невозможного. В две минуты характер не переменяется. По крайней мере, благодаря опыту я не *прилип к надежде*, и неудача ничего для меня не переменит. Но можно ли было не написать, не сказать всё то искренно? Можно ли было спокойно отойти от того, что было главным счастьем жизни столько лет? Но, признаюсь Вам, написав это письмо, я начал бояться, чтобы она не согласилась! Можно ли желать возвратиться на *старое*? Что если одна минута слабости даст это согласие и ничто им не переменится! Избави Бог! Рай так легко сделать. О! я чувствую, как бы это было легко! Но что если вместо этого рая опять попаду в прежний ад! Одним словом, это одно желание лучшего, но его неисполнение ничего уже для меня не испортит! Хуже быть не может, нового горя не будет — останусь при *своем*! А это *мое* свято, и много, много хорошего в жизни есть и без счастья! Одна только фраза: *persévérance**. Милая Анюта⁴, Ваше *благословение* во всем его смысле я принял. Только не желайте включить в этот смысл: *перемену*! Это не будет для меня благословением. Пускай Провидение даст мне только силу жить по *своим* чувствам — вот и вся судьба! Переменять их не нужно; это значило бы отнять у меня лучшее.

От Вас человек приехал, а всё не написали мне ни строчки — не стыдно ли? Это, кажется, так легко! А я целый день ждал.

Знаете ли? Я жду с нетерпением, когда я буду с Вами вместе, на своей родине! Когда же это будет! Здесь шумно. Но меня беспокоит много одна мысль! Не будете ли Вы бояться *le qu'en dira-t-on?*** Скажите искренно.

2 августа

Я не послал этой записочки вчера для того, что вообразил, что вас никого нет дома. По числам можете видеть, что она писана несколько дней. Мне лень писать к Вам не можно, но я давно не имею от Вас ни слова, то есть было три *случая* от Вас писать, а я не получил ни строки, по крайней мере от Саши, которая обещалась писать много, и даже не отвечает. Жаль, если Вы не будете

* Постоянство, твердость (*франц.*).

** Что об этом скажут? (*франц.*).

завтра. Vous voulez faire le poltron, la révolte, chère Eudoxie?* Зачем же быть трусом? и к чему бунтовщиком? Будьте тверды в образе мыслей! Не трусьте только, *обнаруживая* во всяком случае *одно и то же!* Одним словом, не будьте ни трусом, ни бунтовщиком! Будьте Вы, и всё дело кончено! Это Ваша лучшая роль. Я очень радуюсь этому шептуну — я отправлюсь вместе с Вами или скоро за Вами. Отдайте мое письмецо⁵ Саше⁶. Милая моя Катя⁷, целую Вас. Пожалуйста, скажите поискреннее о qu'en dira-t-on?*

К Е<катерине> Афанасьевне я не пишу оттого, что нет от нее ни словечка ни на одно из моих писем.

172.

А. П. Киреевской (Елагиной)

<Август (?) 1814 г. Чернь>

Лучше начать бранью, нежели ею кончить. Ваше письмо прекрасное и утешительное потому, что оно от друга. Но знаете ли что: я едва не переименовал за него Вашего названия. Я подумал: она шептун! Но не тот добрый шептун, которого весело слушать, — а шептун-селезень, которого надобно кормить, да и только. Неужели все вы разучились в одну неделю читать и понимать то, что читаете. Саша бранит меня за то, что я огорчился Машиным спокойствием¹, Вы браните за то же. Боже мой, какие люди. Можно ли предположить мое чувство? И к этому случаю говорить мне: *прочь низкое!* напоминать мне, что *недоверчивость* есть низкое и прочее тому подобное. Прошу мне выписать то место, которое послужило Вам текстом для такой проповеди². Я его не помню, потому что во мне не было того чувства, которое могло бы заставить написать такой сумбур. Заглянув в свое сердце, я уверяюсь, что не может быть человека, способнее меня на свете к доверенности, — Машино спокойствие есть мое счастье. Мысль, что у нее на душе ясно и тихо, везде и во всех обстоятельствах, будет для меня утешением. Я уверен, что это спокойствие будет основано на доверенности ко мне, что оно, вместо того чтобы быть забвением, будет самым лучшим обо мне воспоминанием. Ничто так для меня не дорого, как то, что она, думая обо мне, утешалась, — а это спокойствие я должен ей дать не одними словами, а всею жизнью. Неужели не верите моей искренности в этом случае и будете воображать, что я только угощаю Вас великолепными фразами. Но как же мне вырвать из сердца сожаление о том, что, будучи причиною ее спокойствия, я не участник в счастье тех, которые дают его. Нет, милые, эта зависть не унижительна; тут нет недоверчивости, а только сожаление о самом себе. Го-

* Вы хотите быть трусом, бунтовщиком, дорогая Евдокия? (франц.).

** Что об этом скажут? (франц.).

ворить себе: *она спокойна, а меня там нет!* значит ли это роптать против ее спокойствия? Нет, это совсем иное чувство и как его истребить! и что же в нем низкого? Можно ли запретить Аббадоне смотреть с сожалением на прекрасный рай?³ Если у *четвертого* сердце сжимается, то не оттого, что *трем*⁴ было бы весело в Сибири, а оттого, что он не может делить с ними этой Сибири, — можно ли запретить ему об этом сожалеть? И что же низкого в этом чувстве? Нет, этот четвертый уверен, что он всегда с тремя будет неразлучен. Но он видит себя *одного*, он только с ними мыслями; но милое *вместе*, за которое бы всё можно было отдать, не для него. Что заменит это *вместе*? И когда вообразишь, как бы было *хорошо* быть на деле, а не в воображении четвертым, то как не сжаться сердцу! А Вы бранитесь! О люди! люди! о мода! мода!⁵ Послушайте! Спокойствие Маши есть самая лучшая для меня драгоценность — за него я готов отдать и то, что для меня всего важнее, — мое место в ее сердце, ее ко мне привязанность; не найдите и в этом *к ней недоверчивости*. Я здесь говорю об одном себе, а не об ней, так же как и тогда, когда *горевал о ее спокойствии*, думал *об одном себе*. Вы пишете: *нет дурного, где же несчастье?* На что оболящать себя воображением. Несчастье *есть*, когда всем сердцем желал бы переменить то, что вокруг тебя, когда всё лучшее только вдали или назад; дело не в том, чтобы называть прекрасным то, что и тяжело и дурно. Как ни называй, всё сердце не поверит. Да и нужен ли такой обман? Нужно ли и можно ли другим заменить то, что отнято, чтобы об нем только не сожалеть? Избави Бог от такого несожаления! Это всё равно, чтобы между здешнею и будущею жизнью провести Лету⁶ и одну для другой уничтожить. Нет! я знаю, что настоящее дурно, что оно могло бы быть лучше, и сожаление будет не только храниться как драгоценность в сердце, но будет и хранителем сердца. Скажем иначе: *Нет дурного! Есть твердость! Есть вера! есть уважение к жизни! есть уважение к самому себе!* При этом можно сохранить спокойствие! Можно смотреть на несчастье как на случай быть лучшим, как на способ сделать что-нибудь по сердцу Создателя — нужно ли для этого наряжать его в маску счастья! Вот случай сказать: *прочь низкое!* Дело не в том, чтобы забыть и дать себе этим забвением спокойствие, или, лучше сказать, мертвый сон, беззаботный паралич — дело в том, чтобы сожаление не унизило самого себя, и света, и жизни перед твоими глазами. Всё то спокойствие, которое для этого нужно, я имею. Оно состоит в *доверенности*, в покорности к Провидению, которое даст всё, что нам нужно, и даст непременно. «Воспоминание, святая, утешительная мысль о моем товарище — пусть будут они хранителями моего сердца! Где бы я ни был, этот ангел меня не покинет. С ним моя жизнь не может быть пустою, ничтожною! Нет! она будет доброю жизнью! Я чувствую в душе своей стремительное влечение к добру, чувствую за себя и за нее»⁷.

173.

П. А. Вяземскому

<Август—сентябрь 1814 г. Мишенское (?)>*

Милый друг, вместо утешения и от тебя горе¹. Сказал бы, пропади эта жизнь, да *нельзя!* А другого сказать, право, нечего. Мне за тебя грустно, очень грустно. Сам я никуда не похужу — всё вокруг меня худо — и ты еще меня упрекаешь, и самый большой упрек твой есть подозрение в холодности к друзьям. Что же доказательством этой холодности? Неужели то, что я не еду к тебе в Москву! Но знаешь ли, что меня здесь удерживает! Не знаешь! — так не обвиняй. А глупым слухам обо мне не верь. Я бы поехал к тебе в эту же минуту — так мне больно было твое обвинение и так грустно вообразить тебя страждущим отцом, но именно в эту минуту и надобно здесь остаться. Зачем, объясню после. Только ты имей ко мне доверенность и не прибавляй к той тяжести, которая лежит у меня на сердце, твоих тяжелых и несправедливых упреков. Ты сетуешь на мою недеятельность, равнодушие к общей пользе. Неужели советуешь мне идти в службу, зарыться в канцелярию какого-нибудь министра и самую скучною дорогою добиваться Бог знает чего — но, верно, не общей пользы. Писать — погоди! я буду писать! Дай оправиться: еще теперь не могу! Право, молчу не от лени, а от душевного расстройства, которое наконец придет в порядок! Музы не невольницы. Всё это для тебя загадка — я ее со временем разгадаю. Твоя проповедь совсем не для глухого, но для сердца, наполненного благодарной к тебе дружбы, которое твоя заботливость трогает. Брат, будь ко мне справедлив и не отымай у меня приятной мысли, что ты так же веришь моей к тебе дружбе, как я твоей. Прости. Желал бы послать в этом письме тебе столько утешения, сколько участия принимаю в грусти твоей. Сам надеюсь непременно увидеться с тобою зимою. Буду писать более и подробнее — теперь нет мочи! Болит зуб. Отвечай. Только ни слова о холодности. Ты просишь у меня стихов — нового ничего нет; посылаю тебе полную коллекцию всего старого. Другой такой же экземпляр, с поправками и некоторыми выключениями пошлетя в Петербург к Тургеневу для напечатания. Я просил у тебя всех твоих стихов, ты и не подумал исполнить этой просьбы.

Скажи мой дружеский поклон Вере Федоровне. Надеюсь, что ей теперь спокойнее. Пускай смотрит на дочь², чтоб менее плакать об сыне. Милый друг, обнимаю тебя от всего сердца.

174.

А. Ф. Воейкову

10 сентября <1814 г.> Чернь

Сентября 10. Чернь

Так, *обстоятельства переменились, и теперь ты хочешь быть лучше виноватым передо мною, нежели перед совестью; а время всё откроет.* Не знаю, что это такое таинственное, что должно быть открыто временем. Кажется, тебе передо мною скрывать нечего. Всё доброе, хоть бы оно было и моим выгодам противно, не может быть для меня ни оскорбительно, ни скрыто. При дружбе всё хорошо. Но обстоятельства переменились. Так, очень переменились! Тогда, когда ты мог только в моей *зеленой горнице* и с одним мною делать ткань *своего счастья*, — тогда мои мысли были твои мысли, тогда эта горница была лучшею для тебя в муратовском доме. Тогда были в ней минуты сладкие. Твое верное и мое мечтательное счастье было впереди, и ты считал меня товарищем на дороге к этому счастью. Одним словом, *мой образ* жития был тогда *твоим*, и этому совесть твоя не противилась. Могу даже сказать, что ты с бóльшим жаром, нежели я, его держался. Вспомни твое послание к Екатерине Афанасьевне, о котором никто, кроме меня, не знает, и которое у меня хранится как документ *тогдашнего образа* твоих мыслей¹. Желая знать, для чего совесть не запретила тебе написать его! Вспомни письмо об Арбеновой к Тургеневу!² И не ты ли первый говорил и с Кавелиным и с Тургеневым?³ (С первым совсем без моего позволения.) Не ты ли воспламенил их? Не ты ли вместе с Тургеневым выдумал план писать к архиерею⁴ — план, который последний исполнил как друг и о котором совсем забыл; наконец, не ты ли заставил думать и Сашу согласно с нами, заставил ее желать того же, чего я желал, думать так же, как я думал?.. А письмо Ив<ана> Влад<имировича>⁵ Кто его требовал, и к кому оно писано? И кто после называл Ив<ана> же Владим<ировича> сумасшедшим?.. Одним словом, всё было прекрасно до последнего приезда твоего из Рязани⁶. Тут обстоятельства переменились. Ты *свое* имеешь, и моя зеленая горница, в которой было *столько сладких минут*, в которой так мы *мечтали!!!* о будущем *нераздельном* счастье, которую ты так убирал для 20 августа⁷, потеряла свою прелесть! В ней остался я один с худым своим настоящим, которое надобно было пожелать сносить и которое мне одному ты оставил на плечи; я не слыхал в ней ни одного утешительного слова; ты мог быть мне товарищем для будущего счастья, но товарищем для настоящего горя быть не мог. (Может быть, для того, чтобы не тушить пожар соломою.) Я был точно *один*. Именно в ту минуту жаркая дружба твоя переменилась на холодность и невнимательность, в которую надлежало бы ей усилиться, — я сделался сам и угрюм, и хо-

лоден. Это натурально. Я до комедий не охотник. А искать утешения нельзя. Надобно, чтобы оно само приходило. Просить дружбы как милостыни невозможно. Если эта холодность твоя ко мне была угождением для Екате<рины> Афана<сьевны>, то тем хуже для нее. Ей нельзя было тебя за нее благодарить — какая надежда на человека, который по случаю и времени меняет сердце и располагает дружбу, то есть личину дружбы. Настоящая же дружба не так действует. Я знаю, что моя холодность меня же представила с дурной стороны для Е<катерины> Аф<анасьевны> (кого не хочешь видеть хорошим, тот во всем будет дурен), но что же делать? Носить на себе маску не умею и не хочу, хотя бы и умел. Пускай называют это неискusstвом жить и незнанием людей. Что бы ни было со мною, а так лучше. Чего бы я от тебя требовал и каким бы хотел видеть тебя — право, сказать не умею! Поэтому и не скажешь тому, кому собственное сердце этого сказать не умеет. Я чувствовал всякую минуту, что всё не так; может быть, в ином и ошибался, но это иное было в мелочах, а в главном я прав. Итак, пускай моя зеленая, пустая и навсегда пустая горница напоминает тебе о некоторых сладких мечтах *твоего* счастья, которые сбылись, которые делил я ото всего сердца, которые рад бы и всегда делить даже и без примеси *собственного*; но для меня она не напомнит ни одного часа, в который бы ты делил мое настоящее, не мечтательное горе. Помню несколько разговоров, после которых я успокаивался, — меня легко успокоить! Ни с кем так не легко быть искренним, как со мною (но искренним, и чтобы дело служило подпорою словам), — но эти разговоры, в которые всегда я сам тебя заводил, которые всегда оканчивались хорошо, потому что я всегда иду навстречу доверенности, были минуты приятные, но разрушаемые после *делом*. После всякого разговора я оставался с искренним уверением, что я ошибся, и всегда это уверение исчезало. Вспомни наш последний разговор⁸. Я говорил тебе: мне ничто так не нужно, как иметь к тебе доверенность. Твое дело не в том, чтобы иметь какой-нибудь успех, — я невозможного не требую. Мое счастье зависит не от тебя. Но от тебя зависит не переменяться, быть искренним в мыслях, не жертвовать ни для кого тем мнением, которое ты имел, которое согласно с моим. Не твое дело, что другие не имеют его; ты имел его прежде, имей и теперь. Я требую от тебя только одного: будь прямодушен. На этом основано ваше семейственное счастье и наша дружба. Если не останемся вместе, то по крайней мере будем друзьями. Твое прямодушие нужно менее для меня (я от тебя не завишу), но для тех, которых судьба связала тесно с тобою.

В ответ на это ты сказал мне, что мнение твое не переменялось, что ты ни перед кем его не скроешь. Послушай, если бы ты не согласен был со мною в образе мнений, но сказал бы это прямо и не теперь, когда это сказать нужно, а прежде, когда тебе не было никакой от этого пользы, мог ли бы я тебя обвинить. Нет! Есть люди, которые иначе думают, не как я, но которых участие трогает

меня сильно, и я не желал бы ничего иного, как только того, чтобы Екат<ерина> Афан<асьевна> могла то же ко мне чувствовать, что они, — тогда бы мы могли быть счастливы. Но дело не об том.

Помнишь ли, что я еще прибавил? я сказал, что теперь желал бы, чтобы Екат<ерина> Афан<асьевна> только *согласилась*, что уверена, что она в первые только минуты была бы менее счастлива, но что вся моя жизнь употреблена была бы на то, чтобы ее успокоить и что я надеялся в этом успеть?

Ты говорил: что моего дурного о себе мнения боялся более чахотки! Что тебе нет никакой причины *желать* моего удаления! Что так же думаешь, как и прежде, то есть считаешь образ мыслей Е<катерины> Аф<анасьевны> за пред-рассудок и прочее. И через минуту ты же говоришь совсем противное с Машею; твердишь ей о грехе, уверяешь ее, что нет никакой возможности; что совесть это запрещает; что ты старался по крайней мере узнать, точно ли я сын моего отца, нельзя ли кому-нибудь другому им назваться; и, наконец, спрашиваешь у нее иронически, угодно ли ей, чтобы ее мать пошла в монастырь для нашего счастья⁹, — и всё это здесь, час после такого разговора, в котором я открыл тебе прямо свое сердце. А ввечеру не при мне ли Маша просила у тебя прощения со слезами, и в чем же? В том, что она на тебя рассердилась! Но за что? Боже мой! За то, что ты вздумал ее утешать и сказал ей с душевным участием и милою ирониею: не плачьте, милый друг! Мы выдадим Вас за Жуковского! А маменьку посадим в монастырь! Всё будет прекрасно! И потом, оборотившись к Саше, прибавил: а ты, невинная душа! Ты не знала, что он в твою сестру влюблен и что твоя сестра влюблена в него! — вот оно, твое прямодушие! вот твое участие и твоя дружба! Но кто же этой невинной душе открыл мою привязанность к Маше и кто заставил эту невинную душу ее оправдывать? Не ты ли сам? Послушай! Видеть *грех* в нашем союзе не есть большая вина — и не требую от Е<катерины> А<фанасьевны> противного, я требую от нее сожаления, участия, дружбы, одним словом, возможного, именно того, чего особенно мог бы требовать от христианки, которая своему образу мыслей приносит в жертву всё драгоценное. Но она в этом-то и отказывает. Но видеть в этом союзе *грех* только в угождение другим и соглашаться с обстоятельствами, это уже не одно заблуждение — это лицемерство; а если присоединить к этому и то, что, показывая такое мнение (с которым в сердце не согласен, которому прежде противное показывал), жертвуешь другом, то поневоле скажешь — предательство! Для тебя в отношении ко мне обстоятельства не переменились; что ты прежде думал, не бывши мужем Сашею, то можешь и должен думать и теперь, став ее мужем. Но ты в одной горнице говорил одно, а в другой другое. Так! В моей зеленой горнице *просияла для тебя заря блаженства*. Но на что же ты говоришь? *Его приятель заманила меня в Муратово; его доброму обо мне мнению обязан я Сашею*. Совсем наоборот! Я и теперь повторю то же, что сказал прежде, в одном

из писем моих к тебе в Петербург¹⁰. Благодарю Провидение, которое вселило в тебя мысль посетить Жуковского! Но прибавлю: благодари за то, что оно дает тебе способ быть истинно счастливым, только не разрушай этого способа! Насколько я заметил, мне кажется, что ты не знаешь своего счастья и по сию пору (а это еще лучшие, первые минуты) не нашел способ им наслаждаться! Твоя нежность к Екат<ерине> Афан<асьевне> слишком явная, чтобы быть истинною; ты не имеешь к ней в душе своей той благодарности, которою ей обязан; я знаю, что ты ее не имеешь. А Саша, милая, добрая, покорная Саша, сколько раз уже она от тебя плакала. Если это так продолжится, когда же будет *блаженство*! Нет! Ты не моему доброму мнению обязан Сашею — ты сам знаешь, что значило мое мнение в Муратове! И как всё сделалось! Правда, твоя дружба ко мне, которая из такой дали привела тебя в Муратово, была первым твоим успехом — но всё остальное сделалось без меня! И я бы только испортил, если вздумал тебе помогать. Ты сам не один раз в этом со мною соглашался. Тогда мое доброе мнение принадлежало тебе, и если бы у меня его спросили, то оно тебя же бы оправдало. Но когда Ек<атерина> Аф<анасьевна> спросила у меня, какой ответ тебе сделать, то я сказал: *согласитесь, но оставьте себе право отказать*. Это ты знаешь. Что же? согласились и тотчас начали писать рекомендательные письма. Я помню, что ты сам благодарил меня за такой совет; *без такого требования твоего*, сказал ты, *так бы скоро не согласились*.

175.

М. А. Протасовой

<15 сентября 1814 г. Чернь>

*Всё в жертву за нее!*¹

Не недоверчивость к Промыслу², мой друг, а забвение самого себя, естественное следствие смущения и горести. Я видел, сколько печального ожидало тебя в будущем; многое, может быть, и увеличивал, — когда подумаю об этом и теперь, то такое же смущение; но теперь имею твое письмо — оно ото всего защита! Я его перечитываю, и всякий раз имеет оно на меня влияние *доброто дела*, — я готов прыгать; чувствую себя легче и живее. Но знаешь ли, что я не даю себе воли часто читать это бесценное письмо. Я откладываю его нарочно, как радость, чтобы иметь и наслаждение ожидания.

L'amour parfait chasse la crainte³. Вот в чем твое совершенство. Ты имеешь такую спокойную веру. Она дает и любви твоей бóльшую высоту. Ты лучше меня любить умеешь, и я в самой моей к тебе привязанности должен принять тебя же за образец.

---

* Совершенная любовь изгоняет страх (франц.).

Так, мой друг, будем смотреть на разлуку, как на срок⁴, — будем надеяться. Мы сделали условие с теми, кто об нашем счастье будет заботиться более нас самих. Будем уверены, что всё хорошее будет, и не позже, не ранее, как нужно. Готовить<ся> в ожидании. В этом слове теперь для нас жизнь. Но всё это не было бы для меня так понятно, когда бы я говорил тебе от одного себя; но и тут милость ко мне Провидения. Я должен был на минуту забытья, чтобы мой ангел изъяснил мне мою должность — и каким языком! — самый язык совести никогда не будет для меня так убедителен.

Язык утешения, радости, одним словом — язык моей Маши. Накануне и в самый день отъезда я сказал от сердца, что жизнь прекрасна, — это твое дело. Ты представила мне в будущем столько прекрасного. Своему проступку обязан я тем, что начал еще более тебя уважать, начал чувствовать твое превосходство надо мною, а как весело его чувствовать! Твои наставления кажутся мне чем-то святым! И кто имеет то, что я имею? Стоит о тебе вспомнить, чтобы обрадоваться, что я жив; стоит развернуть твое письмо, чтобы во всякое время жизни иметь утешение; ободрение для хорошего дела, защиту от дурного; поощрение к прекрасному; — всем, всем я обязан тебе; как весело в этом признаваться! Знаешь ли, что я перечитываю это письмо с восхищением, но не даю себе этого удовольствия каждый день, чтобы оно было дороже от ожидания. Вечные мечты! Ты мне велела назвать тебя *своею матерью*, за ту нежную заботу о моей судьбе, которую ты имеешь. Нет, мы не расстанемся — вся наша жизнь будет тесным сношением друг с другом, une correspondance intime*. Всё, что ни сделаю в жизни, всё для тебя, ты будешь знать обо мне и будешь радоваться⁵.

(Я не пишу того, что было писано о Воейкове. Несправедливость!)⁶

Райское *вместе* поручим Богу. Теперь одно: *мы живы* и друг для друга. Заслуживать! При этом слове все силы душевные возбуждаются, et il me semble déjà voir le royaume de Cachemire**⁷. С маменькою можешь обо мне говорить свободно; теперь имеем на это право; никто, кроме нее, не может нас сблизить.

Ты говоришь: *ta vie doit être active****⁸. Надобно было всё это слышать от тебя, чтобы сильно пожелать исполнить. Бесценное завещание моего друга, как его преступить! Мой пример для тебя нужен! нет, я могу только подражать тебе! Oui! montons la montagne!**** Жизнь впереди! Какое счастье: résignation et courage! Si tu veux mon exemple, tu l'aura*****. Теперь мое правило (и даю слово

* Тесное общение, личная переписка (франц.).

** И кажется, что уже вижу царство Кашемира (франц.).

*** Твоя жизнь должна быть деятельной (франц.).

**** Да! взойдем на гору! (франц.).

***** Смирение и мужество! Если ты хочешь моего примера, ты будешь его иметь (франц.).

его исполнить!): *жить как ты велишь! как тебе нужно!* У меня баронесса⁹ спросила: какие же теперь мои намерения? — И ей отвечал: никаких! жить, как ей надобно! В этом всё! (Милый друг, прости! я не утерпел, чтобы ей не сказать о своем предложении; мне хотелось, чтобы она знала в совершенстве, *что ты!* И какое для меня наслаждение видеть, как добрые сердца тебе удивляются! Вот истинное мое достоинство: быть любимым такою душою, как твоя!)

Теперь слово о том, что ты от меня требуешь! — Требуешь, милый друг: какое счастье тебе повиноваться. Бездействие! Нет! оно было не от тебя. Теперь мы розно, и что же влечет меня к деятельности! Ты! Что же, когда бы мы были вместе и вместе счастливы? Итак, вини не себя, а тех, которые наше *вместе* разрушили.

Вот мой кодекс. *Писать* (и при этом правило — жить как пишешь, чтобы сочинения были не маска, а зеркало души и поступков). Это будет моею с тобою корреспонденциею. Слава моя будет твоею. Мне сладко теперь думать о уважении, которое могу заслужить от отечества и которого причиною будешь *ты*. Эта мысль дает мне гордость и силу. Слава моя будет чистая и достойная моего ангела, *моей Маши*. Я буду писать много и беспрестанно.

*Воспитание детей*¹⁰. Это занятие будет посвящено тебе же. Но как же я рад, что ты угадала мои мысли. Я сам хотел употребить на это часть времени. Тем лучше, что это занятие будет исполнением твоей воли.

Владимир будет написан¹¹. Мы не розно. Мой Ангел вдохновения всегда со мною. Мои милейшие желания исполнены в твоей любви. Остальное Провидению. Нет, моя белая книга не останется пустою — *я белой книги не страшусь*¹². Провидение твоею рукою начертало в ней невидимые черты, видимые сердцу, — *жить для Маши, для всего доброго, быть ее достойным, и этим заслужить счастье, которое верно*. Ты получишь ее из моих рук, и полную, полную, и во всякий час. Всё недостойное тебя забыто или будет отброшено. С таким предметом я счастлив.

Вот мои ежедневные занятия:

1. *Собрание понятий о религии*. Надобно сделать тебе мою исповедь. Я не могу быть перед тобой лицемером. Я не имею того, что называется полным понятием о религии¹³. Но желаю верить и буду иметь чистую, достойную человека и Бога веру. В этом ты мне порука. Искренность в этом желании, и довольно. Душевно буду искать убеждения, той веры, которая нужна для счастья, которая совершенствует сердце. Что бы ни было, но жить по правилам христианства. Это ведет к Небу. Итак: *чтение Священногo Писания, книг о религии и твоей книжки*¹⁴. *Свои мысли об этом предмете и для тебя, особенное собрание этих мыслей*.

2. *Чтение моралистов*. Хочу непременно делать *свои прививки*¹⁵, то есть каждый день к какой-нибудь хорошей чужой мысли прививать несколько

своих. Собрание этих мыслей для тебя. Надобно, чтобы каждый день был означен своею особенною мыслью.

3. *Каждый день две или три страницы прозы* о чем бы то ни было. Это составит со временем порядочный материал для журнала. Особенный список для тебя. На это уже готов альбом.

4. *Всякий день непременно писать в стихах*, и всё будет для тебя переписано.

5. *Чтение книг о воспитании*. Прежде, нежели приняться за дело, надобно понабраться мыслей и чужих, если нет своих. Из этих материалов со временем составить письма о воспитании и письма к Дуняше о ее детях. Может выйти прекрасная книжка.

6. *Записывать свой день*. Это для тебя. Дурное и хорошее без закрывки перед моим другом, перед моею совестью, перед вторым Провидением моим. Видишь ли, какая куча занятий, и при всём этом оживотворитель, ободритель, свидетель ты, мой друг, моя благодетельница. Вот и расположение часов, чтобы ты знала, чем я в какую минуту занят.

6 час. Чтение Св<ятого> Писания и т<ому> под<обного> и твоей книжки.

7—8 Проза (письма).

9 Ходить.

10, 11, 12 Стихи (письма).

1—2 Материалы для *Владимира*.

3, 4, 5 Произвольное занятие. Не худо и поспать.

6 Ход<ить>

7, 8, 9 Чтение мор<алистических> книг и о воспитании.

10 Записки дня.

От тебя желал бы, чтобы ты делала 1, 2 и 6 для меня, как я для тебя. Кажется, что это возможно. Сделай книжку, в которую бы записывать лучшее из Святого Писания и духовн<ых> писателей. К этому прибавлять свои замечания. Другую книжку для записывания лучших мыслей из всех книг и к ним также свои замечания. Наконец, каждый день в десяти строках записать в журнал (в голуб<ую> книжку) всё это для меня. Этот журнал будет вместо писем. При случае отдавать на почту, что будет легко. Мне же особенно писать к тебе будет нельзя. Но в Дуняшиных письмах всё подчеркнутое будет мое¹⁶.

Что же касается до денег, то вот мое требование (поздно я вздумал требовать!). Могут случиться весьма затруднительные обстоятельства — ты не имеешь об них понятия; *но верь мне*. Может случиться то, что деньги вам будут спасением. 1 000 Дуняшины и еще другая 1 000, которую получишь от меня, должны у тебя храниться как залог. Обещайся мне до этих денег ни в каком случае не касаться и беречь их *на черный день*. Если решишься исполнить мою

просьбу, то успокоишь меня совершенно. Я боюсь ваших нужд. Не иметь денег в такой дальней стороне есть быть невольником, и самым жалким (а ты обо мне не подумала и раздала без нужды свои деньги. Это меня очень огорчило и огорчает). Береги эти деньги, как маменькино добро. Условие: не тратить их ни на что, а беречь про черный день.

Если дашь слово исполнить это условие, то я буду спокоен.

Теперь последнее слово. Друг мой, *persévérance*^{*}, твердость и деятельность в горе; вера к будущему.

Одним твоим словом: *devant Dieu*^{**} ты дала мне всё — силу, надежду и даже счастье. Мысль, что ты призовешь меня на помощь, когда нельзя будет ничего другого сделать, заменяет для меня всё. Всё прочее заключено для нас в одном: *будем достойны своего счастья*.

176.

М. А. Прогасовой

26 сентября <1814 г. Чернь>

26 сентября

Всё это было написано 15 сентября¹. Милый ангел, кто бы мог ожидать такой перемены!

Ein einziger Augenblick kann alles umgestalten^{***2}.

Маша, дай руку на счастье. Мы будем вместе; *вместе!* как мило это слово после двух месяцев горькой мысли, что мы расстались³. Теперь нечего и некогда тебе сказать. Прости, друг бесценный! Без вас буду много думать о нашей будущей жизни⁴, о нашем милом *вместе*; каком — об этом напишу и для тебя. Это будет последним моим письмом к тебе и единственным, какое ты иметь будешь⁵. Между тем, чтобы ты знала, что буду без тебя делать, то вот рапорт.

1. Написать план *нашей жизни* (ангел, нашей). 2. Переслать к Тургеневу мои сочинения⁶. 3. Собраться в Дерпт⁷. 4. Послание к государю⁸ и перевести Библию⁹.

2. Всё то, что ты читала здесь, было бы планом моей жизни *без тебя*.

Оно останется таким же, но к этому прибавится только милое, одушевленное *с тобою*. Надобно сделать, чтобы наше *вместе* было как можно яснее и спокойнее, но чего не снесешь для этого *вместе*. Ты будешь моим ободрителем, мою наставницу. Боюсь только, как бы Авд<отья> Никол<аевна> всего не

---

* Постоянство, твердость (*франц.*).

** Перед Богом (*франц.*).

*** Единный миг всё может изменить (*нем.*).

расстроила¹⁰. Но это уже твое дело. Друг мой, будь моею защитницею. А я постараюсь обогатить себя такими мыслями, которые бы утвердили, а не расстроили наше счастье. Прости, душа, радость, жизнь.

177.

А. П. Киреевской (Елагиной)

<Вторая половина сентября 1814 г. Чернь>

Милая, *шептун*¹ откликнулся и очень меня утешил. Но для чего же Вы, мой видимый шептун, так малословны? Неужели нужно Вам, чтобы я *своим* письмом от Вас вытребовал то, что Вы мне сказать можете и что, верно, Вы про себя мне говорите. Чтобы успокоить Вас на мой счет одним словом, скажу Вам, что я хочу приниматься за работу. Вчерашнее милое письмо Саши² много дало мне души. Да и шептун много сказал хорошего, что я повторить не умею, потому что он выражается не словами и говорит не ушам. Я чувствую необходимость писать и почитаю это за должность. Слава для меня имя теперь святое. Хочу писать *к Царю* — предмет высокий; и я чувствую, что теперь моя душа ближе ко всему высокому. В ней живее все прекрасные мысли о Провидении, о добре, о настоящей славе. Кому я всем этим обязан? Право, не знаю, что сильнее в моем сердце — любовь или благодарность? Не беспокойтесь обо мне, не представляйте моего состояния низким унынием! Жизнь и без счастья кажется мне теперь чем-то священным и величественным. Я могу теперь ее ценить — и как пророк *знаю* свое будущее. А Провидение, которое во всём для меня видимо и слышно, — какое величие дает оно и свету, и жизни. Простите, мой милый шептун. Поцелуйте за меня обеих наших сестер и Ваших детенков. Дружба, да и только. Чего мне более? Прошу, напишите ко мне поболее.

178.

А. И. Тургеневу

<Конец сентября 1814 г. Мишенское (Чернь?)>

Брат, ты жестоко меня наказываешь. Сколько времени уже не имею от тебя слуху! Неужели петербургские праздники¹ заставили тебя забыть своего белевского бедного поэта? Я сам давно не писал тебе; но ты мог догадаться, что мои обстоятельства не давали мне рук. Душа, право, всегда близко тебя, а теперь и гораздо ближе прежнего. Мне о многом, многом надобно говорить с тобою, и многое тебя изумит. Но радостного ничего не жди; может быть, зато иное восхитит твою душу; а иное и очень, очень сожмет. Всё это загадка — я тебе ее разгадаю. Только ты откликнись, друг, товарищ, всегда верный и неизменный сердцем, каковы бы ни были обстоятельства. Не обо всех это сказать можно.

Не обо всех! О немногих, очень немногих. Так и быть. А всё, как бы ни больно было, лучше быть добрым на худой дороге, нежели дурным на гладкой.

Полно теперь! Мое письмо похоже на крошево, в котором ничего не разберешь. Да я и не хочу, чтобы ты что-нибудь разобрал. Готовлю к тебе большую реляцию, и самую подробную, и скоро. Теперь опять комиссия. Здесь есть Минина, бывшая Михель². Ей хочется поместить сына в Лицей. Узнай, когда прием, какие кондиции, и уведомя немедленно, чтобы она успела нынешнею зимой съездить в Петербург для отдачи. Да что же ни слуху о посланных мною к тебе пятидесяти рублях? Будут ли греческие книги?³

Мои стихи всё еще к тебе не посланы. И нового ничего нет. До сих пор гений, душа, сердце — всё, всё было в грязи. Я не умею тебе описать того низкого ничтожества, в котором я барахтался. Благодаря одному ангелу — на что тебе его называть?⁴ ты его имя угадаешь — я опять подымаюсь, смотрю на жизнь другими глазами; хотя ничто не удалось и надежда на всё, что радовало, пропала, но этот ангел мне остался, и я еще *радуюсь* жизнью. Теперь слава мне *драгоценна*. Брат! Твоя дружба, любовь некоторых *добрых*, чистая, не униженная ничем презренным слава и этот ангел, который смотрит на мою жизнь, как на свое благо... Еще жить можно!

Und ein Gott ist's,
Der Berge Spitzen
Röthet mit Blitzen!⁵

Видел ли ты Протасова, сдружился ли с ним, полюбил ли его?⁶ Вам надобно непременно любить друг друга. Обними его за меня. Буду писать к нему много. Скажи, чтобы прислал адрес. Через тебя нельзя: или забудешь письмо отдать, или потеряешь, так, как забыл совсем об Астракове⁷.

Батюшков, что приехал в Петербург, то уж и дал о себе знать⁸ — письмо о Муравьеве прекрасное⁹; но зачем же он меня бранит?¹⁰ Не я ли к нему писал, чтобы у Ивана Матвеевича¹¹ выпросить мне подробности жизни Муравьева? Не я ли послал ему переписанный экземпляр стихов Муравьева и не я ли на всё это не получил никакого ответа? Обними его за меня. Благодарение музам, которые сохранили своего любезнейшего друга! Его Скандинавский замок прелестен¹². Он поджигает меня на поэму. Эта мысль уже давно в голове моей; теперь будет зреть и созреет. Вы *часто будете обо мне слышать*. Между нами: я хочу писать «Послание к государю»¹³. Принято ли это будет и не поздно ли? Оно давно было бы и написано; но... Музе надобен покой! А у меня его не было.

Правда ли, что Блудов возвратился?¹⁴ Если правда, напомни ему обо мне. Скажи ему, что я тот же — лентяй писать, но друг ему *по смерти* или, лучше, *на жизнь и смерть*.

Обнимаю тебя.

Нет ли у тебя каких-нибудь пособий для «Владимира»?¹⁵ Древностей, которые бы дали понятия о том веке, старинных русских повестей? Посоветуйся об этом с Дашковым и С<ергеем> Семеновичем¹⁶.

Кавелина обнимаю.

179.

А. И. Тургеневу

20 октября <1814 г. Володьково¹>

20 октября

Нет, друг милый и *брат*, это большое письмо не написано, и не лень помешала его написать, и я рад, что его не написал, потому что в нем было бы много несправедливого, внушенного огорчением; а то, что и было бы справедливо, должно быть предано забвению и исправлено. Я думаю, через час после моего последнего письма к тебе обстоятельства переменились². Не радуйся! Того, что надобно, что одно было бы для меня счастьем, нет и, вероятно, не будет. По крайней мере, и жестокого *розно* также не будет. Фанатизм, присоединенный к слабому, нерешительному характеру, непобедим. На него ни рассудок, ни сожаление, ничто действовать не могут. Нет, довольно твердости, чтобы на что-нибудь решиться, чтобы остаться при том, на что решился. Вся твердость в этом дьявольском суеверии, которое ненавижу от всего сердца. Ах, святая религия, святое понятие о Боге, как вас искажают! Но так и быть! Будущее впереди, в руке твердой; мое дело дойти до него хорошою дорогою. Мы вместе — это много, это всё. Не думаю, однако, чтобы было полное спокойствие, полное счастье; всё это зависит не от нас! Но надобно сколько можно беречь это сокровище — трудиться, помнить предположенную цель, радоваться, что есть дружба, которая меня утешает; словом, писать и жить, как пишешь. Стоить своего счастья, и оно будет наше. Разве мало — быть добрым, быть любимым таким сердцем, какого нет другого, быть другом твоим, быть поэтом и писать не для низкого всеобщего одобрения, а для семейства прекрасных людей, с которыми породнишься посредством высоких, неложных и хорошо выраженных чувств, которые, может быть, останутся и для потомства? Слава, истинная слава! А для меня она выше, нежели для других. Искать, а значит любить самое прелестное творение, в лучшие, совершеннейшие минуты жизни быть к ней ближе. Брат, еще можно быть счастливым на свете! Кто может писать и говорить мыслями сердцу, да притом не слишком самолюбив, чтобы в одном только успехе видеть свою награду, тот живи и радуйся жизнью. Письмо мое похоже несколько на дифирамб; но ты поймешь меня. Теперь я совершенно один. Мои все разъехались — кто в Москву, кто в Тамбов³ и тому подобное. Но я никогда

не был так весел. Все минуты *мои*. Сочиняю план будущего, и планы не химерические, а такие, которые можно и должно исполнить. Пишу стихи без памяти⁴ — и когда всё то напишется, что я предположил написать в это время, то будет к тебе отправлено вместе с старым для напечатания. Хочу приниматься за «Послание к государю»; план сделан, кажется, хорошо⁵, а это для меня всего важнее. Он написан, следовательно не могу бояться, чтобы мысли, записанные в минуту горячую, пропали из головы в минуту холодную. Мне весело было писать этот план и, признаюсь, много обещаю себе наслаждения от самого сочинения. Никакой поэт не может похвалиться, чтобы имел подобный этому предмет. При имени государя сердце распаляет воображение. Кто подумает о лести! Россия должна благодарить его за тот великий характер, который он к славе ее явил в таких решительных для нее обстоятельствах и благодаря этому характеру Россия теперь славнее, нежели когда-нибудь. Но это всё найдешь в моем Послании. Только уговор — чтобы *никто не знал* об этом. Как скоро узнают, то это обратится в тяжкую обязанность, и принужденность будет охлаждением воображения. Я всегда замечал, что именно того я не делал, что должен или принужден был сделать. Итак, молчи и не убей моего Послания, рассказав о нем прежде, нежели оно родилось. *À propos* *. У меня бродит в голове мысль, что если 6 25 декабря⁶ было бы для нас то же, что для англичан день святой Сесилии⁷. Чтобы непременно каждый год была сочинена ода на этот день и положена на музыку? Почему не быть у нас Драйденам, Попам и Конгревам?⁸ А какой сюжет! Но только, чтобы это было установление, утвержденное государем. Оно перейдет к потомству. Молитвы своим чередом, а стихи своим.

Попробуй пульс у Батюшкова — в полном ли он здравии обретается? Ведь это сумасшествие! Прислать ко мне свою книжку и не написать ко мне ни слова⁹ — грех и стыд! Он напрасно журит меня за Муравьева. Поправленный список его стихов отдан был, если не ошибаюсь, в Москве ему или по почте ему же доставлен. Беда бы не велика, но вот что больше беды: я потерял поправки, и надобно снова приниматься за эту работу. Напомни ему, что я должен был писать жизнь Муравьева, что для этого надобно было мне иметь сведения о его обстоятельствах, что этих сведений нельзя почерпнуть из тех бумаг его, которые у меня, что я просил его же, пипиньку-шельму-блядуна¹⁰, мне эти сведения доставить! Бумаги все целы; успокой на счет их Екатерину Федоровну¹¹. Теперь мне предстоит поездка в Дерпт. Я переселяюсь туда с Воейковым¹². Вероятно, что это случится зимою, и *первая* работа мне в Дерпте будет издание стихов Муравьева, с приобщением к ним его жизни. Приготовьте к этому времени все нужные материалы. То есть хоть ты возьмишь стучать Батюшкову в голову и кричать этому кургузому скомороху, чтобы он доставил мне эти материалы.

---

* Кстати (*франц.*).

Впрочем, и на тебя плоха надежда: что ни поручи тебе, всё проспишь. Какой ответ сделал ты мне о Лицее?¹³ Есть ли какой-нибудь слух об Астракове?¹⁴ Человек ты Божий!

Обними за меня Блудова! От него нет ни слова, но я сам виноват, сам не писал к нему ни разу. Но что, если он это молчание назовет моею переменою к нему в дружбе? Нет! не назовет. Тогда и мне даст он право то же об нем подумать. Прошу тебя, вымоли у него ко мне строчку. Он всё в долгу у меня. Я писал к нему в твоём письме, а он и тебе ничего мне сказать не велит. Это грустно и больно. Неужели мы можем друг для друга перемениться, не говорю уже расстаться? Его дружба не только нужна мне для меня, но и для моей Музы. Он один из тех людей, которых одобрение ценю весьма высоко. Растолкай, ради Бога, его дурацкую лень.

Прости. А *propos**. Вчера родилась у меня еще баллада-приемыш, то есть перевод с английского¹⁵. Уж то-то черти, то-то гробы! Но это последняя в этом роде. Не думай, чтобы я на одних только чертах хотел ехать в потомство. Нет! Я знаю, что они собьют на дороге, а признаюсь, хочу, чтобы они меня конвоировали.

То, что ты пишешь о братьях, меня радует: славные ребята! На детей нашего старика Тургенева Бог поглядел в милостивую минуту — сердца и головы прекрасные. И всё это *мои*. Любо!

Прощай. Перед Сергеем Семеновичем¹⁶ я виноват, и он, видно, решил меня отбросить в толпу шалунов. Я с ним поступил как с тобою, то есть отложил ему отвечать на его письмо, а что отложишь, того не сделаешь. Вот и по сию пору я к нему не написал. Зато и нет у меня ни похвального слова Моро¹⁷, ни сочинения его о государе¹⁸. Я постараюсь загладить свою вину перед ним. Об Голицыной¹⁹ не могу подумать без содрогания. Выдумай какое-нибудь средство, чтобы меня вывести из дураков, из этой бездны, в которую я сам добровольно залез и где сижу как какой-нибудь хозяин.

Что мой Протасов?²⁰ Пожури его! Видно, он не умеет помнить посреди шумного света тех, кого любил в уединении. А у нас с ним не одна причина любить друг друга. Я его обнимаю.

Жуковский

180.

П. А. Вяземскому

<Первые числа ноября 1814 г. Долбино>*

Милый друг, податель этого письма есть Василий Андреевич Азбукин¹. Прошу его принять дружески, первое, за то, что он любезный и достойный тво-

---

* Кстати (*франц.*).

его внимания человек, второе, за то, что он Василий же Андреевич, мой сослуживец, сотоварищ, соратник. От него узнаешь различные обо мне подробности. Ты опять сердисься на меня за мои сто лет молчания. А я разве не имею права пенять тебе за твои сто лет. Но не могу. Ибо в горе и беспокойстве. Я мог бы теперь побывать у тебя, но так как этот приезд был бы на три или четыре дня, не более, то я предпочитаю приехать в конце ноября на две недели *единственно для тебя*. Я еду с своими на житье в Дерпт². Ты будешь в Петербурге. Следовательно, мы будем ближе друг от друга и будем, вероятно, видаться. Эта поездка в Дерпт совсем не означает вступления в службу или чего-нибудь подобного; она значит только то, что *мои* все по своим обстоятельствам едут в Дерпт и там жить будут — а я за ними. Не входя ни в какие ненужные для тебя объяснения, скажу, что у меня теперь на душе поспокойнее, и та яма, которую, по твоим словам, я сам для себя рою, сделалась *ямкою*, так что если и буду в ней сидеть, то всё Божий свет будет виден. Словом сказать, на сердце легче и наконец буду работать, перестану истощать бесценный мой талант на блестящие безделки, утешу мое отечество, которое умеет отдавать мне справедливость, и вместе с Батюшковым, Вяземским буду работать не для минуты, а для веков. Согласен ли на это, друг? Если согласен, то не пиши таких стихов, которые мне прислал в последний раз³. Не пиши — это значит не думай и не чувствуй того, что в этих стихах (впрочем, не слишком тебя достойных) написано вслед за Вольтером. В самом деле, *дурной час больного*. А у тебя, как я часто имел случай в старые годы заметить, такие часы бывают частенько. Несмотря на *всё, что у тебя есть*, ты имеешь какое-то презрение к жизни и смотришь на нее с насмешкою, и готов всякую минуту нападать с жестокими сарказмами на Провидение. С таким расположением души трудно будет написать что-нибудь такое, что бы *радовало* потомство. Не говорю уже о том, чтобы находить счастье посреди всего того, что *делает* наше счастье. Стой, моралист! У меня до тебя просьба. Мы с Воейковым и с другими некоторыми издаем снова «Собрание лучших русских стихотворений»⁴. Твоего в этом собрании должно быть *много*. Первый том уже печатается. Пришли мне непременно всё то, что желаешь поместить, и, пожалуйста, не скромничай и не скупись.

Пришли мне, если можно, *всё*, я выберу сам — только поскорее, чтобы не опоздать отослать в Петербург. Пипинькино письмо прекрасно⁵. Напрасно нападает он на меня за Муравьева⁶. Я поправил его стихи, переписал их и ему отдал экземпляр. Этот экземпляр потерял и с ним все поправки. Надобно возиться с этою скучною работою опять. Я не мог написать «Жизнь Муравьева»⁷ потому, что не имею на то никаких материалов; те бумаги, которые у меня, могут служить только материалами для изображения его характера и образа мыслей. Но я Пипиньку же просил доставить мне известия о обстоятельствах его жизни и отобрать все нужные сведения у Ивана Матвеевича⁸. Он ничего этого

не сделал и меня же бранит. Бумаги все у меня целы. И в Дерпте всё кончу; но только нужно, чтобы мне помогли.

Ты подумай о журнале. У меня есть в голове план, который, обдумав, тебе сообщу.

Поклонись от меня Денису-поэту-герою-Давыдову.

В экземпляре моих стихов, к тебе присланном, много ошибок. Некоторые пиесы, и их, думаю, наберется с десятков, не будут напечатаны. Что мне делать с рифмою любовь и богов? Поправить не умею. Не выбросить ли и этой пиесы. Рви и режь, как хочешь! Я постараюсь стиснуть зубы и не крикнуть. *Ночи и полночи* не тронь. Так и быть!

À rgoros*. Я всё забыл. Я тебе должен за платье⁹. Тогда, когда писал об этом, у меня были деньги. Теперь нет. И так, не взыщи. После расквитаемся.

Обнимаю тебя от всего сердца. Я теперь совершенно *один* и пробуду недели три один. В это время что-нибудь напишу. Я еще обязан тебе посланием. Друг, поверь, что не лень и не недостаток чувства мне помешали тебе отвечать. *С тобою* мне легко быть стихотворцем — то есть живо чувствовать всё прекрасное. Но эти последние два года были для меня убийственны. Теперь всё лучше, и я опять поэт. Буду писать много. Прости, до свидания. Вероятно, в конце ноября. Мой поклон Вере Федоровне.

Твой Жуковский

À propos**. Вот мое подражание английским стихам *God save the King****¹⁰. Его здесь у нас поют (и на тот же голос). У Плещеева¹¹ введено в обычай петь эту песню за столом при всяком семейном празднике. Хорошо, когда бы вся Русь приняла этот обычай. В минуту радости первый стакан царю, каких нет.

181.

П. А. Вяземскому

7 ноября <1814 г. Долбино>*

7 ноября

Я хотел много писать к тебе прозою; но неожиданный случай заставил писать стихами — о чем эти стихи, узнаешь, прочитав их¹; остальное объяснит Азбукин². Прошу не критиковать: всё это написалось очень скоро. Не говорю: прошу исполнить, потому что и без этого исполнишь. Прости до будущей почты. У меня еще начато к тебе послание³. Но что-то мой Гений остановился и ждет

---

* Кстати (франц.).

** Кстати (франц.).

*** Боже, храни короля (англ.).

попутного ветра. Оно будет ответом на твои прекрасные последние стихи, за которые обнимаю⁴. Кипу прочих твоих стихов получил. Вере Федоровне мой поклон и благодарность за ее милую дружескую записочку.

Твой Жуковский

У меня пропасть написано; никогда я столько не написал, как в прошедшем месяце; но еще пропасть написать надобно, и ты не прежде получишь что-нибудь, как по окончании *всего*. Скажу только, что я написал *пять* баллад; три ношу в голове; да еще две такие пиесы готовятся, от которых Феб лопнет⁵. Благослови меня, мой милый Феб. Пока не кончу всего этого, ты меня не увидишь. Обними за меня воина-поэта⁶; к нему буду писать на следующей почте; стихи его прекрасные, как и всё, что он пишет. Но это *всё* для меня очень не в большом числе. Я и десятой доли не знаю того, что он навараксал; а желал бы *всё* знать и всё иметь. Не вздумает ли он вытряхнуть в мою суму свои сокровища.

182.

А. И. Тургеневу

8 ноября 1814 г. <Долбино>

Ты, верно, думаешь, что у меня всё готово, а я еще не написал ни одного стиха из моего Послания¹; ты же об нем успел раструбить. Хорош ты! Но так и быть. Пишу теперь для того, что перед началом всякого доброго дела нужно поговорить с милым человеком, чтобы доброе было прямо добрым. Благослови, брат! Завтра начну прибавать свое имя к памятнику Александра. Не знаю, удастся ли. Не думай, однако, чтобы лень меня до сих пор удерживала. Нет, я написал много, и никогда так много не писал. Хотелось кончить многое мелкое, чтобы приняться без всякой заботы за одно большое. Но шутя, шутя написал пять баллад², да еще три в голове³, которые пойдут рядом с Посланием. Но прошу только не расславлять моих подвигов. С тобою не боюсь быть синицею, но с другими это невесело. Скажи мне, когда поспеет *наш* памятник? Нельзя ли прислать ко мне рисунка? Два ли будет камня или один для двух? Я желал бы весь гений, какой во мне есть, посадить в одну надпись и боюсь не то написать, что хочется. Но прежде непременно мне надобно иметь описание памятника⁴.

Видаешь ли ты Свинына Павла?⁵ Поблагодари и обними его за меня за доставленную им мне книгу⁶ через Андрея Федоровича Сухотина⁷. Он очень одолжил меня тем, что обо мне вспомнил; попроси, чтобы он доставил мне то, что написал о Моро⁸. Говорят, что он сделался славным живописцем. Виват, наши пансионеры! Посмотри, если не они положат печать на век Александров!

Пишу к тебе немного. Я в стихах по уши. Губарев⁹ взялся мне всё переписать, что как должно для печати. Много найдешь нового в этом экземпляре.

Не хочу ничего посылать в журналы, дабы сберечь что-нибудь новое для издания; да и Никольский¹⁰ несколько меня пугает. А браниться с ними нельзя; я сам им подал пример. Скажи мне, что профессорство Воейкова? Что Блудов? Напишет ли он ко мне? Что Батюшков? Напишет ли он ко мне? Что Форовы греческие книги? Вспомнишь ли ты когда-нибудь об них и познакомишься ли хотя на минуту со стыдом?

Прости.

Жуковский

1814

Ноября 8

Нет ли в Петербурге сочинений Шиллера, вышедших после его смерти?¹¹ Я желал бы иметь их.

183.

П. А. Вяземскому

10 ноября <1814 г. Долбино>^{*}

10 ноября

Вот тебе и еще послание. Вдруг получишь два¹. Одно не поспело на почту и, верно, для того, чтобы поспеть вместе с этим. Не знаю, будешь ли им доволен. Я хотел написать просто послание, а вышел дифирамб. Скажу прозою: друг, нам надобно писать много, и так, чтобы врезать свое имя в тот монумент, который поставят Александрову веку потомки. *Нам!* Что значит нам? Ты, я да Батюшков — должны составить союз на жизнь и смерть. Поэзия — цель и средство. Славе — почтение; похвалу болтунов — к черту; дружбе — всё! Я написал много; напишу еще более; всё пришлю, когда кончу; ты пиши; присылай; люби; увидимся нынешнею зимою. Давыдова² обнимай³.

Жуковский

184.

П. А. Вяземскому

14 ноября <1814. Долбино>^{*}

Ноября 14

Любезный друг, прошу тебя сделать мне одолжение прислать хорошей листовой, то есть *in folio*^{*} веленовой бумаги дести две. Здесь нет ее и тени, а мне нужно. На что — это моя тайна!!! Пришли скорее. Денег не посылаю, потому что их у меня нет.

---

^{*} В лист (*лат.*).

Получил ли ты *все* мои стихи? Что об этом нет от тебя ни слова? Я твои стихи вожу как товар! Читаю их и восхищаю ими; но жаль, что здесь мало слушателей! Зато есть и такие, каких лучше и в Москве не найдешь. Славно умеют понимать, славно умеют критиковать, и вкус может подле них не бояться ржавчины. Пришли мне Батюшкова «Пленника»¹. Видно, и мне написать *Пленника*². Две мои ипостаси написали³, и мне отставать не должно. Послание твое к Усачу⁴ прекрасное, точно горацанское; одно только меня в нем мучит, как склеить прелестные эти стихи:

Дар благодатный, дар волшебный
Благословенного Аи
Кипит, бьет искрами и пеной —
Там жизнь кипит в молодые дни!
Там за столом и проч.

Тут, верно, есть ошибка, а ты не потрудился перечитать; а если нет ошибки в переписке, то еще хуже — в слогe! Нельзя же бы мне не понять — а если бы и понял с трудом, то всё переменить должно, потому что я, друг твоих стихов, их с трудом понял. Стихи твои все вообще прекрасны, полны дарования — тебе должно быть поэтом и записным поэтом, то есть записанным в кандидаты бессмертия. А в достоинстве твоих стихов ошибиться не могу — у меня есть верный признак их красоты. Они меня поджигают писать. Читая посредственное или слабое, всякий раз прихожу в какое-то глупое уныние — что, если и я не лучше! А от хорошего поневоле берется рука за перо.

Получил ли мое послание; что ты по нем сделал?⁵ Не худо бы было его прочитать в кругу каких-нибудь добрых людей, которые бы, выслушав его, не поленились сходить в карман и вынуть из него полный кулак денег! С стихами в руках просить милостыню (другим) не стыдно.

Моей Музе ты прибавил бегу. Пишет, да и только. И много написано. Не посылаю к тебе, потому что лень переписывать. Но вот тебе отчет. Я перевел (и это, право, *tour de force**) Фонтанову «Библию»⁶, где в 80 стихах самых живописных весь старый завет. И с первого октября по сие число (не ужаснись!) перевел четыре баллады и сочинил две. Принимаюсь за седьмую, которая будет не иное что, как продолжение «12 спящих дев»; но будет уж совсем в другом роде⁷. Чем больше пишу, тем более восхищаюсь нашим языком — этому очарователю всё возможно. Французская ясность, немецкая живопись и разнообразие и смелость и английская твердость — всё в нем есть. И сколько еще можно дать ему национального, собственного, чего нет ни в каком языке. Надобно, чтобы у нас была *собственная, неподражательная поэзия*. Пользоваться образ-

---

* Подвиг (франц.).

цами всех народов, не прилепляясь ни к одному в особенности; но непременно дать своей поэзии свою физиономию. Наш язык — молодой проснувшийся атлет! Отворить ему только поприще — он всех опередит. Это всё у меня как в тумане — вижу что-то; давай, брат, руку — наделаем много славного. Обо всем этом напишу пространнее в особенном прозаическом *изложении*, в котором, вероятно, много будет и пустяков, потому что, сказать между нами, я великая невежа, и сам не знаю, как помочь своему невежеству.

На сих днях я получил от Измайлова письмо — он жалуется на Университетскую типографию, которая самым несправедливым образом отняла у него издание «Вестника»⁸. Он хочет выдавать свой журнал⁹. Это нужно для его состояния. Просит у меня стихов. Я хочу поместить у него мои два послания к тебе, но для этого нужно, чтобы Пушкин дал свое с твоим на него ответом; а ты еще другое, к друзьям (прекрасное, острое, словом, *твое*), на которое мое последнее служит ответом¹⁰. Прошу не отказываться. Надобно помогать собрату. Я еще кое-что ему пришлю и тебе также советую. Напечатай у него и твое кое-что о Ломоносове¹¹, но прежде дай прочитать. Отвечай на всё это обстоятельнее. Разумеется, что я не всё свое *новое* напечатаю у Измайлова, надобно чем-нибудь заманить и читателя на собрание полных моих творений (!!), которое скоро начнет рождаться для бессмертия.

Приеду в Москву не прежде, как кончив всё, что затеял, следовательно не прежде, как к концу декабря¹². Милый друг, не сердись. В Москве третьей доли того не напишу, что здесь напишется. К тебе хочу приехать с свободным духом. Теперь же у меня всё бежит по маслу. Сделан план для двух *капитальных* пьес¹³. Для каких — ни слова! чтоб не быть синицей, зажигательницею моря. Скажу только, что более всего желаю угодить твоему вкусу.

Ты познакомился с Юшковыми¹⁴ — прошу узнать их покороче, чтобы полюбить. Не искать в них блестящей светскости, но ума и души. Если ты любишь читать стихи свои дамам, то смело читай им, чтобы слышать самый верный и приятный суд вкуса. Анна Петровна так пишет письма и по-русски и, hélas!* по-французски, как немногие у нас пишут. А ее сестрица, у которой я теперь проживаю в деревне и которой всякий день читаю то, что напишется, есть для меня самый лучший судья. Женского вкуса не обманешь. Ее письма еще лучше, я всегда читаю их как какое-нибудь лакомство. Чище, живее, быстрее слога быть не может. Итак, прошу с ними быть подружнее. Тебе это знакомство должно быть приятно и потому, что я, твой брат по Аполлону, вылез из одной с ними колыбели.

Прости. Отвечай на это письмо скорее. Партизана-поэта¹⁵ обнимаю по-братски. Вере Федоровне мой дружеский поклон.

Твой Жуковский

---

* Увы! (франц.).

185.

А. П. Киреевской (Елагиной)

<25—28 ноября 1814 г. Чернь>

Здравствуйте, милая. Вы не ошиблись; подставы не было, и я должен был простоять часа полтора в Пальне, беседуя с различными прохожими и хозяйками. Однако не опоздал, приехал засветло. Здесь всё нездорово — кашляют дети; кашляет Анна Ивановна¹ и лежит. Смотрите, чтоб у Вас ни под каким видом того же не было. Но посудите же, как можно жить на свете. Плещеев давно отправил по почте мне две музыки на русского пленника² и NB прекрасны обе и еще списанные все мои и его романсы³ для отсылки к Вяземскому, и всё это гниет на почте. Или Федор Ал<ександрович>⁴ всё зажил, или наши молодцы, ходя на почту, ничего не берут, или, чего Боже упаси, всё теряют. Пошлите, прошу Вас, на почту к самому Федору Алекс<андровичу> и вытребуйте у него всё наше. Что же мое, то перешлите по первой почте. Польские и экоссезы⁵ Вам списываются самим Плещеевым. Сейчас сшил для них я тетрадь. Праздник будет списан⁶. Доктору отдал почтение, немножко поизмятое от дороги⁷, и прочие конфеты. Послание⁸ хочу послать к Тургеневу не переписанное, чтобы он сам переписал, как рассудит, и мое письмо, за которое ныне примусь. Вы же, милая, всё перепишите. Хочется мне к Вам воротиться первого числа; но едва ли ворочусь. Как бы то ни было, в понедельник буду к Вам писать. Чур же быть здоровыми. Детенок целую. Когда увидите Е<лену> И<вановну>, то ей дружеский поклон и чтобы потрудилась передать мое почтение милой, доброй и *доброжелательной* М<арье> Алекс<еевне>⁹. Наталия¹⁰, здравствуй. Возвращаю дрожки. Их подобает починить. Я уже об этом рекомендовал Василию вознице, и Вы прикажите от себя.

186.

П. А. Вяземскому

<Конец ноября (?) 1814 г. Чернь>*

Прелестно! восхитительно! эти слова сами собою просятся на язык, когда читаешь твои стихи. Твой Пленник пленителен¹. Живопись, гармония, новость и точность выражений — всё тут. А послание к Давыдову², если можно, еще лучше. В этом роде у нас ничего нет, и никто в этом роде далеко с тобою сравниться не может. Этот проклятый усач тебя воспламенил своею скомканною рожицею, из которой так и пышет поэзия. Как прочтешь ваши стихи, то желал бы одним скачком перепрыгнуть в Москву. Но терпение! Буду к вам непременно. Поцелуй за меня смуглого Партизана-пьяницу-поэта³. Сердце прыгает, как подумаю, что мы родились в одно время, будем писать в одно время, будем

рука в руку, с дружбою, с Музами идти к одному. Любо! Вяземский, не спи ночи и пиши. Твой талант будет славою России. Плюнь на всё и пиши! Я теперь как на треножнике Пифия, впереди вижу славу — а подле себя славных друзей!

NB. Согласен с Вяземским, последние четыре стиха лучше выбросить — всё прочее прекрасно!⁴ Кроме некоторых пятнышек, но прикоснуться к ним боюсь, чтобы не вышло басни «Медведь и Пустынник»⁵. *Смотри Басни Ивана Крылова.*

187.

А. И. Тургеневу

1 декабря <1814 г. Чернь>

1 декабря

Ты ждешь от меня плана моего «Послания к государю», а я посылаю тебе его совсем написанное. Первое условие: прочитав вместе с Батюшковым¹, с Блудовым, с Уваровым² и, если он состоит налицо, с Дашковым. Что найдете необходимым поправить — поправляйте; на меня в этом случае уже не надейтесь. Лучше написать новое, нежели поправлять. Пока пишу, по тех пор мараю, сколько душе угодно, и могу марать; написал — всему конец! Если вздумается поправить, то для одной только порчи. Сюжет мой так велик, что мне надобно было держать себя в узде, чтобы не слишком расплодиться и излишним богатством отдельных частей не ухлопать целого. Не знаю, удалось ли. Мне нравится, другим нравится; но надобно, чтобы вам, священный мой ареопаг³, против которого нет апелляций, понравилось! Если скажете: хорошо! то мое место в храме бессмертия свято! Скажите же, ради Бога: хорошо! но только не для того, чтобы меня по губам помазать, а положив руку на сердце, как друзья, как мои заботливые квартирьеры на походе к славе. Судьбу этого «Послания» предаю в руке тебе, Тургенев. Ты должен его переписать и доставить к государыне императрице⁴, и, если можно, скорее. Прошу цензуровать со всевозможною строгостью приложенное письмо⁵, переписать его, подписать за меня и подать. Признаюсь, я боюсь, чтобы не вздумалось меня за это Послание подарить чем-нибудь. Старайся, чтобы этого не было! Пошлины с любви и с выражения любви к нашему славному царю собирать не должно! Я многое писал с восхищением, и за это счастливое чувство нечем наградить. Я так этого боюсь, что даже намекнул об этом и в своем посвящении — но прилично ли? Суди сам, и сделай, как посудишь. Издание поручаю тебе. Надобно, чтобы формат был такой, чтобы не нужно было *ломать строк*: ломаные строки гадки и слишком пестры⁶. Прошу, чтобы этого никак не было. Если можно, уговорить бы друга Михаила Дмитриевича⁷ позаботиться о корректуре: никто не может иметь такой точности, как он. Попроси его об этом от меня. Не худо бы было и виньетку; об этом лучше всего

попросить Свинына: для старого сотоварища он не поленился черкнуть раза три своею волшебною кистью⁸. Вот, кажется, всё, что касается до Послания.

Прошедшие октябрь и ноябрь были весьма плодородны. Я написал пропасть стихов; написал их столько, сколько силы стихотворные могут вынести. Всегда так писать невозможно! Ухлопаешь себя по-пустому. А почти так всегда писать можно и должно! Жизнь мне изменяет; уцепился за бессмертие! Я об нем думаю, как о любовнице; быть стихотворцем во всем смысле этого слова — прекрасная мысль! Может быть, и гордая мысль! Но разве надобно иметь перед собою цель низкую? Писать так, чтобы говорить сердцу и возвышать его! А между тем, пока живешь, жить, думать, чувствовать и пр., как пишешь! Сверх того, иметь друзей — друзей твоей славы, друзей твоих чувств и мыслей, и с ними еще *кого-нибудь*⁹... Жаль, что тебя нет в эту минуту подле меня! Как бы было весело пожать тебе руку! И всякий раз сердце сожмется, когда вспомнишь, что лучшего нашего товарища во всем прекрасном нет и никогда не будет!¹⁰

Что бы тебе сказать одним словом о всех моих поделках, кроме этого Послания? Переведены четыре баллады, да две сочинены¹¹, да еще три послания к Вяземскому¹², не считая всякого рода мелкой дряни, и годной, и негодной. Всё это доставлено будет к тебе вместе с прочим, переписанное и совсем готовое для печати. Как печатать, об этом дано будет письменное подробное наставление. Поправок от меня не требовать. Дается вам право выбрасывать всё, что найдете негодным. Корректуру же надобно непременно поручить Михаилу Дмитриевичу. Если он за нее не возьмется, то хоть бы и не печатать. Как думаешь лучше выдавать? На подписку или так? Подписка, вероятно, была бы весьма благодетельна для моего кармана, который пуст, да и пуст так, что уже ничто с его пустотою сравняться не может. Но об этом после. Вероятно, мой манускрипт будет у тебя в руках через месяц. Вы между тем подумаете вместе о моих финансах. Перепишется скоро. За это взялся наш приятель Губарев, которого рукою переписано и «Послание к Царю». А *propos*^{*}, придумайте вместе и титул, если тот, который дан мною ему, вам не понравится. А я теперь принимаюсь за новый подвиг. Певец во стане, предсказавший победы, должен их воспеть; и где же лучше, как не на Кремлевских развалинах, посреди народа, прошедшего благодарить Творца победы, на то же самое место, где он в первый раз грянул на наших новых ордынцев¹³. Итак, жди нового Певца; место — Кремль; слушатели — граждане Москвы; время — день Рождества Христова, день, посвященный торжеству победы единственной.

Жди, молчи и верь. План сделан; начало сделано, всё скоро поспеет. Не знаю только, будет ли в твоих руках к 25. А хорошо бы! Пришлю с эстафетою. Только, ради Бога, не разглашай. Это будет убийством.

---

* Кстати (*франц.*).

Очень желаю, чтобы мое Послание вам понравилось. Новые баллады, кажется, не хуже первых, и две только в *страшном роде*¹⁴. Чтобы был полный комплект, осталось написать еще одну, необходимую, продолжение «12 спящих дев»¹⁵; она уже и начата. Только теперь надобно заняться одним Певцом. Есть и еще несколько планов. Всё это должно успеть в декабре.

Вероятно, что в конце декабря я приближусь к тебе на несколько сот верст. Вместе с ними еду в Дерпт. О Воейкове переговорим, когда увидимся. От дерптской жизни не жду ни счастья, ни покоя. Надобно иметь подле себя другие характеры, чтобы иметь и то и другое. Но всё заменится милым *вместе*. Так и быть! Но знаешь ли, что в голове моей бродит новая химера? Что-то похожее на надежду. Вот что я здесь слышал. Государыня М<ария> Фед<оровна> знает *обо всём*, но, кажется, знает не так, как должно. Она думает, что М<аша>¹⁶ моя сестра. Если она бы знала настоящее положение вещей, то, вероятно, так же как и я, и ты, считала бы возможным *всё*. Это одна только тень надежды. Подумай сам и сообщи мне свои мысли; тогда поговорим обо всем пространнее. Ты занимаешь такое место, которое дает тебе доступ к ушесам священных наших законодателей церкви¹⁷. Эти две силы, Трон и Синод, могли бы победить предрассудок. Подумай и напиши ко мне. А я тебе доставлю все нужные подробности. Чтобы заставить тебя действовать, не нужно, кажется, представлять твоему воображению то счастье, каким бы твой товарищ наслаждался в жизни. Другого нет! А в этом счастье всё — поэзия, слава, жизнь. На Воейкова полагаться нечего: он не имеет характера. Я очень хорошо могу жить с ним *вместе*, но ждать от него нечего. Это между нами.

Вот тебе еще просьба. Если можно, исполни ее. Мне очень было бы весело сделать пособие этой доброй женщине, которая была дружна с моею матерью¹⁸. Из приложенной записки узнаешь, об чем дело. Тут же и записка о ее сыне, об котором я просил тебя уже несколько раз. Будучи членом Патриотического общества¹⁹, тебе, вероятно, будет легко что-нибудь выхлопотать на ее просьбу. Постарайся.

Греческих книг ожидаю, и давно ожидаю²⁰. Хорошо бы ты сделал, когда бы выпросил у Сергея Семеновича обещанные им мне английские книги; и еще попросил бы у него (если есть у него) «Thalaba the Destroyer»* by Southey²¹ и «Arthur, or the Northern Enchantment»** by Hoole²². Всё это могло бы мне пригодиться для моего «Владимира», который крепко гнездится в моей голове. О, если бы милый покой, — как бы всё шло прекрасно! Последние дни месяца провел я почти один, и каждая минута была моей; я точно спешил писать, как будто бы кто-нибудь говорил мне, что это последний срок, что в будущем всё пойдет хуже и хуже и что мой стихотворный гений накануне паралича. Дай Бог,

* «Талаба-разрушитель» (англ.).

** «Артур, или Северная магия» (англ.).

чтобы предчувствие обмануло! Теперь, по крайней мере, знаю, что след мой не совсем погибнет! Но такой ли надобно по себе оставить!

Батюшкова обнимаю за его милое письмо²³, на которое буду отвечать много на следующей почте. Блудова обнимаю за его молчание — безбожник!

Я просил Кавелина о Гаспари²⁴ и Чайковском²⁵, напомни ему об них и обо мне. Хотя бы он что-нибудь отвечал, дабы я им мог какой-нибудь ответ сделать. Прости, отвечай скорее.

Боюсь, не наделал ли ты проказ с своим немецким Грекусом?²⁶ Книги греческие, выписываемые мною, не для меня, а для француза, не знающего ни по-немецки, ни по-русски. На что они будут годны, если они для русского или для немца?

Вот и подпись, с которой можешь списать, дабы за меня подписаться под письмом к государыне.

Вашего Императорского Величества
верноподданный

Василий Жуковский

Надобно будет, я думаю, сделать некоторые примечания к «Посланию»²⁷. Постарайся об этом. Мне некогда — спешу послать²⁸.

188.

П. А. Вяземскому

1 декабря <1814 г. Чернь>*

1 декабря

Что с тобою сделалось? На пять или на шесть моих писем, и стихотворных, и прозаических, нет ответа. Где твои руки? Где твои перья? Где ты сам? Доходят до меня вести, что ты жив, что ты обо мне говоришь, думаешь и прочее, а ты сам как мертвый! За то, что ты так некстати молчишь, не посылаю тебе новых своих стихов — моего послания к Русскому царю, которое уже полетело в Петербург!¹ За то же не посылаю и других моих стихов. Одним словом, сержусь и пылаю! Но чтобы доказать, что я не ты, и что еще верю силе Амфионовой музыки, ворочавшей камни², посылаю две прекрасные музыки, сочиненные Плещеевым на твоего прекрасного Пленника³. При них 1 тетрадь моих романсов с его ж музыкою, которую поручаю твоей аккуратности или чему хочешь⁴. Дело состоит в том, чтобы ты со свойственною тебе заботливостью дружбы и прочих твоих добродетелей отдал эту тетрадь выгравировать, поручил корректуру нот какому-нибудь хорошему музыканту и похлопотал, чтоб слова не были изуродованы. Подумай об этом и уведомя Плещеева о успехе твоего думания. Скоро поспеет и другая тетрадь. Формат печати должен быть точно такой, как формат

манускрипта. Пишу мало, потому что не хочу писать много, и до получения от тебя следующих мне разнообразных ответных документов ты не увидишь ни одной черты моего пера.

Это письмо придет к тебе или по почте, или будет отдано моим добрым приятелем Губаревым⁵, которого прошу непременно полюбить, потому что он любезный и умный чудак, с которым тебе будет весело. Если же письмо придет по почте, то всё это вышесказанное прошу покорно приобщить к сердечным проискам особенных помышлений⁶.

189.

А. П. Киреевской (Елагиной)

<1—2 декабря 1814 г. Чернь>

Послушайте, милая, первое или пятое разницы немного, а оставшись на семейном празднике друзей¹, я сделаю друзьям удовольствие — это одно из важных дел *нашей* жизни; итак, прежде пятого не буду в Долбино. Но чтобы пятого ждала меня подстава в Пальне. Смотри по погоде, сани или дрожки. Я здоров и весел. Довольно ли с Вас? Вы будьте здоровы и веселы. Этого и очень довольно для меня. Благодарствуйте за присылку и за письмо. В петербургском пакете письмо от моего Тургенева и письмо от нашего Батюшкова² — предлинное и премилое, которое будете Вы читать. За послание благодарствую — хотя оно и останется, ибо здесь переписал его Губарев³, и этот список нынче скачет к Тургеневу. Там будет оно уже переписано государственным образом и подложено под стопы монаршие. Прозаическое письмо посылаю Вам. Прошу оно не потерять!!! Послание было здесь читано в общем собрании и произвело свой эффект или действие. Так же и «Эолова арфа»⁴, на которую Плещеев пусть разразится прекрасною музыкою, понеже она вступила в закраины его сердца назидательною трогательностью. «Старушки» треть уже положена на нотные завывания и очень преизрядно воспевают ужасные свои дьявольности⁵. «Певец» начат, но здесь не Долбино, не мирный уголок, где есть бюро и над бюро милый ангел!⁶ Об Вас бы говорить теперь не следовало; Вы в своем письме *просите*: чтобы я любил Вас по-прежнему! Такого рода просьбу позволю Вам повторить мне только в желтом доме, там она будет и прощительна, и понятна! Но в Долбинском, подле Ваших детей, подле той шифоньеры, где лежат Машины волосы, глядя на четверолиственник, вырезанный на Вашей печати, одним словом, в полном уме и сердце просить таких аккуратностей — можно ли? в последний раз прощаю и говорю: здравствуй, милая сестра!

Наши Московские дуры смешны и милы!⁷ Буду к ним писать, когда возвращусь в свой уголок, к своему бюро, к своим детям, к своей сестре⁸. Я и еще раз писал к Тамбовским⁹ — Вася послал эстафет к Воейкову (по приказанию

рассудительного Воейкова), дабы уведомить, что на Болховской почте нет к нему пакета¹⁰. К затылку этого эстафета я пришил мое письмо, не забывши выставить №.

На дворе снег, а мороза всё нет! Была ли когда-нибудь глупее зима?

Не забудьте, что приехавши, нам надобно приняться за план. Набросайте свои идеи, мы их склеим с моими и выйдет фарш дружбы на счастье жизни, известный голод, который удовлетворим хотя общими планами.

À proros*. Едва ли не грянет на Вас новая туча. Губарев, мой переписчик, вдруг взбеленился ехать в Москву. Отпускать с ним своих творений не хочу. Даю ему переписывать одни баллады. Как быть с остальным? Неужели Вам?¹¹ А совесть!

Милый друг Ваня¹², целую тебя, а ты поцелуй за меня сестру и брата. Милый, добрый друг мой. Дай Бог говорить это всегда вместе, и целую жизнь. Разумеется, здесь счастливая жизнь.

Простите. Милой М<арье> Ал<ексеевне> и Е<лене> Ив<ановне> мой самый дружеский поклон. Наталье Андреевне дружески кланяюсь.

190.

П. А. Вяземскому

12 декабря <1814 г. Долбино>*

О каком «Пленнике» дерзну подумать, имея перед глазами ваших двух¹. Я сказал только, что по таинственному закону Троицы и мне бы как третьей ипостаси нашего триумvirата должно было написать «Пленника», — но после вас рука не поднимется. Послушай, Вяземский, ты, мне кажется, слишком меня хвалишь и имеешь злое намерение раскроить мне кадьлицею лоб; а о себе уже слишком скромно поговариваешь — что первое искренно, в том уверен (искренно: справедливо ли или нет, о том ни слова!), что последнему и сам не веришь, и в этом я уверен. Нельзя же тебе не знать себе настоящей цены; а предомню, перед своею совестью, зачем надевать личину!

В самом деле: это выражение прекрасное! Совесть! Считай меня своею совестью, а я буду почитать тебя *своею* — чур только не обманывать! С таким уговором можно будет спать спокойно.

В твоём послании к Давыдову я не понял одного места от ошибки в переписке — теперь понимаю и винюсь². Оно прелестное. Только своего экземпляра я не намерен отсылать к Измайлову³. У тебя, верно, есть список — ты и пошли. Вот поправка начала моего к вам послания⁴, и, по обыкновению, весьма худая! Так и быть: даю тебе полное право переменять, что хочешь и как хочешь.

---

* Кстати (франц.).

Друзья, тот стихотворец — горе,
В ком без похвал восторга нет!
Хотеть, чтоб нас хвалил *весь свет*,
Не то же ли, что *выпить море* и пр.

Только напрасно считаешь мое выражение обидным для Пушкина; я браню не талант его, а одно только желание нравиться всем и каждому. Тут нет оскорбления! Впрочем, будь твоя воля. Если он оскорбился, то оправдай меня перед ним и скажи ему, что погрешило перед ним одно только *мое выражение*, худо объяснившее мою мысль.

Посылаю кипу баллад и послание к Царю⁵. Их получишь от Юшковых⁶. «Ахилл» и «Эолова арфа» *мои* дети. Прочие приемыши. Перевод «Alix et Alexis»⁷ есть *tour de force*^{*}, но боюсь, чтобы не показался он тебе *tour de faiblesse*^{**}. Некоторые стихи надобно бы было еще погладить — но по сю пору еще не придумал ничего.

Романсов не отправляй в Петербург, а уведомя прежде⁸. Там у Плещеева есть свои знакомые. Напиши к нему непременно и скорее. Объяснением на *мой запрос* ты меня успокоил. Я и не думал думать, чтобы ты после данного мне слова показал Северину письмо, а вообразил, что это случилось прежде. Тем лучше, что не случилось. А *болтушку* оставь в покое. Лучше не заводись шума⁹.

Ни баллад, ни послания никому не давай списывать. Они останутся для Полного собрания моих творений. Принимаюсь за новое. Пришлю, когда кончу, а прежде не скажу, о чем идет дело, чтобы не напоминать о синице, которая хотела зажигать море¹⁰.

Давыдов — генерал!¹¹ Ура! Поздравь его, обними и выпей за меня в честь ему полный стакан целебного аи.

Жуковский

Декабря 12

Денежный ответ на мое послание ты должен непременно сделать — и уведомить меня поскорее¹². Еще одна просьба: поищи в русских лавках греческую грамматику на греческом и латинском Каменского¹³ и доставь поскорее; этим меня чрезвычайно обяжешь. Пожалуйста, не забудь.

Бумагу получил; благодарю — но теперь не нужно; мое послание полетело в Питер¹⁴, там его перепишут; а Батюшкову поручено и поправить. Я тебе много должен, а ты и не подумаешь уведомить, *сколько*.

---

* Подвиг (*франц.*).

** Проявление слабости (*франц.*) — каламбурное обыгрывание идиомы «*tour de force*» (букв.: «проявление силы»).

191.

Н. И. Гнедичу

<Вторая половина декабря (не ранее 12-го числа) 1814 г. Долбино>

Письмо Ваше слишком уже для меня лестно, почтеннейший Николай Иванович. Но для меня весело благодарить Вас за то дружеское чувство, которое внушило Вам те похвалы, которыми Вы меня осыпаете. Это уже не самолюбие. Я помню всегда те немногие минуты, которые мне было так приятно провести с Вами в Вашу бытность в Москве. По Вашему письму ко мне сужу, что и Вам они памятны. Давайте же руку, любезный родня по Парнасу. У нас одинакая цель — прекрасное! Итак, надобно, чтобы мы были добрыми товарищами по дороге к этой цели! Начнем с того, чтобы любить друг друга, следовательно радоваться взаимными успехами и помогать друг другу в их приобретении. Вы выбрали себе славную работу: Россия будет Вам благодарна за старика Гомера, которого Вы ей усыновляете; я радуюсь, между прочим, и старому гекзаметру¹, который вопреки нашим почетным любимцам Феба ближе к гармонии вдохновенных лир, чем сухой и прозаический ямб, освященный привычкою. Я сам осмелился сделать опыт перевода гекзаметром «Аббадоны» — известный Вам эпизод из Клопштоковой «Мессиады»². На следующей почте пошлю этот отрывок к Сергею Семеновичу³. А Вас прошу сделать замечания. Так как и всегда, прошу не отказывать мне в своих *братских* советах. Нигде так братство не нужно, как на Парнасе. Ни от кого так одобрение не приятно, как от товарищей. Обнимаю Вас, повторяя то же, что сказал Вам за несколько лет на Пречистенке⁴, в своей комнатке, что желаю искренно Вашей дружбы.

Вам преданный с совершенным почтением

Жуковский

192.

М. А. Протасовой и А. А. Воейковой

<Октябрь—декабрь 1814 г. Долбино>

Я сейчас от Авдотьи Никол<аевны>, милый друг Marie, читал вашу записочку и благодарю Бога от всего сердца за то, что вы здоровы. Грустно ли мне об вас или нет, об этом ни слова. Желал бы вымарать из лексикона и из жизни слово *разлука*. По крайней мере, в ту минуту, когда теряешь человека из виду, как будто еще усиливается в душе желание, чтобы он был еще счастливее, хотя бы то было на счет собственного своего счастья; желаешь собрать все возможные *радости* и все *свои радости*, чтобы отправить их за ними вслед. По крайней мере, это мое теперешнее чувство: с самой минуты моей с вами разлуки одна только мысль в голове моей; чтобы вы были счастливы, счастливы, счастливы;

и эта мысль будет главною моею мыслью до конца моей жизни. Прости, мой милый друг, Marie. Если будет время, вспомни иногда обо мне, — виноват; последнее выражение никуда не годится.

А ты, мой несравненный цвет!
Ленивица бесценна;
Отец твой крестный и поэт
Из края отдаленна,
Тебе желая многих лет,
Взывает умиленно,
Пиши к нему, не поленись,
Хоть прозой, хоть стихами —
И с ним, хоть издали, делись
И смехом, и слезами;
Он примет в сердце всё от вас¹;

эти стихи могут быть началом послания, которого ожидать прошу с терпением. А теперь прости, мой милый друг, и помни обо мне.

1815

193.

А. И. Тургеневу

<5 января 1815 г. Долбино>

Приложенное письмо отдай Уварову. Писать некогда. Опоздал оттого, что вздумал вам отвечать стихами. Прошу их не критиковать, потому что они написаны нынче поутру, как письмо на почту. Они принадлежат Ареопагу¹. К тебе, Блудову и Батюшкову буду писать особенно. Письма ваши все получил. Они придали мне жизни². Славно иметь таких товарищей.

Жуковский

194.

С. С. Уварову

<Начало января (около 5-го) 1815 г. Долбино>

Я получил Ваше ободрительное, дружеское письмо¹, на которое ответ, в трех словах, чтобы поблагодарить Вас от всего сердца. Весело быть стихотворцем, имея таких друзей, как Уваров, Тургенев, Блудов и Батюшков. Их критика наслаждение, а выше их одобрения ничего быть не может. Пишу к Вам оттого

так мало, что меня бес попутал писать ответ на замечания Батюшкова стихами². Как ни будь стихи-проза, всё надобно более над ними возиться, и я боюсь опоздать на почту и, вероятно, опоздал. Для Вас именно перевел я недавно большой отрывок из «Мессиады», эпизод Аббадоны³, гекзаметром. Стихи помешали мне по сю пору его Вам доставить, но я не замедлю; хочется еще что-нибудь сказать в прозе защитнику древних⁴. Чем более знакомлюсь с нашим языком, тем более удивляюсь этому Протею. Но простите. Почта не терпит. Поверьте, что я за счастье почитаю право считать Вас в числе моих друзей; если только не слишком рано называю это *своим* правом. Что Вы на это скажете?

Ваш Жуковский

195.

А. И. Тургеневу

25 января <1815 г. Москва>

25 января

Мой милый друг, я не скоро отвечаю тебе на твое последнее письмо, в котором описываешь чтение моего Послания¹. Причина тому та, что я получил его, садясь в кибитку и на отъезде в Москву. Теперь пишу из священной нашей столицы, покрытой прахом славы, в которую въехал я с гордостью русского и с каким-то особенным чувством, мне одному принадлежащим, как певцу ее величия. Благодарю тебя. После последнего твоего письма еще не имею ни строки, а ожидаю. Здесь пробуду еще две недели, а много-много три; потом в Дерпт, но в Дерпт через Петербург. Воейков и его семья едут прежде и, может быть, заедут в Петербург. Если заедут, то ты их увидишь и увидишь мое *всё*. Теперь я не могу тебе писать много; не могу писать ни к Блудову, ни к Уварову, ни к Гнедичу — нет возможности. До следующей почты. Жду рескрипта² и счастлив тем, что мое Послание, плод искренней любви к нашему доброму царю, не лести, не корысти, не честолюбия, понравилось его матери. Более ничего не желаю, и ты сам знаешь лучше меня, что должен меня избавить от всякой *другой* награды, которая была бы унижением того чувства, с каким писано мое Послание. Ни о чем так тебя не прошу, как об этом. Для меня сладко было воображать тебя, моего брата, читающего мое Послание. Что вы придумали с Уваровым? Никак не могу угадать, но верю, что вами придуманное лучше всего, что бы я сам на вашем месте мог бы придумать³. Карамзин и Дмитриев здесь многое в Послании критикуют, и в некотором я с ними согласен, в ином упрямяюсь. Проездом в Дерпт заверну в Петербург, и нельзя иначе. Но без всяких видов, а единственно только для того, чтобы увидеть *своих* и изъяснить благодарность государыне.

В иных отношениях я счастлив: имею таких друзей, каких никто не имеет, а любят они более, нежели стою. Скажи Блудову и Батюшкову, что люблю их более, нежели когда-нибудь, и что не лень, точно не лень, а множество разных причин посторонних воспрепятствовало мне до сих пор отвечать. Жду этой *свободной* минуты, как наслаждения или, лучше сказать, как награды.

Еще раз: я здесь пробуду до 6—10 февраля. Потом, может быть, и в Питер. Итак, по получении этого письма, не пиши ни ты, ни Батюшков ко мне. Блудову не даю этого совета: он и без того ко мне писать не будет; но он у меня в душе — добрый, верный товарищ на всю жизнь. Право, не могу об вас думать, друзья, без благодарности к Провидению. О себе буду писать на просторе. Теперь некогда. Вы должны уже были получить мои поправки⁴. Хорошо бы вы сделали, когда бы поправили и мое посвящение государыне⁵; оно длинно, многословно и слишком фамильярно; особенно не следовало бы говорить о подарке. Это значит об нем напоминать; а я подарка боюсь как огня. Твое дело меня избавить от него. Стих:

Спешащих раздробить еще приют свободы

поправить бы так:

Спешащих истребить еще приют свободы;

а стих:

О, сколь тогда велик, наш Царь, ты нам предстал

переменить так:

Сколь нам величествен, ты, Царь, тогда предстал⁶.

Прости, до следующей почты. Я приготовил для тебя весь список моих сочинений, полный и сколько можно, исправленный. Пришлю или привезу с собою.

Твой Жуковский

196.

А. И. Тургеневу

1 февраля 1815 г. <Москва>

1815. Февраля 1⁶

Ответ на *все* твои письма. Наконец имею свободную минуту и могу с тобою говорить на просторе. За твои хлопоты о моем Послании не нужно мне, кажется, благодарить. Чувствую по себе, как тебе это весело. И ничто меня так не радует, как то, что ты был *чтецом* моего Послания¹. Слава, доброе дело, а слава

из рук друга есть сокровище. Эта слава есть счастье, и в ней, право, самолюбие мало участвует. Она напоминает о любви, о товариществе и приобретает лучшие наслаждения, то есть уединенным трудом, который успокаивает и возвышает душу. Такая слава есть награда всего *доброто*. А я себе часто говорю (не знаю, буду ли в состоянии исполнить): живи, как пишешь! То есть и в том, и другом одинакая цель и одинакое совершенство. Чтобы *человек моральный* не был несходен с *человеком с талантом*. Самые замечаемые мною ошибки и замечаемые другими ошибки в том, что я написал, только пробуждают во мне надежду написать что-нибудь лучшее, а нимало не отымают у меня бодрости. Думая о тех немногих людях, которые меня любят и мною радуются, я сам радуюсь, что имею талант, и мысль об них ободряет меня. Если вы не дадите мне счастья вашею дружбою, то часто, часто заставляете забывать тяжелое горе, тем более тяжелое, что оно скрытное и нередко бывает самое унижительное. Мне часто бывает нужна помощь извне и от руки милой, чтобы о себе вспомнить и не совсем упасть духом. Ты спрашиваешь у меня в одном письме, что причиною возобновившейся во мне надежды? Брат, я говорил не об надежде. Впереди не вижу для себя ничего доброго. То, что мне нужно, едва ли когда сбудется. Жаль, что мы не вместе: на письме всего не скажешь, а сказать бы *всё* надобно. Прошедший год был для меня весьма бурный. Ты уже знаешь, что я писал к Арбеновой, вообразив, что она, имея влияние на образ мыслей матери, может склонить ее на мою сторону. В этом я ошибся. Она сперва воспламенилась было весьма сильно. Потом монах *всё* расстроил, испугал ее Богом и чертом, и она написала к матери *против меня*². Это произвело между нею и мною объяснение, и мы было расстались. Воейков вошел в семью, а я из нее вышел. Я писал к матери³ несколько раз и наконец требовал, чтобы, если уже не может всего сделать, по крайней мере сделала бы *всё*, что в ее власти, что я отказываюсь от всякого требования, несогласного с ее образом мыслей, с тем только, чтобы мы были вместе⁴, чтобы я пользовался полною доверенностью, мог быть счастлив *в семье*, не был розно с *нею*, напротив, имел бы всю возможную с нею свободу, не был принужден ничего таить, тем более что ей (то есть матери) известно *всё*, и что большего, при полной доверенности, она бояться не может. Это обещание, как ни трудно, я мог бы исполнить. Я люблю Машу (с тобою можно дать ей это имя), как жизнь. Видеть ее и делить ее спокойное счастье есть для меня *всё*, и для нее также. Но характер матери не таков. Она не может возвыситься до этой чистой, благородной доверенности, на которую и я, и Маша имели бы полное право, если бы только не принуждены были беспрестанно скрывать того, что у нас в душе. Одним словом, мать согласилась, чтобы мы опять были вместе; но тех условий, на которых это *вместе* было бы для нас счастьем, она не держит и едва ли способна сдерживать. Брат, мы живем *вместе*, а между нами бездна недоверчивости. Христианство (по ее словам) заставляет ее отказать нам в нашем

счастье; а того, что составляет характер христианки, она не имеет, той любви, которая заботится о чужой судьбе, как о собственной. Каждая минута напоминает мне только о том, чего я лишен, и нет никакого вознаграждения. На нашу потерю смотрит она холодными глазами эгоизма. Нет никакой отрады. Мы не можем подойти друг к другу свободно. Это положение ужасно, а выйти из него нет силы. Боже мой! Я не могу хотеть и искать своего отдельного счастья. С вами, с друзьями сердца, с верными товарищами жизни, я был бы счастлив: то есть и уважал, и делился бы всем, что есть хорошего в душе, без всякого принуждения; не было бы ужасной, противной сердцу необходимости носить на лице маску, — словом, я был бы с вами я; но я не могу и не хочу на это решиться. Лучше страдать и погибнуть вместе, нежели искать своего счастья. И может ли быть для меня *свое* счастье? Я бы себя возненавидел и рад бы разбить себе голову первую пулею, если бы мог быть на это способен. Теперь вопрос: что же будет с нами, с нею и со мною? Дойти ко гробу дорогою печали. Более ничего! Сердце рвется, когда воображу, какого счастья меня лишают, и с какою жестокою, нечувствительною холодностью. Хотя бы показали, что им жаль разрушать это счастье! Но его топчут ногами и смеются, и еще думают, что угождают Богу! В иные минуты мне жаль своих старых *надежд на смерть*. Я об ней думал с наслаждением; теперь и того себе не позволяю. Это была бы неблагодарность за любовь, которую ангел ко мне имеет. Эта любовь самая чистая, без всякой примеси низкого; ее никто понять не может, а она была бы счастьем, когда бы эгоизм не отравлял ее ежеминутными оскорблениями. Об Воейкове я писал к тебе в дурную минуту. Не имей об нем дурных мыслей. Он любит меня, и я этому верю, и мне нужно верить — мы будем жить вместе. А думать одно и показывать в поступках другое не могу; следовательно, верю ему и хочу верить.

Он мне большая подпора. То, что ты назвал моими новыми надеждами, состояло в том, что мать опять позволила мне жить вместе и что я вообразил, что она будет поступать с нами так, как я этого желал. Первые дни были довольно хороши, и я надеялся, что в будущем еще лучшее мне готовится. После этих дней *все* они уехали в Тамбов, а я остался в Белеве и прожил почти один — с милыми немногими людьми, с которыми душа свободна и которые во всем *моем* берут участие. Эти два месяца были самые спокойные. Их оживляла надежда на лучшее, и я написал много, столько, сколько не писал никогда⁵. Они возвратились, и принужденность опять возвратилась. И теперь едва ли я не уверен, что старое (то есть унижение, одинокая горесть, принужденность быть вместе и всякую минуту чувствовать, что мы розно, и еще тысяча подобных тяжелых горестей), словом, ужасное *старое* будет *по-старому*. Вот с какими надеждами еду в Дерпт, и там уже точно не будет ни в чем отрады, кроме одной мысли, что я с нею, что нам одна судьба и что я должен и могу эту судьбу считать как за испытание, как за средство быть лучшим. Такая мысль в иные минуты ободряет. Но часто душа

разорвана в клочки. И рвут ее с такою холодностью, которая меня иногда выводит из себя. Всё, что я здесь написал, не даст тебе полного понятия об моем положении; но что-нибудь ты понять можешь. По крайней мере, можешь понять, что я несчастлив, и самым убийственным образом. То, что мне дает тень надежды, кажется мне самому химерою сумасшедшего. Мне кажется иногда, что государыня, которая уже что-то обо мне знает, могла бы дать нам счастье. Но вероятно ли, чтобы так могла она заняться моею судьбою? А здесь нужна осторожность. Матери самой уже известно, что государыня знает обо мне. Она сочтет за особенное для себя достоинство отказать и государю на его требование, если бы и он вступился. Но и мне как желать принужденного согласия? Я знаю характер Маши. Она была бы несчастлива. Что же за польза из одной бездны перевести ее в другую и еще быть самому причиною ее страдания?⁶

Надобно бы действовать на мнение матери: опровержение предрассудка, приходящее с трона, было бы весьма убедительно. Если бы подкрепить его мнением какого-нибудь из наших святителей и архипастырей и прочее и прочее, тогда бы нечего было говорить, и совесть бы замолчала. Вот в чем дело. Я ей брат, то есть брат матери; но закон не дал мне этого имени. Закон письменный противится бракам между родными; но родства в натуре нет. Та же религия представляет этому примеры: Авраам женат был на родной сестре, а он предок Мессии, следовательно его брак *по натуре* не есть преступление. *Натура и Бог не противятся этому браку*; противится ему один закон человеческий; но, чтобы закон человек^{еский} ему противился, надобно, чтобы закон его и определил. Закон не назвал меня ее братом, следовательно подхожу под один закон природы; а он не против меня. Лютеранская же религия и римско-католическая разрешают браки и между родными, наименованными самим законом общественным. Вот тебе канва моих мыслей об этом предмете. Если бы могли это растолковать матери с трона, если бы это было подтверждено каким-нибудь голосом, идущим из-под рясы, тогда бы она могла и сама согласиться, тем более что она не имеет никаких ясных и определенных понятий, а действует по какому-то жестокому побуждению фанатизма. Вообрази, брат, как бы я был счастлив; подумай о всей будущей жизни моей. Подумай, что для меня уже теперь ничто не переменится и что я не могу думать об отдельном своем счастье, которого для меня быть не может, и сделай всё, что можешь.

Как мне жаль, что я в проезде мой в Дерпт с тобою не увижусь. Но буду непременно в Петербурге в марте или в начале апреля. *Все они*⁷ уехали уже в Дерпт, а я остался еще дней на 10 в Москве. Не заеду в Петербург теперь оттого, что хочу скорее их увидеть и узнать, каково они доехали. Я отпустил их не совсем здоровых. Но в марте буду у тебя непременно. Ты между тем думай обо мне. Если можно, представь мое положение государыне в настоящем его виде. Может быть, дерптская жизнь моя будет лучше, нежели как я себе ее представляю. Но если

она будет такова, какую мне видится в иные минуты, то и я, и Маша пропадаем. Прощай тогда и талант, и слава! Хорошо, когда бы можно было сказать, без благодарности: прощай и жизнь! Так и быть! Поверяю судьбу свою дружбе.

Пора кончить. Это письмо покажи Блудову. Он имеет на него право. Я еще ему не отвечал на его письмо, право, не от лени. Я благодарю его за это письмо, как за подарок. Оно обрадовало меня и *ободрило* (*c'est le mot*^{*}). Уважение к другу есть счастье и дает привязанность к жизни. Люблю его более, нежели когда-нибудь, и с каким-то новым чувством. Но об этом скажу ему самому.

При отъезде своем из Москвы пошлю к тебе полное собрание своих стихов, переписанное мною для печати. Но их не начинай печатать до свидания со мною. Многое надобно поправить вместе и вместе распорядить.

Поправки Послания пришлю с следующей почтой. Вы уже получили некоторые. В нем много недостатков, но всего и поправлять не нужно. Лучше написать что-нибудь новое. Тебе я на свой счет не верю: ты слишком уже восхищаешься моим *soit disant*^{**} гением. «Певца»⁸ я написал почти совсем и дописал бы, когда бы не помешала зубная боль. Но я им не весьма доволен. Кончу, однако; но когда, не знаю. Пришлю его из Дерпта.

Прошу тебя поблагодарить от меня Юрия Александровича⁹ за его ко мне благосклонность. Буду к нему писать сам, но теперь некогда.

Дашкова обнимаю. Я ему должен письмом.

На это письмо не отвечай мне, пока не получишь от меня письма из Дерпта. Здесь твой ответ меня не застанет, а в Дерпте он не должен меня ждать, потому что без меня могут его прочитать те, которым он не должен быть известен. И вообще, во всех твоих письмах всё, что касается особенно до меня, пиши на особой странице.

Прости. Уведомь, что вы *придумали* с Уваровым¹⁰. Если государыне угодно, чтобы Послание было напечатано в мою пользу, то я очень этому рад. Постарайся об моем кармане. Мои все доходы улетели к черту, и я теперь никаких, кроме своих пяти пальцев, не имею в виду. Надежда на издание моих стихов.

197.

А. И. Тургеневу

4 февраля <1815 г. Москва>

Февраля 4го

Вчера еще получил от тебя письмо и читал здесь письмо Офросимова¹, который пишет к Юшковым о двухтысячном жалованье, о месте, для меня при-

---

* Иначе не назовешь (*франц.*).

** Так называемым (*франц.*).

готовленном, и прочее. Брат, не забывай, ради Бога, что мне ни место, ни жалованье не могут быть нужны. Мое место знаешь где, и всё возможное счастье там же². Я желал бы, чтобы ты об этом помнил и с этим соображал всё то, что вздумаешь для меня сделать. На прошедшей почте я писал к тебе, и довольно много, но не знаю, объяснил ли хорошо свои мысли. Здесь прибавляю только одно: если государыня и захочет что-нибудь для меня сделать, то всё будет бесполезно, если употребит только одно средство власти. Может быть, и послушаются приказания; но к чему это послужит? Только к разрушению семейного покоя. Если бы могло быть написано к матери такое письмо, в котором бы более убеждали, а не приказывали; если бы, например, было в этом письме сказано, что обстоятельства и связи мои *известны*, что по мнению сведущих нет никакого противоречия для заключения брака, что государыня вступается за это по этому убеждению, тогда, верно бы, все концы в воду. Я знаю, что мать сама устала противоречить и рада будет на чем-нибудь опереться. Может быть, я покажусь тебе смешон и странен с своими надеждами и выдумками. Но ты не требуй от меня благоразумия. Я рад привязаться к тени. Только ты употреби все способы, без рассеяния и, вошедши хорошенько в мое положение, уверившись раз навсегда, что мне *этого счастья* ничто никогда заменить не может. А ты, кажется, более думаешь о моих чинах и кармане. Правда, карман не лишнее — на нем основана свобода. Об этом поговорим, когда увидимся. Я писал к тебе в последнем письме, что, ехавши в Дерпт, не заеду в Петербург; причина этому та, что я непременно хочу быть спокоен на их счет, узнать, как они доехали на место, увериться, что они здоровы, чтобы после пожить несколько недель в Петербурге с свободным духом. Итак, до марта. Ты в своем письме говорил мне о рескрипте³; но его нет, и я боюсь, чтобы он не приехал сюда в мое отсутствие и чтобы мы с ним не разъехались. Ты велишь мне писать к в<еликим> князьям, а что и об чем, не сказываешь⁴. И с какой стати мне писать к ним?

Стихи мои все сполна получишь скоро. А о печатании переговорим изустно.

Прошу моих писем не показывать никому. Приложенное письмо отдай Гнедичу⁵.

Всё, что я тебе писал и в теперешнем, и в последнем моем письме, кажется мне горячкою. Я сам не знаю иногда, что делать и что думать. По крайней мере, эти письма пусть дадут тебе понятие о моем состоянии. Но ты по ним ничего не делай и никому не показывай. Дай нам увидеться, тогда обо всём можно будет переговорить на просторе. Одним словом, не приступай ни к чему; *знай про себя*. Увидим.

198.

Д. Н. Блудову

<Февраль (?) 1815 г. Москва>

Voilà ma profession de foi* . Сделав ее перед своею совестью, надобно сделать и перед другими моими совестями, то есть перед друзьями. И так как из этих других совестей один только ты, объевшись яиц, вздумал укорять и бунтовать мою душу, то к тебе и надобно адресоваться с исповедью. Твои гнилые яйца едва было не лишили Строганова четырех стихов в «Певце» и бессмертия в будущем¹. Я оставляю всё как есть, и вот почему. Надобно было выбрать одно из трех: или 1-е, выбросить все прибавочные строфы, или 2-е, выбросить только четыре стиха о Строганове, или 3-е, всё оставить как есть.

Выбросить все строфы. Не должно, потому что они уже написаны и всем известны. Уничтожить их — значит самым грубым образом оскорбить тех, которых имена в них поставлены, которые более или менее стоят этой чести.

Если некоторые заслуживают ее менее тех, о которых умолчено, то уже наверное ни один не заслуживает оскорбления. Все дрались, все были храбры — война была великая; каждое имя русского воина, чем-нибудь в ней отличившееся, свято, и оскорбление не должно к нему прикасаться.

Итак, всего вымарывать невозможно.

Выбросить одни стихи о Строганове. Об этом и думать нечего.

Итак, *оставить всё как есть.* И справедливо, и должно, потому что нельзя отказываться от написанных. Еще же дает мне это право и то, что об Строганове было и прежде в прибавочных строфах. Вот как было прежде:

Хвала наш Строганов герой,
Средь битвы ратник смелый.

Потом стояло:

И Остерман, гроза врагов,
К победе вождь надежный.

А в последней строфе стояло:

Хвала наш Докторов! Хвала
Наш Иловайский ярый!

Потом поправлено: вместо *Строганова* поставлен *Остерман* (ибо стихи ему приличнее); вместо *Остермана Докторов.* А с стихами:

---

* Вот мое вероисповедание (франц.).

Хвала наш Строганов! Хвала
Наш Иловайский ярый!

я не умел никак ужиться; хотел выбросить всю строфу, но в ней стоял уже *Пален*, и стихи об нем хороши; наконец поправлено так, как есть теперь. Это всё должно служить тебе, моя сердитая совесть-яичница, доказательством *a posteriori*^{*}, что я написал стихи о Строганове (то есть внес его имя в «Певца») еще в начале 1814 года, а не после личного с ним знакомства и скучного у него обеда. *A priori*^{**} же ты и сам себе это доказал без моей помощи. Итак, стихов о Строганове выбрасывать нельзя и не должно. Дела нет до того, что души, таящиеся в пыли, скажут о поэте. Строганов достоин хвалы менее Дибича, Сабанеева и Ламберта и всех прочих; но об нем *было написано*; но он дрался; но он также принадлежит по храбрости и по имени к 1812 году. Поставить его имя в стихи из уважения к этой храбрости (без всяких личных видов), потом выбрасывать это имя из уважения к толкам людей, могущих сказать, что я хвалю его за данный мне кусочек бифтекса, — будет мерзко! Если бы надобно было писать «Певца» *теперь*, то, вероятно, явились бы в нем имена, выбранные с большею строгостью; но он написан — пусть всё, что в нем есть, в нем и останется. Прибавленные строфы дают ему вялость — согласен! И лучше, когда бы их не было! Но они уже есть, и я не имею права уничтожить их. Пусть говорят, что хотят, не знающие меня. Мой ареопаг знает меня и меня не обвинит. Все имена, стоящие в «Певце», внесены в него тогда, когда я был в деревне (и имя Строганова также); личных видов во мне *вам* предполагать невозможно; до *других* же нет дела.

Прошу скушать на здоровье эту яичницу. Молю Господа, чтобы она не испортила твоего нравственного желудка.

199.

А. И. Тургеневу

4 марта <1815 г. Москва>

4 марта. Четверг

Я еду отсюда в воскресенье, то есть 7 числа, и еду прямо в Дерпт, где пробуду сколько возможно менее, потом и в Петербург. Надеюсь быть там на четвертой неделе поста. Посылаю тебе вместо обоза мои стихотворные грехи. Я хотел сначала всё это выдать вместе под одним общим титулом Сочинений, но меня надоумил Антонский¹; он советует сделать несколько разных книжек; например, баллады выдать особенно под титулом баллад; послания также особо или

^{*} На основании опыта (*лат.*).

^{**} Заранее, независимо от опыта (*лат.*).

при втором издании «Послания к Александру»², которое надобно еще весьма поправить (что сделаем в Петербурге общими силами); можно еще выдать две книжки: одну под титулом «Песни и романсы» с приобщением и прозаических отрывков; другую под титулом «Певец на Кремле» (он почти кончен; надобно только поправить) с приобщением других лирических стихотворений и смеси. Таким образом выйдет несколько разных книжек, и титул *Сочинения* останется неприкосновенным и свежим. Этим титулом можно будет украсить полное собрание моих творений, когда их понаберется поболее³. Из всех этих хитростей ты можешь заключить, что я намерен ковать деньги. И скажу тебе за тайну: я приеду в Петербург с пустым карманом и с надеждою (может быть, также пустою) продать свое стряпанье книгопродавцам. Прошу тебя прочистить мне дорогу к их кошелькам. Между тем, если что-нибудь понакопится от моего Послания, то меня об этом уведомишь, дабы я по сему уведомлению мог расположить свои финансы.

Я слышал, что у тебя хранится рескрипт ее величества⁴. Прошу тебя переслать его тотчас по получении этого письма в Дерпт. Адресуй на имя Воейкова. Только в твоём письме ко мне не говори и не намекай ни о чем таком, что принадлежит до известных тебе обстоятельств: письмо твоё, верно, до моего приезда будет распечатано. Но рескрипт присылай: я желаю, чтобы они его там видели.

Офросимов⁵ мне сказывал, что ты готовишь для меня какие-то места, — видно, ты не читаешь моих писем или совсем не понимаешь, чего я хочу! Но об этом переговорим на свидании. Знаешь ли, что приходит мне в голову? Нелединский мог бы много быть нам полезен. Расскажи ему *до моего приезда* всё, что делается со мною, но расскажи так, чтобы это осталось между вами. Сообщи ему мою надежду на государыню, как будто *твою надежду собственную*, и заставь его желать *одного* с нами. Он может лучше, нежели кто-нибудь, всё в надлежащем виде представить государыне. Это единственная нам оставшаяся надежда.

Прости, милый брат.

À propos*. Я не шутя начинаю думать о поэме⁶; уже и Карамзин (милый, единственный Карамзин, образец прекраснейшего человека) мне помогает. Я провел несколько сладостных дней, читая его Историю. Он даже позволил мне делать выписки⁷. Эти выписки послужат мне для сочинения моей поэмы. О, как еще много надобно накопить материалов! Жизнь дерптская, дерптская библиотека, всё это создаст «Владимира».

Приложенные письма отдай по адресам.

В I томе много ошибок; я не успел, или, лучше сказать, поленился перечитать. Прошу заметить.

---

* Кстати (*франц.*).

Когда я начал печатать Послание, то меня взяло раздумье, посылать ли к тебе свои стихи или нет? Я решил на нет! Могут как-нибудь затеряться на почте; а у меня совсем нет списка. Я же сам скоро буду. Присылай рескрипт в Дерпт тотчас по получении этого письма.

200.

А. И. Тургеневу

10 марта <1815 г.> Крестцы

Крестцы¹. Середа 10 марта

Мне сказывал Яковлев² в Москве, что у тебя есть благое намерение приехать за мною в Дерпт³. Как бы это было прекрасно! Я буду в Дерпте, вероятно, в субботу. Приезжай, брат. Я имею предчувствие, что твое знакомство с моими послужит нам всем для счастья. 300 верст для дружбы проехать не диво. Пробудем вместе день или два и потом вместе отправимся в Петербург. Если ж нельзя тебе, то напиши, чтобы твое письмо я уже нашел в Дерпте. Пришли мне 25 экземпляров Послания и рескрипт. Всё адресуй на мое имя в доме профессора Воейкова или на его имя для передачи мне. Только смотри, ни слова ни о чем, касающемся до меня. Буду ждать или тебя, или твоего письма и не прежде поеду в Петербург. Приезжай, милый друг.

Твой навеки Жуковский

201.

М. А. Протасовой

27 марта <1815 г. Дерпт>

27 марта. Полночь

С этой минуты другая жизнь начнется для меня, милый друг, сестра, ангел, счастье прямое. Я не знаю, как описать то чувство, которое наполнило мне душу, когда мне представилась эта мысль так же ясно, как будто собственное мое счастье. Вспомнилось, что та минута, в которую я решительно от тебя отказываюсь, есть минута счастья, что-то неизъяснимо волшебное! И я готов просить у тебя как милости, чтобы ты со мною согласилась, чтобы ты меня подкрепила своим примером! Ангел мой, вообрази, какое неоцененное благо я получил с этим искренним, совершенным, решительным пожертвованием! Право заботиться о твоём счастье! Его уже у меня отнять не можно! Никому оно не принадлежит так, как мне! Я первый и ближайший твой родной — ты теперь точно моя, все мои мысли, все мои желания могут принадлежать тебе!

Я имею право быть твоим товарищем, твоим защитником! без этого пожертвования я тебе чужой; должен от тебя бегать, как какой преступник, — и только, ради Бога, будь со мною согласна! Я чувствую, что это необходимо для моей твердости! Не знаю, как пришло это божественное чувство в мою душу; но по сию пору оно в ней твердо! Сохранив его, я в вашей семье займу настоящее свое место. Неужели маменька не даст мне всех прав своего брата¹; тогда я ей товарищ, ей верный утешитель, и вы обе мои совершенно! А с этим именем брата какие святыи должности для меня открываются! Ангел мой, твоё счастье, которое было первою и последнею моею мыслью, будет тогда зависеть и от меня; меня никто не оторвет от участия в твоей судьбе, и ты будешь смотреть на меня как на покровителя. С этой минуты буду смотреть на тебя другими глазами. Чувствую, что ты мне стала дороже. Вчера за ужином я готов был плакать, но мне не горько было на тебя смотреть. Я стал к тебе ближе. Всё твое сделалось теперь моим. Того чувства, которым теперь полно мое сердце, я ни за что не желал бы потерять и благодарю за него Бога. Нет! оно верно не на минуту. Знаю, что мне будет иногда и тяжело и грустно, но знаю, что это чувство во мне останется. Я решился твердо. От вас обеих зависит меня поддержать. Неужели маменька в состоянии мне не поверить? Пускай она назовет меня искренно братом, тогда я ей верный товарищ и верный утешитель в тяжелые минуты. Но пусть же она будет и моим утешителем; пусть даст мне полное участие в судьбе моей Маши.

+ Я готов был прийти в отчаяние, видя, как низко с вами обходятся, видя свое ужасное бессилие вас сколько-нибудь утешить, будучи принужден от вас отказаться и оставить вас на волю человека, который как будто нарочно топчет ногами всё чистое и прекрасное. Друг мой, жертвуя всем собственным, я получаю святое право быть вам товарищем. За это мало жизни. Маша, дай мне руку на всё доброе; дай мне волю думать и всё сделать для твоего счастья и не откажи мне ни в чем. Я поручаю тебе обо всем сказать маменьке. Отдери это последнее и покажи маменьке записку. +

202.

М. А. Протасовой

29—30 марта <1815 г. Дертт>

29 марта

Милый друг, надобно сказать тебе что-нибудь в последний раз. У тебя много останется утешения; у тебя есть добрый товарищ: твоя смиренная покорность Провидению. Она у тебя не на словах, а в сердце и на деле. Что могу сказать тебе утешительнее того, что скажет тебе лучшая душа, какая только была

на свете, твой Фенелон¹, которого ты понимать можешь. Я благодарю тебя за то, что ты его мне вчера присылала. Теперь знаю, что у тебя есть неразлучный товарищ, и такой, который всегда умеет дать твердость, надежду и ясность. Я знаю теперь, что каждый день доставит тебе прекрасную минуту. Стоит только войти в себя, поговорить с добрым, нелстивым другом, и всё, что вокруг тебя, примет другой вид. Читай же эту книгу беспрестанно. В дополнение к Фенелону пришлю тебе Массильона². Теперь чтение для тебя не занятие, а жизнь и усовершенствование сердца и мыслей. Пусть это чтение напоминает тебе обо мне, о человеке, который желал быть твоим товарищем во всём добром. Я никогда не забуду, что всем тем счастьем, какое имею в жизни, обязан тебе, что ты мне давала лучшие намерения, что всё лучшее во мне было соединено с привязанностью к тебе, что, наконец, тебе же я был обязан самым прекрасным движением сердца, которое решилось на пожертвование тобою, — опыт самый благодетельный на всю жизнь; он уверяет меня, что лучшие минуты в жизни те, в которые человек забывает себя для добра и забывает не на одну минуту. Сама можешь судить, что в этом воспоминании о тебе заключены будут все мои должности. Пропади оно — я всё потеряю. Я сохраню его, как свою лучшую драгоценность. Я вверяю себя этому воспоминанию и, право, не боюсь будущего. Что может теперь в жизни сделаться ужасного для меня собственно? во всех обстоятельствах я буду стараться быть таким же, каков теперь. Обстоятельства — дело Провидения. Мысли и чувства в этих обстоятельствах — вот всё, что мы можем. И в этом-то постараюсь быть тебя достойным. В прочем останемся беззаботны. Всё в жизни к прекрасному средство!³ Я прошу от тебя только одного: не позволяй тобою жертвовать и заботься о своем счастье. Этим ты мне обязана. Я желал бы, чтобы ты более имела свободы заниматься собственным. Выпроси у маменьки несколько часов в дни для чтения — в этом чтении прямая твоя жизнь. Но не читай ничего, чтобы было только для пустого развлечения. Малое, но питательное для такого сердца, как твое. Меня утешает теперь мысль, что маменька будет должна теперь к тебе более прежнего привязаться. Против остального терпение и твердость. Мои тетрадки сбереги. В них нечего переменять, кроме разве одного — везде *сестра*⁴. Помни же своего брата, своего истинного друга. Но помни так, как он того требует, то есть знай, что он, во все минуты жизни, если не живет, то по крайней мере желает жить так, как велит ему его привязанность к тебе, теперь вечная и более нежели когда-нибудь чистая и сильная.

Об Воейкове скажу только одно слово. Мне ему прощать нечего. Слепому человеку нужно ли прощать его слепоту. Но каким же убеждением можно заставить себя верить, что он зрячий. Человек, который имеет полную власть счастливить тебя и который не только этого не делает, но еще делает противное, может ли носить название человека? Этого простить нельзя. Даже трудно удер-

жаться от ненависти. Я не могу и не хочу притворяться. Между ним и мною нет ничего общего. Я <две строки зачеркнуты>⁵.

Ты мне напомнишь: всё в жизни к великому средство! Дай мне способ сделать ему добро: я его сделаю. Но называть белое черным и черное белым и уважать и показывать уважение к тому, что <несколько слов зачеркнуто> в этом нет величия; это притворство перед собою и другими.

В этом письме мне не должно бы было говорить о Воейкове. Но должно было отвечать на твое письмо. Я никак не ожидал, чтобы мое пожертвование было так принято⁶. Нет! меня хотят лишить всякого счастья! Но ты не бойся! Жизнь моя будет тебя стоить! Выключая наперед из нее минуты уныния и сомнения, всё прочее будет так, как тебе надобно. Тургенев зовет меня к себе, мы будем жить вместе⁷. У меня есть семья друзей⁸ и твое уважение. Я богат. Остальное Провидению. Дурного быть не может, если сам не будешь дурен. А у меня есть верная защита от всего: воспоминание и persévérance!*

Я бы желал, чтобы ты написала мне поболее.

Это было написано вчера поутру. Маша, откликнись. Я от тебя жду всего. У меня совершенно ничего не осталось. Ради Бога, открой мне глаза. Мне кажется, что я всё потерял.

203.

М. А. Протасовой

<31 (?) марта 1815 г., Дерт>

Расположение, в каком к тебе пишу, уверяет меня, что я не нарушаю своего слова тем, что к тебе пишу. Надобно сказать всё своему другу. Я должен непременно тебе открыть настоящий образ своих мыслей. Маша *моя* (теперь *моя* более, нежели когда-нибудь), поняла ли ты то, что заставило меня решительно от тебя отказаться? Ангел мой, совсем не мысль, что я желаю беззаконного¹, — нет! Я никогда не перемену на этот счет своего мнения и верю, что я был бы счастлив и что Бог благословил бы нашу жизнь! Совсем другое и гораздо лучшее побуждение произвело во мне эту перемену! твое собственное счастье и спокойствие! Решившись на эту жертву, я входил во все права твоего отца². Другая, нежнейшая связь! Право, эта минута была для меня божественная; если можно слышать на земле голос Божий, то, конечно, в эту минуту он мне послышался! С этим чувством всё для меня переменялось, все отношения к тебе сделались другие, я почувствовал в душе необыкновенную ясность; то, чего я никогда не имел в жизни, вдруг сделалось моим; я увидел подле себя сестру и сделался другом, покровителем, товарищем ее детей; я готов был глядеть на маменьку

---

* Постоянство, твердость! (*франц.*).

другими глазами и, право, восхищался тем чувством, с каким бы называл ее сестрою, — ничего еще подобного не бывало у меня в жизни! Имя сестры в первый раз в жизни меня тронуло до глубины сердца! Я готов был ее обожать; ни в ком, ни в ком (даже и в вас) не имела бы она такого неизменного друга, как во мне; до сих пор имя сестры только меня пугало, оно казалось мне разрушителем моего счастья; после совершенного пожертвования собою оно показалось мне самым лучшим утешением, совершенною всего заменою; Боже мой, какая прекрасная жизнь мне представилась! Самое деятельное, самое ясное усовершенствование себя во всём добром! Можно ли, милый друг, изменить великому чувству, которое нас вознесло выше самих себя! Жизнь, освященная этим великим чувством, казалась мне прелестною! Если прежде, когда моя привязанность к тебе была недозволненною, я имел в иные минуты счастье; что же теперь, когда душа от всякого бремени облегчилась и когда я имею право быть довольными собою! Раз испытав прелесть жертвования, можно ли разрушить самому эту прелесть! С этим великим чувством как бы счастливо шли мои минуты! Вместо своего частного счастья иметь в виду общее, жить для него и находить всё оправдание в своем сердце и в вашем уважении; быть вашим отцом (брат вашей матери имеет на это имя право), называть вас своими и заботиться об вашем счастье — чем для этого не пожертвуешь! И для этого я всем пожертвовал! Так, что и следу бы не осталось скоро в душе моей! Даже *в первую минуту* я почувствовал, что над собою работать нечего, — стоило только понять меня; подать мне руку сестры! стоило ей только вообразить, что брат ее встал из гроба и просится опять в ее дом, или, лучше, вообразить, что ваш отец жив и что он, с полною к вам любовью, хочет с вами быть опять на свете. С этими счастливыми, скажу смело, добродетельными чувствами, соединялась и надежда вести самый прекрасный образ жизни. Осмотревшись в Дерпте, я уверен, что здесь работал бы я так, как нигде нельзя работать, — никакого рассеяния, тьма побобий³ и ни малейшей заботы о том, чем бы прожить день, и при всём этом первое, единственное мое счастье — семья. С таким чувством пошел я к ней, *к моей сестре*. Что же в ответ? Расстаться! Она уверяет меня, что не от недоверчивости, — а для сохранения твоей и ее репутации! Милая, эта последняя причина должна бы удерживать ее еще в Муратове. Там можно было того же бояться, чего и здесь. Но в Муратове она решилась возвратить меня⁴, несмотря на то, что в своих письмах я говорил совсем противное тому, что теперь говорю и чувствую. Нет! эта причина несправедливая! или должно было меня еще остановить в Москве!⁵ И теперь в ту самую минуту, когда я только думал начать жить прекраснейшим образом, всё для меня разрушено! Я не раскаиваюсь в своем пожертвовании — можно ли раскаяться когда-нибудь в том, что возвышает душу! Но я надеялся им заплатить за счастье, и я был бы истинно счастлив, если бы она только этого захотела! если бы она прямо мне поверила; если бы

поняла, как чисто и свято то чувство, которым я был наполнен. Что же дают мне за то счастье, которого я требовал? Самую печальную жизнь без цели и прелести! Служить — спрашиваю, для каких выгод? отказаться от всякого занятия? В Петербурге я не мог бы заниматься, если бы и имел состояние! Убийственное рассеяние утомило бы душу! <зачеркнута строка> где тут иметь понятие? <зачеркнута строка> Трудиться для денег! Прощай, энтузиазм! единственное, что оставалось! Ремесленничество не сходно ни с каким энтузиазмом⁶; но и без него рассеяние погубило бы энтузиазм! всё разом вдребезги — и счастье, которое вдруг представилось бы мне столь ясным, и труд свободный, замена за счастье! Нет, милая! Голос брата не дошел до ее сердца! Чтобы тронуть его, я, видно, не имею никакого языка! Я сделаюсь дорог тогда разве, когда меня не будет на свете! Этот страх расстроить репутацию есть только придирка! Почему же он теперь именно, когда все причины к недоверчивости совершенно разрушились, пришел в голову! Для чего вырвать меня из Долбина?⁷ Само по себе разумеется, что против этой причины я не мог ничего сказать! Я готов во всяком случае быть за тебя жертвою — но надобно, чтобы жертва была необходима! Здесь каких толков бояться? Кто подаст к ним повод? А прежние толки пропадут сами собою! Да я первый все усилия употреблю, чтобы всё привести в порядок! Между тем мы были бы счастливы, счастливы в своей семье, и свидетель был бы у нас Бог! О! как бы весело было помогать друг другу вести жизнь добродетельную! Я чувствую, я уверен, что было бы легко и что мне даже и усилий никаких не было бы нужно делать над собою! Теперь что мне осталось? Начинать новую жизнь без цели, без бодрости и за каким счастьем гнаться? Так и быть! всё в жизни к прекрасному средство! Но сердце ноет, когда подумаешь, чего и для чего меня лишили.

204.

П. А. Вяземскому

<Конец марта (?) 1815 г. Дерпт>*

Милый друг, я написал множество писем и потому ленюсь к тебе писать. Я в Дерпте уже с неделю. Послезавтра еду в Петербург¹; оттуда буду писать к тебе много. Не знаю, что еще со мною будет. Здесь ли останусь или в Петербурге. Дурацкая судьба моя не дает мне ни на что решиться, и ты по-старому всё еще будешь долго считать меня загадкою. Я с тобою не говорил ни об чем. Помню минуту, в которую захотелось было мне всё высказать из своего сердца в твое, да кто-то между нами явился третий, и мой мешок завязался. Не обвиняй меня в скрытности с другом. Я люблю и уважаю тебя теперь более прежнего, но не обо всем говорится. Знай только вообще, что я не принадлежу к счастливым сего мира; а что впереди, право, еще не знаю.

Здесь город был бы прелестен для человека, которому было бы хорошо дома. Всё есть — и общество, и уединение, и работа, и пример, и товарищество людей приятных. Немцы смешные и милые люди. С ними можно расстегнуть душу, а это всего дороже. Но черт возьми и немцев; скажу слова два о себе. Люби меня, брат, и скажи твоей милой жене, чтобы она меня помнила и любила. Право, я чувствую к ней самую искреннюю привязанность. У ней прекрасное сердце. Мне было весело об ней думать. Еще одно: помни свое слово, данное другу. Исполнением его ты обязан дружбе.

Моего ангела Машку² поцелуй.

Я получил от госуд<арыни> рескрипт очень милостивый³. Пришлю из Петербурга.

Посылаю выписку из одних немецких газет, которую сообщи Николаю Михайловичу. Скажи и ему, и Е<катерине> Андреевне мое почтение. К ним также буду писать из Петербурга. Давыдова обнимаю.

205.

А. И. Тургеневу

1 апреля 1815 г. <Дерпт>

Милый друг, посылаю тебе мой ответ на милостивый рескрипт ее величества, который тронул меня чрезвычайно. Не знаю, хорошо ли написал; но ты и прочие, знающие более *приличия*, можете его поправить. Переписавши и подписавши за меня, передай его Сергею Семеновичу. От него получил я рескрипт¹; его, кажется, следует мне просить и вручить ее величеству мой ответ. Поблагодари его от себя за его ко мне благосклонность, а приложенное письмо отдай ему.

Сочинений не посылаю; отдал переплетать. Привезу сам, потому что выеду отсюда дня через три или через четыре. Давно бы я был у вас, когда бы не дорога.

Каковы революции нашего века?² Но что отчаиваться? Есть твердость, есть сила, есть благородный характер Александра! Надобно драться не на живот, а на смерть. В борьбе за свободу народы усиливаются духом. По крайней мере, для русских теперь ничто не должно быть страшно.

Об этом после. О себе скажу только два слова. Может быть, нам определено с тобою жить *неразлучно*. На всякий случай приготовься принять к себе своего четвертого брата, своего Андрея, который с надеждою на твое сердце найдет замену всему в товариществе с тобою. Как утешительно дать тебе название брата и все обязанности братства принять на себя и, может быть, теперь на всю остальную жизнь. Всё объясню, когда увидимся.

Скажи Батюшкову, что мне больно было читать заключение его письма к Воейкову³. Я писал к нему из Москвы. Но разве он не уверен, что Жуковский и молча привязан к нему искреннею дружбою?

Блудова, милого, бесценного друга, обнимаю крепко. Как весело подумать, что всех вас дней через пять-шесть увижу.

Гнедича и Дашкова обнимаю.

Твой Жуковский

1815. Апреля 1

206.

Императрице Марии Федоровне

1 апреля 1815 г. <Дерпт>

Всемиловитейшая Государыня!

Я имел счастье получить недавно всемиловитейший рескрипт Вашего Императорского Величества, приношу чувства пламенной благодарности к стопам моей Государыни.

Вашему Величеству угодно было сказать мне, что мои стихи, внушенные малым дарованием, но великим удивлением к характеру лучшего из царей, тронули Ваше сердце. Могу ли вообразить что-нибудь выше такой награды?

Вашему Величеству угодно было еще сказать, что сии стихи свидетельствуют мою любовь к Государю и отечеству; с восхищением благодарю Ваше Величество за такое выражение. Слышать его из уст Ваших есть счастье неизъяснимое.

В сию минуту, когда Провидение посылает новые опыты человечеству, все — не только мы, русские, но и чужие народы — с твердостью мыслят, что сильнейший между царями, управляющими их судьбою, соединяет с могуществом и прекрасную душу, верную человеческому благу. На него устремлены все надежды, подтвержденные уже опытом. Благо народов твердо, пока Александр на троне.

Счастливейшая минута жизни моей будет та, в которую удостоюсь быть представлен Вашему Императорскому Величеству. Хотя и не осмеливаюсь ласкать себя таким счастьем, но благодарность, которую сердце мое к Вашему Императорскому Величеству исполнено, дает мне право желать его.

Вашего Императорского Величества верноподданейший

Жуковский

207.

С. С. Уварову

1 апреля 1815 г. Дерпт

Дерпт. Апреля 1. 1815

Я получил Ваше дружеское письмо и приложенный при нем высочайший рескрипт ее императорского величества¹. Благодарю Вас за доставление; весело было получить его через Вас. Чтение его чрезвычайно меня тронуло; выражения государыни на мой счет необыкновенно милостивы.

Я послал Тургеневу вчерне мой ответ², прося его Вам показать, вместе с Вами что нужно поправить и, переписав, отдать Вам для вручения ее величеству. Не откажитесь от исполнения сих поручений, которые сделать Вам дает моя дружба, которую Вы ко мне так явно показываете, не ставя в счет того, что я иногда поступаю с Вами как беспечный стихотворец и как человек, весьма уже с Вами короткий. Но причина всему этому Тургенев: я уверен, что тот, кто с ним друг, должен любить и Жуковского и даже многое прощать ему.

Радуюсь, что мой перевод Вам понравился³. Надеюсь, что Вы вместе с Гнедичем поправили замеченные Вами ошибки. Замечания же Ваши надеюсь скоро *слышать*.

Я надеялся быть непременно в конце четвертой недели поста в Петербурге; но дорога, говорят, непроходимая. Итак, в половине шестой я верну у Вас⁴.

Благодарю Вас за присылку 500 рублей⁵.

В ожидании приятного свидания с Вами, остаюсь с совершенным к Вам почтением Вам душевно преданный

Жуковский

208.

М. А. Протасовой

<Первые числа (?) апреля 1815 г., Дерпт>

Милая Маша, нам надобно объясниться. Как прежде от тебя одной я требовал и утешения, и твердости, так и теперь требую твердости в добре. Нам надобно знать и исполнить то, на что мы решились. Дело идет не о том только, чтобы быть вместе, но и о том, чтобы этого стоить. Следовательно, не по одной наружности исполнять данное слово, а в сердце быть ему верными. Иначе не будет покоя, иначе никакого согласия в чувствах между мною и маменькой быть не может. Сказав ей решительно, что я ей брат, мне должно быть им не на одних словах, не для того единственно, чтобы получить этим именем право

быть вместе. Если я ей говорил искренно о моей к тебе привязанности, если об этом и писал, то для того, чтобы не носить маски, — я хотел только свободы и доверенности. Это нас рознило с нею. Теперь, когда всё, и самое чувство, пожертвовано, когда оно переменялось в другое, лучшее и нежнейшее, нас с нею ничто не будет рознить. Но, милый друг, я хочу, чтобы и ты была совершенно со мною согласна, чтобы была в этом мне и примером, и подпорою; хочу знать и слышать твои мысли. Как прежде ты давала мне одним словом и бодрость, и подпору, так и теперь ты же мне дашь и всю нужную мне добродетель. Чего я желал? Быть счастливым *с тобою!* Из этого теперь должно выбросить только одно слово, чтобы всё заменить. Пусть буду счастлив *тобою!* Право, для меня всё равно *твое счастье* или *наше счастье*. Поставь себе за правило всё ограничить одной собою, поверь, что будешь тогда всё делать и для меня. Моя привязанность к тебе теперь точно без примеси собственного, и от этого она живее и лучше. Уж я это испытал на деле — смотря на тебя, я уже не то думаю, что прежде; если же на минуту и завернется старая мысль, то всегда с своим дурным старым товарищем, грустью; стоит уйти к себе, чтобы опять себя отыскать таким, каким надобно; а это еще теперь, когда я от маменьки ничего не имею, когда я еще ей не брат, — что ж тогда, когда и она с своей стороны всё для меня сделает. Я уверен, что грустные минуты пропадут и место их заступят ясные, тихие, полные чистою к тебе привязанностью. Вчера за ужином прежнее немножко что-то зацепило меня за сердце — но, воротясь к себе, я начал думать о твоём счастье, как о моей теперешней заботе. Боже мой, как это меня утетило! Как еще много мне осталось! Не лиши же меня этого счастья! Переделай себя совершенно и будь этим мне обязана! Думай беззаботно о себе, всё делай для себя — чего для меня более? Я буду знать, что я участник в этом милом счастье! Как жизнь будет для меня дорога! Между тем я имею собственную цель — работа для пользы и славы! Не легко ли будет работать? Всё пойдет из сердца и всё будет понятно для добрых! Напиши об этом твои мысли — я уверен, что они и возвысят, и утвердят все мои чувства и намерения.

Я сейчас отдал письмо маменьке¹. Не знаю, что будет. В обоих случаях, *Persévérance!*^{*2} Меня зовут! Чудо — сердце не очень бьется. Это значит, что я решился твердо...

...Мы говорили — этот разговор можно назвать холодным толкованием в прозе того, что написано с жаром в стихах. Смысл тот же, да чувства нет. Она мне сказала, чтоб я до июля остался в Петербурге³, — потом увидит. Одним словом, той сестры нет для меня, которой я желаю и которая бы сделала мое счастье. Еще она сказала: дай время мне опять сблизиться с Машею; ты нас совсем

---

^{*} Постоянство, твердость (*франц.*).

разлучил. Признаюсь, против этого нет возражения, и если это так, то мне нет оправдания; и я поступаю как эгоист, желая с вами остаться! В самом деле! Чего я хочу? Опять только своего счастья? Надобно совсем забыть об нем! Словами и объяснениями его не сделаешь! Маша, чтобы иметь полное спокойствие, не должно ли тебе возратить мне всех писем моих?⁴ Ты знаешь теперь нашу общую цель. *Твое* счастье! Быть довольным собою! У тебя есть Фенелон⁵ и твое сердце. Довольно! Твердость и спокойствие, а всё прочее Промыслу.

209.

А. И. Тургеневу

12 апреля <1815 г. Дертт>

Посылаю тебе, мой милый друг, свои стихи. Твое мнение, что, вероятно, останусь здесь на праздник, принимаю за совет и останусь. Думаю, это для меня всё равно, теперь ли быть в Петербурге или после праздника. Между тем, может быть, удастся написать что-то новое. Теперь послал только мои стихи. Попроси Блудова, Батюшкова и Уварова сделать замечания; но только заметьте то единственно, что уже очень дурно, чего нельзя не поправить. Мелочей поправлять не буду, потому что только изгажу поправкою. Эти замечания приготовьте к моему приезду. Между тем похлопочи и о том, как бы продать, и, разумеется, продать выгоднее. Мне хочется выдать в двух отделениях. Одно под титулом «Баллады» — в нем будут одни *баллады*. NB. Балладу «Старушка» в Москве не пропустили; постарайся, чтобы того же не сделалось в Петербурге¹. Другое отделение, в II частях, под титулом — но титул выдумайте сами. В первой части лирические стихотворения, послания, песни и романсы; в другой смесь и отрывки в прозе².

Здесь стихи переписаны точно так, как им быть напечатанным. Формат надобно большой in 12°. Для части баллад у меня готова прекрасная виньетка, нарисованная Тончи³; а будет гравировать здешний гравер Зенф⁴, славный артист и человек. Переговори с типографщиками и настой на том, чтобы печатать точно в таком порядке, то есть сохранив такое же количество строк на странице, как в манускрипте, и чтобы не было ломаных строк. Но начинать печатать оставьте до меня; только чтобы всё было, если можно, готово к моему приезду. А корректуру хотелось бы держать самому; да еще многие надобно сделать поправки и примечания. Также нехорошо и предисловие к балладам. Прошу между тем велеть всё переписать еще раз, и тотчас пришли сюда на имя Воейкова. Переписывать не нужно с тем расположением, как теперь, а лучше всё в одну книгу. Я буду жить у тебя, и это время, которое проведу с тобою, пленяет мое воображение. Напиши, однако, не нужно ли мне скорее приехать. Поклон и объятие друзьям Блудову, Батюшкову и Уварову. Дрожу, что не найду Батюш-

кова в Петербурге. Если Окунев⁵ приехал и был у тебя, поклонись ему. Когда увидишь Алексея Орлова⁶, поклонись.

Твой Жуковский

P. S. Прозаические отрывки вели переписать для печати в таком точно порядке, как здесь. Только чтобы формат был бы тот же, как и стихов. Попроси Батюшкова и Блудова перечитать прозу, и что нужно поправьте сами. Пришли перевод Раупаха⁷. Здесь было Рамбах⁸ собрался переводить Послание; теперь я его останавливаю.

12 апреля

Я имею до тебя просьбу; прошу тебя исполнить ее скорее, ибо всё дело в поспешности. Здесь есть профессор Штруве⁹. Он хочет жениться. Его невеста живет в Альтоне, и он должен туда немедленно ехать. Теперешние же обстоятельства требуют поспешности. Он получил уже отпуск от министра просвещения, но паспортов, хотя уже они и давно обещаны, не получил и, вероятно, долго не получит, если кто-нибудь не вздумает их выхлопотать. Но кому вздумать? Кому дело? Это забыто; а время между тем уходит. Для тебя ничего не стоит позаботиться о скорой выдаче паспортов; а для него дорого будет стоить, ежели он не получит их вовремя. Представь себе всё это поживее, отложи свою лень и выхлопochи паспорта. Их нужно два:

1^й Доктору Фридриху Штруве, экстраординарному профессору Дерптского университета, для проезда из России в Голштинию, в город Альтону, и обратно.

2^й Жене доктора Фридриха Штруве и пр., Эмили Штруве, урожденной Валь, из Альтоны, для переезда из Голштинии в Россию.

Прошу тебя не забыть и тотчас это исполнить. Для тебя безделица, для него большая важность. Я, может быть, скорее буду. Судьба жмет меня в комок, потом опять скомкает. Видно, что только близ одного тебя мне совсем раскомкаться. Боюсь петербургской жизни, боюсь рассеянности, боюсь своей бедности и нерасчетливости. Что, если с своим счастьем еще и потерять и свою свободу, и свои занятия, и сделаться ремесленником, и жить только для того, чтобы не умереть с голоду! Подумай обо всём этом за меня, и подумай хорошенько. Если можно иметь хотя немного независимости, то остаюсь с тобою, твой товарищ на жизнь. Напиши поскорее ответ на это письмо.

Уже не ехать ли мне в Главную квартиру?¹⁰ Как ты думаешь?

210.

М. А. Протасовой

14 апреля <1815 г. Дерпт>

14 апреля

Und trennen uns gleich Meer und Land,
 Vereinigt uns doch Freundschaftsband,
 Und fester knüpft nach *kurzer Zeit*
 Es einst die Ewigkeit!^{*1}

Милый друг, поняла ли ты то чувство, которое меня решило к тебе написать: *позволь мне от тебя отказаться и самому найти человека, который бы мог тебя сделать счастливою!*² Это самое лучшее чувство в жизни моей, и в эту минуту я был счастлив! Маша, в эту минуту я точно тебе доказал, что тебя люблю. Чем я жертвовал? Тем, что было мне всего дороже! Не одною надеждою, но вместе и тем, что ее заменяло, святою привязанностью, от которой готов был отказаться<ся> и которую надобно было совсем переменить, которой надобно было дать совсем другой характер! Ты должна знать, что заставило меня на это решиться, — я хотел быть уверенным в твоём счастье, в том, что тобою не пожертвуют, что ты будешь зависеть и от меня! Мне надобно было с тобою расстаться и покинуть тебя под власть человека, который не умеет тебя ни щадить, ни утешать. В эту минуту мысль *пожертвовать собою* (точно *собою*, то есть всем, что наиболее было я) представилась мне как вдохновение Божие. С этою мыслью новая жизнь для меня открылась: *моя семья, мои связи семейные* и, что всего дороже, ты, в зависимости от меня, мой друг, моя сестра, с полною свободою любить друг друга любовью родных. Как за это не отдать всего с наслаждением. Но *первое* движение было, право, бескорыстное — следствие его представилось мне *после*. Ах! милая, как в эту ночь я радовался жизнью³. Я видел в ней всё новое, но моим чувством не умели воспользоваться, нашли способ даже его охолодить. Как опыт ни научил меня, что всё, мне кажущееся возможным одному, делается невозможным с ними; но я не послушался и еще написал! Письмо прочтено было холодно⁴; но жить стали со мною лучше — но в чем же это *лучшее*, которого лучше уже, верно, не будет? Что мне дали за мое счастье, за мои сокровища, которыми я так решительно пожертвовал? Одну наружность! Лицо ласковое — а всё прочее то же. Я переменял самое мнение, решился переменить даже и чувство, решился хотеть, чтобы и ты его переменяла. Для этого нужно большое над собою усилие, большое постоянство и постоянная помощь

---

* И пусть нас разделяют море и суша, // Нас соединяют узы дружбы, // И вскоре еще крепче // Соединит нас вечность (нем.).

с ее стороны и с твоей — это общее наше дело! А она что делает с своей стороны! Какое усилие берет над собою! Если мне можно обещать и стараться истребить такое чувство в сердце, к которому я привязан, — что весьма трудно, — то почему же она не может истребить недоверчивости, которая мне только мешает исполнить мое обещание! Она требует, чтобы я был постоянным, а сама не может и пяти дней выдержать такого характера, который для нее должен быть легок; требует от меня искренности, чтобы я внутренно желал того, что обещал (и я на это решился), а сама и не думает, что ей нужна такая же искренность, дабы нас обоих с тобою поддержать. Я думал всё сделать для своего и еще более для твоего счастья своею жертвою и вижу, что ничего не сделал, а только наложил на себя жестокую неволю. Из того чистого позволенного счастья, на которое теперь лично имею право, выходит одна тяжелая должность. Всё, что прежде меня с тобою соединяло, должно быть разорвано — а что же на его месте! Ничего! В душе ужасная пустота, на которую даже и жаловаться нельзя, потому что здесь и сожаление не позволено. Всё, что прежде наполняло душу, если не исчезло, то сделалось запрещенным, — надобно было его заменить! А как заменить, когда меня с тобою, несмотря на обещание, разлучают подозрением? Я видел, что ты грустила, это меня мучило, а как было помочь? Мысль, что ты воображаешь меня и холодным, и равнодушным, меня терзала — если бы я мог говорить с тобою свободно, как друг, как родной, мы бы, верно, согласились, мы оба любим доброе, а вместе его любить весело — ты бы меня послушалась, а я, видя твою решимость, мог бы иметь всю нужную мне твердость и никогда бы не боялся слабости! Но как же ждать, чтобы теперь что-нибудь для нас переменилось! Никто не подумает о том, чего я себя лишаю, чего мне должно стоить себя и тебя переделать! Они только требуют жертвы, а сами не хотят подумать, что значит эта жертва и сколько нужно с их стороны участия! Теперешнее обращение со мною войдет в привычку; всё будущее останется похожим на настоящее. Мы будем всегда розно, и сверх того наша обязанность будет разлучиться и в сердце, потому что мы дали слово! Не только по-прежнему будем мы — под тем же принуждением, которое уже сделало нас виноватыми в скрытности, но еще и в самой привязанности друг ко другу не найдем никакого утешения, ибо сохранить эту привязанность такую, какова она была прежде, запрещает нам наша должность. Моею любовью к тебе я мог только пожертвовать для твоего счастья.

Она была моею жизнью; я мог променять ее только на другую жизнь, на любовь к тебе без примеси собственного, на свободную любовь друга, брата, товарища! Дано ли мне это счастье? нет, и никогда оно дано не будет! Если теперь не могли обрадоваться брату, то уже ему никогда обрадоваться не могут! Вообразят, что всё для нас сделали! а как им доказать, что они не сделали ничего? Это можно только чувствовать! Кто же принудит это почувствовать? Нашего

положения они не понимают, и понимать не могут! И живучи вместе, мы будем несчастнее, нежели когда-нибудь! Итак, необходимость велит уехать — и я беру *свое* назад! По крайней мере, розно с тобою мне своего лучшего чувства истреблять нет нужды! Но *с ним* я не могу и не должен *здесь* остаться! Здесь я могу только быть братом, не по одному имени, а с чувствами, с обязанностями, и, если хочешь, с счастьем брата. Розно с тобою я никому, кроме Бога, отчета в своих чувствах не отдаю, а я уверен, что Он не отвергнет того, что у меня в сердце.

Ты не поняла меня, мой милый друг! Это натурально! На твоём месте и я, может быть, также бы тебя не понял! Нам не дали и не дадут говорить друг с другом откровенно! Если бы мы имели эту свободу, мы согласились бы на то, что нам теперь должно, и вместе бы решились его исполнять и, верно, были бы счастливы исполнением, хотя оно и дорого бы нам стоило. Но мы бы вместе учились добродетели — это связь другого рода, и самая чистая, и самая счастливая! Самое тяжкое в моем положении было то, что я замечал твою грусть и чувствовал, что ты обвиняла меня тогда, когда я истинно стоил твоего уважения и всей помощи со стороны твоей. В то время, когда ты думала, что я пожертвовал всем *au plaisir de je ne sais quoi*^{*}, всем, даже и возможностью показывать к тебе дружбу, когда уходила, чтобы давать мне грустные минуты с маменькою, когда воображала, что я, *всё забыв*, радовался дружбою своею к Воейкову в то время, когда он тебя так нежно утешал, *говоря, что я не хочу тебя любить, а хочу только поскорее выдать замуж* (и ты даже считала нужным в *угождение* мне кинуться первому на шею), в то время, когда была *одна* и даже в самой себе не находила отрады — мне было, право, не легче. Беспреданное мучительное борение с собою, которого ничто не обле<г>чало и с которым соединялась мысль, что ты должна обвинять меня. Имя брата, которое я один взял на себя и за которое мне ничего не давали, обязывало меня переменить, вырвать из сердца все прежние чувства; при воспоминании о Красовском⁵ душа хотела вспыхнуть, но я себя удерживал и твердил себе, что такого рода движение не должно быть мне свойственно. Часто, смотря на тебя, был готов забытья, но останавливался, уходил к себе, и всё опять возвращалось в надлежащий порядок. Часто, однако, и с самим собою не находил утешения. Что было для меня прежде прибежищем — мысль о твоей ко мне любви, надежда на нее, для меня более не существовало, потому что не должно было существовать более! Этой мысли, этой надежды я должен был бояться! И свою любовь к тебе — лучшее свое чувство — я должен был если не уничтожить, то переменить! Я запрещал себе это чувство — потому что назвался братом твоей матери и должен был им быть не по одной только наружности. Вообрази же мое положение!

---

^{*} Неизвестно во имя чего (*франц.*).

С тобою — я был от тебя далеко, не только тем принуждением, которое нас рознило, но даже своею обязанностью, которая не только мне на тебя запрещала смотреть прежними глазами, но и в тебе также искать и желать прежнего ко мне чувства, мы сделались совершенно чужи друг для друга; один — я был лишен всех своих воспоминаний и надежд, которые давали мне прежде бодрость и думать о тебе так, как прежде почитал не позволенным, словом, прежней Маши для меня уже не было, той, которая была соединена в душе моей со всяким чувством, а той, которая должна была заступить ее место, я еще не имел и слабо надеялся иметь, видя то принуждение, которым, несмотря на наши жертвы, нас разлучали! Я был в унынии, но, право, ни разу не поколебался в своем пожертвовании. И чтобы вперед не поколебаться, вот что для себя написал. (Но для себя, а ведь ты этого не знала — и никому в голову не приходило того, что делалось в моей душе. Им только можно требовать пожертвование; величаться своим великодушием, а понять человека не умеют и не хотят.)

Апреля 11. (Надобно тебе знать, что я для собственного утешения, оправдания и, если хочешь, для того, чтобы хотя с бумагою быть искренним, хочу непременно, во все трудные минуты писать свои мысли — это и облегчает, и дает твердость! Пусть делают, что хотят, пусть думают обо мне, как хотят! Моя книга про меня знает — и вот что я написал в своей книге:) «Прежде я имел целью быть счастливым вместе с Машею. Это вместе было бы средством к прекрасному. Прекрасное состояло бы не в одном наслаждении собственным счастьем, но в том, что составляет настоящую жизнь, в исполнении ее обязанностей, в добре на деле, в нравственном своем усовершенствовании. От этого теперь должно отказаться. Совсем другое должно теперь быть средством к прекрасному. Оно состоит в пожертвовании самим собою, в совершенном забвении собственного, и всё для нее. Для этого решительно отказаться от невозможного (а чтобы отказаться решительно, то и переменить свое к ней чувство на лучшее, бескорыстное, братское), всё употребить для сбережения семейного покоя, твердо покориться судьбе, или, лучше, своей должности, и не слабеть в исполнении трудного. Я назвался братом не для того, чтобы под этим именем иметь непозволённые чувства и желания. Нет! но для того, чтобы она была мною счастлива, чтобы она принадлежала мне как дочь моей сестры, чтобы судьба ее зависела и от меня, чтобы я имел в ее матери настоящую сестру, товарища и друга, с которым ее счастье было бы общим нашим делом. Спокойствие насчет ее судьбы и сладкая мысль, что я имею участие в ее счастье, и еще более сладостная об нем забота будут моею наградою. С именем брата должна разрушиться вся прежняя связь между нами, но начаться другая, тесная и самая чистая. Надобно сказать себе и приучить себя думать, что она не должна любить меня как прежде, но любить как родного, как брата, или, лучше, как отца, и заботиться о своем отдельном счастье, не сливая его, как прежде, с моим,

но с твердою уверенностью, что, делая свое счастье, она в то же время делает и мое. Не только должно это сказать самому себе, но и исполнить на деле, *ее самое* приучить к этой мысли, из ее счастья вырвать всё собственное, основанное на одном эгоизме, всё, что было прежде общего (не согласного с нашим обещанием), уничтожить, следовательно, не желать, чтобы и она имела то чувство, которого я иметь не должен, не только не желать, но и ее заставить не иметь его (а как заставить, Маша, когда мы не только не можем говорить друг с другом, но и глядеть друг на друга боимся) — заставить ее ко мне перемениться и утешать себя одним только одобрением сердца, что всё сделано, всё принесено в жертву должности и тому, что всего было дороже, что теперь еще стало дороже. Одним словом, мне должно быть истинным братом ее матери и поступать так, как бы должен был поступать истинный брат! Теперь спрашиваю: в чем счастье Маши? В спокойствии и свободе сердца, в согласии с матерью и со всею семьею, следовательно и со мною в уверенности, что я счастлив! Наконец, если так быть должно, еще и в замужестве по сердцу, то есть чтобы с другим иметь то, чего надеялась со мною! Мое же счастье состоит теперь в том, чтобы Маша это всё имела, чтобы я видел, что она всё это имеет, чтобы я был во всём этом участник! Стремление к этому есть то, что теперь для меня прекрасное в жизни. Что нужды, что трудно, что даже и вопреки себе! Самая трудность, самое страдание есть средство к прекрасному! Та минута, в которую, для этой цели, я решился пожертвовать собою, была восхитительна! Но это чувство восхищения часто пропадает, и я прихожу в уныние! Что нужды! Не дол<ж>но терять бодрости! Что чувство произвело в одну минуту, то твердость должна исполнять в течение жизни. Где ж было бы достоинство добродетели, когда бы она была и легка, и приятна? Надобно смотреть не на удовольствие, а на достоинство внутреннее! Знать, если не чувствовать. Всякое исполнение отдельной должности есть дорога по утесам, кончи ее — небо над головою и Кашемир перед глазами⁶. Мое небо — *ее счастье* — итак, унывать не должно. Что прежде наполняло душу, то разрушено, — свои надежды заменить ее надеждами; чего желал для себя, передать ей и из ее будущего сделать свое будущее! А для себя беречь настоящую минуту, которую посвятить деятельности и добру. Мы с нею в этом случае не разделимся; она будет уверена, что ее будущее есть мое, и станет об нем думать как о моем, и между тем будет видеть, что я счастлив настоящим, всё имея в настоящем — свою работу, ее дружбу, одобрение сердца и надежду *для нее одной* такого счастья, какого прежде желал для *нас двоих*. Но это всё равно».

Вот что, милый друг, я думал и, для своего ободрения, записал для себя в то время, когда тебя утешали с насмешкою, говоря, что я не хочу тебя любить и только и брежу тем, как бы тебя поскорее выдать замуж! А ты огорчилась, думала, что ты мне в тягость, и Бог знает, что еще тебе приходило в голову. Но это всё оттого, что ты не могла со мною объясниться. Если бы я мог быть твоим

товарищем так, как бы это теперь было должно, — ты бы мне поверила, ты бы со мною во всём согласилась, и мне и тебе было бы легче исполнить общую должность. Мы бы сделали друг друга счастливыми. В этом я уверен; никто не может так успокоить и решить на всё доброе моего сердца, как ты; и никто не может сделать того на душе твоей, что я могу сделать. Мы бы возвратили друг другу спокойствие, когда бы нам дана была воля и надлежащая доверенность. Жить вместе с такою целью, какую я себе предписал, было бы сначала труднее, но после гораздо лучше — мы бы вели друг друга прямо к добродетели путем пожертвования и должности и были бы счастливы взаимным друг к другу уважением. Я исполнял бы *à la lettre** то, что себе предписал, а ты, согласившись во всём со мною, первая и лучше всех мне бы помогала. И ты бы должна была сказать себе то же, что я: мне надобно смотреть на него другими глазами. Чего он хочет? Моего счастья! *И я хочу его!* В чем полагает он это счастье? В свободе и спокойствии сердца, в согласии с моею матерью? В моей уверенности, что он счастлив? В доверенности к нему, которая не иное что, как мысль (которой ничьи слова переменить не могут), что он мое счастье всему предпочитает, что он стоить хочет моего уважения столько, сколько сам меня уважает, наконец, и в том, чтобы я была счастлива замужем! *я помогу ему найти это счастье.* Но какие же для этого средства? *Чтобы иметь спокойствие и свободу сердца,* ты бы должна была не только сказать себе, но и приучить себя к мысли, что я твой брат, твой родной друг, и непременно смотреть на меня совсем другими глазами, и дать совсем другой характер своей ко мне привязанности (не сделав этого или не стараясь искренно этого делать, нам теперь жить вместе нельзя — мы дали слово! Но нам иначе нельзя этого будет сделать, как имея полную свободу друг с другом, говоря друг другу всё, что на сердце, а не быть разлученными, как теперь, подозрением, которое только что напоминает о прежнем и лишает силы себя переменить!). С этим неразлучно и твое согласие *с матерью, а мое с моею сестрою.* Что может лучше согласить, как не с ее стороны полная доверенность? ибо тогда она всё для нас сделает и будет иметь право на нашу благодарность, а с нашей стороны искренняя жертва и старание ее поддержать. Тогда бы и ты, и она взаимно друг другу были всем обязаны, и это стеснило бы нашу дружбу, и мы точно бы друг друга любили, точно бы жили друг для друга. *Чтоб быть уверенною в моем счастье,* тебе только нужно заботиться о своем! ибо мне точно ничего не надобно, кроме его, кроме исполнения своей должности и мысли, что и ты так же ее охотно исполняешь, как я, кроме нужного покоя для своих работ, которые при мысли о твоём счастье полетели бы прямо на крыльях! Когда всё это будет, то есть твое счастье, работа и любовь моей семьи, искренняя, а не по одной наружности, то уже мне, право, желать ничего не останется. И если ты

---

* Буквально (франц.).

можешь вообразать, что мне еще что-нибудь нужно, то очень ошибешься и только сама всё расстроишь. В этом случае ты должна *à la lettre** быть со мною согласна, и эта статья самая легкая. Для полной *доверенности к моему сердцу* (доверенности, которая теперь должна быть совсем другого рода) тебе должно только помнить, что я всем пожертвовал для твоего счастья и что эта жертва еще более меня к тебе привязала, следовательно, перемениться к тебе не могу иначе как в лучшее, что эта привязанность, теперь совсем иная, всегда будет главным моим чувством и теперь еще более причиною всего доброго; что слово *être à charge à moi*** есть жестокое, убийственное для тебя и для меня слово; что я не могу не хотеть любить тебя, что бы ни говорили те, которые не знают, что такое любить; что теперь для меня любить тебя — значит быть добродетельным и предпочитать всему на свете святую должность; что желание выдать тебя замуж в моем сердце есть высочайшая степень к тебе привязанности, самой бескорыстной, забвение не о самом себе, но обо всём, что принадлежит к эгоизму; что это слово: *выдать замуж* только на языке нечувствительного человека, который хотел позабавиться над твоим страданием, оскорбительно, а на моем языке значит: твоя семейная жизнь, твои семейные радости, всё прекрасное, для чего ты рождена и что ты должна иметь, и что дать тебе с человеком, тебя достойным, было бы верх моего счастья! Желать тебе такого счастья никто более меня не может; я знаю ему цену и потому-то, что знаю ему цену, желаю, чтобы оно было твоим, — а этого желать тебе можно и совершенно забыв о себе, не будучи ни холодным к тебе, ни равнодушным, и чтобы исполнить такое желание, тебе не должно бросаться *к первому на шею*, а напротив, стараться все те условия выполнить, с которыми я, а не другой кто, могу иметь его во глубине сердца. Милый друг, вспомни, для чего я совершенно от тебя отказался? для того, чтобы иметь полную беспечность насчет твоей судьбы, чтобы радоваться мыслью: теперь нечего за нее бояться! по крайней мере, могу быть уверен, что прежняя ее ко мне привязанность будет хранителем ее сердца, что она будет замужем только за тем, кто заменит для нее меня, кто лучше меня даст ей счастье, кому она так же захочет себя поверить, как мне! Это давало моему сердцу полное спокойствие насчет твоей будущей судьбы, и к этому-то счастью желал бы я быть твоим проводником — я бы шел к нему вместе с тобою как к своему. И точно, мне бы ничего желать не осталось, ибо при этом всё, что мне нужно, у меня бы было: труд, семья и одобрение сердца. Одним словом, мы бы шли по дороге добродетели вместе. Она трудна; зато лучше всех прочих. А ты, не понявши меня и поверив толкователям моих чувств, которые не постигают их, сама хочешь лишить меня плода моего жертвования! То, для чего именно всё

---

* Полностью (*франц.*).

** Быть в тягость мне (*франц.*).

сделано, хочешь уничтожить. Но всему причиною то, что мы не можем говорить друг с другом, — что нас стерегут! Нам не верят! Не дают нам никакого счастья вместе, даже и добродетели вместе.

До сих пор я написал, когда получил твою последнюю записку⁷. Так точно! *Для дружбы всё, что в мир есть!*⁸ Ничего другого не прошу, как только счастья исполнить это на деле и отдать мое *всё* для моего *друга*, для моей сестры, для той, которой всем хорошим обязан и теперь еще лучшим буду обязан — *добром на опыте*. Но это *добро на опыте* возможно только с прямою доверенностью. Без нее ничему быть невозможно. Если ее не будет, то я осуждаю и тебя, и себя на прямую гибель — у нас всё возьмут и нам никакого утешения не останется. В *ее* доверенности вся подпора. Я хочу лично быть счастлив моею жертвою и видеть, что ты ею счастлива, — будучи розно с тобою, буду не в состоянии с тобою объясниться, будем ли понимать друг друга, и что нас может подкрепить? Разве, отказавшись от тебя, я переменялся? Разве можно всё из себя сделать одним словом? Нужно постоянство, нужна твердость! А как их иметь, когда принуждение и подозрение всякий час будут отымать силы! У нас в душе будут одни чистые намерения, а всё вокруг нас будет *слу<жи>*ть к тому только, чтобы эти намерения ослаблять! Как же за себя ручаться? После такого решительного обещания изменить себя не будет ли ужасным несчастьем, которое отравит всякую минуту жизни! Один дурной шаг — и прости спокойствие! Излишней на себя надежды иметь не должно и в хороших обстоятельствах; а как на себя надеяться, когда для нас только что обременяют исполнение обязанности! Прежде мы иное себе позволяли, потому что не давали слова переменить свои чувства, а теперь, обещав это, и в самом сердце должны согласоваться с обещанным. По-настоящему в трудных обстоятельствах<x> и должно удержаться на прямой дороге — более было бы достоинства! Но я опять скажу: себе не должно слишком верить! Прибавлю к этому еще одно — будучи не в состоянии с тобою говорить, я буду видеть твою грусть, и это только у меня отымет бодрость! Надобно будет не только бороться с собою, но и с чувством твоей горести, видеть, что ты от меня страдаешь, и не иметь возможности тебе помочь! Между тем и самая борьба будет без успеха — несколько времени будешь себя удерживать, стараться переломить, и вдруг одна минута всё снова расстроит! Опять начинай снова и уже с большею слабостью и с меньшею надеждою! Это уже и случилось было со мною! От такого бесполезного усилия потеряешь и самое к себе уважение, и даже то, что казалось добродетелью, потеряет свою прелесть. Они не думают, как это трудно и как нужна с их стороны помощь. Что открыло тебе глаза, что привлекло тебя ко мне втайне, что и тебя, и меня заставило, наконец, скрываться? Подозрение и принужденность! Почему же и теперь нельзя того же бояться? Почему она об этом не подумает. Я имел силу сказать себе: перемени всё и всем пожертвуй! имел силу желать этого искренно! имел

силу даже несколько времени искренно себя превозмогать — а она не имеет силы сказать себе: буду любить брата как сестра и, совершенно вверившись ему, дам ему всё возможное счастье! То, что я теперь делаю, есть дело жертвы и жертва свободная, но весьма трудная — то, что ей должно сделать, совсем не есть жертва, напротив, ей же самой счастье! Разве трудно поверить своей дочери и своему брату и быть между нами без всякого подозрения! Она говорит мне: будь тверд! а сама никакой твердости не имеет в своей доверенности! Два дня хорошо, а десять дурно!

Наше вместе, с тою прекрасною целью, какую я себе предположил, было бы прекрасно, но без доверенности ему быть не можно. Ее к нам не имеют — и нам *растаться*. Так и быть, если уже ничего иметь не должно. Разлука всё мое мне возвращает. Я всё отдавал, что мне дорого, отдавал искренно, и ты бы то же сделала. Мое письмо у маменьки. Она знает, что могла бы из меня и для меня сделать. Но в этом же письме я говорю, что могу быть братом только вместе с нею, что розно она не имеет никакого права на мое сердце, ни на те чувства, которые в нем; что я жертвую ими не потому, что считаю их незаконными, а потому, что искреннее пожертвование считаю необходимым для общего счастья. Итак, я перед нею прав — прав самыми чувствами. Разлука избавит нас от опасности нарушить данное слово. Всё будущее друг для друга и для добра. Теперь ты в своей горнице не будешь одинокою — твой верный товарищ будет с тобою, а мой никогда меня не покинет. Теперь не буду бояться своего чувства; оно по-прежнему будет во мне источником всего прекрасного. Я нашел для себя правило, которого теперь не отдам за миллионы: *всё в жизни к великому средство*⁹. Это правило можно легко применить как к целой жизни, так и к каждому отдельному обстоятельству! Стоит только спросить у себя: к чему великому или прекрасному оно может быть средством. Этому правилу я уже обязан многими добрыми минутами, и с ним нигде и никогда не пропадешь. Нужды терпеть не буду — я один! Вспомни Эверса¹⁰, и скажешь себе, что бедности нет на свете. Не воображай меня несчастным — у меня есть твое уважение, твоя дружба, воспоминания, друзья, прекрасная цель и твердость! Я буду верить твоему сердцу; это значит, что ты всё употребишь для своего счастья и никогда им не пожертвуешь из воспоминания о своем брате и благодарности за его к тебе любовь! Этой только верности от тебя требую и на этом только условии *всё* обещаю. Я желал бы, чтобы ты была более с собою, с своими мыслями, с своим Фенелоном¹¹; чтобы ты записывала для себя свои мысли, чувства и опыты, так, как это уже начала было делать. Знаешь ли, как это утешительно, особливо тогда, когда бы желал и не можешь кому-нибудь передать сердце. Пусть этот *кто-нибудь* будет бумага — думать и выражать мысли есть облегчение. Я же смотрю на жизнь теперь совсем другими глазами — человек не должен быть несчастлив, если только он может быть добрым! Эверс один на свете и беден! На что будущее?

Вся жизнь в настоящей минуте, посвященной добру! За такую добрую минутою следует другая, ей подобная, — следовательно и счастливая: из минут дни, из дней жизнь, а за жизнью вечность и вместе. Так неприметно, от одной доброй минуты переходя к другой, очутимся вместе с прекрасным прошедшим, в котором также были не розно, потому что были равно добры. Прости. *Persévérance**.

211.

М. А. Протасовой

15 апреля <1815 г. Дертт>

15 апреля

Вчера, в то время, когда ты была у вечерни¹, я прошел вниз и нашел маленьку одну с Сашею. Я говорил с нею опять и искренно. Сказал ей, что не говею² оттого, что она не позволила бы мне ходить в церковь вместе с тобою, и что такого рода осторожность совсем не годится; что я хочу иметь ту же свободу с тобою, как с Сашею; что мне больно теперь бояться и говорить с тобою, и смотреть на тебя, теперь, когда я ей брат; что ей нельзя требовать, чтобы слова были дело, — что я имею искреннее намерение всё переменить, но что переменится всё от постоянства, а не вдруг одним словом, и что для этого нужна с ее стороны помощь; что я всегда замечал, что принужденность только ослабляла меня и что я при ее со мною перемене сам менялся; — окончание разговора было, что тебя *надобно выдать замуж* (это она сказала) — я прибавил: *надобно, чтобы ты была счастлива*.

Послушай, друг! Нет ничего лучше семейственного счастья, и ты должна его иметь. Я одного только боюсь, именно, чтобы не случилось то, от чего я своим пожертвованием тебя хотел избавить. Если тебе сделают насилие и ты выйдешь замуж не только без склонности, но еще и сохранив противное чувство, — и если я еще должен буду этого быть свидетелем — тебе должно освободить сердце для счастливого замужества; отдать себя другому с надеждою, что будешь с ним счастлива, — одним словом, сделать из себя всё то, чтобы быть готовою для семейного счастья! но никак не жертвовать собою! Эта жертва не только бесполезная, но, можно сказать, и преступная. Для чего может быть необходима она! Чтобы иметь эту готовность *быть счастливою* с другим, ты должна приучить себя смотреть на меня другими глазами, видеть во мне брата, друга, который этого же счастья за тебя желает, но для меня же и из уважения к своей должности ты должна стараться, чтобы замужество было для тебя счастьем драгоценным, а не бедствием, с которым ничего на свете не сравнится.

---

* Постоянство, твердость (*франц.*).

Особливо для тебя это бедствие будет несносно! Что же я буду, если за всё, что у меня взято, еще надобно будет быть его свидетелем!

Одним словом, опять имею надежду, что сестра моя будет моею сестрою и что мне дано будет право любить мою Машу и жить для ее счастья. Но я желал бы, чтобы и ты посмотрела беспристрастными глазами, основательна ли моя надежда? Не лучше ли я сделаю, когда с вами расстанусь? Живучи вместе, не будем ли мы только нарушать друг другу спокойствие?

212.

М. А. Протасовой

16 апреля <1815 г. Дертт>

16 апреля

Вчера утро было прекрасное¹. У нас у всех было на душе свободно. Мне кажется, что есть начало той доверенности, которой я желаю и которая одна всё нам дать может. Когда я принес цветы, то *объявил*, что один горшок для тебя, — это не сделало дурного впечатления. Когда делал приготовления к обеду — то их не приняли в дурную сторону. Добрый знак. Вчера еще, без вас, но при ней, побранил я Воейкова, за его стихи ко мне в альбом, в которых он хвастает своею дружбою ко мне, которая будто *гладила меня против шерсти*², и сказал ему довольно резко, что я от него никогда не слышал жестокой правды и что мне совсем не нужно напоминать, что тот друг, который говорит правду, хотя и неприятную. Это не имело дурного впечатления. Но об этих стихах Воейкова ко мне знает моя книга³. Они служат новым доказательством, что он везде хочет быть в виду, всем казаться. И здесь он хотел дать почувствовать, что теперешняя моя перемена есть плод той жестокой правды, которую он мне сказал, — хороший плод хорошего разговора. Я спросил у него, когда он говорил мне такого рода правду? И наперед угадал его ответ. Он отвечал мне: *а третьего дня?* Именно то, чего я ожидал. Это тот день, в который я написал у него в альбоме. Черта негодная⁴. Если бы он знал настоящую причину! Но что ему до настоящих причин? Ему хочется только *казаться!* Не *жить*, а только заставить других думать, что он *живет!* Оставим это. Я не могу быть оскорблен и унижен тем, что могут подумать, что я только потому, что Воейков доказал мне, что надобно *исправиться*, решился на перемену образа чувствовать! Голос и оправдания сердца всего лучше! А ты, моя Маша, мой двадцатилетний Эверс⁵, знаешь, что у меня в душе — чего же более! Можно жить прекрасно! Стоит только теперь стараться о нашем счастье и сказать себе, в чем оно состоит.

Докончу сперва историю вчерашнего дня и нынешнего — а там слова два и о будущем.

Вчера после причастия⁶ ты обняла маменьку, и она заплакала вместе с тобою. Напрасно я взял ее за руку — этим я напомнил ей только о прошедшем. А в эту минуту, если бы она тоже нас понимала, мы бы должны были думать об одном прекрасном будущем и на всю жизнь *друг другу верить*. Мысль, что она не поняла меня, стеснила и даже охолодила мне сердце на минуту — но *persévérance!*^{*} и всё будет. Ввечеру, когда я возвратился домой и нашел вас всех вместе и тебя такую веселую, не знаю, отчего стало мне грустно, — нет! знаю, отчего! Я вообразил, что кто-нибудь другой уже на моем месте, а еще сердце не так привыкло к этой мысли! И поутру проснулся с этою же грустью — но утро всегда возвращает хорошие мысли! Ты не огорчайся, если будешь видеть меня в иные минуты и унылым, и мрачным! Можно ли не быть теперь этим минутам! и они будут еще, может быть, долго! Только не бойся их и для них не переменяй того, что должно быть не на минуту, а навсегда. Когда старое возвращается — я грустен! Эта грусть — верный товарищ эгоизма! Хорошее, доброе, бескорыстное, то, что есть настоящая любовь к моей милой сестре, единственно ее достойная, то всегда весело, ясно и чисто! Я знаю, каков я теперь *быть должен*, — понятие об этом во всякую минуту, и хорошую, и дурную, *одинаково*: но я еще не сделался тем, *что должно*; я еще никак не дошел до той высоты, на которой быть *должно*, — ведь я отказываюсь от тебя не из равнодушия, не из холодности! Дать другое свойство моей привязанности к тебе я должен и решился! Но этого не сделаешь в одну минуту! и ты должна мне помогать! По старой привычке я называю *моим* то, что не должно быть *моим*, или что будет *моим*, но не так, как прежде! Разве я потеряю тебя тогда, когда ты будешь *счастлива* с другим? и счастлива некоторым образом от меня? Нет! милая, поверь, что мое сердце привыкнет предпочитать это счастье прежнему! Только ты будь моею помощницею! Смотри на это так, как мне *должно*; не огорчайся моими тяжелыми минутами! Иди вперед, за тобою и мне будет легко; если же и над тобою что-нибудь грустное будет иметь силу, не поддавайся; всякую противную мысль удаляй от себя, а если трудно, жди, чтобы доброе опять возвратилось, и оно, верно, возвратится, так как я уже это испытал на себе. Жди того, что скажет добрый шептун, который всегда умеет дать бодрость душе. Чтобы грустные минуты не приводили в отчаяние и не мешали бодрости! Это минуты, которые проходят, а доброе не меняется. Когда увидишь меня грустным, думай, что это ненадолго; когда увидишь веселым, знай, что я доволен собою, что в эти минуты наиболее люблю тебя и что в душе у меня светлые мысли о твоём счастье, что я воображаю себя его причиною, что с этой минуты всё низкое пропадает и всё хорошее берет верх! Милый друг, и в грусти и в радости помню тебя — но в грусти я более эгоист; а в радости — я весь принадлежу тебе. По-

---

^{*} Постоянство, твердость (*франц.*).

следнее лучше, и ты должна желать, чтобы последнее сделалось постоянным. Оно дает мне прямое счастье. С *прежним* я не могу ничем заняться. *Последнее*, напротив, оживляет во мне всё; занятие становится и приятнее, и успешнее, а всё хорошее — еще лучше. Прекрасные мысли и чувства теперь имеют еще более цены для меня. Давеча это место в проповеди мне понравилось так, как бы прежде не могло понравиться⁷. Пусть время промчится над их гробами — лишь бы не унесло об них воспоминания! Они живы! Вообразим же, что в прошедшем умерло для нас только то, что не должно жить всегда; но чистое, вечное осталось! Пусть проходит время — оно не умертвит того, что вечно! Оно живо! Мы живем для другого и лучшего! Расставшись во всё том, что не должно быть нашим *вместе*, мы ближе друг к другу в том, что теперь прямо *наше*. Теперь прекрасное состоит для нас в побеждении себя. Для тебя *победить* себя — значит всё сделать для своего счастья и совершенно увериться, что в нем и *мое*, следовательно приучить себя думать об нем так, как бы ничего прежде не было. Для меня победить себя — значит совсем не иметь *прежних* желаний и надежд, всё, что было вдвоем, передать тебе одной — одним словом, жить в будущем за *тебя*. О! в этом будущем много прелестного! Разве трудно желать его и надеяться с такою же живостью за одну тебя, как прежде за нас двоих! Не отыми же у меня этой надежды и будь мне в ней товарищем. *Средство* к этому прекрасному есть искреннее пожертвование тем, что ему противно! А чтобы было пожертвование, нужна твердость! нужно, чтобы мы друг с другом были согласны. Я уже сказал, в чем твое счастье, и ты должна в этом себя уверить! Не думай никак, что, желая его, ты нарушишь любовь и ей изменишь! Напротив, теперь изменю будет, если будешь делать не то, что должно! Ты должна иметь прекрасные надежды, ты стоишь того, чтобы они были исполнены, а для меня не должно ли быть счастьем, когда они исполнятся! Что же касается до моего собственного, то и об это^м ты должна иметь мои же понятия! Ты говорила маменьке, что желала бы видеть меня отцом семейства; милая, я могу прожить без этого⁸ — мне же надобно *искать самому*, а тебя, напротив, — *искать будут!* Это большая розница! И мое положение совсем другое, чем твое, — я имею занятия, имею круг действия; для тебя же другого нет, как в семействе. Но главное, чтобы ты была счастлива в семействе. Этого-то счастья хочу, чтобы ты надеялась, этого счастья желал бы тебе дать — сколько еще много мне останется! Мысль, что ты всё имеешь, твоя дружба, работа полезная и одобрение сердца.

Прошу всё это переписать и так, как переписана прежняя голубая книжка, — то есть страница твоя, страница моя⁹. Себе не так верю, как тебе. А то, что скажешь мне ты, то будет свято; я буду тогда тверд и всё исполню. С этой минуты я твой друг, твой брат — и в этом *persévérance*^{*}.

---

* Постоянство, твердость (*франц.*).

Вот тебе и тетрадка, в которую переписать.

Назначить *правила* обхождения с каждым особенно, с маменькой, Воейковым, тобою и — с собою.

NB. Я никогда не говорил Воейкову, что ты мне сказала о Красовском; он солгал¹⁰; он поступил с тобою, как полицеймейстер с колодником; — мое *NB* стерто! Видно, он его видел¹¹.

213.

М. А. Протасовой

20 <апреля 1815 г. Дерпт>

20 <апреля>. Мне не должно оставаться в Дерпте¹ — это будет и моею, и Машиною погибелью. Подале от них — в этом слове и свобода, и добродетель. Милая Маша, решившись всем пожертвовать, я думал, что сделаюсь точно твоим братом, — счастливить тебя, быть с тобою искренним, делиться с тобой мыслями и чувствами было бы для меня большим вознаграждением! Я привык бы к этому новому положению, разумеется, не вдруг, а мало-помалу. Я чувствую, что для меня со временем было бы возможно все свои надежды передать тебе и для себя оставить одну только радостную мысль, что я способствовал к твоему счастью. Делая свое пожертвование, я думал, что поступаю согласно с тобою, что и тебе так же, как и мне, легко будет на него решиться; в этом уверил меня и первый твой ответ на мое письмо, и то, что ты написала на мое письмо к маменьке². Думая, что ты согласна на всё, что ты желаешь и прежде этого желала, мне легче было забыть о себе совершенно — теперь вижу, что тебе это так же трудно, как и мне! Это удваивает для меня собственную мою тягость. Если бы <мы> могли жить непринужденно друг с другом — я мог бы надеяться и на себя, и на тебя. Возвратить спокойствие твоему сердцу было бы делом дружбы: мы бы сделали друг друга счастливыми. Мы бы согласили свои мысли и чувства с тою должною, которую взяли на себя, — словом, мы бы были добродетельны *вместе*. Но порознь это невозможно. Что ни делай над собою, ничто не устоит против подозрения. Меня угощают приятно наружностью — а в сердце, из которого, как из бездны, ничто не выходит наружу, всё старое. Это *старое* невольно обнаруживается в некоторых словах, к которым привязаться нельзя, но которые показывают ясно всё то, что служит им основанием. Хотят от меня братских чувств, а их ко мне не имеют — как же я могу иметь, принужден будучи еще победить такое чувство, которое так долго было им противно, которое мне дорого, которого не считаю и никогда не сочту преступным. Мне говорят, что хотят и считают нужным делать мне напоминание, то есть держать над моею головою розгу, чтобы я как-нибудь не забылся, — самое верное средство заставить меня не забыться, а всё свободно нарушить. Против любви и доверенности я не сделаю шагу.

Унизительное подозрение я сам готов буду растоптать. Между тем Воейков из сообщника сделался шпионом — он за нами присматривает; что услышит от меня искреннего, то пересказывает, чтобы там показать, что он хранитель семейного спокойствия! Но пересказывает не при мне, а наедине, и это видно только по тому действию, которое имеет оно на обращение со мною. Два дня я брат, а десять дней я враг. Когда Воейкову угодно шутить со мною своим дурацким образом, то сердятся, что я отвечаю ему в его тоне, ему говорят при мне, зачем он подвергает себя моим ответам. Когда же скажу ему просто, чтобы он перестал говорить глупости, которые скучны и неприятны, то меня же обвинят в капризе, потому что всё это пересказано наедине и своим образом. Одним словом, тьма мелочей, которым нет имени, которые для них незаметны, но все вместе или одна за другою действуют сильно и разрушают всякую силу и бодрость. Нечувствительно дойдет до того, что наша решимость пропадет, что мы сами себе изменим — причины будут существовать, но кто их заметит! Вина будет явная, основанная на документах³: слово дано, а по словам Воейкова Е<катерина> А<фанасьевна> всё со своей стороны сделала, что она довела до вины, того не будет видно. Опять нас во всё осудят, опять мне Воейков, с своим обыкновенным бесстыдством, скажет, что я *обманул*, — что ж буду отвечать! Эти люди так же строги, и так же слепы, и так же нечувствительны, как закон уголовный, который осуждает по документам и не входит в разбор тайных и самых сильных причин. Они же судьи в своем деле — чтобы оправдать, надобно обвинить себя. Для этого не имеют они нужных качеств. При таком унизительном принуждении можно ли отвечать за себя! А если еще принужден будешь сам себя признать виноватым, что останется в утешение! Извне тяжелые обстоятельства; а в самом себе мрачное чувство! Одним словом, погибель всего, что есть теперь наше счастье! Нет, милая Маша, наконец, воспользуемся многократным опытом и будем недоверчивы к обольщению минуты! Скажем себе решительно, что от них ожидать ничего невозможно, и предупредим обвинение собственного сердца. Ты говоришь мне: называй чаще ее сестрою! Милая, ты написала это не подумавши. Ты даешь мне роль Воейкова. Я могу сказать святое слово *сестра* не иначе как с тем только чувством, которое с ним неразлучно. Употреблять это имя, как одно только средство, так, как некогда Воейков употреблял *Религия*⁴, как средство получить то, что мне нужно, — я не могу, если бы и хотел. Сказать твоей матери *сестра* есть для меня чувствовать, что я имею всё счастье брата, что она мне верит, что она мне вверяет и тебя, что я имею с тобою всё счастье друга и брата.

Есть ли здесь что-нибудь на это похожее? всё напротив! Как же называть ее сестрою? Это было бы святотатство! Если же ей нужны одни слова, то мне ими довольствоваться невозможно. На одной из страниц Делилевых садов, исписанных замечаниями Воейкова⁵, стоит: *16 марта. Приезд Жуковского в Дерпт;*

на другой: *от десятого февраля до двадцатого марта был совершенно счастлив. Воейков*, за этим следуют подписи маменькина: *и я*, Сашина: *и Саша*, и твоя: *и Мария*. Я выставил карандашом свое NB. Эти две надписи служат новым доказательством, что здесь всё одни слова, всё одна наружность. Будь только *вид*, до *дела* нужды нет. Сердце у меня стеснилось, когда я всё это прочитал. Воейков подписал свое имя с искренним чувством. Надобно только понять это истинное счастье, чтобы поверить, что он не лгал, и чтобы ему не позавидовать. Для своих физических нужд он всё имеет; а сердце его нужды не знает — следовательно у него есть всё. На лекциях были генералы⁶; их же никто не понимает, и все верят, что они хороши; и прочее и прочее. Маменька, увидя подпись, ей поверила, и как же не поверить, когда стоит на бумаге: *совершенно счастлив*. Это трогает душу; Саша, верно, подумала о тебе, верно, в душе у ней было такое чувство, которое не совсем согласно было с тем, что пишет рука, но как же было не написать, своим же собственным положением она довольна! У ней есть душа прекрасная, которою она всё украшает! Но я уверен, что ей было несколько и грустно. Но ты, Маша, с каким чувством это написала! У тебя всё взято, ты же должна говорить: я счастлива совершенно, и те, от которых зависит твоя судьба, этим довольствуются, этому верят и радуются твоим счастьем, в котором не может и не должно уже быть недостатка, потому что ты написала: *я счастлива совершенно!* Вот семья, составленная из четырех человек, из которых каждому всё известно (или, по крайней мере, должно быть известно), что происходит в душе у другого, и которые играют друг перед другом комедию, один против воли, а другие потому, что иного и делать не умеют, и между тем еще сами себя хотят уверить, что это не комедия, а что-то в самом деле. И таким это будет вечно. Что в таком кругу притворчивом сделает простодушие! Оно вечно потеряет, вечно будет иметь наружность несправедливости. Им будут пользоваться, чтобы над ним же торжествовать. Все эти записки, разметанные по книгам, которые всякий нечаянно видит и прочитать может, имеют что-то весьма подозрительное. Хочется другим открыть свое чувство и между тем остаться в стороне, чтобы возбудить бóльшую к нему уверенность.

Помнишь ли, что написано было на Геснере⁷ и к чему я подписал карандашом: *всё притворство!* Там стояло: *несчастье и опыт Авдотьи Николаевны будут счастьем и опытом для Саши; после матушки, она ей лучший ментор, нежели я и Маша*. Тогда это меня поразило не потому, чтобы я знал уже всю связь его с Авд<отьей> Ник<олаевной>⁸, но потому, что я знал его образ мыслей насчет маменьки⁹. Если бы это написано было для себя одного, то он не поставил бы *после матушки*, о которой он поговаривал не с большим уважением, — итак, это было написано для того, чтобы матушка прочитала, и для того, чтобы и она согласилась, что А<вдотья> Ник<олаевна> есть обреченный для Саши ментор. Но что же сказать теперь, когда мы знаем, что такое Авд<отья> Никол<аевна>,

когда знаем их бывшую связь и когда видели, с каким презрением этот *прежний ангел, этот необходимый ментор* забыт. Что сказать о его сердце, когда он так равнодушен к той, которую обожал до женитьбы. Это не значит, что надобно бы было сохранить связь. Но спрашиваю, в чем состояла эта связь. Кто был ангелом в одно время, тот будет ли чертом в другое. Теперешнее презрение служит ужасным обвинением прежнему обожанию. Но дело не о том. Эти записки не иное что, как обман, и самый тонкий. Обман во всём смысле этого слова, то есть *притворство с целью, для чего-нибудь*. Тогда это было написано для того, что он имел намерение переселить ее к нам в дом. И сколько мелких обстоятельств, обнаруживающих характер, приходят мне теперь на память. Помнишь ли, как он описывал ту радость, с какою приняла А<вдотья> Н<иколаевна> его известие о помолвке и как все в Рязани¹⁰ дивились этой радости, которая есть самое сильное доказательство, что слухи ложные. Можно ли говорить такие вещи свободно? с видом искренности? А когда я сказал ему, что Мерзляков говорил мне о его связи с Ав<дотьей> Ник<олаевной>, что он отвечал? *Мерзляков подлец, и клеветник, и пьяница!*¹¹ То же, что теперь писал в письме к Каченовскому¹² и чем радовалась так маменька! Чтобы поддержать свою ложь, он клеветал на своего самого короткого друга, именно в ту минуту, когда называл его *клеветником*. Имеет ли над сердцем его какую-нибудь власть голос совести! В этом ответе для меня две ужасные вещи: решительное, холодное притворство и желание только *казаться*, не заботясь о том, чтоб *быть*, и другое: готовность пожертвовать всем святым для достижения своей цели. Тогда я имел безумство поверить. Но теперь, когда прочитал то же самое в письме к Каченовскому, сердце поворотилось. И на это письмо сделать можно много замечаний. Но оставим грязь и возвратимся к прекрасному. Милая Маша, скажем решительно друг другу, что наше прекрасное в разлуке — нам не дадут быть добродетельными, и мы даром отдадим всё свое лучшее. В слове разлука — и свобода, и добродетель, и всё нам возможное счастье. Что выигрываем мы, живучи вместе, — только то, что делает жестокою разлуку. Неужели значит быть *вместе* — видеть друг друга и не иметь способа сказать друг другу искреннего слова; значит ли быть вместе — страдать, не облегчая друг другу страдания? Значит ли быть вместе — затруднять друг для друга исполнение обязанностей? Значит ли быть вместе — напоминать только друг другу своим присутствием, что мы во всём разлучены и что для нас ничего общего никогда не будет! Милая, не бойся этого слова: разлука! Оно благодетельное теперь для нас слово! Оно мне, по крайней мере, всё *мое* возвращает! Спрячемся в глубину своего сердца, там наше *всё* — спокойствие, верная дружба, свобода чувствовать, желание прекрасного, твердость в достижении к нему, энтузиазм, доверенность друг к другу и к самим себе. *Вместе* мы не воспользуемся никаким средством к прекрасному — у нас оторвут руки, если мы их к нему протянем. *Розно* — мы

свободны и жизнь совершенно наша. Надобно только переменить об ней понятия. Я когда-то написал: *счастье не состоит из удовольствий простых, но из удовольствий с воспоминаниями*, и эти удовольствия сравнил я с фонарями, зажженными ночью на улице; между ними есть промежутки, но эти промежутки освещенные, и вся улица *светла*, хотя не вся составлена из света¹³. Так и счастье жизни. Удовольствие — фонарь, зажженный на дороге жизни, воспоминание — свет, а счастье — ряд этих прекрасных воспоминаний, которые всю жизнь озаряют. Вот тебе истолкование Дуняшиной печати¹⁴. Надежда — пустое слово. Оно прекрасно только для неопытности, которой жизнь неизвестна. Тогда вся прелесть этого слова заключена в его непостижимости. Но что же надежда — беспокойное, иногда сладостное ожидание чего-то в будущем. Такое ожидание более вредно, нежели полезно. Оно уничтожает настоящее. Если оно весело, то делает к нему равнодушным; если печально, то отравляет его. Позабудем о будущем, чтобы жить так, как должно. Милый друг, пользуйся беззаботно настоящею минутою, ибо одна только она есть средство к прекрасному! Зажигай свой фонарь, не заботясь о тех, которые даст Провидение зажечь после; в свое время ты оглянешься, и за тобою будет прекрасная, светлая дорога! Между настоящею минутою и неизвестным пределом жизни поместим не надежду, а Провидение. Переходя от одной хорошей минуты к другой, нечувствительно дойдем до этого предела, за которым верное, прекрасное будущее! Об нем думать можно без волнения — оно не мешает жизни! Но здешнее будущее есть настоящий враг всего прекрасного! Что в нем? Приходит ли оно когда-нибудь таким, каким мы себе его воображаем! На что же ему верить и об нем заботиться! А прошедшее пускай идет с нами рядом! *Il ne faut pas s'avancer dans la vie, en détournant la tête, comme nous écrit Annette*^{*15}. Надобно сделать из прошедшего своего товарища. *Для сердца прошедшее вечно*¹⁶, а наше с тобою прошедшее есть самый необходимый друг наш! С ним только будет для нас и настоящее прелестно. Уверяю тебя, что у меня теперь на душе так ясно, как никогда не бывало. Мне везде будет хорошо: и в Петербурге, и в Сибири, и в тюрьме, только не здесь, где не дадут мне ничего доброго исполнить и где я только разрушу твое спокойствие. Безумство воображать, что человек зависит от места. Петербург полон людьми, которые меня знают, и там есть, верно, Эверсы¹⁷; а Тургенев по своему сердцу мой верный товарищ! Нет, друг милый, я буду работать с энтузиазмом — во всякую минуту жизни можно быть *человеком*. Здесь только эти минуты, которые можно употребить на добро, будут посвящены только на то, как бы предостеречь себя от зла! И что же, если и то не удастся!.. Впрочем, если петербургская жизнь не будет мне сносна — есть Долбино и Мишенское! Ты хотела мне закричать вслед: *поезжай в Долбино!* Может быть, и послушаюсь. Где бы я ни был, везде у меня

---

* Не нужно идти по жизни отвернувшись, как нам пишет Аннета (франц.).

будет хорошее настоящее и свобода им воспользоваться; прошедшего никто у меня не отымет — а будущего не надобно. Одно только условие! Не дай собою пожертвовать! Чтобы твой друг, твой брат не мог никогда упрекнуть тебя, что ты добровольно истребила всё его счастье! Напротив, если будешь счастлива каким бы то ни было образом, то это будет мне же наградою! Нас не разлучит ничто! Быть счастливою для тебя — значит пользоваться тем, чего ты достойна, и быть его достойною. Разве это может разорвать твой союз со мною.

214.

М. А. Протасовой

22 апреля <1815 г. Дертт>

22 апреля. Что значит для меня *стараться выдать тебя замуж*¹, как я это обещал, и обещал искренно? Получить полное право располагать наравне с твоею матерью твоею судьбою и дать тебе с другим такое же счастье, какое желал бы дать с собою! Знаешь ли, что эта мысль несколько времени меня радовала! Я думал, что я найду человека, тебя достойного; что я помогу тебе возвратить покой душевный, что ты и этим счастьем будешь обязана мне же. Я мог бы смотреть без ревности и без зависти на человека, которого сам бы для тебя нашел, и уверение, что всё сделано мною для тебя, было бы и подпорою моею, и наградою! Я же был уверен, что ты с своей стороны готова быть со мною согласна и что стоило бы нам быть искренними, откровенными друг с другом, чтобы всё привести в порядок. Помнишь ли одно выражение твое: *marîée ou non marîée, je conserverai toujours le même sentiment*^{*2}. Признаюсь, сначала, когда я это прочитал, у меня сердце невольно стеснилось; как! ей самой уже кажется *возможным* замужество! Но после это же дало мне бóльшую твердость! Так и должно (подумал я), легче будет всё исполнить. Но теперь кажется мне, что ничего нельзя исполнить! Ибо что для них значит *обещание мое помочь выдать тебя замуж*! Не иное что, как обещание быть немым свидетелем, когда захотят тебя бросить в руки первому, который представится с какими-нибудь выгодами или даже и без выгод. Советовать и противоречить мне будет нельзя!³ Мое противоречие и совет истолкуют иначе и заставят меня молчать, напомнив мне мое обещание! Я буду рабом, и в то же время сам принужден буду смотреть, как бездушный Воейков, без всякого к тебе участия, будет продавать твоё счастье! Ведь надежда, данная Красовскому, не есть ли торг?⁴ Итак, в этом моем обещании, которое имеет для меня такой прекрасный смысл, есть не иное что, как жестокая для меня неволя; то, что я считал средством *предохранить тебя*, не послужит мне ни к чему, и я буду только запутан в цепи. С именем брата

* Замужем или не замужем, я всегда сохраню то же чувство (франц.).

я думал получить одинакие права с Воейковым — напротив, и теперь я в зависимости от него же. И он же выставляет себя всегда вперед. Он хочет уверить, что я всё сделал по его советам; во всё вмешивается, но не так, как друг, а как человек, которому хочется играть первое лицо. Если бы у него была душа и искренность, как бы ему теперь легко было всё сделать прекрасным, не хвастать этим, а действуя для общего счастья, из одной дружбы. Напротив, он уверяет маменьку, *что она всё сделала*, что мне остается еще и это заслуживать; что я говорю с ним наедине, пересказывает ей; шпионствует и тому подобное. На его советы ехать к Дуняше я отвечал грубо; признаюсь, мне не хотелось дать ему права сказать, как всегда, что я поступал здесь по его советам! На что давать повод к новым стихам в альбом⁵. Он мне отвечал: *ты серддишься, когда я говорю, серддишься, когда я шучу, серддишься, когда молчу*. Говори, когда нужно, и от сердца, тогда я и сердиться не буду. Одним словом, против этих людей правым быть невозможно. Я спрашиваю, Маша, довольна ли ты нашим положением? и можешь ли ожидать в нем перемены! Лучшего ждать нельзя, а то, что есть, куда годится? Впрочем, может быть, ты смотришь на это другими глазами!

Не желать ничего страстно?⁶ Этого нельзя себе сказать заблаговременно — надобно испытать жизнь, чтобы наконец это подумать, а, подумав, исполнить! Я ничего не желаю страстно — я имею доверенность к Промыслу, соединенную с терпением. Желать страстно — значит вмешиваться в его правление! *Стоить* — вот дело человека.

Il faut mettre, à la place de l'espérance qui trompe presque toujours, la providence qui ne trompe jamais — alors tout devient conséquent dans la vie! on sait d'avance le mot de l'énigme! Il n'est autre chose, que: *mériter**.

215.

А. П. Киреевской (Елагиной)

<Конец апреля (не позже 28-го) 1815 г. Дерпт>

Вы пишете, милая моя и добрая сестра, или, лучше всего, друг, чтобы я дал Вам совет, которому Вы последуете с точностью, — вот что пугает меня — дать такой совет, которому непременно последуют, — значит дать непременно совет хороший! Как же себе поверить, особливо в таком деле, в котором я худой советник! Милая, как мне в эту минуту жаль, что я не имею всемогущества; дал бы себе опытность, дал бы себе знание дел и явился бы у Вас в Долбине, опе-

---

* Вместо надежды, которая обманывает почти всегда, нужно положиться на Провидение, которое не обманывает никогда, — и всё станет последовательно в жизни! разгадка известна заранее! Это не что иное, как: *жить достойно (франц.)*.

куном Ваньки, Петруши и Маши. *Revenons à nos moutons**. Одна половина Вашего плана мне понравилась: жить своими доходами, не тратить ни копейки более своих доходов, предоставить управление детскими деревнями верному человеку и чтобы он имел возможность всё привести в порядок, дать ему полномочие и для этого самой уехать — всё это прекрасно; но вопрос, кто этот человек, которому можно дать полномочие? Вишнякову можно ли дать доверенность? Он уже, как Вы сами пишете, показал себя и с дурной стороны!¹ Как же оставить его господином Вашего имения! На это не могу сказать ни да ни нет! потому что не смею! и выходит, что я не даю никакого совета! Мне пришла было в голову вот такая идея: привязать Вишнякова к Вашим выгодам его собственными выгодами! Например, сделать с ним условие, что он непременно по окончании опеки, и если опека будет такова, как должно, получит от Вас из Вашего собственного имения 100 душ — эта надежда иметь наконец верное состояние была бы для него поощрением употребить всё внимание на управление деревнями! Но вопрос, стоит ли Вишняков такого пожертвования! Может быть, со всею доброю волею он не в состоянии ничего сделать. Вот другая *мысль*: *найти хорошего управителя* (о чем можно похлопотать и здесь, и в Петербурге) и дать ему для поощрения ту же надежду на 100 душ; он бы занимался делами хозяйственными, а для надзору за ним и для сохранения порядка в делах по опеке назначьте меня опекуном. Я не думаю, чтобы это была такая тарабарская грамота — нужна только заботливость, добрая воля и точность. Всё это можно иметь, если только захотеть; люди управляют государствами, а мне не управиться с бумагами опекунскими — этому я плохо верю. Но только надобно непременно, чтобы был человек, который бы имел в полной власти хозяйственное распоряжение и его разумел. Тогда всё, что мне останется сделать, будет безделица; в короткое время могу получить весь нужный навык — стоит только захотеть, а я захочу верно. Для безопасности же моей надобно иметь и другого опекуна, который был бы только свидетелем, не был бы принужден иметь забот, но, по крайней мере, видел бы, как всё делается, и помогал хотя советом — для этого можно взять только как опекуна Василья Николаевича². Приказчика здесь найти можно; вчера я видел одного, за которого ручается такой человек, за которого я ручаюсь. Но он требует ужасно дорого. Если ему дать надежду на 100 душ, то это будет лучше всякого жалованья и тогда, разумеется, он должен будет взять втрое меньше. 100 душ можно отдать за сохранение 1 000. Он человек умный; не знаю, хороший ли хозяин — но в этом случае надобно верить тому свидетельству, которое дают ему здесь знающие люди; за честность его ручаются. Одним словом, он или кто другой был бы настоящим хозяином и на его руках лежало бы всё главное дело; я был бы опекуном, в первый год довольно

---

* Вернемся к нашим баранам (*франц.*).

худым, во второй лучшим, а в третий прекрасным и наконец совершенным; Василий Николаевич был бы моим дядькою, сторожем, советником и прочее; а Вы бы, милостивая государыня, сперва оставили бы нас в покое, то есть уехали бы из Долбина в Дерпт, дабы развязать нам руки, дать всем всё привести в порядок, жили бы своими доходами, получали бы только нужные на воспитание деньги, занимались бы усердно и без разделения тем только, чем заниматься должны, — воспитанием детей, которым, что ни говори Елена Ивановна³, Вы еще нисколько не занялись, хотя и прочитали M-me Edgeworth⁴ и пр. и пр. Потом на готовое, на приведенное в порядок, возвратились бы домой, и дело Ваше состояло бы в том, чтобы не расстроить то, что устроено. Не знаю, может ли быть таким приказчиком, какого мне надобно, Вишняков; об этом потолкуйте с сестрами; знаю, что и я худой опекун quant au présent*, но я думаю, что с доброю волею и доброю помощью можно сделаться скоро тем, что должно. Ведь я же принужден теперь пойти в службу — почему же служба (какая бы она ни была, а я еще никакой не знаю) легче опекунства? В службе же своя одна выгода — cela ne me tente pas et cela ne me donnera pas toute l'activité nécessaire!** А здесь — польза настоящая милых моих друзей! Поневоле из кожи вон полезешь! Одним словом, если будет хороший приказчик и если будет Василий Николаевич или подобный ему другим опекуном, то я готов! Вас же прошу за меня всё обдумать — я еще не имею полного понятия о всех опекунских обязанностях! Но ведь это не *more व्यथित*! Нужны только bonne foi, courage et résolution***. С этими тремя вещами всё на свете делается. Правда, не надобно забывать и того, что против этих трех прекрасных вещей лукавый часто строит свои козни, — но думаю, что когда будет идти дело не о *своих выгодах*, а о настоящих своих, то есть о *выгодах милых людей*, то будешь поневоле и тверже, и осторожнее, и деятельнее — будешь действовать с большим хладнокровием; сердце будет служить уму, а не ум сердцу. Вот всё, что я хотел отвечать на Ваш запрос, — лучшего придумать не умею. На остальное Вашего милого письма буду отвечать много, много из Петербурга⁵. А Вас прошу отвечать мне на следующие пункты в Петербург, на имя Тургенева, живущего на Фонтанке, в доме князя Александра Николаевича Голицына⁶, близ дому военного министра. Искать ли для Вас приказчика? Держать ли на опекунство — об этом переговорить со всеми, с кем говорить можно.

Но лучше всего, не приехать ли мне в июне или в июле месяце к Вам?⁷ Всё учредить и устроить, entendu, que nous sommes des têtes bien réglées, bien posées****. Но еще NB! имея на руках опекунство, Вам и думать не должно о поездке в Дерпт.

---

* Что касается настоящего (франц.).

** Это меня не прельщает и не даст мне необходимой деятельности (франц.).

*** Добросовестность, смелость и решимость (франц.).

**** Ясно, что мы люди благоразумные и положительные (франц.).

Полно жертвовать минутам! Это обыкновенная моя с Вами песня. Прошу отвечать мне немедленно. До получения Вашего письма я ничего не решу с собою в Петербурге.

Вот две полные страницы, но я не знаю, есть ли в них здравый смысл, но поверьте, в них есть здоровое сердце, которое готово быть хоть *умом*, лишь бы только на что-нибудь пригодиться на здешнем свете.

Простите до Петербурга. Обнимите наших сестер. Пришлите моего Шиллера⁸. Поцелуйте обе ручки у милой Марьи Алексеевны⁹. Напомните обо мне хорошенько Елене Ивановне. Детей целую. Ваньке пришлю свой портрет¹⁰, и скоро.

216.

А. П. Киреевской (Елагиной)

<Конец апреля 1815 г. Дерпт>

Вот еще мысль не моя, а тетушкина¹ и потому лучшая: Вы прикажете заложить ту карету, в которой четыре колеса, не стоящие и двух; сядете в нее, велите Василью ударить по лошадям; он ударит, лошади не пойдут; вы потерпите часок-другой; потом поплететесь шагом в Белев к Карлу Яковлевичу², и следует такая сцена.

Лакей Аполлос. Дома ли Карл Яковлевич?

Девка. Дома! Готовит слабительное для Андрея Николаевича³

Авдотья Петровна. Скажи, что я приехала!

Карл Яковлевич (потирая руки). Здравствуйте, милая Авд<отья> Петровна!

Авд<отья> Петровна (кланяясь). Я с нуждою к Вам, любезный Карл Яковлевич! И с большою нуждою.

К<арл> Я<ковлевич>. Разве у Вас в Долбине нет места?

А<вдотья> Петр<овна>. Есть! да нечисто. Но я не о том, мой милый Карл Яковлевич! Послушайте! Я опекунша моих детей, а мне еще самой нужна опека. Посему и желаю переменить опекуна! Для этого нужен человек честный — Жуковский не вор, не пьяница, но глуп! Вы умны! Один опекун будет он — то есть для того, чтобы всё писать, везде ездить, везде хлопотать по делам! а другим опекуном будьте Вы — чтобы ему советовать, над ним надзирать и с ним вместе проверять счета и их подписывать! и прочее. Хлопоты же хозяйственные будут вверены хорошему приказчику — он будет у вас двух под надзором! Сверх того, все те выгоды, которые соединены с опекунством, Вы будете иметь, что будет весьма выгодно самим Вам, ибо Ваше состояние ограничено; даже и то, что Жуковский получил бы как опекун, Вы можете взять себе же. Я знаю его! Он питается эфиром! и пьет медвяную росу.

217.

М. А. Протасовой

28 апреля <1815 г. Дерпт>

28 апреля

Милая моя волшебница! Прочитав то, что ты мне написала, я стал весел, бодр — горя и следу нет. Между тем мы с тобою растаемся! Что *будет* вперед, неизвестно! Но нам теперь до *будет* дела нет! Настоящее и прошедшее — вот наше! А оно у нас есть и, право, самое богатое. Мы выдержали много испытаний, если иное и можно бы опорочить, то всё в целом хорошо! Не надобно надежды — на что этот обманщик, который мешает быть добрым? Сама вообрази, может ли быть что-нибудь для нас дурного? Те, которые нам вредят, или, лучше сказать, вредили, сами несчастнее нас! Им у нас отнять теперь нечего — а что они в своем сердце? Захотим ли быть на их месте? Я говорю: *те* — нет! Это несправедливо! *Тот!*¹ Милая, твое письмо помирило меня с маменькою! Я опять чувствую к ней нежную благодарность — она за тебя заступилась. Мой отъезд свяжет это крепкими узами, и она будет самым усердным твоим защитником — теперь в этом я уверен. Прочитав твое письмо, я сошел вниз и от души пожал ей руку — она несчастна! Несчастнее нас в иные минуты! Поверь, милая, что теперь тебе будет легко быть с нею искреннею! А я, будучи от нее далеко, буду ей дороже; она, может быть, отдаст мне более справедливости, и уже ничто не будет ей мешать меня любить. Мысль, что она тебя защищает, дает мне большое спокойствие; привязывает меня к ней, и в эти два остальные дня, которые пробуду я с вами, мне будет легко ее любить.

За себя уже нечего досадовать — прошедшему забвень! а в будущем вижу в ней одну твою защитницу! Будь я с вами — она будет меня бояться! Будь я далеко от вас — она будет видеть всё наше пожертвование, отдаст нам справедливость, и если не открыто, то втайне будет одно с тобою ко мне чувствовать — вот еще благодетяние разлуки! Вы будете понимать друг друга! молча будете обо мне говорить!

Переписываю то, что тебе надобно:

Что нам до той пустыни, в которой наш голос раздается?² Не ей нас слышать! А слышит нас Бог! Милая Маша, скажем решительно друг другу, что наше прекрасное для нас теперь в разлуке — нам не дадут быть добродетельными, и мы даром отдадим всё свое лучшее, свою привязанность друг к другу, которая *здесь* потеряет всю для нас прелесть и все свои отрады. В слове: разлука — и свобода, и добродетель, и все наши утешения. Надобно было всё то испытать, что мы испытали, чтобы живо почувствовать, как это справедливо. Что выигрываем мы, будучи вместе? Самое то, что делает разлуку несносною, *чувство, что*

мы розно; расставшись, напротив, мы возвратим себе ободрительное уверение, что мы вместе и мысляю, и сердцем, и жизнью! Розно это чувство, это уверение нам запрещено не будет. Неужели значит быть вместе — видеть друг друга и не иметь способа сказать друг другу искреннего слова! Боже мой! тебе и мне бояться говорить друг с другом и кого же бояться — Воейкова! Неужели значит быть вместе — страдать, не имея способа облегчить друг другу страдания? Значит ли быть вместе — затруднять друг для друга исполнение обязанностей? Значит ли быть вместе — напоминать только друг другу своим присутствием, что мы розно? О нет! мы можем быть вместе без этого жестокого напоминания: вместе одним добрым чувством, воспоминанием, добром, желанием хорошего, верою друг в друга! В какое время жизни и где ты будешь не со мною? Здесь только это невозможно! Милая, не бойся этого слова — разлука! Я вижу теперь в ней благодетельного ангела! Она и мне и тебе всё *наше* возвращает! Скроемся в глубину нашего сердца — там наше *всё!* всё спокойствие, верная взаимная любовь, свобода чувствовать, желание прекрасного, твердость в достижении к нему, энтузиазм, доверенность друг к другу и к себе самим — вместе мы не воспользуемся никаким средством к прекрасному — у нас оторвут руки, если мы их к нему протянем. Розно мы свободны, и жизнь совершенно наша. Я когда-то написал: *счастье не состоит из удовольствий простых, следующих просто одно за другим; но из удовольствий с воспоминанием*, и эти удовольствия сравнил я с фонарями, зажженными на улице ночью, — между ими есть пустые промежутки, но эти промежутки освещены, и вся улица светла, хотя не вся составлена из света. Так и счастье жизни. Удовольствие — фонарь, зажженный на дороге жизни, воспоминание — свет, а счастье — ряд этих прекрасных воспоминаний, которые все сливаются в одно общее тихое ясное чувство и которые всю жизнь озаряют. Чем чаще фонари — тем светлее дорога!¹³ Я сказал *надежда лишнее!* лучше сказать: *надежда пустое, вредное слово*. Это слово имеет прелесть для одной неопытности, для которой эта прелесть заключена в недостижимости этого слова. Что такое надежда? Ожидание чего-то в будущем? всегда неясное? часто беспокойное? Часто и веселое! такое ожидание более вредно, нежели полезно! Оно всегда уничтожает настоящее. Если весело, то делает к настоящему по крайней мере равнодушным; если печально, то его отравляет. Позабудем о будущем, чтобы жить как должно! Милый друг, пользуйся настоящею минутою, ибо она только есть средство, и самое верное, к прекрасному! Зажигай *свой* фонарь, не заботясь нимало об тех, которые удастся зажечь после. В свое время ты оглянешься, и за тобою будет прекрасная светлая дорога — между настоящею минутою и неизвестным пределом жизни поместим не *надежду*, а *Провидение*. Переход<я> от одной хорошей минуты к другой *нечувствительно*, дойдем до этого предела, за которым верное, прекрасное будущее! Об этом будущем можно думать без сомнения — оно не мешает жизни. Но здешнее будущее есть

настоящий враг всего *прекрасного!* Что в нем! Приходит ли оно когда-нибудь таким, каким мы его себе воображаем? На что же ему верить и об нем заботиться? а прошедшее пускай идет с нами рядом. Il ne faut pas s'avancer dans la vie en détournant la tête, mais il ne faut pas du tout attacher ses yeux sur un lointain incertain! Tout cela empêche de *voir autour de soi**. Надобно иметь в прошедшем верного, доброго товарища настоящему. *Для сердца прошедшее вечно*⁴ — а наше с тобой прошедшее есть самый необходимый друг наш. Только с ним будет и настоящее для нас прелестно. Уверяю тебя, что у меня теперь на душе так ясно, как никогда не бывало. Все проклятые цепи, мешавшие всему доброму, сброшены; я остался с моею чистою вечною к тебе привязанностью, с доверенностью к жизни, в которой уже ничего дурного быть не может (одна мольба: не укради!), с беззаботностью о будущем и с твердою привязанностью к настоящему, которое не иное что, как желание употребить его на прекрасное. Поверь, что мне всегда будет хорошо — в Петербурге, в Долбине, в тюрьме, — только не здесь, где не <нрзб.> со всеми, где я не в силах буду ничего доброго сделать, где все наружности будут против меня, где мы же будем обвинены при самых прямых намерениях и мыслях, где и к самим себе доверенности иметь невозможно. Тебе же без меня будет здесь спокойнее — и с собою, и с ними: не нужно будет ничего таить! Полная независимость! Маменька сама будет к тебе ближе! Теперь ни тебя, ни меня обвинять будет не в чем! Разлука подружит меня с нею! Мы будем друг ко другу писать — я к ним, но ты узнаешь свои места; а тебе, верно, будет позволено писать много. Ты пользуйся — пиши о постороннем, но искренно. Петербургской жизни бояться нечего — я буду иметь время, и, что весьма важно, там настоящие мои друзья, с которыми сердцу легко и свободно! Петербург полон людьми, которые имеют обо мне хорошее понятие! Стоит только это поддержать! Я не буду искать многого, следовательно и трудного писания не будет. А Тургенев? Нет! не бойся ничего — я буду работать с энтузиазмом! Во всякую минуту жизни можно быть человеком и радовать<ся> этою мыслью! Только здесь эти *минуты*, в которые можно бы быть добрым, будут употреблены единственно на то, чтобы избежать от зла! C'est indigne! Est-ce là vivre?*** А что ежели избежать не удастся? Нам не дадут избежать — но они будут в стороне! А виноваты перед собою и перед ними будем мы! Где бы я ни был, у меня будет хорошее настоящее и свобода им воспользоваться! *Хорошее* — не значит счастливое, значит более — доброе! То же и для тебя! Прошедшего у нас никто не отнимет, а будущего не надобно! Одно только условие: не дай собою пожертвовать! Чтобы твой друг, твой брат не мог тебя упрекнуть, что ты из доброй воли истребила всё его счастье!

---

* Не нужно идти по жизни отвернувшись, но тем более не нужно устремлять взгляд в неверную даль! Всё это мешает смотреть вокруг себя (*франц.*).

*** Это возмутительно! Разве это жизнь? (*франц.*).

Решиться быть опекуном — была минута энтузиазма!⁵ Но это надобно хорошенько обдумать! Может быть, еще полезнее *не быть* опекуном, чем *быть*.

Видишь ли, мы можем доказать друг другу как геометрическую задачу, что для нас разлуки нет! У нас один шептун! Что думал я в хорошую минуту, то пришло в голову и тебе — одни и те же мысли, одни и те же слова. Прости же, друг! *Настоящее и всё в жизни к прекрасному средство*⁶. С этими двумя подпорами забудем легко о том промежутке, который отделяет нас от той границы, за которой начнется наша родина, от того будущего, в котором мы будем вместе и неразлучно. Теперь твердость, постоянство, спокойствие души и неизменная верность друг другу! Если бы могла ты вообразить, как у меня теперь на душе ясно! Без страха смотрю в жизнь: в ней *tout est conséquent!*^{*} Всё влечет за собой свои естественные следствия. Испытание — приготовление к утешению! Разлука — условие соединения! Одинакая здешняя жизнь — приготовление к одинакой вечности! Ничто не пропало! Всё лучшее наше! Где бы я ни был, везде свет Божий — везде настоящее наше и может быть прекрасно! Можно даже иногда подумать, что и то будущее началось для нас здесь! Разница между той и здешнею жизнью только в том, что здесь могут быть горы и леса между нами, а там нет этого непроницаемого пространства! всё остальное для нас и здесь то же, как и там! Чего же унывать? Жизнь прекрасна! Прости!

218.

М. А. Протасовой

2 мая <1815 г.> Нарва

Нарва. 2 мая

Около меня шум и крик. В ближней комнате поют и орут. На небе пасмурно; да и в голове и в сердце не яснее. Настоящее огорчение всегда тяжелее прошедшего, хотя бы само по себе оно и было менее. Теперь грустно оттого, что мы розно, оттого, что нельзя уже себя поддерживать надеждою на свидание, которая прежде и тайно и явно во всё вмешивалась. За несколько времени грусть разлуки казалась легче, нежели грусть от того, что мы вместе и розно; причиною этому было то, что разлука была еще вдаль, а то тяжкое чувство было в сердце. Как быть с собою? Как приучить себя находить и чувством хорошее или лучшее в том, в чем находит его рассудок. Я знаю, что нам быть розно лучше, нежели вместе, за несколько времени я это даже и чувствовал. Теперь унылость. Надобно быть твердым. Помнить, что *быть вместе* — значит быть невольником во всех чувствах, быть невольником Воейкова; быть

^{*} Всё последовательно (*франц.*).

униженным; быть лишенным своей любви; не иметь способа сделать ничего доброго; быть по наружности виноватым и быть подверженным опасности сделаться виноватым в самом деле; что *быть вместе* желать не должно, потому что их характеры никогда не переменятся; что *надежда и будущее* пустые слова, что я могу пользоваться настоящим; <нрзб.> запас доброго; всякую минуту особенно делать доброю — если не поступком, то мыслью; что мне не нужно заботиться о их мнении — у меня есть мнение лучшего человека, то именно, которое мне дороже, что я могу быть прав в собственных глазах; что лучшие люди на моей стороне...¹

219.

А. П. Киреевской (Елагиной)

<12 мая 1815 г. Петербург>

Я от Вас уже получил два письма здесь в Петербурге. Одно грустное и досадное, которое доказывает мне, что моя сестра, к которой моя дружба ничем и никем переменена быть не может, совсем не поняла меня, и на которое отвечать буду подробно; другое милое, писанное первого мая и точно майское, потому что оно наполнено весною жизни, говорит о весне вечной и дает на нее надежду — теперь пишу для того только, чтобы сказать, что я получил эти письма; отвечать некогда, потому что меня затаскали, что голова идет кругом, что я не хочу писать со сном, хочу сказать всё и обо всём. Буду отвечать и на бесценное, одобрительное письмо *наших* милых друзей¹, которые *здесь* еще мне дороже. Теперь я попал в кипящий свет и сам как в кипятке. Тьма новых знакомств и тьма старых; много прекрасного. Напишу обо всем подробно на следующей почте, если, однако, успею. О *главном единственном* не говорю теперь ни слова — знайте только одно, что на свете много для меня прекрасного и без всякой надежды! Вы должны уже теперь иметь мои два последние письма, писанные из Дерпта². И к ним будет дополнение. Дайте только приняться за порядочную жизнь. Прошу Вас сказать от меня Карлу Яковлевичу, к которому буду сам отвечать, что всё, зависящее от меня и Тургенева, будет сделано непременно, и что для меня было бы великим счастьем сделать что-нибудь полезное для такого почтенного и милого мне человека, как он. Простите. *Voilà Mme Drousjinine qui arrive**. Анету и Катюшу обнимаю, и Азбукина и моих ангелов деток, и Наталью Андреевну⁵.

Жуковский

* Приезжает мадам Дружинина (франц.).

220.

П. А. Вяземскому

20 мая <1815 г. Петербург>*

20 мая

Из Дерпта я написал к тебе для того только, чтобы ты не подумал, что я умер¹. Мне еще там предчувствие говорило, что я писать к тебе не буду долго, — так и сбылось. В Дерпте я прожил до 3 мая, и право, там мне было совсем — не скажу, <не> до тебя, ибо *до тебя* мне везде и всегда, но — не *до писем*. А здесь я совсем разбрелся и телом и умом. Наконец начинаю понемногу сходитьсь. Вот и я в Петербурге — это значит, приезжай и ты сюда. Здесь есть у Тургенева какое-то письмо от тебя, в котором ты поговариваешь о своем приезде сюда, о службе²; по сию пору не могу этого письма добиться, но содержание его для меня пленительно (*c'est le mot*^{*}); тебе здесь быть нужно — так же как и мне, и всем нам (потому что ты многими здесь искренно любим) нужно, чтобы ты был здесь. Здесь, друг, все твои товарищи и здесь будет для тебя занятие. В Москве для тебя нет ни товарищей, ни занятия; сердце сожмется всегда, когда подумаешь о том круге, в котором исчезает в Москве твой ум и твое прекрасное сердце, — а если вспомнишь, что с этими драгоценностями теряешь ты и другую драгоценность, деньги, на которых основано всё что есть свято, — независимость, то поневоле ужаснешься за тебя и за твоих. Итак, поскорее с плеч долой — пожертвуй хоть третью имения и приезжай сюда, в круг товарищей; вместе если и не будем счастливы все, то будем хотя жить не по-пустому — тебе же можно быть и счастливым. Здесь новый круг, более тебя достойный; можешь начать вести тот образ жизни, какой захочешь. В Москве перемены этой сделать невозможно. И Фурия скуки должна будет здесь если не отстать от тебя, то по крайней мере менее тебя терзать.

О себе нечего еще мне сказать тебе. Я здесь без всякого плана и с совершенным равнодушием к тому, что будет со мною. Здесь много такого для меня, что могло бы и польстить самолюбию, если бы я на этот счет не был разочарован прежде опытности. Недавно был я представлен государыне и принят милостиво³. Теперь возят меня напоказ, по князьям и графам. При всем этом душа молчит, и в нее вкрадывается что-то похожее на сухость — эпидемия, разлитая в здешнем воздухе. Сказать обыкновенным таинственным языком: главная цель моей жизни пропала! Всё остальное кажется призраком, к которому никак прильнуть невозможно. Лучшие мои минуты здесь с Тургеневым — который (тогда, когда не спит, не пьет, не ест, не бегаёт из угла в угол) говорит со мною

---

* Иначе не скажешь (*франц.*).

языком брата, которому всякое мое чувство знакомо и понятно, и радует меня; с Блудовым, которого и ты полюбишь более, когда узнаешь короче; с Дашковым — вот и всё! С Дашковым подумываем мы о журнале — что из наших думаний выйдет, узнаешь позднее.

С Дерптом я распростился и, вероятно, в него не возвращусь — этого прошу не ставить на счет непостоянства и ветрености. Hélas!* Я по сию пору на свете не согрел для себя места; по наружности я могу казаться и непостоянным, и ветреным; а в самом деле я всё желал одного, что же делать, что это одно неудачное.

Здесь я еще ничего не написал — хочу докончить «Певца»⁴ и выдать. Теперь именно и сделает он свое действие. Многие воображают, что прошедшее уничтожено настоящим.

Прости, милый друг; уведоь, что ты решишь с собою.

Батюшкова я здесь не застал. Он улизнул в деревню. À propos**. Я виделся с Екатериною Федоровною⁵. Она спрашивала у меня, получил ли я манускрипты ее мужа от Н<иколая> Михайлов<ича>⁶. Я получил один манускрипт стихов. Других же никаких манускриптов не имею. Между прочими должны быть какие-то письма к молодому человеку об истории⁷ — осведомись об них у Н<иколая> М<ихайловича>, которому кланяюсь и к которому писать буду.

У В<еры> Федоровны целую обе руки и Машу двадцать раз.

221.

А. А. Прокоповичу-Антонскому

<20 мая 1815 г. Петербург>

Я дней десять как в Петербурге¹, почтеннейший Антон Антонович. Простите, что по отъезде из Москвы² не писал к Вам ни слова; о дерптских моих похождениях писать было нечего³, а здесь я слишком закружился. Это обыкновенно бывает со всеми, кто приезжает в Петербург. Со мною, однако, это кружение не продолжится: прошу за меня не трепетать. Скоро начну вести порядочную авторскую жизнь. Весьма вероятно, что я здесь останусь; но как останусь, об этом ничего не умею сказать. Если не повезет, то, бросив всё, уеду опять в свою белевскую берлогу и навеки посвящу себя перу. И здесь другого ничего не имею в предмете, кроме пера; но говорят опытные люди: надо подумать о фортуне. Но если фортуна сама не подумает обо мне, то я не намерен ей жертвовать своим думанием. Одним словом, жду у моря погоды и мало забочусь о том, дождусь ли ее. Здесь мне весело тем, что встретил многих старых своих друзей. Между первыми Тургенев, Блудов, Кавелин и Дашков⁴. Дней пять тому назад был я пред-

---

* Увы! (франц.).

** Кстати (франц.).

ставлен ее величеству вдовствующей императрице и великим князьям, и они приняли меня весьма милостиво⁵. Сделал некоторые новые знакомства.

Теперь о важнейшем. При отъезде моем из Москвы Вы говорили мне о Ваших прожектах на Лицей⁶. Место, желаемое Вами, не занято. Прикажете ли здесь о нем хлопотать? Дайте мне надлежащее наставление, дабы можно было действовать сообразно с Вашими мыслями. Тургенев обещает употребить все свои старания; а я, со своей стороны, буду действовать частыми напоминаниями. Прошу Вас скорее на это отвечать. Мой адрес на имя Тургенева, против Михайловского замка в доме князя А. Н. Голицына⁷. Простите, почтеннейший Антон Антонович; любите и помните Вашего

Жуковского

222.

А. П. Киреевской (Елагиной)

<24 мая 1815 г. Петербург>

Передо мною три Ваших письма, милая моя сестра, и все они написаны разным слогом, но, по счастью, в них одно и то же сердце и одинаковая дружба. В одном говорит со мной мой друг, который не понял меня, огорчился тем, что худо понял и мне пеняет. Думаю, что Вы теперь сами собою разуверились. Например, в нем есть вопрос: «что могли Вам говорить обо мне, чего бы Вы не знали, и каким образом произвольно можно менять в Ваших глазах и характер человека, и даже всё, что есть доброго и хорошего в жизни? Дружбу, любовь, твердость, доверенность!». Всё письмо длинное есть не иное что, как следствие этого жестокого вопроса и того горького чувства, которое заставило Вас его мне сделать. Мне надобно было бы на него отвечать тотчас — и вот *настоящая моя вина* перед дружбою! Я дал над собою волю петербургской рассеянности, которая грянула на меня, как бомба, и раздробила всё мое время — так что едва ли я и теперь очнулся. Слушайте ж, милая государыня Авдотья Петровна Киреевская. Не будьте и Вы несправедливы! Я, помнится, писал к Вам, что у меня был разговор об Вас с Е<катериною> Афанасьевною¹. Признаюсь, я никогда не люблю об Вас говорить с нею. Она Вас любит, но смотрит на Вас совсем не моими глазами. Для нее всё, что делает отличительное в Вашем характере, как будто не существует. Ту живость души, которую Вы имеете, она смешивает с экзальтациею и ветреностью. Я никогда их не смешивал, по крайней мере с тех пор с этой стороны не был к Вам несправедлив, как с Вами объяснился. Могу уверить, что с этой минуты ничье мнение на меня не действовало и ни малейшей перемены во мнении на счет Ваш во мне не производило. Если я ссорился с Вами, то всегда по собственному побуждению; чужое же побуждение вооружало меня только за Вас. Вы сами подали повод к этому разговору. Вы написали к ним об ссоре нашей

за С<ергея> М...<ихайловича> С...<оковни>на². Тетушка, между прочим, говоря об Вас, сказала, что *Вы мало заботитесь о детях*³. Это поразило меня, потому что я то же часто думал, живучи в Долбине и в Москве, потому что я это хотел Вам сказать! и Бог знает, отчего не сказал! Я несколько испугался, подумав, что говорю с другими о таком предмете, о котором должен бы был говорить с Вами; хотел об этом написать особенно и поболее; но не написал потому, что был во всё это время в больших и горьких треволнениях. Но об этом писать много не надобно; стоит только просто заметить это и попросить Вас подумать, справедливо ли такое замечание, и если справедливо, то сделать его несправедливым. Теперь прошу ж мне сказать: имеете ли Вы право писать ко мне такую дичь, какою наполнено первое Ваше письмо, полученное мною в Петербурге, и пишут ли такие письма из-за 1 000 верст: *верьте чему хотите, отталкивайте меня, как хотите! Je peux me passer de votre amitié, je sais bien que je la merite*^{*}. Милая, могли ли Вы это написать ко мне? Право, как ни любите Вы меня (в этом я уверен), но у Вас есть какое-то весьма дурное мнение насчет моего характера — Вы, кажется, не предполагаете во мне никакого постоянства в чувствах. *Passe pour opinion!*^{**} Я думаю, что мое мнение насчет людей довольно шатко, — я их не знаю! Но с Вами, но с немногими друзьями моими связывает меня чувство. И можно ли вообразить, чтобы одно слово Воейкова могло выбить из сердца, не говорю уже дружбу, но самую нежную благодарность за раздел всего, что свято в душе и жизни. Прошу уже один раз навсегда думать, что я привязан к Вам на всю жизнь самыми неразрывными узами, — которые по крайней мере устоят против слов, сходящих с языка, без ведома сердца. Я про себя думаю, что они и все другие опыты выдержать способны. Итак, на прочие сладости, находящиеся в этом письме, я отвечать не имею нужды. Вы, верно, и без моей просьбы раскаялись. Впрочем, в этом письме есть и утешительное. *О, святая связь родства!*⁴ Так, милая, мы родные во всей силе этого слова! Что мое, то Ваше, и наоборот! Что же к этому прибавишь. Разве только то, что у нас есть общие, милые сокровища, любовь к нашим детям, для которых я рад бы всё на свете сделать, — а они плачут обо мне в день радости! Меня же они радуют в день горя.

Чтобы дать Вам некоторое понятие о том, что было со мною в Дерпте, посылаю Вам некоторые документы; несколько страниц из Машиного журнала, писанного для Вас⁵; она отдала их мне с тем, чтобы переслать к Вам, но я их подзадержал, теперь посылаю, с тем, однако, чтобы возвратить мне опять и без замедления, — они мне *нужны*. При этих страницах есть и некоторые мои к ней письма⁶. То, что в них Вы найдете, извинит нас перед Вами. Вы увидите, что всё писанное можно бы было говорить вслух, когда бы

---

^{*} Я могу обойтись без Вашей дружбы, я хорошо знаю, что ее заслуживаю (*франц.*).

^{**} Сойдет за мнение! (*франц.*).

позволили нам быть свободно добрыми; когда бы нам верили, когда бы маску не предпочитали лицу. Но для этих документов нужно объяснение. В Дерпте был генерал Красовский⁷ — к счастью, был он до меня, и до меня ушел в поход. Надежды, ему данные, испугали меня, и они-то произвели во мне такую перемену, какой я и ожидать не мог. Я подумал, что по тех пор, пока будут знать, какое чувство привязывает меня к Маше, мне запрещено будет всякое участие в ее судьбе, что перед моими глазами будут ею располагать и что, наконец, она будет жертвою и жертвою кого же? чтобы получить право на это участие, на это родство с нею, на возможность всё делать для ее счастья, надобно было отказаться не только от надежды, но от самого чувства, которое дает привязанность к такой надежде! Решиться на это нужна была одна минута — но минута восхитительная! Прежде, нежели говорить с Е^ккатериною> Аф^анасьевною>, я написал об этом два слова к Маше — она сама согласилась. И знаете ли, на что я решился, — искренно, не для виду, а перед Богом и с тем, чтобы исполнить? Принять весь характер и все обязанности Машина отца!⁸ Истребить не только в себе, но и в ней всякое чувство, не согласное с этим характером! И это для того, чтобы вперед уже Воейков не мог мимо меня располагать ее участью, а чтобы ее счастье и спокойствие были под моею защитою. Сначала тетушка приняла это холодно. Это меня оскорбило. Я увидел, что делать было нечего, и решился было уехать. Но подумав, написал ей всё обстоятельно⁹. И в письме своем сказал ясно: что только в ее семье могу быть братом и не одним только именем, а на деле, то есть отцом ее детей! И это было бы возможно! Много бы счастья спаслось для меня. Это письмо произвело свое действие, но на короткое время! Воейков при всей наружности дружбы почувствовал, что я, брат его матери, от него совершенно независим! Не могу решительно сказать — но думаю, что это было для него тяжело. Между тем старая принужденность осталась. Брата боялись, и брат, чтобы сказать Маше то, что мог бы он ей говорить вслух перед целым светом, должен был потихоньку с нею переписываться! С Воейковым, по своему обыкновенному глупому простодушию, сделался было он совершенно искренен, а Воейков его слова *пересказывал*¹⁰. Одним словом, чтобы избежать всех подробностей, которые со временем Вы узнаете, я взял на себя все тяжкие обязанности пожертвования, которые были бы легки и даже сладки при полной доверенности, а они не дали ничего в замену, кроме одной наружности, и между тем получили право всего требовать и во всем обвинять. При таких обстоятельствах можно ли было за себя ручаться — назвавшись братом, надобно было им быть в сердце, а не по одной наружности! А мог ли я им быть один! особливо тогда, когда надобно еще было много с собою бороться. Это было невозможно без поддержания с их стороны, без помощи Машиной, с которой я был разлучен *по-старому*. Итак, чтобы не потерять к себе уважения, я должен был уехать! Но теперь всё *мое* мне

возвращено. Я ничем не пожертвовал. Я сказал Е<катерине> А<фанасьевне>, что братом ее могу быть только с *нею*, но что розно она никакого права на мои чувства не имеет, и что я жертвовал ей всем не потому, что, наконец, догадался, что желаю непозволенного, а для общего счастья и спокойствия. Вот время, в которое я был крайне несчастлив, но в которое мысль о моих друзьях меня радовала. Перед Вами могу сказать без всякого самохвальства: что я готов был на жизнь добродетельную! Виноват ли я, что меня лишили способов и бодрости исполнить то на деле, что сказало мне сердце в лучшую минуту жизни! Так, точно в лучшую! Хотя в эту минуту я отказывался *от всего* совершенно! Чтобы понять это слово *от всего*, надобно Вам знать, что я хотел не только переменить свою привязанность к Маше на другую, родственную, бескорыстную, но я был даже готов заботиться о том, чтобы она могла, наконец, *другому поверить свое счастье*, — и в этой заботе было для меня что-то прелестное! несмотря на то, что в иные минуты и возвращалось в душу уныние! я не давал ему воли — ждал шептуна, и шептун мой возвращался с обыкновенным своим лозунгом: *всё в жизни к великому средству!*¹¹ Что ж делать! И это не удалось! Я уехал, не объяснившись, — и к чему объяснения! Меня считают и несправедливым, и неблагодарным (неблагодарным потому, что я не знаю цены Воейкова дружбы и плачу ему за нее холодностью). Я оставил их в этом мнении — на что его переменять? Маша *знает*, что было у меня в душе!! Они сами всё разрушили. Теперь ни меня, ни Маши переменить не может ничто! Чтобы быть вместе душою без упрека совести, нам должно расстаться.

Если мысль, что мы живем друг для друга, не даст счастья, то даст уважение к жизни и твердость. Без меня она будет спокойнее. Никто теперь не будет в ее глазах мне делать оскорбительных несправедливостей; а теперь и я, и она избавлены от опасности нарушить обещанное: нас бы довели неприметно до этого ужасного нарушения, но обвинены были бы одни мы. Тогда бы и последнее уважение к себе Маши должно бы погибнуть. Одним словом, вот я в Петербурге — с совершенным, беззаботным невниманием к будущему. Не хочу об нем думать. Для меня в жизни есть только прошедшее и одна настоящая минута, которою пользоваться для добра, если можно, — *зажигать свой фонарь, не заботясь о тех, которые удастся зажечь после*¹². Так нечувствительно дойдешь до той границы, на которой всё неизвестное исчезнет. Оглянешься назад и увидишь светлую дорогу. Но что же Вам сказать о моей петербургской жизни? Она была бы весьма интересна не для меня! Много обольстительного для самолюбия; но мое самолюбие разочаровано — не скажу опытом, но тою привязанностью, которая ничему другому не дает места. Здесь имеют обо мне, как бы сказать, большое мнение. И по сию пору я таскался с обыкновенною ленью своею по знатностям и величиям. Тому уж с неделю, как был я представлен императрице и великим князьям¹³. Об этом я сделаю

подробное описание на будущей почте Плещеевым¹⁴, от которых возьмите мое письмо. Теперь это описание совсем не лезет в голову. После буду писать Вам с большими историческими подробностями. Но послушайте, милые друзья, — мне писать часто невозможно. Один раз в две недели — и довольно. В Дерпт я пишу каждую почту¹⁵; к Плещеевым писать надобно; к Вяземскому также — вообразите, сколько писем; это займет почти всю неделю, то есть каждое утро в недели — а мне надобно работать много. И переводить, и сочинять, и читать. К этому прибавьте огромный петербургский свет. Словом сказать, временем должно экономить, и по сию пору я еще этого экономического расчета сделать не успел. Вообще скажу, что буду от 8 утра до 9 часов всегда дома. Остаток дня на рассеяние (убийственное и крепко осушающее душу). Теперь хочется кончить начатого «Певца»¹⁶; потом сделаю издание Муравьева сочинений¹⁷; между тем готов план журнала, который надобно будет выдавать с будущего года¹⁸; после Муравьева издание своих сочинений¹⁹ — всё это, то есть учредить издание журнала, напечатать свои сочинения, выдать Муравьева, надобно здесь! Потом (ибо я не забыл о том, что писал к Вам об опекунстве²⁰, хотя теперь кажется мне, что берусь за невозможное) думаю перетянуться к Вам — *на родину, в семью*; но об этом решительно скажу в конце нынешнего года, которого остаток необходимо надобно провести в Петербурге.

223.

К. Я. Дезе

31 мая — 4 июня <1815 г.> Петербург*

Спешу вкратце известить Вас, мой почтенный Карл Яковлевич, что я пробил маленькую тропку к Вашему делу¹. Об нем надобно просить обер-прокурора 4ого департамента Огарева². Я с ним не знаком, но постараюсь познакомиться. Вчера заставил написать к нему Тургенева и послать копию Вашей просьбы. Он ответил на словах: очень хорошо. Здесь в Петербурге *очень хорошо* значит иногда *очень худо*. Итак, на него полагаться нечего. Нынче писал я к Протасову³, сыну Павла Ивановича⁴, которому Огарев родня⁵, чтобы он сам к нему съездил и просил его усердно и выпросил у него позволение мне к нему приехать. Жена его⁶ бывала мне в Москве знакома. Что сделаю, о том напишу Вам непременно. По крайней мере, прошу Вас верить моему усердию. Ничего бы так не желал, как удовольствия услужить Вам, в благодарность за Вашу ко мне дружбу, которую ценю весьма высоко.

О себе нечего говорить Вам. Как Петербург ни хорош, но свояси⁷ всё лучше. И здесь я люблю нашу родину, кажется, еще более, нежели когда-либо. Да и с надеждою не расстаюсь опять к Вам возвратиться. Наши дерптские⁸ здоровы и поживают весело.

Прошу Вас приложенное объявление передать любезному Федору Александровичу⁹, к которому не пишу для того, чтобы его наказать за его лень. Из этого объявления он узнает, что общество литераторов издает книгу, по своему содержанию весьма приятную; я участвую в этом издании¹⁰. Не вздумает ли кто-нибудь из белевских подписаться. А Вас прошу не подписываться — Вы будете иметь экземпляр от меня как от издателя. Это будет для меня гораздо приятнее.

Простите. Не забывайте сердечно преданного Вам

Жуковского

Мая 31

СПб

Мой адрес узнаете от Юшковых.

P. S.

Июня 4. Объявлений не посылаю Вам, потому что посылал их к Юшковым. Это письмо опоздало на почту. Скажу Вам, что Протасов был у Огарева, который и ему сказал *очень хорошо*. Надеюсь не давать ему отдыха и скрытно что-нибудь сделать по-нашему.

Простите. Обнимаю Вас.

224.

К. Я. Дезе

10 июня <1815 г.> Петербург*

Позвольте трудить Вас моею просьбою, почтеннейший Карл Яковлевич. Потрудитесь доставить приложенное письмо и деньги 150 рублей Авдотье Петровне¹. Адресую их на Ваше имя потому, что не знаю, где теперь Авдотья Петровна, в Козельске или Долбине. При этом случае напоминаю о себе старинному доброму другу, которого не перестаю уважать и помнить. Желаю сердечно, чтобы мое письмо застало Вас здоровым и веселым. Прошу Вас не забывать меня и о себе уведомить. Вероятно, что в конце нынешнего года буду иметь удовольствие с Вами увидеться. Поклонитесь от меня всем белевским — в особенности же Свечину². Скажите мое почтение Анне Антоновне³. Мой адрес Вам известен: на имя Александра Ивановича Тургенева (его прев<осходительству>) в доме князя Алексан<дра> Никол<аевича> Голицына на Фонтанке против Михайловск<ого> замка.

С совершенным почтением честь имею быть

Вашим

покорным слугою

Жуковский

С.П.Б.

Июня 10

225.

К. Я. Дезе

12 июня <1815 г. Петербург>

Спешу уведомить Вас, любезнейший Карл Яковлевич, что Ваше дело решено так, как Вам хотелось; петербургский конкурс уничтожен, а белевский оставлен. Оно решилось еще прежде моего последнего письма, но Огарев¹ по беспечности не уведомил об этом Тургенева, а Тургенев не имел времени к нему съездить. Остается, кажется, сделать, чтобы к Вам эта резолюция была немедленно послана, — я просил об этом Огарева, зятя Новосильцева², который и для самого решения дела много помог. Он обещал сделать всё, что нужно. Но главное сделано, и я рад сердечно, что удалось.

Простите.

Скажите мое почтение Анне Антоновне и Федора Камкина за меня обнимите. Извините, что пишу так мало; право, некогда.

Вам преданный от всего сердца

Жуковский

12 июня

226.

А. П. Киреевской (Елагиной)

<11 июня 1815 г. Петербург>

Милые друзья, благодарствуйте за добрые советы, а еще более за то нежное чувство дружбы, которое видно в ваших письмах; слава Богу! Это восклицание весьма тут кстати — как не сказать: слава Богу! думая о друзьях и видя их к себе дружбу. Послушайте, милая долбинская сестра, я и сам было испугался своего предложения¹, сделанного Вам в первую минуту, — но испугался только своей неспособности его исполнить. Что, если бы мне удалось только более еще испортить дела Ваши! Но, как говорится, на безрыбье и рак рыба, и я готов быть раком для Вас; что же было бы лучше, как потрудиться для наших милых детенков, — да Вы от меня не уйдете. Дайте мне устроить свое здешнее, и я опять у Вас, опять в своей семье, опять (как пишет друг Анета) в прекрасном родимом краю, окруженный всеми милыми воспоминаниями, среди соловьев, роз, серейнов² и пр. и пр. Знаете ли, что всякий ясный день, всякий запах березы производит во мне род *Heimweh*^{*}, так же как и всякая красная кровля, покрытая черепицами, поневоле тащит всё воображение туда, куда и хотеть не должно³. Однако я у них еще раз побываю, на крестинах; это, вероятно, случится в июле⁴ — но побываю на не-

---

* Тоска по родине (ностальгия) (нем.).

сколько дней; потом назад в Петербург: что-нибудь для себя соорудить. Это что-нибудь — не иное что, как пенсия, который мне хочется для себя выхлопотать. Если же не удастся, то уеду безо всего и буду работать музам и славе, нимало не заботясь о прочем. А с Вами будет не нужно ни о чем и заботиться. Примусь прилежно за «Владимира»⁵, и он, верно, даст мне гораздо больше состояния, нежели когда-нибудь служба. Надобно всё видеть здесь вблизи, чтобы увериться, что служить для пользы невозможно. Для выгоды же служат те, которые имеют особенные, неестественные способности ее находить, — а слава?

Подале от толпы судей,
Пока мы не смешались с ней —
Свобода друг наш благодатный!
Мы независимо, в тиши
Уютного уединенья,
Богаты ясностью души,
Поем для муз, для наслажденья,
Для сердца верного друзей!..⁶

Это я повторяю себе здесь всякую минуту, хотя и окружен такими людьми, подле которых *душе легко*, но и они, и я окружены Петербургом — особенного рода магнетизм, убивающий все животворные мысли, необходимые для настоящей жизни.

В этом месте письма я остановился, начал курить трубку, между тем развернул «Bibliothèque britannique»⁷ и вот что в ней прочитал, — как нарочно для того, чтобы дополнить сказанное мною: C'est un traité sur notre inconséquence dans espérances. «Voulez-vous être riche? pensez-vous que cet objet unique mérite le sacrifice de tous le reste? Eh bien, vous deviendrez riche! Combien d'autres n'y ont pas réussi à force de peine, de patience, de diligence, d'attention aux plus minutieux articles de dépense ou de profit. Mais il faut abandonner les douceurs du loisir, les plaisirs d'une âme tranquille, d'un esprit libre et dégagé des soupçons. Si vous conservez votre intégrité, vous aurez une probité grossière, une honnêteté commune... Il faut fermer votre esprit et votre coeur aux muses et savoir nourrir votre entendement de grosses vérités, pour anisi dire, de ménage. En un mot vous ne devez plus penser à étendre vos idées, à perfectionner votre goût et raffiner vos sentiments: vous êtes condamné à suivre le sentier battu sans regarder à droite et à gauche. — “Mais je ne puis plus me soumettre à de telles conditions (dites vous)? je me sens l'âme trop élevée”. — Eh bien, renoncez-y? mais ne vous tourmentez pas ensuite de ce que vous n'êtes pas devenu riche. — “Et quelle récompense ai-je donc obtenu de mes travaux?” — Quelle récompense! Une âme élevée, libre des agitations, des craintes, des préjugés du vulgaire, capable de saisir, d'embrasser les ouvrages des hommes et les oeuvres du Créateur; un esprit cultivé, riche, fleuri, plein de ressources, d'amusement et de reflexion; une

source inépuisable d'idées neuves, de pensées douces, le sentiment de votre dignité et d'une intelligence supérieure! Juste ciel! qu'avez-vous donc à regretter?»*.

Всё это несравненно разительнее здесь, в Петербурге, в виду тех людей, которые лучшими благами жизни жертвуют для приобретения этих ничтожных благ, которых сумма называется фортуной! Поверьте, что это мумии, окруженные величественными пирамидами, которых величие не для них существует! кто же захочет в мумии для того только, чтобы иметь честь быть погребенным в пирамиде! Вы пишете мне: *подумай, наконец, о своей выгоде!* Стараться сделать для себя ненужным весь этот причет пустяков и ничтожностей — значит думать об истинной своей выгоде. Прежде причиной моего равнодушия к этому причету было одно чувство, которое наполняло душу и ею исключительно владело; теперь к благодетельному этому чувству, которое сберегу, как пламень Весты, присоединилась и некоторая опытность.

Богатства мне искать нельзя, я его не найду, да и не считаю его нужным, почести — сушая низость, когда стоишь на той сцене, на которой раздается хвала, гул шумный и невнятный⁸; быть полезным — эта химера кажется только в Белеве чем-то существенным, здесь ее иметь невозможно — может быть, придет такое время, когда она обратится в существенность; теперь стоит только поглядеть на тех людей, которые посвятили себя общепользней деятельности, чтобы сказать себе, как эта цель безумна! Будешь биться как рыба об лед, и только что себя разобьешь вдребезги, и, что всего важнее, убьешь в себе прежде смерти то, что составляет твою жизнь, и останешься до гроба скелетом. Итак, друзья, из всего сказанного выше следует, что я здесь постараюсь доставить себе только

---

* Это рассуждение о непоследовательности наших надежд. «Вы хотите быть богатым? Вы полагаете, что ради этого единственного предмета стоит пожертвовать всем остальным? Хорошо, вы станете богатым! Скольким другим людям этого не удалось достичь ценою мук, терпения, усердия, внимания к самым незначительным статьям расхода и прихода. Однако нужно отказаться от наслаждений досуга, от удовольствий, даруемых душевным миром и свободным разумом, не ведающим подозрений. Если даже вы сохраните свою чистоту, ваша порядочность будет поверхностной, а честность — заурядной... Нужно закрыть ваш духовный мир и ваше сердце от муз и научиться питать ваш рассудок грубыми истинами, хозяйственными, так сказать. Одним словом, вы больше не должны думать о том, как распространить ваши мысли, как усовершенствовать свой вкус и сделать чувства более утонченными: вы осуждены следовать избитыми путями, не глядя ни направо, ни налево. — «Однако (говорите вы) я не могу принять такие условия; у меня слишком возвышенная душа». — Хорошо, откажитесь от этого — но тогда не терзайтесь тем, что вы не стали богатым. — «А какую же награду получу я за свой труд?» — Какую награду! А возвышенная душа, свободная от тревожений, страхов, вульгарных предрассудков, способная воспринимать и заключать в себя деяния людей и Создателя? а просвещенный ум, богатый, цветущий, исполненный возможностей, склонный к веселью и размышлению; неиссякаемый источник новых идей, сладостных мыслей, а ваше чувство достоинства и возвышенный разум? Праведное небо! О чем же вы еще сожалеете?» (*франц.*).

то, что всего мне нужнее, — независимость, свободу действовать в малом круге, действовать мыслью и душой, не унижая этой деятельности разрушительными заботами о завтрашнем дне. Моя честь, фортуна и всё — мое перо. Но чтобы это перо было одушевлено, надобно уйти с ним из смертоносного петербургского климата, переселиться на родину — и я бы давно был уже у Вас, когда бы что-нибудь для себя сделал. Оставляю эту надежду в перспективе.

Здесь у меня еще много затей на руках, мешающих мне отсюда убраться. Издание сочинений Муравьева⁹, издание своих сочинений¹⁰, издание стихотворений и прозы¹¹, наконец, приготовление материалов для журнала и учреждение его издания¹²; при всём этом забота о том, чтобы выхлопотать себе пенсион, который дал бы мне свободу, — кончив всё это, являюсь к Вам, работаю, живу с добрыми своими товарищами *настоящим* и *будущим* (а промежуток между настоящим и гробом Провидению, а не надежде), отдыхаю после труда в своей, то есть в Вашей семье! *Истинную славу* иметь буду непременно, потому что *хочу* ее иметь, а фортуна и счастье придут, если захотят — это дело не наше.

Что может в минуту разрушить судьба,
Друзья, то на свете не наше!¹³

Но я всё болтаю и философствую, а я еще ничего не рассказал Вам о своих приключениях петербургских. Всего рассказывать нет нужды: и неуместно, и было бы некстати, но то, что поважнее. Итак, слушайте: начну с описания моей резиденции. Живу очень просторно с Тургеневым. Половина верхнего этажа большого дома состоит в нашем непосредственном владении; у меня четыре большие комнаты; из одной прекрасный вид на Фонтанку, и на Михайловский замок, и на Летний сад. Тургенев тот же старинный друг и товарищ, который делил со мной молодость. Ни в характере, ни в сердце нет никакой перемены; но служба и соединенная с нею необъятная рассеянность клюют его, как ворон Прометея, и его вся жизнь есть не иное что, как бесконечная борьба с этим вороном, которого отогнать мешают ему его цепи, связывающие ему руки. Но мы понимаем друг друга везде и во всякое время. Блудов — также товарищ, прежний знакомец молодости, сбереженный посреди света и еще усовершенствованный. Без надежды найти в семействе своем счастье, он нашел его¹⁴, и самое верное, и стоит его, и умеет им наслаждаться — прекрасное и дивное явление посреди Петербурга, счастливая, цветущая *оазис* посреди африканской степи. А я, чтобы попасть в эту *оазис*, отбилсЯ от своего каравана! Нет, не отбилсЯ! он у меня в виду — а этого и довольно в самой пустыне!

Я назвал Вам двух лучших своих здешних товарищей — третьего, Батюшкова, здесь нет; я его не видал, он запропастился в деревне. Нового не написал он почти ничего. Есть одна прекрасная повесть «Домосед и Странствователь»¹⁵, писанная слогом прелестным, хотя немного длинная. Пришлю, когда будет у меня список.

Виноват, четвертый в этой семье избранных есть Кавелин — редкая чистота души! Он поехал в Вашу сторону и Вам должно его узнать. С ним можете говорить обо мне *всё*, и он, верно, всё поймет в настоящем смысле. Я знаю черты его прекрасные. Дашков — благородный, и умный, и чрезвычайно знающий человек — с ним у меня самая короткая связь, похожая даже на дружбу.

Вот люди, с которыми здесь не пусто, а весело и легко. Впрочем, я не заметил, чтобы мне здесь и с прочими тяжело было. Выключая минут (очень редких) застенчивой принужденности (происходящей точно от желудка), мне ни с кем не скучно. Без всякого усилия над собою приношу в общество самую беззаботную доверчивость и уверен, что мне (которому нечего от людей ожидать слишком для меня важного, которому они не дадут ничего драгоценного и у которого им совершенно отнять нечего) доверчивость во вред не послужит. Прочие, самые интересные знакомства: *Уваров*, с которым моя связь еще не имеет для меня самого надлежащей определенности; *Крылов*¹⁶, тонкий человек под видом простодушного медведя; *Оленин*¹⁷, маленький человечек <две строки зачеркнуты> у него я бываю часто; жена его любезная и ласковая и довольно умная женщина, дом его есть место собрания авторов, которых он хочет быть диктатором, — в этом доме бывал и Батюшков¹⁸, которого место занял теперь я; здесь бранят Шишкова, и если не бранят Карамзина, то по крайней мере спорят с теми, кто его хвалит¹⁹ (NB. Оленин взялся рисовать виньеты для издания моих сочинений: для 1-го тома *Мемнон*, для второго, где баллады: *древний трубадур*, а для третьего — *фантазия*)²⁰. Самые же приятные мои знакомства между знати: князь *Александр Николаевич Салтыков*²¹, необыкновенного ума и весьма благородного характера человек — у него я был три раза, но ни разу его не застал дома, а познакомился с ним у Уварова и постараюсь поддержать это приятное знакомство; *Софья Петровна Свечина*²², жена Николая Сергеевича Свечина, чрезвычайно милая женщина, лет тридцати пяти, немного похожая на Карамзину²⁴. У нее я был один раз — и как будто бы век были мы знакомы. Она теперь на даче, куда звала и меня, и я скоро туда отправлюсь. Всё лето проведу на трех дачах; сначала к Блудову, у которого проживу конец июня и половину июля; потом к Екатерине Федоровне Муравьевой, а потом к Уварову. Обедал я один раз у графа Строгонова²⁵ — жена его очень любезна и умна, он же показался мне сух; от спеси, как я подумал, от застенчивости, как говорят другие, — общее же мнение хороших людей об нем есть то, что он имеет самый благородный характер. Два раза обедал я у канцлера²⁶, который очень хотел меня узнать и очень обласкал. У своего хозяина, князя Александра Николаевича Голицына, которого здесь зовут *le petit favori*^{*}, бываю по воскресеньям у обедни — у него прекрасная домовая церковь²⁷.

---

* Маленький любимец (франц.).

В заключение опишу самое интересное: мой визит Кутузовой²⁸ и представление государыне. Кутузова, узнавши о моем приезде, требовала, чтобы меня к ней привезли. Я, по обыкновенной своей дикости, давши ей слово быть к ней, не бывал; она было и рассердилась — это заставило меня, скомкав кой-как свою застенчивость, к ней ехать; приезжаю ввечеру, гостей пропасть, кое-как рекомендую, и дело в шляпе. Вдруг подводит она ко мне своего маленького внука Опочинина²⁹ — который, слышав, что я к ним буду, струсил и спрятался (вообразив, что всякий поэт по крайней мере крокодил), но увидя меня в образе человека, ободрился. Его заставили читать мне «Светлану», он сперва упирался, потом зачитал и наконец уж и унять его было нельзя. Признаюсь, в семье вождя победителей³⁰ мне было приятно себя увидеть. Кутузова (которая отправилась теперь в чужие края) дала мне свой альбом с тем, чтобы я написал в нем первый и те строфы из нового Певца³¹, в которых говорю о Кутузове! — «Да нельзя ли что-нибудь и экспромтом?» — сказала она и начала с смешной размашкой декламировать мои стихи:

Можно ль в жизни молодой
Сердце мучить ложной тенью³².

Мне было это приятно. А признаюсь, сцена эта стоила немного кисти Гогартовой³³. Я написал ей:

Я счастлив был неизъяснимо!
Семью вождя великого я зрел,
И то, что я смиренной лирой пел
В честь памяти его боготворимой,

Теперь вдове его дерзаю посвятить!
Дерзаю гордое в душе питать желанье:
С воспоминанием о нем соединить
И обо мне воспоминанье!³⁴

Ее дочери очень милы; особенно Анна Михайловна Хитрова³⁵, которая еще тем милее, что мои баллады читает с удивительным, как говорят, совершенством. У них видел и княгиню Голицыну, бывшую Всеволожскую³⁶, на которую смотрел с удовольствием, потому что она, как мне показалось в первую минуту, очень похожа на нашу Марью Алексеевну.

Теперь о свидании с императрицею³⁷. Уваров, на другой день моего приезда, написал к ней, что я в Петербурге, и получил приказ представить меня в следующее воскресенье³⁸. Была пятница; мундира у меня не было; кое-как накопил от приятелей мундирную пару, и мы с Уваровым отправились в воскресенье во втором часу во дворец. Дожидались довольно долго, потому что были после

обедни парадные аудиенции, а меня велено было представить ей в ее кабинете. Из большой залы, в которой мы стояли, двери прямо в этот кабинет. Вдруг они отворились — являются великие князья и проходят мимо нас на свою половину; потом опять возвращаются и идут к императрице, и вслед за этим нас приглашают. Тут Вы воображаете, что я струсил и что сердце у меня крепко заколыхалось, — нимало! Желудок мой был в исправности, следовательно и душа в порядке! Проходим в маленькую горницу; Уваров шел впереди — входим в другую; перед дверьми ширмы — вдруг из-за ширм говорит Уварову женский голос: *Bonjour, monsieur Ouvaroff**; — это какая-нибудь придворная дама, думаю я, — иду; передо мной императрица. За нею, гораздо поодаль, у дверей великие князья. Разумеется, началось приветствием. Я хотел было сказать: не умею изъяснить Вашему Величеству своей благодарности за Ваши милости, — но исполнил это на деле, а не на словах, потому что *не умел ничего сказать*, а отделался поклонами. Сначала было довольно трудно говорить — потому что государыня говорила по-русски, не очень внятно и скоро, и я не всё понимал. Уваров это заметил и сказал два слова по-французски; это заставило ее отвечать по-французски же, и разговор пошел очень живо — о войне, о ее беспокойствах прошедших и о прошедших великих радостях; в этом разговоре было для меня много трогательного — мать говорила о сыне и с чувством; несколько раз навертывались у ней на глазах слезы. Разговор продолжался около часу. Наконец мы откланялись. «Мы еще с Вами увидимся», — сказала она мне очень ласково. Вслед за нами вышли и великие князья. Уваров подошел к Николаю Павловичу³⁹ и просил позволения меня ему представить. И мы пошли на половину великих князей. Вошедши в прихожую залу, Уваров стал говорить одному камер-лакею, чтобы об нас доложить, но великий князь Николай Павлович сам отворил дверь и закричал нам: *пожалуйста сюда поскорее!* И они проговорили со мной с полчаса — дело шло о том удовольствии, какое сделало им позволение императора ехать в армию. Оба красавцы, но Михаил Павлович⁴⁰, не имея той правильности в чертах, какую имеет его брат, приятнее и живее. Великой княгини⁴¹ я не видал — она была нездорова. Теперь государыня в Павловском. Вероятно, что и мне там быть доведется. Я слышал после, что она очень благосклонно обо мне говорила.

Из всего этого можете Вы заключить, что я до сих пор живу весьма рассеянно, — не бойтесь, однако! Эта именно рассеянность более и более привязывает меня к уединению и занятой жизни! Чувствую тягость ее и пустоту и скоро опять засяду в своем углу с *подругой-тишиной*⁴². Всё это хорошо мимоходом; но Боже оборони от очарования. Это — питье Цирцеи, обращающее в свиней Улиссовых товарищей! Надеюсь не хлебнуть из опасной чаши. Что же

---

* Здравствуйте, мсье Уваров (*франц.*).

касается до обольстительного внимания, которое оказывают поэту, то в этом случае надобно, для прохладения самолюбия, читать почаще Геллертову басню о зеленом осле⁴³. В большом свете поэт, заморская обезьяна, Ventriloque* и тому подобные редкости стоят на одной доске — для каждой из них одинакое, равно продолжительное и равно непостоянное внимание. Мое дело жить и писать

Для муз, для наслажденья,
Для сердца верного друзей!⁴⁴

Сейчас явился ко мне Ал<ександр> Павл<ович> Протасов с объявлением, что дело о конкурсе решено, что здешний конкурс уничтожен, а белевский оставлен. Это дело было решено еще прежде, нежели я писал первое мое письмо к Вам. Но Огарев по беспечности не уведомил об нем Тургенева⁴⁵. Я буду просить, чтобы в довершении, если какое только нужно, не было остановки.

Простите. Детей целую. Володьковским друзьям прошу обо мне вспомнить. Азбукину ни слова за то, что он мне ни слова. Наталье Андреевне благодарность за дружеское письмо и уходание за некоторые мрачности, в нем заключающиеся⁴⁶. Всем белевским поклон. Где Свечин?

Vousz donc l'influence de l'air de Petersbourgh!** Перечитывая мое письмо, я замарал то, что написал об Оленине, — это была злая фраза! Надобно быть осторожнее.

Я не сказал Вам о весьма важном: с тетушкою я расстался как нельзя лучше, и она пишет ко мне очень ласково⁴⁷. *Теперь* я не могу ее обвинять, а за многое ей благодарен. Маша мне сказывала, что никогда она так много и хорошо не говорила с ней обо мне, как в то время, когда ей надоедал Красовский⁴⁸, — это неизъяснимо! С Воейковым я ни о чем ни слова, хотя он и дает мне чувствовать *мою несправедливость* в своих письмах⁴⁹, но на это он от меня ответа иметь не будет.

У меня есть *мое* сокровище: Машино мнение! Она всё знает так, как оно есть, — что нужды до тех, которые могут толковать криво и косо и которых толки никакого влияния на судьбу мою иметь не могут.

Чтобы не описывать два раза одного и того же, начало моих здешних походов опишу к Плещеевым, и от них Вы получите это письмо⁵⁰. Теперь, право, не хочется ни об чем этом говорить. Простите. Это письмо и для Мишенского, и для двух володьковских *моих* друзей. Детенков обнимаю. Ваньке скоро пришлю свой портрет⁵¹, который давно заказан в Дерпте, но еще по сю пору мне не доставлен. На всякий случай, чтобы была для меня отделана комната и в ней шкафы для моих книг, простые, но крепкие и недосыгаемые для мышей, и в эти

---

* Чревоуещатель (*франц.*).

** Видите вы влияние петербургского воздуха! (*франц.*).

шкафы да перенесутся и поставятся книги мои так, чтобы я мог их обрести в порядке при своем приезде. Эту заботу возлагаю на моих трех сестер. Что ни говори судьба, а еще весело подумать, что у меня есть прекрасный уголок на моей родине.

Шиллера, о котором я докладывал милости Вашей, у меня нет, и я его от Вас не получал⁵². Прошу прислать. Документы, здесь приложенные, возвратить мне неотменно⁵³. Вы очень меня огорчите, если этой просьбы не исполните. До тех пор и портрет к Вам не поедет — а портрет прекрасный.

В наказание за глупое Ваше сожаление, что Вы не написали мне ничего в альбом *на память*, посылаю Вам десять белых листков, которые все должны быть исписаны. Можете уделить из них часть сестрам и Елене Ивановне.

Вместо десяти бумажек, посылаю *одну*, которая да будет меркою, — по этой мерке выкройте, сколько хотите. *Документы* возвратить на следующей же почте.

227.

К. Я. Дезе

18 июня <1815 г.> Петербург*

Я имел удовольствие получить Ваше любезное письмо, почтеннейший друг Карл Яковлевич, и благодарю Вас от всего сердца за Вашу ко мне дружбу, которой цену знаю и которую сберечь для меня весьма дорого. Благодарю Вас и за исполнение моей просьбы; опять повторяю такую же просьбу: перешлите приложенное письмо к Авдотье Петровне¹. Я получил и от нее письмо, в котором она говорила об отъезде своем в Муратово. Если она точно уехала туда, то возьмите на себя труд переслать это письмо к ней туда и без замедления.

О себе не могу ничего сказать нового. Живу в Петербурге, то есть сию у моря и жду погоды. Не знаю, скоро ли будет погода. Как скоро дождусь, то Вас, как человека, принимающего в добре моем участие, непременно уведомя. Пока повторяю старое, то есть то, что я сердечно люблю и почитаю Вас.

С совершенным почтением честь имею быть
Вашим покорнейшим слугою

Жуковский

Прошу Вас сказать мое почтение Анне Антоновне и обнять Свечина² за меня.

18 июня С.П.Б.

228.

М. А. Черкасовой

<Середина июня 1815 г. Петербург>*

Я очень был тронут, когда узнал Ваш почерк, милостивая государыня Марья Алексеевна, и почувствовал живую к Вам благодарность, когда прочитал Ваше письмо. Мне утешительно было подумать (я получил Ваше письмо, уже уехав из Дерпта), что я предупредил Ваши бесценные советы и что некоторым образом поступил так, как Вы бы хотели, по-Вашему (как Вы пишете). Милая Марья Алексеевна, несмотря на тяжелую болезнь, на горькие мысли, которые поневоле должны тесниться в Вашей душе, Вы еще находите в себе столько чувства, чтобы ими поделиться и со мною, и мне дать отраду! И как не поверить всему тому, что Вы мне говорите, зная, в каком положении всё это сказано! Я, еще не едзя в Петербург, узнал, что могу над собою сделать; я хотел искренно всё это сделать; и теперь уехал сюда точно оттого, что увидел себя в опасности не исполнить ничего, на что было решился точно с радостью и твердостью. Напрасно Вы в заключение своего письма прибавляете что-то похожее на извинение. Ваше письмо для меня бесценно. Видя, какую слабою рукою оно написано, я не могу не чувствовать благодарности и любви к Вам. В болезни и грусти Вы обо мне помнили. Для меня неизъяснимо дорого иметь место в Вашем сердце; а Ваших советов, которые то же, что утешение, я прошу от Вас всегда как самой бесценной милости.

О себе я не скажу Вам ничего; Авд<отья> Петр<овна> покажет Вам писанное к ней письмо¹ — в нем найдете то, что со мною случилось. Здешних моих приключений описывать теперь не хочется: я совсем не в историческом расположении. Здесь мне невесело, но я не скажу, чтоб было тяжело. Рассеянность убивает и грусть, и веселье и делает из жизни добрый нуль. Но эта рассеянность только *сначала*. Надобно везде перебивать и везде показаться, чтобы быть потом забытым и в этом забвении найти свободу и какую-нибудь деятельность. О счастье говорить нечего. Да и куда с ним? Слухи об нем бывают только в первые годы жизни. Опыт скажет потом: *не всякому слуху верь*, и признаюсь: так спокойнее. Можно найти в жизни много прекрасного и без счастья². *Счастье и прекрасное* совсем не синонимы. И беда тому, кто их вздумает называть синонимами. Прошу Вас иногда вспоминать обо мне и давать мне об этом знать; это будет Вам приятно, если Вы себе скажете, что во многие минуты мысль о Вашей дружбе ко мне будет мне ободрением. Дай Бог, чтобы весна возвратила Вам силы и здоровье; услышать об этом будет большою для меня радостью. Простите. Целую Ваши ручки.

Милую Елену Ивановну³, которая в своем приписании мне говорит: *наш друг!* благодарю за это бесценное выражение. Прошу ее иногда обо мне помнить.

Иногда (извините! это глупое слово само собою написалось); я уверен, что она не забудет обо мне. Я посылаю Авдотье Петровне несколько листов из моего альбома, прошу ее непременно исписать из них хотя два — эти листки будут мне очень дороги. Попросил бы об этом и Марью Алексеевну, да боюсь, что ей это будет несколько тяжело. Скажите мне что-нибудь о Петре Ивановиче⁴. Он обещал ко мне писать, но заленился.

229.

Н. И. Тургеневу

<20 июня 1815 г. Петербург>*

Здравствуй, милый друг Николай Иванович, обнимаю тебя от всего сердца, как старого друга и как нового барона¹. Прошу не забывать меня на чужой стороне. Если найдешь время ко мне написать, то очень меня обрадуешь. Я теперь поживаю в Петербурге, где долго ли останусь — не знаю! Прости, любезный друг, будь счастлив. Когда будешь писать к Сергею², напomini ему обо мне. Любите вашего четвертого брата Жуковского.

230.

П. А. Вяземскому

24 июня <1815 г. Петербург>*

24 июня

Вероятно, что мое письмо тебя не застанет в Москве, — ты теперь в хлопотах хозяйственных и собираешься мыслью в Петербург. Надобно исполнить эту мысль. Кажется, что это будет со всех сторон для тебя полезно. Здесь более людей, которые к твоей душе близки; а я всех ближе. Но твое слово, которое принимаю за хранительный голос Гения моего: *не закопиться в Петербурге*, есть для меня благотворный совет. Я Петербурга совсем не люблю, совсем не хочу в нем оставаться, уеду в начале будущего года из него совсем, чтобы совсем посвятить себя своему «Владимиру»¹, отложив попечение о фортунах и счастье. Ни то ни другое не для меня. Авось поэзия не изменит; но чтобы она не изменила, надобно быть ей верным; надобно, чтобы я был

властен побеждать
Все ковы обольщенья,
К прелестной прилеплен мечте;
И мог бы, чист душою,
Небесной верен красоте,
Непобедим земною,

Всё предстоящее презреть,
И с верою смиренной,
Надежды полон, вдаль лететь²

за Музою — утешительницею, хранительницею прямой жизни. Если уеду отсюда, то, верно, буду работать с неутомимостью; причины, разрушающие до сих пор мою деятельность, существовать не будут, по крайней мере там не будут, где я буду. Для моего настоящего блага ты должен мне желать уединения. Против здешней рассеянности я бороться не способен. Прибавь еще к этому и мой пустой карман, с которым здесь не проживешь, — надобно будет отложить вдохновение и работать для денег. Тогда прости «Владимир». Мы затеяли было журнал. Но я начинаю раздумывать. Нет! не журналу надобно посвятить несколько оставшихся, уже полуцветущих лет жизни, а чему-нибудь прекрасному, чтобы имя не пропало вместе с пустою жизнью. Два-три года уединенной жизни — и «Владимир» явится.

Прости, брат. Чтобы меня от беды скорее выручить, подумай о последнем моем предложении. Но кажется мне, что оно сделано в таких обстоятельствах, которые едва ли допустят тебя его исполнить.

Твой Жуковский

Поклон дружеский Вере Федоровне. Батюшкова здесь нет. Он пишет к Гнедичу³. Всё грустен... Жаль его от всего сердца. Машеньку, моего милого ангела, целую.

231.

К. Я. Дезе

9 июля 1815 г. <Петербург>*

Опять прошу Вас, почтеннейший Карл Яковлевич, взять на себя труд и переслать приложенное письмо к Авдотье Петровне Киреевской. Я не знаю на верное, где она — в Долбине или в Козельске, и для того для большей верности адресую письмо на Ваше имя. Очень обяжете, если доставите его без замедления.

Прошу Вас, уведоьте меня о себе: здоровы ли, и что делается в нашем Белеве. А я всё по-старому в Петербурге. Сиж у моря и жду погоды; однако не забываю старых друзей; а Вас особенно люблю и почитаю.

С совершенным к Вам почтением честь имею быть
Вашим покорнейшим слугою

Жуковский

1815

июля 9

232.

А. А. Прокоповичу-Антонскому

18 июля <1815 г. Дерпт>

Здравствуйте, почтеннейший Антон Антонович. Я давно не получал от Вас писем. Здоровы ли Вы и что делаете? В последнем письме моем к Вам я говорил о том, что здесь сделано по общему нашему делу относительно Лицея. То есть я говорил с Мартыновым и говорил с Уваровым¹. Первый требовал, чтобы я последнего заставил сделать об Вас предложение министру. Уваров говорил министру, и Разумовский² отвечал, что он сам согласен, что нет в России человека, которому бы можно было лучше Вас поручить Лицей, но что это именно его и останавливает. Вы нужны Пансиону, который без Вас погибнет. Лицей уже устроен, а Пансион должен быть приведен в устройство. Признаюсь, это и меня самого поразило. Что же будет с Пансионом, если Вы отклоните от него свою руку? И едва ли когда-нибудь Лицей будет для России то, что Пансион Университетский? Место более видно — не спору; но где Вам можно более бы быть полезным: там или здесь? Вне сомнения, в Пансионе. К тому же едва ли и Вам самим не будет беспокойнее. Ожидаю на этот счет Вашего разрешения. Прикажете ли мне продолжать хлопотать с Мартыновым? Ему нужно было, чтобы кто-нибудь прежде него поговорил с министром. Уваров это сделал. Теперь ему самому говорить будет <удобнее>³. По возвращении моем из Дерпта в Петербург (я опять в Дерпте) опять буду говорить с Мартыновым, если только Вы прикажете. Но прошу Вас об этом предварительно меня уведомить; также и о том, что нужно для Виктора Антоновича⁴. Я буду в Дерпте⁵ в начале октября, тогда же приступлю и к печатанию своих стихов⁶.

Простите, почтеннейший Антон Антонович; не забывайте и любите по-прежнему

Вашего Жуковского

18 июля

P. S. Прошу Вас адресовать письма свои: в С.-Петербург на имя его выс<око-
благородия> Романа Гавриловича Соколовича⁷ в почтамт для дост<авления>
В. А. Ж.

233.

А. И. Тургеневу

19 июля <1815 г. Дерпт>

19 июля

Я получил твои два письмаца, милый друг. Коротко, да прекрасно. Мне кажется, что ты *всё* сказал мне (что мог сказать) в этих двух словах: *Ей*¹ и *тебе* скажу одно:

How dear the dream: in darkest hours of ill
Could all be changed, to find thou faithful till*².

Зачем же *dream*? Это совсем не dream! Побывав с тобою, я уверился в одном и на всю жизнь, в одном очень для меня драгоценном, в том, что ты сохранил, несмотря ни на что, свой характер и что ты тот человек, о котором мне везде и во всех обстоятельствах можно думать с утешением. Правда, минут, в которые мы были *вместе*, весьма было немного; но в эти минуты я всегда бывал доволен тобою, и более тобою, нежели собою: мне еще надобно вскарабкаться, чтобы до тебя дойти.

Ты велишь мне написать к тебе о тебе и о себе. Ни того, ни другого не могу теперь сделать. Не знаю, какой туман лежит у меня на уме и на сердце. В минуту более ясную поговорю с тобою; теперь точно не могу. Я ничего не помню того, что думал: всё взбуровлено, а чем, право, не знаю. Такие положения, вероятно, бывали и с тобою.

Теперь лучше говорить о пустяках. Я не оставил своего намерения ехать в Псков. Прошу тебя на следующей же почте прислать мне письмо к псковскому архиерею³ и еще письмо в Печеры⁴, чтобы эти письма могли быть мне вместо паспорта⁵. Скорое и самое важное: что отвечал тебе Фок о Форе?⁶ Прошу тебя уведомить меня на следующей же почте. Мне очень будет больно, если Фор не получит своего *позволения ехать в Петербург* к сроку. Плещеев, вероятно, будет туда в начале августа или в половине. Прошу тебя избавить меня от незаслуженного упрека, отложить на время свою лень и написать для дружбы несколько слов к Фоку.

Благодарю за Петерсена⁷.

Прости, вероятно, до следующей почты. Я пробуду здесь весь август. Теперь всё сижу у себя в горнице. Работаю, но работа механическая. Иная и невозможна. Готовлю сухие материалы⁸. Но когда оживлю их — Бог знает!

Твой Жуковский

---

* Как дорога мечта: в самые мрачные часы злосчастья // Всё могло бы измениться, если б я знал, что ты мне верна по-прежнему (англ.).

234.

П. А. Вяземскому

22 июля <1815 г.> Дерпт*

Ты удивишься, получив от меня письмо из Дерпта¹. Я опять *здесь* месяца на два или на полтора. В Петербург возвращаюсь в начале сентября для печатания своих творений и прочего. Вероятно, что ты к этому времени порадуешь меня верным известием о прибытии своем на берега Невы. Но скажи мне, ленивый друг, за что называешь ты меня холодным? Такого рода изречения не должны бы стекать с твоего пера, из-за 700 верст. Я пишу мало, потому что весьма часто ленюсь писать. А ты много ли пишешь? и что же пишешь? Из двух строк одна посвящена несправедливости и укоризне. Если это слово *холодный* поставлено только для того, чтобы порастянуть строку, то Бог тебя простит! В противном случае стыдно! Не нападай, ради Бога, никогда на мое сердце — оно служит тебе верою и правдою.

Зачем я в Дерпте, спросишь ты? За важным делом — крестить дитя, которое еще не родилось, дитя Воейкова² и так далее. Что делаю? Очень, очень прилежно тружусь для своего «Владимира» — думаю об одном «Владимире», сплю и вижу «Владимира». Но прежде внука будет дед!³ Это загадка! Так и быть! Разгадаю после.

Ж.

Скажу еще два словечка, потому что по причине известной вам холодности сказать более некогда. Твои стихи я выручил у Тургенева и поручил переписать их Блудову. Но всё у меня нет многих из тех, кои бы хотелось поместить в Собрание стихотворений⁴. Назначь сам, и не имеющиеся у меня перепиши.

Прости, брат. Ради Бога, не обижай глупыми сомнениями и еще глупейшими выражениями твоего Жуковского, который любит тебя и будет любить вечно, потому что твоя дружба, твое уважение и дружба и уважение к тебе составляют необходимые припасы для его счастья. Обнимаю тебя. Поклон Вере Федоровне и поцелуй Маше.

22 июля. Дерпт

235.

А. И. Тургеневу

<Около 26 июля 1815 г. Дерпт>

Посылаю книгу Уварова; извини меня перед ним в покраже¹. Я думал, что вам она до времени нужна не будет. Прости, писать некогда. У нас теперь всё

идет кругом. Радость. Моя крестница родила мне крестницу². Любо смотреть на счастье матери.

236.

А. П. Киреевской (Елагиной) и А. П. Юшковой (Зонтаг)

<30 июля> — 2 августа <1815 г. Дерпт>

Отвечаю на ваше последнее письмо, полученное в Петербурге, милые друзья; право, я очень умен, что вздумал просить у вас денег; вы так мило обо мне захлопотали, что сердце обрадовалось из всех сил. Весело быть уверенным, что от вас всегда и везде будет мне *ответ* на всякий мой *запрос*, какого бы он содержания ни был; весело думать об вашем уголке, как о настоящей родине, где *всё*: и родство, и дружба, и воспоминание о прошлом, и настоящее утешение. О будущем говорить нечего. Давно у нас, кажется, решено, что о будущем думать не надобно, что надежда — дело излишнее. *Благодарствуйте за деньги*. Гораздо лучше печатать мне мои стихи¹ на ваш счет, нежели на счет царей и прочее. Я отложил, однако, заняться изданием до моего возвращения из Дерпта, то есть до возвращения Кавелина в Петербург². Он это дело знает лучше меня; он сбережет мои финансы гораздо лучше, нежели я, и вообще будет заботливее. Получив ваши милые письма, я был очень счастлив, и они тронули меня до слез. Я получил их в самый день отъезда моего из Петербурга, и они были мне добрым товарищем на дороге.

Здесь приняли меня ласково, и ласка *продолжается*. Признаюсь, сам не понимаю своего положения и даже не умею его описать. Я приехал с тем, чтобы *окрестивши*, опять уехать в Петербург³, из Петербурга на родину. Вспомните, *что* я обещал, и *что* заставило меня сделать обещание, и *что* я надеялся получить за него. Обещание это помнят; побудительной причины никто, кроме меня и Маши, здесь не знают; а *ласкою* думают всё сделать. Но при этой *ласке* положение то же; одни только формы переменялись. Я не могу быть ни доволен, ни счастлив и со всем тем, по-видимому, не имею права ничего более требовать. С самого моего приезда я веду жизнь *занятую*, то есть сижу в своей горнице за работою, а к ним являюсь только на минуту поутру, за обедом да за чаем. Из этого заключают, что всё кончилось, что петербургская жизнь совсем меня переменяла, и платят мне ласкою, думая, что мне уже более ничто *не нужно* и что с их стороны *всё* уже сделано. И в самом деле, как объяснить то, что мне нужно? Я знаю и чувствую, что для меня ничего не сделано, но где слова, чтобы это выразить, и какими документами это доказать, — а вы знаете, что здесь всё должно быть доказано документами. Я приехал сюда с твердым намерением ничего не требовать, а довольствоваться собственным, из этого заключают, что *я всем доволен*. Но можно ли быть довольным? С Машею мы

розно по-старому, по-старому нет между нами ничего общего! Непринужденной, родственной связи между нею и мною нет; а я только для этого мог бы всем пожертвовать! Я сказал, что хочу быть братом и, право, мог бы им быть во всей силе этого слова; чувствую это и теперь так, как чувствовал тогда; но я в то же время сказал, *для чего и на каких условиях* хочу быть им: это *для чего* забыто; а помнят только слово *брат*, которое всё мое у меня отымает, а мне от них не дает ничего, кроме одной формы. Здесь остаться иначе не могу, как исполнив в точности свое обещание; но как же его исполнить! При тех обстоятельствах, каковы теперь, я не могу, да и не хочу исполнять его! Вот одно, что поддерживает мое намерение здесь *не оставаться*. Но причины, для которой *не останусь*, не поймет никто — припишут капризу и даже неблагодарности. Впрочем, до этого дела нет! Мне нужна доверенность одного человека — и я ее имею. Невозможно и требовать, чтобы они могли понять меня. Для этого надобно бы было позабыть о себе и войти в мое положение. Такого усилия над собою тетушка сделать не может. А Воейков — но его я совершенно вычеркнул из всех моих расчетов. Будучи товарищем и родным Маши, я мог бы и его любить как Сашина мужа; теперь же он для меня не существует. Но он всё единственный родня Маши, а я здесь только живу, имею общую дружбу — не надобно быть несправедливым; тетушка со мной ласкова очень — но вот и всё тут; всё остальное не принадлежит до меня! Одним словом, я имею весь *вид* родства; между тем обещанное должен исполнять *не для виду*. Жаловаться *не на что*, но есть ли *чем* быть довольным? Здесь оставаться — быть братом не для формы, а в самом деле, потому что так обещано. Но вопрос: будешь ли им? На это вам самим легко отвечать. *Одному* быть братом нельзя!⁴ Но буду ли иметь то, что брат иметь должен? Буду иметь одну ласку и только! До прочего же не касайся. Итак, останется сидеть в своей горнице, работать, а с ними не иметь ничего общего, несмотря на ласку, — такое положение тяжело, и едва ли еще не тяжелее прежнего, ибо оно, по-видимому, у меня отымает всякое право чего-нибудь требовать. Здесь всякий день записывают то, что делается; и я пишу в числе прочих. Вот что написала тетушка в одном месте: «Добрый мой, несравненно драгоценный мой Жуковский опять дает мне надежду на прежнюю дружбу; опять вселяется в мое сердце спокойствие и уверенность на ангельские связи на земле»⁵ и пр. Слово *ангельские связи* написано, но где же эти ангельские связи на деле? Я знаю, что она имеет ко мне дружбу; но действие этой дружбы совершенно ничтожно; и она не дает счастья. *Опять дает надежду!* Как будто я отымал ее! Неужели дружба приходит и уходит, как лихорадка! Чтобы дать кому-нибудь счастье, надобно войти в его положение, а не располагать им *по-своему!* Этого-то здесь и недостает. С моей стороны требуют Бог знает какого усилия, а с своей не хотят сделать ни малейшего, забыв, что одно без другого невозможно. Так! Я дал обещание быть братом — чувство, которое заставило

меня его дать, слишком было прекрасно, чтобы от него отказаться! Но пусть же буду им вполне! Половинным счастьем (которое не есть счастье), тем, что есть теперь, я довольствоваться не могу; да и не должен, потому что невольно нарушишь обещанное. Всё нечувствительно делается по-старому. Из всего, что здесь написано, вы легко можете заметить, что у меня в душе какой-то хаос. Постарайтесь его немного рассеять и бросьте несколько света в этот мрак. Вам легко судить о моем положении и объяснить его для меня. Здесь бывают для меня обольстительные минуты, но я им не верю. Остаться здесь — значит не получить того счастья, которое было бы возможно и в то же время отказаться от собственного чувства, следовательно всё отдать за ничто. Уехать — по крайней мере сберечь для себя что-нибудь драгоценное. Будучи с вами, я буду гораздо менее розно с Машею, нежели здесь, и буду иметь право на все свои чувства. Меня с вами всё соединяет и ничто не рознит. Простите до будущей почты. Теперь ничего вам порядочно сказать не умею. Величайший беспорядок в голове и всё в разброде.

1 августа

Вчера получил я письмо от Уварова из Петербурга⁶. Я прилагаю его здесь. Оно заставит меня ехать отсюда скорее, нежели я располагался, хотя не знаю сам, зачем. Потерять выгоды не надобно; если дадут мне то, чего мне единственно хочется, *независимость* (а моя *независимость* в том, чтобы иметь только самое *нужное, но верно*), то я соберусь, вероятно, весною к вам. У меня в голове проект: съездить нынешним летом в Киев и оттуда, если можно будет, в Крым⁷. Этот вояж нужен будет для моей поэмы. Подумайте и вы, друзья, об этом. Что, если бы мы вместе в Киев? А в Дерпт? Нет, я чувствую сам и ясно, что в Дерпте быть не должно! Того не будет, чего мне хочется! А так жить, как жил прежде, как живешь теперь, нельзя! Убьешь Машу, тетушку и себя. Не надобно и от тетушки требовать многого, не надобно и к ней быть несправедливым — нельзя же переселить в нее образа своих мыслей! Следовательно, нельзя и надеяться, чтобы принуждение когда-нибудь миновалось! А при нем никак ни за что ручаться не должно. Живучи здесь, надо исполнить обещанное свято, иначе разрушишь и свое, и их спокойствие! а как исполнить, когда никто не поддержит. Но чтобы решиться одинаково со мною чувствовать, надобно войти в мое положение — это ей невозможно! Невозможность этого давно доказана опытом! Итак, покориться судьбе своей, да быть, если можно, твердым, не унывать, довольствоваться тем, что *есть*; вы, друзья, мне в этом будете добрые помощники. Лишь бы только выхлопотать себе независимость — я бы перелетел к вам, на родину, к родным. Там наш кружок будет очень мал, но мы будем жить если не с счастьем, то с дружбою, и станем вместе тянуть свой крест. Мне кажется, что у вас поживет для меня многое, что в короткое время петербургской жизни моей

успело завянуть. Но, признаюсь, мне страшны эти *grands projets**, о которых Уваров пишет; не готовят ли мне неволи? Тогда плохо придет моей Музе! Я уверен, что ни в Петербурге, ни в Дерпте от нее ничего доброго не родится. Увидим.

Благодарю Вас, милая Eudoxie, за Ваше намерение прислать мне еще две тысячи⁸; но боюсь, что это обременительно, что Вы, не спросясь с благоразумием, даете такие деньги, которые Вам *нужны*; не забудьте о долге, о Ваших постройках; одним словом, печатанье моих стихов пойдет порядочно, а покой мой придет в беспорядок. До тех пор будет камень на сердце, пока не получите Вы этих денег назад; если бы они только были Ваши — тогда бы ни слова; но они принадлежат не Вам одним. Едва ли я не светренничал, что затеял этот подушный сбор с моих друзей. Я знаю, что Вы мне на это отвечать будете, но со всем тем я остаюсь на стороне Ивана Никифоровича, который, верно, хмурится.

Милая Анета, Ваше письмо и грустно и мило. О! я очень чувствую, как должно быть пусто вокруг Вас. Мысль об этой запустелости сжимает душу. Мы *поделимся* ею. Простите, друзья. В голове и душе у меня та же неясность. Из Петербурга напишу более. По крайней мере, теперь *верно* одно: *мне оставаться здесь не должно*. Всё прочее на произвол судьбы! Детей целую. Вас за письмо двадцать раз.

Отвечайте в Петербург. Азбукиных друзей обнимаю. Были ли вы 3 августа в Черни?⁹ Напишите. От Негра нет ответа на три письма; милый бесценный Негр! Люблю его более, нежели когда-нибудь.

2 августа

Я опять раскрываю письмо свое, чтобы написать опровержение на первую его страницу. Ее писало пристрастие. Теперь пишет благоразумие или, лучше сказать, списывает, потому что это еще написано вчера ввечеру после маленькой ссоры с самим собою, которая кончилась миром. А написано это у меня в белой книге, которая в иные минуты бывает мне добрым товарищем, и написано в ней вот что: «Здесь я не имею того, чего желаю! но вопрос, могу ли его иметь? Может ли Е<катерина> А<фанасьевна> быть для меня точно такою, какую я бы желал! Нет! Это *невозможно* и невозможно *не от нее*, но от обстоятельств наших, которые должны нас рознить. Как же *обвинять* за невозможное? Было бы несправедливо! А несправедливое обвинение только прибавит одно лишнее и бесполезное горе к тем горестям, которые она имела и *имеет*. Гораздо лучше, и благороднее, и справедливее *жалеть* о тех обстоятельствах, которые и ее, и меня лишают способа дать друг другу какое-нибудь счастье, и не силиться *победить непобедимого*. Ласки ее точно ко мне искренние, но более не может она дать ничего, и виноваты в том обстоятельства. Мы смотрим на вещи

---

* Великие планы (*франц.*).

разными глазами, мы не согласны в образе чувств наших — без этого *согласия* быть вместе нельзя; будем только мучить друг друга; но стараться произвести это согласие также *нельзя!* на это усилие она неспособна. Итак, *растаться* и не обвинять ее несправедливо. Она так же достойна сожаления, как и я!»¹⁰. Видите, сколько перемен в три дня. Но теперь, кажется, хаос в порядке.

У бесценной Марьи Алексеевны целую ручки; каково ее здоровье? Поклонитесь самым дружеским образом Елене Ивановне. Здорова ли Наталья Андреевна? Что от нее нет никакой весточки?¹¹

Бедный Федор Александрович!¹² Жаль его от всего сердца! Еще одним прекрасным, благородным человеком менее в нашем кругу!

Пошлите письмо Уварова к Плещееву и скажите ему, чтобы он отвечал мне на мои три письма. Я, однако, не *доюсь*. Буду писать к нему из Петрограда. Ав<дотья> П<етровна>! Кавелин должен непременно Вам нравиться¹³: он прекрасный человек, — когда увидимся, расскажу Вам один его поступок, которого довольно, чтобы судить об нем безошибочно. А мне он был большим утешением в первые минуты петербургской жизни, за которые я заплатил ему искреннею дружбою. Я с ним говорил *обо всём* и нельзя было скрываться потому, что эта доверенность была уже сделана Воейковым в дни его *пламенной ко мне дружбы*.

237.

А. И. Тургеневу

<1—2 августа 1815 г. Дерпт>

Обнимаю тебя, милый друг, и благодарю за письмо¹. Что ты говоришь мне о жертве и о моем солнце?² Разве я поехал сюда с тем, чтобы греться подле моего ясного солнца? Нет, брат, оно яснее для меня, когда я от него далее. Тогда оно одно только для меня видно, и ничто противное не темнит его милой ясности. Здесь я не должен глядеть на него свободными глазами; здесь душа, мысли и чувства сжаты. Уехать отсюда не будет для меня жертвою. Напротив, здесь остаться было бы жертвою, жертвою всего, что мне дорого, лучших своих чувств. Не говорю уже о надеждах; их нет, да они и не нужны! Жаль, что ты не со мною; мы бы многим, многим поделились, и никто лучше тебя не умел бы взять принадлежащей части. Знаешь ли, за что я тебе благодарен в последнее время? За мысль, что ты мне истинный друг! Право, она животворна. Во все те минуты, которые мы проводили *вместе, как должно*, я чувствовал, что у меня что-то приятное теснило грудь: так было мне усладительно находить в тебе прежнюю высокую душу, *прежнюю*, несмотря на ту тяжелую корку, которая выросла на нее и которая ее скрывает от других, может быть, и более опытных, нежели мои, взглядов. Во мне более ребячества и, может быть, мелкости, нежели в тебе; но мы понимаем друг друга сердцем, и эта связь вечная. Я внутреннему чувству

верю. Оно не определяется словами, но оно ясно. Во все хорошие наши минуты, в минуты откровенности, я чувствовал, что мы товарищи, и это чувство меня возвышало.

Что же ты ничего не пишешь мне о себе? Ты говоришь в своем письме только о моем, а о своем ни слова. И я уверен, что это от *лени*. Как некстати, но как натурально! Надобно быть мною, чтобы это понять, и тобою, чтобы так лениться. Говорить много не надобно: *для меня счастье на стороне должности*; а против того, что может нарушить это счастье, твердость и деятельность. Прости, милый друг; в конце августа я у вас³. Обними Блудова и Дашкова. К Блудову я написал письмецо на прошедшей почте. Его не приняли. Посылаю теперь. И книгу посылаю. Побрани Жихарева⁴ за то, что он не держит слова и не написал ко мне.

Твой Жуковский

В письме к Уварову мой ответ на ваши письма. Agissez en mon sens*.

238.

А. И. Тургеневу

4 августа <1815 г. Дертт>

4 августа

Я получил от Анны Петровны Юшковой¹ письмо, в котором большие тебе благодарности за такое *скорое, деятельное и внимательное* исполнение ее просьбы. Если бы ты сам получил эти благодарности, то, вероятно, поверил бы, что их стоишь. В самом деле, как ты хлопотал! Почти так же, как и о докторе Форе, который так восхищен тем, что еще по сию пору ничего не получил от Вязмитинова², что даже и не благодарит. В ответе своем Юшковой я тебя, однако, описал *in naturalibus*** и посылаю тебе твой портрет для того, чтобы ты мне сам сделал на него критические замечания. Письмо мое гласит так:

«Оставьте ваши *scrupules**** насчет Тургенева и не заботьтесь ни о формах благодарности, ни о самой благодарности. Вот человек, который одарен прямо высокою душою. Знаете ли, что мешает ему быть одним из первых людей? *Толстота*, которая заставляет его часто спать, вместо того чтобы действовать, и произвольная, но убийственная и для него почти непобедимая рассеянность, в которую бросили обстоятельства по службе. Прекрасная душа исчезает посреди этого вихря, и я даже не вижу способа помочь этому. Есть один способ; но, боюсь, если он его не воскресит, то убьет. Во время моего пребывания в Пе-

---

* Действуйте в моем духе (*франц.*).

** В натуре (*лат.*).

*** Сомнения (*франц.*).

тербурге я провел с ним настоящим образом *несколько часов*, — но в эти часы я прямо был *ему рад!* Та же простая, превышающая всё, что вокруг нее, душа, какая была и во *время оно*. Он не имеет уважения к людям, потому что их знает и принужден возиться с ними в одном и том же навозе. Они почитают этот навоз приличною им отчиною, он же просто грязью. В нем две противности (от которых по большей части ему бывает плохо с самим собою); совершенное равнодушие к окружающему его, происходящее от того, что всё окружающее его *не стоит*, и невольная, но сильная (не душевная, а механическая) привязанность к этому ничтожному, произведение обстоятельств и врожденной беспечности. Он отдал себя, или, лучше сказать, кем-то отдан на волю потока, и несется в нем с грузом высоких чувств и мыслей, которые в нем радуют менее самого его, нежели его *друзей* в те *минуты*, в которые удается им достичь до его чувств и мыслей. В эти минуты я всегда бывал с ним счастлив и поздравлял себя с именем его друга, потому что это есть великое достоинство. Особенная черта его: *независимость* в образе мыслей и чувств ни от кого и ни от чего, и какая-то гордая *беспечность* в открытии их перед другими, так что никакая осторожность, никакой, как говорят немцы, *Menschenfurcht**, его остановить не могут. *Я знаю его совершенно*. Но весьма немногим можно знать его; мелочному, или не близкому к нему, или только здравомыслящему человеку весьма легко иметь об нем самое обыкновенное или невыгодное мнение. Но он посреди невыгодных этих мнений и толков разгуливает свободно и беспечно и готов спать на острие тех ножей, которыми думают его изрезать. Он часто меня удивляет. Подумаешь, что он или дремлет, или не слушает, а вдруг скажет что-нибудь такое, что заключает в себе глубокую и справедливую мысль, точное вдохновение, но плод обдуманности и опыта. Мне всегда забавно видеть некоторых человек, которые, не имея и не будучи способны иметь обо нем настоящее понятие, гуляют на его счет и, будучи безопасны под щитом его к ним невнимательности, судят его решительно, а его *молчание* считают за признание, коего можно было бы справедливее принять за *презрение*, когда бы не было оно произведением самой простой беспечности насчет всего мелочного. Самолюбивому и мелочному человеку трудно его любить, потому что он слишком небрежет о формах и не щадит никакого самолюбия, менее от *malignité*** , чем от беспечности. Много людей могут быть им недовольны, потому что множество на него требований, а он по беспечности заботится только о том, что почитает важным, мелочное же забывает. Зато в важном случае никто так просто и бескорыстно не пожертвует *собою*, как он».

Видишь ли, что мне иногда бывает досуг говорить о тебе и что я так же о тебе иногда рассуждаю, как о плане своего «Владимира». Прочти это Софье

---

* Человекобоязнь (нем.).

** Злорадство (франц.).

Петровне³ и сообщи мне ее мысли. Весьма будет мне весело, если мое о тебе понятие пройдет через ее сердце и в нем очистится. Теперь ты, верно, уже получил мое письмо. Вот дополнение к тому, что я писал к Уварову. Чтобы сделать для меня то, что мне надобно, вы должны иметь настоящее об нем понятие, то есть о том, что мне надобно. Боюсь я этих *grands projets*^{*4}. Могут составить себе за меня какой-нибудь план моей жизни, да и убьют *всё*. Ты можешь обо мне переговорить и с Нелединским. Он в состоянии всё понять и всё объяснить государыне просто. Переговори с Уваровым и с ним и объясните всё между собою. Тебе, кажется, не нужно иметь от меня комментария на то, что мне надобно. Независимость, да и только! Способ писать, не заботясь о завтрашнем дне. Что, где и когда писать — мне на волю. Я не буду жильцом петербургским; но каждый год буду в Петербурге непременно. Вот главная мысль; остальное можешь придумать сам. Еще скажу одно. Мне бы хотелось в половине будущего года сделать путешествие в Киев и Крым⁵. Это нужно для «Владимира». Первые полгода я употребил бы на приготовление; а последние — на путешествие. Но еще уговор, чтобы не давать чувствовать, что я пишу «Владимира», ищу покровительства для «Владимира»: если писать сделается для меня обязанностью непременною, то сказываю наперед, что написано ничего не будет. Отвечай на это письмо скорее. Когда мне надобно приехать?

Да если и на будущей почте ты ничего не напишешь мне о Форе, то я надуюсь не на шутку. Не посади меня в цепь мелочных людей, недовольных тобою за беспечность. Я не хочу принадлежать к этому классу. Прости. Обними за меня твоего несравненного Сергея и Николая⁶. На свете много прекрасного и без счастья⁷. Давеча поутру я нечаянно развернул Бутервека⁸ и прочитал написанное на одной странице карандашом: *Le bonheur consiste dans la vertu qui aime et dans la science qui éclaire*^{**}. Это стало мне теперь понятнее. Душа добродетельная наслаждается, то есть любит с чистотою и бескорытием; душа просвещенная судит себя и всё, что ее окружает; истина дает прочность наслаждению; великие мысли совершенствуют великие чувства, удерживают их на полете! Произведение всего этого есть счастье. Помнишь ли, что говорит Миллер: *Lesen ist nichts; lesen und denken etwas; lesen, denken und fühlen die Vollkommenheit*^{***9}. На место *lesen* поставь *leben*^{****} и прощай.

Жуковский

* Великие планы (*франц.*)

** Счастье — это добродетель, которая любит и знание, которое просвещает (*франц.*).

*** Чтение — ничто, чтение и размышление — нечто, чтение, размышление и чувствование — совершенство (*нем.*)

**** Жить (*нем.*).

239.

А. И. Тургеневу

<14 августа 1815 г. Дерпт>

Вот письмо, полученное мною из Белева от милой женщины, которую ты должен любить как сестру, потому что она точно мне сестра¹, и которой просьбу ты должен исполнить. Не одну ее просьбу, но и вместе мою. Федор Александрович Камкин², бывший белевский почтмейстер, был мне искренний приятель. Монастырев³, его помощник, очень хороший человек, также мне коротко знакомый. Камкин его любил, и всё, что сделано ему добра, было сделано им. Для меня было бы весело довершить это добро, и точно сочту за знак твоей дружбы, если ты в этом случае мне поможешь. Прошу тебя, похлопочи и забудь свою беспечность. Верно, Козодавлев⁴ захочет исполнить такую бездельную твою просьбу. А мне будет истинною радостью, если честному человеку дадим хорошее место. Брат, прошу тебя. Скоро обойму тебя. Много, много через неделю. Поклонись Уварову и Блудову.

Письмо твое⁵ пришло ко мне в хорошую минуту, в такую, в которую я был к тебе ближе, потому что писал тогда стихи доброму человеку⁶, стихи не для печатания, но для облегчения сердца и для друзей. Прочту, когда приеду.

Приложенное письмо тотчас доставь Жихареву.

240.

М. А. Протасовой

<Около (не ранее) 14 августа 1815 г. Дерпт>

Мне давно бы пора привыкнуть думать и верить, что Провидение всегда в тяжкие минуты посылает утешение. Но *здесь* невозможно сохранить нужный для этого порядок в душе. Столько грустных чувств на нее нападает, что она не в состоянии с ними сладить, не в состоянии от них отделаться; а пока они *тут*, по тех пор ничто хорошее, следовательно справедливое, нейдет в душу. Надобно чему-нибудь постороннему, прекрасному случиться, чтобы ею овладеть, оттащить насильно от дурного и всё показать с лучшей стороны. Это со мною и случилось. Эверс подоспел мне на помощь¹ и если не совсем утешил, то по крайней мере заставил глядеть другими глазами на горе. Послушай, милый друг, как бы ни дурно жить, но добрая жизнь, взятая в целом, есть и счастливая. Это надобно сказать, подводя итог, а не тогда, когда душа взбуровлена и нельзя сделать счету. Здесь я часто бываю *бессчетным*²; в Петербурге совсем другое, но едва ли не хуже — сухая, мертвая жизнь! Будучи там и чувствуя тамошнее дурное, я часто жалел о здешнем дурном; здесь, по крайней мере, оттого, что принужден с собою бороться, поневоле добираешься до чего-то прекрасного, что

на несколько времени бросает большой свет на душу; там нет ничего — полное, мертвое ничтожество. Но и здесь убийство! Сердце более нежели когда-нибудь разрывается. Можно привыкнуть даже к ненависти. Уехать на родину³ — там буду совершенно жить для тебя; старого милого прежнего и настоящего никто у меня не отнимет. А будущее всё поручаю тебе. Но мысль, что я буду свободен, буду располагать своим временем, буду иметь подле себя друзей, с которыми всё *мое* разделить можно, эта мысль для меня мучительна! У тебя этого ничего не будет, а я этим пользуюсь! Эта мысль всё должна отравить. И еще воображать, что ты должна успокаиваться только тем, чтобы ничего *не ожидать от них*. Это несносно! Против этого надобно вооружиться твердою мыслью: *сделать лучшее употребление из судьбы своей*. Думай обо мне — в этом для тебя всё! Мое всё я обещаю исполнить! Я слишком много позволяю над собою иметь влияния печальному — в минуту грусти я всё забываю и на всё рад опрометью броситься. Мне надобно более верить твоей твердости — ты имеешь в душе своей гораздо более силы, нежели я! У меня тени нет твоего терпения! Но как же терпеть, смотря на несправедливости и холодное невнимание к тому, что должно разорвать сердце (я говорю не о Воейкове); нет! здесь жить, всё видеть и молчать — не достанет жизни. Одно место твоего письма несносно — как могла ты стать на колени и просить прощения Бог знает в чем и перед кем же? Это унижение нестерпимо — ради Бога, в таких случаях вспоминай обо мне и не давай над собою воли!

Милый друг, у нас нет счастья — но мы имеем много! То сердце, которого ты требуешь, принадлежит тебе, навсегда, одной тебе и ни в чем другом не найдет замены той жизни, которую находит в своей привязанности к тебе! Разве этого мало! Разве не утешает тебя мысль, что я для тебя буду *стараться жить*; для тебя становиться лучшим, тебе буду посвящать каждую хорошую мысль, каждый хороший труд — где бы ни был, всюду с тобою! Разве не утешит тебя мысль, что ты будешь причиною всего хорошего в моей жизни, хранителем ее чистоты! Заглядывай всегда в окно, когда нужно будет тебе утешения; ты увидишь домик Эверсов⁴ — в этом уголку прекрасное, угодное Богу творение! Посмотри, как он спокойно смотрит на прошедшую жизнь свою, как *всё* ему друг; это плод чистоты душевной! Брат его и *твой питомец*⁵ будет об вас думать всегда вместе, об вас, чтобы быть всегда вашим, чтобы быть к вам *ближе*; он будет час от часу более окружать себя хорошими мыслями и, может быть, делами! От дурного вы же будете ему защитою! Теперь каждый прекрасный вечер будет напоминать мне о двух моих товарищах и будет мне уроком, и ободрением, и утешением!

Когда поеду к нашим, примусь писать *ответы* на многие важные для жизни *вопросы*. Это всё будет для тебя. Это будет моя философия, основанная на одних *моих* опытах, а все мои опыты в одном — в моей к тебе любви! Больше ничего я не испытал на свете! Всё или от нее происходило, или к ней отно-

силось! Там, т. е. на родине, много для меня драгоценного — там наши общие воспоминания! Знаю, что будет грустно и тяжело, но там только и жить можно. И эти воспоминания будут *записаны для тебя*. Ты же непременно имей положенную работу — переводы нашего Дрезеке⁶, делай свои выписки и записки, будь более с собою; у тебя нет особого места — уступи необходимости; *когда* найдешь время, *где* успеешь, подле Катиной колыбели⁷, рано поутру, где ни попало, пиши, читай, думай. *По доброй мысли на каждый день* — довольно хотя того. Почему знать — может быть, Провидение требует только терпения и покорности. *Лучшее употребление из судьбы своей!*

241.

А. И. Тургеневу

<Середина августа (до 21-го) 1815 г. Дерпт>

Прилагаю при сем письмо Петерсона¹ и прошу тебя о том же, о чем просит и он, то есть покровительства Гуну². Если можно, то не откажи ему в его просьбе; здесь все его разумеют, как хорошего и почтенного человека. А я тебе напомним, что брат его бывал у твоего отца во время болезни и старался усердно ему помочь³.

Я поеду отсюда 21 или 22-го⁴. Это еще не будет поздно. Нечего о себе сказать доброго.

Во всём, во всём печальный слышу голос,
Что ничего мне жизнь не обещает⁵.

Я на будущее смотрю без желания и ожидания. Из дурного лучшее для меня уединенная и занятая жизнь, следственно не петербургская и не дерптская. Но какая бы ни была, всё будет полумертвая. Прощай, брат.

242.

А. Ф. Воейкову

19—22 августа 1815 г. <Дерпт>

19 августа 1815

В журнале вашем¹ ты написал обо мне между прочим, что я был с тобою милостив и разговорчив и что ты это замечаешь для приятного воспоминания. Почитав это, я решился написать к тебе как можно яснее. Сначала я этого не хотел делать. Теперь нахожу это нужным, первое, чтобы ты знал образ *моих* мыслей, второе, может быть, и для того, чтобы быть для тебя полезным. Хотя последнего и очень мало надеюсь.

Я очень понимаю намерение, с каким эти строки написаны обо мне в журнале. Надобно было *представить* меня человеком своенравным, угрюмым, капризным, который дуется Бог знает за что и своим нелюдимым характером разрушает спокойствие семейное. Признаюсь в своем пороке: я не могу себя никак принуждать, и моя наружность всегда отвечает внутреннему расположению. Молчать я мог потому, что так было должно. Но большего усилия над собою сделать я был не в состоянии; моя холодность к тебе происходила от моего образа мыслей на твой счет и от твоих поступков. Чтобы дать понятие об этом образе мыслей, надобно наперед заглянуть на старое.

Прилагаю здесь три письма², мною писанные к тебе в прежнее время, в разные эпохи нашего несчастного *вместе*³. Я перечитал их с чувством ужаса — всё сбылось, что думал тогда. Эти письма дадут тебе понятие о тогдашнем образе мыслей моих. Теперь буду говорить только о том, что было с нами после моего последнего возвращения в Муратово⁴, и еще кое о чем упомяну прежнем.

Помнишь ли наш самый первый разговор об Авдотье Николаевне Воейковой?⁵ Ты сказал мне тогда, что хочешь на ней жениться, что этою женитьбою хочешь спасти ее от ее несчастных обстоятельств, что для общей вашей безопасности желаешь найти место и для того избрал профессорство или в Дерпте, или в Казани — вслед за этим я написал письмо к Тургеневу и он начал хлопотать о профессорстве⁶. По глупейшему простодушию я счел, что одно побуждение самой нежной дружбы к Авд<отье> Никол<аевне> тебя заставляло желать этого супружества⁷. После ты заметил, что тебя *ищут*, — мысли переменились⁸. Первая связь забыта. Ты поехал в Петербург, с другими надеждами, но всё для своего профессорства, и там уверил Кавелина и Сиверса⁹ (от которых это я слышал сам), что профессорство и самая женитьба нужны тебе единственно для меня, что мои выгоды этого требуют. Нынче в Петербурге читаю письмо Саши к Кавелину, в котором стоит¹⁰: «Воейков признался, что связь была разорвана и что и в самом деле так было, потому что он желал места в Дерпте для того только, чтоб быть от нее далеко»¹¹. И это написано в каком письме? в том, которое должно было служить вместо *исповеди* перед оскорбленным, благородным сердцем Кавелина; Кавелин требовал от тебя раскаяния, а ты, чтобы себя оправдать, *солгал* в ту минуту, в которую всем бы сердцем должен быть тронут и обрадован возможностью простым признанием перед *второю твоею совестью* (как ты говоришь сам о Кавелине) обратиться к добру и всё мерзкое прошедшее загладить прямым благородным желанием добра. Вот была для тебя минута *перерождения* — вместо того чтобы решиться *быть* прямо добрым, ты с совершенным равнодушием к добру решил только *казаться правым*, и перед кем же? перед честным, чистым другом, который подавал тебе руку помощи. В такую святую минуту ты решил быть низким обманщиком и не постыдился заставить ангела жену твою написать то, чего бы не должна была *она*

писать. И что же еще? вместо того чтобы иметь какое-нибудь сожаление к той женщине, которая была тобою развращена, ты всё сваливаешь на нее; Саша пишет: «Выходя замуж за Воейкова, я ничего не знала о связи его с этою ужасною женщиною, которая ничего не имеет святого и которая завела его удивительным притворством, фальшивою искренностью и романическою страстью. Добрый, умный и простодушный мой Воейков считал себя любимым выше всего и что всем для него жертвовали».

Это пишет чистое перо Саши, пишет от имени своего мужа, который стоит перед своим другом, требующим от него искренности, прямоты! ¹² Ты так же поступил и со мною! Помнишь ли, когда в Муратове (в то время, когда ты еще только начал надеяться войти в семью Е<катерины> Афан<асьевны>), я сказал тебе о том, что слышал от Мерзлякова о твоей связи — что ты мне ответил? *Мерзляков клеветник и пьяница!* И я имел несчастье поверить — да для меня казалось естественнее Мерзлякову *ошибиться* и сказать вздор, нежели тебе с таким спокойствием говорить *наедине* тому человеку, которого ты называл другом, *такую бесстыдную ложь!*

Всё это я пишу не для того единственно, чтобы сказать тебе что-нибудь жестокое, — в этом нет ни удовольствия, ни пользы; мое письмо имеет совсем другую цель. Оно должно оправдать мою к тебе холодность, показать ее причины, а вместе с причинами и то, что тебе для собственного твоего счастья и для спокойствия твоей семьи можно и должно поправить. Поверь, что во всё это ничто собственное мое не входит; мы теперь навсегда разны; но, по несчастью, всё, что мне дорого, зависит единственно от тебя — если у тебя есть сердце, то мой голос до него дойдет, если ж нет, то я исполнил то, что считал должным.

Помнишь и наше первое расставание в Муратове? ¹³ Сначала я был в отчаянии — тогда не было для меня еще ничто известно об Авд<отье> Ник<олаевне> Воей<ковой>, но я уже начинал *подозревать* истину. И из этого предсказывал себе несчастную судьбу Саши и Маши. Но я подумал, что прошедшее еще можно загладить, и решился поговорить с тобою искренно. Я помню мой разговор с тобою в моем флигеле — я всем сердцем тебе вверился и, напоминая тебе о нашей молодости, требовал, чтобы ты исполнил то, что было положено между нами *тогда*, то есть быть добрыми товарищами в жизни; помню и то, что писал к тебе после моего отъезда в Чернь ¹⁴; ответ Саши на это письмо у меня перед глазами ¹⁵. Требование мое не в том состояло, чтобы ты исполнил невозможное, — это было бы безумно! Но в том, чтобы ты был утешителем Маши, — спрашиваю, исполнил ли ты эту просьбу? Не притворяйся передо мною и не думай обмануть меня словами — я видел твое обхождение с нею! ¹⁶ В нем нет никакого благородства! Тебе приятнее каждую минуту давать ей чувствовать, что ты всемогущий в доме, что ты владеешь и сердцем ее матери, что твоя воля ей закон, нежели быть ей таким товарищем, как должно! Последнее труднее!

для этого надобно иметь чувство, входить с нежностью в грустное состояние души — ты выбрал лучше удовольствие притеснять и мучить! В самом деле удовольствие! Особливо когда перед тобою молчат! Но чтобы иметь такое удовольствие, надобно иметь особенную черствость в душе! В этом случае, конечно, достойнее сожаления ты, нежели она! Страдания могут кончиться! Никто на свете не сделает ничего вопреки Провидению, но причинять страдания и иметь в душе нужную для того способность — вот несчастье совершенное! Посмотреть *издалека* на судьбу твою — как ей не позавидуешь! Семья, какой другой не найдешь в свете, все лучшие радости жизни под рукою — что бы тут могло быть? настоящее счастье, взаимная доверенность, взаимное уважение, всё! но чтобы пользоваться всем этим, недостает только человека! Ты посреди этого добра слеп и нем душою! И я не говорю об одной Маше — я говорю о *всех вообще*, но для Екатер<ины> Афанась<евны> нет и не может быть такой тягости — кроме иных минут, ты показываешь ей все *наружности* любви, а я знаю, как она легко может довольствоваться наружностью! Кому ей *надобно* верить, она тому верит! Только бери на себя труд *казаться*, и *будешь* всем, чем только желаешь, в глазах ее. Но, спрашиваю, верно ли такое счастье? Что это за согласие семейное, которое всё основано на притворстве? И как бы легко было ему быть *истинным*, когда бы только те, которые составляют семью, решились не *казаться*, а *быть* прямо тем, что должно!

Ты хочешь дать им чувствовать, что я холоден с тобою от каприза и своенравия! Нет, я холоден с тобою, или, яснее, я разорвал всю с тобою дружбу, за твое притворство, за твою нечувствительность, за твое грубое с ними всеми и в особенности с Машею обхождение. *Притворство* — вот его доказательства!¹⁷ Не говорю уже о первом твоём обмане! Но спрашиваю, кто жарче тебя принял мою сторону? Не ты ли обо всём разблаговестил в Петербурге? Не ты ли втрое сильнее моего держался моего мнения? Я здесь напомню только о твоих стихах, которые навсегда останутся документом твоего тогдашнего (*нужного для твоих выгод*) образа мыслей!¹⁸ Потом не я ли своими ушами слышал, как ты всё, что сам утверждал некогда с таким жаром, опровергал еще с большею ревностью, называл святотатством, противным религии и нравственности?¹⁹ Что могло побудить тебя к тому и другому? Надобно было выбрать одно: или быть согласным или несогласным со мною и крепко выбранного держаться. А ты мыслил *со мною одинаково* только тогда, когда считал меня *нужным*, — хоть, право, не знаю, на что я мог быть тебе нужен! Всё, что было тебе надобно, сделалось без меня, и пособие мое только всё бы для тебя испортило. И ты *перестал* соглашаться со мною, как скоро увидел, что я тебе ни на что *не надобен*. Поверь, что мне никогда бы в голову не пришло обвинять тебя за неудачу, — ибо успех не в твоей воле! но за такую переменчивость по нужде и месту можно ли не обвинять! Притворство в дружбе, или, лучше сказать, вид дружбы (потому что

самой дружбы никогда не бывало), и есть уже натуральное всего этого следствии. В Москве твердишь мне о том, что непременно надобно просить императрицу²⁰, а Екатер<ине> Афанась<евне> твердишь противное; то вступишься за меня, то опять скажешь ей, что мне слишком много дают надежды; одним словом, играешь ею и мною; здесь, в Дерпте, напому только о двух случаях: увидев однажды у Маши мои экстракты, которые она должна была переписывать, я, не говоря ей ни слова, унес свои тетради, и после об этом сказал тебе же; ты побежал к *ним* и сделал страшную историю: я прихожу к вам — мне ни слова, большая со мною *ласка* от тебя и большая *холодность* от Е<катерины> Афан<асьевны>. К счастью, приходит Маша и требует от меня *при тебе* назад моих тетрадей — это доказало мне, что уже *всё сказано* было Екатер<ине> Афан<асьевне>, но сказано (как и многое) *не при мне*²¹. Где же прямодушие? И как жить вместе, когда *в одном углу* друг о друге будем говорить противное тому, что скажем *в другом*? Тебе же всегда говорить легко — тебя спрашивают, тебе верят; я буду только чувствовать следствие разговоров, а что сказано, того знать не буду. Другая черта: я обещал Е<катерине> А<фанасьевне> переменить совершенно свое чувство к Маше, обещал искренно — верь этому или не верь, в этом нет большой нужды! Но знаешь ли настоящую причину этого обещания? Я думал получить за него полную доверенность, полное право быть Машиним братом²², ибо видел, что ей нужна подпора, и *подпора от тебя*, ибо видел, что ты не только не имеешь к ней надлежащей привязанности, но в случае нужды способен ею пожертвовать!²³ Я надеялся получить эту доверенность, и тогда, имевши в нашей семье одинакие права с тобою, я был бы от тебя независим и именно тогда могли бы мы быть с тобою дружны! Да, дружны, потому что тогда уже я мог бы любить в тебе Сашина мужа и моего родню и иметь полную свободу в семье и искреннюю дружбу сестры, считал бы обязанностью говорить тебе всё прямо и тем беречь общее счастье! На несколько минут вообразил, что такая связь между мною и Е<катериной> А<фанасьевной> возможна, и как гора упала с сердца. Всё, что на нем было против тебя, тотчас пропало из памяти. Я помню наш разговор с тобою²⁴: ты говорил мне вещи жестокие, но у меня тогда было на душе легко, и я принял это за искренность и был тебе благодарен. То, что я тебе написал тогда в альбом, было искренним выражением моих мыслей. Я выдрал эту страничку из твоего альбома, там она не на месте; но здесь она кстати. Вот что было там написано:

Хороший плод хорошего разговора. «Счастлив тот, кому удастся пройти по земле, не споткнувшись, или кто, споткнувшись, воздержался от падения! Но еще не совсем несчастлив тот, кто, упавши, сохранил силу подняться и спешил ею воспользоваться; кто *вовремя* может себе сказать: нет ничего лучше исполнения должности; кому осталось если не столько жизни (ибо как польститься на жизнь), то по крайней мере столько надежды на жизнь, чтобы это

исполнить на деле. Исполним же это на деле и, если можно, вместе. Что бы ни сулили страсти, но годами своих наслаждений не дадут они того, что дает одна минута добродетели. Какая бы ни была наша судьба — она зависит от Провидения! Но то, что от нас зависит, есть: быть ее *достойными*, когда она счастлива, и быть *лучше* ее, когда она несчастна. *Всё в жизни к великому средству*²⁵.

Эти мысли были точно плод нашего разговора, но они пришли *не в первый раз* мне в голову. Дело уже было решено. Я уже прежде написал письмо к Е<катерине> А<фанасьевне>, в котором обещал быть ее братом²⁶. Я думал, что это было дело возможное, и мне легко было от всего сердца помириться с тобою. Я готов был на *товарищество* с тобою, и то, что ты мне говорил, очень тяжелое, но *отчасти* справедливое, хотя было оно сказано с обыкновенною твоею грубостью и всё увеличено, тронуло меня, потому что я видел тут что-то искреннее и считал это задатком того, что я сам в свою очередь хотел для тебя делать. Ты говорил мне, что я *обманул* Е<атерину> Афан<асьевну>; что мне должно *заслужить* прежде ее доверенность; что некоторые мои поступки были *дурны и неприличны*; что я сам у себя отнял право на доверенность. И я со всем этим согласился. Теперь много бы дал я здесь тебе объяснений на всё это, но на что сие!

Это меня поразило тем более, что я был искренно готов всем пожертвовать, и уверяю тебя, что тогда было совершенно забыто, что *ты* своими дурными поступками заставил меня решиться на такое пожертвование, на которое я и не считал себя способным, — одним словом, я видел перед собою новую жизнь, семейный покой, общее согласие, общую взаимную доверенность, прекрасное *вместе*, посвященное добру и счастью! Дурацкое заблуждение! Через несколько дней, читая твои стихи в мой альбом, я изорвал их, но оставил для себя список. Вот они:

У Гениев, как у царей,
Премножество льстецов под именем друзей,
Но я уверен в том по чести,
Что человек с умом
Найдет различие меж другом и льстецом:
Лстец гладит по шерсти, друг гладит против шерсти!

Это было прочтено с торжеством, в общем собрании²⁷. Но такого ли ответа можно было мне ожидать! Эти стихи должны были заставить думать, что всё мною сделано по твоему совету, и ты этим вздумал хвастать! *Ты* подавал мне спасительные советы?! Но когда же? Не тогда ли, когда в Петербурге всех уверял, что Дерпт и женитьба тебе нужны только для меня²⁸, не тогда ли, когда вместе со мною просил И<вана> Влад<имировича> написать письмо к Е<катерине> Аф<анасьевне>, над которым после смеялся?²⁹ Не тогда ли, как вместе с Плещеевым созидал план насчет императрицы и потом в Москве перед отъездом

в Дерпт советовал мне этот план исполнить, говоря между тем всё противное Е<катерине> Афан<асьевне>? Наконец, не тогда ли, как мне советовал увезти Машу?³⁰ и пр. и пр.

Чтобы узнать твое намерение, я спросил у тебя при Е<катерине> Афан<асьевне>: «Когда же случалось, чтобы ты гладил меня *против шерсти?*» И я угадал твой ответ прежде. Ты именно указал на *последний наш разговор!* Но кто же и тут заставил тебя говорить, как не я! И не *правда*, сказанная тобою, мне понравилась (она пришла поздно, потому что всё было прежде мною самим себе сказано), — но *откровенность*, с какою была она, по-видимому, сказана! вот что меня тронуло! Но ты постарался всё разрушить! Ты вздумал похвастать свои прямотушием и себя *выставить!* Ты почувствовал, что мое искреннее пожертвование (которым я хотел получить полное право отца Машина, которое должно было сделать и меня ее подпорою) давало мне равенство с тобою и полную от тебя независимость, что ты переставал быть для меня *подателем всех благ и надежд*, а для Е<катерины> Афан<асьевны> *спасителем от всех бед*³¹, и поспешил уверить ее, что и в этом случае была она тебе же всем обязана. Нет! На лучшую минуту жизни моей ты не имел того влияния, какое хотел показать им! Если я решился переменить все свои чувства к Маше, то это не по твоему совету, а только потому, что видел, каков ты с нею и как ей нужен человек, которому бы ее счастье было *свято!* Но ты напрасно беспокоился. Те условия, на коих мне возможно было бы исполнить свое обещание, и без того уничтожились! Это было одно заблуждение! Доверенности не дано, и дано не будет! А без нее, на что бы я ни решился, всё пустое! Не достанет ни терпения, ни сил! И без тебя я ничего бы не был в состоянии исполнить! Но благодаря твоему пособию, твоей скрытности и притворству, всё вдвое невозможнее. Я скоро увидел, что мое обещание брошено на ветер, что оно произвело только на два дня какую-то перемену, а на сердце и не подействовало; что я, всё обещавши, буду *один* только связан моим обещанием; что в положение мое никто не войдет и никто войти не способен; что вы, имея *всё свое*, и не воображаете, чтобы кому-нибудь был *в чем* недостаток! Это решило меня уехать³², всё оставя на волю Божию, — против этой воли никто ничего не сделает! Я поехал от вас из Дерпта с твердым намерением возвратиться только *для крестин* и потом уехать навсегда³³. И это теперь исполняю. Чтобы с вами жить, надобно *сдержат* данное слово — но это совершенная невозможность! Никакая твердость не устоит в этой бездне притворства и принуждения! От меня хотят *ангельских связей, искренней дружбы*, а для этого сами не делают шагу. Ты прежде вместо друга был просто *сообщником*; такую роль весьма легко переменить на роль *шпиона*, так и сделалось; я должен жить по-старому в самом тяжелом отдалении от Маши; видеть твои грубые поступки с нею и молчать! Молчать, потому что говорить

нет пользы, — ты никогда ни в чем не признавался и имеешь прекрасную способность от всего смело отпереться.

Ты показываешь мне наружную ласку — это легко! *Твое* от меня не зависит; при этом же я с своею холодностью должен натурально казаться и капризным, и угрюмым, и несправедливым, потому что на *ласку* отвечаю *суровостью*. Я знаю настоящую цену этой ласки. В их глазах она *всё*, она тебя оправдывает. Для вас нужна только наружность. Кто молчит, тот спокоен и счастлив. Кто подпишет свое имя (волею или неволею) на той книге, где ты написал: *мы счастливы совершенно*³⁴, тому чего желать остается. Разрывай у Маши сердце и грубостью, и нечувствительностью — потом напиши ей в альбом стихи о своей дружбе! всё заглажено! А если еще после этого раз пять скажешь свое: *Маша!* — то ты еще и милость сделаешь! Я радовался твоею нежною благодарностью к Екатер<ине> Аф<анасьевне> за то удовольствие, которое она тебе сделала, отправив Машу к Мантейфел<ям> против ее воли!³⁵ Как ты был счастлив! как торжествовал! как нежно целовал ее руки! Торжество небесное! И такого рода сцены возобновляются по несколько раз в месяц. А мне между тем ласка! Скажи же, с каким чувством подаешь мне руку? Где участие дружбы? Где раздел огорчению? Где прямоту? Где помощь сносить тяжелую судьбу? Где желание облегчить ее? Пропади же твоя убийственная логика! Ты был способен целовать руки матери за то, что она тебе в угождение огорчила дочь! и кого же — Машу, у которой и без новых огорчений довольно грусти, которая молчит, терпит со спокойствием ангела и всё прощает! Этой черты одной довольно, чтобы истребить всякую к тебе дружбу! И мне у вас оставаться? Мне быть свидетелем, как человек, попавший в рай, делает из него ад; мне быть свидетелем страдания тех людей, которым бы всё свое отдал, — и от кого же страдания? От того, кто получил от них без всякой заслуги чистейшие блага! Бедный, несчастный человек, в твоей воле наслаждаться этими благами, а ты их топчешь ногами! Ты можешь быть искренним другом Маши, а ты предпочитаешь этому дьявольское удовольствие рвать ее сердце! Ты мог бы приносить этому прекрасному сердцу отраду, ты был *обязан это сделать*, потому что некогда назывался моим другом, и вместо того что делаешь! Нет! Я не должен у вас оставаться! Я всё бы обещанное исполнил — но теперь не могу и *не хочу* ничем быть обязан! За этот ад, который вокруг меня, который вы (беспрестанно обманывая друг друга на словах и на бумаге) называете раем, я должен принести на жертву свою привязанность к Маше! Что ж мне останется! Вы всё могли поправить — я был готов на всё! Но этой минуты уже не возвратит! Совершенная уверенность, что ничто невозможно, истребила во мне всякое желание что-нибудь требовать! Мы теперь растаемся навсегда! Моего у меня никто теперь не отымет и никто на него права иметь не может!

Я столько раз был в отчаянии посреди вас, посреди этого спокойствия, с каким вы сносите чужое горе; но теперь нахожу, что это отчаяние есть безумство — кто может что-нибудь против Провидения! На что вмешиваться в его порядок! Я с совершенным спокойствием поручаю ему судьбу Маши! Моей связи с нею разорвать нельзя — она будет состоять в хорошей жизни, которая вся будет посвящена ей! на здешнюю жизнь иметь влияние вы можете; рвите ее, как хотите, — всё будете вы поболее несчастны! Но *дурной жизни* из нее вам сделать не удастся. Екатерина Афанасьевна разрушила такое счастье, какое было бы *приятно* Богу, и ничем, кроме мертвых слов, которым никогда не соответствовало чувство, не наградила за то, что отняла³⁶. Радуйтесь своим богоугодным делом, и теперь остается разрушить еще и всё остальное, то есть пожертвовать Машею! А это, может быть, благодаря тебе сделается необходимо. Может быть, ты своими поступками доведешь до какого-нибудь отчаянного намерения и мать, и дочь! Я готов клясться, что и Е<катерина> А<фанасьевна> видит, с каким жестоким бесчувствием ты обращаешься с Машею. Но она во всем тебе дает волю: тебе стоит только начать с твоим низким лицемерством к ней ласкаться, и она готова у тебя же просить прощения в твоих грубостях. Ты так неблагодарен к ней, как и вообразить трудно, — за всё то счастье, которым она тебя осыпала, ты только притворными ласками ей платишь. Я ее не могу никак понять: как могла она радоваться твоим предательством на счет человека, которого ты другом величал с таким бесстыдством. А теперь? На каждом шагу обнаруживается или обман, или низость. Сурианино продано, и половина его идет на уплату твоих долгов³⁷. Сходно ли это с тем, что ты мне рассказывал? Не ты ли уверял, что на тебе не осталось ни копейки долгу? И не стыдно ли тебе пользоваться Машиним добром? Половина этих денег принадлежит ей — свои деньги плати из своего имени; а их имя должно быть для тебя свято! Но, может быть, у тебя так же *есть* имя, как и *не было* долгов!³⁸ Стыдись! Они *могут* тебе жертвовать всем своим — но тебе, если в тебе есть какое-нибудь чувство, не должно принимать такой жертвы! Ты должен быть хранителем, а не разрушителем их спокойствия! Они не понимают, как важно иметь независимость; но ты это должен понимать за них! Ты должен это беречь как святыню!

Всё это говорю тебе для того, чтобы уверился ты наконец, что я холоден к тебе не из каприза, не от врожденной угрюмости; нет, я разорвал с тобою всякую связь за то, что ты со мною поступил как предатель, за то, что ты лицемер и обманщик, за то, что ты, вместо того чтобы быть счастливым, имея на то все способы, только всё делаешь для разрушения счастья, и чьего же счастья? таких людей, которым всем обязан! Опять повторяю, что я здесь никакой своей выгоды не имею, — мои с тобою расчеты кончились! Но мне рвет душу видеть, кому досталось всё то блаженство, каким я бы так легко наслаждался. От них

ты не услышишь такой жестокой правды. Екатерина Афанасьевна всё находит прекрасным; я уверен, что и ответ Кавелину, образец лицемерства³⁹, кажется ей восхитительным. Посреди их ты даже и нужным не найдешь себя поправить — и дурное и хорошее равно удастся. Стоит только *казаться*, а ты это искусство имеешь. Говори *я добр* — тебе будут верить. Тверди о религии, будут считать тебя святым, хотя бы всё в поступках твоих противоречило религии. Итак, от них не жди побуждения быть лучшим. Но я говорю тебе правду и, может быть, еще вовремя; может быть, еще осталось в душе твоей сколько-нибудь привязанности к хорошему — не уничтожай этого остатка! Если теперь не воспользуешься возможностью быть человеком, то ты погиб навсегда и всех с собою погубишь. Все способы быть счастливым в твоих руках, не отталкивай их с слепотою, достойною сожаления. Перестань обманывать самого себя на свой счет и решишь *быть* всем тем, чем ты с таким усилием хочешь только *казаться*. Ты беспрестанно твердишь о своей *вспыльчивости* — ты себя обманываешь; ты не только вспыльчив, но ты *скрытен* и *притворен*. Но скажи мне, нужно ли тебе притворяться? Если можно, *поверь мне* и брось эту маску! Будь искренен в твоей привязанности к ним — Екатерина Афан^{асьевна} имеет на нее право! Перестань думать, что ты всего достоин, а лучше прекрасною жизнью загладь прошедшее! Это в твоей власти! Тяжело *тому* быть добрым, который должен бороться с судьбою и всего лишен! а ты всё лучшее в жизни имеешь! Вообрази, как ужасно быть собственным своим убийцею, а ты умерщвляешь и себя, и тех, кто теперь скован с тобою, умерщвляешь не для одной здешней жизни — скажи мне, с чем придешь к той жизни, которой ты должен верить, хотя из поступков твоих это и не видно! Неужели, нося целый век маску и будучи мучителем добрых, которых судьбы от тебя зависят, ты можешь надеяться на какое-нибудь счастье здесь и там? Все истинные твои выгоды требуют, чтобы ты переменялся и очистил свое сердце! Без этого, как ни обманывай других, ни ты, ни твоя семья не будете иметь счастья! Как вы ни притворяетесь друг перед другом, всё в глубине души будет яд! И ты, причина несчастья, будешь всех несчастнее! Ты называешься другом Кавелина — так, он тебе друг, и он стоит этого имени. Но тебе еще *надобно* этого сделаться достойным! Теперь на это название ты не имеешь права — я говорю здесь твоей совести! Что тебе выгоды, если другие по твоим словам будут воображать, что ты и он друзья! Сердце будет тебе говорить, что этого нет, — а это главное! Чтобы быть другом Кавелина, тебе надобно быть добрым, делать счастье твоей семье, иметь в этом случае не письменные на полях книг документы или записки в журнале (где нет ни строки справедливой), а свидетельство совести — получи же это свидетельство! Я утверждаю, что тебе еще это можно и что время не пропало. Мне же нельзя быть твоим другом — всё мое от тебя зависит, а ты поминутно разрываешь мне сердце. Но не потеряй и того человека, который тебе остался. Он с благородным сердцем

тебе подает руку — будь этого достоин. Самая твоя поэзия требует, чтобы ты не одними рифмами, но и душою своею занимался! Не жди доброго стиха без доброго сердца — будь благороден, прямодушен и чист, тогда и за хорошие стихи ручаюсь! Или решишь, чтобы и стихи твои носили на себе такое проклятие, какое будешь носить всю твою жизнь, если твое сердце останется таким всегда, каково оно теперь.

Ты можешь сердиться за письмо мое, как хочешь; можешь продолжать жить, как живешь; можешь отравлять жизнь всех, кто тебя окружает, — итог под этим всем будет *твое несчастье*. Торжествовать ты можешь, но на минуту — Провидение есть, и я ему верю с тех пор гораздо более, как видел страдание и бессилие Маши перед тобою! Горе тебе, если ты способен радоваться таким могуществом! Бедный, погибший человек, если ты радуешься возможностью быть мучителем доброго! Ты окружен добрыми! Тебе стоит только решиться быть их товарищем! А ты добровольно гонишь себя из этого круга! Ради Бога, одумайся! На это один способ: *искреннее желание быть добрым*. Сбрось все маски! Помни Кавелина! Я бы тебе напомнил и о прошлом времени, в которое был ты товарищем Тургенева и других, из которых все почти остались на прямой дороге, — не покидай же из доброй воли этих товарищей! Тебе это будет непростительным, потому что ни один из них не имеет такой прекрасной судьбы, как ты. Но что же твоя судьба, когда не будешь уметь ею насладиться.

22 августа

На это письмо ты можешь отвечать грубостями — этим ты ничего не докажешь! Мне твои грубости не будут оскорбительны — всё будешь несчастлив *истинно* ты и твоя семья! докажи опытом, что я несправедлив: то есть *их счастьем*, тогда твое оправдание будет в лучшем месте, *у тебя в душе*. Если слово друг было на языке твоём не пустое слово, то тебе должно быть нужно возвратить потерянного друга — на это один способ! Если ж ты к этому равнодушен — то продолжай жить по-старому и наживай несчастье.

243.

К. Я. Дезе

31 августа <1815 г.> Петербург*

Я наконец в Петербурге, любезнейший и почтеннейший Карл Яковлевич¹. Спешу написать Вам несколько строк. Я видел Вашего поверенного и получил от него письмо. Он обещал ко мне побывать и принести подробную записку о деле. Тогда увидим, что делать. Нас предупредили: уже место отдано. Еще за неделю до моего письма к Тургеневу было это сделано. Но министр (как обыкновенно) обещает дать ему первую открывшуюся ваканцию². Итак, надобно

желать, чтобы кто-нибудь из уездных <2 нрзб.> поскорее получил Царствие Небесное. Простите, любезный, Карл Яковлевич; будьте здоровы.

Скажите мое почтение Анне Антоновне.

Вам душевно преданный

Жуковский

31 августа

С.П. Бург.

244.

А. П. Киреевской (Елагиной) и А. П. Юшковой (Зонтаг)

<16 сентября 1815 г. Петербург>

Я не писал к вам с третьего августа¹ — довольно времени! да и вы, милые сестры или маточки, помалчивали. Виноват! нет! я недавно получил прекрасное письмецо от Анеты!² получил кошелек — бесценный подарок прекраснейшего человека! еще на полях Анетина письма получил какой-то долбинский логогриф³, которого по сию пору разобрать не умел!.. Сам Эдип этого не отгадает! Верно, это мне мщение от Вас, милая Eudoxie, за то, что мои оба последние письма не к Вам адресованы, а к Анете. Чтобы заставить Вас проговориться, пишу это письмо к Вам, хотя в нем и отвечаю на Анетино. А Като ко мне и не приписывает! а Букварь⁴ и не откликнется! Что они? Разве могут на меня сердиться? Разве могут вообразить, что мои письма, к одной из вас писанные, в то же время и не к ним? Пожурите и заставьте мне сказать хоть словечко! От Плещеева не имел ответа на 5 писем, из которых четыре большие!⁵ Что с ним сделалось? Уведомьте меня об них! Мне это начинает быть и грустно, и больно, и досадно! Прошу Вас тотчас по получении этого письма послать к нему от моего имени и попросить его и Анну Ивановну с поклоном написать ко мне хоть две строчки. Черная, милая рожа! Кто его растолкует! а здесь я об нем вспоминаю с особенным чувством! мне бы хотелось показать и Тургеневу, и Блудову, которые прямо меня любят, этого арлекина, который им не уступает в дружбе ко мне! А он молчит и сжался, как паук в своей паутине! И нет мне от него никакого ответа!

Мне надобно сказать Вам о себе много! Я отправился сюда из Дерпта 24-го августа! *fermeement resolu de ne plus y geraraitre!*^{*} Там быть невозможно — как ни тяжело розно, как ни порывается к ним душа, как ни украшает отдаление всё то, что так печально вблизи, но быть там нельзя! В этом я теперь уверен! Самое бедственное, самое низкое существование, убийственное для Маши и для меня! Быть рабом и, что еще хуже, сносить молча рабство Маши —

---

* Твердо решив больше туда не возвращаться (*франц.*).

такая жизнь хуже смерти! Но вот что диво! на половине дороги от Дерпта мой шептун шепнул мне, что всё еще может перемениться, и я принялся писать к Екатерине Афанасьевне письмо, воображая, что меня зовут назад, что на всё соглашаются, что мы все становились дружны, что между нами, с уничтожением всех препятствий, поселяется искренность, согласие, покой, — одним словом, воображение загуляло и только на последней станции остановилось! Я перечитал свое письмо, нашел в нем всё то же, что говорено было и писано двадцать раз, и всё, что казалось так возможным за минуту, вдруг сделалось невозможностью! И я решил спрятать это письмо за номером в архив разрушенных химер и въехал в Петербург с самым грустным, холодным настоящим и с самым пустым будущим в своем чемодане. Но теперь опять что-то загомозилось для меня в будущем — что-то похожее на надежду! вот в чем дело! Я приезжаю к Павлу Ивановичу⁶. Он по одному письму Екатерины Афанасьевны стал меня допрашивать обо мне и Маше; я в этот раз ничего ему не сказал ясно, но лицо мое и несколько слез сказали за меня яснее. Между тем Алекс<андр> Павл<ович> всё сказал своей матери, которая — подивитесь! — говорит, что она не находит ничего непозволенного, что между нами нет родства! Важная победа! Хотя Павел Иванович и не согласен еще с нею, но он, верно, согласится! Я уже два раза с ним говорил — один раз с нею одной, другой раз с нею и с ним вместе. Марья Николаевна почти обещала писать, между тем, узнавши от них решительное их мнение и если согласятся написать к Эк<атерине> Аф<анасьевне>, я напишу и к Елене Ивановне⁷, чтобы она с своей стороны написала. Это единственное нам остается средство; если оно не поможет, то поджечь руки и ждать с терпением The great teacher^{*8}. Из этих обстоятельств Вы можете заключить, в каком я волнующем положении! Не делаю никаких планов и не имею никакого занятия. Между тем рассеяние, в котором нет ничего привлекательного. Вот уже я две недели с лишком в Петербурге, а еще не принимался ни за что. И не знаю, когда примусь. К новой моей надежде я совсем не привязываюсь; я смотрю на нее как на волка в овечьей коже и не подхожу к ней близко. Если ничто не сбудется, то выползу к Вам, на Ваш берег, к друзьям и к уединению. Здесь во всяком случае мне должно пробыть по крайней мере до конца февраля, чтобы кончить издание своих стихов и еще кое-какие работы, а скоро ли примусь за них, не знаю! Здесь не Долбино! Да и перспективы прежней уже нет! Думаю, что голова и душа не прежде как у Вас придет в некоторый порядок, — у Вас только буду иметь свободу оглядеться после моего пожара, выбрать место, где бы поставить то, что от него уцелело, и вместе с тем держать наготове заливную трубу. Здесь беспрестанно кидает меня из одной противности в другую; из мертвого холода в убийственный

---

* Великого учителя (англ.).

огонь; из равнодушия в досаду. Я имел здесь и приятные минуты! и где же? Там, где никак не воображал иметь их! В дворце царицы! Дня через два по приезде моем сюда Нелединский⁹ уведомил меня, что надобно с ним вместе ехать в Павловск. Я отправился туда один 4-го числа поутру и пробыл там 3 дня, обедал и ужинал у царицы и возвратился с сердечною к ней привязанностью, с самым приятным воспоминанием ласки необыкновенной. Все эти три дня не было ни одной минуты для меня неловкой; простота ее в обхождении так велика, что я нисколько не думал, где я и с кем я; одним словом, было весело, потому что сердце было довольно. В первый день было чтение моих баллад в ее кабинете в приватном ее обществе, состоявшем из великих княгинь, двух или трех дам, Нелединского, Вилламова¹⁰ и меня. Читал Нелединский; сперва «Эолу арфу», потом «Людмилу», потом опять «Эолу арфу», которая особенно понравилась, потом «Варвика», потом «Ивика»¹¹.

На следующем чтении, которое происходило уже в большем кругу, читал я сам «Певца», потом Нелединский «Старушку» и «Светлану» и наконец «Послание к царю»¹².

Эти минуты были для меня приятны — здесь вмешивается беспокойное самолюбие автора. Но то, что было для меня *особенно приятно*, есть чувство благодарности за самое трогательное внимание, за добродушную ласку, которая некоторым образом уничтожила расстояние между мною и государынею. Эта благодарность навсегда останется в душе моей. Очень весело принести ее из того круга, в который других заманивает суетное честолюбие, не дающее никаких чистых наслаждений. У меня его нет. Добрый сторож бережет от него душу! И тем лучше! Можно без всякого беспокойства предаваться простому, чистому чувству! Я не был ослеплен ни на минуту, но зато часто был тронут! У меня был и проводник прелестный! Нелединский — редкое явление в нынешнем свете! Он взял меня на руки как самый нежный родной и ни на минуту не забыл обо мне — ни на минуту его внимание не покидало меня. Где бы я ни был, он всюду следовал за мною глазами; всё сам за меня придумывал, предупреждал меня во всём и входил со мною в самые мелкие подробности. Еще одно важное обстоятельство! В первый день моего пребывания в Павловске — пошедши представляться государыне, мы должны были несколько времени дожидаться ее, потому что она писала письмо к государю. Мы уселись с Нелединским в зале и не знаю, как дошел разговор до того, что он у меня спросил о моих обстоятельствах, то есть о родстве, какое у меня с Ек<атериною> Аф<анасьевною>. Я сказал, в чем оно состоит. Он принялся чертить кружки и линейки, и по рисунку вышло, что между мною и Машею родства *нет*. Но тем это и кончилось. Я не рассказывал ничего, да и не нужно. Дело состоит в том, чтобы *тетушка сама* согласилась; не будет этого, не будет семейного покоя! а как же без него искать чего-нибудь! И государыня знает обо мне — но

я к этому способу не прибегну! Никакой другой власти не должно требовать, кроме власти убеждения! Если сердце тетушки молчит, то чем его говорить заставить! Голос родных будет действительнее, но и на него плоха надежда. Сердце ее молчит крепко! Что ей *надобно*, то ей и мило, хотя бы оно было и отвратительно — я этому видел примеры! Для меня и, надобно признаться, для Маши она глаз не имеет! Иначе как бы смотреть с таким равнодушием на наши потери, как бы не употребить всего усилия, чтобы хотя не страдать за них, — всё в ее власти, всё ей легко! и несмотря на это, всё у нас взято! *mais trêve aux lamentations!** Мне пора кончить. Но надобно еще писать к Вяземскому, от которого получил милое письмо и прекрасные стихи¹³.

В заключение скажу Вам, Анета, что деньги, о которых я Вам писал и которые Вы должны были взять у NN, тетушка еще на год у себя оставляет. Итак, не берите их.

Знаете ли, что мне приходит в голову? Купить у Вас десятины три земли и построить на них домики и жить доходом с денег <нрзб.>. Кажется, это бы можно! Что мне нужно! Свобода, работа и маленький достаток. Право, я не почитаю этого химерою. Клок земли подле Мишенского или подле Долбина¹⁴; но клок *собственный*. Чтобы было довольно для сада и огорода! На содержание себя деньги, которых немного нужно и которые легко бы было выработать, — и при всём этом забвение о будущем и жить для настоящего. Если раз залезу в этот угол, то уже из него будет трудно меня вытащить.

Прощайте, милые друзья, нынче худо пишется! Шептун мой что-то осовел. Чтобы дополнить вам письмо, переписываю мои стихи к старику Эверсу¹⁵, писанные дня за два до отъезда из Дерпта. Надобно вам знать, что Эверс, осмидесятилетний старик, есть человек единственный в своем роде — он живет для добра и со всем этим простота младенца. Он профессор. На празднике студентов, на который был приглашен и я, он вздумал со мной пить *братство*. Это меня тронуло до глубины души; и было очень *кстати*.

Мой добрый шептун принял образ добродетельного старика и утешил меня в этом виде! Правда, ненадолго — но и та минута была не пропавшая. Я от всей души поцеловал *братскую* руку.

Вступая в круг счастливых молодых etc. etc.¹⁶.

Это так случилось. На другой день после студентского праздника отправился я вечером с Воейковым и еще с двумя в коляске за город. Солнце заходило самым прекрасным образом, и я вспомнил об Эверсе и об завещании Эверса¹⁷. Я часто любовался этим стариком, который всякий вечер ходил на гору смотреть на захождение солнца. Заходящее солнце в присутствии старца, которого

---

* Но довольно жаловаться (*франц.*).

жизнь была святая, есть что-то величественное, есть самое лучшее зрелище на свете. Эти стихи должны быть дерптского (?)¹⁸ моего «Теона и Эсхина». В обоих много для меня добра.

Это письмо пошлите к Плещеевым; к ним мне нынче писать некогда. Надобно же, чтобы и они когда-нибудь ко мне написали.

245.

П. А. Вяземскому

19 сентября 1815 г. <Петербург>

19 сентября 1815

Я получил твое милое письмо, любезный друг, и прекрасные стихи — новый род стихотворения, то есть *живописный*, не кажется для тебя новым¹. Прекрасно! Действие этих стихов точно такое же, как действие прекрасной природы, как действие спокойного взгляда на великолепное ее зрелище.

В душе после них остается что-то живое и вместе тихое! Ты требуешь моего благословения! Благословляю обеими руками! Если ты не поэт, то кому же сметь называться поэтом! Пиши более для собственного счастья — ибо *поэзия есть добродетель*², следовательно счастье! Наслаждение, какое чувствует прекрасная душа, производя прекрасное в поэзии, можно только сравнить с чувством доброго дела; и то и другое нас возвышает, нас дружит с собою и делает дружнее со всем, что вокруг нас! Пиши более для чести и славы своего времени — я хотел было прибавить: но это дело постороннее! — рука остановилась — нет! Это не постороннее дело! Эта цель прекрасная! Не суетное честолюбие, но что-то высокое, достойное только благородного сердца.

Надежда сердцем жить в веках!

.....

Что счастьем для нас в минутной жизни было,

То будет счастьем для сродных нам сердец

И долго после нас!³

Твои стихи я читал и один, и с Ареопагом⁴ — в первые два чтения они менее мне и нам понравились, нежели после; мы перечитали их с Блудовым и Тургеневым еще раз — прекрасно! Они полны свежести! Природа в них дышит! Посылаю мои замечания, написанные в прозаических стихах! От некоторых отказываюсь! *Сень благоухать* может!⁵ *Преступившему* светилу позволено не трудить себя новым восхождением на небо!⁶ По другим замечаниям, кажется, надобно необходимо поправить! Одно может показаться тебе несправедливым, но оно точно справедливо! *Дремать в золотых мечтах*⁷ никак нельзя! Златые

мечты прекрасно, когда говоришь просто о мечтах и хочешь им дать отдельный образ; но как скоро говоришь о мечтах в отношении к тому, кто их имеет, то *златые* совсем не годится! Не оправдывай себя моим примером; я сказал в «Кассандре»: *в сновидениях златых*⁸ — это такая же точно ошибка, какая у тебя! она оставлена в моей пьесе за неумением поправить; а поправить было бы весьма нужно.

Жду твоего «Вечера»[#] с нетерпением! ([#]То есть *Утра*⁹. Не забавно ли, что я, читавши и критиковавши твою пьесу, забыл, что в ней описывается вечер, а не утро. Это, может быть, служит доказательством, что ты, занявшись описанием природы, несколько выпустил из глаз твой главный предмет, то есть *вечер*.) Верно, будет у тебя и луна — посмотрим, какую луну ты нам представишь из твоего магазина, а мой уже немного истощился, и этого жаль, потому что мне скоро понадобится еще луна, а для чего, увидишь сам¹⁰.

Я давно к тебе не писал; это оттого, что я во всё это время не согрел порядочно места; всё таскался — из Дерпта в Петербург, из Петербурга в Дерпт, из Дерпта в Петербург¹¹.

Теперь, кажется, я пригвоздил себя на несколько месяцев к одному месту. Пробуду здесь всю зиму и не прежде будущей весны подымусь восвояси. В начале весны проездом через Москву заеду в Остафьево и, вероятно, вместе проведем месяц в деревне, подле нашего Ливия¹², может быть, и два. Потом переселюсь опять на свою родину, чтобы совершенно посвятить себя своей Музе и только изредка делать набег на Петербург, — таков мой план на эту минуту; что скажет об нем Провидение, не знаю и мало забочусь узнать.

Грядущее — беспечно *небесам!*
Прекрасному ж — текущее мгновенье!¹³

Здесьняя моя жизнь идет и так и сяк — порядку нет, следовательно и большой деятельности, то есть никакой деятельности нет. Я ничего не написал. Этому есть много причин. Может быть, самая меньшая рассеянность, к которой я нимало не привязан и от которой легко отвязаться. Как ни мал мой челнок, как ни тих, по-видимому, тот залив, в который его загнала судьба, — но и в этом заливе есть волнение; оно до сих пор беспрестанное, и челнок мой всё колыхался. Погоди, друг! Скоро, может быть, брошу якорь! В приятном или неприятном месте, но всё якорь. В ожидании этого времени таскаюсь и ко двору царскому. По приезде моем из Дерпта я был в Павловске и прожил там три дня, в которые обедал и ужинал у государыни¹⁴. Эти три дня были для меня неожиданно приятные: я воображал неловкость — нашел удовольствие, именно потому, что сердце, а не самолюбие было тронуто. Ласка государыни неизъяснимо приятная. Чего же более для человека, далекого от честолюбия? Моим представителем был Нелединский. Я жил в его комнатах и три дня познакомили меня

с ним, как три года. Не знаю, можно ли быть добродушнее Нелединского. Он был самым нежным, заботливым моим родным. Не забыл обо мне ни на минуту; и всё это с такою простотою, с такою непринужденностью! Он привязал к себе мое сердце. Я не люблю читать кому ни попало стихов своих, а ему читать их весело. Он судит сердцем, которое у него в шестьдесят лет так же молодо, как в двадцать. От того, что трогает, он плачет как дитя.

В один из моих павловских вечеров было чтение между прочим моего послания¹⁵ — прежде я сам читал «Певца»! и уж читал! — послание же читал Нелединский, и по этому чтению я уверился, что оно *хорошо* при всех своих недостатках! Оно на всех равно сильно действовало — доказательство, что то чувство, с каким оно было писано в лучшие минуты жизни, выражено в нем во всей простоте и живости. Нелединский читает просто, но с чувством: всему хорошему умеет он дать своим чтением всё выражение. Читали и многие баллады, между прочим и ужасную «Старушку», но более всех понравилась «Эолова арфа». Ее читали два раза сряду.

Я сделал еще приятное знакомство с нашим молодым чудотворцем Пушкиным¹⁶. Я был у него на минуту в Царском Селе. Милое, живое творение! Он мне обрадовался и крепко прижал руку мою к сердцу¹⁷. Это надежда нашей словесности; боюсь только, чтобы он, вообразив себя зрелым, не помешал себе созреть. Нам всем надобно соединиться, чтобы помочь вырасти этому будущему гиганту, который всех нас перерастет. Ему надобно непременно учиться и учиться не так, как мы учились! Боюсь я за него этого убийственного Лицея — там учат дурно! Ученье, худо предлагаемое, теряет прелесть для молодой, пылкой души, которой приятнее творить, нежели трудиться и собирать материалы для солидного здания! Он истощит себя — я бы желал переселить его года на три, на четыре в Гёттинген или в какой-нибудь другой немецкий университет! Даже Дерпт лучше Царского Села. Он написал ко мне послание, которое отдал мне из рук в руки, — прекрасное!¹⁸ Это лучшее его произведение! Но и во всех других виден талант необыкновенный! Его душе нужна пища! Он теперь бродит около чужих идей и картин, но когда запасется собственными — увидишь, что из него выйдет! Послание доставлю тебе после.

В заключении моего письма скажу тебе о начале твоего; оно разгорячило мне сердце, которое, правду сказать, часто бывает облито каким-то умертвляющим холодом. Брат, твоя дружба есть для меня великая драгоценность, и во многие минуты мысль об ней для меня ободрительна. Помнишь ли, когда мы обедали вместе у князя Гагарина¹⁹, ты сказал Толстому²⁰, показывая на меня: *il a un belle âme!** Я вспоминаю об этой минуте всегда с необыкновенною сладостью; и то чувство, которое произвело во мне это слово, доказывает мне,

---

* У него прекрасная душа (*франц.*).

что я тебя люблю; такого рода мнение дорого только в любезном и уважаемом человеке. Есть люди, от которых похвала даже противна. Но в этом слове не похвала, а одобрение друга, и потому-то оно меня и тронуло. Блажен человек, имеющий друзей, которых похвала может возвышать его душу. Такого рода похвала есть цель жизни — это голос собственного сердца; это приговор совести нашей, произнесенный вслух тем человеком, который заступает ее место. Удовольствия самолюбия не имеют в себе ничего трогательного; можно сказать, что они сушат сердце. Но радоваться самим себе в присутствии друзей — вот настоящая радость.

Поклон Вере Федоровне. Третьего дня были ее именины — поздравляю. Машеньку целую. Напомни обо мне почтенному Николаю Михайловичу и Екатерине Андреевне — душевно люблю их везде и всегда. Тургенев, и Жихарев, и Блудов тебе кланяются. Жив ли Пушкин?²¹ Обними его за меня! Поклон Кошкину²², Мерзлякову и прочей братии. Где Толстой? Помнит ли обо мне?

За неимением доброго, посылаю *кое-что*. Стихи, написанные в Павловске, Нелединскому в день его рождения и читанные за завтраком у княжны Щербатовой²³:

Друзья, стакан к стакану!
 Парнаса Капитану
 Я, рядовой поэт,
 Желаю многих лет!
 Бессмертье уж имеет
 За песни он давно,
 И в свой черед оно
 За жизнь поспеет!
 Но чтоб на свете он
 Жил долго нам на радость!
 Ему Анакреон
 Души веселой младость
 С струнами завещал!
 Хоть Крон и насчитал
 Ему с тремя годами
 Уж полных шестьдесят,
 Но все под сединами
 Глаза его блестя,
 И в сердце молодое
 Хлад жизни не проник!
 Младой с ним молод вдвое,
 Старик с ним не старик!
 Для бога Аполлона
 Стократ Анакреона

Милей быть должен он!
И чем Анакреон
Известен? Лишь стихами!
Он сладко ел и пил
И звонкими струнами
Сквозь хмель и сон хвалил
Вино, Киприду, радость
И быстротечну младость!
Но так ли добр он был,
Как наш поэт бесценный?
Не верю я! Пленный
Той милой простотой,
Той нежностью родного,
С какой певца младого,
Меня сравнил с собой,
Забыв и сан и лета,
Он был товарищ мой
При скользком входе света,
За доброго поэта
Я душу рад отдать!
Теперь же хоть сказать
В задаток: *много лета!*²⁴

246.

К. Моргенштерну

22 сентября <1815 г.> Петербург

Monsieur d'Ouvarow m'a remis de Votre part Votre petite brochure¹. Recevez, Monsieur, mes sincères remerciements. J'ai beaucoup perdu de n'avoir pu Vous entendre Vous même; au moins Votre livre pourra me servir de guide pour classer mes propres connaissances esthétiques qui (par parenthèse) sont très peu de chose.

Le livre que Vous avez eu la complaisance de me prêter a été confié à Monsieur Petersen² pour Vous être remis — je n'ai pas eu le temps de le faire moi-même; j'écris à Monsieur Petersen³ là-dessus et il Vous remettra le livre.

Portez Vous bien, respectable ami, et quelquefois souvenez Vous de celui qui s'honore du titre de Votre dévoué serviteur Joukoffsky.

Le 22 Septembre. S. P. bourg.

Перевод:

Г. Уваров передал мне от Вас Вашу брошюру¹. Примите, милостивый государь, мою искреннюю благодарность. Я много потерял, не будучи в состоянии слышать Вас

лично; Ваша книга послужит мне во всяком случае руководством для упорядочения моих собственных эстетических знаний, которые, говоря в скобках, очень невелики.

Книга, которую Вы любезно одолжили мне, была вручена г. Петерсену для передачи Вам: сам я не имел времени этого сделать. Теперь я пишу г. Петерсену³, и он Вам ее передаст.

Будьте здоровы, уважаемый друг, и вспоминайте иногда о том, который имеет честь быть Вашим преданным слугой.

Жуковский

22 сентября. С. Пбург

247.

А. А. Прокоповичу-Антонскому

15 октября 1815 г. Петербург

Я к Вам с просьбою. Наконец приступаю к печатанию сочинений моих¹. Вот Вам и программа: не можете ли подать помощь в рассуждении подписки? Куда адресовать деньги, это найдете в самой программе — надобно только, чтобы непременно доставлены были *адресы* подписчиков². Также прошу Вас приказать напечатать эту программу в московских газетах, и поскорее, и не один раз. Издержки за это возьмите на себя; мы можем счесться после.

О себе скажу Вам, что я до сих пор всё ездил из Дерпта сюда, отсюда в Дерпт³. Теперь остаюсь на месте и принимаюсь за работу. Был раз в Павловске и раз в Гатчине по приказанию государыни, которая очень милостиво обошлась со мною⁴. Что же касается до дальних планов моих, то — хмурьтесь или нет, а в конце будущей зимы я отсюда уеду и переселюсь на свою родину. Успею ли что-нибудь для себя состряпать или нет, это во власти судьбы; но уеду, это верно. Мне всего дороже уединение и свобода. Сюда можно приезжать на три зимних месяца, а вечно здесь жить нимало не забавно. Простите, почтенный Антон Антонович, прошу Вас помнить своего питомца, который всегда с одинаким чувством благодарности о Вас думает и которому всегда дорого называться Вашим

Жуковским

15 октября 1815. С. Пбург

248.

П. А. Вяземскому

19 октября <1815 г. Петербург>*

19 октября

Твое утро я получил¹; но признаюсь, ты нарушил русскую пословицу, и твой вечер² мудренее утра. Он мне вообще гораздо более нравится; а возраже-

ния твои на замечания наши совсем мне не нравятся³. Ты не упрям, а говоришь как упрямый. С *парением* я почти согласен⁴. Суда, являясь на самом горизонте, где вода обширной реки сливается с небом, могут показаться воображению парящими; но прочие Ареопагиты⁵ восстают против парения, и твое дело решить, кто прав, кто виноват.

На небе пламенном последняя степень⁶.

Тут нет точности. Сказать степень *на небе* — значит представить такую степень, после которой есть еще какой-то клочок неба, который остается пройти солнцу; надобно сказать непременно: последняя степень неба; и нельзя ли этот стих так поправить:

Темнеющих небес последняя степень —

и картина, кажется, будет лучше. *Река сравнилась в берегах* мой стих⁷, и для того не должно его заимствовать, чтобы из этого выражения не сделалось *loci commune*^{*}. А *скатерть синих вод* хорошо, да не здесь — здесь это выражение слишком *recherché*^{**8}.

На *прозреть* я никак не соглашаюсь⁹ — *столбы на них* гораздо хуже, нежели *мачты их*¹⁰, и твое оправдание никуда не годится. Паруса можно назвать крыльями, потому что это говорит воображению, и ты повышаешь паруса чином, производя их в крылья; но мачта, сделанная столбом, есть капитан, разжалованный в прапорщики. Тут гораздо лучше назвать вещь по имени, нежели дать ей такое имя, которое ее безобразит. К тому же ты сравниваешь мачты с бродящими лесами — и поэтому уж нужно сохранить им их природное имя. *Младые мечты* едва ли не хуже *златых*¹¹. *Волнам передавать* можно, несмотря на твои возражения, ничего не доказывающие¹². *Бурь боец!*¹³ Власть твоя! это нехорошо! а твое оправдание и еще хуже. *Воевать землю* говорилось! Это правда! Но что значит: *воин земли?*¹⁴ — и почему не хочешь ты усыновить слова *презритель?*¹⁵ Оно хорошо, и Ареопаг ему дает право гражданства. Здесь же оно кажется приличнее. *Победитель* или *противник*, будь всё, означает какое-то действие. А *презритель* есть спокойствие, *беспечность силы* — это приличнее гению воды, который дает бушевать бурям сколько угодно и стоит спокойно, опершись на берег, ему покорный. *Журчащего* можно, несмотря на *ропот*¹⁶.

Эти стихи переписанные отданы Нелединскому, и он хотел прочитать их императрице¹⁷. Твои стихи, бывшие у Тургенева, теперь хранятся у меня. Велю переписать и доставлю тебе. А тебя прошу не отдавать ни одной из пьес своих ни в какой журнал, и вот для чего. Я с Дашковым затеял было выдавать жур-

* Общее место (лат.).

** Изысканно (франц.).

нал, но это дело слишком суматошное — и мы положили в начале каждого года выдавать по одной книжке¹⁸, в которой были бы одни сочинения (а переводы самые отборные); надобно стараться, чтобы издание было образцовое; выбор пьес самый строгий — само по себе разумеется, что твои стихи принадлежат нам; вели переписать всё ненапечатанное и доставь мне — очень много обяжешь! У тебя есть порядочный запас. У Дашкова есть много хороших отрывков в прозе; а у меня пропасть стихов в воображении. Мы принимаемся за этот подвиг не на шутку. Первую книжку надобно приготовить к марту 1816, а следующие должны выходить в начале каждого года. Прошу же тебя быть нашим. О том же пишу и к Батюшкову. Жаль очень, что его «Странствователя и домоседа» поглотил «Амфион»¹⁹; но, вероятно, у него есть уже что-нибудь новое в запасе. Нет ли у тебя чего-нибудь и в прозе — одним словом, доставь мне всё ненапечатанное и поскорее.

Ты, верно, уже знаешь о моем потоплении в Липецких водах²⁰ — эта фарса взбунтовала Блудова и Дашкова. Блудов грянул ужасным «Видением Шаховского в ограде Беседы»²¹, а Дашков «Письмом к Аристофану»²². Но самое веселое то, что у нас завелось общество, которого и ты член. Это общество называется *Арзамасским Обществом безвестных людей*. Статуты его сочиняются, и ты получишь об них донесение. Главная обязанность членов есть непримиримая ненависть к Беседе. И так как оно родилось от нападения на баллады, то каждый член принимает на себя какое-нибудь имя из баллады. Уваров — *Старушка*; Дашков — *Чул*; Блудов — *Кассандра*; я — *Светлана*; Жихарев — *Громобой*; Тургенев — *Эолова арфа*. Не хочешь ли быть *Асмодеем*. Каждый вступающий член говорит (по примеру французских академиков) похвальную речь своему покойному предшественнику; но так как у нас недостаток в покойниках, то мы и положили брать напрокат покойников из Беседы и Академии. Приезжай, чтобы заступить свое место в нашем клубе.

Посылаю тебе несколько программ на издание моих сочинений, которое уже восприяло свое начало. Набирай подписчиков — но прошу сохранить надлежащую точность. Доставь вместе с деньгами и имена и адреса тех, которые подпишутся. Это необходимо нужно для верной пересылки экземпляров. Деньги и адреса можешь переслать или на мое имя, или на имя Кашкина²³, означенное в программе. Прошу тебя об этом позаботиться.

Возвращаю тебе твое утро с некоторыми замечаниями. В большие подробности входить некогда.

Твой Жуковский

Не забудь же велеть переписать пьесы свои и присылай их скорее.

Посылаю тебе новую свою пьесу, недавно написанную²⁴. Это прогулка в Павловске. Ход ее может тебе показаться не слишком жив; это оттого, что он

есть ход обыкновенной прогулки, — надобно было описать предметы не только с натуры, но и в том порядке, в каком они один за другим представлялись; иначе не было бы сходства в списке. В Павловске нет такого места, с которого всё бы можно было обнять одним взглядом.

Поправив утро, присылай для книжки нашей; вечер уже для нее задержан. И всё скорей присылай.

Посылаю тебе портрет Николая Михайловича, весьма непохожий. Нельзя ли его велеть кому-нибудь поправить или нельзя ли велеть написать (рисовать) другой в такую же меру. Похлопочи об этом. Уткин²⁵ начал было гравировать, но его остановили. Работа была бы прекрасная, а сходства никакого²⁶. Прошу тебя поспешить это исполнить, чтобы не задержать нашего издания.

249.

А. П. Киреевской (Елагиной)

<Начало ноября (не ранее 3-го) 1815 г. Петербург>

Вы несносны, милостивая государыня Авдотья Петровна, с своими полусловами. Одна пишет Бог знает что, а другая на это Бог знает что пишет такие объяснения, которые только что всё затемняют¹. Писать мне, право, некогда. Спешу к живописцу, который принялся писать с меня огромный портрет² in folio* для бессмертия и для Уварова. Если не дорого будет стоить список, то у вас, друзья, он будет. А там хоть и на тот свет. Чтобы это письмо не было слишком пусто, посылаю Вам новые стихи мои, единственные с последнего моего счастливого времени в Долбине. Когда-то опять воротится мне мое Долбино и Мишенское? По крайней мере, Вы свое делайте — готовьте для меня мое место. Мне кажется, что перенеся к Вам, я уеду от всех бед. Простите до следующей почты. опишу Вам, как я выброшен из Дерпта³ и как здесь в Петербурге меня бранят в комедиях и за меня бранятся в журналах⁴ и как при всём этом я только и думаю о своей родине и о своих друзьях.

Un petit préambule à mes vers**⁵. «Славянка» — река в Павловске. *Монумент Павла*⁶: урна, перед которою лежит в слезах женщина. На барельефе: государь, сидящий с опущенною головою и опирающийся на щит; перед ним государыня и вся императорская семья; в облаках Александра Павловна и Ольга Павловна. Монумент Александры Павловны⁷: Молодая женщина с звездою на голове готовится лететь на небо, гений жизни на коленях перед нею, хочет ее удержать и не может. Еще есть в Павловске так называемая семейная роща⁸, где каждое де-

---

* В лист (*лат.*).

** Небольшое предисловие к моим стихам (*франц.*).

рево посажено в день рождения одного из великих князей и княгинь, начиная с нынешнего государя. В этой роще урна судьбы.

Простите. Детей целую. И всех вас, и Азбукиных, и Наталью Андреевну. Пошлите список с стихов Плещеевым.

250.

П. А. Вяземскому

<Начало ноября 1815 г. Петербург>*

Благодарю тебя, любезный друг, за хлопоты о моей подписке. Когда ты возьмешься за дело, то оно обыкновенно бежит бегом. Ты славный слуга своих друзей. Напрасно ты пеняешь нам за нашу неточность. Билеты у нас есть, но раздавать их иногородним совсем не нужно. Иногородний, подписываясь на книгу, присылает свой адрес, по которому ему и доставляется его экземпляр, как скоро отпечатается. Ты знаешь, что на билетах назначаются тома; они зачеркиваются по мере выдачи отпечатываемых томов; с иногородними этого делать нельзя; получив экземпляр и не зачеркнув на билете томов, он может с ним явиться туда, где выдается книга, и получить экземпляр другой. К тебе посылается 100 билетов, для московских жителей; напечатай в газетах, что подписка принимается у тебя, и печатай об этом чаще, выставляя место, куда должны являться подписчики. По отпечатании книги экземпляры будут доставлены тебе и подписавшиеся должны уже адресоваться к тебе с своими билетами. Ты же пришли нам полный реестр имен их, дабы у нас в книге было отмечено, сколько и кому именно доставлять экземпляров на твоё имя.

Прошу тебя только наблюдать точнейшую точность в записывании имен, дабы не забыть кому-нибудь отдать экземпляра и дабы не навлечь укоризны на подписку. Напрасно ты так жестоко гневаешься на in 4°. Это in 4° только для того, чтобы не было ломаных строк. Но издание, печатанное in 4°, будет иметь форму большого in 8°, и будет издание прекрасное, едва ли не лучшее, какое у нас есть. Виньеты будут хорошо выгравированы. Одну гравировать Уткин¹. Бумага очень хорошая; литеры красивые, и для литер нужно было in 4°, ибо они довольно крупны. Посылаю тебе форму формата. Ширяеву² можно дать 50 экземпляров, но уступить не более 2 рублей, и чтобы при получении билета заплатил чистые деньги. По окончании подписки можно будет, смотря по обстоятельствам, быть снисходительнее, а теперь надобно дать волю подписке. Может быть, с книгопродавцами и дела иметь будет не нужно. Могут экземпляры *все* выйти по подписке. На что же тешить книгопродавцев, которые ужасные прижимщики. Первая книга должна выйти в конце ноября, но думаю, что теперь задержится; в Медицинскую типографию вошли какие-то казенные приказы для печатания, и работники заняты ими. Билеты на «Образцовые стихотворе-

ния»³ посылаю. Подписавшимся можно получить по этим билетам в Москве в Московской медицинской конторе, так, как написано на билетах. О выдаче томов будет извещение в московских газетах. Возврати мне поскорее посланный тебе портрет Карамзина⁴. Тончи⁵ не дожدهшься. Можно будет поправить по тому портрету, который выгравирован при сочинениях, хотя и он не забавен. Твои эпитафии на Шутовского прекрасные⁶.

Обними за меня Пушкина⁷. Скажи ему, что он напрасно упрекает арзамасцев в забвении своих друзей. Я виноват, что забыл в своем письме поставить его имя; но он единогласно всеми выбран был при первом собрании Арзамаса; и ему приготовлено было имя *Пустынника*, но если ему хочется *Вот*, то мы и на то согласны. Письмо его будет мною, яко секретарем, представлено и прочтено Арзамасу в следующем заседании. Высылай его к нам. Мы примем его с распростертыми объятиями.

Доставив нам список подписавшихся, не забудь назначить, кому именно и под каким № билет выдан, и на билетах пиши: *деньги получены*.

Я писал о Бушуеве к Дружинину⁸ и просил его переговорить с тобою. Повайдайся с ним.

251.

А. П. Киреевской (Елагиной) и А. П. Юшковой (Зонтаг)

<10—13 ноября 1815 г. Петербург>

Вы пеняете мне за мое молчание, милые мои друзья-сестры, но слава Богу, ваши пени не трогают дружбы, и я за это благодарю вас. Надеюсь, что никогда до этой святыни пени не дотронутся. Вы спрашиваете, милая Анета¹, о чем Вам писать ко мне: «всё одно и то же!». Вы хотите, чтобы я перечитал Ваши прежние письма, из которых узнаю то, что делается с Вами теперь. Hélas!* неужели нам никогда на том месте не будет хорошо, на котором мы находимся! неужели вечно нам бежать за этим недостижимым *там*, которое никогда *здесь* не будет. Из Ваших писем, Анета, заключаю, что Вы не совсем довольны своим *здесь*, что Ваше *одно и то же* Вам надоедает. А я со своей стороны желал бы сказать Вам: прочтите мои *прежние* письма, чтобы узнать, что со мною делается *теперь*. Мое теперь хуже прежнего, здешняя жизнь тяжела, и я не знаю, когда отсюда вырвусь. Ваше *одно и то же* кажется мне прекрасным положением; работать без всякого рассеяния, в кругу *своих*, отделясь от прошедшего и будущего, — вот чего мне хочется. Вы пишете, чтобы я Вам о себе более рассказывал, и что у меня много интересного для этих рассказов, что всё, окружающее меня, интересно. Напротив. Или *всё*, меня окружающее, ничтожно, или я сам ничто,

---

* Увы! (*франц.*).

потому что у меня ни к чему не лежит сердце, и рука не подымается взяться за перо, чтобы описывать то, что мне как чужое. И воображение побледнело — так пишет ко мне и Батюшков². Поэзия отворотилась. Не знаю, когда она опять на меня взглянет. Думаю, что она бродит теперь или около Васьковской горы, или у Гремячего³, или в какой-нибудь долбинской роще, несмотря на снег и холод! Когда-то я начну ее там отыскивать! А здесь она откликается редко, да и то осиплым голосом.

О Дерпте Вам не хочу писать ни слова. Лучше говорить, нежели писать! но когда же удастся говорить? Авось!.. всё еще авось! Если рассказывать, то хоть забавное. Здесь есть автор князь Шаховской. Известно, что авторы не охотники до авторов. И он поэтому не охотник до меня. Вздумал он написать комедию и в этой комедии смеяться надо мной⁴. Друзья за меня вступились. Дашков напечатал жестокое письмо к новому Аристофану⁵; Блудов написал презабавную сатиру⁶, а Вяземскому сделался *п<онос>* эпиграммами⁷. Теперь страшная война на Парнасе. Около меня дерутся за меня, а я молчу, да лучше было бы, когда бы и все молчали⁸. Город разделился на две партии, и французские волнения забыты при шуме парнасской бури. Все эти глупости еще более привязывают к поэзии, святой поэзии, которая независима от близоруких судей и довольствуется сама собой. Беспреданно уверяюсь, что я написал божественные истины в моем послании к Вяземскому и Пушкину⁹. Нет ничего презрительнее той славы, которой все обыкновенно ищут! *Обвитый розами скелет*¹⁰ — выражение, разительно справедливое. Беда писателю, если вздумает иметь эту бесславную славу, эти низкие почести, если у него душа доступна для оскорблений глупцов и невежд. Я благодарен этому глупому случаю — он более познакомил меня с самим собой. Я теперь знаю, что люблю поэзию для нее самой, не для почестей, и что комары парнасские меня не укусят никогда слишком больно. Но я теперь люблю поэзию как милого человека в отсутствии, об котором беспреданно думаешь, к которому беспреданно хочется и которого всё нет как нет.

Я здесь живу очень уединенно; никого, кроме своих немногих, не вижу — и несмотря на это, всё время проскакивает между пальцев. И этой немногой рассеянности для меня слишком много. Прибавьте к ней какую-то неспособность заниматься, которая меня давит и от которой не могу отделаться.

Жестокая сухость залезла в мою душу.

О рощи! о друзья, когда увижу вас!¹¹

Но что же, если не удастся сгородить себе какого-нибудь состояния? Если надобно будет решиться здесь оставаться и служить для того, чтобы чем-нибудь жить, — тогда прощай, поэзия и всё! Авось! Неотвязное слово! Как оно теперь для меня мало значит, а всё не расстанешься с ним!

Послушайте, милая Авдотья, поговорим о другом авось, о котором я здесь часто думаю! Ведь для наших ребятишек нужен учитель. Пора думать об их порядочном воспитании. Дело не об том, чтобы их сделать скороспелками, выучить тому и другому, что они со временем забудут, а об том, чтобы их сделать людьми. У меня есть на примете два человека. Один очень знающий — но молод, и я не знаю, согласится ли ехать в деревню; я не говорил с ним и не могу еще делать ему предложения, ибо не имею на то согласия Вашего; он же ищет службы; и теперь его здесь нет — он в Дерпте. Другой здесь и хочет ехать в деревню; но вот беда: он не берется учить по-латински; он берется только образовывать для учения университетского и вообще берет на себя одно нравственное воспитание¹².

Это и всего важнее, ибо науки придут сами и скоро — надобно только дать ум, охоту к занятию и характер. Остальное будет легко. Но латынь, латынь необходима! и ей надобно учиться заранее. Дерптский мой знакомец и латинист, и грек, и очень учен, и добрый малый — но не знаю, захочет ли запропасться в деревню. Я желал бы, чтобы он, например, лет шесть занялся приготовительным учением детей; потом непременно они должны быть отданы в университет и, если можно, в немецкий; потом года два путешествия; потом и служба — и служба чем позже, тем лучше, — чтобы были людьми. Я нынче крепко было обрадовался. Вдруг является к нам Тоблер¹³, который воспитывал и Тургеневых. Он отходит от Токаревых, и я воображал было, что он ищет места; но уввы — он уезжает в Швейцарию.

Итак, милая Авдотья, прочитав то, что я здесь навараксал, вооружитесь гусиным пером и напишите мне, искать ли здесь учителя, сколько ему давать (NB дорого, да мило). Весьма было бы хорошо, когда бы я к Вам приехал сам-друг. Но для этого нужно, чтобы у Вас на всякий случай были готовы комнаты в Вашем господском доме, чтобы всё (Ваша и моя библиотеки) было в порядке. Неужели и по сию пору нет порядка, нет шкафов, нет помела, нет добродетели и Лизы?¹⁴ Эка шпанска муха!

Шутки в сторону, прошу написать об этом поболее и пообстоятельнее. Перестаньте писать узоры.

Скажите мне поболее и о нашей милой Марье Алексеевне: Вы мало мне об ней пишете. Отдали ли Вы ей мое письмо? Поцелуйте за меня у нее ручки. Милой Елене Ивановне кланяюсь дружески. Я уверен, что она помнит и любит меня, как всегда. Что наш добрый *Pierrot*? Что наше пузо Като? Она ко мне писать разучилась; *le grimacier ordinaire** совсем свел ее с ума¹⁵. Скажите этому кривляке, что я видел здесь Муравьева, который обещал у меня побывать. Брата его, Александра, я еще не видал; он у меня был, не застал меня дома, и я позабыл его адрес¹⁶. Обнимаю их обоих и с маленькой неправильной дробью¹⁷.

---

* Вечный кривляка (*франц.*).

Милая Наталья Андреевна, откликнитесь. Иван Никифорович, Елизавета Васильевна, преосвященный архиерей! желаю вам здравия. Простите, милые друзья! Елена Ивановна дня три как приехала. Где Марья Николаевна?¹⁸

252.

П. А. Вяземскому

23 ноября <1815 г. Петербург>*

23 ноября

Жду от тебя с нетерпением письма, мой милый друг. Что-то оно скажет мне о наших милых Карамзиных. Сердце рвется за них. Катерина Андреевна опять должна родить¹; новые, тяжелые страдания матери, но к чему же они ведут? К потере еще более жестокой, нежели все эти страдания! Скажи поскорее, что другие дети? И скоро ли им можно будет переехать в Москву? Ужасно подумать об их положении. Воображая их в горести, как-то еще более к ним чувствуешь привязанности. Карамзин, страдающий отец, есть для меня что-то священное; прошу тебя уведомить об них поскорее.

О себе скажу, что я здоров и занимаюсь совершенно пустяками. Важное ничто не лезет в голову и на то есть причины. Зато протоколы Арзамаса, которые перо пишет, не спрашиваясь с головою, весьма богаты всякого рода галиматеею. Я недаром обожатель твоего гения. Арзамасское общество умножено двумя новоприбывшими. Северин с нами²; вчера я с ним просидел целый вечер у Блудова, и, чтобы прелесть этой минуты свидания была совершенна, нужно бы было твое присутствие, да еще нашего Пипиньки³ — зато мы об вас и вспомнили с горем пополам.

Другой арзамасец Полетика⁴, которого я еще не знаю и не видал. Северин немного вырос, но всё по-старому малютка. Не переменялся нимало; глядя на него, видишь старое время, видишь Москву, домик Дмитриева⁵, твою горницу с камином и много кое-чего с горем пополам лезет в душу. А ргорос* о душе — черт знает, что делается с моею душою; она растрепалась как ветوشка; всё как будто из нее выдохлось. Весною с Севериным, с Дашковым буду в Москву и освежусь в Остафьеве. Петербургский климат, несмотря на радости арзамасские, нездоров для меня: огонь Весты бледнеет.

Прости. Тургенев посылает тебе новые мои стихи; прошу на них не ко- ситься; написаны по заказу; на заданный размер. Предмет был прекрасный; но я из него ничего не сделал: от воинов можно бы было много сказать Русскому Царю! Но всё, сказанное в моих стихах, есть пышное *locus communis*** . Этот

---

* Кстати (*франц.*).

** Общее место (*лат.*).

хор был пет на празднике Семеновского полку, приготовленном к приезду государя, — но государь не приехал. Праздник был прекрасный. И мне весело было писать стихи мои, несмотря на то, что они дурны⁶.

Получил ли ты билеты? Дай знать о подписчиках! То есть пришли их реестр. Экземпляры будут все гуртом доставлены тебе, а ты уже раздавай кому следует. С книгопродавцами ведайся сам как хочешь; а мы будем знать одного тебя. Уступки делай, какие за благо рассудишь, — я на всё наперед согласен и очень тебе благодарен за дружеские твои хлопоты. Обнимаю тебя.

253.

М. А. Протасовой

27—28 ноября <1815 г. Петербург>

Ты хочешь говорить со мной как с *отцом*¹. Если это имя не пустое слово, написанное без всякого особенного смысла, то оно значит, что мое мнение для тебя так же важно, как мнение отца. Милый друг, *ты* мне поверишь, когда скажу тебе, что могу без всякого эгоизма думать о твоём счастье и желать его. Итак, я буду говорить как отец, которому всё то известно, что делается в сердце у дочери, который на этот счет не хочет обманывать ни себя, ни других, который желает счастья своей дочери для нее, который, думая об ее счастье, не понимает под ним одного собственного спокойствия. Послушай, мой милый друг, если бы твое письмо написано было хотя полгода позже, я бы подумал, что время что-нибудь сделало над твоим сердцем и что привязанность к Мойеру, произведенная свычкою, помогла времени; я бы поверил тебе и подумал бы, что ты действуешь по собственному, свободному побуждению; я бы поверил твоему счастью. Но давно ли мы расстались? Нет трех недель, как мое последнее письмо было написано к маменьке!² Ты знаешь то, что я чувствовал к тебе, а я знаю, что ты ко мне чувствовала, — могла ли, скажи мне, произойти в тебе та перемена, которая необходимо нужна для того, чтобы ты имела право перед собою решиться на такой важный шаг? Мойеру уже было один раз отказано!³ Он, вероятно, не делал новых предложений! С чего же пришла тебе *самой* мысль за него идти? Тебе, которая говорила, что для тебя никакого другого счастья не надобно, кроме свободы, неразлучности с маменькой и спокойствия в семье твоей? Нет, милый друг, не ты сама на это решилась! Тебя решили, с одной стороны, требования и упреки, с другой — грубости и жестокое притеснение. Не давши времени твоей душе прийти в себя, от тебя требуют последнего жертвования на целую жизнь, называя это жертвование твоим же счастьем и даже не принимая его за жертвование! Ты имеешь ко мне точно такую же правду, какую ты написала к Павлу Ивановичу⁴; основываясь на письме твоём, скажут, что ты всего сама желала, что сделали тебе угодное; а до того, что у тебя в сердце, нет дела — это видит один Бог, а не люди!

Одним словом, ты бросаешься в руки Мойеру потому, что тебе другого нечего делать! Тебя тащат туда насильно, и еще ты же должна говорить, что ты счастлива! а я вслед за тобою, как твой отец, должен повторить то же! Нет, как твой отец я не могу на это *теперь* согласиться. Если бы я был твой отец не на словах, а на деле, если бы это имя не было мне дано как самое оскорбительное доказательство совершенного бессилия сделать что-нибудь для твоего счастья, я бы поступил иначе; зная твое состояние, я бы прежде всего старался дать тебе время успокоить свое сердце, я бы не стал как самовластный деспот располагать всею судьбою твоей жизни; не пожертвовал ею *своему* спокойствию, *своей* прихоти; зная в своей совести, что я сам причиною всего, что с тобой было, я не вздумал бы к твоему несчастью, мною самим сделанному, прибавить другого, совершенно неизгладимого; я бы заменил для тебя то, что у тебя отнял, произвольно или принужденно, до того нет дела; подле меня нашла бы ты все вознаграждения за потерянное; я не дал бы в семье своей делать тебе жестоких неприятностей, принуждающих тебя всё забыть, на всё решиться, чтобы после во всем раскаиваться: одним словом, я был бы твой отец, утешитель, товарищ! не думал бы об одном себе! Ты была бы свободна, спокойна; время всё бы исправило! Тогда без принуждения, без всякого упрека совести, ты выбрала бы для себя счастье верное, то есть хорошее променяла бы на лучшее и не была бы жертвою моей прихоти, моего эгоизма; и я был бы счастлив, потому что был бы тогда уверен в твоём счастье! Так бы я поступил, если бы был твой отец или твоя мать. Но теперь кто уверит меня, что ты поступаешь свободно? То, что ты написала к Павлу Ивановичу, может быть удовлетворительно для Павла Ивановича, но не для меня. Я знаю настоящее расположение твоего сердца, и маменька знает его (знает перед своею совестью и перед Богом — что бы ни думали люди) — как же могу поверить, чтобы с таким расположением писанное тобою было язык твой, *свободный, непринужденный*? Нет! Это язык маменьки! Ей нужно спокойствие, спокойствие насчет всего твоего будущего? Но как же осмелится она за него поручиться, будучи не уверена в настоящем? Ты можешь дать волю всё с собой сделать, ты можешь не роптать и покориться — но более не можешь ничего! Боже мой! религия запретила ей согласиться на наше счастье; а та же религия не может ей запретить принудить тебя к нарушению всего святого: таинства и клятвы? После этого могу ли подумать, что религия, а не одно желание исполнить волю свою управляет ее поступками? Почему же здесь молчит религия, здесь, где дело идет о таком поступке, с которым ни сердце, ни желание твои не могут быть согласны? Я знаю язык ее: *исполнение должности всего святее!* Но это для нее равно, как и для тебя. Твоя должность быть согласною с ее волею. А ее должность не жертвовать тобою своей власти. И она равно должна думать о твоём счастье, как и ты о ее. Пусть люди будут воображать, что ты следовала собственному желанию; но она этого знать не будет, она, от которой твоя судьба зависит; но Бог не будет

этого знать — а Он судит не по наружности, а по намерениям. Я знаю, как она об этом думает; я помню, что сказала она мне перед отъездом нашим из Муратова (и это слово вечно меня приводит в трепет). *Жалею, что Маша не выдана за Апухтина*⁵. Когда же это было сказано? После того, как она уже обо *всём* знала, и после того, как она совершенно узнала, какое было бы для тебя счастье с Апухтиным. Какое же понятие имеет она о супружестве? За что же ей не хотеть, чтобы и ты имела то, чем она сама была так счастлива! Неужели и здесь можно принять за правило ее обыкновенную мысль: *счастья на земле найти нельзя!* Найти нельзя — это и я знаю; но отымать его не должно; но должно по крайней мере искать его для тех, кто от нас зависит! Нет, Маша, никак не могу поверить письму твоему! Оно слишком противоречит всему, что я знаю и в чем был до сих пор так уверен. *Je crois vraiment, пишешь ты, que je trouverai le bonheur et le repos avec Moyer, je l'estime beaucoup, il a une âme digne et un caractère noble et j'attends tout du temps**. Милый друг, прошу тебя нисколько не думать, чтобы я в эту минуту помнил о себе; ты *одна* знаешь, как я искренно готов забыть всё собственное для твоего счастья. Но скажи мне, ты прежде выйдешь за Мойера, а потом уже оставишь всё доделывать времени. Не должна ли ты, из уважения к самой себе, поступить напротив! Не святая ли это с твоей стороны обязанность? И твои слова не служат ли доказательством, что тебе не дают этого нужного времени, что тебе должно спешить, оставя будущее на произвол судьбы? Я сам люблю Мойера, я видел его во все минуты прекрасным человеком! Но давно ли вы его знаете?⁶ Если бы и не было необходимой обязанности медлить, всё надлежало бы дать себе время узнать его более? А здесь сколько для тебя самой личных причин не спешить! Спросись с собою, имеешь ли право так скоро решиться? Правда, на это надобно иметь свободу, а ты, может быть, ее не имеешь! Но скажи мне, что заставляет вас так спешить теперь, когда ничто уже не противится маменькиной власти? Мойер с вами; всякий день бываете вы вместе! Всякий день может более и более тебя с ним знакомить! Неужели еще года нельзя пробить тебе в той семье, в которой ты прожила двадцать лет! В год можешь узнать всю будущую жизнь свою! Год может всё заставить забыть; произведет свычку, привязанность и даст полное право располагать собою! Пожертвование сделать легко, но надобно, чтобы оно было нужно! Спрашиваю, нужно ли оно теперь! Дело идет не о страсти — ты ее никогда не имела и не дай Бог иметь. Что маменька ни говорила и ни писала обо мне, но и я никогда не имел ее; но зато имел нечто лучшее: уверенность в своем счастье, привязанность совершенную, привычку думать об одном и всё к одному относить. Милый друг, это не страсть. И ты теперь в таких обсто-

---

* Я действительно уверена <...> что с Мойером найду счастье и покой; я очень его уважаю; душа у него возвышенная, характер благородный, и я всего ожидаю от времени (франц.).

ятельствах, что всё это со временем можешь получить, и получить прежде, нежели решить свою судьбу навсегда. Будучи вместе неразлучно, привыкнете друг к другу, и тогда переход из одного состояния в другое будет легок и не страшен. Редко удастся узнать того человека, с которым надобно будет делить судьбу свою! Тебе это возможно! Узнай его! привяжись к нему сердцем, а не по необходимости! Поручись себе и мне за свое счастье — тогда я буду рад тому, на что теперь смотрю только со страхом и в чем теперь вижу одно ненужное пожертвование, опасное и даже непозволенное. К тому же, дав себе время, будете в состоянии обдумать все обстоятельства посторонние, имеющие и, кроме личного характера, величайшее влияние на судьбу всей жизни. Мойер немец; все его связи в Дерпте; он должен жить трудами рук своих; и не знаю, может ли иметь недвижимое имение⁷. Все эти обстоятельства не худо обдумать наперед! Если он не захочет оставить своего края, то легко ли тебе будет со всеми разлучиться! То счастье, которое найдешь с ним, заменит ли тебе всё то, от чего надобно будет отказаться! Одним словом, дав себе время, ко всему наперед можешь приготовить и привыкнуть. Итак, если для тебя имя отца, данное мне, имеет какой-нибудь смысл, то прошу тебя дать себе год еще свободы; не говори ни слова Мойеру, но пускай он имеет твою дружбу. Это будет прекраснейшим приготовлением к верному счастью! И ничто не брошено будет на произвол случая. Мне же дашь совершенное спокойствие. Пусть время сделает всё *прежде*, а не *после*. Мне ничего, кроме твоего счастья, не надобно: собственного ничего к нему не примешано; но оно разве не моя уже собственность; а эту собственность ты обещала мне беречь свято! Неужели и ее у меня отнимут? Неужели ко всем прочим радостям, которыми так богата моя жизнь, еще надобно прибавить и неизъяснимое счастье думать, что, опасаясь меня и моих происков, поспешили пожертвовать тобою и отдать первому, который тебе встретился, чтобы только от меня избавиться! Мойер — прекрасный человек, сколько я его знаю! Но тебе надобно с ним счастья. Прежде узнай наверное, что его получишь, а там уже располагай собою. Неужели нельзя тебе иметь году отсрочки? Неужели я такая презренная тварь, что уже мне никакого утешения сделать не можно, что уже меня можно раздавить, не думая даже, что я могу почувствовать боль? Уверенность в твоём счастье мне нужна более всего; я сам знаю, что тебе надобен человек, который бы тебя покоил и умел бы ценить тебя! Ты могла бы теперь иметь много счастья дома, но я знаю, что ты его иметь не будешь! Надобно его искать в стороне; но надобно *найти* его! За что же такая поспешность располагать твоею участью? Вся твоя жизнь была пожертвование, и теперь должно бросить на жертву всё остальное. Но то же можно сделать и без пожертвования; наверное, без всякого риска. Только помедлите. Скажи мне, какое новое несчастье сделалось, что ты захотела бежать? В твоей семье все, начиная с маменьки, знают, что тебе нельзя этого желать; это желание само собою не могло прийти к тебе в сердце; тебя принуждают и гонят из семьи своей; ни-

когда не поверю, чтобы ты решилась сама и произвольно, — с чего тебе решиться? Ты мне говорила тысячу раз, что тебе нужно одно спокойствие и любовь твоей матери, что всякая перемена только испортит, — теперь отчего же другой язык? Marie, vous m'avez dit un jour *devant Dieu*, que vous ne vous marierez jamais autrement que d'après votre choix et jamais par la seule obéissance. *Devant Dieu** , помнишь ли это? Здесь я напоминаю об этом слове не для того, чтобы тебя отвратить от Мойера, нет! я сам его люблю, уважаю и почитаю способным дать тебе счастье. Но я прошу одного: не по принуждению, свободно, не из необходимости, не для того только, чтобы бежать из семьи своей и где-нибудь найти приют. Вот мысль, которая убивает меня. Неужели не могут позволить тебя самой позаботиться о счастье своем? Неужели надобно самую жизнь отдать на жертву их власти? Кажется, до сих пор ты не жила, не думала для одной себя — всё для маменьки! всё было ей жертвой! Какое же награждение? Как бы им легко было за всё заплатить тебе, дав тебе волю быть спокойною между ими! Что тебе надобно, много ли? чего еще ты от них требуешь? Кажется, всё для них? Что же для тебя? Сердце разрывается, когда подумаю об этой жестокости, об этом холодном самовластии, которое величают материнскою любовью⁸. Но скажи, Маша, разве ты не обязана подумать и обо мне? Разве для тебя не нужно избавить меня от такой мысли, которая отравит всю мою жизнь, от мысли, что тебя *принудили выйти замуж, опасаясь меня!* Я уже не прошу об этом маменьку; она только умеет называть меня братом, но она не упустила ни одного случая разорвать мне сердце! Захочет ли она и здесь меня удостоить внимания! Что ей до меня, когда она не щадит своих детей! Уже она знает по опыту, как поспешность гибельна⁹, — но что опыт, что сожаление, когда дело идет о том, чтобы исполнить свою волю! Я прошу этого сожаления от тебя; я не требую, чтобы ты отказалась от Мойера; но требую только, чтобы ты употребила один год на свободное размышление, на свычку с ним, на то, чтобы старое успело быть забыто и заменено новою привязанностью! Не говори с ним ничего, не обязывай себя ничем; но имей его в виду; он всё будет в вашей семье! Здесь самое гибельное — поспешность! Но на что ж вам спешить? Вместо того чтобы испортить что-нибудь, время всё может привести только в лучший порядок. Он будет вместе с вами, а меня можете ли вы бояться? Мое всё кончено, и ни в каком случае нам быть вместе невозможно¹⁰. Милый друг, я не противлюсь твоему намерению, прошу только сделать что-нибудь и для моего спокойствия; и то, чего прошу, весьма легко исполнить и совершенно согласно с твоею же пользою. Но, может быть, именно потому, что я прошу, оно и не будет исполнено! Я в одном из последних писем просил ее *согласиться со мною только в одном — дать тебе полную свободу!*¹¹ И вслед за этим она начинает тре-

---

* Мари, ты однажды сказала мне как *перед Богом*, что ты никогда не выйдешь замуж иначе как по своему выбору и никогда — только из-за послушания. *Перед Богом (франц.)*.

бовать, чтобы ты шла за Мойера; теперь прошу той же *свободы и отсрочки* — и уверен, что самое сильнейшее желание ее теперь будет поспешить! Она решилась отнять у меня всё до последнего! даже внутреннее спокойствие, а с ним, может быть, и всякую привязанность к жизни! И ей удастся!

Не бойся моей встречи с Воейковым и успокой на этот счет Сашу¹² — если мы увидимся, то никаких объяснений между нами не будет! Они не нужны! Что ты называешь: с ним помириться? Желать ему добра и всякое, какое в моей власти, сделать — это само по себе разумеется! Любить его и простить ему твои огорчения — это невозможно.

28 ноября

Одно место твоего письма изумило меня. Воейков, которого я сейчас видел, подтвердил мое изумление: «en vous mariant, en vous sacrifiant comme vous le faites, vous croyez donner à votre mère deux amis»*. Ты хочешь дать мне свое место в семье твоей матери. Нет, Маша! я просил тебя тысячу раз: не думай обо мне, заботься о своем счастье! Будь счастлива для себя, тогда и всё мое желание исполнится. Мне занять твое место! Прошу на этот счет не обманываться! Заставив написать Павла Ивановича письмо, я хотел воспользоваться последним способом — он не удался, и для меня всё теперь навсегда решено! Я совершенно отказался от невозможного. И твоей матери нечего меня бояться! Если она думает, что я жду смерти ее, чтобы возобновить всё, — этот страх напрасен! Для ее успокоения ты можешь дать ей какую хочешь клятву, а я не захочу никогда взять руки твоей на гробе твоей матери. Она сделала из меня какое-то чудовище, которого боится, и этот страх даже ее самое приводит к преступлению. Если замужеством своим ты надеешься дать мне семейное счастье и вернуть меня в свою семью — эта надежда совершенно пустая. Я был бы истинным другом, истинным братом твоей матери и еще остался бы ей благодарен (и эта благодарность не кончилась бы и по смерти ее), когда бы видел, что она, разделив и твое, и мое горе, облегчила бы его всем, что от нее зависит, — думая единственно, как бы утешить тебя и тебе дать совершенное спокойствие. Твое счастье было бы величайшим ее благодеянием и мне. Мы были бы розно (ибо вместе быть нельзя), но это розно не разорвало бы дружбы; у нас было бы одно — твое счастье! И как легко его сделать — быть просто матерью, другом и утешителем, а не притеснителем, который всегда готов жертвовать своему эгоизму. Пожертвовав собою, не думай из меня сделать ей друга — этим не заманишь меня в ее семью! Скорей соглашусь двадцать раз разбить голову, нежели искать места в этой семье! Какими глазами буду смотреть на нее! Какое чувство

---

* Выходя замуж и жертвуя собой, как ты это делаешь, ты надеешься дать своей матери двух друзей (*франц.*).

буду иметь к ней в своем сердце! Я не постигаю, как могла прийти тебе в голову такая мысль и за кого ты меня считаешь! Но скажи мне, чего она боится? За что хочет убить тебя? Неужели надеется найти в аптеках лекарство от твоих болезней, которые сама производит?

Одним словом, чтобы всё кончить, я могу только согласиться на *твое счастье* — в этом пожертвовании я не вижу его; я не вижу его для тебя в замужестве, по крайней мере теперь его для тебя в замужестве быть не может. Разве забыла она своих двух сестер и своего брата?¹³ Разве забыла, что ты в начале этого месяца была при смерти! А что смерть пред тою жизнью, которую она тебе готовит! Она могла бы тебя осчастливить, а она тебя гонит от себя! Я не могу согласиться на замужество твое, *теперь* не могу! И если...

254.

П. А. Вяземскому

<Около 25 ноября 1815 г. Петербург>*

За что ты брюзжишь, князь Петр Андреевич! Всё бранишься за неписание, за неподвижность, а, кажется, я к тебе пишу, да еще и черт знает как тебя люблю. Если не удастся писать много, то это оттого, что часто не пишется и руки как будто отсохли. Но из этого не следует, чтоб отсохло и сердце. Да ты этого и думать не можешь.

Счастливец, ты читаешь предисловие Карамзина¹, возвышаешься мыслями и душою подле лучшего из людей — лучшего во всех отношениях. Сказать Карамзин — значит сказать свет прекрасен! ибо в нем есть Карамзины, ибо в этом свете можно любить Карамзина и желать быть ему подобным. Какое письмо написал он к Тургеневу о своей тяжелой потере²: такое письмо есть лучший панегирик Провидению. А ты, мое сердце, в своем письме, полученном нами в то же время, лепечешь: не понимаю Провидения. Спроси у Карамзина, он тебе растолкует, что такое Провидение. В иные минуты можно бы было и мне этот вопрос сделать, и я бы умел на него отвечать. Но только в *иные минуты*. Всего более надобно стараться, чтобы эти иные минуты слились наконец в жизнь, и в этом-то вся и цель жизни.

Извини, брат, мою философию; она сама собою сбежала с пера. Я хотел не философствовать, а поговорить тебе о своем издании. Вот в чем дело: если ты набрал сколько-нибудь подписчиков и собрал деньги, то присылай деньги и реестр подписавшихся; деньги надобны для печатания, а имена пренумерантов — для доставления тебе нужного числа экземпляров. Но так как ты получил 100 билетов, то думаю, что тебе и 100 экземпляров прислать подобает. В рассуждении же подписки поговори с Каченовским — у него в руках типография университетская и все газетные публикации — устройте это между собою.

Книгопродавцам же уступать надобно погодить до закрытия подписки. Может быть, и без них дело обойдется. Им же можно будет продать с уступкою те экземпляры, которые останутся от подписки.

Присылай письмо Липецкого жителя и критику³. Твои прекрасные эпиграммы⁴ не напечатаны для того, что *наша война* кончена трактатом, который объявлен в «Сыне Отечества» в статье под именем «Мнение постороннего»⁵. Критики же и письмо напечатать можно будет: это уже война литературная. Чтобы только в них не было ничего обо мне.

Наш Арзамас усилен тремя новыми членами: Северин = *Резвый кот*; Полетика = *Очарованный челнок*; Воейков = *Печурка*⁶.

Обними за меня Пушкина⁷. Прилагаю формат издания.

255.

А. А. Прокоповичу-Антонскому

<Конец ноября 1815 г. Петербург>

Наконец я получил от Вас письмецо, почтеннейший Антон Антонович. Благодарю за Вашу бесценную дружбу и за такие ее выражения. Вы ждете от меня послания¹. Дайте мне уехать в свою сторону — оттуда буду писать послания с вольным духом. Здесь как-то Муза моя оледенела. Давно нет от нее никакого слуха. Молчит весьма упрямо. Посылаю Вам единственный плод ее, стихи, сделанные по заказу, хоть петые на празднике Семеновского полку и написанные по просьбе офицеров². Писать было приятно; но написанное худо, потому что не было времени. Чем богат, тем и рад.

Печатание моих стихов продолжается, и кажется, что издание будет хорошее³. Для Вас экземпляр заветный. Мне чрезвычайно весело будет его Вам доставить. Простите, почтеннейший Антон Антонович, не забывайте меня. В начале будущего года надеюсь Вас увидеть.

256.

П. А. Вяземскому

<Ноябрь 1815 г. (?) Петербург>*

На сих днях мой первый том поспеет — как быть мне с теми экземплярами, которые принадлежат *твоим* подписчикам? Прислать ли все к тебе или рассылать прямо на имена подписчиков. Ведешь ли ты всему записку? Я бы желал, чтобы ты прислал мне реестр подписчиков такой формы:

номер билета	имя подписчика	адрес (к тебе или прямо куда следует)

Всего более нужно, чтобы никто не мог пожаловаться на неполучение экземпляра. У себя ты должен непременно отмечать всякий выданный экземпляр против имени того подписчика, кому он выдан; чтобы после не сбиться. Также и на билетах надобно отмечать; то есть зачеркнуть выданный том.

257.

А. П. Киреевской (Елагиной)

<10—11 (?) декабря 1815 г. Петербург>*

Письмо твое меня столько же удивило, сколько огорчило, я не узнаю в нем ни сердца твоего, ни чувств.

Вот и она обвиняет меня! Итак, она узнала бы и сердце мое, и чувства, когда бы я без *роптания* согласился на то, чтобы она собою пожертвовала! Как бы я написал к Е<катерине> А<фанасьевне> ласковое письмо, когда бы не сказал ей ничего искренно насчет ее поступков¹.

Хочу отвечать тебе, хоть наперед знаю, что это ни к чему не послужит. Жаль, что ты сам не приехал и не увидел сам тогда всего.

Как приехать и зачем!² Что увидеть! Приехать затем, чтобы сказать да! приехать затем, чтобы говорили тебе с разными улыбками *брат*, а в душе считали тебя за предателя; чтобы унижали тебя подозрениями. Сам *увидел!* что можно увидеть? Где искренность? Разве несколько лет опыта всему этому не противоречат? И теперь, потребовав позволения приехать и положив условием, чтобы мне дана была свобода говорить с Машею, я уверен, что от меня потребуют согласия безусловного и что мое малейшее противоречие названо будет *клеветою или ругательством*.³ Для Е<катерины> А<фанасьевны> всякая правда есть ругательство. Она ни от кого не слышит ее в семье своей — там с первого слова покорность; и она не думает, чтобы ей можно было ошибаться.

Маменька не хочет перед тобою оправдываться!

Оно и легче! стоит сказать: клеветник и ругатель! и всё оправдание! Но ей и нельзя оправдаться! Пускай отвечает она мне фразою на фразу — ей отвечать будет нечего!

Она не ожидала и не могла вообразить таких несправедливых обвинений от тебя!

От меня именно она и могла ожидать их! Маша! Маша! Но что ж она другое говорить здесь может! Она решилась собою пожертвовать! Но хочет показать, что не жертвует ничем! Это принимают за чистые деньги! Но я могу ли этому поверить! И мне еще надобно молчать!

---

* <Копия письма М. А. Протасовой от 6 декабря 1815 г. со вставками Жуковского, обращенными к А. П. Елагиной; текст письма М. А. Протасовой к Жуковскому выделен полужирным курсивом.>

Если бы ты и не видал прежде моего образа жизни и не мог судить о настоящем по прошедшему, то, зная ее любовь ко мне, мог бы быть уверен, что она не станет требовать моего несчастья.

Я видел этот образ жизни и знаю, что причиною, главною и почти единственною, того, что она вела *такой образ жизни*, — одна Е<катерина> А<фанасьева>⁴. Я сужу о настоящем именно по прошедшему. Я знаю ее любовь; но знаю, что эта любовь, которая заставляет ее сидеть в слезах над постелью больной Маши, не препятствует ей расстроивать ее здоровье, лишать ее во всем свободы, давать над нею власть Воейкову, даже огорчать ее в угодность Воейкову. Эта любовь не мешает ей соглашаться на ее жертвование, его требовать или, что всё равно, своими жалобами и слезами доводить ее до того, что она принуждена решиться на то, чему противится ее сердце, и собою пожертвовать.

Je vous dirai encore que le sentiment qui l'a porté à me permettre de vous écrire, est tout ce qu'il y a de plus noble et de plus tendre. Les circonstances m'ont forcé à me décider de lui parler sur ce sujet d'une manière positive, je voyais la noce nécessité pour elle et pour nous deux d'avoir un ami, un protecteur, et une fois que j'avais parlé positivement, elle a voulu que je vous en parle à vous le premier^{*}.

Что ж в этом, что мне сначала *первому*. Вопрос: *для чего* сказано? Для того ли, чтоб узнать мое мнение и с ним согласиться, если оно будет основательно? Или только для того, чтобы я согласился безусловно и с покорностью, в противном же случае назвать меня клеветником и ругателем? Вышло на поверку, что для последнего! Что ж в том чувстве, которое заставило со мною первым объясниться! *Les circonstances m'ont forcé*^{**}. Маша сама обвиняет свою мать здесь так же, как и я. Какие могут быть обстоятельства, чтобы заставить ее против желания решиться на замужество и оставить семью свою! Кто в этой семье властитель? Ее мать! От кого зависит ее спокойствие, ее утешение, ее счастье? От матери! И она почитает необходимым иметь себе покровителя! И мать на это соглашается, зная настоящее расположение сердца своей дочери! Мне дела нет до того, что мне сказано *первому*! Дело в том, *что* сказано и *чего* от меня требуют!

Ni elle, ni moi, nous n'avons pensé à accélérer la chose, mais malgré cela, pensant toujours à vous, elle m'a dit de vous demander conseil à vous le premier

---

^{*} Скажу тебе также, что чувство, которое побудило ее <мать> дозволить писать тебе, — чувство самое благородное и нежное. Обстоятельства заставили меня говорить с ней об этом деле положительно, я видела необходимость для нее и обеих нас в друге и покровителе, и однажды, когда я говорила положительно, она пожелала, чтобы я тебе *первому* это сообщила (*франц.*).

^{**} Обстоятельства заставили меня (*франц.*).

après elle, de vous le dire, avant que d'en parler à Woej<cov> et cette délicatesse de sentimens mérite toute votre reconnaissance*.

Я еще должен быть благодарен! за то, что мне сказали прежде Воейкова! La délicatesse** не в том состоит, чтобы сохранить наружность и эту наружностью обольстить! а в том, чтобы требовать возможного. Итак, из благодарности за эту мнимую деликатность я должен был согласиться на всё без прекословия; и найти всё прекрасным потому, что мне сказано прежде Воейкова. Я уверен, что Маша решилась сама; но то, что ее заставило решиться, есть их дело, и всё выйдет на поверку, что она решилась по принуждению. Письмо исполнено противоречиями.

Vous m'accusez de m'oublier pour les autres. Je vous assure, que dans cette circonstance je n'ai pensé qu'à moi. Je n'ai pas de passion pour Moyer certainement; mais l'estime, la confiance, l'amitié que j'ai pour lui, pour son caractère suffiraient pour nous rendre heureux. J'ai désire beaucoup plus que Maman que cette chose ait lieu; je sais que M<oyer> á toutes les qualités que je désirerais de voir dans une personne de qui nous dépendrons tous***. Он так благороден, что не только не позволит себе малейшей подлости, но даже малейшей лжи, хотя бы она принесла ему самые большие выгоды. В последнюю болезнь мою он доказал мне, что умеет забывать о себе, когда дело идет о пользе другого; бескорыстность его и малое честолюбие мне также известны. Род жизни, который он ведет, беспрестанные занятия, польза, которую он делает, всё это обещает мне лучшее будущее. Я воображала найти спокойствие, перестать быть в тягость одним, перестать быть вечною причиною слез других, и всё это без того, чтобы отказаться от них навечно. Не разлучаясь с ними, видеть их счастливыми; быть даже, может быть, иногда причиною их удовольствия.

Всё, что здесь сказано в похвалу Мойера, — совершенно справедливо. Но вспомнив прошедшее, так недавно прошедшее, можно ли вообразить, чтобы теперь Маша могла иметь с ним то счастье, какое должна иметь и может! Чтобы это счастье было верно, не нужно ли помедлить?⁵ не нужно ли ей самой успокоиться от прежнего! Если бы она не была в тягость одним, если бы не была причиною слез других, то она, без сомнения, теперь еще не подумала бы об Мойере.

---

* Ни она, ни я не думали ускорять ход дела, но тем не менее, всегда думая о тебе, она пожелала, чтобы я у тебя первого после нее спросила совета, чтобы я тебе сообщила всё раньше, нежели Воей<кову>, и эта деликатность чувства заслуживает признания (франц.).

** Деликатность (франц.).

*** Ты обвиняешь меня в том, что я забываю себя для других. Уверяю тебя, что в этом случае я думала лишь о себе. Я не испытываю страстной любви к Мойеру, но уважение, доверие, дружба, которые я имею к нему, к его характеру, достаточны, чтобы сделать нас счастливыми. Я гораздо больше матери желала, чтобы дело это устроилось; я знаю, что М<ойер> обладает всеми качествами, которые я желала бы видеть в человеке, от которого мы все будем зависеть (франц.).

Итак, она решается не свободно; а в таком случае как поручиться за счастье? И не должно ли обвинять тех, которые принуждают ее к такому поспешному поступку? Скажите, можно ли совершенно забыть прошедшее? Можно ли поверить, что она вдруг могла забыть его? можно ли вообразить, что сердце ее вдруг и совершенно успокоилось! Итак, не должно ли было необходимо ее поберечь с этой стороны? Дать ей полную свободу! Предохранить ее самое от всякой губельной поспешности! Я только того и просил, и просил для того, чтобы она с тем же прекрасным, благородным Мойером могла быть счастлива совершенно! Эту бесполезную поспешность я назвал притеснением — а меня назвали ругателем! Я верю, что Маша любит и уважает Мойера, но также не могу думать, чтобы она *теперь* могла быть совершенно спокойна в душе своей! Я хотел только, чтобы она имела и то, и другое: и эту привязанность к нему, и это необходимое спокойствие! Всё дало бы ей время, а я только и просил времени! Я роптал на поспешность! Всё это только оскорбило.

Я вступила бы в совершенно новый круг, для меня чуждый, пишешь ты; нет! я бы имела такой круг, какого бы сама пожелала! Мойер не зависит от родных своих; он привязан к маменьке так, как должно. Летом еще, говоря со мною, он обещал не разлучать нас. Но я сама никогда бы не согласилась жить в одном доме — это одно из невозможных идеальных блаженств. Признаюсь тебе искренно, что я сама бы не пожелала слишком скоро возвратиться в Россию. Я жду много от времени, но совсем не в том смысле, в каком ты принял. Ты говоришь, Ж<уковский>, что я должна обдумать свое намерение, чтоб не сделать еще несчастного человека. Voilà une expression qu'on ne t'a répété que trop souvent, mais qui n'est pas de vous. Votre bon coeur ne vous permettra jamais de la dire** — но так и быть! Когда моя добрая маменька не хочет оправдываться на счет другого, то как могу я, которая столько имею упрекать себя, говорить что-нибудь в свое оправдание.

Мойер немец, и его все связи для Маши чуждые! Его она знает, но круг его ей неизвестен, что ни говори он или она, всё ей должно войти в его круг, а не ему в ее; этому и быть иначе невозможно. И требовать от него такого пожертвования нельзя. Его занятия, его привычки — всё привязывает его к тому месту, где он по сию пору жил. Но это не главное: будь привязанность — всякий круг хорош! с милым человеком везде отечество! Я желал только одного, чтобы эта привязанность сделалась! Верить ей теперь мог ли? я еще не потерял ни памяти, ни чувства! или всё прошедшее надобно считать за обман и призрак! Я принял слово Маши: *всего жду от времени* в том смысле, в каком всё заставляло его принять! Если должно теперь его принимать в том смысле, в каком она хочет,

---

* Вот выражение, которое мне повторяли слишком часто, но которое не может быть твоим. Твое доброе сердце тебе никогда бы не позволило употребить его (*франц.*).

чтоб я его принял, — тем лучше! Но надобно, чтобы я мог поверить, что это так! Если она ждет и надеется от времени всего только для меня; если ей нечего ждать для себя — то нет никакого и препятствия. Но сами судите, могло ли это прийти мне в голову? А предполагая противное, как было возможно, чтобы я согласился? и не мог ли я сказать им: *не сделайте еще несчастного человека?* Что же несчастнее, как супружество против воли, с тайным чувством к другому, с необходимостью скрываться! Чтобы всего этого *не было*, не нужно ли было дать время? я только того и требовал. Маша *не поняла* меня. Она вообразила, что я обвиняю ее; что я предполагаю, что она способна сделать *еще одного несчастного!* Нет! я только думал, что *несчастье было бы естественным следствием поспешности*, и обвинял только тех, которые без внимания к ней и ко мне требовали такой поспешности!

Ты говоришь еще, что спешить не должно.

Говорю, и буду говорить даже тогда, когда всё уверит меня, что *Маша сама* этого хочет. Ничто не заставит меня забыть прошедшего. А чтобы это прошедшее не могло быть для нее губительно, надобно хотя немного дать ей успокоиться. И ничто не может принуждать их к такому спеху!

По несчастью, я слишком знаю, что нельзя довольно узнать того, кому хочешь поверить счастье милых людей; но опять повторяю тебе, что ни маменька, ни я не думали не только спешить, но даже и таких близких сроков, как вы с Воейковым назначаете, не полагали. Теперь же скажу тебе, что я не могу на это согласиться, — всё зависит от обстоятельств. Легко может стать, что мы гораздо долее отложим это, но может быть и прежде — одним словом, я не могу и не хочу обещать ничего, и на это имею важные причины, одна я. К тебе писала я так скоро от излишней деликатности, а Воейкову говорила для того, чтоб дать ему думать, что я не совсем без пристанища.

Правда! Узнать не всегда можно того, с кем делить надобно жизнь; но им это можно. Мойер у них каждый день. Всякий день более и более сближал бы их и производил бы ту короткость, которая могла бы быть порукою за счастье. Вот великая выгода той отсрочки, какой я требовал! Они не полагали коротких сроков! А Воейков сказывал мне⁶, что уже начала было Е<катерина> А<фанасьевна> думать об приготовлении всего и что всё бы кончилось в несколько месяцев. Кому верить! Но и сама Маша опровергает себя, говоря, что теперь ничего не может и не хочет обещать! Не может! что ж ей препятствует! *Не хочет!* а я просил ее сделать это для того только, чтобы дать мне спокойствия насчет ее же счастья, ее же судьбы! На что же у меня спрашивать совета! На что мне всё *сказывать первому* и еще требовать за это благодарности! Что значу я здесь! *Воейкову сказано для того, чтобы он видел, что она не совсем без пристанища!* И это письмо читала Е<катерина> Афан<асьевна>. Как! у ней

нет пристанища, тогда как подле нее ее мать, которой всё в семействе ее покорно! Чтобы найти пристанище, она должна кинуться в руки постороннему! Боже мой! И это должно служить доказательством, что она на всё соглашается произвольно, что Е<катерина> А<фанасьевна> действует, как должно матери! Тут нет и следов материнского сердца!

Я уверена была наперед, что Воейков не согласится на это, и не согласится не для того, чтобы боялся моего несчастья, которого бояться не может потому, что он имел случай видеть Мойера и сравнивать себя с ним, мое будущее с настоящим, а для того, что могут родные и знакомые заключить дурно об нем. В последнем письме своем обещает он мне с п о к о й н у ю ж и з н ь, говорит, что я хочу отказаться от семейства, отчизны, броситься в круг новый, неприличный, всё для того, чтобы бежать от его бешенства. Я на это отвечать не буду — он говорит неискренно! Что прибыли в ответе? Он знает, что вспыльчивость его никого так мало не мучила, как меня, никто не извинял ее с таким добродушием, как я. Но нашему горю пособить нечем; я знаю, что теперь мне осталось одно: расстаться с Сашей⁷. За себя одну я перенесла бы разлуку эту, но я уверена, что она будет более несчастна. У нее останется всё старое и отыметя последнее утешение, которое через меня имела.

Из всего этого видно всё только то, что бешенство Воейкова принуждает ее к замужеству. Нашему горю пособить нечем! О! многим, многим бы можно было пособить ему! Всё во власти ее матери! Что посмеет сделать Воейков, если она подле матери иметь пристанище будет! Я сам видел, что этого пристанища она не имела! Но кто же виноват, как не сама Екат<ерина> Аф<анасьевна>? И чтобы этому горю пособить, которому ей так легко пособить, она принуждает или, что всё равно, соглашается, чтобы Маша шла принужденно замуж, будучи уверена сама, что ей еще нельзя свободно на это решиться! Кто же здесь истинный притеснитель? От Воейкова ждать деликатности нельзя — он созрел в дурной жизни! Ему свойственно быть грубым! Он менее здесь виноват с своей грубостью, которая сделалась ему натуральною, нежели она с своею жестокою мягкостью! Имей она твердость и не мучь Машу своими жалобами, что б тогда сделал Воейков! Она отдала сама ее ему на жертву и потом, чтобы спасти ее, хочет, чтобы она снова собою пожертвовала! Осталось одно: расстаться с Сашей! Этого я не могу понять; тем более не понимаю, что Маша сама же после говорит: я готова терпеть всё, если не разлучать меня с Сашей.

Я не понимаю, Жуковский, как можешь ты менять так свой образ видеть предметы? Ты, который видел сам прежнюю мою жизнь и который советовал мне выйти замуж. Вспомни, что ты говорил мне за три дни до своего отъезда⁸. В первом письме своем я не упомянула об этом, боясь обидеть Воейкова; но теперь вижу, что деликатностью и добродушием тронуть его невозможно.

Я помню, что я говорил, но помню слова ее: *jamais je ne me marierai par attachement! cela ne pourra être que par sacrifice!** и мне теперь на это согласиться! Против грубостей Воейкова есть способы! Всё во власти ее матери! Почему она их не употребляет, это знает один Бог, которому она отвечать будет! Против несчастного же, принужденного замужества способов нет — чем поправить, если пожертвование, сделанное в одну прекрасную минуту, вдруг после покажется тяжелым и на всю жизнь? Жить ей, а не им! Их дело заботиться о ее будущем! Надобно сделать так, чтобы раскаяние было *невозможно!* а они спешат! Что же их может извинить?

К чему, однако, может послужить всё это?

Это она пишет ко мне! И она думает, что я противоречу для своих видов!

Скажу теперь одно и прошу принимать так, как я говорю: меня никто не принуждает идти за Мойера,

никто словами, но все делом

я желаю этого сама; сама первая это предложила!

Верю! как не решиться на всё, когда нет ниоткуда помощи! Но как могли согласиться на это? Как могли до этого довести? Разве их извинит, что нельзя доказать, что они *принуждают!* Их принуждения в их поступках! Машино произвольное согласие есть только следствие притеснительных поступков.

Я теперь уверена, что благородный характер его и прекрасное сердце дадут мне такое счастье, какого я не заслуживаю. Знаю, что меня ожидает и что я выносить буду до тех пор, пока всё это кончится, но если меня не разлучать с Сашей, я готова всё терпеть и не буду считать себя слишком несчастливою. Она меня знает совершенно, уважает меня и, несмотря на то, что я причиною ее несчастий, имеет в дружбе моей все свои утешения.

Этого я никак постигнуть не умею. Надобно быть с ними, всё видеть и слышать самому, чтобы сколько-нибудь объяснить для себя эту загадку.

Мойеру надежды я никогда не давала и давать не буду. Что Воейков ни говори, — я не кокетка. Два года ни в чем не переменяет меня, и ты ошибаешься очень, думая, что я его обманываю и сделаю еще несчастного человека.

Это оправдание передо мною жестоко больно для меня. Где я говорил, что она обманывает Мойера? Где говорил я, что она кокетка! Надобно только, чтобы она не была несчастна!

Он будет знать, что я могу дать ему; и те чувства, которые я к тебе имею, так невинны, что я могу объявить их перед целым светом!

Вот до чего дошло! Маша уверяет и находит нужным уверять меня, что ее чувства *невинны!* Разве об этом теперь идет дело? Надобно только, чтобы эти

---

* Никогда не выйду замуж по привязанности! это не может быть иначе как жертвою! (франц.).

чувства, которых невинными никто лучше меня не знает, не были причиною для нее несчастья! Надобно, чтобы они не помешали сердцу ее спокойно и совершенно отдаться другому! Мог ли я этого не бояться, помня прошедшее?

Я уверена, что имела бы всегда ту доверенность, и те доказательства нежной дружбы, которые теперь мне запрещены и которых я не имею права теперь тебе показывать, были бы мне тогда позволены! Одним словом, ты говорил мне, что желаешь только моего счастья, — теперь случай доказать мне это на деле! Я буду совершенно счастлива, если буду зависеть от человека, которого уважаю и которому хотя немного дорога.

Боже мой! и Екат<ерина> Афан<асьевна> это читала!

Я не заслужила ничем ужасной и непонятной мне нелюбви Воейкова. Бог знает, что никто не любит его так, как я, и не делал столько для приобретения его дружбы. Но мне ничто не удалось совершенно. Я опять скажу тебе, что иду замуж не для того, чтоб бежать от него.

Как это согласить! Во всем письме видно, что она принуждена решиться на всё притеснениями! И потом опять говорит, что на всё решается добровольно. Нет! надобно всё от нее самой слышать! Всё *принудило* ее решиться! Но в том, на что она решилась, она видит свое счастье! Бог посылает ей человека, которому она может ввериться! Если точно сердце ее с этим согласно, то можно ли минуту поколебаться! Как не пожертвовать всем, чтобы дать ей те радости, каким бы то ни было способом, которые *сам* хотел ей дать? Мне надобно только прочесть в сердце ее. Если буду иметь свободу, то мне легко будет видеть, что в этом сердце делается, — тогда желания его будут для меня святым законом! и их исполнить будет счастьем!

Я иду за Мойера точно для того, что люблю его, уважаю, надеюсь иметь тихую, спокойную, независимую жизнь, что не только сама перестану страдать, но и все окружающие меня будут счастливы.

Боже мой! Если точно таковы ее надежды! Сердце бьется при мысли, что они будут исполнены! Тихая, спокойная, независимая жизнь! О, какая была бы радость всё это ей дать! Надобно только увериться, что это возможно! А уверит меня только то, когда она *искренна*! Надобно избавить ее от этих страданий, которыми Бог знает для чего обременяют ее! Все сделаются счастливы, потому что она не будет страдать от них! Но для чего же в этом их счастье? Для чего она от них страдает? Безжалостные люди!

Ты опять скажешь, что это есть собою жертвовать — *j'ai bien pensé à tout ce que j'ai à faire, à tout ce qui m'attend, à tout ce que je sens*^{*}. Жуков<ский>, поставь себя на мое место, и ты надо мною сжалишься! Если ты искренно говорил, что желаешь знать только меня счастлива, то не лишиай меня

---

* Я обстоятельно передумала обо всем, что мне надо сделать, обо всем, что меня ожидает, обо всем, что чувствую (франц.).

единственно того, что меня может успокоить и возвратить, может быть, жизнь.

О милая Маша! потому-то, что я поставил себя на *твое* место, и испугало меня *твое* требование! Потому-то, что я подумал *о том, что тебя ожидает, о том, что ты чувствуешь*, — и просил я, как последней милости, чтобы тебе дали время, чтобы дали тебе успокоиться, чтобы не мучили тебя в семье своей и всю твою участь оставили на твой свободный выбор; но видно, что положение *твое* ужасно, когда ты то, что бы в другое время сочла своим несчастьем, считаешь теперь своим спасением и, говоря, чтобы на это согласился, просишь, чтобы я над тобою сжалился! Мне сжалиться, когда дело идет об том, чтобы дать ей счастье! Какое это слово!

У меня уже почти нет сил страдать за всех беспрестанно и видеть себя, одну себя всему причиною. Вспомни свадьбу Сашину! не я ли ее сделала? Все комедии, которые тогда играл Воейков, я принимала за чистые деньги и теперь <за> всякую слезу Сашину должна упрекать себе.

Безжалостные, нечувствительные притеснители! Маша считает себя *всех огорчений причиною!*⁹ Боже мой! это разве только оттого, что она живет на свете! Какие другие огорчения! Что может она им делать? *Она сделала свадьбу Саши! Каждая слеза Саши от нее! она принимала комедии Воейкова за чистые деньги!* Ради Бога, скажите, как изъяснить это? Неужели это несправедливое обвинение самой себя может успокоить Е<катерину> А<фанасьевну>? Не она ли знала об Воейкове более всех нас? Не ее ли просили не спешить? Не ей ли сама Маша за несколько дней до свадьбы сказала то, что Саша говорила о Воейкове? Не она ли имела от Авд<отьи> Никол<аевны> Арбен<евой> об нем письмо?¹⁰ Каким образом Маша могла сделать эту свадьбу? Чей голос и совет мог быть уважен Е<катериной> Аф<анасьевной>? И Маша себя обвиняет! И Е<катерина> А<фанасьевна> читала это письмо и на это соглашается? Как же не видеть счастья в том, чтобы ее от них избавить! Лучше бы только худого не променять на худшее!

Вообрази, какое счастье может еще быть для меня: я буду зависеть от милого, добродетельного человека, от того, кто доставит спокойствие всем нам. Я буду иметь его доверенность; посвятив всю жизнь мою ему, я буду иметь на нее право; бедная Саша моя перестанет иметь огорчения, перестанет страдать за меня и найдет во мне счастливого друга; мы будем жить в разных домах, но в одном городе. Воейков будет показывать мне уважение, как скоро потеряет право и возможность меня мучить!

Право и возможность! А кто дал их этому низкому человеку?

Теперь для того, чтобы избавить Сашу от огорчения и спасти, может быть, жизнь ее ребенку, я переносу всё с терпением; а мое снисхождение составляет еще более его забываться.

Нет! ей должно от них спастись! Я надеюсь, что всё это сделало большую перемену в сердце ее! Она может любить и *любить теперь* того человека, от которого ждет семейного покоя, свободы, уважения, доверенности! Всё это такие наслаждения, которых в семье своей она никогда не имела! Надежда иметь их должна произвести и привязанность!

Я уверена, что Мойер согласился бы ехать в Муратово, оставить службу, родных и делать всё, что мне угодно.

Нет! этому быть невозможно! Ему нельзя этим всем пожертвовать! И им всем быть *вместе* нельзя! будут те же огорчения и раздоры, какие и теперь! К невозможности этого она должна быть наперед готова.

Теперь, когда он не имеет никакой надежды, он так деликатен и так добр, что Воейков не может не понимать его благородства. Я бы желала показать тебе обхождение их обоих. Я уверена, что он позволил бы мне любить тебя как брата, так, как я теперь люблю тебя.

Милый ангел! И тут она думает обо мне! Ей нельзя не любить меня — и чем более она будет счастлива, тем более должна меня помнить! Лишь бы не так, как прежде! Лишь бы это *теперь* не было *прежним*! И дай Бог, чтобы я ошибался во всём! Но сами подумайте, мог ли я не ошибаться?

Воейков требует, чтоб я дала ему клятву не выходить замуж никогда, если он не будет мне делать огорчений, но что при первой грубости он освобождает меня от нее. Я знаю, что старое будет по-старому, с тою разницею, что он никогда не признается ни в одном огорчении, которое нам сделает, и будет обвинять нас беспрестанно; будет подсматривать, подслушивать, толковать всё по-своему. Жуковский, ты один можешь всё кончить! Не ставь меня раскаиваться, что я много на тебя надеялась. Вот чего бы я желала: напиши к Воейкову письмо ласковое и без всяких упреков, в котором уверь его, что его слава, репутация и имя в свете не могут терпеть от моего поведения, что никто обвинять его в моем замужестве не будет и что ты желаешь только моего счастья.

Писать к Воейкову я не буду¹¹. Теперь письмо ничего не подействует. Пускай оно бы и убедило его. Но Мойер уже, вероятно, предуведомлен. Надобно приехать, самому всё видеть и поступить так, как велит Маша. Мойеру должно сказать всё как есть¹². Они¹³ этого знать не будут. Но он будет действовать с нужною осторожностью, без всякой поспешности, а время ему поможет. Воейков между тем будет иметь это в виду и сделается смиреннее. Вероятно, что он сказал обо всём Петерсену¹⁴, — этот поступок прекрасный! Теперь всё в руках Мойера, и он, если решится, всё сделает с надлежащею осторожностью, так, что никому никакого насилия не будет сделано: они перестанут спешить и притеснять, а Маша будет иметь всю свободу! Провидение вселило эту мысль Воейкову! Он надеялся всё разрушить! напротив, этим только всё приведено будет в порядок, ибо всё будет теперь зависеть от человека благородного.

Воейков хочет казаться уверенным, что мною жертвуют, но он слишком знает, что я думаю. Если тебе возможно из дружбы ко мне, так ли бы должна была писать ко мне Маша!

то я буду тебе обязана спокойствием и счастьем. Прежде отъезда своего в Петербург Воейков говорил совершенно противное тому, что говорит теперь. Прежде он готов был согласиться звать меня счастливою и желал отложить только для того, чтобы загладить прошедшее. Теперь он боится только того, что об нем будут думать. Ему сказали, что он будет изверг, если эта свадьба сделается, и он говорит, что через его тело пойду в церковь. Два раза уже он хотел ехать к Мойеру, чтобы зарезать. Но оставим все эти комедии. Я уверена, что <будь> Мойер генерал, <будь> Мойер богат — и Воейков употребил бы всё, чтоб сделать эту свадьбу; *il me persécuterait tout autant pour que je me marie, qu'il me tourmente maintenant pour ne pas le faire. Vous lui avez dit, que sa femme est une égoïste, depuis qu'il est revenu, il ne fait que le lui répéter — elle, qui est ange de patience et de vertu! Dieu! et c'est à cause de moi que tout ce que j'aime le plus souffre autant**.

Но мне пора кончить; прошу тебя исполнить мою просьбу — от тебя зависит, чтобы <я> имела спокойствие в настоящем и чтобы я смотрела без страха на будущее. Прелестная душа Мойера порука за счастье. Если ты мне его желаешь, то письмо к Воейкову, такое, какого я прошу от тебя, без упреков, без угроз, а только уверения и доказательства в том, что он может желать мне счастья, не жертвуя своею репутацией, сделает то, что мы перестанем страдать. Ради Бога, не заставь меня раскаиваться в том, что я тебя люблю как брата и надеюсь получить от тебя счастье¹⁵.

258.

Е. А. Протасовой

11 декабря 1815 г. Петербург

11 декабря. 1815. СПб.

Хотя я и предсказывал себе Ваш ответ¹, но всё тронул он меня, как нечто неожиданное: *надобно иметь сердце самое дурное и неблагод<арное>, чтобы его написать, глаза мои открылись, вижу всю твою дружбу; клеветы и ругательства, его наполняющие, раздирают мою душу.* Все эти выражения, которые я сам обещал себе найти в нем, были, однако, для меня новостью: всё слышать их ужасно от Вас, как ни будь к ним готов. Особенно в таких обстоятельствах,

---

* Он так же преследовал бы меня, чтобы я вышла замуж, как теперь меня мучает, чтобы этого не сделалось. Ты ему сказал, что жена его эгоистка, и с самого своего возвращения он только это ей и твердит — ей, которая ангел терпения и добродетели! Боже! и это из-за меня страдают те, которых я люблю больше всего (*франц.*).

каковы теперь, когда надобно смотреть на одно внутреннее побуждение, а не наружность и слова. Итак, Вы видите только Вашего недруга, ругателя и клеветника в том человеке, в Вашем брате, который с Вами не соглашается, который сказал Вам искренно свое мнение, противное Вашему. Я не стану опровергать этих жестоких слов. Дело не в одном оправдании. Тому, что было, не быть уже нельзя. Наше дело его поправить, а не заменить прошедшее дурное дурным настоящим и, может быть, еще худшим будущим. Для этого каждому нужно признаться перед собою в том зле, которое им сделано, воспользоваться своим опытом и остальную половину жизни не сделать похожею на первую. Без этого признания ничто исправлено быть не может. Почитая себя правым, всё будешь действовать, как прежде, и следствием этого будет продолжение тех же несчастий. Начну с себя: привязавшись к одному и видя в одном свое счастье, я искал его вопреки Вам; надежда, что Ваше мнение будет со временем согласно с моим, завела меня далеко. Я не оправдываю себя в этом. Если бы всё это я мог предвидеть в начале, этого бы не было. Но время и обстоятельства довели не приметно до такой крайности, на которой я встретился с общим несчастьем. Я не виноват был ни в каком злом намерении, но виноват в неосторожности. Эта неосторожность, причина многих произвольных дурных поступков, расстроила душу Маши, мою, и всё привела в беспорядок. Внутреннее побуждение, известное Богу, было чисто; действия его были пагубны. К счастью, ничто не погибло навеки, всё еще может быть поправлено. Надобно было всё уступить необходимости — это и сделано. Мы расстались. С моей стороны всё кончено. Оставалось дать времени привести в порядок душевное расстройство, и, после всех этих волнений, сперва надлежало дожидаться этого порядка, потом уже приступить к чему-нибудь новому! Вот все мои вины и оправдания. Теперь об Вас. Вы должны признаться перед собою, что много участвовали в произведении, особенно в усилении моей привязанности к Маше, и ее ко мне — вот Ваша вина. Вы должны были отказать нам в нашем счастье — вот Ваше несчастье. Теперь что же мы должны делать, если мы друг друга любим, если жалеем друг о друге! Каждый с своей стороны должен поправить то, что сам испортил, и дать друг другу замену. Это нас оправдывает друг перед другом, утешит в настоящем, успокоит насчет будущего и, наконец, даст хорошее будущее. С моей стороны надобно от всего отказаться — я отказался; надобно с Вами расстаться — я расстался, и не забудьте, что до сих пор я только для Вас жил, всё к Вам относя, и всё счастье только в Вашей семье видел — необходимость заставила смотреть на это иначе. Но я расстался с Вами, с тем чтобы эта разлука всё поправила, а себе поставил на должность всюю своею жизнью способствовать к тому, чтобы Вы, будучи спокойны в семье своей, могли быть спокойны на мой счет. Но вспомните, что мы расстались недавно², что время не могло еще прийти на помощь к тому, что велит должность; что всё это не могло быть

исполнено вдруг. За это исполнение я мог ручаться и себе, и Вам, но только в таком случае, когда всё бы пошло тем порядком, как должно, и это уже зависело от Вас. С Вашей стороны что оставалось делать? дать тем, которые от Вас же несчастны, успокоиться; возратить Маше расстроенную обстоятельствами, Вами и мною тишину души; мне то же самое: на это есть все способы; кончив это первое дело, приступить к новому, могущему дать ей же счастье, не насильствуя ни ее, ни себя³, и доверяясь Промыслу, а не предупреждая его виновными страхами, которые всё губят, а не исправляют. Вот что предписывали Вам Ваши обязанности к ней и ко мне, Ваша религия, благоразумие и весь Ваш несчастный опыт. Одним словом, сперва надобно было поправить прошедшее, потом уже начать думать о будущем. Чтобы Маша могла быть счастлива замужем, надобно, чтобы она могла открыть всё свое сердце мужу в ту минуту, в которую войдет в церковь. Спрашивается, скажете ли Мойеру теперь или после о том, что было? Если теперь — он не должен играть ни собою, ни ею; если после — как поручиться за действие? Итак, прежде доведите Машу до того, чтобы могла сказать прежде своему мужу всё, и чтобы он не имел причины быть беспокойным насчет этой доверенности. Но в такое состояние приводит время, и свобода, и спокойствие, а не покорность. Привести в это состояние Вам ее легко — Вы мать, имеете в ней полную доверенность, а более всего дайте ей полную свободу. Поверьте, что это вернейший способ. Я тысячу раз говорил о себе: доверенность и непринуждение вылечили бы сердце; принуждение его только раздражило. Вы не хотели и не могли этого сделать. Теперь это можно. Дело идет не обо мне, и опасаться нечего. Итак, дайте ее сердцу прийти в спокойствие; не пугайте ее насчет неизбежного будущего. Поверьте, что Вам в то время, когда Провидение решит ее счастье, можно будет устроить его без всякого страха, и Вы не будете ни в чем себя обвинять. Теперь же не остается Вам никакого оправдания ни перед собою, ни передо мною. Вот всё, что я писал. Где же *не дружба*, где *клеветы* и *ругательства*? Неужели я потому не друг, что с Вами не согласился? В чем *клевета* и *неблагодарность*? Неужели в том, что я Вас обвинял в многом насчет прошедшего? Я не упрекал, я только хотел, чтобы Вы, взглянув беспристрастно на это прошедшее, узнали, кто и что чему причиною, и всё поправили. Взгляд на него ужели только тому, кто ничего поправить уже не в силах. Избавьте себя от этого взгляда. В этом отношении письмо мое не должно было Вас оскорбить. Моего же тут только то, чтобы сохранить для себя какое-нибудь спокойствие. Один только тон моего письма для Вас показался ругательством. Вы всё заменили, употребив это слово. Я не оправдываю своих выражений. Но вспомните, в каких обстоятельствах и после какой жизни написано письмо мое. Подумайте, что после всех тяжелых огорчений, после всех усилий жить с Вами и для Вас, что после всех надежд я теперь остался один и сберег для себя одну только надежду на Машино спокойствие. Подумайте, что письмо мое писано после трех меся-

цев разлуки, что я еще недавно просил у Вас, как единственной мне награды, чтобы Маша была свободна насчет выбора счастья, — что же вышло? Не дав ни минуты отдыха, Вы требуете, чтобы я согласился на ее замужество. Судите сами себя — того ли надобно ожидать от дружбы и сожаления? Ваше требование — доказательство полного ко мне презрения. Как же мог я остаться к этому равнодушен. И, несмотря на то, что же в письме моем? На всё нежная мать должна согласиться; вот его смысл: исправьте сперва прошедшее, возвратите сперва покой Маше, — а на это способы — свобода и доверенность; дайте ей полную свободу выбора, ибо жить ей, а не Вам; не ослепляйте Мойера неверною надеждой; употребите в пользу мой опыт; избавьте Машу от мысли о неизбежности, которая всё настоящее умертвит; словом, оставьте всё на произвол Провидения и будьте матерью! От этих условий не отстаю. Примите их. Прибавлю слово о себе: мысль о Машинном счастье необходима. Без нее, без соединения с нею спокойствия духа, не могу ничего делать. Имея его — буду иметь всё возможное. В противном случае всё должно пропасть и пропадет непременно.

259.

А. П. Киреевской (Елагиной) и А. П. Юшковой (Зонтаг)

<17 декабря 1815 г. Петербург>

Странная вещь, отчего пишу я к вам редко — сам не умею изъяснить себе этого феномена! Не оттого ли, что есть на свете *почтовые дни*, в которые надобно писать непременно! В не почтовые дни не пишется оттого, что они не почтовые, а в почтовые иногда нельзя, иногда и не пишется! Целая кипа передо мною писем, и каких писем! Милых, дающих много утешения и заставляющих смотреть на будущее с веселым предчувствием! Как бы желал я, чтобы могло *само* писаться, завертываться в пакет, печататься и уходить в почтамт всё то, что думаешь и чувствуешь в ту минуту, когда получаешь такие письма! Но то-то и беда, что прочитаешь и отложишь ответ до почтового дня, а там, лишь только к столу, вдруг три или четыре надоедалы в двери — что с этим делать! О Петербург, проклятый Петербург, с своими мелкими, убийственными рассеяниями! Здесь, право, нельзя иметь души! Здешняя жизнь давит меня и душит! рад всё бросить и убежать к вам, чтобы приняться за доброе настоящее, которого здесь у меня нет и быть не может! Если бы себя разбирать и вспоминать всё то, что здесь со мною было, то я уверен, что я не найду ни одного чувства, ни одной мысли, которые бы оставили какой-нибудь след в моем сердце. Нет никакого занятия! Сухое настоящее лишает способности чего-нибудь надеяться в будущем! А неприятное, не оживленное никакой привязанностью рассеяние самым тяжелым образом отвлекает от всякого воспоминания — оно не лечит, а только дает прием усыпительного опиума, производящего тяже-

лый сон, нарушаемый неясными и неприятными сновидениями. Если бы не издание моих стихов, которое требует моего присутствия, я всё бы покинул и полетел бы к вам за жизнью.

Оббитый розами скелет!¹

Это можно сказать не об одной славе, но и о жизни, то есть о том, что называют жизнью в обыкновенном смысле, об этом беспрестанном движении, об этих разговорах без интереса, об этих свиданиях без радости и разлуках без сожаления, об этом хаосе света — скелет! Скелет! И посмотреть на него вблизи убийственно даже для самого уединения! бóльшая часть мечтаний должна погибнуть! То, что делает иногда прелесть уединения, эта *даль*, населенная прекрасными творениями, исчезает — но тем лучше! всё сблизись вокруг себя, окружишь себя одним только своим, независимым ни от чего, и если останешься с *малым*, то по крайней мере с *верным*.

Так, друзья, это теперь если не мое *положение*, то по крайней мере моя философия, моя надежда. Здесь у меня нет *настоящего*, но возвратясь к вам, я буду иметь его. Настоящая минута — вот жизнь. Я говорю здесь не так, как Гораций, который велит ловить летящий миг и посвящать его наслаждению, потому что жизнь скоротечна и за собою ничего не оставит². Нет! всякую настоящую минуту (если можно) прекрасному: делу, мысли, чувству. Но чтобы беспокойное стремление к будущему, беспокойная надежда на будущее не тащила из этого тесного круга! Пусть будет нам товарищем только такое будущее, которое верно, то есть *нездешнее*, мыслить об нем как о добром друге, с которым увидишься непременно, но когда и где, неизвестно.

Всё это хорошие мысли — но только они для меня точно перелетные птицы, которые и гнезда согреть не успевают. Жду лучшего климата; тогда, надеюсь, они не улетят. Я теперь странствую в пустыне, в надежде на обетованную землю — но пламенный столп³ редко светит, и манна с неба не падает. Во мне беспрестанный отлив и прилив хорошего, с тою только разницей, что отлив продолжается долго, а прилив на минуту. Я замечаю в себе ужасную охладелость. Одно только ободряет меня: я приписываю ее не внутренней порче души, а всему наружному, что окружает меня; соединяясь со всем тем, что было прежде, это морозное, окружающее меня настоящее, приводит меня в совершенную бесчувственность; не будь его, надеюсь, что многое из старого возвратится, — я говорю *многое*; всего не хочу. В некоторые минуты, однако, дух Божий налетает на меня и как будто почувствуешь себя ближе к вершине горы, но только что отворишь рот, чтобы закричать: вот Кашемир!⁴ — и всё опять становится темно по-старому. По крайней мере, я редко позволяю себе грешить мыслями! Если чувство молчит, то по крайней мере мысль, холодным языком своим, повторяет по складам то, что иногда прекрасное чувство

представляет в блестящей, очарованной картине. Иначе оно и быть не должно. И прекрасные чувства, как фонари. И между ними должны быть *промежутки*. Пускай же эти промежутки наполняет рассудок. Вот вам, между прочим, один яркий фонарь⁵. Карамзин потерял дочь⁶, и вот что пишет он к Тургеневу, очень скоро после этого несчастья. Здесь говорит твердый ум, но ум доброго отца, оплакивающего дочь. «*Жить* есть не писать историю, не писать трагедию или комедию, а как можно лучше мыслить, чувствовать, действовать, любить добро, возвышаться душою к его источнику; всё другое, любезный мой приятель, есть шелуха, не исключая и моих восьми или девяти томов. Чем долее живем, тем более объясняется для нас цель жизни и совершенство ее: страсти должны не счастливить, а разрабатывать душу. Сухой, холодный, но умный Юм в минуту невольного живого чувства написал: *douce paix de l'âme résignée aux ordres de la Providence!** Мало разницы между *мелочными* и так называемыми важными *занятиями*: одно внутреннее побуждение и чувство важно. Делайте что и как можете: только любите добро; а что есть добро, спрашивайтесь у совести»⁷.

Эти строки возвышают душу и дают ей бóльшую твердость и ясность. Карамзин в минуту горести и самой тяжелой, в минуту сокрушения о дочери, говорит, что он понимает жизнь. Великий учитель несчастье! Не страсти, а несчастья разрабатывают душу! Внутреннее побуждение и чувство — вот тайна жизни! тайна, известная только двум: действующей душе и свидетелю ее, Богу! Вот общество, в котором жить должно! здесь нет ни разлуки, ни измены, и как мало нужно постороннего, чтобы прибавить к услаждениям такого общества! Но как же трудно быть в нем беспрестанно! Уединение, милый круг, постоянный труд — вот самые верные хранители этого общества! Я согласен: быть в нем посреди рассеяний света, сохранить свежую душу в этой убийственной атмосфере — увеличит наше достоинство! но на свой счет себя не должно обманывать! У кого есть силы, тот давай себе волю и пробивайся сквозь трудные препятствия: трудности только прибавят к силе! Кто же не имеет сил, кто знает на опыте, что не имеет, тот убегай такой борьбы, в которой можешь остаться побежденным и потерять последнее! К той же цели, но *другой* дорогой! Я знаю, что мне рассеянная жизнь — убийство; чтобы не потерять всего, надобно мне уединение и труд (уединение, не одиночество), там уже ничто не вырвет из *святого общества!* Удастся ли иметь это, не знаю! Но вот всё, что мне надобно. И это всё там у вас! Молите Бога, чтобы я поскорее к вам вырвался.

Между тем вы прельщаете меня прекрасными описаниями ваших *обетованных земель*.

---

* Мирный покой души, смирившейся с велениями Провидения! (*франц.*).

Милая Каточка с своим пузом! Напрасно она думает, что я редко помню об ней! Правда, она говорит: *после мужа моего я никого столько не люблю и не почитаю, как его*⁸, то есть меня. Это на ее лаконическом языке, совсем не знакомом с риторическими фигурами, стоит целой диссертации о дружбе, и я верю ей с благодарностью! Подавайте мне на руки ее милого ребенка! Встретим вместе это новое творение на Божьем свете и проживем вместе, рука в руку — тихое, ясное, *незатейливое настоящее*, украшенное не мечтами, а добрыми мыслями и, если можно, добрыми делами (*notez*^{*}, что всякое хорошее сочинение, в котором есть возвышающая сердце мысль, я причисляю к добрым делам, — иначе что мне делать в вашем кругу?) будет наше! Погодите, друзья, приеду к вам, и мы непременно устроим как можно лучше жизнь свою!

В ответ Вам, милая Авдотья, на Ваш запрос о том, как получить дворянство⁹, скажу следующее: Азбукин, как владимирский кавалер¹⁰, есть уже дворянин, ему нужно только представить в герольдию¹¹ свой рескрипт на крест и получить диплом и герб. Я об этом справлялся, а не отвечал так долго на этот пункт потому только, что сам не получал ответа. Прилагаю форму той просьбы, которую должно подать в герольдию. При этой просьбе надобно будет приложить 150 р. на учрежденные издержки. Сверх того, диплом, парча, которой он украшается, печать и еще какой-то серебряный ковчег будут стоить около 800 рублей. Прикажите этому господину лентяю расчесться и, если имеет деньги в готовности, присылать их сюда по просьбе. Всё тотчас будет сделано. Выдумайте сами герб, если хотите, он будет нарисован по Вашей мысли и утвержден. Думаю, что при просьбе должно представить, если нет рескрипта¹², аттестат и послужной список в оригинале: у себя же оставить на всякий случай копию, засвидетельствованную присутственным местом. Если хотите за это приняться, то не откладывайте, чтобы всё сделать, пока я в Петербурге. Впрочем, всё можно будет поручить Кавелину, он аккуратнее меня.

Вам, милая Анета, доложу, что я получил деньги за подписку и благодарю Вас за милые обо мне хлопоты¹³. Нельзя мне похвастать, чтобы подписка была хороша; если и все 600 экземпляров разойдутся, то мне за всеми расходами едва ли останется 5 000 рублей.

Между тем я здесь живу и вперед трачу неполученные деньги. Но об этом заботиться нечего. Только бы переселиться к Вам — начну работать и откладывать. Расходы же мои будут незатейливые. Несколько лет уединенной, порядочной, занятой жизни приведут всё в устройство. Теперь, кажется, нельзя думать, чтобы в образе жизни моей могла произойти какая-нибудь перемена. Работа и святое одно и то же — это кажется легко, из этих границ ни шагу. Экземпляры,

---

* Заметьте (*франц.*).

думаю, лучше всего доставить на Ваше имя. Не знаю, однако, примет ли почтамт, увидим.

Об Сергееве¹⁴ я справлялся, мне сказали, что никак невозможно ему перешагнуть через чин. Если бы я имел возможность, разумеется, что я постарался бы это сделать, но этой возможности у меня нет. Если не Вы, то по крайней мере в Белеве думают, что я здесь что-нибудь значу! Мой круг знакомства весьма ограниченный; а с могущими людьми я совсем не имею связей.

Вы пишете о деле Карла Яковлевича¹⁵; то, чего он желал, исполнено: конкурс переведен в Белев. Теперь уже совсем другое дело. Надобно, чтобы пенька, принадлежавшая умершему, выдана была поверенным от конкурса. Я послал за тем человеком, который здесь ходит по их делам: он сказывал, что вся остановка только оттого, что еще не получена от опекунов малолетних просьба о выдаче задерживаемой пеньки; как скоро получится просьба и что по этой просьбе сделано будет, он обещал меня уведомить. А *présent, revenons á vous, mon cher et très cher mouton, Eudoxie**.

Я пожурил Вас немного насчет Ваших писем в Дерпт, и Вы признались в вине своей и дали обет воздерживать себя от таких писем! Этот обет надобно исполнить непременно! надобно помнить расстояние¹⁶. Не давайте над собою воли минутам и не воображайте, что можно переменять характеры письмами. Маше Вы верите, а от других можно ли надеяться искренности! Не давайте даже воли своей живости — Вы знаете, что всё живое там причтено к романам! Между тем нельзя опять с Вами не побраниться! Сперва надобно Вам рассказать, что здесь в Петербурге был Воейков¹⁷ по собственным делам своим, а еще более потому, что он хотел объясниться с Кавелиным и со мною. По многим отношениям этот приезд благодетелен. Я обо многом говорил с ним искренно, и он во многом признался, во многом себя обвинил: он поехал отсюда, давши святое обещание переменить свой образ обхождения и стоять своею жизнью друзей своих! Чтобы он мог это исполнить, надобно непременно всё старое забыть и иметь к нему доверенность насчет будущего! Эта доверенность даст силы для хорошего; и ему всё тем легче будет исполнить, что меня с ними никогда не будет вместе: это было до сих пор главной причиной всех подозрений и раздоров. Итак, требую от Вас такого же забвения прошедшему и такой же доверенности насчет будущего: эта помощь необходима Воейкову! чтобы заслужить уважение, ему надобно на него надеяться. Противное только будет раздражать и всё портить. А побраниться с Вами, или, лучше, объясниться, хочу о следующем: Воейков сказывал мне, что Вы предлагали им 3 000 за того человека¹⁸, которого они отпустили или от себя прогнали¹⁹.

---

* А теперь вернемся к Вам, мой дорогой и очень дорогой баран, Евдокия (франц.).

260.

М. А. Протасовой

25 декабря <1815 г. Петербург>

25 декабря

Милая Маша, в ответ на твое письмо я мог бы сказать одно: перечитай мои три письма к маменьке (не знаю, отдал ли ей Воейков последнее, с ним из Петербурга посланное)¹. В этих письмах, несмотря на многие выражения, вырванные огорчением, ты найдешь мои *чувства и сердце*. На что привязываться к словам? Надобно видеть побуждение. А мое побуждение и в этих письмах ясно — одно твое счастье; и я желаю его без всяких собственных видов — ты в этом должна быть уверена.

Ты пишешь: *если бы ты и не видал прежде моего образа жизни и не мог судить о настоящем по прежнему, то, зная ее любовь ко мне, мог бы быть уверен, что она не станет требовать моего несчастья*. Я помню *прежний образ твоей жизни*; знаю, что поправить его зависело и зависит единственно от маменьки². В этом образе жизни главное несчастье состояло в том, что Воейков слишком властен был над тобою, что он мог свободно делать тебе всякого рода огорчения, что ты всё должна была терпеть и что никогда почти не было слова, сказанного в твою защиту. Такой образ жизни ужасен. Но почему ж Воейков имеет такую власть? Зачем может он иметь ее? Разве маменька, которой всё покорно в семье, не имеет способов его останавливать! Разве твое спокойствие не в ее руках! Разве не может она твердым и ясным языком предписывать Воейкову его должность! Главное мучение этого состояния было то, что ты должна была чувствовать, как ты слаба, как ты оставлена теми, кто твои истинные защитники и от кого ты имела право ожидать защиты. Я сам это видел и сам часто обвинял маменьку. Если она это знает, если она теперь видит поступки Воейкова (а это верно, по крайней мере теперь, ибо она читала письмо твое), то почему же этого не поправить. Воейков сам никогда не будет знать своей должности: деликатности и благородства от него ждать нельзя — но напоминать ему об этой должности можно; быть с ним твердою и искреннею можно; это будет его обуздывать — и вот что может сделать маменька. Знай ты, что она во всём и всегда твое прибежище, — что тогда тебе до Воейкова! Что его грубости, когда при этих грубостях будешь чувствовать, что сердце матери твоей с твоей стороны! В прежнем твоем положении было еще самое тяжелое то, что мы были *вместе*. Ты не могла равнодушно видеть меня в том ужасном одиночестве *посреди твоей семьи*, в каком я был всегда. Та же зависимость от Воейкова, какую ты чувствовала, была и *моею* участью; тебя огорчало невнимание ко мне; огорчало то предпочтение, которое маменька во всём давала счастливому Воейкову пе-

редо мною, у которого *не было ничего*; это и самые грубости его с тобою делало для тебя более несносными; ты знала настоящий образ моих чувств и видела, что мне не отдавали никакой справедливости, — всё это усиливало грусть твою в таком жестоком положении! Надобно было молчать и терпеть! Теперь, милый друг, с моим отсутствием всё бы должно перемениться — с моим отсутствием половина твоих огорчений сама собою исчезнет! Надлежало тебя избавить от *другой половины* — кто мог это сделать лучше маменьки. И неужели на это одно средство — замужество, разлука с твоею семьею? В ее сердце настоящие средства, легкие и не сопряженные ни с каким пожертвованием! Скажи ж мне, зная всё это, могу ли не обвинять ее? Именно судя *о настоящем по прошедшему*, твое замужество с Мойером *теперь* должно было показаться мне несчастьем! Требовать такого замужества *теперь*, и *теперь* на него соглашаться — значило бы в глазах моих соглашаться на твое несчастье! Вспомни, давно ли мы расстались?³ Могло ли мне показаться естественным, чтобы в такое короткое время тебе *самой*, без всякого принуждения, могла прийти такая мысль? Не должен ли я был подумать, что ты собою жертвуешь необходимости? Не должен ли я был ужаснуться такого ненужного, ужасного пожертвования на целую жизнь? И мог ли я не обвинять маменьки, будучи уверен (и тогда, и теперь), что от нее совершенно зависит тебя избавить от такой необходимости, зная, что ее обязанность не соглашаться на такое пожертвование, зная, что спокойствие твое в твоей семье, и все возможные утешения, и твоя независимость от Воейкова совершенно в ее власти? Что же иное мог я подумать, как только то, что она требует этого пожертвования? При этом не должен ли я был подумать и о себе? Я просил у нее одной милости: спокойствия на твой счет! И это единственное возможное благо у меня отымают? Не должно ли было это показаться совершенным ко мне презрением, а вспомнив всю прошедшую мою жизнь в вашей семье, где я должен был говорить себе, что я ничего для нее не значу, не мог ли я увидеть и в этом случае того же невнимания ко мне, того же забвения о моей участи. Удивительно ли, что мои выражения были резки и выражали оскорбление сердца, которому нельзя было не быть разорванным. На всё это получил я два слова: *клеветник и ругатель!*⁴

Les circonstances m'ont forcés a me decider de lui parler sur ce sujet d'une manière positive; je voyais la nécessité pour elle et pour nous deux d'avoir un ami, un protecteur*. Какие могут быть эти обстоятельства?⁵ Всё то, что было прежде, таково, что оно должно и может быть поправлено, не прибегая к средству отчаянному! Что же могло случиться нового? Я думал, напротив, что обстоятельства стали для всех и *легче*, и *лучше* потому, что мы уже были не *вместе*. Ты всегда говорила мне, что

---

* Обстоятельства вынудили меня говорить с ней об этом положительно; я видела необходимость для нее и для обеих нас в друге и покровителе (*франц.*).

грубости Воейкова тяжелы тебе только потому, что я от него завишу; они могли быть еще более тяжелы тебе и оттого, что всегда маменька была на стороне его, — теперь ни я от него не завишу, ни маменька не может быть на стороне его, ибо она теперь на его счет с тобою искренна (что заключаю из твоего же письма) — какие же другие обстоятельства? Предполагая, что мне известно настоящее расположение твоего сердца, мог ли я не подумать, что твое согласие на замужество противно твоему сердцу! Мог ли я еще не подумать и того, что твоего замужества требуют, дабы *избавить тебя от меня*? Такая мысль не должна ли была ужаснуть меня? Скажи ж, что мне останется в жизни, и можно ли иметь какую-нибудь к ней привязанность, когда потеряю мысль о твоём спокойствии? А здесь не должен ли я непременно ее потерять? Для чего же ты ни слова не говоришь мне об этих обстоятельствах? Можешь ли ты меня *бояться*? — *un protecteur pour elle et pour toi**. Я здесь напомним о письме моем к маменьке, написанном в лучшую минуту жизни, в такую, когда всё вдруг упало с сердца, когда счастье быть твоим и ее покровителем представилось мне столь же ясным, как день, и всё заменило! Чего я тогда требовал? быть твоим *защитником от Воейкова*! Ты это знала, а она могла это легко понять! Что если бы она тогда же дала волю сердцу, отбросила от него все подозрения, сравняла меня с этим низким, неблагодарным человеком и дала бы мне, не на словах, а на деле, в своей семье одинакие с ним права — скольких бы огорчений не было! и как бы теперь были мы с нею согласны во всём, что до тебя, нашего общего с нею блага, касается!⁶ Нет! она заперла для меня свое сердце, и я остался в прежнем горестном положении — в таком положении ничего сдержать невозможно. Я требовал свободы с тобою — она боялась, что я по *слабости*, а может быть, и *с намерением* — употреблю эту свободу во зло! Она забыла, что ее настоящая, а не наружная доверенность будет моею твердостью! Призываю тебя самое в свидетели: был ли я тогда искренен! хотел ли исполнить, что обещал? Но мог ли? Ты сама знаешь, что между тобою и мною осталось то же принуждение, которое всё для меня сделало невозможным! В своем последнем письме я сказал ей: *без ее подозрений мы ужились бы с Воейковым*⁷. Это не ругательство и не клевета. Вот как это понимать должно, и ты сама будь моим судьей: я видел обращение с тобою Воейкова, видел, что я только тогда могу быть твоим покровителем, когда буду братом твоей матери, когда всё, что нас с нею рознило, исчезнет! Но чтобы это могло быть, нужно было, чтобы она с своей стороны перестала со мною таиться на его счет, чтобы она не унижала меня, показывая мне во всём и всякую минуту явное к нему предпочтение и давая чувствовать, что я, хотя и брат, но всё же перед ним ничего не значу. Если бы она мне говорила на его счет откровенно, это осталось бы между нами тайною, и мы бы во всём посту-

---

* Покровителя для нее и для тебя (франц.).

пали согласно. К тому же надобно было, чтобы она и тебя вверила мне, как брату! Право, тогда я этого совершенно стоил, и ты знаешь это более всех! Но всё вышло напротив. Воейков, твой притеснитель, был твой товарищ; а я, готовый всем тебе пожертвовать, был тебе чужой; ему в награду за все эти притеснения — материнская любовь, а мне, за мои тяжелые горести, — одно холодное подозрение! Какое сердце это выдержит! и я, и ты равно были несчастны. Скажи сама, могли ли мы когда-нибудь оставаться вместе спокойно и не боясь возбудить подозрения? не от маменьки ли зависело сделать, чтобы мы этого подозрения не боялись? А это не раздражало ли сердца? И мог ли я быть в ладу с Воейковым? Я видел в нем только твоего притеснителя, а себя видел его невольником! И всё оттого, что маменька меня боялась и совершенно мне не верила! Напомню здесь два *маленьких* случая (из тысячи, которых всех помнить невозможно). Ты принуждена была, в угождение Воейкову, уехать к Мантейф<елям>; ты поехала туда с грустью, маменька осталась с грустью, один Воейков был счастлив и торжествовал⁸. Я и это всё видел! я видел, как весело ему было сесть в коляску с тобою, чтобы тебя *проводить*! Что у меня было в сердце в эту минуту, о том говорить нечего. Я стоял на крыльце с маменькою, которая должна была чувствовать, что я это понимаю, и как нарочно удвоила в эту минуту ко мне холодность! Воейков возвратился и увел жену гулять. Я нарочно остался с нею один, желая попробовать, не выйдет ли чего-нибудь ко мне из ее сердца! смотрел ей в глаза, ждал, что она со мною поделится, мы сидели полчаса — ни слова! Она заговорила о газетах! Хотя я и был приучен к таким случаям, но я не могу описать, как и тут у меня сердце сжалось, как я почувствовал в эту минуту, сколько она далека от меня! Я увидел, что ничто, до тебя касающееся, не будет никогда между нами общим; что она не хочет этим со мною делиться, что я в отношении к тебе так же чужд в сердце ее, как и в жизни, что ей не нужно ни мне показать участие, ни от меня принять его в таких огорчениях, которые для нас обоих одни и те же! Она смотрела за ними вслед, думала только об одном Воейкове, а я в эту минуту, со всею моею грустью, был забыт, так же забыт, как и во все другие. Еще случай: помнишь ли, когда мы ездили причащать Катюшку?⁹ Для тебя изготовили коляску, для меня — дрожки. Это мне показалось досадно! Неужели и в такую минуту не позволят быть вместе, подумал я, и решился сесть с тобою, только для того, чтобы еще раз испытать, не обманываюсь ли я, думая, что меня во всяком случае подозревают. Что же? мы возвратились — и маменька была целый день холодна с тобою. Такие мелочи встречались ежеминутно — а из этих мелочей составлена была жизнь! Что же было доброго в такой жизни? Но такое обхождение со мною было ли удобно, чтобы утвердить мою связь с Воейковым? И клеветник ли я, говоря, что ее подозрения всё разрушили, даже и этому согласию помешали! Имея полную дружбу ее, я мог бы во всяком случае говорить ему прямо, и, видя на опыте, а не на одних словах,

что я твой родной, твой брат и ее брат¹⁰, я был бы и ему родной и поступал бы как родной! Но чувствуя ежеминутно, как я был перед ним унижен, я мог только ненавидеть в нем твоего притеснителя, перед которым еще должен был молчать. Нет! Маша, я сам знаю, что тебе необходимо иметь покровителя! Если Воейков не *переменится*, если он всегда *властен* будет тебя утеснять, если при этих *утеснениях* ничто не будет тебе *подпорю*, как оставаться тебе в семье своей, как не искать покровителя! Во всяком случае — и тогда, когда я у маменьки просил согласия на наше счастье, и тогда, когда требовал у нее имени и *прав* ее брата, — это было единственною моею целью. И теперь это моя прекрасная мечта: видеть тебя спокойною в *своей* семье, уважаемою, как ты того стоишь, имеющую все семейные радости, счастливою любовью благородного человека. Всё это ты должна иметь, и потому-то я так испугался, получив письмо твое, так *скоро* после нашей разлуки написанное!¹¹ Мог ли я вообразить, чтобы тебе было естественно *так скоро* этого пожелать, так *скоро* увериться, что в этом твое счастье! Мог ли я не вообразить, что тебя принуждают, — требования ли маменьки и обстоятельства — всё равно! всё принуждение! А как скоро принуждение, то какое счастье! Скажи ж, мог ли я и могу ли теперь не противоречить! Ты писала в первом письме: *et j'attend tout de temps*¹²; теперь пишешь: *я жду много от времени, но совсем не в том смысле, в каком ты принял*¹³. Маша, скажи мне искренно, угадал ли я то, что под этими словами ты понимаешь? Ты ждешь всего от времени не *для себя*, а *для меня*? Ради Бога, будь на этот счет искренна. Для чего ты унижаешь меня пустыми страхами? Я могу оправдать тебя в собственных глазах твоих! Прежде могла ты иметь ту же привязанность ко мне, какую я имел к тебе! Но твое положение было совершенно противное моему! Ты была всегда в противоречии с твоею настоящею обязанностью; ты слышала беспрестанно, что такая привязанность не позволена! Это могло переменить не только твой образ мыслей, но и самое твое чувство! Но ты видела, что мое чувство было одинаково и не переменялось! Может быть, ты боялась показать мне собственную твою перемену! Ты щадила меня и хотела избавить меня от нового несчастья! Милая, ты ошибалась! Могла ли ты в этом случае бояться меня! Разве тысячу раз опыт тебе не доказывал, что одного твоего слова довольно, чтобы переменить всю мою душу? Сколько раз, в самых несчастных для меня обстоятельствах, одно твое слово давало мне твердость, готовность на всё, и даже в самом несчастье представляло что-то прекрасное! А теперь, когда дело идет о судьбе твоей жизни, разве я не буду согласен с тобою во всё, что будет нужно для твоего спокойствия и счастья? Если моя привязанность к тебе казалась тебе *заблуждением*, если для тебя же самой этого *заблуждения* не было, для чего не говорила ты мне ясно и решительно. Вот еще несчастье, которого

---

* Я всего ожидаю от времени (*франц.*).

причиною было то принуждение, в каком я и ты жили в одном доме. Никто бы так убедительно, как ты, не мог мне доказать моей обязанности и так совершенно переменить моего сердца! Такое *открытие* не прибавило бы к моему несчастью, оно только бы указало мне мою должность! Может быть, в первые минуты сердце бы взволновалось, но оно бы скоро, скоро с тобою согласилось! Я в этом уверен! уверен по тому чувству, какое нахожу *теперь* в себе! Будь же на этот счет искренна и не оставляй ничего на догадку! Теперь спокойствие твоей души всего для меня дороже, и увериться, что оно ничем не расстроено, было бы для меня счастьем! Это бы успокоило меня насчет твоего будущего. Неужели ты могла думать, что я *для себя* захочу сохранить в тебе такое чувство, которое делало бы твое несчастье! Неужели ты думала, что я захочу его в тебе *произвесть и питать*, — нет! я только думал, что оно в тебе *было!* Оно и было, но прежде; оно переменялось; а ты только боялась дать мне почувствовать эту перемену! Одним словом, ты сомневалась во мне! Но простая правда, сказанная твоим языком, была бы правилом моих поступков! Никому, кроме самой тебя, в этом случае я не мог верить! и никто бы так скоро, так легко и совершенно не переменял меня, как ты же, — но это несчастное принуждение нас делало не только чуждыми друг другу, но даже мешало знать и то, что в нас самих происходило. От скольких бы несчастий избавила нас свобода и полная доверенность! Вот письменное доказательство этого. Написавши мое письмо к маменьке в Дерпте¹⁴, я записал для самого себя, в своей белой книге, следующее (чтобы это повторить как урок, и я бы этот урок скоро выучил наизусть).

«12-го апреля. Прежде я имел целью быть счастливым *вместе* с Машею. *Всё в жизни к прекрасному средство!* и это *вместе* было бы для меня средством к прекрасному, которое состояло бы не в одном наслаждении собственною жизнью, но в исполнении с лучшим товарищем всех обязанностей, в добре, в пользе другим. От этого *дóлжно* отказаться. Совсем другое должно быть теперь для меня *средством к прекрасному*. Оно состоит в пожертвовании самим собою, в совершенном забвении собственного, и всё для нее. Для этого решительно *отказаться от невозможного*, всё употребить для сбережения семейного покоя, твердо покориться своей судьбе и не слабеть в исполнении трудного. Я назвался братом не для того, чтобы иметь одно это имя и под этим именем иметь неповоленные желания и чувства! Нет! для того, чтобы она была мною счастлива, чтобы она принадлежала мне, как дочь моей сестры, чтобы ее судьба и от меня зависела! Спокойствие насчет ее судьбы будет моею наградою. С именем брата должна разрушиться всякая связь между нами; надобно сказать себе и приучить себя думать, что она не должна любить меня *как прежде*, но любить как родного и заботиться о собственном, отдельном счастье, не сливая его с моим; не только надобно это *сказать себе*, но и исполнить на деле, *ее самое* приучить к этой мысли, из *ее* счастья вырвать всё собственное, довольствоваться одним *ее*

счастьем; всё, что было прежде *общего*, уничтожить, не желать, чтобы она имела со мною одинаковое чувство, заставить ее к себе *перемениться* и утешать себя *одним* только одобрением сердца, что всё сделано, всё принесено на жертву тому, что всего ему дороже. Одним словом, мне должно быть истинным братом ее матери и поступать так, как бы должен поступать ее брат. В чем счастье Маши? В спокойствии и свободе сердца, в согласии с матерью, в мнении, что и я счастлив, наконец, и в том, чтобы иметь с *другим* всё то, что она имела бы со мною! Мое счастье теперь должно состоять в том, чтобы всё это ей дать! В стремлении к этому есть то, что для меня осталось *прекрасного* в жизни! Нет нужды, что вопреки себе — самое страдание есть *средство к прекрасному*! Та минута, в которую я решился всем пожертвовать для этой прекрасной цели, была восхитительна. Но это чувство восхищения часто пропадает, и я прихожу в уныние! Нет нужды! Не должно терять бодрости! Пусть нет ни энтузиазма, ни удовольствия: что чувство *родит в одну минуту*, то твердость должна исполнять *в течение жизни*. Где ж было достоинство добродетели, когда бы она была и легка и приятна. Надобно смотреть не на удовольствие, а на достоинство внутреннее. Всякое исполнение должности отдельной есть дорога по утесам; кончи ее — небо над головою! Мое *небо ее счастье!* *Persévérance!** Итак, унывать не должно! *Мои* надежды брошены — заменить их *ее* надеждами; всё, чего желаю себе, передать ей, а самому жить настоящею минутою, настоящим добром и проч.»¹⁵.

Это написал я про себя; так думал я про себя, в своей маленькой горнице, на чердаке, и это были минуты твердости — но сходя вниз, я как будто переходил в новый свет, всё нападало на меня, чтобы убить во мне эту твердость; наконец, эта дорога по утесам для *одного* меня, без всякого пособия, показалась слишком трудною; вот что стоит в той же книге, написанное 22 апреля.

«Мне не должно оставаться в Дерпте — это будет моею и Машиною погибелью. Подале от них — в этом слове и свобода, и добродетель! Делая свое пожертвование, я думал, что сделаюсь точно братом Маши; быть с нею искренним, свободно делиться с нею чувством и мыслью было для меня вознаграждением за всё. Я ко всему бы привык, разумеется, не вдруг; но чувствую, что это было бы для меня возможно. Теперь же вижу, что невозможно ничто. Уехав отсюда, я по крайней мере сохраню право на чувства свои, которых здесь иметь мне не должно. Что значит для них мое обещание: *помочь выдать Машу замуж* — не иное что, как обещание быть немым этого свидетелем. Я обещал это *искренно*: это значило для меня получить полное право располагать ее судьбою с ее согласия и наравне с ее матерью. Право дать ей с *другим* то же счастье, какового бы я желал ей с *собою*! Эта мысль меня радовала! Но всё напротив! Я тут буду только рабом своего обещания! Мои советы и противоречия будут пере-

---

* Постоянство (*франц.*).

толкованы! С именем брата я думал получить одинакие права с Воейковым — напротив: я теперь только в большей от него зависимости! При таком унижительном принуждении и рабстве можно ли отвечать за себя! Если не удержишь слова — тебя же обвинят, хотя сами всему будут причиною! и проч.»¹⁶

Это писано было почти за год — не то же ли, что говорю теперь? Я здесь это выписываю для маменьки! Пускай она видит, что я не имел никаких дурных намерений и что в поступках моих нет противоречия! Ничего не было бы для меня выше, как исполнить данное слово, исполнить его *для общего счастья*; но у меня отняли силы. В моем положении я не мог сладить *сам с собою*; наконец потерял и желание бороться, ибо не видел никакого успеха; я приезжал в последний раз только на крестины¹⁷, но совсем не с прежним расположением, и не имел в мыслях оставаться! Помогите мне маменька, поверьте она мне, как должно, — всё бы было исполнено! Но она не поняла меня, и не захотела понять и вообразила, что человек меняется *в одну минуту*! Это неестественно — для этого нужна твердость! а в моем положении твердость зависела много от ее помощи! Но из всего этого ты видишь, что *за меня* тебе не должно надеяться *всего от времени*! Для меня довольно одного твоего счастья!¹⁸ Мое же положение не то, какое твое! Мне не должно никому отдавать *ни руки, ни сердца*. Следовательно, если что и останется в сердце, оно не разрушит ни моего, ни чужого счастья. Для тебя же напротив. Если в сердце твоём сохранилось старое чувство, то как отваживаться с таким чувством отдавать руку другому. Предполагая, что это чувство в тебе таково же теперь, какое могло быть прежде, поставив самого себя на твое место, не должен ли я был испугаться предложения вашего? и единственно за тебя, а не за себя? Я не думал говорить тебе, что ты обманываешь Мойера¹⁹, а я только говорил, что *теперь* ты не можешь всего сказать ему, что *теперь* не можешь быть с ним счастлива, следовательно и он с тобою! Я испугался поспешности, просил отсрочки, как необходимого для твоего и (прибавлю) для моего спокойствия; требовал, чтобы вы друг к другу привыкли, — словом, не противоречил твоему замужству, а только желал, чтобы всё было устроено для счастья верного, не по необходимости, но всё обдумав с надлежащим хладнокровием.

Ты пишешь: *ни маменька, ни я не думали не только спешить, но даже и таких близких сроков, как вы с Воейковым назначаете, не полагали*²⁰. *Теперь же скажу тебе, что я не могу и на это согласиться, — всё зависит от обстоятельств; легко может статься, что мы гораздо больше отложим это, но может быть и прежде — одним словом, я не могу и не хочу обещать ничего и имею на это важные причины. Одна я.* Замечу мимоходом: выражение: *вы с Воейковым* — мне больно разорвало сердце. Неужели и ты ставишь меня на одну с ним доску. Какие бы он ни имел намерения, но мое намерение *в требовании срока* всё имеет основанием твое только счастье и мое собственное на этот

счет спокойствие. Этого снисхождения я имел право требовать от тебя и от маменьки. Неужели моя жизнь ни в какой расчет ее не входит. Я не знаю настоящих намерений Воейкова, и кто узнает его сердце. Мое намерение, *явное и скрытное*, то, чтобы всё сделано было без всякой губительной поспешности. Дело идет о судьбе целой жизни. *Au risque d'ennuyer par cent mille répétitions de la même chose**, повторю здесь всё то, что сказано было мною в трех письмах к маменьке: я не противлюсь замужству — противлюсь одной поспешности; мои условия: дать время тебе успокоиться; оставить тебе полную свободу так, чтобы ты не считала этого замужства неизбежным, чтобы всё могла переменить, по твоему произволу, а для этого не говорить ни слова Мойеру, узнать его короче, с ним более свыкнуться; между тем обдумать все посторонние обстоятельства, столь важные в жизни! Я говорил: если тебя из твоей семьи выгонят одни неприятности от Воейкова, то я считаю гораздо безопаснее избавить тебя от этих неприятностей (что всё во власти маменьки), нежели спешить таким замужством, на которое не может быть, как я полагал, еще согласно твое сердце! Этого требует твое счастье, счастье твоего мужа, обязанность твоей матери, религия, ты сама и (прибавлю опять) сожаление ко мне. *Не давай надежды* не значило на моем языке: *не кокетствуй с Мойером*²¹ (Маша, можешь ли в этом хотеть передо мною оправдываться!). Это значило: оставь себе полную свободу, не обязывай ни себя, ни его ничем — с такою свободю легко будет узнать *в год* того человека, с которым должно *делить целую жизнь*. Скажи ж мне, милый друг, где тут противоречие? Что другое сказал бы тебе твой отец? Неужели можешь подумать, что я всё это говорил для того только, чтобы выиграть время для себя? Неужели у меня с Воейковым какие-нибудь тайные условия? Подумать, что тебя *принуждают*, я мог, потому что для меня казалось неестественным, чтобы ты *сама* так скоро могла решиться. И с этою мыслью написал первое письмо к маменьке. После вот что говорил мне Воейков: маменька непременно *требует* от тебя этого замужства; ты внутренно его не желаешь (как мог и я этого не думать!), а показываешь, что его желаешь, дабы пожертвовать собою для общего счастья (не знаю, как общее счастье может быть основано на твоём жертвовании) и между прочим для того, чтобы я мог опять жить в вашей семье²² (как эта мысль могла прийти тебе в голову, право, не постигаю!). В доказательство того, что ты не хочешь этого в сердце своем, он приводил два примера: первое, он просил маменьку дать отсрочку — она не соглашалась; однажды он сидел с нею один; ты вошла к ним и спросила: *не просит ли он у вас сроку? дайте ему год, два, три, как можно более!* (Это не доказывает ли, что ты сама боишься того, чего от тебя требуют.) В другой раз он сказал тебе о твоём замужстве (выражение не может быть вы-

---

* Рискаю наскучить, повторяя одно и то же сто тысяч раз (*франц.*).

думано, оно точно пахнет Воейковым), ты вся переменялась в лице так, что он испугался. Он уверял меня, что у маменьки положено было всё решить тотчас и кончить в несколько месяцев; что она начала было уже думать о приготовлении приданого; что он насилу, и то спорами и угрозами с нею расстаться, вымолил у нее отсрочки на год, и много тому подобного. Всё это слишком похоже на правду. И что ж, если всё это правда? А могу ли слишком в этом сомневаться? Чтобы не найти этого по крайней мере правдоподобным, надобно, чтобы я потерял и память, и чувство! Всё прошедшее не слишком ли всё это подтверждает? И как всё это согласить с тем, что ты пишешь: *ни я, ни маменька не полагали таких коротких сроков*, и потом: *теперь не могу ничего обещать!* Если вы сами согласны со мною в отсрочке (следовательно, и во всех других условиях), то в чем же мое противоречие. Если же *ничего не хотите обещать*, то на что же требуете моего мнения! *Ничего не хочу обещать* значит, что у вас решено всё кончить теперь, а мне же велите сказать мое мнение, положив наперед с ним не соглашаться. Что ж значит здесь мое мнение! Ты говоришь: *я имею на это важные причины и я одна*. Признаюсь, я теперь этих причин не понимаю, и мне надобно знать их, чтобы с ними теперь согласиться! Но, думая о прошедшем, ставя себя на твое место, зная или думая знать настоящий образ твоих чувств, наконец, слыша, что говорит Воейков, не должен ли я был ужаснуться поспешности и не имел ли я права подумать, что ты поступаешь не из доброй воли — и что же я сделал? Просил (для верности твоего счастья, для собственного спокойствия на остаток жизни), чтобы тебе дали время и тебя не принуждали, чтобы всё устроили с надлежащею осторожностью, с надлежащим к нам обоим снисхождением, — и в ответ на всё это я получил: *клеветник и ругатель!* Итак, мне на всё надобно было согласиться безусловно!

Ты пишешь: *Воейков в письме своем обещает мне спокойную жизнь; говорит, что я иду замуж, чтобы бежать от него, — он говорит неискренно! Никого так мало его вспылчивость не мучила, как меня! Но нашему горю пособить нечем! Я знаю, что мне теперь осталось одно: расстаться с Сашей. Не понимаю, Ж<уковский>, как можешь ты так менять образ видеть предметы. Не ты ли советовал мне выйти замуж. Я иду замуж не для того, чтобы бежать от кого, а точно для того, что люблю Мойера. Я не могу страдать за всех и видеть себя всему причиною. Вспомни свадьбу Сашины. Не я ли ее сделала? Всё это приводит меня в совершенное недоумение; и я никак не имею средства из него выйти²³. Под этим таится что-то такое, чего я себе никак вообразить не умею! Нашему горю помочь нечем! осталось одно: расстаться с Сашей!* Скажи мне, что это значит! И в то же время ты же говоришь, что *идешь замуж по привязанности к Мойеру, а не для того только, чтобы бежать от Воейкова!* Как согласить такие противоречия! Милый друг, я советовал тебе выйти замуж — это правда! Но этот совет мой вырван из меня был минутою огорчения!²⁴ Для

меня было несносно видеть твою беззащитность перед Воейковым! Но почему же ты должна быть перед ним беззащитна? Разве способы защищать тебя не все во власти маменьки? Разве она всегда не может быть твоим прибежищем и не властна переменить образа обхождения Воейкова? Вспомни и то, что ты сама говорила мне: вспыльчивость Воейкова тебе тягостна потому только, что тут я; что тебе несносно видеть, в каком я перед ним унижении; что это одно делало его тебе несносным; что розно со мною ты не будешь и замечать его грубостей; что он не может лично иметь никакого на тебя влияния; что от него ты не хочешь *ждать ничего*; что тебе только нужно спокойствие и свобода, и что ты их будешь иметь, как скоро не будет с вами меня! но что замужство тебе всего страшнее! Теперь меня с вами нет; главная причина самых чувствительных неудовольствий для тебя не существует! Что же *новое* могло принудить тебя к такому решительному поступку? И не должна ли ты мне этого объяснить? Теперь я полагаю тебя в совершенной независимости от Воейкова, да и он сам не видит ли теперь ясно, что ему *должно* переменить свои поступки, что одним только этим он сохранит свою репутацию, своих друзей, свой покой семейный — словом, всё!²⁵ Не *должно* ли поддержать в нем этого намерения? Неужели нет способа всего поправить, не прибегая к отчаянному средству? — я в совершенном недоумении! Ты называешь себя, *одну себя, причиною всех огорчений!* Почему же это? Ты причина всего, потому что Воейков грубиян и не имеет никакой деликатности! Как это понять! *Вспомни Сашину свадьбу! не я ли ее сделала!* Маша, надобно вообразить, что я сумасшедший, чтобы мне это сказать! Ты сделала свадьбу Саши! И мне еще велишь это вспомнить!²⁶ Если это твои огорчения, то подобных вымышленных огорчений ты иметь можешь тысячу! Стоит только уверить себя во всём невероятном! Нет! Сашину свадьбу сделала не ты! Если ты *надеялась* тогда на Воейкова, то свадьбу Сашину не для этих *надежд* сделала!²⁷ Ты на это не имела влияния, и никто не имел! Я помню ответ мой маменьке, когда она спросила: соглашаться ли на требование Воейкова! Я сказал: *согласитесь, но оставьте себе способ отказать ему! Живши с ним несколько времени на короткой ноге, в одном доме, лучше его узнаете!*²⁸ И не позже как на *другой* день начали писать рекомендательные письма к родным. Это всё решило. Вспомни, что маменька имела от Авдотьи Николаевны такое письмо об нем, в котором всё то подтверждалось, что нам известно было только по слухам²⁹. И это письмо имела она до свадьбы. Вспомни еще один случай. Не ты ли сказала маменьке за несколько дней до свадьбы то, что говорила Саша о Воейкове, я это помню потому, что <...>³⁰.

Воейков требует, чтобы я дала ему клятву не выходить замуж никогда, если он не будет делать мне огорчений. Теперь он боится только того, что об нем будут думать? Ему сказали, что он будет изверг, если эта свадьба сделается. Vous avez dit à W<oejcov> que sa femme est une égoïste — depuis qu'il est revenu,

il ne fait que le lui répéter^{*31}. Из всего этого заключаю, что по приезде Воейкова из Петербурга был у вас опять разговор об этой свадьбе, что вы опять хотели ее *решить тотчас*, что он опять начал спорить, взбесился и по обыкновению своему наговорил много лишнего и сумасбродного. Приезд его в Петербург показался мне благодеянием. Я думал, что своим письмом к нему насчет его поступков я только его раздражил³² и что это оплатится вам, и укорял себя в этом письме. Я думал, что и письмо Кавелина произведет такое же действие³³ и что никакой пользы от сказанной правды не будет. Вы, кажется мне, все приняли эти письма в дурную сторону. Вы приняли их за *упреки в том, что не сделалось по-моему, и за требование, чтобы Воейков всё переделал в мою пользу*. Нет! в этом случае главною нашею целью было то, чтобы Воейкову открыть глаза на собственный его счет, испугать его разрывом со всеми его друзьями и этим страхом принудить одуматься. Того, что писал к нему Кавелин, никогда не услышит он в семье своей — ты молчишь и страдаешь; Саша также; маменька никогда ничего не скажет или всем довольна! Такая метода с Воейковым никуда не годится — надобно, чтобы он слышал правду и чтобы он в то же время видел, что на него надеются. Вот с которой стороны приезд его в Петербург может быть для него весьма полезен. Он уже видел, что его поведение рассорило было его со всеми друзьями. Он приехал сюда и слышал от нас самые резкие правды! И поверь, Маша (ты можешь и должна мне поверить), в тех упреках, которые я делал ему, не было ничего, что бы относилось ко мне! Я обвинял его только за всех вас и требовал от него только вашего счастья, единственно это полагал условием общей дружбы и уважения к нему! Он признался во многом дурном (до некоторых признаний я сам не хотел коснуться). Вот что он сказал мне и Кавелину, обливаясь слезами: *Маша сказала мне однажды: я наказана справедливо! я ожидала всего от тебя, а не от Бога!*³⁴ И так, он знает, что все твои страдания от него! И я ему отвечал на это, что этой одной фразы довольно, чтобы быть правилом всех его поступков; помнив это, он может переделать собственный характер! Он сказал еще: многое дурное сделано им потому только, что всё ему спускают и всё сносят с лишним снисхождением! Это и правда! Он ни от кого не слышит сильной правды! У вас всегдашнее правило всё скрывать! Не только скрывать, но всё для других и для себя представлять в каком-то лучшем виде: свидетель этому ваш журнал! Как же может прийти Воейкову в голову себя исправить! Маменька или с ним поссорится, или совершенно простит его! и то и другое равно вредно! в минуту ссоры никакая правда не подействует: бешенство не способно ни понять ее, ни слышать! в спокойную минуту одни только ласки — а тут-то бы и говорить правду, ясным и убедительным языком! Тогда

---

* Ты сказал В<оейкову>, что его жена эгоистка — с тех пор, как он вернулся, он только и делает, что повторяет это (*франц.*).

бы она была и понятна, и действительна! По крайней мере, так говорена ему она была здесь, мною и Кавелиным, — и он слушал всё без вспыльчивости, во всём признался и всё обещал поправить. Но прошу вас не ошибаться насчет этого слова *всё поправить*. На нашем языке оно значило: дать вам всем спокойствие, беречь вас, переменить характер — одним словом, не нарушать вашего счастья, а быть вместе с вами столько счастливым, сколько можно и должно. Обо *мне* тут и слова не было. Я говорил ему насчет его неделикатности и советовал ему учиться ей у тебя, Маша; советовал быть с тобою искренним; просил, чтобы для совершенной безопасности не было между вами ничего скрытного, чтобы и ко мне не писал ничего такого, чего бы не мог сказать всем, что теперь скрывать нечего, что вы должны и можете быть друг с другом совершенно открытыми, что в этом вся тайна вашего семейного счастья! На всё это он согласился! Я сказал ему еще, что во всё это собственное мое ничто не входит, что я решительно навсегда с вами расстался и что прошу всего этого для себя в том только смысле, что без этого мне ни спокойствия, ни привязанности к жизни иметь невозможно! Я просил его сказать тебе особенно, что тебе не должно думать меня возвратить в семью свою, жертвуя собою (как он мне сказывал и как ты сама писала); что ты *обязана* дать мне спокойствие на твой счет; что мысль о твоём несчастье отравит всю мою жизнь, отымет у меня всякую бодрость и всякое желание что-нибудь сделать; я просил его сказать маменьке, что это единственное, что она может для меня сделать, и что я этого прошу от ее сожаления, — и средства на это самые легкие, и всё *во власти ее одной*: доверенность!

Ни я, ни Кавелин не говорили ему, что *он будет изверг, если эта свадьба делается!* Он точно будет изверг, если ты принуждена будешь выйти замуж только для того, чтобы избавить себя от его притеснений! Я просил его, чтобы он препятствовал *принуждению* и с своей стороны не доводил до такой жестокой крайности грубыми своими поступками; я сказал, что *теперь* считаю замужство твое несчастьем, ибо оно точно вынужденное обстоятельствами (хотя я и не знаю этих обстоятельств), что *теперь* на него согласиться не могу, но что и в мысль мне не придет ему препятствовать, если мои условия, сделанные для твоего же спокойствия, будут исполнены, если *буду сам уверен*, что это замужство сделает твое счастье. (Маша, чтобы *поверить этому теперь*, надобно потерять в себе и память, и чувство.) Я говорил ему насчет Мойера, что люблю его сам и уважаю его характер, что ты, вышед за него без принуждения, можешь быть счастлива и что я соглашусь на твое замужство с ним, как скоро этого принуждения не будет, как скоро всё сделано будет временем и как скоро он с своей стороны своими поступками ничего не будет портить! Так, повторяю, он точно изверг, если ты выйдешь замуж для того только, чтобы спастись от него! Он может быть твоим братом, твоим другом, а он меняет это блаженство на власть тебя приводить в отчаяние! Как за это всем его не презирать, не не-

навидеть — и поверь, что он будет ненавидим на словах и на деле! Он твердит Саше, что она эгоист и в этом ссылается на меня! Правда, я назвал ее эгоистом, но по его же словам! Он живо описал мне, как она и маменька нападают на тебя, чтобы привести к такому поступку, который еще не согласен с твоим сердцем!³⁵ Как не назовешь их после этого эгоистами? Как желать для себя пожертвования и еще какого жертвования? Целой жизни! Особенно Саше как можно этого требовать! Она знает, что ты чувствовала, — как же так решительно располагать за тебя твою судьбою! Где участие и сожаление!

Воейкова пребывание здесь весьма было много меня успокоило насчет вашего семейного согласия. Он признался во всем — перед друзьями, он помирился здесь с собою, он поехал отсюда с тем, чтобы начать совсем другой образ жизни.

Такому человеку, как он, необходимо знать, что на него надеются, дабы иметь силу что-нибудь исполнить; по одной *любви к добру* он ничего не сделает. Я знаю по собственному опыту, как нужно пособие и как человек *слаб один с собою*. Воейков увидел здесь необходимость всё поправить, он дал слово это сделать. Но на одно слово и особенно на *его слово* полагаться нельзя — нужны подпоры. Он должен найти их в вас, в вашей к нему доверенности, в вашей на него надежде. Без этих подпор он погиб. Он поехал отсюда, ободренный тою надеждою, какую ему показали его друзья, — но нельзя же его почитать совсем преобразованным! — надобно, чтобы это чувство не угасло в нем; надобно пробудить и воспитать в нем чувство добра, убитое навыком к развратной жизни. Вдруг такая перемена не делается. В нем есть доброе — я заметил его в некоторые минуты! Но он привык в одно время и к свободе поступков, и к скрытности (потому что эти поступки были дурны). Чтобы отучить его от этого притворства, надобно быть с ним откровенным, не оскорбляя его самолюбия и показывая на него надежду. Он от меня слышал самые жестокие вещи — и признавался. Ему нужна доверенность к самому себе. Это падший человек, которого надобно поднять, а не лишать силы подняться. Почему, Маша, не можешь ты сказать ему самому всего того, что говоришь *мне об нем*, почему маменька не может всего этого сказать ему — это было бы повторением всего, что было ему сказано мною. Разумеется, должно употребить язык простой, не укоризны, а правду, сказанную от сердца. Устоит ли он против такого языка. И говоря это часто, без всякой скрытности, ты и маменька, не приучите ли вы его и к правде, и к должности! А вы что делаете? Скрываетесь и приводите его в затруднительное положение! Поверьте, что в таком положении владеть собою трудно! Если горе в самом себе скрывать тяжело, то вину еще тяжелее! Кто облегчает мое признание, тот не только мне дает отраду, но вместе и помогает исправиться. А вы беспрестанно друг от друга таитесь! Если он имеет мысль, что он причину твоих несчастий, то воспользуйтесь этою мыслью; если она останется у него в душе, то больше еще раздражит ее, и это может иметь дурное влияние на судьбу Саши! В этом

случае всё зависит от маменьки! Воейков точно в ее власти, и она много может переменить его! Он поехал отсюда в самом прекрасном расположении — довольный если не собою, то по крайней мере надеждою на себя и надеждою, что будущее всё в его власти и может сделаться лучшим. Обрадованный этим расположением, я вообразил, что он и вас обрадует, что вы им воспользуетесь. Мне казалось *всё в порядке*; я вообразил, что при таком порядке тебе возможно будет без всякой поспешности устроить судьбу свою и решиться на замужство не по необходимости, а свободно — это успокоило меня насчет твоего будущего. Собственного моего тут ничего не было. Я даже и от писем ваших был готов отказаться — лишь бы только знать, что мои условия приняты и что всё пойдет естественным своим ходом.

Что же я должен заключить из письма твоего? На что решиться? Чего ты от меня требуешь? Чему я должен верить и что думать? Ты говоришь: *напиши к В<оейкову> письмо ласковое и без всяких упреков*³⁶; *уверь его, что его слава, репутация и имя в свете не могут терпеть от моего поведения и что ты только желаешь моего счастья*. Я из этого ничего ясно не понимаю. Воейков читал мое последнее письмо, писанное с ним к маменьке³⁷, и мог из него видеть, что я не противлюсь твоему замужству, а прошу только не быть поспешными; он знает мое мнение о Мойере, знает, что я почитаю его, что соглашусь на всё, как скоро всё будет сделано не по принуждению! Я не могу сказать ему, что друзья не будут его почитать извергом, когда ты от него *принуждена* будешь выйти замуж, — этому нельзя ему поверить! И мне нельзя этого сказать. Я просил тебя всё устроить так, чтобы я мог верить твоему счастью (все мои условия стоят ясно во всех моих письмах). Что ж в этой просьбе невозможного? И что невозможного в моих условиях? Если ты точно идешь замуж *не по принуждению*, то отчего нельзя условий моих исполнить! Они легкие, и все для твоего же счастья! Неужели в этих условиях видно какое-нибудь тайное намерение! Если другие могут видеть его, то можешь ли ты, зная меня совершенно? Одним словом, я в совершенном недоумении! Куда ни обратись, всё нет никакого спасения. Я не могу решиться сказать тебе: *видь замуж!* Этому противоречит мое собственное убеждение, ибо никак не могу думать, чтобы это замужство было для тебя *теперь* счастьем, ибо вижу, что тебя решает на это какая-то непонятная для меня необходимость. Я решить тебя на это не могу! Не могу так смело расположить твою судьбою на всю жизнь! Пока не уверюсь, что в этом твое счастье, по тех пор не могу дать своего согласия, и ты не можешь в этом случае его от меня требовать. Но я так же не имею духу сказать тебе: *останься в своей семье*; вижу, что ты в ней несчастна, хотя уверен, что ты легко могла быть в ней и счастлива, и спокойна! Это могли бы сделать, и сделать это было бы общим счастьем — почему не могут и не хотят — это знает один Бог! Он тебя защитит так же, как и судить будет тех, которые только губят, имея всю возможность делать

счастье! Если бы выбирать, я бы выбрал для тебя *остаться в семье своей*, но я не могу переменить сердца и души. Могу сделать одно: сказать тебе, что ты *совершенно свободна сделать всё для самой себя, что найдешь теперь лучшим*. Знаю, что это не даст мне спокойствия и, может быть, будет причиною совершенного несчастья и твоего, и моего, и такого несчастья, которого уже поправить нечем, — но что же я могу сделать?

Чтобы выйти из этого несносного недоумения, одно средство: с тобою увидеться, узнать настоящий образ твоих мыслей от тебя самой. Но возможно ли это? Ты пишешь, что я дурно сделал, что не приехал сам!³⁸ Маша, разве ты забыла всю прежнюю жизнь мою в вашем доме! Разве ты забыла, что в последний месяц я всё знал о Мойере³⁹ от Воейкова и ничего не слышал об нем от маменьки! Ты говоришь, что мне должно быть благодарным ей за то чувство, которое заставило ее мне обо всём сказать первому!⁴⁰ Почему же этого чувства не было тогда! Ты видела мое обхождение с Мойером! Я, право, более почувствовал к нему дружбы с той минуты, когда всё узнал, и ни с кем не было у меня такого чувства при прощании, как с ним! Я любил его за ту привязанность, благородную и нежную, какую он имел к тебе! Маменька и на этот счет была так же со мною неискренна, как и во всём. Что же я за брат! Это имя мне никаких прав не дало над ее сердцем! Поверь, милый друг, что в *эту минуту* я мог бы быть ее истинным братом! Что может быть для меня выше того, как быть учредителем вместе с тобою твоего счастья, как заступить место твоего отца! Заочно нельзя ничего решить и ни на что решиться! Но как приехать? Я столько раз был на этот счет обманут, столько раз был отброшен с холодностью, что теперь, в такую важную минуту жизни, на это отважиться не посмею. Приехать для того, чтобы меня боялись; говорили мне *брат*, а в сердце почитали бы меня *тем человеком, который описан в письме к Павлу Ивановичу!*⁴¹ этого не стерпишь ни с каким терпением! Что же будет пользы в моем приезде! Я не поеду затем, чтобы непременно сказать *да*; но затем, чтобы узнать *твои* мысли, узнать, что делается в *твоем сердце!* И я чувствую, что мой приезд так же был нужен для меня, как и для тебя! Но чтобы мой приезд мог быть на что-нибудь нам полезен, надобно, чтобы я мог быть с тобою совершенно свободен, всякую минуту, мог бы говорить без свидетелей, — одним словом, мог бы свободно *всё устроить вместе с тобою!* Как меня ласково ни прими маменька, всё в минуту почувствую, какое истинное расположение в ее сердце, — это от меня скрыться не может! Тотчас почувствую, чего от меня требуют: *одного ли безусловного согласия или истинно братского пособия*. Быть ей братом, помощником в том, чтобы дать тебе покой и счастье, — на это я способен всегда, и ты в этом не сомневаешься! Если тебе нужно, чтобы я приехал, то надобно, чтобы маменька решилась поступать со мною как сестра и чтобы ты решилась сказать мне *всё* как оно есть, — поверь, что скрыть правды невозможно! Надобно, чтобы она решилась мне вверить тебя

без всякого опасения, решила перестать думать, что я имею намерения тайные, решила бы уважать и мое мнение, а не требовать от меня одного покорного согласия, решила бы наконец и мое собственное согласие на счет поставить, — при таком расположении нам легко будет во всё согласиться! Я сказал бы всё, как думаю, мы определили бы всё вместе для лучшего — я бы требовал только одного, чтобы ничто не было решено при мне, чтобы это осталось между нами тайною! Не знаю, могу ли еще *видеть*; но *желать* и быть счастливым возможностью твоего счастья — это верно! На что вам и требовать, чтобы я *видел*; довольно того, если буду знать; что всё к лучшему! Мысли об этом и внутреннего убеждения для меня довольно! Итак, Маша, если тебе хочется, чтобы я приехал, напиши — я тотчас буду, но ты знаешь условия! Чтобы я мог говорить с тобою, и с одной тобою, без всякого принуждения! И чтобы ты сказала мне настоящую правду! Милый друг, ее скрыть ты можешь — но ее следствия будут несчастны! а ты сама знаешь, что эти следствия *непрерывно* для нас *обоих* будут несчастны.

261.

А. П. Киреевской (Елагиной)

<30 декабря 1815 г. Петербург>

Начну письмо свое хорошим: *поздравляю Вас с новым годом!* Может быть, как и надеюсь, Вы встретите его весело и будете в этот день помнить обо мне и желать мне счастья! Я сказал бы, *чего мне пожелать*; но Вы с этим не согласитесь; а другого ничего желать не осталось! Пожелать самого спокойного, веселого, решительного, безопасного — чего же? Назовите сами! Мой новый год не несет мне *ничего* и хорошо, когда бы только ничего, но он несет с собою такое будущее, которое мне противно, — я рад бы ему сказать: остановись и пройди мимо меня! Но это понапрасну! Чтобы дать Вам настоящее понятие об этом новом годе, посылаю Вам целую кипу писем — они объяснят Вам всё, что со мною делается. Я получил (1 №) 26 ноября, и вслед за этим письмом приехал Воейков. Я отвечал на это письмо сперва Маше — прилагаю здесь этот ответ (№ 2)¹; потом подумал, что всё, говоренное насчет Е<катерины> А<фанасьевны>, должно сказать ей самой, и написал вместо одного письма два — одно Маше, в котором всё то сказал, что ей от меня прилично слышать, не упоминая о Е<катерине> Аф<анасьевне>, и в письме к Е<катерине> А<фанасьевне> повторил то же, что было в первом моем ответе Маше², и еще много прибавил; в промежутке получил от Е<катерины> А<фанасьевны> еще письмо (№ 3), на которое также отвечал³ и повторил почти то же самое, что сказано было в первом ответе, — на эти два письма получил от нее коротенький ответ (№ 4). Вы увидите, каков тон ее, из самого письма. И на это я отвечал ей и ответ свой списал для себя (№ 5)⁴. Наконец, получил письмо от Маши, которое для Вас списываю (№ 6). Это последнее письмо привело меня

в ужасное положение, в ужасную нерешимость. Я отвечал на него; ответ свой переписываю для Вас (№ 7)⁵. Между тем получил письмо из Дерпта от одного общего нашего приятеля Петерсона (№ 9)⁶, и в этом письме стоит: «Mir hättest du dein Innerstes aufschließen können. Heilig wäre mir dein Geheimnis gewesen und mir die Kenntniss desselben für dich, für euch nützlich. Ich wirke und handle auch jetzt. Sie soll Ruhe haben. Moyer geht nach Revel. Alles soll sich geben^{*7}. В это же время получил и еще письмо (от Воейкова)⁸, в котором он, поздравляя меня с новым годом, восхищается тем спокойствием, которое установилось после многих бурь и волнений, уверяет, что все теперь счастливы и что всё зависит от его поведения! Объяснений на всё это писать нечего — всё увидите из самых приложенных писем. Ради Бога, судите меня беспристрастно! Сказал ли я в своем ответе Е<катерине> А<фанасьевне> что-нибудь такое, в чем заметен эгоизм и несправедливость. После всего, что было, зная настоящее расположение Маши, мог ли я не подумать, что ее *принуждают!* а подумав это, мог ли выражаться иначе? И чего я требовал? Того, что согласно с общим спокойствием, чего должно бы было *требовать сердце матери!* Машино последнее письмо привело меня в совершенное недоумение — оно писано ею: в нем чувствительно, что ее состояние ей в тягость, что для нее необходимо выйти из этого состояния! Что могло у них случиться, не знаю; но видно, что, с одной стороны, употребляют тяжелые убеждения *слез и жалоб*, а с другой — притесняют ее с *грубостью и бесчеловечием!* Это письмо, вместо того чтобы оправдать Е<катерину> Афан<асьевну>, есть самое ужасное и разительное ее обвинение! Маша требует от меня *спокойствия, спасения жизни*, и в чем же это состоит? в том, чтобы уйти из семьи своей и найти себе покровителя! Но от кого же она в семье своей зависит, как не от матери? и Е<катерина> А<фанасьевна> читала ее письмо! и заблуждение ее так велико, что она это письмо считает своим оправданием! Я не послал им своего ответа (№ 7)! Я решился увидеться с Машей и требовать, чтобы мне она позволила к себе приехать с тем, чтобы я мог говорить с нею одною: перепискою нельзя объяснить ничего; она должна сама со мною объясниться! Если из слов ее увижу то, что мне наиболее хочется, что ее сердце может быть согласно с тем, чего от нее требуют эти притеснители, то как не согласиться на то, чтобы она от них избавилась и с благородным, достойным ее человеком нашла спокойствие, свободу, уважение, жизнь семейную! Всё это дать ей было бы счастьем. Первое чувство мое при прочтении письма от Петерсона был *страх*. Я не замужеству ее противился, а противился поспешности. Если Мойер узнает обо всём, то он, как благородный человек, сочтет за должность всё кончить и удалиться — и Маша

---

* Мне мог бы ты открыть душу свою. Тайна твоя была бы мне свята, для меня же знание ее — полезным для тебя, для вас <обоих>. Я действую и теперь <в вашу пользу>. Она должна иметь покой. Мойер едет в Ревель. Всё уладится (нем.).

останется во власти Воейкова без всякой защиты, принужденная беспрестанно слушать укоризны и жалобы. Всё могло бы идти у них прекрасно — но кто их переменит? Избавить ее от этого ада есть должность! Если сердце ее этому не противится, если в самом деле правда то, что она в последнем письме пишет насчет своей привязанности к Мойеру, то как не помочь ей всё устроить так, как ей нужно. Я написал было ответ к Петерсону (№ 10)⁹. Но раздумал его посылать. То же самое можно сказать ему при свидании; наперед надобно узнать, *что* ему сказано, *кто* сказал, *что* он сделал, и более всего надобно узнать, *что* чувствует сама Маша. Если мне дадут говорить с нею свободно, то я легко открою настоящее ее расположение и поступлю так, как ей надобно. Если же этой свободы не дадут, то мне ничего не останется делать; по крайней мере, это будет новым доказательством, что она писала ко мне и на всё решилась *по принуждению*. Ничего так не желаю, как найти в ней то чувство ко мне, какого теперь желать надобно и которого я никак еще предполагать не мог! Но я судил по себе и по прошедшему! Обстоятельства ее могли и должны были переменить ее! Если это так, то счастье семейное для нее возможно, и главное сделано будет: то есть она избавлена будет от поспешности. Мойер, предупрежденный для своего и ее счастья, станет медлить и поступит как благородный человек. Время всё согласит и устроит! Она будет иметь свою семью, будет иметь тихое, свободное счастье, достойное прекрасного ее сердца! Настоящее ее положение ужасно. Если выйти из него посредством замужества с Мойером не будет для нее новым несчастьем, и еще большим, то как на это не решиться.

Пишу обо всём этом к Вам для того, чтобы всё объяснить для самого себя и иметь Вас свидетелями *своих* поступков. Судите меня — поступаю ли здесь для каких-нибудь собственных выгод? Мне от них не надобно ничего. И от самой Маши требую только одного: *ее счастья*, не примешивая к нему ничего собственного. Чтобы всё объяснить более, *повторяю, здесь всё в порядке, для Вас и для себя*. Судя по всему прошедшему, я считаю, что возможное счастливое положение для Маши состояло в том, чтобы (по крайней мере, теперь) остаться спокойною, свободною и утешенною в семье своей. Это могли и должны были ей дать. Средства на это самые легкие; в исполнении этого не только общая должность, но и общее их счастье. Е<катерина> Аф<анасьевна> — властитель в своем семействе; всё от нее зависит, и сам Воейков, несмотря на его грубости. (Как может Воейков делать при ней несчастье Маши! Этого я не могу понять! И если это возможно — то кого обвинять!) Об этом спокойствии Маши я просил ее! Но скажите, нужно ли об этом просить мать! По первому письму Маши я должен был и не мог не ужаснуться того предложения, которое мне делали. Помня прошедшее, я не мог поверить, чтобы замужество и с самым достойным человеком, каков Мойер, было для нее счастьем *теперь*, но я не противился ее замужеству, а просил только, чтобы они отложили! Не согласно ли такое условие с ее же сча-

стьем? То, что говорил мне Воейков, еще более убедило меня, что ее *принуждают*; что еще более заставило меня настоять в моих требованиях. Но другое письмо Маши привело меня в недоумение: из него, если ей верить, вижу, что она желает сама этого замужества; но это же письмо убеждает меня и в том, что она решается на него по какому-то непонятному для меня принуждению! Как тут на что-нибудь решиться заочно? Мне невозможно желать, чтобы она *шла замуж*, — я не могу представить себе, чтобы она теперь согласна была с этим в сердце, но как же возможно желать, чтобы она *осталась в своей семье*, — какая ее судьба? Притеснения от Воейкова, и никакой от них защиты! Она требует от меня письма к Воейкову, но, как решиться написать такое письмо? Между тем к чему оно и послужит *теперь*? Мойер уже предупрежден — кем и как уведомлен обо всём Петерсен, я не знаю; но, вероятно, он уже всё сказал Мойеру! Итак, Мойер, вероятно, удалится! Но можно ли желать удалить его? Неужели Маше оставаться в семье своей? Она нашла было человека, которому может поверить свою судьбу, и этот человек ее оставит! Если я и напишу к Воейкову, то всё уж это будет поздно! Он перестанет противиться; но Мойер сам уже ничего искать не станет! (Воейков во всём не соблюдает умеренности; я просил его, чтобы Машу не принуждали, чтобы он своими поступками не доводил их до такой крайности; а он требует, чтобы она *никогда* не выходила замуж.) Итак, чтобы всё это поправить, надобно самому быть там, надобно видеть настоящее расположение Машина сердца. Надобно, чтобы мне дали свободу с нею говорить! Из этого свободного разговора я узнаю, что решило ее так скоро, точно ли она надеется на свое счастье, точно ли она спокойна в сердце своем, точно ли ее не принуждают и точно ли для нее необходимо выйти из того положения, в каком она теперь! Если замечу, что она действует не произвольно, то мне не останется ничего делать! Мойер уже предупрежден, и *не мною*, и всё само собою устроится; а Воейков (если только Е<катерина> А<фанасьевна> сама этого захочет) будет лучше: все средства в ее руках. Если же, напротив, Маша уверит меня, что счастье ее точно в этом замужестве, то это *должно быть непременно*; Мойер, предупрежденный, не оставит надежды, но сам, для собственного и ее счастья, будет медлить, даст времени всё привести в порядок, и всё устроится так, как должно, без всякого губельного насилия; Воейков же, зная, что это *должно случиться*, будет в узде! Маша не будет ничем обязана; ее спокойствие и будущее будут сбережены, а для меня останется по крайней мере уверенность, что ею не пожертвовали. Таковы мои намерения, милые друзья! Я открываю их вам для того, чтобы вы, зная всё, могли мне отдать справедливость. Бог видит, что я желаю здесь только добра! Желания мои чисты и бескорыстны! За искренность их я отвечаю — неужели всё это не должно иметь успеха? В ободрение себе здесь могу сказать только одно: *желай твердо и искренно доброго! остальное предоставь Провидению*. И остальное не зависит от меня! Пускай Провидение всё устроит так, как ему угодно...

Я жду от них ответа! Если велят приехать, то поеду! поеду с этим твердым и искренним желанием доброго! Благослови Бог исполнение.

Я предвижу, что прием от Е<катерины> А<фанасьевны> будет мне холоден. Но что делать? Лишь бы я имел свободу говорить с Машею! Я еду не для себя и не для того, чтобы с ними остаться, чтобы возратить себе дружбу, чтобы от них что-нибудь получить. Я еду для того, чтобы успокоить разорванное сердце Маши. Дружбы же от Е<катерины> А<фанасьевны> я и желать не могу потому, что не могу теперь на нее отвечать. Пускай всё это кончится и к счастью — всё для нее нет оправдания! Машино письмо в моих руках! Оно есть ужасное обвинение матери! Как могла Маша быть доведена до такого состояния, чтобы почитать необходимостью расстаться со своею семьею? За ее счастье буду я благодарен ее мужу — а не ее матери!

Святое условие: не показывать этих писем никому совершенно и возратить мне всё немедленно. Оставьте у себя один список с Машина письма. Прочие все <пришлите> ко мне и скорее. Ради Бога, исполните всё это в точности.

Маша зовет Вас в Дерпт, милая Авд<отья> Петр<овна>¹⁰. Что я могу к этому прибавить! Сердце будет на месте, когда буду знать Вас с нею.

Оставьте у себя и мой ответ Петерсену — я хочу, чтобы это всё было у Вас в руках. Впрочем, можете и всё у себя оставить, только не говорить никому, ни о чем. Когда будете в Дерпте, то чтобы и Маша ничего не видала. В письмах своих в Дерпт не упоминайте ни о чем. Это тайна, которую я Вам вверяю. Сохранение ее будет знак истинной дружбы.

Прошу читать по номерам. Сперва это письмо, а там и прочие по порядку. Этого требует историческая точность.

1816

262.

П. А. Вяземскому

<10 января 1816 г. Петербург>*

Поздравляю тебя, мой любезный друг, с твоею радостью! Будь счастлив твоим сыном¹ и, глядя на него, мирись с Провидением. Я не отвечал тебе на твое письмо, при котором доставил ты мне свой липецкий пряник², — право, было не до того, и теперь еще менее могу быть критиком. Письмо забавное и мысль счастливая. Только не знаю, можно ли будет напечатать. Отвезу его нынче к Уварову. А сам послезавтра еду на несколько дней в Дерпт³; верно, возвращусь сюда к твоему приезду. На твою предику⁴ отвечать мне не хочется — на душе самая черная ночь, и мне не до философии.

Экземпляры первого тома все отпечатаны. Я пришлю их тебе в листах; ты вели их переплести в папку; за переплет заплати из *подписной суммы*. Формат тебе известен; на всякий случай пришлю образец. Но как же поступишь ты с своими подписчиками, если уедешь из Москвы? Я думаю надписать на билетах, чтобы адресовались в Университетскую типографию. Я об этом предупредю Каченовского, или лучше об этом условимся при свидании. Напиши, что об этом думаешь? Прости, брат. Не сердись на краткость письма. И перо, и рука, и душа у меня теперь никуда не годятся.

263.

П. А. Вяземскому

<11 января 1816 г. Петербург>

Посылаю тебе список твоих стихов, находившихся у Тургенева. Я не сделал ни замечаний, ни поправок. Оставляю всё это до моего прибытия в Москву и жительства в Остафьево. Или в конце зимы, или в начале весны я (и, вероятно, Северин, Дашков и Тургенев) будем в Москве. Задержи Батюшкова или присылай его сюда¹. Здесь вместе с ним доконали бы мы «Сочинения» Муравьева, которые уже у меня все выбраны, переписаны; осталось еще некоторые пересмотреть, потом и за печать приниматься². На всё это Батюшков мог бы быть мне весьма полезен. Когда увидишь его, спроси, получил ли он мое письмо? Я написал к нему большое, которое взялась доставить Е. Ф. Муравьева.

Жду не дождусь возможности отсюда вырваться. Не воображай меня слишком рассеянным. Здесь мой круг знакомств очень мал; но причин особенных бездействия весьма много. С отъездом отсюда начнется для меня по крайней мере деятельная жизнь. Всё, что делало для меня мою прежнюю, уединенную жизнь страшною, к несчастью, миновалось. Другого нечего делать, как приниматься за дело. Теперь уединение и работа для меня синонимы. Здесь еще душа колыхается от бури, почти прошедшей. Надобно к вам убраться в затишье. Хотелось бы здесь схватить маленький кусок, то есть беспечность, и укромную свободу, чтобы избавиться от несчастья. Кажется, для меня могли бы что-нибудь сделать, когда Шихматов получает пенсии 2 000, а слон 30 000³. Но что делать? Кому дело до поэта?

Нелединский велел у тебя просить извинения в том, что он еще тебе не отвечал; он читал императрице твой «Вечер»⁴, который она велела для себя списать одной из красавиц придворных. Он требует, чтобы ты ему прислал стихов своих. Он поручил мне манускрипт своих сочинений и переводов, из которого я сделаю выбор для печати⁵.

Прости.

264.

Н. И. Гнедичу

<11 января 1816 г. Петербург>

Возвращаю билет с надписью, а за табак благодарю любезного Гекзаметра. Я еду завтра часу в двенадцатом¹. Как бы нам увидеться? Нынче часов в 7-мь буду у Е<катерины> Федоровны². Не зайдешь ли к ней? Посылаю тебе «Ольгу» Катенина³. Потрудись ее возвратить ему и поблагодари за доставление. Эта пиеса, при многих ее недостатках, доказывает мне, что он со временем будет писать хорошо. Если он будет иметь менее доверенности к себе и решится писать не для одних минутных похвал, то он будет автором хорошим. Он точно имеет дарование. Возвращаю письмо Батюшкова⁴. Приложенные книги и записку прошу тебя отослать к Гречу. Обнимаю тебя.

Жуковский

265.

А. А. Прокоповичу-Антонскому

<Начало января (до 12-го) 1816 г. Петербург>

Не думайте, почтеннейший Антон Антонович, чтобы я на Вас жаловался; я уверен в Вашем добром ко мне расположении и не прежде перестану быть в нем уверенным, как тогда, когда Вы сами захотите меня разуверить. И теперь, пользуясь им, прошу Вас не отказать в покровительстве моим экземплярам, посланным на имя к<нязя> П. А. Вяземского. Он хочет их отдать на комиссию Ширяеву¹, который берет за комиссию 15 процентов. Прошу и Вас взять на себя труд, на случай отъезда Вяземского из Москвы, позаботиться о расчете с книгопродавцем. Я желал бы, чтобы Вы переговорили об этом с Вяземским. Очень хлопотливо печатать книги на свой счет: надобно быть самому книгопродавцем, чтобы их сбыть с рук; а продавать книгопродавцам убыточно: они всё хотят имет даром. Если можете, помогите как-нибудь расходу моих экземпляров. Их послано всего на всё 270 к Вяземскому. Кажется, для Москвы немного. Надобно только, чтобы публикация об них была почаще в газетах. Об этом прошу Вас позаботиться. Извините, что так беспорядочно пишу. Я спешу, ибо в хлопотах. Еду в Дерпт. Прошу Вас покорнейше отвечать мне.

266.

П. А. Вяземскому

12 января <1816 г. Петербург>

Ты ворчишь, ваше сиятельство, и ворчишь понапрасну! Я пишу к тебе довольно часто; так же часто, как ты ко мне, и так же люблю тебя, как ты меня. Ты гневаешься на меня за то, что в петербургских газетах стоит объявление о выдаче моей первой части¹, — и я за это гневаюсь, только не на тебя и не на себя, а на Плавильщикова², который, получив несколько билетов и услышав от кого-то, что первая часть отпечатана, вздумал предупредить подписчиков и обманул их, а нас всех рассердил. Лучшего в твоём коротеньком письме есть то, что у Карамзина родился сын³. Слава Богу! Итак, надобно ждать скоро нашего Историо Графа в Петербург⁴. Один ли он приедет или со всею семьею? Еще прекрасно в твоей записке и то, что Батюшков в Москве⁵. Обними за меня этого милого Ахилла, убийцу моего «Певца»⁶ и, несмотря на это, милого, бесценного друга. И он гневается на меня за неписание — но вольно ему было забиться в Каменец. Туда ни одно письмо не доходило к нему. И сапоги, посланные Гнедичем, к нему не дошли. Я написал к нему огромное письмо, которое поручил Е<катерине> Федоровне переслать, — оно послано и пропало⁷.

Я как будто предузнал, что тебе неприятно будет получить экземпляры переплетенные и решил переплести их.

Я еще не уехал, а нынче еду в ночь⁸. Верно, возвращусь до твоего приезда. И хорошо, когда бы мы отправились отсюда вместе. И прожили бы несколько блаженных дней весны в Остафьеве. Это было бы для меня образчиком той новой жизни, которая начнется или по крайней мере должна начаться для меня с нынешнего года, — жизни занятой и единственно занятию посвященной. Все прежние мои годы были убиты, и, к несчастью, *не могло быть иначе*.

Арзамасцы говорят, что твоего письма в здешних журналах печатать не надобно, потому что *здесь* уже было объявлено в «Сыне Отечества» о мире, — не надобно самим нарушать его!⁹

12 января

150 экземпляров будут тебе присланы. Поклон Вере Федоровне и поцелуй детям и дружеское объятие Батюшкову. Не состряпал ли он чего-нибудь в Каменце?

Вот ему задача! Я начал было писать пародию из «Старушки» на Шутовского¹⁰ — ему, царю пародий, совершить этот подвиг. Моя начинается так:

Макар¹¹ сквозь сон в каморке прокричал:

Шутихин слышит и бледнеет!

Ужасну весть Макар ему сказал.
Шутихин в трепете потеет!
И вопит скорбно: Где мой дед седой¹²,
Ему соврать мне слово дайте!
Пора в театр!¹³ в исходе час шестой:
Скорей, скорей! не отставайте!
И к толстяку приходит дед седой —
Его услышал покаянье!
И Пролог он приносит под полой
Острожского изданья!¹⁴
Но лишь к одру подносит Пролог он,
Вся туша страшно застенала!
Как шум райка ея протяжной стон,
Как будто ложа засвистала!
«Ах, удали свой Пролог, дед седой!
Уже не в пользу мне читанье!» —
Был страшен вид его главы пустой,
И в пузе слышалось бурчанье!
«Вся жизнь моя в грехах погребена!
Я полоумной сочинитель!
Твоя ж душа от смысла спасена!
Ты будь от смысла мне спаситель!».

План этой пародии: вместо *погребенья* — *представление* пьесы, и распоряжение, чтобы она не упала. Где у меня стоит *и в первую ночь, на третью ночь*, в пародии должно быть *вот первой акт, вот пятой акт*. — *И он предстал, и слух об нем пропал навечно* должны быть сохранены.

Поздравь Карамзиных с соименным мне героем¹⁵, а Батюшкову скажи, что наконец он может петь песни, мы гвардейские солдаты, но теперь другие хлопоты: надобно выручить его прошение об отставке и предать его забвению¹⁶. Обнимаю всех вас и приглашаю в П<етер>бург, хотя сам собираюсь на ваши развалины.

Ж.

267.

Е. А. и М. А. Протасовым, А. Ф. и А. А. Воейковым

<Начало февраля 1816 г. Петербург>

Теперь спешу уведомить вас, милые, бесценные друзья, о том только, что я доехал, или, лучше сказать, дополз до Петербурга благополучно. Писать много оттого нельзя, что я еще весь в разгоне, езжу туда и сюда. На следующей почте

буду писать более на просторе. Меня здесь ожидала радость: Карамзин и Вяземский здесь¹. Увидеть их было весело и веселее более оттого, что и на душе стало веселее.

Вот что случилось со мною дорогою. Я простудился было и вообразил, что занемому не на шутку. Если бы это сделалось со мною *на дороге в Дерпт*, то, может быть, я еще этому бы и обрадовался. А теперь, напротив, это мне стало страшно. У меня руки развязаны делать *всё, что от меня зависит*, для Машина счастья. Маша, смотри же, не обмани меня! Чтобы нам непременно вместе состряпать твое счастье! Тогда и всё прекрасно! Прошу вас помнить, что вы должны иметь самую неограниченную, спокойную ко мне доверенность, — тогда всё пойдет порядком. Саша, милый дружок, поверь, что мы сладим с дурным прошедшим, и *в будущем* будет у нас покой и согласие. Всё это сделается, если только понимать будем друг друга как надобно.

Простите. Если наша Дуняша приехала², то прошу всех вас поочередно обнять ее за меня. Если бы я не прикован был к Петербургу своим изданием³, то полетел бы к вам немедленно. Во всяком случае, она должна меня дожидаться.

Воейков, прошу смотреть на наше вместе как на обетованную землю. Надобно непременно дойти до нее, а не заблудиться и пропасть в пустыне.

Прошу вас писать ко мне более и подробнее. Особенно Машу. Теперь некогда мне самому писать.

Мойера и Петерсона⁴ обнимаю.

268.

И. И. Дмитриеву

18 февраля 1816 г. <Петербург>

Милостивый государь Иван Иванович. Я имел удовольствие получить Ваше приятное письмо и Вашу книгу¹. От всего сердца благодарю Ваше превосходительство за бесценный подарок. Отсутствие мое в Дерпте² причиною тому, что отвечаю несколько поздно. Не почитаю за нужное уверять Ваше превосходительство в том, как высоко ценю всякий знак Вашей ко мне дружбы. Вам известно, как я привязан к Вам и каким почтением исполнен к Вашему характеру.

О себе имею честь донести Вашему превосходительству, что я здесь почти без дела. Занимаюсь изданием книги своей³; итак — почти ничем. Второй, и последний, том выйдет недели через две с половиною и тотчас будет доставлен Вашему превосходительству. Кончив это дело, поеду в Дерпт; а весною, может быть, загляну в Москву и буду иметь удовольствие посетить Вас в новом Вашем доме⁴. Из этого можете заключить, что еще моя странническая, или странная, жизнь не окончилась.

У нас здесь праздник за праздником. Для меня же лучший из праздников: присутствие здесь нашего почтенного Николая Михайловича⁵. Здесь все жаждут его узнать, и видеть его в этом кругу так же приятно, как и быть с ним, в его семье: он обращает в чистое наслаждение сердца то, что для большей части есть только беспокойное удовольствие самолюбия. Что же касается до меня, то мне весело необыкновенно об нем говорить и думать. Я благодарен ему за счастье особенного рода: за счастье знать и (что еще более) чувствовать настоящую ему цену. Это более нежели что-нибудь дружит меня с самим собою. И можно сказать, что у меня в душе есть особенно хорошее свойство, которое называется *Карамзиным*: тут соединено всё, что есть во мне доброго и лучшего. Недавно провел я у него самый приятный вечер. Он читал нам описание взятия Казани. Какое совершенство! И какая эпоха для русского появления этой Истории!⁶ Какое сокровище для языка, для поэзии, не говорю уже о той деятельности, которая должна будет родиться в умах. Эту Историю можно назвать *воскресителем прошедших веков бытия нашего народа*. По сию пору они были для нас только мертвыми мумиями, и все истории русского народа, доселе известные, можно назвать только гробами, в которых мы видели лежащими эти безобразные мумии. Теперь все оживятся, подымутся и получат величественный, привлекательный образ. Счастливы дарования, теперь созревающие! Они начнут свое поприще, вооруженные с ног до головы.

После Карамзина не следовало бы говорить о самом себе — но для чего же? Я желаю быть ему подобным в стремлении к хорошему. Во мне живо желание произвести что-нибудь такое, что бы осталось памятником доброй жизни. По сию пору ни деятельность, ни обстоятельства не соответствовали желанию; но оно не умирало, а только иногда засыпало. Если обстоятельства не сделались *счастливее*, то по крайней мере *лучше*, по крайней мере в отношении к нравственному лучше; вероятно, что буду более в ладу с самим собою, — это главное для поэзии. О фортуне же попечется Провидение.

Я должен кончить в такую минуту, когда перо было разговорилось. Простите, Ваше превосходительство. Иметь всегда ту привязанность к Вам, какую имел я и прежде в сердце своем, есть для меня счастье. Прошу Вас не переминать ко мне никогда бесценной Вашей дружбы. С совершенным почтением честь имею быть Вашего превосходительства покорнейшим слугою.

Жуковский

18 февраля 1816

269.

А. П. Юшковой (Зонтаг) и Е. П. Азбукиной

<Первая половина февраля (до 19-го) 1816 г. Петербург>

От вас нет писем — не грех ли? Вы должны знать, что у меня по вас в сердце кошки — и молчите. Благодаря Авдотье Ивановне Нарышкиной, которая писала к Марье Ивановне, и благодаря Марье Ивановне, которая писала к Елене Ивановне¹, я знаю, что Авдотья Петровна в Москве, была больна и скоро едет домой, — слава Богу! но для чего же Авдотья Петровна так упрямо молчит² и думает, что мне всё равно, что знать об ней, что не знать. Авось завтра хотя что-нибудь получу из Дерпта — а если не получу, — беда! Но Бог милостив! Он сохранит нас и нашего доброго друга, который совсем к нам немилостив, ибо из любви к нам забывает себя и еще думает, что это любовь, а я это называю ненависть! Напишите же ко мне поскорее, ради Бога! Вы называете меня ленивым, а сами ленитесь в такую минуту, в которую бы надобно писать в четыре руки. Мне не более двух строк надобно; но эти две строки будут благодеянием, лекарством от самой жестокой болезни — страха и неизвестности.

Еще раз повторяю: никому ни слова о содержании моих последних писем. Я и Елене Ивановне ни о чем не говорил. Сделать всё *известным* — значит всё *решить*; а надобно, чтобы всё было решено временем³. Я получил по последней почте от них⁴ письма: Саша всё больна, но у них довольно тихо. Я получил письмо и от Мойера. Не правда ли, мое положение одно из самых необыкновенных. Он говорит со мною о Маше; говорит *Marie gibt mir täglich mehr Beweise ihres Wohlwollens und Zutrauens*;* эта одна черта показывает хорошее сердце — она и ему, и мне делает честь. Что бы ни было, а я этому радуюсь и буду радоваться, несмотря на те минуты, в которые некоторые уродцы, о которых я писал на прошедшей почте⁵, будут выходить на сцену. Друзья, много прекрасного в душе человеческой, и жизнь наша дана нам только для того, чтобы выкопать из нее это прекрасное и дать ему силу, бытие, совершенство. *Gott befohlen!*** Обнимаю вас! У меня было бы ясно на сердце, когда бы от вас имел хотя бы одну утешительную строчку! Откликнитесь, безмолвные немки, то есть немые.

---

* Маша с каждым днем дает мне всё больше доказательств своего доброго расположения и доверия (*нем.*).

** С Богом! (*нем.*).

270.

А. П. Киреевской (Елагиной)

<Около 19 февраля 1816 г. Петербург>

Милая сестра, друг, бес, ангел; что Вы с нами делаете? Сейчас я получил два письма: одно от Анеты, а другое из Дерпта¹, в котором и Ваше описание этого ужасного путешествия². Провалиться под лед в 50 верстах от своего дома, простудиться жестоким образом, жить два дня в избе, потом ехать еще 200 верст, чтобы остановиться один только день и пускаться на 1 000 верст с болезнью, с опасностью потерять милую, бесценную жизнь, забыть из несравненной дружбы всё: и дружбу, и детей — таким ангелом-бесом можете быть только Вы! Как меня взволновали эти письма! Не знаю, радоваться ли, что есть такой несравненный человек, каковы Вы! Не знаю, можно ли позволять себе требовать Вашей дружбы, — это в иную минуту значит требовать и Вашего, и собственного несчастья. Получив эти письма, в первом движении я собрался было ехать в Москву; но перечитав их, остановился. Эти же странные письма и успокаивают. У меня здесь есть дела, которые и так были замедлены и приведены в беспорядок моим отъездом в Дерпт — отъезд в Москву всё бы расстроил. Маша же пишет ко мне, что она обо *всём* подробно уведомляет Вас³. Итак, Вам теперь всё должно быть известно. Из всех же приложенных писем Вы увидите, что мое присутствие в Дерпте необходимо. Я уехал оттуда скрепя сердце, и крепко досаую на необходимость, которая меня тащила оттуда. Надобно туда ехать как можно скорее, чтобы опять не перепортилось то, что кое-как поправлено. Поездка в Москву задержала бы меня там, вероятно, до весны; потом надобно бы было опять ехать в Петербург доканчивать начатое — когда же бы я поспел в Дерпт! Анета же пишет в письме своем, что ждет Вашего возвращения через неделю⁴ — Бог сохранил нас! Ради Бога, напишите поскорее! Письма Вашего буду ждать как благодати!

Псылаю Вам все письма, написанные к Вам в разное время! Они дадут Вам полное понятие о том, что случилось, и послужат дополнением к письму Маши. В моих письмах многое переменить бы надобно; я слишком жестоко обвинял Е<катерину> А<фанасьевну>⁵. По крайней мере, теперь не она, а их ужасное положение всему причиною. Слава Богу! что теперь из этого хаоса выходит свет. По-настоящему, мне бы надобно было тотчас ехать, получив первое письмо Маши⁶, — но я сам был обманут и не мог не обмануться! Я думал, что мое посещение будет не только бесполезно, но и вредно, что мне не дадут говорить с Машею свободно, что я буду принужден только безусловно согласиться или уехать, не согласясь ни на что и только прибавив своим присутствием к общему их страданию. Вышло напротив. Не знаю, совершенно ли уверена во мне тетушка, но, по крайней мере из моего обхождения с Машей, я имею право

так думать: я имел с нею полную свободу и каждый день проводили мы по часу вместе, одни, с глазу на глаз. Что, если бы не было давно этого подозрения, которое так рознило меня с нею? Давно бы всё было в порядке! Ни от кого не может она слышать того, что от меня, и никто не может так меня успокаивать, как она!

Всё так случилось, как я располагал перед своим отъездом и как писал в моем первом к Вам письме от 30 декабря, здесь же приложенном. Из разговоров с Машею я увидел, что она *не обманывает* меня, что она действует теперь не по принуждению, а из уверенности, что всё будет лучше, что она *надеется* этого лучшего! И не одни ее слова, но и собственные замечания убедили меня в этом! С Мойером говорил я откровенно, и он не только понял, но и угадал и предупредил мои мысли. Мы теперь с ним верные товарищи — цель наша прекрасная! Общее счастье! и это счастье называется Машею. Маша будет действовать свободно, всё отдано на ее волю; она знает, что я не теряю ничего, если она только найдет свое счастье, и она дала слово его найти, ничему собою не жертвовать, — это сделать она обязана, и в этом случае меня не обманет.

Приехав к ним, я нашел их совершенно несчастными! Воейков был точно как бешеный. По сю пору не могу его изъяснить. Маша думает, что причиною его поступков была ненависть к ней; я этого не могу понять! Думаю, что все прежние обстоятельства раздражили его. Об этом говорить долго, да и не нужно! Прежде своего приезда в Москву, во время болезни Машиной⁷, чтобы ее мучить, он давал надежду Мойеру; но как скоро она *на это* решилась, он начал всему противоречить; узнав, что она ко мне написала, он поскакал в Петербург и обманул меня и Кавелина рассказами об ужасных притеснениях⁸, которые ей делали, и я не мог не поверить этим рассказам — всё старое подтверждало их; возвратясь в Дерпт, он начал мучить их своими бешеными противоречиями, давая чувствовать, что так действует для меня (а я просил его только об одном — избавить Машу от притеснений и сделать так, чтобы она могла на всё свободно решиться). Пугал их беспрестанно — то самоубийством, то дуэлью с Мойером, то пьянством — каждый день были ужасные истории. Мой приезд всему положил конец; они увидели, что мои намерения были совершенно противны тому, что он говорил обо мне, да и письма мои, сколь ни огорчительны были для Е<катерины> А<фанасьевны>, в том же могли уверить. Я был только маскою для Воейкова; он боялся не моего несчастья, а только того, чтобы в семье своей не потерять той неограниченной власти, какую имел благодаря слабости Е<катерины> А<фанасьевны>. Во мне он увидел человека, который имел уже власть и возможность их защитить. Это его усмирило. Были и при мне попытки пугать их разлукою, дуэлью, пьянством и прочее — всё это не помогло, и его арсенал теперь совсем истрачен. Спокойствие восстановилось, но чтобы оно было постоянно, надобно быть мне с ними, по крайней мере несколько времени: меня он боится, мне верит, сколько может кому-ни-

будь верить; в моих руках его репутация, его связи с прочими его друзьями — всё это дает мне большую над ним силу. Но этого мало, надобно непременно восстановить спокойствие так, чтобы оно не разрушилось. И поверьте, что я теперь не дам бушевать ему.

Друзья, какое иногда божественное чувство подымает душу! и как весело его разделить! Что перед этим прекрасным чувством все эти маленькие безобразные уродцы, которые называются *желаниями для себя* и которые иногда выскакивают как пузыри и лопаются! Как прекрасно сказал недавно Карамзин (который теперь здесь), и он только выразил ясными словами то, что я чувствовал ясно: *нам должно думать не о совершенстве действий, а о совершенстве одной воли! Действия от нас не зависят, но воля есть человек!*⁹ Это совершенная правда! Я здесь уверен в своей *воле* и, к счастью, уже уверен на опыте. Я хочу, хочу перед Богом святого добра! Что нужды, что в иные минуты сам себя изменяешь и бываешь не похож на самого себя, — этим минутам я не верю; я знаю, что они минуты, что они должны скоро пройти! Карамзин, говоря о вере, сказал: мы не можем себе доказать бессмертия и существования Бога! но доказательства и не нужны! Здесь разум не действует!¹⁰ Кто *почувствовал* Бога и бессмертие, тот никогда не перестанет *верить*. То же можно сказать и о добре! Пожелав в *сердце* добра, никогда не потеряешь этого желания, что бы потом ни случилось, какие бы мысли ни забрели в голову — сторож хорошего есть воспоминание о хорошем. Я хочу добра, и не только хочу, теперь могу его сделать — руки развязаны! И какое же добро! С одной стороны, *устроить* счастье Маши: я теперь знаю, что она не может и не должна оставаться в том положении, в каком она теперь! Что за жизнь, которую она ведет! Нет свободы ни чувствовать, ни мыслить, ни действовать! Даже нет *своего угла!* во всё тяжелая, убийственная неволя! Как не пожелать для нее такого состояния, в котором она будет иметь всё нужное для ее сердца! Надобно только, чтобы прошедшее было ей другом, а не врагом, — и это мы сделаем. С другой стороны, *возвратить* Саше если не счастье, то по крайней мере спокойствие. Ее положение ужасное — она *знает* своего мужа. Но, к счастью, характер ее таков, что несколько времени спокойствия, ничем не нарушенного, может привести в забвение прошедшее. Всему этому теперь положено начало. Прежде, нежели всё решится, Маша узнает Мойера, привыкнет к нему, и всё, что *было*, не пропадет для нее, а только сольется с тем, что есть, в одно ясное, спокойное чувство. С Воейковым же я буду в ладу — теперь это возможно, я от него не завишу и ему уже ничем меня оскорбить невозможно, ибо судьба Маши не в его, а в моих руках, и теперь я, она и Мойер составляем тесный триумвират, которого цель есть общее счастье. Теперь зависит от меня сделать Воейкова если не добрым, то лучшим — надобно для этого забыть, что он человек, а обходиться с ним как с вещью, из которой можно и должно сделать полезное употребление. Быть с ним в ладу мне не трудно — а это будет ему по-

лезно, и в особенности полезно для бедной моей Саши, которая глядит на меня как на помощника и хранителя. Ему надобно оставить *доверенность к самому себе*; это зависит от того внимания, которое будешь ему показывать, — в этом случае прошу и вас всех со мной согласиться; сделанное зло им уже сделано — теперь он не может ничего к нему прибавить! и из этого зла выходит добро — Машино счастье, которое уж не от него зависит и которое без него устроится! здесь он в стороне! Но надобно думать о Саше¹¹. Итак, прошу Вас с ним обходиться с величайшею осторожностью; чтобы обхождение с ним не могло его раздражить, ибо всё это отдастся в сердце Саши. По-настоящему, его положение самое тяжелое; он должен быть в разрыве с собою; а при таком характере, каков его, это портит только душу! Надобно, сколько возможно, облегчить для него такое состояние.

Что же касается до меня самого, то нельзя же *вдруг* всё переделать. Но Вы за меня не бойтесь. Я вообще счастлив; последние три недели, проведенные мною в Дерпте, была самая богатая прекрасным чувством эпоха в жизни моей. Если я буду иметь с Машею ту свободу, какую имел в эти три недели, то всё придет в порядок и к лучшему. А эту свободу я иметь буду. Е<катерина> А<фанасьевна> слишком должна теперь быть уверена, что это для меня необходимо, и видела уже пользу от этого. Хотя она и не совсем входит в мои чувства и не понимает меня — но что до этого! Ведь не это моя цель! В этом случае я не имею в виду награды. Верьте, прошу Вас, что я счастлив! И не бойтесь за меня никаких тяжелых минут! Тяжелые минуты были и будут — но главное чувство пропасть не может! а в этом всё! Вот что я за собою заметил: всякий раз, когда я бывал с Мойером один, мне было грустно, но не о себе, а о Маше! всё приходила в голову мысль, что будучи с ним, она не будет иметь всего и может жалеть о прошедшем! И всё, что меня убеждало в противном, меня радовало! Теперь я более уверен и более на этот счет спокоен; а время всё сделает, и мы поможем времени. Кажись бы, хорошо, ан нет! во мне есть другой человек, которому бывает больно, когда он заметит привязанность Маши к Мойеру. Этот человек (сколько я заметил) бурлит более ввечеру, и думаю, что он живет в желудке!! Но он связан крепкими кандалами и осужден умереть с голоду — и он умрет непременно! И если жив еще Курилка, то оттого, что он слишком крепкого сложения! И знаете ли, что будет его убийцею? — что-то воздушное, бестелесное, живущее в нижеследующих каракулях:

Всё в жизни к великому средство!
И горесть, и радость — всё к цели одной!
Хвала жизнедавцу Зевесу!¹²

Можно ли изменить прекрасной цели? Можно ли не остаться верным доброду, высокому чувству? Прекрасное можно назвать жизнью, которая всё

жизнь! несмотря на болезни, которые нарушают ее порядок. А поэзия — славный громовой отвод! Теперь мне будет легче беседовать с моею музою! Даже и всё, что есть печального в моей судьбе, теперь не убийственно и близко своею породю к бессмертной музе! Поэзия, идущая рядом с жизнью, товарищ несравненный.

Вот мое расположение: кончив издание своих стихов, которого на беду никому постороннему поручить не могу, тотчас отправляюсь в Дерпт. Из приложенных документов (№ 12) — отрывок Машина журнала¹³, отданный ею мне в день моего отъезда из Дерпта, и при нем письмо Воейкова (№ 13), писанное в то же время, № 14 и 15 — письма, полученные мною в Петербурге¹⁴, Вы увидите, как это необходимо. Вы между тем уведоьте о том, что Вы хотите сделать, когда соберетесь к нам и когда должно мне приехать за Вами? Гораздо было бы лучше, когда бы я Вас и *проводил* из Дерпта, — я тогда мог бы подолее с Вами остаться. При свидании будем говорить о том, что для меня есть *одно из главных дел жизни*, — о воспитании наших детей. Я ждал и жду плана¹⁵ и, право, недаром сказал, что в этот план входит много моего будущего. Чтобы придумать что-нибудь основательное, надобно иметь этот план в руках — а Вы всё его не присылаете! Да Вы же еще боитесь мне *надоесть христианством!*¹⁶ Итак, прошу написать, когда Вы и как расположитесь к нам ехать! Теперь излишняя поспешность не нужна! Непременно надобно дожидаться хорошей и безопасной дороги; при этом же письме прислать обещанный план и всё прислать как можно скорее; а будущей почты буду ждать с величайшим нетерпением! Надеюсь, что она принесет мне от Вас добрую весть! Неужели Вы поленитесь?

Это письмо для всех вас трех, милые друзья. Теперь с Вами, милая Анета, поговорим о *делах*. Вы очень хорошо сделали, что отдали деньги мои секунд-майорше Киреевской. Но прошу Вас с нее процентов не брать. Вам должно быть известно, что я ей должен 1 000 рублей, данных ею мне на напечатание моих стихотворных околичностей¹⁷; и еще 1 000, данных ею Марье Николаевне Свечиной, которая дала на сию сумму вексель мне¹⁸, ибо получила деньги от меня; еще же 200 уплаченных ею за меня Ивану Никифоровичу и еще 450, заимствованных мною у ней в Москве, всего 2 650. Этот долг пускай будет уплачен из процентов. Марьи же Николаевны вексель я передам ей при свидании.

Прошу Вас, милая, быть моим душеприказчиком и заботиться о моих деньгах, как вздумаете, — на это я прямой поэт! И Ваша попечительность мне весьма благодетельна. Теперь я знаю, что у меня есть что-то *верное*. И Вы хорошо сделаете, когда до времени и вексель оставите у себя. Лучше мы всё распорядим, когда увидимся. Получили Вы свои экземпляры?¹⁹ Их послали к Вам во время моего отсутствия и для того они не надписаны.

Милая Катя и муж ее, что наша Авдотья?²⁰ и за что нет от вас ко мне ни строчки? Получили ли вы бумагу, мною к вам посланную, и *образец просьбы*

о получении грамоты и герба? При большем письме моем?²¹ Шепните вашему кривляке, чтобы он написал мне об этом строчки две. Крестницу свою благословляю и целую. Наталье Андреевне братское лобзание.

Прошу Вас показать все эти письма Плещеевым и шепнуть другу Негру, что я *белой книги не страшуся*. Но покажите их сами, а не посылайте. Не надобно, чтобы это было кому-нибудь, кроме Вас и их, известно. Ради Бога, не говорите ни с кем²², и от них прошу того же.

Простите, друзья, отвечайте скорее.

Ивана Никифоровича и Архиерея обнимаю. Елизавете Васильевне мое почтение²³.

Все документы *сберечь* и возвратить мне при свидании. Да нельзя ли мне прислать письма, которые обо всём этом пишет Маша?²⁴

271.

К. Н. Батюшкову

<Начало апреля 1816 г. Петербург>

Посылаю тебе назад Тибуллу¹; это на память обо мне. Сочинения М<ихаила> Н<икитича> печатать надобно начать. Я говорил в типографии. Корректуру буду присылать в деревню. Князь Вяземский взял у меня оригинал. От него обо всём узнаешь.

272.

А. П. Киреевской (Елагиной)

<12 апреля 1816 г. Дертт>

Я давно не писал к вам, друзья. Это служит вам доказательством, что я не пишу к вам не оттого, что о вас не думаю, а просто от лени. В теперешних обстоятельствах можно ли не беспрестанно думать о вас. Но и вы ленитесь не хуже меня? Уже давно не имею от вас ни словечка. Послушайте, милый друг Дуняша; что за вопрос: *неужели Вы так меня любите?*¹ На этот вопрос я отвечаю вопросом же: *можно ли в этом сомневаться?* И какую же минуту выбрали Вы для сомнения. Ту именно, в которую всё соединило мою душу с Вашею. И это Вам должно быть известно, понятно даже и тогда, когда бы у меня руки отсохли, когда бы я совсем перестал писать к Вам.

Ваша правда: мое положение необыкновенно!² Но я себя совсем не понимаю; мне до сих пор, с самого моего сюда приезда, нехорошо с самим собою! Почему нехорошо? Это нимало для меня не ясно! Знаю только то, что я ни разу не колебался в том, на что решился. Итак, мое *нехорошо* происходит не от противоречия тайного чувства с поступками! Они согласны! Это *нехорошо* со-

ставлено из разных мелочей, из *комарей жизни*, которые не дают наслаждаться прекрасным днем ее. Мое главное решено — но это еще ничто. Во всём, что меня окружает, столько нерешительного, столько противоречия, что мысли, чувства — всё идет кругом, и это самое тяжелое состояние. Сквозь этот туман проглядывает веселая надежда на Ваш скорый приезд. У нас с Машей один припев: скоро приедет Дуняша³.

С самого моего приезда сюда всё идет довольно тихо; историй нет, по крайней мере нет продолжительных. Но и согласия не бывало. Я почитаю для них необходимым жить *розно*⁴. Но как это сделать? Жить вместе было бы весьма легко, но с другими характерами и с другим прошедшим. Надобно бы было признать себя виноватыми, воспользоваться своим опытом и, узнавши причину дурного, истребить ее, чтобы нажить себе какое-нибудь счастье: этого никогда не будет! Тетушка и теперь видит себя одну несчастною и *всех* причиною несчастья. Ошибки ее для нее не существуют. Следовательно, и будущее не может перемениться. Получивши Ваше несравненное письмо, которое мне *возвысило* душу и было самою лучшею для меня наградой за всё, она сказала Маше: *как это письмо пристыдит Ж<уковского>!* Но это не удивило меня, даже не огорчило. К счастью, теперь я не зависим ни от кого в поступках своих; можно свободно хотеть *высокого добра* и даже для него действовать. А лучшая награда — собственное одобрение и одобрение тех, которые *понимают*. Моя цель (и Ваша) — сделать возможное, чтоб Маша была счастлива и чтобы она вышла из того убийственного положения, в каком она теперь. Приезжайте. Будем об этом хлопотать вместе. При Вас, думаю, и мое *нехорошо* поправится. Я говорю Маше, что она должна видеть в нас двух отца и мать, из любви к нам устроить как можно лучше судьбу свою, *быть счастливою и стоить счастья*. Приехавши, Вы увидите, что надобно делать. Сказать этого теперь никак не умею. С Мойером мы совершенно согласны в образе мыслей и чувств; между нами нет ни малейшей принужденности, ни малейшего недоразумения; мы говорим свободно об нашем общем деле, о счастье Маши — такой черты довольно, чтобы дать понятие и о его характере. Но между тем всё идет не так, как бы хотели и он, и я; он каждый день бывает вместе с Машею, но эти частые свидания их не сближают, ибо всегда принужденность. Тетушка довольна тем, что есть, и так же теперь готова ручаться за Машино счастье, как прежде за счастье Саши. Но ни я, ни Мойер этим не довольны. Нужно, чтобы уверенность для нас была совершенная, основанная на взаимной свычке, на знании друг друга. Этого еще теперь нет — но это сделать необходимо нужно. Приезжайте. Вместе всё устроим. Но это *приезжайте* пугает меня. Вы опять наделаете каких-нибудь восхитительных дурачеств. Я бы шепнул Азбукину: проводи ее! Но Бог знает, будет ли это ему возможно. Вы поедете с детьми и будете осторожнее — это успокаивает насчет дурачеств.

Милая Анета, милая Катя, добрые, бесценные друзья, я к вам не пишу особенно. И это не нужно. Но давно нет от вас ни строчки — это нехорошо. Целую вас обеих в уста и в очи. Когда-то мы будем *вместе!* Кажется, что в этом слове *всё* заключается.

Азбукина обнимаю. Прошу его поклониться от меня дружески сестре Наталье. О его деле оставил я в Петербурге хлопотать Жихареву.

273.

А. И. Тургеневу

12 апреля <1816 г.> Дерпт

Дерпт. Апреля 12

Податель этого письма есть доктор Лебрен, учившийся в здешнем университете¹. Он едет в Петербург искать себе места и просил меня дать к тебе рекомендательное письмо. Ты очень обяжешь меня (хотя не очень надеюсь, чтобы твоя беспечность дозволила тебе меня обязать), если постарайшься помочь ему в приискании какой-нибудь должности. Он учился очень хорошо и имеет много способностей, с большими сведениями. Я думаю, что он хочет служить по части финансов. Будучи знаком с Гурьевым², ты можешь его смело рекомендовать, как человека весьма способного, министру. Прошу тебя сделать для него, что можешь.

Что у вас делается? Отчего не имею от тебя ни строчки? Имеешь ли известие о Карамзине? Я еще ни за что не принимался по той причине, что еще нет у меня горницы, — скоро поспеет, тогда и за работу.

Прости. Обними Блудова. Будут и вам письма, и прекрасные письма, но не теперь.

Ж.

P. S. Воейков собрался ехать в Киев и в Крым. Он просит рекомендательных писем к архиепископам Киевскому, Черниговскому и Псковскому. Пришли их. Это путешествие, вероятно, мечта, но если оно сбудется, то эти письма могут быть ему полезны. Ты должен их написать для его жены, которая с ним едет, и для меня. Не откажи в этом.

274.

Г. Р. Державину

17 апреля <1816 г. Дерпт>

17 апреля

М<илостивый> г<осударь> Г<аврила> Р<оманович>. Спешу исполнить обещание, данное мною В<аше>му в<ысоко>пр<евосходительст>ву; посылаю немецкий перевод Вашей оды «Вельможа». Переводчик есть студент дерптского университета г. Борг¹. Он хорошо знает русский язык. Вероятно, что он переведет и еще многие из стихотворений В<аше>го в<ысоко>пр<евосходительства>. Но верно то, что их оригинальный характер не может быть выражен ни в каком переводе. Свидетелем этого прилагаемый здесь опыт. Перевод верен, но далек от оригинала.

Пользуюсь сим случаем, чтобы принести В<аше>му в<ысоко>пр<евосходительству> сердечную благодарность за несколько счастливых часов, проведенных в беседе с Вами. Видеть великого поэта Екатерины в России было для меня счастьем. Смею надеяться, что В<аше> в<ысоко>пр<евосходительство> иногда удостоите своего воспоминания человека, привязанного к Вам искренно, хотя и весьма недолго имевшего счастье пользоваться Вашим знакомством².

Примите уверение в совершенном высокопочтении, с коим честь имею быть В<аше>го в<ысоко>пр<евосходительства> покорнейшим слугою.

Жуковский

275.

П. А. Вяземскому

26 апреля <1816 г.> Дерпт

26 апреля. Дерпт

Что сделалось с тобою? Ты не пишешь ко мне и не отвечаешь на письмо мое. Придется мне написать к Демиду¹ такое же послание, какое получил от тебя Лаврушка². Я здесь живу как будто совершенно от всех вас отчужденный. Если и доходят до меня слухи, то единственно горестные: недавно уведомили меня, что наш почтенный Староста *Вот я вас* осрамил себя и Арзамас дурными стихами и что он за это в экстраординарном заседании отставлен от должности Старосты и переименован *Вотрушкою*³ и отдан на съедение Эоловой Арфы⁴. Кстати об Арзамасе: переписаны ли речи и протоколы? Прошу прислать мне оригиналы.

Что ты пишешь? Что пишет Батюшков? Уведомь. Я еще всё только хочу писать.

Что Николай Михайлович? Собирается ли в Петербург и когда полагает быть там?⁵ Посылаю ему перевод Геца *его исторического отрывка о мятеже при Ал<ексее> Мих<айловиче>*⁶. По этому опыту может он судить о его слоге и (если не сделал никакого распоряжения в рассуждении перевода на немецкий язык своей Истории⁷) может решить, способен ли Гец взять на себя этот труд. Прошу тебя сказать ему мое почтение и Екатерине Андреевне. Отдай поскорее ему этот перевод и уведошь меня.

По слогу моего письма можешь судить, что я пишу *нехотя*. Напиши ко мне, чтобы пробудить мою охоту. Но если пишу к тебе мало, то люблю тебя много.

Обними Батюшкова. Тебе кланяется к<нязь> Григ<орий> Гагарин⁸. Он уехал в чужие края. Я виделся с ним в проезд его через Дерпт.

Твой Жуковский

276.

Ф. Гизе

1 мая <1816 г.> Дерпт

Ваше высокоблагородие г<осподи>н
декан философского факультета и господа члены.

Глубокоуважаемые господа!

С благодарностью и радостью принимаю я присланный мне почетный диплом доктора философии¹. Я усматриваю в этом почетном свидетельстве не столько награду, сколько поощрение, и это должно возложить на меня святую обязанность: всё больше стремиться быть полезным и всё увереннее следовать своей цели. Высокий знак Вашего внимания, мои достопочтенные господа, разрешите мне принять поэтому как знак Вашего дружественного мнения. Искреннее внимание и уважение воодушевляют меня.

Ваш покорнейший Жуковский

Дерпт, 1 мая

277.

А. П. Киреевской (Елагиной)

<Конец мая (до 23-го) 1816 г. Дерпт>

На мои два письма нет от Вас ответа, милая сестра; одно адресовано было на Ваше имя, другое на имя Анеты¹. Или письма пропадают! Это истинное несчастье для такого лентяя, как я. Между тем Вы на меня как будто сердитесь, и в Ваших письмах к Маше² такие есть выражения на мой счет, которые навоят на душу туман. Неужели я могу потерять сколько-нибудь в Вашем сердце.

Правда, этого мне и можно бояться. Вы слишком высоко обо мне думаете и судите обо мне не по мне, а по собственному своему идеалу, на мой счет составленному, украшенному Вашим сердцем, единственным, которым только издалека можно пленяться! Но возвыситься до него трудно; а потерять в нем страшно. Я говорю не шутя: Ваше *слишком* хорошее мнение обо мне часто пугает меня; я желал бы, чтобы оно было не так высоко и чтобы, несмотря на это, то чувство, которое есть следствием этого мнения, то бесценное чувство дружбы сохранилось неизменным. Но погодите; при Вас, и с Вашими письмами в руках, мы поговорим обо мне, и эти письма послужат для меня масштабом того, что я есть, — казаться *лучшим* тяжело, особливо в глазах тех, кому желаешь быть дорог со *всеми своими недостатками*.

Между тем есть и некоторые злодейские выражения в этих письмах, за которые надобно побраниться. Всё это до свидания. Но за одно выражение обнимаю Вас: в последней записке стоит Христос с *тобою*!³ так должно говорить Вам мне! Мы никогда не были ближе друг к другу, как теперь, — даром что редко пишется! Обнимите ж за меня таким же образом и Анету, и Катошку, и мою маленькую Дуняшу⁴, и наших трех друзей⁵, об которых часто, часто думаю. Для Вани и Петруши у меня есть в виду человек — одаренный необыкновенным гением, живым сердцем и большой ученостью, не сухою, школьною, но одушевленным чувством; я с ним знаком коротко, но боюсь решиться⁶. Знаю, что он был бы Вам приличен; но боюсь его живости — не помешала бы она порядку в воспитании; боюсь, что он может *наскучить* таким делом, которое должно непременно продолжиться несколько лет, по одному плану; боюсь, но в то же время уверен, что это занятие было бы спасительно для него самого; он не имеет никакой определенной деятельности и между тем теряется в желании действовать с пользою, и это неудовлетворенное желание только расстроивает душу его и заставляет его ссориться с жизнью. Я постараюсь узнать его образ мыслей насчет воспитания. Если же он может решиться взять на себя это дело, то ни в чем нельзя ему быть счастливее, как в Вашем, ибо Вы будете в состоянии понять и ему содействовать! А цель: *образование таких милых сердец, какими Бог наградил Ваших детей*, — должна быть удовлетворительна для души высокой. И для этого нужно Ваше присутствие. Здесь я не говорю об этом никому; с ним говорить также не буду; всё еще одна только вероятность. А Вы и не думаете присылать мне своего плана; по крайней мере привезите его⁷. Он послужит нам ариадниною нитью.

Теперь слова два о том, что здесь делается. Со времени моего приезда бури миновались. Воейков и Саша едут; он в Крым, она только до Киева⁸: не пугайтесь, я думаю, что это путешествие принесет пользу, и сама Саша желает его: оно их сблизит, и всё *старое* будет более забыто. Это необходимо, а здесь невозможно. Временная разлука будет пластырем.

Я уверен, что будущее может быть *лучше*; нужно только не отчаиваться. Слава Богу, что Воейков имеет ко мне доверенность; он выслушивает от меня *всё* и в некотором меня слушается. Чтобы он сделался *лучше*, надобно, чтобы он почувствовал истинную цену жены своей: я надеюсь, что это возможно, и он *знает сам*, что это для него необходимо, что в этом его счастье; не надобно его покидать, не надобно терять с ним бодрости; — насчет Маши я беспокоюсь менее. Мойеру можно верить совершенно. Прекрасный характер. Меня беспокоит только тот круг, в который она войдет, — надобно, чтобы она была сколько можно менее зависима от родни его; чтобы вся ее зависимость была *от него единственно*; тогда можно поручиться за тихую, ясную жизнь: она будет иметь с ним всё, что должно для ее сердца. О себе не говорю ни слова: я часто бываю недоволен собою. Это разберем при свидании.

Азбукина обнимаю и браню за подражание, слишком рабское, моей лени. Бумаги его я оставил в Петербурге у верного человека, к которому писал о том, чтобы хлопотать о грамоте⁹. Вот что он пишет мне в ответ: «выхлопотать грамоту можно, но это продолжится год, а может быть, и два, ибо государю редко подносят грамоты к подписанию, да и подносимые остаются по году и более в кабинете». Что с этим делать? Хлопотать ли или нет? Жихарев, которому я поручил это дело, едет на несколько времени из Петербурга. Я хочу взять у него бумаги назад и возратить их ему, когда он сам возвратится. В противном случае могут затеряться. Впрочем, спрошу сперва, не может ли у себя оставить копии за скрепою, а оригинал возратить. Простите, друзья. Экземпляр высылаю.

À propos*. Вчера получил я от императрицы Е<лизаветы> Алекс<еевны> перстень¹⁰, который, *comme de raison*** , подарил Маше.

278.

С. П. Жихареву и А. И. Тургеневу

<Около 23—24 мая 1816 г. Дерпт>

Милый друг Жихарев, обнимаю тебя за твои дружеские хлопоты¹. Вот тебе ответ на твой запрос: нельзя ли для верности оставить в Герольдии одни *копии за скрепою* с тех бумаг, которые ты получил от меня, а оригиналы мне возратить? Я думаю, что эти копии могут такими же служить документами, как и оригиналы. Если же это ты сделать можешь, то одолжишь меня чувствительно. Я очень боюсь, чтобы эти бумаги как-нибудь не затерялись в твоём отсутствии. Если же копии не захотят, то возврати бумаги мне; я их тебе опять доставлю по прибытии твоём в Петербург, и тогда похлопочи с обыкновенным твоим усердием.

* Кстати (*франц.*).

** Как и следовало ожидать (*франц.*).

Благодарю тебя за дружеское твое *снисхождение* к моим карманным причудам. Оно весьма, весьма для меня благоприятно и весьма *вовремя*.

Надолго ли ты едешь из Петербурга и куда? Но куда бы ты ни поехал и где бы ни сидел, люби меня по-старому, по-арзамаски, как я сам тебя люблю. Не сердись, однако, на мою лень писать письма; в этом случае я достиг совершенства. Прости.

Твой Жуковский

Тургенев! Я получил перстень и письмо от Лонгинова².

Я не пою *дорога твоя любовь!* ибо не знаю, на какой голос это петь надобно³. У тебя есть Лаврушка, у меня Максим⁴. Кому же из нас нужно более терпения? У тебя болит желудок, и у меня также.

Ты пухнешь, а я худею.

Ты имеешь много дела и ничего не делаешь и только радуешься этим, потому что имеешь предлог не исполнять того, что тебе поручают, то есть: не думать о некоторых французских пленных лекарях, которые просятся домой⁵, не писать писем к архиереям, не присылать моих печатных стихов⁶ и прочее и прочее.

Радость моя, напиши к Евгению⁷; напиши к Киевскому архиерею⁸. Твои письма могут быть полезны *жене* Воейкова; *он* поедет в Крым, а *она* останется в Киеве и, может быть, ей нужным будет в чем-нибудь архипастырское пособие. Но *напиши тотчас* по получении письма моего и посылай прямо в Псков и Киев, ибо Воейков едет через четыре дня из Дерпта, и здесь твои письма его уже не застанут. Обнимаю тебя до первой охоты писать. Обнимаю Блудова и Кавелина. К ним буду писать на одной из следующих почт. Я скоро поеду осматривать некоторые места Лифляндии. По возвращении буду писать более.

К Лонгинову буду писать после почты.

279.

Н. М. Лонгинову

<24 мая 1816 г. Дерпт>*

Прошу Вас покорнейше быть изъявителем моей всеподданнической благодарности перед лицом Его Императорского Величества¹ за милостивое обо мне воспоминание.

Если поэзия может быть возвышена какою-нибудь наградой, то внимание Ее Величества есть, без сомнения, награда высочайшая. Кто из русских не гордится именем Ее подданного. И для кого мысль об Ней не соединяется с восхитительною мыслью о добродетели самой чистой? Привлечь внимание несрав-

ненной монархини есть честь завидная, стоить его есть счастье. Не имея права на таковое счастье, горжусь оказанною мне честью.

Примите заверение в моем совершенном почтении, с которым честь имею быть

Ж.

280.

А. И. Тургеневу

<Начало июня 1816 г.>

Посылаю тебе экземпляр Берговых «Писем»¹. При нем письмо к князю² и также экземпляр. Князь, как тебе известно, требовал, чтобы Берг доставил ему свою книгу прежде публикации. Прошу тебя быть в этом случае ходатаем Берга. Я читал его письма. В них не только нет ничего, могущего возмутить правоверных, но, напротив, много такого, что может подкрепить веру. Последние письма (13—17) заключают в себе мысли, возвышающие душу. Я уверен, что и над тобою произведут они то же действие, какое произвели надо мною. Прошу обратить на них особенное внимание князя и вообще прошу быть защитником Берга. Я ручаюсь тебе, что он совершенно удален от всякого шарлатанства. Для него важно весьма *выдать* эту книжку: первое, потому что она напечатана в пользу бедного семейства, второе, и потому, что теперь, если ее запретят, может это навлечь на него какое-нибудь незаслуженное подозрение в мнении общем. Не поленись прочитать сам эти 120 страниц. Увидишь, что в них нет ничего противного общему порядку. За верность же *всех* описанных обстоятельств я отвечаю тебе; некоторые очевидные свидетели мне знакомы, и всё то утверждают своим свидетельством, о чем говорит автор. Одним словом, не откажи мне употребить всё *возможное* тебе старание в пользу человека, достойного всякого почтения и мне особенно любезного. Это сочту знаком дружбы и позволяю за это совершенно забыть о стихах моих. Я желал бы, чтобы ты, *прежде* нежели отдашь письмо Берга князю, прочитал его книжку и сказал князю об ней свое мнение. Я уверен, что твое мнение не может не быть в пользу Берга; оно, вероятно, будет иметь влияние и на князя. Отвечай, прошу тебя, на это поскорей и постарайся, чтобы Берг *поскорее* мог получить разрешение.

Ж.

Благодарю за рекомендательные письма. Воейков уже уехал, и в Псков письмо *опоздало*. Но я и это прошу, если только не поленишься хорошенько хлопотать о Берге. Эпитафию пришлю тотчас по получении *ответа* и рисунок³.

281.

А. И. Тургеневу

<Середина июня 1816 г. Дерпт>

Ты прислал ко мне два письма из Петербурга — я получил их¹; но при них нет от тебя ни строчки. В некоторых вещах ты имеешь удивительное постоянство; особенно в общей нам добродетели — в лени. Неужели не мог ты сказать мне о себе ни слова? По крайней мере хотя бы уведомить меня о судьбе моих стихов².

Я о себе теперь не буду тебе рассказывать ничего. Надобно входить в подробности, а мне надобно написать еще несколько писем. Скажу только одно: будь на *мой* счет совершенно спокоен. Я теперь точно таков, каким мне быть *должно*, и это не стоит мне никакого усилия. *Решительность* — всемогущий чародей; она может переменить душу. Но об этом буду писать к тебе много, и это *нужно* (то есть писать к тебе), дабы самому для себя объяснить всё как можно лучше. Мне здесь хлопот будет довольно. Но могу только поручиться за одну добрую волю свою, и буду, помня слова моего евангелиста, то есть Карамзина, думать только о том, чтобы ее совершенствовать³, оставляя всё прочее на волю Провидения, ибо всё прочее принадлежит ему так же неограниченно, как наша воля, способная совершенствоваться, принадлежит нам. Во всяком искусстве, во всякой науке (сказал, не помню, кто) надобно иметь два или три главных фундаментальных правила, таких, которые бы можно было применять ко всем или почти ко всем случаям. Жизнь — искусство. И вот два правила, которые едва ли не ко всему пригодятся: *совершенствуй волю — всё в жизни к прекрасному средство*⁴. Первое есть цель всей жизни; последнее может служить масштабом для всякого случая жизни. Нет такого положения, счастливое ли оно или несчастное, которое не могло быть средством к прекрасному.

Но полно философствовать. Голова болит, и я чувствую, что слог этого письма пахнет Глинкою⁵. Предлагаю тебе нечто, могущее служить средством к прекрасному: *выхлопотать свободу Фору и уведомить меня о том, что ты сделал по письму Берга*⁶. *Если ж ничего не сделал, то сделать. Прекрасное* для тебя в этом случае: победа над ленью и рассеянностью, услуга добрым людям и мне одолжение.

Обними за меня Блудова, и Кавелина, и Уварова. Приложенное письмо отдай Жихареву⁷.

282.

А. И. Тургеневу

<Конец июня 1816 г. Дерпт>

Ты пишешь ко мне очень коротко и спешишь без памяти дописать.

Так точно и я буду писать к тебе.

Мало того, что Фору обещана свобода, надобно дать ее. Тебе стоит черкнуть два раза пером или заставить Боголюбова¹ черкнуть, чтобы выхлопотать для человека то, от чего, может быть, зависит его судьба. Черкни же.

Ты ленивец, обвиняешь ленивца Сиверса²; между тем экземпляры бедного Берга лежат и гниют. Крикни на Сиверса. Это еще легче, нежели написать записку.

Пришли стихи и скажи слова два о празднике³.

Обними Блудова и вели ему написать ко мне.

Чтобы разделаться со скукою, вспомни наш последний разговор и исполни то, что мы думали вместе. Я здесь оживаю, но надолго ли? Увидим.

Деятельность = жизни
Я = твой
теперь = навсегда.

1. *NB.* Все мои письма для тебя, Блудова и Кавелина и наоборот.

2. *NB.* Объятие Уварову, Северину, Жихареву.

283.

П. А. Вяземскому

29 июня <1816 г.> Дерпт*

Дерпт. 29 июня

Милый друг, твое несравненное письмо от 24 апреля получил я в половине июня. Черт знает что сделалось с почтою; все письма пропадают. Ты напрасно делаешь, что посылаешь мои письма через Петербург. Адресуй прямо на мое имя в Дерпт. Я буду получать верно. Известие твое о смерти прелестной Александрины¹ тронуло мое сердце, а то чувство, с каким ты говоришь об ней, заставило меня еще более полюбить тебя. Потеря ее как будто и для меня потеря. Я помню, когда мы вместе с тобою остановились у ее дверей. Она велела тебе сказать мне, чтоб первая баллада, которая будет мною написана, была посвящена ей: я исполню это завещание. Прекрасное — предмет поэзии; а что же прекраснее души, которая выше всякого страдания здешней глупой жизни.

Я еду в Ревель². Оттуда буду писать к тебе, друг милый, добрый и благородный. Эти три наименования даю тебе от полноты сердца, совершенно к тебе

привязанного. Я писал к тебе мало оттого, что во всё это время странствовал и теперь еще буду целые два месяца странствовать: сперва в Ревель, оттуда поеду по некоторым лифляндским провинциям, осматривать здешние древности, которых здесь довольно.

Получил ли ты все экземпляры? У тебя должно быть 150. Если от первой части есть в остатке 8 экземпляров, то прошу тебя немедленно отправить их в Петербург и адресовать на имя е<го> б<лагородия> Василья Тимофеевича Кашкина^{3#} (# В доме главной аптеки, близ Мраморного дворца, в Большой Миллионной). Он сделал глупую ошибку: десять экземпляров, на которые подписался граф Румянцев⁴, отдал другим подписчикам и у него теперь нет ни одного экземпляра, итак, прошу тебя доставить ему поскорее 8 экз<емпляров>; остальные два посылаю я. Если все экземпляры второй части получены тобою, то и из них пошли 8 экз<емпляров>. Если же не все, то я напишу к нему, чтобы это число у себя оставил. Хорошо бы ты сделал, когда бы похлопотал об исполнении моей давнишней просьбы. Что отвечал тебе Каченовский?⁵ Ни от него, ни от тебя нет мне никакого ответа. Адресуй и письма, и деньги (если будут) прямо в Дерпт на мое имя. Прости. Батюшкова обнимаю.

Жуковский

Если у тебя уже нет ни одного экземпляра, то прошу тебя немедленно уведомить об этом Кашкина, дабы он тебе все экземпляры сполна мог доставить. Черт поberi подписку! Никогда впредь не возьму ничего выдавать по подписке.

284.

Г. Р. Державину

<29 июня 1816 г. Дерпт>

М<илостивый> г<осударь> Г<аврила> Р<оманович>. Я имел честь получить письмо В<ашего>го в<ысоко>пр<евосходительства> и приложенный при нем экземпляр Ваших сочинений¹. Отвечаю несколько поздно по той причине, что меня не было до сих пор в Дерпте: и письмо и экземпляр доставлены туда в мое отсутствие. Приношу мою сердечную благодарность за драгоценный Ваш подарок. Ваши стихотворения — школа для поэта. Но, читая их, только скорее научишься узнать собственную слабость свою. Искусство бессильно; оно никогда не поспеет за гением. Вам назначено быть неподражаемым.

Примите уверение в том почтении, которое питаю к Вам в глубине сердца. Честь имею быть В<аше>го в<ысоко>пр<евосходительства> покорнейшим слугою.

Василий Жуковский

285.

А. П. Киреевской (Елагиной)

<4 июля 1816 г. Дерпт>

Я сейчас возвратился из путешествия в некоторые Лифляндские стороны¹ и получил Ваши письма, милая сестра. На них короткий ответ:

Обнимаю Вас от всего сердца за то, что Вы к нам *не едете*. Я боялся до смерти, что эта поездка будет Вам дорого стоить; что Вы себя расстроите и тогда какое было бы горькое чувство знать себя этому причиной. *Не ехать* есть тяжелое для Вас пожертвование и как не чувствовать к Вам благодарности за это пожертвование.

На счет наш будьте покойны, всё идет очень хорошо. Я теперь *уверен*, что Маша будет иметь *возможное* счастье. То, что я писал к Вам прежде, было справедливо, но только тогда, когда я писал. Теперь всё уладилось². Писать о таких обстоятельствах никогда не должно. Вечно напишешь не то, что есть, ибо нельзя написать *всего* совершенно. Не имейте на счет наш ни малейшего страха. Я желал бы, чтобы Вы побыли здесь только *для того, чтобы успокоиться* совершенно. Поверьте *мне* и будьте спокойны.

Об человеке, которого я имел в виду³, думать нечего: он имеет величайшие способности, великий ум и знания, необыкновенную душу; но *вверить* ему воспитание нельзя, ибо я не могу поручиться за его постоянство и терпение. Если их не будет, то все его качества, сами по себе прекрасные, не будут ни сколько полезны детям и еще могут быть им вредны. У меня есть еще человек в виду, менее блестящий, но, может быть, более надежный. Знаю его по одним хорошим рекомендациям; но постараюсь узнать его лично. Тогда и решусь на что-нибудь.

У меня в голове бродит великий замысел, но об этом *поговорим*.

Когда *поговорим*? — Я буду к Вам после возвращения Саши в Дерпт!⁴ Дождаться ее необходимо. Без меня будет здесь опять каша. Устроив всё, отправлюсь к Вам. И тогда *поговорим*.

Прошу быть осторожнее в Ваших ко мне письмах. Их без меня распечатывают. И едва последнее письмо Ваше не попало в руки. Тогда была бы порядочная история.

Мы нынче едем в Ревель, где пробудем полный месяц и будем плавать в морской воде, укрепляющей душу и тело. С берегов Балтийского моря будет к Вам от меня первая весть.

Анета, Катя, Вася, целую вас. Дочка моя крестная, милая моя незнакомка, благословляю ее! Ванюша, Петушок и Машинька, милые мои друзья, всех вас крепко прижимаю к сердцу и люблю. Осенью или зимою я с вами. Милая Наталья Андреевна, здравствуйте⁵.

Анета милая, благодарю Вас за Ваши *материнские* хлопоты обо мне⁶. Хорошо мне жить у Вас за душу. Буду об этом писать из Ревеля. Получили ли Вы вторую часть? И нравится ли Вам мое издание?

Скажите, ради Бога, отчего ни одна из вас так давно ни слова о нашей Марье Алексеевне? Когда увидите ее, напомните ей обо мне, как о человеке, который всей душою любит ее. Напомните обо мне и Елене Ивановне⁷.

286.

А. И. Тургеневу

<4 июля 1816 г. Дерпт>

Милый друг, два слова, ибо писать более некогда: я укладываюсь, еду со *своими*¹ через два или три часа в Ревель; писать надобно еще много писем, и все будут самые краткие. Ты должен одолжить меня весьма много. Напиши вторичное письмо к киевскому архиерею, в котором попроси его оказать в *случае нужды* помощь Александре Андреевне Воейковой. Прошу тебя не полениться и тотчас написать это письмо. Она теперь в Киеве²; осталась там одна; могут случиться такие обстоятельства, в которых ей нужна будет помощь; может случиться недостаток в деньгах и пр. и пр. Письмо свое адресуй следующим образом: *его высокоблагородию Ясону Савичу Бажанову*³, *господину почтмейстеру в Киеве, для передачи Александре Андреевне Воейковой*. Можешь написать к ней самой два слова; в этот пакет вложи письмо к архиерею, дабы вместе с твоим письмом могла она к нему явиться. Это на случай; может быть, и не будет нужды твоим письмом воспользоваться. Если же оно пригодится, то для тебя же лучше: ты окажешь тогда помощь лучшему в свете творению.

Обо мне не беспокойся. Мои обстоятельства хороши, ибо всё идет как *должно*.

Когда увидишь Николая Михайловича, пожми хорошенько его милую руку, и Екатерине Андреевне⁴ скажи мое сердечное почтение. Через Дерпт проехал граф Сергей Петр<ович> Румянцев⁵. Он был у меня, потом я просидел у него целый вечер с Моргенштерном и Парротом⁶. Мы много говорили о нашем Николае М<ихайловиче>, которому он кланяется. И Полетика⁷ был у меня; я благословил его в путь. Жаль мне очень, что не увижу Софьи Петровны⁸. Я буду на дороге в Ревель в то время, когда она проедет через Дерпт. Так же точно пропустил я и княгиню Гагарину⁹; меня не было в городе. Июль и август весь проведу в странствии. Июль — в Ревеле; август — в Венденской округе, в которой буду бродить по развалившимся замкам, из которых некоторые весьма живо напоминают кротости блаженного царя Ивана Васильевича¹⁰.

Обними Блудова, Уварова и Кавелина, Жихарева-кавалера¹¹ и Северина. Что ж Жихарев не скажет мне ни слова о бумагах Азбукина?¹²

Уткин¹³ просил тебя похлопотать за него у князя Голицына. Сделай это, прошу тебя. Приложенное письмо к нему перешли поскорее. Нужное. Я не знаю, где он теперь: в доме ли Катерины Федоровны¹⁴ или в Академии. Похлопочи об пересылке.

287.

А. А. Воейковой

5 июля <1816 г.> Ревель

5 июня. Ревель

Вот мы в Ревеле¹, милая моя Саша. Как мы все разъехались! Года два тому назад можно ли было нам вообразить, живучи в Муратове в одной кучке, что мы так разбредемся, что между тобою и нами будет почти целая Россия. Между тем как ты сидишь на берегу Днепра — весела ли, здорова ли, Бог знает! но Он у тебя добрый сторож!

Мы весело сидим на берегу Балтийского моря. Оно у нас под окнами; мы еще не видали его во всей красоте, ибо небо пасмурно, осенний дождик портит лето, но всё оно, как новое, величественное явление, имеет большую прелесть. Перед нами целый ряд военных кораблей, правда, неоснащенных, и некоторые из них уже инвалиды, но всё вид прекрасный. За этим фрунтом морских великанов поднимается на крутизне Ревель; над кучею домов старинная крепость с башнями — на горизонте синеют острова и мелькают корабли, уходящие и приходящие, — с другой стороны крутой берег, каменный и голый, и к нему примыкает прекрасный Екатерининталь, с прекрасными каштановыми деревьями, кленами, дубами и дворец Петра Великого². На дворе у нас также садик, прекрасный, тенистый. А в домике нашем одушевленная радость-Катюшка, которая так же, как и все мы, купается в морской воде. Всё это очень хорошо — но где же ты? и когда мы увидимся? Я воображаю тебя за рисованием, в маленьком домике, с грустью, но без скуки. Пускай же сидит подле тебя *Надежда*, не надежда-фантазия; но сестра смиренная, тихая, источник великого, причина веры и добродетели, нам бодрость, и мужество, и силу дающая. Она не будет говорить *чего* и *когда* ждать тебе, но будет твердить, что *верно* желанное будет, и что доброе никогда погибнуть не может, и что всё в жизни к прекрасному средство³. И с кем ей говорить, как не с тобою! Одно условие: не терять бодрости. Прости, дружок; обнимаю тебя от всего сердца. Мне много надобно поговорить с тобою и *о себе*! Но дай собрать мысли. Где теперь твой муж, есть ли от него вести?⁴

288.

А. И. Тургеневу

17 августа <1816 г.> Дерпт

17 августа. Дерпт

Я опять в Дерпте и спешу тебе отвечать. Я получил твое письмо в Ревеле. Не вини меня, милый друг, что отвечал тебе не тотчас; ты знаешь, что обыкновенно делается с моими и твоими письмами и как они пишутся. Даже и известие о кончине нашего общего благодетеля¹ не победило меня. Ну, брат,

Час от часу пустеет свет,
Пустей дорога перед нами².

И ты просишь от меня стихов в честь его памяти!³ Я напишу их, но так же точно, как писал о твоём и моём отце⁴, в такую минуту, в которую душа будет более достойна прошедшего, живее, выше. Теперь стихи, то есть *хорошее*, из нее не льется. Дай воскреснуть. Но не относим этого состояния к известным тебе обстоятельствам. Они в порядке. Я тебя не обманываю: *здесь всё идет как должно*, и я не могу ни в чем себя упрекать. Суди обо мне по себе. Со мною, кажется, делается точь-в-точь то же, что с тобою. Когда же мы опять выпрыгнем из этой грязи?

Прости, друг бесценный. Когда воротится ко мне вдохновение, и писать буду к тебе более. Обнимаю тебя.

Твой верный

Жуковский

Обними Уварова и Кавелина. Уведомь об них.

К Блудову я не писал еще ни разу. Что ж мне делать с этою ленью, которая и меня, и его мучит, меня сушит, а его пучит?

Здоров ли он? Не сердится ли на меня? Уверен ли, что я могу любить его молча?

Где Жихарев? Возвратился ли из Москвы? Попроси его написать ко мне.

Правда ли, что ты действительный статский советник?⁵ Если правда, то купи мне и поскорее пришли «Ундину»⁶. Весьма, весьма одолжишь. Она мне очень нужна.

289.

А. И. Тургеневу

24 августа <1816 г.> Дерпт

Милый друг, я к тебе с просьбою. Брат Воейкова¹ живет в Петербурге по делу, которого счастливое окончание должно дать им обоим 1 000 душ или более. Дело по всем рассказам справедливое; и ты, как пишет петербургский Воейков к дерптскому, можешь иметь на ход его большое влияние. Но Воейков жалуется на твою холодность. Если ты холоден к его персоне, то я молчу и повторяю стих Карамзина:

Увы! насильно милым
Не будешь никому².

Если же ты холоден к его делу, то постарайся разгорячиться и вступишь в него, то есть когда оно справедливое, постарайся, чтобы оно скорее было кончено. Воейкова состояние расстроено; 500 душ будут весьма кстати. Чтобы придать тебе жару, прибавлю: его жена и дочь — мои крестницы. Подай им помощь, ты поможешь *моей* семье. Обнимаю тебя.

Твой Жуковский

Опять повторяю просьбу об «Ундине». Она продается и отдельно, и с другими повестями, напечатанными в четырех книжках под титулом «Die Jahreszeiten»³. Купи для меня все, если найдешь. Очень, очень буду обязан. Чтобы раззадорить тебя, скажу, что эта книжка нужна *моей* Музе.

24 августа. Дерпт

Я забыл тебе написать, что уже месяца три, как я получил от Дерптского университета докторский диплом (почетный)⁴.

290.

А. И. Тургеневу

<Первая половина сентября (до 16-го) 1816 г. Дерпт>

Милый друг, ты не отвечаешь мне на мои письма. Я просил тебя уведомить меня о ходе дела Воейкова¹; ты ни слова. Отложи свою лень и напиши об нем поподробнее. Не упусти случая похлопотать за мою крестницу; дело, сколько я знаю, правое. От тебя отчасти зависит, чтобы оно решено было скорее. Помоги ему.

Я здесь совсем огерманился. Не знаю ничего, что делается на сцене русской словесности. Вяземский писал ко мне, что за меня была ссора в журналах².

Я об ней и понятия не имею. Ты завладел моим «Сыном Отечества», и Лаврушка читает его с гордою беспечною и подтирает им твою, а не мою *жопу*. Я здесь только радуюсь «Харьковским Демокритом»³.

Начинаю понемногу писать. Что пишу, о том ни слова. Пора перестать мне обо всём наперед рассказывать. Но ты не получишь ничего по тех пор, пока я не получу от тебя «Ундины» и ответа на запрос мой по делу Воейкова.

Возвратился ли Жихарев? Поклонись ему и попроси его, чтобы написал ко мне; да чтобы не забыл возвратить мне бумаги Азбукина.

К Блудову не иначе буду писать, как со стихами; просто не смею, потому что слишком верно плачу ему за его молчанье своим молчанием. Обнимаю его с стесненным сердцем. Мне очень больно, что я к нему не пишу. Но что же делать, надобно покориться судьбе своей; а моя судьба — лень.

Обнимаю Уварова. Что ж вы замолкли о Фесслере?⁴ À propos*, правда ли, что у вас затевается опять Азиатская академия?⁵ Если так, то у меня есть наготове один страстный любитель Востока⁶, которого рекомендую Уварову.

Прости.

Твой Жуковский

291.

А. П. Киреевской (Елагиной)

15 сентября 1816 г.

Что Вы примолкли? Уж не сердиты ли на меня, друзья! Милая Авдотья, я сделал большую глупость, написавши к Вам о том, что случилось с письмом Вашим¹: верно, Вы огорчились; а это не стоит того, чтобы огорчаться. Вот Вам способ забыть мою глупость. Имею честь донести Вам, что у меня есть на примете учитель, весьма знающий и весьма хороший человек². Его рекомендовали верные люди. Он может учить: древним языкам (латинскому и греческому, и я желаю, чтобы дети этим обоим языкам учились), немецкому, французскому (только грамматически, а не говорить), истории, географии, математике. Он немец, следовательно будет учить основательно. Он тихий, скромный и застенчивый человек, следовательно будет *любить* учебную комнату и приучит детей любить ее, т. е. приучит их *трудиться*. Остальное, то есть привычку к *добру*, даст им несравненная их мать, а он ей в этом поможет. Я еще не знаю, чего он потребует в год; когда узнаю, донесу Вам; а когда всё сладится, привезу его с собою в Долбино. А в Долбине сделаем план вместе, напишем, подпишем, велим засвидетельствовать попу, и положим в церкви на престоле. Вот Вам и еще способ забыть мою глупость: посылаю Вам письмо, полученное мною из Сибири.

---

* Кстати (франц.).

Спросите *Азбукина* о сочинителе этого письма; он знает его обстоятельства. Вам же, мои милые сестры, посылается оно для того только, чтобы вы с своей стороны подали также помощь М<ещёвскому>³ Одна из вас должна быть секретарем прочих, должна написать к М<ещёвскому> две строчки по адресу, в его письме назначенному; может она не подписывать имени, а приложить при двух строках небольшую сумму денег, общими силами собранную и *damit Gott befohlen**. На адресе лучше не выставлять имени М<ещёвского>, а вложить его пакет в другой, который послать Корсунскому⁴. Виват поэзия! она спасает и ссыльных! Не худо бы и Плещеевых заманить на складку; но прежде должно спросить у Негра, за что он не отвечает мне на четыре письма моих?⁵

Простите, целую вас всех.

Ж.

292.

А. И. Тургеневу

<Первая половина сентября 1816 г. Дертт>

Посылаю тебе требуемое тобою письмо; не знаю, годится ли. Но скажи мне, нужно ли писать мне это письмо? Ты хочешь представить государю книгу мою через министра просвещения¹: всего бы приличнее ему самому и обратиться на нее внимание государя. А мне как подносить ему такую книгу, которая с год как напечатана, и напечатана по подписке, и роздана же от меня самого многим? Министр может и имеет право представить ее, как новое произведение литературы, сказать об ней свое мнение и проч. А мне с какой стати писать об ней? И как ни будь написано мое письмо, всё оно будет как будто просьба. Впрочем, могу я ошибиться. Вот письмо: делай с ним что хочешь. Вели переписать и подпиши мое имя.

В начале декабря я буду в Петербурге. Приеду на 1 ½ месяца; потом отправлюсь в Дертт, и из Дертта в Белев². Прошу у тебя позволения привезти с собою одного из здешних моих знакомых, Вейрауха³. Он не стеснит тебя: он будет жить в моей горнице; а ты можешь быть ему полезен. Это человек с необыкновенными дарованиями, поэт в обширном значении сего слова; следовательно с многими странностями, к которым наперед прошу тебя быть снисходительным. Уведомь меня, могу ли его привезти с собою?

---

* И с Богом (*нем.*).

293.

Императору Александру I

<Первая половина сентября 1816 г. Дерпт>

Всемиловейший Государь!

Осмеливаюсь повергнуть к священным стопам В<ашего> И<мператорского> В<еличества> слабые труды свои. Не льщу себя надеждою, что они обратят на себя внимание Ваше, всемиловейший Государь; но смею думать, что чувства, изображенные в некоторых стихах моих, посвященных славе отечества, дают мне право желать сего внимания.

Смею думать, всемиловейший Госуд<арь>, что писатель, уважающий свое звание, есть так же полезный слуга своего отечества, как и воин, его защищающий, как и судья, блюститель закона. Одобрение Государя освящает труды его; быть достойным сей награды есть добродетель писателя; стремиться к сей прекрасной цели есть обязанность. В священном одобрении Государя заключено одобрение отечества: оно дает право на уважение современников и потомства.

Всем<иловейший> Госуд<арь>! Одно из стихотворений своих дерзнул я украсить Вашим именем. Если удостоите обратить на него внимание, то поверите, что оно произведено искренним, свободным чувством, а не ласкательством. Стихи:

Всё сладкое для сердца, честь, свобода,
Великость, слава, мир, отечество, алтарь,
Всё, всё слилось в одно святое слово: Царь!³

сказаны не поэтом, а восхищенным подданным Царю добродетельному, от лица всего народа.

Вашего Импер<аторского> Вел<ичества> верноподанный

Василий Жуковский

294.

П. А. Вяземскому

<Сентябрь 1816 г.> Дерпт*

Я получил твою диссертацию о том литературном урыльнике, в который должны испражняться и стихами и прозою наши искуснейшие парнасские за-сери и ссаки¹. Ты так хорошо расписал этот урыльник, что я готов назвать его вазою и чем хочешь. Но что ни говори, журнальные хлопоты меня ужасают. И поверь, что не лень причиною этого испуга. Будучи в Петербурге, я слишком неосторожно и ветрено решался на издания: хороший журнал, такой, какой ты

предполагаешь, есть предприятие геркулесовское. Надобно угодить *нашей* публике, следовательно и петербургским строгим ценителям, фрондерам и уездным невеждам, но, угождая, не быть их рабом; давать им разнообразную пищу, соваться во все углы как угорелая кошка, но не быть угорелым, иначе попадешь в толпу смешных или презренных. Для того чтобы такая работа была успешною, надобно иметь множество таких сведений, каких я не имею и уже иметь не могу. Мне остается сделать *хорошо* то, на что я *способен*, а браться за дело, превышающее силы, обманывая себя прекрасною мечтою обширного влияния, было бы безрассудно. Я согласен, что некоторая принужденная работа была бы мне полезна, — я более бы работал; но это еще не довольно достаточная причина для того, чтобы быть журналистом. В теперешнее же время журналистом быть труднее, нежели прежде; как наши *вообще* ни глупы, но всё уже требования сделались обширнее. Ты берешь за образец «Меркурий»?²; но «Меркурий» журнал критический — у нас всё еще такой журнал существовать не может! Выйдут в год полторы книги — что за пища для критики?

Если бы ты и Батюшков согласились мне усердно *помогать* и всё, *что напишете, исключительно берегли для меня*, то каждый год выдавал бы я по книжке, в которой были бы все оригинальные пиесы в прозе и стихах, на выбор. К нам бы пристал и Дашков и всё что есть лучшего между русскими писателями — за превосходство такого издания можно бы отвечать! И эта работа не помешала бы другим, которые у меня идут медленно, но идут, и шли бы постоянно, и если влияние будет не столь обширное, как влияние журнала, то всё оно *будет!* По крайней мере, можешь быть уверенным, что то, что будешь делать, таково, каким оно быть должно! А взявшись выдавать журнал, я наперед буду уверен, что журнал будет посредственный! Может быть, я имею талант для поэмы, но сведений, нужных для издания журнала, точно не имею и начинать копить их, напечатав публикацию, поздно. На что ж бросаться за верным неуспехом, прельстясь титулом журналиста, тогда как с другим менее затейливым титулом можешь иметь верный успех. Если у тебя лежат на сердце моя слава и мой карман, то решишь быть *моим*, подговори и Батюшкова: берегите всё для меня! Я буду копить свое — и каждый год будет у нас выходить прекрасная книжка, которую будут читать с жадностью *все*, ибо в ней будет хорошая пища для *всех!* Прошу отвечать на это. А я подумая о плане, и ты об нем подумай.

Любезный Вот я вас!³ Я начинаю думать, что наши арзамасцы хорошо сделали, что пожурили твои дорожные стихи! Это удар огнем по кремню; они высекли из тебя прекрасную искру. И имею честь тебя уведомить, что эта искра так понравилась одному из здешних немцев, что он перевел ее на немецкий диалект!⁴ Он же перевел и твою сатиру «Вечер»⁵. И тот и другой перевод очень верны, и я тебе их доставлю, как скоро получу список. А тебе, наш достойный

Староста, позволяется быть сердитым на Арзамас только в прекрасных стихах — в прозе ж и в сердце будь ему верен. Обнимаю тебя душевно.

Вяземский, уведоь, когда располагаешься ты ехать в Петербург. Я бы давно там был, но доканчиваю «12 спящих дев». Еще работы на неделю. Не докончив, ехать не хочу⁶.

295.

А. И. Тургеневу

2 октября 1816 г. Дерпт

2 октября 1816 г. Дерпт

Благодарю за «Ундину», милый друг, и опять повторяю мою просьбу о деле Воейкова¹. Твой ответ для меня совсем неудовлетворителен. *Неуверенность* в справедливости дела не может быть для тебя решительною причиною от него отказаться. Если ты сомневаешься только в этой справедливости, то еще не можешь знать ничего наверное. Сперва узнай, потом действуй, как тебе велит твоя совесть, но прежде никакого не имеешь права мне отказать на мою просьбу. Дело теперь опять в ходу: как оно опять пошло в ход, до этого мне и тебе нет нужды. Оно должно быть решено в пользу правого. И я требую только от тебя того, чтобы ты помог ему решиться по правде. Если оно решится в пользу Воейковых, то спокойствие целой семьи будет утверждено; это для меня самое важное, следовательно и для тебя. Подумай об этом и будь деятелен. Ты нужен здесь именно потому, что справедливость твоя надежна и не поколеблется ни в каком случае. Я требую от тебя не покровительства Воейкову (Ивану). Думай об нем как хочешь; это не касается до его дела, в коем не он один участник; дело его должно решиться так или иначе; но чтобы оно было решено *надлежащим* образом, в пользу правого, для этого нужно твое пособие, и ты не имеешь права отказать от этого пособия под предлогом *неуверенности*. Воейков послал к Кавелину записку об этом деле; прочитай ее, потом рассмотри самое дело, а поступай как должно, только не откажись. Прости. Скоро увидимся. Теперь пишу стихи, то есть «Искупление»². Скажи об этом Блудову: эта баллада будет посвящена ему. Когда кончится, тогда и он получит от меня письмо. Обними арзамазцев. Скажи мой сердечный поклон Н<иколаю> Мих<айловичу> и Екатер<ине> Андреевне³.

Я был недавно у пастора Берга⁴ в гостях. Чудеса. Эта Ульрих, о которой он писал⁵, предсказала еще в конце 1815, что в начале нынешнего года откроется в ней чахотка, — так и случилось; чахотка началась, кашель ужасный продолжался несколько месяцев. Ее опять магнетизировали, и в магнетическом сне она *предсказала*: что в такой-то день она, с опасностью потерять жизнь, выплю-

нет часть легкого; что после заснет 7-минутным сном, в продолжение коего рана в легком закроется, и что по окончании она совершенно выздоровеет. Всё сбылось; сон начался и кончился в назначенное время; кашель миновался; чихотки нет. Я слышал всю эту историю от графа Дунтена⁶, в доме которого она заснула и проснулась. Всему этому множество свидетелей, и никакого обмана быть не может. Толкуй как хочешь.

296.

А. И. Тургеневу

21 октября <1816 г. Дерпт>

21 октября

Если хочешь, чтоб я кончил «Певца»¹, то пришли его мне; у меня нет списка; пришли скорее. Я писал к тебе и Вяземскому в Москву о причинах, которые мешали мне кончить эту пиесу, по моему мнению слабую. Но теперь, когда государь *должен узнать об ней*, вижу, что кончить ее надобно. Не надеюсь, однако, на большой успех. Вспомни, что она писана была *в одно время с Посланием*², в уединении... Того, что уже написано, я бы теперь написать не мог; но слава Богу, что оно уже написано с искренним бескорыстным чувством, без всякой другой побудительной причины, кроме удовольствия писать. Что осталось, то одно *общее*. Мне было бы тяжело думать, что такая пиеса написана для каких-нибудь личных видов, и сохрани Бог мою чистую, посвященную благородным друзьям моим лиру от всякой заразы корысти! Присылай — я кончу!

Я не удивляюсь, что ты недоволен письмом моим³. Может быть, что в нем много неприличного. Но зачем же ты не объяснился? Надеюсь, что ты ничего не нашел неприличного в том чувстве, с каким оно написано. В этом случае заслужить твое неодобрение было бы для меня тяжело, и я бы удивился, когда бы заслужил его. Милый друг! Тот свет, который я сам для себя составил, в котором заключены *все* мои судьбы, очень немногочуден. С ошибками против слога, смысла, приличия и тому подобного мне весьма легко показаться в этом маленьком свете; но со стороны нравственности хочу быть в нем чист со всех сторон. Ты, Карамзин, Вяземский, Блудов (и несколько милых женщин): вот мои судьбы, против которых нет апелляции. Без мысли о вашем одобрении не может быть счастья. Мне весело думать, что *ты* обо мне хлопчешь. Очень было бы хорошо, когда бы то, что ты затеял, и о чем я не имею понятия, совсем обошлось без письма моего. Неужели должно непременно *просить* внимания? Довольно того, чтоб его стоить! Внимание государя есть святое дело. Иметь на него право могу и я, если буду русским поэтом в благородном смысле сего имени. А я буду! Поэзия час от часу становится для меня чем-то возвышенным... Не надобно

думать, что она только забава воображения! Этим она может быть только для петербургского света. Но она должна иметь влияние на душу всего народа, и она будет иметь это благотворное влияние, если поэт обратит свой дар к этой цели. Поэзия принадлежит к народному воспитанию. И дай Бог в течение жизни сделать хоть шаг к этой прекрасной цели. Иметь ее позволено, а стремиться к ней — значит заслуживать одобрение государя. Это стремление всегда будет в душе моей. Работать с такою целью есть счастье; а друзья будут знать, что я имею эту цель, — вот награда! Прости! Жаль мне очень, что ты не позволишь мне привезти Вейрауха. Скажи, будет ли место и мне? Я всё забывал спросить у тебя: что ты сделал для Ковалькова⁴, того молодого человека, о котором писал Иван Володимирович к князю? И сделал ли что-нибудь?

Брат! Это завещание нашего доброго благодетеля надо исполнить во всей силе его. Напиши к Ковалькову. Он должен быть в Орле; об нем можно узнать от Губарева, к которому адресуй письмо: *Орловской губернии в городе Кромах*.

Прости! Обнимаю тебя! Обними Блудова, Уварова и Жихарева. Я пишу усердно «Искупление»; написано более половины. Пьеса будет так же велика, как и «12 спящих дев»⁵, и, кажется, хорошо. Между тем написал, т. е. перевел с немецкого, пьесу под титулом «Овсяный кисель»⁶; не думай, чтоб этот кисель был для «Арзамаса»; нет, но надеюсь, что он покажется вкусным для арзамасцев, хоть и не разведен на бессмыслице. Это перевод из Гебеля, вероятно, тебе неизвестного поэта, ибо он писал на швабском диалекте и для поселян. Но я ничего лучше не знаю! Поэзия во всём совершенстве простоты и непорочности. Переведу еще многое. Совершенно новый и нам еще неизвестный род.

À rpropos*: нельзя ли попросить Алексея Николаевича Оленина сделать виньету для «Певца»?⁷ Вот мысль: Всевидящее око в небесах; лучи его ударили на землю, и тучи разлетелись, и полшара в сиянии; в удаляющихся тучах гаснут молнии.

Бываешь ли ты у Брея?⁸ Я желал бы, чтобы ты познакомился с его семьею.

За что ты в неудовольствии на Петерсена?⁹ Он не должен быть помещен в число Вальтера и Вебера¹⁰. Его докторство законное, так как и Тидебеля¹¹. И тот, и другой были экзаменованы как должно. Они хорошо учились и знают свое дело. Будет очень больно, если их не отличат от прочих. Это пятно будет незаслуженное. Осуждая виноватых, щадить университет! Он и без того упадает, и упадает, потому что правительство отняло от него свою руку¹². Неужели всему должно у нас, не созрев, разрушаться? Неужели России должно быть грудою развалин, покрытых лаврами, которые засохнут?

Ковалькова зовут Александр Иванович.

Оленина попроси о виньете от себя, а не от меня.

---

* Кстати (франц.).

297.

П. А. Вяземскому

23 октября <1816 г. Дерпт>*

Две тысячи получил и благодарю тебя — весьма, весьма вовремя собрался ты законопатить мой износившийся карман. В дырки его начинали сыпаться чужие деньги. Теперь я порасквитался с своими долгами, и у меня на поездку в Петербург осталась тысяча. Разочтемся: присланные тобою деньги суть уплата за Каченовского — не так ли? Ты получил от меня 150 экземпляров, за кои уже и выдал мне тысячу. Из этих 150 десять возвращены в Петербург; сколько роздано даром, я не помню; но на всякий случай думаю, что могу еще ожидать от тебя 1 500 рублей. По-настоящему, их бы мне не надобно было от тебя ожидать: я должен тебе более этой суммы. Но у меня совсем не будет денег в Петербурге. Следовательно, ты должен на мне подождать и постараться в половине или в конце декабря прислать мне эту сумму на берега Невы, на коих, в противность прежнему расположению моему, я буду в начале декабря месяца¹. Если ничто не переменит планов моих, то в половине января я отправлюсь оттуда в Белев или через Дерпт, или прямо. Разумеется, что поеду через Москву: при свидании расположим свое будущее.

Тургенев тянет тебя в хомут просвещения². На это не скажу ни да ни нет. Что для тебя выгоднее, то и сделай. Я требую одного: пиши! То есть не урывками, не так, как описывает Батюшков, за час до балу и с час после балу. Если ты не решишься быть *русским писателем* во всем достоинстве этого имени, то и мне можно будет плюнуть на лиру. Ты имеешь возможность дать сиятельству своему прямое сияние. Плана журнала я не одобряю³. Это один из самых тяжелых хомутов, какие только бывали на плечах скотских и человеческих. Тысяча забот и неприятностей: работа на срок, хлопоты о подписке, рассылка экземпляров, необходимость заниматься пустяками для того только, чтобы угодить *всем* вкусам и дать разнообразие эфемерным книжкам, которые прочтут да и к жопе; а самое худшее есть рабство, глупая зависимость от публики, которая каждую субботу или в начале каждого месяца будет около тебя толпиться, судить тебя, а ты стой перед нею с своею книжкой, как заклеянный у столба. У меня есть планы кроме журнала, и я постараюсь их исполнить.

Прошу не сердиться на мои похвалы. Ты знаешь, что я не спускаю твоим ошибкам. Хваля тебя, я говорю *вообще* о твоём стихотворном характере, и тебе нельзя мне не верить, да ты и веришь, даром что скромничаешь.

Тургенев пишет ко мне, что Арзамас открылся⁴ — Арзамас, Арзамас, если забуду тебя, да будет забвенна десница моя! О, Арзамас со временем будет делом важным. Надобно его устроить. Но скажи мне, у кого обретаются журналы и речи, отданные мною Карамзину? Целы ли они? Если потеряны, то это безбожно и непростительно! Уведомь об этом важном пункте.

Прости. Обнимаю тебя. Прилагаю письмо от Воейкова и его стихи⁵. Я кое-что написал⁶. Тургенев требует «Певца», и причины его так убедительны, что я нехотя согласился доканчивать, несмотря на те причины, о коих тебе писал⁷. Но совсем не надеюсь кончить удачно. Между тем и *искупление* 12 спящих дев почти совершилось⁸; желаю очень, чтобы оно было угодно твоей стихотворческой мудрости. Прости.

Твой Жуковский

23 октября

Стихов твоих у меня нет!

298.

А. П. Киреевской (Елагиной)

23 октября <1816 г. Дерпт>

Милая сестра, Вы сердитесь на меня понапрасну! И точно, я имею *право* упрекать Вас за те выражения, которые Вы на счет мой употребляете. Вы забываете, что вините меня в недостатке лучших чувств, в недостатке привязанности к Вам, тогда, как мы розно, тогда, как я никого не могу так много любить и уважать, как Вас. Не стыдно ли? Да у Вас же два письма моих, на которые не было мне ответа. В одном послано было к Вам письмо Мещёвского¹, с просьбою возвратить его мне как можно скорее. В другом послано условие Цедергрена², учителя, которого я для детей Ваших здесь выкопал. Ответ на оба письма и самый скорый мне нужен, а Вы молчите, да еще и бранитесь, как ни один пьяный фабришный не бранится³: уши не вянут, да сердце слышит и морщится. Голубушка, отвечайте поскорее на эти письма и будьте поумнее. Вам ли не верить моей дружбе? Неужели между мною и Вами может быть расстояние, вымеренное саженьями: оставьте это для статистики и для болховского землемера. Но, может быть, и то и другое письмо потеряно на почте! Следовательно, и Анета не получила письма моего!⁴ Следовательно, все вы на меня дуетесь, как мешки эоловы!⁵ Господи, помоги мне грешному. На всякий случай, вот содержание этих обоих писем. В первом просил я от вас помощи Мещёвскому (об нем и его имени узнаете от Азбукина). Он несчастлив, сослан за дело в Оренбург, но благодаря Богу не унывает, а спасается в объятиях святой Поэзии от отчаяния — надобно помочь ему, и помощь вся состоит в том, чтобы послать ему несколько денег, запечатав пакет его в другой пакет, адресованный в Оренбург на имя его высокооблагодия Александра Васильевича Корсунского⁶. Писать к нему и подписывать имени не нужно, чтобы не оцарапать больной души. Во втором письме вместе со мною говорит и почтенный Педагогус Цедергрен⁷, молодой человек, добрый, ученый, весьма неловкий, но имеющий большие рекомендации. Он требует 2 000 в год, несколько недель вакансии ежегодно для отдыха, денег на проезд из Дерпта

в Долбино, обещается учить: по-гречески, латински, немецки, французски, математике, истории, географии и натуральной истории. Довольно для начала! Его не считать воспитателем, а только наставником! Он, по доброму, солидному характеру, не испортит, а сохранит своих питомцев! Но мать сама должна быть их воспитателем и, слава Богу, что та мать, о которой здесь идет дело, такая, какой не надобно лучше, даром что в письмах зла и несправедлива.

Царь Небесный, посади твоего херувима в это письмо, чтобы оно не пропало на почте! Ты знаешь, Господи, что мне весьма, весьма нужно получить на него ответ и вот почему, Господи! Я еду в начале декабря месяца в Петербург! — Как в Петербург! Ты хотел ехать в Белев! — Господи, ведь мы, люди, думаем, а Ты располагаешь! Я не отдумал ехать в Белев, но мне должно побывать в Петербурге и там пробыть месяца полтора. Твой добрый Тургенев и твой прекрасный Кавелин ко мне пишут и зовут меня за важным делом!⁸ Но всего важнее то, что тебе угодно, Господи! Итак, прикажи херувиму твоему донести письмо мое в целости и прикажи ему похлопотать, чтобы на это письмо мне поскорее отвечали: это нужно мне, Господи, потому особенно, что я прежде отъезда из Дерпта условился бы с господином Цедергренем, назначил бы ему срок, к которому он должен будет приехать в Петербург, и вместе с ним поехал бы в Долбино. Но чтобы *с ним* поехать, Господи, надобно знать, соглашаются ли принять его в Долбине.

Еще, Господи, прикажи твоему херувиму поклониться Анне Петровне, то есть милой Анете (Вы еще не знаете, что за имя Анета!), Катерине Петровне, то есть Катоше, и ее великанчику Васе, и ее крошке Дуняше. Также, чтобы этот херувим не забыл поцеловать свою сестрицу Машу, да братцев Ваню и Петушка. Да чтобы он залетел в Володьково и там нашел двух родных своих и им бы шепнул обо мне два слова⁹. Благослови же меня, Господи, благослови и их, а я и твой, и их всем сердцем

Жуковский

Октября 23¹⁰

299.

А. И. Тургеневу

31 октября <1816 г. Дерпт>

31 октября

*И я не погибну с вами!*¹ Брат, что за слово? С нами! Обвиняй не себя, а свое положение в том чувстве, которое побуждает тебя это писать и думать. Не смешивай самого себя с своим убийственным, рабским положением. Ты вечно останешься прежним, тем, чем ты был в святое время нашей ранней молодости. Для меня и для *своих* родных друзей ты всегда был и будешь ободрением к луч-

шему, *меркою* благородства. Несмотря на наше холодное петербургское вместе, я в это время только усилил в душе своей чувство уважения к тебе, и благородство души всегда тесно соединено для меня с твоим воспоминанием. Оно имеет для меня лицо твое. Не ссорься с собою; или, если хочешь ссориться, то ссорься ненадолго, чтобы эти ссоры не отнимали у тебя душевной бодрости. Не суди о себе по черным или, что еще хуже, по холодным минутам душевного небытия. Это осенние дни: они проходят! Настоящее существо души твоей — *чистота*. Я говорю по опыту: я часто ссорюсь с самим собою; но слава Богу, и мои осенние дни проходят. И надежда на это *непостоянство* их ободрительна. Карамзин тебя любит² — мудрено ли? Но любовь его есть счастье. И для меня она так же нужна, как счастье. Скажи ему при первом случае (когда будешь с ним обо мне говорить, обняв его за меня как друга и верного товарища во всём прекрасном), что я, сколько мог, сдержал свое обещание, что мне будет можно спокойно показаться на его глаза и пожать от всей души ему руку. Время, которое мы провели розно с последнего нашего расставания, не оставило на мне пятна. Я бывал недоволен собою, но поступки и побудительные их причины были чисты. Теперь всё устроилось. Дай Бог *чистого* будущего! Кажется, что оно теперь для меня вернее. Писать как можно лучше, с доброю целью, а жить как пишешь³ — вот и всё!

Я рад несказанно тому неудовольствию, которое наш Арзамасский патриарх⁴ имел с типографиею: оно разлучило его с нею и передало его Историю в верные руки. Кавелин добрый для него работник.

То, что ты пишешь о князе и Ковалькове, тронуло меня до глубины сердца, и я готов любить этого князя, который так помнит завещание умирающего⁵. Письмо Ив<ана> Влад<имировича> к князю было как будто предчувствием. Такая нежная заботливость о чужом человеке, такая верность просьбе умирающего для меня чрезвычайно трогательны. Даю тебе слово, что всякое воскресенье буду у обедни у князя⁶. Более для него я сделать не могу!

Обними за меня Николая. Враг хамов должен быть арзамасцем. Тащи его в Арзамас⁷.

Поблагодари Жихарева за переписку «Певца» и доставь ему приложенное письмо. Постараюсь «Певца» кончить и конец сделать получше. Не знаю, удастся ли. Переводы из Гебеля⁸ пришло; но с тем, чтобы не давать печатать. Я не намерен ничего печатать. Третий том должен состоять из *новых* пиес⁹. Но из этого выключается «Певец II»¹⁰ и продолжение «12 спящих дев»¹¹, которое весьма уже близко к концу и которое должно быть напечатано вместе с первою балладою особо, в виде сказки.

Я очень рад буду, если дело обойдется без письма моего¹². На что оно? Надобно получить одобрение государя, а не выпросить. Это одобрение может быть прекрасным идеалом для поэта. Ничем этого идеала помрачать не должно.

Слово о Петерсене: я не знаю, что называешь ты *s'encanailler**. Ему нужно было докторство. Он экзаменовался *как должно* и получил диплом. Как должно, уверяю тебя, ибо я это очень хорошо знаю. Если некоторые формы были упущены, то это не его вина; по крайней мере, он не требовал этого упущения. Другой товарищ его по докторству, Тидебель, человек известный по своим знаниям, благородного характера и всеми вообще уважаемый, так же точно был экзаменован, и так же точно при его произведении в доктора, без его требования, упущены некоторые формы, упущены, потому что были в других случаях упускаемы. Беда их в том, что они произведены вместе с Вальтером и Вебером¹³. Это обратило и на них внимание, для них оскорбительное. Я слышал, что в совете университетском положено уничтожить и их дипломы наравне с Вальтеровым, за несоблюдение формы. Вообще справедливо, но для них жестокая и несносная несправедливость. За что же стоять им на одной доске с Вальтером? Если виноват юридический факультет, то за что им страдать невинным образом? Такой приговор непременно произведет ложное мнение, что *и их дипломы купленные*. Сносно ли это? Мне больно за Петерсена и Тидебеля. Это поношение незаслуженное! Спрашиваю у тебя, будет ли противно справедливости, если вместо того, чтобы уничтожить дипломы, министр определит им только дополнить то, чего недостает в форме, а не уничтожить дипломы по представлению совета? Прошу тебя об этом подумать. Прошу также поверить, что я всё это пишу без ведома Петерсена и Тидебеля (один в Риге, другой в Ревеле); ты можешь сам понять, что в такое дело вмешиваться неприлично и что никто не будет знать о том, что я теперь пишу к тебе. Но если можно спасти честных людей от тяжкого, незаслуженного поношения, не нарушая справедливости, то ты это сделать должен. Обвиняй профессоров (виноватых), называй их как хочешь, но чтобы эта анафема не падала на всех без изъятия и на весь университет. Здесь есть прекрасные люди. И из верных для меня, даже по убеждению сердца, Паррот¹⁴ с твердым умом, с благородным чувством. Назову другого, Эверса, не старика Эверса, это святой¹⁵, — а молодого, историка, оцарапанного обветшалыми когтями Шлёцера¹⁶. Это честный и прямодушный человек, уважающий свое знание. О Мойере говорить нечего¹⁷. Еще есть и другие. А сам университет должен быть для нас святым: за что разрушить его? Отвечай, прошу тебя, на это и возьми к сердцу честь двух честных людей.

Прости; обнимаю тебя братски. Обними Блудова и будь почаше у Брея¹⁸.

Жуковский

---

* Связаться со всяким сбродом, опуститься (*франц.*).

300.

С. П. Жихареву

31 октября <1816 г. Дерпт>

Любезнейший друг, не стыдно ли тебе не отвечать мне на письмо мое? Я просил тебя уведомить меня, что сделал ты и что нужно сделать по просьбе Азбукина о доставлении ему дворянской грамоты и герба. Ты на это ни слова. Еще более: я просил возвратить бумаги Азбукина, и всё их не получаю. Стыдись, Громобой! Где бывшая твоя аккуратность? Уж и впрямь, не отдал ли ты дьяволу душу? Присылай, ради Бога, бумаги. Я до смерти об них беспокоюсь. Чужие и важные! Это будет большое для меня огорчение, если как-нибудь они затеряются. Прошу тебя избавить меня от этого беспокойства.

Да напиши же, что у вас делается? Ждете ли вы меня, и постарайся узнать, к которому числу которого месяца можно надеяться, что я буду в Петербурге. Обнимаю тебя от всего сердца и люблю по-старому.

Твой навсегда *Жуковский*

301.

А. И. Тургеневу

6 ноября <1816 г. Дерпт>

Посылаю тебе «Певца»¹, милый друг, и благодарю за то, что ты принудил меня его кончить. Сам бы я этого не вздумал. У меня была в душе большая против него антипатия; но он не заслужил сего проклятия. Он достойный брат своего тезки. Я многое выбросил, от этого всё сделалось сильнее. В первом «Певце» более драматического; в последнем более единства, и одна высокая мысль в нем царствует². Но оставим этот разбор критикусам. Я послал к Кавелину несколько денег на напечатание. Их не будет достаточно. Чего не достанет, добавь, если можешь, из своего кармана; если твой пуст, загляни к Блудову или к Жихареву. После сочтемся. Но печатание и все заботы о распродаже «Певца» предоставь Кавелину. Этого дела не будешь уметь сделать с надлежащею точностью, а и если и сделаешь, то не иначе, как по образу и по подобию прежнего «Певца», что весьма пахнет пустотою кармана. О печатании, корректуре и прочем пишу к Кавелину. Прилагаю здесь другой экземпляр для графа Румянцева³: я обещал ему доставлять стихи свои; особенно ж «Певца» должен он иметь первый. Я этим ему обязан; он помнит меня и сам приписывает мне в письме своем к Эверсу; а я ему не отвечал, но душевно благодарен ему за его любезное внимание. Думаю, что получить «Певца» будет ему приятно. Не надобно ли прислать и к Нелединскому для государыни? Ведь она и первому «Певцу» была восприимницею! Но в этом твоя святая воля. Если прикажешь, то я напишу к Нелединскому.

Титулом я недоволен⁴; подумай об нем с Блудовым и посоветуйся с Николаем Михайловичем⁵. Теперь просьба, и ты должен ее исполнить хотя для певца. Исполнить легко, если захочешь, и много одолжишь меня, потому что дело идет о человеке, мне очень любезном и который всячески старается мне услуживать. Это Асмус⁶, учитель в здешней уездной школе и содержатель школы по методе Песталоция. Он оставляет училище и хочет единственно посвятить себя школе своей, в которой порядок удивительный. Ему *следует* за выслуженные годы чин губернского секретаря. Постарайся, чтоб он его получил, и уведомя меня, возьмешься ли и можно ли это исполнить? Кажется, можно, ибо законные года службы прошли. Милый друг, утешь, позаботься об этом. А я за это пришлю тебе переводец, и весьма удачный переводец из Гебеля под великолепным титулом «Овсяный кисель»! Обнимаю тебя от всего сердца. До свидания: в начале декабря увидимся. Обнимаю Николая Михайловича и Блудова.

Твой Жуковский

К Кавелину пишу, но деньги пришлю на следующей почте: нынче не примут.

6 ноября

302.

А. П. Киреевской (Елагиной)

7 ноября <1816 г. Дерпт>

7-го ноября

Что ж это значит, милостивая государыня Авдотья Петровна Киреевская. Вы взяли Вагнера потому, что не надеялись, чтобы я теперь мог Вами заняться? Прошу мне истолковать это мистическое слово *теперь*. Какой фигуры должно быть то время, в которое не могу я Вами заняться? И по какому праву могли Вы это вздумать. Но дело сделано! Вагнер у Вас. Вы описываете его прекрасно; но признаюсь, боюсь верить и не верится. Стечение обстоятельств, по Вашему же описанию, было таково, что первый попавшийся Вам на глаза должен был показаться Вам несравненным! В этих обстоятельствах пугает меня то, что Вагнер приехал к Вам торговать завод и, вместо того чтобы его купить, сделался у Вас учителем! Перемена слишком быстрая! Но я могу ошибиться и весьма вероятно, что ошибаюсь! Но кто Вам его рекомендовал? От кого узнали Вы о его сведениях, о его хорошем знании математики, латыни; о его дружбе по смерть с Тизенгаузеном?¹ Всё это меня страшит! И тем более жаль мне Цедергрена, что половину того, чему он брался учить детей, должны взять теперь на себя Вы сами! Милая, учить детей истории, географии, натуральной истории! Шутка ли? Вы думаете, что всему этому можно научить из чтения!² Да! если бы они были девочки, то им было бы не нужно обстоятельное знание этих наук — Вы бы

могли учить их для того, чтобы от этого была польза их сердцу! Но для мужчины, в нынешнем веке, в котором от других отставать не должно, в этих науках нужно знание фундаментальное — я сам Вам в этом пример! Мне часто приходится плохо от недостатка в этом фундаментальном знании! И я бы не желал, чтобы с детьми Вашими бывало то же, что со мною. История и прочие науки слишком нужны для той жизни, какую ведут люди теперь, чтобы заниматься поверхностно. И Вы не можете быть в этом случае хорошим для детей учителем. Это не значит, однако ж, чтобы я требовал изгнания Вагнера. Если случай, заведший его к Вам в дом, поступил благоразумно, то благодарение случаю! Но что же мы сделаем с историею и прочим? Нельзя ли, например, если Вагнер от них отказывается, поручить их Цедергрёну? Два учителя в доме — это пахнет междоусобием! Но почему ж междоусобие? Два добрых человека легко могут ужиться в одном доме! Дети будут принадлежать каждому только в часы учения, но их характер и всё, что *они собственно*, будет принадлежать матери! Я бы разделил вот как: немецкий язык, латынь и математика — Вагнеру; греческий, история с товарищи — Цедергрёну; французский и русский язык и сами дети — матери. Но это один мой план. Цедергрёну я уже сказал о нашествии Вагнера, и он должен теперь заботиться о своей личности как для него велит собственная выгода. Признаюсь, однако, не желал бы его упустить — его репутация прекрасная! Все в один голос отдают ему справедливость в хорошем смысле как заботливому и знающему учителю и как доброму человеку. Сверх того, может быть трудно и для Вашего кошелька стечение учителей. Я не знаю, что платите Вы Вагнеру, а Цедергрёну менее того, что он просил, дать невозможно. Подумайте об этом хорошенько сами. Если это можно как-нибудь уладить, то дети были бы обеспечены со всех сторон насчет ученья. Вы бы тогда могли надолго, на всю раннюю молодость оставить их дома; они бы прекрасно приготовились для университетского ученья; а университет, не повредя бы их нравственности, приготовил бы их для деятельной жизни. Таким образом, соединились бы для них выгоды домашнего воспитания с воспитанием публичным. Подумайте о моем предложении; но подумайте не одна, а с Анетою и даже с Вагнером, у которого спросите, может ли учение быть успешным у двух учителей, занятых каждый своею отдельною частью? И если кошелек будет нетрудно, то решитесь. Не пугайтесь этого слова — кошелек: он святое дело для матери семейства. Выберите только из двух важнейшее.

На начало Вашего милого письма скажу старую мысль: *un coeur sensible est un méchant cadeau de la bonté divine**. Ваше милое сердце жестокий для Вас мучитель! Сколько сделало и делает оно Вам напрасных страданий! За себя и за других! Как бы желал я подлить в него благословенного покоя — точно под-

---

* Чувствительное сердце — опасный дар божественной доброты (*франц.*).

лить! ибо самим Вам сделать этого невозможно! Радость и горе жизни падают на нас прямо с неба в ту первую минуту, в которую кладет оно свою печать на душу, печать, с которою, так или иначе, будем тащиться до того порога, за который перешагнув, вдруг очутишься в тишине, ясности, неизменяемости и проч. Эта благословенная, хотя и тяжелая печать глубже вдвинута в сердце Ваше, нежели в какое другое. Но ради Бога, если можно, будьте со всех сторон покойны! Те, которые Вам нужны, Ваши на всю жизнь! только не перекладывайте в них своей души, а будьте довольны их душою!

С получения этого письма стряхните с себя всю шелуху старых огорчений и начните жить, как будто их не бывало, с доброю, спокойною верою в полную к Вам привязанность: зажигайте около себя и в сердцах своих детей фонари свои; а наши будут гореть там и здесь и отвечать Вам своим светом! Можно и должно начать жить вместе, как Вы говорите, без прошедшего!³ Но как же понять это прошедшее? Что дурного, достойного забвения, в Вашем прошедшем? Прошедшим здесь называю только одни огорчения Ваши! Забудьте их и верьте тихому счастью, которое у Вас может быть в руках, потому что Вы можете строить тихо и смирно счастье детей, и можете и должны верить дружбе своих друзей. Вас должна успокоивать мысль, что всем огорчениям причиною не дружба или не недостаток дружбы, а тысяча верст с теми безобразными привидениями, которые на каждой версте сидят толпою.

О Ваших планах для меня, о прекрасной немке, о нашем будущем и проч. поговорим при свидании⁴. Но об американце теперь?⁵ Вы забавны с своими известиями! Показываете нам китайские тени, а не рассказываете, что они значат. Анета молчит! Из Вашего письма видно, что у вас что-то строится. Нельзя ли пояснее написать и прислать порядочный план постройки. Милая Анета, что ж это значит! Ваше первое письмо было похоже на шутку! Оно было не иное что, как критическая статья в журнале о картинной выставке в академии. Но теперь начинаю думать, что это не шутка. Счастье жизни милой Анеты, достойной всякого счастья! Перестаньте шутить, друзья, и напишите поподробнее. Я у вас буду зимою непременно. В Петербург тащит меня важное дело; но из Петербурга к вам! Непременно! Из этого слова, однако, первый слог *не* может оторвать только одно обстоятельство: Машина свадьба! Еще не назначен срок! но от его назначения зависят и мои поступки. Боже мой! что такое человек? *Машина свадьба!*⁶ я говорю об этом так спокойно! И во мне два спорщика: один гладит меня по головке за это спокойствие; а другой ворчит и хмурится! А я отвечаю: как вам угодно, но оно так! Друзья! на свете только и хорошего, что фонари; дай Бог, чтобы только на всякую минуту был огонь *наготове*. Всё прочее — шелуха. Анета, душа моя, напишите ко мне. Катоша и Вася, вы не пишете и, верно, дуетесь на мою лень! Но прошу вас всякий раз, как скоро вздумаете на меня подуться, взглянуть на вашу Дуньку и вспомнить, что я ее крестный

отец и что вы счастливы. Вы требуете от меня бумаг; они поручены *верному человеку* в Петербурге для ходатайства по оным; но это ходатайство зависело от вас — я писал к вам, что вам было нужно сделать! Вы не отвечали. Я писал уже в Петербург, чтобы мне бумаги возвратили и чтобы уведомили, что сделано по ним и что сделать нужно; будучи в Петербурге, сам поработаю; а бумаги привезу с собою. Об них не беспокойтесь⁷.

Дуняша, благодарю за картинки. Они обрадуют прекрасного человека! Но, признаюсь, смотреть на них и разбирать их было грустно! Сперва не понимал я отчего! Теперь знаю: они как будто судьба наших желаний и всего, всего! Они собраны были в нашем тихом уголку, для нас; одного из собирателей нет на свете; другие все рассыпались! И на них пала наша участь! Можно ли б было вообразить за два года перед этим, что они достанутся человеку, который для нас совершенно чужой, а из Долбина перелетят в Дерпт, и все те воспоминания, которые к большей части из них приклеены, исчезнут — для того, кому они достанутся⁸.

Благодарствуйте за Мещёвского!⁹ Поэзия — святое дело! святое во всём смысле этого слова! Блажен, кто может быть вполне поэтом! вполне, а не слишком! Если слишком, то поэзия враг всякого *вместе* с людьми. Моя стоит на золотой середине, и слава Богу! Я опять пишу и пишу! так же, как в Долбине. «Певец» кончен, «Искупление» оканчивается!¹⁰ всё это Вам будет прислано.

Простите, милые друзья! ждите меня. Дети, целую вас. Наталья Андреевна, здравствуйте, голубушка! Иван Никифорович, попросите за меня благословения у вашего Архиерея и поклонитесь Елизавете Васильевне!¹¹ Всё, что на милой родине, здравствуй! Я было начал давно стихи *к родине* в подражание Шатобриану¹²; вот одно начало: «*Ты*» есть, так сказать, Дуняша, и вот что ей говорится:

Там небеса и воды ясны!
Там песни птичек сладкогласны!
О родина! все дни твои прекрасны!
Где б ни был я, но всё с тобой
Душой!

Ты помнишь ли, как под горою,
Осеребряемый росой,
Светился луч вечернею порою
И тишина слетала в лес
С небес?

Ты помнишь ли наш пруд спокойной,
И тень от ив в час полдня знойной,
И над водой от стада гул нестройной,
И в лоне вод, как сквозь стекло,
Село?

Там на заре пичужка пела!
Даль озарялась и светлела!
Туда, туда душа моя летела!
Казалось сердцу и очам —
Всё *там!*

И прочее. Кончить ли?..¹³ Но Воейков не любит моего *там*. Да уже и слишком много его в моих стихах! А как без него обойтись? Кстати о *там!* Вот еще песнь, написанная мною *по просьбе* и на данный голос¹⁴. Об ней будет объяснение.

Легкий, легкий ветерок!
Что так сладко, тихо веешь?
Что играешь, что светлеешь,
Очарованный поток?
Чем опять душа полна?
Что опять в ней пробудилось?
Что с тобой к ней возвратилось,
Перелетная весна!
Я смотрю на небеса:
Облака, летя, сияют
И, сияя, улетают
За далекие леса!

Иль опять от вышины
Весть знакомая несется?
Или снова раздается
Милый голос старины?
Или там, куда летит
Птичка — странник поднебесный,
Всё еще сей неизвестный
Край желанного сокрыт?
Кто ж к неведомым брегам
Путь неведомый укажет?
Ах! найдется ль, кто мне скажет,
Очарованное *там?*

303.

А. И. Тургеневу

<Первая половина (после 6-го) ноября 1816 г. Дерпт>

Спешу тебе отвечать два слова. *Вдохновенный светильник*¹ не нравится моему почтенному учителю². Привыкши к слепой ему покорности, я рад бы переменить это выражение, но, право, не умею. По крайней мере, теперь ничего не могу придумать. Печатайте. Пусть Кавелин пришлет мне корректуру (чего

прошу умиленно). В корректуре авось поправлю. Присылайте только скорее. Непременно надобно выставить, что эта пьеса писана в конце 1814³. Будет ли виньета? Ты так мало пишешь, что хоть брось.

Какой жизни Лерберга требует от меня граф Николай Петрович?⁴ Я от него не получал ничего подобного. Не говорит ли он о переводе ее? Я не переводил. Я говорил с Парротом, что *готов перевести* жизнь Лерберга, если *это будет нужно*. Паррот спрашивал у Круга⁵, нужно ли. И не получил никакого ответа. Так это и кончилось! Объяснись с графом и уведомя.

Прости. Писать некогда.

Твой Жуковский

Обними Николая и всех товарищей.

304.

А. П. Юшковой (Зонтаг)

<Конец ноября (около или после 21-го) 1816 г. Дерпт>

(1816)

Милая Анета¹, я хорошо сделал, что помедлил отвечать на Ваше прелестное письмо: я бы, верно, сказал Вам много пустого² об Америке в своем ответе, о Ниагаре, о Гуронах, о квакерах Пенсильванских и о том большом змее, который заедает быков и тигров и который, кажется, не водится в Америке. Всё это было бы медь звенящая и кимвал бряцающая³. Из Вашего последнего письма к тетушке⁴ догадываюсь, что скромная Москва с мутной сестрицею Неглинною перебила у Ниагары!⁵ Дай Бог здоровья доброй⁶ Москве! Пошли, Господи, ей каменный мост вместо Москворецкого, пошли, Господи, ей и на другую сторону такую же прекрасную набережную, какая на одной стороне! Да отражает она долго, долго в светлых струях своих кремлевские башни, увенчанные славою! Да долго, долго катаются по ней в салазках отважные Россы в котах и прелестные Россиянки в кокошниках! и прочее и прочее! Оставляя шутки, скажу Вам, милый друг, одно: описание Ваше той безымянной семьи, которая хочет быть счастливою, заманивая Вас в свой небольшой круг, мне очень по сердцу.

Отец и два сына, согласные, образованные⁷ — явление в этом кругу милой, образованной женщины, с прекрасным сердцем, с твердым характером и с ясным умом есть явление благодати. Вам будут благодарны за новую жизнь в доме, которую Вы с собой туда принесете⁸. Если и ум Ваш и сердце не против этого союза, то обстоятельства кажутся мне благоприятны; посмотрите на них поближе, с надлежащею осторожностью и благослови Вас Бог! Но Вам должно быть счастливою! Ваши требования от судьбы самые скромные; то, чего Вам хочется, так легко бы могло быть исполнено, и оно же есть самое лучшее: добрая,

деятельная, семейная жизнь. Заочно Вам дать решительного совета не могу; но, кажется, можно не бояться, что Вы сделаете дурной выбор, ибо Вас *не принуждает* ничто; Вы можете смотреть беспристрастно и поверить всё добрым своим умом. И собственная моя выгода заставляет меня радоваться тому предпочтению, которое Вы даете Москве: мы верно все опять соберемся в одну кучку. Счастье бывает только вместе. Я не думаю, чтобы какая-нибудь *belle allemande*^{*9} привинтила меня к Лифляндии. Я всё поглядываю на свою родину, как на землю обетованную. Не надобно, чтоб она пустела.

Обнимаю Вас, и Дуняшу, и Като¹⁰, и детей. Писал бы к Вам более, но всё что-то расстроено и перо не движется. У нас всё идет благополучно.

À propos!^{**} Я давно придумал для вас всех работу, которая может быть для меня со временем полезна. Не можете ли вы собрать для меня русские сказки и русские предания? это значит: заставлять себе рассказывать деревенских ваших рассказчиков и записывать их рассказы. Не смейтесь. Это — национальная поэзия, которая у нас пропадает, потому что никто не обращает на нее внимания. В сказках заключаются народные мнения; суеверные предания дают понятие о нравах их, и степени просвещения¹¹, и о старине. Я бы желал, чтобы Вы, Анета, Дуняша и Като завели каждая по две белых книги, в одну записывать сказки (и, сколько возможно, теми словами, какими они будут рассказаны), а в другую всякую всячину, суеверия, предания и тому подобное.

Работа не трудная и не скучная. Писать не нужно с старанием, записывать просто содержание. Всё это привести со временем мое дело. Как Вы думаете?

Я пописываю понемногу: есть сказка о черте гекзаметрами¹². «12 спящих дев» доканчиваю! «Певец на Кремле» кончен и печатается. Всё Вы получите. Бог с вами, друзья!

Ее высокородию
Анне Петровне Юшковой
в Белев

305.

А. И. Тургеневу

<Конец ноября 1816 г. Дерпт>

Ты не пишешь ко мне, и я не пишу к тебе.

Приложенное письмо¹ отдай Жихареву; оно нужно. Громобой² не отвечает ко мне на первое мое письмо, через тебя посланное³. Отдал ли ты его? Отдай хоть это, и поскорее.

---

* Прекрасная немка (*франц.*).

** Кстати (*франц.*).

Что же Асмус?⁴ Забыл?

Что корректура «Певца»? Будет ли прислана?

306.

А. И. Тургеневу

<Первая половина декабря (до 12-го) 1816 г. Дерпт>

Любезный Александр Иванович! Вы хвастаете своим Арзамасом! Хвастайте, хвастайте, голубчики! Правда, вы запаслись *Рейном*¹, пожива славная! Но, милые друзья, надобно помнить и о том, что ближе к Арзамасу: Мещёвский² в Сибири, а вы, друзья, очень весело поживаете в Петербурге! Если вы не собрались еще о нем вспомнить от рассеянности, то это срам и ребячество! Если ж от холодности к его судьбе, то это... что это? Я не знаю как назвать это! На что ж нам толковать о добре, о общей пользе, о хороших, возвышающих душу стихах? На что смеяться над Шаховскими³ и Rivarol?⁴ Ни на то, ни на другое не имеем мы права, если способны быть столь беспечными, когда дело идет о судьбе, может быть, о жизни, а может быть (что еще важнее), о нравственном спасении человека, который нам себяверяет! Признаться, мне больно быть хлопотуном за Мещёвского, бессильным его орудием. Своих способов нет, а вы не помогаете! Если бы у меня была сила в руках, я бы вам не поклонился! Посылаю письмо Вяземского, чтоб пристыдить вас и поддать вам, если можно, жару. Он не беспечен, когда *надобно* действовать. Прилагаю и копию с письма к нему от Герценберга⁵ о Мещёвском.

«Об Асмусе не забуду!»⁶. Покорно благодарю. Я давно это слышу! Я знаю, что у вас в Петербурге случилось нечто для меня весьма интересное⁷, а ты ни слова!

307.

М. Н. Свечиной

12 декабря <1816 г.> Дерпт*

Дерпт 12 декабря

Я сейчас еду в Петербург, где пробуду не более трех недель. Ваше письмо, милая Марья Николаевна, получил я только вчера. Вы адресовали его в Петербург, и от этого оно ко мне опоздало. А Вы, может быть, подумали, что я ленюсь Вам отвечать. Теперь отвечаю Вам наскоро о важнейшем: я не могу ничего на верное сказать Вам о Лицее. Не знаю точно, каково там ученье и каков приговор. Сколько известно мне по слухам, то более блеску, нежели дела. Будучи в Петербурге, расспрошу. Если Вы туда приедете или Авдотья Николаевна, то Тургенев будет предуведомлен, и он поможет Вам, если Вы решитесь отдать де-

тей в Лицей или в пенсион¹. En attendant* вот мое мнение: в Дерпте есть школа, в которой образование по методе Песталоция и прекрасно². И учителя, и ученье там, каких лучше желать не можно. Я бы советовал перевезти детей Авд<отьи> Николаевны в Дерпт. Есть важная причина: Маша будет жить в Дерпте. Можно ли найти более надежного человека, кому бы поручить их присмотр. Если их лета уже не позволяют им войти в эту школу, то могут учиться в гимназии и приготовиться для университетского учения. А жить будут у Маши.

Я через три недели возвращаюсь в Дерпт. Отвечайте мне на это письмо туда. Тогда поговорим обо всём обстоятельнее. В конце мая и тетушка, и Маша будут в Москве и в Белеве. Кажется, что тогда при свидании обо всём можете Вы переговорить в подробности. Между тем расспрошу о Лицее и, возвратясь из Петербурга, напишу к Вам. Скажите, пожалуйста, Авдотье Николаевне, что между нами ничего дурного не осталось³, что *старое* по-старому совершенно; простите, милая. Поклонитесь ей от меня *по-дружески*. Детей целую заочно. Милой Анне Николаевне⁴ кланяюсь; до свидания.

Ваш Жуковский

308.

М. Я. фон Фоку

<1815—1816 г. Дерпт>*

Милостивый Государь мой
Максим Яковлевич!

Покорно прошу Вас взять на себя труд и позаботиться о скором доставлении паспорта Рамбаху, сыну дерптского профессора, и теперешнего ректора Рамбаха¹, для проезда из России в Гамбург и из Гамбурга обратно в Россию; уже месяца три, как об этом паспорте было прошено; но эта просьба забыта. Вы чрезвычайно меня обяжете, если поспешите ее исполнить; открывающийся случай для переезда Рамбахова делает сию поспешность необходимою. Паспорт должно отправить прямо в Ригу. Прошу Вас покорнейше не оставить меня без уведомления в том, что сделано будет по моей просьбе.

Имею честь быть,
милостивый государь мой,
Вашим
покорным слугою.

---

* Пока (франц.).

1817

309.

Н. И. Гнедичу

<Конец декабря 1816 — начало января (до 12-го) 1817 г. Петербург>

Нельзя ли нам вместе побывать завтра у Алексея Николаевича¹ ввечеру. Я не буду тебя дожидаться; но хорошо бы быть там вместе. Прошу тебя переписать для меня отрывка два из Гомера для помещения в Смеси образцовых сочинений². Прикажи человеку моему показать дом Греча.

Твой Жуковский

310.

А. П. Киреевской (Елагиной)

2 января <1817 г. Петербург>

2 генваря

Милая сестра, Вы говорите мне Аминь на все мои мысли, а я готов сказать Аминь на все Ваши, не заикнувшись и от всего сердца.

Теперь спешу сказать Вам одно только слово: порадитесь за меня. У меня есть то, что всего лучше на свете, — независимость. Добрый царь дал мне пенсию (4 000 р.)¹. Этого довольно для свободы и беспечности.

Когда я к Вам буду? Теперь я в Петербурге? Через три дни еду обратно в Дерпт?² А к Вам? И слово данное, и сильное желание меня к Вам тащут! Но важная причина говорит мне: останься до окончания зимы в Дерпте! и в то же время эта же сильная причина заставляет меня бояться остаться! На что решиться! Не могу сказать: *подумаю!* До сих пор думанье худо мне помогало! Авось Бог решит за меня.

А Вы и Анета не отвечаете мне на мои два письма. Анета ни слова о московском имяреке³, а Вы ни слова об Вагнере⁴. Получили ли Вы мои письма и где Вы сами? В Москве ли? в Белеве ли? Отправляю письмо на всякий случай в Москву⁵.

Простите до Дерпта. Оттуда напишу более.

Ж.

Вот вам экземпляр «Певца». Один и есть — Вам, Анете и Азбукиным пришлю, когда будет.

311.

А. И. Тургеневу

<Середина января 1817 г. Дерпт>

Податель этого письма есть Фелициан Фелицианович Заремба¹, которого усердно тебе рекомендую. Он едет в Петербург на службу, если найдешь способ, помоги ему протесниться к кабинету Фортуны. Он прекрасно учился в Дерпте. Я был свидетелем его докторской диспутации, и могу уверить тебя, что он стоит своего докторства. Диссертация его писана худым русским языком; но этому причиною то, что он учился в Дерпте и в немецком языке имеет более навыка, нежели в русском. Он сначала написал свою диссертацию по-немецки, потом перевел ее сам². Но она может быть свидетелем его основательных знаний. Я уверен, что он будет человек дельный и полезный по службе. Он знаком с Карамзиным, которому прошу тебя его представить.

Посылаю поправленную Лербергову биографию³. Я не мог сделать из нее ничего порядочного. Граф Румянцев этого и не требовал; я поправил одни важнейшие ошибки. Какова она ни есть, ее прочтут, и напрасно ты против нее вооружаешься. Оригинал прекрасен! Автор с чувством выразил характер великого человека и трогает сердце своим изобретением. Нельзя не полюбить автора: он знакомит читателя с прекрасною, твердою, чистою душою! Доказательство, что у него есть подобное в душе.

Кстати об этом авторе. Недавно я имел случай с ним разговориться о его обстоятельствах и обстоятельствах здешнего университета. Знаешь ли, брат, что может быть через полгода, если ничто не будет сделано для университета, Паррот, лучший его профессор, должен будет (дабы избежать от долгов) продать свой домишко и искать учительского места, то есть после ревностных трудов и в такую эпоху жизни, в которую бы спокойно надобно было наслаждаться плодом этих трудов, он принужден будет начать сначала: для куска хлеба подчинить себя воле партикулярного человека, и за всё, что им сделано для университета, остаться с бедностью, с разрушенными надеждами и прочими тому подобными конфектами. Это сжимает мне сердце и, признаюсь, заставляет коситься на мой пенсион: я обеспечен на всю жизнь, в молодости, без семьи! И что ж я сделал? Наслаждался, писал стихи! Вот отец семейства, которого жизнь была обременена трудами, которого деятельность никак нельзя сравнить с моею. Что ж ему награда? Та же бедность, с какою он начал! И бедность при старости, следовательно безнадежная! Одним словом, как бы хотите, а профессорам суммы не давайте. Поберегите честь государя. Европа заговорит языком, для него неприятным, и будет — права.

Прости! Приложенное письмо отдай Кавелину; а пакет Румянцеву отошли поскорее.

«Арзамас» обнимаю. Смотрите, хлопотать о Мещёвском.

Ж.

312.

Д. В. Дашкову

<Середина (до 19-го) января 1817 г. Дерпт>

Здравствуй, Чурка!¹ Если ты дуешься на меня за мое неотвечание на два письма твои², то перестань; раздует тебя горой, и Шаховской подумает, что ты опился Липецких вод³: а это будет неприятно для «Арзамаса». Я не отвечал тебе на первое письмо от лени; а на другое оттого, что оно доплыло в Дерпт весьма поздно и что я уже не надеялся застать тебя в Рязани, и, собираясь в Петербург, думал увидеться с тобою там, — не тут-то было! Черт нас развел! Надобно признаться, что этот черт любезен в одних только моих балладах и в одной следующей фразе: черт поberi «Беседу» и Шутовского! Наконец скажи же мне, Чурочка, где ты? В Петербурге ли и что делаешь? Если еще ничего не делаешь, то примемся вместе за дело! Вот мое предложение: имею благое намерение, по поводу данного мне от природы великого таланта, выдавать ежегодно по две малые книжки и хочу, чтобы ты был мой соиздатель. Одна из сих малых книжек должна состоять из одних русских сочинений в стихах и прозе (переводы в стихах позволяются); другая должна быть не иное что, как собрание переводов из образцовых *немецких* писателей, также в стихах и прозе. Каждая должна иметь форму немецких альманахов, выходить в начале года, иметь не более 10 листов в 12 долю малого формата, след<овательно>, 240 страниц, быть украшенной: первая, то есть русская, 6 картинками и иметь красивую обертку; а последняя, при такой же красивой обертке, иметь один только гравированный титул с портретом одного из немецких поэтов или прозаистов. Чтобы всё это могло быть вовремя исполнено, надлежит приготовляться заранее, итак:

1-я, Русская книжка⁴:

1-е) Я бы назвал ее «Аониды»; она бы была продолжением «Аонид» Карамзина⁵ с тою отменою, что в нее входила бы и проза. Или не хочешь ли остаться при нашей покойной «Мнемозине»?⁶

2-е) *Картинки*. Это надобно приготовить заранее. Полагаю 6. Рисовальщиком может быть Монферран⁷. Сюжеты: три вида Петербурга или Павловска и три картинки из баллад моих, напр<имер>, из «Адельстана», «Эоловой арфы» и «Ахилла». Титул может быть и без виньеты, а просто гравированный. На обертку что-нибудь приличное титулу.

3-е) *Содержание*. Ты: *Обозрение литературы 1817 г.* (статья постоянная и тебе принадлежащая)⁸, *Разговор*, который ты уже давно начал⁹; кончил ли, не знаю. Что еще соблаговолишь написать, не ведаю; но воля твоя да будет. Я: Сказка в прозе, которой сюжет уже готов¹⁰. Два отрывка в прозе¹¹, также готовы (в голове). Первая половина «Ундины» в стихах¹².

С меня довольно.

4-е) *Сотрудники*:

Вяземский и *Батюшков*: стихи и проза¹³.

Войков: Послание к жене и друзьям¹⁴, но весьма исправленное.

Пушкин (Александр): он обещал мне доставить свои рукописи¹⁵. Твое дело послать к нему за ними и их ко мне переслать. Не замедли.

Блудов: О итальянской литературе¹⁶, отрывки из записок¹⁷ (вырви эту статью из его лап и пришли ко мне. От него не добьешься. Эти отрывки прекрасные, а он кобенится и жметя).

Северин: Воспоминания о Франции, Англии и Италии¹⁸ (заставь его написать эту статью. Он мне обещал и, верно, сдержит слово).

Пушкин: *Вот я вас опять*¹⁹.

Никита Муравьев: у него будут, верно, готовы отрывки исторические²⁰. Несколькo басен *Крылова*²¹. Верно, что-нибудь еще получи и от *Меицёвского*²².

NB. Если к тому времени не напечатается новое издание сочинений *Муравьева*, то там есть много нового для поживы. Всё — и содержание и картинки (выгравированные совсем) — должно быть готово к началу августа. На *Вяземского*, *Батюшкова*, *Северина* и *Ал<ександра> Пушкина* понадеяться можно: у последнего много готово, а те приготовят верно.

Мы будем работать. Один *Блудов* опасен; а его статьи капитальные. Стой за ним с розгою и бей его не на живот, а на смерть. Говорят, что *Дмитриев* что-то написал, — смотри, голубчик, эта святыня должна быть наша²⁴. Его новые статьи могут быть вместо чудотворного образа, который заманит молельщиков в нашу часовню.

Обдумай всё это, и если решишься, то задавай рисовать и потом гравировать картинки — от них может быть главное замедление.

5-е) *Печатать*. Это знает *Кавелин*²⁵. Деньги могут быть употреблены мои. По выручке их, остальное пополам.

II-я, Немецкая книжка²⁶:

За нею хлопот немного: материалы готовы, садиться и переводить.

Материалы вообще.

Проза.

Гёте: Römischer Carneval. Märchen*. Отрывки: Reisen nach Italien. Werther's Briefe über Schweiz. Aus meinem Leben**.

У меня он полный²⁷.

---

* Римский карнавал. Сказка (нем.).

** Путешествие в Италию. Письма Вертера о Швейцарии. Из моей жизни (нем.).

Гердер: Paramyphien. Über Volkssagen. Über Legenden. Über Wissen und Nichtwissen der Zukunft. Blicke in die Zukunft. Über das Schicksal*. Из Адрастеи. NB. У меня есть его все сочинения²⁸.

*Шиллер*²⁹: Über Völkerwanderung. Из Geschichte des Abfalls der Niederlande**.

*Тук*³⁰: Из Фантазуса. Elfen. Der Pokal. Liebeszauber. Der blonde Ecbert***.

Из Штернбальда.

Лам<отт> *Фуке*³¹: Из Erzählungen**** (Многое множество прекрасного).

*J. Paul*³²: J. Pauls Geist****. Одни отрывки. Целого невозможно.

Wandsbecker Boten-Schriften (Claudius)*****³³.

*Lichtenbergs Schriften*³⁴.

*Jacobi's Schriften*³⁵.

*Hebel*³⁶: Schatzkästelin. Анекдоты. Weltsystem***** для поселян.

*Novalis*³⁷: Der Poet. Erzählung***** (прекрасно).

Шлегель: отрывки из драматургии³⁸.

Тюммель: Reisen in Frankreich*****³⁹.

*Гарве, Энгель, Г. Миллер, Шуберт, Фихте, Гумбольдт*⁴⁰.

Вагнер: St. Hubertus-Jagd*****⁴¹. Сказки.

Для поэзии — выбор мое дело.

Содержание первой книжки:

Поэзия и моя часть прозы.

Demetrius der Falsche***** (отрывок начатой Шиллеровой трагедии) перевести теми же стихами, как и в оригинале, ямбами без рифм⁴². Наши критикусы зарычат, но пусть рычат.

Der Garfunkel <и> *Der Habermus****** из Гебеля переведены⁴³.

Die Vergänglichkeit***** из Гебеля⁴⁴.

---

* Парамифии. О народных сказаниях. О легендах. О знании и незнании будущего. Взгляд в будущее. О судьбе (нем.).

** О переселении народов. <...> История отпадения Нидерландов (нем.).

*** Эльфы. Кубок. Любовные чары. Белокурый Экберт (нем.).

**** Рассказы (нем.).

***** Жан Поль. Дух Жан Поля (нем.).

***** Произведения из «Вандсбекского вестника» (Клаудиус) (нем.).

***** Произведения Лихтенберга. Произведения Якоби. Гебель: Шкатулка с драгоценностями <...> мировоззрение (нем.).

***** Поэт. Повесть (нем.).

***** Путешествие по Франции (нем.).

***** Охота св. Губерта (нем.).

***** Лже-Дмитрий (нем.).

***** Карбункул <...> Овсяный кисель (нем.).

***** Гленность (нем.).

Der Wanderer* из Гёте⁴⁵.

Неожиданное свидание и несколько анекдотов из Гебеля, в прозе⁴⁶. Сказку из Ламот-Фуке⁴⁷.

Твоя часть.

Парамифии⁴⁸.

Свифтово рассуждение о помеле⁴⁹. Из Якоби о Шиллеровых трагедиях (из Шлегелевой драматургии, можешь взять эту книгу у Греча)⁵⁰.

Märchen** из Гёте⁵¹.

История немецкой литературы (сокращенный перевод из Conversations-Lexicon***⁵². Можно только одну половину, окончание в других книжках).

NB. Прилагать краткие известия о тех авторах, из которых будем брать статьи. Это мое дело.

К первой книжке на гравированном титуле портрет Шиллера. Это я здесь могу заказать Зенфу⁵³.

Но какой титул? Не назвать ли *Тевтона*?⁵⁴

Отвечай на это письмо скорее. Если согласишься, то принимайся за работу. Я пришлю тебе Якоби, ты переведешь назначенную статью, может быть, и еще что-нибудь выберешь; как скоро кончишь, возврати; я доставлю тебе Гёте (Märchen) и Conversations-Lexicon. Свою же часть постараюсь кончить к концу *марта*. Потом примусь за составление русской книжки. Между тем заставлю гравировать Шиллеров портрет. Книжка должна состоять из 10 листов (240 стр<аниц>), не более. Со временем может быть прекрасное собрание. Для второй книжки хочется перевести Hermann und Dorothea****⁵⁵. Тогда вся уже проза на твоих руках. Можно будет: две сказки из Фуке и Тика, *О судьбе* из Гердера⁵⁶, мелкие отрывки из Поля⁵⁷. Из Шлегеля о Шекспире⁵⁸ и пр. и пр. Прости. Отвечай же.

313.

Д. Н. Блудову

<Середина января 1817 г. Дерпт>*

Мой милый Блудов! Вызываю тебя на доброе дело: это значит, что я надеюсь, что ты отложишь всякую лень, во-первых, будешь тотчас мне отвечать на мое письмо, а во-вторых, всё по возможности исполнишь, о чем теперь пишу к тебе.

Я послал к Кавелину рукопись «Натальи», поэмы Мещёвского¹, о котором ты уже от меня знаешь. В ней много пищи для жадной твоей критики; но дело

---

* Путешественник (нем.).

** Сказка (нем.).

*** Энциклопедический словарь (нем.).

**** Герман и Доротея (нем.).

не о критике, а о помощи и нравственной, и материальной бедному несчастливцу, который имеет дарование и может быть со временем и поэтом, и человеком, если только несчастье не убьет его, а просто поучит. Чтобы оно не было убийцею, а учителем — это забота «Арзамаса».

«Наталья» посвящена Карамзину: хорошее знаменование для судьбы автора. Гений добра пусть защитит и его самого, как и его творение, весьма несовершенное, но при всех погрешностях показывающее дарование.

Я предписал, как законодатель, должность Пустыннику². Вот что предписываю Кассандре³: для напечатания «Натальи» нужны деньги, и вот сколько: в ней всего на всё будет $3\frac{1}{2}$ листа, если печатать в 12 долю, мелким шрифтом и по 30 строк на странице; печатать же не более 600 экземпляров, итак:

Бумага $3\frac{1}{2} \times 600 = 2\ 100$ листов, $4\frac{1}{2}$ стопы по 25	= 112
Набор $3\frac{1}{2} \times 30$	= 105
Переплет 300×50	= 150
	367
Кладу еще 100 на непредвиденное	<u>100</u>
	467

Эти деньги надобно собрать с арзамасцев, с некоторых (Вяземский, я, два Тургеневы, Уваров, ты) не надобно делать сбор в полном «Арзамасе», дабы никого не принуждать; а тем, кого ты выберешь кроме назначенных (ибо эти не должны отказаться), сказать келейно, взять с них деньги и передать Кавелину — его вклад будет состоять в заботе о напечатании. За Вяземского и за меня заплати ты: я бы послал сию же минуту, но у меня нет гроша (думаю, что и Северин не откажет, и Дашков — но об этом переговори с ними сам). На первый случай довольно 360, итак, по 60 рублей, а если пристанут Дашков и Северин, по 50 с брата. Твое дело собрать деньги, передать их Кавелину; что же сделать после, о том я писал к нему⁴ и от него ты узнаешь. Прошу тебя не поленишься и принять это дело к сердцу.

Мальте-Брюна⁵ мне не покупай. Нынешний год не будет у меня на него денег.

Над «12 спящих дев» работаю! Скоро пришлю, а вы между тем печатайте.

Не забудь же, брат, что я на тебя надеюсь: ты обещал статью о Итальянской литературе для моей книжки. К началу августа она должна быть непременно готова. Также и отрывки из твоих записок⁶. Пришли мне эту пословицу: не губи недруга, Бог приберет друга⁷. Так ли?

Я оставил тебе адрес вдовы Русиновой⁸, а у себя не оставил его. Пришли, не забудь.

Мое почтение Анне Андреевне, поцелуй Антонину⁹, а балладе еще и благословение.

Ж.

Отвечай скорее. Отданы ль экземпляры «Певца»?¹⁰

314.

А. И. Тургеневу

<Середина января 1817 г. Дерпт>

Здравствуй, милый друг! Обнимаю тебя от всего сердца! Я послал по этой почте к Кавелину рукопись, полученную мною от Мещёвского: поэма «Наталья боярская дочь»¹; а к Карамзину письмо его, в котором он посвящает ему свою поэму. Мещёвский должен быть приемышем «Арзамаса». Я писал к Кавелину и к Блудову о том, что я располагаю сделать с его поэмою; к Карамзину послал его письмо ко мне, в коем он требует помощи. Переговори с ними об этом деле и придумай, что можешь придумать. Между тем я наложил и на тебя, и на Николая подать², нужную для напечатания «Натальи»; ты сдери ее и с Уварова. Будь деятелен: дело идет о сотворении поэта и спасении человека. Да воскреснет «Арзамас»!

Я принялся за работу и шутить не хочу. Радуйся, друг: ты мне сделал добро, и на всю жизнь. Я чувствую новую необходимость деятельности, и это побуждение святое: благодарность к государю, который дал мне лучшее благо, — независимость, и имеет на меня надежду! Этой надежды обмануть не надобно. Я теперь в службе и должен служить по совести. И какое для меня наслаждение думать, что мое лучшее — *твое*! Не довольно того, что мы смолоду товарищи на одной дороге, но еще надобно было одному сделаться хранителем другого, а другому на всю жизнь получить драгоценное чувство благодарности к своему брату! Мы с тобою теперь неразлучно имеем одно счастье. Я принялся за работу, и часы мои идут порядочно. Вокруг меня всё устроено. Свадьба кончена, и душа совсем утихла³. Думаю только об одной работе. Благослови Бог!

Присылай мне мою картинку⁴. План для баллады⁵ готов и, кажется, хорош. Но об этом ни слова. Надобно сперва кончить «Вадима».

Бываешь ли ты у Брея? Что там делается, и нет ли чего мне сказать?

Пришли форму верующего письма для получения пенсионера. Я дам его Кавелину. Говорят, что нельзя иначе получать, как по третям. А я хотел было в конце года.

Узнай, что стоит перстень?⁶ № 1137.

Взяты ли деньги у Румянцева?⁷ Первая выручка за «Певца» М<аксиму> Ивановичу!⁸ Прошу к нему переслать и мне доставить его письмо, дабы я мог дать отчет Румянцеву.

Обнимаю Николая и сержусь на него! Он не хочет дать мне покоя и не справился еще по сию пору о бумагах Азбукина! Нельзя ли как-нибудь его усостыжить? У меня кошки на сердце! Да нельзя ли ему прислать мне адрес черта Жихарева?

Приложенное письмо перешли поскорее к Уткину, в Академию художеств.

Твой Жуковский

315.

М. Н. Свечиной

26 января <1817 г.> Дерпт*

Милая Марья Николаевна, я не забыл Вашей комиссии. Будучи в Петербурге, я справлялся о Лицее. В пенсioen Лицея поместить всегда можно. А Тургенев готов помогать Вам, как скоро занадобится помощь. Его адрес на Фонтанке в доме к<нзя> Александра Николаевича Голицына против Михайловского замка. Но мой совет: погодить немного. Лицей не место для наших милых арбенят. Там худое ученье и худой присмотр: порча нравов и безотчетная трата времени. Погодите до мая месяца. В это время тетушка Е<катерина> А<фанасьевна> будет в Белеве и с нею Маша. Можете переговорить с Машею об этом важном деле. В Дерпте есть прекрасные заведения учебные: чего бы лучше детям, как жить там под надзором Маши. Между тем (если это не сладится) устроится в Петербурге новый пенсioen, которого директором будет мой короткий приятель Кавелин. Тогда можно будет лучше пристроить детей. Скажите об этом Авдотье Николаевне, которую на всякий случай обнимаю по-старому. И Вас, милая, так же. Дай Бог нам увидеться; а когда, всё еще не знаю. Но в ожидании, всё живо помню о Вашей бесценной дружбе и в душе своей никогда не потеряю старого, верного, доброго чувства, которое меня к Вам привязывает. Простите. Не забывайте

Жуковского

Анне Николаевне¹ милый, дружеский поклон.

26 генваря. Дерпт.

P. S. А ргорос!* Вы читаете газеты? Из них, верно, Вы узнали уже о том, что я стал богат! Порадуйтесь со мною!

316.

П. А. Вяземскому

27 января <1817 г.> Дерпт*

Дерпт. 27 Генваря

Не гневайся на меня, душа моя душенька! Я прав: *теперь* о журнале думать нам нечего: начнем и не кончим! В этом я уверен. Будем довольствоваться перепалкою в ожидании возможности стрелять картечью и ядрами со всех батарей. Это время придет. Пока станем помогать друг другу в малом. Я намерен выдавать в начале каждого года по две книжки: в одной будут одни русские сочинения в стихах и прозе (разумеется, что *переводы в стихах* принадлежат к сочинениям), в другой будут переводы образцовых пьес с немецкого. Плана

---

* Кстати (франц.).

делать нечего. *Разнообразие* — вот план. Я желал бы, чтобы ты поступил с французскою литературою, а Батюшков с италианскою так же, как я хочу поступить с немецкою. Таким образом, в начале каждого года являлось бы несколько весьма свежих и ароматных цветков, которые приучили бы русские носы к тонкому обонянию. О собрании своей немецкой книжки я не забочусь — материалов бездна; но для русской нужно мне деятельное пособие, твое, Батюшкова и других арзамасцев. Соиздателем моим будет для обеих книжек Дашков, если не откажется. Они должны выйти в начале будущего года; следовательно всё надобно приготовить к началу августа нынешнего года¹. Доставь мне всё твое поскорее; да припаси что-нибудь в прозе. Также крикни на Батюшкова: без его роз и ясинов не будет лучшего в моем букете. Требую от него прозы и стихов, и к началу августа, не позже. Сказывали мне в Петербурге, что наш патриарх поэзии опять принялся за перо: правда ли это? Я говорю о новых баснях Дмитриева!² Какая бы для меня блестящая добыча! От *женатого* Дениса Давыдова³ ожидать нечего — но если он что-нибудь тиснет, лови и не выпускай из рук и бросай в мою котомку. Ты должен быть в Москве моим таможенным приставом и никакого стихотворного товара, разумеется, хорошего, не впускать в границы других журналов. Всё конфискуй и отсылай в мой магазин. Я желал бы, чтобы ты состряпал что-нибудь в прозе; но требую разрешения на поправку: иногда ты жестоко грешешь против грамматики, и часто, так же как и я, заговариваешься. Умеренность — знак совершенства!

Не гневайся на меня за то, что не посылаю ничего в ваше общество!⁴ Нет ничего, так и послать нечего. Есть два перевода с немецкого⁵; но они, я уверен, будут весьма дурно приняты господами важными профессорами, которые от старых аристотелевых правил ни на шаг, которым всего важнее *единство*, которые всё имеют, кроме — души; сверх того, эти две пиесы нужны мне для моей немецкой книжки. К тебе я ничего не послал по весьма важной причине: надобно переписывать самому, а я ужасно ленив переписывать. К тому же «Вадим», или продолжение «12 спящих д<ев>» (которое NB весьма понравилось Арзамасу и Карамзину⁶), еще недоконченное творение, а вышеозначенных двух переводов не послал, также опасаясь, что они и перед тобою не найдут пардона; новый, совершенно еще небывалый на Парнасе нашем род, для меня прекрасный, одобренный Карамзиным, но проклятый Блудовым (которому я, однако, в этом случае не верю — да и никому бы не поверил). Итак, терпение. «Певца»⁷ ты уже, я думаю, получил! Доволен ли? Но я не доволен тобою! За то восхищение, с каким ты говоришь о моем меценате. Неужели мог ты думать, что я искал, чтобы мой «Певец» был напечатан на счет Румянцева⁸, и что я доволен тем, что это сделалось! Нет! Это сделалось без ведома моего и желания. Но, к счастью, всё поправилось: Румянцев издатель моего «Певца», но он знает, что деньгами его я не воспользуюсь! И то, что мне было бы весьма тяжело, теперь для меня

легко и заставило любить Румянцева, который, надобно признаться, показывает мне особенную и весьма мне драгоценную ласку.

Главное дело сделано. Я имею свободу, и свободу прелестную: умеренную, обеспечивающую меня насчет завтрашнего дня и возбуждающую к деятельности. Все обстоятельства полученной мною пенсии прекрасные⁹. Кроме того, что теперь я могу смотреть беззаботно и весело на *будущее*, и самое *воспоминание* об этом случае самое чистое. Я всем обязан дружбе, мне не нужно было не только искать, но даже и говорить, всё родилось в голове, или, лучше сказать, в сердце Тургенева, и всё сделалось без моего ведома. Он заботился об этом, как об одном из главнейших дел жизни. Мне позволено назвать это счастьем: ему досталось на часть дать мне лучшее благо жизни — независимость, а мне, имея это благо, думать с самым усладительным нам чувством, что лучшим добром обязан я своему товарищу и брату. И тот человек, который был главною пружиной, князь Голицын¹⁰, действовал от сердца, и ему весело быть благодарным. Не говорю уже о прекрасной для меня мысли: одобрении государя! Ведь это голос отечества, и с этой стороны мой пенсион, награда государя, будет неизменным возбудителем моей деятельности: я теперь не дам себе заснуть! Приобретение славы теперь для меня обязанность.

Обнимаю тебя, добрый друг и благородный товарищ во всем добром, за то, что ты пишешь о Мещёвском¹¹. Надобно спасти человека и дать России поэта. В нем точно есть большое дарование, хотя «Наталья» его вся унижена ошибками. Вот тебе отчет в том, что я хочу сделать с «Натальею»¹². Я послал ее к Кавелину; он ее перепишет, покажет Карамзину и будет потом заботиться о напечатании; издержки печатания падают на Арзамас: по моему расчету, если напечатать не более 600 экземпляров, нужно будет не более 500 рублей. Достанется на брата, если обложить этим оброком только *избранных*, не более 60 рублей; за тебя и за себя велел я внести деньги Блудову. Из напечатанных 600 экземпляров члены Арзамаса должны взять на себя распродажу 300 экземпляров по 5 рублей каждый; из этих 300 один ты можешь раздать 100, будучи знаком со всею вселенною Москвы белокаменной. Остальные же 300 можно продать рубля по два в лавку, чтоб получить деньги *вдруг*. Всю сию сумму должно доставить *мне* для пересылки Мещёвскому. Итог может составить в течение года по крайней мере 2 000 рублей. Важное пособие ему на 1818-й год. До тех же пор кое-как может он протянуть тем, что послано теперь. Между тем, получив от него подробную исповедь о том, что с ним было и что для него можно сделать, мы можем совокупно похлопотать о облегчении его судьбы. Работу же я ему задал: я послал ему книг, велел переводить Клейстову «Весну»¹³, с которою он в состоянии сладить, задал сюжет для поэмы, небольшой и не превышающей его дарований и теперешнего навыка; и наконец, дав ему благой совет понабить руку около переводов из Шиллера, Гердера и Бюргера, пригласил к переводу Виландова

«Оберона», за которого через год будет он в состоянии приняться с успехом! Одобряешь ли мои планы? О содействии просить тебя нечего — прошу только о сообщении своих мыслей, дабы нам действовать *согласно*. Сборщиком арзамасской подати для «Натали» назначен Блудов. Эта моська не поленилась сходить в свой карман, когда надобно будет дать, и дать много, просящему.

Прости. Писать более некогда. Еще надобно написать 5 писем.

Ж.

Пошли тотчас к Батюшкову требование стихов и прозы. Крайний срок к августу. Не засади меня с ним впросак.

317.

И. И. Мартынову

27 января 1817 г. Дерпт

Милостивый государь Иван Иванович!

Я не имел способу с Вами увидеться при отъезде моем из Петербурга; мне хотелось еще раз напомнить Вам о моей покорнейшей просьбе касательно г-на Асмуса¹ — если не мог этого сделать лично, то хотя бы письменно. Вы обещали обратить на нее внимание, и надеюсь, что, по особенной ко мне приязни, этого обещания не забыли. Смею просить Вас потрудиться меня уведомить о судьбе асмусова дела: прошу это за особенный знак Вашего мне доброжелательства и когда отправлюсь на Олимп, то помяну Вас в небесном царствии Феба; а здесь на земле самую точную и простою прозою уверяю Вас в совершенном моем расположении, с коим честь имею быть

Вашего превосходительства
покорнейшим слугою

В. Жуковский

1817

Января 27.

Дерпт

318.

А. П. Зонтаг

4 февраля <1817 г. Дерпт>

4 февраля

Милая Анета, что же это за Корсар?¹ Вы пишете, что он всё у Вас похитил, — и мне это так кажется! Он даже отнял у Вас и перо. Вы не уведомляете нас о следствиях его высадки на берег Мишенского! Брошен ли якорь? Пропел

ли он свое *Te Deum** , и пели ли у Вас многия лета?!² О тысяча верст! как бы хотелось Вас увидеть! Вы спросите: что ж мешает? Боже мой! ведь всем желаниям сердца угодить нельзя. Ваше милое, дружеское приглашение тащит меня к Вам весьма сильно; необходимость *своими* глазами увидеть Вас счастливою, увериться в этом не по одним слухам, также меня зовет к Вам — мне очень, очень грустно оттого, что я принужден на Ваше милое слово: «*je demande à votre amitié de venir me voir!*»** , сказать: «не могу!» И странное дело! Теперь, когда надобно решительно отказаться от счастья вас всех увидеть, мои важные причины теряют для меня свою силу! Как бы то ни было, вот они: первая, и менее других важная, есть та, что у меня нет денег на путешествие, которое взад и вперед должно стоить по крайней мере 500 рублей, — нет денег и есть долги, которые хочется нынешний год заплатить все, чтобы с следующего начать жить независимо. Но, повторяю, эта причина меня бы ни минуты не остановила, если бы она была единственная.

Другая: мне надобно *работать*. Пенсион, который дал мне государь³, который я считаю наградою за *добрую надежду*, налагает на меня обязанность трудиться, дорожить временем и поскорее успокоить совесть свою⁴, написав что-нибудь важное. Слава достойная есть для меня теперь то же, что благодарность.

Чтобы работать порядком, надобно сидеть на месте; а чтобы написать что-нибудь важное, надобно собрать для этого материалы. У меня сделан план: он требует множество материалов исторических;⁵ того, откуда я их почерпнуть должен, с собою я взять не могу, — а время между тем летит! Что, если оно улетит и умчит с собою возможность что-нибудь сделать! Я столько потерял времени, что теперь каждая минута кажется важной тратою!⁶ Вся моя прошедшая жизнь есть не иное что, как жертва мечтам; жалкая жертва! и боюсь, не потерял ли я уже возможность пользоваться настоящим. Мне нельзя перетащить к Вам с собою всех моих книг; а большая часть их будут мне нужны, если не для чтения, то для справок. Сверх того, я беру здесь лекцию, именно для моего плана весьма важную; она продолжится от февраля до конца мая и должна облегчить мне большой труд. Одним словом, в нынешнем и будущем году я должен написать что-нибудь важное — без этого душа не будет на месте! Я не должен обмануть надежды царской! NB. Вы, верно, не получили моего письма о моем пенсионе; воображая, что Вы в Москве, я адресовал свой пакет на имя почтамтского экзекутора Афанасьева, который должен был передать его Офросимовым для доставления Дунаше; в этом пакете был и экземпляр «Певца», поднесенный его высокоблагородию Ваничке⁷. Получен ли он? Мой пенсион есть для меня происшествие счастливое, без всякой примеси неприятного. Я ни о чем не за-

---

* Тебя, Бога <хвалим> (лат.).

** Я взываю к Вашей дружбе: приезжайте повидаться со мной! (франц.).

ботился и не хлопотал, всё сделала попечительная дружба Тургенева. Он без моего почти ведома заставил поднести кн<язя> Голицына, нынешнего министра просвещения, государю экземпляр моих сочинений. Правда, надобно было написать посвянительное письмо государю⁸ — но вот всё, что сделано с моей стороны. К<нязь> Голицын хотел мне сделать добро, и его сердце сильно в этом участвовало. Он хотел дать мне не мелочную награду⁹, а независимость. Дать перстень с шифром была мысль самого государя. Всё это меня радует. Мысль, что будущее обеспечено, успокаивает душу. Теперь постоянный труд для меня обязанность.

Должно ли Вам говорить о третьей причине? Эта третья причина меня пугает, и для Вас она будет неожиданна. Эта третья причина называется Анетою. Не воображайте меня в цепях — нет! Я стою перед затворенным домом; мне говорят: «Войди! Это приют счастья!» — говорят; а сам я не знаю ничего, — но скажите, должно ли отойти от этих дверей, не заглянув в них? Что, если в самом деле за ними счастье? Вот в чем дело: здесь есть Анета, которой, *как говорят*, я по сердцу! все хвалят ее характер, она необыкновенно умна; сердце прекрасное — но вот беда: она принадлежит к одному из первых домов в Лифляндии! жила вечно в самом большом свете!¹⁰ Препятствие важно! Я не захочу остаться в ее круге, будет ли она довольна моим? Я не променяю своей родины на Лифляндию! Надобно знать, будет ли с нее довольно того маленького, спокойного, неблестящего света, в который она должна будет за мной последовать? однообразная жизнь русского поэта будет ли удовлетворительна для нее, привыкшей жить в шуме разнообразных светских веселостей? Всё это надобно знать, а чтобы знать, надобно иметь с нею некоторую короткость. Здесь я не позволю себе действовать по первому побуждению¹¹; не хочу, не буду иметь любви! Но хочу иметь верную привязанность, основанную на знании характера, на согласии образа мыслей о счастье. Если оно будет, это необходимое согласие образа мыслей, то можно понадеяться на счастье. Но до сих пор не было способа иметь короткости. Прошедшим летом ее не было в Дерпте, а теперь она в Петербурге. Там я ее видел, но был в их доме редко: в этом доме прилив всей петербургской знати! Что тут увидишь? В марте месяце возвратятся они из Петербурга в Дерпт: это *единственное время*, в которое буду иметь способ что-нибудь *узнать*. Будем вместе каждый день — спрашиваю Вас, должен ли я оттолкнуть этот случай? Уехав теперь, я решительно откажусь от того, что, может быть, даст мне счастье, и откажусь как слепой добровольный, не дав себе даже взглянуть на то, что само шло ко мне навстречу. Со всем тем этот март меня пугает: сердце молчит; в нем совершенно нет никакого ясного, решительного желания! Единственная связь между мною и ею — это та привязанность, которую я в ней к себе предполагаю. И эта связь может быть сильной — теперь, однако, нет ничего! и я нахожу в себе одно только беспокойное ожидание! чувство более неприятное, не-

жели приятное! Я даже думаю, что обрадуюсь, когда увижу, что меня обманули, что этой привязанности ее ко мне нет и не бывало.

Вот вам моя исповедь, милые сестры, Анета и Дуняша! Прошу никому, совершенно никому (разумеется, кроме Катоши) не говорить об этом, не пишите и в Дерпт. Мне одному скажите свои мысли. Прошу вас решить: важны ли причины, для которых я здесь остаюсь.

Между тем поговорим о делах: прошу Вас, милая Анета, устроить, как найдете лучше, мои денежные обстоятельства. Уведомьте меня о сроках, в которые написаны различные векселя моих многочисленных должников. У нас с Вами положено, чтобы Вы не платили мне процентов, а уплачивали ими мои долги, начиная с себя¹², и возьмите ту 1 000, которую я Вам должен. (Одна ли тысяча? не более ли?), но это Вы знаете сами лучше. С прочими моими долгами надеюсь расплатиться сам, вероятно, в течение нынешнего года! Если расчеты меня не обманут¹³, то у меня еще и деньги за уплатою останутся, и эти деньги употреблю на напечатание своих писаний.

Надобно сказать Вам прости! Благослови Вас Бог, милая сестра, добрый товарищ молодости! Несносно тяжело с Вами не видаться! Но как быть! Обнимаю милого брата, а Вам поручаю сказать ему за меня всё, что внушит Вам собственное Ваше сердце, которое должно верить моей дружбе. Прошу Вас написать о себе поболее.

Милая Дуняша, что же Вы так молчите? Вы умеете говорить мне, что я от Вас огордился забором, а сами строите каменную стену. Ни слова ни о себе, ни об Анете, ни о Вагнере¹⁴.

На мое к Вам письмо нет ответа! К Маше тоже Вы неясно говорите о каких-то печальных для Вас случаях и ничего не объясняете. Что пользы так царапать душу? Теперь мне много писать к Вам некогда; боюсь, что теперешнее письмо мое огорчит Вас: оно отнимет у Вас надежду на скорое свидание! Но послушайте, милая, наше *вместе* играет большую роль во всех моих планах. Это прошу знать один раз навсегда. Спокойное, деятельное, беззаботное *вместе* — оно будет непременно! Простите, милая; перецелуйте детей. Получил ли Ваничка «Певца»? — о моем теперешнем письме никому ни слова.

Азбукиных и дочку мою обнимаю. Скажите Василью, чтобы он не обижал меня, думая, что я понеглизировал¹⁵ его делом и забыл о его бумагах: но что же мне делать? Я поручил хлопоты в Петербурге одному моему знакомцу — Жихареву; он ездил в Польшу, а теперь в деревне. Будет в Петербурге через месяц и до его приезда бумаг возвратить нельзя¹⁶.

Право, в этом случае с моей стороны ветренности нет: всё было бы сделано, если бы делать самому! Через других же ничто никогда не делается!

319.

И. Ф. Николеву*18 февраля 1817 г. Дерпт*

Милостивый государь Иван Федорович!

Мой короткий приятель Дмитрий Александрович Кавелин вручит Вам это письмо. Извините, что отвечаю Вам поздно. Ваше письмо, писанное 24 января, пролежало в Петербурге до 14 февраля, и я получил его третьего дня, то есть февраля 16-го. Итак, я не виноват. Письмо Ваше было для меня и приятно, и печально. Радуюсь, что имею случай познакомиться с своим родственником. Но это письмо есть первое известие, какое имею в течение 10 лет о почтенном Андрее Григорьевиче¹, и, к несчастью, известие о его смерти. Он был для меня человек весьма любезный и был добрым другом моей покойной матери. Я радуюсь случаю быть полезным его сыну и готов от всего сердца воспользоваться этим случаем. Вы хотите записать малютку в Кадетский корпус. Признаюсь Вам, мне бы весьма этого не хотелось. Я знаю, каково содержание в кад<етском> корпусе и каково там ученье. Из него выйдет офицер, умеющий только командовать фрунтом; а мне бы хотелось, чтобы из него вышел человек, способный во всех положениях жизни быть счастливым; этому в Кадетском корпусе не научат. Вот мое предложение: привезите его ко мне в Дерпт; я отдам его на руки к такому человеку, на которого положиться можно. Издержки за ученье и содержание беру на себя. Когда выучится, тогда будет иметь способ жить и доставать себе всё нужное пропитание. Тогда же будем иметь время подумать и о доставлении ему нужных способов для жизни. Теперь главное — воспитание. Здесь он его получит лучше, нежели где-нибудь. Уверяю Вас, что он оставлен не будет. Итак, прошу Вас его мне поверить. Что же касается до Вашей просьбы о доставлении Вам места управляющего экономией, то, к сожалению, в этом случае, помочь Вам не могу. Здесь в Лифляндии такого места не скоро сыщешь. Поговорите с Дмитрием Александровичем Кавелиным; будучи в Петербурге, он удобнее найдет случай помочь Вам. Я об этом его просил. Если Вы решитесь привезти сюда в Дерпт своего малютку², то на первый случай постарайтесь, чтобы у него всё необходимое было, то есть нужное белье и платье. После уже об этом Вам заботиться будет не нужно. Здесь он будет отдан в хорошие руки, и Вы можете остаться на его счет спокойны. Прошу Вас отвечать мне без замедления. Адресуйте Ваше письмо прямо на мое имя в Дерпт. Уведомьте, прошу Вас, где находится жена покойного Андрея Григорьевича³. Здорова ли она? В каком положении? Когда будете к ней писать, скажите ей мое усердное почтение. Еще раз рекомендую себя в Вашу дружбу и честь имею быть с совершенным почтением, милостивый государь, Вашим покорным слугою

Василий Жуковский

1817. Февраля 18. Дерпт

320.

Д. Н. Блудову

18 февраля <1817 г. Дертт>

18 февраля

Я на тебя сердит, Блудник! Право сердит! Что ты лентяй, что тебе и здоровому писать так же трудно, как и больному, что ты рад болезни, потому что она оправдывает твою лень; всё это я знаю и готов даже уважать причину твоего молчания, ибо она мне родная! Ибо она есть лень, святая, божественная лень, единственный из древних гениев, оставшийся нам от богов языческих! Но продержать 20 дней вверенное тебе нужное письмо¹, письмо, на которое мне надобно было отвечать без отсрочки, писанное бедным человеком, которому каждый лишний день, по-пустому проведенный в Петербурге, есть большая <растрата?> — признаюсь! Это непростительно! И я попеняю тебе от всего сердца! Я не могу понять, как мог ты быть так беспечен! Тебе стоило только выставить мой адрес на пакете, и я бы уже двадцать раз успел отвечать на это письмо! А ты и не подумал! Можно ли так пренебрегать чужие препоручения! Я уверен, что ни одно из писем, мною тебе оставленных, не послано! Что экземпляры «Певца»² у тебя валяются под столом и что всё, о чем я писал в моем последнем письме, будет забыто! По крайней мере, так имею право думать!

Исправь же свой поступок и уведошь меня обстоятельно, что вы сделали или хотите сделать для Мещёвского?³ Неужели об этом надобно просить двадцать раз! И еще писать?

Об Николеве я писал к Кавелину⁴, который также совсем изменился с той минуты, как вкусил от «Арзамаса». Пожури Дашкова и Северина за то, что они молчат, бестии⁵.

Видно, я сердит на тебя, что решился писать к тебе, только для того, чтобы побраниться с тобою. Более не прибавлю ни слова — не стоишь!

Светлана

321.

И. И. Мартынову

18 февраля 1817 г. Дертт

Милостивый государь Иван Иванович!

Благодарю Вас за дружеское ваше письмецо и за доброе Ваше обещание не позабыть о моем Асмусе. Еще раз рекомендую его Вам как человека, достойного Вашего покровительства, смею быть уверенным, что Вы по благосклонности Вашей ко мне в этом покровительстве ему не откажете. Тем более что он, выслужив законные лета со всевозможным усердием, имеет полное право на ту награду, в которой отказано ему Бог знает почему.

По приказанию Вашему я говорил о Вашем предложении Воейкову. Он будет Вам отвечать сам, если до сих пор не отвечал, то этому причиною болезнь, которая и теперь продолжается.

Уверяю Вас в совершенном моем почтении, честь имею быть
Вашего превосходительства
покорнейшим слугою

В. Жуковский

1817
Февраля 18.
Дерпт

322.

А. И. Тургеневу

<Около 18 февраля 1817 г. Дерпт>

Бога ты не боишься, Александр Иванович; выйдя мне пенсии 4 000 рублей, ты прибавил себе на 8 000 лени и думаешь, что мне уже ничто не нужно, что я богат и без твоих писем. Для чего не имею я ответа ни на одно, писанное мною из Дерпта? Для чего не обращено никакого внимания на Мещёвского? Для чего не сказано мне ни слова о моем родне¹, который просил у тебя помощи и о котором я узнал только потому, что Блудов, продержавший его письмо у себя 20 дней, черт знает для чего, вдруг опомнился и прислал это письмо ко мне? Отчего не получаю адреса Жихарева? Отчего ты меня бросил, так бросил, как старые штаны, которых и Лаврушка носить не хочет? Признаюсь, с вами всякое терпение придет в отчаяние. Даже и Карамзина вы испортили, и он не отвечает на письмо мое!

Отвечай мне скорее на три старые письма и на *все* (NB для этого нужно перечитать эти письма и вспомнить, что я на свете). А в наказание вот тебе новые вопросы, на которые также прошу обратить благосклонное внимание.

1°. Граф Мантейфель² имеет двух сыновей, которых хочет поместить в пансионе, учреждающемся при Лицее. Он, зная мою связь с тобою, просил меня через тебя *захватить два места заранее* в этом пансионе. Если бы он знал, как ты исполняешь мои просьбы, то, верно бы, не стал меня об этом просить. И, к несчастью, я не мог ему отказать; мне больно говорить тем, которые надеются на мой кредит при твоём превосходительстве, что этот кредит кимвал звяцай, что ты пропустишь просьбу мимо ушей и не исполнишь ее, потому что или забудешь, или не дочитаешь моего письма. Сделай чудо, не засни над этим письмом и похлопочи о Мантейфеле, то есть постарайся, чтобы его два сына были в свое время непременно приняты в пансионе Лицея.

2°. Сделано ли или принято ли какое-нибудь намерение сделать что-нибудь для Мещёвского по тому плану, который я доставил господину Кавелину, такому же ленивому дьяволу, как ты?

3°. Николев, мой родня³, к тебе адресовался с своею просьбою поместить брата его сестры⁴ в кадетский корпус. Мне этого не хочется, а что мне хочется, об том узнаешь от Кавелина. Но что ты сделал? И титул родня Жуковского растолкал ли твою лень?

4°. Как пишется адрес Жихарева? И где существует его самоличность?

5°. От Мартынова получил я письмо, в коем он уведомляет, что Асмусово производство не состоялось и что об нем будет представлено в Сенат. Возьмешь ли на себя вспомнить при случае о Асмусе?

Отвечать скорее. Впрочем, я не очень этого надеюсь. Где тебе обо мне подумать? Когда же спать? Когда же есть? Когда же опять спать и опять есть? Плясать на похоронах, свадьбах, родинах, крестинах, завтраках, полдниках, ужинах и прочее?⁵ О Господи!

323.

А. А. Прокоповичу-Антонскому

24 февраля 1817 г. Дерпт

Мне не нужно к Вам писать о том важном добре, которое сделал мне государь¹. Теперь обязан я ему самым лучшим благом в жизни — независимостью. Дай Бог оправдать такое внимание русского царя и не обмануть его надежды. Надеюсь, что Вы, как один из самых ревностных участников во всём, что касается до меня, порадовались этому случаю. Я теперь в Дерпте² и живу здесь не без занятия. Весьма надеюсь с Вами увидеться нынешним годом в Москве. Желая найти Вас весьма веселым, здоровым и тем же в душе своей ко мне, каким Вы всегда были. Во мне же найдете ту же привязанность и благодарность к Вам, какую всегда я живо чувствовал и какой никогда чувствовать не перестану. Я еще не доставил к Вам экземпляра «Певца»³. Причиною тому было то, что я по сию пору не получил из Петербурга от Кавелина ни одного. Посылаю один для Вас, другой для Собрания⁴ и еще несколько, которые прошу Вас раздать по адресам.

Обрадуйте меня строчкою. Побраните — так и быть, но уведомьте о себе и о том, что вокруг Вас делается. Мне нечего описывать Вам моих окружностей: Дерпт Вам неизвестен, и никто в нем не может быть для Вас интересным. Вы в Москве; всё, что подле Вас, мне знакомо и более или менее близко⁵.

1817. Февраля 24. Дерпт

324.

А. И. Тургеневу

24 февраля <1817 г. Дерпт>

24 февраля

Наконец решился ты написать¹, ленивец; и то писал на полете: ни на что не отвечаешь, об чем я к тебе писал. Беда с вами!

Теперь, верно, уже ты виделся с Мантейфелем и знаешь, чего ему надобно. Прошу тебя ему помочь.

За Эверса обнимаю тебя от всего сердца. Как бы хотелось обнять за Паррота, за Воейкова и за весь университет, между прочим, и за Асмуса. À propos* о Воейкове. Получил ли ты от Кавелина список его «Георгик»² и решился ли что-нибудь сделать по моей просьбе? Ты не для одного меня должен похлопотать о Воейкове. Мои причины тебе известны: ты с ними согласен, итак, об них ни слова. Но Воейков, как русский поэт, достоин всякого одобрения. Он имеет истинное дарование и с этим дарованием соединяет трудолюбие постоянное. До сих пор его перевод «Садов»³ есть, без всякого сравнения, лучшая поэма на русском языке. Перевод Virgiliевых «Георгик», при всех недостатках, которые можно в нем заметить и которые он со всем усердием старается из него выгнать, есть также важное произведение русской поэзии; он хочет *посвятить себя* Virgiliю. Он стоит поощрения уже и за один этот план.

Но этот план отчасти исполнен⁴. Кто ж откажет ему в праве на внимание государя? Я советую Воейкову представить куратору⁵ список своего перевода, с тем чтобы он доставил оный министру для поднесения императору. Одобряешь ли это? Или не лучше ли тебе передать и ту, и другую поэму князю?⁶ Отвечай на это поскорее.

Вы собираетесь сделать сбор для напечатания Мещёвского поэмы: хорошо! Но скоро ли вы соберетесь? Послать эти деньги Мещёвскому и поэму продать — это скорее и менее хлопот. Правда! Но зато менее и денег. Я бы думал: напечатать 600 экземпляров на счет «Арзамаса», 300 распродать самим по 5 рублей экземпляр, остальные 300 продать рубля по два гуртом в лавку: вышло бы 2 000 рублей с лишним. Впрочем, сделайте, как сами рассудите, только сделайте, и поскорее. В Сибири терпение тяжелее, чем в Москве и в Петербурге.

Не забудь же об Асмусе. Попов⁷ скорее сделает для тебя, чем Мартынов. Асмус был учителем в уездной дерптской школе. Он взял отставку, но урочное время выслужил. Ему следует чин губернского секретаря; не получить его при отставке обидно; а таких людей, каков Асмус, надобно не обижать, а золотить. У него теперь воспитывается в собственной школе около 50 мальчиков: все они,

---

* Кстати (франц.).

верно, выйдут из нее с прекрасно образованным сердцем. Следовательно, Асмус может быть и титулярным советником.

Ты очень одолжишь меня, если постарайшься мне отыскать и прислать поскорее «Weltgeschichte» von Karl von Rotteck⁸. Одолжи, друг!

Обнимаю тебя и коллежского советника Николая Ивановича Тургенева. Пришли мне и «Русскую статистику» Вихмана⁹.

325.

А. И. Тургеневу

<Конец февраля — начало марта 1817 г. Дерпт>

Прошу тебя немедленно передать приложенное письмо Николеву^{#1}; поискать мне «Weltgeschichte» von Karl Rotteck; не забыть о Асмусе; вспомнить о Мещёвском; еще передать два приложенные письма к Блудову и Уткину; не поленишься написать ко мне две или три строчки; обнять за меня Н. М. Карамзина и любить меня по-старому, попросив о том же господина коллежского советника Николая Ивановича Тургенева, которому кланяюсь, пребывая к вам благосклонно

Василий

[#]Это письмо я посылаю через Кавелина; он знает адрес Николева.

326.

А. И. Тургеневу

<Конец февраля — начало марта 1817 г. Дерпт>

Любезный друг! Когда-то сподобился ты поспешить, и то некстати! Просьба к великому князю¹ послана. Скажи ты мне, чудотворец, кто ж позволял тебе это делать, не спросясь со мною? Если бы Блудов не вспомнил о письме Николева и наконец не вздумал бы его послать, давши ему 20 дней жить в Петербурге, вы бы всё кончили без меня и сделали бы еще кадета, то есть куклу бездушную, и мне бы только осталось браниться и злиться! Переделай это, как хочешь, и вместо того, чтобы расславлять мой арзамасский поступок и носиться с ним как с новою Шатобриановою брошюрою² из дому в дом, исполни как можно точнее то, что мне надобно. Я не согласен записывать мальчика в петербургскую гимназию. Я здесь поручу его верным людям и буду совершенно спокоен насчет его учения, нравственности и содержания. Прошу не беречь тех денег, которые я расположил пожертвовать. Я не хочу, чтобы это было состряпано кое-как. Я уверен, что здесь оно будет сделано лучше, нежели в Петербурге. Итак, присылайте скорее малютку сюда и не думайте со мною торговаться! А ты пере-

стань мною хвастать. Что ты за разносчик? Довольно с тебя и стихов! Таскай их в кармане куда хочешь; а меня не трогай.

Напрасно расхвастался ты и точностью ответа на мои запросы. Я ждал от тебя не *обещания* позаботиться о Мещёвском, а *исполнения*, и самого скорого.

Я послал к тебе с Зарембою манускрипт для Румянцева. Отдан ли он? Кто знает? Ты и не думаешь откликнуться? Я просил тебя прислать мне кое-какие книги; где они? Одним словом, хорош ты гусь!

Отвечай немного, но на *всё*. Обнимаю тебя.

Ж.

Посмотрим, что ты сделаешь для Асмуса! А теперь еще более желал бы я ему услужить. У него на руках будет мой сынок³.

327.

И. И. Дмитриеву

1 марта 1817 г. Дерпт

Милостивый государь Иван Иванович! Я имел честь получить письмо Вашего превосходительства¹. Приношу сердечную благодарность за Ваше дружеское, драгоценное воспоминание. Как бы хотелось перепрыгнуть к Вам на берега Патриарших Ваших прудов и заглянуть в Ваше новое уединение; может быть, летом и буду иметь это счастье². Посмотреть на Вас — значило бы возбудить воспоминание о хорошем прошлом и разогреться для хорошего в будущем. В ожидании этого времени мысль об Вас, как о человеке, принадлежащем к немногочисленному совету тех людей, пред коими хотелось бы со всех сторон быть чистым и правым, будет подстрекать меня к доброму труду. Не скажу, чтоб я много сделал; у меня большая неровность в работе! Часто какая-то нравственная сухотка нападает на меня и мучит целые месяцы. Зато готовлюсь! Чтоб хорошо обработать предмет, взятый из нашей истории³, надобно покороче познакомиться с этою историею в ее источниках: это я и делаю. Без подмосток нельзя построить здания. Дай Бог только не остаться с одними подмостками.

М<илостивый> г<осударь> И<ван> И<ванович>, возобновляя уверение в моей душевной к Вам привязанности, честь имею быть с совершенным почтением Вашего превосходительства покорнейшим слугою

Василий Жуковский

1817, марта 1-го. Дерпт

328.

А. И. Тургеневу

<Конец марта (до 25-го) 1817 г. Дерпт>

Посылаю тебе чудака, поэта, бродягу, ребенка, старика¹. Не осердись на меня за то, что обременяю тебя ненужными тебе знакомствами. Податель этого письма не будет тебе в тягость; он бродит по свету и описывает в стихах свои похождения; у него никогда нет гроша: весь его гардероб (два сюртука, два жилета и, вероятно, двое штанов, с большою трубкою в кармане) всегда на нем: все его сочинения у него за пазухою; те, которые не могут уложиться, сожигаются. Он идет в Петербург для того, чтобы сказать себе: «Я был в Петербурге!». Но денег у него нет, и он об этом не заботится. Он хочет в нынешнем году выдать по подписке свои песни; подписная цена 1 рубль серебром². Постарайся собрать ему несколько подписчиков, чтоб было что есть в Петербурге. Важная цель его путешествия в Петербург есть: видеть праздник Светлого Воскресения и описать его в стихах. Верно, и для тебя строфа будет. Вообще, в его стихах много хорошего, хотя и много беспорядочного. Сам же он необыкновенное явление в свете. В нем есть что-то младенческое. До сих пор еще не начинал он думать о завтрашнем дне. В 15 лет исходил он около 20 000 верст пешком. В Петербурге пробудет две недели; оттуда в Ревель; из Ревеля в Бремен; где он остановится, я не знаю. Но если в Петербурге случится ему в чем-нибудь нужда, помоги ему.

Твой Жуковский

329.

А. И. Тургеневу

<Март 1817 г. Дерпт>

Любезный друг! Вот и сам граф Мантейфель в Петербурге. Я уже два раза писал к тебе о его желании поместить сыновей в лицейский пансион¹. Пишу в третий раз и прошу оказать ему в этом случае нужную помощь. Главное дело в том, чтобы ему захватить место заранее в этом пансионе. Он боится опоздать. Правда, прием начинается не прежде, как в июне месяце, но к этому времени могут уже все кандидаты быть сполна: итак, прошу тебя сделать, чтобы и его сыновья были непременно записаны. Этим одолжишь целое семейство и меня тут же.

Уведомь, получил ли ты от Зарембы пакет и жизнь Лерберга и отдал ли графу Румянцеву?² Я прошу тебя поскорее купить для меня книгу: Rhüs, «Handbuch der Geschichte des Mittelalters»². Она мне нужна; Эверс³ по ней читает

историю средних веков, а я слушаю эту лекцию у Эверса, за которого слава тебе! Нельзя ли, чтобы была слава и за Паррота и слава за весь университет?

Tout à vous Joukovsky*

330.

А. И. Тургеневу

<Конец марта 1817 г. Дерпт>

За Воейкова благодарю сердечно¹. Ливен² уже сказал ему, что получил от тебя книги. Не оставь же этого дела недоконченным. Когда возвратится Ливен в Петербург, заставь его подать книги министру³, а сам работай и помни: нам надобен не подарок, а крест. Если крест дан Гнедичу за *недоконченную* «Илиаду»⁴, то как не иметь его Воейкову за *доконченные* «Сады» и «Георгики»? Ты можешь хлопотать со всем усердием, ничего, кроме справедливого, от тебя не требуется. Не забудь о Асмусе!

Вы читали в «Арзамасе» мое письмо!⁵ Поздравляю вас! Да что же вы сделали? Как не взбеситься, подумав, что десять человек, добрых, имеющих чувство и дружных между собою, не могут найти свободной минуты, чтобы подумать о судьбе несчастного человека, ожидающего от них помощи и, может быть, спасения? Не стыдно ли вам, что я принужден писать к вам десять писем об одном и том же деле, которое вам бы и без просьбы надобно было сделать, и писать по-пустому.

Прости. О себе ничего не пишу. *Старое* всё миновалось, а новое никуда не годится! С тех пор как мы расстались, я не оживал. Душа как будто деревянная! Что из меня будет, не знаю! А часто, часто хотелось бы и совсем не быть. Поэзия молчит. Для нее еще нет у меня души. Прежняя вся истрепалась, а новой я еще не нажил. Мыкаюсь, как кегля.

331.

П. А. Вяземскому

<Март (?) 1817 г. Дерпт>*

Милый друг, ты пишешь ко мне мало и редко. На что же перенимать у меня? И ты же еще уверяешь, что я не отвечаю тебе на десять твоих писем! На проверку выходит, что <ты> не отвечаешь мне ни на одно! Я послал к тебе экземпляр «Певца»¹ — ты не написал, получил ли его! Я послал к тебе отчет в том, что я сделал или по крайней мере что расположил сделать для Мещёвского² — и на это нет ответа. Я просил тебя сберечь для меня все свои стихотворности, за-

---

* Искренне твой Жуковский (франц.).

владеть для меня всеми стихотворностями Батюшкова — и на это ни слова! Кто ж виноват?

Обнимаю тебя за Мещёвского! Ты — истинный арзамасец! Другие наши братья — петербургские бздуны. Я писал к ним не один раз, а десять раз, во всяком письме пишу одно и то же — никто ничего не делает! Что я мог, то сделал! Послал к Кавелину «Наталью», чтобы, переписав, передал Карамзину, потом на счет «Арзамаса» напечатал 600 экземпляров — из этих 600 экземпляров 300 должны бы арзамасцы распродать по 5 рублей (охотников легко бы можно было найти), а остальные 300 продать бы гуртом в книжную лавку хотя по 2 рубля. Вышло бы 2 100 рублей. На первый случай довольно бы было для Мещёвского. Но «Арзамас» рассудил собрать сумму для Мещёвского и послать оную под видом полученной от книгопродавца платы за «Наталью», которую продать книгопродавцу и взятые за нее деньги приложить к собранным, — и это бы хорошо! Разумеется, что Мещёвскому досталось бы менее, зато скорее! Но и тут мои арзамасцы мямлют! В одно бы собрание вся сумма могла бы продаться! Они и не думают! К Карамзину я писал³ — он считает неприличным писать к неизвестному ему человеку о неизвестном же человеке. Теперь, как скоро ты отправишь к нему письмо Герценберга⁴, он, вероятно, и напишет; а ты, вероятно, уже и отправил. Я же с своей стороны что сделать мог, то сделал. Послал к Мещёвскому книг (немецких поэтов), в ожидании свободы он постихотворствует. Твое дело довершить начатое — дело прекрасное! Прекрасное потому, что даст жить убитому и спасет погибающий талант; еще особенно прекрасное для меня потому, что заставляет любить тебя больше и больше! Жар к добру есть поэзия! воспоминания о прекрасном есть гений хранитель вдохновения! Ступай в Петербург и разбуди спящих! А я напишу к этим уродам большую Бурю. Прости. Обнимаю тебя. Письмо это посылаю через Булгакова⁵, чтобы к тебе вернее доставил, — а ты обними его за меня в награду за доставление.

Ж.

Поблагодари свою милую жену за Прасковью!⁶ Скажи на тройке к счастью!

332.

А. И. Тургеневу

25 апреля <1817 г. Дертт>

Письмо Свечиной¹ обмануло тебя, мой милый друг, и ты без причины обо мне трепещешь. Я не писал к Свечиной более полугода; она видела мое прежнее состояние и судит о теперешнем по-старому, ошибается и тебя заставляет ошибаться. Я был бы неизвинительный безумец, когда бы позволил себе быть бесплодною жертвою. От этого сумасшествия я избавлен, и избавлен почти без

всякого со стороны своей усилия. Трудно было решиться. Но минута, в которую я решился, сделала из меня другого человека; и, к несчастью, эта перемена сделалась слишком скоро. Я хлебнул из Леты и чувствую, что вода ее усыпительна. Душа смягчилась. К счастью, на ней не осталось пятна; зато была она, как бумага, на которой ничто не написано. Это-то ничто — моя теперешняя болезнь, столь же опасная, как первая, и почти похожая на смерть. Поверь мне — я перед тобою и перед Карамзиным не способен быть скрытным. То, что я говорил тебе и ему, справедливо совершенно. Если я во всё время нашей разлуки не написал ничего, то не изъясняй этого *прежним*: с этим прежним я сладил. Мое теперешнее положение есть усталость человека, который долго боролся с сильным противником, но, боровшись, имел некоторую деятельность; борьба кончилась, но вместе с нею и деятельность. К этой деятельности душа моя привыкла: эта деятельность была до сих пор всему источником. Но не бойся! Я не упаду! По крайней мере, я надеюсь воскреснуть². Свечина пишет, что она не может читать стихов моих: они слишком сильно раскрывают перед нею ее душу и в ней пробуждают то, до чего бы не надобно было прикасаться. И я не могу читать стихов своих — но причина совсем другая: они кажутся мне гробовыми памятниками самого меня! Они говорят мне о той жизни, которой для меня нет! Я смотрю на них, как потерявший веру смотрит на церковь, в которой когда-то он с теплою, утешительною верою молился. Это пройдет! Не бойся за меня Дерпта! Я смотрю на счастье, которое не мне принадлежит, *спокойно*; в те минуты, в которые более способен я живо чувствовать, оно только радует меня, и никакое другое чувство не смешано с этою радостью. Но вообще нахожу в себе равнодушие, для меня тяжелое, и это равнодушие — *во мне самом*; внешних причин искать не надобно! Оно похоже на сон, который производит иногда прекрасная музыка. Музыка моя молчит, и я сплю! Из этого-то сна должно непременно выйти, и кажется, что теперь представляется мне для этого средство, и вот какое. Третьего дня проезжал здесь Глинка³. Он сделал мне от себя следующее предложение. Для принцессы Шарлотты⁴ нужен будет учитель русского языка. Место это предлагают ему с 3 000 жалованья от государя и 2 000 от великого князя, с квартирою во дворце великого князя и другими выгодами. Занятие: один час каждый день. Остальное время свободное. Глинка по своим обстоятельствам должен от этого места отказаться. Он желает знать, могу ли я принять на себя эту должность, и требует моего скорого ответа, чтобы меня на свое место представить. Я не сказал ему ни да ни нет. Без твоего совета и совета Николая Михайловича⁵ не решусь ни на что. Место это кажется мне *выгодным* по многим причинам. 1°. Обязанность моя соединена будет с совершенною независимостью — это главное! Мне будет возможно посвятить половину своего времени другим работам. Работа же *по должности* будет в связи с моими прочими занятиями и вместо того, чтобы им препятствовать, может им способствовать.

2°. Определяемое содержание (если оно таково, как мне сказал Глинка) даст мне средство жить беззаботно в Петербурге, иметь порядочный, определенный, не рассеянный образ жизни и располагать своим временем как хочу. 3°. Самая должность, которую возьму на себя, имеет в *себе* много привлекательного: это не работа наемника, а занятие благородное. Иметь в таком занятии (и в любимом занятии) товарищем образованную женщину должно быть наслаждением, а не неволею. Сверх того, и потому уже эта должность для меня выгодна, что она *должность*; в некотором отношении мне нужно подчинить себя обязанности. Слишком неограниченная свобода вредит мне, я это чувствую. Надобно только, чтобы обязанность не была для меня рабством и не привязывала меня к чему-нибудь, мне несвойственному. В настоящем случае, кажется, этого быть не может. Напротив, здесь много пищи для энтузиазма, для авторского таланта. Наконец, принявши это предложение (если *NB* оно будет мне сделано), я войду в прекрасный круг, в котором могу быть без рассеяния; могу пользоваться приятностями лучшего общества, не будучи ими увлечен; буду ко всем вам близок, что необходимо для того, чтобы я более работал; буду иметь под рукою все пособия, нужные для работ моих; могу более образоваться. Вот выгоды. Теперь посмотрим на изнанку. Первое (отвечай мне на это искренно), думаешь ли, что я к такой должности способен? Довольно ли иметь стихотворный талант и быть хорошим писателем, чтобы учить, как должно, языку своему? Я знаю язык свой более по рутине, но на экзамене едва ли выдержу пробу. Искусство учить не требует ли особенного навыка, особенного дарования? Что, если я возьмусь за такое дело, которого не исполню, как должно, то есть, чтобы *я сам мог быть доволен*? В этом случае мне будет мало *порядочного* исполнения; надобно угодить самому себе совершенно. Если же не угожу самому себе, то это не будет ли для меня убийственно? И я тогда не потеряю ли самый талант свой? Необходимость работать — прекрасное дело; но необходимость быть всякий день способным *хорошо* работать — не будет ли она для меня слишком тягостною, для меня, который избалован свободою и привык работать только тогда, когда вдохновение этого требует? Еще одно: я хотел было употребить года два на путешествия, хотел было дать себе года два настоящей молодости, свободной, живой, окруженной прекрасными, для меня новыми впечатлениями. Этот вояж был бы факелом-воспламенителем моего дарования. От этого надобно будет отказаться. Но этим можно будет пожертвовать, если только бы увериться, что я свое дело исполню, как надобно. Предоставляю тебе и Николаю Михайловичу быть моими судьями. Решите за меня и действуйте. Если вы решите, что мне отказываться не должно, то позаботитесь и о моих выгодах. Твое дело всё устроить к лучшему. Особенно хлопотать о жалованье и квартире. Без совершенной беззаботности о своем содержании мне нельзя в Петербурге ничего доброго сделать. Старайся, чтобы я получил точно то жалованье, о котором говорил мне

Глинка. Одним словом, эта забота твоя, а не моя. Если вы решите *соглашаться*, то дай за меня слово Глинке; он объявит об этом вдовств<ующей> государыне⁶; но знай наперед, что мне прежде конца августа в Петербург приехать невозможно: я отправляюсь в Белев, где мне быть *необходимо* и где пробуду всё лето⁷. Эту отсрочку ты должен для меня выхлопотать непременно. Здесь останусь до тех пор, пока получу от тебя ответ. Еще было бы лучше, когда бы можно было отсрочить до января; я мог бы *приготовиться*. *Начать тотчас* я не могу и не умею. Жду от тебя ответа. Какой он ни будет, я совершенно спокоен. Мне *лучшего* не надобно. Но отвечай немедленно, ибо я должен ехать и откладывать своей поездки не могу. Прошу тебя быть поспешным.

Асмус? Мещёвский?

25 апреля

333.

А. И. Тургеневу

<Конец апреля (после 25-го) 1817 г. Дерпт>

Прошу тебя по моему письму ничего не делать, то есть не говорить с Глинкою и не давать за меня слово. Я буду сам в Петербурге через неделю. Лучше узнать обо всём самому; заочно этого дела нельзя делать. До приезда моего не говори ни с кем, даже и с Карамзиным; а думай один про себя. Приложенное письмо отдай Глинке¹. До свидания.

Твой Жуковский

Ты можешь повидаться с Глинкою. Не говори ему от меня ничего; можешь расспросить о том, чего от меня требовать станут. Письмо же отдай немедленно. Я не знаю, где живет Глинка: его отыскивай во дворце.

334.

К. Моргенштерну

<Апрель 1817 г. Дерпт>

Joukovsky vous prie de venir dîner chez lui. Nous aurons Ewers, Engelhardt et Parrot. Je vous attends à l'heure et demi et je n'accepte pas de refus.

Перевод:

Жуковский просит Вас пожаловать к нему на обед. У нас будут Эверс, Энгельгардт и Паррот. Я жду Вас к половине второго и отказа не принимаю.

335.

А. П. Киреевской (Елагиной)

<1 мая 1817 г. Дерпт>

Милая сестра, благодарю Вас от всего сердца за имя брата, сказанное в такую минуту, когда это имя должно было быть Вам утешением. Милый друг, я завтра отсюда еду и буду у Вас в конце мая, ждите меня¹. Сердце за Вас страдает, о брате Азбукине не могу думать. Мне кажется, что единственное слово, которое можно сметь сказать ему и Вам теперь, есть то же, каким Вы начинаете свое письмо: Христос воскрес! Что к этому прибавить? Это ее голос, а нам только отвечать: воистину! С надеждой, с твердостью, с терпением и конечно, конечно, с любовью! Разве конец? Право, нет! Подле милого мертвого «Христос воскрес» есть слово жизни, твердости, награды, надежды. Право! Это — дело Провидения! Отымая у нас милого человека, оно соединило с минутой потери воспоминание о лучшем, что мы имеем в жизни. Милый друг, мы скоро увидимся — дай Бог, чтобы свидание наше было Вам утешением. Теперь простите! Мы были бы вместе скорее, но я должен ехать через Петербург, где пробуду по крайней мере неделю — а для чего, об этом поговорим при свидании².

336.

А. Е. Измайлову

22 июня 1817 г. Петербург

М<илостивый> г<осударь> Александр Ефимович! Принимая с сердечною признательностью лестный дар Вашего Общества: титул члена, а с ним и приятное право называться сотрудником Вашим и Ваших почтенных товарищей, покорнейше прошу Вас, милостивый государь, быть изъяснителем сей признательности перед почтенными любителями словесности, украшающими ее своими трудами и воспаляющими других к труду своим одобрением. Честь имею... и проч.

Василий Жуковский

Июня 22, 1817. С.-Петербург

337.

М. А. Мойер

<Июнь—июль 1817 г. Петербург>

Посылаю к тебе деньги, милая Маша; уведошь о получении. Письма ваши получил¹. Бедная Дуняша! Ангел Дуняша! Как бы к ней полетел! Но, может быть, это еще и удастся — еще не прикован, и очень может статься, что и не буду

прикован!² Тогда к ней поеду!³ Прости, милая! Писать некогда! Обними мужа и поцелуй ручки у нашей маменьки.

Твой Ж.

338.

А. П. Елагиной

<Середина июля 1817 г. Петербург>

Благословляю Вас от всего сердца, милая сестра! Ich hörte, aber erstaunte nicht, und kann nichts erwidern*. Милая, я ждал этой весты. Назад тому два дня получил я письмо от Карла Яковлевича¹, в котором он уведомляет меня в двух словах о Вашей свадьбе. И первое мое движение, по какому-то верному предчувствию, была радость. Мне говорит какой-то голос и говорит так, что не могу ему не поверить: она будет счастлива! И с тех пор, как знаю об этом, я совершенно спокоен на счет Ваш. До сих пор Вы были жертвою всего, и страдания всякого рода от Вас не отставали — теперь должна настать другая эпоха, вознаграждения и тихого наслаждения жизнью в семье своей. Этого наслаждения Вам было иметь невозможно без товарища-защитника. И Бог его привел к Вам такого, какого Вам надобно, с душою, могущею Вам знать цену. И в какую минуту! Милая! Не правда ли, что это некоторым образом благодетель Катоши?² Надобно было ей умирать и страдать, чтобы прекрасное сердце перед Вами обнаружилось. Милая, эта бесценная, успокаивающая мысль о Вашем счастье точно добрый гений. Теперь уж не буду воображать Вас окруженную тяжелыми заботами, одинокою посреди тысячи убийственных, хотя мелких неприятностей — у детей ваших твердая подпора; у Вас счастье — и это счастье Бог сбережет! оно куплено дорого! а кто больше Вас достоин счастья? Нет на свете души возвышеннее, лучше Вашей — это мой символ веры. А тот, кто будет уметь Вас счастливить, будет уже всё иметь на свете. Что за вопрос Вы мне делаете: Si j'approuve votre conduite!^{**} 8 месяцев, проведенных вместе и в каких обстоятельствах, — это жизнь! Слышать от Вас о том человеке, с которым Вы навсегда соединены: je l'aime autant qu'on peut aimer!^{***} Это восхитительно! в этом представляется мне что-то необыкновенно прекрасное. Теперь знаю то место на земле, где земная жизнь может назваться жизнью: когда говорите о счастье Вы, тогда я представляю себе всё прекрасное, соединенное с этим словом! И это счастье верно. Продолжение его оставим тому Провидению, которое привело это счастье к Вам над гробом сестры Вашей как будто для того, чтобы сказать Вам самым понятным языком, что оно всё хранит и за всё награждает.

* Я услышал, но не удивился и ничего не могу возразить (нем.).

** Одобряю ли я Ваше поведение? (франц.).

*** Я люблю его так, как только можно (франц.).

Простите, милая! Обнимите за меня Вашего мужа! Вы так заспешили, что и не назвали его в письме своем, и я бы должен был играть несколько времени роль Эдипа, если бы не получил заранее письма от Карла Яковлевича! Я уверен, что Ваш муж меня уже любит, — какое счастье будет увидеться с вами! Но как же больно не быть у Вас в эту минуту! *Oui, je dirai, mais je dirai avec la plus tendre reconnaissance votre lettre a été trop longue pour un jour comme celui-là**. Писать ко мне и писать так много, и в какую минуту! Знаете ли, что Вы никогда так сильно не показывали мне дружбы Вашей! Милая, добрая и (слава Богу!) счастливая сестра моя! я обнимаю Вас от всего сердца! Мне неизъяснимо весело вообразить Ваню, и Петрушу, и Машу теперь подле Вас, веселых и счастливых Вашим счастьем! И теперь все вы вместе! Но растолкуйте мне, по какому случаю ни Маши, ни тетушки нет с Вами в день Вашей свадьбы!³ Я жду от Вас длинного письма⁴ — от них же ничего не дожدهшься! Ни Саша, ни Маша, ни тетушка с самого отъезда не написали ко мне ни строки! Что у них делается? Нет ли опять каких-нибудь споров? Напишите, милая, и особенно напишите о Плещееве!⁵ Вообразите досадное мое положение — сколько святых причин к Вам приехать! И я должен оставаться здесь! Глупое благоразумие велит мне быть неподвижным! Что же делать! О Плещееве не знаю ничего, и это меня мучит! Знаю, что он собирается в Петербург, — и только! но когда и каков он?.. напишите об нем поподробнее! Одна из самых тяжелых жертв, принесенная мною обстоятельствам, есть то, что я к нему не поехал. Я знаю, что мое присутствие было бы для него благодеянием, и должен был себе в этом отказать! Между тем мое ничто еще не решилось⁶ — и, может быть, всё по-пустому! Как бы то ни было, но мы увидимся скоро. По крайней мере, не позднее сентября! Если мне нельзя будет ехать тотчас, то уж не прежде отсюда поеду, как дождавшись здесь Плещеева. Увидеть его для меня точно необходимо!

Простите, милая! Пишу к Вам беспорядочно, оттого что спешу. Ваше письмо захватило меня на самом отъезде в Петергоф. И слава Богу, что оно захватило меня, — радость двумя днями ранее. Обнимаю Вас, и мужа Вашего, и детей.

339.

П. А. Вяземскому

11 августа <1817 г. Петербург>*

Душа моя, душенька, посылаю тебе несколько экземпляров «Вадима» — один для тебя и еще несколько для раздачи¹. Исполни это последнее и будь милостив к моему честному рыцарю. Новые стихи твои: послание к Давыдову, «Цветы» и «Волнение» (а почему волнение, Бог знает?) прелестны. «Усладом»

---

* Да, скажу, но скажу с самой нежной признательностью, Ваше письмо было слишком длинным для такого дня, как этот (*франц.*).

я недоволен. Овечки очень милы². Все они уже вписаны господином Николаем Нагибиным³ в книгу. Ты пишешь слишком мало. Я начинаю бояться, не забываешь ли меня. Ленью (моим извинением) тебе извиняться не можно: ты любишь писать, а я нет. Чтоб ты любил меня более, нежели я тебя, потому только, что более любишь писать письма, — это вздор. Я желаю так быть спокоен насчет твоей ко мне дружбы, как насчет моей к тебе; но твоя начинающаяся краткость в письмах мне становится страшною; не откажись от меня, не вздумай считаться со мною письмами: у меня нет души для почты; для тебя же писать ничего не стоит. В этом великая между нами разница.

«Арзамас» всё еще возится с одними планами. В будущем, который соберется у Орлова⁴, подпишется устав арзамасский; и будет рассуждаемо о издании наших трудов и пр. и пр. Результаты сих рассуждений будут к тебе доставлены, но только в таком случае, когда ты перестанешь думать о Варшаве⁵: эта Варшава меня сердит! Что для тебя за служба! Быть в таком месте, где на всё русское косятся и где русскому нельзя не хмуриться! Что за страсть?

Об издании твоих сочинений я думаю; но, признаюсь, не могу решиться за него приняться. Если я буду определен к своему месту, то, вероятно, в сентябре поеду в Москву: что же сделается с изданием? Надобно подождать, чтобы это всё для меня решилось! Реши формат. Хорошо бы выбрать формат моих «Спящих дев» — можно бы тогда выдать в двух маленьких томиках; если же выберешь 8°, то взять за образец издание Батюшкова Сочинений⁶ и тогда нельзя более одного тома. Прозу в конце. Некоторые пиесы надобно уничтожить. В том числе «Письмо с Липецких вод»: на что существовать этой шутке; она могла быть интересна в свое время, теперь этот интерес исчез. Что касается до расположения пиес, то я желал бы всё перемешать. Кажется, что эта смесь приличнее. Я еще не расчел, сколько может стоить издание. Вероятно, тысяч до трех, если печатать 1 200 экз<емпляров>; может быть, и более; сверх того, если печатать у Плюшара или Греча⁷, то деньги надобно будет иметь все в готовности. Подумай об этом заранее. На мою казну не надейся: она вся *dans les espèces imaginaires**. Прости. Поклонись Старосте⁸. Приложенное письмо доставь Дмитриеву⁹. А «Карбункул» отдай в собрание ваших или наших любителей словесности, если заблагорассудят принять его¹⁰. Я слышал от Воейкова, что Мерзляков крепко вооружается против злоупотребления гекзаметров¹¹, называя злоупотреблением то, что ими пишут простые и шуточные вещи, и позабыв, что Гомер воспел гекзаметрами войну мышей и лягушек. Напомни ему о греческих лягушках, авось для них простит русско-немецкого черта.

11 августа

---

* В воображаемых монетах (франц.).

340.

А. И. и Н. И. Тургеневым

<18 сентября 1817 г. Петербург>

Варвик и Арфа!¹ «Арзамас» у Врана. Адрес Врана: в Галерной № 207, дом купца Риттера². Час сбора — исход девятого. Быть непременно, ибо «Арзамас» прощальный, и Светлане больно будет, если в этом прощальном «Арзамасе» хотя одной милой ей рожи существовать не будет. Уведомите, будете ли. Еще ж можете оба приехать к Блудову³; он знает, где живет Плещеев; от него поедут и Салтыков⁴, и Кот, и Ахилл, и Журавль.

Для этого надобно его уведомить, ждать ли вас или нет.

341.

И. И. Дмитриеву

20 сентября <1817 г.> Петербург

Милостивый государь

Иван Иванович!

Приношу искреннюю благодарность Вашему превосходительству за дружеское письмо Ваше. Скоро надеюсь изъяснить ее на словах: к двенадцатому октября¹ буду в Москве и живейшее удовольствие обещаю себе от свидания с Вами, в новом (для меня новом) доме Вашем, где, надеюсь, возобновится для меня прелесть тех счастливых вечеров, которые во время оно с таким наслаждением проводил я в Вашей беседе. Смею сказать, что в Москве Вы теперь один из *ближайших родных* моих, и с радостною мыслью об удовольствии скоро Вас увидеть соединяется и надежда, что найду в Вас прежнее ко мне благоволение: заслуживаю его по тому глубокому почтению, которое люблю питать к Вам в сердце.

Благодарю Вас за участие, принимаемое Вами в судьбе моей: должность, мне теперь порученная, есть счастливая должность, счастливая не по тем годам, которые могут быть соединены с нею, но по той необыкновенно приятной деятельности, которой она меня подчиняет. Для поэта это главное. Имею перед собою цель прекрасную, к которой буду идти без всяких беспокойных посторонних видов; могу быть беспечен насчет всего, кроме моего долга, а этот долг привлекательный. Еще одно особенное счастье: я всем обязан ревностной дружбе Карамзина. Чтобы доставить мне это место, надобно было Карамзину сказать вслух, что он любит меня и уважает². Радость наполняет сердце всякий раз, когда об этом подумаю.

Простите, милостивый государь Иван Иванович. Пишу это слово с некоторым удовольствием, ибо само собой приклеивается к нему другое: *ненадолго*.

Мысль об Вас всегда водит за собою свиту любезных воспоминаний; свидание с Вами столпит еще большее их множество.

Уверяя Вас в душевном, неизменном почтении, честь имею быть с совершенною преданностью

Вашего превосходительства
покорнейшим слугою

Жуковский

20 сентября
С.П.бург

342.

П. А. Вяземскому

<Конец сентября 1817 г. Петербург>*

Я буду в Москве около *десятого октября!*¹ Неужели мы не увидимся?² Постарайся пробыть в сей древней столице русского царства до сего времени; дождись меня и, если можно, подари мне недельки две любезного *вместе*. По-сылаю тебе *Кисель*³. Более писать некогда. Ты знаешь и без меня, что я уже определен к моему месту⁴.

Твой Жуковский

343.

А. И. и Н. И. Тургеневым, Д. Н. Блудову, К. Н. Батюшкову

<Около 9 октября 1817 г. Москва>

Здравствуйте из Москвы, друзья Тургеневы, Блудов и Батюшков! Я доехал здорово — я, Максим¹ и коляска. Разбойники меня не тронули. О путешествии моем будет подробное донесение в «Арзамас», а вам на первый случай вот что:

Тургеневу: Я был у Екатерины Семеновны². Она теперь здорова, но была нездорова. Скучает и грустит. Для нее и для твоего покоя, друг милый, желал бы я, чтобы она была в Петербурге. Кажется, что и ей этого хочется. Подумай об этом. Князя³ я не видал, хотя и был у него. Нынче обедаю у матушки и буду у нее сколько можно чаще.

Блудову: С Севериным я не видался. Не застал его дома, следовательно ничего не могу сказать тебе о том предмете, о котором ты знать желаешь. Прошу тебя не поленишься и прислать мои деньги. Адресуй их прямо на имя Булгакова⁴, с тем, чтобы передать мне, живущему в Университетском Благородном Пансионе у известного профессора Антонского. Глупо я сделал, что послушался твоей осторожности. Теперь сижу без денег; а ты когда пришлешь их ко мне, Бог ведает.

Батюшкову: Тот же ответ о Северине, какой и Блудову. На следующей почте буду писать к вам обоим.

Николаю Тургеневу: Дружеское объятие и сердечное уважение.

Всем вам: Я живу в Москве, как на гробе. Душа рвется от воспоминаний о прошедшем. Ничего, что было некогда моим, здесь нет. Я опять в пансионе, там, где жил мальчиком⁵; а сколько перемен с того времени. Квартиры еще не имею, но скоро иметь буду. Когда примусь за работу, будет легче. Теперь всё еще вокруг меня беспорядок, и сам скитаюсь как осиротелый. На всякой улице вспомнишь кого-нибудь из моих, и как ни вспоминай, ни одного не допомнишь к себе. Жестокое чувство! От него один отвод — работа.

Простите, друзья! Я этого не ожидал: в Москве мне жаль Петербурга.

Ваш Ж.

344.

Н. М. Лонгинову

<12 октября 1817 г. Москва>*

Виноват! Виноват! Я хотел быть у Вас поутру, но не успел никак. Оттого и теперь вышли затруднения, но я думал, что государыне¹ можно представиться в кабинете ее, так, как я и был однажды ей представлен². Простите мне мое незнание придворных обычаев — это наука трудная, ей и при большой охоте не скоро выучишься; а мне еще сперва надобно и самой охоте учиться. На всякий случай, если позволите, приеду к Вам часу в одиннадцатом в начале. Если нельзя будет представляться государыне, то хотя буду иметь удовольствие видеть ее почтенного секретаря, которого уважаю от всего сердца! Честь имею быть

Вашим

покорнейшим слугою

Жуковский

345.

А. А. Воейковой

17 октября <1817 г.> Москва

Москва. Октября 17

Милый, бесценный друг Саша, здравствуй из Москвы¹. Я здесь; *не был* в Дерпте и не могу быть у тебя (по крайней мере, *теперь* быть не могу). Что ты, мой ангел? Скажи, ради Бога, о себе слово. Сердце к тебе порывается². Я в Москве как на кладбище³. Сколько милых теней вокруг меня бродит. И живые

мои — те же тени. Где вы, мои друзья? И между моими, ты, мой искренний, милый друг, где ты? Не знаю, как описать тебе мое теперешнее чувство. Я живу опять в пенсионе (моя казенная квартира еще не готова)⁴, опять попал в свою колыбель — а все те, которые меня в этой колыбели баюкали, все пропали. Прошлое ожило, или, лучше сказать, прошлое-мертвец воет подле меня и приводит сердце в унылость. Ехав в Москву, я и не подумал, что в ней не найду ничего, что ее прежде делало прелестною; я был уверен, что найду здесь Авдотью Николаевну⁵, — узнаю, что и ее нет. Нет ни одного лица, которое бы говорило о нашей общей прежней жизни. Не могу изъяснить, как в иные минуты грустно. И знаешь ли, что более, нежели о других, думаю о тебе, моя милая душа. Как бы хотелось побыть с тобою. Но как этого надеяться. Тебя сюда ожидать нечего. А мне оторваться невозможно. Разве удастся весной, во время родин моей великой княгини⁶. Ах! если бы ты и Дуняша⁷ здесь были — я бы назвал это счастьем, но и ее нельзя надеяться переключать сюда. И не хочу; она, я думаю, часто с тобою, она теперь тебе необходима. По крайней мере, друг бесценный, напиши ко мне. Скажи, каково тебе на старом, опустевшем месте. По крайней мере, для тебе нет одиночества: подле тебя зреет надежда-Маша⁸. Для сердца твоего есть жизнь; и твое милое сердце способно довольствоваться этою жизнью. Но Боже мой! мне Букильон⁹ сказывал, что ты часто нездорова, что твой бок часто болит. Друг милый, сохрани тебя Боже. Неужели ты позволяешь себе какую-нибудь небрежность? Твое счастье, твоя добродетель, твои должности все в одном прекрасном слове: Маша! Итак, береги себя. Жду от тебя письма — не поленись, мой дружок, меня об себе уведомить. Твое письмо мне будет подарком бесценным.

Твой муж должен будет скоро к тебе приехать. Так он пишет к Антонскому¹⁰. Вели ему тотчас по приезде ко мне написать. Я не писал к нему давно. Зная мою лень, он не должен на меня сердиться; но буду писать к нему, когда получу его письмо¹¹. Теперь мы друг к другу ближе — но это совсем не утешение. Бог знает, что бы я дал за то, чтобы были подле меня вы, моя милая семья; а ты особенно, друг мой; думая о тебе, всегда чувствую что-то необыкновенно нежное в сердце, и судьба твоя для меня нечто священное. Сашка моя, ты стоишь счастья! Ах! если бы еще можно было говорить: *печаль по слуху только знай*¹², и думать, что это еще исполнится. Но Бог милостив! а в жизни всё к великому средство!¹³ особенно в твоей, которая чиста еще как день. Вера и твердость — конец всему добро.

Где Азбукин? Я доставлю к нему его бумаги¹⁴. Помнит ли он меня? Любит ли? и знает ли, что я его люблю по-старому? что желаю ему если не счастья, то всех возможных утешений и что рад бы много дать собственного для доставления их ему. Бумаги его ему будут присланы. Жду их из Петербурга. Я не взял их с собою; а велел их ко мне прислать по почте с моими деньгами: петербургская дорога стала небезопасна, и я, боясь быть ограбленным, поверил то, что подо-роже, почте.

Наконец, Сашка, я учитель!¹⁵ Место мое во всех отношениях приятное. Единственное мне приличное. Моя ученица мила, добродушна, и сердце у меня *лежит* к моему делу. Мне весело иметь теперь цель моим занятиям, цель небесную. Я было ее потерял и разлюбил работу. Теперь хоть это поправилось, или поправляется. В Петербурге я уже дал ей несколько уроков; шло хорошо. Надеюсь, что пойдет лучше. Жаль только, что она часто бывает нездорова. Милое, небесное создание: простота, добродушие и прелестное ребячество. В<еликий> князь¹⁶ очень добр в обхождении. Он привязывает к себе своею ласкою. Мне то и надобно. Хочу *любить* свою должность, а не об выгодах заботиться. Выгоды будут, если Бог велит, но лбом до них добиваться — не хочу; трудно, скучно и для меня бесполезно, ибо не имею и не буду иметь нужного для того искусства.

Где Марья Николаевна?¹⁷ Обними ее за меня. Я был здесь в пустом ее доме, зная, что ее здесь нет, но думая: что, если она приехала. Мне было как будто весело проехать несколько улиц с *бывалою надеждою* повидаться с родным человеком! Не тут-то было! Дом пуст, и в нем заикается один мой крестник!¹⁸

Прости, друг! Всякий день за меня целуй Машку или Наташу, говори ей, что это от меня. Прости еще раз! Целую тебя мысленно! А когда же наяву?

Мой адрес: в Москве; его высокор<одию> Ант<ону> Ант<оновичу> Прокоповичу-Антонскому, на Тверской, в благородн<ом> универ<ситетском> пансионе, для передачи В. А. Ж.

Это письмо послал через Петра Николаева, <нрзб.> Плещеева; он доставит его к тебе или в Орел, или в Муратово. Но напиши, как лучше тебе писать. Куда посылаешь ты за письмами. Смотри, напиши непременно.

346.

Н. М. Лонгинову

<20 октября 1817 г. Москва>*

Я был у Вас, милостивый государь Николай Михайлович, но не имел удовольствия застать Вас дома. Желая быть представленным завтра ее императорскому величеству для принесения ей моего поздравления¹. Прошу Вас сказать мне, могу ли через Вас иметь это счастье и в котором часу должен завтра к Вам явиться, дабы ей быть представленным. Прошу Вас уведомить меня об этом коротенькою записочкою, если можно, нынче или завтра поутру ранее. Живу в Чудове монастыре², в той же связи, где жил прежде принц Прусский³.

С совершенным почтением честь имею быть

Вашим

покорнейшим слугою

Жуковский

Суббота

347.

Великому князю Николаю Павловичу

<Между 11 и 21 октября 1817 г. Москва>

Я имел честь представлять Вашему Императорскому Высочеству о своем жалованьи, предоставляя его совершенно на произвол Вашего Высочества, в полном уверении, что Вы примете на себя милостивую заботу в рассуждении обеспечения меня насчет необходимого; почитаю также необходимым к прежней просьбе моей прибавить другую, которой не успел, или, лучше сказать, не умел, представить Вашему Высочеству при личном моем с Вами разговоре. Я теперь в отставке. Осмеливаюсь просить, чтобы Ваше Высочество разрешили, должен ли я считаться в действительной службе или нет. Если Вашему Высочеству покажется это излишним, то соблаговолите сказать мне Ваше мнение: оставить на этот счет всякую заботу не будет <ли> для меня пожертвованием? Если же, напротив, Ваше Высочество найдете справедливым, чтобы служба моя имела тот же ход, какой она имеет для всякого, отправляющего какую-нибудь должность, то смею надеяться, что Вы доведете это до сведения Государя Императора. И в таком случае почитаю за нужное объяснить следующее: я вступил в Московское ополчение 1812 года из отставных титулярных советников поручиком; в том же году получил от Светлейшего князя¹ за отличие чин штабс-капитана; потом награжден орденом Св. Анны 2-го класса². С чином штабс-капитана я и отставлен. Имея почетный диплом на звание доктора философии³, полагаю, что я вправе считаться в осьмом⁴ классе. Наконец, прошу, чтобы Ваше Высочество позволили мне объяснить всё это лично Ее Императорскому Величеству⁵. Будучи ею определен в настоящую мою должность⁶, считаю обязанностью узнать и ее волю относительно ко мне; но должен наперед иметь на это соизволение Вашего Высочества.

В заключение прошу Ваше Высочество простить мне мою докучливость. Я не мог избежать неприятности говорить Вам о самом себе; но этот первый раз есть и последний. Имея необходимое, буду иметь всё. Заботиться о выгодах не мое дело; к тому же нет выгоды, которую можно было бы сравнить с тем счастьем, какое дает мне исполнение моей драгоценной должности, а этим счастьем я обязан Вам, и поверьте, что главною моею целью будет заслужить не награды от Вас, но уважение. Это узнаете Вы на опыте.

348.

А. И. Тургеневу

<Около 22 октября 1817 г. Москва.>

Здравствуй, милый друг, и здравствуйте, арзамазцы! Пишу к тебе по просьбе Антона Антоновича¹. Он желает иметь портрет князя Голицына², который и согласился на его желание. Остается иметь портрет. Это дело поручает он тебе и просит тебя не замедлить доставить ему список. Списать с портрета, находящегося у Елизаветы Михайловны Кологривовой³. Величина портрета: вышиною в аршин, а шириною в 13 вершков; срок, к которому списать, 1^е декабря; срок, к которому доставить: 10 декабря. Я поручил об этом хлопотать Кавелину, ибо ты забудешь; ты с своей стороны только помоги.

Я переселился на свою квартиру; живу теперь в келье какого-то монаха Чудовского; на окна моих крепкие решетки, но горницы убраны не по-монашески; тишина стихотворная царствует в моей обители, и уж Музы стучатся в двери; я еще не мог принять их за беспорядком, но завтра они ко мне пожалуют. О чем буду с ними беседовать, то скоро узнают современники и передадут потомкам.

Целую «Арзамас».

Вчера, то есть третьего дня, обедал я у матушки. Она не выезжает; несколько простудилась. Может быть, нынче буду у нее.

Хлопочи, пожалуйста, о портрете.

349.

А. И. Тургеневу

26 октября <1817 г. Москва>

26 октября

Я исполнил твое приказание, милостивый государь мой, друг Александр Иванович. Третьего дня ввечеру, то есть 25-го, в среду, возвращаясь домой, захожу у себя твой пакет. Ехать к матушке тотчас было поздно; я и не поехал. А был у нее вчера поутру¹. Она уже получила твое письмо, в котором пишешь, чтобы от себя она поговорила с Новосильцевым². Но и она, и я рассудили, что ей лучше всего прежде увидеться с князем, прежде нежели насылать на него Новосильцева. Князю могло бы показаться, что она на него жалуется или ищет к нему сторонней дороги. И мы положили писать к князю, звать его к матушке; на что была причина законная, ибо матушка с некоторого времени в самом деле нездорова — простудилась и не встает с постели. Берусь за перо, сажусь писать письмо к князю с тем, чтобы его отвезти самому, — входит человек и говорит: князь приехал. Ничто не могло быть более кстати. Но разговора их я не слышал; знаю только, что он начался горькими слезами. Матушка просила меня их

оставить. Но вот что слышал я от нее, бывши у нее после обеда. Она князю не пеняла за то, что ты не отпущен, но говорила о своей болезни и просила, чтобы хотя на две недели был отпущен с нею видиться. Князь на это отвечал ей, что *неотпуск* твой есть точно доказательство того, что он к тебе более, нежели к кому-нибудь, имеет доверенность и что ты в его отсутствии необходим в Петербурге. Она сказала ему, что просит его извинить ее, если она ошибается, но что она судит как *мать*; будучи от всех далеко и заключая обо всем по одной наружности, от тебя же не имея ни о чем, до тебя касающемся, известий и будучи даже уверена, что для тебя будет неприятно, когда узнаешь, что она говорила с князем, она начинает бояться, не переменялся ли к тебе князь; твой неприезд, твое статс-секретарство, которое так медлительно, слухи о многих твоих недобротох — всё это вместе заставляет ее думать, что князь к тебе не таков, каков был прежде; но что это было бы несправедливо, что ты не только добрый ему подчиненный, на благородство которого он может и должен полагаться, но что ты его любишь и уважаешь. Всё это было сказано без упреков и кончилось очень хорошо. Князь просидел у нее около трех часов. Он привез ей проповедь Августина на закладку храма³ и сам ей прочитал ее уже по окончании разговора. О тебе же сказал, что постарается непременно тебе доставить случай нынешнею зимою видиться с матушкою. Что же касается до медленного статс-секретарства, то не его вина. Он дважды говорил государю, и государь, будучи весьма высокого о тебе мнения, всё отказывал по причине твоей молодости. Видишь ли, каково нам быть молодым. Одним словом, они расстались как нельзя лучше, и я уверен, что этот разговор имел такое действие, какого тебе желать надобно. В конце его приехал Мудров⁴, и князь много с ним говорил о матушкиной болезни; у нее слабость в нервах и сильная ипохондрия. Теперь о Новосильцове. Матушка хочет к нему послать. Признаюсь, не знаю, нужно ли ей теперь говорить с ним. По крайней мере, я советовал говорить ей так: рассказать ему свой *разговор с князем*, дабы он, увидясь с князем, мог и ему сказать, что слышал от матушки об этом разговоре, о котором может сказать ему и свое мнение, а не говорил бы прямо от себя или прямо от матушки. Если *прямо от себя*, то князь мог бы подумать, что он так действует, будучи настроен тобою; если же *от имени матушки*, то князю может показаться неприятно, что она, не удовольствовавшись его обещанием, употребляет другого, чтобы побуждать его. Новосильцев, говоря *от себя* о слышанном от матушки, будет действовать как посторонний. Так это мне кажется лучше; думаю, что и ты меня одобришь.

Я был уже у князя два раза и не видал его. Нынче к нему поеду опять: есть до него *своя* нужда: хочу просить пропуска в Патриаршую библиотеку, но думаю, что дойдет дело и до тебя. Что услышу, то напишу к тебе. Прости до свидания.

Ж.

Обними Николая Михайловича⁵ и «Арзамас».

350.

Н. М. Карамзину

8 ноября <1817 г.> Москва

8 ноября. Москва

Завтра, почтеннейший друг Николай Михайлович, еду с нашим бедным князем в Остафьево: отвозим туда гроб его сына. Митеньки нет на свете¹. 18 октября перевезли его было из Остафьева с легкой болезнью, которая никого не пугала; он долго был *только нездоров*; но третьего ноября вдруг сделался опасен, жар и беспамятство; доктора уверяют, что вода бросилась к нему в голову; пятого числа после обеда сделалось было ему лучше; на другой день надежда усилилась; мы почитали его уже спасенным — но ввечеру всё кончилось! Что Вам сказать об отце и матери? К несчастью, Вам слишком знакомо теперешнее их положение. Эта горестная потеря подтверждает наши всегданные мысли о жизни. Кто скажет: *счастье цель ее*, тот ничего не скажет, а только смутит настоящее понятие о жизни. *Действие нравственное, сколько можно чистое*, вот цель! Бог дает нам одни материалы — наш долг употреблять их добрым образом к лучшему! Что бы ни было этот материал: горе или радость, это знает тот, кто выдает его! А нам только принимать и обрабатывать! Всё в жизни *к прекрасному* средство!² Но *прекрасное* и *счастье* — не одно и то же! Этот печальный день (6 ноября) был для меня памятным уроком жизни. Утро началось для меня прекрасно: накануне был я у Вяземского, видел всех успокоенных насчет больного; и в этот день поутру видел то же — вечер провел у И<вана> Ивановича³ очень весело и поехал домой, не считая и нужным заезжать к Вяземскому. Подъезжаю к Кремлю: ночь прекрасная! Весь Кремль сияет! Зрелище тихое и величественное. Подъезжаю к крыльцу своему, хочу выходить из саней; скачет Вяземского человек и зовет к нему. Милый младенец умирал, и я застал немного минут его жизни. Когда я возвращался домой опять, в три часа ночи, совсем уже не тот, как за несколько часов, то всё уже было темно, луна зашла, и что прежде светило, то было покрыто туманом, но *звезды на чистом небе сделались ярче!*⁴ Это был урок без слов, и нельзя было его сильно не почувствовать. Меня он поразили, и я не могу не сообщить Вам этого впечатления.

И Вяземский, и жена его здоровы. Они много плакали, и это их облегчило. Тотчас по кончине Митеньки они переехали к Рябининым⁵, у которых ночевали, а вчера переселились к Кологривовым⁶; тут пробудут с неделю, по тех пор, пока не отопят нового, нанятого им дома (дом к<нязя> Д. И. Лобанова на Малой Дмитровке).

Тяжело мне, почтеннейший Николай Михайлович, на Ваше дружеское и *веселое* письмо отвечать таким печальным; но делать нечего.

Простите. О своем положении говорить Вам не стану; оно прекрасное, но должно говорить об нем в веселом или по крайней мере в спокойном расположении духа. Прошедшее не туманит нисколько моего настоящего; я люблю свою должность — это большое счастье. Цель моя — быть *в ладу с самим собою*; постараюсь, до нее достигнув, от нее не удаляться. Вы уже меня благословили на всё доброе: постараюсь не изменить благословиению бесценного друга. У Екатерины Андреевны целую ручки.

Государыня получила письмо Ваше — это я от нее самой слышал — и *радуется им*, как сама говорит.

351.

А. И. Тургеневу

8 ноября <1817 г. Москва>

8 ноября

Я не успел написать к тебе в прошедший понедельник. Вот в чем дело. Я был в этот день у Новосильцева, и застал его, и говорил с ним о тебе. Он уже виделся с матушкой; я, кажется, и писал к тебе об этом¹; и хотел говорить с князем, но не говорил: ибо, получив твое письмо, думал, что от меня что-нибудь особенное о деле твоём узнает. Я не мог ничего особенного сказать ему. Содержание его разговора со мною в двух словах: тебе должно быть *статс-секретарем*². Я с своей стороны дал ему совет, сказав наперед, что его нечего учить что делать; и вот в чем состоит этот совет: если будет говорить с князем, то не от имени матушки, дабы не показалось князю, что она поручила говорить ему, а от себя, сказав только князю, что он слышал от матушки о ее с ним разговоре и с своей стороны считает, по дружбе к тебе, нужным сказать искренно на твой счет свое мнение. Таким образом, разговор *матушки* с князем, известный Новосильцеву, будет только поводом его разговора с князем, но действовать будет *от себя, по собственному внушению*. Напрасно ты хлопочешь. Я не думаю, чтобы было не нужно Новосильцеву говорить за тебя. Князь не может и не должен подумать, чтобы ты интриговал; а мнение Новосильцева *mettra du poids dans la balance*³ и произведет решительный перевес. Новосильцев твой прекрасный, любезен и благороден.

О себе не пишу к тебе. Мое всё хорошо, и я радуюсь своею участью, ибо на душе легко, и мне весело находить в этой душе одни только теплые, бескорыстные желания и намерения, достойные тебя, Карамзина и «Арзамаса»³. Каков-то буду вперед — Бог знает лучше! Но это слово *каков* — мое главное и драгоценнейшее.

От Карамзина узнаешь подробности о бедном Вяземском. Он потерял сына и жестоко грустит⁴. Двадцать пять лет — а уже несчастный отец.

³ Будет решающим доводом, перевесит чашу весов (*франц.*).

Прости, друг — целуй брата. С матушкой твоею у меня лады. В субботу обедал у нее с Дмитриевым. Присылай портрет к сроку⁵. Это будет и мне одолжение. Хочется услужить Антонскому. Максима Ивановича⁶ я не успел еще видеть, но буду у него. Не забудь сделать за меня рапорт графу Н. П. Румянцеву. Это дело принадлежит ему.

352.

А. И. Тургеневу

<9 ноября 1817 г. Москва>

Здравствуй, милый! Пишу к тебе по повелению твоей матушки, у которой я был вчера и которая вот что от тебя требует: непременно, *ежели хочешь ее утешить*, съезди сам к Петру Ивановичу Юшкову¹. Он продает деревню, состоящую из 300 душ с 5 000 десятин (Елецкого уезда вотчина Чернавская); его поверенный здесь объявил цену этой деревни 400 000; матушка этому не верит, находя цену слишком дорогою; она желает знать от самого Юшкова цену последнюю, дабы приступить к торгу или совсем от него отступить. Вот об чем тебе и должно переговорить с Юшковым. И матушка этого требует, просит и умоляет, и ждет от тебя скорого исполнения ее просьбы, требования, умоления и ожидания. И прошу поскорее исполнить их, хотя для меня, ибо я буду бранен за твою леность.

Новосильцов² был у матушки: она говорила с ним *от себя* о тебе и о свидании своем с князем; и Новосильцов будет говорить с князем³, с своей стороны, и что из этого состряпается, узнаю в субботу, ибо в этот день буду у матушки обедать: вероятно, что она уже какой-нибудь ответ от Новосильцова получит. С князем я всё не видался, а был у него три раза; в субботу еще раз побываю.

Прости, друг. Мне пока хорошо: мое занятие мне дорого, и я им счастлив. Обними братию и брата.

Твой Жуковский

Сейчас получил твое письмо, завтра сам поеду к Новосильцову.

353.

А. А. Воейковой

27 ноября <1817 г. Москва>

27 ноября

Душа моя Саша, я не ответил на прелестное письмо твое!¹ Если уж это не доказательство, что лень непобедима, то разве один Бог лучшее выдумает. Благодарствуй, бесценный друг. Я читал его со слезами и целовал тебя заочно. Как

тебя люблю и как всегда при всём *хорошем* вспоминаю о твоей милой рожице, о твоей милой душе, о твоём дружеском истинном голосе — этого нечего и сказывать! Сердце сердцу весть подаёт. А между моим и твоим нечего заводить почты! станций нет — дорога прямая и самая короткая!

Дружок мой бесценный! надобно думать, что я много, много люблю тебя потому, что у меня всегда повернется что-то в сердце, как скоро назову тебя этим именем. Мне очень жаль, что через сени от меня живет немец доктор, а не ты с Катькою². Я желал бы ходить с своею трубкой взад и вперед не *один* по своей горнице, а по *твоей*. И сколько бы доброго мы придумали с тобою вслух. Иногда сыплется много мыслей; а отсыпать некуда. Твоя же душа такая для них кладовая, в которой они не только не залежатся, но еще сделаются лучше и чище. Так, милая, ни с кем так мои мысли не делаются лучше, как с тобою. Они обыкновенно обращались в чувство, когда бывали сказаны или поверены тебе. Смотри же, береги мне моего друга, моего милого, верного, самого сходного со мною товарища; будь здорова! От грустного заслоняйся Катькою и Сашкою. Что ни говори, милая! Есть величественного много в горе — если только душа вся скажется как должно. Знаешь ли, кто понимает Бога? Или несчастный с чистою душою в минуту твердости! Или счастливый в минуту прекрасного чувства, счастливый не обстоятельствами, но тем, что их творит и украшает, — душою! Бог на этих двух пределах; спокойная середина равно от него удаляет. Там только делаются самые решительные для души откровения. Бог открывается нам во всяком добром чувстве; тогда мы видим его лицом к лицу; и нам доказательства его бытия не нужны. Я не молюсь никогда: этого нельзя обратить в привычку. Но в иной раз, когда прекрасная мысль или высокое, бескорыстное чувство настагает душу, и глаза, и голова, и руки, и всё существо невольно поднимаются к небу! И всё это стало с некоторого времени живее — доказательство, что в моем теперешнем положении много прекрасного; но как говорит Шиллер:

ein erhabner Sinn
Legt das Große in das Leben,
Und er sucht es nicht darin³.

Прости, милая душа. Скажи мужу, что я не отвечал на последнее письмо его, и он знает, почему; и ответ был сделан, но не послан ему⁴. Записку Жихареву отдал⁵. Детишек ангелов целую.

354.

А. П. Елагиной

<Ноябрь—декабрь 1817 г. Москва>

Милая Дуняша, посылаю Вам шестьдесят рублей. Передайте их, прошу Вас, Ивану Ильичу Вешнякову. Я отпустил Максима¹, который будет жить в Белеве у своей сестры, получая от меня по десяти рублей в месяц. Посылаю деньги на полгода, отдайте их немедленно Вешнякову². Максима же прошу Вас не оставлять в нужде, а без нужды не балуйте его. Пусть живет своим трудом. От меня имеет помощь. Писать более некогда. Сашку целую и благодарю за счастливые родины. Что ей счастье, то и мне. Обнимаю вас всех. От Воейкова узнаете обо мне более. Простите.

355.

Д. Н. Блудову

<Декабрь 1817 г.>

Друг сердечный, прости ты меня, окаянного друга!
Дмитрий сын Николаев, советник посольства, послушай,
Вот почему не могу я обедать в сей день пред тобою.
Князь Иван Долгорукий с балконом¹ звал меня нынче,
Звал самолично; сорок раз я обещался к Ивану
Быть для обеда и сорок раз не сдержал обещанья!
Нынче должно сдержать непременно, итак не посетуй,
Милый советник; хоть жаль мне, а быть невозможно никак!
Буду к тебе я на вечер; с тобою поужинать сладко,
Если только придворная пакость меня не задержит!
Вот что сказать повелело мне сердце! Прости, друг.

356.

С. И. Тургеневу

<Конец 1817 г. Москва>

До сих пор я писал как секретарь¹, теперь пишу к тебе, любезный Сергей Иванович, как *сам*, то есть как Жуковский. Обнимаю тебя от всего сердца; прошу обо мне вспомнить и продолжать помнить. Я опять в Москве; живу здесь один представителем всех нас. От этой мысли часто и грусть на душу взбегает. Если будет досуг, напиши ко мне строчки две, от меня же не ожидай прозы; что же будет в стихах, то всё получишь: ты издавна балуешь Музу мою своею лаской. Если пришлешь матушке портрет свой, то я заграблю тот, кото-

рый у нее теперь: я вопреки ее думаю, что он сходит. Глаза не бешеные, а в них светятся либеральные идеи. Но об этом при свидании. Обнимаю тебя. Поклон Старынкевичу¹.

Жуковский

357.

А. И. Тургеневу

<Конец 1817 — начало 1818 г. (?) Москва>

Ты ленишься и бранишь меня за лень. Что за справедливость? Я здоров, пишу стихи, печатаю их, буду к тебе их присылать, бываю у твоей матушки, получаю жалованья 4 000, буду причислен к министерству просвещения¹, сплю и ем хорошо, люблю тебя еще лучше. Чего ж тебе более? А вот чего: отдай приложенное письмо Карамзину² и уведоь меня о Кавелине; да еще и брата поцелуй, и арзамазцев обними.

Ж.

Скажи Старушке³, что я на следующей почте пришлю ей донесение о последнем «Арзамасе»⁴; к ней потому, что у нее теперь хранятся арзамасские бумаги.

ПРИЛОЖЕНИЯ

А. С. Янушкевич

**ЭПИСТОЛЯРИЙ В. А. ЖУКОВСКОГО:
ЛЕТОПИСЬ ПЕРСОНАЛЬНОГО ЖИЗНЕТВОРЧЕСТВА
И КОЛЛЕКТИВНОГО ЛИТЕРАТУРНОГО БЫТА**

<...> полная по возможности переписка Жуковского <...> будет служить прекрасным дополнением к литературным трудам его. Вместе с тем будет она прекрасным комментарием его жизни <...>.

П. А. Вяземский

I.

Трудно представить себе более благодатный материал для характеристики эпохи и эпохального типа личности, чем письма писателей, тем более тех, кто определял дух времени и его тенденции. Именно в письмах, не предназначенных для постороннего глаза или, наоборот, ориентированных на коллективное чтение в кругу единомышленников, адресант говорит откровенно о том, что имплицитно присутствовало в его творчестве. Эстетические, этико-философские, историософские проблемы в эпистолярии становятся фактом домашней повседневной жизни, «интимизируются», органически формируют ту особую отрасль духовной жизни первой половины XIX в., которую мы называем «литературным бытом», — особенно интенсивным и феерически разнообразным в первые десятилетия XIX в. Именно в письмах наиболее концентрированно выявлялась философия жизнетворчества, когда не просто «Жизнь и Поэзия — одно», но когда эти сферы бытия художника были заодно в поисках особого стиля.

В. А. Жуковский любил повторять известные слова Бюффона: «Стиль — это человек». По мнению поэта, именно письма формируют этот стиль и проявляют человеческую и творческую индивидуальность. В письме к совсем еще юному (тринадцатилетнему) великому князю Константину Николаевичу

от 17 ноября 1840 г. он, советуя ему вырабатывать «навык письма» и анализируя его эпистолярные послания, замечает:

Знаете ли, что такое слог? Я здесь повторю слова знаменитого Бюффона; он говорит: *слог есть человек*. Это совершенная истина: *человек на бумаге* такой же точно, каков он есть в самой жизни <...>¹

Письма Жуковского в этом смысле — отражение его личности, но одновременно и летопись литературной жизни его времени, эпохи 1800—1840-х гг. «Любовь к правде»² Жуковский считал важнейшим качеством эпистолярия и всякого словесного творчества вообще, так как не разделял «слова» и «дела» поэта. Именно поэтому в своих письмах он и стал честным летописцем нравов и обычаев литературной борьбы, трагической судьбы Пушкина и всего того, что можно выразить одним понятием — литературный быт, где бытовое не отменяет бытийное, а позволяет увидеть литературный процесс, творчество «домашним образом», через те детали, подробности, мелочи, которые скрыты от публики.

Издание Полного собрания сочинений и писем Жуковского в 20-ти томах, работу над которым продолжают филологи Томского университета, позволило не только расширить представление об эпистолярном наследии первого русского романтика (на сегодняшний день выявлено более 2 000 писем, в том числе более 200 неопубликованных), но и увидеть в них, создававшихся на протяжении почти 60 лет (первые датированы 1795-м г.; последние относятся к 1852 г., году смерти поэта)³, характерные черты литературного быта той эпохи, которая связана с рубежом веков и сентиментальной культурой, с деятельностью Карамзина, с судьбой русского романтизма, с «золотым веком» русской поэзии и гением Пушкина, с творчеством Лермонтова и Тютчева, с эпохой «гражданской экзальтации» и николаевского царствования.

Становление Жуковского как творческой личности происходит на рубеже веков в атмосфере масонской идеологии, носителями которой были его наставники в Московском университетском пансионе (И. П. Тургенев, И. В. Лопухин, А. А. Прокопович-Антонский), философии и эстетики сентиментализма, ярчайших представителей которого, Н. М. Карамзина и И. И. Дмитриева, поэт считал своими учителями. Проблема «внутреннего человека», практической

---

¹ Жуковский В. А. Сочинения: С приложением писем, биографии / Под ред. П. А. Ефремова. 7-е изд. Т. 6. СПб., 1878. С. 342. Курсив здесь и далее Жуковского.

² Там же.

³ Подробнее см.: Модзалевский Б. Л. Из переписки Жуковского // *Sertum bibliologicum* в честь президента русского библиологического общества проф. А. И. Малеина. Пб., 1922. С. 164—166; *Иезуитова Р. В.* Из неизданной переписки В. А. Жуковского // Ежегодник РО ПД на 1979 г. Л., 1981. С. 80—89.

реализацией которой стала теория нравственного самоусовершенствования, нагляднее всего проявилась во франклиновом дневнике молодого Жуковского⁴. Но с этим «человеческим документом» корреспондируют, и в определенной степени дополняют его, письма Жуковского к его задушевному другу Александру Ивановичу Тургеневу. Именно в них обозначаются такие характерные черты литературного быта 1800—1810-х гг., как энтузиазм, культ дружбы, идеи самоусовершенствования и «внутреннего человека», теория деятельности и филантропии.

Мой план пробыть в Гёттингене, учиться; еще год в Париже, также учиться; потом год ездить по Европе; если ж обстоятельства не позволят, то всё время посвятить ученью. Путешествие будет для меня важным делом, особливо если удастся поехать вместе с Мерзляковым. Возвратясь, посвящу себя совершенно литературе. Надобно сделаться человеком, надобно прожить не даром, с пользою, как можно лучше. Эта мысль меня оживляет, брат! Я нынче гораздо сильнее чувствую, что я не должен пресмыкаться в этой жизни; что должен возвысить, образовать свою душу и сделать всё, что могу, для других. <...> Ах, брат, не надобно терять друг друга из виду, не надобно оставлять друг друга! Будем взаимно подавать друг другу помощь!

Как можно должно стараться поддерживать в себе энтузиазм наш, которым мы в старину, в счастливое время нашего Собрания, были оживлены гораздо более <...>;

И теперь немного деятельности, но, по крайней мере, вижу необходимость быть выше; для этого требую помощи от друзей моих. Братцы, вместе, вместе пойдем ко всему доброму! Это говорит вам не энтузиазм ребяческой и огненной, но холодное размышление <...>;

Но, братцы, мы можем быть друг для друга многим, очень многим, всем, со временем, разумеется, не вдруг! Для чего же и жить, как не для усовершенствования своего духа всем тем, что есть высокого и великого? <...> Будем же друзьями, то есть верными товарищами на пути к добру!⁵ —

все эти фрагменты из писем Жуковского к А. И. Тургеневу от августа — сентября 1805 г. — красноречивое свидетельство того, как в недрах «русского штюрмерства» формировалась идеология духовного братства, предвосхищающая феномен лицейского и арзамасского братства.

Из недр Дружеского литературного общества (1801), как залог памяти о рано умершем Андрее Тургеневе, Жуковский воспевае энтузиазм дружбы и творческого вдохновения в письмах, обращенных к его младшему брату, но имеющих в виду коллективного адресата.

⁴ Об этом подробнее см.: Янушкевич А. С. В мире Жуковского. М., 2006. С. 37—40.

⁵ ПЖТ. С. 4, 6, 7, 15.

Не менее важны в пространстве его эпистолярия 1800—1810-х гг. мотивы самоусовершенствования и активной деятельности. Молодой Жуковский последовательно и системно рассматривает себя и своих друзей сквозь призму практических уроков И. П. Тургенева, изложенных в его книге «Познание самого себя», трактатов И. В. Лопухина «О внутренней церкви...» и «Духовный рыцарь». Он пытается сформулировать программу «внутреннего человека» не столько как теоретическую абстракцию, сколько в соотношении с практической деятельностью. Его стремление объединить друзей, создать союз единомышленников, планы совместной учебы в Германии, творческие замыслы, журнальные проекты, постоянный поиск книг для самообразования — звенья единой цепи. В преддверии «Арзамаса» он вырабатывает идеологию «школы совместного образования», стягивает силы будущих «гениев «Арзамаса»».

Ранние письма Жуковского 1800—1810-х гг. (к сожалению, их сохранилось не так уж много) — это отражение черт нового литературного быта, когда консолидация литературных сил опиралась на прочный фундамент духовного братства, когда происходило становление нового человеческого типа, когда накануне Отечественной войны 1812 г. литературный быт отчетливо проявлял черты рождающегося и крепнущего национального самосознания. Постоянный интерес Жуковского к русским летописям, замысел исторической поэмы «Владимир», а затем переложение «Слова о полку Игореве», участие в Отечественной войне и создание «Певца во стане русских воинов» — за всем этим стоит сознательный и неиссякаемый уже в 1805—1810 гг. интерес к истории⁶. В письме к А. И. Тургеневу от декабря 1806 г. по случаю манифеста 30 ноября 1806 г. об образовании милиции, или ополчения, в связи с антинаполеоновской кампанией Жуковский сквозным «словом-сигналом» делает понятие «отечество»: «...мы все должны думать об *отечестве*», «эти стихи <“Песнь барда над гробом славян-победителей”> новый дар *отечеству*», «об отношениях гражданина к *отечеству*»⁷.

Естественным следствием этого энтузиазма и стало «чувство Истории», «дух Истории». 7 ноября 1810 г. поэт констатирует:

История из всех наук самая важная; важнее философии, ибо в ней заключена лучшая философия, то есть практическая, следовательно полезная. Для литератора и поэта история необходимее всякой другой науки: она возвышает душу, расширяет понятие и предохраняет от излишней мечтательности, обращая ум на существенное⁸.

---

⁶ Подробнее об этом см.: Канунова Ф. З. Русская история в чтении и исследованиях В. А. Жуковского // БЖ. Ч. 1. С. 400—465.

⁷ ПЖТ. С. 24, 25. Курсив мой. — А. Я.

⁸ Там же. С. 75.

В литературный быт история входит как составная часть мышления вообще и творческой мысли в особенности. «История государства Российского» Н. М. Карамзина, чтение глав из которой входит в литературный быт будущих арзамасцев, стала катализатором этого процесса, но его первые ростки уже отчетливо обозначились в среде карамзинистов как форма рефлексии.

«Спешите делать добро!» — этот девиз и руководство к действию поздних московских масонов оказался «поведенческим текстом» всей жизни Жуковского. Список «униженных и оскорбленных», которых он спас от ссылки, которым помог материально, которых устроил на службу, неисчерпаем. Сначала через друзей (А. И. Тургенева, Д. В. Дашкова, С. С. Уварова, Д. Н. Блудова), а затем опираясь на поддержку царственных особ, он превратил филантропическую деятельность в органическую часть литературного быта, формируя общественное мнение и наполняя литературу идеалами гуманизма и всечеловеческой отзывчивости.

Достаточно восстановить во всей полноте его деяния в защиту Т. Шевченко, родственников А. В. Никитенко, находившихся в крепостной неволе, организацию кампании по изданию посмертных сочинений И. И. Козлова и А. С. Пушкина, чтобы увидеть, как Жуковский мог объединять вокруг добрых дел самых разных людей, связанных с русской культурой. Именно письма поэта, часто не опубликованные из-за предубеждения к «мелочам», таят любопытный и показательный материал для характеристики гуманистических тенденций русского литературного быта России, пропагандистом и защитником которых был Жуковский. К. Н. Батюшков не случайно называл его «рыцарем на поле нравственности и словесности»⁹, а П. А. Вяземский замечал, обращаясь к самому Жуковскому: «У тебя тройным булатом грудь вооружена, когда нужно идти на приступ для доброго дела»¹⁰.

Говоря о филантропической деятельности поздних московских масонов, Н. А. Бердяев связывал с ней «эпоху разрыхления русской души», когда она «стала восприимчивой ко всякого рода идеям, к духовным и социальным движениям», когда «начала образовываться русская всечеловечность, характерная для XIX века»¹¹. Продолжателем этой традиции в русском литературном быте стал Жуковский. В его письмах, обращенных к сильным мира сего и взывающих о помощи, — выражение самосознания русского литературного быта, внедрение в сознание культурного сообщества идей любви к ближнему и сострадания. Антикрепостнический подтекст выступлений виднейших деятелей русского общественного сознания 1810—1820-х гг. — отражение той целенаправленной гуманистической программы, которая стала «поведенческим текстом» и творческим кредо Жуковского.

⁹ Батюшков К. Н. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1989. С. 325.

¹⁰ РА. 1900. № 3. Стб. 3852.

¹¹ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 20.

II.

А. Н. Веселовский точно определил пафос поэзии Жуковского как «поэзии чувства и сердечного воображения». В этом смысле его эпистолярный, прежде всего письма, обращенные к Маше Протасовой, переводили эти «осердеченные идеи» в сферу литературного быта. История драматичной любви Жуковского нашла свое отражение в автопсихологической лирике поэта-романтика. Дружья поэта, посвященные в эту человеческую драму, почувствовали автобиографический подтекст поэтических подборок и баллад, опубликованных в «Вестнике Европы».

Лирика Жуковского принадлежала всей читающей России. Но письма-дневники Жуковского 1814—1815 гг., обращенные к Маше Протасовой, были недоступны для чужого глаза. Их переписка глубоко интимна, но она репрезентативна не только для истории русской культуры (в том числе эмоциональной культуры взаимоотношений) вообще, но и для истории литературного быта в частности. Именно в этой потаенной от посторонних глаз переписке происходило формирование особой философии Вечной Женственности, создавался культ Прекрасной Дамы. Частное становилось общезначимым: «духовный рыцарь», переводчик флориановской переделки «Дон Кихота», автор рыцарских баллад, Жуковский в своем интимном эпистолярном формировал особую мифологию жертвенной любви, востребованную последующей русской культурой, — от Пушкина до Блока.

В центре писем-дневников Жуковского — история души, находящейся в состоянии разлада, бесконечной внутренней борьбы. То, что поэтически обозначилось в балладах, своеобразном «театре страстей», получило проверку жизнью. Поэт, утверждавший великое значение для поэзии «смешанных чувств», их боления и смятения, воссоздает в этих письмах свою жизненную драму по этим законам. Письма-дневники по праву можно было бы назвать опытом психологического романа, если бы мы не знали их трагическую жизненную подоплеку. Именно эта реальная драма и придает эпистолярную значимость человеческого документа, но вместе с тем она же обнажает нерасторжимое единство жизни поэта-романтика и его творчества. И в этом смысле глубоко прав был В. Г. Белинский, когда говорил, что поэзия Жуковского «вышла из жизни», он «купил ее ценою тяжких утрат и горьких страданий», нашел «на дне своего растерзанного сердца, во глубине своей груди, истомленной тайными муками...»¹².

Так же как и в поэзии, Жуковский обильно использует в дерптских письмах-дневниках систему курсивов, лейтмотивов, анафор. Они выполняют у него функцию своеобразных заклинаний. Таково любимейшее правило, которого он «не отдаст за миллион»: *«Всё в жизни к прекрасному (вариант: великому) сред-*

---

¹² Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 7. М., 1955. С. 190.

ство!», бесконечно повторяющееся в письмах 1814—1816 гг., адресованных самым разным корреспондентам, но в конечном счете являющееся своего рода заклинанием своей собственной измученной души; или столь же излюбленная поэтическая формула: «счастливое вместе». Десятки раз повторяющиеся в контексте писем-дневников, эти девизы наполняются новыми оттенками и нечувствительно внедряются в душу автора как ее неперенные нравственные основы.

«Самое страдание есть средство к прекрасному!» — записывает Жуковский, а «счастливое вместе», по его мнению, возможно лишь «розно». Такие на первый взгляд психологические парадоксы не случайны в общей системе эпистолярных суждений. Поэт делает попытку «доказать друг другу как геометрическую задачу, что для нас разлуки нет» (запись в дневнике от 28 апреля 1815 г.). Но «как быть с собою? Как приучить себя находить и чувством хорошее и лучшее в том, в чем находит его рассудок?» (запись от 2 мая 1815 г.)¹³.

Стремление каждую конкретную ситуацию возвести до уровня жизненной философии — отличительная черта писем, обращенных к Маше Протасовой. И вместе с тем — острота и пронзительность каждого чувства, не укладывающегося в выводимые формулы и доказываемые «геометрические задачи». «Какое горькое сиротство в этом слове — быть *розно* с тобою», «О! это слово *розно*! Как оно раздирает душу!», «Но часто душа разорвана в клочки» — эти и многие другие признания придают эпистолярным размышлениям особую психологическую неповторимость и подвижность. Проповедь, морализаторство теряют свою силу, оживотворяются под натиском живого чувства. Смешение чувств вносит сумятицу в тщательно подготовленную программу будущей жизни.

Дерптские письма-дневники, впитавшие идеи и образы таких программных произведений Жуковского, как «Теон и Эсхин», «Эолова арфа», явились прологом к поэтической философии романтических манифестов 1815—1824 гг. Опираясь на замечательное суждение Ю. М. Лотмана, можно сказать, «там был генерирован текст, здесь текст должен был генерировать быт»¹⁴. Из эссе «Рафаэлева Мадонна», опубликованного в альманахе «Полярная звезда на 1824 год» и выросшего из письма к великой княгине Александре Федоровне, в русское культурное сознание входят понятие «Гений чистой красоты» и мотив рыцарского служения Мадонне, получившие свое развитие и продолжение в творчестве Пушкина.

Философия «счастья без счастья», самоотречения, выраженная и развитая в дерптских письмах, выйдет на поверхность литературного быта в жизненной и поэтической рефлексии Ф. И. Тютчева, который впервые мог встретиться

¹³ Тексты писем-дневников цит. по: ПССиП. Т. 13. С. 113—114.

¹⁴ Лотман Ю. М. Очерки по истории русской культуры XVIII — начала XIX века // Из истории русской культуры. Т. 4: XVIII — начало XIX века. М., 1966. С. 97.

с Жуковским в доме своего отца 28 октября 1817 г.¹⁵ и о встрече с которым он вспомнит в стихотворении «17 апреля 1818». А 6 (18) октября 1838 г., пережив утрату первой жены, в своем письме к Жуковскому он скажет:

Вы принесли с собою то, что после нее я более всего любил в мире: отечество и поэзию. Не Вы ли сказали где-то: *в жизни много прекрасного и кроме счастья*. В этом слове есть целая религия, целое откровение <...>¹⁶.

Не слышатся ли отзвуки переписки Жуковского и Маши, которая нередко происходила в пространстве одного дома, в соседних комнатах, и в которой участвовал поэт, прозванный друзьями «девушкой», «девственной душой», в интонации героя романа Ф. М. Достоевского «Бедные люди» Макара Девушкина? И формула Жуковского «Я вас предчувствую!» из его обращения к С. А. Самойловой, которой поэт увлекся в 1819 г. и альбом которой, где звучат эти слова, был опубликован в 1901 г.¹⁷, не стала ли импульсом для стихотворения А. Блока «Предчувствую Тебя. Года проходят мимо...» из цикла «Стихов о Прекрасной Даме», написанного 4 июня 1901 г.?!

Но дело, конечно же, не в этих рецептивных отзвуках писем Жуковского в большом пространстве русской культуры, хотя именно они обессмертили открытия поэта в сфере любовного томления и «сердечного воображения». Важно другое: история трагической жертвенной любви Жуковского, отраженная в его эпистолярии, генерированная в его текстах, входила в сферу литературного быта и определяла не столько бытовое поведение, сколько идеологию, психологию и философию русского классического романа, его национальное своеобразие.

III.

«1800-е годы — время собирания сил, формирования партий, установления и пересмотра литературных репутаций. <...> Идет самоопределение новой общественно-литературной генерации»¹⁸ — это суждение одного из авторитетных исследователей русского литературного быта неразрывно связано с историей общества «Арзамас», душой которого по праву можно назвать Жуковского.

---

¹⁵ В дневниковой записи от 28 октября 1817 г. после слов: «Обедал у Тютчева» возникает размышление Жуковского о том, что «Счастье не есть цель жизни. Мы соединены состраданием с другими...» (ПССиП. Т. 13. С. 124, 486).

¹⁶ Тютчев Ф. И. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1980. С. 33.

¹⁷ Кульман Н. К. Рукописи В. А. Жуковского, хранящиеся в библиотеке гр. А. А. и А. А. Бобринских. СПб., 1901. Учитывая постоянный и целенаправленный интерес молодого Блока к творчеству Жуковского и литературе о нем, это предположение имеет свое реальное основание.

¹⁸ Вацууро В. Э. В преддверии пушкинской эпохи // Арзамас-2. Кн. 1. М., 1994. С. 7.

Именно в его эпистолярии обозначаются характерные тенденции русской смеховой культуры, из которой вырос и расцвел «Арзамас». Игровое начало, пародийный подтекст, культ слова как мирозидательной силы определяют содержание эпистолярных текстов Жуковского 1800—1810-х гг. Сначала это ощущение безграничных возможностей слова как созидательной игры, творящей новый язык, обозначится в специальных заседаниях черненской «академии», в юмористических журналах «Муратовский сморчок» и «Муратовская вошь», в долбинских стихотворениях¹⁹, а затем, параллельно с этими опытами, войдет в дружескую переписку. Письма к барону И. П. Черкасову, сестрам Протасовым, к племяннице А. П. Киреевской, П. А. Вяземскому хранят атмосферу домашней галиматьи. Как справедливо замечает Р. В. Иезуитова, «тяга к юмору, дружеской шутке, острое восприятие комических сторон жизни отличают бытовое поведение Жуковского. Современников, близко знавших его, поражало резкое несоответствие жизненного, повседневного облика поэта с общим меланхолическим колоритом его стихов»²⁰.

Нужно заметить, что это бытовое поведение имело свое текстопорождение именно в эпистолярии. И трудно сказать, что именно было в начале, игровое юмористическое слово или бытовое дело (поведенческая модель): быт ли породил текст, или текст — быт. Постепенно из узкого круга родных и близких это игровое начало внедрялось в письма, обращенные к литературным единомышленникам. В письме к П. А. Вяземскому от первой половины октября 1811 г. Жуковский так живописует свое знакомство с А. А. Плещеевым, с которым «вместе <...> пишем комедии, играем их...», а 6 ноября того же года вновь сообщает:

Мы с Плещеевым пишем комедии, каких никто никогда не писал — половина по-русски, половина по-французски и все в стихах. <...> Дивись только тому, что я играю на театре, пою и танцую в балете в костюме Жука!²¹

Зооморфные маски Жука, Кота-Васьки, Бычка постепенно обретут свою жизнь в шуточных письмах Жуковского, обращенных к А. О. Смирновой-Россет, Ю. Ф. Барановой, А. Д. Блудовой, но в начале 1810-х гг. буффонада и галиматья Жуковского проявляются одновременно и в прозаических письмах, и в стихотворных, домашних, не предназначенных для публикации посланиях. Идея дружества, братства становится неотделимой частью литературного быта. Переживая глубокую личную драму, Жуковский излучает свет в своей домаш-

¹⁹ Подробнее об этом см.: *Соловьев Н. В.* Т. 1. Пг., 1915. С. 23—34; *Иезуитова Р. В.* Шуточные жанры в поэзии Жуковского и Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 10. Л., 1982. С. 22—27; *Лебедева О. Б.* Долбинские стихотворения // ПССиП. Т. 1. С. 678—682.

²⁰ *Иезуитова Р. В.* Указ. соч. С. 23.

²¹ Цит. по: Арзамас-2. Кн. 1. С. 173—174.

ней поэзии, словно заслуживая свое арзамасское прозвище — «Светлана». Граница между его письмами и стихотворными посланиями столь тонка, почти неразличима, что бытовые записки с сообщениями о визите, присылке книг, просьбой или извещением о встрече обретают стихотворную форму. Граница между поэзией и прозой, литературой и бытом практически стирается. Слово поистине обретает свою мирозидательную функцию. Не случайно Жуковский так любил «словесные игры». В его поэтическом наследии есть тексты с характерным заглавием: «Ответы на вопросы в игру, называемую *секретарь*», «Стихи, написанные для лотереи в пользу бедных». Он с удовольствием переводит четверостишия-афоризмы из «Кротких ксений» Гёте и «Две загадки» из цикла «Притчи и загадки» Ф. Шиллера. Вот лишь один образец такого стихотворчества под заглавием «Бык и роза»:

Задача трудная для бедного поэта.
У розы иглы есть, рога есть у быка —
Вот сходство. Разница ж: легко любви рука
Совет из роз букет для милого предмета,
А из быков никак нельзя связать букета!²²

В этом поэтическом экспромте типа буриме Жуковский обыгрывает и свое домашнее прозвище «Бычок», и комплиментарное «розы», обращенное к кругу павловских фрейлин. Так «игра в слова» входит в мир эпистолярия на правах домашней поэзии, но вместе с тем она формирует предарзамасское наречие, столь востребованное и обогащенное в «Арзамасе».

Переписка арзамасцев — объект специального исследования. Стихотворные протоколы Жуковского — «Светланы», секретаря «Арзамаса», сконденсировали в себе «грамматику арзамасской галиматии»²³, но в пространстве эпистолярия отчетливее выступают новые черты литературного быта эпохи — процесс формирования, становления и закрепления в общественном сознании идеологии «арзамасского братства», путь от «арзамасского братства к пушкинскому кругу писателей».

Эти понятия, введенные в научный оборот М. И. Гиллельсоном²⁴, имплицитно проявляются в письмах Жуковского на самых различных уровнях. Во-первых, они прочно закрепляются в обращении «брат», в каламбурном обыгрывании арзамасских прозвищ («чурка», «чурочка» — в письмах

---

²² ПССиП. Т. 2. С. 136.

²³ Об этом см.: Ронинсон О. А. О «грамматике» арзамасской «галиматии»: Функционирование русской литературы в разные исторические периоды // Ученые записки Тартуского университета. Вып. 822. Труды по русской и славянской филологии. Тарту, 1988. С. 4—17.

²⁴ См. его классические работы: 1) Молодой Пушкин и арзамасское братство. Л., 1974; 2) От арзамасского братства к пушкинскому кругу писателей. Л., 1977.

к Д. В. Дашкову-«Чу»; «бабушка Старушка» — к С. С. Уварову-«Старушка», «Вотрушка» — к В. Л. Пушкину-«Вот»). Во-вторых, сама тема духовного сообщества становится лейтмотивной: возникают понятия «ареопага», «союза», «братства». В-третьих, Жуковский одним из первых обращает внимание на «молодого чудотворца Пушкина» и уже в письме к П. А. Вяземскому от 19 сентября 1815 г. заявляет: «Это надежда нашей словесности», призывая «соединиться, чтобы помочь вырасти этому будущему гиганту, который всех нас перерастет»²⁵. Наконец, письма Жуковского к друзьям-единомышленникам и до «Арзамаса», и в период его расцвета, и после его распада стилистически едины: в них живет арзамасский дух.

Вот лишь два примера. К письму Ф. Ф. Вигелю от 1839 г.²⁶, написанному более чем через 20 лет после распада «Арзамаса», Жуковский прилагает рисунок журавля, изящно стоящего на одной ноге, и уже в самом начале подробно так комментирует его: «Это журавль Филипп Филиппович, для благопристойности прозванный *Ивиковым*, а он просто православный, русский журавль» — и далее исписывает несколько страниц живописуя «длинный его нос, которым он без жалости гвоздит лягушек, жаб и тому подобный болотный персонаж», «круглую голову», «шею, «украшенную черною косою», «одутловатое пузо», «пышный хвост», из-под которого «иногда в жидком виде посылает он свое благословение тем из жителей трясиного государства, которых не удостоит он клюнуть своим длинным носом»²⁷. В другом письме от конца 1830-х гг., обращенном к дочери друга-арзамасца Д. Н. Блудова, юной Антонине Дмитриевне, он в духе арзамасской галиматии от имени кота Васьки воссоздает драматическую историю своих столкновений с «гнусной собакой Цербером» (как он переименовал блудовскую собаку Медорку)²⁸:

Мяу... мяу... у... у... ау... уау! Слышите ли Вы, милостивая государыня Антонина Дмитриевна, как жалобно мяучит Васька кот! Бедный, бедный котец! Ведь ему нельзя прискакать к Вам на Ваше привлекательное, письменное *кис, кис!* Судьба уж предварительно произнесла свое *брысь!* <...> Но ввечеру, в девятом часу то-то будет потеха! разглажу свои усы; вымою свою кошачью морду; расправлю свой пушистый хвост и явлюсь к Вам, как следует благородному коту Ваське и, согнув дугою свою спинку, шаркну бархатной своей лап-

²⁵ Жуковский В. А. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. М.; Л., 1960. С. 564—565.

²⁶ Традиционно это письмо датируется «1829—1830-е гг.», начиная с его первой публикации (Записки отдела рукописей ГБЛ. Вып. 14. М., 1952. С. 128—133). Но знакомство с его автографом со всей очевидностью показало, что это не датированное самим Жуковским письмо написано позже, так как водяной знак бумаги: J. Whatman Turkey Mill 1837. Как нам удалось установить, письмо, скорее всего, относится ко второй половине 1839 г.

²⁷ Цит. по: Арзамас-2. Кн. 1. С. 101. Датировка та же, что и в первой публикации (см. примеч. 26).

²⁸ Впервые опубликовано: Памяти П. Н. Сакулина: Сб. статей. М., 1931. С. 5—8.

кой, и, припрыгнув с надлежащим мурлыканьем, произнесу поздравительные комплименты Вашему Родителю Министру Внутренних дел <...> —

так в целой серии неопубликованных писем этого же времени Жуковский развивает сюжеты своей «котианы», прямо указывая на ее связь с арзамасской традицией:

Хотелось бы размахаться к Вам на крыльях нашей любезной Галиматьи, любезная девица; да нельзя: у меня сидят всякого рода образины и не дают времени с Вами беседовать. Буду в понедельник в ½ 8 го часа. Возьмите в мотыльки Крылова (речь идет о «живых картинах», в том числе на сюжет стихотворения Жуковского «Мотылек и цветы». — А. Я.); он будет представлять целый культ мотыльков.

На протяжении почти 30 лет Жуковский внедрил в русскую эпистолярную культуру, в литературный быт эпохи особую философию братства, сообщества, своеобразный стиль, где неразделимы серьезное и шутивное, литературное и бытовое. «Юмор его <...> извлекается из неожиданных контрастов между сферой изображения и выражения, широкие возможности для которых открывал перифрастический стиль, позволяющий описывать пустяки “с важностью забавной”...»²⁹ — справедливо замечает современный исследователь, а Вяземский еще в 1852 г., поддерживая замысел издания эпистолярия Жуковского, писал, что в этих «буффонских», «чисто арзамасских» письмах «вздорноречие Жуковского доходило до истинного красноречия, до высокой гениальности»³⁰.

Раскрепощая сам эпистолярный стиль, внедряя в него черты литературного быта, Жуковский во многом содействовал рождению дружеского послания как поэтического жанра и формы воплощения жизненной философии. Еще до лицейских посланий Пушкина Жуковский закрепил черты этого жанра в стихотворной переписке с будущими арзамасцами — К. Н. Батюшковым, В. Л. Пушкиным, П. А. Вяземским, А. Ф. Воейковым, А. А. Плещеевым, Д. Н. Блудовым. Стихотворные вставки в письмах Жуковского — лаборатория выработки стиля дружеских посланий и принципов «школы гармонической точности», столь важных для последующей русской словесной культуры.

И в прозаических письмах, и в стихотворных посланиях Жуковский, резвясь, играя и шутя, строг в оценке творчества своих собратьев. Так, в послании «К кн. Вяземскому» (1815) он буквально строчка за строчкой, стих за стихом разбирает его стихотворение «Вечер на Волге»:

Послушай и поправь, когда тебе угодно! <...>
Да жаль, что в точности посбилось на пути <...>;

²⁹ Вацуро В. Э. Указ. соч. С. 22.

³⁰ Плетнев П. А. Сочинения и переписка: В 3 т. Т. 3. СПб., 1885. С. 407.

Итак, сие словцо не может пригодиться <...>;
Из одинаких весь сей стих лоскутьев сшит <...>;
Но рифма вздорная косится и брюзжит! <...>
Но я б весьма желал, чтоб *своды глас забав*
Не галлицизмами окрестности *вверяли*,
А русским языком *волнам передавали* <...>;
Нельзя ли этот стих хоть так перемарать <...>³¹ —

все эти критические замечания органично вписываются в стихотворный контекст и вполне корреспондируют с атмосферой литературного быта «Арзамаса». Эпистолярый Жуковского (и в прозаическом, и в стихотворном своих вариантах) содействовал развитию критики с позиций «школы гармонической точности», когда не абстрактные нормы вкуса, а особая мирозидательная функция слова, критерии его органической точности определяли критическую оценку.

Но, пожалуй, особое значение для становления нового литературного быта и новой русской культуры имел этический потенциал писем Жуковского. Безмерно добрый, даже добродушный человек, не чуждый озорства в быту, он был строг, почти педантичен в отношении к вопросам нравственности в жизни и поэзии. Он всегда боролся за доброе имя человека и писателя. Достаточно вспомнить его защиту чести А. А. Воейковой, «Записку о Н. И. Тургеневе», борьбу за честное имя Вяземского, помощь и поддержку ссыльному поэту, «приемышу “Арзамаса”» — А. И. Мещёвскому. Но и в отношении к самому себе он не допускал «амикошонства», поспешных оценок и резких слов. Так, в письме к П. А. Вяземскому от 12 ноября 1818 г., узнав о фривольных шутках относительно своего поведения и об их распространении в дружеском кругу, Жуковский дает достаточно резкую отповедь своему другу и собрату по «Арзамасу» и замечает:

Я не должен быть для тебя буффоном; оставим это для Арзамаса; в другие же минуты воображай меня без протоколов. Некоторого рода шутки на мой счет — хотя они и шутки — должны быть для тебя *невозможны*. <...> Моя обязанность остеречь тебя, потому что и для тебя так же должно быть важно не оскорбить меня, как и для меня <...>³².

Жуковский никогда не выступал в роли блюстителя нравственности, но, говоря о «нравственной пользе поэзии», об органической связи «слов» и «дел» поэта, своим поведением он поднял планку нравственности в литературном быте своего времени. Он действительно был «целым периодом нравственного

³¹ ПССиП. Т. 2. С. 17—20.

³² Арзамас-2. Кн. 2. С. 350.

развития нашего общества»³³. Эпистолярный Жуковского демонстрирует и комментирует ту нравственную позицию, которая реализована и в его творчестве, и в его жизни.

IV.

Проблема «поэт и власть» актуальна всегда, но в ситуации дворцового переворота 1801 г. и событий 1825 г. она обрела особую остроту и свои нюансы. Проблема «поэт при дворе» не менее актуальна и остра. Литературный быт 1800—1830-х гг. невозможно представить вне этой проблематики. Виднейшие литературные деятели эпохи — от Карамзина до Пушкина — так или иначе участвовали в диалоге с властью. Различные аспекты этого диалога как «поведенческого текста» наиболее зримо проявились в эпистолярии. Письма русских писателей к царственным особам — специальный сюжет, но несомненно одно: в этом сюжете эпистолярный Жуковского занимает единственное в своем роде место.

Во-первых, поражает само количество этих эпистолярных обращений поэта к царственным особам: более 200 писем, обращенных к императору Николаю I, императрице Александре Федоровне, великим князьям Александру Николаевичу, будущему императору Александру II, Константину Николаевичу, Михаилу Николаевичу (нам удалось обнаружить три письма к нему), великой княжне Марии Николаевне, охватывают большой хронологический промежуток — от 1817 до 1852 г. Во-вторых, эти письма становились частью заранее запланированной переписки. В-третьих, они не носили официального характера, хотя среди них, особенно обращенных к императору, есть прошения и ходатайства.

И все-таки главное в них — стремление Жуковского образовать и воспитать и своих учеников — великих князей, и их родителей. Эти письма стали органической частью «политической педагогики» Жуковского. Он пытался «разрыхлить душу» царственных особ, приучить их к осознанию своей ответственности за судьбы подданных. Убежденный монархист, он участвовал в формировании модели «патерналистического самодержавия»³⁴. Наконец, в своих письмах о судьбе «Европейца», о русской живописи, о путешествии по Саксонской Швейцарии и посещении Дрезденской галереи, о встречах с виднейшими деятелями немецкой романтической культуры, о «горной философии», о последних днях жизни Пушкина, о событиях европейской революции 1848 г., о помощи Лермонтову и Гоголю, о творческих планах и работе над переводом «Одиссеи» он последовательно не только выступал в роли «ангела-хранителя»

---

³³ Белинский В. Г. Указ. соч. Т. 7. С. 241.

³⁴ Об этом см.: Киселева Л. Н. Становление русской национальной мифологии в николаевскую эпоху (сусанинский сюжет) // Лотмановский сборник. Вып. 2. М., 1997. С. 285.

русской культуры, но и внедрил в сознание царского двора идею особого масштаба и особой миссии русского искусства.

Прежде всего Жуковский научился говорить с царственными особами на равных. Живя почти постоянно в Зимнем дворце вблизи от своих учеников, проводя с ними и двором павловские каникулы, следя за поведением членов царской семьи, он был негласным ее нравственным ревизором. Его поведение в этом отношении было безупречным. Не случайно Николай I, устраивая нередко «головоймойки» наставнику наследника за слишком активное вмешательство в дела «вольнодумцев», пригласил его руководить учением второго своего сына — великого князя Константина Николаевича, но Жуковский, несмотря на духовную близость к этому будущему реформатору, отказался, проявив свою независимость и внутреннюю свободу.

К сожалению, никогда не собиравшиеся вместе и не опубликованные в полном объеме письма Жуковского к царственным особам (в советское время они вообще не печатались) мало известны не только широкому кругу читателей, но и исследователям русской культуры. А между тем они могли бы многое прояснить в истории русской монархии, в реформаторской деятельности императора Александра II и великого князя Константина Николаевича.

Достаточно подряд прочитать около 110 писем за 1828—1851 гг., адресованных наследнику, чтобы почувствовать, как целенаправленно и систематически Жуковский-ментор духовно воспитывал своего ученика. Уже в первом известном письме от 1 января 1828 г., обращенном к десятилетнему отроку, Жуковский, рассказывая ему о деяниях Александра Невского, акцентирует системной курсивов следующую мысль:

Пример добрых дел есть лучшее, что мы можем даровать тем, кто живет вместе с нами; память добрых дел есть лучшее, что мы можем оставить тем, кто будет жить после нас³⁵.

И далее на протяжении 23 лет переписки он постоянно внушает будущему русскому императору идеи добра и справедливости, высокого предназначения и не менее высокой ответственности перед подданными и Россией:

<...> сохраните во всякий час своей жизни свое прекрасное сердце (378);

Мы живем в такое время, в которое нужна бодрость, нужно твердое, ясное знание своих обязанностей и правил, помогающих исполнить оные, правил, извлеченных из верного знания того, что справедливо, и соединенных с живым стремлением к общему благу. <...> Знайте, только одно, что в наше бурное время необходимее, нежели когда-нибудь, чтобы государи своею жизнью,

---

³⁵ Жуковский В. А. Сочинения: В 6 т. Т. 6. / Под ред. П. А. Ефремова. 8-е изд. СПб., 1883. С. 376. Далее ссылки на шестой том этого издания даются непосредственно в тексте, с указанием страницы в круглых скобках после цитаты.

своим нравственным достоинством, своею справедливостью, своею чистою любовью общего блага были образцами на земле и стояли выше остального мира (387) —

эти фрагменты из самых ранних писем Жуковского к великому князю получат позднее конкретизацию. Но особенно идеи «политической педагогики» будут развиты в письмах 1848 г., когда, опираясь на опыт европейской революции, очевидцем которой стал поэт, он остро поставит вопросы предназначения России, ее пути, ее защиты от заразы «пролетаризации общества» и революционных переворотов. Уроки франкфуртского парламента, «обитатели болтовни и сволочи», позволят Жуковскому внушить уже 30-летнему наследнику, ставшему отцом семейства, идеи реформаторства и преобразований во имя справедливости и добра.

Еще в 1825 г. Пушкин по поводу послания Жуковского «Императору Александру» прозорливо заметил: «Вот как русский поэт говорит русскому царю»³⁶. Пушкин почувствовал именно новый язык в диалоге поэта с властью, новый «поведенческий текст». Переписка Жуковского с царственными особами подтвердила это предсказание. Не случайно Вяземский, осведомленный об этих письмах, уже после смерти Жуковского говорил:

Вообще переписка Жуковского с императрицею и государем, когда время позволит ей явиться в свет, внесет богатый вклад если не в официальные, то в личные и нравственные летописи наши. «Несть бо тайно еже не явится». Когда придет пора этому явлению и то, что пока еще почти современно, перейдет в область исторической давности, официальный Жуковский не постыдит Жуковского-поэта³⁷.

Философия самостояния как внутренней свободы человека вообще, поэта в частности, была выстрадана русской культурой и общественной мыслью и постепенно входила в литературный быт на правах «поведенческого текста». Думается, эпистолярный Жуковский, его письма в защиту «Европейца», о гибели Пушкина, обращенные к императору Николаю I и шефу жандармов А. Х. Бенкендорфу и получившие свою публичную жизнь в пушкинском круге писателей, были важным звеном в становлении этой философии.

Эпистолярный Жуковский столь разнообразен и полисемантичен, что каждый персональный сюжет в нем — отражение и выражение еще одной стороны русского литературного быта. Переписка Жуковского с Каченовским 1809—1817 гг., по точному замечанию ее публикатора, «включает в себя множество любопытных и ярких штрихов для характеристики литературного быта

³⁶ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 13. М.: Изд. АН СССР, 1937. С. 179.

³⁷ Вяземский П. А. Полн. собр. соч.: В 12 т. Т. 7. СПб., 1878—1896. С. 473.

и литературной этики XIX века»³⁸; переписка Жуковского с Гоголем и феномен публикации отдельных писем самими авторами — факт огромного историко-литературного значения³⁹; переписка с П. А. Плетневым — важный источник для изучения эдиционной практики эпохи; переписка с А. Я. Булгаковым воссоздает историю почтового дела в России; огромный массив неопубликованных писем Жуковского к своему душеприказчику Р. Р. Родионову (всего около 180 от 1841—1852 гг.)⁴⁰ — интересный материал частного быта, издательской этики 1840-х гг. И подобные примеры можно продолжать...

Думается, что шесть томов писем Жуковского таят много «открытий чудных» как для характеристики самого их автора, так и для освещения различных сторон литературного быта его эпохи. Разнообразные формы этого эпистолярия: дружеские послания, любовные письма, письма-дневники, письма-трактаты, письма-прошения, история их бытования в самых различных вариантах (для публичного чтения, публикации в периодических изданиях, для домашнего обращения) — свидетельство неразрывной и органической связи «быта» и «текста».

---

³⁸ Из неизданной переписки В. А. Жуковского / Публ. Р. В. Иезуитовой // Ежегодник РО ПД на 1979 г. Л., 1981. С. 86—87.

³⁹ Об этом см.: *Канунова Ф. З.* Проблема поэтики и эстетики в переписке Гоголя и Жуковского... // *Гоголь и время.* Томск, 2005. С. 46—53; *Кузнецова Н. В.* Жуковский и Гоголь: Диалог об искусстве в переписке писателей: Автореф. канд. дис. Тверь, 2006.

⁴⁰ В настоящее время они собраны по различным архивохранилищам и подготовлены мною к печати.

ПРИМЕЧАНИЯ

А. С. Янушкевич

ИСТОРИЯ ИЗДАНИЯ ЭПИСТОЛЯРНОГО НАСЛЕДИЯ В. А. ЖУКОВСКОГО

Судьба эпистолярного наследия Жуковского прихотлива. Еще при его жизни некоторые письма, обращенные к великой княгине, будущей императрице Александре Федоровне, великому князю Александру Николаевичу, великой княгине Марии Николаевне, к князю И. Ф. Паскевичу, к С. Л. Пушкину, Н. В. Гоголю, П. А. Вяземскому, немецкому публицисту князю Шаку, публиковались на страницах популярных периодических изданий. Нередко они были озаглавлены и обретали статус статей («Рафаэлева Мадонна», «Две Всемирные истории», «Последние минуты Пушкина», «Очерки Швеции», «Бородинская годовщина», «О смерти», «О молитве», «О поэте и современном его значении», «Письмо русского из Франкфурта», «Русская и английская политика», «О происшествиях 1848 года», «О стихотворении “Святая Русь”»). Подзаголовки, а нередко и заглавия, содержащие указания на генетически эпистолярный дискурс («Отрывок из писем о Саксонии», «Отрывки из письма о Швейцарии», «Из письма о Дрезденской галерее», «Письмо к Н. В. Гоголю», «Письмо к кн. Вяземскому», «Письмо русского из Франкфурта», «Письмо к графу Ш-ку»), но скрывающие имя адресата, все-таки не позволяли говорить о них как о письмах поэта. Это были «травелоги возвышения души», эстетические манифесты, публицистические выступления, программные статьи.

Сразу же после смерти Жуковского П. А. Плетнев стал хлопотать о собирании и издании его писем, обратившись за помощью к ближайшим друзьям поэта. В письме к А. С. Стурдзе от мая 1852 г. А. П. Зонтаг сообщала: «Петр Александрович Плетнев, бывши всегда сердечно предан Жуковскому, предпринял в помощь семейству покойного собрать сколько возможно его писем и издать их для назидания многих» (РС. 1902. Т. 6. С. 584). Она обратилась к Стурдзе с просьбой переслать Плетневу имеющиеся у него письма Жуковского, известив о том, что выслала Плетневу адресованные ей письма поэта. Вероятно, вышедшее через три года издание «Переписки Жуковского с А. С. Стурдзою. Одесса, 1855» стало реализацией этого замысла. На это начинание отозвался и Вяземский в письме к Плетневу от 19 ноября 1852 г.: «Слышу, что вы собираетесь издать письма его (Жуковского. — А. Я.) Это дело прекрасное. И у меня есть вкладчина в это собрание,

но до возвращения моего в Россию не могу сообщить вам эти письма. Иные, кажется, хранятся в Остафьеве, другие перемешаны и уложены с другими бумагами моими. И я один могу найти нить в этом бумажном лабиринте. Перечитайте без зазрения совести и неуместного целомудрия и шуточные письма его, буффонские, чисто арзамасские, где веселость его разыгрывалась во всю ивановскую. Эта сторона не должна пропасть без вести и дополняет характер его. <...> К тому же вздорное речие Жуковского доходило до истинного красноречия, до высокой гениальности» (РС. 1902. Т. 6. С. 386—387). Задуманное Плетневым издание писем Жуковского не было осуществлено.

В 1852 г. появились статьи-воспоминания (П. А. Плетнев, А. В. Никитенко, С. П. Шевырев), в которых публиковались отрывки из писем поэта, но лишь в посмертном издании С 5 (Т. 13. Сочинения в прозе. СПб., 1857), кроме прижизненных публикаций писем-статей, появилась бессистемная подборка новых эпистолярных документов (писем к имп. Александре Федоровне, отрывков из писем об «Одиссее» к А. П. Елагиной, С. С. Уварову, письма к А. О. Смирновой, шесть писем к А. С. Стурдзе). В С 6 (Сочинения В. Жуковского под ред. К. С. Сербиновича. СПб., 1869. Т. 6. С. 627—686) было опубликовано 18 неизвестных писем к великому князю Константину Николаевичу от 1840—1851 гг. Первый опыт систематизации эпистолярного наследия Жуковского был предпринят П. А. Ефремовым. В С 7 (Сочинения В. А. Жуковского. СПб., 1878. Т. 6) было опубликовано около 300 писем поэта. И хотя письма были расположены не в хронологическом порядке, С 7 давало представление о многообразии адресатов и общем количестве обнаруженных материалов. В С 8 (Сочинения В. А. Жуковского. СПб., 1885. Т. 6) П. А. Ефремов сделал попытку с максимальной полнотой представить письма к царственным особам. Было опубликовано 21 письмо к императрице Александре Федоровне, 96 писем к великому князю Александру Николаевичу, 9 писем к великой княгине Марии Николаевне, материалы о воспитании наследника, адресованные императору Николаю I. Издатель исключил уже известные в печати письма Жуковского к великой княгине Александре Федоровне от 1821—1822 гг. и письма к великому князю Константину Николаевичу, представленные К. С. Сербиновичем в С 6.

Юбилеи Жуковского 1883 и 1902 гг. активизировали интерес к эпистолярию поэта. Материалы и методологические установки монографий «Жизнь и поэзия В. А. Жуковского. 1783—1852. По неизданным источникам и личным воспоминаниям. СПб., 1883» К. К. Зейдлица, «В. А. Жуковский и его произведения. М., 1883» П. Загарина, «Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского. Вып. 1—2. СПб.; Пг., 1906—1916» В. И. Резанова, «В. А. Жуковский. Поэзия чувства и “сердечного воображения”. СПб., 1904» А. Н. Веселовского свидетельствовали о значении писем Жуковского как важнейшего источника его житнетворчества и жизнестроительства. Если Зейдлиц как друг поэта, очевидец перипетий его жизненного пути, включил эпистолярный материал на правах воспоминаний, о чем свидетельствует подзаголовок его книги, если Загарин акцентировал значение писем в педагогической деятельности поэта, если В. И. Резанов использовал этот материал как репрезентацию творческой лаборатории поэта, то в фундаментальном исследовании А. Н. Весе-

ловского, посвященном прежде всего поэзии Жуковского как «поэзии чувства и сердечного воображения», его письма приобретают масштаб жизнетворческого материала, реализующего важный эстетический принцип Жуковского: «Жизнь и Поэзия одно» и раскрывающего своеобразие рефлексии поэта.

В контексте этих обобщающих трудов эпистолярный Жуковский постепенно обретает самостоятельное значение и вычлняется из раздела «проза поэта». Специальные издания исторического и библиографического характера, такие как «Русская старина», «Русский архив», «Русский библиофил», «Старина и новизна», «Литературный вестник», «Шукинский сборник», «Татевский сборник», на протяжении 1860—1910-х гг. вводили в оборот русской культуры целые пласты нового эпистолярного материала. Достаточно назвать опубликованные на страницах РА подборки писем Жуковского, адресованных И. И. Козлову (1867. № 5—6. Стб. 820—842), А. Ф. фон-дер Бриггену (1867. № 5—6. С. 843—862), А. Я. Булгакову (1868. № 9. Стб. 1445—1483), И. И. Дмитриеву (1870. № 8. Стб. 1703—1711), А. О. Смирновой (1871. № 11. С. 333—346), А. А. Прокоповичу-Антонскому (1883. № 2. С. 324—332), А. С. Пушкину (1889. № 9. С. 115—124), родным (матери, А. П. Елагиной, А. П. Зонтаг, А. Н. Арбеновой, Е. А. Протасовой). Не менее интенсивно публиковались и ответные письма.

Благодаря подвижнической деятельности главного библиографа Императорской Публичной библиотеки И. А. Бычкова сначала на страницах РА, а затем и отдельным изданием появились «Письма В. А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу. М., 1895», включающие 197 эпистолярных документов, воссоздающих историю их дружеских отношений на протяжении почти 40 лет и отражающих характерные моменты литературной и общественной жизни 1810—1840-х гг. Особого внимания заслуживает выход в 1912 г. специального выпуска журнала «Русский библиофил», посвященного Жуковскому. На его страницах известный филолог, палеограф И. А. Шляпкин опубликовал 18 писем, извлеченных из немецких архивов и обращенных к немецким друзьям поэта (известному путешественнику и писателю барону А. фон Гумбольдту, писательнице Гельмине Шези, дипломату и переводчику барону А. П. фон Мальтицу, писателю, эллинисту К. А. Фарнгагену фон Энзе, историку Ф. И. Липману). Не менее значима была подготовленная А. А. Фоминым переписка Жуковского с королем прусским Фридрихом Вильгельмом IV, включающая 13 писем русского поэта. Публикация И. А. Бычкова «Неизданные письма Жуковского к А. П. Елагиной и А. П. Зонтаг» вводила в научный оборот 33 извлеченных из собрания ИПБ новых писем поэта к его задушевному подругам-родственницам.

Появление в юбилейные годы специальных изданий и публикаций, посвященных Жуковскому (Сочинения и переписка П. А. Плетнева. Т. 1—3. СПб., 1885; *Бычков И. А.* Бумаги В. А. Жуковского, поступившие в Имп. Публичную библиотеку в 1884 г. // Отчет Имп. Публичной библиотеки на 1884 г. Приложение. СПб., 1887; Остафьевский архив князей Вяземских / Под ред. и с примеч. В. И. Саитова. Т. 1—5. СПб., 1899—1913; *Дубровин Н. Ф.* В. А. Жуковский и его отношение к декабристам // РС. 1902. № 4. С. 45—119; *Петухов Е. В.* В. А. Жуковский в Дерпте (1815—1817) // Сборник в память Н. В. Гоголя и В. А. Жуковского, изд. Имп. Юрьевским универ-

ситетом. Юрьев, 1902. С. 45—101; Уткинский сборник: Письма В. А. Жуковского, М. А. Мойер и Е. А. Протасовой. С 4 портретами / Под ред. А. Е. Грузинского. М., 1904; Памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя. Вып. 1—3. СПб., 1907—1909; *Соловьев Н. В.* История одной жизни. А. А. Воейкова — «Светлана». Т. 1—2. Пг., 1916; Архив братьев Тургеневых. Вып. 1—6. СПб.; Пг., 1911—1921), способствовало систематизации эпистолярного наследия Жуковского и обогатило его новыми материалами. Так, в появившемся издании «Сочинений В. А. Жуковского. Под редакцией А. Д. Алферова. Т. 1—2. М., 1902» было зафиксировано около 290 писем к 48 адресатам. К сожалению, вышедшее в этом же году первое «Полное собрание сочинений В. А. Жуковского. Под редакцией, с биографическим очерком и примечаниями проф. А. С. Архангельского» (Т. I—XII. СПб., 1902), несмотря на несомненные достоинства в осмыслении сочинений поэта, содержало всего лишь 78 писем, уже известных в печати.

Рассматривая дореволюционные издания эпистолярия Жуковского, можно констатировать три момента. Во-первых, стремление друзей, издателей, филологов с максимальной полнотой собрать его письма, разбросанные по разным частным собраниям. Во-вторых, отсутствие общей хронологической картины, выявляющей эволюцию эпистолярия поэта. В-третьих, неразработанность эдических принципов, что приводило к искажению и сокращению текстов, отсутствию научного комментария. Следствием этого были ошибки в датировке и в определении адресатов.

В послереволюционную эпоху еще некоторое время продолжалось издание «Архива братьев Тургеневых», обращавшее память к эпохе Жуковского. Модест Гофман в своей книге «*Le Musée Pouchkine d'Alexandre Onéguine a Paris. Notice, catalogue et extraits de quelque manuscrits...* Paris, 1926» («Пушкинский музей А. Ф. Онегина в Париже. Общий обзор, описание и извлечения из рукописного собрания... Париж, 1926») и публикациях в брюссельском журнале «Благонамеренный» говорил о богатом эпистолярном наследии «учителя Пушкина». В начале 1920-х гг. Б. Л. Модзалевский в статье «О переписке Жуковского» (*Sertum bibliologicum* в честь президента Русского библиологического общества проф. А. И. Малеина. Пг., 1922) писал о работе над полным собранием писем поэта, но составленная им картотека неопубликованных и опубликованных писем Жуковского и к нему носила предварительный характер и сохранила лишь следы этого замысла. Автор статьи резюмировал: «Подготовляя к изданию полное собрание писем Жуковского, мы проникнуты глубоким убеждением, что собрание это представит собою на редкость поучительный, единственный в своем роде и неисчерпаемый источник наслаждения духовного; его можно будет поставить в ряд лишь со сборником писем Пушкина, являющих собою образец другого порядка: если в письмах Пушкина преобладающею чертою является ум, — в письмах Жуковского на первое место придется поставить чувство...» (Там же. С. 166). Об эпистолярном материале Жуковского, связанном с последними днями жизни Пушкина, напоминал в переизданиях своей книги «Дуэль и смерть Пушкина» (1922, 1928) П. Е. Щеголев.

Но на долгие годы Жуковский как «реакционный романтик», «монархист», «царедворец», «мистик» был вычеркнут из арсенала русской словесной культуры, а его письма не вызывали издательского интереса по цензурным обстоятельствам. По-

жалуй, только Ц. Вольпе, решившийся в 1937 г. издать в «Библиотеке поэта» двухтомное собрание стихотворений Жуковского (Л.: Советский писатель, 1939—1940), постоянно опирался на эпистолярный «Коломба русского романтизма» во вступительной статье и примечаниях.

В 1959—1960 гг. под редакцией И. М. Семенко было предпринято издание, по существу, первого советского собрания сочинений В. А. Жуковского в 4-х томах. В 1980 г. оно было переиздано в 3-х томах с добавлениями, выпущенными по цензурным соображениям в первом издании. И хотя письмам Жуковского в нем не повезло (т. 4 издания 1959—1960 гг. включал всего лишь 123 письма, обращенных к писателям и деятелям русской культуры и общественной мысли и уже известных в печати), оно возрождало интерес к творчеству поэта и напоминало о его письмах как бесценном «человеческом документе».

Юбилей поэта 1983 г. был существенной вехой в новом прочтении Жуковского. Стало очевидно, что его поэзия прошла «веков завистливую даль», а его эпистолярный является органической частью русского литературного и общественного сознания. В 1980 г. М. И. Гиллельсон опубликовал переписку П. А. Вяземского и В. А. Жуковского 1842—1852 гг. (Памятники культуры. Новые открытия. 1979. Л., 1980), воссоздающую малоизвестный период творческой биографии позднего Жуковского. На страницах юбилейного сборника «Жуковский и русская культура» (Л., 1987) впервые появились подготовленные В. Э. Вацуру и М. Н. Виролайнен «Письма Андрея Тургенева к Жуковскому». Эти 49 эпистолярных документов 1798—1803 гг., снабженные прекрасной вступительной статьей и тщательно прокомментированные, — существенная страница в биографии поэта периода его человеческого и творческого становления. По существу, эти две публикации стали вехами в осмыслении эпистолярной биографии Жуковского от его поэтического рождения до последних лет его жизни и творчества. Появившиеся в последующие годы публикации Р. В. Иезуитовой, В. В. Пухова, А. С. Янушкевича, Э. М. Жилияковой, Л. Н. Киселевой, О. Б. Лебедевой, И. А. Айзиковой, Н. Е. Никоновой, Х. Эйхштедт способствовали заполнению лакун в составе эпистолярия поэта. На страницах «Ежегодника Рукописного отдела Пушкинского Дома», журналов «Русская литература», «Наше наследие», «Die Welt der Slaven», специальных изданий «Жуковский и время» (Томск, 2007); «Жуковский. Исследования и материалы» (Вып. 1—2. Томск, 2010, 2013) в период с 1984 по 2013 г. было опубликовано около 50 новых писем Жуковского. Особое значение приобрели издания «монографического» характера, представляющие переписку Жуковского с такими важными для него адресатами, как А. С. Пушкин и Н. В. Гоголь, А. П. Елагина и А. И. Тургенев. В специальных изданиях «Переписка А. С. Пушкина» (М., 1982. Т. 1. С. 86—133. Публикация И. Б. Мушиной) и «Переписка Н. В. Гоголя» (М., 1988. Т. 1. С. 150—233. Публикация М. Н. Виролайнен) было дано представление о масштабе эпистолярных контактов Жуковского и его великих друзей, хотя письма Жуковского были опубликованы не полностью. В 2009 г. в московском издательстве «Знак» появилась «Переписка В. А. Жуковского и А. П. Елагиной. 1813—1852», подготовленная Э. М. Жилияковой, а в 2012 г. в Германии вышел первый том переписки Жуковского и А. И. Тургенева, подготовленный немецким славистом Хольгером Зи-

гелем (Der Briefwechsel zwischen Aleksander I. Turgenev und Vasilij A. Žukovskij 1802—1829. Mit Briefen Turgenevs an Nikolaj M. Karamzin und Konstantin Ja. Bulgakov aus Jahren 1825—1826. Herausgegeben, kommentiert und eingeleitet von Holger Siegel. Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 2012). В настоящее время выходит из печати второй том этой переписки. Из самых последних публикаций необходимо обратить внимание на изданную А. К. Афанасьевым публикацию писем Жуковского к московскому почт-директору и другу А. Я. Булгакову (Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. Альманах. Т. XVII. М., 2008). 86 писем за 1836—1852 гг. отражают последний период жизни поэта после его женитьбы в 1841 г. и переезда в Германию.

Интенсивность публикаций эпистолярия Жуковского в 1960—2000-е гг. сопровождалась активизацией архивной и библиографической работы. После подвижнической деятельности И. А. Бычкова, Н. К. Кульмана, Я. К. и К. Я. Гротов, М. Л. Гофмана, Б. Л. Модзалевского по описанию, изучению, изданию рукописного наследия Жуковского почти на 30 лет эта работа была прервана. В специальных бюллетенях и путеводителях по рукописным отделам и архивам (см., например: Бюллетени Рукописного отдела ИРЛИ (Пушкинский дом) АН СССР. Вып. 1. Л., 1947. С. 5—30; Путеводитель по Центральному Государственному литературному архиву. М., 1951. С. 110—111) давалось лишь описание фондов Жуковского, а о письмах говорилось без необходимой конкретизации. Первый опыт описания эпистолярия поэта в Отделе рукописей Государственной библиотеки имени Ленина был предпринят в 1952 г. Е. Н. Коншиной (Записки отдела рукописей ГБЛ. Вып. 14. М., 1952. С. 35—48). Автор «Обзора материалов Жуковского», обратившись к эпистолярию поэта, замечает: «Переписка является самой обширной частью материалов Жуковского. Его писем сохранилось около 100, они адресованы 24 лицам. Писем к нему насчитывается до 600 от 45 корреспондентов» (Там же. С. 39). В 2011 г. закончил работу по описанию рукописного наследия Жуковского в Отделе письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ) А. К. Афанасьев, который писал: «К настоящему времени в ОПИ выявлено 39 автографов В. А. Жуковского, среди которых 34 письма разным лицам за период с 1811 по 1852 г.» (Труды Государственного исторического музея. Вып. 85. М., 1994). Автор называет 17 адресатов, среди которых братья А. Я. и К. Я. Булгаковы, Н. М. Лонгинов, В. Д. Олсуфьев, А. О. Смирнова, В. Г. Тепляков, Я. Н. Толстой, А. И. Тургенев, С. С. Уваров и др.

Разыскания архивистов получили свое развитие и систематизацию в специальных библиографических обзорах писем Жуковского. Так, в библиографическом указателе (История русской литературы XIX века / Под ред. К. Д. Муратовой; сост. Н. Н. Антонова. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1962. С. 328—332. № 7266—7281) зафиксировано около 1270 писем к 119 адресатам. Через восемь лет немецкая славистка Хильдегард Эйхштедт в приложении к монографии «Жуковский как переводчик» (*Hildegard E. Žukovskij als Übersetzer. München, 1970. S. 142—157*) дала свой каталог эпистолярия поэта, специально выделив в нем письма к зарубежным корреспондентам. В каталоге оказалось около 1800 писем к 248 адресатам.

Работа над подготовкой Полного собрания сочинений и писем В. А. Жуковского в 20 томах позволила выявить еще около 500 писем поэта, хранящихся в архивохранилищах как России, так и зарубежных стран (Германии, Франции, Швейцарии, Италии, США). Но этот поиск продолжается, и исследователей еще ждут открытия...

В настоящем издании письмам отведено шесть томов (15—20-й общей нумерации). Каждый из них в хронологической последовательности представит поэтапно эпистолярный Жуковского с 1795 по 1852 г. Хронологические границы каждого из томов отражают периоды духовного и творческого развития поэта. Кроме того, при их определении приходилось учитывать и объем самого материала. Вот как это выглядит:

- 15 том — 1795—1817 гг.
- 16 том — 1818—1827 гг.
- 17 том — 1828—1836 гг.
- 18 том — 1837—1841 гг.
- 19 том — 1842—1847 гг.
- 20 том — 1848—1852 гг.

Первый том писем связан с периодом жизнестроительства и творческого самоопределения. Возраст их автора — 12—34 года. Эпоха детства, отрочества и юности как этапов физической жизни соотносится со временем поэтического становления и творческой зрелости. 1817-й год поистине рубежный в биографии Жуковского. 14 января состоялась свадьба Маши Протасовой и И. Ф. Мойера, что положило конец любовной драме, длившейся на протяжении почти пяти лет. В 1815—1816 гг. выходит в свет первое собрание «Стихотворений Василия Жуковского» в двух частях, а в 1816—1817 гг. за счет М. Т. Каченовского были изданы «Переводы в прозе В. Жуковского» в пяти частях. В конце 1816 г. за свою поэтическую деятельность он получает пожизненный пенсион в 4000 рублей ассигнациями, давший ему материальную независимость, а в октябре 1817 г. известный поэт становится учителем русского языка великой княгини Александры Федоровны, что явилось началом его службы при императорском дворе на протяжении более 20 лет. В это же время кончается деятельность литературного общества «Арзамас», бессменным секретарем которого он был и которое определило начало новой литературной эпохи. Симптоматично, что в этом же году практически одновременно выходят замуж родственницы и духовные подруги юности, бессменные адресаты его писем почти на протяжении всей его жизни, сестры Юшковы Авдотья и Анна — А. П. Елагина (второй брак) и А. П. Зонтаг. Одним словом, кончается целая эпоха его жизни, и письма 1795—1817 гг. стали ее своеобразной летописью. Около 360 писем, адресованных почти 50 корреспондентам, являются страницами этой книги бытия.

Говоря об эдизционных принципах предпринятого издания, нужно заметить, что его авторский коллектив ориентировался на опыт своих предшественников, прежде всего на концепцию Полного собрания сочинений и писем Ф. М. Достоевского (*Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом). Л.: Наука, 1972—1990*) и И. С. Тургенева

(Тургенев И. С. Полное собрание сочинений: В 30 т. (Письма: В 18 т.) / АН СССР, ИРЛИ (Пушкинский дом). М.: Наука, 1978—2014).

Письма располагаются в хронологическом порядке с общей нумерацией. Источниками публикации в настоящем издании являются автограф Жуковского, копия или первая полная публикация в тех случаях, когда автограф или копия неизвестны. Источник, по которому печатается письмо, а также время и место первой его публикации, описан в начале примечаний к нему. Для автографов и копий указывается местонахождение и шифр, для первопубликаций — выходные данные и страницы издания.

Если в автографе имеется дата, она воспроизводится в тексте письма или в правом верхнем углу, или в левом нижнем, как в оригинале. Сохраняется графика и состав даты автографа, причем ошибка в ней (описка, несовпадение чисел старого и нового стилей) не устраняется. Однако, несмотря на наличие или отсутствие авторской даты, каждое письмо снабжено редакторской датой, напечатанной перед письмом в виде подзаголовка, после порядкового номера и имени адресата; состав редакторской даты включает указания числа, месяца, года и места написания письма. В случае, если в автографе дата неполная (отсутствует указание числа, месяца или года), дополнения в редакторской дате заключены в угловые скобки. Предположительные редакторские даты в их полном составе также заключены в угловые скобки. Если же источником текста письма является не автограф и не копия, а первопубликация, в редакторской дате воспроизведена датировка публикации, в случае необходимости дополненная (дополнения оговариваются в примечаниях).

В примечаниях авторская дата не приводится и не оговаривается, если в ней нет ошибок. Отсутствие даты (Б. д.) или ее неполнота (Б. г.) фиксируется и обозначивается точная или предположительная датировка, которая и переносится в подзаголовок. Письма с неопределенными датировками располагаются в конце возможного для них периода. При этом 1—10 числа обозначаются как «начало», 11—20 — как «середина», 21—31 — как «конец» месяца. Письма, датируемые по почтовому штемпелю или по косвенным данным дневника или ответных писем корреспондентов, печатаются с обозначением: «около» или «не позднее» соответствующего числа привлекаемых документов. Письма, написанные в течение нескольких дней и датированные несколькими числами, вводятся в общий хронологический ряд писем согласно последней дате. В подзаголовке фиксируются обе (или несколько) даты создания текста. Сомнительные редакторские даты и дополнения к неполным датам отмечаются знаком вопроса.

Тексты писем воспроизводятся с возможной точностью в обозначении обращений, приписок, заключительных фраз, подписи и т. д. Недописанные или сокращенно написанные слова дополняются в угловых скобках. Сомнительное прочтение сопровождается знаком вопроса в угловых скобках, а слова, оставшиеся неразобранными, помечаются знаком <нрзб.>, с цифрой, обозначающей количество неп прочитанных слов, если их больше одного — например <2 нрзб.>. Все подчеркивания Жуковского воспроизводятся курсивом, за исключением названий периодических изданий и произведений, которые заключаются в кавычки. Все ино-

язычные слова и фразы, встречающиеся в тексте писем, отмечены астерисками, их перевод с обозначением в скобках языка оригинала дается в постраничных сносках. Если письмо полностью написано на иностранном языке, перевод дается в основном тексте.

Письма печатаются по современным нормам орфографии и пунктуации. Все описки, пропуски знаков препинания специально не оговариваются. Снимаются знаки тире, обозначающие начало нового абзаца, и текст дается с красной строки. Унифицируется написание таких титульных обозначений, как «его (ее) величество (высочество)», «великий князь», «великая княгиня», «милостивый государь», «император», «императрица» (за исключением писем, адресованных царствующим особам и членам императорской фамилии), а также слов в именительном и косвенных падежах, отражающее неустойчивость и общую эволюцию отечественной орфографии и колеблющееся в пределах иногда даже одного текста (щастие, счастье, счастье). Во всех обращениях к адресатам местоимение Вы и производные от него (Вас, Ваше и т. д.) печатаются с заглавной буквы. Сохраняются особенности орфографии подлинника, связанные с шутливым тоном и игровым поведением автора (арзамасским стилем). Для воссоздания общей атмосферы письма не заменяются слова или фразы, неудобные для печати. Сохранено обозначение некоторых топонимов (Минхен, Цирих, Луцерн) и антропонимов (Бейрон, Рафаель, Ван Ейк, Екгоф). Разночтения в автоцитатах стихотворений в автографах писем (в основном это знаки препинания и отдельные лексические вариации) оставлены без изменения и сверки по каноническим текстам в ПССиП. Т. 1—2.

К каждому тому прилагается указатель адресатов, позволяющий избежать повторов биографического характера, указатель писем по адресатам, указатель произведений и замыслов Жуковского, о которых идет речь в текстах писем, а также аннотированный указатель имен, позволяющий опускать в примечаниях даты жизни упоминаемого лица и его общую характеристику, оставляя только сведения, необходимые для прояснения и уточнения данного эпистолярного контекста. В целях избежания повторов и дублирования комментариев (так как многие жизненные ситуации и факты повторяются в письмах, особенно близких по времени написания) в корпусе примечаний даются внутренние отсылки на настоящее издание, с указанием адресата и даты соответствующего письма и номера соответствующего примечания.

Тексты писем 1795—1817 гг. подготовили и примечания к ним составили: И. А. Айзикова (к матери, К. Я. Дезе, Н. М. Лонгинову), С. В. Березкина (к М. А. Протасовой-Мойер, А. А. и А. Ф. Воейковым, С. С. Уварову), Т. Т. Гузаиров (к К. Моргенштерну), Э. М. Жиликова при участии С. В. Березкиной (к А. П. Киреевской-Елагиной), В. С. Киселев (к Н. И. Гнедичу, П. А. Вяземскому — комментарии к письмам 1813—1817 гг.), О. Б. Лебедева (к А. П. Юшковой-Зонтаг, великому князю Николаю Павловичу, М. Я. фон Фоку), С. И. Панов (к П. А. Вяземскому — подготовка текстов 1808—1817 гг., комментарии 1808—1812 гг., В. Ф. Вяземской), И. А. Поплавская (к П. И. Голубкову, А. А. Прокоповичу-Антонскому), А. С. Янушкевич (к В. А. Азбукину, имп. Александру I, А. Н. Арбенева, К. Н. Багюшкову, Д. Н. Блудову, Ф. Г. Вендриху, Ф. Гизе, Е. И. Голицыной,

Д. В. Дашкову (в соавторстве с О. Б. Лебедевой), Г. Р. Державину, И. И. Дмитриеву, С. П. Жихареву, А. Е. Измайлову, Д. А. Кавелину, Н. М. Карамзину, М. Т. Каченовскому, И. В. Лопухину, имп. Марии Федоровне, И. И. Мартынову, А. Ф. Мерзлякову, И. Ф. Николеву, А. А. Перовскому, Е. А. Протасовой, Н. П. и М. Н. Свечиным, А. М. Соковниной, А. И., И. П., Н. И. и С. И. Тургеневым, И. П. и М. А. Черкасовым). Все указатели к данному тому составлены А. С. Янушкевичем, О. Б. Лебедевой, В. С. Киселёвым. Корректировка французского текста и переводов выполнена Н. Л. Дмитриевой.

Коллектив редакционной коллегии выражает свою глубокую признательность и благодарность всем, кто своими советами, консультациями, неизменным вниманием, любезностью и поддержкой помогает нам на разных этапах работы над этим изданием:

Сотрудникам Отдела рукописей Российской национальной библиотеки:

Заведующему Отделом рукописей Алексею Ивановичу Алексееву,

Сотрудникам отдела обслуживания (архивное хранение):

Дмитрию Павловичу Белозерову, Сергею Георгиевичу Жемайтису, Павлу Андреевичу Медведеву, Ивану Анатольевичу Полякову;

Сотрудникам читального зала

Наталии Николаевне Невзоровой, Ольге Львовне Новиковой, Леониду Николаевичу Сосницкому, Наталии Борисовне Роговой, Михаилу Алексеевичу Шибаеву;

Библиографу РНБ Людмиле Васильевне Карпущенко.

Сотрудникам Рукописного отдела Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом):

Заведующей Рукописным отделом Татьяне Сергеевне Царьковой;

Заведующей читальным залом Наталии Николаевне Колесовой;

Сотрудникам хранения и читального зала:

Наталии Николаевне Лавровой, Елене Рудольфовне Обатниной, Маргарите Михайловне Павловой, Наталии Александровне Хохловой.

Сотрудникам Российского государственного архива литературы и искусства:

Заместителю директора РГАЛИ Галине Рауфовне Злобиной;

Заведующей читальным залом Отдела рукописей Екатерине Мерабовне Гунашвили; Начальнику отдела хранения рукописей личных фондов Наталии Борисовне Самошкиной;

Начальнику отдела хранения подлинников организаций Светлане Владимировне Зыковой;

Сотрудникам читального зала микрофильмов Людмиле Владимировне Любченко и Ирине Николаевне Калугиной.

Сотрудникам Отдела письменных источников Государственного исторического музея:

Заведующей ОПИ ГИМ Ольге Александровне Сиротиной;

Ведущему научному сотруднику Александру Константиновичу Афанасьеву;

Старшему научному сотруднику Наталье Борисовне Быстровой;

Научному сотруднику Дарья Геннадьевне Юшко,

а также всем сотрудникам названных библиотек и архивохранилищ, чьим профессионализму и доброжелательности мы обязаны возможностью получить квалифицированную библиографическую помощь.

ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТАМ ПИСЕМ

1.

Е. Д. Турчаниновой

(С. 7)

Автограф неизвестен.

Копия: РО ИРЛИ. № 27744. Л. 1—1 об.

Впервые опубликовано: РА. 1872. № 12. Стб. 2363—2364. Публикация П. И. Бартенева.

Печатается по копии.

Датируется: 20 ноября 1795 г.

Пять сохранившихся писем Жуковского к матери от 1795—1808 гг. — по существу, первые образцы его эпистолярия — раскрывают процесс его вхождения в реальную жизнь, период его отрочества. Если три первых письма от 1795 г., написанные 12-летним мальчиком, еще мало что говорят о его личности, хотя тяга к самообразованию (покупка книг, переводы с немецкого) открывают мир его души, то в письме от сентября 1808 г., посланного уже после окончания пансиона и перипетий службы в Соляной конторе, чувствуется характер юноши, нашедшего свое призвание и обретающего самостоятельность жизненного выбора.

¹ По просьбе М. Г. Буниной, крестной матери Сальхи, майор Рязанского полка Дмитрий Гаврилович Постников, тульский помещик, майор, знакомый Буниных, в ноябре 1795 г. повез Жуковского в крепость Кексгольм, для определения в этот же полк. Как вспоминает А. П. Зонтаг: «Новому воину сшили мундир и снарядили как следует. Это восхищало Жуковского; он уехал!» (Ж. в воспоминаниях. С. 166). Жуковский, в соответствии с правилами времени, был со дня рождения записан в военную службу. Согласно «Формулярному списку о службе ординарного академика Императорской академии наук, тайного советника Василия Андреевича Жуковского», составленному поэтом в 1850 г., он еще в 1785 г., двухлетним мальчиком, был определен А. И. Буниным в Астраханский гусарский полк в чине сержанта, в 1789 г. был произведен в прапорщики и принят в штат генерал-поручика М. Н. Кречетникова младшим адъютантом. Сделано это было ради возможности в дальнейшем присвоить незаконнорожденному Жуковскому дворянское звание. Обращение А. И. Бунина с прошением об отставке Жуковского из военной службы было удовлетворено 8 ноября 1789 г. В 1790 г. Бунины переехали в Тулу, где Жуковский был определен в пансион Х. Ф. Роде. Однако в связи со смертью А. И. Бунина

было принято решение о необходимости Жуковскому снова поступить на военную службу — в Нарвский полк, который был выбран потому, что в нем ранее служил его отец, А. И. Бунин. Однако Жуковский не получил разрешения на вступление в полк в связи с тем, что Павел I, сменивший на престоле Екатерину II, запретил брать на действительную службу несовершеннолетних офицеров. После трехмесячного пребывания в Кексгольме и недолгого пребывания в Петербурге (в феврале 1796 г.) Жуковский вернулся в Тулу, в дом Юшковых.

² О каком переводе идет речь, неизвестно. Первый опубликованный стихотворный перевод Жуковского с немецкого языка — «Дружба» (из Г.-П. Пфедфеля) — датируется 1805 г. К работе над первым печатным прозаическим переводом с немецкого языка — романом А. Коцебу «Мальчик у ручья» — Жуковский приступил летом 1800 г., по окончании пансиона. Дошедшие до нас незавершенные прозаические переводы Жуковского с немецкого также датируются 1800-ми гг.

³ Бывшая русская Корела, в XVII в. взятая шведами. Затем Петр I вернул крепость России, но название закрепилось. Три месяца почти самостоятельного пребывания Жуковского в Кексгольме, а затем месяц жизни в Петербурге — это поистине «золотые игры первых лет и первых лет уроки». См.: Ж. в Петербурге. С. 13—18. Показательно, что, планируя в дневнике (1806 г.) создать своеобразную летопись своей «прошедшей жизни», Жуковский не забывает связать ее шестой пункт с этими впечатлениями: «Кексгольмская и Петербургская жизнь» (ПССиП. Т. 13. С. 33).

2.

Е. Д. Турчаниновой

(С. 7)

Автограф: РО ИРЛИ. № 27743. Л. 7—7 об.

Копия: РО ИРЛИ. № 27744. Л. 2—2 об.

Впервые опубликовано: РА. 1872. Стб. 2363—2364. Публикация П. И. Бартенева.

Печатается по автографу.

Датируется: 20 декабря 1795 г.

¹ А. В. Суворов, прославленный русский полководец. Как справедливо замечает исследователь: «В мир детских впечатлений, расширяя и обогащая их, входила сама история. Живое ее дыхание ощущается и в строчках детского письма» (Ж. в Петербурге. С. 14).

² Подразумевается Д. Г. Постников. На обороте л. 7 подлинника имеется его следующее письмо к Елизавете Дементьевне:

Милая моя Лизавета Дементьевна, Васинька твой здоров, и мил, и весел. Привезу его к тебе на год в отпуск, а ежели хочешь, то и больше. Будь покойна. Жди нас. Прощай, милая, желаю тебе быть здоровой <2 нрзб.>. Много тебя любящий Д. Постников.

³ Дата заключена в виньетку, возможно, чтобы подчеркнуть праздничный характер письма, содержащего поздравление с наступающим Новым (1796-м) годом.

3.

Е. Д. Турчаниновой

(С. 8)

Автограф неизвестен.

Копия: РО ИРЛИ. № 27744. Л. 3—3 об. Б. д.

Впервые опубликовано: РА. 1872. Стб. 2364—2365. Публикация П. И. Бартенева.

Печатается по копии.

Датируется: начало января 1796 г. (после 6-го).

¹ Это поздравление можно считать основанием для датировки. В приписке, сделанной переписчиком карандашом в конце копии письма — «Без означения числа и года, но, должно быть, в декабре 1795-го», — дата, очевидно, указана неверно. Б. Л. Модзалевский, готовивший эти письма к печати, датирует данное письмо серединой января 1796 г. (РО ИРЛИ. № 154/1 «Изобразительные и документальные материалы, книги, мемории из собрания Пушкинского Дома. Каталог»).

² Еще одно зафиксированное в тексте основание для датировки письма: праздник Крещения Господня относится, как известно, к двенадцатым непереходящим и отмечается 6 января (по ст. ст.).

³ На Крещение во льду пробивают прорубь, которая называется Иордань, по названию реки Иордан, где, по евангельскому рассказу, крестился Иисус Христос. В Иордани производится водосвятие, вокруг нее совершается крестный ход.

⁴ Судя по содержанию письма, Жуковский пишет его из Кексгольма. В феврале, как убедительно доказано Р. В. Иезуитовой, он уже был в Петербурге и присутствовал на придворной церемонии (Ж. в Петербурге. С. 17—18).

4.

Г. Р. Державину

(С. 8)

Автограф неизвестен.

Копия неизвестна.

Впервые опубликовано: Державин. Т. 6. С. 83—84, с пометой: «Москва, января 1799».

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: январь 1799 г.

Обращение к Державину в январе 1799 г., видимо, было связано с деятельностью Собрания воспитанников Московского университетского Благородного пансиона,

председателем которого был избран Жуковский, а секретарем — Семен Емельянович Родзянко. Именно их подписи подчеркивают «коллективный» характер данного письма («именем всех своих товарищей»), хотя, конечно, в нем проявились и личные чувства поэтов, пославших «на суд» свой перевод на французский язык оды Державина «Бог». Показательно, что заседание Собрании 18 мая 1799 г. Александр Тургенев «заключил <...> произнесением стихов: “Россу по взятии Измаила” из сочинения г. Державина» (Загарин. С. 17).

В ответ на свое письмо друзья получили следующий стихотворный ответ:

Не мне, друзья! идите вслед;
Ищите лучшего примеру,
Пиндару русскому, Гомеру
Последуйте, — вот мой совет.

(Державин. Т. 3. С. 378. «Пиндаром русским»
Державин назвал Ломоносова).

¹ Речь идет о генерал-фельдмаршале Петре Александровиче Румянцеве, под руководством которого русская армия одержала блестящие победы в период русско-турецкой войны 1768—1774 гг.

5.

И. П. Тургеневу (С. 9)

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 309. № 537. Л. 117—117 об.

Впервые опубликовано: ЖИМ. Вып. 1. С. 442—443. Публикация Н. Д. Кочетковой.

Печатается по автографу.

Датируется: 17 февраля 1799 г.

¹ Посещение И. П. Тургеневым Собрании воспитанников Московского университетского Благородного пансиона состоялось ровно через неделю после создания его «Законов...» 9 февраля 1799 г. (см.: Загарин. Приложение II. С. X—XVII). И поэтому, вероятно, что 16 февраля происходило их обсуждение и утверждение. Согласно § 16 «Законов...», «если кто из сторонних, благородных знакомых людей захочет быть участником Собрании, такой может быть принят под именем *Почетного Члена*» (Там же. С. XIV. Курсив авторов). Скорее всего, этого имени удостоился И. П. Тургенев. Известно, что среди посетителей Собрании были И. И. Дмитриев и Н. М. Карамзин.

² То, что соавтором письма был Семен Емельянович Родзянко, не является случайным. Как известно, Жуковский был избран председателем Собрании, а Родзянко — его секретарем. См. письмо к Г. Р. Державину от января 1799 г. в наст. изд.

6.

А. Ф. Мерзлякову

(С. 9)

Автограф неизвестен.

Копия: РО ИРЛИ. Ф. 309. № 124 (старый шифр). Л. 297—298 об., рукой неустановленного лица.

Впервые опубликовано: ЖМНП. 1911. № 4. С. 219—222.

Печатается по копии.

Датируется: 22 августа 1800 г.

Единственное сохранившееся письмо Жуковского к Мерзлякову. Письмо А. Ф. Мерзлякова, на которое отвечал Жуковский, неизвестно. Ответ ему на данное письмо Мерзляков написал 7 сентября 1800 г.; опубликовано П. Н. Тургеневым под заглавием «Письмо А. Ф. Мерзлякова к одному из его друзей, вероятно, к В. А. Жуковскому» (РС. 1904. № 5. С. 445—450, с ошибками в тексте и дате; цитируется далее по автографу — РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. № 1628). В нем приведены строки из писем Жуковского к Мерзлякову, в том числе несохранившегося: «...что бы была твоя жизнь без этого непостоянства, без этой безумной пылкости, без этой ветренности? — Степью, в коей глаза наши ничего не видят, ничего не встречают, кроме неба отдаленного, безмолвного, которое сливается с горизонтом!» (Там же. С. 446). В письме от 7 сентября Мерзляков уделил особое внимание отношению Жуковского к «г<осподам> Головоломам-философам», призывая его больше доверять им. Очевидно, что письмо действительно обращено к Жуковскому и является продолжением спора двух молодых энтузиастов о смысле жизни, предназначении человека и его месте в мироздании. Письма Мерзлякова к Жуковскому сохранились в архиве поэта: РНБ. Оп. 2. № 73. Л. 178—208 об.; опубликованы: РА. 1871. № 2. Стб. 0133—0157; РС. 1903. № 7. С. 121—124.

¹Цитата из поэмы французского поэта и переводчика Жака Делиля «Сады». См.: Les jardins. Poème par Jacques Delille. Paris, 1801. P. 17. Ch. I. Vers 365. Ср. русский перевод И. Я. Шафаренко: «Из трудностей самих возникнут чудеса» (*Делиль Ж. Сады*. Л., 1988. С. 26. (Сер. «Лит. памятники»)). В 1806—1815 гг. над переводом поэмы работал поэт, критик и журналист А. Ф. Воейков (Сады, или Искусство украшать сельские виды. Сочинение Делиля. Перевел Александр Воейков. СПб., 1816). В его переводе стих выглядит так: «Чудотворения из трудностей рождаются» (гл. I, ст. 447). В библиотеке Жуковского сохранился экземпляр поэмы Делиля (изд. 1801 г.), по которому Воейков делал свое переложение и в котором оставил многочисленные пометы и дневниковые записи. Подробнее см.: *Реморова Н. Б.* Книга Ж. Делиля «Сады» из библиотеки В. А. Жуковского как памятник истории культуры // *Памятники культуры: Новые открытия*. 1985. М., 1987. С. 19—32.

²Мерзляков подробно ответил на это Жуковскому («Надежды! желания! ты за них стоишь горою...» С. 446 и след.), по-видимому, имея в виду и его статью «К надежде», появившуюся в 1800 г. (ПССиП. Т. 8. С. 40).

³ Les jardins. Poème par Jacques Delille. Paris, 1801. P. 24. Ch. II. Vers 662. Ср. в переводе А. Ф. Воейкова: «В желанье — прелести, в надежде — наслажденье» (*Делиль Ж. Сады*. Л., 1988. С. 130. Гл. II, ст. 748).

⁴ Французская идиома, обозначающая нахождение человека в неопределенном, подвешенном состоянии, которое само по себе есть наслаждение.

⁵ Мысли Жуковского о надежде являются продолжением его статьи «К надежде», опубликованной в журнале «Утренняя заря» (1800. Кн. 1). Так, образ мореплавателя и его кормчего — надежды прямо восходит к тексту этой статьи. Ср.: «Ты <надежда> управляешь кораблем мореходца, плывущего по зыбким хребтам непостоянной и грозной стихии в страны отдаленные, и веселишь сердце его, возвещая ему близкий предел его странствия, а там — несметные ожидающие его сокровища» (ПССиП. Т. 8. С. 40).

В ответном письме Мерзляков, вступая в полемику с Жуковским, особое внимание уделяет именно этому образу. Так, он, в частности, пишет:

Положим, кормчий корабля — надежда. Но кормчий управляет кораблем посредством чего? Посредством *комтаса* и *морской карты*, которая лежит перед ним. Вдруг буря сбивает корабль с настоящего, должного пути его. Твой кормчий не знает, под которым он небом, далеко ли от него подводные камни, мели, куда ему ехать, где сыскать вожделенную свою пристань. Но компас, *если он умеет его слушаться* и *ему следовать*, выводит его на старую дорогу. Он продолжает.

Сверх того, — почему *желания наши* считаешь ты ветром *попутным*? Познакомься с человеком, с самим собою, — с самим собою в то самое время, когда ты меньше всего на себя жалуешься. Не часто ли случается, что ты желаешь не того, чего в самом деле желать тебе должно? Не часто ли желания наши, подобно многим противным ветрам, разрывают нас в разные стороны и терзают наше сердце? Не часто ли, подобно роковой буре, одно, впрочем самое приятнейшее, желание, открывает поздно пред тобою яму, в кою оно влекло тебя? — Желания! Человек во все времена ребенок, во все времена бабочка, обжигающая свои крылья о свечку... И желания — *попутный* наш ветер!! Доказав, что желания — *не попутный* наш ветер, я докажу тебе даже и то, что это и полезно, что он *не попутный*, что желания суть вихри, которые влекут наш корабль в разные стороны (РС. 1904. № 5. С. 447).

⁶ Эгид (эгида) Минервин — в греческой мифологии щит Зевса и Афины (в римской — Минервы). Сначала его обладателем был Зевс, но, добившись господства над людьми и богами, он передал его богине мудрости.

⁷ Образ управления кораблем жизни, при руководящем действии «разума просвещенного», был развит в письме Мерзлякова, который назвал это своей «системой» и закончил «диспут» предложением прислать на нее «анти-анти-рецензию» (РС. 1904. № 5. С. 447—450).

⁸ Возможно, речь идет о каком-то стихотворении Мерзлякова, посланном в письме к Жуковскому.

⁹ Об этой «природе» Мерзляков написал в ответ: «Твоя слишком легка, причудлива и жеманна, потому что она *низлетает* к тебе в *тихом веянии благодати!!!*

<...> как щенятам, по прошествии нескольких недель после рождения, дает она глаза! Наконец, говорит длинную речь, от которой я засыпаю» (Там же. С. 449).

7.

Е. Д. Турчаниновой

(С. 12)

Автограф неизвестен.

Копия: РО ИРЛИ. № 27744. Л. 4—5 об. Б. д.

Впервые опубликовано: РА. 1872. Стб. 2365—2366. Публикация П. И. Бар-тенева.

Печатается по копии.

Датируется: вторая половина 1800 г. (не ранее июня).

Основание датировки — упоминание о начале службы в Главной Соляной кон-торе (см. примеч. 3).

¹ Речь идет об оформлении отпускной крепостному А. И. Бунина, дворовому человеку Григорию, служившему В. А. Жуковскому. В 1724 г. Петр I ввел подушный оклад — особую форму налога, которым не облагались дворяне и лица духовного сословия. Облагавшихся подушным окладом крепостных крестьян, на основании Указа от 22 мая 1739 г., приписывали только за дворянами, имеющими деревни, позднее, по Инструкции от 16 декабря 1743 г., это ограничение было снято, но в результате образовалась путаница, кто кому приписан по подушному окладу и кому и «каким образом укреплен». Именно этой информацией не владеет дворовый чело-век Буниных, Григорий.

² Жуковский просит мать обратиться к Михаилу Ивановичу Звереву, управ-ляющему Мишенским, к тому времени переданным М. Г. Буниной во владение П. Н. Юшкову, чтобы он написал черновик документа.

³ Эти слова Жуковского можно считать основанием для датировки письма. В конце копии есть приписка: «Без означения года и числа, но из адреса видно, что он жил в Москве, в доме Авдотьи Афанасьевны Алымовой, на Арbate, в Приходе Николы Явленного, в Годеинском переулке». Б. Л. Модзалевский также указывает, что письмо было написано из Москвы и датирует его февралем—мартом 1800 г., ссылаясь на то, что 15 февраля 1800 г. Жуковский после отставки был зачислен на службу в Главную Соляную контору с чином Городового секретаря. Реально же его служба могла начаться не ранее июня 1800 г., после выпускных экзаменов в пан-сионе (РО ИРЛИ. № 154/1 «Изобразительные и документальные материалы, книги, мемории из собрания Пушкинского Дома. Каталог»).

⁴ Эта трата весьма характерна для Жуковского, получающего в Соляной кон-торе 175 руб. в год, тяготящегося своей службой и всей душой устремленного к литературе. Выйдя в отставку, весной 1802 г. Жуковский возвратился в Мишен-ское, рассчитывая отдаться творчеству и самообразованию. С этой целью он при-

вез из Москвы в деревню свои книги, которые уже тогда составляли хорошую библиотеку. По словам К. Зейдлица, «в списке книг» Жуковского было «множество французских, немецких и английских исторических сочинений, переводы греческих и латинских классиков, стихотворения и другие произведения изящной словесности на иностранных языках, полные издания Шиллера, Гердера, Лессинга и проч. ...» (Зейдлиц. С. 22). На л. 1 этой единицы хранения — автограф письма Елизаветы Дементьевны, обращенного к Авдотье Степановне и Илье Васильевичу Астраковым (см.: ПССиП. Т. 14. С. 525) именно в связи с той суммой денег, о которой ей написал сын:

Милые друзья Илья Васильевич и Авдотья Степановна!

Благодарю вас, милые, что вы меня помните. Я, ей-ей, сама вас не забываю никогда. Желаю всем сердцем вам самого лучшего здоровья и спокойства. Я не буду больше отягощать вас моими просьбами о неоставлении моего Васиньки, будучи уверена, что вы его не забудете и оставите мне одно попечение чувствовать ваши одолжения и быть за них благодарною. Деньги, взятые за Григория, я велела Васиньке отдать в сохранение ваше. А если можно одолжить меня больше, отдать их в верные руки из процентов. Целую милых детей ваших. Всегда вам верный друг Елизавета.

Аграфена Ивановна <вероятно, имеется в виду сестра Василия Ивановича Киреевского> вам свидетельствует почтение и благодарит за <1 нрзб.>. Она не пишет за болезнью своего батюшки.

А. С. Астракова была в дружеских отношениях с Елизаветой Дементьевной. Именно ей, «старинной москвичке», Жуковский высылал деньги на содержание памятника над могилой матери на Новодевичьем кладбище (ПЖТ. С. 106). Жуковский любил и уважал ее, принимал участие в ее судьбе (Там же. С. 108, 114, 133, 287; см. также: ПССиП. Т. 14. С. 243—244). 1 (13) января 1849 г. он писал А. П. Елагиной: «Моя добрая старушка Авдотья Степановна Астракова, которая была так любима моею покойною матушкою, умерла в крайней бедности. Я помогал ей; но я бы должен был гораздо более для нее сделать» (РБ. С. 127).

На л. 1 об. есть адрес: «Его благородию государю моему Василью Андреевичу Жуковскому на Арбате в приходе Николы Явленного, в Годеинском переулке: в доме Авдотьи Афанасьевны Алымовой в Москве», свидетельствующий о том, что Елизавета Дементьевна ответила сыну на данное письмо. Однако ответ этот нам неизвестен, но в другом письме, написанном год спустя, 8 августа 1801 г., мать напоминает Жуковскому о незапланированной трате: «А ты, мой друг, всё еще не перестаешь мотать. Вспомни, как ты, рассчитывая оставленные у тебя деньги, полагал, что будет довольно и на книги. А ныне принялся за новую трату. На первый раз я тебя прощаю и позволяю оставленные на книги 25 рубл<ей> употребить. Но вперед берегись от подобных поступков, а особливо без позволения моего». Рукой М. Г. Буниной здесь же сделана приписка: «Мать не сердилась и ничего не сказала» (РА. 1883. Кн. 1. С. 214).

8.

Д. Н. Блудову

(С. 13)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 72 (Блудов). Оп. 1. № 5. Л. 3—3 об. Б. д.

Публикуется впервые.

Датируется: середина ноября (после 12-го) 1801 г.

Датируется на основании упоминания Ан. И. Тургенева, уехавшего из Москвы в Петербург 12 ноября 1801 г. (Письма Андрея Тургенева. С. 376).

¹ Имеется в виду Андрей Тургенев, который 12 ноября 1801 г. переехал в Петербург, где поступил на службу в Коллегию иностранных дел.

² Речь идет о Семене Емельяновиче Родзянко, поэте, однокашнике Жуковского по Московскому университетскому Благородному пансиону (см. преамбулу к письму Жуковского и Родзянко к Г. Р. Державину от января 1799 г.). После окончания пансиона Родзянко летом или осенью уехал в Петербург, вероятно, с намерением определиться на службу.

³ Поэма английского поэта Оливера Голдсмита «Путешественник». В библиотеке Жуковского сохранилось ее отдельное издание в составе издательского конволюта: *The traveller. Poem. By Oliver Goldsmith. Altenburg: G. E. Richter, 1773* (Описание. № 1142). О месте этой поэмы в творчестве Жуковского см.: *Топоров В. Н. Жуковский и Голдсмит («Опустевшая деревня»* (раздел 4 в его кн.: Пушкин и Голдсмит в контексте Goldsmithian'ы: (к постановке вопроса). Wien, 1992. С. 26—30). Это самое раннее свидетельство интереса Жуковского к творчеству Голдсмита.

⁴ Андрей Тургенев жил на одной квартире с братьями Петром (Паисием) и Михаилом Кайсаровыми, вероятно, недалеко от Никольского собора.

9.

А. М. Соковниной

(С. 13)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 140. Л. 2—2 об. Б. д.

Впервые опубликовано: Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1893 г. СПб., 1895. С. 122—123.

Печатается по автографу.

Датируется: первая половина 1802 г.

Адрес: «Анне Михайловне». А. Н. Веселовский, обративший внимание на это письмо и примыкающие к нему стихотворные шутки Жуковского и Соковниной, высказал предположение о том, что оно было написано в 1802—1803 гг. (Веселовский. С. 73). Жизненные обстоятельства, связанные с историей драматических отношений Андрея Тургенева и Анны Соковниной (см.: Ж. и русская культура.

С. 371—373, 378—380), позволяют немного уточнить датировку. По всей вероятности, речь идет о событиях, предшествовавших смерти Андрея Тургенева и происходивших в Москве после его отъезда в Петербург.

¹ Екатерина Михайловна Соковнина, сестра А. М. и С. М. Соковниных.

² Эти стихотворения, обращенные к Соковниной, в печати неизвестны. Само древнегреческое имя Филлида как символ духовной связи стало своеобразным клише «легкой поэзии». Среди стихотворных шуток Жуковского, адресованных Соковниным, это имя встречается в «Экспромте к глазам А. М. Соковниной», начинающемся словами: «Твои глаза хвалить мне должно. // Филлида, я готов хвалить...» (см.: ПССиП. Т. 2. С. 351). Следов «Послания к жестокой» обнаружить не удалось.

10.

Е. А. Протасовой

(С. 14)

Автограф неизвестен.

Копия неизвестна.

Впервые опубликовано: РА. 1895. Кн. 3. С. 494, с заглавием: «Из письма В. А. Жуковского» и датой: «21 апреля». Публикация П. И. Бартенева.

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: 21 апреля 1803 г.

Датировка: год определяется на основании рассказа Д. Н. Блудова К. С. Сербиничу о том, как он приезжал к Жуковскому в Свирилово в 1803 г., см.: Николай Михайлович Карамзин, по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Материалы для биографии, с примечаниями и объяснениями М. Погодина. М., 1866. Ч. I. С. 388. Вероятнее всего, данный текст представляет собой отрывок из письма Жуковского или его приписку к чьему-то датированному 21 апреля письму к Е. А. Протасовой. Известно сохранившееся в бумагах Жуковского письмо Н. М. Карамзина к Е. А. Протасовой от 22 декабря 1802 г., в котором он выражал желание летом 1803 г. повидать ее с детьми и сестрами (РА. 1870. № 9. Стб. 1690). Ответное письмо Протасовой мог доставить Карамзину именно Жуковский, получивший приглашение погостить в его подмосковном имении Свирилово.

¹ По всей вероятности, речь идет о французском переводе сочинения немецкого писателя, автора многочисленных сочинений мистико-религиозного содержания Карла фон Эккарстгаузена «Беседы мудрого». Интерес к произведениям этого автора мог быть связан с его высокой оценкой И. В. Лопухиным, который состоял с ним в переписке. В своем известном сочинении «Некоторые черты о внутренней церкви» (1798) Лопухин назвал Эккарстгаузена одним «из величайших светил божественного просвещения». В память о нем в усадьбе Лопухина Савинское был воздвигнут монумент «Памяти мудреца» как отзвук его сочинения «Беседы мудрого».

11.

И. П. Тургеневу

(С. 14)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 425. Л. 1—4 об. Б. г.

Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 8—12.

Печатается по автографу.

Датируется: 11 августа 1803 г.

Год определяется по содержанию письма, в котором речь идет о недавней смерти Андрея Ивановича Тургенева (ум. 8 июля 1803 г.).

¹ По версии И. А. Бычкова, речь идет о Паисии Сергеевiche Кайсарове (ПЖТ. С. 9. Примеч. 1). Это предположение имеет реальные основания, так как в Петербурге Андрей Тургенев жил вместе с братьями Кайсаровыми (см. примеч. 4 к письму к Д. Н. Блудову от середины ноября 1801 г.).

² Имеется в виду Иван Владимирович Лопухин.

³ *Fénélon F. Traité de l'existence et des attributs de Dieu. Ch. V. Art. IV (Immensité de Dieu. § 81—82)*. Эта цитата из популярного трактата французского писателя и педагога Франсуа де Салиньяка де ла Мот Фенелона «Опыт о существовании и свойствах Бога» (1713) — отражение устойчивого и целенаправленного интереса Жуковского к его творчеству. В «Росписи во всяком роде лучших книг и сочинений, из которых большей части должно сделать экстракт» (1805) он выделяет «*oeuvres spirituelles de Fénélon*» («произведения Фенелона духовного содержания»), в том числе и «Опыт о существовании и свойствах Бога» (Резанов. С. 243, 245—246). Впоследствии он будет неоднократно обращаться к его произведениям. Подробнее см.: *Айзикова И. А. В. А. Жуковский и Ф. Фенелон // БЖ. Ч. 3. С. 220—249*. Жуковского недаром прозвали «русским Фенелоном» (Веселовский. С. 279). Вероятно, как свидетельствуют его письма к Маше Протасовой, он чувствовал свое родство с французским педагогом, выступая в роли ее наставника. Книги Фенелона, «товарища на всю жизнь», и его педагогические принципы он постоянно использовал в своей деятельности (ПССиП. Т. 13. С. 477. Примеч. 15).

⁴ Первый стих из оды Г. Р. Державина «Бог»: «О ты, пространством бесконечный...». Как явствует из письма Жуковского и Родзянко к автору оды от января 1799 г., они перевели ее на французский язык (см. письмо Г. Р. Державину от января 1799 г.).

⁵ Одно из любимых устойчивых выражений в творческом наследии Карамзина. Впервые как своеобразный философский афоризм оно прозвучало в «Письмах русского путешественника»: «Доверенность к Провидению, доверенность к той невидимой руке, которая движет и миры, и атомы; которая бережет и червя, и человека, — должна быть основанием нашего спокойствия» (гл. 80: Женева, Декабря 1, 1789). Ср. в письме «Филалета к Мелодору»: «Мелодор! Для чего к Провидению не иметь нам той доверенности, которую два человека могут иметь один к другому?» (Впервые: *Аглая. Ч. 2. 1795*; цит. по: *Карамзин Н. М. Избр. соч.: В 2 т. Т. 2. М.; Л., 1964. С. 254*).

⁶ Франсуа Равальяк, убийца французского короля Генриха IV. Убийство произошло 14 мая 1610 г.

⁷ Замысел издания писем и сочинений Ан. И. Тургенева не был осуществлен Жуковским. В архиве поэта сохранились беловые и черновые автографы сочинений Андрея Тургенева (РНБ. Оп. 2. № 320—332), но его письма отсутствуют. В архиве Тургеневых (РО ИРЛИ. Ф. 309. № 4759) обнаружено 49 писем Ан. И. Тургенева к Жуковскому (см.: Ж. и русская культура. С. 358—431. Публикация В. Э. Вацуро и М. Н. Виролайнен), но судьба ответных писем Жуковского до сих пор неизвестна.

⁸ Никаких следов этих стихов «на Марьину рощу», видимо, связанных с повестью Жуковского «Марьиная роща», не обнаружено. Повесть была опубликована в ВЕ лишь в 1808 г. (Ч. 43. № 2. С. 109—128; № 3. С. 211—232).

⁹ Свирилово — подмосковная дача Карамзина, где Жуковский впервые встретился с писателем и прожил у него две недели в мае 1803 г. (см. письмо Жуковского к Е. А. Протасовой в наст. изд.).

¹⁰ Имеется в виду Собрание воспитанников Московского университетского Благородного пансиона, первое заседание которого И. П. Тургенев посетил (см. письмо к нему от 17 февраля 1799 г. в наст. изд.). День 8 июля выбран не случайно: именно в этот день в 1803 г. умер Андрей Тургенев.

¹¹ Стихотворение «На смерть А<ндрея Тургенева>» действительно не публиковалось при жизни Жуковского (см.: ПССиП. Т. 1. С. 439—441. Комментарий А. С. Янушкевича).

¹² Имеется в виду М. И. Невзоров, писатель, принадлежащий к кругу московских масонов, друг семейства Тургеневых.

12.

Д. Н. Блудову

(С. 18)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 72 (Блудов). Оп. 1. № 5. Л. 2—2 об. Начало на русском языке, продолжение — на французском.

Публикуется впервые.

Датируется: 7 ноября 1803 г.

¹ По всей вероятности, «пантомима» — это ироническая реакция на молчание адресата.

² Учитывая номинацию произведения «Телемак» на русском языке, можно предположить, что имеется в виду роман Ф. Фенелона «Приключения Телемака, сына Улисса...» в переводе Ф. П. Лубянского, второе издание которого вышло в 1797—1800 гг. В библиотеке Жуковского имеется это издание: Телемак, сочинение Фенелона. Новый перевод Федора Лубянского. Ч. 1—2. СПб.: Гуттенбергова тип., 1839 (Описание. № 421).

³ Четырехтомный труд французского публициста и политического деятеля Антуана Франсуа Клода Феррана «L'esprit de l'Histoire, ou Lettres politique et morales

d'un père à son fils...» («Дух истории, или письма отца к сыну о политике и морали...»), появившийся в Париже в 1802 г. Незадолго до смерти Андрей Тургенев в письме из Вены от 19 марта 1803 г. сообщал отцу: «Я готов приняться за перевод "Esprit de l'Histoire" пополам с Жуковским; он мне это предлагает в письме своем» (АбТ. Вып. 2. С. 471). В письме самому Жуковскому от 16 апреля 1803 г. он вопрошает будущего соавтора: «Начал ли ты переводить Ferrand?» (Ж. и русская культура. С. 424), а уже в начале мая сообщает ему: «Начнем переводить Феррана. Я немного уж начал» (Там же. С. 426). Вероятно, после смерти друга Жуковского не покидала мысль об этом замысле. В библиотеке поэта это сочинение отсутствует.

⁴ Поэма Жака Делиля «La pitié» («Сожаление» или «Сострадание») вышла в Париже в 1803 г. и была еще новинкой. В библиотеке Жуковского отсутствует.

⁵ Речь идет об Андрее Тургеневе и его скоропостижной смерти в Петербурге 8 июля 1803 г.

⁶ После увольнения из Соляной конторы 30 апреля 1802 г. Жуковский уезжает на родину и с небольшими перерывами на поездки в Москву вплоть до ноября 1807 г. живет в Белеве, занимаясь строительством дома по собственному проекту и творческой деятельностью.

⁷ В письме к И. П. Тургеневу от 11 августа 1803 г. (см. наст. изд.) Жуковский обращался с просьбой передать ему бумаги и письма Андрея Тургенева для издания. Не исключено, что Блулов был посредником в их передаче, но это предположение не подтверждается.

⁸ Еще в самом начале января 1803 г. Александр Тургенев в письме к Жуковскому вопрошал: «Напиши, где Родзянка и что он теперь в Петербурге, при должности ли» (АбТ. Т. 2. С. 269). Как явствует из письма Андрея Тургенева к Жуковскому от 28 мая (Ж. и русская культура. С. 427), ко времени написания этого письма Жуковского к Блудову очевидные признаки сумасшествия их пансионского друга уже проявились (см.: *Сушков Н. В.* Московский университетский Благородный пансион. М., 1858. С. 76). Здесь же Тургенев пишет, что об этом «Блулов тебе расскажет пространнее» (Там же). В июне Жуковский уже знал «подробности Родзянкина сумасшествия», о чем даже решил написать в Гёттинген Александру Тургеневу (Там же. С. 430). Но, вероятно, после смерти Андрея Тургенева новых сведений о судьбе Родзянки до него не доходило.

13.

Д. Н. Блудову

(С. 20)

Автограф: РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. № 1802. Л. 1—1 об. На французском языке.

Публикуется впервые.

Датируется 21 января 1804 г.

¹ См. примеч. 5 к предыдущему письму.

² Андрей Тургенев был похоронен рядом с отцом на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры.

³ Начало повести под заглавием «Вадим Новгородский» было опубликовано в карамзинском журнале ВЕ (1803. Ч. 12. № 23—24. Декабрь. С. 211—234). Продолжения не последовало (см. письмо к Блудову от начала августа 1804 г.).

⁴ Михаил Никитич Баккаревич, выпускник Московского университета, по окончании которого оставлен преподавателем словесности в Московском университетском Благородном пансионе; одновременно исполнял обязанности инспектора этого пансиона. Был инициатором создания и автором устава литературного общества воспитанников этого учебного заведения. Жуковский упоминает его в дневнике, говоря о «первых классах» своей учебы (ПССиП. Т. 13. С. 33).

14.

Д. Н. Блудову

(С. 22)

Автограф: РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. № 1802. Л. 4—4 об. Б. д.

Впервые опубликовано: Трофимов И. Т. Поиски и находки в Московских архивах. М., 1982. С. 63—66 — с небольшими пропусками и неточностями.

Впервые полностью: РЛ. 2009. № 3. С. 83—86. Публикация А. С. Янушкевича.

Печатается по автографу.

Датируется: начало августа 1804 г.

Письмо датируется на основании содержащихся в нем реминисценций из первой дневниковой записи 1804 г. от 30 июля — 5 августа (ПССиП. Т. 13. С. 9—12).

Впервые опубликовавший это письмо И. Т. Трофимов датировал его мартом—сентябрем 1804 г. Действительно, события, о которых идет речь в письме, относятся к периоду пребывания поэта в Белеве, где он занимался строительством собственного дома, переводом очередных томов флориановской переделки романа Сервантеса «Дон Кихот», и могут быть приурочены к этому времени. Но, пожалуй, контекст дневниковых записей позволяет уточнить дату и локализовать ее началом августа 1804 г. Именно к этому времени относится замысел поездки с И. П. Тургеневым в Петербург, размышления о программе этой поездки в дневниках, о чем идет речь в конце письма. Подробный дневниковый пассаж о лени как источнике бездействия также почти без изменения перенесен в текст письма. Запись от 30-го июля фиксирует чтение полученного от Блудова Делилева перевода «Энеиды», разговор с матушкой о строительстве дома. Одним словом, описание событий двух дней (30 июля и 5 августа 1804 г.) вполне корреспондирует с содержанием письма к Д. Н. Блудову, что и позволяет его датировать началом августа 1804 г.

¹ Это издание поэмы Вергилия в переводе Жака Делиля сохранилось в библиотеке поэта: *L'Énéide, traduite par Jacques Delille*. Т. 1—4. Paris, 1804 (Описание. № 2320; на форзаце владельческая надпись: «A. Schipillov»). В мае 1822 г. Жуковский перевел вторую песнь «Энеиды» под заглавием «Разрушение Трои».

² Ср. запись в дневнике от 30 июля 1804 г.: «...взял в руки Делилев перевод “Энеиды”, прочел шестую песнь, без внимания, без приятности» (ПССиП. Т. 13. С. 9).

³ Как установили краеведы, строительство дома началось в 1803 г. К концу 1805 г. Жуковский уже в нем поселился (С 7. Т. 6. С. 383—384). Этот дом в Белеве на Казачьей улице, на высоком берегу Оки, будет в 1872 г. приобретен почитателями таланта Жуковского для организации в нем Белевского двухклассного училища имени В. А. Жуковского. Дом был разрушен во время Великой Отечественной войны. Подробнее см.: *Власов В. А., Назаренко И. И.* «Минувших дней очарование»: В. А. Жуковский в Приокском крае. Тула, 1979. С. 59—60. Гравюра XIX в., изображающая этот дом, воспроизведена в кн.: *Милонов Н. А.* Тульский край в рисунках В. А. Жуковского. Тула, 1982. С. 11.

⁴ Темира — устойчивый символично-аллегорический образ подруги поэта, его Музы, характерный для поэзии русского сентиментализма. «Певцом Темиры» считался Ю. А. Нелединский-Мелецкий, который в цикле стихотворений 1790-х гг., в том числе в «Послании к Темире», опубликованном в «Аонидах» (Кн. 1. М., 1796. С. 62), вводит рифму «лира — Темира», отзвуки которой слышатся у Жуковского.

⁵ Пассаж о лени, ее причинах и последствиях занимает значительное место в дневниковой записи от 30 июля 1804 г.: «Лень есть привычка души к бездействию. Как ее уничтожить? Приучить душу действовать, как можно чаще, не откладывая...» (ПССиП. Т. 13. С. 11).

⁶ По всей вероятности, речь идет о племяннице поэта Марии Андреевне Протасовой, в которую он был влюблен. Дневниковая запись от 9 июля 1805 г. — первая подробная фиксация этого чувства и предчувствие противостояния матери Маши, Екатерины Афанасьевны (Там же. С. 15—16).

⁷ О какой Паниной идет речь, установить не удалось. Предположение И. Т. Трофимова о том, что она была невестой Д. Н. Блудова, вряд ли правомерно. Блудов в это время был увлечен княжной А. А. Щербатовой, которая впоследствии стала его женой. По всей вероятности, Панина была родственницей Щербатовой.

⁸ И. П. Тургенева Жуковский считал и своим духовным отцом. Вместе со всем семейством Тургеневых он тяжело переживал внезапную смерть старшего сына И. П. Тургенева и своего задушевного друга Андрея. В письме к И. П. Тургеневу от 11 августа 1803 г., написанном по случаю этого трагического события, Жуковский подробно говорит о верности его памяти (см. наст. изд.). Замысел совершить вместе с ним путешествие в Петербург, чтобы навестить А. И. Тургенева, возник в середине 1804 г., но эту поездку пришлось отложить из-за болезни Ивана Петровича.

⁹ Имеется в виду популярная в России французская певица Филлис (в замуж. Андриё), выступавшая на петербургской сцене. «У мадам Филлис-Андриё отличный голос, но сверх того, какая очаровательная актриса!» — записал 29 ноября 1806 г. С. П. Жихарев (Жихарев. С. 273).

¹⁰ О проекте поездки вместе с А. Ф. Мерзляковым и Н. И. Тургеневым в Гёттинген для продолжения образования: см. письмо А. И. Тургеневу от второй половины августа 1805 г. В дневнике (запись от 13 июня 1805 г.) Жуковский так определяет время своего пребывания за границей: «Путешествовать 3 года, с половины 1806 до половины 1809-го года» (ПССиП. Т. 13. С. 13). Как известно, этот план не осуществился, и Жуковский впервые оказался за границей, в том числе и в Германии, лишь в 1820 г.

¹¹ Речь идет о замысле перевода и издания «Избранных сочинений Жан-Жака Руссо» в нескольких томах. В архиве Жуковского (РНБ. Оп. 1. № 17; бумага с водяными знаками 1804—1806 гг.) сохранился проспект первого тома «Смесь» и перевод нескольких произведений. Подробнее об этом см.: ПССиП. Т. 8. С. 392—412 (текст), 519—531 (Примечания И. А. Айзиковой).

¹² В 1803 г. Жуковский начинает перевод романа Сервантеса «Дон Кихот» во французской переделке Флориана. Уже в 1804 г. выходит первый том, а в 1806 г. были изданы все шесть томов этого перевода. Подробнее об этом см.: *Багно В. Е.* Жуковский — переводчик «Дон Кихота» // *Ж. и русская культура*. С. 293—311. К сожалению, рукопись перевода не сохранилась, поэтому невозможно с точностью сказать об этапах работы Жуковского над ним. Но можно с большой долей уверенности высказать предположение, что во время написания письма Жуковский работал над вторым томом своего перевода. Подробнее см.: ПССиП. Т. 9.

¹³ *Essai sur les Éloges*. — Полное заглавие: «*Essai sur les Éloges, ou histoire de la littérature et de l'Éloquence, appliquées a ce genre d'ouvrage*». Известное произведение французского моралиста и эстетика Антуана Леонара Тома «Опыт о похвальных словах...». К похвальным словам Тома, к его трудам по эстетике Жуковский проявлял устойчивый интерес. Работая над переводом хрестоматии «Примеры слога» (об этом см.: Резанов. Вып. 2. С. 514—561; *Айзикова И. А.* Жанрово-стилевая система прозы В. А. Жуковского. Томск, 2004. С. 109—121), Жуковский постоянно обращается к образцам похвальных слов Тома. В «Конспекте по истории литературы и критики» он делает экстракт из сочинения Тома «Опыт о поэтическом языке» («Фрагмент об эпической поэме Вольтера»). См.: ПССиП. Т. 12. С. 71—73, 461—462. В хрестоматии «Примеры слога» он переводит отрывок из 8-й главы «Опыта...» под заглавием «Смерть Сократа» (РНБ. Оп. 1. № 16. Л. 29—29 об.; на бумаге с водяным знаком 1804 г.). В библиотеке поэта имеется издание сочинений А. Л. Тома 1773 г.: *Oeuvres de M. Thomas de l'Académie française. Nouvelle édition revue, corrigée et augmentée*. Т. 1—4. A Amsterdam; Paris, 1773 (Описание. № 2255) — с владельческой надписью на всех томах: Basile de Joukovsky. «Опыт о похвальных словах» входит в т. 1 и 2 указанного издания. Многочисленные пометы в т. 1 свидетельствуют об интересе Жуковского в это время к литературе античности.

¹⁴ Повесть «Вадим Новгородский» была опубликована в журнале ВЕ (1803. Ч. 12. № 23—24. Декабрь. С. 211—234), с указанием: «Продолжение и конец будут напечатаны особливо». Как известно, продолжения не последовало. Письмо к Блудову позволяет уточнить причины отказа Жуковского от осуществления этого замысла.

¹⁵ «Марфа Посадница, или Покорение Новагорода: Историческая повесть» Н. М. Карамзина была опубликована за несколько месяцев до «Вадима Новгородского» также в ВЕ (1803. Ч. 7. № 1—3. Январь—февраль. С. 3—30, 103—133, 193—226), и память о ней была еще слишком свежа у читателей.

15.

Е. Д. Турчаниновой

(С. 24)

Автограф: РО ИРЛИ. № 27743. Л. 5. Б. д.

Впервые опубликовано: *Айзикова И. А.* Истоки эпистолярного наследия В. А. Жуковского (на материале писем к матери) // Вестник Томского государственного университета. Филология. Томск, 2011. № 2 (14). С. 73.

Печатается по автографу.

Датируется: конец марта — начало апреля (до 9-го) 1805 г.

Одно из оснований датировки письма — поздравление с Пасхой (в 1805 г. праздник пришелся на 9 апреля).

¹ В апреле 1805 г. Жуковский действительно приехал из Петербурга в Мишенское, полный творческих планов и литературных проектов.

² В письме от апреля 1805 г. Елизавета Дементьевна рассказывала сыну о том, как продвигается перестройка их дома в Белеве, подаренного Жуковскому А. А. Алымовой еще в августе 1797 г. Мысль о том, чтобы отремонтировать ветхий дом и поселиться там с матерью, приходит Жуковскому в 1803 г., о чем он пишет А. Ф. Мерзлякову, приглашая его посмотреть место его будущего дома. В письме от 24 августа 1803 г. Мерзляков уже спрашивает Жуковского: «Скоро ли твой дом? Хотел бы посмотреть на него, хотел бы посмотреть на тебя, как на хозяина» (цит. по: *Власов В., Назаренко И.* «Минувших дней очарованье»... Тула, 1979. С. 60). Летом 1804 г. Мерзляков пишет Жуковскому, обещая приехать в Белев с Воейковым: «Нам не надобно твоего дома, если он не отстроен: мы проживем в палатке. Стихи твои будут нагревать сердца наши; а твоя ласковая, простая дружба украсит самые прекрасные виды, представляющиеся с крутого берега Оки, где строится твоя храмина» (Там же). В дневнике от 30 июля 1804 г. Жуковский записывает: «Пришла матушка, говорила о строении, делала расчеты, не весьма нужные и давно ею сделанные» (ПССиП. Т. 13. С. 9). В новый дом Жуковский переехал в декабре 1805 г. В связи со смертью П. Н. Юшкова все обитатели Мишенского поселились на зиму у Жуковского в Белеве. Зажили большой семьей. Елизавета Дементьевна выступила в роли умелой домоправительницы.

³ П. Н. Юшков был женат на сводной сестре Жуковского В. А. Буниной. Упоминание его имени может служить еще одним основанием датировки — П. Н. Юшков умер в 1805 г., 4 декабря.

⁴ Е. А. Протасова.

16.

Д. Н. Блудову

(С. 25)

Автограф: РО ИРЛИ. № 21833. Л. 1—12. Б. д.

Впервые опубликовано: Радуга: Альманах Пушкинского дома. Пб., 1922. С. 15—19. Публикация и комментарий Б. Модзалевского.

Печатается по автографу.

Датируется: май—июнь 1805 г.

Основание датировки: год написания трагедии В. А. Озерова «Эдип в Афинах» (1805), упоминание отъезда семьи Тургеневых на Липецкие воды (см. примеч. 5 к этому письму и примеч. 1 к следующему).

¹ Речь идет о трагедии В. А. Озерова «Эдип в Афинах», напечатанной в Петербурге в 1805 г. Один ее экземпляр был послан автором в Москву Жуковскому, вероятно, для постановки на московской сцене. См. письмо к А. И. Тургеневу от второй половины августа 1805 г.

² «Дунтерияда» — возможно, описка Жуковского, и имеются в виду поэмы А. Поупа «Дунсиада» и «Новая Дунсиада» («The Dunciad, an heroic poem», 1728; «The new Dunciad», 1742) или поэма Шарля де Монтенуа (Палиссо) «La Dunciade», подражание поэмам Поупа.

³ Дюмениль (Dumesnil), настоящие имя и фамилия — Мари Франсуаз Маршан, французская актриса. Под именем Дюмениль изданы мемуары, написанные в действительности Кост д'Арноба (Coste d'Arnobat), в которых актриса выступает против нападок Клерон — своей соперницы по сцене (Mémoires de m-elle Dumesnil en repense aux memoires d'Hippolite Clairon. Paris, An VII; переизд.: 1823).

⁴ Речь идет о князе Михаиле Петровиче Волконском (Волхонском), управлявшем московским театром от воспитательного дома, который был тесно связан с Петровским театром (см.: Жихарев. С. 19).

⁵ Из Липецка, как удалось установить Б. Модзалевскому на основании сообщения в газете «Московские ведомости» (1805. № 61 от 2 августа), Тургеневы вернулись в Москву между 29 июля и 1 августа 1805 г. (Радуга: Альманах Пушкинского дома. Пб., 1922. С. 25).

⁶ Здесь и далее речь идет об авторе трагедии «Эдип в Афинах» Владиславе Александровиче Озерове.

⁷ Жуковский ошибся: премьера трагедии Озерова состоялась 27 сентября 1805 г. в Петровском театре. По свидетельству Жихарева, «Театр был полон — ни одного пустого места, и восторг публики был единодушный» (Жихарев. С. 98).

⁸ Имеется в виду двоюродная сестра Блудова — Александра Васильевна Новосильцева.

⁹ Вероятно, речь идет об эстетическом трактате французского просветителя Жана Франсуа Лагарпа «Lycée, ou Cours de la littérature ancienne et moderne» («Лицей, или Курс древней и новой литературы»), которым Жуковский увлекался именно

в это время. Подробнее см.: *Лебедева О. Б.* Место «Лицея» Лагарпа в эстетическом образовании В. А. Жуковского // БЖ. Ч. 2. С. 75—96. В библиотеке поэта имеется первое издание этого труда (Paris, 16 t. en 18 v., 1799—1805) с многочисленными маргиналиями владельца (Описание. № 1474).

¹⁰ Ср. в наст. изд. письмо Жуковского к Александру Тургеневу от 8 января 1806 г.: «Путешествовать в теперешних обстоятельствах не совсем будет способно. Лучше учиться. С тремя тысячами, которые дает мне Антонский, могу прожить довольно времени в Ене» <т. е. Иене>; см. также: ПЖТ. С. 20. Как известно, проект Жуковского не осуществился.

¹¹ Александр Карлович Бошняк, ботаник, воспитанник Московского университетского Благородного пансиона. Жуковский высоко ценил занятия Бошняка естественными науками и даже говорил о том, что он будет «русским Бюффеном» (РС. 1873. Т. 26. С. 214—215). Он упоминает его в своем дневнике в 1806 г. в разделе «Прошедшая жизнь» (ПССиП. Т. 13. С. 33). Представляют интерес воспоминания костромского протоиерея, члена Императорского общества истории и древностей Российских М. Я. Диева, позволяющие прояснить возможные материальные основания совместного путешествия Жуковского с Бошняком. Мемуарист, в частности, пишет, рассказывая о встрече с поэтом в Нерехте 13 мая 1837 г. во время его путешествия с наследником: «...Василий Андреевич с родным братом Константина Карловича, Александром Карловичем Бошняком, обучался в Московском университете <имеется в виду Московский университетский Благородный пансион> и по своей бедности получал вспоможения от родной бабушки Бошняков, Марьи Семеновны Аже, которую по признательности во всю жизнь называл матерью. Когда же Василий Андреевич узнал о кончине Александра Карлыча, то при свидании с Константином Карлычем сказал: “Ты будешь отныне на его месте моим братом...”» (Ж. в воспоминаниях. С. 308).

17.

А. И. Тургеневу

(С. 26)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 143. Л. 2—3а об. — на перегнутом вдвое листке, с пронумерованными четырьмя фрагментами; л. 4 — рисунок надгробного памятника (акварель, чернила). Б. г.

Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 3—8.

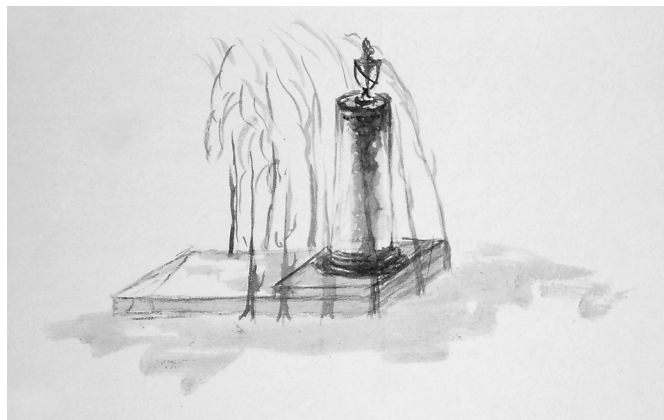
Печатается по автографу.

Датируется: 31 августа 1805 г.

¹ См. примеч. 5 к предыдущему письму.

² Урна была предназначена для надгробного памятника Андрею Тургеневу. См. письмо Жуковского И. П. Тургеневу от 11 августа 1803 г. По случаю кончины друга Жуковский в июле 1803 г. написал стихотворение «На смерть А<ндрея Тургенева>» (ПССиП. Т. 1. С. 59).

³ Рисунок находится при автографе письма и выглядит так:

⁴ Михаил Дмитриевич Костогоров, товарищ Жуковского и Тургеневых по пансиону, член Собрания воспитанников Московского университетского Благородного пансиона (Загарин. С. 16). Жуковский неоднократно упоминает его в письмах к Тургеневу и видит в нем своего соратника в издании первого собрания стихотворений. В письме к А. И. Тургеневу от 1 декабря 1814 г. читаем: «Корректуру же надобно непременно поручить Михаилу Дмитриевичу. Если он за нее не возьмется, то хоть бы и не печатать» (см. наст. изд.).

⁵ Имеется в виду А. С. Кайсаров, который вместе с Жуковским и Тургеневым учился в Московском университетском Благородном пансионе. Подробнее о нем и его деятельности см.: *Лотман Ю. М.* А. С. Кайсаров и литературно-общественная борьба его времени // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1958. Вып. 63.

⁶ Вероятно, речь идет о Собрании воспитанников Московского университетского Благородного пансиона, основанном Жуковским и его товарищами (см. примечания к письмам Г. Р. Державину и И. П. Тургеневу от 1799 г., хотя Жуковский мог так назвать и заседания Дружеского литературного общества 1801 г.).

⁷ Т. е. заграничное путешествие, совершенное Александром Тургеневым вместе с А. С. Кайсаровым. В 1802—1804 гг. они вместе учились в Гёттингенском университете.

⁸ В магистры А. Ф. Мерзляков был произведен еще 10 февраля 1804 г. См.: Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета. М., 1855. Ч. II. С. 60.

⁹ Павел Афанасьевич Сохацкий, профессор эстетики и древней литературы в Московском университете. О его лекциях в 1805 г. писал Степан Жихарев: «Я не слышал других эстетиков и потому не могу определить достоинства нашего профессора сравнительно с прочими, но, признаюсь, слушаю его с величайшим удовольствием» (Жихарев. С. 35). В издававшихся Сохацким журналах «Приятное и полез-

ное препровождение времени» и «Иппокрена» молодой Жуковский в 1797—1800 гг. напечатал несколько своих произведений.

¹⁰ Вероятно, речь идет об ответном письме И. П. Тургенева к Жуковскому на письмо от 11 августа 1803 г. (см. выше). Это письмо сохранилось в архиве братьев Тургеневых (РО ИРЛИ. Ф. 309. № 550).

¹¹ Обо всех этих книгах см. примеч. 6—9 к письму к А. И. Тургеневу от второй половины августа 1805 г.

¹² Брат А. И. Тургенева Николай.

¹³ Имеется в виду Андрей Иванович Тургенев.

¹⁴ Речь идет об Иване Владимировиче Лопухине, известном масоне и приятеле И. П. Тургенева. См. ниже письмо к нему Жуковского от 24 августа 1809 г.

18.

А. И. Тургеневу

(С. 29)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 143. Л. 1—1 об. Б. д.

Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 3—5.

Печатается по автографу.

Датируется: вторая половина августа 1805 г.

Основанием для датировки письма является его связь с последующим письмом к Александру Тургеневу от 31 августа 1805 г., а также указание на возвращение семейства Тургеневых из Липецка, которое произошло в конце июля — начале августа (Московские ведомости. 1805. № 61 от 2 августа): «Известие о приехавших в столицу и выехавших из оной первых 5 классов особах». В промежутке между этими датами, ближе к концу августа и было написано данное письмо. Жуковский в это время находился в имении своего покойного отца А. И. Бунина, селе Мишенском.

¹ Отец А. И. Тургенева Иван Петрович лето 1805 г. проводил на Липецких водах, славящихся своими лечебными свойствами. 16 июля 1805 г. С. П. Жихарев, находившийся там же, зафиксировал в своем дневнике: «Я познакомился со всеми почти приезжими больными <...>. Иван Петрович Тургенев, отец наших студентов...» (Жихарев. С. 73). Александр Тургенев как старший сын сопровождал отца.

² В печати письмо неизвестно и не обнаружено в архивах.

³ Об этом путешествии Жуковский говорит в своем «Журнале» (запись от 13 июня 1805 г.): «Путешествовать 3 года, с половины 1806 до половины 1809-го года» (ПССиП. Т. 13. С. 13). Его кредитором должен был стать А. А. Прокопович-Антонский. Об этом путешествии он писал И. И. Дмитриеву (письмо неизвестно), который в ответном письме от 15 ноября 1805 г. иронически замечал: «Что мне сказать о вашем вояже? Если б я умел рисовать, то представил бы юношу, точь-в-точь Василья Андреевича, лежащим на недоконченном фундаменте дома; он одною

рукою оперся на лиру, а другою протирает глаза, смотрит на почтовую карету и, зевая, говорит: “Успею!”» (*Дмитриев И. И. Сочинения. М., 1986. С. 380*). Мечты Жуковского о путешествии не сбылись, и в первое заграничное путешествие он отправился лишь в 1820 г.

⁴ Третий из братьев Тургеневых, Николай Иванович, будущий декабрист. Завершать свое образование в Гёттингене он отправился в июне 1808 г.

⁵ Речь идет о трагедии В. А. Озерова «Эдип в Афинах», напечатанной в Петербурге в 1805 г., экземпляр которой был послан Жуковскому Д. Н. Блудовым и затерялся на почте. См. письмо к Д. Н. Блудову от мая—июня 1805 г.

⁶ Имеется в виду французский перевод «The History of America» (London, 1777) английского историка, королевского историографа Шотландии Уильяма Робертсона. Французское издание «Истории Америки» («Histoire de l’Amerique») вышло неоднократно (Maastricht, 1777; Paris, 1778; Rotterdam, 1779 и др.). В библиотеке Жуковского сохранилось более позднее полное собрание сочинений Робертсона на английском языке: The works of Robertson... 12 volumes. Edinburgh, Stirling and Slade, 1819. «История Америки» составляет четыре тома (8—11 общей нумерации). См.: Описание. № 1958.

⁷ Жуковский говорит о «Мемуарах» знаменитого французского актера Анри Луи Лекена, вышедших в Париже в 1801 г.: Mémoires de Henri Louis Lekain, publiés par son fils aîné. A Paris, 1801. Их автор играл в театре «Комеди Франсез»; свои лучшие роли сыграл в трагедиях Вольтера. При посещении дома Вольтера в Фернее (24 августа 1821 г.) Жуковский отмечает портрет Лекена (ПССиП. Т. 13. С. 210). О популярности и славе «неподражаемого Лекена» в России свидетельствуют постоянные сравнения с ним других актеров (см.: Жихарев. Указатель имен). Позднее, в 1825 г., «Мемуары» Лекена были изданы с предисловием другого великого французского актера — Франсуа Жозефа Тальма.

⁸ Об интересе Жуковского к творчеству известного французского драматурга и критика Жана Франсуа Лагарпа подробнее см.: *Лебедева О. Б. Место «Лицея» в эстетическом образовании В. А. Жуковского // БЖ. Ч. 2. С. 75—96*. Исследователь относит чтение сочинений Лагарпа Жуковским к периоду «белевского уединения» 1805—1807 гг. Видимо, Catalogue de Laharpe, о котором идет речь, был указателем содержания к полному собранию его сочинений.

⁹ Речь идет о сочинении немецкого критика Иоганна Иоахима Эшенбурга «Beispielsammlung zur Theorie und Literatur der schönen Wissenschaften» (Bd. 1—9. Berlin; Stettin; Leipzig, 1788—1795). Об интересе молодого Жуковского к произведениям Эшенбурга подробнее см.: Резанов. Вып. 2. С. 273—274; БЖ. Ч. 2. С. 145—148. В дневнике (запись от 16 ноября 1805 г.) читаем: «...в феврале переведу Эшенбурга, а в марте и апреле напишу к нему прибавление...» (ПССиП. Т. 13. С. 27). «Beispielsammlung...» явилось своеобразным прибавлением к теории немецкого критика в виде хрестоматии примеров и образцов из разных литератур.

19.

А. И. Тургеневу

(С. 30)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 143. Л. 5—6 об. — с двумя датами: 11 сентября 1805 г. (л. 5) и 16 сентября (л. 5 об.).

Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 12—16.

Печатается по автографу.

Датируется: 11—16 сентября 1805 г.

¹ Письмо не сохранилось и в печати неизвестно.

² Неточная цитата из «Стансов» Вольтера, обращенных к ее королевскому Высочеству шведской принцессе Ульрике Прусской, сестре Фридриха Великого («Stances XII. A son altesse royale la princesse de Suède, Ulrique de Prusse, soeur de Frédéric le Grand») и написанных в январе 1747 г. См.: *Oeuvres de Voltaire*: 78 t. Paris, 1833. Т. 12. P. 525. Vers 44—45. Ср.:

L'âme est un feu, qu'il faut nourrir,
Et qui s'éteint s'il ne s'augmente*.

Позднее четверостишие Вольтера, включающее и эти два стиха, Жуковский поместит в своем журнале «Собиратель» (1829. № 2. С. 19. См.: ПССиП. Т. 11. С. 241). В журнале их текст совпадает с каноническим.

³ Имеется в виду И. В. Лопухин. Любопытно, что Жуковский избирает для его именованья и обращений к нему такую архаическую форму, хотя в других случаях использует современное написание имени Владимир.

⁴ Этот афоризм восходит к «Этике Никомаха» Аристотеля, ср.: «Итак, самая прочная, верная и прекраснейшая дружба — это взаимная любовь людей достойных, в основе которой, естественно, лежат добродетель и благо». См.: *Аристотель*. Сочинения: В 4 т. Т. 4. М., 1983. С. 363—366.

⁵ Подразумевается Андрей Иванович Тургенев.

20.

Ф. Г. Вендриху

(С. 34)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 212 (Ф. М. Достоевский). Оп. 1. № 265. Л. 1—2 об., с датой «19 декабря».

Копия: РО ИРЛИ. № 17440 (А. Н. Майков). Л. 1—2 об. С пометой переписчика: «Письмо Жуковского из Белева, от 19 декабря 1805 года».

---

* Душа — огонь, который нужно питать
И который погаснет, если он не будет разгораться (*франц.*).

Впервые опубликовано: Пантеон. 1852. № 6. Отд. II. С. 33—35, с большими пропусками, в статье М. М. Достоевского «Жуковский и романтизм».

Впервые полностью: С 7. Т. 6. С. 383—385.

Печатается по автографу.

Датируется: 19 декабря 1805 г.

Основание датировки: дата, проставленная в копии рукой переписчика: «Письмо Жуковского из Белева, от 19 декабря 1805 года».

Впервые опубликовавший в 1852 г. большой фрагмент этого письма М. М. Достоевский отдавал дань умершему поэту, видя в нем «последнего романтика». Называя это письмо «очень важным биографическим материалом», автор статьи «Жуковский и романтизм» особенно подчеркивал, что «в этом письме так искренно высказывается тогдашний взгляд нашего поэта на жизнь, взгляд, которому он, впрочем, остался верен до самой своей кончины» (Пантеон. 1852. № 6. Отд. II. С. 35). Подробнее см.: *Новикова Е. Г.* «Всё такой же последний из романтиков»: Статья М. М. Достоевского «Жуковский и романтизм» // ЖИМ. Вып. 2. С. 281—285.

¹ Речь идет о Василии Ивановиче Киреевском, секунд-майоре в отставке, помещике, увлекавшемся естественными науками и медициной, первом муже племянницы Жуковского А. П. Юшковой, отце братьев И. В. и П. В. Киреевских. Во время Отечественной войны 1812 г. устроил госпиталь для больных и раненых и умер, заразившись тифом.

² Во время Отечественной войны 1812 г. Вендрих постоянно посещает дом Протасовых в Муратове и встречается там в сентябре 1812 г. с Жуковским, временно возвратившимся из армии в качестве курьера к орловскому губернатору (см.: *Дневник семейства Протасовых и А. П. Киреевской в Орле* // Переписка Ж. и Елагиной. С. 666—690).

³ Немецкий писатель Кристоф Мартин Виланд. В библиотеке поэта сохранилось 37-томное собрание сочинений Виланда (С. М. Wielands sämtliche Werke. Bde 1—37. Leipzig, 1794—1805) с многочисленными пометами и записями владельца (Описание. № 2389). Подробнее об этом см.: Реморова. С. 17—124. Не исключено, что Вендрих был знаком с Виландом во время своей учебы в Лейпцигском университете.

⁴ Роман Виланда, который был опубликован под заглавием «Agathodemon» в 37-м томе его собрания сочинений (см. примеч. 3). Свыше 60 заметок различного характера и объема, записи на нижнем форзаце тома свидетельствуют об особом внимании молодого Жуковского к этому сочинению. Роман «Агатон» стал для поэта органической частью вероисповедания, одним из источников его германофильства. В письме к А. И. Тургеневу от 8 января 1806 г. Жуковский пишет: «Пожалуйста, прочти Виландова “Агатона”. Святая книга! Я начинаю больше уважать немецких авторов. Ради Бога, пришли мне что-нибудь хорошее из немецкой философии: она возвышает душу, делая ее деятельнее; она больше возбуждает энтузиазм» (см. наст. изд.). Показательно, что в июле 1807 г. Жуковский включает сокращен-

ный перевод 9-й главы второй части романа Виланда под заглавием «Аполлоний и фессалийские поселяне» в число произведений, подготовленных для журнала ВЕ, редактором которого он станет в 1808 г. И хотя этот текст не был опубликован, несомненно его значение для творческого самоопределения молодого писателя (подробнее см.: ПССиП. Т. 10. Кн. 2. С. 512—519, 760—763. Публикация и примечания Н. Б. Реморовой).

⁵ О каком переводе идет речь, установить не удалось, так как комментируемое письмо — почти единственное, обнаруженное в корпусе переписки Жуковского и Вендриха. Однако к автографу письма Жуковского Вендриху, который сохранился в архиве Ф. М. Достоевского в составе отдельной единицы хранения, приложены еще два автографа поэта: записка к неустановленному лицу от 21 декабря 1833 г. (Елизавета Николаевна, л. 4) и маленький фрагмент письма без адреса и обращения, с двумя цитатами из Рамлера на немецком языке, написанными крайне неразборчиво (Л. 3). Но вверху листа есть запись неустановленного лица: «Оригинал. Извлечен из письма к Дкр. Вендриху»). Приводим здесь этот текст:

Рамлера очень трудно понимать: он, мне кажется, слишком следует древним — и Горацию именно. Его переносы (enjambements) очень затрудняют. Например, член остается в одном стихе, а имя в другой переставляется; имя в одной строфе, а глагол, ему принадлежащий, в следующей.

Но я люблю Рамлера! Такая простота! и такой чистый, гармоничный язык. Извините, что я дурно написал по-немецки; спешу без памяти, а бросать пера не хочется. Иные слова вместо немецких латинские; это от спеху; мое издание Рамлера напечатано латинским буквами. Adieu, adieu!

Ваш Жуковский

Датировать этот текст практически не представляется возможным, однако предположительно, что он относится к периоду интенсивного самообразования Жуковского (1805—1811 гг.) и времени его общения с Вендрихом.

21.

А. И. Тургеневу

(С. 37)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 143. Л. 7—9 об. Б. г.
Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 16—22.
Печатается по автографу.
Датируется: 8 января 1806 г.

Год написания письма устанавливается на основании общего контекста упоминаемых в письме событий, относящихся к концу 1805 г.

¹ Это письмо неизвестно.

² Подразумевается Андрей Тургенев.

³ Имеется в виду монолог героя драмы Ф. Шиллера «Разбойники» (д. III, явл. 2). Ср.: «*Моор*. Моя невинность! О, моя невинность! Смотрите! Всё вокруг греется в мирных лучах весеннего солнца! <...> Было время, когда слезы лились так легко! О, безмятежные дни! Отчий замок и вы, зеленые задумчивые доли! Блаженные дни моего детства! Никогда, никогда они не возвратятся! Никогда ласковым дуновением не освежат мою пылающую грудь! Всё ушло, ушло невозвратно!» (Шиллер Ф. Собр. соч.: В 7 т. Т. I. М., 1955. С. 441. Перевод Наталии Ман).

⁴ Ст. 13—15 из оды Ф. Шиллера «К радости» («An die Freude»; 1785), популярной среди членов Дружеского литературного общества, куда входили в 1801 г. Жуковский и Александр Тургенев. См.: Ж. и русская культура. С. 368, 400—401. Вот как выглядит полностью четверостишие, из которого Жуковский приводит лишь три первых стиха, в русском переводе И. Миримского:

Кто сберег в житейской вьюге
Дружбу друга своего,
Верен был своей подруге, —
Влейся в наше торжество!

(Шиллер Ф. Указ. соч. Т. I. С. 149).

⁵ В «Журнале» за 1805 г. Жуковский пишет: «К началу генваря или марта 1806-го года я должен выплатить половину теперешнего своего долга и положить за правило более не делать долгу ни на полушку, не брать ни у кого денег, кроме тех, которые получу от Антонского на путешествии» (ПССиП. Т. 13. С. 13).

⁶ См. примеч. 3 к письму к Д. Н. Блудову от начала августа 1804 г.

⁷ Т. е. Иена, университетский центр в Германии.

⁸ Вероятно, речь идет о Ф. Г. Вендрихе (см. письмо к нему от 19 декабря 1805 г.).

⁹ Август Герман Нимейер, немецкий богослов и педагог, которого высоко ценил адресат, называя его «знаменитым галльским педагогом, <...> автором истории воспитания» (Тургенев. С. 169). В библиотеке Жуковского сохранились его многочисленные педагогические сочинения с пометами и записями владельца. Так, в двух первых томах «Grundsätze der Erziehung und des Unterrichts für Eltern, Hauslehrer und Schulmänner. Halle, 1810. Th. 1—3» («Основы воспитания и образования для родителей, домашних учителей и педагогов») содержится более 20 записей (Описание. № 1750—1752). Во время первого заграничного путешествия Жуковский познакомился с ним лично на обеде у прусского короля (ПССиП. Т. 13. С. 164; дневниковая запись от 10 (22) апреля 1821 г.).

¹⁰ Антон Антонович Прокопович-Антонский — наставник в Московском университетском Благородном пансионе, много сделавший для формирования молодого Жуковского и помогавший ему материально.

¹¹ Николай Иванович Тургенев (см. примеч. 4 к письму к А. И. Тургеневу от второй половины августа 1805 г.)

¹² Екатерина Семеновна Тургенева, жена И. П. Тургенева и мать братьев Тургеневых.

¹³ Как указывает в примечании к этому письму И. А. Бычков: «В помещенном в № 103 “Московских ведомостей” 1805 года известия о происходившем 23 Декабря 1805 года акте Московского университетского Благородного пансиона в перечне читанных на акте речей, разговоров и стихов не упоминается имени Н. И. Тургенева. Из того же известия видно, что на этом акте студент Николай Тургенев удостоен серебряной медали с именем» (ПЖТ. С. 20. Примеч. 11).

¹⁴ Вероятно, речь идет об отрывке из журнала заграничного путешествия А. И. Тургенева. Небольшой отрывок из него под заглавием «Путешествие русского на Брокен в 1803 году» был опубликован позднее в ВЕ (1808. Ч. 42. № 22. Ноябрь. С. 77—93 — с подписью: А. Т...в). Подробнее об этой публикации см.: *Гиллельсон М. И.* А. И. Тургенев и его литературное наследство // Тургенев. С. 447.

¹⁵ «Собрание русских стихотворений, взятых из сочинений лучших стихотворцев российских и из многих русских журналов, изданное Василием Жуковским». 1 и 2 части вышли в 1810 г., 3, 4, 5 части — в 1811 г.

¹⁶ О чтении романа Виланда подробнее см. письмо к Ф. Г. Вендриху от 19 декабря 1805 г.

¹⁷ О восприятии Жуковским творчества Ж.-Ж. Руссо подробнее см.: БЖ. Ч. 2. С. 229—336 (автор раздела Ф. З. Канунова).

¹⁸ Schiller's «Kleinere prosaische Schriften» («Мелкие прозаические сочинения») Шиллера выходили в свет в четырех томах в Лейпциге в течение 1792—1802 гг. В библиотеке Жуковского это издание отсутствует.

¹⁹ Иван Владимирович Лопухин.

²⁰ Андрей Сергеевич Кайсаров.

22.

А. И. Тургеневу

(С. 42)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 143. Л. 10. Б. д.

Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 22—23.

Печатается по автографу.

Датируется: ноябрь 1806 г.

Письмо отнесено предположительно к ноябрю 1806 г., так как его московские реалии свидетельствуют, что оно написано в Москве, куда Жуковский приехал из Белева во второй половине ноября 1806 г. На конверте указан адрес: «Его высокоблагородию Александру Ивановичу Тургеневу. В канцелярии его превосходительства Николая Николаевича Новосильцова. В С.-Петербурге», но только слова: «Александру Ивановичу Тургеневу» написаны рукою Жуковского. Тот же адрес, но полностью написанный рукою Жуковского, на конверте письма к А. И. Тургеневу от 24 декабря 1806 г.

¹ О Костогорове см. примеч. 4 к письму к А. И. Тургеневу от 31 августа 1805 г.

² Соковнины — общие знакомые Жуковского и семейства Тургеневых. Во время своего приезда в Москву Жуковский нередко останавливался в их доме. Подробнее см.: Ж. и русская культура. С. 373. Примеч. 1.

³ Имеются в виду Н. И. и С. И. Тургеневы.

⁴ Екатерина Семеновна Тургенева.

⁵ Андрея Тургенева.

23.

А. И. Тургеневу и Д. Н. Блудову

(С. 43)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 143. Л. 12—13 об. Б. д.

Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 24—27.

Печатается по автографу.

Датируется: первая половина декабря 1806 г.

Датируется на основании упоминания о манифесте от 30 ноября 1806 г. об образовании милиции или ополчения. Напечатан 3 декабря. См. примеч. 8.

¹ В период так называемого «белевского уединения» (апрель—ноябрь 1806 г.) Жуковским было написано около 60 стихотворений.

² По всей вероятности, стихотворение, в котором отразились воспоминания Жуковского о Тургеневе, Блудове и прошедшем времени, — это элегия «Вечер» (ст. 49—72), где поэт вспоминает своих друзей и обращается к ним с призывом хранить воспоминания прошлых дней. Этот фрагмент начинается стихами

О братья! о друзья! где наш священный круг?
Где песни пламенны и музам и свободе?

и завершается словами:

Нет, нет! пусть всяк идет вослед судьбе своей,
Но в сердце любит незабвенных...

(ПССиП. Т. 1. С. 77).

³ Речь идет о «Песни барда над гробом славян-победителей», которая вышла под «надзором» А. И. Тургенева в 1807 г. (ц. р. от 12 февраля 1807 г.) отдельным изданием: «Песнь барда над гробом славян-победителей: Посвящается неустрашимым защитникам Отечества. В С.-Петербурге: При Морской типографии, 1807» — с указанием в конце текста: *В. Жуковский*. Как явствует из письма, Жуковский придавал особое значение виньетке, но в издании она отсутствовала.

⁴ Имеется в виду военная кампания против Наполеона, когда набиралось народное ополчение.

⁵ До выхода отдельного издания идентичный текст «Песни барда...» был напечатан в ВЕ (1806. Ч. 30. № 24. Декабрь. С. 266—280).

⁶ В период «белевского уединения» с 11 октября по 6 ноября 1806 г. Жуковский написал 18 басен, переведенных из Лафонтена и Флориана, которые появлялись в ВЕ с начала 1807 г. (ВЕ. 1807. Ч. 31—35. № 1—19).

⁷ Имеется в виду увлечение Д. Н. Блудова княжной А. А. Щербатовой, на которой он женился лишь в 1812 г.

⁸ Речь идет о манифесте 30 ноября 1806 г. об образовании милиции или ополчения. Напечатан 3 декабря (Полный свод законов Российской Империи. Т. XXIX. № 22374).

⁹ Это первый манифест, созданный Д. Н. Блудовым. Позднее он преуспел в этом жанре, сочиняя многочисленные манифесты в царствование Николая I.

¹⁰ Семь областных земских войск, на которые было разделено всё ополчение.

¹¹ В 1807 г. Жуковский в ополчение не вступил.

¹² В цитате соединены ст. 263 и 274—275 из «Песни барда...». В окончательном варианте ст. 263 звучит так: «Кто смерти предпочесть дерзнет поработенье?» В ст. 274 — опечатка: вместо «Отчизны» должно быть «Отчизне». Возможно, новая редакция ст. 263 была следствием критики Тургенева и Блудова, о которой просит в письме Жуковский. Ср.: «Покритикуйте их вместе с Блудовым и, если вздумаете что поправить, поправьте»; «Блудов, от тебя жду критики на мои стихи: твоя критика для меня закон».

¹³ И. П. Тургенев выехал из Москвы в Петербург 25 января 1807 г.

¹⁴ Работа Жуковского по самообразованию, прежде всего эстетическому, была связана с написанием своеобразных лекций-конспектов. См., например, его «Конспект по истории литературы и критики» (ПССиП. Т. 12. С. 25—175). 16 ноября 1805 г. в дневнике появляется запись: «В апреле кончу перевод *Leçons...*» (ПССиП. Т. 13. С. 27, 454). Возможно, Жуковский продолжает эту работу.

¹⁵ Цитата из элегии «Вечер» (ст. 71—72). См. примеч. 2.

24.

А. И. Тургеневу

(С. 47)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 143. Л. 14—14 об. Б. г.

Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 28—29.

Печатается по автографу.

Датируется: 24 декабря 1806 г.

Год написания письма определяется на основании общего контекста упоминаемых событий. На конверте адрес, полностью написанный рукою Жуковского: «Его высокоблагородию Александру Ивановичу Тургеневу. В канцелярии его превосходительства Николая Николаевича Новосильцова. В С.-Петербурге».

¹ См. примеч. 5 к предыдущему письму.

² Это письмо неизвестно.

³ Даниил Никитич Кашин, композитор, бывший до 1812 г. капельмейстером Московского театра и учителем музыки в Московском университете. Об исполнении «мелодрамою на театре» сведений не обнаружено.

⁴ Александр Львович Нарышкин, директор императорских театров.

⁵ Элегия «Вечер» впервые была опубликована в ВЕ (1807. Ч. 31. № 4. Февраль. С. 278—281) с подписью: «В. Ж...ий» и пометой: «Белев. 1806 года, в июле».

⁶ Здесь Жуковский вспоминает свое пребывание в Петербурге в марте 1805 г., когда он вместе с А. И. Тургеневым жил у Блудова и, крайне стесненный в средствах, для официальных визитов надевал сюртук хозяина (Ж. в Петербурге. С. 31—34).

⁷ См. комментарий Ф. З. Кануновой к стихотворению «Песнь барда над гробом славян-победителей»: ПССиП. Т. 1. С. 471—475. В рукописи стих «Клятва: смерть или спасенье!» с вариантом: «Клятва: смерть или отмщенье!».

⁸ Вероятно, речь идет о стихотворениях Андрея Тургенева, опубликованных в ВЕ, прежде всего «Элегии» (ВЕ. 1802. Ч. 4. № 13. Июль. С. 52—56), «К отечеству» (ВЕ. 1803. Ч. 7. № 4. Февраль. С. 277. В 1806 г. было издано отдельной листовкой). Никаких сведений о их музыкальной обработке не обнаружено.

25.

А. И. Тургеневу

(С. 49)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 143. Л. 16. Б. д.

Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 29—30.

Печатается по автографу.

Датируется: первая половина января 1807 г.

Время написания письма предположительно определяется по его содержанию: речь идет о недавней смерти матери Д. Н. Блудова, Екатерины Ермолаевны (урожд. Тишиной), см. примеч. 2.

¹ Это письмо А. И. Тургенева неизвестно.

² Мать Д. Н. Блудова, Екатерина Ермолаевна, умерла 1 января 1807 г. См.: *Ковалевский Е.* Граф Блудов и его время. СПб., 1866. С. 43.

³ Поэт и драматург В. А. Озеров, приходившийся двоюродным братом Д. Н. Блудову.

⁴ Жуковский намекает на историю сватовства Блудова к княжне А. А. Щербатовой, мать которой, А. В. Щербатова (урожд. Яворская), не давала согласия. Подробнее см.: Вигель. Т. 1. С. 308—309.

⁵ В изданиях произведений Державина эта самохарактеристика не обнаружена, скорее всего, она передавалась устным путем. Слово «расстегай» в XIX в. имело переносное значение «разгильдяй». См.: *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 4. М., 1980. С. 49.

⁶ См. текст этого хора к «Песни барда...» в предыдущем письме к А. И. Тургеневу от 24 декабря 1806 г. В печатный текст стихотворения «Песнь барда...» хор не вошел.

26.

А. И. Тургеневу

(С. 50)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 143. Л. 17. Б. г.
Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 30—31.
Печатается по автографу.
Датируется: 17 января 1807 г.

Основание для определения года написания письма — упоминание о смерти матери Д. Н. Блудова (см. примеч. 2 к письму к А. И. Тургеневу от первой половины января 1807 г.).

¹ Это письмо неизвестно.

² Т. е. 7 января 1807 г., так как мать Блудова умерла во вторник, 1 января. См. примеч. 2 к предыдущему письму.

³ Сведений об этом лице найти не удалось.

⁴ Имеется в виду отдельное издание «Песни барда над гробом славян-победителей». См. примеч. 3 к письму к А. И. Тургеневу от первой половины декабря 1806 г.

⁵ В 1806 г. Россия и Пруссия создали антинаполеоновскую коалицию. Война 1805—1807 гг. закончилась поражением России при Фридланде и заключением Тильзитского мира в период с 13/25 июня по 25 июня / 8 июля 1807 г.

27.

А. И. Тургеневу

(С. 51)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 143. Л. 18. Б. г.
Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 31.
Печатается по автографу.
Датируется: 28 января 1807 г.

Год написания письма устанавливается на основании упоминаемых в нем событий: ожидаемый выход в свет «Песни барда...» (вышла в начале февраля 1807 г., см. примеч. 3 к письму к А. И. Тургеневу и Д. Н. Блудову от первой половины декабря 1806 г.), болезнь И. П. Тургенева.

¹ Жуковский, вероятно, хотел сказать: «завтра», так как он родился 29 января по старому стилю, или же письмо было написано не 28 января, как это обозначено, а на следующий день.

² Имеется в виду «Песнь барда над гробом славян-победителей».

³ Иван Петрович Франк, немецкий профессор-клиницист, лейб-медик, в 1805—1808 г. профессор Петербургской медико-хирургической академии; по словам С. Жихарева, «замечательнейшее лицо в летописях современной медицины» (Жихарев. С. 270).

28.

А. И. Тургеневу

(С. 51)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 143. Л. 19, 20—20 об. Второй абзац письма написан на обороте конверта (л. 20 об.); сургучная печать закрыла несколько слов. Б. д.

Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 32.

Печатается по автографу.

Датируется: начало февраля 1807 г.

Датировка предположительная на основании вопроса о возможной службе, который впервые задан Жуковским в письме А. И. Тургеневу от 28 января 1807 г.

Адрес: «Его высокоблагородию милостивому государю Александру Ивановичу Тургеневу. В С.-Петербурге, в канцелярии его превосходительства Николая Николаевича Новосильцева».

¹ Вероятно, имеется в виду Летописец Новгородский, начинающийся от 6525/1017 году, и кончающийся 6860/1352 годом. [М.]: Моск. тип., 1781.

² См. библиографическое описание этого «Большого чертежа» в следующем письме от второй половины февраля 1807 г.

³ О ком идет речь, установить не удалось. После этой фразы тщательно зачеркнута почти целая строка.

⁴ Bouterweck Friedrich. Aesthetik. Th. 1—2. Leipzig, 1806. Экземпляр этого издания имеется в библиотеке Жуковского (Описание. № 721). Есть свидетельства более позднего интереса поэта к произведениям немецкого эстетика и поэта Фридриха Бутервека. В письме к тому же Тургеневу от 16 апреля 1814 г. Жуковский сообщает: «Бутервека получил» (см. наст. изд.). Думается, речь идет о сочинении: *Geschichte der Poesie und Beredsamkeit seit dem Ende des dreizehnten Jahrhunderts von Friedrich Bouterweck*. Göttingen, 1801. Bd. 1. Сжатый конспект общего введения к «Истории поэзии и красноречия с конца тринадцатого столетия», относящийся к октябрю 1818 г., сохранился в архиве поэта и впервые опубликован в 1984 г. (см.: ПССиП. Т. 12. С. 334—335, 495, примеч. 1). О чтении Бутервека Жуковский сообщает в письме Тургеневу от 4 августа 1815 г. (см. наст. изд.). Кроме «Эстетики» в библиотеке поэта сохранились и другие сочинения немецкого поэта: 1) *Schweizerbriefe an Cäcilie, geschrieben im Sommer 1794*. Th. 1—2. Berlin, 1795—1796; 2) *Gedichte*. Reutlingen, 1803 (Описание. № 719—720), с пометами и записями Жуковского.

⁵ Первое издание сочинения немецкого профессора философии и медицины в Лейпциге Эрнеста Платнера «*Philosophische Aphorismen nebst einigen Anleitungen zur philosophischen Geschichte*» вышло в 1776—1782 гг.; второе, доработанное издание появилось в 1793—1800 гг. В «Письмах русского путешественника» Карамзин неоднократно говорит об «эклектическом философе», высоко ценит его лекции, беседует с ним, а его произведение характеризует так: «Афоризмы Платнеровы весьма уважаются, и человеку, хотящему пуститься в лабиринт философских систем, могут они служить Ариадниною нитью» (*Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 62*).

29.

А. И. Тургеневу

(С. 52)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 143. Л. 21—21 об. Б. д.

Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 32—34.

Печатается по автографу.

Датируется: вторая половина февраля 1807 г.

Основанием для датировки является выход из печати «Песни барда...» (ц. р. 12 февраля 1807 г.) и связь с содержанием двух предыдущих писем.

¹ «Московские ученые ведомости» выходили в течение 1805—1807 гг. под редакцией профессора Московского университета Иоганна Гютлиба Буле.

² Имеется в виду выход из печати отдельного издания «Песни барда...».

³ И. П. Тургенев умер в Петербурге 28 апреля 1807 г. и похоронен рядом со своим старшим сыном Андреем на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры. Очевидно, что письмо было написано до этого печального для Жуковского события.

⁴ См. примеч. 5 к письму к А. И. Тургеневу от начала февраля 1807 г.

⁵ Имеется в виду сочинение известного французского экономиста, одного из основоположников политической экономии Жана Батиста Сэя «*Traité d'économie politique*» («Опыт политической экономии»), вышедшее в Париже в 1803 г. В библиотеке Жуковского сохранилось другое его произведение: *Catéchisme d'économie politique... 5 éd. Bruxelles, 1832* (Описание. № 2037). В 1825 г. в Париже А. И. Тургенев слушает его лекции и приводит их оценку, данную профессиональным экономистом Николаем Тургеневым: «Брат назвал его лекцию азбукой политической экономии» (Тургенев. С. 365).

⁶ Труд французского математика и экономиста Никола Франсуа Канара «*Principes d'économie politique*» («Принципы политэкономии») вышел годом ранее (Paris, 1802) сочинения Сэя. Одним из первых Канар пытался применить математические методы к изучению экономических явлений, прежде всего ценообразования и налогообложения.

⁷ О личности и судьбе Томашевского сведений обнаружить не удалось. Судя по контексту письма, Томашевский был пансионером при Московском университете.

⁸ Василий Кондратьевич Аршеневский, профессор математики в Московском университете, с 1804 г. состоял инспектором казеннокоштных студентов и учеников гимназии. См.: Биографический словарь профессоров Московского университета: В 2 т. Т. 1. М., 1855. С. 39—41.

⁹ Имеется в виду Семен Родзянка, отличавшийся странностями в поведении и сошедший с ума. См. примеч. 8 к письму к Д. Н. Блудову от 7 ноября 1803 г.

¹⁰ Речь идет о Христiane Августовиче Шлёцере, профессоре политической экономики Московского университета, сыне знаменитого историка Августа Шлёцера.

¹¹ Имеется в виду Михаил Никитич Муравьев, писатель и педагог, который с 1803 по 1807 г. был попечителем Московского университета, но жил в Петербурге.

¹² Жуковский говорит о событиях, связанных с антинаполеоновской кампанией. Ожесточенная Прейсиш-Эйлауская битва в Восточной Пруссии, в которой русская армия под руководством Бенигсена потеряла около 25 тысяч, произошла незадолго до этого, 27 января 1807 г.

30.

Д. Н. Блудову

(С. 53)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 79. Л. 1. Б. д.

Впервые опубликовано: РА. 1900. Т. 3. № 9. С. 5—6.

Печатается по автографу.

Датируется: конец июня 1807 г.

Основанием для датировки письма является сообщение об отъезде Жуковского в деревню, который произошел в июне 1807 г., как это явствует из письма к А. И. Тургеневу от начала июля, написанного уже из Белева (см. наст. изд.).

¹ Блудов в это время ездил в свою деревню недалеко от Казани для устройства имущественных дел после смерти матери, которая умерла 1 января 1807 г. См.: Ковалевский Е. П. Граф Блудов и его время. СПб., 1866. С. 45—46.

² В деревне Жуковский тщательно готовился к изданию журнала ВЕ, редактором которого стал в 1808 г.

³ Речь идет о происшествии с Блудовым во время его путешествия: в двадцати верстах от Москвы коляска, в которой он ехал вместе с Жуковским, опрокинулась. Жуковский ушиб себе руку, и Блудов продолжал путешествие один (РА. 1900. Т. 3. № 9. С. 5. Примеч. 6).

⁴ Намек на увлечение Блудова княжностью Анной Алексеевной Щербатовой, на которой он в 1812 г. женился.

⁵ Это известие оказалось не совсем точным: в мае 1807 г. Данциг действительно сдался французам, но гарнизон был выпущен с военными почестями.

⁶ Князь Алексей Григорьевич Щербатов, впоследствии московский генерал-губернатор, находившийся в это время с тремя батальонами русских войск в Данциге.

⁷ Граф Николай Михайлович Каменский, сын фельдмаршала гр. М. Ф. Каменского, шедший со своим отрядом на освобождение Данцига.

⁸ См. примеч. 1 к письму Жуковского А. И. Тургеневу от начала июля 1807 г. Письмо Тургенева, о котором говорит Жуковский, в печати неизвестно. Сохранилось письмо от 19 марта 1807 г., обращенное к обоим друзьям и написанное накануне отъезда в Бартенштейн (Siegel. № 19. S. 110—111).

31.

А. И. Тургеневу

(С. 54)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 143. Л. 22—22 об. Б. д.

Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 34—37.

Печатается по автографу.

Датируется: начало июля 1807 г.

Основание датировки: упоминание о письмах Тургенева, полученных из Бартенштейна и Тильзита. См. примеч. 1.

¹ А. И. Тургенев находился в свите императора Александра I в его заграничном путешествии 1807 г. Император выехал из Петербурга 16 марта; в Бартенштейн, где располагалась главная квартира армии, он прибыл 7 апреля, а в Тильзит, где произошло его свидание с Наполеоном, — 13 июня. Пребывание в Тильзите продлилось до 28 июня. Накануне, 27 июня, был ратифицирован договор о Тильзитском мире. Все эти события и позволяют датировать письмо началом июля 1807 г.

² О нем см. примеч. 4 к письму к А. И. Тургеневу от 31 августа 1805 г.

³ Историк и журналист Михаил Трофимович Каченовский был редактором основанного Карамзиным ВЕ в 1805—1807 гг. В 1808—1809 гг. журнал издавался под редакцией Жуковского; в 1810 г. под редакцией Каченовского и Жуковского; с 1811 г. ВЕ перешел вновь к Каченовскому.

⁴ Максим Иванович Невзоров, масон, литератор; с 1805 по 1815 г. был начальником Московской университетской типографии, где печатался ВЕ.

⁵ См. примеч. 14 к письму к А. И. Тургеневу от 8 января 1806 г.

⁶ В ВЕ (1808. Ч. 37. № 4. Февраль. С. 277—282) была опубликована статья «Георг II, Английский король, и министры его, описанные Кантемиром». В примечании к ней Жуковский говорит, что этот отрывок, нигде еще не напечатанный, представляет собою донесение кн. А. Д. Кантемира, присланное им в 1738 г. из Лондона императрице Анне Иоанновне, в то самое время, когда он готовился оставить Англию и переехать в Париж в качестве полномочного министра.

⁷ Речь идет о бумагах Андрея Тургенева. На страницах ВЕ в 1808—1809 гг. никаких публикаций умершего друга не появилось.

⁸ Василий Андреевич Проташинский, сводный брат М. А. Протасовой-Мойер, выпускник Московского университетского Благородного пансиона, принимал участие в пансионских изданиях, где печатал свои сочинения (прозаические переводы с английского и речи). После окончания пансиона поступил в военную службу, участвовал в Бородинском сражении, где потерял руку. Проташинский постоянно нуждался, и Жуковский неоднократно хлопотал о нем, в частности перед Тургеневым. В. А. Проташинскому приписывали авторство стихотворной пародии на балладу Жуковского «Двенадцать спящих дев» — «Двенадцать спящих бутушников», но, как установлено в последнее время, ее написал И. В. Проташинский. Подробнее см.: Русские писатели: Биографический словарь. Т. 5. М., 2007. С. 156—157 (автор статьи И. А. Зайцева).

⁹ Император Александр I возвратился в Петербург 4 июля 1807 г., а члены его свиты (Н. Н. Новосильцов и кн. А. А. Чарторижский), согласно сообщениям в «С.-Петербургских ведомостях», приехали в столицу между 7 и 10 июля. Вероятно, около этого времени вернулся и А. И. Тургенев.

¹⁰ Иван Иванович Леман, воспитатель в Московском университетском Благородном пансионе. 15 декабря 1805 г. Жихарев писал: «Тургеневы воспитанники Лемана и записные немцы...» (Жихарев. С. 140).

¹¹ Князь Григорий Иванович Гагарин учился вместе с Жуковским и Тургеневым в Московском университетском Благородном пансионе, посвятил себя дипломатической деятельности. В 1806 г. состоял при посольстве в Константинополе.

¹² Известный анатом и профессор Московского университета Христиан Иванович Лодер.

32.

А. М. Соковниной

(С. 55)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 140. Л. 1—1 об. Б. д.

Впервые опубликовано: РА. 1900. Кн. 3. № 9. С. 6—8.

Печатается по автографу.

Датируется: июль—август 1807 г.

О покупке автографа этого письма сообщалось: Отчет ИПБ за 1898. СПб., 1902. С. 201, с датировкой: «относится к июлю—августу 1807 года». Основание датировки — связь с письмом А. И. Тургеневу от начала июля 1807 г. (ожидание ответа Тургенева на письмо с просьбой узнать о судьбе Проташинского).

¹ Вероятно, слова из популярной французской песни.

² См. письмо к А. И. Тургеневу от начала июля 1807 г. Ответное письмо А. И. Тургенева, о котором Жуковский просит, в печати неизвестно.

³ См. примеч. 8 к письму к А. И. Тургеневу от начала июля 1807 г.

⁴ Имеется в виду М. Д. Костогоров. О его участии в ВЕ сведений не сохранилось. На страницах журнала нет упоминания его имени.

⁵ Вероятно, речь идет о А. Ф. Мерзлякове.

33.

А. И. Тургеневу

(С. 56)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 143. Л. 23—23 об. Б. д.

Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 37—39.

Печатается по автографу.

Датируется: конец ноября 1807 г.

Основание датировки — упоминание напечатанного в «Московских ведомостях» объявления о приеме подписных денег на периодические издания 1808 г. (1807. № 94. 23 ноября). См. ниже примеч. 6.

¹ Жуковский оказался прав: следов участия Блудова в ВЕ не обнаружено.

² См. примеч. 7 к письму к А. И. Тургеневу и Д. Н. Блудову от первой половины декабря 1806 г.

³ О «Путешествии» Тургенева см. примеч. 14 к письму к А. И. Тургеневу от 8 января 1806 г.

⁴ Трехтомное сочинение известного английского писателя и критика Сэмюэля Джонсона «The lives of the most eminent English poets...» («Жизнеописания наиболее выдающихся английских поэтов...») вышло в свет в Лондоне в 1779—1781 гг. На страницах ВЕ периода редакторства Жуковского переводы из него не появились. В библиотеке поэта сохранились многочисленные сочинения самого Джонсона более позднего времени издания и произведения других английских поэтов, в частности Мильтона, с его комментариями (см.: Описание. № 2641, 2660, 2661, 2704, 2751, 2777). Других следов интереса Жуковского к его творчеству не обнаружено.

⁵ Точное заглавие этого сочинения швейцарского «практического философа» Ганса Каспара Гирцеля «Die Wirthschaft eines philosophischen Bauern» («Хозяйство одного философствующего крестьянина») вышло в Цюрихе двумя изданиями в 1761 и 1774 гг. Никаких следов чтения этой книги Жуковским не обнаружено. Нет ее и в библиотеке поэта.

⁶ В «Московских ведомостях» (1807. № 94. 23 ноября) было напечатано объявление от имени типографии Московского университета о приеме подписных денег на периодические издания в 1808 г. В нем также говорилось: «Для большего удовольствия гг. пренумерантов каждый том будет украшен портретом одного из славных людей нынешнего времени, а каждый номер гравированным изображением известных зданий, новых мод и тому подобным». Начиная с первого номера за 1808 г. Жуковский регулярно исполняет это предписание, помещая портреты, виды, картины.

⁷ «Замечания Петербургского зрителя» на страницах ВЕ не появились. Зато Жуковский вводит специальную рубрику «Московские записки», включающую заметки о московском театре (см.: ПССиП. Т. 12. С. 259—284. Примечания О. Б. Лебедевой).

⁸ О каком издании сочинений знаменитого французского поэта Эвариста Парни идет речь, установить не удалось. В библиотеке Жуковского его сочинения отсутствуют. Как известно, в апреле 1806 г. Жуковский перевел 34 стиха VI элегии из четвертой книги «*Poésie érotiques*» Парни («В разлуке я искал смягченья тяжких лет»). См.: ПССиП. Т. 1. С. 457—458. Примечания Н. Б. Реморовой). Возможно, он пользовался парижским изданием этого сочинения 1788 г., которое и оказалось у Блудова.

⁹ В библиотеке Жуковского сохранилось несколько изданий произведений французской писательницы Стефани Фелисите Дюкре де Сент Обен де Жанлис (Описание. № 1094—1095, 2626). На страницах ВЕ Жуковский неоднократно обращается к переводу ее произведений. Вероятно, просьба прислать ее сочинения была связана с подготовкой переводов для первых номеров ВЕ. Уже в первом январском номере за 1808 г. он публикует свой перевод ее новеллы «Густав». Подробнее см.: ПССиП. Т. 10. Кн. 1. С. 414—417. Примечания И. А. Поплавской.

¹⁰ Этот том сохранился в библиотеке Жуковского в составе полного 16-томного собрания сочинений французского критика Жана Франсуа Лагарпа. См.: *Lycée, ou Cours de littérature ancienne et moderne. Par J. F. Laharpe. 16 tomes en 19 vols. Paris, 1799—1805* (Описание. № 1474). О чтении Лагарпа и о восприятии его «Лицея» см.: БЖ. Ч. 2. С. 75—96 (автор раздела О. Б. Лебедева). В ВЕ Жуковский публикует свой перевод статьи Лагарпа «Фенелон, воспитатель герцога Бургонского» (1808. Ч. 44. № 4. Февраль. С. 288—298).

¹¹ Плутус (Плутос) — бог богатства в греческой мифологии. Уже в классической античности он стал восприниматься как некая персонификация богатства.

¹² Имеется в виду поэт И. И. Дмитриев, проявлявший особый интерес к юриспруденции. 6 января 1810 г. он стал министром юстиции. Все заказанные им книги французских авторов предвосхищали события Великой французской революции и трактовали острые вопросы политического права.

¹³ Антуан Франсуа Роспини, итальянец по происхождению, петербургский книгопродавец и с 1812 г. почетный библиотекарь Публичной библиотеки.

¹⁴ Это произведение французского государственного деятеля и писателя Франсуа де Нёфшато вышло в свет в Париже в 1787 г.

¹⁵ Избранные сочинения в двух томах знаменитого французского адвоката Анри Кошена были напечатаны в Париже в 1773 г.

¹⁶ Полное заглавие этого сочинения французского юриста Андре Жана Буше д'Аржи: *De la bienfaisance de l'ordre judiciaire: discours dans lequel on prouve la nécessité de donner aux pauvres des défenseurs gratuits et l'obligation d'indemniser ceux qui, ayant été accusé, décrétés et emprisonnés à la requête du ministère public, ont ensuite obtenu des jugemens absolutes; prononcé dans la 1-ère Assemblée de l'Association de Bienfaisance Judiciaire, tenue au Châtelet de Paris le lundi 14 janv. 1788 (Londres, 1788).*

34.

А. И. Тургеневу

(С. 58)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 143. Л. 24—25. Б. г.
Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 39—41.
Печатается по автографу.
Датируется: 9 декабря 1807 г.

Год написания письма определяется по его содержанию, связанному с содержанием писем к А. И. Тургеневу от начала июля 1807 г. и конца ноября 1807 г.

¹ Возможно, речь идет о петербургском богаче Петре Григорьевиче Демидове, женатом на Е. А. Жеребцовой, фаворитке графа Орлова-Чесменского.

² Ср. в письме от начала июля 1807 г.: «По части политики снабжай меня, если будешь иметь время, сочинениями или переводами...».

³ О Проташином см. примеч. 8 к письму к А. И. Тургеневу от начала июля 1807 г. Упомянутое письмо к нему Жуковского не сохранилось.

⁴ См. примеч. 13—16 к письму к А. И. Тургеневу от конца ноября 1807 г.

⁵ Стихи А. И. Тургенева, которые приводит и комментирует Жуковский, неизвестны. Их содержание, учитывая контекст предыдущих и последующих писем, вероятно, связано с памятью об увлечении Жуковского А. М. Соковниной.

⁶ Планы «будущей жизни», о которых Жуковский говорит в дневниковых записях 1805—1806 гг., свидетельствуют о его намерении жениться на Маше Протасовой (ПССиП. Т. 13. С. 33—34). Но эти планы он держал в тайне и об этом просил своих друзей, которые уже догадывались о разгорающемся чувстве поэта.

35.

А. И. Тургеневу

(С. 60)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 143. Л. 26. Б. д.
Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 41—42.
Печатается по автографу.
Датируется: начало декабря (до 10-го) 1807 г.

Датируется на основании ответного письма А. И. Тургенева от 10 декабря 1807 г. (см. примеч. 3).

¹ С 1808 г. Жуковский становится редактором ВЕ и обращается к друзьям, прежде всего к Блудову и Тургеневу, с просьбой о помощи материалами для журнала. Однако эта просьба не вызвала энтузиазма у друзей. Сочинения Д. Н. Блудова отсутствуют на страницах ВЕ. О публикациях А. И. Тургенева, за исключением «Путешествия русского на Брокен в 1803 году» (см. примеч. 2), можно говорить пред-

положительно. В августе 1808 г. (Ч. 40. № 15. С. 197—202) был опубликован «перевод со шведского» сочинения Олафа Ворма «О детях Антона-Улриха...» с обширными историческими примечаниями. Публикация подписана А. Т. Согласно «Словарю псевдонимов» И. Ф. Масанова (Т. 4. С. 478) подпись принадлежит А. И. Тургеневу, но никаких упоминаний этого «перевода со шведского» среди бумаг Тургенева не обнаружено.

² Вероятно, речь идет о «Путешествии русского на Брокен в 1803 году», опубликованном в ВЕ (1808. Ч. 42. № 22. Ноябрь. С. 77—93 — с подписью А. Т...в). Подробнее об этом см.: Тургенев. С. 447—448. В письме Жуковскому от 4 декабря 1808 г. Тургенев благодарил его за публикацию этой статьи (см.: Siegel. № 27. S. 127).

³ Письма, о которых говорится, связаны с историей увлечения Александра Тургенева Анной Соковниной. В ответном письме от 10 декабря 1807 г. Тургенев страстно опровергает обвинение в небрежном отношении к этим письмам и завершает свой рассказ просьбой: «Оправдай меня, мой милый друг, если можешь, перед А<нной> М<ихайловной> и скажи, чтобы она была спокойна» (Ibid. № 24. S. 121—122. См. также: АБТ. Т. 2. С. 118 первой пагинации).

36.

А. И. Тургеневу

(С. 61)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 143. Л. 27. Б. д.

Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 42—43.

Печатается по автографу.

Датируется: конец декабря 1807 — начало января 1808 г.

Основание для датировки — тематическая связь с предыдущим письмом.

¹ Вероятно, речь идет о дневнике Андрея Тургенева, который он вел во время своего пребывания в Вене в 1802 — начале 1803 г. (см.: Siegel. № 25. S. 123. Примеч. 1).

² Анна Михайловна и Екатерина Михайловна Соковнины.

³ Сведений о переводе Тургенева из английских памфлетов о Тильзитском мире обнаружить не удалось.

⁴ Вряд ли справедливо предположение И. А. Бычкова о том, что речь здесь идет о переводе «Письма Ж.-Ж. Руссо», опубликованном в ВЕ (1808. Ч. 37. № 4. Февраль. С. 265—276). См.: ПЖТ. С. 42. Примеч. 5. Известно, что это письмо [К Сесилии] Жуковский трижды перепечатывал при жизни. Как установлено в последнее время А. А. Златопольский, письмо является апокрифом графа д'Антрега, а его источник — рассказ немецкого писателя Гарлиба Меркеля. Подробнее см.: ПССиП. Т. 10. Кн. 1. С. 432—434.

⁵ Имеется в виду десятитомный труд Сэмюэля Джонсона «Жизнеописания поэтов» («The Lives of the Poets». By Samuel Jonson. 1779—1781), в котором он выступил не только как биограф, но и как критик. Эти жизнеописания (во многих случаях

фундаментальный разбор творчества того или иного автора) представляют собой самое остроумное произведение литературной критики XVIII в. Большой знаток литературы, Джонсон первый усомнился в подлинности поэм Оссиана.

⁶ См. примеч. 8—10 к письму к А. И. Тургеневу от конца ноября 1807 г.

⁷ См. примеч. 14—16 к этому же письму.

⁸ См. примеч. 5 к этому же письму.

⁹ Имеется в виду книга: *Hirzel H. C. Le Socrate rustique, ou Description de la conduite économique & morale d'un paysan philosophe* (Zurich 1764, 1777; «Деревенский Сократ, или Описание экономического и нравственного поведения поселенина-философа»).

¹⁰ Это сочинение Гирцеля («Hirzel an Gleim über Sulzer den Weltweisen» — «Гирцель Глейму о мудреце Зульцере») в двух частях было опубликовано в Винтертуре в 1779—1780 гг.

¹¹ Имеется в виду А. Ф. Сухотин, товарищ Жуковского по Московскому университетскому Благородному пансиону.

37.

П. А. Вяземскому

(С. 62)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1909. Л. 2—3. Б. д.

Впервые опубликовано: РЛ. 1983. № 1. С. 188—189. Публикация В. В. Пухова.

Печатается по автографу.

Датируется: 25—27 июня 1808 г.

Основание датировки: контекст переписки. Это письмо служит ответом на письмо П. А. Вяземского от 25 июня; Вяземский отвечал на данное письмо 27 июня 1808 г. (переписка шла между Остафьевым и Москвой). Вероятно, Вяземский взял тетрадь с автографическими списками стихотворений Жуковского (возможно, ныне хранящуюся: РНБ. Оп. 1. № 14), когда навещал его в квартире при Московском университетском Благородном пансионе, в Газетном переулке у Тверской. Возвращая рукопись, Вяземский писал в письме от 27 июня: «Посылаю вам вашу книгу, прошу из нее мне велеть списать, коль то возможно: *Сельскую Элегию, Людмилу, Вечер* и *quand tu m'aimois...*» (РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 2. № 20. Л. 4 об.). Это первое из известных писем Жуковского в его многолетней переписке с Вяземским.

¹ Именины Вяземского — 29 июня. Узнав об отказе Жуковского, он в ответ на его стихи тоже отозвался стихами («Не будет дом сиять огнями...» // РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 2. № 20. Л. 4—4 об.).

² Подробнее об этом послании см.: ПССиП. Т. 1. С. 523—524. Примечания О. Б. Лебедевой.

³ О каком письме (вероятно, к Н. М. Карамзину) идет речь, установить не удалось.

⁴ В. В. Пухов предположил, что Жуковский протезирует Ивану Никифоровичу Гриневу, «который в 1800-е годы был учителем Белевского уездного училища и давал уроки племянницам Жуковского, Маше и Саше Протасовым; в 1810-е годы он был управляющим в Долбине, у родственников поэта Киреевских» (РЛ. 1983. № 1. С. 188). Но если учесть, что Жуковский уже почти год жил в Москве, просьба могла касаться и кого-то из университетской и пансионской молодежи.

38.

И. П. Черкасову

(С. 64)

Автограф: РО ИРЛИ. Р. I. Оп. 9. № 87. Л. 1—2. Б. г.

Впервые опубликовано: РЛ. 2009. № 3. С. 86—88. Публикация А. С. Янушкевича.

Печатается по автографу.

Датируется: 29—30 июня 1808 г.

Год определяется по пометке адресата на конверте, приложенном к письму и надписанном Жуковским: «Его Высокоблагородию Милостивому Государю Ивану Петровичу Барону Черкасову в Белев»; на обороте конверта пометы адресата: «Получил Июля 2го 1808», «Ответил 11го».

¹ И. П. Черкасов с семьей постоянно проживал в имении, находившемся в с. Володькове, недалеко от Белева. В своих посланиях Жуковский называет его «володьковский герой» и «володьковский барон». Жуковский ценил его ум и интерес к философии. Так, в дневниковой записи от 16 июля 1805 г. он рассказывает о своих «метафизических» беседах с бароном, приводит его суждение о «Гении христианства» Шатобриана (ПССиП. Т. 13. С. 19—20). Образ «философической пустыни», по всей вероятности, как и в «Евгении Онегине» Пушкина, восходит к одному источнику — «нравственной повести» французского писателя Ж.-Ф. Мармонтеля «Урок несчастья». Об этом см.: *Набоков В.* Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб., 1998. С. 436.

² Текст этого стихотворения, адресованного И. П. Черкасову, ранее неизвестный и не вошедший ни в одно издание сочинений Жуковского, был впервые опубликован в ПССиП. Т. 1. С. 537, в комментарии И. А. Поплавской к стихотворению «К Филалету». Послание связано с образами и мотивами лирики Жуковского этого времени, в том числе с элегией «Вечер» и посланием «К Филалету». См.: ПССиП. Т. 1. С. 536—539.

³ Имеется в виду жена барона, Мария Алексеевна Черкасова.

⁴ Речь идет о Д. А. Кавелине, воспитаннике Московского университетского благородного пансиона, директоре Медицинского департамента, литераторе, арзамасце. Его имение, село Иваново, находилось в Белевском уезде, что и связывало его с семейством Черкасова (см.: Ежегодник РО ПД на 1979 г. Л., 1981. С. 107—108).

Знакомство Жуковского с Кавелиным произошло раньше, чем это известно из их переписки, относящейся к 1815—1820 гг. К нему же адресовано послание Жуковского 1814 г. «Кавелин, друг, поэт, директор...» (см.: ПССиП. Т. 1. С. 711—712).

⁵ Вероятно, имеется в виду М. Н. Свечина, племянница Жуковского.

⁶ Карл Яковлевич Дезе, управляющий в имении Киреевских, лицо, упоминаемое в переписке Жуковского с А. П. Киреевской, где Жуковский называет его «почтенным и милым человеком» (Переписка Ж. и Елагиной. С. 64. Примеч. 3. См. также письма к Дезе и комментарии к ним в наст. изд.). В письме от конца апреля 1815 г. Жуковский делает его героем комической сценки, связанной с выбором А. П. Киреевской опекуна (см. наст. изд.). Сохранилась подборка писем Жуковского к нему от мая—августа 1815 г., связанных с имущественными делами Дезе (см. наст. изд.).

39.

П. А. Вяземскому

(С. 66)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1909. Л. 1—1 об. Б. д.

Публикуется впервые.

Датируется: 30 июля 1808 г.

¹ Возможно, имеется в виду первое из известных в печати стихотворений Вяземского «Послание к <Жуковскому> в деревню», напечатанное в ВЕ. 1808. № 19. С. 178—181. (см.: *Вяземский П. А.* Стихотворения. Л., 1986. С. 53—54, 441.

² Приятельские отношения корреспондентов укрепились после июльского визита Жуковского в Остафьево. 26 июля Вяземский сообщал ему: «После Вашего отъезда я долго думал об наших разговорах, и если Вы мне себя описали в настоящем виде, то есть точно каковы Вы в самом деле, то я нашел, что мы с Вами весьма сходны, итак, если Вам не противно: *Я тебе друг! Ты мне друг*» (РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 2. № 21. Л. 129—129 об.). Ответное письмо Жуковского неизвестно, но Вяземский по его получению писал, что «Вы Вашими истинными рассуждениями дали мне почувствовать, что je traite l'amitié avec trop de légèreté*». Спасибо, сто раз спасибо! Я вижу, я слишком молод, чтобы познавать дружбу; итак, оставим ее до благоприятнейшего времени, — а будем хорошими приятелями» (Там же. Л. 42). Концепцию «осознанной» дружбы Жуковский сформулировал еще в 1805 г. в письмах к А. И. Тургеневу.

---

* Я отношусь к дружбе весьма легкомысленно (*франц.*).

40.

П. А. Вяземскому

(С. 68)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1909. Л. 4. Б. г.

Публикуется впервые.

Датируется: 5 августа 1808 г.

¹ Вероятно, бильярд входил в число тогдашних развлечений Вяземского и Жуковского. О его коннотации в России начала XIX в. как «трактирной» игры см.: Онегинская энциклопедия: В 2 т. Т. 1. М., 1999. С. 116—118; ст. Л. А. Волосатовой. В связи с этим ср. воспоминание Вяземского о «ляпе» в старом переводе Ф. Галченковым «Вертера» И.-В. Гёте, который Жуковский объяснял неверным заключением переводчика о том, что «...Шарлотта вызывает Вертера сыграть партию на бильярде. Но по понятиям благовоспитанного переводчика такая игра не подобает порядочной даме. Вот изо всего этого и вышло: пойдем играть в короли. Жуковский очень радовался своему комментарию и гордился им» (Вяземский. Т. 8. С. 435).

² Продолжая эпистолярный разговор о дружбе, Вяземский писал в ночь со 2 на 3 августа в ответ на письмо Жуковского от 30 июля 1808 г.: «Будем приятелями — я и тем доволен. Я Вас искренно люблю, и именно скажу почему: мне нравится душа Ваша, она благородна, кротка; мне нравится ум Ваш, и нравится чрезвычайно, он философский, плюет на почести, не жалеет, что не блистает у двора или под шляпою с плюмажем — довольствуется углом, беседую с музами, с приятелями, к черту посылает почести, педантство: мне нравится лоб Ваш, он не всегда нахмурен, на нем нет печати вечной суровости; мне нравится авторский талант Ваш, и сколько я могу судить, в нем блистает заря, обещающая светлый, красный день...» и т. д. (РГАЛИ. Ф. 198 Оп. 2. № 21. Л. 48 об. — 49).

³ Жалуясь на трудности поэтической работы, Вяземский восклицал в своем письме: «Как бы был я счастлив, если бы имел <...> талант Кребийона, о котором князь Вяземский говорит: *Superbe comme une chène au milieu des forêts // Il surpasse Racine et atteint Arouet*»* — РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 2. № 21. Л. 49 об. Источник автоцитации неизвестен. Спор о достоинствах французского трагика Проспера Жюлио де Кребийона, горячим поклонником которого был молодой Вяземский, растянулся на годы и отразился в параллельных рецензиях Жуковского и Вяземского на перевод С. И. Висковатовым трагедии Кребийона «Радамист и Зенобия» (см. письмо к П. А. Вяземскому от 4 ноября 1810 г., примеч. 4).

---

* Великолепный, словно дуб среди лесов, // Он превосходит Расина и равняется с Арузэ (франц.).

41.

Е. Д. Турчаниновой

(С. 69)

Авторграф неизвестен.

Копия: РО ИРЛИ. № 27744. Л. 6—7.

Впервые опубликовано: РА. 1872. Стб. 2363—2366. Б. д.

Печатается по копии.

Датируется: не позднее 10 сентября 1808 г.

Обоснованием датировки письма являются слова о продаже белевского дома. В конце копии письма карандашом сделана приписка: «Без означения года и числа». Б. Л. Модзалевский, готовивший письмо к печати, датирует его летом 1811 г. и указывает, что оно — из Москвы (РО ИРЛИ. № 154/1 «Изобразительные и документальные материалы, книги, мемории из собрания Пушкинского Дома. Каталог»). Эта датировка нуждается в уточнении. О. Е. Глаголевой обнаружена купчая, датируемая 10 сентября 1808 г., по которой Жуковский продавал белевский дом своей родственнице Е. И. Протасовой, сестре А. И. Протасова (мужа Е. А. Протасовой), за сто рублей. Подробнее см.: *Глаголева О. Е.* Детство и юность В. А. Жуковского: уточнение фактов биографии поэта (по архивным материалам) // Жуковский и время. Томск, 2007. С. 224. Именно купчую на землю просили Жуковского прислать Елизавете Дементьевне в коллективном письме, написанном рукою А. П. Киреевской: «Матушка Ваша, слава Богу, здорова, продает дом свой Елене Ивановне Протасовой за три тысячи рублей; и для того приказала мне просить Вас, чтобы Вы прислали сюда купчую на землю. На чье она имя?» (цит. по кн.: *Власов В., Назаренко И.* «Минувших дней очарование»... Тула, 1979. С. 133). Судя по письму, Жуковский отправил эти бумаги Е. А. Протасовой, о чем и сообщает в письме к матери.

42.

А. И. Тургеневу

(С. 69)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 144. Л. 1. Б. д.

Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 43—44.

Печатается по автографу.

Датируется: 10 февраля 1809 г.

Датируется на основании положения в рукописи: письмо Жуковского находится между письмами к А. И. Тургеневу его матери Е. С. Тургеневой от 10 февраля и брата С. И. Тургенева с припиской А. С. Кайсарова. Год проставлен карандашом сверху л. 1. О том, что письмо относится именно к 1809 г., свидетельствуют и следующие факты: 1) именно в этом году Жуковский на короткое время ездил в Петербург (РА. 1867. Стб. 798, примеч. 9); 2) в письме Е. С. Тургеневой идет речь о ее

тяжбе с И. В. Лопухиным, о чем упоминается и в письме Жуковского к А. И. Тургеневу от 15 сентября 1809 г.; 3) о свидании с А. С. Кайсаровым в Москве говорится в том же письме.

¹ Об адресе петербургской квартиры, где останавливался Жуковский (двухэтажный дом на углу Шестилавочной и Малой Итальянской улиц), см.: Ж. в Петербурге. С. 46.

² О причине, заставившей Жуковского решиться на эту внезапную поездку в Петербург, можно говорить предположительно: вероятно, это была появившаяся возможность определиться на службу. Скорее всего, она закончилась неудачей. Через год с небольшим Жуковский пишет Тургеневу: «Нет, я не поеду: не сделаю той глупости, которую вздумал было в начале последнего года сделать» (см. письмо от 7 ноября 1810 г.).

³ Братья Булгаковы, Александр и Константин Яковлевичи, — адресаты многочисленных писем Жуковского.

43.

А. И. Тургеневу

(С. 70)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 164. Л. 1. Б. д.

Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 308 — в рубрике «Записочки без числа».

Печатается по автографу.

Датируется: конец марта 1809 г.

Основанием для датировки этой записочки является упоминание о смерти Е. М. Соковниной, последовавшей в конце марта 1809 г. В начале 1809 г. в Москве Жуковский жил в доме Соковниных. См.: ПССиП. Т. 1. С. 529—530.

44.

П. И. Голубкову

(С. 70)

Автограф неизвестен.

Копия неизвестна.

Впервые опубликовано: РА. 1863. № 8—9. С. 708—709, с датой: «25 мая 1809 Белев».

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: 25 мая 1809 г.

¹ Христофор Филиппович Роде был директором Тульского пансиона во время учебы в нем Жуковского (на правах полупансионера с ноября 1790 по март 1792 г.) и Голубкова. В упоминавшемся выше разделе дневника «Прошедшая жизнь» Жуковский выделяет курсивом как веху своей жизни «Выход из Родева пансиона»

(ПССиП. Т. 13. С. 33). Во время путешествия с наследником по России при посещения Тулы 17 августа 1837 г. Жуковский упоминает дочь Роде Марию Христофоровну (Там же. Т. 14. С. 71). Вероятно, к тому времени ее отец уже умер.

² В 1809 г. Жуковский был редактором журнала «Вестник Европы».

³ Отец поэта, Афанасий Иванович Бунин, умер в марте 1791 г.

⁴ Сведений о Казимировых обнаружить не удалось. В связи с этим письмом о Казимировых также упоминает В. В. Афанасьев (см.: Афанасьев. С. 25).

45.

А. П. Юшковой (Зонтаг)

(С. 71)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) ОР РНБ. Оп. 2. № 444. Л. 1—1 об. — рукою А. П. Елагиной. Б. д.

2) РО ИРЛИ. Архив Грота. № 16000. Л. 1 — рукою А. П. Зонтаг. Б. м., г. и д.

Впервые опубликовано: Грот. С. 3—4.

Печатается: по тексту первой публикации со сверкой по копиям.

Датируется: июнь 1809 г.

Датировка: тексту данного письма в копии Зонтаг предшествует заглавие: «Письмо 1-е. Июнь 1810 года» (у Зонтаг пронумерованы и датированы все письма Жуковского, но, поскольку в хронологии и нумерации произошел значительный сбой, замеченный и прокомментированный самой Зонтаг: л. 14, 16—16 об., далее эти номера не воспроизводятся). В копии же Елагиной письму предпослана дата: «(1809)». Лето и 1809, и 1810 гг. Жуковский провел в Муратове. Но, как явствует из письма к П. А. Вяземскому (около 1 июля 1810 г.), летом 1810 г. Жуковский уехал в Муратово только в начале июля. Таким образом, датировка Елагиной лучше согласуется и с реалиями биографии Жуковского, и с содержанием письма, в котором говорится между прочим об активной работе над очередным номером журнала «Вестник Европы» и отправке готового номера в Москву, что было вряд ли возможно в 1810 г.: начиная с лета этого года Жуковский отошел от редактирования журнала (см.: Даты жизни и творчества В. А. Жуковского: ПССиП. Т. 14. С. 340—341; см. также примеч. 7 к наст. письму).

В архивохранилищах Санкт-Петербурга сохранились собрания писем Жуковского к А. П. Зонтаг в копиях, выполненных самой А. П. Зонтаг (РО ИРЛИ. № 16000. Архив Я. К. Грота. Жуковский В. А. Письма (46) к Зонтаг Анне Петровне, урожд. Юшковой. 25 лл. 1.06.1810 — 29.06.1851. С примечаниями Я. К. Грота) и А. П. Елагиной (РНБ. Оп. 2. № 444. 38 копий выполнены рукою А. П. Елагиной, сшиты в тетрадь, заполнено 80 листов с оборотами, на отдельных листах приложены фрагментарные выписки П. И. Бартенева из писем к Зонтаг, в том числе и из тех, копий которых нет в кодексе Елагиной).

Несмотря на то, что А. П. Зонтаг и А. П. Елагина, несомненно, пользовались подлинными рукописями писем Жуковского, в составе сводов писем и в их текстах есть разночтения. Что касается состава, то оба кодекса содержат как дублирующие, так и отсутствующие в другом кодексе письма. Разночтения в текстах иногда мелкие (связанные с вариантами прочтения отдельных слов), а иногда — довольно значительные: как правило, это купюры, сделанные А. П. Зонтаг по личным соображениям и восполненные в копиях А. П. Елагиной. Поэтому в основу публикации писем В. А. Жуковского к А. П. Зонтаг в настоящем издании положен кодекс А. П. Елагиной: несмотря на то, что писем в ее собрании меньше, сравнение ее копий с копиями А. П. Зонтаг убеждает в том, что они более достоверны: в частности, Елагина воспроизводит даты, подпись и адрес на конверте, чего часто не делает Зонтаг; датировки писем в кодексе Елагиной более точны, равно как и хронологический порядок писем (в кодексе Зонтаг есть значительный сбой последовательности и нумерации писем, замеченный и оговоренный ею самой). В тех случаях, когда публикуемое письмо отсутствует в кодексе Елагиной, пропуск восполняется по кодексу Зонтаг.

Публикации:

Бычков И. А. Неизданные письма Жуковского к А. П. Елагиной и А. П. Зонтаг // В. А. Жуковский. Издание журнала «Русский Библиофил» (Ноябрь—декабрь 1912 год). СПб., 1912. С. 130—133 (всего 3 письма); источником публикации явился кодекс Елагиной, поскольку копий этих писем в кодексе Зонтаг нет.

Грот К. Я. В. А. Жуковский и А. П. Зонтаг: (К сорокалетию со дня смерти А. П. Зонтаг 19 марта 1864 г.). Отдельный оттиск из газеты «Правительственный Вестник», № 96, 100, 105, 119, 133, 134 за 1904 г. СПб., 1904 (всего 29 писем); источник публикации — кодекс Зонтаг;

Уткинский сборник / Под ред. А. Е. Грузинского. М.: Изд. М. В. Беэр, 1904. С. 88—131 (всего 30 писем); источником публикации, скорее всего, явились подлинники писем Жуковского.

Публикации Грота и Уткинского сборника появились практически одновременно: последнее издание увидело свет в промежутке между выходом первой и второй частей статьи Грота «В. А. Жуковский и А. П. Зонтаг» в «Правительственном Вестнике», после чего Грот изменил стратегию своей публикации — в первой части статьи он печатал подряд все письма в хронологическом порядке (всего 16 писем); во второй части — опубликовал только те письма, которые не были напечатаны в Уткинском сборнике (всего 13 писем).

До выхода в свет указанных изданий фрагменты некоторых писем Жуковского к А. П. Зонтаг (всего 5) были опубликованы в очерке П. А. Плетнева «О жизни и сочинениях В. А. Жуковского» (СПб., 1853).

В библиографии писем Жуковского, составленной Х. Эйхштедт (см.: Eichstädt), зафиксировано 29 писем 1810—1840 гг. по публикации Грота; 30 писем по публикации УС; 3 письма по публикации «Русского Библиофила»; 1 письмо по публикации: Голос минувшего, 1919. № 1—4 С. 44 — всего 63 письма, но в реальности их меньше — 52, поскольку 11 писем представлены одновременно и в публикации Грота, и в публикации Уткинского сборника.

¹ Тексту письма в копии Зонтаг предпослано примечание: «К А. П. Юшковой, писанное из Орловской губернии, Болховского уезда, сельца Муратова, принадлежавшего Катерине Афанасьевне Протасовой. Василий Андреевич поехал туда с госпожою Протасовой и ее дочерьми, чтобы надзирать за постройкою дома. До кончины его матери он вместе с нею по большей части живал как в Москве, так и в деревне (селе Мишенском Тульской губернии, Белевского уезда, месте его рождения) в доме Марьи Григорьевны Буниной. В это время Василий Андреевич издавал “Вестник Европы”».

² ... *вы всё пошлите...* — В копии Зонтаг с разночтением: «все-таки вы пошлите».

³ В копии Зонтаг примечание: «Камкин, бывший тогда Белевским почтмейстером». См. о нем: ПССиП. Т. 1. С. 614, примечание к стих <Протасовым> («Друзья! Пройдет два дни...»).

⁴ Мария Григорьевна Бунина.

⁵ ... *да и не косятся...* — В копии Зонтаг с разночтением, искажающим смысл: «да искосятся». Очевидно, имеется в виду постройка нового дома в Муратове.

⁶ ... *однако, если бы принять в разбирательство...* — В копии Зонтаг: «однако если взять в разбирательство».

⁷ *Также прошу Вас доложить ~ разведал о деревне.* — Этот пассаж, представляющий собой типичный пример так называемой «галиматши» Жуковского, относится к проекту Елизаветы Дементьевны (ср. «матушка») материально обеспечить Жуковского приобретением небольшой деревни: фрагмент ее письма, в котором высказано это пожелание и которое является ответом на не дошедшее до нас более раннее письмо Жуковского с сообщением о «разведанной деревне», опубликован Е. П. Горбенко по автографу, хранящемуся в РГБ (ОР РГБ. Ф. 104. Жуковский. Карт. 6. № 42. Л. 1), ср.: «Ты пишешь о деревнишке, правда, мне очень бы хотелось доставить тебе кусок хлеба, хотелось бы, чтобы ты не терпел нужды, но Собакино дорого и для нас невыгодно, а теперь другой деревни нет, однако ж по милости наших благодетелей со временем куплю что-нибудь <...> мне очень бы хотелось доставить тебе маленькое состояние» (цит. по: *Горбенко Е. П.* Письма А. П. Зонтаг в аспектах культурологии и поэтики // *Поэтика русской литературы. Пушкинская эпоха. Серебряный век: Сборник научных статей.* Краснодар, 1999. С. 110). К. Я. Грот предположил, что имеется в виду усадьба в деревне Холх: «Здесь, надо думать, речь идет о покупке Ж<уковский>м небольшого имения близ Муратова, тогда же состоявшейся (на деньги, полученные от Бунина» (Грот. С. 4).

46.

И. В. Лопухину

(С. 72)

Автограф: ОР РГБ. Ф. 104. Карт. 5. № 13. Л. 1—1 об.

Впервые опубликовано: РЛ. 2009. № 3. С. 89. Публикация А. С. Янушкевича.

Печатается по автографу.

Датируется: 24 августа 1809 г.

¹ «Записки» И. В. Лопухина распространялись в списках и были широко известны в обществе. Впервые напечатаны в 1860 г. О. М. Бодянским в «Чтениях Московского общества истории и древностей Российских» и перепечатаны в том же году Вольной типографией в Лондоне с предисловием Искандера (А. И. Герцена). В письме к А. И. Тургеневу от 15 сентября 1809 г. Жуковский так передавал свое впечатление от их чтения: «...прочитав его *Записки*, пожелаешь, чтобы таких людей было поболее, а для себя сочтешь счастьем пользоваться их дружбой. Не читав их, я был как будто в нерешительности, любить ли его или нет, но, прочитав, решил к нему привязаться более и более: рассчитавши всё, доброе и необыкновенно доброе превосходит в нем дурное, и последнее имеет источником также доброе. Впрочем, не всё в его *Записках* мне нравится, и они были бы плодovитою материею для наших с тобою разговоров» (см. наст. изд.). «Нерешительность» Жуковского в оценке Лопухина была во многом обусловлена его безалаберностью в денежных вопросах, что проявилось в долговых обязательствах перед семьей Тургеневых после смерти отца. Ср. в «Старой записной книжке П. А. Вяземского: «Он <Лопухин> был милостив и щедролубив до крайности, именно до крайности. Одною рукою раздавал он милостыню, другою занимал он деньги направо и налево и не платил долгов своих. <...> Вдова Тургенева <Ивана Петровича>, мать известных Тургеневых, долго не могла выручить довольно значительную сумму, которую он занял у нее» (Вяземский. Т. 8. С. 176).

² Рукописный экземпляр «Записок некоторых обстоятельств жизни и службы статского советника, сенатора И. В. Лопухина, сочиненных им самим» (Ч. 1—2. 256 с. — писарский список) хранится в архиве поэта (РГБ. Ф. 104. VIII. 47), с приложением письма Лопухина от 15 июля 1809 г.

³ И. В. Лопухин долгие годы был связан с деятельностью уголовного департамента Сената и поэтому обращение Жуковского к нему по делу тетки Маши Протасовой М. И. Протасовой было целесообразным. Что же касается самого дела, то не исключено, что оно было связано с покупкой белевского дома Жуковского весной 1809 г. Вероятно, существовали какие-то судебные сложности, так как владелицей дома в конечном счете стала сестра Марьи Ивановны — Елена. Об этом см.: *Власов В. А., Назаренко И. И.* «Минувших дней очарованье»... Тула, 1979. С. 132—133.

⁴ Вероятно, имеются в виду пожертвования, сделанные Д. М. и А. М. Голицыными на содержание Голицынской больницы (по завещанию бездетного князя Д. М. Голицына его душеприказчиком был его двоюродный брат, А. М. Голицын, который и должен был исполнить его волю — учредить в Москве больницу). Голицынская больница была открыта в 1802 г. А. М. Голицын, умерший в 1807 г., завещал больнице всё свое имущество, включая ценную коллекцию живописи и имение Пехра-Яковлевское, но его воля была нарушена наследниками.

⁵ Имеется в виду барон И. П. Черкасов, увлекавшийся философией (см. письмо к нему от 29—30 июня 1808 г.).

⁶ Об экземпляре «Записок» для Александра Тургенева Жуковский постоянно говорит в письмах к последнему. Ср.: в письме к А. И. Тургеневу от августа 1809 г.:

«Он <Лопухин> подарил мне экземпляр своих *Записок*; я велел уже для тебя, с его позволения, списывать; когда допишут, получишь» (см. наст. изд.); от 15 сентября 1809 г.: «Записки И<вана> Вол<одимировича> списываются для тебя, но очень медленно; ибо здесь, в православном Белеве, нет переписчиков; но я доставлю их тебе непременно, в этом будь уверен».

⁷ С 1808 г. Жуковский начинает редактировать журнал ВЕ. Уже в первом номере в программном «Письме из уезда к издателю» он сообщает: «Политика в такой земле, где общее мнение покорно деятельной власти правительства, не может иметь особенной привлекательности для умов беззаботных и миролюбивых» (1808. Ч. 37. № 1. С. 8). К заведованию политическим отделом он привлекает историка А. Л. Шлёцера. В связи с его смертью в 1809 г. отдел перешел к М. Т. Каченовскому, а с сентября 1809 г. прекратил свое существование. По мнению Н. П. Колюпанова, «в политике Жуковский оказался невозможным и сам понял это с первого же раза» (Колюпанов Н. П. Биография Александра Ивановича Кошелева: В 2 т. Т. 1. Кн. 1. М., 1889. С. 212). В № 17 «Вестника Европы» за 1809 г., вышедшем 1 сентября, было помещено следующее заявление издателя: «Известия о политических происшествиях по нынешним обстоятельствам, не принадлежащим нашему Вестнику, будут заменяемы другим». В письме к А. И. Тургеневу от 15 сентября 1809 г. читаем: «Я уже отпел панихиду политике и нимало не опечален ее кончиною. Правда, она отымет у моего журнала несколько подписчиков, — но так тому и быть» (см. наст. изд.).

47.

А. И. Тургеневу

(С. 73)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 145. Л. 1. Б. д.
Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 45.
Печатается по автографу.
Датируется: конец августа 1809 г.

Основание для датировки письма — связь его содержания с письмом к И. В. Лопухину от 24 августа 1809 г.

¹ Никаких сведений об этом письме обнаружить не удалось.

² Думается, речь идет о «Конспекте по истории литературы и критики», над которым Жуковский работал в это время. Шесть тетрадок выписок и заметок под заглавием: 1) Эпическая поэма. 2) Лирическая поэзия. 3) Сатира. 4) Драма и театр. 5) Критические замечания. 6) Краткие заметки, имеющие отношение к изящным искусствам, эстетике, риторике и поэзии, — отражают процесс создания общего курса словесности и предисловия к СРС. Подробнее см.: ПССиП. Т. 12. С. 457—467. Примечания О. Б. Лебедевой и А. С. Янушкевича.

³ См. примеч. 2 и 6 к письму Жуковского к И. В. Лопухину от 24 августа 1809 г.

48.

А. И. Тургеневу

(С. 74)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 145. Л. 2—3.

Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 46—53.

Печатается по автографу.

Датируется: 15 сентября 1809 г.

¹ Содержание этого небольшого письма целиком посвящено И. В. Лопухину и передает сложность его финансовых отношений с семейством Тургеневых. Поскольку Жуковский еще возвратится в данном письме к этой проблеме, приводим текст письма А. И. Тургенева полностью:

От Ивана Владимировича я не получал ни одного письма. Сделай милость, пришли мне его Записки. Ты можешь себе легко представить, как это для меня любопытно и важно... Жаль, что он не хочет кончить своих дел... Я не перестаю любить и душевно почитать его; но, говоря от чистого сердца, желал бы, чтобы он кончил дела свои так, как требует справедливость и закон. А для этого нужно ему представить это действию закона и приложить попечение о скорейшем окончании (АбТ. Вып. 2. С. 31 первой пагинации).

² Это письмо Жуковского неизвестно; по всей вероятности, как предполагает автор, оно было потеряно.

³ Вероятно, Жуковский говорит о письме Тургенева от начала мая 1809 г., которое завершается словами: «Вечно твой Тургенев — тобою совсем забытый» (Siegel. № 31. S. 132).

⁴ В ВЕ (1809. Ч. 47. № 17. Сентябрь. С. 78—80) было напечатано следующее заявление издателя:

Известия о политических происшествиях, по нынешним обстоятельствам не принадлежащие нашему Вестнику, будут заменяемы другими. Смеем надеяться, что уведомление о новых изобретениях и открытиях, о выходящих в свет книгах Российских и иностранных, о достопамятных явлениях природы удовлетворят читателей, ищущих не минутного только удовольствия, но и пользы. Журнал наш будет продолжаться по другому плану, о котором читатели узнают в скором времени.

Номер вышел 1 сентября 1809 г., и с этого времени в ВЕ перестал появляться отдел «Политика».

⁵ Имеется в виду объявление от конторы Университетской типографии об издании ВЕ в 1810 г., напечатанное в «Московских ведомостях» (№ 84 за 20 октября 1809 г.; с незначительными изменениями оно было повторено в № 96 от 1 декабря), где, в частности, говорилось: «Г. Каченовский и г. Жуковский будут издателями сего журнала. В последнем номере ВЕ за 1809 г. (Ч. 48. № 24. С. 353—355. От издателей. К. и Ж.) был предложен следующий план: I. *Словесность*. Проза: повести, речи, разговоры и пр. Стихотворения: оды, басни, песни, послания, эпиграммы и пр.

II. *Науки и Искусства*. Отрывки из путешествий, рассуждения о предметах философических, о предметах, принадлежащих к изящным искусствам и вообще к наукам.
 III. *Критика*. Разбор книг Российских и иностранных. Критические рассуждения.
 IV. *Смесь*. Анекдоты. Мысли. Московские записки. Известия внутренние. Известия из иностранных журналов.
 V. *Обозрение происшествий*. Известия о происшествиях политических. Хронологические таблицы происшествий (в конце каждого тома).

⁶ О «Письме к Саратовскому жителю», которое Тургенев предлагал написать Жуковскому, последний писал в письме от конца августа 1809 г. (см. наст. изд.). В историю написания этого ответа был посвящен Николай Тургенев, который 9 (21) сентября 1809 г. писал брату из Гёттингена: «Что касается до книжки le 13 journée и до ответа на письмо Саратовскому помещику, то я желал бы лучше, чтобы кто-нибудь написал ответ на первую. Пусть эти Саратовские помещики занимаются и пишут, хотя и дурно, но по-русски» (АБТ. Вып. 1. С. 375. См. примеч. 34 к этому письму). Однако пока остается неясным, какое именно «Письмо Саратовскому жителю» имеют в виду Жуковский и его корреспонденты.

⁷ В сентябрьских номерах ВЕ (1809. Ч. 47. № 17, 18) Жуковский опубликовал стихотворения «Моя богиня», «На смерть фельдмаршала графа Каменского», «Песню» («Счастлив тот, кому забавы...»). В октябрьском номере (Там же. № 19) — «Счастье (Из Шиллера)». Кроме того, в ноябре 1809 г. там же появилась баллада «Кассандра» (№ 20. Ноябрь). См. подробно: ПССиП. Т. 1, 3.

⁸ «Nonni soit qui mal у pense»* — известный девиз на английском ордене Подвязки.

⁹ Речь идет о СРС, изданном Жуковским (Ч. 1—5. М., 1810—1811).

¹⁰ Подобные мысли будут развиты и в Предисловии к первой части СРС.

¹¹ Речь идет о Странноприимном доме графа Шереметьева в Москве.

¹² СРС вышло в пяти частях. Шестая, дополнительная часть, была издана в Москве, в 1815 г., Д. А. Кавелиным, который под предисловием подписался: «Пожилой любитель отечественной словесности», — хотя издателю на тот момент было всего 27 лет.

¹³ Состав СРС был следующий: в первую часть вошли оды; во вторую — оды, песни и романсы, баллады; в третью — стихотворные повести, басни и сказки; в четвертую — послания, сатиры, элегии, идиллии, дидактические и описательные стихотворения; в пятую — смесь.

¹⁴ Каждая часть СРС была украшена виньеткой. В первой части был помещен портрет Ломоносова, во второй — Державина, в четвертой — Карамзина, в пятой — Богдановича.

¹⁵ Второго издания СРС не последовало.

¹⁶ Тургенев выполнил просьбу друга и, как это явствует из его письма к Державину от 11 апреля 1810 г., в 1810 г. попросил у поэта разрешения напечатать некоторые его оды и представил ему на рассмотрение план СРС: «...еще в прошедшем году Вы удостоили <план Жуковского> своего внимания и одобрения. С тех пор,

---

* Да будет стыдно тому, кто об этом дурно подумает (*франц.*).

м<милостивый> г<осударь>, Вам сделались известны и намерение издателя, и число, и самое расположение пьес <...>. Вы, м<милостивый> г<осударь>, одобрили намерение г-на Жуковского и самый план его» (Державин. Т. 6. С. 211). Державин дал разрешение, и его стихотворения (всего 29) были опубликованы в первых двух частях СРС. Во второй части был помещен и его портрет. Однако в 3—5 частях сочинения Державина отсутствовали из-за его претензий к издателю. См. письмо к А. И. Тургеневу от 27 марта 1811 г.

¹⁷ В СРС было опубликовано всего 2 стихотворения Д. И. Фонвизина: басня «Лисица-кознодей» и «Послание к слугам моим, Шумилову, Ваньке и Петрушке».

¹⁸ Это письмо Тургенева неизвестно в печати и нет никаких свидетельств о замысле «подобного собрания».

¹⁹ Отношение Жуковского к Востокову не претерпело существенного изменения в последующие годы. В «Конспекте по истории русской литературы», написанном в конце 1826-го — начале 1827 г. для зарубежного читателя, он дал ему следующую характеристику: «Настоящий поэтический талант. Много мыслей, пламенность слога, воображение, но язык мало отшлифованный» (ПССиП. Т. 12. С. 367. Подлинник на франц. яз.).

²⁰ Вероятно, статья Жуковского о поэзии Востокова не была написана, так как отсутствует в ВЕ и других изданиях. Что касается статьи по поводу первой части собрания стихотворений Востокова «Опыты лирические и другие мелкие сочинения в стихах» (СПб., 1805—1806), то она была помещена в ВЕ (1806. Ч. 25. № 1. С. 32—42) без подписи. Составители «Сводного каталога сериальных изданий России (1811—1825)». Т. 1. СПб., 1997. С. 233, опираясь на указание М. Г. Альтшуллера (Поэты 1790—1810 годов. Л., 1971. С. 881), приписывают ее П. Ю. Львову, но слова Жуковского вносят коррективы в эту атрибуцию, удостоверяя авторство Каченовского.

²¹ См. примеч. 1. В письме к Жуковскому от 14 декабря 1809 г. Тургенев подробно говорит о «Записках» И. В. Лопухина и раскрывает свой взгляд на ситуацию (АБТ. Вып. 2. С. 497—498), но никакого его отклика на письмо Жуковского от 15 сентября не обнаружено.

²² Имеется в виду бюст отца — И. П. Тургенева.

²³ Этот журнал Андрея Тургенева был неизвестен. В примечании к этой просьбе Жуковского П. Бартнев заметил: «Этот журнал найдется разве во Франции в бумагах Н. И. Тургенева» (ПЖТ. С. 51. Примеч. 18). Х. Зигель предполагает, что речь идет о дневнике Андрея Тургенева «aus seiner Wiener Zeit» (его венского периода — нем.; Siegel. № 34. S. 139). Публикацию фрагмента дневника Андрея Тургенева петербургского периода (1801—1802) см.: Из дневника Андрея Ивановича Тургенева / Публ. и коммент. М. Н. Виролайнен // Восток—Запад: Исследования. Переводы. Публикации. Вып. 4. М., 1989. С. 100—140.

²⁴ Трагедия В. А. Озерова была представлена первый раз 14 мая 1809 г. в Петербурге, но не имела такого успеха, как ранее «Эдип в Афинах» и «Фингал». Печатное издание «Поликсены» вышло в том же 1809 г.

²⁵ Имеется в виду статья по поводу представления «Поликсены» (Цветник. 1809. № 5. С. 255—272). Подробнее см.: ПЖТ. С. 51. Примеч. 20.

²⁶ В упоминавшемся выше «Конспекте по истории русской литературы» (см. примеч. 19) почти через 20 лет Жуковский дал следующую характеристику драматургу:

По времени, в которое выходили в свет его сочинения, он принадлежал к следующему периоду, но по своему языку он связан с этим. Он написал несколько трагедий. Форма в них французская. Язык не отличается ни изяществом, ни чистотой. Но много силы в выражении. Много правды в изображении чувства. Несколько поистине трагических сцен. Несколько хорошо задуманных и выдержанных характеров (ПССиП. Т. 12. С. 362).

²⁷ Речь идет о трагедии Озерова «Фингал», разрабатывающей оссиановский сюжет и появившейся в 1805 г.

²⁸ Цитата из комедии французских писателей Шарля Огюстена Севрена и Андре Рене де Шаза «Бедный Жак» (*Pauvre Jacques, comédie en trois actes et en prose, mêlée de vaudevilles. Par Mm. Sewrinet et Chazet. À Paris, 1807. P. 46; acte III, scène VI*). Она предпослана этому изданию как эпиграф в несколько ином варианте:

Pauvre Jacques, quand j'étais près de toi,
Je ne sentais pas ma misère!*

Не исключено, что Жуковский цитировал текст по памяти или по другому изданию. Возможно, этот популярный водевиль он видел на французской сцене в Москве, хотя сведений о его постановке обнаружить не удалось. Х. Зигель источником этой цитаты считает роман Дидро «Жак-фаталист» (Siegel. № 34. S. 140. Примеч. 22).

²⁹ Первое издание «Дон Кишота» (перевода с французской переделки Флориана романа Сервантеса) вышло в Москве в 1804—1806 г. в шести томах.

³⁰ Так в подлиннике.

³¹ Второе издание «Дон Кишота» появилось в 1815 г. Подробнее см.: ПССиП. Т. 8. С. 467—469.

³² Имеется в виду Анна Петровна Бунина, популярная поэтесса, дальняя родственница Жуковского по бунинской линии. Об этом говорил И. А. Бунин в «Автобиографической заметке»: «О роде Буниных я кое-что знаю. Род этот дал замечательную женщину прошлого века, поэтессу А. П. Бунину и поэта В. А. Жуковского (незаконного сына А. И. Бунина)...» (Бунин И. А. Собр. соч.: В 9 т. Т. 9. М., 1967. С. 253). См. также: Власов В. Дворянская усадьба Бунино. Орел, 2006. С. 5. «Примеры» стихотворений Буниной, вероятно, нужны были Жуковскому для СРС, в котором напечатаны 4 стихотворения Буниной: «Философия бабочки» (Ч. 3. М., 1811. С. 223—226), «Циклоп. Из Теокрита» (Ч. 4. М., 1811. С. 133—138), «Юному Поллуксу. Перевод» (Ч. 5. М., 1811. С. 72—75), «Тем, которые предлагали мне писать гимны» (Ч. 5. М., 1811. С. 230—231).

³³ О каком произведении идет речь, установить не удалось.

---

* Бедный Жак, когда я был подле тебя,
Я не чувствовал свою нищету! (франц.).

³⁴ Сочинение генерал-адъютанта князя П. Г. Гагарина «Les treize journées ou la Finlande» («Тринадцать дней, или Финляндия»). В нем повествуется о путешествии императора Александра I в 1809 г. в Финляндию для присутствия на Боргоском сейме. Гагарин находился в его свите. В этом же году книга вышла в Москве на русском языке без означения имени автора. О ней говорит в своем письме Николай Тургенев (см. примеч. 6) и считает именно ее, а не «Письмо Саратовского помещика» объектом ответа. Возможно, этим пожеланием брата А. И. Тургенева и вызван интерес Жуковского к данному сочинению.

³⁵ Жуковский вернулся из Белева в Москву не позже конца октября: во втором ноябрьском номере ВЕ в рубрике «Московские записки» была напечатана его театральная рецензия, посвященная гастролям французской актрисы Жорж (Маргерит Жозефин Веймер), начало которой свидетельствует о том, что Жуковский в первых числах ноября присутствовал на премьере трагедии «Федра»: «Ноября 4-го видели мы на московском театре в первый раз славную девицу *Жорж Веймер* в роли Расиновой *Федры*; 14 ноября та же трагедия представлена была в другой раз» (ВЕ. 1809. Ч. 48. № 22. С. 156. См. также ПССиП. Т 12. С. 259, 480. Комментарий О. Б. Лебедевой).

³⁶ Имеется в виду младший брат А. И. Тургенева, С. И. Тургенев.

³⁷ Н. И. Тургенев, находившийся в Гёттингене.

³⁸ Имеется в виду А. С. Кайсаров.

³⁹ Петр Петрович Тургенев — дядя братьев Тургеневых, брат их отца.

⁴⁰ Ср.: «Есть уже, к чему пристать вляявшимся в море житейских сует и соблазнов» (из «Слова в неделю сыропустную» // *Иннокентий (Борисов), свт.* Великий пост. Минск, 2001. С. 17—20). Вляявшимся, т. е. скитающимся.

49.

А. И. Тургеневу

(С. 78)

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 309. № 124 (старый шифр). Л. 343 об.

Впервые опубликовано: РС. 1901. Т. 106. Апрель—июнь. С. 126—127.

Печатается по автографу.

Датируется: 2 декабря 1809 г.

Текст письма представляет приписку Жуковского к письму С. М. Соковнина к А. И. Тургеневу с датой: «Москва, 1809 года декабря 2-го дня». Сергей Михайлович Соковнин, друг и однокашник Жуковского по Московскому университетскому благородному пансиону, приятель братьев Тургеневых. Во время своих приездов в Москву в 1809 и 1810 гг. Жуковский жил у Соковнина (см.: РА. 1900. Сентябрь. С. 9; см. также письмо Жуковского к А. И. Тургеневу от 4 декабря 1810 г. в наст. изд.).

¹ Этого письма нет в известных публикациях. Так, в ПЖТ письмо ХХ помечено 15-м сентября 1809 г., а письмо ХХI относится уже к апрелю 1810 г.

² Вероятно, речь идет о князе П. Г. Гагарине, сочинением которого «Les treize journées ou la Finlande» Жуковский заинтересовался: см. примеч. 34 к письму к А. И. Тургеневу от 15 сентября 1809 г. Как явствует из письма Тургенева к Жуковскому от 12 октября 1809 г. (РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1. № 115. Л. 95), Тургенев послал Жуковскому это сочинение.

³ Сочинение известного немецкого богослова и педагога Августа Германа Нимейера «Grundsätze der Erziehung und des Unterrichts für Eltern, Hauslehrer und Schulmänner» вышло 5-м изданием, в трех частях, в Галле в 1806 г. В библиотеке Жуковского сохранилось издание этого сочинения 1810 г., с обилием записей и рисунков в первых двух частях (Описание. № 1750). Есть все основания предполагать, что именно это издание он получил от Тургенева. Сам Тургенев называл Нимейера «знаменитым галльским педагогом <...>, автором истории воспитания» (Тургенев. С. 169). Еще в «Росписи во всяком роде лучших книг и сочинений...» (1805) в разделе XII «Воспитание» Жуковский называет «Niemeyers Erziehungsschriften» и «Niemeyers Handbuch der praktischen Erziehung» (Резанов. Вып. 2. С. 245). Во время первого заграничного путешествия 8 (20) апреля 1821 г. Жуковский встретился с Нимейером на обеде у прусского короля (ПССиП. Т. 13. С. 164).

50.

А. А. Перовскому

(С. 79)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1. № 53. Л. 1. Б. д.

Публикуется впервые.

Датируется: около 20—25 января 1810 г.

Датируется по связи с письмом Вяземскому от 20—25 января 1810 г. и на основании дат писем Перовского к Вяземскому (см. примеч. 1).

¹ Упоминаемое Жуковским письмо адресовано П. А. Вяземскому (см. следующее письмо). В 1809—1810 гг. Перовский вместе с ним принимал участие в инспекции Пермской, Казанской, Нижегородской и Владимирской губерний под руководством П. А. Обрескова. В январе 1810 г. Перовский был командирован в Москву и привез Жуковскому письмо от Вяземского. В письме к Вяземскому от 19 января Перовский сообщает, что «Жуковского еще не видал», а 26 января уже пересылает ему в Казань полученное от Жуковского письмо (см.: *Погорельский А. Сочинения. Письма* / Изд. подгот. М. А. Турьян. СПб., 2010. С. 383—384).

51.

П. А. Вяземскому

(С. 79)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1909. Л. 6—6 об. Б. д.

Публикуется впервые.

Датируется: 20—25 января 1810 г.

Основание датировки: это ответ на неизвестное нам письмо Вяземского, которое в Москву доставил А. А. Перовский и передал Жуковскому после 19 января, а 26 января Перовский уже переслал адресату данное письмо (см.: *Погорельский А. Сочинения. Письма*. СПб., 2010. С. 383—385).

¹ Имеется в виду Е. А. Карамзина.

² См. примеч. 1 к письму к А. А. Перовскому от 20—25 января 1810 г.

³ Речь идет о смерти 3 января княгини Екатерины Андреевны Щербатовой, сестры Вяземского, с которой он с детства был очень дружен; спустя 30 лет А. И. Тургенев вспоминал, как он в 1800-е гг. «чуть не влюбился» в Е. А. Вяземскую, «которая оставила во мне неизгладимое впечатление» (ОА. Т. 3. С. 352—353). 14 апреля 1809 г. она вышла замуж за генерал-майора князя Алексея Григорьевича Щербатова, приехавшего в отпуск в Москву. Княжна «была не красавица, но всё в ней было приятно и даже очаровательно; ум имела превосходный, украшенный отличными познаниями и талантами, — вспоминал Щербатов. — <...> Она, после смерти отца и матери, жила вместе с Карамзинными; всякий вечер собиралось к ним отличнейшее общество людей умных и приятных. Таковому обществу, в котором выросла, обязана, может быть, была она тому развитию ума и любезности, которые столь отличали ее от прочих молодых девиц; итак, в короткое время я страстно пленился ею» (*Щербатов А. Г. Мои воспоминания*. СПб., 2006. С. 63—64). Проведя полгода в полку, молодые к Рождеству вернулись в Москву, где беременная Е. А. Щербатова внезапно скончалась от горячки (Там же. С. 66—67); погребена рядом с отцом на кладбище Новодевичьего монастыря. Свою скорбь А. Г. Щербатов (спустя две недели он потерял и отца) выразил в письме Вяземскому 25 января (см.: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 3095; было отправлено вместе с данным письмом Жуковского). При доработке «Певца во стане русских воинов» в 1813 г. Жуковский ввел в текст строфу о Щербатове, которого в сражении окрыляет память этой утраты.

⁴ «Жуковский никак не хотел решиться ехать», — сообщал А. Перовский (*Погорельский А. Указ. соч.* С. 384); Вяземский обиделся и вспоминал этот отказ Жуковскому в письме от 9 марта 1812 г.: «Я умирал, потом женился, и в обе сии важные для меня эпохи живо чувствовал потребность повидаться с тобою, умолял тебя приехать, но пустые отговорки были ответом твоим на голос дружбы» (РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 2. № 20. Л. 16).

⁵ Соредактор Жуковского по ВЕ М. Т. Каченовский был адъюнктом Московского университета и одновременно правителем канцелярии попечителя Московского учебного округа гр. А. К. Разумовского, вопрос о назначении которого

министром просвещения был решен в ходе пребывания Александра I в декабре 1809 г. в Москве. Но указ был подписан только 11 апреля, и сборы Разумовского в Петербург затянулись (см.: *Васильчиков А. А. Семейство Разумовских: В 5 т. Т. 2. СПб., 1880. С. 66*).

⁶ Эти стихи с незначительными разночтениями были опубликованы в ВЕ (1810. Ч. 49. № 3. Февраль. С. 189—190) под заглавием «На смерть семнадцатилетней Эрминии. (Подражание)». Вероятно, они были посвящены кончине 17-летней танцовщицы Санкт-Петербургского Императорского театра Марии Даниловой. См.: ПССиП. Т. 1. С. 543—544. Комментарий А. С. Янушкевича.

52.

П. А. Вяземскому

(С. 81)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1909. Л. 7. Б. г.

Публикуется впервые.

Датируется: 1 февраля 1810 г.

Год определяется по связи с письмом к Вяземскому от 20—25 января 1810 г. и упоминанию о болезни матери А. А. Перовского (см. примеч. 5).

¹ Спустя два месяца (см. письмо к А. И. Тургеневу от начала апреля 1810 г.) Жуковский сообщал, что его планируемый переезд в Петербург откладывается до 1811 г.

² 3 марта 1810 г. Карамзин писал И. И. Дмитриеву о том, что он всё еще слаб после болезни (Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 125).

³ Сергей Сергеевич Кушников, сенатор, с 1808 г. председательствовал в Яссах в диванах (господарском совете) Молдавии и Валахии, к февралю 1810 г. вернулся в Москву. Переезд в дом Кушникова (на Никитской ул., сгорел в 1812 г.) из-за болезни Карамзина задержался до начала марта и был связан с продажей отцовского дома Вяземского в Колымажном дворе (необходимо было выплачивать карточные долги П. А. Вяземского).

³ Переход ВЕ в руки М. Т. Каченовского фактически состоялся летом 1810 г. (Жуковский стал получать за подготовленные им для текущих номеров материалы фиксированную плату); обсуждение условий этого «развода», с взаимными обвинениями, см. в осенней переписке соредкторов (Ежегодник РО ПД на 1979 г. Л., 1981. С. 89—105). С 1811 г. Каченовский стал единоличным издателем ВЕ.

⁴ Приехав в Пермь, Вяземский сообщал 16 сентября 1809 г. Жуковскому, что познакомился с очаровательной женой отставного генерала А. С. Певцова, дочерью генерал-губернатора Карла Модераха Софьей («возрадуйся, счастливый питомец Муз, прекрасные глаза Пермянки обращаются на листы твоего Вестника, вздохи вылетают из сердца ее при печальных песнях Музы твоей, смеется иногда вместе с нею, — увы! может, подчас, с нею и зевает»); написать «прекрасной пермячке» он призывал Жуковского и 4 ноября (РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 2. № 21. Л. 60—60 об.; № 20.

Л. 10). Вяземский увлекся С. К. Певцовой, предлагал ей развестись и выйти за него замуж (см. его воспоминания об этой истории: Вяземский. Т. 8. С. 410—411). Ей посвящен его мадригал «Кто скажет, что к Перми судьба была сурова?...» и пространное эпистолярное объяснение (по позднейшей характеристике, «мое первое любовное письмо»: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1341а).

⁵ См. о болезни матери и других родственников А. А. Перовского в его письме Вяземскому от 26 января 1810 г. (*Погорельский А. Сочинения. Письма.* СПб., 2010. С. 384). В феврале Перовский вернулся в состав инспекции П. А. Обрескова, присоединившись к Вяземскому во Владимире.

53.

И. И. Дмитриеву

(С. 82)

Автограф неизвестен.

Копия: РНБ. Оп. 2. № 99. Л. 1—2 — рукою А. И. Тургенева.

Впервые опубликовано: РА. 1900. № 9. С. 8—10.

Печатается по копии.

Датируется: 10 марта 1810 г.

Это самое раннее из известных писем Жуковского к Дмитриеву; письма до 1810 г. не обнаружены, хотя знакомство поэтов относится к концу 1801 г.

¹ Имеется в виду третье издание «Сочинений Дмитриева» (М., 1810. Ч. 1—3), вышедшее в сентябре 1810 г.

² 1 января 1810 г. Дмитриев был назначен членом Государственного совета и министром юстиции. Это звание было ему пожаловано императором Александром I 6 января 1810 г.

³ Жуковский вспоминает дом И. И. Дмитриева, который находился у Харитония в Огородниках и сгорел во время московского пожара 1812 г. Этот дом и прилегавший к нему сад поэт воспел в стихотворном послании «К Ив. Ив. Дмитриеву» 1813 г.

⁴ Отзвуки этих слов слышны в упомянутом выше послании 1813 г. Ср.:

Пожар не пощадил
Ни доброго Сократа,
Которому грозил
Амур в тени акаций,
Ни скромной урны граций,
Ни тесной люльки той,
Где эгоист спокойный,
Под тенью в полдень знойный,
С подругою-мечтой
Делил уединенье!..

(ПССиП. Т. 1. С. 262).

⁵ Речь идет о болезни Н. М. Карамзина. В письме к Дмитриеву от 3 марта 1810 г. историограф сообщал о своем выздоровлении следующее: «Собираюсь с силами, ем и сплю как здоровый, однако ж нахожу себя еще слабым для постоянной головной работы, и только слегка занимаюсь своим обыкновенным делом...» (Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 125).

⁶ Идеи швейцарского педагога Иоганна Генриха Песталоцци волновали Жуковского на протяжении всей жизни. В период редактирования ВЕ он публикует статью «Фелленберг и Песталоцци» (ВЕ. 1808. № 23. С. 185—197), излагает суть его метода обучения (ВЕ. 1810. № 1. С. 290—309). Подробнее см.: ПССиП. Т. 13. С. 522. Примеч. 175).

⁷ Первая часть «Сочинений Дмитриева» (см. примеч. 1) вышла в начале марта (не позже 10-го) 1810 г.

⁸ Товарищ Жуковского по Московскому университетскому Благородному пансиону Сергей Михайлович Соковнин. См. вступительное примеч. к письму к А. И. Тургеневу от 2 декабря 1809 г.

⁹ Издатель Платон Петрович Бекетов был родственником И. И. Дмитриева. В библиотеке МГУ хранится экземпляр «Сочинений Дмитриева» с дарственной надписью: «Любезному брату Платону Петровичу от автора. 1810-го сентября 23-го С. П. б. Хоть и не взял печатать, но я великодушен» (Сводный каталог русской книги. 1801—1825. Т. 1. № 2393. М., 2000.).

¹⁰ Имеется в виду Д. П. Северин, в то время служивший в Министерстве юстиции под начальством Дмитриева, который называл его своим «пюпилем» (от фр. *pupille* — воспитанник). Северин сделал карьеру, а также вошел в дружественный круг выдающихся литераторов своего времени благодаря покровительству И. И. Дмитриева.

¹¹ Эррата — от лат. *errata* — ошибка. В издательской практике — список исправлений при подготовке книги к печати, который печатался в конце сочинения. К каждой из частей «Сочинений Дмитриева» был приложен подобный список, что свидетельствует о тщательности корректорской работы Жуковского.

¹² Речь идет об оде «К Помпею Гросфу» (*Гораций*. Оды. Эподы. Сатиры. Послания. Кн. II: Оды. Ода 16. М., 1970.). Дмитриев прислушался к мнению Жуковского и в последующих изданиях текст печатал в его редакции. См.: Сочинения Дмитриева. М., 1810. Ч. 1. С. 44.

54.

А. И. Тургеневу

(С. 84)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 145. Л. 4. Б. д. — с пометой неизвестного лица сверху листа: март—апрель 1810.

Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 53—54.

Печатается по автографу.

Датируется: начало апреля 1810 г.

Основание датировки — письмо Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву от 10 апреля 1810 г. с просьбой о Копецком (см. примеч. 1), о котором упоминается в тексте.

¹ Сведений о Копецком обнаружить не удалось. В «Словаре псевдонимов» И. Ф. Масанова (Т. 4. С. 243) упоминается поэт начала XIX в. Александр Копецкий, печатавшийся под псевдонимами: Кпцк А., Кпцк Ал., Кпцк Алксндр., но его связь с упоминаемым в письме лицом ничем не подтверждается.

² О Баккаревиче см. примеч. 4 к письму к Д. Н. Блудову от 21 января 1804 г.

³ Имеется в виду высокий правительственный пост Дмитриева. См. примеч. 2 к предыдущему письму.

⁴ Н. М. Карамзин исполнил просьбу Жуковского и Тургенева, написав в письме к И. И. Дмитриеву от 10 апреля 1810 г.: «Недавно я узнал одного молодого человека, именем Копецкого, служившего в Таганроге, при Кампенгаузене. Он очень неглуп, хорошо учился и пишет складно. Не можешь ли употребить его с пользою? Он просил у меня одобрительной записки к тебе, с которою, думаю, и явится к вашему превосходительству. Тургенев также весьма хороших об нем мыслей. А вам, министрам, люди надобны» (Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 127).

⁵ О службе Северина под начальством Дмитриева см. примеч. 10 к предыдущему письму.

⁶ Источник этих стихов не установлен.

⁷ По мнению Х. Зигеля, источником образа «Афинских вечеров» является рассказ Карамзина «Афинская жизнь» (1795). См.: Siegel. № 35. S. 144. Примеч. 5.

55.

К. Н. Батюшкову

(С. 85)

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 19. № 33. Л. 1.

Впервые опубликовано: Ежегодник РО ПД на 1980 г. Л., 1984. С. 83. Публикация Р. В. Иезуитовой.

Печатается по автографу.

Датируется: 7 мая 1810 г.

Число определяется по приписке П. А. Вяземского: «Князь Вяземский 7-го числа <---> в гостинной».

¹ О каком именно сочинении, названном Жуковским «пилигримами», идет речь, установить не удалось. По предположению Р. В. Иезуитовой, под «пилигримами», возможно, имеется в виду сочинение: *Lasausse J.-B. (abbé). Les Pélerins ou Voyage allegorique á Jerusalem. Falaise, 1807*, отрывки из которого в переводе Батюшкова Жуковский собирался поместить в ВЕ. В ВЕ. 1810. Ч. 52. № 13. Июль. С. 67 опубликована подборка афоризмов под заглавием «Мысли» с подписью «Б...» <Батюшков>. Вероятно, это и есть выборка из «пилигримов».

² Возможно, имеется в виду заседание Общества истории и древностей российских при Московском университете, членом которого состоял Н. М. Карамзин.

56.

П. А. Вяземскому

(С. 85)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1909. Л. 65. Б. д.

Публикуется впервые.

Датируется: около 1 июля 1810 г.

Датировка основана на предположении, что письмо написано по возвращении в Москву после пребывания в Остафьево, где Жуковский и К. Н. Батюшков гостили у Вяземского и Карамзиных в июне 1810 г. Вероятно, упоминаемый в письме «понедельник» — 4 июля.

¹ О пребывании Жуковского в Остафьево см. письмо П. А. Вяземского к К. Н. Батюшкову от июня 1810 г.: *Вяземский П. А. Письма к К. Н. Батюшкову / Публ. В. А. Кошелева // Литературный архив: Материалы по истории литературы и общественной мысли.* СПб.: Наука, 1994. С. 119—121. Здесь же опубликовано шутивное стихотворное послание В. А. Жуковского к К. Н. Батюшкову, не учтенное в ПССиП. Т. 1:

Так, мой друг, всегда пердится,
Лишь на память ты придешь!
Лишь в душе возобновится,
Как ты смотришь, ходишь, врешь,
Как пускаешь ртом и носом
Ты густой табачный дым,
Как тебя молокососом,
Скоморохом площадным
И парнасскою козявкой
Величал Парнасский Князь!
Приезжай, иль, рассердясь,
Заколю тебя булавкой!

² О том, что Жуковский съехал с квартиры при Благородном пансионе, Д. П. Северин извещал Вяземского 10 октября 1809 г.: «Он переехал и живет в прекрасном домике, на конце Пречистенки вместе с молодым Соковниным. Он намерен нынешней зимой завести у себя маленькие приятельские литературные собрания» (РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 2727. Л. 2). Соковнин — возможно, не Сергей, а его младший брат; см.: Ж. и русская культура. С. 373.

³ Измененная цитата из стихотворения И. И. Дмитриева «Карикатура» (1791), ср. у Дмитриева:

Лубки прибиты к окнам
И на дверях запор;
Всё тихо — лишь на кровле
Мяучит тощий кот.

Стихотворение «Карикатура» Жуковский включил в СРС (Ч. 2. М., 1810. С. 282—285).

⁴ Дети Карамзиных: Софья (от первого брака Н. М. Карамзина с Е. И. Протасовой); Екатерина и Андрей «первый». Старшая дочь от второго брака Наталья (1804—1810) умерла 5 мая.

⁵ Имеется в виду отъезд Жуковского в Белев.

57.

П. А. Вяземскому

(С. 86)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1909. Л. 5.

Публикуется впервые.

Датируется: 3 июля 1810 г.

В авторской дате в обозначении месяца описки Жуковского: письмо написано им перед отъездом в июле в Мишенское и Муратово. Без оговорок 3-м июля датирована цитата из этого письма, опубликованная О. А. Проскуриным в: Арзамас-2. Кн. 1. С. 157.

¹ В большом некрологическом обзоре М. И. Невзорова «Живописные и философские отрывки из сочинений г. Боброва» (Друг юношества. 1810. Июнь. С. 62—162) с негодованием приводились две эпиграммы Вяземского на покойного С. С. Боброва, опубликованные в ВЕ (1810. № 11. С. 210). См. об «антибобровской» кампании 1810 г.: *Проскурин О.* Литературные скандалы пушкинской эпохи. М., 2000.

58.

А. И. Тургеневу

(С. 86)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 145. Л. 5.

Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 54—56.

Печатается по автографу.

Датируется: 11 июля 1810 г.

¹ Имеется в виду труд немецкого историка Людвиг Альбрехта Гебгарди «Geschichte aller wendisch-slavischen Staaten. Vom I. Jahrhundert bis zum Jahre 1797». 4 Bände. (Halle, 1790—1797). В «Истории государства Российского» (Т. 1) Н. М. Карамзин постоянно обращается к этому сочинению.

² Речь идет о сочинении немецкого историка Андреаса Готтлиба Маша «Die gottesdienstlichen Alterthümer der Obodriten, aus dem Tempel zu Rethra am Tollenzer See» (Leipzig, 1771). Ссылки на этот труд присутствуют в примечаниях к «Истории...» Карамзина.

³ Ханс Эрих Тунман, шведский историк и археолог, автор «Untersuchung über die alte Geschichte einiger nordischen Völker. Mit einer Vorrede von Ant. Fr. Büsching» (Berlin, 1772) и «Untersuchungen über die Geschichte der östlichen europäischen Völker» (Leipzig, 1774). Карамзин постоянно опирается на его суждения о северных и западных народах Европы.

⁴ М. Д. Костогоров занимал в это время должность секретаря при президенте Медико-хирургической академии.

⁵ Ефрем Осипович Мухин, знаменитый врач, впоследствии профессор патологии и терапии, а затем анатомии и физиологии в Московском отделении Медико-хирургической академии.

⁶ Московская Медико-хирургическая академия, учрежденная в 1799 г., была присоединена в 1804 г. к такой же Петербургской академии. В 1808 г. снова была открыта как Московское отделение Медико-хирургической академии. См.: *Прозоров Г. М.* Академические акты: Материалы для истории Императорской Санкт-Петербургской медико-хирургической академии, в память 50-летия ее собранные. СПб., 1850. С. 61—64.

⁷ Вероятно, имеется в виду Яков Васильевич Виллие, президент Медико-хирургической академии в 1808—1838 гг., с 1799 г. лейб-хирург императоров Павла I, Александра I и Николая I, у которого и служил Костогоров.

⁸ Х. Зигель высказывает предположение, что часть писем Ан. И. и Ал. И. Тургеневых сгорела в Белевском пожаре (Siegel. № 47. S. 146. Примеч. 8).

⁹ В конце июня или начале июля 1810 г. Сергей Тургенев уехал в Гёттинген, где учился до зимнего семестра 1812 г.

59.

А. И. Тургеневу

(С. 87)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 145. Л. 6. Б. д.

Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 56—57.

Печатается по автографу.

Датируется: август 1810 г.

Основание датировки: благодарность за книги, о присылке которых Жуковский просил Тургенева в письме от 11 июля 1810 г. По свидетельству самого Жуковского в письме к А. И. Тургеневу от 4 ноября 1810 г., почта между Петербургом и Белевым ходила 10 дней, ср.: «Не забудь, что я в деревне, что письма в Петербург ходят отсюда ровно десять дней и что с оборотом должно это составить двадцать дней»; следовательно, данное письмо не могло быть написано ранее середины августа.

¹ Это письмо не обнаружено.

² Имеется в виду труд А. Л. Шлёцера «*Kritische Sammlungen zur Geschichte der Deutschen in Siebenbürgen*». 3 Stücke. (Göttingen, 1795—1797). Просьбу о присылке этого сочинения Жуковский повторяет в письме к А. И. Тургеневу от 12 сентября 1810 г.

³ Неизвестно, какие книги просил Жуковский, так как его письмо, написанное между письмом от 11 июля и настоящим, утеряно, но вполне вероятно, что он повторяет свою просьбу, изложенную в предыдущем письме.

⁴ Речь идет о задуманной поэме «Владимир». Подробнее см.: ПССиП. Т. 4. С. 365—370, 609—621.

⁵ Вероятно, Жуковский здесь просит об Иване Никифоровиче Гриневе, уездном учителе в Белеве. В 1810—1811 гг. он давал уроки сестрам Марии и Александре Протасовым. Впоследствии был управителем в Долбине у А. П. Елагинной.

⁶ В ВЕ (1808. Ч. 42. № 23. С. 234—237) были напечатаны под заглавием «О пребывании двух императоров в Эрфурте (Записки очевидца)» отрывки из писем Н. И. Тургенева от 27-го и 30-го сентября 1808 г. О более поздних публикациях сведений обнаружить не удалось.

⁷ Имеется в виду сочинение С. С. Уварова «*Projet d'une Académie Asiatique*», вышедшее на французском языке отдельной брошюрой в Петербурге в 1810 г. Русский перевод, сделанный Жуковским, под заглавием «Мысли о заведении в России Академии азиатской» появился в ВЕ (1811. Ч. 55. № 1. С. 27—52; № 2. С. 96—114). На с. 27 в подстрочном примечании отзыв Жуковского о книге. На с. 112—114 — примечания Жуковского.

⁸ Сочинение Шлёцера «*Allgemeine Geschichte von dem Norden*» (Halle, 1771) сохранилось в библиотеке Жуковского с многочисленными пометами и записями (Описание. № 2058). Подробнее см.: *Канунова Ф. З. Русская история в чтении и исследованиях В. А. Жуковского // БЖ. Ч. 1. С. 423—427.*

⁹ Речь идет о «Славянских хрониках» немецкого миссионера и хрониста XII в. Гельмольда из Гольштейна: *Helmoldi presbyteri Chronica Slavorum... Lübeck, 1702.* На это сочинение опирается в своей «Истории...» Карамзин, говоря о нравах и обычаях древних славян.

¹⁰ См. примеч. 1 к письму к А. И. Тургеневу от 11 июля 1810 г.

60.

А. И. Тургеневу

(С. 88)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 145. Л. 7—8.

Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 57—65.

Печатается по автографу.

Датируется: 12 сентября 1810 г.

¹ Здесь и далее Жуковский называет Тургенева именем известного швейцарского историка Иоганна Миллера, сравнивая себя с его адресатом — Карлом Виктором

Бонстеттенем. Это наименование Тургенева связано с благодарностью за присылку сочинений Миллера, с интересом друга к историческим занятиям Жуковского. А сама переписка Миллера и Бонстеттена (*Müller J. Briefe eines jungen Gelehrten an seinen Freund. Tübingen, 1802*), к переводу которой приступил Жуковский, стала для него символом подлинной дружбы.

² Имеется в виду публикация «Несколько писем Иоанна Миллера, историка Швейцарии, к Карлу Бонстеттену, другу его» на страницах ВЕ (1810. Ч. 52. № 16. С. 236—285; 1811. Ч. 56. № 6. С. 83—100. См. подробно: ПССиП. Т. 11/2 С. 677, 641. Комментарий Ф. З. Кунуновой, И. А. Айзиковой). Жуковский перевел из указанного выше собрания (примеч. 1) десять писем (№ 1, 6, 8, 9, 12, 17, 36, 44, 49, 51).

³ Речь идет о плане поэмы «Владимир». См. примеч. 4 к письму к А. И. Тургеневу от августа 1810 г.

⁴ Просьба прислать сочинение А. Л. Шлёцера «*Kritische Sammlungen zur Geschichte der Deutschen in Siebenbürgen*» содержится в письме к А. И. Тургеневу от августа 1810 г. См. примеч. 2 к этому письму.

⁵ В Муратове, имени Е. А. Протасовой.

⁶ Вероятно, Жуковский имеет в виду сомнения Шлёцера, высказанные по поводу появления в свет первого издания «Слова о полку Игореве». Позднее Шлёцер уже не сомневался в подлинности памятника и в своем историческом труде «Нестор» писал, «что это творение в поэтической прозе есть древнее и даже подлинное, теперь я более не сомневаюсь» (*Шлёцер А. Л. Нестор. Ч. 1. СПб., 1809. С. 384*). Подробнее см.: Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 т. Т. 5. СПб., 1995. С. 240—241 (статья Ю. К. Бегунова).

⁷ Первое издание «Слова», подготовленное А. И. Мусиным-Пушкиным в сотрудничестве с А. Ф. Малиновским и Н. И. Бантыш-Каменским, вышло в Москве в 1800 г. под заглавием: «Ироическая песнь о походе на половцев удельного князя Новагорода-Северскаго Игоря Святославича: Писанная старинным русским языком в исходе XII столетия: С переложением на употребляемое ныне наречие». Экземпляр этого издания имелся в библиотеке Жуковского со следующей дарственной надписью: «Песнь древнего барда новому трубадуру дарит Андрей Тургенев в знак дружбы на память любви. 1800. 24 ноября» (Описание. № 2801). Подробнее см.: *Дмитриев Л. А. История первого издания «Слова о полку Игореве»: Материалы и исследования. М.; Л., 1960. С. 25—27.*

⁸ Имеется в виду сочинение: August Ludwig von Schlözer's öffentliches und Privatleben, von ihm selbst beschrieben. Erstes Fragment: Aufenthalt und Dienst in Rußland vom Jahre 1761—1765. Göttingen, 1802.

⁹ Труд Шлёцера «*Probe Russischer Annalen*» был издан в Бремене в 1768 г.

¹⁰ Жуковский перечисляет следующие произведения: 1. Библиотека Российская историческая, содержащая древние летописи и всякие записки, способствующие объяснению истории и географии российских древних и средних времен. Ч. 1. СПб., 1767, куда вошел Радзивилловский список Несторовой летописи; 2. Русская летопись по Никонову списку. Ч. 1—8. СПб., 1767—1792; 3. Русская летопись по списку Софийскому Великого Новаграда... СПб., 1795; 4. Новый Синопсис, или Краткое

описание о происхождении Славяно-Российского народа. 8-е изд. СПб., 1785; 5. Русская Правда. СПб., 1792; 6. Духовная великаго князя Владимира Всеволодовича Мономаха. СПб., 1793 (два последних издания подготовлены А. И. Мусиным-Пушкиным); 6. Примечания на Историю древния и нынешния г. Леклерка. СПб., 1788; 7. Критические примечания генерал майора Болтина на первый и второй том Истории князя Щербатова. Т. 1—2. СПб., 1793—1794; 8. История Российская от древнейших времен. Сочинена... Михайлом Щербатовым. Т. 1—7 в 14 частях. СПб., 1770—1791; 9. Ядро Российской истории. М., 1770. Авторство кн. А. Я. Хилкова подвергнуто сомнению. Ее создание приписывают секретарю Хилкова А. И. Манкиеву; 10. История Российскаго государства, сочиненная <...> Иваном Стриттером. Ч. 1—3. СПб., 1800—1802; 11. «Ироическая песнь о походе на половцев удельнаго князя Новагорода-Северскаго Игоря Святославича...». М., 1800 (см. примеч. 7). Кроме уже упоминавшегося первого издания «Слова о полку Игореве», в библиотеке Жуковского сохранились № 1 (Описание. № 27 — с пометами и записями владельца) и № 2 (Описание. № 333 — с пометами и записями). Подробнее см.: БЖ. Ч. 1. С. 413—421.

¹¹ Вероятно, речь идет о сочинении барона Сигизмунда фон Герберштейна, немецкого дипломата, автора трудов о России, «*Reum Moscovitarum commentarii Sigismundo Herberstein...*» (Frankfurt a. M., 1549). Известен также вариант этого произведения на немецком языке издания 1557 г. К этому труду обращался в своей «Истории...» Карамзин. В его библиотеке (по описи К. С. Сербиновича) сохранилось издание данного сочинения на немецком языке 1557 г. (см.: Карамзин Н. М. История государства Российскаго: В 12 т. Т. II—III. М., 1991. С. 681).

¹² Имеется в виду сочинение митрополита Киевского Евгения (Болховитинова) «Исторические разговоры о древностях Великаго Новагорода» (М., 1808), экземпляр которого сохранился в библиотеке поэта (Описание. № 126).

¹³ Образ киевского князя Святослава I, сына князя Игоря, участника походов против хазар и в Византию, убитого печенегами, ранее уже привлекал внимание поэта. Он встречается в повести «Три пояса», в «Певце во стане русских воинов». Его имя упоминается в списке замыслов Жуковского 1820-х гг. (РНБ. Оп. 1. № 29. Л. 43), но все-таки масштаб личности Владимира оказался для него предпочтительнее.

¹⁴ В планах поэмы «Владимир» Жуковский упоминает различные европейские романы, в том числе французского писателя, графа Луи Элизабета де ла Вернь де Трессана, создавшего переложения средневековых рыцарских романов: «*Corps d'extraits de romans de chevalerie*» (1782), в центре которых образ Амадис Гальского. Сам роман «Амадис Гальский», написанный в начале XIV в., также называется в «росписях» и списках. См.: ПССиП. Т. 4. С. 617, 619. Комментарий Н. Ж. Вётшевой.

¹⁵ В планах «Владимира» постоянно упоминается поэма Л. Ариосто «Неистовый Роланд» как образец для сюжета. Ср.: «Роланд (Т. 1). Описание острова Альцины. Астольф, превращенный в мирт, — описание разных чудовищ — сражение с охотником — Роланд, встревоженный сновидением» (Там же. С. 369). Обозначенные эпизоды соответствуют содержанию VI—VIII песен поэмы Ариосто.

¹⁶ Жуковский имеет в виду прежде всего поэму немецкого писателя К. М. Виланда «Оберон» (1780), имевшую характерный подзаголовок: «*Ein romantisches*

Heldengedicht» (романтическая героическая поэма), который он использует далее для обозначения формы своего будущего произведения. Подробнее об отношении Жуковского к наследию Виланда и о переводе в 1811 г. фрагмента из его поэмы см.: Реморова. С. 55—68. См. также: ПССиП. Т. 4. С. 312—314, 564—570.

¹⁷ Речь идет о племяннице поэта, Александре Андреевне Протасовой, что подтверждается письмом к Тургеневу от 7 ноября 1810 г. После слов: «в самом деле Грации» — четыре строки тщательно вымараны и не поддаются прочтению; по всей вероятности, в них говорилось о каких-то подробностях из жизни Саши Протасовой.

¹⁸ Имеется в виду замысел издания СРС.

¹⁹ Первое издание стихотворений Жуковского вышло в двух частях, в Петербурге в 1815—1816 гг.

²⁰ О каких стихах С. С. Уварова идет речь, трудно сказать что-либо определенное. Известно, что он в молодости писал много стихов на французском языке, которые были популярны и ходили в списках. См.: Вяземский. Т. VIII. С. 490.

²¹ Речь идет о В. Л. Пушкине, адресате нескольких посланий Жуковского 1814 г.

²² По всей вероятности, речь идет об известном «Послании к В. А. Жуковскому» В. Л. Пушкина, появившемся под заглавием «Послание к В. А. Ж***» в конце 1810 г. в декабрьской книжке «Цветника» (Ч. 8. № 12. С. 357—363), а затем вместе с посланием В. Л. Пушкина к Д. В. Дашкову изданного отдельной брошюрой под заглавием «Два послания» (СПб., 1811). Оно было направлено против А. С. Шишкова и защитников старого слога, которые назывались «скопищем стихомарателей», «безумцами», «собором безграмотных Славян». Позиция автора была достаточно категорична: «В словесности раскол, как должно, осуждаю». Впоследствии Жуковский включил его в четвертую часть СРС. См. также письмо к А. И. Тургеневу от 27 марта 1811 г. (см. примеч. 9).

²³ Подробнее об отношении Жуковского к Шишкову и его «Рассуждению о старом и новом слоге российского языка» см.: *Канунова Ф. З., Янушкевич А. С. В. А. Жуковский — читатель и критик А. С. Шишкова // БЖ. Ч. 1. С. 105—123.*

²⁴ Стихотворный перевод Гомера на немецкий язык, выполненный Иоганном Фоссом, появился в 1781 г. В библиотеке Жуковского сохранилось 4-е издание этого перевода: *Homers Werke von Johann Heinrich Voss. 4 verbesserte Auflage. Bde 1—4. Stuttgart u. Tübingen, 1814* (Описание. № 1315), с многочисленными пометами и записями владельца. См.: ПССиП. Т. 6. С. 394.

²⁵ Известный английский поэт Александр Поуп издал свои переводы «Илиады» и «Одиссеи» в 1815—1826 гг. Оба перевода выдержали множество изданий. В библиотеке Жуковского имеются два издания его перевода «Одиссеи»: 1. *The Odissey of Homer. Translated by Alexander Pope. T. 1—5. London, 1760*; 2. *The Odissey of Homer. Translated by Alexander Pope. T. 1—4. London, 1771*, и один «Илиады»: *The Iliad of Homer. Translated by Alexander Pope. T. 1—5. London, 1771* (Описание. № 2649—2651), с пометами и записями Жуковского. Переводы Фосса и Поупа Жуковский активно использовал во время работы над переводами Гомера.

²⁶ Возможно, Жуковский имеет в виду «Славянские хроники» Гельмольда, написанные на латинском языке. См. примеч. 9 к письму к А. И. Тургеневу от августа 1810 г.

²⁷ По всей вероятности, Тургенев не сразу выслал текст стихотворения Уварова, так как в своем письме к Уварову от 4 мая 1811 г. (см. ниже) Жуковский напоминает о его присылке. Отвечая на это письмо 15 мая 1811 г., Уваров писал: «В скором времени получите вы мои стихи “*Sur l’avantage de mourir jeune*”. Не судите строго о их достоинстве; не иначе как о излинии чувств душевных; участь их должна бы быть — умереть там, где они родились» (РА. 1871. Стб. 0159. Ср.: РНБ. Оп. 2. № 73. Л. 305 об.). Стихотворение Уварова «*Fragment sur l’avantage de mourir jeune*» («О выгоде умереть молодым») сохранилось в составе архива А. А. Воейковой и М. А. Мойер (РО ИРЛИ. № 22744). Оно представляет собой подражание стихотворению французского поэта Николя Жильбера «*Ode imitée de plusieurs psaumes et composée de l’auteur huit jours avant sa mort*»* (опубликовано в «*Almanach des Muses. 1781*». Paris, 1781. P. 183—184). Стихотворение Жильбера было широко известно в России. На форзаце первого тома немецкого перевода сочинений Овидия из библиотеки Жуковского (*Des P. Ovidius Naso sämmtliche Werke / Übersetzt von S. Heunemann, N. G. Eichhoff und J. P. Krebs. Bde 1—4. Frankfurt a/M., 1797—1803; Описание. № 1800*) сохранился сделанный самим Жуковским список трех заключительных строф стихотворения Жильбера, подписанный буквой «S.»:

Au banquet de la vie, infortuné convive
J’apparus un jour, et je meurs.
Je meurs, et sur ma tombe, où lentement j’arrive
Nul ne viendra verser des pleurs.

Salut! champs que j’aimais, et vous, douce verdure!
Et vous riant exil des bois!
Ciel, pavillon de l’homme, admirable nature,
Salut pour la dernière fois.

Ah! puissent voir longtemps votre beauté sacrée
Tant d’amis sourdes à mes adieux!
Qu’ils meurent pleins de jour, que leur mort soit pleurée!
Qu’un ami leur ferme les yeux.

Характерно, что под заглавием «Прощание с жизнью (Из Жильбера)» эти же три строфы перевел Ф. Н. Глинка (впервые — Соревнователь просвещения и благотворения. 1821. № 9. С. 337). Ср.:

На пышном празднике у жизни милой
Я, грустный, прогостил один лишь только день
И гасну медленно... и над моей могилой
Никто слезой мою не успокоит тень!

Простите, мирные поля, и вы, дубравы!
Где, в милой ссылке мне, душой я отдыхал!

---

* Ода, подражающая многим псалмам и написанная автором за восемь дней до смерти (франц.).

И небо звездное — шатер наш величавый.
Природа дивная, прости, мой час настал!

Живите долго вы для сих красот священных,
Глухие к жалобам души моей друзья!..
Ах, будь им в сладость — жизнь! и жизнью насыщенных
Сомкни глаза их друг и грустная семья!

Известны также переводы Н. И. Гнедича (1820), С. И. Висковатова (1826), И. П. Бороздны (1828). Подробнее о русской рецепции элегии Жильбера см.: Вацуро. С. 222—224. Впоследствии именно эти три последние строфы вошли в русское культурное сознание через имена Л. Толстого и Ф. Достоевского. Первый в трилогии «Детство. Отрочество. Юность» (гл. XL из «Юности»), характеризуя Дубкова, пишет: «...как почти всякий раз Дубков, придравшись к чему-нибудь, читал с чувством стихи: “Au banquet de la vie, infortuné convive...”» (*Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: В 100 т. Т. 1. М., 2000. С. 258). В романе Достоевского «Идиот» (Ч. 4. Гл. VII) последнюю строфу этого стихотворения на французском языке приводит Ипполит Терентьев, предвосхищая свое цитирование следующими словами: «О, я ведь знаю, как бы хотелось князю и всем им довести меня до того, что и я, вместо всех этих “коварных и злобных” речей пропел из благонаравия и для торжества нравственности знаменитую классическую строфу Мильвуа...». Герой Достоевского, ошибочно приписав строфу другому популярному французскому поэту, Ш. Мильвуа, видит в ней не «академическое благословение миру», а «затаенную желчь» и «злобу» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 8: Художественные произведения. Л., 1973. С. 343).

²⁸ Послание А. Ф. Воейкова «К Мерзлякову. Призывание в деревню» было напечатано в ВЕ (1810. Ч. 52. № 16. Август. С. 289—292). Ср. оценку послания Воейкова Жуковским с оценкой таланта Воейкова в письме А. И. Тургенева от 29 августа 1810 г.: «Сведения его ограничиваются одной французской литературой: недостаток общий почти всем нашим писателям, даже и первостатейным. В немецкой поэзии нашел бы он богатую руду для своего скромного таланта и перестал бы писать <...> длинные послания к Мерзлякову, в которых нет ни новых мыслей, ни новых образов...» (Веселовский. С. 146. Примеч. 3).

²⁹ Текст заключения послания выглядит так:

Приди к нам, любезный друг,
Встречать лето красное!
Ты книг не бери с собой:
Здесь книга великая
Природы открыта нам;
В деревне не надобно
Цветов остроумия;
Здесь сердце лишь надобно.
Друзья твои ждут тебя;
В объятых отверстиях

Готовы прижать тебя!
Приди разделить с нами
Не яства сахарные,
Не вина заморские,
Но русский обед простой,
Приправленный ласкою
Хозяйки приветливой
И дальней прогулкою.
У нас не найдешь, мой друг,
Ни злата, ни мраморов
Под кровом соломенным;
Зато ты у нас найдешь,
Чего нет давно уже
В больших городах у вас —
Сердца откровенные,
Свободу беспечную,
Веселость игривую.
И что пчеле надобно?
Цветы и убежище!

(Поэты 1790—1810-х годов. Л., 1971. С. 270—271).

³⁰ Д. Н. Блудов, занимавший должность правителя дипломатической канцелярии при главнокомандующем русской армией на Дунае, графе Н. М. Каменском, был им послан в Петербург, чтобы доложить о состоянии нашей армии после неудачного штурма Рушука 22 июля 1810 г. См.: *Ковалевский Е. П.* Граф Блудов и его время. СПб., 1866. С. 51—52.

³¹ См. примеч. 5 в письме к А. И. Тургеневу от августа 1810 г.

³² См. примеч. 1 к наст. письму.

³³ См. примеч. 17 к наст. письму.

61.

А. И. Тургеневу

(С. 93)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 145. Л. 11. Б. г.

Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 69—70.

Печатается по автографу.

Датируется: 19 сентября 1810 г.

Адрес: «Его высокоблагородию милостивому государю моему Александру Ивановичу Тургеневу. В. С.-Петербурге. В Итальянской слободе, в доме госпожи Путьяиной, или в Комиссии о сочинении законов. Подателю дано будет»; почтовый штемпель: «Болхов» (Л. 12).

Год определяется по связи с датированным письмом к А. И. Тургеневу от 12 сентября 1810 г.

¹ Цитата из: *Müller J. Briefe eines jungen Gelehrten an seinen Freund. Tübingen, 1802. S. 52 (Письмо 20).*

² Имеется в виду вспомогательное отделение «Заемного банка», «25-летняя экспедиция», созданная в 1797 г. при Павле I и выдававшая ссуды под залог помещичьих имений на 25 лет особыми банковскими билетами. В 1802 г. «25-летняя экспедиция» была присоединена к Заемному банку. Об имущественных делах семейства Протасовых см.: *Глаголева О. Е. «Кто ж родные?» Роль семьи Протасовых в жизни и творчестве В. А. Жуковского и Н. М. Карамзина // ЖИМ. Вып. 1. С. 135—147.*

62.

М. Т. Каченовскому

(С. 95)

Автограф: РО ИРЛИ. (Онегинский архив). № 27746. Л. 3—4 — черновой. Б. г.

Впервые опубликовано: *Благонамеренный. Брюссель, 1926. № 2. С. 150—152.* Публикация М. Л. Гофмана. Ср.: *Ежегодник РО ПД на 1979 г. Л., 1981. С. 92—95.* Публикация Р. В. Иезуитовой.

Печатается по автографу.

Датируется: 27 сентября 1810 г.

Датировка: письмо является ответом на письмо Каченовского от 24 сентября 1810 г. (см.: *Ежегодник РО ПД на 1979 г. С. 89—91.* Публикация Р. В. Иезуитовой). Как явствует из его содержания, два предшествующих письма Жуковского (от 15 сентября и между 16 и 23 сентября, не обнаруженные до настоящего времени) были посвящены вопросам передачи издания журнала ВЕ, редактором которого в 1808—1809 гг. был их автор, в руки Каченовского. В письме от 24 сентября новый редактор не только определяет план своего издания, но и высказывает несправедливые претензии в адрес прежнего редактора. Как замечает М. Гофман: «Фраза последнего <Каченовского> будто бы Жуковский “хотел оттереть его от издания Вестника” больно задела Жуковского, который в нескольких письмах возвращается к ней» (*Благонамеренный. Брюссель, 1926. № 2. С. 150*). Ответное письмо Каченовского от 1 октября см. в: *Ежегодник РО ПД на 1979 г. С. 97—98.*

¹ Выделенные курсивом слова *всемирной трубы* — цитата из письма Каченовского от 24 сентября: «Я начал бы издавать сам особый журнал под названием *Труба всемирная* и загремел бы против вашей несправедливости» (Там же. С. 91). Вероятно, в сознании Каченовского-историка это заглавие ассоциировалось с образом иерихонской трубы как символа святости и правды.

² Цитата из вышеупомянутого письма Каченовского.

³ Еще в начале июля 1807 г. в письме к А. И. Тургеневу Жуковский сообщал: «Хочу издавать на будущий год “Вестник Европы”. Каченовский отказывается. И мои прелиминарные условия с нашим любезным благоприятелем Максимусом Ивановичем <Невзоровым> сделаны» (см. наст. изд.). Причины отказа Каченов-

ского были связаны с обстоятельствами его служебной деятельности. Подробнее см.: Ежегодник РО ПД на 1979 г. С. 94. Примеч. 2).

⁴ Имеется в виду село Муратово Орловской губернии, где Жуковский провел лето 1810 г. Подробнее см.: *Власов В., Назаренко И.* «Минувших дней очарованье»... Тула, 1979. С. 132—134.

⁵ Андрей Дмитриевич Сущёв (Сущов) принимал участие в субсидировании журнала ВЕ.

⁶ Далее зачеркнуты четыре строки.

⁷ К этому месту рукой Жуковского приписан черновой расчет: «48 по 5 р. 240 р.». «Он представляет подсчет чистого дохода Каченовского от участия Жуковского в журнале и с предельной точностью определяет долю авторского участия поэта в ВЕ (в течение года выходило 24 книжки, в каждую из которых Жуковский давал 2 листа) (Ежегодник РО ПД на 1979 г. С. 95. Примеч. 5).

63.

М. Т. Каченовскому

(С. 97)

Автограф: РО ИРЛИ. (Онегинский архив). № 27746. Л. 1—2. Б. д. — черновой. Черновик письма не закончен.

Впервые опубликовано: Ежегодник РО ПД на 1979 г. Л., 1981. С. 95—97. Публикация Р. В. Иезуитовой.

Печатается по автографу.

Датируется: между 30 сентября и 3 октября 1810 г.

Обоснование датировки см.: Ежегодник РО ПД на 1979 г. С. 97.

¹ Как явствует из содержания журнала ВЕ за конец 1810-го — 1811-й г., раздел «Науки и искусства» постоянно пополнялся статьями Жуковского. В рубрике «Эстетика» он опубликовал статьи «О критике», «Два разговора о критике: С немецкого», в рубрике «Теория изящных искусств» — «О переводах вообще и в особенности о переводах стихов». См.: ПССиП. Т. 12. С. 543. Всего за этот период на страницах журнала было опубликовано более 20 прозаических сочинений Жуковского и 10 стихотворений, в том числе баллада «Двенадцать спящих дев».

² Обещанная «статья для критики» была опубликована в разделе «Критика» в № 22 под заглавием «“Радамист и Зенобия”, трагедия в пяти действиях, в стихах, сочинение Кребильона. Перевел с французского Степан Висковатов». Подробнее см.: Там же. С. 483—484. Комментарий О. Б. Лебедевой.

³ На этом слове черновик обрывается, далее зачеркнуто «надо», «будет должно».

64.

И. И. Дмитриеву

(С. 98)

Автограф: РО ИРЛИ. (Онегинский архив). № 27746. Л. 2 об. Б. д.

Впервые опубликовано: Ежегодник РО ПД на 1980 г. Л., 1984. С. 82—83.
Публикация Р. В. Иезуитовой.

Печатается по автографу.

Датируется: между 30 сентября и 3 октября 1810 г.

Публикуемый текст — черновик ответного письма Жуковского И. И. Дмитриеву, написанный на обороте чернового письма Жуковского к М. Т. Каченовскому, приблизительно датируемого не ранее 30 сентября — не позднее 3 октября 1810 г. (см. письмо к М. Т. Каченовскому от 30 сентября — 3 октября 1810 г.).

¹ По всей вероятности, речь идет о «Сочинениях Дмитриева» (М., 1810. Ч. 1—3), появившихся в конце сентября и в подготовке которых Жуковский принимал самое активное участие. См. письмо И. И. Дмитриеву от 10 марта 1810 г.

² Недостоящая в черновом письме часть подписи дополнена редакторской конъектурой по аналогии с подписью в письме тому же адресату от 10 марта 1810 г.

65.

А. И. Тургеневу

(С. 98)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 145. Л. 9. Б. д.

Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 68—69.

Печатается по автографу.

Датируется: конец сентября — начало октября 1810 г.

Адрес: «Его высокоблагородию милостивому государю моему Александру Ивановичу Тургеневу. В Итальянской слободе, в доме госпожи Путятиной или в Комиссии о сочинении законов» (Л. 2 об.). Почтовый штемпель: «Болхов».

Основание датировки: просьба прислать книги, в том числе упомянутые в данном письме сочинения Миллера, в датированном письме к А. И. Тургеневу от 12 сентября 1810 г.

¹ Речь идет о «Письмах молодого ученого к своему другу» Миллера. См. примеч. 1 к письму к А. И. Тургеневу от 12 сентября 1810 г.

² Имеется в виду «Латинская грамматика в пользу Российского юношества» (М., 1788), автором которой был историк Н. Н. Бантыш-Каменский. Она выдержала несколько изданий: десятое появилось в 1808 г., одиннадцатое — в 1810 г.

³ Речь идет о сочинении основоположника истории древнего искусства, известного немецкого эстетика Иоганна Иоахима Винкельмана «Geschichte der Kunst des Alterthum». Th. 1—2. (Dresden, 1764), неоднократно переведенном на французский язык.

⁴ Жуковский имеет в виду труд Миллера «Geschichte der Schweizerischen Eidgenossenschaft», изданный в Лейпциге в 5 частях в 1786—1808 гг.

⁵ Друг историка Иоганна Миллера Карл Виктор Бонштеттен (Бонстеттен) был известен прежде всего своими трудами по проблемам воспитания. В библиотеке Жуковского сохранилось его сочинение: *Über Nationalbildung, Von Carl von Bonstetten*. Th. 1—2. Zürich, 1802 (Описание. № 706). Кроме того, было популярно его другое произведение: *Voyage sur la scène des six derniers livres de l'Eneide, suivi de quelques observations sur la Latium moderne* (Genève, 1805), также имеющееся в библиотеке поэта (Описание. № 707). Впоследствии Жуковский подружился с швейцарским писателем и педагогом, о чем свидетельствуют дневниковые записи о встречах, письма, книги с дарственными надписями. Особенно теплый характер их отношения приобрели в 1829 г., во время пребывания на лечении в Швейцарии А. А. Воейковой, в судьбе которой Бонштеттен принимал самое заинтересованное участие (см.: Соловьев. Т. 2. Указатель имен).

⁶ Адам Олеарий, немецкий путешественник, побывавший два раза в России в царствование Михаила Федоровича. Автор «Описания путешествия в Московию...» (1656), о котором и спрашивает Жуковский. Сочинение выдержало много изданий на разных языках. На русский было переведено только в 1869—1870 гг. Е. В. Барсовым. В библиотеке Жуковского имеется французский перевод этого сочинения: *Voyages très-curieux et très renommés faits en Moscovie, Tartarie et Perse, par le Sr Adam Olearius, Bibliothekaire du Duc de Holstein, et Matematicien de la Cour. Traduits de l'original et augmentés par le Sr De Wicquefort*. Т. 1—2. Amsterdam, 1727 — с пометами в первом томе (Описание. № 2717).

⁷ Т. е. у брата А. И. Тургенева.

⁸ Сергей Николаевич Глинка, издатель журнала «Русский вестник». Во вступлении к первому номеру журнала, начавшему выходить в 1808 г., Глинка, в частности, писал: «Замечая нынешние нравы, воспитание, обычаи, моды и проч., мы будем противопологать им не вымыслы романтические, но нравы и добродетели праотцов наших», см.: *Глинка С. Н. Вступление // Русский вестник*. 1808. № 1. С. 6.

⁹ Книга известного немецкого историка Арнольда Герена «Johann von Müller der Historiker» вышла в Лейпциге в 1809 г.

66.

А. И. Тургеневу

(С. 99)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 145. Л. 13—13 об. Б. г.

Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 71—72.

Печатается по автографу.

Датируется: 11 октября 1810 г.

Год определяется по связи содержания книжных просьб Жуковского к Тургеневу с датированными письмами 1810-го г.

¹ Имеется в виду роспись сочинений А. Л. Шлёцера. Так как письмо Тургенева к Жуковскому, предшествующее данному, неизвестно, то о характере этой росписи можно только догадываться.

² Как явствует из примечания Жуковского, речь идет о сочинении Герена «Handbuch der Geschichte des Europäischen Staatensystems und seiner Colonien, von der Entdeckung beider Indien bis zur Errichtung des französischen Kaiserthrons», вышедшем первым изданием в Гёттингене в 1809 г.

³ Сочинение Герена «Johann von Müller der Historiker» (см. примеч. 9 к предшествующему письму).

⁴ В библиотеке Жуковского сохранилось несколько книг со штемпелем «А. Tourguenew» и с дарственными надписями Тургеневу, что позволяет говорить об осуществлении этой надежды. См.: Описание. С. 413 (раздел «Книги с владельческими надписями, экслибрисами и т. п.»).

⁵ Неточная цитата из поэмы английского поэта Александра Поупа «Eloisa to Abelard» («Элоиза к Абеляру»; 1717: «Give all thou canst — and let me dream the rest»). В 1806 г. Жуковский перевел первые 72 стиха (из 366) под заглавием «Послание Элоизы к Абеляру». См.: ПССиП. Т. 1. С. 69—71, 455—457. В письме он цитирует ст. 141—142. Ср. современный перевод этих стихов:

Всем, чем владеешь ты, делись со мною
И разреши домыслить остальное...

(Поуп А. Поэмы. М., 1988. С. 130. Пер. Д. Веденяпина).

67.

А. И. Тургеневу

(С. 101)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 145. Л. 14. Б. г.

Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 72.

Печатается по автографу.

Датируется: 18 октября 1810 г.

Адрес: «Его высокоблагородию милостивому государю моему Алексадру Ивановичу Тургеневу. В Санктпетербурге, в Италианской слободе, в доме госпожи Пуятиной, или в Комиссии о сочинении законов». Почтовый штампель: «Белев» (Л. 15 об.).

Основание датировки: тематическая связь с датированными письмами 1810-го г.

¹ См. письмо к А. И. Тургеневу от 19 сентября 1810 г. и комментарий к нему.

² Вероятно, речь идет об Алексее Захаровиче Хитрово, занимавшем различные должности в Министерстве финансов: в 1804 г. он был причислен к обер-проку-

рорскому столу 1-го департамента Сената, а в 1808-м назначен обер-прокурором 5-го департамента. С 1808 г. исполнял обязанности старшего обер-прокурора по общему собранию Сената. В 1827—1854 гг. был государственным контролером.

³ Эта фраза выпущена в публикации И. А. Бычкова (см.: ПЖТ. С. 72. Примеч. 1).

⁴ Цитата из: *Müller J. Briefe eines jungen Gelehrten an seinen Freund. Tübingen, 1802. S. 121. (Письмо 49).*

68.

П. А. Вяземскому

(С. 102)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1909. Л. 11—11об. Б. г.

Публикуется впервые.

Датируется: 4 ноября 1810 г.

Адрес: «Его сиятельству милостивому государю моему князю Петру Андреевичу Вяземскому, в Москве в Басманной, в доме Мордвинова» (Л. 12 об.).

Год определяется по содержанию письма: по просьбе о присылке хорошей латинской грамматики, о которой Жуковский просил А. И. Тургенева в письмах от 19 сентября, 11 и 18 октября 1810 г. и которую, как это явствует из датированного письма к А. И. Тургеневу от 4 ноября 1810 г., адресат Жуковскому не прислал. Кроме того, упоминание рецензии на перевод С. Висковатовым трагедии Кребийона «Радамист и Зенобия», отосланной М. Т. Каченовскому и напечатанной в № 22 ВЕ (второй ноябрьский номер; см. примеч. 4), тоже дает основание отнести это письмо к первой половине ноября 1810 г.

¹ Письма Вяземского к Жуковскому за вторую половину 1810 — 1811-й г. (после отъезда последнего из Москвы в Белев и тульско-орловские деревни) нам неизвестны; характерна его ирония в ноябрьском письме 1810 г. к К. Н. Батюшкову: «К вечеру узнал от Каченовского, что Жуковский еще не умер» (Литературный архив. СПб., 1994. С. 122).

² О двухмесячных упорных занятиях самообразованием и необходимости их планомерного продолжения см. в дневниковой записи Жуковского от 22 ноября (ПССиП. Т. 13. С. 55—56); в письмах к А. И. Тургеневу сентября—декабря 1810 г. см. о круге его научного и учебного чтения, в том числе об изучении латыни и о подступах к азам греческого языка.

³ О безденежье и переводах для заработка см. письмо Жуковского к А. И. Тургеневу от 7 декабря 1810 г. С июня по декабрь 1810 г. в 13-ти из 14 номеров ВЕ раздел «Проза» формировался из переводов Жуковского; о фактическом переходе журнала в руки М. Т. Каченовского и его коммерческих расчетах с Жуковским см. в их переписке осенью 1810 г. (Ежегодник РО ПД на 1979 г. Л., 1981. С. 89—106. Публикация. Р. В. Иезуитовой).

⁴ Речь идет о рецензии на стихотворный перевод трагедии Проспера Жюлио де Кребийона «Радамист и Зенобия» (СПб., 1810), выполненный С. И. Вискова-

товым (шла на петербургской сцене с конца 1809 г.). Отрицательная рецензия Жуковского (ВЕ. 1810. Ч. 54. № 22. С. 102—120) написана чуть ли не одновременно с данным письмом (ср. в письмах Каченовского: Ежегодник РО ПД на 1979 г. С. 102, 104). Невысокую оценку драматургии Кребийона Жуковский высказывал в письме к П. А. Вяземскому еще 5 августа 1808 г.; ср. в его конспекте по истории литературы (1805—1811) главку «Кребийон», составленную с опорой на 11-й том «Лицея» Ж. Ф. Лагарпа (ПССиП. Т. 12. С. 144—146); ее положения Жуковский развил в своей рецензии. Статья же Вяземского была опубликована лишь в 1878 г. (Вяземский. Т. 1. С. 3—9) под заглавием «Письмо к К. Н. Батюшкову» и посвящена исключительно демонстрации примеров того, как переводчик обезобразил «красоты» «прекрасной трагедии Кребийона».

⁵ Рассуждения Вяземского в не дошедшем до нас письме, вероятно, варьировали программу «просвещенного патриотизма» карамзинистов (ср. послания В. Л. Пушкина 1810—1811 гг. «К В. А. Жуковскому» и «К Д. В. Дашкову»; статью Д. В. Дашкова «О легчайшем способе возражать на критики», 1811, и др.). В переписке с друзьями Вяземский не стеснялся кощунственных шуток; см. его письма к К. Н. Батюшкову осенью 1810 г. (Литературный архив. СПб., 1994. С. 121—122).

⁶ Журнал С. Н. Глинки «Русский вестник» (1808—1820, 1824) был для Жуковского примером консервативного и простоватого «грубого восхищения» всем отечественным (ср. в письме к А. И. Тургеневу от 4 декабря 1810 г.); поэзия С. А. Ширинского-Шихматова — образцом пустого эпико-одического славословия (поэма «Пожарский, Минин, Гермоген, или Спасенная Россия», 1807; «Песнь Российскому слову», 1809; «Петр Великий. Лирическое песнопение», 1810); ср. эпиграмму Жуковского «На прославителя русских героев, в сочинениях которого нет ни начала, ни конца, ни связи» (ПССиП. Т. 1. С. 117), его уничижительный отзыв о духовных стихах Шихматова в обзоре 1823 г. (ПССиП. Т. 12. С. 350). Отношение Вяземского к «казенному» («квасному», по его определению 1820-х гг.) патриотизму было еще резче.

⁷ К. Н. Батюшков всю осень 1810 г. провел в своем имении Хантоново; Жуковский мог ошибочно подумать, что он приехал в Москву, на основании фразы из письма М. Т. Каченовского от 25 октября: «Князь Вяземский и Батюшков осведомлялись об Вас и просили меня, чтобы я Вам о них напомнил» (Ежегодник РО ПД на 1979 г. С. 102).

⁸ Д. Н. Блудов находился в Москве с октября до первых чисел декабря 1810 г. и звал Жуковского приехать на встречу с ним. См. письмо Жуковского к А. И. Тургеневу от 7 ноября 1810 г.

⁹ Точное заглавие: *Cours de langue latine. A l'aide duquel on peut apprendre cette langue chez soi, sans maître et en deux ou trois mois de lecture.* Par Luneau de Boisjermain. Paris, 1787. Именно это издание «Курса латинского языка...» французского лингвиста Пьера Жозефа Франсуа Люно де Буажермена сохранилось в библиотеке поэта (Описание. № 1570) с пометами и записями в самом начале (с. 2—12).

¹⁰ Карамзин получил «полковничий» чин коллежского советника в октябре 1810 г.

69.

А. И. Тургеневу

(С. 103)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 145. Л. 16—16 об. Б. г.

Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 73—74.

Печатается по автографу.

Датируется: 4 ноября 1810 г.

Адрес: «Его высокоблагородию милостивому государю моему Александру Ивановичу Тургеневу. В Санктпетербурге, в Итальянской слободе, в доме г-жи Путятиной или в Комиссии о сочинении законов». Почтовый штампель: «Белев» (Л. 16 об.).

¹ Письмо в печати неизвестно.

² О доставке этих книг Жуковский просил Тургенева в письмах от августа 1810 г. (см. примеч. 2) и от 12 сентября 1810 г. (см. примеч. 8—9).

³ Краткая грамматика Латинская, в пользу учащагося Латинскому языку Российскаго юношества, составленная Василием Лебедевым. С 1762-го по 1817 г. выдержала 11 изданий. Ее автор, Василий Иванович Лебедев, учился в Славяно-греко-латинской академии одновременно с М. В. Ломоносовым. С 1740 г. состоял академическим переводчиком. Именно Ломоносов рекомендовал его «Сокращение грамматики латинской» (1746), из которого выросла «Краткая грамматика Латинская...», для «порядочного обучения академических гимназистов». См.: Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. СПб., 1999. С. 190 (статья Ю. Д. Левина).

⁴ Сочинение немецкого историка Иоганна Кристофа Гаттерера «Versuch einer Weltgeschichte bis zur Entdeckung von Amerika» (Göttingen, 1792).

⁵ Ремер Юлиус Август, с 1787 г. профессор истории и статистики в университете в Гельмштедте. Книга, о которой говорит Жуковский, составляет третью часть сочинения Ремера «Handbuch der allgemeinen Geschichte» (Braunschweig, 1783—1784). В библиотеке Жуковского имеется четвертое издание «Handbuch der neuern Geschichte» (Bde 1—2. Braunschweig, 1803). См.: Описание. № 1933.

⁶ Возможно, имеется в виду дело некоего Ершова, о котором Жуковский просил Тургенева узнать у Северина в письме от начала мая (около 6-го) 1811 г.; возможно также, что речь идет о протекции некоему Копецкому, которого Жуковский по просьбе Тургенева пытался рекомендовать И. И. Дмитриеву через Северина: «Я же с моей стороны прилагаю здесь письмо к Северину, с которым пускай пойдет сам Копецкий. Северин поможет ему дойти до Дмитриева, а тот уже верно сделает ему добро» (письмо к А. И. Тургеневу от начала апреля 1810 г., примеч. 5; см. также примеч. 10 к письму к И. И. Дмитриеву от 10 марта 1810 г.).

70.

А. И. Тургеневу

(С. 105)

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 309. № 124 (старый шифр). Л. 330—331 об. Б. г.
Впервые опубликовано: РА. 1867. Кн. 5—6. Стб. 790—799. Перепечатано:
ПЖТ. С. 74—79.

Печатается по автографу.

Датируется: 7 ноября 1810 г.

Датировка: год определяется по связи содержания с письмами осени 1810 г.

¹ См. примеч. 1 к письму к А. И. Тургеневу от 12 сентября 1810 г.

² Вероятно, речь идет о таблицах немецкого художника и скульптора Амброзиуса Габлера «Skizzen physischer und moralischer Gegenstände für die Jugend zum Zeichnen» (Nürnberg, 1796) и «Übungen im Zeichnen für Geübtere» (Nürnberg, 1802).

³ Т. е. по образцу карт Христиана Августа Шлёцера-сына, приложенных к его сочинению «Erläuterungen der Geschichte der brittischen Inseln durch Zeittafeln und historisch-geografische Karten. Bde 1—2», которое одновременно появилось в Риге и Лейпциге в 1805 г.

⁴ Никаких следов этого замысла обнаружить не удалось.

⁵ В публикации РА (1867. Кн. 5—6. С. 794) к этому месту сделано следующее примечание: «Т. е. отца и мать». Более вероятно предположение И. А. Бычкова, задающего вопрос: «Но не подразумевает ли Жуковский под этими двумя лицами Андрея Ивановича и Ивана Петровича Тургеневых?» (ПЖТ. С. 77).

⁶ Вероятно, как замечал П. И. Бартенев, в этом фрагменте — «предчувствие грозы 1812 года» (РА. 1867. Кн. 5—6. С. 794).

⁷ Аналогичные мысли Жуковский развивает в статье «О счастии», см.: ПССиП. Т. 8. С. 219.

⁸ *Гораций*. Второе послание к Лоллию. Ст. 35—37 (*Horaz. Epistulae. I. 2. V. 35—37*). Ср. современный перевод:

До света требуй подать себе книгу с лампадою; если
Ты не направишь свой ум к делам и стремленьям высоким,
Будешь терзаться без сна ты любви или зависти мукой.

(*Квинт Гораций Флакк. Оды. Эподы. Сатиры. Послания /*
Пер. с лат. Н. Гинцбурга. М., 1970. С. 326).

О русских переводах этой эпистолы Горация см.: *Busch W. Horaz in Rußland. München, 1964.*

⁹ Имеется в виду А. А. Протасова.

¹⁰ Речь идет о балладе первой из «Старинной повести в двух балладах» «Двенадцать спящих дев», получившей название «Громобой» и посвященной А. А. Протасовой.

¹¹ И. И. Дмитриева, назначенного министром юстиции в начале 1810 г.

¹² Вероятно, речь идет о поездке Жуковского в Петербург в начале 1809 г.

¹³ Имеется в виду Михаил Никитич Муравьев. См. примеч. 11 к письму к А. И. Тургеневу от второй половины февраля 1807 г.

¹⁴ Комментируя это замечание, И. А. Бычков пишет: «Какое именно сочинение историка и ориенталиста Иоганна Готфрида Эйхгорна желал иметь Жуковский, не видно ни из предыдущих писем, ни из последующих...» (ПЖТ. С. 79). В примечаниях к данному письму тот же комментатор в числе предполагаемых сочинений И. Г. Эйхгорна называет «Weltgeschichte. Göttingen, 1799—1814» или «Geschichte der drei letzten Jahrhunderte. Göttingen, 1803—1805» (Там же). Думается, всё же здесь речь идет о «Всеобщей истории культуры и литературы новой Европы» (Allgemeine Geschichte der Cultur und Literatur des neuern Europa. Bde 1—2. Göttingen, 1796—1799), которая есть в библиотеке поэта и содержит многочисленные следы тщательного изучения (Описание. № 972). В пользу этого предположения говорит следующий факт: на верхней обложке книги имеется штампель: «A. Tourguenew». Подробнее см.: Янушкевич А. С. Немецкая эстетика в библиотеке В. А. Жуковского // БЖ. Ч. 2. С. 149—155.

¹⁵ Как удалось установить Х. Зигелю, речь идет о сочинении французского исторического писателя Гаэтана де Раксис де Флассана «Histoire générale et raisonnée de la diplomatie française, ou de politique de la France» (Т. 1—6. Paris, 1808). См.: Siegel. № 47. S. 173. Примеч. 15).

71.

А. И. Тургеневу

(С. 110)

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 309. № 124 (старый шифр). Л. 332—332 об. Б. д.

Впервые опубликовано: РС. 1901. Т. 106. Апрель—июнь. С. 127—129, с редакторской пометой: «(Во второй половине ноября 1810 г. Муратово)».

Печатается по автографу.

Датируется: вторая половина ноября 1810 г.

Основание датировки: невыполненная, судя по контексту данного письма, просьба о присылке некоторых из перечисленных в нем книг в письме от 7 ноября 1810 г.

¹ Суть этого дела подробно изложена в письме к А. И. Тургеневу от 19 сентября 1810 г. (см. выше).

² В письме от 7 ноября 1810 г. Жуковский благодарил Тургенева за посылку нужных книг, но сообщал, что самих книг еще не получил.

³ О присылке сочинения известного немецкого историка Арнольда Герена «Handbuch der neuesten Geschichte» Жуковский просил Тургенева в письме от 11 октября 1810 г. В библиотеке поэта сохранились исторические сочинения Герена с многочисленными пометками и записями владельца, но все они более поздних лет

издания — 1821—1826 гг. (Описание. № 1257—1258). Имевшееся в собрании книг Жуковского издание: *Heeren A. Ideen über die Politik, den Verkehr und den Handel der vornehmsten Völker der alten Welt*. Göttingen, 1804 (Описание. № 1256) — в настоящее время отсутствует. О более позднем интересе Жуковского к сочинениям Герена и их использовании в педагогической практике см.: ПССиП. Т. 13. С. 534; Т. 14. С. 419. 20 июля (1 августа) 1838 г. проездом через Гёттинген Жуковский встретился с Гереном и вручил ему перстень как признание его роли в исторической науке и в образовании наследника в частности (Там же. Т. 14. С. 110, 470), так как он читал с великим князем его сочинения (Т. 14. С. 16, 20—22), а в составлении исторических таблиц опирался на его труды (ПЖТ. С. 264, письмо от 30 июля / 11 августа 1832 г.).

⁴ Речь идет о следующих сочинениях известного историка Августа Шлёцера: *Weltgeschichte nach ihren Haupttheilen im Auszug und Zussammenhang*. Т. 1—2. Göttingen, 1785—1789; *August Ludwig v. Schlözer's öffentliches und Privat-Leben von ihm selbst beschrieben. Erstes Fragment*. Göttingen, 1802; *Probe Russischer Annalen*. Göttingen, 1768; *Kritische Sammlung zur Geschichte der Deutschen in Siebenbürgen*. Göttingen, 1795—1797. В библиотеке поэта сохранились другие сочинения Шлёцера: *Allgemeine nordische Geschichte...* Halle, 1771; *Vorbereitung zur Weltgeschichte für Kinder*. 5 Ausgabe. Göttingen, 1800; *Нестор. Russische Annalen in ihrer Slavonischen Grundsprache: verglichen, erklärt und übersetzt, von August Ludwig von Schlözer*. Th. 1—5. Göttingen, 1802—1809 (Описание. № 2058, 2058a, 2059). Подробнее о чтении этих сочинений см.: БЖ. Ч. 1. С. 421—428 (автор раздела Ф. З. Канунова). См. также: Иезуитова. С. 126, 127, 129. Труды немецкого историка и филолога Жуковский использовал в работе над поэмой «Владимир» и переводом «Песни о полку Игореве».

⁵ Вероятно, речь идет о труде Эйхгорна «Всеобщая история культуры и литературы новой Европы», который сохранился в библиотеке поэта с многочисленными следами тщательного изучения (Описание. № 972). См. примеч. 14 к предыдущему письму.

⁶ В промежутке между сентябрем и началом ноября 1810 г. Жуковский настойчиво просит друга о доставлении «хорошей Латинской грамматики» и «Греческой, также хорошей» (см. письма от 19 сентября и 7 ноября).

⁷ Речь идет о письмах известного историка Иоганна Миллера к его другу, швейцарскому педагогу и писателю Карлу Виктору Бонстеттену. Под заглавием «*Briefe eines jungen Gelehrten an seinen Freund*» они вышли на немецком языке в Тюбингене в 1802 г. Французский перевод появился в Цюрихе в 1810 г. под названием «*Lettres à M. Bonstetten et à M. Gleim*». Свой перевод некоторых из этих писем Жуковский поместил на страницах ВЕ (1810. Ч. 52. № 16. С. 263—285) под заглавием «Несколько писем Иоанна Миллера, историка Швейцарии, к Карлу Бонстеттену, другу его». Подробнее см.: ПССиП. Т. 10/2. С. 297—306 (текст), 677—682. Комментарии Ф. З. Кануновой, И. А. Айзиковой.

⁸ Это намерение Жуковского не осуществилось. Посвятить свой перевод письма Миллера Жуковский думал Тургеневу (см. письмо от 12 сентября 1810 г.), которого нередко именовал «любезный мой Миллер» (Там же).

⁹ Имеется в виду «*Probe Russischer Annalen*» Августа Шлёцера (см. примеч. 4).

72.

П. А. Вяземскому

(С. 111)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1909. Л. 13—13 об. Б. д.

Публикуется впервые.

Датируется: начало декабря 1810 г.

Основание датировки: о получении этого письма Вяземский извещал К. Н. Батюшкова 11 декабря 1810 г. (см. примеч. 3).

¹ П. А. Вяземский в не дошедшем до нас письме прислал, вероятно, басню Д. В. Давыдова «Чиж и Роза» и его анакреонтическую оду «Премудрость»; оба произведения были напечатаны: ВЕ. 1811. Ч. 55. № 1. С. 24—26, причем ода под заглавием «Мудрость» была включена в СРС (1810. Ч. 2).

² Критическая статья о переводе «Радамиста и Зенобии». См. примеч. 4 к письму к П. А. Вяземскому от 4 ноября 1810 г.

³ Этот план Вяземский саркастически прокомментировал в письме к К. Н. Батюшкову от 11 декабря 1810 г.: «Меня Жуковский уморил намеренным письмом: он из Белева располагает нашими свиданиями в Москве: два раза в неделю в 6-том часу, раз в первом, два раза в 10-том и так далее. <...> При всем том, однако ж, малый прекраснейший, добрейший, милейший и одаренный величайшими достоинствами. Если можно бы было выбирать родителей, я желал бы иметь его отцом, если бы из мужчины можно было делать женщин, я бы его желал иметь женою, с некоторыми, однако ж, договорами, например другой нос и более равнодушия к состоянию жопы своей» (Литературный архив. СПб., 1994. С. 124).

⁴ На рубеже ноября—декабря 1810 г. Н. М. Карамзин с женой и П. А. Вяземским были в Твери по приглашению великой княгини Екатерины Павловны, которая со своим супругом принцем Георгом Ольденбургским имела там резиденцию и «малый двор». Адъютантом принца служил кн. А. П. Оболенский, родственник Вяземских и муж Аграфены Нелединской (дочери поэта и сановника Ю. А. Нелединского-Мелецкого) — предмета юношеского увлечения П. А. Вяземского. Оболенский писал оставшейся после родов в Москве жене о тверских праздниках в ноябре (24-го — день именин великой княгини) 1810 г., правда, в опубликованных фрагментах Карамзины с Вяземским не упомянуты (см.: Хроника недавней старины. Из архива кн. Оболенского-Нелединского-Мелецкого. СПб., 1876. С. 116—117).

⁵ Вяземский позже реализовал себя в этом жанре (но уже в конце 1813 г. в письме Жуковскому делился «опытом», как за переводом одной сцены французской комедии «себе жопу в кровь расчешешь»): в 1816 г. вышел его перевод комической оперы А. Гуффе и П. Виллье «Певец и портной»; в 1822 г. в Москве ставилась в его переводе одноактная комедия Э. Скриба «Бальдонские воды», а в 1824 г. — переведенная совместно с В. Л. Пушкиным комедия-водевиль Ж. Имбера и Ф.-А. Варнера «Помещик без поместья». Самым известным его сочинением этого рода стала написанная

в соавторстве с А. С. Грибоедовым опера-водевиль «Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом» (поставлена в 1824 г.). Жуковский еще в 1806 г. переделал с немецкого комическую оперу К. Ф. Генслера, «Богатырь Алеша Попович, или Страшные развалины», а в 1823 г. перевел комедию (правда, без куплетов) Э. Скриба и Мельвиля «Валерия, или Слепая», см.: ПССи П. Т. 7. С. 374—416 (текст), 640—645 (комментарий О. Б. Лебедевой).

⁶ О возвращении Д. Н. Блудова в Петербург Вяземскому сообщал Д. П. Северин 13 декабря (Арзамас-2. Кн. 1. С. 159); письмо с припиской Блудова неизвестно, также непонятен смысл именованя его «Сибирским остроумцем».

⁷ К тому времени в печати появилась лишь одна критическая статья Вяземского: «Два слова постороннего» (Цветник. 1809. № 9. С. 391—396, как присланная «из Москвы от неизвестного»; атрибутирована и републикована в 1958 г. Ю. М. Лотманом) — «защита» Жуковского от критического замечания кн. П. И. Шаликова в его журнале «Аглая». Несколько иному жанру принадлежат его «Безделки» (ВЕ. 1808. Ч. 42. № 24. С. 258—261; и под этим же заглавием, совместно с Д. П. Севериным: Там же. 1809. Ч. 47. № 17). Три предназначавшиеся для ВЕ статьи 1810 г. были отклонены самим Жуковским или М. Т. Каченовским: рецензия на перевод С. И. Висковатовым «Радамиста и Зенобии» (см. примеч. 2) и «Запросы господину Василию Жуковскому от современников и потомков» (о выборе текстов в СРС) были опубликованы только в 1878 г. (Вяземский. Т. 1. С. 1—9); «Письмо к издателю о поэте Боброве» впервые: Арзамас-2. Кн. 1. С. 153—156. Публикация О. А. Проскурина. Неизвестно, был ли закончен Вяземским критический разбор «Нечто о 22 № Вестника Европы 1808 года» (черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 930. Л. 1—3), равно как и статья 1808—1809 г. «О пользе критики» (Там же. № 932-а. Л. 1—3 «Советы критику», неполный черновой текст).

⁸ Речь идет о Карамзиных. О получении чина см. письмо к П. А. Вяземскому от 4 ноября, примеч. 10.

73.

А. И. Тургеневу

(С. 113)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 146. Л. 1—3 об. Б. г.

Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 80—88.

Печатается по автографу.

Датируется: 4—5 декабря 1810 г.

Датировано на основании связи содержания с письмами второй половины 1810 г.

¹ Это письмо Тургенева неизвестно в печати и не обнаружено в архивах.

² Речь идет о брошюре С. Уварова «Projet d'une Académie Asiatique», вышедшей в Петербурге в 1810 г. (см. примеч. 7 к письму от августа 1810 г.).

³ См. примеч. 4 к письму от второй половины ноября 1810 г.

⁴ Речь идет об издателе «Русского вестника» С. Н. Глинке (см. примеч. 8 к письму от конца сентября 1810 г.).

⁵ Жуковский перевел брошюру Уварова и опубликовал свой перевод в ВЕ. См. подробно: ПССиП. Т. 10/2. С. 418—441 (текст), 708—738. Комментарий В. С. Киселёва. Перевод французского текста в подстрочном примечании принадлежит Жуковскому (ВЕ. 1811. № 1. С. 49—50.).

⁶ Общество истории и древностей Российских при Московском университете было учреждено по инициативе Августа Шлёцера в 1804 г. и под руководством профессоров истории Х. А. Чеботарева и Н. Е. Черепанова, но оказалось малопродуктивным и подверглось критике со стороны А. И. Тургенева, который с 1808 г. был членом Общества. См.: АБТ. Т. 1. С. 470; Siegel. № 49. S. 179.

⁷ Сочинение французского историка аббата Клода Франсуа Ксавье Миллота «*Éléments d'histoire générale*. 9 vol. Paris, 1772—1773» было переведено через 12 лет в России под заглавием: Древняя и новая история от начала мира до настоящего времени... соч. аббата Милола. 9 частей. М., 1785. В 1804—1806 гг. этот перевод вышел вторым изданием.

⁸ Всемирная история, изданная для народных училищ Российской империи. СПб., 1787. Пятое издание этой книги появилось в 1808 г.

⁹ ВЕ. 1811. № 1. С. 50. Перевод в подстрочном примечании принадлежит Жуковскому. См. также примеч. 5.

¹⁰ Перевод книги Уварова под заглавием «Мысли о заведении в России Академии Азиатской» был напечатан на страницах ВЕ (1811. Ч. 55. № 1. С. 27—52; № 2. С. 96—120).

¹¹ Дата «22 ноября» не имеет отношения к дате написания письма: это дата соответствующей дневниковой записи (фрагмент «Прежде в голове моей была одна только мысль ~ по мере прилежания к работе, что я испытал уже и над собою»), отсутствующей в известных архивных источниках дневников Жуковского и реконструированной по этому письму в: ПССиП. Т. 13. С. 55—56 (текст), 466 (комментарий А. С. Янушкевича).

¹² Неточная цитата из пародийной сказки «*Le Bélièr*», вошедшей в сборник «*Copies de Féerie*» (первое изд. 1730 г.), шотландско-французского писателя Антуана Гамильтона: *Oeuvres du Comte Antoine Hamilton*. Т. 2. Paris, 1812. P. 153. Фраза имеет каламбурный смысл: антропоним «*Le Bélièr*» имеет значение «баран» и соотносится с известным присловьем: «Вернемся к нашим баранам».

¹³ Д. П. Северин служил в это время в канцелярии министра юстиции И. И. Дмитриева.

¹⁴ Сергей Михайлович Соковнин, товарищ Жуковского и Тургенева по Московскому университетскому Благородному пансиону.

¹⁵ Жуковский имеет в виду «*Epistulae morales ad Lucillum*» («Нравственные письма к Луцилию») римского философа Луция Аннея Сенеки.

¹⁶ Имеется в виду латинская грамматика немецкого филолога Христиана Готтлоба Брёдера: «*Practische Grammatik der lateinischen Sprache*» (Leipzig, 1787) или его же «*Kleine lateinische Grammatik, mit Lektionen für Anfänger*» (Leipzig, 1795). Последняя

книга была столь популярна, что до 1870 г. выдержала 32 издания. В библиотеке Жуковского имеется ее 20-е издание 1824 г. (Описание. № 732).

¹⁷ Сочинение Иоганна Готфрида Гердера «Vom Geist der Ebräischen Poesie. Eine Anleitung für die Liebhaber derselben und die älteste Geschichte des menschlichen Geistes» (Dessau, 1782—1783). О чтении этого произведения Гердера см.: Реморова. С. 179—206.

¹⁸ Комментируя это желание Жуковского прочитать драму индийского поэта V в. Калидасы, И. А. Бычков говорит о вероятности знакомства с ней в переводе английского лингвиста и ориенталиста Уильяма Джонса, появившемся в Лондоне в 1790 г. (ПЖТ. С. 88). Не исключая этой возможности, выскажем предположение, основанное на материалах библиотеки Жуковского, что в письме поэт говорит о немецком переводе «Саконталы» (1791), принадлежащем Иоганну Георгу Адаму Форстеру и вышедшем вторым изданием, после смерти переводчика, под наблюдением самого Гердера: *Sakontala oder der entscheidene Ring. Ein indisches Schauspiel von Kalidas. Aus dem Ursprachen Sanskrit und Praktit ins Englische und aus diesem ins Deutsche übersetzt mit Erläuterungen von G. Forster. Zweite, von J. G. v. Herder besorgte, Ausgabe. Frankfurt a/M., 1803* (Описание. № 1394). В пользу этого предположения говорит соседство в письме имени Гердера и названия драмы «Саконтала», в издании перевода которой Гердер принимал участие. Немецкий перевод Форстера был сделан с английского перевода Уильяма Джонса.

¹⁹ Имеется в виду друг Жуковского и Тургенева Андрей Сергеевич Кайсаров, литератор, профессор русской словесности Дерптского университета.

²⁰ В 1828 г. Христиан Шлёцер опубликует в Лейпциге биографию своего знаменитого отца: «August Ludwig von Schlözers öffentliches und Privatleben aus Originalurkunden und mit wörtlicher Beifügung mehrerer dieser letzteren, vollständig beschrieben von dessen ältestem Sohne Christian von Schlözer».

²¹ Описка Жуковского — необходимо: 5-го декабря.

74.

А. И. Тургеневу

(С. 121)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 146. Л. 5. Б. д.

Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 89.

Печатается по автографу.

Датируется: декабрь 1810 г.

Датировано по ответному письму А. И. Тургенева (см. примеч. 1).

¹ Как явствует из ответного письма Тургенева от 25 января 1811 г., Жуковский в Москве жил на Тверской улице в доме А. А. Прокоповича-Антонского (Siegel. № 52. S. 188).

² О копиях стихотворений Жуковского для А. И. Тургенева см. примеч. 17 к письму от 12 сентября 1810 г. и примеч. 9 к письму от 7 ноября 1810 г.

³ В ноябре Жуковский закончил работу над балладой «Громобой», первой частью стихотворной повести «Двенадцать спящих дев». Было написано несколько юмористических стихотворений. Но, вероятно, Жуковский говорит метафорически о творческой деятельности вообще, имея в виду материалы для ВЕ.

75.

П. А. Вяземскому

(С. 122)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1909. Л. 14. Б. д.

Публикуется впервые.

Датируется: вторая половина 1810 г.

Адрес: «Его сиятельству милостивому государю князю Петру Андреевичу Вяземскому. В Москве, за Красными воротами, в доме Мордвинова, на Басманной улице» (Л. 15 об.).

Письмо датировано предположительно: для более точной датировки недостаточно оснований. Очевидно, что просьба о займе для покупки деревни связана с давними планами матери Жуковского Елизаветы Дементьевны материально обеспечить сына приобретением небольшой деревни (см. письмо к А. П. Юшковой (Зонтаг) от июня 1809 г., примеч. 7). Вероятно, проект покупки половины сельца Холх возник еще до того, как было закончено строительство нового дома Е. А. Протасовой в деревне Муратово (лето 1810 г.), поскольку Холх был расположен всего в полуверсте от имения Протасовых. Как установлено О. Е. Глаголевой, Жуковский стал обладателем Холха «по дарительной записи в 1811 году»: имение было куплено М. Г. Буниной и подарено Жуковскому. Согласно ревизской сказке, написанной в сентябре 1811 г. (дата составления не указана, подана 30 сентября 1811 г.), 17 душ крестьян в деревне Холх принадлежали уже В. А. Жуковскому (см.: *Глаголева О. Е. «Кто ж родные?» Роль семьи Протасовых в жизни и творчестве В. А. Жуковского и Н. М. Карамзина // ЖИМ. Вып. 1. С. 147; Глаголева О. Е. Детство и юность В. А. Жуковского // Жуковский и время. Томск, 2007. С. 225*). Поскольку процесс оформления купчей крепости занимал достаточно продолжительное время, а М. Г. Бунина умерла 13 мая 1811 г., очевидно, что купчая крепость должна была быть совершена не позднее лета 1810 г., а «дарительная запись» 1811 г. оформлена не позже, чем в начале этого года.

¹ После покупки Холха Жуковский перенес туда временный муратовский дом, ставший ненужным после постройки в 1810 г. новой господской усадьбы, и разбил сад с аллеей к берегу пруда. Но уже осенью 1813 г. Жуковский продал Холх, чтобы помочь деньгами Протасовым.

² Иван Иванов — московский управляющий семьи Вяземского — Карамзиных; о поручениях ему см.: Письма Н. М. Карамзина к кн. П. А. Вяземскому. СПб., 1897. С. 14, 39, 44 и др.

³ См. письмо к П. А. Вяземскому от середины июня 1811 г., примеч. 4.

⁴ Александр Алексеевич Плещеев и его первая жена Анна Ивановна Плещеев был сыном близких друзей молодости Н. М. Карамзина — Алексея Александровича и Настасьи (Анастасии) Ивановны, урожд. Протасовой, младшая сестра которой, Елизавета Ивановна, была первой женой Карамзина. Плещеевым посвящены «Письма русского путешественника», а Настасье Ивановне («Аглае») — стихотворения, повести и прозаические этюды Карамзина. По матери Плещеев-младший приходился племянником Е. А. Протасовой, хозяйке Муратова, в 25 верстах от которого имел село Сурьяново (Сурьянино, Сурьяниново), а в 40 верстах — имение Большая Чернь Болховского уезда, где часто бывал Жуковский. В 1811—1814 гг. Жуковский и Плещеев обменивались стихотворной «галиматьей» (см.: ПССиП. Т. 1. С. 566—568 и по оглавл.; Соловьев. Т. 1; *Вяткина И. А.* Диглоссия русских маргинальных жанров. Домашняя поэзия и эпистолярный В. А. Жуковского. LAP: Lambert academic publishing, 2011. Гл. 1). Свидетельство совместных ранних упражнений в литературной «галиматье» — шуточное письмо Вяземского к А. И. Тургеневу от 4 февраля 1809 г. с припиской Жуковского (РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 83. Л. 1—2; позднейшая помета Вяземского: «Из первых опытов наших в Галиматье, Жуковского и меня — к Тургеневу»).

76.

А. И. Тургеневу

(С. 122)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 146. Л. 6—6 об. Б. д.

Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 89—90.

Печатается по автографу.

Датируется: конец декабря 1810 — начало января 1811 г.

Датируется на основании контекста письма, из которого явствует, что это письмо написано из Москвы.

¹ Алексей Захарович Хитрово (см. примеч. 2 к письму к А. И. Тургеневу от 18 октября 1810 г.).

² Речь идет о греческой грамматике немецкого филолога и писателя Фридриха Якобса: *Elementarbuch der griechischen Sprache, für Anfänger und Geübtere*. Jena, 1805. Она была необыкновенно популярна: до 1880 г. вышло 22 издания этой книги.

³ Михаил Сергеевич Кайсаров, брат А. С. Кайсарова, воспитанник Московского университетского благородного пансиона, чиновник Министерства внутренних дел, полиции и финансов, переводчик. В частности, ему принадлежит перевод сочинения Л. Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шанди».

77.

А. И. Тургеневу

(С. 123)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 146. Л. 7.

Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 90.

Печатается по автографу.

Датируется: 15 февраля 1811 г.

¹ Вероятно, имеется в виду письмо Тургенева от 25 января 1811 г., где часто упоминается С. С. Уваров, с которым Тургенев хотел лично познакомиться Жуковского. В письме поднимается вопрос о «будущности» Жуковского. Тургенев, в частности, пишет: «Переговори с Уваровым о твоей будущности: со временем предвижу я возможность определить тебя Профессором российской словесности в здешнем <Петербургском> педагогическом институте, который должен быть возведен на высшую степень учебных институтов. — Звание Профессора доставит тебе более 2 000 жал<ованья> и чин Надв<орного> Сов<етника>, вместе с сею должностью можешь ты соединить другое место по министерству, которое даст тебе еще более 2 000 жал<ованья>, и тогда, при казенной квартире, которую я, след<овательно> и ты вероятно иметь будешь. Заживем мы с тобою припеваючи» (Siegel. № 52. S. 188). Как известно, Жуковский, еще надеясь на устройство личной жизни, отказался от этого предложения.

78.

А. И. Тургеневу

(С. 123)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 146. Л. 9—10.

Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 90—94.

Печатается по автографу.

Датируется: 27 марта 1811 г.

¹ Письмо Г. Р. Державина к А. И. Тургеневу от 18 марта 1811 г. было связано с неудовольствием поэта по поводу помещения его произведений в первых двух частях СРС Жуковского: неудовольствие Державина было вызвано тем, что в СРС «помещены во множестве целые мои оды <...> вмещенные между такими, с которыми бы я на ряду никогда быть не желал»: Державин. Т. 6. С. 208—210. Ср.: РНБ. Оп. 2. № 73. Л. 80—81 об.

² Вот лишь один характерный пассаж из письма Державина, направленный против Жуковского: «Нигде не позволяется похищать чужие труды и обогащаться за счет ближнего» (Там же. С. 210).

³ Державин буквально угрожал издателю СРС, предупреждая его, что если какие-либо его сочинения появятся в последующих частях, то он «принужденным

найдется просить правительство, чтобы и напечатанные отобранные были и проданы в пользу казенных ученых институтов» (Державин. Т. 6. С. 210).

⁴ Тургенев ответил Державину 11 апреля 1811 г. (см.: Там же. С. 244—247, а также: РНБ. Оп. 2. № 73. Л. 83—84 об.). Он не просто попытался разъяснить позицию издателя, но и показать значение деятельности Жуковского для русской культуры, раскрыть масштаб его поэзии.

⁵ См. примеч. 16 к письму к А. И. Тургеневу от 15 сентября 1809 г.

⁶ Жуковский действительно исполнил желание Державина: в трех последующих частях СРС не поместил ни одного его произведения.

⁷ Эта история изгнания Н. И. Гнедича из дома князя Б. В. Голицына так передана в письме Гнедича к В. В. Капнисту от 25 августа 1811 г.: «Гаврила Романович, съехавшись один раз со мною у князя Бор<иса> Голиц<ына>, выгнал меня из дому за то, что я изъявил нежелание быть сотрудником общества <Беседы любителей русского слова>. Не подумайте, что сказка: существенное приключение, заставившее в ту минуту думать, что я зашел в кибитку скифов» (Державин. Т. 6. С. 376). Письмо Гнедича, в котором он официально отказывался от членства в «Беседе...», было послано Державину 12 декабря 1810 г. (Там же. С. 202—203).

⁸ В декабре 1794 г. ода «Вельможа», *генетически* восходящая к оде «На Знатность» (опубликована в: Оды, сочиненные и переведенные на горе Читалагае. СПб., 1776), начала распространяться в списках. Вошла в издания сочинений Державина 1798 и 1808 гг. (см. подробно: *Державин Г. Р. Сочинения / Вступит. ст., подгот. текстов и примеч. Г. Н. Ионина.* СПб., 2002. С. 584—586).

⁹ Сочинение Гнедича впервые было напечатано в журнале «Цветник» (1809. Ч. II. № 6. С. 273—278).

¹⁰ См. примеч. 22 к письму к А. И. Тургеневу от 12 сентября 1810 г. Напечатано в СРС (Ч. IV. С. 170—173).

¹¹ И. И. Дмитриеву.

¹² По воспоминаниям Д. Н. Блудова, причиной неудовольствия Державина был московский переплетчик, который не успел к сроку изготовить достаточного количества экземпляров первых двух частей СРС, поэтому Державин не получил вовремя этой книги. См.: Державин. Т. 6. С. 209—210.

¹³ В своем письме к Державину Тургенев выполнил эту просьбу: «Я должен довести до сведения В<аше>го пр<евосходительства>, что я доставил ему <Жуковскому> копию с Вашего письма ко мне; из его молчания Вы, м<илостивый> г<осударь>, можете заключить, что он не хочет оправдываться перед Вами» (Там же. С. 214; см. также копию письма А. И. Тургенева к Державину в архиве Жуковского: РНБ. Оп. 2. № 397. Л. 1—3, рукою не установленного лица).

¹⁴ Имеется в виду сочинение немецкого моралиста и философа Христиана Гарве «Übersicht der vornehmsten Principien der Sittenlehre, von dem Zeitalter des Aristoteles an bis auf unsre Zeiten» (Breslau, 1798). Эта книга с пометами Жуковского имеется в его библиотеке (Описание. № 1076). Интерес к наследию немецкого моралиста проявился у поэта еще в 1805 г. 21 июля он записывает в дневнике: «Читаю теперь Гарве: О уединении и обществе. Простой, ясный и приятный слог; порядок в пред-

ложении мыслей; справедливость мыслей, основанных на опыте. Виден человек, который в спокойном состоянии души, перед концом жизни, говорит о том, что заметил во всё время ее продолжения, говорит просто, без пристрастия. Гарве может назваться настоящим практическим философом, то есть таким, которого философия может быть легко применена к человеческой жизни, потому что она основана на опыте, не есть умозрительная, произведенная одним умом, но есть следствие многих замечаний и многих опытов» (ПССиП. Т. 13. С. 21—22). В ноябре того же года Жуковский «хотел переводить Гарве» (Там же. С. 27). Подробнее о чтении произведений Гарве см.: БЖ. Ч. 2—3. Указатель имен.

¹⁵ Упомянутое сочинение английского философа и историка Адама Фергюсона появилось в 1792 г. Но Х. Гарве перевел не это, а другое произведение Фергюсона — «*Institutes of Moral Philosophy*» (1769). Данный перевод под заглавием «*Adam Ferguson's Grundsätze der Moralphilosophie aus dem Engl. von Ch. Garve*» был напечатан в Лейпциге в 1772 г. В библиотеке поэта имеется оригинальный текст Фергюсона издания 1815 г. (Описание. № 2621). Видимо, интерес к творчеству Фергюсона не иссякал и позднее, о чем свидетельствует наличие в библиотеке Жуковского французского перевода того самого сочинения, о котором идет речь в письме: *Principes de la science morale et politique ou Résumé des leçons données au collège de Edinbourg. Par Adam Ferguson. Traduit de l'anglais par A. D. Paris: Kleffer et Moreau, 1821* (Описание. № 1017). В письме к А. П. Елагиной от 7—19 февраля 1827 г., говоря о занятиях ее сына, Ивана Киреевского, Жуковский пишет: «Советовал бы Ване познакомиться с английскими философами. Пускай читает Дугальда Стюарта, Фергюсона, Смита. Их свет озаряет жизнь и возвышает душу» (Переписка Ж. и Елагиной. С. 298).

¹⁶ Речь идет о двухтомном сочинении шотландского философа Френсиса Хатчесона, которое было опубликовано в Глазго и Лондоне в 1755 г. Почти одновременно оно было переведено на немецкий язык Лессингом: *F. Hutchsons Sittenlehre der Vernunft, a. d. Engl... Gotthold Ephraim Lessing. Leipzig, 1756*.

¹⁷ Это сочинение немецкого философа, с 1768 г. профессора Гёттингенского университета Иоганна Георга Генриха Федера появилось в 4-х частях, в 1779—1783 гг., в Лемго.

¹⁸ Иоганн Готтлиб (Феофия) Буле, профессор философии сначала в Гёттингене, а затем, с 1805 по 1810 г., в Московском университете. Речь идет о его сочинениях, написанных на немецком языке: *Lehrbuch der Geschichte der Philosophie. Th. 1—8. Göttingen, 1796—1804* и *Geschichte der neuern Philosophie seit Wiederherstellung der Wissenschaften. Bde 1—6. Göttingen, 1800—1805*. В библиотеке Жуковского имеется его другое произведение: *Einleitung in die allgemeine Logik und die Kritik der reinen Vernunft. Göttingen, 1795* (Описание. № 741). Судя по надписи на форзаце: «*Basile de Shoukovsky*», книга была приобретена поэтом еще в юности. Пометки и записи свидетельствуют об интересе к наследию немецкого философа. Во время редакторства Жуковского в ВЕ было опубликовано «Письмо к издателю Вестника Европы от профессора Буле» по поводу перевода оды Горация «К Помпею Гросфу» (*Гораций. Оды. Эподы. Сатиры. Послания. Кн. II: Оды. Ода 16. М., 1970.*) И. М. Муравьевым-

Апостолом (ВЕ. 1809. Ч. 47. № 20. Октябрь. С. 272—274). В письме к И. И. Дмитриеву от 10 марта 1810 г. Жуковский высказывает замечания по поводу перевода И. И. Дмитриевым этой же оды. Почти одновременно с написанием данного письма Жуковского на страницах ВЕ появилась статья Буле «О рунах» из его сочинения «*Versuch einer kritischen Literatur der russischen Geschichte*» (ВЕ. 1811. Ч. 56. № 5. Март. С. 55—56).

¹⁹ См. примеч. 16.

²⁰ Как явствует из письма к А. Н. Тургеневу от второй половины мая 1811 г. (см. наст. изд.), Жуковский не только получил копию, но и выразил свое отношение к письму: «Я позабыл поблагодарить тебя за твой прекрасный ответ Державину: он тронул меня».

79.

С. С. Уварову

(С. 125)

Автограф: ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. № 80. Л. 13—14.

Копия: РНБ. Оп. 2. № 426. Л. 1—2 — рукою А. И. Тургенева.

Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 95 (примеч. 2) — отрывок.

Впервые полностью: РА. 1900. Кн. 3. № 9. С. 10—13. Публикация И. А. Быкова.

Печатается по автографу.

Датируется: 4 мая 1811 г.

¹ Письмо является ответом на письмо С. С. Уварова от 21 апреля 1811 г. (РНБ. Оп. 2. № 73. Л. 303—304; РА. 1871. Стб. 0157—0158).

² С. С. Уваров хотел перепечатать перевод своей брошюры «*Projet d'une Académie Asiatique*» (СПб., 1810), сделанный (с некоторыми исключениями) Жуковским и напечатанный под заглавием «Мысли о заведении в России Академии Азиатской» в ВЕ (см. примеч. 7 к письму к А. И. Тургеневу от августа 1810 г. и примеч. 10 к письму ему же от 4—5 декабря 1810 г.); за этот перевод Жуковский взял по просьбе А. И. Тургенева (см. письмо к нему Жуковского от 4 декабря 1810 г.). «Многие изъявили желание, — писал Уваров, — иметь полный перевод на русский язык, и не могу лучше отвечать требованию их, как познакомить с переводом Вашим» (РА. 1871. Стб. 0157). В письме от 15 мая 1811 г. Уваров высоко оценил намерение Жуковского заняться подготовкой нового издания перевода: «Доставлением экземпляра переправленного совершенно меня обяжете; срока за тем не назначаю» (Там же. Стб. 0159); издание это, однако, не состоялось.

³ См. в письме Уварова от 21 апреля: «Скажите Николаю Михайловичу, что Шлегель пишет мне, что он напечатал последнее сочинение о *Новейшей истории*. Как скоро сия книга дойдет до рук моих, то я доставлю ее Вам в Москву» (Там же. Стб. 0158). Речь идет о книге Фр. Шлегеля «*Über die neuere Geschichte*» (Wien, 1811) — отклик на нее Карамзина в письме к С. С. Уварову от 6 марта 1812 г. см.:

Гиллельсон М. И. Письма Н. М. Карамзина к С. С. Уварову // XVIII век. Сб. 8: Державин и Карамзин в литературном движении XVIII — начала XIX века. Л., 1969. Вып. 8. С. 352. С письмом к Жуковскому от 21 апреля 1811 г. Уваровым была послана еще одна книга Шлегеля «Über die Sprache und Weisheit Indier» (Heidelberg, 1808): «Я послал Н. М. Карамзину Шлегеля книгу про Индию, которую я Вам советую прочитать» (РА. 1871. Стб. 0158). В письме к Жуковскому от 15 мая Уваров поинтересовался: «Я Вас покорно прошу узнать, получил ли Николай Михайлович письмо мое при Шлегелевой книге о Индии» (Там же. Стб. 0159; отклик на нее в письме Карамзина от 1 июля 1811 г. см.: Гиллельсон М. И. Письма Н. М. Карамзина к С. С. Уварову. С. 351).

⁴ Карамзин уехал в Остафьево, Жуковский — в родные края.

⁵ Уваров, в качестве попечителя Санкт-Петербургского учебного округа, предлагал Жуковскому место в Главном Педагогическом институте, однако поэт в письме от 4 мая отклонил его предложение. В ответ Уваров написал Жуковскому 15 мая: «Тургеневу поручил я доказать Вам, что Ваше желание несогласно ни с ходом вещей, ни с Вашими выгодами, ни с моими. Я надеюсь, что он Вас убедит. Самая скромность Ваша уверяет меня, что Вам приготавливаться не нужно. Что же касается до занятий Ваших, то не только Вы будете иметь нужное на оные время, но и еще все способы более и более распространять опытность и сведения Ваши. Видно, что Вы давно в Петербурге не бывали, если Вы полагаете, что через два года я буду еще иметь возможность делать Вам приятное» (Там же. С. 0158); еще раз свое отношение к предложению Уварова Жуковский был вынужден высказать в письме к А. И. Тургеневу от второй половины мая 1811 г. О желании «переселить» Жуковского в Петербург Уваров писал ему и в дальнейшем (см. его письма от 6 июня 1813 г., 29 июля и 17 августа 1815 г.: РА. 1871. Стб. 0160—0161, 0162, 0165—0166).

⁶ О присылке стихов Уварова «Sur l'avantage de mourir jeune» Жуковский просил А. И. Тургенева еще в письме от 12 сентября 1810 г. (здесь же см. отзыв о других стихах Уварова). Подробнее см.: примеч. 27 к письму к А. И. Тургеневу от 12 сентября 1810 г.

⁷ См. примеч. 17 к письму к А. И. Тургеневу от 4—5 декабря 1810 г.

80.

А. И. Тургеневу

(С. 127)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 146. Л. 11. Б. д.

Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 94. Без постскриптума.

Впервые постскриптум без текста письма: Труды Тульской губернской ученой архивной комиссии. Кн. 1. Тула, 1915. С. 178. Публикация В. С. Арсеньева.

Печатается по автографу.

Датируется: начало мая (около 6-го) 1811 г.

Адрес: «В Санктпетербурге. В Итальянской слободе, в доме госпожи Путятиной». Почтовый штампель: «Москва».

Основанием для датировки письма является указание на отъезд в Петербург В. С. Филимонова (уехал 6 мая 1811 г.). Ср. письмо К. Н. Батюшкова к Н. И. Гнедичу от 6 мая 1811 г.: «Я пишу сегодня нарочно с отъезжающим отсюда Владимиром Сергеевичем Филимоновым, которого прошу полюбить как доброго моего приятеля. У него мало знакомых в Петербурге; если можешь быть в чем-нибудь ему полезным, то будь!» (Батюшков. Т. 2. С. 166). Очевидно, что и рекомендательное письмо Жуковского было написано накануне этого отъезда.

¹ Владимир Сергеевич Филимонов, известный литератор, автор популярной поэмы «Дурацкий колпак». Филимонов считал Жуковского своим крестным отцом в поэзии. См.: Проза и стихи В. Филимонова. Две части. Ч. 2. СПб., 1822. С. 125. В библиотеке Жуковского имеется это издание с дарственной надписью на чистом листе перед заглавным листом первой части: «Любезнейшему Василию Андреевичу Жуковскому, в залог дружбы, от Филимонова. Мая 14. 1822. С.П.бург» (Описание. № 425). Там же находится и отдельное издание «Дурацкого колпака» (Ч. 1—2. СПб., 1828), но без дарственной надписи (Описание. № 426).

² Т. е. в Московском архиве Коллегии иностранных дел.

³ Вероятно, имеется в виду «Послание о деятельности», о котором Жуковский говорил еще в письме к А. И. Тургеневу от 7 ноября 1810 г., но которое так и не написал.

⁴ О каком деле идет речь и кто такой Ершов, установить не удалось. Возможно, именно об этой просьбе к Северину Жуковский упоминает в письме к А. И. Тургеневу от 4 ноября 1810 г. (см. примеч. 6 к этому письму).

81.

Н. И. Гнедичу

(С. 128)

Автограф неизвестен.

Копия неизвестна.

Впервые опубликовано: РС. 1883. № 4. С. 112.

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: 6 мая 1811 г.

Приписка Жуковского к письму К. Н. Батюшкова к Н. И. Гнедичу от 6 мая 1811 г.

¹ Имеется в виду перевод «Илиады», над которым работал Н. И. Гнедич.

82.

А. И. Тургеневу

(С. 128)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 146. Л. 13. Б. д.

Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 94—96.

Печатается по автографу.

Датируется: середина мая (около 13-го) 1811 г.

Адрес: «В Санктпетербурге. По Фонтанке, у Семеновского моста. В доме бывшем Удельного Департамента или спросить в доме главноуправляющего духовными делами иностранных исповеданий князя Александра Николаевича Голицына».

Основанием для датировки является сообщение о «несчастном случае», который «велит мне немедленно ехать в деревню, в Белев и потом в Орел, и на несколько месяцев» (см. примеч. 2 ниже).

¹ Это письмо неизвестно.

² Внезапный отъезд Жуковского из Москвы в деревню был связан со смертью вдовы А. И. Бунина Марьи Григорьевны, последовавшей 13 мая 1811 г. Она была похоронена в Мишенском, под Белевым. Жуковский искренне любил «бабушку», как он называл Марью Григорьевну. Уже в конце жизни, читая воспоминания А. П. Зонтаг о своем детстве, он писал ей 8 апреля 1851 г.: «Как многое для меня трогательно; особенно все воспоминания о бабушке. Она так меня любила!» (УС. С. 129). Об этом же он говорит и в письме к А. П. Елагиной от 17 (29) мая 1849 г.: «Жена моя может быть свидетелем, как мне дорога память милой нашей бабушки, которая так нежно меня любила; у меня согревается сердце, когда я об ней вспомню» (Там же. С. 80—81).

³ Имеется в виду С. С. Уваров. См. письмо к нему от 4 мая 1811 г. Копия этого письма, сделанная рукою А. И. Тургенева и хранящаяся в архиве Жуковского (РНБ. Оп. 2. № 426. Л. 1—2), свидетельствует о том, что Тургенев ознакомился с письмом. Уваров в ответном письме Жуковскому от 15 мая 1811 г., в частности, писал: «Тургеневу поручил я доказать Вам, что наше желание не согласно ни с ходом вещей, ни с Вашими выгодами, ни с моими. Я надеюсь, что он Вас убедит. Самая скромность Ваша уверяет меня, что Вам приготовляться не нужно. Что же касается до занятий Ваших, то не только Вы будете иметь нужное на оные время, но еще все способы более и более распространять опытность и сведения ваши» (РА. 1871. С. 0159).

⁴ Тургенев и Уваров уговаривали Жуковского переехать в Петербург и занять место профессора в Педагогическом институте.

⁵ Никаких сведений об упоминаемом лице обнаружить не удалось. Упоминание о «деле Ершова» содержится в письме к А. И. Тургеневу от начала мая (около 6-го) 1811 г.

⁶ См. письмо к А. И. Тургеневу от 27 марта 1811 г., примеч. 4.

83.

А. И. Тургеневу

(С. 128)

Автограф: ГАРФ. Ф. 1094 (Тургеневы). Оп. 1. № 76. Л. 1—1 об. Б. д.

Публикуется впервые.

Датируется: середина июня 1811 г.

Адрес: «Его высокоблагородию милостивому государю моему Александру Ивановичу Тургеневу, в Санкт-Петербурге, в Итальянской слободе, в доме госпожи Пуятиной». Почтовый штемпель: «Белев» (Л. 2).

Основанием для датировки письма является сообщение о смерти матери, последовавшей 24 мая 1811 г. Сохранился рисунок ее могилы на кладбище Новодевичьего монастыря, сделанный Жуковским 7 сентября 1839 г. (РНБ. Оп. 2. № 61. Л. 86); на надгробной урне дата: «24 М<ая> 1811». За сообщение этих сведений и предоставление копии рисунка благодарим Л. И. Вуич. В настоящее время могила не сохранилась, хотя до последних дней своей жизни поэт заботился о ней, поручив это московской знакомой А. С. Астраковой, а после ее смерти близким друзьям.

¹ Е. А. Протасова и ее дочери, Маша и Саша.

² Жуковский имеет в виду деревню Холх в полуверсте от Муратова, поместья Е. А. Протасовой. Покупка состоялась зимой 1810-го или ранней весной 1811 г. при помощи М. Г. Буниной и матери поэта и явилась результатом давнего намерения Елизаветы Дементьевны обеспечить Жуковского (см. примеч. 7 к письму к А. П. Юшковой (Зонтаг) от июня 1809 г. и вступительное примечание к письму к П. А. Вяземскому от второй половины 1810 г.; см. также: Афанасьев. С. 107—108).

³ См. примеч. 27 к письму к А. И. Тургеневу от 12 сентября 1810 г. и письмо к С. С. Уварову от 4 мая 1811 г.

7 сент 1839

84.

П. А. Вяземскому

(С. 129)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1909. Л. 68—68 об. Б. д.

Публикуется впервые.

Датируется: середина июня 1811 г.

Датируется на основании возможного времени возвращения Жуковского из Москвы в деревню после смерти матери.

¹ Печальные события мая—июня 1811 г. Жуковский изложил в письме к А. И. Тургеневу, написанном примерно в одно время с данным письмом. Узнав в Москве о смерти 13 мая в Мишенском М. Г. Буниной, Жуковский на три дня приехал для похорон в Белев, откуда отправился со скорбной вестью к Е. А. Протасовой в Муратово, где получил известие о том, что в Москве тяжело заболела его родная мать. Поспешив в Москву, Жуковский нашел уже «одну ее могилу»: Е. Д. Турчанинова скончалась 24 мая (см. письмо к А. И. Тургеневу от середины июня 1811 г.). Даже не повидавшись с Вяземским и Карамзинными, Жуковский уехал в родные места и ближайший год жил в основном в Муратове и Холхе.

² Вероятно, Вяземский советовал другу заглушить горе литературной работой; Карамзин же в письме с соболезнованиями от 15 июня 1811 г. рекомендовал Жуковскому сменить обстановку: «Бескорыстно желаем, чтобы Вы поискали рассеяния в Москве: деревня представляет Вам более мучительных воспоминаний» (Голос минувшего. 1919. № 1—4. С. 39). Намеченного осенью 1810 г. плана самообразования Жуковский придерживался и в 1811 г., о чем подробно писал А. И. Тургеневу 27 марта; 4 мая он решительно сообщил С. С. Уварову, что намерен «употребить года два» на «ученический труд» в области философии и общественных наук (см. наст. изд.); в конце года, описывая свои деревенские занятия, он сообщал Д. Н. Блудову: «Мое время разделено на две половины: одна посвящена ученью, другая авторству <...>. Ученье: философия и история, и языки...» (см. письмо к нему от 5—11 декабря 1811 г.). «Рассеяние» же во второй половине 1811 г. Жуковский пытался найти в литературных играх с молодыми Протасовыми и семьей Плещеевых (см. «домашнюю» поэзию этого периода: ПССиП. Т. 1).

³ С. С. Уваров, назначенный в 1811 г. попечителем Петербургского учебного округа, предлагал Жуковскому место профессора в Педагогическом институте; в апреле—мае 1811 г. Уваров и А. И. Тургенев настойчиво советовали Жуковскому соглашаться, но он отказывался, ссылаясь на «обстоятельства», нежелание отвлекаться от литературного труда и свою недостаточную научную подготовку (см. переписку в: РА. 1871. № 2. Стб. 0158—0160; 1900. № 9. С. 10—15; ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. № 80. Л. 9, 13—14; ГАРФ. Ф. 1094. Оп. 1. № 76. Л. 1).

⁴ Речь идет о намерении Вяземского издавать журнал. К сожалению, об этом его замысле больше ничего неизвестно, неясно даже, кого он планировал в сотрудники, кроме Жуковского: в письмах Д. П. Северина к Вяземскому 1811-го г. эта тема не за-

трагивается. Вероятно, Жуковский вспоминает здесь частое присловье А. Ф. Мерзлякова или цитирует одно из его сочинений. Подобные «цитации» Мерзлякова были в ходу в университетской среде; ср.: «Многие стихи, именно из “Послания к Пизонам”, обратились в поговорки, поговорки и правила стихотворения между воспитанниками Университетского пансиона» (*Сушков Н. В.* Московский университетский Благородный пансион. М., 1858. С. 98—99).

⁵ Михаил Никитич Муравьев, в 1785—1796 гг. воспитатель и наставник великих князей Александра и Константина Павловичей, а также учитель их невест, немецких принцесс; с 1803 г. был товарищем министра народного просвещения и попечителем Московского университета; через него Н. М. Карамзин получил должность историографа; с 1802 г. в Петербурге у Муравьева живет и служит при нем секретарем его двоюродный племянник — К. Н. Батюшков, для которого семья Муравьевых стала родной. После смерти Михаила Никитича его жена Екатерина Федоровна с детьми поселилась в Москве. Она хлопотала об издании сочинений Муравьева по материалам домашнего архива (рукописи, малотиражные учебные издания XVIII в.), привлекла к работе Карамзина и Батюшкова, который зиму—весну 1810 г. жил у нее в Москве. В 1810 г. Карамзин отредактировал две книги прозы Муравьева: «Опыты истории, словесности и нравоучения» (М., 1810), вышли с предисловием Карамзина («Мысли и правила автора изображают прекрасную, нежную душу его, исполненную любви к общему благу. <...> Любовь к отечественной славе заставляет нас издать его творения, написанные не для печати, ибо скромность, даже излишняя, не позволяла ему быть в сношении с публикою»). Работа возобновилась в первой половине 1811 г.: Батюшков, который опять живет у Е. Ф. Муравьевой, разбирает с ней рукописи; решено продолжить издание томом стихотворений; отредактировать его и написать вводный очерк взялся Жуковский, но за весну подготовку книги он не закончил. В середине мая, перед отъездом Жуковского в Мишенское, Батюшков писал ему: «Что ты будешь делать с сочинениями М<ихаила> Н<икитича>? Будешь ли их печатать? — Я должен об этом известить Катерину Федоровну; я удивляюсь, как ты <...> уезжаешь, не повидавшись с нею!!! Дай мне по крайней мере ответ» (Батюшков. Т. 2. С. 171). Об этом издании Батюшков напоминал Жуковскому и в 1812—1814 гг. (Там же. С. 210, 307—310 и др.). В 1815 г. сам Батюшков издал найденные им в рукописи «Эмилиевы письма», а собрание прозы и стихов Муравьева они подготовили вместе с Жуковским (Полное собрание сочинений Михаила Никитича Муравьева. Ч. 1—3. СПб., 1819—1820). По нормам того времени предполагалось, что редактор правит стиль издаваемого сочинения; вслед за Карамзиным Жуковский вносил поправки в стихи Муравьева, а Батюшков — в прозаические тексты (см.: *Левин В. Д.* Карамзин, Батюшков, Жуковский — редакторы сочинений М. Н. Муравьева // Проблемы современной филологии: Сб. статей к 70-летию В. В. Виноградова. М., 1965. С. 182—191).

⁶ Имеется в виду Анна Петровна Квашнина-Самарина, фрейлина русского императорского двора (1795—1827), хозяйка литературного салона в Петербурге, в который были вхожи Державин и Капнист, Батюшков и Гнедич (см. о ней: *Кочелев В. А.* Константин Батюшков. Странствия и страсти. М., 1987. С. 37—38). Ма-

нускрипт, упоминаемый далее, — вероятно, список стихотворений Жуковского, который Батюшков попросил для Самариной у Жуковского.

85.

П. А. Вяземскому

(С. 131)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1909. Л. 34.

Публикуется впервые.

Датируется: 8 сентября 1811 г.

Адрес: «Князю Петру Андреевичу Вяземскому в Москве в доме Петра Александровича Кологривого» (Л. 35). Авторская дата, «8 августа», вероятно, описка: больной Вяземский жил в доме Кологривова в сентябре 1811 г., и этот временный адрес он мог сообщить в несохранившемся коротком «сердитом» письме, на которое и откликается Жуковский.

П. А. Кологривов служил в кавалерии, в 1800 г. вышел в отставку полковником; богатый саратовский, пензенский и калужский помещик, в родстве со многими аристократическими семьями. Его московский дом находился в Живодерном переулке (в Грузинах на Тишинке) — «длинный, деревянный, одноэтажный <...> со множеством служб, с обширным садом, огородами и прочим, одним словом — господская усадьба среди столичного города» (Вигель. Т. 2. С. 31). Кологривов был женат на княгине Прасковье Юрьевне Гагариной. Расстроенное состояние и забота о шести детях подтолкнули княгиню к браку (не позднее 1805 г.) с П. А. Кологривовым, человеком совсем не «светским» («он без намерения делал грубости, шутил обидно и говорил невпопад», при этом «был великий хлопотун и делец» (Там же. С. 25—26)). В 1810—1820-е гг. П. Ю. Кологривова пользовалась большим авторитетом в московском обществе (считается, что она подразумевается под именем Татьяны Юрьевны в «Горе от ума» А. С. Грибоедова). В доме Кологривовых устраивали балы и приемы в честь губернаторов и Александра I. На старшей дочери Кологривовой, княжне Вере Федоровне Гагариной, 18 октября 1811 г. женился Вяземский. В доме Кологривовых Вяземские жили в 1811, 1812—1813 гг., эпизодически в 1820-е.

¹ Вероятно, имеется в виду острое переживание тяжелых обстоятельств жизни Жуковского летом 1811 г., после смерти в мае М. Г. Буниной и Е. Д. Турчаниновой, а также внешних препятствий чувству Жуковского к М. А. Протасовой.

86.

П. А. Вяземскому

(С. 131)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1909. Л. 18—19. Б. г.

Публикуется впервые.

Датируется: 22 сентября 1811 г.

Адрес: «Его сиятельству милостивому государю моему князю Петру Андреевичу Вяземскому. В Москве, в доме Петра Александровича Кологривова» (Л. 19 об.).

Датировка: год определяется по адресу и по связи содержания письма с предыдущим письмом к П. А. Вяземскому.

¹ О болезни Вяземского, «который лежит в доме своей невесты», Карамзин извещал И. И. Дмитриева 13 сентября 1811 г.: «У него жестокой кашель с лихорадкой, и легко может открыться чахотка»; 21 сентября: «Медики имеют надежду; но я все еще не вижу решительного облегчения»; 8 октября: «Князю лучше, но сильный кашель еще продолжается, и состояние влюбленного жениха не благоприятствует выздоровлению молодого человека, близкого к чахотке»; 9 ноября: князь «ближе к здоровью» (Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 156, 157, 158). 21 сентября сам Вяземский писал К. Н. Батюшкову: «Теперь я бы уже был женатым, если не проклятая болезнь, то есть сильная простуда, сильный кашель и сильная лихорадка, которая не выпускает меня из комнаты третью неделю, в том мне не препятствовала» (Литературный архив. СПб., 1994. С. 125).

² Вероятно, имеется в виду болховский помещик Дмитрий Акимович Апухтин, общение Жуковского с семейством которого летом 1811 г. отразилось в стихотворении <В альбом 8-летней Н. Д. Апухтиной> (см.: ПССиП. Т. 1. С. 555—556). Апухтин участвовал в Отечественной войне 1812 г. в составе того же 1-го пехотного полка Московского ополчения, в котором в качестве поручика служил Жуковский См.: *Самовер Н. В.* «Русские крестоносцы». 1-й пехотный полк Московского ополчения в Отечественной войне 1812 года // Эпоха Наполеоновских войн: люди, события, идеи: Материалы Второй науч. конф. М.: Комитет по культуре Москвы, Музей-панорама «Бородинская битва», 1999. С. 137.

³ Женитьба Вяземского на княжне В. Ф. Гагариной стала неожиданностью для его близких и друзей, а обстоятельства помолвки пересказывались как романтическая история: «В семье о свадьбе князя Петра Андреевича сохранилось предание, что его поймали, что он, как-то будучи у Прасковьи Юрьевны <Кологривовой> в доме, попал в воду и должен был остаться у них и что Прасковья Юрьевна положила в комнате, где его поместили, к его изголовью часы дочери своей княжны Веры и потом объявила, что он должен на ней жениться. <...> Княгиня Вера Федоровна рассказывала, что она в первый раз встретила своего будущего мужа <...> в Останкине, что он был этот день очень грязен, весь в чернилах» (*Шереметев П. С.* Карамзин в Остафьеве. 1811—1911. М., 1911. С. 58). По просьбе правнука Вяземского деталями поделился в 1911 г. П. И. Бартенев: «В августе 1811 года у Прасковьи Юрьевны Кологривовой, в Тишине, где ныне Народный дом, в доме ее супруга Кологривова жили два ее сына, князя Гагарина и три дочери. <...> К ним собиралось молодое общество, и однажды одна из девиц бросила в пруд башмачок, а молодые люди, и в их числе князь Петр Андреевич, два князя Гагарина и Василий Перовский кинулись вылавливать из пруда кинутый башмачок. Князь Вяземский захлебнулся в пруду, и когда его вытащили, уже не в силах был возвратиться к себе домой к Антипию, а должен был лечь в постель в доме Кологривова. За ним, разумеется,

ухаживали, и всех усерднее княжна Вера. Это продолжалось несколько времени и разнеслось между знакомыми. Князь Федор Сергеевич <Очевидно, ошибочно вместо: Федорович> объявил настойчиво, что для прекращения сплетен невольный их гость должен жениться на княжне Вере» (Там же. С. 58—59). Отметим явную ошибку Бартенева: дом Вяземских на Колымажном дворе близ церкви Священномученика Антипы был продан еще в 1810 г., и в 1811 г. Вяземский с Карамзинными жил в съёмном доме Мордвинова на Басманной. Сговор Вяземского и В. Ф. Гагариной действительно произошел в августе 1811 г., когда Карамзин с женой были в Остафьеве. Сохранилась записка Вяземского к княжне: «Les enfans des K. sont ici et m'annocent la prompte arrive de leur père et mere. Je m'arme de courage, je pense à toi et je suis sûr, que tout ira bien. Mon ton m'inspirera dans les combats»* (ОА. Т. 5—1. С. 3). Таким образом, от Кологривовых Вяземский вернулся домой набираться мужества, чтобы объявить Карамзину о своем решении. 27 августа Карамзин сообщал И. И. Дмитриеву: «Наш князь нечаянно объявил нам, что он помолвил жениться на княжне Гагариной, дочери Кологривовой, Прасковьи Юрьевны. Мы не имели даже малейшего подозрения... Между тем мы должны расстаться, то есть жить в разных домах: он думает скоро жениться и переехать в Подмосковную, а твой историограф, не очень здоровый, не очень веселый, занимается теперь хлопотами нового, особенного хозяйства» (Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. С. 154—155). Очевидно, было решено, что Карамзины остаются на Басманной, Вяземский же к свадьбе наймет для себя другую квартиру; серьезно заболел Вяземский к сентябрю — и лечиться предпочел у Кологривовых. К началу сентября Вяземский официально сообщает о своей помолвке знакомым — Северин поздравляет его 5 сентября, Батюшков 9-го, И. И. Дмитриев 11-го. За время болезни для молодых подыскали дом М. А. Смирнова на Кисловке; 18 октября сыграли свадьбу. В цитированном письме к П. С. Шереметеву П. И. Бартнев сообщал: «Свадьба состоялась перед самыми Филипповками, причем князь венчался сидя в кресле, так как не совсем еще оправился. Свадебный пир был позднее и почему-то на Кисловке в доме, принадлежавшем в наши дни графу Васильеву-Шиловскому. Князь мне рассказывал, что огромная стерлядь при переносе из кухни в дом была уронена прислугой в грязь, и гости остались без лучшего блюда» (*Шереметев П. С.* Указ соч. С. 59). Вероятно, перед «Филипповками» (14 ноября), т. е. Рождественским постом, было уже новоселье на Кисловке с «пиром». В доме Смирнова Вяземские прожили до августа 1812 г.

---

* Дети К. здесь и сообщают мне о скором приезде отца и матери. Я вооружаюсь смелостью, думаю о тебе и уверен, что всё будет хорошо. Мое настроение вдохновит меня на битву (*франц.*).

87.

П. А. Вяземскому

(С. 132)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1909. Л. 16. Б. д.

Публикуется впервые.

Датируется: середина сентября 1811 г.

Основание датировки: Вяземский стал извещать иногородних знакомых о своей помолвке с начала сентября 1811 г.; в письме к К. Н. Батюшкову от 21 сентября он уже ссылается на данное письмо Жуковского.

¹ Имеется в виду предстоящая женитьба. 21 сентября 1811 г. Вяземский сообщал Батюшкову: «Жуковский мне пишет, что он от зависти не придет смотреть на меня...» (Литературный архив. СПб., 1994. С. 125).

² Цитата из стихотворения П. А. Вяземского «Что во сне, то и наяву», которое Жуковский напечатал в СРС (Ч. 5. М., 1811. С. 275. Подпись: «В.»):

Вчера, предавшись покою,
В очаровательных мечтах
И сонный, занятый тобою,
Я очутился в небесах.

Любовь с улыбкою предстала,
На образ показала твой;
Люби, еще не досказала;
А я уже пылал тобой.

Кроме стихотворений «История человека» (см. примеч. 1 к письму к П. А. Вяземскому от 6 ноября 1811 г.) и «Что во сне, то и наяву», Жуковский включил в Ч. 5 СРС (М., 1811) еще 12 стихотворений Вяземского, все с подписью «В.»: эпиграммы «К портрету выпренного поэта», «Объясненное сомнение», «Увещание» (С. 222); «Ответ на вызов написать стихи», «Эпитафии» («Российский Диоген лежит под сею кочкой...», «Ариста гроб ты здесь, прохожий, видишь...» — С. 240—241); «К Лауре» (С. 241—242); «К Нисе» (С. 251); «Эпиграмма» («Тирсис всегда вздыхает...» — С. 276); «Объявление» (С. 315) «К портрету Меншикова», «К Эльвире» (С. 316).

³ Ср. в письме к Вяземскому Д. П. Северина, раньше всех получившего известие о сердечном увлечении друга, от 18 августа 1811 г.: «Желал бы знать имя Прелесты, вступившей за репутацию Амура и пленившей *Любовника одиннадцати тысяч дев*» (РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 2727. Л. 516).

⁴ Имеется в виду «робость» К. Н. Батюшкова перед брачными перспективами.

⁵ Иеремиады — «долгие сетования», от ветхозаветного Плача пророка Иеремии.

88.

П. А. Вяземскому

(С. 133)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1909. Л. 10—10 об. Б. д.
Впервые опубликовано: Арзамас-2. Кн. 1. С. 173—174 — фрагмент.
Публикуется впервые полностью.
Печатается по автографу.
Датируется: первая половина октября 1811 г.

Основание предположительной датировки: между этим и следующим письмом к П. А. Вяземскому от 6 ноября Жуковский успел получить от него два письма, в том числе извещавшее о состоявшейся 18 октября женитьбе.

¹ В печати известны письма Д. П. Северина к Жуковскому лишь за 1829—1851 гг. (см.: ЖИМ. Вып. 1. Публикация Э. М. Жиликовой). О болезни Вяземского осенью 1811 г. см. предыдущие письма к нему.

² Спокойное ожидание смерти, описанное Жуковским еще в послании «К Филлету» (1808), дополнено желанием успеть исполнить творческую миссию. Возможно, к этому или к следующему письму к Вяземскому было приложено стихотворение «Мой милый друг!..» (ПССиП. Т. 1. С. 166—168; при первой публикации указано, что оно «было вложено в одно из писем В. А. Жуковского к князю П. А. Вяземскому, женившемуся в 1811 году», см.: Старина и новизна. СПб., 1916. Кн. 20. С. 235), в котором тема скорой смерти травестирована в буффонаду: «И только жду, // Чтоб стукнул в дверь // Плешивый зверь // С большой косою // И гаркнул: стой! // Окончен путь! // Пора заснуть, // И добра ночь! // Вот я! точь-в-точь!». Стоит отметить, что весной 1811 г. Жуковский получил от С. С. Уварова его французское стихотворение «Sur l'avantage de mourir jeune» («О выгоде умереть молодым»), которое обсуждалось в их приятельском кругу: см. письма к А. И. Тургеневу от 12 сентября 1810 г. (примеч. 27) и к С. С. Уварову от 4 мая 1811 г.

³ Жуковский имеет в виду Карамзиных. Неловкость, которую испытывал Вяземский перед Н. М. Карамзиным по случаю своей помолвки (см. примеч. 3 к письму от 22 сентября 1811 г.), объяснялась не только внезапностью этого шага, но и выбором невесты, мать которой, П. Ю. Гагарина, в 1796—1800-х гг. была в любовных отношениях с Карамзиным. С самого начала этот роман строился на перепадах страсти и ревности (психологически интересных Карамзину и описанных в стихотворном диптихе «К неверной» и «К верной», 1796); Гагарина привлекала своим интересом к творчеству Карамзина и отталкивала его ветреностью и изменами. Очевидно, в 1800-е гг. Карамзин хотел навсегда вычеркнуть ее из своей памяти. В письмах осведомленному о ситуации И. И. Дмитриеву, сообщая о помолвке Вяземского, Карамзин подчеркнуто «смирнен»: «Не подумай, любезнейший, чтобы я был сердит на князя: люблю его как истинно родного. <...> Если переживешь меня, то милостию своею к нему будешь доказывать, что помнишь и мертвого друга»;

«Любовь наша к князю не переменялась: с сердечным удовольствием скажу тебе, что он ближе к здоровью и, по-видимому, чувствует цену нашей дружбы; это для него еще лучше, нежели для нас. Прочее зависит от Бога» (Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 155, 158). Но не скрывает досады, смягчить которую Вяземскому хотелось и спустя полвека: по его требованию при издании этих писем Карамзина в 1866 г. в них были сделаны купюры, в частности, нелестных упоминаний П. Ю. Кологривовой (см., например, «перечень пропусков»: СПФ АРАН. Ф. 764 (А. Ф. Бычкова). Оп. 1. № 150; купюры восстановлены от руки редактором издания писем П. П. Пекарским в его экземпляре (НИОР РГБ)).

⁴ Из шуточных пьес, которые разыгрывались в орловском имении Плещеевых Чернь, полностью сохранилась сочиненная Жуковским «Коловратно-куриозная сцена...» (ПССиП. Т. 7); Вяземский позже вспоминал, кроме нее, и «представление» «Скачет груздочек по ельничку», в котором тоже отличался Жуковский (Ж. в воспоминаниях. С. 205). В цитированном выше стихотворении Жуковский описывал и свои подвиги на сцене домашнего театра: «Лекенем стал! // В Орле играл // В Филине он // И был смешон!» и т. д.

⁵ Речь идет о любовной истории между Вяземским и А. И. Плещеевой, подробности которой нам неизвестны. В архиве Вяземского писем от Плещеевой нет.

⁶ Музыка А. А. Плещеева к песне Жуковского «Тоска по милом» датируется еще 1808 г.; им также написана музыка к песне «Путешественник» (1810), романсам 1811 г. «Жалоба», «Желание», к «Пловцу» (1812) и др. Позже вышло издание в двух частях «Баллады и романсы В. А. Жуковского, положенные на музыку для голоса и фортепиано А. А. Плещеевым» (СПб., 1832). С музыкой Плещеева в 1809 г. были изданы стихи Вяземского «На бракосочетание княжны Е. А. Вяземской с князем А. Г. Щербатовым».

⁷ Декламационный талант Плещеева позже получил признание и при дворе: в Петербурге и Павловске он был личным чтецом вдовствующей императрицы Марии Федоровны.

⁸ В свое пребывание в Париже в 1803—1804 гг. В. Л. Пушкин брал уроки декламации у великого драматического актера Франсуа-Жозефа Тальма, о чем не устал рассказывать и что стало темой многочисленных шуток в дружеском кругу. «Домашнее» издание сатирической поэмы И. И. Дмитриева «Путешествие Н. Н. в Париж и Лондон...» (М.: В типографии Платона Бекетова, 1808) было украшено гравюрой: «Славный парижский актер Тальма наставляет путешественника в искусстве театральной игры». О «дружеской связи» русского поэта с Тальма упоминает Вяземский в некрологе французскому актеру, приводя его письмо к В. Л. Пушкину (Московский телеграф. 1827. № 2; к номеру приложено и факсимиле письма).

⁹ Об интересе Жуковского к театру Ф. Шиллера см.: *Данилевский Р. Ю.* Фридрих Шиллер и Россия. СПб., 2013. Гл. 2; *Лебедева О. Б.* В. А. Жуковский — переводчик драматургии Ф. Шиллера // ПМиЖ. Вып. 6. С. 140—156, тут же опубликован перевод Жуковским фрагмента из «Дон Карлоса», выполненный в сентябре 1815 г. О его интересе к этой трагедии в 1800-е гг. см.: ПССиП. Т. 7. С. 682.

¹⁰ Книгопродавец Григорий Христианович (Иоганн-Кристиан) Горн.

¹¹ См.: ВЕ. 1811. № 19. С. 176—182; М. Милонов. «Уныние. Элегия (Подражание Томсону)»; М. Милонов. «Похвала сельской жизни». Последнее стихотворение — вольный перевод 2-го эпода Горация. Вяземский оценил отмеченное Жуковским стихотворение и сочинил послание «Милонову. По прочтении перевода его из Горация», которое послал Жуковскому и К. Н. Батюшкову. От последнего похвальный отклик стал известен автору — и между М. В. Милоновым и Вяземским завязалась переписка, в т. ч. в стихах (см.: *Марин С. Н., Милонов М. В.* Стихотворения. Драматические произведения, сцены и отрывки. Письма / Изд. подгот. Б. Т. Удодов. Воронеж, 1983. С. 282 и сл.).

89.

П. А. Вяземскому

(С. 135)

Автографы:

1) РНБ. Оп. 1. № 12. Л. 7—8 (черновой). Б. д.

2) РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 5. Л. 23—24 (беловой). Б. д.

Впервые опубликовано: Бумаги Жуковского. С. 18—19 (фрагменты: ст. 1—9, 76—96), републикация: Старина и новизна. 1916. Кн. 20. С. 235—238.

Впервые полностью: ПСС. Т. 1. С. 97—98.

Печатается по беловому автографу.

Датируется: конец (после 18-го) октября 1811 г.

Датируется на основании даты бракосочетания П. А. Вяземского.

Публикации в журнале «Старина и новизна» предшествовало следующее указание: «Это стихотворение было вложено в одно из писем В. А. Жуковского к князю П. А. Вяземскому, женившемуся в 1811 году». Так как стихотворение является частью эпистолярия Жуковского, то автограф РГАЛИ позволяет считать его частью того письма, которое было послано им Вяземскому, скорее всего, в конце 1811 г. См.: ПССиП. Т. 1. С. 559—560. Комментарий О. Б. Лебедевой.

90.

П. А. Вяземскому

(С. 137)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1909. Л. 22—23.

Впервые опубликовано: Арзамас-2. Кн. 1. С. 174 — фрагмент.

Публикуется впервые полностью.

Печатается по автографу.

Датируется: 6 ноября 1811 г.

¹ Поздравление с женитьбой 18 октября 1811 г. Прочитирована немного измененная последняя строка катрена «История человека» (ВЕ. 1810. Ч. 50. № 7. Апрель. С. 197. Подпись: «В.»):

Родиться, жить и умереть,
Есть тихие берега покинуть для волнения,
Бороться с бурями, повсюду гибель зреть,
И бросить якорь свой у пристани забвенья!

В. В. Виноградов атрибутировал это стихотворение самому Вяземскому (*Виноградов В. В.* Язык Пушкина. М.: Наука, 2000. С. 479). С подписью «В.» стихотворение «История человека» включено Жуковским в СРС (Ч. 5. М., 1811. С. 103).

² О конфликте Вяземского с Н. М. Карамзиным в связи с неожиданной женитьбой см. письмо к П. А. Вяземскому от первой половины октября 1811 г., примеч. 3.

³ Имеется в виду философский диалог немецкого философа и моралиста Мо-зеса Мендельсона «Федон, или О бессмертии души, в трех разговорах». О переводе «Федона» см. подробно письмо к Д. Н. Блудову от 5—11 декабря 1811 г., примеч. 5. См. также публикацию текста и комментариев О. Б. Лебедевой: ПССиП. Т. 7. С. 455—474, 671—680. Интерес Жуковского к творчеству Мендельсона был устойчивым. В начале 1808 г. он публикует в ВЕ перевод отрывка из его сочинения «О назначении человека» (Ч. 37. № 3. Февраль. С. 181—192). В конце 1809 г. в том же журнале появляется его перевод «Двух разговоров о критике» И. Я. Энгеля, включающий диалог молодого стихотворца и Мендельсона (Ч. 48. № 23. Декабрь. С. 222—228).

⁴ Речь идет о романе Вяземского с А. И. Плещеевой. См. письмо к Вяземскому от 6 ноября 1811 г., примеч. 5. На неоднократные напоминания Жуковского Вяземский отозвался весной 1812 г.: «Письма <...> давно сожжены, и я тебе об этом давно уже писал» (РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 2. № 20. Л. 13).

⁵ Жуковский перевел фрагмент трагедии «Дон Карлос» 23—28 сентября 1815 г.; см.: ПССиП. Т. 7. С. 475 (текст); С. 680—684. Комментарий О. Б. Лебедевой.

⁶ Имеются в виду постановки на домашних театрах в родственно-дружеском кругу Жуковского в имении Плещеевых Чернь и Киреевских Долбино.

91.

В. Ф. Вяземской

(С. 139)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 3303. Л. 1.

Публикуется впервые.

Датируется: 7 ноября 1811 г.

92.

Д. Н. Блудову

(С. 139)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 72 (Д. Н. Блудов). Оп. 1. № 5. Л. 1—1 об. Б. д.

Впервые опубликовано: ЖИМ. Вып. 1. С. 319—322; публикация: РЛ. 2009. № 3. С. 90—91. Публикация А. С. Янушкевича.

Печатается по автографу.

Датируется: 5—11 декабря 1811 г.

Основанием для датировки письма являются два события, зафиксированные в его тексте: год определяется по упоминанию отъезда Жуковского из Москвы в Белев во второй половине мая 1811 г. в связи с «несчастливым случаем» — смертью вдовы А. И. Бунина Марьи Григорьевны; числа и месяц — в связи с сообщением о начале работы над переводом поэмы Виланда «Оберон», четко датируемым 5—11 декабря 1811 г. В архиве поэта сохранились черновые наброски 10 строф перевода (80 стихов) с указанием дат: на титульном листе «Оберон. 1811. Декабря 5», на обороте: «6 декабря» (РНБ. Оп. 1. № 22. Л. 1—5). По всей вероятности, работа длилась в течение недели, о чем свидетельствует датировка черновых строф: 6, 7, 10 и 11 декабря. Подробнее см.: *Реморова Н. Б.* «Оберон» в чтении и переводе Жуковского // БЖ. Ч. 2. С. 340—359.

¹ В письмах к А. И. Тургеневу из Белева от ноября—декабря 1810 г. рефреном звучат слова о счастье: «Вот два месяца, как работы мои идут порядочно, как я доволен собою, спокоен, внутренно весел»; «Никогда я не был так расположен ко всему доброму и во всех других отношениях так хорош, как теперь...»; «деятельность и предмет ее польза — вот что меня теперь одушевляет»; «вообще чувствую себя счастливым» (см. наст. изд.). Этому настроению способствовали проснувшиеся надежды на брак с Машей Протасовой.

² В Москве Жуковский прожил с конца декабря 1810 г. до середины мая 1811 г. и вынужден был уехать в Белев после смерти М. Г. Буниной (см. выше). В 20-х числах мая в Москве умерла его мать Елизавета Деметьевна, которая приехала к сыну со скорбной вестью. Жуковский похоронил ее на кладбище Новодевичьего монастыря и поставил над ее могилой скромный камень с надписью: «Е. Д.», впоследствии замененный памятником (см. вступительное примечание к письму к А. И. Тургеневу от середины июня 1811 г.). Вскоре после этого он приехал в Мишенское, чтобы поклониться праху Марьи Григорьевны (Афанасьев. С. 117).

³ Речь идет об исторической поэме «Владимир», замысел которой, к сожалению, не осуществленный, возник еще в сентябре 1810 г. В подробном плане поэмы и материалах к ней постоянно возникает соотношение будущей поэмы с «Обероном» Виланда (ПССиП. Т. 4. С. 370, 613, 617, 619. Комментарий Н. Ж. Вётшевой; см. также: Реморова. С. 351).

⁴ С Александром Алексеевичем Плещеевым, соседом Жуковского по Белеву, композитором-дилетантом, будущим арзамасцем, и его семейством Жуковского связы-

вали дружеские отношения, начало которых можно отнести именно к этому времени. В стихотворном послании к нему от апреля 1812 г. Жуковский называет его «любезный мой поэт», что связано с творческой деятельностью адресата, писавшего шуточные стихи на французском языке. Подробнее см.: ПССиП. Т. 1. С. 566—570.

⁵ Имеется в виду философский диалог Мозеса Мендельсона «Федон, или О бессмертии души». В архиве поэта находится рукопись перевода половины первого разговора (РГАЛИ. Оп. 1. № 20. Л. 5—20; Оп. 1. № 26. Л. 1—22). Издание, по которому Жуковский делал перевод, сохранилось в его библиотеке: *Phädon, oder Über die Unsterblichkeit der Seele. Von Moses Mendelssohn. Berlin u. Stettin: Fr. Nicolai, 1776.* ИРЛИ РАН, 87 5/18, Онегинское собрание (см. также: Описание. № 2701). Эта книга хорошо известна в исследовательской традиции — о ней, в частности, упоминает А. Н. Веселовский: «Жуковский <...> душевно любил Машу <Протасову> — и давал ей читать Мендельсона, *Über die Unsterblichkeit der Seele*» (Веселовский. С. 134, см. также с. 68). Маша Протасова читала «Федона» в сентябре—октябре 1813 г., о чем свидетельствуют записи на страницах указанного выше экземпляра из библиотеки Жуковского: «Commencée à lire à Orel, le 15 de Septembre», «Marie de Protassof 1813 le 12 d'Octobre». Публикацию и комментарий фрагментарного перевода Жуковского, названного им «Сократовы разговоры о бессмертии души», см.: Диалог М. Мендельсона «Сократовы разговоры о бессмертии души» в переводе В. А. Жуковского / Публ. О. Б. Лебедевой // Жуковский и время. С. 292—318; ПССиП. Т. 7. С. 455—473 (текст), 676—679. Комментарий О. Б. Лебедевой.

⁶ Конец письма оборван, но, вероятно, утрачен лишь конец строки с заключительной фразой и, возможно, датой.

93.

П. А. Вяземскому

(С. 141)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1909. Л. 9—9 об. Б. д.

Публикуется впервые.

Датируется: начало декабря 1811 г.

Основание датировки: упоминание о работе над переводом «Оберона», строфы которого в авторской рукописи помечены 5, 6, 7, 10 и 11 декабря 1811 г. (РНБ. Оп. 1. № 22. Л. 1—5).

¹ В библиотеке Жуковского сохранилось более позднее издание полного собрания сочинений Шиллера: *Fr. Schillers sämtliche Werke: In 12 Bände. Stuttgart und Tübingen, 1812—1815* (Описание. № 2754). Комплект несохранившегося более раннего издания оказался неполным (от франц. *depareiller* — «разрознивать»).

² Московский книгопродавец (см. примеч. 10 к письму к П. А. Вяземскому от первой половины октября 1811 г.).

³ Трилогия «Валленштейн» и трагедия «Мессинская невеста».

⁴ «История Тридцатилетней войны» и «История отпадения соединенных Нидерландов от испанского владычества»; «Сочинения, изданные по смерти» Шиллера.

⁵ О переводе «Федона» см. примеч. 5 к письму к Д. Н. Блудову от 5—11 декабря 1811 г.

⁶ Имеются в виду саркастические «пасквинаты», которыми прославился итальянский сатирик, поэт и обличитель папского престола Пьетро Аретино; мировую известность получили также его «Сладострастные сонеты» — комментарии к серии эротических гравюр.

⁷ Жуковский начал переводить рыцарско-романтическую поэму К. М. Виланда «Оберон» 5 декабря 1811 г. (см.: ПССиП. Т. 4. С. 565. Комментарий Н. Б. Реморовой). Подробнее см. вступительное примеч. к письму к Д. Н. Блудову от 5—11 декабря 1811 г.

⁸ Книги 2 и 3-я «Чтений в Беседе любителей русского слова» (СПб., 1811) вышли летом 1811 г., 4-я кн. — только к новому, 1812, г.

⁹ Брошюра Д. В. Дашкова «О легчайшем способе возражать на критики» (СПб., 1811) — ответ А. С. Шишкову; один из преарзамасских манифестов. См.: Арзамас-2. Кн. 2. С. 44—69.

¹⁰ Сборник стихотворений выпускника Московского университетского Благородного пансиона Николая Федоровича Грамматина «Досуги Грамматина» (СПб., 1811), кн. 1-я, с посвящением И. И. Дмитриеву, под началом которого автор служил в министерстве юстиции (кн. 2-я не вышла). Вскоре Жуковский получил книгу от автора с дарственной надписью: «Милостивому государю Василью Андреевичу Жуковскому от сочинителя. 1812. Февр. 5. С. П. » (Описание. № 95). Жуковский хорошо знал Грамматина, печатал его стихи в ВЕ (в том числе «соревновательную» обработку «Леноры» Г. А. Бюргера — «Услад и Всемила. Русская баллада», 1810. № 6) и в СРС. В «Обзоре русской литературы за 1823 год» выделил комментированный перевод Грамматиным «Слова о полку Игореве», правда, отметив, что «в переводе стихотворном он часто удаляется от оригинала и тем самым его портит» (ПССиП. Т. 12. С. 349—350).

¹¹ С июля по конец 1811 г. К. Н. Батюшков проживал в своем имении Хантоново, осенью активно переписываясь с Вяземским (в письмах друзья регулярно вспоминали Жуковского).

94.

П. А. Вяземскому

(С. 142)

Автограф: РГАЛИ. Оп. 1. № 5. Л. 21—21 об. Б. д.

Впервые опубликовано: ПМЖ. Вып. 13. С. 58—59. Публикация О. Б. Лебедевой и А. С. Янушкевича.

Печатается по автографу.

Датируется: конец 1811 г.

На обороте листа, на котором записан текст послания, сохранился фрагмент сургучной печати и адрес: «Его сиятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому в Москве, на Кисловке, в доме Смирнова, в приходе Иоанна Милостивого», подробность которого доказывает, что послание в качестве письма было отправлено по почте, а не передано с оказией. Адрес Вяземского на Кисловке в допожарной Москве подтверждается его письмом к А. И. Тургеневу от 16 октября 1812 г. из Вологды: «Давно ли беседовали мы с тобою на Кисловке?» (ОА. Т. 1. С. 4); см. также: ПССиП. Т. 1. С. 559. Примечания О. Б. Лебедевой.

95.

П. А. Вяземскому

(С. 143)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1909. Л. 25. Б. д.

Публикуется впервые.

Датируется: начало февраля 1812 г.

Основание датировки: письмо А. И. Тургенева к Жуковскому от 9 февраля, где он сообщает о получении «последней записки» (см.: Siegel. № 59. S. 197). Как явствует из текста этого письма, Тургенев собирался приехать в Москву 17-го или 18-го февраля 1812 г.

¹ В своем письме Вяземский сообщал: «Жена и я здоровы, объявлю тебе, что я уже стою в числе будущих отцов» (РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 2. № 20. Л. 12 об.). Первенец Вяземских Андрей родился в сентябре 1812 г. (умер летом 1814 г.).

² Писем Жуковского к А. И. Тургеневу за 1812 г. в печати неизвестно. Как следует из обиженного ответа Вяземского от 9 марта 1812 г. (Там же. Л. 16—16 об.), Жуковский в пересылаемом письме объяснял свой отказ приехать в Москву на свидание с друзьями тем, что он вряд ли успеет застать там Тургенева. Тургенев в письме к Жуковскому от 23 февраля настойчиво приглашает друга приехать в Москву: «Приезжай в Москву непременно. Твой приезд необходим для меня» (Siegel. № 60. S. 198).

³ В. Ф. Вяземская, Н. М. и Е. А. Карамзины.

⁴ Ср. призыв в цитированном письме Вяземского: «Возвратись к сообществу друзей своих и решишь служить. Вот желание всех твоих друзей и всех людей, которых мнения и тобою уважаются. Карамзин первый укоряет тебя за твою лень и считает за необходимость для тебя, чтобы ты начал служить. Клянусь тебе честью, что день, в которой ты согласишься на наши просьбы, будет одним из счастливейших моих дней».

96.

П. А. Вяземскому

(С. 144)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1909. Л. 8. Б. д.

Публикуется впервые.

Датируется: первая половина марта 1812 г.

Основанием датировки служит то, что Вяземский отвечал на это письмо в середине марта, давая отчет по просьбам Жуковского: «Географии еще у Аллара нет и некий Моро ни слова еще не писал. Посылаю Париж, вот всё что в этом роде имею, разве Русский Вестник!» (РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 2. № 21. Л. 108).

¹ Речь идет о вышедшей анонимно книге Жана Луи Мари маркиза Дюга де Буа-Сен-Жюста; подзаголовок: «Paris. Versailles et les provinces au dix-huitième siècle. Anecdotes sur la vie privée de plusieurs ministres, évêques, magistrats célèbres, hommes de lettres, et autres personnages connus sous les règnes de Louis XV et de Louis XVI» (Paris; Lyon, 1809). В библиотеке Жуковского есть 4-е издание (1817 г.) этого трехтомного сочинения, возможно, с его пометами в т. 3 (Описание. № 942). Не исключено, что он пользовался им во время своего совместного с братьями Тургеневыми (Александром и Сергеем) пребывания в Париже в мае 1827 г.

² Морис Николаевич Аллар, учитель французского языка, в 1806 г. принял российское подданство, в том же году вместе с другим московским учителем-французом и литератором Жоржем Леконтом де Лаво решил открыть на Лубянке французскую книжную лавку (см.: Жихарев. С. 181—182).

³ Речь идет о шеститомном издании: «Précis de géographie universelle, ou Description de toutes les parties du monde» (Paris, 1810) известного географа, этнографа и историка Конрада Мальт-Брена. Начиная с 1808 г. переводы его работ регулярно публиковались в ВЕ.

⁴ Жак-Пьер-Теодор Моро де ла Мелтиер, французский эмигрант, познакомился с Жуковским, вероятно, в 1809 г. в Москве; перед 1812 г. поселился с женой Анной-Катрин-Шарлоттой (урожд. Бутье де Санглен) и дочерью в Орле; семейство Моро близко сошлось с Протасовыми, А. П. Киреевской и Жуковским, которые поддерживали их и пытались помочь найти им место. О семье Моро см. далее в письмах Вяземскому, а также: ПССиП. Т. 13, 14. Указатель имен; Переписка Ж. и Елагиной. Указатель имен.

⁵ 8 марта 1812 г. А. Я. Булгаков записал в московском дневнике: «Война с Францией, кажется, решена. Полки выходят из Петербурга» (РА. 1867. № 11. Стб. 1366).

97.

П. А. Вяземскому

(С. 144)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1909. Л. 53. Б. д.

Впервые опубликовано: РА. 1866. № 6. Стб. 874 — фрагмент.

Публикуется впервые полностью.

Печатается по автографу.

Датируется: конец апреля 1812 г.

Основание датировки: в 1812 г. Пасха (см. упоминание в письме «красного яичка») приходилась на 21 апреля; Вяземский отвечал Жуковскому (но не сразу по получении письма) 18 мая. Приводя фрагмент этого письма («Посылаю тебе вместо <...> двух соседей на двух языках») в составе «Пояснений» к публикации «почтовых стихов» Жуковского 1814—1815 гг. («Préambule», <В. Л. Пушкину и П. А. Вяземскому> («Вот прямо одолжили...»), «Благодарю, мой друг, тебя за доставление...»), Вяземский заметил, что «относится оно к тому же времени, или около того, когда писаны были предлагаемые здесь стихотворения» (РА. 1866. № 6. Стб. 874).

¹ «Послание к Плещееву. В день Светлого Воскресения». Цитируя в РА письмо Жуковского по поводу его стихотворной переписки с А. А. Плещеевым, Вяземский сообщил: «...к сожалению, не нахожу ее в бумагах своих» (Там же. Стб. 875). 18 мая 1812 г. он писал Жуковскому: «Дивлюсь, как дурные французские стихи могли родить в тебе такие превосходные. Это отвечать на доношение Бургмистра Вольтеровским письмом» (РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 2. № 21. Л. 28). Несколько благосклоннее к стихам Плещеева был В. Л. Пушкин (см. его письмо к Д. Н. Блудову от 23 мая 1812 г.: РА. 1899. № 7. С. 460; перевод: Арзамас-2. Кн. 1. С. 195). Французские стихи Плещеева нашлись и опубликованы (см.: *Вяткина И. А.* Диглоссия русских маргинальных жанров. Домашняя поэзия и эпистолярный В. А. Жуковского. LAP, 2011).

² Речь идет о фрагменте с призывом оказать «благодаренье» погорельцам («Еще тот кров в развалинах дымится, // Где нищая вдовица с сиротой...» и т. д.). Вяземский живо откликнулся и 18 мая сообщал Жуковскому: «Между тем посылаю тебе 80 рублей, собранных с Парнасской братии, как то с Кокошкина, Иванова, Воейкова и Яковлева, и 150 от меня. Быть движиму на доброе дело добрыми стихами есть двойное наслаждение, и прошу возобновлять свои увещевания почаше» (РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 2. № 21. Л. 28).

³ Отсылка к началу «Послания к Плещееву. В день Светлого Воскресения» («Вот вздумает какой-нибудь писец // Составить азбучный писателям венец, // Ясней: им лексикон...» и т. д.).

⁴ Речь идет о балладе «Светлана».

⁵ Имеется в виду перевод оды английского поэта Джона Драйдена «Alexander's Feast, or The Power of Music» (1697). Под заглавием «Пиршество Александра, или Сила

гармонии» перевод Жуковского был опубликован в ВЕ (1813. Ч. 68. № 7—8. С. 204—208). Подробнее см.: ПССиП. Т. 1. С. 581—584. Примечания Э. М. Жиликовой.

⁶ Возможно, речь идет об описательной поэме «Весна», к старому (от 1806 г.) замыслу которой Жуковский вернулся весной 1812 г., составив подробные планы поэмы; в рабочей тетради они соседствуют с планом ответного послания Батюшкову и списком стихотворений 1812 г. (см.: ПССиП. Т. 4. Публикация и комментарий. Н. Ж. Вётшевой). Однако фрагменты «Весны» объемом «стихов 300» неизвестны.

⁷ Свое «Послание к Жуковскому и Вяземскому» «Мои Пенаты» (раннее заглавие «К Пенатам») К. Н. Батюшков отправил Жуковскому 12 апреля 1812 г. (Батюшков. Т. 2. С. 208—210). Оно стало самым ярким манифестом того союза поэтов, о котором Жуковский писал в ноябре 1813 г. Вяземскому: «Ты, Батюшков и я составим триумвират стихотворный и триумвират друзей». В ответ на послание Батюшкова Жуковский написал в мае—июне 1812 г. послание «К Батюшкову» («Сын неги и вельселя...»); а Вяземский свое ответное послание «К Батюшкову» («Мой милый, мой поэт...») закончил лишь осенью 1813 г.

⁸ Михаил Леонтьевич Магницкий, старший соученик Жуковского по Московскому университетскому Благородному пансиону, был одним из ближайших сподвижников государственного секретаря М. М. Сперанского, который в марте 1812 г. был обвинен в лояльности Франции (и чуть ли не в шпионаже) и отрешен от поста (см. «Выдержки из записок Александра Яковлевича Булгакова»; запись от 22 марта 1812 г.: РА 1867. № 11. Стб. 1367). Одновременно в ссылку в Вологду был отправлен Магницкий, исполнявший должность статс-секретаря департамента законов в Госсовете. А. И. Тургенев в это время был директором департамента Главного управления духовных дел иностранных исповеданий и одновременно членом комиссии составления законов (возглавлялась Сперанским) Госсовета. Место Магницкого в департаменте законов Госсовета занял кн. Г. И. Гагарин, а Тургенев стал помощником статс-секретаря. Магницкого, после возвращения того в 1816 г. из ссылки, Тургенев аттестовал «подлым льстецом и обскурантом из одной подлости и по невежеству» (ОА. Т. 1. С. 375).

⁹ Речь идет о публичных чтениях А. Ф. Мерзляковым курса теории словесности, которые проходили весной 1812 г. в московском доме кн. Б. В. Голицына. О том, что «здесь открыт Лицей Мерзляковым и уже было два заседания», которые по болезни Вяземский пропустил, он сообщал Жуковскому в марте 1812 г. (РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 2. № 21. Л. 108).

98.

П. А. Вяземскому

(С. 145)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1909. Л. 66—67. Б. д.

Публикуется впервые.

Датируется: конец мая 1812 г.

Основание датировки: ответ на письмо П. А. Вяземского от 18 мая 1812 г. (РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 2. № 21. Л. 28—29 об.).

¹ 18 мая Вяземский отправил 230 руб. для погорельцев; см. примеч. 2 к письму к П. А. Вяземскому от конца апреля.

² Имеются в виду доносы П. И. Голенищева-Кутузова на Н. М. Карамзина.

³ Речь идет о «переписке двух соседей на двух языках» — шуточных сихотворениях Жуковского и Плещеева. Стихи Жуковского — скорее всего, «Послание к Плещееву. В день Светлого Воскресения», стихи Плещеева не сохранились. Упомянутые лица — орловские знакомые, вероятно, персонажи не дошедшего до нас французского послания А. А. Плещеева к Жуковскому. Troquet («трактирщик»; ср. также возможное прочтение Troqueur — «меняльщик», *франц.*) — чье-то прозвище; возможно, это тот самый персонаж, о котором Жуковский говорит в «Послании к Плещееву...: «...мой кривой сосед // Чуть не уплыл в чистилище на льдине! <...> // Им с щуками достался ростовщик!» (ПССиП. Т. 1. С. 182). Павлов — Павлов Николай, упомянутый в стихотворениях «К Плещееву» («Ты, Плещепуп...») и «Любовная карусель, или Пятилетние меланхолические стручья сердечного любления». Возможно также, что Troquet и Павлов — одно и то же лицо, поскольку и «ростовщик» в «Послании к Плещееву...» (ср.: «мой кривой сосед»), и Павлов в стихотворении «К Плещееву» (ср.: «И Павлов-крюк, // Вдовец кривой») кривы. См.: ПССиП. Т. 1. С. 179, 182, 211).

⁴ Неосуществленный замысел, о котором 18 мая писал Жуковскому Вяземский.

⁵ Возможно, речь идет о работе над балладой «Пустынник» и составлении плана баллады «Вадим» (в ранних замыслах — «Искушение»; см.: Там же. Т. 3. С. 337—339).

⁶ В письме от 18 мая Вяземский сообщал о критиках Карамзина: «Кабалы, против него бунтующие здесь, гадки и *твоя жена* из первых. Пушкин с этими свиньями сражается языком, а я крепко думаю, что разделаюсь с ними рукой. У скота князя Бориса собираются по воскресеньям и о Карамзине говорят вещи, от которых дыбом волосы становятся. Дай мне только подслушать, и я молчать их заставлю». Вероятно, под «женой» подразумевается А. Ф. Мерзляков, читавший той весной цикл лекций о словесности у кн. Б. В. Голицына (ср. в письме В. Л. Пушкина к Д. Н. Блудову от 23 мая 1812 г.: «Князь Борис Голицын оставил писать двести стихов и составляет теперь французский комментарий к сочинениям Карамзина» (Арзамас-2. Кн. 1. С. 195)). При этом еще в марте Вяземский сочувственно отмечал уважительные упоминания Карамзина в «Рассуждении о российской словесности в нынешнем ее состоянии» Мерзлякова (Литературный архив. С. 130).

⁷ Переводы Мерзлякова из «Освобожденного Иерусалима» Т. Тассо сначала печатались в журнале Жуковского (ВЕ. 1808. № 11; 1810. № 2; 1811. № 5), в 1815 г. — в «Амфионе», редактором которого был Мерзляков; законченный в 1813 г. перевод поэмы был издан в 1828 г. Здесь Жуковский имеет в виду публикацию: «Песнь IX, из Тассова Освобожденного Иерусалима» в Трудах Общества любителей российской словесности при императорском Московском университете (Ч. 2. М., 1812).

⁸ Перевод Мерзляковым оды Горация — «К Каллиопе. Благодейния Муз» (ВЕ. 1812. № 9. С. 3—7).

⁹ Елена Ивановна Протасова, жившая в Москве незамужняя сестра А. И. Протасова, мужа Е. А. Протасовой, тетка Маши и Саши Протасовых, героиня шутильной «греческой баллады» «Елена Ивановна Протасова, или Дружба, нетерпение и капуста» (ПССиП. Т. 1. С. 169—175, 560—564. Комментарий О. Б. Лебедевой).

¹⁰ В. Ф. Вяземская, Е. А. и Н. М. Карамзины.

99.

П. А. Вяземскому

(С. 147)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1909. Л. 40. Б. д.

Публикуется впервые.

Датируется: конец мая 1812 г.

Датировка основана на том, что П. А. Вяземский писал Жуковскому 18 мая, еще не получив данного письма.

¹ Д. П. Северин приехал в Москву (повидаться со своим отцом) в апреле и пробыл там до второй половины июня 1812 г.

² Речь идет о кольце Жуковского, которое он просил переслать ему; в апреле 1812 г. Вяземский писал: «Кольца не присылаю потому, что не знаю, как это сделать, нет ли у тебя в Москве кого-нибудь, с кем бы мог я тебе его отправить» (РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 2. № 20. Л. 13).

³ О Моро де ла Мелтиере см. примеч. 4 к письму к П. А. Вяземскому от первой половины марта 1812 г.

⁴ Орловским предводителем дворянства в 1806—1814 гг. был Гаврила Петрович Апухтин. О нем см.: *Власов В.* Дворянская усадьба Бунино. Орел, 2006. С. 49—50.

⁵ Министр — И. И. Дмитриев; в ведении 3-й экспедиции департамента Министерства юстиции находились дела о производствах в чины.

⁶ Вероятно, Северин мог познакомиться с Жаком Моро де ла Мелтиером в Москве во второй половине 1809 г., когда Северин регулярно общался и с Жуковским.

⁷ В апреле (?) Вяземский, сообщая, что ему в Москве «попалась нечаянно» баллада «Светлана», которую он с восхищением читал вместе с Н. М. Карамзиным, укорял Жуковского: «Сделай милость, присылай мне новые свои произведения. Право, я их не хуже Протасовых ценить умею» (РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 2. № 20. Л. 14). Вяземский познакомился с балладой через Елену Ивановну Протасову, с которой в это время в Москве, вероятно, была ее племянница — А. А. Протасова, получившая от Жуковского посвященную ей «Светлану».

⁹ Имеется в виду законченное послание «К Батюшкову» («Сын неги и веселья...»). Ср. в предыдущем письме: «Послание к Батюшкову почти готово».

¹⁰ Письмо Батюшкова со стихами «Прости, отшельник мой, // Белева мирный житель!...» и приписками А. И. Тургенева и Д. В. Дашкова, которое точнее датировать апрелем—маем, а не июнем 1812 г. (см.: Батюшков. Т. 2. С. 219—222).

100.

П. А. Вяземскому

(С. 147)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1909а. Л. 40. Б. д.

Публикуется впервые.

Датируется: начало (?) июня 1812 г.

Основание датировки: письмо написано, очевидно, до получения известия о вторжении армии Наполеона в Россию 12 июня. Вяземский отвечал на это письмо 1 июля 1812 г.

¹ «К Батюшкову» («Сын неги и веселья...»). Возвращая текст послания, Вяземский писал 1 июля: «твоя стихи <...> прекрасны» (РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 2. № 21. Л. 40).

² См.: «Пришли мне твое послание, которое я ожидаю с нетерпением, как свидетельство в храм славы и бессмертия...» (Батюшков. Т. 2. С. 220). Получив от Вяземского послание Жуковского, Батюшков писал Н. Ф. Грамматину в январе 1813 г.: «...ответ “Пенатам”: дивная поэзия, в которой множество прелестных стихов и в которой прелестная душа — душа поэта дышит, видна как в зеркале!» (Там же. С. 239).

³ См. письмо к П. А. Вяземскому от конца мая 1812 г., примеч. 2.

⁴ 1 июля П. А. Вяземский сообщал: «Северин поскакал в Питер, он входит в военную службу, и делает по мне прекрасно! Счастливы те, которые могут жертвовать собою!» (РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 2. № 21. Л. 40). Но И. И. Дмитриев, опекавший Д. П. Северина, запретил ему вступать в армию, о чем тот с горечью сообщил Вяземскому из Петербурга 4 июля (РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 2727. Л. 73). В сентябре 1812 г. Северин был определен в российскую дипломатическую миссию в Мадрид.

101.

П. А. Вяземскому

(С. 148)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1909. Л. 24. Б. д.

Публикуется впервые.

Датируется: конец июля 1812 г.

Основание датировки: о намерении Жуковского приехать в Москву и вступить в ополчение Вяземский сообщил в Петербург Д. П. Северину, вероятно, процитировав данное письмо, что видно из ответа Северина от 5 августа: «...мне бы приятно было слышать, что вы живете в одной палатке и окуриваете вместе ваши Лиры табаком. Поклонись ему от меня и обойми его» (РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 2727. Л. 77—78). Таким образом, сам Вяземский получил это письмо Жуковского не позднее 1 августа.

¹ Считается, что Жуковский выехал в Москву после празднования 3 августа в Черни дня рождения А. И. Плещеевой, которое закончилось скандалом: Жуков-

ский пропел своего «Пловца» (на музыку Плещеева), обращаясь к Е. А. Протасовой и ее дочерям. Протасова в гневе увела Машу и Сашу с праздника. Однако этому противоречит дневниковая запись Е. А. Протасовой от 2 августа: «Уехал наш добрый Жуковский. Да благословит Господь Бог путь и намерение его. В сборах своих он много мне показал истинной дружбы» (Переписка Ж. и Елагиной. С. 666). В Москве Жуковский был зачислен поручиком в первый пехотный полк Московского ополчения и провел около 10 дней с П. А. Вяземским и Н. М. Карамзиным, до вступления 19 августа полка к полю Бородина, куда через 5 дней выехал и Вяземский, записанный в состав конного ополченного полка, сформированного на средства графа М. А. Дмитриева-Мамонова.

² Вызывая К. Н. Батюшкова в Москву для совместного вступления в армию, Вяземский писал ему 29 июня, что берет все расходы на себя (Литературный архив. С. 134); очевидно, подобное же предложение могло быть им сделано и в неизвестном нам июльском письме Жуковскому.

102.

А. И. Тургеневу

(С. 148)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 146. Л. 15.

Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 96—97.

Печатается по автографу.

Датируется: 6 февраля 1813 г.

¹ 12 августа 1812 г. Жуковский вступил в ряды Московского ополчения и принял участие в Отечественной войне. Он служил при штабе Кутузова, создавая не только штабные листовки, но и стихотворения, посвященные этим событиям, в том числе знаменитого «Певца во стане русских воинов». Простудившись и заболев «жесточкою горячкою», он оказался в военном госпитале Вильны, и друзья потеряли его из виду. Тургенев даже послал из Петербурга специального курьера на розыски друга. См. письмо А. И. Тургенева к П. А. Вяземскому от 4 февраля 1813 г. (РА. 1866. Стб. 254). Только в начале 1813 г. Жуковский возвратился на родину, в Белев.

² Первое издание сочинений поэта в двух частях появилось лишь в 1815—1816 гг.

³ Ланц, пленный офицер, живший в Орле и близкий к семейству Протасовых. О нем постоянно упоминается в их дневнике, который Протасовы вели совместно с А. П. Киреевской-Елагиной в 1812 г. (см.: Переписка Ж. и Елагиной. Указатель имен).

103.

В. А. Азбукину

(С. 149)

Автограф неизвестен.

Копия: РНБ. Оп. 2. № 437. Л. 1—2 — с пометами редакции РА и примечанием: «Письмо к В. А. Азбукину. Доставлено дочерью его Авд. Вас. Пелопидас». Б. г.

Публикуется впервые.

Датируется: 18 февраля 1813 г.

Датировка: год определяется по сообщению о смерти А. А. Алымовой (1813).

¹ Ф. А. Камкин, белевский почтмейстер. Жуковский с симпатией относился к нему. Так, в письме к А. П. Елагиной от 30 июля — 2 августа 1815 г., узнав о его смерти, он писал: «Бедный Федор Александрович! Жаль его от всего сердца! Еще одним прекрасным, благородным человеком менее в нашем кругу!» (см. наст. изд.). Во время своего путешествия с великим князем Александром Николаевичем по России в 1837 г. поэт посещает родные места, в том числе Белев, и 16 июля делает в дневнике запись о встрече с дочерью Камкина и его внуком (ПССиП. Т. 14. С. 67).

² Речь идет о Е. А. Протасовой, беспокоившейся о судьбе Азбукина, который прошел всю войну, но не давал о себе знать. Только в июне 1814 г. Жуковский сообщает А. П. Елагиной: «Vivat! Азбукин нашелся. Рас топчин видел его в Париже. Три ордена».

³ А. А. Алымова, сводная сестра Жуковского.

⁴ А. С. Кайсаров, литератор, профессор русской словесности Дерптского университета, познакомился с Жуковским около 1799 г., а затем периодически встречался с ним на заседаниях Дружеского литературного общества в 1801 г. Подробнее о нем см.: *Лотман Ю. М.* Андрей Сергеевич Кайсаров и литературно-общественная борьба его времени // *Лотман Ю. М.* Карамзин. СПб., 1997. С. 637—804. Во время Отечественной войны 1812 г. был директором походной типографии при штабе Кутузова, где напечатал листовку с текстом стихотворения Жуковского «Вождю победителей». Жуковский и Кайсаров встретились во время ночного отступления к Москве после Бородинской битвы. О героической гибели Кайсарова в битве при Гейнау 14 мая 1813 г. Жуковский писал А. И. Тургеневу в письме от начала июля этого же года: «О брате Андрее я погрузил. Славная, завидная смерть. <...> Надобно друга и товарища помянуть стихами» (см. наст. изд.). В архиве поэта (РНБ. Оп. 1. № 78. Л. 30) среди задуманных стихотворений 1813 г. имеется заглавие «На <смерть> Кайсарова», но об исполнении этого замысла ничего неизвестно.

⁵ С. Е. Рогачев, сведений об этом лице обнаружить не удалось. Вероятно, сослуживец Кайсарова.

⁶ На полях карандашом в скобках помета: *Скобелеву*. И. Н. Скобелев, генерал, военный писатель, во время Отечественной войны был адъютантом М. И. Кутузова. По воспоминаниям А. П. Ермолова, Жуковский, находясь в ставке Кутузова, «помогал Скобелеву писать бюллетени и по своей скромности позволял ему пользоваться незаслуженною славою» (РА. 1856. № 5—6. Стб. 438—439). Об этом же писали и другие мемуаристы (И. П. Липранди, Н. А. Старынкевич). См.: Ж. в воспоминаниях. С. 128—138. Сам Жуковский никогда об этом не говорил.

⁷ Карпов, лицо неустановленное.

⁸ А. И. Куприянов, сведений об этом лице не обнаружено.

⁹ В архиве поэта сохранился черновой набросок стихотворения «На победы русских в 1813 г.» (подробнее см.: *Портнова Н. А.* Замысел неизвестного стихотворения В. А. Жуковского // РЛ. 1973. № 2. С. 162—165). Но учитывая дату напи-

сания письма (самое начало 1813 г.), скорее всего, речь идет о куплетах из «Певца во стане русских воинов», над текстом которого Жуковский продолжал работать в это время, готовя к печати второе отдельное издание «Певца...» (см.: ПССиП. Т. 1. С. 597). Имя А. И. Куприянова нигде не упоминается.

¹⁰ Игнатьев, сведений об этом лице не обнаружено.

104.

М. Н. Свечиной и А. Н. Арбеновой

(С. 150)

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 18 (Бартенев). № 34. Л. 5, с датой другим почерком «(1813)».

Впервые опубликовано: РА. 1883. Т. 2. С. 309—311, с пометой «Из Орловской деревни Муратова в Москву» и ошибочной датировкой «2 марта (1814)».

Печатается по автографу.

Датируется: 2 марта 1813 г.

Адрес: «Его высокоблагородию милостивому государю Василию Степановичу Афанасьеву, в Москве, в почтамте. А Вас прошу покорно доставить это письмо *Марье Николаевне Свечиной* на Покровке, в доме сенатора Мясоедова, бывшем Заборовского. В небытность же Марьи Николаевны вручить сие письмо ее прев. Авдотье Николаевне Арбеновой». Почтовый штампель: «Болхов».

Основание датировки: как явствует из текста письма, Жуковский еще совершенно уверен в том, что Свечина и Арбенева будут поддерживать его в его борьбе с Е. А. Протасовой за право жениться на Маше. В марте же 1814 г. отношения Жуковского с Арбеновой испортились, поскольку она не оправдала его ожиданий (см. письмо к А. Н. Арбеновой и М. Н. Свечиной от 7 марта 1814 г. и комментарий к нему; см. также письмо А. Н. Арбеновой к Жуковскому от 22 марта 1814 г.: РА. 1883. Вып. 2. С. 315—318).

¹ Об этом письме к Е. А. Протасовой Жуковский будет говорить неоднократно в своих письмах, но, по всей вероятности, он отдал его адресату только перед отъездом семьи из Муратова в Дерпт, в сентябре 1814 г.

² Г. П. Апухтин, орловский предводитель дворянства в 1806—1814 гг. (см. примеч. 4 к письму к П. А. Вяземскому от конца мая 1812 г.)

³ Перефразированный заключительный стих 6-го хора оды Ф. Шиллера «К радости» («An die Freude»), популярной еще в пансионские годы (см.: Ж. и русская культура. С. 368—369, 400; см. также: ПССиП. Т. 7. С. 568—569. Комментарий О. Б. Лебедевой к переводу комедии Коцебу «Ложный стыд». Ср. в переводе И. Миримского: «Духу света этот тост!»). Слово «Гений» имело для Жуковского особый смысл (Гений-хранитель, благодатный Гений, Гений-спаситель). Так, в послании «К Батюшкову», над которым Жуковский работал еще недавно, добрый Гений — хранительная сила и олицетворение поэзии:

О добрый Гений мой,
Последних благ спаситель
И жребия смиритель,
Да светит надо мной,
Во мгле путеводитель,
Твой, Муза, милый свет!

(ПССиП. Т. 1. С. 194).

105.

Н. П. Свечину

(С. 151)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 74. Л. 1. Б. д. и указания адресата — с архивной атрибуцией: «В. А. Азбукину».

Копии:

1) РНБ. Оп. 2. № 74. Л. 2 — архивная, сделанная с автографа.

2) РНБ. Оп. 2. № 437. Л. 5 — рукою неизвестного лица, с примечанием вверху: «В. А. Азбукину».

Публикуется впервые.

Печатается по автографу.

Датируется: весна (март?) 1813 г.

В архивной описи, а также в копии № 2 адресатом письма назван Василий Андреевич Азбукин. Однако, как установлено Н. В. Самовер (Свечин Н. П. // Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. Т. 5. М., 2007. Т. 5. С. 509—510), реальным адресатом этого послания является Н. П. Свечин, а письмо может быть датировано весной 1813 г., поскольку продолжает историю увольнения Жуковского из армии, начатую в письме к В. А. Азбукину от 18 февраля 1813 г.

¹ Как явствует из «Формулярного списка о службе...», Жуковский был уволен из ополчения в 1814 г.: «По случаю роспуска ополчения от службы Московской военной силы уволен. 1814 г. Декабря 20» (ПССиП. Т. 14. С. 413; см. также: РА. 1902. № 5. С. 86).

² В том же «Формулярном списке о службе...» читаем: «Имеет серебряную медаль в память 1812 г.» (Там же). Вероятно, в письме речь идет об этой награде. См. об этой медали: Бартошевич В. В. Существовала ли ополченская медаль 1812 г. // Вопросы истории. 1979. № 3. С. 207—210.

³ Имеется в виду «Певец во стане русских воинов», опубликованный в декабрьских номерах ВЕ (1812. № 23—24. С. 179—196) с подзаголовком «Писано после отдачи Москвы перед сражением при Тарутине».

⁴ Речь идет о стихотворении «Вождю победителей», имевшем подзаголовок «Писано после сражения под Красным. Послание», опубликованном в ВЕ (1812. Ч. 66. № 21—22. С. 12—15). В 1813 г. вышло отдельным изданием под заглавием «Князю Смоленскому». Говоря о «Краснинском деле», Жуковский имел в виду сражение под

поселком Красным вблизи Смоленска 15—18 ноября 1812 г., где французская армия понесла большие потери. За эту победу М. И. Кутузов получил титул Князя Смоленского.

⁵ В декабре 1812 г. в результате серьезной болезни Жуковский находился в военном госпитале Вильны.

⁶ На л. 1 об. — следующая приписка А. П. Юшковой (Зонтаг):

J'espère bien que cette lettre ne vous trouvera plus in Borissov, mon cher cousin; j'espère que bientôt j'aurais le plaisir de vous revoir dans ma petite maisonnette de Mychenskoe, de vous y dire que je suis très sincèrement votre amie, et de répondre dans *rire* que dans *rougir* à tous les articles de votre lettre; de cette où vous me proposez si fort d'associer ma mauvaise fortune à celle de quelqu'autre malheureux. Ma soeur et moi, nous nous portons un materiel appui et cela nous suffit et suffira peut être pour la vie. Si pourtant, mon bon cousin, ma lettre vous trouve encor à Borissov, je vous prie de donner le congé à notre cher Жуковский sans le faire voyager! Je vous prie de dire à notre bon Mr. Ofrossimow que j'ai bien pleuré leur perte et que je partage bien leur chagrin! Je vous prie de dire à mon cousin Пожарский, que je le remercie pour son souvenir, et que son frère est maintenant chez moi, que je les aime fort tous les deux, et je vous aime aussi de *tout mon coeur*, mon cher cousin; et cette amitié pour être vieille n'en est que meilleure. Adieu! Ma soeur vous dit mille chose et je vous en dis un million.

Тout a vous

А. Юшкова*

106.

А. И. Тургеневу

(С. 152)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 146. Л. 17—18. Б. г.

Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 97—99.

Печатается по автографу.

Датируется: 9 апреля 1813 г.

---

* Я очень надеюсь, что это письмо уже не застанет Вас в Борисове, мой дорогой кузен; я надеюсь, что скоро я буду иметь удовольствие снова увидеть Вас в моем маленьком домике в Мишенском, сказать Вам, что я Ваш искренний друг, и ответить, смеясь и краснея, на все пункты вашего письма — того, где Вы так настоятельно предлагаете мне соединить мою несчастную судьбу с судьбою еще кого-нибудь несчастного. Мы с сестрой располагаем небольшой материальной поддержкой, и ее нам хватает и будет хватать на жизнь. Если же, дорогой кузен, мое письмо застанет Вас в Борисове, я прошу Вас дать нашему дорогому Жуковскому отпуск, не заставляя его отправляться в путешествие! Прошу Вас сказать нашему дорогому Офросимову, что я оплакала его потерю и разделяю его скорбь! прошу также передать кузену Пожарскому мою благодарность за добрую память и сказать ему, что его брат сейчас у меня, что я люблю их обоих, — и Вас люблю всем сердцем, дорогой кузен; и эта дружба становится чем старше, тем лучше. Прощайте! Сестра передает Вам тысячу приветов, а я — миллион!

Преданная Вам

А. Юшкова (франц.).

Год определяется по содержанию письма.

¹ О Ланце см. примеч. 3 к письму к А. И. Тургеневу от 6 февраля 1813 г.

² О каком Абазе идет речь, установить не удалось. Как предполагает Х. Зигель, речь может идти о ротмистре Платоне Никандровиче Абазе, впоследствии авторе книг о сельском хозяйстве (Siegel. № 63. S. 201. Примеч. 1). Однако, учитывая возраст П. Н. Абазы в 1813 г. (15 лет), это предположение требует уточнений. В Отечественной войне 1812 г. принимали участие три человека по фамилии Абаза, см.: *Офицеры 1812 года*. URL: <http://officers.wardoc.ru/person-a.php>. Возможно также, что здесь имеется в виду Аггей Васильевич Абаза, сокурсник Жуковского по Московскому университетскому Благородному пансиону (см.: *Сочинения В. А. Жуковского* / Под ред. А. Д. Алферова: В 2 т. Т. 1. М., 1902. С. XIII).

³ Жуковский ездил к И. В. Лопухину в деревню с просьбой помочь склонить Е. А. Протасову согласиться на его брак с дочерью, Марией Андреевной.

⁴ См. примеч. 1 к письму от 6 февраля 1813 г.

⁵ Чин штабс-капитана.

⁶ К этому месту письма имеется собственноручное примечание Жуковского, отмеченное в подлиннике знаком (#): «Это не значит, однако, чтобы я был *выбран* от дворянства. У нас в Орле не было милиции; я сам записался в Московскую».

⁷ Ст. 443—444 из «Певца во стане русских воинов» (ПССиП. Т. 1. С. 237).

⁸ «Певец...» был напечатан в декабрьском номере ВЕ за 1812 г. (Ч. 66. № 23/24. С. 176—196) под заглавием «Певец во стане русских воинов (Писано после отдачи Москвы перед сражением при Тарутине)». Отдельное издание появилось в Петербурге в Морской типографии в 1813 г. (ц. р. от 24 января 1813 г.). В силу обстоятельств военного времени номер ВЕ появился позднее отдельного издания. Тексты идентичны. По мнению Тургенева, который принимал самое активное участие в публикации «Певца...», это издание не удалось. Второе, исправленное издание вышло там же, но в Медицинской типографии, в 1813 г. по личной инициативе императрицы Марии Федоровны, с примечаниями Д. В. Дашкова и при активном участии И. И. Дмитриева. Подробнее см.: ПССиП. Т. 1. С. 595—598. Комментарий А. С. Янушкевича.

⁹ Адмиралу Павлу Васильевичу Чичагову приписывали неудачу в поимке и пленении Наполеона при Березинской переправе: он даже обвинялся в измене. В печатных изданиях «Певца...» нет стихов, посвященных Чичагову. В ответном письме А. И. Тургенева от 2 мая говорится: «Чичагова и я без твоего согласия выкинул» (Siegel. № 64. S. 203).

¹⁰ Учитывая просьбу Жуковского прислать «всё, что есть хорошего на случай нынешних побед», можно высказать предположение о замысле стихотворения «На победы русских в 1813 г.» (см. примеч. 9 к письму к В. А. Азбукину от 18 февраля 1813 г.).

107.

И. И. Дмитриеву

(С. 153)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 1060. Оп. 2. № 1. Л. 1—8 об.

Впервые опубликовано: ЖИМ. Вып. 2. С. 361—367. Публикация Е. В. Гарбер. Печатается по автографу.

Датируется: 18 апреля 1813 г.

¹ Имеется в виду письмо И. И. Дмитриева к Жуковскому от 20 февраля 1813 г., которое начинается словами: «С большим удовольствием читал я Ваши последние произведения; с удовольствием, какое сродно иметь только тому, кто сам знает цену искусства и не завидует, но сорадуется чужим талантам». Далее его автор говорит о просьбе «вдовствующей императрицы» прислать текст «Певца во стане русских воинов», переписанный «собственной Вашей рукою», и «сделать ей <пиесе> второе издание» (РА. 1871. Стб. 418—419).

² Речь идет об императрице Марии Федоровне, вдове Павла I.

³ В апреле 1813 г. Жуковский пишет послание «Государыне Императрице Марии Федоровне» («Мой слабый дар Царица ободряет...»), но в приложении ко второму изданию «Певца...» оно напечатано не было. Как полагал И. И. Дмитриев в письме к Жуковскому от 22 октября 1813 г., императрица поступила так «единственно из скромности, будучи сама издательницею оного» (Там же. С. 422). Послание было опубликовано в ВЕ только в 1814 г. (Ч. 73. № 4. С. 283—286) — с заглавием «К Е. И. В., Вдовствующей Государыне Императрице Марии Феодоровне» и подписью: «В. Жуковский».

⁴ Жуковский вспоминает московский дом И. И. Дмитриева, сгоревший во время пожара Москвы 1812 г.

⁵ М. И. Протасова (годы жизни неизвестны), тетка Маши и Саши Протасовых.

⁶ В примечании к этому стиху Е. В. Гарбер замечает: «Следующие строки написаны в другое время, будто другим почерком, с заглавными буквами в начале каждой строки. Так как написание заглавных букв в начале стиха вариативно, то даем унифицированный вариант, как это было принято в эдиционной практике и в перебеленных рукописях самого Жуковского <...>. Текст стихотворения занимает л. 2 об. — 5 об.» (ЖИМ. Вып. 2. С. 363). Данное стихотворение представляет ранний автограф послания «К Ив. Ив. Дмитриеву» («Итак! ее уж нет, // Сей пристани спокойной...»). Сравнение двух редакций см.: Там же. С. 378—379.

⁷ Далее Жуковский приводит «ошибки» в тексте «Певца во стане русских воинов», отмеченные в вышеупомянутом письме Дмитриева. Жуковский учитывает эти пожелания в следующем издании.

⁸ Приводится ранний (первый) вариант стихотворения «Уединение». Сравнение редакций см.: Там же. С. 379.

⁹ Второе отдельное (дмитриевское) издание «Певца...» появилось в 20-х числах октября 1813 г.

¹⁰ Жуковский принял к сведению это пожелание. Во втором издании были напечатаны «исторические примечания», написанные совместно с Д. В. Дашковым.

108.

А. И. Тургеневу

(С. 160)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 146. Л. 19—19 об. Б. г.

Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 99.

Печатается по автографу.

Датируется: 9 мая 1813 г.

Год определяется по реалиям письма.

¹ Французский генерал Шарль Огюст Жан Батист Луи Жозеф Бонами де Бельфонтен, раненный в Бородинской битве, был оставлен в Рязани для выздоровления; затем переведен в Орел. Хлопоты за Бонами увенчались успехом. Он остался в Орле и вошел в черненско-муратовский круг. Подробнее см.: *Ларионова Е. О.* История о докторе Форе в русском плену // Пушкин и его современники: Сб. науч. трудов. Вып. 5 (44). СПб.: Нестор-История, 2009. С. 9—10, 13—14, 26.

² Имеется в виду Бородинское сражение 26 августа / 7 сентября 1812 г.

³ Военным министром в 1812—1815 гг. был Алексей Иванович Горчаков, племянник и ученик А. В. Суворова.

⁴ Саваоф, одно из имен Бога в иудейской и христианской традициях, означает «Господь воинств Израилевых» и «Господь воинств Ангельских».

⁵ Министром полиции в 1812—1819 гг. был граф Сергей Кузьмич Вязмитинов.

109.

А. И. Тургеневу

(С. 161)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 146. Л. 20. Б. г.

Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 99—100.

Печатается по автографу.

Датируется: 15 мая 1813 г.

Год определяется по реалиям письма.

¹ Белевский сосед Жуковского, хозяин имения Володьково, барон И. П. Черкасов, адресат письма Жуковского от 27—30 июня 1808 г. (см. примеч. 1—2 к этому письму).

² Письмо не сохранилось.

³ По всей вероятности, речь идет о старшем сыне барона, Петре Ивановиче, воспитаннике Московского училища для колонновожатых.

⁴ Местность в Москве: «под Девичьим» (монастырем). В доме Воейкова на Девичьем поле 12 января 1801 г. состоялось организационное собрание Дружеского литературного общества, положившее начало «поддевическому» братству, связавшему Жуковского и братьев Тургеневых узами тесной дружбы. Это понятие постепенно обретет в лексиконе Жуковского символический смысл.

110.

А. И. Тургеневу

(С. 161)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 146. Л. 22—23 об. Б. г.
Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 100—102.
Печатается по автографу.
Датируется: 20 мая 1813 г.

Год определяется по реалиям письма.

¹ О Ланце см. примеч. 3 к письму к А. И. Тургеневу от 6 февраля 1813 г.

² Николай Николаевич Новосильцев, государственный деятель, близкий к императору Александру I. (Незадолго до смерти у него в Комиссии по составлению законов служил Андрей Тургенев). Позднее известен своей службой в Царстве Польском и как председатель Государственного совета.

³ Речь идет о «Певце во стане русских воинов». В письме к П. А. Вяземскому от 27 декабря 1812 г. Тургенев говорил, что «Жуковского стихи прекрасны, бесподобны» (РА. 1866. Стб. 254). В письме к самому Жуковскому от 2 мая 1813 г. он замечал: «Стихи твои божественны...» (Siegel. № 64. S. 203).

⁴ Об этих ошибках см. письмо И. И. Дмитриева к Жуковскому от 20 февраля 1813 г. «Жаль только, — писал Дмитриев, — что в “Певце во стане Русских Воинов”, в строфе “о старец, да услышим твой” и т. д., вероятно, есть ошибки переписчиков; например, в следующих 4-х стихах:

Не тщетной славы пред тобой,
Не мщенья дружины,
Простерли не к добычам длань,
Бегут не за венками!

я не понимаю смысла; кажется, что тут какой-нибудь глагол пропущен. Также и в следующем:

Пой, лебедь! Свергнут их мечом,
С племен порабощенье» (РА. 1871. Стб. 418).

Во втором издании, которое курировал Дмитриев, эти стихи были напечатаны с поправками. В первом случае частица «не» в начале второго стиха была заменена союзом «но»: «**Но** мщенья дружины...». Во втором случае стихи получили следующий вид:

Пришло разрушить их мечам
Племен порабощенье.

⁵ В цитированном выше письме Дмитриев писал: «Вчера государыня, вдовствующая императрица, можно сказать, с восторгом изволила хвалить ее <поэзию Жуковского> и препоручила мне просить Вас, чтобы Вы прислали ко мне Вашу пиесу, переписанную собственной Вашей рукою. Она желает сама сделать ей второе издание...» (РА. 1871. Стб. 418—419). Жуковский удостоился получить от императрицы Марии Федоровны рескрипт и перстень. Второе издание было напечатано в количестве 300 экземпляров, из которых 290 были предоставлены в пользу автора (Там же. Стб. 421).

⁶ Речь идет о послании «Государыне Императрице Марии Федоровне» («Мой слабый дар Царица одобряет...»), написанном в апреле 1813 г. Императрица одобрила послание, но не разрешила его напечатать при втором издании «Певца...». В письме к Жуковскому от 22 октября 1813 г. И. И. Дмитриев так разъяснил эту ситуацию: «Искренне благодарю Вас за дружеское письмо и доставление прекрасной Вашей дедикации <от франц. la dédicace — “посвящение”>. Желаю и советую Вам напечатать ее в “Вестнике”. Государыня не благоволила позволить ее напечатать при Вашем сочинении единственно из скромности, будучи сама издательницею оного» (Там же. Стб. 422). Как и советовал Дмитриев, Жуковский опубликовал послание в ВЕ (1814. Ч. 73. № 4. Февраль. С. 283—286) с заглавием: «К Е. И. В., Вдовствующей Государыне Императрице Марии Феодоровне» и подписью: «В. Жуковский».

⁷ Имеется в виду светлейший князь Смоленский М. И. Кутузов, умерший 16 (28) апреля 1813 г. в Бунцлау. На торговой площади этого небольшого городка в прусской Силезии в 1819 г. Фридрихом-Вильгельмом III был поставлен железный обелиск высотой 12 м в память о русском полководце. В 1813 г. в петербургской типографии Ф. Дрехслера (ц. р. от 28 января 1813 г.) вышло отдельным изданием послание Жуковского «Князю Смоленскому», а в журнале СО (1813. Ч. 3. № 5. С. 242—245) под заглавием «Вождю победителей» появляется это же послание, которое можно рассматривать как поэтический некролог «нашему спасителю». Позднее образ «старца-вождя» найдет свое отражение в послании «Императору Александру» (1814) и в стихотворении «Певец в Кремле» (1816). В архиве поэта сохранился список задуманных им в 1813 г. стихотворений, среди которых есть заголовок: «На смерть Кутузова» (РНБ. Оп. 1. № 78. Л. 30), но следов этого замысла не обнаружено.

⁸ Имеется в виду Тридцатилетняя война 1618—1648 гг.

⁹ Шведский король Густав-Адольф, погибший в сражении при Люцене в 1632 г.

¹⁰ Жуковский намекает на историю своих отношений с Машей Протасовой, питая еще надежды на возможность брака с ней.

¹¹ После смерти Кутузова главнокомандующим русской армией был назначен граф (впоследствии светлейший князь) П. Х. Витгенштейн. Под его руководством русская армия уже 20 апреля (2 мая) 1813 г. одержала важную победу при Люцене.

¹¹ Генерал П. П. Коновницын, которому Жуковский посвятил целую строфу (ст. 197—208) в «Певце во стане русских воинов». Учитывая, что в первоначальном

варианте вся характеристика героя Отечественной войны 1812 г. была заключена в одном стихе — «Наш Коновницын смелый...», можно предполагать: расширение поэтического образа Коновницына произошло уже после указанных в письме событий.

¹² С. С. Уварову.

¹³ См. письмо к А. И. Тургеневу от 9 мая 1813 г. и примеч. 1.

111.

П. А. Вяземскому

(С. 163)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1909. Л. 26—27 об. Б. г.

Публикуется впервые.

Датируется: 13 июня 1813 г.

Год определяется по упоминанию о публикации баллады «Светлана» (примеч. 10).

¹ 1 сентября 1812 г. П. А. Вяземский выехал из Москвы в Ярославль к жене Вере Федоровне, вместе с ней прибыл в Вологду, затем в конце февраля 1813 г. вернулся в Ярославль, потом в Москву и поселился в подмосковном имении Остафьево.

² Речь идет о Жаке Пьере-Теодоре Моро де ла Мелтиере, пленном офицере французской армии, оказавшемся в Муратове (см.: ПССиП. Т. 13. С. 542).

³ Шарлотта Моро де ла Мелтиер, переводчица, романистка, драматург. Известно письмо к ней Жуковского от 1 (13) июня 1827 г. См.: Янушкевич А. С. Инскрипт в творческой системе В. А. Жуковского и в книгах из его библиотеки // Вестник ТГУ. 2011. Филология. № 1 (13). С. 115—117, см. также письмо к А. Ф. Воейкову от 13 февраля 1814 г.

⁴ Жан Батист Антуан Сюар, журналист, музыкальный критик, член Французской академии. Его произведения Жуковский переводил для ВЕ в 1808 г. См.: ПССиП. Т. 10. Кн. 1. С. 452—455. Комментарий В. С. Киселёва.

⁵ Вяземский вышел в отставку в марте 1813 г.

⁶ Ираклий Иванович Морков, граф, генерал-лейтенант, в 1812—1813 г. возглавлял Московское народное ополчение, будучи выбран представителями московского дворянства; участвовал в Бородинском сражении и в сражениях при Мало-ярославце, Вязьме и Красном.

⁷ Остафьевское имение не подверглось разорению. См. в письме П. А. Вяземского к А. И. Тургеневу от 12 декабря 1812 г.: «Благое Провидение не захотело лишить меня места, к которому я по многому привязан душою. И исполнителем воли его была швейцарка, девица Воеhr, жившая у Карамзиных при детях и отправившаяся в Остафьево во время приближения французов к Москве; она храбростью своею и благоразумием защищала от врагов, более месяца беспрестанно набегающих, мою деревню и заслужила от крестьян прозвание храброй мамзели, а от меня — беспредельную благодарность» (ОА. Т. 1. С. 10—11).

⁸ Имеется в виду послание «К Батюшкову» («Сын неги и веселья...») от мая 1812 г., отправленное в свое время на оценку Вяземскому. См.: ПССиП. Т. 1. С. 572—578. Комментарий В. А. Кошелева.

⁹ Первенцем Вяземского был сын Андрей (родился в 1812 г.).

¹⁰ Баллада «Светлана», опубликованная в № 1—2 ВЕ за 1813 г.

¹¹ Вероятно, речь идет о балладе «Адельстан», опубликованной в № 3—4 ВЕ за 1813 г.

112.

П. А. Вяземскому

(С. 165)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1909. Л. 28—29. Б. г.

Публикуется впервые.

Датируется: 27 июня 1813 г.

Год определяется по содержанию письма.

¹ Перечисляются московские адреса Вяземского.

² Демид Муромцев, слуга Вяземского, ведавший хозяйственными делами.

³ Подразумевается памятная медаль, которую давали ополченцам 1812 г. См.: *Бартошевич В. В.* Существовала ли ополченская медаль 1812 г. // Вопросы истории. 1979. № 3. С. 207—210.

⁴ Подполковник Николай Петрович Свечин (см. указатель адресатов) с ноября 1812 г. по июнь 1813 г. являлся комендантом г. Борисова и командиром первого пехотного полка Московского ополчения. После опубликования 18 апреля 1813 г. указа о роспуске Московского ополчения Свечину было поручено организовать отправку домой воинов, которые во второй половине июня 1813 г. выступили из Борисова через Смоленск в Москву.

⁵ См. письмо к Н. П. Свечину от весны (марта?) 1813 г.

⁶ «Мои пенаты. Послание к Жуковскому и Вяземскому», отправленное К. Н. Батюшковым к П. А. Вяземскому и В. А. Жуковскому 12 апреля 1812 г.

⁷ Послание Жуковского «К Батюшкову» («Сын неги и веселья...») было опубликовано в № 9—10 ВЕ за 1813 г.

⁸ Перевод не сохранился.

⁹ Николай Сергеевич Всеволожский в 1809—1817 гг. владел типографией в Москве.

¹⁰ Александр Иванович Тургенев.

¹¹ См. ответное письмо к И. И. Дмитриеву от 18 апреля 1813 г.

¹² См. об истории второго издания «Певца во стане русских воинов» в примечаниях к письмам к И. И. Дмитриеву от 18 апреля и к А. И. Тургеневу от 20 мая 1813 г. Второе издание вышло в свет в конце октября 1813 г. См.: ПССиП. Т. 1. С. 597 (комментарий А. С. Янушкевича).

¹³ Н. М. Карамзину. Письмо в настоящий момент не обнаружено.

113.

П. А. Вяземскому

(С. 167)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1909. Л. 31—32 об. Б. д.

Публикуется впервые.

Датируется: начало июля 1813 г.

Год определяется по содержанию письма.

Адрес: «Его сиятельству милостивому государю моему Петру Андреевичу Вяземскому. В Москве, на Грузинах, в доме Петра Александровича Кологривого» (Л. 33).

¹ См. примеч. 6 к письму к П. А. Вяземскому от 13 июня 1813 г.

114.

А. И. Тургеневу

(С. 167)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 146. Л. 24—24 об. Б. д.

Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 102—103.

Печатается по автографу.

Датируется: начало июля 1813 г.

Основание датировки — упоминание о болезни А. И. Тургенева (см. примеч. 1).

¹ В письме к Жуковскому от 30 июня 1813 г. Батюшков сообщал: «Тургенев провел сегодня вечер у графа Строганова вместе со мною и так занемог, что писать к тебе, мой добрый Василий Андреевич, не в силах...» (Батюшков. Т. 2. С. 253).

² Брата А. И. Тургенева.

³ В цитированном выше письме к Жуковскому Батюшков, в частности, писал: «...слух носится, что тебе назначена Анна 2-го класса, и Тургенев тебя велел с ней поздравить; он слышал от служащих при военном министре о сей государевой милости» (Там же). Согласно «Формулярному списку о службе...», Жуковский действительно был «за отличие в сражениях награжден чином штабс-капитана и орденом Св. Анны 2 класса» 6 ноября 1812 г. (РА. 1902. № 5. С. 85).

⁴ Братьев Александра, Сергея и Николая Тургеневых.

⁵ Об Андрее Сергеевиче Кайсарове, убитом в сражении под Гайнау 14 (26) мая 1813 г.

⁶ Ср. со ст. 589—592 из «Певца во стане русских воинов»:

Сын брани мигом ношу в прах

С могучих плеч свергает

И, бодр, на молнийных крылах

В мир лучший улетает

(ПССиП. Т. 1. С. 242).

⁷ В архиве Жуковского (РНБ. Оп. 1. № 78. Л. 30) в списке задуманных в 1813 г. стихотворений значится заглавие: «На с<мерть> Кайсарова», но никаких следов этого замысла не обнаружено.

115.

С. С. Уварову

(С. 168)

Автограф неизвестен.

Копия: РО ИРЛИ. Ф. 309. № 2737 — рукой А. И. Тургенева, с припиской карандашом после даты: «1813 г.».

Впервые опубликовано: ЖИМ. Вып. 2. С. 153—158. Публикация и комментарий С. В. Березкиной.

Печатается по копии.

Датируется: 15 июля 1813 г.

Ответ на письмо от 6 июня 1813 г., в котором Уваров приветствовал возвращение Жуковского из армии и давал высокий отзыв о «Певце во стане русских воинов»: «Между тем, как Вы возлетаете на Пинд, — писал он, — я хожу шагом по земле; вместо блистательной Поэзии занимаюсь сухой Педагогикой. — Вот опыт моих по ней трудов! Прочтите и скажите Ваше мнение» (РНБ. Оп. 2. № 73. Л. 307—308; РА. 1871. С. 0160). С письмом Уваров послал Жуковскому свою брошюру «О преподавании истории относительно к народному воспитанию» (СПб., 1813; ц. р. — 21 апреля 1813 г.). В этой работе впервые прозвучала одна из излюбленных идей Уварова о том, что «в народном воспитании преподавание истории есть дело государственное» (Там же. С. 2; см. об этом: *Виттекер Ц. Х.* Гр. С. С. Уваров и его время / Пер. с англ. СПб., 1999. С. 48). В брошюре речь идет о системе и преемственности в преподавании истории применительно к трем образовательным ступеням: в народных училищах священная и отечественная история (с добавлением, по предложению С. С. Уварова, истории «нашей церкви, которая обыкновенно остается в забвении» (Там же. С. 6) — к этой идее, судя по ответному письму, Жуковский остался равнодушен), в гимназии начальный курс всеобщей истории, в университете ее окончательный курс. Отметив как несомненную удачу «прозаиста» § 6—7 (в них говорилось о всеобщей истории), Жуковский остановился на народных училищах, развив свои соображения далеко за пределы темы Уварова. Мысль Уварова об ограничении преподавания истории в народных училищах священной и отечественной историей носила характер поправки к школьному уставу 1804 г., поскольку в нем фигурировала история и всеобщая, и российская. Жуковский, предлагавший в преподавании использовать примеры и из всеобщей истории, тем самым становился на сторону уставных положений программы народного (уездного) училища. Это совпадение могло носить случайный характер, поскольку в выражении других своих предположений относительно всего комплекса предметов в народном училище (как и основной направленности всего преподавания) он или

называет уже утвержденные в программе, или «забывает» те, необходимость которых в начальной школе представляется самоочевидной (например, чистописание и рисование). Жуковский пишет об ином принципе преемственности в преподавании истории, считая, что примеры из всеобщей истории могут быть полезны для простолюдинов; именно поэтому он предлагает для курса истории в народном училище «моральное» (т. е. избирательное, тематическое) основание (в отличие от «политического», которое станет, по его предположению, основой для преподавания истории в гимназии и университете). Говоря об образовании простолюдина, Жуковский повторил в письме то, что было высказано им ранее в статье «Новая книга: Училище бедных...» (1808; см.: ПССиП. Т. 12. С. 185—188), в частности о необходимости создания «библиотеки поселян».

Представления Жуковского о сочетаемости служебной деятельности Уварова в качестве попечителя Санкт-Петербургского учебного округа и его литературно-публицистических выступлений носили утопический характер (см.: *Будучи исполнителем намерений Правительства ~ вы можете некоторым образом его руководствовать, представляя ему свои мысли как писатель*). Уваров написал ему в ответ 17 августа 1813 г.: «Вы хвалите мои труды, или, лучше сказать, намерения: *pia desideria*! Но Вы налагаете при том на меня весьма тяжелое бремя, с моими силами не слишком соразмерное. *Верить возможности лучшего* есть уже в нашем положении *напряжение фантазии, идеал*; но приступить к исполнению — истинно Геркулесов труд. — Но как бы то ни было, я умею ценить Вашу приязнь и Ваше участие в моих мечтах...» (РНБ. Оп. 2. № 73. Л. 309—310 об.; РА. 1871. Стб. 0161).

¹ Об интересе к стихам Уварова (на французском языке) см. письмо Жуковского к С. С. Уварову от 4 мая 1811 г. и примеч. 6; см. также письмо к А. И. Тургеневу от 12 сентября 1810 г. (примеч. 27).

² Мысли Жуковского о народном воспитании полемичны по отношению, во-первых, к трактатам А. С. Шишкова, а во-вторых, к тем материалам, которые печатались в журнале С. Н. Глинки «Русский вестник». Из «Рассуждения о любви к Отечеству» (1812) Шишкова в ответ Жуковского Уварову проникла тема ложной «гордости» русского человека. Шишков считал, что «дух народной гордости» является «первейшим основанием любви к Отечеству» (*Шишков А. С. Собр. соч. и переводов: В 17 ч. Ч. 4. СПб., 1825. С. 166*), недостатки же своей истории, раскрытые в ходе ее преподавания, способны привести лишь к охлаждению патриотических чувств (Там же. С. 165—166). Жуковский во главу угла ставит просвещение, которое должно питать не «гордость», а «уважение к самим себе».

³ Ср. письмо Жуковского к А. И. Тургеневу, написанное в конце сентября — начале октября 1810 г., в котором в сходных выражениях делается выпад в адрес С. Н. Глинки.

⁴ Ср. в «Рассуждении...» Шишкова: «Отними у нас слепоту видеть в любимом человеке совершенство, дай нам глаза посреди самого сильнейшего пламени нашего усматривать в нем некоторые недостатки, некоторые пороки; возбуди в нас

---

* Благие пожелания (*лат.*).

желание сличать их с преимуществами других людей: ум начнет рассуждать, сердце холодеть, и вскоре человек сей, ни с кем прежде несравненный, делается для нас не один на свете, но равен со всеми, а потом и хуже других. Так точно Отечество» (Шишков А. С. Собр. соч. и переводов: В 17 ч. Ч. 4. С. 165).

⁵ Ср.: Уваров С. С. О преподавании истории... С. 24.

⁶ Сатиру «Дом сумасшедших», как принято считать, А. Ф. Воейков начал писать в 1814 г. Между тем письмо к Уварову позволяет предположить, что этот замысел был известен Жуковскому уже в 1813 г.

⁷ Речь идет о низшей ступени народного образования, учрежденной Екатериной II в 1786 г. Она была реформирована Александром I в 1802—1804 гг. Низшую ступень (народные училища) составляли училища приходские и уездные (последние готовили к гимназии); какие из них имеет в виду Жуковский, характеризуя свои взгляды на потребности образования простолюдинов, неясно. Свою позицию по поводу просвещения простолюдинов и заведения уездных и сельских школ Жуковский изложил еще в 1808 г. на страницах ВЕ (1808. Ч. 42. № 21. Ноябрь. С. 67—76) в рецензии на книгу французской писательницы Жанны Мари Лепренс де Бомон «Училище бедных» в переводе Настасьи Плещеевой (подробнее см.: ПССиП. Т. 12. С. 185—189).

⁸ См.: Уваров С. С. О преподавании истории... С. 3. Ср. в статье Карамзина: «Народные школы могут и должны быть полезнее всех академий в мире, действуя на первые элементы нации» (Карамзин Н. М. Сочинения: В 9 т. Т. 8. М., 1835. С. 92).

⁹ Ср. в статье Карамзина «О любви к отечеству и народной гордости» (1802): «Любовь к отечеству может быть физическая, моральная и политическая» (Карамзин Н. М. Избр. соч.: В 2 т. Т. 2. М.; Л., 1964. С. 224).

¹⁰ В уездных училищах устав предписывал преподавание, помимо русского, еще и «местного» языка (например, польского, немецкого), а также языков латинского и немецкого для тех, кто готовился в гимназию (см.: Антология педагогической мысли России первой половины XIX в. М., 1987. С. 40).

¹¹ Ср. в статье «О новом образовании народного просвещения в России»: «Дерзну сказать, что составление нравственного катехизиса для приходских училищ достойно первого гения в Европе: так оно важно и благотельно!» (Карамзин Н. М. Сочинения. Т. 8. С. 227). Устав 1804 г. ставил перед уездными училищами цель наставления учащихся в «обязанностях к государю, человечеству и ближнему» (Антология педагогической мысли России... С. 30). Екатериной II была введена для этого учебная книга «О должностях человека и гражданина...», являвшаяся переводом труда австрийского педагога И. Фельбигера и к началу 1810-х гг. безнадежно устаревшая (последний раз издана в 1817 г.).

¹² Имеется в виду естественная история, включавшая в себя минералогию, ботанику и зоологию.

¹³ В уездном училище уставом рекомендовалось преподавание «практических знаний, полезных для местной промышленности и потребностей края» («начальные правила технологии») (Там же. С. 31, 40).

¹⁴ Программа приходских училищ предписывала истребление суеверий, вредных для здоровья учащихся. Одно из учебных пособий («Краткое наставление о сельском домоводстве...») содержало сведения о «человеческом теле».

¹⁵ В статье «О новом образовании народного просвещения в России» Карамзин вспоминал о виденных им во время путешествия по Европе «в хижинах (не отвратительных, но опрятных и чистых) книгах»; и далее: «Можно поставить в пример швейцарских, многих немецких (особливо голштинских) и английских земледельцев, которые имеют библиотеки...» (*Карамзин Н. М. Сочинения*. Т. 8. С. 224).

¹⁶ Имеется в виду «Альманах бедного Ричарда», издававшийся Б. Франклином в 1732—1758 гг., который был и занимателен, и полезен.

¹⁷ В своей рецензии на книгу Жанны Мари Лепренс де Бомон «Училище бедных» (см. примеч. 7) Жуковский, в частности, писал: «Словом, мы не имеем еще *полезных для простолюдина книг*, и вероятно, что еще долго не будем иметь их. Много ли найдется писателей, которые захотели бы жертвовать талантом своим в таком кругу людей, которых одобрение не может быть удовлетворительно для авторского самолюбия?». В заключении своей статьи он предлагает собственный проект «библиотеки поселян, ремесленников и им подобных» (ПССиП. Т. 12. С. 187—188). Через 5 лет после публикации своей статьи Жуковский острее поставит этот вопрос, обращаясь уже к правительству.

¹⁸ В письме от 6 июня 1813 г. Уваров сообщал: «Я также написал рассуждение о *стопосложении*, которое было читано в здешней Беседе; когда же оно будет напечатано, то представлю Вам» (РА. 1871. Стб. 0160); эта работа была отослана Жуковскому с письмом Уварова от 17 августа 1813 г. (Там же. Стб. 0161; ответ Жуковского на это письмо неизвестен). «Рассуждением о стопосложении» Уваров назвал «Письмо к Николаю Ивановичу Гнедичу о греческом экзаметре», которое было напечатано в «Чтениях в Беседе любителей русского слова».

¹⁹ Просьба доставить список стихотворений связана с решением Жуковского выпустить первое издание своих произведений (вышло в 1815—1816 гг.). О рукописи и присылке ее см. упоминания в его письмах к А. И. Тургеневу (от 6 февраля, 9 апреля, 20 мая, начала июля 1813 г.). Обращение к Уварову увенчалось успехом, и в письме от 2 сентября 1813 г. Жуковский поблагодарил Тургенева за присылку долгожданной рукописи.

116.

А. П. Киреевской (Елагиной)

(С. 172)

Автограф неизвестен.

Копия: РО ИРЛИ. Ф. 265 (архив журнала «Русская старина»). Оп. 2. № 1040. Л. 1—8, с пометой: «В июле 1813. Начало письма в Черни, остальное в Мишенском».

Впервые опубликовано: РС. 1883. № 1. С. 197—202, с той же пометой.

Печатается по копии.

Датируется: июль 1813 г.

Копии писем Жуковского к А. П. Елагиной, наборная рукопись (из нее сохранились копии лишь десяти писем за период до 1822 г.), выполнены рукой П. И. Бартењева, с примечаниями П. А. Висковатова; сделаны с автографов или копий из «картонов г. Зейдлица» (примечание на л. 1). Помета к письму рукой Бартењева: «В июле 1813. Начало письма в Черни, остальное в Мишенском».

После смерти В. И. Киреевского (1 ноября 1812 г.) Авдотья Петровна с детьми жила в Муратове у Е. А. Протасовой или в Мишенском. В письме Жуковского речь идет о поездке или же переезде ее в Долбино. Ответ на него был дан Елагиной с промедлением на день, поскольку многое в нем ее огорчило (см.: Переписка Ж. и Елагиной. С. 11—12).

¹ Долбино, родовое имение Киреевских, расположенное недалеко от Белева, над рекою Выркою.

² В. И. Киреевский, первый муж Елагиной. О самоотверженной деятельности В. И. Киреевского в Орле по организации госпиталей для русских солдат и французских пленнх в дни нашествия Наполеона и о его болезни рассказано в «Подробном журнале всех действий, движений и перемен, произошедших во время пребывания праведных муратовских жителей в преславном городе Орле» (Переписка Ж. с Елагиной. С. 667—693).

³ Жуковский в августе 1813 г. пишет послание «К А. П. Киреевской» в день рождения Маши», в котором убеждает ее предаться радости воспитания детей и «не чтить за долг убийственное горе» (ПССиП. Т. 1. С. 280). Об этом же говорится в «Молитве детей», обращенной к той же Киреевской (Там же). Она овдовела в 23 года с тремя детьми на руках.

⁴ Тетушкой (или Маминькой) в письмах называют Екатерину Афанасьевну Протасову.

⁵ Елагина с особенным жаром возражала именно на «требование» Жуковского «отказаться от обряда», поскольку речь шла о посещении ею могилы мужа на кладбище долбинской церкви: «...это для меня совсем не обряд, нет ни одного дня, в который я бы не пожелала быть там, <...> обещаю Вам, что ни Маменька, ни Саша, ни Маша со мной там не будут» (Переписка Ж. и Елагиной. С. 11). Жуковский не оставил без возражений это высказывание Елагиной (см. следующее письмо к ней).

⁶ Доктор Раймонд Фор, взятый в плен под Малым Ярославцем и живший в имении Плещеевых Чернь, адресат послания «К доктору Фору». Он также персонаж шутиливой автопародии «Похождения, или Поход первого апреля». Подробнее см.: ПССиП. Т. 1. С. 646—648, 671—672. О нем см.: Ларионова Е. О. История о докторе Форе в русском плену // Пушкин и его современники: Сб. науч. трудов. Вып. 5 (44). СПб., 2009. С. 5—76.

⁷ Баронесса М. А. Черкасова; по указанию П. А. Висковатова, «очень благочестивая женщина» (РС. 1883. № 1. С. 201).

⁸ Старинный Николо-Гостунский собор, неподалеку от Белева.

⁹ Сыновья Авдотьи Петровны Петр и Иван Киреевские, будущие известные деятели русской культуры и общественной мысли, славянофилы.

¹⁰ По всей вероятности, в руках Киреевской оказался вышедший в 1807—1809 гг. двухтомник «Новых драматических сочинений» («Neue dramatische Werke») популярного немецкого драматурга А. В. Иффланда, включающий его «мещанские драмы».

117.

А. П. Киреевской (Елагиной)

(С. 177)

Автограф неизвестен.

Копия неизвестна.

Впервые опубликовано: РС. 1883. № 1. С. 203—204, с пометой: «(1813, Мишенское, в июле. Из одной комнаты в другую)».

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: июль 1813 г.

Написано, по-видимому, на следующий день после предыдущего письма к Елагиной, на ту же тему, из-за промедления Авдотьи Петровны с ответом на него (см.: Переписка Ж. и Елагиной. С. 11—12).

¹ В публикации РС было: «Вместо того, чтобы *гару* имела желанное действие...», с примечанием: «Не разобрано». Речь, по-видимому, идет о каком-то лекарстве.

118.

А. П. Киреевской (Елагиной)

(С. 178)

Автограф неизвестен.

Копия неизвестна.

Впервые опубликовано: РС. 1883. № 1. С. 204—206, с пометой: «В июле (без числа), вероятно, 1813 г., в Мишенском».

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: июль 1813 г.

Написано Жуковским в ответ на недатированное письмо Елагиной (Переписка Ж. и Елагиной. С. 11—12) в связи с обсуждением ее поездки в Долбино, которая в итоге не состоялась. Три письма Жуковского к Елагиной на эту тему появились в течение ближайших трех-четырёх дней.

¹ Здесь и далее Жуковский цитирует письмо Елагиной с исключением ее слов об «обряде», против которого он протестовал в первом письме от июля 1813 г. Далее речь идет о посещении могилы В. И. Киреевского на кладбище при долбинской церкви, о котором мечтала Авдотья Петровна и которое Жуковский счел ненужным. На ее уверения в том, что «там не будут» Протасовы, Жуковский указал: они ее «не выпустят из глаз».

² Источник цитаты не обнаружен, но скорее всего, это цитата из не дошедшего до нас письма Елагиной к Жуковскому, имеющая в виду его и Машу Протасову, а в этом письме примененная к самой Елагиной и ее семье.

119.

А. И. Тургеневу

(С. 180)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 146. Л. 26. Б. д.

Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 105—106.

Печатается по автографу.

Датируется: август 1813 г.

В ПЖТ (С. 105) письмо датировано приблизительно: «В последней трети 1813 года, Муратово». По всей вероятности, письмо было написано в августе, до получения экземпляров второго издания «Певца...». Об их получении Жуковский говорит в письме к А. И. Тургеневу от 2 сентября, а издание вышло в свет (см. ниже письмо К. Н. Батюшкова к Жуковскому от 30 июня), скорее всего, в конце июля.

¹ По просьбе И. И. Дмитриева Алексей Николаевич Оленин нарисовал виньеты для второго издания «Певца во стане русских воинов». В письме к Жуковскому от 30 июня 1813 г. К. Н. Батюшков писал: «...сегодня Оленин, которому И. И. Дмитриев поручал нарисовать для “Певца” виньеты, показывал мне сделанные им рисунки. Они прекрасны, и ты ими будешь доволен. Жаль, что издание не прежде месяца готово будет. На одном из виньетов изображен вдали стан при лунном сиянии и в облаках тени Петра, Суворова и Святослава, гениев России. Твои куплеты подали идею сего рисунка» (Батюшков. Т. 2. С. 253—254).

² Жуковский обращался к помощи и поддержке архимандрита Филарета для убеждения Е. А. Протасовой дать разрешение на брак с ее дочерью. Кто был упомянутый в письме Кирилов, неизвестно.

³ Вероятно, речь идет о памятнике, Ивану Петровичу и Андрею Ивановичу Тургеневым.

⁴ См. письмо к Е. И. Голицыной от конца августа — начала сентября 1813 г.

120.

Е. И. Голицыной

(С. 180)

Автограф: РНБ. Оп. 1. № 78. Л. 31—32 — черновое. Б. д.

Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 104—105 (примеч. 2).

Печатается по автографу.

Датируется: конец августа — начало сентября 1813 г.

Основанием для датировки является указание Жуковского в письме к А. И. Тургеневу от августа 1813 г.: «На будущей почте получишь письмо к Голицыной». Следующее письмо к А. И. Тургеневу было написано 2 сентября: это позволяет предположить, что работа над письмом проходила в промежутки между этими письмами к Тургеневу. Письмо представляет собой черновой набросок ответного письма Жуковского княгине. Как явствует из письма к А. И. Тургеневу от 2 сентября 1813 г., Жуковский собирался отвечать ей «как случится, прозой или стихами» (см. наст. изд.). Известен только упоминаемый выше и публикуемый в настоящем издании черновой набросок ответа, хотя в письме А. И. Тургеневу от августа 1813 г. (см. выше) Жуковский сообщал: «На будущей почте получишь письмо к Голицыной. Смотри же, оправдай меня». «Оправдание», видимо, было связано с задержкой в написании ответа.

¹ Имеется в виду «Мнение, представляемое <...> княгиней Авдотьею Голицыной, урожденною Измайловой» — своего рода открытое письмо, написанное в 1813 г., которое стало своеобразным катехизисом истинного патриотизма его автора. «Любовь к отечеству, основанная на правилах веры, — писала княгиня, — <...> распространяет просвещение и открывает в государстве источники силы и истины» (Архив графа Воронцова. М., 1890. Кн. 36. С. 482). Не случайно одним из первых адресатов этого письма-манифеста стал именно Жуковский. 18 августа 1813 г. Тургенев писал ему: «Посылаю тебе, милый друг, письмо и бумаги прекрасной княгини Авдотьи Ивановны Голицыной, урожденной Измайловой, о которой, я думаю, и ты слышался по красоте ее и любезности. Увидишь, в чем дело; я думаю, что вряд ли утвердится ее предположение о знати, но похвали мысль и патриотизм ее. Она восхищается твоими стихами. Копия стихов твоих еще не готова, но на следующей почте непременно получишь. Что отвечать будешь, стихами или прозой, пришли ко мне для доставления. Твой Т.» (Siegel. № 69. S. 212). Среди рукописей Жуковского (РНБ. Оп. 2. № 271, 272) находится текст «Мнения...» на французском языке, с приложением перевода на русский. Оба документа имеют архивную датировку «1813».

² Здесь должна была идти выписка из «Мнения...» кн. Голицыной.

121.

А. И. Тургеневу

(С. 182)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 146. Л. 25. Б. г.

Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 103—105.

Печатается по автографу.

Датируется: 2 сентября 1813 г.

Год определяется по содержанию письма.

¹ По всей вероятности, речь идет о послании «Тургеневу, в ответ на его письмо», над которым Жуковский работал в это время. Впервые было опубликовано: С 1. Ч. 1. С. 183—192. Подробнее см.: ПССиП. Т. 1. С. 632—636.

² См. письмо к Е. И. Голицыной от конца августа — начала сентября 1813 г. и примечания к нему.

³ Санкт-Петербургскому женскому патриотическому обществу, основанному в конце 1812 г. под патронатом императрицы Елизаветы Алексеевны. А. И. Тургенев был правителем дел этого Общества.

⁴ А. С. Кайсарова (см. примеч. 5, 7 к письму к А. И. Тургеневу от начала июля 1813 г.).

⁵ День сдачи Москвы французам в Отечественной войне 1812 г.

122.

А. Ф. Воейкову

(С. 182)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 89. Л. 1—1 об. Б. д.

Впервые опубликовано: РА. 1900. № 9. С. 16—17.

Печатается по автографу.

Датируется: сентябрь 1813 г.

Основанием для датировки письма является, во-первых, сообщение Жуковского об уже написанном послании «Тургеневу, в ответ на его письмо», датированном первой половиной сентября 1813 г. (см.: ПССиП. Т. 1. С. 632), а во-вторых, приглашение А. Ф. Воейкову приехать к нему, в Болховский уезд Орловской губернии. Письмо отослано Воейкову, судя по адресу, в Балашов Саратовской губернии, где он жил до середины октября; Воейков приехал к Жуковскому в конце декабря 1813 г. (см. копию гр. Н. А. Бреверн де Лагарди его автобиографических записей на книге И. И. Дмитриева: РО ИРЛИ. Р. I. Оп. 25. № 95. Л. 140 об., 141 об.).

¹ Упомянутое письмо Воейкова неизвестно. Сарепта (немецкое поселение, впоследствии переименованное в Красноармейск, ныне в пределах Волгограда), Царицынского уезда Саратовской губернии, была одним из тех мест, которые Воейков посетил в 1813 г. во время своего путешествия по южным губерниям и Кавказу. Его пространное «Письмо из Сарепты» от 6 марта 1813 г., с описанием богослужения «добрых евангелистов», было опубликовано в СО за 1813 г. (Ч. 5. № 18. С. 251—260). Сарепта как «братство христиан простое» воспевается в послании Жуковского «К Воейкову» («Добро пожаловать, певец...», 1814), упоминается она им и в июньской дневниковой записи 1814 г. в связи с «первым волнением» после отказа ему на сватовство к М. А. Протасовой (см.: ПССиП. Т. 1. С. 307—308, 657; Т. 13. С. 72, 472).

² Имеется в виду послание «Тургеневу, в ответ на его письмо» (Там же. Т. 1. С. 281—285). Стихотворение, связанное с десятилетней годовщиной смерти Ан-

дрия Тургенева, проникнуто воспоминаниями об ушедшей молодости и Дружеском литературном обществе, которое собиралось в доме Воейкова; есть в нем и прямая реминисценция из послания Андрея Тургенева к Воейкову (см.: Там же. С. 634—635).

³ В послании «Тургеневу...» Жуковский утверждал, что и он, и все друзья его ранней юности, путившиеся на поиски счастья, убедились: «Нам счастья нет...» (Там же. С. 285).

⁴ Т. е. в Болховском уезде.

⁵ Жуковский говорит о семействах Е. А. Протасовой и А. А. Плещеева.

⁶ Речь идет о послании Воейкова «К Жуковскому», написанном 7 января 1813 г. В нем утверждалось, что Жуковскому — «Подле Грея, подле Томсона // Место на небе готовится» (ВЕ. 1813. Ч. 68. № 5—6. Март. С. 29).

⁷ Имение Плещеева Большая Чернь находилось недалеко от Болхова.

⁸ Упоминание в письме об Андрее Тургеневе проникнуто настроением, сходным с воспоминанием о нем в обращенном к его брату послании «Тургеневу, в ответ на его письмо».

⁹ Почтмейстер Ф. А. Камкин. О нем Жуковский упоминает во многих письмах к родным в 1810—1811 гг. и в письме к А. И. Тургеневу от 14 августа 1815 г.

123.

П. А. Вяземскому

(С. 183)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1909. Л. 30. Б. д.

Публикуется впервые.

Датируется: около 20 сентября 1813 г.

Год и приблизительное время написания определяются по связи с содержанием двух предшествующих писем к П. А. Вяземскому.

¹ См. примеч. 6 к письму к П. А. Вяземскому от 13 июня 1813 г.

² См. примеч. 4 к письму к П. А. Вяземскому от 27 июня 1813 г.

³ М. Б. Барклай-де-Толли был командующим армией в Заграничном походе 1813—1814 гг. Вероятно, Н. П. Свечин настаивал на продолжении Жуковским военной службы, теперь при штабе Барклай-де-Толли.

⁴ М. И. Кутузовым, при штабе которого служил Жуковский.

⁵ О каком стихотворении или замысле идет речь, установить с точностью невозможно. Речь, может, идет о послании «Тургеневу, в ответ на его письмо». Оно будет отослано Вяземскому 6 января 1814 г.

⁶ Первое издание сочинений Жуковского в двух частях будет напечатано в 1815—1816 гг.

⁷ Александр Иванович Тургенев.

⁸ Подразумевается день рождения Веры Федоровны, жены Вяземского, 6 сентября.

124.

П. А. Вяземскому

(С. 184)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1909а. Л. 4—5. Б. г.

Публикуется впервые.

Датируется: 26 сентября 1813 г.

Год определяется по упоминанию публикации «Послания к Д. В. Д.» К. Н. Батюшкова (примеч. 7).

¹ «Стихотворения Василия Жуковского» в двух частях будут напечатаны в 1815—1816 гг. Проза войдет только во второе четырехтомное издание 1818 г. в качестве четвертой части («Опыты в прозе»).

² Известный художник, итальянец по происхождению Николай Иванович (Сальватор) Тончи.

³ Замысел послания к Вяземскому реализуется только через год, долбинской осенью 1814 г. (см.: ПССиП. Т. 1. С. 699—706. Комментарий О. Б. Лебедевой).

⁴ Вероятно, имеется в виду послание Вяземского «К Тиргею славян» (1813).

⁵ См. об истории журнального замысла в письме к Д. В. Дашкову от середины (до 19-го) января 1817 г. и комментарии к нему. Джозеф Аддисон и его журнал «Spectator» («Зритель») служили для Жуковского и его современников образцом просветительской журналистики.

⁶ См. примеч. 3 к письму к П. А. Вяземскому от 20 сентября 1813 г.

⁷ «Послание к Д. В. Д.» («Мой друг! я видел море зла...») К. Н. Батюшкова было опубликовано в: СО. 1813. Ч. 7. № 31. С. 209—210.

⁸ Сын Вяземского Андрей.

⁹ Карамзины.

¹⁰ Александр Алексеевич Плещеев.

¹¹ Анна Катерина Шарлотта Моро де ла Мелтиер (см. примеч. 2 и 3 к письму к П. А. Вяземскому от 13 июня 1813 г.).

¹² См. примеч. 4 к письму к П. А. Вяземскому от 13 июня 1813 г.

125.

П. А. Вяземскому

(С. 186)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1909. Л. 20—21. Б. г.

Публикуется впервые.

Датируется: начало октября 1813 г.

Основание датировки: год создания послания императрице Марии Федоровне «Мой слабый дар царица одобряет...» (1813) и эдиционная история «Певца во стане

русских воинов», а также упоминание Жуковского о своем желании поместить текст послания императрице Марии Федоровне в новом издании «Певца...», от чего государыня решительно отказалась. Сообщая Жуковскому об этом решении императрицы, И. И. Дмитриев в письме от 22 октября 1813 г. комментирует его так: «Государыня не благоволила позволить ее <дедикацию, т. е., посвящение> напечатать при Вашем сочинении, единственно из скромности, будучи сама издательницею оного» (Сочинения И. И. Дмитриева: В 2 т. Т. 2. СПб., 1893. С. 219). См. об этом подробно: ПССиП. Т. 1. С. 595—597. Комментарий А. С. Янушкевича.

¹ Императрице Марии Федоровне. См. о послании в примеч. 5 к письму к А. И. Тургеневу от 20 мая 1813 г.

² Вероятно, послание Вяземского «К Тиртею славян» (1813). Какое стихотворение имеет в виду Жуковский под обозначением «баллада», неизвестно.

³ Иван Васильевич Попов, московский купец, поэт-дилетант, издатель и книготорговец. В архиве Жуковского сохранилась «Краткая биография бывшего Московского книгопродавца, содержателя университетской типографии, купца Ивана Васильевича Попова», составленная А. П. Елагиной (ОР РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 274). О судьбе третьего отдельного издания «Певца во стане русских воинов» сведений нет. П. А. Ефремов сообщает о его существовании (С 7. Т. 1. С. 501), но само издание до настоящего момента не обнаружено.

⁴ Письмо к И. В. Попову неизвестно.

⁵ Подполковник Караулов, офицер Московского ополчения, участник Бородинской битвы, в числе других офицеров названный «достойным подражания за беспримерную храбрость в сражении» (*Александров Н. В., Костерев Н. А.* Отечественная война 1812 года в Подмоскovie: Словарь-справочник. М., 2014. С. 11).

⁶ См. примеч. 6 к письму к П. А. Вяземскому от 13 июня 1813 г.

⁷ Николай Михайлович Офросимов: «Согласно формулярному списку, 22 лет. В 1804 г. по выпуске из Московского университета определен юнкером в Московский архив Коллегии иностранных дел. С 1808 г. там же служил переводчиком. Вступил в Московское ополчение поручиком. 30 августа покинул армию (вероятно, по болезни) и вернулся к полку только 27 ноября. Несмотря на длительную отлучку, командир аттестовал его достойным офицером. После роспуска ополчения Офросимов вернулся к своей статской службе. Еще в конце 1820-х гг. он числился среди служащих архива» (см.: Бумаги, относящиеся до Отечественной войны. Т. 10. С. 335; ЦИАМ. Ф. 4. Оп. 3. Ед. хр. 20. Л. 165 об.); *Самовер Н. В.* «Русские крестоносцы». 1-й пехотный полк Московского ополчения в Отечественной войне 1812 года // Эпоха Наполеоновских войн: люди, события, идеи: Материалы Второй науч. конф. М.: Комитет по культуре Москвы, Музей-панорама «Бородинская битва, 1999. С. 143. Возможно, Н. М. Офросимов был в родстве с А. М. Офросимовым, мужем сводной племянницы Жуковского М. П. Юшковой (ум. в 1809), сестры А. П. Елагиной и А. П. Зонтаг. См.: *Самовер Н. В.* Указ. соч. С. 114.

⁸ Петр Михайлович Рудин, лицо неустановленное.

⁹ И. И. Дмитриев.

126.

П. А. Вяземскому

(С. 187)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1909. Л. 36. Б. г.

Публикуется впервые.

Датируется: 12 октября 1813 г.

Год определяется по связи с содержанием предшествующих писем к П. А. Вяземскому.

¹ Письма к Д. П. Северину и И. И. Дмитриеву к настоящему моменту не обнаружены.

² На севере Орловской области, где расположены Муратово и г. Болхов, брянско-калужские леса переходят в обширную степь.

³ В сентябре 1812 г. Северин был определен в российскую дипломатическую миссию в Мадрид.

⁴ См. вступительное примечание к предыдущему письму к П. А. Вяземскому от начала октября 1813 г.

⁵ См. там же.

⁶ Сын Вяземского Андрей.

⁷ См. о нем примеч. 2 к письму к П. А. Вяземскому от второй половины 1810 г.

127.

П. А. Вяземскому

(С. 188)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1909. Л. 37—38. Б. г.

Публикуется впервые.

Датируется: 31 октября 1813 г.

Год определяется по упоминанию о доработке «Певца во стане русских воинов» (1813).

¹ Федор Федорович Иванов, драматург и поэт, член-учредитель Общества любителей российской словесности (с 1811 г.), неодобрительно воспринявший «Певца во стане русских воинов». См. письмо к А. Ф. Воейкову от 20 февраля 1814 г., где Жуковский иронически предвосхищает обсуждение «Певца...» на заседании ОЛРС.

² См. о принципах переработки текста «Певца во стане русских воинов»: ПССиП. Т. 1. С. 598—599. Комментарий А. С. Янушкевича.

³ Генерал-майор граф М. С. Воронцов (см. о переработке: Там же. Т. 1. С. 603).

⁴ Об интимном смысле характеристики генерал-адъютанта кн. А. Г. Щербатова, мужа сестры П. А. Вяземского Екатерины Андреевны, умершей в 1809 г., см.: Там же.

⁵ О данном прибавлении см.: Там же. С. 604.

⁶ Имеется в виду И. И. Дмитриев.

⁷ Об И. В. Попове и проекте переиздания см. письмо к П. А. Вяземскому от начала октября 1813 г., примеч. 3.

⁸ См. примеч. 3 к письму к П. А. Вяземскому от 26 сентября 1813 г.

⁹ Стихотворение получило название «Путешествие жизни» (см.: ПССиП. Т. 1. С. 625. Комментарий А. С. Янушкевича).

¹⁰ Этот замысел Жуковского остался неосуществленным.

¹¹ Вероятно, речь идет о подборке стихотворений 1812 г. («Пловец», «К моему другу», «Желание», «К Филону», «Жалоба», «Певец», «Элизиум», «Пиршество Александра»), опубликованных в ВЕ в 1813 г. (№ 7—8. С. 195—208).

¹² Имеются в виду жена Вера Федоровна и сын Андрей.

128.

П. А. Вяземскому

(С. 189)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1909. Л. 47—48. Б. д.

Публикуется впервые.

Датируется: конец ноября — начало декабря 1813 г.

Датируется на основании связи содержания с письмом к П. А. Вяземскому от 31 октября, при котором были отосланы адресату переработанные строфы «Певца...».

¹ Письмо Вяземского (в печати неизвестно) посвящено замечаниям на некоторые стихи «Певца во стане русских воинов»; содержание замечаний явствует из ответа Жуковского.

² Речь идет о грамматической несогласованности ст. 265—266 «Певца во стане русских воинов», посвященных генерал-адъютанту кн. А. Г. Щербатову, который «...сетует душой // О трате незабвенной...», т. е. о смерти жены Екатерины Андреевны, сестры П. А. Вяземского (см. примеч. 4 к письму к П. А. Вяземскому от 31 октября 1813 г.):

Любви и скорби оживить
Твои для мщенья силы:
Рази дерзнувших возмутить
Покой ее могилы.

³ В дальнейшем ст. 44 приобрел следующий вид: «И мир взывает: слава!».

⁴ Стихотворение «Гимн» (1808), перевод заключительной части «А Нумн» из дидактической описательной поэмы Джеймса Томсона «The Seasons» («Времена года»).

⁵ Ст. 197—199 «Певца...».

⁶ Речь идет о краткости характеристики П. П. Коновницына в первоначальной редакции «Певца...». См.: ПССиП. Т. 1. С. 602. Комментарий А. С. Янушкевича.

⁷ Под начальством И. Н. Скобелева, в 1812 г. адъютанта М. И. Кутузова, Жуковский работал в ставке Кутузова.

⁸ Генерал-лейтенант и командир 4-го пехотного корпуса граф А. И. Остерман-Толстой.

⁹ Генерал от инфантерии, командующий 6-м пехотным корпусом Д. С. Дохтуров.

¹⁰ Граф П. А. Строганов.

¹¹ Стих, посвященный генералу В. Д. Иловайскому, был исключен в итоговой редакции.

¹² Ст. 311 «Певца...».

¹³ Британский рыцарский орден (иначе Орден Бани), которого, в частности, был удостоен М. Б. Барклай-де-Толли. Здесь — синоним высшей награды.

¹⁴ Павел Александрович Межаков, поэт круга Г. Р. Державина, член ВОЛСНХ, друг Батюшкова, Гнедича, Вяземского. Речь идет о послании Вяземского «К Межакову» («Нет, нет, обманов соплетатель...») и, вероятно, о черновом тексте послания «К Батюшкову» («Шумит по рощам ветр осенний...»).

¹⁵ Имеются в виду подписи под примечаниями к «Певцу во стане русских воинов». Под литерой Д подразумевается Д. В. Дашков, автор особых примечаний во втором издании.

¹⁶ См. письмо к П. А. Вяземскому от начала октября 1813 г. И. И. Дмитриев был против нового издания «Певца...»: «Новое же издание делать не советую: это было бы неприлично и заставило бы подумать, что Вы недовольны последним изданием. Другое дело, когда оно всё разойдется» (РА. 1871. Вып. 3. Стб. 422).

129.

П. А. Вяземскому

(С. 191)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1909а. Л. 49—49 об. Б. д.

Публикуется впервые.

Датируется: начало декабря 1813 г.

Датируется на основании положения в рукописи вслед за письмом от конца ноября — начала декабря 1813 г.

¹ Альманах-хрестоматия «Пантеон иностранной словесности» был издан Н. М. Карамзиным в 3-х томах в Москве в 1798 г. Вероятно, речь идет о подготовке переиздания альманаха, осуществленного в 1818 г.

² Воспитательный дом на Москворецкой набережной, в комплексе зданий которого располагался Опекунский совет.

130.

А. Н. Арбеновой

(С. 192)

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 18 (Бартенев). № 34. Л. 4—4 об. Б. г. — с пометой неизвестного лица: «1813».

Впервые опубликовано: РА. 1883. Т. 1. С. 308—309, с датой: «15 декабря <1813 г.>». Публикация П. И. Бартенева.

Печатается по автографу.

Датируется: 15 декабря 1813 г.

¹ Имеется в виду герой одноименной баллады Жуковского, первой части стихотворной повести «Двенадцать спящих дев», опубликованной в ВЕ (1811. Ч. 55. № 4. С. 254—283 — с посвящением А. А. Протасовой).

² Деревня Холх. Начиная с мнения, высказанного Н. В. Соловьевым о причинах продажи Холха — для того, чтобы дать приданое А. А. Протасовой (Соловьев. Т. 1. С. 45.), эта мотивировка присутствует практически во всех биографических работах о Жуковском. Данное письмо к Арбенева позволяет уточнить причины, по которым Жуковский решил расстаться с Холхом: это прежде всего финансовая помощь Е. А. Протасовой. В середине декабря 1813 г., возможно, еще до приезда Воейкова в Муратово (точное время его приезда неизвестно, считается, что Воейков приехал в Муратово в конце декабря 1813 г., см. вступительное примечание к письму Жуковского к А. Ф. Воейкову от сентября 1813 г.), не только не могло быть речи о его сватовстве к А. А. Протасовой, но и вообще о ее возможном замужестве.

³ Здесь и далее Жуковский имеет в виду свою надежду на помощь Арбенева в его сватовстве к Маше Протасовой и на влияние, которое Арбенева могла оказать на Е. А. Протасову (см. примечания к письму М. Н. Свечиной и А. Н. Арбенева от 2 марта 1813 г.).

⁴ По всей вероятности, речь идет о послании «Я сам, мой друг, не понимаю...». Подробнее см.: ПССиП. Т. 1. С. 643—644. Комментарий А. С. Янушкевича; см. также: Касаткина В. Н. Адресат стихотворения В. А. Жуковского «Письмо к ***» («Я сам, мой друг, не понимаю...») // От Карамзина до Чехова. Томск, 1992. С. 94—105.

⁵ Так Жуковский называл малолетнего сына Арбенева (в то время ему было около семи лет) Сашу, которому в начале 1814 г. посвятил стихотворное послание «Мой друг, младенец несравненный...». В нем он, в частности, писал: «И вот тебе мое посланье! // Мой милый вихорь-атаман...». Подробнее см.: ПССиП. Т. 1. С. 651—652. Комментарий А. С. Янушкевича; см. также письмо к М. Н. Свечиной от 12 декабря 1816 г., примеч. 1.

131.

П. А. Вяземскому

(С. 193)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1909. Л. 51—51 об.

Публикуется впервые.

Датируется: 6 января 1814 г.

¹ Были опубликованы: «Ивиковы журавли» (ВЕ. 1814. Ч. 73. № 3. С. 200—205), «Эпимесид» (Российский музеум. 1815. № 2. С. 129—131), «К самому себе» (ВЕ. 1814. Ч. 73. № 4. С. 286).

² Речь идет о послании «Тургеневу, в ответ на его письмо».

³ Точное время приезда Воейкова в Муратово неизвестно, считается, что это случилось в конце декабря 1813 г. (см. вступительное примечание к письму Жуковского к А. Ф. Воейкову от сентября 1813 г.). Уехал Воейков 31 января.

⁴ Перевод поэмы Жака Делиля «Сады», над которым Воейков работал в 1813—1814 гг. (см.: ПССиП. Т. 1 С. 650. Комментарий О. Б. Лебедевой). О воейковских переводах «Георгик» см. примеч. 19 к письму к А. Ф. Воейкову от 20 февраля 1814 г.

⁵ Этот план Воейкова не осуществился.

⁶ В архиве поэта сохранился список задуманных им в 1813 г. стихотворений, среди которых есть заголовок: «На смерть Кутузова» (РНБ. Оп. 1. № 78. Л. 30), но следов этого замысла не обнаружено. См. также примеч. 6 к письму к А. И. Тургеневу от 20 мая 1813 г.

⁷ Демид Муромцев, слуга Вяземского, ведавший хозяйственными делами.

⁸ Послание «К Воейкову» («Добро пожаловать, певец...») будет окончено 29 января 1814 г. Подробнее см.: ПССиП. Т. 1. С. 654—661. Комментарий О. Б. Лебедевой.

⁹ Жену Веру Федоровну, сына Андрея, Н. М. и Е. А. Карамзиных.

¹⁰ Владимир Васильевич Измайлов в 1814 г. был редактором ВЕ.

¹¹ См. письмо к П. А. Вяземскому от начала декабря 1813 г.

132.

А. И. Тургеневу

(С. 195)

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 309. № 124 (старый шифр). Л. 340—341. Б. г.

Впервые опубликовано: РС. 1901. Т. 106. Апрель—июнь. С. 129—131.

Печатается по автографу.

Датируется: 31 января 1814 г.

Год определяется по ответному письму А. И. Тургенева (примеч. 1).

Адрес: «Его высокородию милостивому государю Александру Ивановичу Тургеневу, господину директору Департамента иностранных исповеданий. В Санктпетербурге». Почтовый штампель: «Болхов» (Л. 341).

¹ Тургенев принял самое активное участие в судьбе Франсуа. В ответном письме от 13 февраля 1814 г. он писал: «...употреблю все средства для исполнения твоего желания» (Siegel. № 77. S. 224), а уже 15 февраля сообщал: «...по желанию твоему известный пленный François будет из Тамбова переведен в Орл<овскую> губернию, и именно в Болхов, и что о сем на сих днях пошлется губернским начальством предписание» (Ibid. № 78. S. 225). Адъютант-майор 4-го линейного полка Франсуа уже в начале июня был переведен в Орловскую губернию и приехал к своему дяде О. П. Букильону в имение Плещеевых Чернь (ПЖТ. С. 121).

² Управляющий имением Плещеевых Осип Петрович Букильон — герой двух шуточных стихотворений Жуковского 1814 г.: «Похождения, или Поход первого

апреля» (ПССиП. Т. 1. С. 322), «De Vouquillon...» (Там же. С. 355—356. Комментарий О. Б. Лебедевой).

³ Семейство Плещеевых (Александр Алексеевич и его жена Анна Ивановна) принимало самое активное участие в судьбе Жуковского, в истории его драматических отношений с Е. А. Протасовой.

⁴ Имеется в виду дело о получении Жуковским согласия Е. А. Протасовой на его брак с ее дочерью Марией Андреевной Протасовой.

⁵ В феврале 1814 г. А. Ф. Воейков ездил в Петербург хлопотать о месте профессора русского языка и словесности в Дерптском университете (РА. 1900. № 9. С. 20—21. Примеч. 6).

⁶ Речь идет о «Похвальном слове генералу Моро» («Éloge funèbre du générale de Moreau») С. С. Уварова, изданном в Петербурге в 1813 г. В письме к А. И. Тургеневу от 20 октября 1814 г. Жуковский жаловался, что он так и не получил этого сочинения, хотя в ответном письме Тургенев обещал его прислать. В ВЕ (1814. Ч. 73. № 2. С. 148—156; № 3. С. 224—230) появилась статья «Историческое известие о Моро, извлеченное из нового сочинения» («Éloge funèbre du générale de Moreau»), автором которой считался Уваров (РА. 1871. Стб. 2106)]. Известный французский генерал Жан Виктор Моро после изгнания, вызванного его конфликтом с Наполеоном, участвовал в сражениях на стороне антинаполеоновской коалиции и был близок к императору Александру I. Тяжело раненный в сражении под Дрезденом, он умер 20 августа 1813 г. Еще в 1808 г. Жуковский перевел отрывок из его мемуаров под заглавием «О изгнании. Сочинение генерала Моро» (ВЕ. 1808. Ч. 38. № 5. Март. С. 34—42). Во время своего первого заграничного путешествия он посетил места, связанные с его гибелью: «Путешествие к памятнику Моро»; «Рано поутру мы отправились пешком через Рекниц, чтобы взглянуть на памятник Моро» (ПССиП. Т. 13. С. 169, 171).

⁷ О каком именно сочинении историка Иоанна Миллера идет речь, сказать трудно (подробнее об интересе к его творчеству см. примеч. 1 к письму к А. И. Тургеневу от 12 сентября 1810 г. и примеч. 7 к письму ему же от второй половины ноября 1810 г.). Но состав библиотеки и указание: «Miller» без всякой конкретизации позволяет высказать предположение, что Жуковский имеет в виду начавшее выходить в 1810 г. многотомное собрание его сочинений. В библиотеке поэта сохранилось это издание с многочисленными пометами и записями: Johannes von Müller sämtliche Werke. Herausgegeben von J. G. Müller. Th. 1—7, 9—27. Tübingen: J. G. Cotta, 1810—1819 (Описание. № 1706). Как явствует из ответного письма Тургенева, Жуковский просил о присылке очередных томов этого собрания. В 1814 г. вышло сразу три тома (16, 17 и 18).

⁸ Имеется в виду послание Жуковского «К Воейкову» («Добро пожаловать, певец...»), датированное 29 января 1814 г. Подробнее см.: ПССиП. Т. 1. С. 654—661. Комментарий О. Б. Лебедевой. В ответном письме Тургенев писал: «Послание к Воейкову прекрасно...», а в феврале — начале марта 1814 г. Тургенев прислал свои замечания на это послание (ПЖТ. С. 106—107).

⁹ Тургенев отреагировал на эту просьбу друга, и в ответном письме от 13 февраля сообщал о выполнении всех его поручений (Siegel. № 77. S. 224).

133.

П. А. Вяземскому

(С. 195)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1909. Л. 41—41 об. Б. д.

Публикуется впервые.

Датируется: начало февраля 1814 г.

Основание датировки: упоминание датированного 29 января 1814 г. послания к А. Ф. Воейкову, о котором говорится как о законченном.

¹ Воейков был в Муратове с конца декабря 1813 г. по 31 января 1814 г.

² Имеются в виду послания Вяземского «К Кокоскину и Мерзлякову» («За Москвою, что бывало...») и «К подушке Филлиды» («Поведай тайны мне свои...»).

³ См. примеч. 2 к письму к П. А. Вяземскому от 12 октября 1813 г.

⁴ Речь идет о песне «Собирайтесь, девки красны...» и послании «К Батюшкову» («Мой милый, мой поэт...»).

⁵ См. примеч. 2 и 3 к письму к П. А. Вяземскому от 13 июня 1813 г.

⁶ Ст. 6—9 переводной элегии Жуковского «Эпимесид», очевидно, пропущенные в списке, посланном Вяземскому 6 января 1814 г.

⁷ См. о происхождении сюжета: ПССиП. Т. 3. С. 292—293. Комментарий О. Б. Лебедевой.

⁸ Послание «К Воейкову» («Добро пожаловать, певец...») опубликовано: ВЕ. 1814. Ч. 74. № 6. С. 97—106.

134.

П. А. Вяземскому

(С. 198)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1909. Л. 54—54 об. Б. д.

Публикуется впервые.

Датируется: начало февраля 1814 г.

Датируется на основании тематической связи с предыдущим письмом.

¹ Вероятно, речь идет о проектах издания стихотворного и прозаического наследия М. Н. Муравьева, в которых участвовали Н. М. Карамзин, К. Н. Батюшков и В. А. Жуковский.

² Александр Сергеевич Ширяев, известный московский книгопродавец, коммерции советник. См. о нем: Москвитянин. 1841. Ч. 2. № 3 (некролог).

³ Речь идет о реализации предсмертного плана Ивана Петровича Пнина издавать на 1806 г. журнал «Народный вестник», который должен был стать образцом энциклопедического просветительского журнала. Письмо Каченовского с этим предложением в печати неизвестно.

135.

П. А. Вяземскому

(С. 198)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1909. Л. 39. Б. д.

Публикуется впервые.

Датируется: начало февраля 1814 г.

Датируется на основании связи с содержанием предшествующих писем.

¹ Очевидно, имеется в виду послание «К Воейкову», сообщения о котором присутствуют в двух предшествующих письмах.

² Подразумевается СРС. Первые пять его томов вышли в свет в 1810—1811 гг.

³ Возможно, имеется в виду Анна Ивановна Плещеева, урожденная графиня Чернышева, жена А. А. Плещеева.

⁴ См. примеч. 2 и 3 к письму к П. А. Вяземскому от 13 июня 1813 г.

⁵ Послание «К Воейкову» («Добро пожаловать, певец...»).

136.

А. Ф. Воейкову

(С. 199)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 89. Л. 5—6 об.

Впервые опубликовано: РА. 1900. Кн. 3. С. 17—21.

Печатается по автографу.

Датируется: 13 февраля 1814 г.

Воейков уехал из Муратова 31 января, вернулся же в конце марта 1814 г. По утверждению Жуковского в письме к А. И. Тургеневу от 24 марта 1814 г., он отправил Воейкову за время его поездки шесть писем, из которых сохранилось только два, от 13-го и 20 февраля. Когда Жуковский писал первую половину письма от 13 февраля, он считал, что целью поездки являются какие-то «нужные дела» в Рязани (в 1806—1807 гг. Воейков служил в Рязани, в стихотворных «Ответах на вопросы в игру, называемую *секретарь*» (1814) он назвал ее своей родиной — об этом тексте и его публикации см.: ПССиП. Т. 1. С. 661—662). В письме, а несколько ранее, в последних числах января, и в послании к Воейкову «О друг мой! жизнь крылатый час!..» упоминался в связи с этой поездкой еще и Саратов (см.: Там же. С. 317, 664). По-видимому, Воейков внушил Жуковскому, что улаживание дел требовалось в свете предполагавшегося сватовства его к Саше Протасовой. Узнав из другого, полученного в тот же день, 13 февраля, письма, что Воейков намерен отправиться в Петербург, дабы выхлопотать себе место ординарного профессора русского языка и литературы в Дерптском университете, Жуковский резко изменил свой тон. При этом разговоры об освободившейся после смерти А. С. Кайсарова кафедре были между ними и до отъезда Воейкова, но тогда они поддерживались Жуковским, поскольку связывались

с сомнительностью исхода его сватовства к Саше Протасовой (о более ранних объяснениях этого намерения, как считал впоследствии Жуковский, ложных, в связи с предполагавшейся женитьбой Воейкова на соблазненной им женщине, А. Н. Воейковой, см. письмо от 19—22 августа 1815 г. и примечания к нему). Жуковский писал А. И. Тургеневу с просьбой поддержать Воейкова в его хлопотах (это письмо неизвестно), но уже в середине марта он направил другое письмо, в котором просил «употребить все усилия, чтобы ему не давали кафедры». Воейкову стала известна позиция Жуковского, который вынужден был давать ему объяснения по этому поводу, — см. его письмо к А. Ф. Воейкову от середины (не позднее 16-го) апреля 1814 г.

Письмо от 13 февраля содержит нелицеприятную оценку намерений Воейкова стать профессором русского языка и литературы — несмотря на то, что у него были определенные основания для занятия этой кафедры (золотая медаль при окончании Московского университетского Благородного пансиона, членство с 1811 г. в Обществе любителей российской словесности при Московском университете, выступление в нем и публикация в «Трудах» ОЛРС, знание немецкого языка, немаловажное для Дерптского университета, наконец, издания переводов с французского и латинского языков и оригинальные произведения). Предположения Жуковского оправдались в том, как сложилась профессорская карьера Воейкова, закончившаяся в 1820 г.; курсы, которые он читал в университете, не имели успеха и плохо посещались студентами (см.: *Петухов Е. В.* Кафедра русского языка и словесности в Юрьевском (Дерптском) университете. Юрьев, 1900. С. 42—47).

¹ Ср. название альбомного стихотворения Воейкова: «Надпись на белой книге, которая определена Жуковским для эпической поэмы “Владимир”» (1814); в нем утверждалось: «Певца Владимира стихи славнее будут, // Их станут приводить изыщности в пример, // Когда и самого Гомера позабудут...» (ПССиП. Т. 1. С. 660). В стихотворении «К Воейкову» (1814), писавшемся в ответ на послание Воейкова «К Ж<уковскому>» (1813), также затрагивалась тема «книги с белыми листами», на которую автор смотрит «с волнением непобедимым» (Там же. С. 313). Эпиграф «Я белой книги не страшуся» должен был сообщить Воейкову о высоком градусе оптимизма, поскольку «написание поэмы или отказ от замысла» ставились Жуковским «в прямую зависимость от осуществления его надежд на счастье» (Там же. С. 660). Слова «я белой книги не страшусь» повторены Жуковским в сентябрьском дневнике 1814 г. (Там же. Т. 13. С. 91—92).

² В печати это письмо Воейкова неизвестно.

³ Обыгрывание мотива из послания Воейкова «К Ек<атерине> Аф<анасьевне> П<ротасов>ой при отъезде из ее деревни 31 января»: «И своенравный рок стезю мне указал // Из мира ангелов в мир низкий человеков...» (Поэты 1790—1810-х годов. С. 280).

⁴ Подорожная — документ на право пользования почтовыми лошадьми, проездное свидетельство.

⁵ Ср. в послании Воейкова «К моей первой и последней» (1814): «Счастлив, кому своей рукой // Ты чай душистый наливаешь...» (РА. 1912. № 3. С. 418).

⁶ Ржевский — лицо неизвестное.

⁷ Кошачий брадобрей — Саша Протасова. Об этой ее шалости («Стрижешь ли морды кошкам?..») см. в послании Жуковского «К А. А. Протасовой» («Что делаешь, Сандрок...», 1814) — ПССиП. Т. 1. С. 317, 665.

⁸ Упомянутое здесь письмо Жуковского (по-видимому, от первых чисел февраля 1814 г.) не сохранилось.

⁹ На А. Н. Арбенеvu в момент написания письма Жуковский возлагал большие надежды в связи с возможным ее воздействием на Е. А. Протасову, впоследствии не оправдавшиеся.

¹⁰ Жуковский отправился к И. В. Лопухину, рассчитывая на его авторитет и поддержку в своем сватовстве к Маше Протасовой. В письме к М. Н. Свечиной и А. Н. Арбенеvой от 7 марта 1814 г. Жуковский признавался, что Лопухин был любим им «с самой нежной молодости». Позиция Лопухина, автора сочинений на христианские темы и видного масона, была близка Жуковскому поисками нравственно-философских идеалов и норм (см.: Янушкевич А. С. В. А. Жуковский и масонство // Масонство и русская литература XVIII — начала XIX вв. М., 2000. С. 179—180). Лопухин в своих «Записках...» (1809) упомянул о «чувствованиях прекрасного сердца» Жуковского (*Лопухин И. В. Записки некоторых обстоятельств жизни и службы. М., 1860. С. 112; см. примеч. 1 к письму к И. В. Лопухину от 24 августа 1809 г.*), который, в свою очередь, с большим пиететом вспомнил о нем и его имении Савинское на страницах ВЕ в 1809 г. (ВЕ. 1809. Ч. 43. № 2. Январь. С. 298—299; см. также: ПССиП. Т. 10/2. С. 499—500). Как внимательный читатель «Записок...», Жуковский знал о борьбе Лопухина с притеснениями в религиозной сфере, в частности о его защите раскольническо-сектантских движений в России. Жуковский ожидал от него поддержки в своем неприятии ограничений в области брачного законодательства, целиком покоившегося на канонах Русской православной церкви. Ожидания Жуковского полностью оправдались, однако мнению Лопухина не суждено было сыграть определяющую роль в его искании руки Маши Протасовой (см. подробнее в письме к А. Ф. Воейкову от 20 февраля 1814 г. и примечаниях).

¹¹ «Черный негр» — по-видимому, муратовское прозвище Воейкова, о лице которого в анонимных «заметках его приятеля» (М. М. Попова, чиновника III Отделения) было сказано, что оно было «смуглое и калмыковатое» (РС. 1875. № 3. С. 581; автор мемуаров указан в изд.: Балакин А. Ю. Списки сатиры А. Ф. Воейкова «Дом сумасшедших» в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник РО ПД на 2003—2004 гг. СПб., 2007. С. 206).

¹² Стихи из послания Жуковского «К Воейкову», переименованные применительно к счастливым обстоятельствам развития отношений Воейкова с Сашей Протасовой (см: ПССиП. Т. 1. С. 313, 661).

¹³ Крестными отцом и матерью И. В. Киреевского были И. В. Лопухин (зачно) и Е. А. Протасова. Лопухин узнал об этом в феврале 1814 г. от Жуковского, через которого передал крестнику в подарок свою книгу «Некоторые черты о внутренней церкви...» (см.: Ляковский В. Н. Братья Киреевские: Жизнь и труды их. СПб., 1899. С. 4; Долгушин Д., свяц. В. А. Жуковский и И. В. Киреевский. Из истории

религиозных исканий русского романтизма. М., 2009. С. 35—36). О Лопухине как крестном отце Вани Киреевского («И тут Провидение!») Жуковский упоминал в письме к Елагиной от 16 апреля 1814 г.

¹⁴ Под «Аркадией» подразумевается жизнь неподалеку друг от друга двух семейств — Жуковского с Машей Протасовой и Воейкова с ее сестрой Сашей.

¹⁵ Ср. аналогичные мотивы в письме Жуковского к М. Н. Свечиной и А. Н. Арбеновой от 7 марта 1814 г.

¹⁶ Чернь — имение А. А. Плещеева.

¹⁷ Имеется в виду отрывок из «Histoire naturelle» Ж.-Л. Л. де Бюффона, переведенный Жуковским в 1805—1806 гг. под заглавием «Первый человек в первые минуты бытия своего» (см.: ПССИП. Т. 8. С. 377—379, 507).

¹⁸ «Негром» Жуковский называл А. А. Плещеева.

¹⁹ Письмо Каченовского к Жуковскому в печати неизвестно. Это письмо, как явствует из письма к П. А. Вяземскому от февраля 1814 г., Жуковский переслал Вяземскому. Еще раз о предложениях (их было два) московского книгоиздателя А. С. Ширяева М. Т. Каченовский писал Жуковскому 23 февраля 1814 г., в частности, он предлагал «купить» сочинения Жуковского; первое из предложений, о котором Жуковский сообщил Воейкову, не вполне ясно; в этом же письме содержится сообщение о Воейкове, с которым Каченовский виделся в Москве, в ответ на письмо Жуковского: «Он поехал не в Саратов, а в Петербург» (ПД. № 28075. Л. 67 об. — 68).

²⁰ Ж.-П.-Т. и А.-К.-Ш. Моро де ла Мелтиер (см. примеч. 1 к письму к П. А. Вяземскому от 13 июня 1813 г.).

²¹ Т. е. запечатать письмо почтовым сургучом.

²² Упомянутое здесь письмо Воейкова в печати неизвестно.

²³ Письмо Жуковского, посланное Воейкову в Балашов, не сохранилось. В Балашовском уезде Саратовской губернии, село Перевесенки, у Воейкова было 150 душ крепостных (РО ИРЛИ. Ф. 31. № 35. Л. 4, формулярный список 1820 г.).

²⁴ Жуковский ошибся чином: в 1820 г. Воейков уволился из Дерптского университета с чином коллежского советника (на одну ступень выше надворного советника — чина 7-го класса).

137.

А. Ф. Воейкову

(С. 202)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 89. Л. 3—4.

Впервые опубликовано: РА. 1900. Кн. 3. С. 21—27.

Печатается по автографу.

Датируется: 20 февраля 1814 г.

В письме Жуковского сообщалось об итогах его поездки 15—17 февраля 1814 г. в имение И. В. Лопухина Воскресенское (Кромский уезд Белгородской, впоследствии Орловской, губернии), куда он отправился, стремясь найти поддержку своим

надеждам на брак с Машей Протасовой (см. письмо к А. Ф. Воейкову от 13 февраля и примечания). Лопухин, видный масон и проповедник «внутренней церкви», «просвещенный христианин», как назвал его Жуковский в письме, не увидел никаких препятствий для женитьбы дяди на родной племяннице (неизвестно, однако, в какой степени Лопухин был посвящен в подлинную историю семейства А. И. Бунина, отца Жуковского и Е. А. Протасовой). Жуковский делает в письме характерную оговорку, утверждая, что предпочитает «настоящего», т. е. «выбранного по душе» отца (в данном случае Лопухина) «случайному», подразумевая под этим своего кровного отца или же давшего ему свою фамилию. В письме провозглашается решительное предпочтение «просвещенного христианства» тому «суеверию» церкви, о котором он с негодованием писал во многих письмах этого периода, в частности в письме к М. Н. Свечиной и А. Н. Арбеновой от 7 марта 1814 г. (в нем он еще раз описывает посещение Лопухина, причем аргументация в отстаивании своего права на любовь Маши, возможно, отражает те беседы, которые вел в Воскресенском Лопухин). Негативное освещение позиции Лопухина см. в ответном письме М. Н. Свечиной от 22 марта 1814 г. (РС. 1883. № 2. С. 315—317). В апреле 1814 г. в Муратове активно обсуждалось мнение Лопухина, и Е. А. Протасова даже выразила желание познакомиться с ним (см. письмо Жуковского к А. П. Елагиной от 16 апреля 1814 г.). Жуковский вместе с Воейковым съездил к Лопухину еще раз в конце апреля 1814 г. и заручился от него какой-то бумагой с несколькими словами о мучившей его жизненной ситуации (см. письмо к А. П. Елагиной от 5 мая 1814 г.; об этой поездке Воейков упомянул в «Воспоминании о селе Савинском и добродетельном его хозяине», напечатанном в 1825 г. в майском номере «Новостей литературы»). По инициативе Воейкова Лопухин написал еще и специальное письмо, ему адресованное, в котором изложил «доказательства, взятые из самого Евангелия», о браке Жуковского с Машей. Письмо было получено в июне 1814 г., и предполагалось, что оно будет показано Е. А. Протасовой, но Воейков, возможно, смущенный его содержанием, этого не сделал (см. письмо Жуковского к А. Ф. Воейкову от 10—12 июля 1814 г.). Лопухин дал Воейкову согласие быть посаженным отцом на его свадьбе, однако планы эти расстроились, по-видимому, из-за его отъезда. Таким образом, вопреки надеждам, мнение Лопухина во взаимоотношениях Жуковского с Е. А. Протасовой не сыграло никакой роли.

Письмо от 20 февраля написано Жуковским с тревогой, всё более возраставшей, по поводу Воейкова. После отъезда из Муратова он побывал в Рязани и затем оказался в Москве (о его поездке см. письмо к нему от 13 февраля 1814 г. и примечания). Жуковского тревожило не только намерение Воейкова получить профессорскую кафедру в Дерптском университете, разрушительное для всего муратовского кружка, но и его связи с московскими литераторами из круга А. Ф. Мерзлякова (см. ниже о членах ОЛРС при Московском университете, в котором, по-видимому, начиналось движение по возрождению его заседаний, прерванных войной). В письме Жуковский предлагал ему ограничиться избранным литературным, а также домашним семейным кругом, излагая, по сути дела, идеалы будущей «арзамасской республики». На знамени этого избранного кружка он начертывает девиз «Арза-

маса»: «простота и здравый вкус». В его письме звучит перечень имен «арзамасцев», который должен был, по замыслу Жуковского, заменить Воейкову круг московских «староверов». Письмо подтверждает верность позднейшего признания Вяземского: «Мы уже были арзамасцами между собою, когда “Арзамаса” еще и не было. Арзамасское общество служило только оболочкой нашего нравственного братства» (Ж. в воспоминаниях. С. 189).

¹ О твердой позиции (в частности, по вопросу о смягчении наказаний, защите невинно осужденных, преследовании злоупотреблений и т. п.) и многочисленных тренингах Лопухина на службе в Московской уголовной палате, а затем в московских департаментах Сената сообщалось в его «Записках некоторых обстоятельств жизни и службы» (1809).

² Речь идет о небрежности Лопухина в отношении долговых обязательств, от которой много пострадала семья Тургеневых. Отзыв в письме к Воейкову близок к тому, что Жуковский говорит о Лопухине после знакомства с его «Записками...» в письме к А. И. Тургеневу от 15 сентября 1809 г., но со значительно большим восхищением. Мемуаристы, оправдывавшие Лопухина как должника, указывали, что он пользовался занятыми деньгами для помощи нуждающимся (см. примеч. 1 к письму к И. В. Лопухину от 24 августа 1809 г.).

³ О несогласии Жуковского с Лопухиным и его «Записками...» «в понятиях» речь идет и в письме к А. И. Тургеневу от 15 сентября 1809 г.

⁴ В «Записках...» подробно характеризуется позиция и поведение Лопухина во время следствия в связи с его службой в Московском уголовном суде, а затем по делу о «мартинистах» и Н. И. Новикове.

⁵ Воейков был автором «Послания к И. В. Л<опухину>», опубликованного в ВЕ в 1807 г. (автограф послания, с поправками и примечаниями, относящийся к 1818 г., см.: РО ИРЛИ. Ф. 31. № 4). Он бывал в его подмосковном имении Савинское, которое описывал в печати дважды («Описание русских садов», 1813; «Воспоминание о селе Савинском и добродетельном его хозяине», 1825).

⁶ См. письмо к А. Ф. Воейкову от 13 февраля 1814 г. и примечания.

⁷ Эти письма Воейкова в печати неизвестны.

⁸ Просьба помочь племяннику Букильона, пленному адъютант-майору Франсуа, перебраться поближе к родным, в Орловскую губернию, содержится также в ряде писем Жуковского к А. И. Тургеневу, в частности от 31 января 1814 г.

⁹ О Фриофе (о нем же, по-видимому, идет речь ниже: *Доктор с нами*) и о хлопотах по его устройству на службу Жуковский писал также к А. И. Тургеневу в письме от 24 марта 1814 г. и к Д. А. Кавелину от 18 июля 1814 г. Фриоф (Früauf) Иоганн Людвиг Вильгельм, по национальности немец, военный врач, переводчик, художник и поэт-дилетант. С 1792 г. Фриоф служил врачом в Москве а во время Отечественной войны 1812 г. — в госпитале русской армии. Во время Отечественной войны 1812 г. принимал участие в военных действиях и заболел тифом, после чего оказался в имении Протасовых Муратове, где проживал в 1813—1814 гг. Уволен со службы по состоянию здоровья 8 июня 1814 г. Позднее, с сентября 1819

до конца 1826 г. служил в Императорской Публичной библиотеке в Петербурге (см.: Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: Биографический словарь: В 3 т. Т. 1: Императорская Публичная библиотека. 1795—1917. СПб., 1995. С. 552). Фриоф занимался также литературной деятельностью. В 1819 г. в Петербурге появился на немецком языке его сборник переводов стихотворений русских поэтов, в том числе и Жуковского: «*Gedichte, verschiedener russischen Dichtern, nachgebildet*», который имеется в библиотеке поэта (Описание. № 1061). Жуковский хлопотал об устройстве Фриофа на службу в Медицинском департаменте, управляющим которого был Д. А. Кавелин (см. письмо к Д. А. Кавелину от 18 июля 1814 г.). С 1819 г. Фриоф был принят на должность помощника библиотекаря в Публичную библиотеку, где служил до конца 1826 г. (см.: Сотрудники Российской национальной библиотеки... Т. 1. С. 552—553; см. также: ПССиП. Т. 1. С. 738. Комментарий О. Б. Лебедевой).

¹⁰ Фриоф был также и художником-любителем. Портрет Воейкова, нарисованный Сашей Протасовой с портрета Фриофа, не сохранился. О рисунках Фриофа см.: «Тень Пушкина меня усыновила...»: Музей А. Ф. Онегина. Каталог выставки. СПб.; Болонья; Кембридж, 1997. С. 76—77.

¹¹ Поддевический, т. е. участник Дружеского литературного общества, собиравшегося в московском доме Воейкова вблизи Девичьего поля.

¹² Целью поездки Воейкова было выхлопотать для себя профессорскую кафедру в Дерптском университете; об отношении к этому Жуковского см. письмо к нему от 13 февраля 1814 г.

¹³ О «надворном советнике» см. примеч. 24 к письму к А. Ф. Воейкову от 13 февраля 1814 г.

¹⁴ Колтовская, лицо неустановленное.

¹⁵ При посредничестве А. И. Тургенева Жуковский планировал возможность вмешательства в историю его сватовства к Маше Протасовой влиятельного духовного лица или даже вдовствующей императрицы.

¹⁶ Первая неделя Великого поста в 1814 г. приходилась на 9—15 февраля.

¹⁷ Саша Протасова была большой любительницей шахмат. 11 января 1814 г. Воейков посвятил ей послание «Победительнице в шахматной игре» (см.: РА. 1912. № 3. С. 415; ПССиП. Т. 1. С. 650—651).

¹⁸ По-видимому, имеется в виду «аттестация» (т. е. рекомендация) Павла Ивановича Голенищева-Кутузова, попечителя Московского университета, который был значительной фигурой при министре народного просвещения графе А. К. Разумовском. Воейков мог встретиться с ним в Москве именно ради начатых им хлопот по получению профессорской кафедры. Кутузов, поэт и переводчик, член «Беседы любителей русского слова», был известен своими антикарамзинистскими выступлениями. Жуковский неоднократно задевал его в своих стихотворениях, см.: ПССиП. Т. 1. С. 591 (примечание к посланию «Хорошо, что ваше письмо коротко...», 1812, комментарий А. С. Янушкевича), 733 (примечание к стихотворению «Плач о Пиндаре», 1814, комментарий О. Б. Лебедевой). Голенищев-Кутузов осмеян Воейковым в сатире «Дом сумасшедших».

¹⁹ Какое-то неодобрение Жуковским переводов Воейкова из Вергилия сквозит не только в письме от 20 февраля, но и в эпиграмме «Хвала, Воейков! крот, сады...», написанной в начале января 1814 г. (см.: ПССиП. Т. 1. С. 301—302, 650). Публикация отрывков из «Георгик» в переводе Воейкова, в его статье «Об описательных и дидактических поэмах, и в особенности о Вергилиевых “Георгиках”», началась в «Трудах» ОЛРС еще в 1812 г. (Ч. 3. С. 51—69). Впоследствии Жуковский высоко оценил перевод этой книги Вергилия. Об интересе Жуковского к Вергилию в ранний период его творчества, с 1805 г., см.: ПССиП. Т. 4. С. 352—353.

²⁰ Упомянутое письмо Воейкова к А. А. Прокоповичу-Антонскому в печати неизвестно.

²¹ Жуковский отправил письмо А. А. Прокоповичу-Антонскому 30 марта 1814 г.

²² Наталья Андреевна и Василий Андреевич Азбукины.

²³ Имеется в виду мнение о «Певце...» членов ОЛРС при Московском университете, основанного в 1811 г. По-видимому, планировалось заседание Общества с обсуждением «Певца во стане русских воинов» (1812), о чем Воейков сообщил Жуковскому. Однако в 1814 г. заседания Общества еще не возобновлялись. Воейков был действительным членом ОЛРС с 1811 г. (принят по рекомендации Мерзлякова), Жуковский стал им в 1816 г. Далее Жуковский рисует задуманное заседание в арзамасском ключе, называя членов ОЛРС и пародируя их возможные выступления.

²⁴ Ф. Ф. Иванов, драматург и поэт, член-учредитель ОЛРС (с 1811 г.), скептически относившийся к карамзинизму и легкой поэзии, противник галломании и выразитель патриотических настроений. Жуковский, бывавший в доме Иванова, характеризует его как балагура и участника дружеских возлияний. См.: *Лотман Ю. М. Иванов Ф. Ф. // Русские писатели. Т. 2. С. 384—385.*

²⁵ Федор Федорович Кокошкин, переводчик и драматург, член-учредитель и председатель ОЛРС (с 1811 г.). Его дом был одним из центров литературной и театральной Москвы; именно в нем впервые в Москве была прочитана комедия Шаховского «Урок кокеткам, или Липецкие воды» (см.: *Рогов К. Ю. Кокошкин Ф. Ф. // Русские писатели. Т. 3. С. 18*). О заседаниях ОЛРС, которые Кокошкин, не имевший какого-либо «направления», превращал в спектакли для публики, см.: *Словарь членов Общества любителей российской словесности при Московском университете. 1811—1911. М., 1911. С. 144.* Воейков в «Парнасском Адрес-календаре» дал отзыв о Кокошкине, назвав его «восклицательным знаком» при Мерзлякове.

²⁶ Важным свидетельством расхождения Жуковского, как личного, так и творческого, с А. Ф. Мерзляковым, в прошлом его другом, является комментируемое письмо от 20 февраля 1814 г. Жуковскому были чужды и критические, и теоретические работы Мерзлякова, утверждавшегося на позициях нормативной эстетики, с опорой на античность и фольклор. Прозвучавшее в письме предположение о том, что его сочинение может быть разгромлено Мерзляковым, оправдало себя в 1818 г., когда на заседании ОЛРС, в присутствии Жуковского, он зачитал письмо против его баллад. Мерзляков, центральная фигура ОЛРС, был членом-учредителем (с 1811 г.) и затем почетным членом Общества.

²⁷ М. Т. Каченовский, член-учредитель ОЛРС (с 1811 г.). По-видимому, Жуковский имеет в виду его «рассуждение» в ОЛРС «О похвальных словах Ломоносова». В нем он утверждал: «Идущие по следам Ломоносова приблизятся к совершенству в российской словесности; проложенный им путь не обольщает светящимися огнями и обманчивыми призраками, которые иногда неосторожных и легкомысленных путников приводят ко блату невежества» (Труды ОЛРС. 1812. Ч. 3. С. 101; перепечатано в том же году в ВЕ). В полемических выступлениях современников против Каченовского постоянно подчеркивался его пиетет перед Ломоносовым.

²⁸ Имеется в виду ректор Санкт-Петербургской духовной академии архимандрит Филарет (Дроздов). По роковому совпадению, имя провозглашенного Жуковским «папы» совпало с именем того московского старца (Филарет (Пуляшкин), в схиме Феодор), к которому А. Н. Арбенева обратилась в марте 1814 г. с вопросом о возможности брака Жуковского и Маши Протасовой и который ответил решительным отказом.

²⁹ О «Суринамском уголке», от названия села Сурьянино (Сурьяново, Сурьяниново), купленного Е. А. Протасовой у А. А. Плещеева, где, как предполагалось, Жуковский поселится с Машей Протасовой после свадьбы, см.: ПССиП. Т. 1. С. 642—643.

³⁰ Слегка измененная автоцитата из послания «Тургеневу, в ответ на его письмо» (ср.: «О прочем здесь останемся беспечны»; Там же. С. 285).

138.

М. Н. Свечиной и А. Н. Арбеневой

(С. 206)

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 18 (Бартенев). № 34. Л. 7—9 об.

Впервые опубликовано: РА. 1883. Т. 1. С. 311—315.

Печатается по автографу.

Датируется: 7 марта 1814 г.

Письмо к племянницам Вельяминовым (девическая фамилия сестер А. Н. Арбеневой и М. Н. Свечиной) — одно из первых в ряду посланий Жуковского, раскрывающих драматическую историю его борьбы за свое право на руку Маши Протасовой, обострения отношений с А. Н. Арбеневой, на которую он возлагал большие надежды и которые не оправдались, столкновения с матерью Маши Е. А. Протасовой («тетушкой»). Последующие его письма 1814 г. к А. П. Елагиной, А. И. Тургеневу, М. А. Протасовой, А. Ф. Воейкову варьируют и конкретизируют эти сюжеты, раскрывают тупиковость ситуации.

¹ Эти письма в печати неизвестны.

² Речь идет об иеромонахе Новоспасского Московского монастыря Филарете. С присущей ему резкостью А. Ф. Воейков писал 30 марта 1814 г. А. И. Тургеневу о его неблагоприятном воздействии на А. Н. Арбенева: «Монах <...> запугал и без того робкое воображение женщины, имеющей влияние на судьбу Жуковского. Он

именем Бога любви грозит адом чете добродетельнейших из людей за то, что они пылают любовью непорочною, и холодною рукою хочет разорвать союз душ их. <...> Этот монах — есть иеромонах Новоспасского Московского монастыря Филарет. Женщина, которую он запугал адскими крючками и смолою, — Авдотья Николаевна Арбенева (ее превосходительство)» (ПЖТ. С. 111. Примеч. 2). Жуковский, как явствует из письма к А. И. Тургеневу от 5 мая 1814 г., знал об этой инвективе Воейкова в адрес иеромонаха Филарета и, вероятно, слышал от него эту историю. См. вышеупомянутое письмо к А. И. Тургеневу.

³ Здесь и далее речь идет об Иване Владимировиче Лопухине, к поддержке которого обращался поэт.

⁴ Как известно, несмотря на всё уважение и доверенность Е. А. Протасовой к Лопухину, его позиция не оказала на нее желательного действия. Ее мнение Жуковский изложил в письме к А. П. Елагиной от 5 мая 1814 г.: «Если мнение Ивана Владимировича с твоим согласно, то это только переменит мое об нем мнение» (см. наст. изд.).

⁵ Жуковский намекает на историю неудачного брака М. Н. Свечиной и Н. П. Свечина, с которым она жила в разводе, и участие в этой истории ее отца, Н. И. Вельяминова. Его характеристика как «истинного христианина» имеет скорее иронический подтекст. В дневниковой записи от 28 июня 1814 г., рассказывая о любовных похождениях Вельяминова, он сравнивает его с Грандиссоном, зримо выявляя этот подтекст (ПССиП. Т. 13. С. 79).

⁶ В дневнике Жуковского сохранилась запись от 22 февраля, повествующая о посещении Лопухина 15 февраля (ПССиП. Т. 13. С. 57). Предложенная нами ее датировка 1813 годом вызвала возражения. Но общий контекст этой записи, в которой Жуковский еще полон надежды и веры: «О! я в эту минуту только чувствовал, что *можно быть счастливым в этой жизни!*», «Теперь имею такую надежду, готов благодарить Промысел и за прежние горести», «О! теперь вера становится милейшею моею мыслью — верить для меня теперь необходимо!» (Там же), позволяет предполагать, что она бы сделана в 1813 г. и родилась после поездки, о которой Жуковский писал А. И. Тургеневу 9 апреля 1813 г.: «...из письма твоего к Ив<ану> Владимировичу, у которого я был в деревне» (см. наст. изд.). Вероятно, можно говорить о двух визитах Жуковского к Лопухину: в феврале 1813-го и феврале 1814 г.

139.

А. И. Тургеневу

(С. 210)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 146. Л. 27. Б. д.

Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 106—108.

Печатается по автографу.

Датируется: середина марта 1814 г.

Основание датировки: упоминание о том, что Воейков находится в Петербурге, куда он отправился перед тем, как сделать предложение А. А. Протасовой (примеч. 6). См. также вступительное примечание к письму к А. Ф. Воейкову от 13 февраля 1814 г.

¹ Вероятно, речь идет о переводе в Орловскую губернию французского военнопленного, капитана 4-го линейного полка Франсуа (François). См. письмо от 31 января 1814 г. Уже 15 февраля Тургенев сообщал об исполнении просьбы Жуковского (РО ИРЛИ. Ф. 309. № 4713а. Л. 23).

² Речь идет о московской знакомой, приятельнице матери Жуковского Авдотье Степановне Астраковой, которой Жуковский регулярно высылал деньги на уход за могилою матери на кладбище Новодевичьего монастыря. Жуковский любил и уважал ее, принимал участие в судьбе ее детей (см.: ПССиП. Т. 14. Указатель имен; Переписка Ж. и Елагиной. Указатель имен; ПЖТ. С. 108, 114, 133, 287). 1 (13) января 1849 г. он писал А. П. Елагиной: «Моя добрая старушка Авд<отья> Степ<ановна> Астракова, которая была так любима моею покойною матушкою, умерла в крайней бедности. Я помогал ей; но я бы должен был гораздо более для нее сделать. После нее остались две дочери. Они должны быть в тесных обстоятельствах. Я бы желал сделать для дочерей то, чего не сделал для матери. <...> Мне было бы великою радостью заплатить им по силам за их добрую мать, которая так любила мою и которую я сам особенно любил за ее редкое, честное добродушие» (Переписка Ж. и Елагиной. С. 581).

³ В письме А. П. Елагиной к Жуковскому от 27 августа 1829 г. сообщается: «Сын Авд<отья> Степ<ановны> служил 30 лет, 25 офицером, может стать, ей *следует пенсия*, кажется, даже так» (Переписка Ж. и Елагиной. С. 338). Так как у Астраковой был один сын, речь идет именно о Григории Ильиче, который, вероятно, к этому времени уже умер. В более поздних письмах к Жуковскому Елагина, говоря о семье Астраковых, нигде больше не упоминает сына. Просьбу об Астракове Жуковский повторяет в письмах к А. И. Тургеневу от 26 марта, 16 апреля, 5 мая, второй половины мая, 6 и 21 июня 1814 г.

⁴ Речь идет о замечаниях А. И. Тургенева на ст. 143—149 из послания «К Воейкову» («Добро пожаловать, певец...»), в которых описываются нравы кавказских горцев:

Там жизнь их — сон; стеснясь в кружок
И в братский с табаком горшок
Вонзивши чубуки, как тени
В дыму клубящемся сидят
И об убийствах говорят
Иль хвалят меткие пищали,
Из коих деды их стреляли...

Послание было написано 29 января 1814 г. и впервые опубликовано в ВЕ (1814. Ч. 74. № 6. Март. С. 97—106). Подробнее см.: ПССиП. Т. 1. С. 654—661. Комментарий О. Б. Лебедевой.

⁵ При первой публикации стихотворения в ВЕ оно было снабжено примечаниями А. Ф. Воейкова. Комментируя стихи о «белой книге», адресат послания писал: «Это место темно для тех, кто не читал сих осьми стихов, написанных на белой книге, в которой будет твориться Русская Поэма в роде Виландова Оберона». Эти стихи Воейкова под заглавием «Надпись на белой книге, которая определена Жуковским для эпической поэмы “Владимир”» следующие:

Не книга это — поле Славы!
В ней не бумажные — лавровые листы
И не каракульки — Альбановы черты.
Развеян прах царей, повержены державы.
Не устоял Гомер.
Певца Владимира стихи славнее будут,
Их станут приводить изящности в пример,
Когда и самого Гомера позабудут.
Гомер был Музою парнасской научен,
Жуковский Ангелом небесным вдохновлен.
(РА. 1912. № 3. С. 414—415).

Образ-символ «белой книги» как поэтической тайны и творческой лаборатории отзовется в дневниковой записи за сентябрь 1814 г., обращенной к Маше Протасовой: «*Владимир* будет написан. <...> Нет, моя белая книга не останется пустой, — *я белой книги не боюсь*. <...> Ты получишь ее из моих рук, и полную, полную, и во всякой час» (ПССиП. Т. 13. С. 91—92).

⁶ А. Ф. Воейков, сделавший в марте 1814 г. предложение А. А. Протасовой, которое было принято, в это время находился в Петербурге и хлопотал о получении освобожденного после гибели А. С. Кайсарова места профессора русского языка и словесности в Дерптском университете. Профессорскую кафедру он получил и занимал ее с 1814 по 1820 г.

⁷ Письмо Жуковского, где он просил Тургенева помочь Воейкову в его хлопотах о месте профессора в Дерптском университете, в печати неизвестно; в известных письмах 1814 г. Жуковский высказывается категорически против дерптских планов Воейкова.

140.

А. И. Тургеневу

(С. 211)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 146. Л. 29. Б. г.

Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 108—109.

Печатается по автографу.

Датируется: 24 марта 1814 г.

Год определяется по связи содержания с датированными письмами 1814 г.

¹ Франсуа (см. письмо к А. И. Тургеневу от 31 января 1814 г. и примеч. 1 к письму ему же от середины марта 1814 г.) был племянником управляющего имения в Черни, принадлежащего Плещеевым, Осипа Петровича Букильона, к которому обращено послание Жуковского (см.: ПССиП. Т. 1. С. 713). «Комиссия» была связана с его переводом в Чернь, ближе к дяде.

² См. примеч. 2—3 к письму к А. И. Тургеневу от середины марта 1814 г.

³ Дмитрий Александрович Кавелин, приятель Жуковского и Тургенева, занимал в это время должность директора Медицинского департамента, поэтому просьбы о докторе Фриофе и Гаспари были адресованы и к нему. О Фриофе см. примеч. 9—10 к письму к А. Ф. Воейкову от 20 февраля 1814 г., а также письма к А. И. Тургеневу от 24 марта 1814 г. и к Д. А. Кавелину от 18 июля 1814 г.

⁴ И. Гаспари (Каспари) вместе с В. И. Киреевским во время Отечественной войны 1812 г. в Орле боролся с тифом и осенью 1813 г. был представлен к ордену Св. Анны 2-й степени. В послании «К Кавелину» (1814) Жуковский свою «просьбу о докторе» переводит в стихи, создавая привлекательный образ «Антиноя» и «Эскулапова сына» (ПССиП. Т. 1. С. 354—355). Вряд ли это был, как считает Х. Зигель, Адам Христиан Гаспари (1752—1830), с 1795 г. профессор философии в Иене (Siegel. № 81. S. 228. Примеч. 2).

141.

А. И. Тургеневу

(С. 212)

Автограф: РО ИРЛИ. № 102. Л. 1—1 об. Б. д.

Впервые опубликовано: РА. 1866. Стб. 651—652, перепечатано: ПЖТ. С. 109—110.

Печатается по автографу.

Датируется: 26 марта 1814 г.

Адрес: «Его высокородию, милостивому государю Александру Ивановичу Тургеневу, в Санктпетербурге, господину директору департамента иностранных исповеданий, близ Семеновского моста, против Михайловского замка».

Первая публикация этого письма — без даты, при перепечатке в ПЖТ дана верная редакторская датировка И. А. Бычкова «26 марта 1814 г.», но ссылка на первопубликацию сопровождается ошибочным примечанием о ее источнике («Это письмо перепечатывается из Русского архива 1866 года, ст. 651—652, где оно издано по подлиннику, сообщенному И. Ф. Золотаревым, получившим его от А. И. Тургенева»: в РА (1866. Стб. 651—652) примечания об источнике публикации нет). Письмо не имело даты, но, как было отмечено уже издателем журнала, по своему содержанию относится к 1814 г. (Там же. 1867. Стб. 789). Месяц и число определяются пометой в автографе стихотворения «К Тургеневу, в ответ на стихи, присланные им вместо письма» из альбома Жуковского (РНБ. Оп. 1. Л. 134 об. — с датой внизу текста: «26 марта». См.: ПССиП. Т. 1. С. 666—667).

¹ Цитата из первого акта драмы известного итальянского поэта и драматурга XVIII в. Пьетро Метастазियो «Олимпиада» (1732). Пьеса была столь популярна, что стала основой для многочисленных музыкальных обработок. 32 композитора обращались к ее тексту, в том числе и Бетховен, написавший на слова драмы «Песню для хора с оркестром» (Ор. 93). В России драма Метастазियो на музыку Томмазо Траэтты была представлена 21 апреля 1769 г. в день рождения Екатерины II. Первый стих послания Жуковского — почти точный перевод этой цитаты.

² Текст стихотворения был опубликован в первом издании сочинений Жуковского: С 1. Ч. 2. С. 67. Отдел «Смесь».

³ См. письмо от середины марта 1814 г. и примечания к нему.

⁴ Первое свидетельство интереса Жуковского к творчеству Вальтера Скотта. С. С. Уваров в письме к Жуковскому от 17 августа 1813 г. сообщал: «Я получил на днях кипу английских книг; между прочим, все поэмы сира Вальтера Скотта. Ein Volksdichter im edlen Sinne des Wortes*. Когда я окончу чтение их, то к Вам препровожу лучшие» (РА. 1871. № 2. Стб. 0162).

⁵ В конце письма следующая приписка А. Ф. Воейкова:

Я в Муратове, я с Жуковским; остальное можешь добавить воображением! Ты, считая Жук<овского> новым Мессиею, и шутку его можешь почесть за правду; и для того я заставил его написать, что его ополчение против профессорства моего была галиматъя, бред в горячке, что и Орловский медицинский факультет свидетельствует. Прощай, от сердца благодарю тебя за золотые минуты, которые провел с тобою в Петербурге. Ты мой родной, наш родной, наш поддевиченский. И в шуме света, и при дворе ты уберег свое сердце — чистое, доброе, благодетельное, полное жара дружества. О, я прекрасно сделал, съездивши в Петербург. Я тебя видел, и видел не таким, каким представляли тебя люди посторонние и близорукие. Я расскажу Жуковскому все твои шалости, все глупости и не буду за тебя краснеть. Жаль, что ты поздно начал беситься, а то теперь ты перебесился бы, как я, и сделался бы смиренным, скупым и постоянным, как твой Воейков.

142.

П. А. Вяземскому

(С. 213)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1909. Л. 42—43 об. Б. д.

Публикуется впервые.

Датируется: около 30 марта 1814 г.

Основание датировки: ответ на критические замечания Вяземского о послании «К Воейкову». Ср. в письме к П. А. Вяземскому от начала февраля 1814 г.: «Я написал большое послание к Воейкову, но ты не прежде будешь его читать, как по напечатании в “Вестнике”». Послание Жуковского было напечатано во втором мартов-

---

* Народный поэт в высшем смысле этого слова (нем.).

ском номере ВЕ (1814. Ч. 74. № 6. С. 96—107). Пасхальные реалии комментируемого письма («Христос воскрес») тоже дают основание отнести время его создания к концу марта.

¹ Речь идет о ст. 94—95 послания «К Воейкову» («Добро пожаловать, певец...»):

На сладку песнь: «Воскрес спаситель!..»
Сердцам «воистину» гласит...

² Ст. 155 послания «К Воейкову»:

Необозримые луга,
Одушевленны табунами...

³ Эти стихи были исключены в следующих публикациях послания «К Воейкову» (см.: ПССиП. Т. 1. С. 659. Комментарий О. Б. Лебедевой).

⁴ Баллада «Ивиковы журавли» является переводом баллады Ф. Шиллера «Die Kraniche des Ibykus» («Журавли Ивика»).

⁵ Эвмениды, название эриний, древнегреческих богинь мести, после принятия ими вердикта Афины, оправдавшей матереубийцу Ореста. В балладу «Ивиковы журавли» вслед за Шиллером Жуковский ввел переработку хора Эриний из трагедии Эсхила «Эвмениды» (см.: ПССиП. Т. 3. С. 297, комментарий О. Б. Лебедевой).

⁶ Demi-caractère — «полухарактер», устаревший театральный термин, амплу артиста балета, оперного певца или драматического актера на роли второго плана или комические.

⁷ Станислас де Буффлер, французский поэт-моралист, известный остроумными сентенциями.

⁸ «К двоюродной сестре» («Двоюродной сестре писать мне — труд напрасный...»).

⁹ Эпическая поэма Фридриха Готтлиба Клопштока. Отрывок из нее под названием «Аббадона» был переведен Жуковским в ноябре—декабре 1814 г. (см.: Там же. Т. 4. С. 394—401).

¹⁰ О каких произведениях Вяземского идет речь, выяснить не удалось. Возможно, Вяземский «изорвал» их по требованию Жуковского.

¹¹ Стихотворение «Спасителя рождением...», острая политическая сатира.

¹² Возможно, имеется в виду Петр Матвеевич Карабанов, член Российской академии и Беседы любителей русского слова, автор напыщенных од. Собрание их вышло под заглавием «Стихотворения П. К., нравственные, лирические, любовные, шуточные и смешанные, оригинальные и в переводе» (М., 1801; 2-е изд., доп., с приложением «Поэмы о садах» Делиля. СПб., 1812).

¹³ «Ответ на послание гр. Д. И. Хвостова» («Мне можно ли, Хвостов, любовью льститься муз?...») Н. И. Гнедича. Дмитрий Иванович Хвостов — плодовитый поэт, академик, заслуживший репутацию бездарного дилетанта.

¹⁴ Иван Матвеевич Муравьев-Апостол. Далее идет речь о его «Письмах из Москвы в Нижний Новгород», публиковавшихся в СО. О французском языке говорится, в частности, в «Письме десятом».

¹⁵ Архимандрит Филарет (в миру Василий Михайлович Дроздов), известный церковный писатель и оратор.

¹⁶ Граф (впоследствии светлейший князь) Петр Христианович Витгенштейн.

¹⁷ Владимиру Васильевичу Измайлову, в этот период редактору ВЕ.

¹⁸ См. примечания 2 и 3 к письму к П. А. Вяземскому от 13 июня 1813 г.

¹⁹ Дом выдающегося московского архитектора Матвея Федоровича Казакова недалеко от Маросейки, на пересечении Большого и Малого Златоустинских переулков.

²⁰ См. примеч. 1 к письму к П. А. Вяземскому от начала февраля 1814 г.

²¹ Речь идет о стихотворении Батюшкова «Певец в Беседе любителей русского слова» («Друзья! все гости по домам!..»).

²² О Попове см. примеч. 3 к письму к П. А. Вяземскому от начала октября 1813 г.

²³ После пребывания в Петербурге Воейков в конце марта 1814 г. (см. его приписку к письму Жуковского к А. И. Тургеневу от 26 марта 1814 г.) вернулся в Муратово и сделал официальное предложение А. А. Протасовой.

²⁴ Веры Федоровны, жены Вяземского.

143.

А. А. Прокоповичу-Антонскому

(С. 217)

Автограф неизвестен.

Копия неизвестна.

Впервые опубликовано: РА. 1883. № 2. С. 324—325, с пометой: «30 марта (1814)». Перепечатано: РА. 1902. № 5. С. 134—135.

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: 30 марта 1814 г.

Место и год написания устанавливаются на основании письма А. Ф. Воейкова к А. И. Тургеневу от 30 марта 1814 г. из Муратова, написанного на одном листе с письмом Жуковского к тому же адресату (см. письмо к А. И. Тургеневу от 30 марта 1814 г.).

¹ В 1814 г. Пасха отмечалась 29 марта.

² Это письмо неизвестно.

³ Среди воспитанников Московского университетского Благородного пансиона имя Голостеева не упоминается.

⁴ Следующие два абзаца письма встречаются в РА за 1883 г. и отсутствуют в журнальной публикации за 1902 г. Имеются разночтения и в отдельных фрагментах письма.

⁵ Личность подательницы письма, девицы Голостеевой, установить не удалось.

144.

А. И. Тургеневу

(С. 218)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 147. Л. 1 об. 2. Б. д.

Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 111—113; с редакторской датой И. А. Бычкова: «30 марта 1814, Муратово».

Печатается по автографу.

Датируется: 30 марта 1814 г.

Датировка этого письма основывается на дате, проставленной А. Ф. Воейковым в его приписке на одном листе с комментируемым письмом Жуковского. Вот его текст:

Христос Воскресе! Для меня, и радости воскресли; но Жуковский, друг наш! он несчастлив. Монах, может быть пьяный от вина и, без всякого сомнения, от фанатизма, которое так же далеко от истинного христианства, как порок от добродетели, запугал и без того робкое воображение женщины, имеющей большое влияние на судьбу Жуковского. Он именем Бога любви грозит адом чете добродетельнейших из людей за то, что они пылают любовью непорочною, и холодною рукою хочет разорвать союз душ их. Брат! Неужели в XIX веке и в царствование Александра, и тогда как благодетельный <князь> Голицын, как ты, держите в ножнах священные ножи и не позволяете фанатикам лить кровь братий, должны литься слезы невинных страдальцев, и два ангела принесены быть на жертву дьяволу суеверия?.. Нет! ты не потерпишь этого, ты поспешишь помочь им — и зажать пасть крокодилу. Этот монах — есть иеромонах Новоспасского Московского монастыря Филарет. Женщина, которую он запугал адскими крючками и смолою, — Авдотья Николаевна Арбенева (ее превосходительство). Брось свое рассеяние и леность, которая у тебя становится деятельностью, когда дело идет о спасении и постороннего человека; здесь дело идет о спасении твоего друга. Не медли. Твой Воейков полусчастливый. 1814. Марта 30, с. Муратово.

¹ Племянница Е. А. Протасовой, дочь ее сестры Н. А. Вельяминовой Авдотья Николаевна Арбенева, как и ее сестра М. Н. Свечина, входили в круг близких знакомых братьев Тургеневых, о чем свидетельствуют письма Андрея Тургенева к Жуковскому от 1801—1803 гг. (см.: Письма Андрея Тургенева. Указатель имен). Обе сестры принимали самое активное участие в истории борьбы Жуковского за Машу Протасову (см. примечания к письмам Жуковского М. Н. Свечиной и А. Н. Арбеневой от 2 марта 1813 г. и 7 марта 1814 г.).

² См. приведенное выше письмо А. Ф. Воейкова.

³ К Марии Николаевне Свечиной. Это письмо не обнаружено.

⁴ Епископ Дмитровский, управляющий Московской митрополией Августин (в миру Алексей Васильевич Виноградский).

⁵ Досифей (в миру Ильин), в 1798—1817 гг. епископ Орловский.

⁶ См. письмо к А. И. Тургеневу от 26 марта 1814 г.

⁷ Имеется в виду М. А. Протасова.

⁸ Речь идет об элегии Андрея Тургенева «Угрюмой осени мертвящая рука...» (ВЕ. 1802. Ч. 4. № 13. С. 52—56). Перевод этой элегии, сделанный Фриофом, не вошел в сборник его переводов (см. примеч. 4 к письму к А. И. Тургеневу от 24 марта 1814 г.).

145.

А. А. Прокоповичу-Антонскому

(С. 219)

Автограф неизвестен.

Копия неизвестна.

Впервые опубликовано: РА. 1902. Кн. 2. № 5. С. 135, с пометой: «(1814)».

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: конец марта (после 30-го) — начало апреля 1814 г.

Основанием для датировки служит письмо Жуковского к А. А. Прокоповичу-Антонскому от 30 марта 1814 г., в котором поэт сообщает о намерении переслать адресату следующей почтой взятые у него в долг, вероятно, в 1812 г., 1 000 рублей. Кроме того, косвенным свидетельством для датировки письма может стать упоминание в нем «великих дел Русского Государя», связанных со вступлением императора Александра I в Париж 19 (31) марта 1814 г. и последовавшем за этим отречением Наполеона.

¹ Этот фрагмент письма соотносится с не дошедшим до нас письмом А. А. Прокоповича-Антонского А. Ф. Воейкову, тоже воспитаннику Московского университетского Благородного пансиона, в котором содержатся упреки Жуковскому в забывчивости. В письме Жуковского к А. Ф. Воейкову от 20 февраля 1814 г. поэт сообщает: «Обвинения Антонского насчет забывчивости его воспитанника и прочего тронуло меня за живое — я виноват перед ним». Поэт отправил письмо А. А. Прокоповичу-Антонскому 30 марта 1814 г.

² О новых долговых обязательствах по отношению к А. А. Прокоповичу-Антонскому Жуковский упоминает в письмах к А. П. Елагиной от декабря 1818 г. и от 25 января — 3 февраля 1820 г.

146.

А. Ф. Воейкову

(С. 219)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 89. Л. 8 об. Б. д.

Впервые опубликовано: РА. 1900. № 9. С. 28—29.

Печатается по автографу.

Датируется: середина апреля (не позднее 16-го) 1814 г.

Приписка на письме Д. А. Кавелина из Петербурга к А. Ф. Воейкову от 20 марта 1814 г., прочитанном Жуковским. По-видимому, после знакомства с ним (и, соответ-

ственно, после появления приписки на нем) Жуковским было отправлено письмо к А. И. Тургеневу от 16 апреля 1814 г. (появление этого письма предсказывается в приписке Жуковского словами: «...а я буду перед ним сам виниться...»). Ср. датировку письма в примечании к нему И. А. Бычкова, который отнес его ко времени после отъезда Воейкова из Муратова в конце апреля 1814 г. (РА. 1900. № 9. С. 28).

При своем письме Кавелин переслал «пук писем и записочек, с кратким журналом событий, относящихся до <...> профессорства» Воейкова (не сохранились). Среди них были записка Тургенева к Кавелину (Жуковский в приписке называет ее «письмом Тургенева») и письмо Жуковского к Воейкову (его дата не сообщается). Кавелин был смущен разноречивостью просьб Жуковского в связи с хлопотами о месте профессора для Воейкова (см. письмо Жуковского к А. И. Тургеневу от середины марта 1814 г., когда он попросил его «употребить все усилия, чтобы ему не давали кафедры»). «Зачем было поднимать небо и землю для достижения к профессорству месяц назад, — спрашивал Кавелин Воейкова, намекая на его брачные планы, — если оно перечит счастью? Или лучше: как оно могло обратиться через месяц из средства в преграду? <...> Рассуждайте, взвешивайте, *решийтесь* и поскорее *разрешите* нас; только *разрешите решительно*». В письме названы чиновники Министерства просвещения, к которым обратился А. И. Тургенев в поисках места для Воейкова (министр гр. А. К. Разумовский, директор департамента И. И. Мартынов). То, в каком положении оказывался Тургенев при неожиданном повороте дела, Кавелин характеризовал словом «неприятности». Письмо показывало, что вопрос о кафедре для Воейкова был решен в его пользу (РА. 1900. № 9. С. 27—28; РНБ. Оп. 2. № 89. Л. 7—8). Об избрании Воейкова на совете университета, с последующим утверждением министром народного просвещения, состоявшемся 11 марта 1814 г., см.: *Петухов Е. В.* Кафедра русского языка и словесности в Юрьевском (Дерптском) университете. Юрьев, 1900. С. 42.

Приписка Жуковского была извинением перед Воейковым. Пересылая ему пакет от Кавелина, Жуковский оставил у себя какое-то из своих писем к Воейкову. Словами «профессорство тебе остается» Жуковский принимал как факт выхлопотанное для Воейкова место и, как следствие, отъезд из Муратова всей семьи Е. А. Протасовой.

О хлопотах по этому делу и отношении к нему Жуковского см. также письма к А. Ф. Воейкову от 13 и 20 февраля 1814 г. и 19—22 августа 1815 г. и примечания к ним.

147.

А. И. Тургеневу

(С. 220)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 148. Л. 1—2. Б. г.

Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 113—114.

Печатается по автографу.

Датируется: 16 апреля 1814 г.

Год определяется по связи с содержанием датированных писем 1814 г.

¹ Палинодия (от греч. Παλινοδία), в древности род стихотворения, в котором поэт отрекался от сказанного им в другом стихотворении. В дальнейшем под палинодией понималось вообще всякое отречение, что и подчеркивает Жуковский.

² Последующие события и взаимоотношения с Воейковым не позволили Жуковскому написать такое послание, вызванное предстоящей женитьбой Воейкова на А. А. Протасовой.

³ Вероятно, это удалось, так как семейство Воейковых-Протасовых выехало в Дерпт лишь в начале 1815 г.

⁴ «Пиршество Александра, или Сила гармонии», перевод оды английского поэта Джона Драйдена «Alexander's Feast, or The Power of Music», сделанный в 1812 г. и впервые опубликованный на страницах ВЕ (1813. Ч. 68. № 7—8. С. 204—208).

⁵ Комментарий И. А. Бычкова к этой фразе: «Какое-либо сочинение философа Фридриха Бутервека» (ПЖТ. С. 114. Примеч. 3), можно уточнить. Так как далее говорится о поэзии Бутервека (о нем см. примеч. 4 к письму к А. И. Тургеневу от начала февраля 1807 г.), то, вероятнее всего, речь идет о следующем издании: *Gedichte von Friedrich Bouterweck*. Reutlingen, 1803, имеющемся в библиотеке Жуковского (Описание. № 720). На с. 11 — запись, возможно, принадлежащая Александру Тургеневу. В книге есть также пометки.

⁶ Василий Андреевич Проташинский, сводный брат М. А. и А. А. Протасовых, выпускник Московского университетского Благородного пансиона (см. также примеч. 8 к письму к А. И. Тургеневу от начала июля 1807 г.).

⁷ Т. е. Маши Протасовой. О родственных отношениях Проташинского с семьей Протасовых см. письмо А. Н. Арбеновой к Жуковскому от 22 марта 1814 г. (РА. 1883. Кн. 1. С. 317).

⁸ Далее следует приписка А. Ф. Воейкова: «Опять просьба к ленивцу, обедале и волоките Тургеневу! Но этот Тургенев общий друг наш, наш поддевиченский; тот самый, который, лентясь для министров, обманывая красавиц, позабывая обедать от рассеянности, ни разу еще не ленился для меня, ни разу не забывал об моих делах. Vale!* Я остаюсь на розах и миртах. Воейков. В 24 день счастья, лето первое».

148.

А. П. Киреевской (Елагиной)

(С. 221)

Автограф неизвестен.

Копия неизвестна.

Впервые опубликовано: ЖМНП. 1869. Ч. 142. Апр. С. 420—422. Б. д.

Впервые полностью: РС. 1883. № 2. С. 431—436, с пометой: «16-го апреля (1814. Муратово)».

Печатается по тексту первой полной публикации.

Датируется: 16 апреля 1814 г.

---

* Прощай! (лат.).

Датируется соответственно дате первой публикации. Написано сразу же после приезда Жуковского из Долбина в Муратово. Ответное письмо было написано Елагиной, по-видимому, в конце апреля 1814 г. (Переписка Ж. и Елагиной. С. 24—26).

¹ По мнению П. А. Висковатова, обращение Жуковского «*милая сестра, новая знакомка и старый друг*» подчеркивало его сближение с Авдотьей Петровной как «союзницей в хлопотах о получении согласия Ектерины Афанасьевны на брак с Марьей Андреевной» (РС. 1883. № 2. С. 431).

² *Плещеев, мой добрый Негр, который белых книг не страшится* — эти слова откликнутся реминисценцией в ст. 17 «Послания к Плещееву» («Ну как же вздумал ты, дурак...»), ср.: «Ты не боишься белой книги» (ПССИП. Т. 1. С. 339).

³ Мария Николаевна Свечина.

⁴ Свадьба А. А. Протасовой и А. Ф. Воейкова состоялась 14 июля. Переезд в Дерпт планировался в связи с получением Воейковым места в университете.

⁵ Заключительные стихи «Элегии» («Угрюмой осени мертвящая рука...», 1802) Андрея Тургенева.

⁶ Слегка измененные заключительные строки стихотворения Жуковского «Желание. Романс» (1811), перевода «*Sensucht*» Шиллера. В письме к А. П. Елагиной от 5 мая 1814 г. Жуковский, рассказывая о своем чувстве к Маше Протасовой, возвращается к этому романсу и включает цитаты из него курсивом в прозаический текст.

⁷ Екатерина Ивановна Вадковская (урожд. Чернышева), сестра Анны Ивановны Плещеевой, тетка декабристов Захара и Александра Чернышевых.

⁸ Жуковский цитирует начальные слова записки Авдотьи Петровны, уверявшей, что «всё у нас будет хорошо» (Переписка Ж. и Елагиной. С. 17); далее он приводит французскую фразу из этой же записки, свидетельствующую об их полном сердечном взаимопонимании во время пребывания Жуковского в Долбине.

⁹ Письма А. Н. Арбеневоу к Е. А. Протасовой в печати неизвестны. О позиции Арбеневоу, считавшей незыблемым канонический запрет на близкородственные браки, Жуковский неоднократно упоминал в своих письмах, так же как и о московском старце Филарете (Пуляшкине). Сохранилось три письма Жуковского к А. Н. Арбеневоу этого периода (от 2 марта 1813 г., от 15 декабря 1813 г. и от 7 марта 1814 г.), два из которых адресованы также и ее сестре, М. Н. Свечиной. О поисках Жуковским поддержки у И. В. Лопухина, известного масона, см. письмо к А. Ф. Воейкову от 20 февраля 1814 г. и примечания.

¹⁰ Знакомство Е. А. Протасовой и И. В. Лопухина не состоялось, хотя Жуковский на него очень рассчитывал.

¹¹ Имеется в виду И. В. Киреевский, крестным отцом которого был И. В. Лопухин, а крестной матерью — Е. А. Протасова.

¹² Елагина с неодобрением отметила это чувство в своем ответном письме, указав, что «минута фанатизма» много стоила «сердцу» А. Н. Арбеневоу (Переписка Ж. и Елагиной. С. 26).

¹³ Имеется в виду баронесса М. А. Черкасова. О ее позиции в конфликте Жуковского с Е. А. Протасовой см. письмо к А. П. Елагиной от конца апреля 1814 г. и примечания.

¹⁴ Именно на пребывание Жуковского в Муратове в апреле 1814 г. пришлось обнаружение Е. А. Протасовой «любовной переписки» между ним и дочерью (об этом вспоминал Воейков в письме к Жуковскому от 4 апреля 1823 г., см.: Ежегодник РО ПД на 2015 г. СПб., 2016. С. 285, 288), после чего ему пришлось надолго уехать из Муратова. Тем не менее в последних числах апреля Е. А. Протасова писала Авдотье Петровне, готовой пойти в монастырь за противозаконный брак, что она «ручается»: Маша «не влюблена» (УС. С. 291).

¹⁵ Возможно, имеется в виду письмо Е. А. Протасовой от сентября 1814 г., отправленное адресату из Долбина.

¹⁶ Возвращение из имения И. В. Лопухина, где Жуковский был 15—17 февраля 1814 г., пришлось на начало Великого поста. По указанию П. А. Висковатова (РС. 1883. № 2. С. 436), Жуковский послал Авдотье Петровне выписку из своего дневника от 25—26 февраля 1814 г., начинавшуюся словами: «Говеть не значит есть грибы...» (ПССиП. Т. 13. С. 59—61).

149.

Д. А. Кавелину

(С. 225)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 109. Л. 1. Б. д.

Впервые опубликовано: РА. 1900. № 9. С. 30—31.

Печатается по автографу.

Датируется: 23 апреля 1814 г.

Приписка к письму А. Ф. Воейкова к Д. А. Кавелину. Основание датировки — дата «23 апреля 1814», выставленная в письме Воейкова перед припиской Жуковского. В центре письма-приписки — просьба о помощи в трудоустройстве Воейкова, получении им должности профессора русской словесности.

¹ В период 1812—1816 гг. Д. А. Кавелин был директором Медицинского департамента; в Медицинской типографии, находившейся под началом Кавелина, было напечатано в 1815—1816 гг. первое издание стихотворений В. А. Жуковского.

150.

А. П. Киреевской (Елагиной)

(С. 226)

Автограф неизвестен.

Копия неизвестна.

Впервые опубликовано: РС. 1883. № 2. С. 436—437, с пометой: «(В апреле 1814). Писано из Муратова или из Черни в Долбино».

Печатается по тексту первой публикации.

Д а т и р у е т с я: конец апреля 1814 г.

Датируется на основании даты первой публикации. В письме Жуковский меняет круг тех просьб, которые были обращены к Авдотье Петровне как его ближайшей союзнице в письме от 16 апреля 1814 г. (см. примечания). Написано из Муратова, где в это время гостил Плещеев с женой Анной Ивановной Плещеевой (именно она названа Ниношкой в конце письма, что побудило в публикации РС дать ошибочное указание на Чернь как возможное место его создания). А. И. Плещеева именуется Ниной в ряде текстов Жуковского, например в стихотворении 1812 г. «Нина к своему супругу в день его рождения» (ПССиП. Т. 1. С. 203).

¹ М. А. Черкасовой. Позицию баронессы Елагина характеризовала в двух своих ответных письмах к Жуковскому, написанных в конце апреля и затем в первых числах (1—4) мая 1814 г. (Переписка Ж. и Елагиной. С. 24—26, 28—30): «...баронесса не совсем с нашей стороны и по многим причинам говорить <с Е. А. Протасовой> не берется» (Там же. С. 25).

151.

А. П. Киреевской (Елагиной)

(С. 226)

Автограф неизвестен.

Копия неизвестна.

Впервые опубликовано: РС. 1883. № 2. С. 437—442, с пометой: «Вторник, 5 мая 1814 г. Чернь».

Печатается по тексту первой публикации.

Д а т и р у е т с я: 5 мая 1814 г.

¹ Речь идет о письмах Елагиной от последних чисел апреля и первых чисел (1—4) мая 1814 г. (Переписка Ж. и Елагиной. С. 24—26, 28—30).

² 2 мая 1814 г.

³ Анна Ивановна Плещеева, жена А. А. Плещеева.

⁴ Последний стих чернового текста романа Жуковского «Желание» (1811) (РНБ. Оп. 1. № 12. Л. 52). См. примеч. 4 к письму к А. П. Елагиной от 16 апреля 1814 г.

⁵ Парафраз ст. 23—24 «Желания». Ср.: «Предо мной поток ужасной // Грозно мчится по скалам» (ПССиП. Т. 1. С. 162).

⁶ Елагина назвала его «гадким» (Переписка Ж. и Елагиной. С. 29).

⁷ Из стихотворения Жуковского «К Филалету» (1808—1809).

⁸ С И. В. Лопухиным (см.: Там же. С. 25, см. также письмо Жуковского к А. П. Елагиной от 16 апреля 1814 г.).

⁹ Объяснение Е. А. Протасовой с Жуковским в конце апреля 1814 г., по-видимому, было спровоцировано обнаружением его переписки с Машей. Елагина в письмах

к нему настаивала, чтобы Маша открыла матери свое чувство (см.: Переписка Ж. и Елагиной. С. 29).

¹⁰ Жуковский и Воейков посетили И. В. Лопухина в последних числах апреля 1814 г.

¹¹ Письмо, полученное Воейковым от Лопухина в июне 1814 г., было им осмеяно и не передано Е. А. Протасовой.

¹² Это мнение М. А. Черкасовой было передано А. П. Елагиной Жуковскому в письме от последних чисел апреля 1814 г. (Там же. С. 25).

¹³ Имеется в виду И. П. Черкасов. А. П. Елагина в письме, на которое отвечает Жуковский, об этом говорила так: «Баронесса *не совсем* с нашей стороны, но осудить совсем боится, писать также никак не хочет, особливо потому, что барон *ничего* этого не знает и не подозревает. Он хоть и не хуже всяких монахов читает святое писание, но ежели сказать ему всё, будет с нами согласен» (Там же. С. 29).

¹⁴ Это письмо Лопухина к Жуковскому в печати неизвестно.

¹⁵ Коренной называлась знаменитая курская ярмарка, которая в 1814 г. открылась 29 мая. Павел Иванович Протасов приходился Екатерине Афанасьевне дедом. Жуковский, отправившись к нему в конце июня 1814 г., вспоминал о проехавшей ранее по той же самой дороге Маше в письмах к ней от 28 и 29 июня 1814 г.

¹⁶ Вернувшись от И. В. Лопухина, Воейков отправился в длительную поездку для улаживания своих дел перед свадьбой.

¹⁷ Досифей, орловский архиерей (в миру Ильин). На него возлагали надежду в решении вопроса о возможности женитьбы Жуковского.

¹⁸ Письма должны были быть от лиц, обладавших большим (возможно, церковным) авторитетом. О том, что А. И. Тургенев прислал некое письмо, предназначенное «туда, куда надобно», Жуковский с удовлетворением сообщил Елагиной в письме от конца мая — начала июня 1814 г.

¹⁹ Лопухин на свадьбу А. Ф. Воейкова и А. А. Протасовой не приезжал.

²⁰ В первых числах мая Жуковский, по-видимому, еще не получил письма А. П. Елагиной от 28 апреля 1814 г. (письма рассылались ею в разные имения и не сразу попадали ему в руки), в котором она сообщала об «ужасном» письме к ней Е. А. Протасовой (Переписка Ж. и Елагиной. С. 27). В нем Екатерина Афанасьевна выражала полную уверенность в отсутствии у Маши какой-либо влюбленности в Жуковского (УС. С. 291).

²¹ Елагина не согласилась, что А. Н. Арбенева достойна презрения со стороны Жуковского.

²² Вероятно, имеется в виду письмо А. Н. Арбеновой к Жуковскому, датированное 22 марта 1814 г. (РА. 1883. № 2. С. 315—317), в котором адресант совершенно недвусмысленно высказывается против брака Жуковского и Маши.

²³ Имеются в виду сестры Авдотья, Анна и Екатерина (Като), урожденные Юшковы, жившие тогда в Мишенском.

²⁴ Письмо от 16 апреля 1814 г.

²⁵ «Подагриком» Жуковский иносказательно называл в письмах к Елагиной свою надежду на счастье, т. е. брак с Машей.

²⁶ Петушок, ласковое прозвище младшего сына Елагиной Петра Киреевского, который был в это время болен.

152.

А. И. Тургеневу

(С. 230)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 148. Л. 3—5. Б. г.

Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 115—118.

Печатается по автографу.

Датируется: 5 мая 1814 г.

Год определяется по связи содержания с датированными письмами 1814 г. В письме не указано место написания, но известно, что именно 5 мая 1814 г. Жуковский был в имении Плещеевых Чернь (РС. 1883. Т. 37. С. 437).

¹ Согласно древнеперсидским преданиям, Ариман — божество смерти, глава адских демонов, олицетворение зла и лжи. Христианские писатели отождествляли Аримана с сатаной (дьяволом).

² В подлиннике пропущено место для даты. Имеется в виду письмо от 17 апреля 1814 г. (см.: Siegel. № 85. S. 236—237).

³ Т. е. к Е. А. Протасовой (см. письмо Жуковского к А. П. Елагиной от 16 апреля 1814 г.).

⁴ См. примечания к письму к М. Н. Свечиной и А. Н. Арбеновой от 7 марта 1814 г.

⁵ Мнение И. В. Лопухина, с которым встречался Жуковский, не оказало желательного действия на Е. А. Протасову. «Если мнение Ивана Владимировича с твоим согласно, — говорила она Жуковскому, — то это только переменит мое об нем мнение» (РС. 1883. Т. 37. С. 439).

⁶ См. письмо к А. П. Елагиной от 5 мая и примеч. 12—13.

⁷ Быт. 4: 15—16.

⁸ Граф А. К. Разумовский.

⁹ Имеется в виду Императорская Главная квартира, образованная в начале 1813 г. на время Отечественной войны в связи с пребыванием Александра I в действующей армии. На нее были возложены функции упраздненной в 1812 г. Военно-походной канцелярии Е. И. В. по сопровождению императора во время поездок, заведованию императорской свитой и обозами, представлению докладов по делам военно-сухопутного ведомства в отсутствие военного министра. 12 декабря 1815 г. преобразована в постоянное учреждение.

¹⁰ Все семь пунктов этого резюме (Récapitulation) отражены в предшествующих письмах Жуковского к Тургеневу. Его «резюме» включает в себя и другой смысл французского слова — «повторение», «напоминание».

153.

А. П. Киреевской (Елагиной)

(С. 233)

Автограф неизвестен.

Копия неизвестна.

Впервые опубликовано: ЖМНП. 1869. Ч. 142. Апр. С. 424 (Б. д.).

Впервые полностью: РС. 1883. № 2. С. 443—445, с пометой: «Чернь, 1814 г., в конце мая или начале июня».

Печатается по тексту первой полной публикации.

Датируется: середина (?) мая 1814 г.

Жуковский обращается в письме не только к Авдотье Петровне, но и к ее сестрам, Анне и Екатерине. Датируется на основании сообщения об отсутствии в Муратове семейства Е. А. Протасовой («тетушки»): 12 мая она с дочерьми уехала гостить к П. И. Протасову, с намерением посетить затем и Курскую Коренную ярмарку, открывшуюся 29 мая. Жуковский писал в ответ на несохранившееся, по-видимому, письмо Елагиной, в котором она упрекала себя за какие-то неудачи в старании помочь ему. Можно предположить, что оно было связано с письмом к ней Е. А. Протасовой по поводу монастырского заключения, на которое Елагина была готова обречь себя в расплату за счастье Жуковского с Машей (см.: УС. С. 290—292); о получении этого «ужасного» письма Елагина сообщала ему в письме от 28 апреля 1814 г. (Переписка Ж. и Елагиной. С. 26—27). Ответ Елагиной на это письмо Жуковского, также недатированный, см.: Там же. С. 37—38.

¹ Максим, слуга Жуковского, часто упоминаемый в стихах, ему посвящено шуточное стихотворение «Максим» (1814) (см. о нем: ПССиП. Т. 1. С. 731. Комментарий О. Б. Лебедевой).

² Упоминаемое здесь письмо М. Н. Свечиной не сохранилось. По его прочтении Елагина написала Жуковскому: «С такую богатой душой можно быть несчастливой» (Переписка Ж. и Елагиной. С. 37).

³ Пальна, село Болховского уезда Орловской губернии.

⁴ Речь идет, по-видимому, о письме Тургенева к орловскому епископу Досифею (см. письмо к А. П. Елагиной от 5 мая 1814 г.).

⁵ Возможно, имеется в виду письмо, которое готовилось И. В. Лопухиным как адресованное Воейкову, но предназначенное Е. А. Протасовой (см. об этом письмо Жуковского к А. Ф. Воейкову от 10 сентября 1814 г. и примечания к нему). Договоренность о посылке такого письма была достигнута в последних числах апреля 1814 г., когда Жуковский и Воейков посетили орловское имение Лопухина.

⁶ Письмо Жуковского к Свечиной от последних чисел апреля 1814 г. в печати неизвестно.

⁷ Эти мысли о Маше, выраженные в письме к А. П. Елагиной, развивались во многих письмах-дневниках Жуковского, в частности в его письме к М. А. Протасовой от 21 июня 1814 г. («Но одна кровля, одно небо — разве не одно и то же!»).

154.

А. П. Киреевской (Елагиной)

(С. 235)

Автограф неизвестен.

Копия неизвестна.

Впервые опубликовано: РС. 1883. № 2. С. 443, с пометой: «22 мая 1814 г. Чернь».

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: 22 мая 1814 г

Датируется на основании даты в первой публикации.

¹ Иван Никифорович Гринев, по словам П. А. Висковатова, «уездный учитель в Белеве, дававший уроки девицам Протасовым и отлично чинивший перья. Его сделали управителем в Долбине» (РС. 1883. № 2. С. 443).

² Протасова с дочерьми гостила в орловском имении П. И. Протасова (см. письмо к А. П. Елагиной от 5 мая 1814 г.).

³ Наталья Андреевна Азбукина, сводная сестра Протасовых, жившая в 1814—1815 гг. в семьях Протасовых и Киреевских.

⁴ Поездка Жуковского была связана с посещением И. В. Лопухина, у которого, в имении Воскресенское, Жуковский планировал быть 25 мая (см. письмо к А. И. Тургеневу от 5 мая 1814 г.).

⁵ Мария Николаевна Свечина.

⁶ Курская Коренная ярмарка.

⁷ Морленкур и Мену — по замечанию П. А. Висковатова — пленные французы, жившие у Плещеева (РС. 1883. № 2. С. 443). Письмо Жуковского, ответом на которое была «записочка» Свечиной (в ней, по его словам, «нет ни слова» ему в ответ), не сохранилось; это письмо было отправлено Жуковским еще до отъезда Протасовой в середине мая.

155.

А. И. Тургеневу

(С. 235)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 148. Л. 6—7. Б. д.

Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 118—120.

Печатается по автографу.

Датируется: вторая половина мая 1814 г.

Датируется по связи содержания с письмами от марта—мая 1814 г.

¹ Видимо, речь идет о письме от первой половины мая, в котором Тургенев предлагает свои меры по урегулированию конфликта с Арбеновой и, в частности, пишет:

«Желал бы жертвою собственного счастья утвердить твое и в встревоженной голове своей ищущих средств быть тебе полезным в важнейшую минуту жизни твоей <...>. С тех пор как я получил письмо ваше, мысль о тебе меня не покидает. Я чувствую, что люблю тебя и что счастье твое должно для меня быть дороже собственного...» (Siegel. № 87. S. 242).

² Ср. последние слова из стихотворения «В день счастья вспомнить о тебе...», приложенного к письму от 26 марта 1814 г.: «Одна мольба: не упреди!».

³ Имеется в виду Е. А. Протасова.

⁴ Ст. 90 из послания «Тургеневу, в ответ на его письмо» (1813) (см.: ПССиП. Т. 1. С. 283).

⁵ Ст. 16—17 из стихотворения «К Тургеневу, в ответ на стихи, присланные им вместо письма» (см.: Там же. С. 318).

⁶ Первое свидетельство Жуковского о замысле его послания «Императору Александру». О связи личности и деятельности русского императора Александра I с «великим образцом государей» римским императором Марком Аврелием см.: Янушкевич. С. 121; см. также: *Ларионова Е. О. К истории стихотворения В. А. Жуковского «Императору Александру» // РЛ. 1991. № 3. С. 75—81.*

⁷ Ст. 85—86 из послания «Тургеневу, в ответ на его письмо» (см.: ПССиП. Т. 1. С. 283).

156.

П. А. Вяземскому

(С. 237)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1909. Л. 46—46 об. Б. д.

Публикуется впервые.

Датируется: май 1814 г.

Основание датировки: упоминание праздника по случаю взятия Парижа (см. примеч. 2).

¹ «Надпись над бюстом императора Александра I»:

Муж твердый в бедствиях и скромный победитель,
Какой венец ему? Какой ему алтарь?
Вселенная! Пади пред ним, он твой спаситель;
Россия! Им гордись — он сын твой, он твой царь!

² Речь идет о празднике, устроенном в Москве по поводу взятия союзными войсками Парижа 18 (30) — 19 (31) марта 1814 г. Праздник прошел 19 мая 1814 г.

³ См. примеч. 6 к письму к П. А. Вяземскому от 30 марта 1814 г.

⁴ См. примеч. 11 к тому же письму.

⁵ Василия Львовича Пушкина. Далее, вероятно, идет речь о его «Послании к кн. Петру Андреевичу Вяземскому», на которое долбинской осенью Жуковский

откликнется тремя стихотворениями, см.: ПССиП. Т. 1. С. 699—706. Комментарий О. Б. Лебедевой.

⁶ См. примеч. 21 к письму к П. А. Вяземскому от 30 марта 1814 г.

157.

А. И. Тургеневу

(С. 238)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 148. Л. 8. Б. г.

Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 120—121.

Печатается по автографу.

Датируется: 6 июня 1814 г.

Год определяется по письму А. И. Тургенева от 19 мая 1814 г.

¹ Имеется в виду письмо А. И. Тургенева от 19 мая 1814 г., где он подробно, по пунктам, говорит о выполнении всех просьб Жуковского (Siegel. № 89. S. 246—247).

² О своем возвращении в Россию Николай Тургенев сообщал из Парижа 7 (19) апреля 1814 г. (Декабрист Н. И. Тургенев: Письма к брату С. И. Тургеневу. М.; Л., 1936. С. 200). В конце 1812-го или в начале 1813 г. Н. И. Тургенев, поступивший в 1812 г. в Комиссию составления законов, был назначен русским комиссаром Центрального административного департамента союзных правительств, во главе которого стоял прусский государственный и политический деятель барон Генрих Фридрих Карл фон Штейн, известный своими антинаполеоновскими взглядами, и уехал в Германию. Н. И. Тургенев вернулся в Россию только в октябре 1816 г. (РА. 1871. Т. 3. Стб. 1963). См. об этом: *Вишницер М. Л.* Барон Штейн и Николай Иванович Тургенев // *Минувшие годы.* 1908. Вып. X.

158.

А. П. Киреевской (Елагиной)

(С. 239)

Автограф неизвестен.

Копия неизвестна.

Впервые опубликовано: РС. 1883. № 2. С. 445, с пометой: «1814 г., должно быть, в мае. Чернь».

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: 10—12 <?> июня 1814 г.

Датируется по сообщению о затянувшейся поездке Воейкова, который, как писал Жуковский в письме к А. П. Елагиной от 5 мая 1814 г., должен был вернуться «в половине» июня. В письме речь идет о женитьбе Воейкова на Саше Протасовой, против которой высказывались А. Н. Арбенева и ее сестра М. Н. Свечина, опиравшиеся на негативные слухи о нем в Москве.

¹ Николай Петрович Свечин, муж М. Н. Свечиной, белевский предводитель дворянства.

² Мария Алексеевна Черкасова.

³ Это письмо Жуковского к Н. П. Свечину не сохранилось.

159.

А. П. Киреевской (Елагиной)

(С. 240)

Автограф неизвестен.

Копия неизвестна.

Впервые опубликовано: РС. 1883. № 2. С. 437, с пометой: «1814, конец апреля или начало мая. Муратово».

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: 10—15 <?> июня 1814 г.

Написано Жуковским сразу же после приезда из Долбина, по-видимому, в Чернь (поэтому в нем не говорится о Протасовых). Ожидание близкого возвращения Воейкова, который должен был вернуться «в половине» июня (см. письмо к А. П. Елагиной от 5 мая 1814 г.), служит основанием для датировки письма. Вместе с Воейковым Жуковский надеялся ехать к П. И. Протасову (об этом идет речь и в следующем письме к Елагиной), однако вынужден был отправиться без него и позднее. Эта поездка описана им в письме к М. А. Протасовой от 28—29 июня 1814 г., где называются населенные пункты по дороге южнее (после) Орла. Предполагаемой попутчицей, но лишь до Орла, он называет в письме от 10—15 <?> июня Марию Николаевну Свечину. Южнее Орла находилось и имение И. В. Лопухина Воскресенское. Поездка к Протасову и Лопухину, о которой говорится в письме от 10—15 <?> июня, была, по-видимому, отложена, а вскоре приехал и долгожданный Воейков (см. письмо к А. П. Елагиной от 15—20 <?> июня 1814 г.).

¹ В письме к А. И. Тургеневу от 5 мая 1814 г. из Черни Жуковский писал: «Он отсюда уехал <...>. Я писал к тебе об этом, чтобы выхлопотать ему отсрочку. Опять повторяю свою просьбу».

² Павел Иванович Протасов, дядя Маши и Саши Протасовых, привлекал Жуковского не только как исключительно авторитетный в протасовском кругу человек. Он хотел получить от него сведения об устройстве брака одной из его племянниц, гр. А. П. Толстой: трое из четырех родителей этой супружеской четы были Протасовыми (см. письмо Жуковского к М. А. Протасовой от 9—15 <?> июля 1814 г., примеч. 7).

³ Речь идет о романе английской писательницы Регины Марии Рош, переведенном на русский язык под названиями «Дети Аббатства» (изд. 1802—1803) и «Дети Донретского аббатства» (1805).

⁴ Имеется в виду отдельное издание оды Н. М. Карамзина «Освобождение Европы и слава Александра I. (Посвящено московским жителям)», вышедшее в 1814 г.

⁵ Вяземский находил, что стихи оды Карамзина «сильны», «богаты и мыслью, и выражением»: «У Вас в Петербурге и понятия не имеют о таких стихах» (ОА. Т. 1. С. 22, 24). Судя по словам: «Уж не ошибся ли я? Еще раз перечитаю. Увидим», ода Карамзина не вызывала восторга Жуковского.

160.

А. П. Киреевской (Елагиной)

(С. 240)

Автограф неизвестен.

Копия неизвестна.

Впервые опубликовано: РС. 1883. № 2. С. 446—448, с пометой: «(Чернь. В июне 1814 г., писано в Долбино)».

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: 15—20 (?) июня 1814 г.

Написано Жуковским, по-видимому, в Муратове, где он «принят был прекрасно» Е. А. Протасовой. Встреча с Воейковым, вернувшимся из длительной поездки, произошла, вероятно, в Черни, после чего («Я поехал было провожать Воейкова только до Муратова...») Жуковский, неожиданно для себя, водворился в протасовском доме. Выражение «Муратовские здесь», относящееся к семейству Протасовых, можно связать с их недавним возвращением или с ярмарки, или от кого-то из дружески-родственного круга. Письмо является ответом на недатированное письмо Елагиной, где она пеняла ему на скорый отъезд из Долбина и предупреждала о сложности общения с П. И. Протасовым («...боюсь для Вас этого воздуха!» — Переписка Ж. и Елагиной. С. 42). На ее слова об «одной капле», которая «эту пустоту <...> переполнит», Жуковский ответил в данном письме: «Напрасно боялись вы капли, которая мою пустоту может переполнить. Ничто не может взволновать в моей душе того, что в ней начало укладываться».

¹ «Милые дружки» — Авдотья Петровна и ее сестры Анна и Екатерина (Като).

² О планировавшейся поездке к П. И. Протасову см. письмо к А. П. Елагиной от 10—15 <?> июня 1814 г. В конце концов, Жуковский поехал к Протасову один. О том, что Жуковскому будут рады в его доме, сообщила, по-видимому, М. А. Протасова, которая гостила у Павла Ивановича в мае.

³ Суринамские планы — каламбурное обыгрывание названия деревни Сурьянино, принадлежавшей Е. А. Протасовой. В «Стихах, читанных в Муратове на новый 1814 год» говорится: «И будет Суринам — // Убежище веселья, // Меж дела и безделья // Промчатся годы там». Подробнее об этом см.: ПССиП. Т. 1. С. 644—645. Комментарий О. Б. Лебедевой. По поводу того, кто был владельцем Сурьянова (Сурьянинова), «села верстах в 25-ти от Муратова» (РС. 1883. № 2. С. 446), существуют разные точки зрения: одни считают его владельцем А. А. Плещеева, другие — Г. П. Апухтина. Вероятно, Е. А. Протасова купила его в 1813 г., но через полтора года

перепродала А. Д. Юрасовской (*Власов В. А. Дворянская усадьба Бунино. Орел, 2006. С. 50*). «Сурьяновские планы» строились в связи с совместным будущим Жуковского и Маши Протасовой. «Одним этим словом, что тут *всё слажено*, — писала Елагина Жуковскому в середине мая 1814 г., — Вы заставили меня воротиться в Сурьяново и принять ответ за блаженство!» (Переписка Ж. и Елагиной. С. 38).

⁴ Стих 141 из послания «Тургеневу, в ответ на его письмо» (1813) (ПССиП. Т. 1. С. 285).

⁵ По-видимому, об этом несохранившемся письме Жуковского к М. Н. Свечинной, написанном у Лопухина в последних числах апреля 1814 г., идет речь в письме к А. П. Елагиной от середины мая 1814 г.

⁶ П. И. Протасов (см. примечания к письмам М. А. Протасовой от 21 и 28 июня 1814 г.).

⁷ Елагина намеревалась продать лес, о чем извещала Жуковского в письме от середины мая 1814 г. (Переписка Ж. и Елагиной. С. 38). По-видимому, какая-то деревня из принадлежавших Елагиной была заложена в Опеке, которая в таких случаях накладывала запрещение на продажу части имения.

⁸ Алексей Сергеевич Бунин, родственник Елагиной.

⁹ Иван Никифорович Гринев (см. примеч. 1 к письму к А. П. Елагиной от 22 мая 1814 г.).

¹⁰ Чайковские Иван Иванович и Мавра Алексеевна (урожд. Плещеева), родственники черненских Плещеевых.

¹¹ Неизвестно, кого из Юшковых здесь имеет в виду Жуковский.

¹² Жуковский рассчитывал на займ у Елагиной из денег от продажи леса.

¹³ В несохранившемся письме Н. П. Свечина к Е. А. Протасовой речь шла о Воейкове и необходимости отсрочить его женитьбу на Саше Протасовой. Жуковский был знаком с письмом по копии, которая была сразу же ему послана (см. письмо Жуковского к А. П. Елагиной от 10—12 <?> июня 1814 г. и примечания; см. также примечания к письму к Н. П. Свечину от весны (март?) 1813 г.).

¹⁴ Это письмо Жуковского к Н. П. Свечину не сохранилось. Вероятнее всего, он возражал Свечину, защищая Воейкова. В данном письме Жуковский пересылает «новый экземпляр» этого письма в Долбино, прося Елагину выслать его назад в Муратово Е. А. Протасовой.

¹⁵ Елена Ивановна Черкасова, одна из трех дочерей И. П. и М. А. Черкасовых. Подробнее см. примечания к стихотворению «В альбом баронессе Е. И. Черкасовой» (ПССиП. Т. 1. С. 696—697. Комментарий О. Б. Лебедевой).

¹⁶ Володьково, имение барона И. П. Черкасова.

¹⁷ В тексте РС было напечатано: «...скажу я с Варланскою <?>!», с примечанием: «Может быть, Варламскою — неразборчиво» (1883. № 2. С. 447). Несомненно, имелся в виду Варлашка (Варлам Акимыч; ум. ок. 1822), юридический, живший в имении Буниных. Как вспоминал А. П. Петерсон, «...в соседнем селе Мишенском жил еще тогда дурак Варлам Акимыч, или Варлашка, — не остряк, не шут, а просто дурак совершенный, который в наше время возбуждал бы сожаление и отвращение, а тогда и священник села забавлялся исповедовать его и выслушивать грехи его: ли-

ловые, голубые, желтые и т. п. Одет Варлашка был в кофту или камзол, оканчивающийся юбкою, наглухо шитою, и весь испещрен петухами и разными фигурами» (Ж. в воспоминаниях. С. 148). По воспоминаниям А. О. Смирновой-Россет, и позднее «Жуковский любил рассказывать про дурака Варлашку...» (Там же. С. 241).

¹⁸ Васа, возможно, Василий Андреевич Проташинский, побочный сын А. И. Протасова. Сергей — лицо неустановленное.

¹⁹ Речь идет о советнике Орловской губернской уголовной палаты и одновременно секретаре губернского предводителя дворянства Николае Ивановиче Клушине (см.: Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1818: В 2 ч. Ч. 2. СПб., 1818. С. 179, 180). Как явствует из писем М. А. Протасовой к А. П. Елагиной, его имя обрело почти символический смысл, выражая дух бюрократизма и власти. «Ты меня называешь Клушиным, — пишет она 28 апреля 1815 г., — нет, Дунька, даже и туда не гожусь! отдай скорей в уголовную палату» (УС. С. 143).

²⁰ Лекарство предназначалось Екатерине Петровне Юшковой (в замуж. Азбукиной), родной сестре Елагиной, которую в семейном кругу звали Като или Катошей.

²¹ Василий Андреевич Азбукин, выйдя в отставку, вернулся в конце 1814 г. в родные края (см.: Переписка Ж. и Елагиной. С. 51). О трех орденах, полученных им за «службу Отечеству», упоминала и Елагина в письме к Жуковскому от 9 ноября 1815 г. (Там же. С. 126); это было важное обстоятельство, поскольку Азбукину предстояло хлопотать о получении дворянства. Подробнее см. письмо к В. А. Азбукину от 18 февраля 1813 г., а также письмо Жуковского к А. П. Елагиной от 17 декабря 1815 г.

²² Растопчин (Ростопчин) Федор Васильевич, граф. В 1812 г. в мае назначен московским военным генералом-губернатором. Находился в Париже во время вступления русских войск в столицу Франции.

161.

А. И. Тургеневу

(С. 242)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 148. Л. 9.

Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 121—122.

Печатается по автографу.

Датируется: 21 июня 1814 г.

¹ А. А. Прокопович-Антонский хлопотал через Жуковского и Тургенева о месте директора Царскосельского лицея, которое освободилось после смерти В. Ф. Малиновского, но министр народного просвещения граф А. К. Разумовский считал, что Московский университетский благородный пансион много потеряет без Прокоповича-Антонского. С ним соглашался и Жуковский, о чем свидетельствуют его письма к А. А. Прокоповичу-Антонскому от 20 мая и 18 июля 1815 г. (см. ниже). Как известно, директором лицея стал Е. А. Энгельгардт.

² О своих черненских друзьях А. А. Плещеев и его жене Анне Ивановне.

³ Доктор Раймонд Фор (см. о нем примеч. 6 к письму к А. П. Елагиной от июля 1813 г.).

⁴ Павел Александрович Никольский, переводчик, критик и журналист, в 1814—1815 г. предпринял издание «Пантеона русской поэзии», куда хотел включить лучшие русские стихотворения. См.: Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. Т. 4. М., 1999. С. 324 (автор статьи Е. Э. Лямина). Публикация стихотворений Жуковского без его разрешения вызвала недовольство автора (см. письмо к А. И. Тургеневу от 1 декабря 1814 г.).

⁵ Сын П. И. Протасова, двоюродный брат сестер Протасовых, Александр Павлович Протасов, нередко упоминается на страницах дневника Жуковского. О братских отношениях с ним в это время Жуковский пишет М. А. Протасовой в письмах от 5 и 9 июля 1814 г. (ПССиП. Т. 13. С. 81—83).

⁶ Вероятно, сочинение С. С. Уварова «L'Empereur Aléxandre et Buonaparte», вышедшее в Петербурге в 1814 г. Вскоре отрывок из этого сочинения был напечатан в ВЕ (1814. Ч. 76. № 14. Июль. С. 129) в разделе «Смесь».

162.

М. А Протасовой

(С. 243)

Автограф: РО ИРЛИ. Р. I. Оп. 9. № 3. Л. 17—25.

Впервые опубликовано: Памяти Жуковского. Вып. 1. С. 145—158.

Печатается по автографу.

Датируется: 21 июня 1814 г.

Письмо записано в «синенькой книжке», на обложке (л. 15) запись «Июнь» и автограф стихотворения Жуковского «Мой друг утешительный!..» (1814); на л. 16 (вложен в «книжку») его копия рукой М. А. Протасовой (см.: ПССиП. Т. 1. С. 329, 675; Т. 13. С. 68). Первое из писем Жуковского в «синеньких книжках» — такое название он дал им в письме к М. А. Протасовой от 28 июня 1814 г.; это были маленькие самодельные тетрадки с обложкой из картона, которые, вероятно, все, в качестве писем, были переданы им Маше (описание «книжек» см.: Памяти Жуковского. Вып. 1. С. 212—213). Между тем из так называемых писем-дневников Жуковского 1814—1815 гг. далеко не все были отданы им М. А. Протасовой для прочтения. Какая-то часть дневниковых записей вновь переделывалась и переписывалась Жуковским для Маши, какая-то основывалась на другой, более ранней записи, например, в «белой книге» (см. о ней примеч. 1 к письму к А. Ф. Воейкову от 13 февраля 1814 г.). По замечанию М. Л. Гофмана, из своих дневников Жуковский переносил «большие отрывки в письма к ней», часто «почти целиком, почти без изменений» (Гофман. С. 42; здесь же см. о несохранившихся письмах Жуковского к Маше: С. 70). Подробнее о различных редакциях писем к Маше см. в примечаниях к письму Жуковского от 14 апреля 1815 г. Публикация писем-дневников Жуков-

ского к Маше за 1814—1815 гг. осуществлена в ПССиП, в т. 13 (С. 68—121). Публикация их в настоящем томе сопровождается указаниями на то, были ли данные тексты ей переданы, а если переданы, то в каком виде. Большую часть писем Жуковского к М. А. Протасовой можно назвать неотправленными письмами.

Письма Жуковского к М. А. Протасовой, до принятия ею в январе 1816 г. предложения И. Ф. Мойера, проникнуты чувством глубочайшей любви к ней. Это чувство он осознал в себе в 1805 г., когда Маше было двенадцать лет (см.: ПССиП. Т. 13. С. 15—16). Согласно традициям того времени, Жуковский впервые открыл свое чувство именно матери Маши, Е. А. Протасовой, написав к ней об этом в 1805 г., — так она утверждала в письме от 10 октября 1815 г. к П. И. и М. Н. Протасовым (брату мужа Екатерины Афанасьевны и его жене, см.: УС. С. 294—295). Жуковский получил решительный отказ со ссылкой на родственную близость, поскольку приходился Е. А. Протасовой родным братом по отцу. В последующие годы мать Маши никогда не отступала от этой позиции, пытаясь усилить ее ссылкой на церковные каноны. Однако ссылка на церковь лишь усиливала конфронтацию, поскольку друзья и многие из близких считали канон омертвевшим и поддерживали Жуковского, но не Е. А. Протасову. Мать Маши обязала Жуковского скрывать свое чувство и от дочери, и от окружающих, однако в августе 1812 г. поняла, что это обязательство было им нарушено (см.: ПССиП. Т. 1. С. 592—593). К этому времени Маша, по-видимому, уже любила Жуковского. Е. А. Протасова знала о том, что Маша увлечена Жуковским, но, как она написала об этом в упомянутом выше письме к П. И. Протасову, считала, что дочь впоследствии справилась со своим чувством.

Первое сообщение о переписке Жуковского с Машей обнаруживается в письме Воейкова к нему от 4 апреля 1823 г. Вспоминая прошедшее, он утверждал, что мать Маши обнаружила в апреле 1814 г. «любовную переписку» между Машей и Жуковским, которая, по-видимому, была уничтожена по требованию Е. А. Протасовой (см. об этом во вступительном примечании к письму Жуковского к А. Ф. Воейкову от середины апреля 1823 г., а также: Балакин А. Ю., Березкина С. В. «Разлука не развод...»: Из переписки В. А. Жуковского и А. Ф. Воейкова 1823 г. // Ежегодник РО ПД на 2015 г. СПб., 2016. С. 285, 288). Именно это обстоятельство могло спровоцировать новое объяснение Е. А. Протасовой с Жуковским (см. его письмо к А. П. Елагиной от 5 мая 1814 г.), закончившееся, как писал он в письме от 21 июня 1814 г., «изгнанием из ее дома». По-видимому, в последних числах апреля 1814 г. Жуковский надолго оставил Муратово, и его переписка с Машей приобрела более сложные, вынужденные обстоятельства формы. Первым после возвращения туда письмом Жуковского к ней было именно письмо от 21 июня (ср.: «...с тех пор как я сюда возвратился...»), с которым он ей передал и свой несостоявшийся майский дневник. Не выдержав сложных взаимоотношений в семье Маши, Жуковский вскоре снова уехал из Муратова.

¹ Автограф упомянутого майского письма-дневника: РО ИРЛИ. Р. I. Оп. 9. № 3, с надписью карандашом на обложке (л. 48): «Май». Эта самодельная «книжка», действительно преимущественно «пустая», записи Жуковского лишь в начале, на

л. 49—49 об.; большая часть их — выписки из Нового Завета, отвечающие трагизму переживаемой им ситуации, об «обителях», которые ожидают последователей Христа, по словам Его, «в дому Отца Моего», о «плачущих», «труждающихся и обремененных». Записи личного характера: «Жизнь и для счастья — в этом уверение, великая отрада. Жизнь для души! Много непонятого в судьбе человеческой, но словом: душа существует — все объясняется. Жизнь для души — не одна <нрзб.>, но жизнь, здесь и там»; «Вечность для человека: прошедшее, обратившееся в настоящее для будущего. Колумб угадал Америку, хотя и не был уверен в ее существовании, — компас и решимость. Утешение есть убийство. В потере милого <нрзб.> нельзя утешиться как в потере чело<века>. Красота есть то же <нрзб.>, что бессмертия» (Памяти Жуковского. Вып. 1. С. 212—213). В конце письма от 21 июня 1814 г. Жуковский просил Машу заполнить пустую «книжку», но это сделано не было, лишь в середине отмечена карандашом дата «13 июля» и вложен засушенный «цветочек» (Там же).

² Далее Жуковский приводит две цитаты из своего письма, адресованного М. Н. Свечиной, но содержавшего, видимо, из-за внешних трудностей, и письмо к Маше (см. ниже в тексте письма: «Где бы я ни был ~ сделать тебя достойною!»); письмо не сохранилось, написано в мае—июне 1814 г.

³ «Кольцо разломанное» символизировало потерю друга — такое объяснение дается в популярнейшем соннике, известном под именем «Мартын Задека» (1-е изд. — 1800; см. также: Новый сонник, или Истолкование снов, по алфавиту... СПб., 1817. С. 124).

⁴ Это письмо неизвестно.

⁵ Жуковский по-разному именовал Е. А. Протасову в письмах, чаще всего мамочкой, иногда тетушкой. Когда же в апреле 1815 г. Жуковский согласился называть ее сестрой, то это значило для него отказ от претензий на руку Маши. При этом он не выражал в письмах сомнений в родстве с Е. А. Протасовой, хотя его к этому и подталкивали (например, А. Ф. Воейков), а лишь указывал на отсутствие юридических свидетельств о нем. Обратив на Екатерину Афанасьевну именование «сестра», Жуковский так же стал называть в 1815 г. и Машу.

⁶ А. П. Киреевская особенно активно участвовала в борьбе Жуковского за брак с Машей Протасовой. Как явствует из письма Е. А. Протасовой к ней, она умоляла ее дать согласие, предлагая взять грех за него на себя и отмолить его в монастыре (УС. С. 290—292). Жуковский высоко ценил ее самопожертвование и считал имение Киреевских Долбино своим домом.

⁷ Речь идет о немецком поселении в Саратовской губернии, которое описывал в своих произведениях А. Ф. Воейков, посетивший его в 1813 г. (см. примеч. 1 к письму к А. Ф. Воейкову от сентября 1813 г.). По-видимому, после объяснения с Е. А. Протасовой Жуковский намеревался уехать в Сарепту.

⁸ Петербургская жизнь Жуковского неразрывно связана с хлопотами А. И. Тургенева по обеспечению его материального положения. Благодаря его усилиям поэту особым рескриптом от 30 декабря 1816 г. была назначена пенсия за заслуги в области развития российской словесности, а с 1817 г. он получил должность учителя при царском дворе. «Назначение на новую должность привязало Жуковского к Пе-

тербургу, но по существу жителем столицы он стал уже раньше, в 1815 г.» (Ж. в Петербурге. С. 119).

⁹ Имеется в виду не оправдавшаяся надежда на содействие Воейкова в устройстве брака Жуковского с Машей. См. письма к А. Ф. Воейкову от 10—12 <?> июля, 19—20 <?> июля, 10 сентября 1814 г. и примечания к ним.

¹⁰ Жуковский пишет о докторе Р. Форе и его «предписаниях» в связи со слабым здоровьем Маши (см.: ПССиП. Т. 1. С. 646—647; Т. 13. С. 63, 66, 469).

¹¹ Об участии Александра Павловича Протасова, двоюродного брата Маши Протасовой, сына ее дяди Павла Ивановича Протасова, Жуковский мог узнать из какого-то письма. В конце июня он побывал в имении Протасова, находившемся в селе Нетрубеж.

¹² О скором приезде А. П. Протасова в Петербург речь идет и в письме Жуковского к А. И. Тургеневу от 21 июня 1814 г.

¹³ Приезд А. Н. Арбеновой ожидался в связи с близящейся свадьбой Саши Воейковой. О ее письменных «увещаниях», совпадающих с позицией Е. А. Протасовой относительно сватовства Жуковского к Маше, см. в его письмах к А. П. Елагиной от 16 апреля 1814 г. и к А. И. Тургеневу от 5 мая 1814 г.

¹⁴ Возможно, именно об этом письме М. Н. Свечиной идет речь в письме Жуковского к А. П. Елагиной от конца мая или начала июня 1814 г., а затем в ответе ему Елагиной (см.: Переписка Ж. и Елагиной. С. 36—37).

¹⁵ Выборка стихов из седьмой песни поэмы К. М. Виланда «Оберон». Комментируя принцип отбора материала, связанного с историей любви героев поэмы, Гюона и Аманды, А. Н. Веселовский акцентирует его автобиографический характер (Веселовский. С. 187). По словам Н. Б. Реморовой, «Строки Виланда звучат в унисон с рассуждениями Жуковского и Марии Андреевны о счастье, которое может дать уже одно сознание своей нужности другому, своей причастности к судьбе другого» (БЖ. Ч. 2. С. 344).

¹⁶ Это письмо Маши и ответ на него Жуковского неизвестны.

163.

М. А. Протасовой

(С. 252)

Автограф: РО ИРЛИ. Р. I. Оп. 9. № 3. Л. 27—29.

Впервые опубликовано: Памяти Жуковского. Вып. 1. С. 159—164.

Печатается по автографу.

Датируется: 28 июня 1814 г.

Записано в «синенькой книжке», на обложке (л. 26) заголовок «Июль» и автограф второй строфы (с разночтениями в ст. 9 и 15) стихотворения Жуковского «Песня» («О милый друг! теперь с тобою радость...», 1811) (см.: ПССиП. Т. 1. С. 165, 558 (автограф не учтен); Т. 13. С. 77).

О самодельных «синеньких книжках» см. вступительное примечание к письму Жуковского М. А. Протасовой от 21 июня 1814 г., где сообщалось о его намерении покинуть Муратово. Целью новой поездки было посещение П. И. Протасова, который мог оказать влияние на Е. А. Протасову (в конце концов, он и направил ей письмо такого рода, но произошло это лишь в сентябре 1815 г. — см. письмо к М. А. Протасовой от 27—28 ноября 1815 г. и примечания). Путь Жуковского совпадал с тем, которым Екатерина Афанасьевна и обе ее дочери проследовали в мае—июне во время поездки в свое имение Троицкое (ср.: «Я еду по вашим следам...»). Их поездка была приурочена к Курской Коренной ярмарке — в 1814 г. она открылась 29 мая (см. письмо Жуковского к А. П. Елагиной от 22 мая 1814 г., где говорится, что в Муратове «никого нет», а М. Н. Свечина «завтра же едет на ярмарку»). Письма Жуковского, написанные во время этой поездки, наполнены упоминаниями тех мест, в которых незадолго до этого побывала Маша.

¹ О селениях, через которые ехал Жуковский, см.: *Агошков В. И.* Малоархангельские истоки. Орел; Малоархангельск, 1999. С. 78, 89, 93. Крылов — лицо неустановленное.

² Имеется в виду приток Оки Мезенка.

³ Ср. в стихотворении Жуковского «К самому себе» (1813): «...твой утешительный гений!» (ПССиП. Т. 1. С. 292).

⁴ Мария Ильинична Несвицкая. Рассказ о разводе княгини с мужем, князем Дмитрием Михайловичем, содержится в книге И. М. Долгорукова ««Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни» (1818).

⁵ Грандиссон, безукоризненно добродетельный герой одноименного романа английского писателя С. Ричардсона, иронически соотнесен с Н. И. Вельяминовым, мужем покойной Натальи Афанасьевны, урожденной Буниной, которая Маше Протасовой приходилась теткой, а Жуковскому — родной сестрой по отцу. Поскольку Маша не могла не знать тайн семейства Буниных, можно предположить, что сообщение о встрече Жуковского с Несвицкой было для нее новым.

⁶ Жуковский неоднократно варьировал эту мысль — см., например, его письмо к А. Ф. Воейкову от 10—12 июля 1814 г. (примеч. 17) и письмо к императору Николаю I от начала июля 1840 г. (Памяти Жуковского. Вып. 1. С. 57).

⁷ Иванов, соискатель руки Маши, сведений о нем не имеется.

⁸ О несостоявшемся майском дневнике Жуковского см. его письмо к М. А. Протасовой от 21 июня 1814 г. и примечания.

164.

М. А. Протасовой

(С. 255)

Автограф: РО ИРЛИ. Р. I. Оп. 9. № 3. Л. 29 об. — 30 об.

Впервые опубликовано: Памяти Жуковского. Вып. 1. С. 164—166.

Печатается по автографу.

Д а т и р у е т с я: 29 июня 1814 г.

Записано в «синенькой книжке», на обложке (л. 26) заголовок «Июль» (см. вступительное примечание к письму от 28 июня 1814 г.). О «синеньких книжках» см. вступительное примечание к письму Жуковского М. А. Протасовой от 21 июня 1814 г.

¹ Сочинение К. М. Виланда «Сократ беснующийся, или Диалоги Диогена Синопского» («Sokrates Mainomenos, oder die Dialogen des Diogenes von Synopre», 1770). По замечанию Н. Б. Реморовой, подробно проанализировавшей характер чтения Жуковского, размышления немецкого просветителя «задевают глубоко личные струны сердца, заставляя вновь и вновь думать о предрассудках, вставших на пути его личного счастья» (Реморова. С. 96).

² Известно лишь одно письмо Жуковского к И. В. Лопухину от 24 августа 1809 г. (см. наст. изд.), но никаких размышлений о предвидении в нем нет. Развиваемые Жуковским мысли о предвидении и предопределении соотносятся с учением о «чистой религии», основанной на разуме и моральном долге (Кант, Лессинг, В. Гумбольдт, Гёте, Шиллер).

³ Ст. 98—104 «Послания к Плещееву. В день Светлого Воскресения» (1812), с рядом вариантов (см.: ПССиП. Т. 1. С. 178; автограф не учтен).

165.

М. А. Протасовой

(С. 256)

Автограф: РО ИРЛИ. Р. I. Оп. 9. № 3. Л. 30 об. — 31 об.

Впервые опубликовано: Памяти Жуковского. Вып. 1. С. 166—168.

Печатается по автографу.

Д а т и р у е т с я: 5 июля 1814 г.

Записано в «синенькой книжке», на обложке (л. 26) заголовок «Июль» (см. вступительное примечание к письму М. А. Протасовой от 28 июня 1814 г.). О самостоятельных «синеньких книжках» см. вступительное примечание к письму Жуковского ей же от 21 июня 1814 г.

¹ Нетрубезж, имение Павла Ивановича Протасова, где Жуковский общался и с его сыном Александром Павловичем. Поездка была связана с поиском союзников в матримониальных планах Жуковского. В письме он упоминает впечатления от приезда туда Маши Протасовой с матерью и сестрой в конце мая—июне.

² Жена П. И. Протасова, Мария Николаевна (урожд. Новосильцева).

³ Катерина Яковлевна, лицо неустановленное.

166.

М. А. Протасовой

(С. 258)

Автограф: РО ИРЛИ. Р. I. Оп. 9. № 3. Л. 31 об. — 37.

Впервые опубликовано: Памяти Жуковского. Вып. 1. С. 168—176.

Печатается по автографу.

Датируется: 9—15 <?> июля 1814 г.

Записано в «синенькой книжке», на обложке (л. 26) заголовок «Июль» (см. вступительное примечание к письму к М. А. Протасовой от 28 июня 1814 г.). О самодельных «синеньких книжках» см. вступительное примечание к письму Жуковского к М. А. Протасовой от 21 июня 1814 г. Письмо начато 9 июля в Котовке, по дороге из Орла (там Жуковский останавливался, по-видимому, в доме П. И. и М. Н. Протасовых), в обществе его сына А. П. Протасова, и закончено в Муратове после свадьбы Саши Протасовой и Воейкова (она состоялась 14 июля; см. в письме: «...когда я стоял в церкви и смотрел на нашу милую Сашу...»). Из Орла Жуковский выехал 8 июля 1814 г.

¹ Путешествие за границу с Александром Павловичем Протасовым не состоялось.

² А. П. Протасов был автором книги «Обозрение истории римского права со времен Ромула до издания вновь исправленного Василикона императором Константином Порфирородным» (СПб., 1809), о которой с похвалой отзывался Н. М. Карамзин.

³ Имеется в виду отъезд в Дерпт семейства Е. А. Протасовой, связанный с получением А. Ф. Воейковым места профессора Дерптского университета. Протасова посчитала возможным разрешить Жуковскому ехать за ними в Дерпт, но при условии проживания его в другом доме (см. далее в письме: «Как быть у вас только терпимым; иметь только приют — уехать, с вами видаться, но не жить у вас»).

⁴ Иванов, претендент на руку Маши.

⁵ Письмо Жуковского к Е. А. Протасовой от марта 1811 г. не сохранилось.

⁶ Имеются в виду последние числа июня — 8 июля 1814 г.

⁷ У графини Анны Петровны Толстой, жены графа Варфоломея Васильевича Толстого, оба родителя (мать, естественно, до замужества) носили фамилию Протасовых (отец с титулом графа). Урожденной Протасовой была еще и мать графа Толстого, Анна Яковлевна. П. И. Протасов, с которым Жуковский говорил «о свадьбе Толстого», был братом матери графини Толстой, Александры Ивановны (урожд. Протасовой). Вероятнее всего, именно о гр. А. П. Толстой (под аббревиатурой «А. П. Г. Т.», где третья буква должна относиться к титулу «графиня») идет речь в письме Е. А. Протасовой к П. И. и М. Н. Протасовым от 10 октября 1815 г.: «...говоря о свадьбе А. П. Г. Т., Вы <т. е. Павел Иванович> сказали: она мне племянница, что я мог сделать?.. а если бы это была дочь, я запретил бы и не допустил такого брака» (УС. С. 294).

⁸ Имеется в виду Курская Коренная ярмарка.

⁹ Мария Николаевна Свечина.

¹⁰ Просьба доверять Воейкову обращена Жуковским к Маше до того резкого ухудшения отношений поэта с Воейковым, которое пришлось на конец (не ранее 19—20) июля 1814 г. (см. письмо к А. Ф. Воейкову от этих чисел, а также от 10 сентября 1814 г.).

¹¹ «Я жив — и ты моя!» — записано как стихотворная строка. Источник цитаты неизвестен.

167.

А. Ф. Воейкову

(С. 263)

Автограф: РО ИРЛИ. № 29399. Л. 9—10 об. Б. д.

Впервые опубликовано: ЖИМ. Вып. 3. С. 356—365. Публикация С. В. Березкиной.

Печатается по автографу.

Датируется предположительно 10—12 <?> июля 1814 г.

Написано сразу же после возвращения Воейкова из поездки к А. Н. Арбеновой, по-видимому, в имение Бунино, откуда он выехал назад, в Муратово, 8—9 июля 1814 г. (см. ниже). Сам Жуковский в это время также был в поездке и вернулся из Орла в Муратово 10 июля 1814 г. (ПССиП. Т. 13. С. 82). О возвращении Воейкова Жуковский в конце письма говорит, что оно произошло «только что». Можно предположить, что письмо было написано до свадьбы Воейкова, состоявшейся 14 июля 1814 г. Письмо начинает анализ сложной истории взаимоотношений Жуковского с Воейковым в 1813—1814 гг., продолженный в письмах к нему от 19—20 июля и 10 сентября 1814 г. По-видимому, два из них, первое и второе, были переданы Воейкову Жуковским только в 1815 г. с письмом от 19—22 августа. Уже первое из них, от 10—12 <?> июля 1814 г., отражало тревогу Жуковского в связи в той ролью, которую Воейков начинает играть в доме Протасовых. Его тревожил как грядущий переезд всего семейства в Дерпт, которому он безуспешно пытался воспрепятствовать в конце зимы 1814 г., так и его поведение, в котором начало угадываться предвестие будущего несчастья Протасовых. В дневнике отразились колебания Жуковского, не терявшего окончательно надежды на брак с Машей и продолжавшего усматривать в Воейкове хотя и слабого, но союзника: «Моя последняя надежда, — писал он в июне 1814 г., — была на Воейкова. <...> Он не имеет довольно постоянства, чтобы держаться одной и той же мысли. Я боюсь быть к нему несправедливым — но кажется мне, что пылкость его и рвение более на словах, и он слишком переменчив для приведения чего-нибудь к концу. Я не сомневаюсь в его дружбе, но теперешний язык его и со мною не похож на прежний. Он прежде говорил так часто о нашей жизни вместе; теперь об этом нет и в помине» (Там же. С. 73). Письмо от 10—12 <?> июля 1814 г. позволяет заключить, что окончательное прозрение пришло к Жуковскому в самый канун свадьбы Воейкова.

¹ Имеется в виду приезд Воейкова к Жуковскому в декабре 1813 г. Нарочный (нарошный) — не случайный, сделанный с намерением (Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 2. М., 1938. С. 416).

² О поездке Воейкова в Петербург (февраль—март 1814 г.) см. письмо Жуковского к А. Ф. Воейкову от 13 февраля 1814 г. и примечания к нему.

³ Письмо И. В. Лопухина к А. Ф. Воейкову, написанное в мае или июне 1814 г. в защиту намерения Жуковского и Маши Протасовой вступить в брак, в печати неизвестно; идея появления этого письма, которое планировалось показать Е. А. Протасовой, принадлежала Воейкову (см. письмо к нему Жуковского от 10 сентября 1814 г.).

⁴ См. письмо Жуковского к А. И. Тургеневу от 30 марта 1814 г., на начальной странице которого находилось письмо к нему же Воейкова — с жарким протестом против монаха-фанатика, запугавшего А. Н. Арбенева «адскими крючками и смолю», и призывом к борьбе с ним.

⁵ Объяснение Жуковского с Е. А. Протасовой произошло в апреле 1814 г.

⁶ О встрече Жуковского и Воейкова с Плещеевыми на пути из Муратова в Орел упоминается также в письме Жуковского к А. П. Елагиной от 5 мая 1814 г. Из Муратова они выехали 2 мая 1814 г.

⁷ Письмо Воейкова к Е. А. Протасовой и ее ответ на него, написанные, по-видимому, в мае 1814 г., во время его поездки в Рязанскую губернию, в печати неизвестны.

⁸ К П. И. Протасову, дяде Маши Протасовой, Жуковский поехал в Орел один в последних числах июня 1814 г. — см. в его дневнике записи от 28 июня — 5 июля 1814 г. (ПССиП. Т. 13. С. 77—82). План этой поездки возник в связи с желанием Жуковского оказать воздействие на Е. А. Протасову (см. его письмо к А. П. Елагиной от 5 мая 1814 г.). Первоначально предполагалось, что к П. И. Протасову отправится или сам Воейков, или же они вдвоем с Жуковским (см. его письмо к А. П. Елагиной от 15—20 (?) июня 1814 г., примеч. 6).

⁹ Имеется в виду время, когда в доме Воейкова близ Девичьего поля собирались члены Дружеского литературного общества.

¹⁰ Речь идет об Авдотье Николаевне Воейковой, от которой у Воейкова был побочный сын. О надписи с упоминанием о ней на книге С. Гесснера, сохранившейся в библиотеке поэта (Описание. № 1105), Жуковский вспомнил, дав ей развернутую, уничижительную характеристику в дневниковой записи от 19—20 апреля 1815 г., обращенной к Маше Протасовой. В этой записи он подчеркивал то презрение, которое обрушил Воейков на Авдотью Николаевну после своей женитьбы. По мнению Жуковского, «тогда <т. е. в 1814 г.> это было написано для того, что он имел намерение переселить ее к нам в дом» (ПССиП. Т. 13. С. 109—110, 478).

¹¹ Ср. в дневниковой записи от 19—20 апреля 1815 г., где Жуковский назвал «святоотцством» то, что Воейков «некогда употреблял *Религию* как средство получить» ему потребное (Там же. С. 108).

¹² Какое именно стихотворение Воейкова 1814 г. — вольное, с антирелигиозными мотивами, имеет в виду Жуковский, не установлено.

¹³ «День» Казанской иконы Божией Матери празднуется в церкви два раза в год — 8 июля и 22 октября (по ст. ст.). Поскольку Воейков обещал Арбеновой в связи с праздником «промешкать один день», можно предположить, что он таким образом продлил «здесь», т. е. в ее имени, свое пребывание.

¹⁴ Тартюф, герой комедии Мольера «Тартюф, или Обманщик» (1664).

¹⁵ Авдотья Петровна Елагина.

¹⁶ Имеются в виду семь Вселенских соборов (IV—VIII вв.), давших церкви догматическо-каноническое устройство. Согласно решению VI Вселенского (Константинопольского) собора, «аще кто совокупляется в общение брака со дочерью брата своего» (или, соответственно, сестры), подвергается семилетней епитимии и расторжению «беззаконного супружества».

¹⁷ По-видимому, эта выписка («Самая верная дорога к цели есть *прямая*») сделана Жуковским из собственной дневниковой записи от 28 июня 1814 г. (ПССиП. Т. 13. С. 79), где, рассуждая о «самой верной дороге», он отрицает те средства, которые связаны с хитростью и обманом (см. также примеч. 6 к письму к М. А. Протасовой от 28 июня 1814 г.).

168.

Д. А. Кавелину

(С. 266)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 109. Л. 3.

Впервые опубликовано: РА. 1900. Кн. 3. № 9. С. 31.

Печатается по автографу.

Датируется: 18 июля 1814 г.

¹ О Фриофе см. примеч. 9—10 к письму к А. Ф. Воейкову от 20 февраля 1814 г., а также письмо к А. И. Тургеневу от 24 марта 1814 г.

² Речь идет о «Собрании образцовых русских сочинений и переводов, изданных Обществом любителей отечественной словесности» (Ч. 1—12. Пб., 1815—1817). В этом предприятии, кроме Жуковского и Кавелина, принимали участие А. Ф. Воейков, Д. В. Дашков, К. Н. Батюшков, Д. Н. Блудов, А. И. Тургенев и М. Д. Костогоров.

169.

А. Ф. Воейкову

(С. 267)

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 244 (Онегинский архив). № 29399. Л. 1—1 об.

Впервые опубликовано: Ежегодник РО ПД на 1980 г. Л., 1984. С. 85—87. Публикация Р. В. Иезуитовой.

Печатается по автографу.

Датируется: 19 июля 1814 г.

Письмо от 19 июля 1814 г., по-видимому, предназначалось для журнала (дневника особого типа) Жуковского: такие журналы вели члены муратовского кружка, обмениваясь ими и показывая их друг другу. Приписка «NB» могла появиться или в тот же день, или немного позже: она меняла характер первоначальной записи, отменяя ее адресацию и превращая в дневниковую по сути. Письмо могло быть передано Воейкову позднее, в числе тех трех писем, которые были приложены Жуковским к письму от 19—22 августа 1815 г.

Письмо продолжает обсуждение сложной истории взаимоотношений Жуковского с Воейковым в 1813—1814 гг. (см. письма к нему от 10—12 июля и 10 сентября 1814 г.). Написано оно вскоре после свадьбы Воейкова, состоявшейся 14 июля. «...Я стоял в церкви и смотрел на нашу милую Сашу <...> мне казалось сомнительным ее счастье...» — писал Жуковский, обращаясь к Маше Протасовой (ПССиП. Т. 13. С. 84; о сомнениях самой Саши Протасовой того периода см. в письмах Жуковского к Маше от 25 декабря 1815 г., а также М. А. Мойер к А. П. Елагиной от 1 июля 1819 г. — УС. С. 225). После свадьбы Жуковский сделал запись о каком-то бурном разговоре Маши с матерью, о котором ему сообщил Воейков: «Сей час мы говорили с Воейковым, — обнялись, плакали и дали друг другу слово в братстве от сердца. Друг мой — будь с ним искренна, ищи в них обоих подпоры и *верь* им. <...> Я боялся одного — чтобы не захотели делать насилия твоему сердцу. Саша и Воейков ручаются за его сохранение. Я просил Воейк<ова> как друга, как брата, быть твоим помощником, твоим утешителем» (ПССиП. Т. 13. С. 86). Таким образом, те резкие письма, которые Жуковский пишет в это время Воейкову, не передавались ему еще и потому, что у него оставалась надежда на его дружбу и помощь во взаимоотношениях с матерью Маши Протасовой.

Особую сложность представляла в тот момент линия поведения молодых членов семейства с Е. А. Протасовой. Специально для Воейкова Жуковским написан был такой план: «Поставить за правило угождать во всем — благодарн<ость>. <...> Средство для минут неудовольствия: вспоминать о Саше; молчать, когда не в состоянии не сказать груб<ости>; уступать или говорить свое мнение с ласкою. <...> Главное правило: любить, несмотря на неприятности, любить из благодарн<ости>, любить для Саши. Быть терпеливым в той мысли, что это спасает жизнь жены, делает счастье друзей и ее самое делает счастливою». О себе и Е. А. Протасовой Жуковский писал: «Против холодности вооружиться терпением. Отвечать молчанием, никогда грубостию. Вспоминать о Маше. Не противоречить в мнении. <...> Мысль, что она Машина мать; для этого всё сносить» (Там же. С. 62—63). В дневниковых записях за 1814 г. постоянно упоминается то глубокое оскорбление от Екатерины Афанасьевны, которое пережил Жуковский в связи с отказом в руке Маши Протасовой.

¹ О том же предложении Воейкова увезти Машу Протасову, т. е. венчаться с ней без благословения матери, идет речь в письме к нему Жуковского от 19—22 августа 1815 г.

² Видоизмененная русская пословица: «Что сказано, то свято» (*Даль В. И.* Пословицы русского народа. Раздел «Условие обман»).

170.

Е. А. Протасовой

(С. 268)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 121. Л. 3—3 об., с добавлением на л. 4. Б. д.

Впервые опубликовано: РА. 1900. Кн. 3. № 9. С. 31—34 — в составе общей подборки «Неизданные письма В. А. Жуковского. С примечаниями И. А. Бычкова», с датой: «В последней трети 1814 г.».

Печатается по автографу.

Датируется: конец июля 1814 г.

И. А. Бычков, обосновывая время написания письма, пишет в примечании 3 на с. 31: «По всему вероятно, письмо писано после того, как попытка Жуковского еще раз склонить Е. А. Протасову дать согласие на брак его с Марьей Андреевною потерпела решительную неудачу, но до получения им разрешения сопровождать семью Протасовых в Дерпт; об этом разрешении Жуковский сообщил Тургеневу в письме от 1 декабря 1814 г. (см.: ПЖТ. С. 133)». Однако содержание письма свидетельствует о том, что оно было написано сразу после отъезда Жуковского из Муратова в Чернь в конце июля — возможно, на следующий же день. О том, что письмо написано из Черни, свидетельствует и упоминание о докторе Форре, жившем в 1812—1814 гг. в имении А. А. Плещеева.

¹ Это письмо Жуковского не сохранилось.

² Раймонд Фор (см. о нем примеч. 6 к письму к А. П. Елагиной от июля 1813 г.).

171.

А. П. Киреевской (Елагиной) и А. П. Юшковой (Зонтаг)

(С. 270)

Автограф неизвестен.

Копия неизвестна.

Впервые опубликовано: РС. 1883. № 2. С. 448—451, с пометой: «31-го июля. (Чернь. 1814)»; в конце примечание переписчика, т. е. П. И. Бартенева: «На обороте: Авдотье Петровне. Писано в Муратове, где Авд<отья> Петр<овна> с сестрами оставалась после свадьбы Воейкова (14 июля). 3 августа в Черни праздник, именины или рождение Анны Ивановны. 6 августа Авд<отья> П<етровна> должна была ехать в Долбино».

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: 31 июля — 2 августа 1814 г.

По-видимому, это одно из первых писем Жуковского после того, как он, оскорбленный поведением Воейкова, уехал из Муратова, вывезя и свою библиотеку, — в знак того, что он покинул его навсегда. Написано в ответ на несохранившееся

письмо Елагиной. Вторая часть письма представляет собой приглашение приехать в Чернь на именины А. И. Плещеевой.

¹ В письмах Жуковского слово «шептун» употребляется в значении «мой гений», «мой ангел». По словам П. А. Висковатова, так «Жуковский называл в шутку Авдотью Петровну» (РС. 1883. № 3. С. 665). Наименование могло опираться на значение слова «шептун» как кудесника, знахаря, ворожеи (см.: Шептать // *Даль В. И.* Толковый словарь великорусского языка. Т. 4. С. 628—629).

² Если отклонить не лишнее, впрочем, оснований предположение о какой-то опечатке в тексте письма, то можно выдвинуть осторожную гипотезу об использовании Жуковским образа из басни Людвига Гольберга, известной в переводе Д. И. Фонвизина (вошел в его книгу «Басни нравоучительные Голберга», 1761—1765) под названием «Утки и тюлень»: в ней утки — это некие наивные созерцатели окружающего мира, довольствующиеся самыми фантастическими объяснениями происходящего в нем (*Фонвизин Д. И.* Собр. соч.: В 2 т. Т. 1. М.; Л., 1959. С. 313—314, 381).

³ Возможно, Жуковский имеет в виду письмо Е. А. Протасовой от конца июля 1814 г. или то, которое он, уезжая из Муратова, оставил Воейкову для передачи Е. А. Протасовой (не сохранилось).

⁴ Анюта (Анета), Анна Петровна Юшкова (в замуж. Зонтаг).

⁵ А. А. Воейкова.

⁶ Это письмо А. А. Воейковой не сохранилось.

⁷ Е. П. Юшкова.

172.

А. П. Киреевской (Елагиной)

(С. 273)

Автограф неизвестен.

Копия неизвестна.

Впервые опубликовано: РС. 1883. № 2. С. 451—453, с пометой: «(1814)» и примечанием П. А. Висковатова: «Без числа, но, кажется, связано с предыдущим (от 31 июля — 2 августа 1814 г.) письмом».

Печатается по тексту первой публикации.

Д а т и р у е т с я: август (?) 1814 г.

Письмо могло быть ответом на то же самое несохранившееся письмо Елагиной, как и письмо Жуковского от 31 июля — 2 августа 1814 г., или же на другое ее письмо, сходное по тональности. После отъезда Жуковского из Муратова, свидетелем которого была присутствовавшая там А. П. Елагина, в их отношении к положению Маши наметились разногласия. Если раньше Елагина сама подталкивала Жуковского к каким-то новым шагам (как, например, в письме от середины июня 1814 г.:

«Вы, верно, уже на ее счет успокоились, а мне до смерти ее жаль!» — Переписка Ж. и Елагиной. С. 43) и несмотря ни на что, была настроена оптимистично, то после свершившегося разрыва начала призывать Жуковского прежде всего к сохранению спокойствия Маши и всего протасовского семейства. Именно это обстоятельство позволяет отнести данное письмо к трудному для Жуковского августу 1814 г. Показательно, что за этот месяц не сохранилось ни одного письма Елагиной.

¹ Письмо А. А. Воейковой неизвестно.

² Это письмо Жуковского к А. П. Елагиной также не сохранилось.

³ Жуковский говорит о падшем ангеле, герое поэмы Ф. Г. Клопштока «Мессиада», из которой в ноябре—декабре 1814 г. перевел отрывок, озаглавив его «Аббадона»; замысел перевода «Мессиады» занимал Жуковского с 1806 г. (ПССиП. Т. 4. С. 9—13, 394—401).

⁴ Трое здесь (подобно «трем Ангелам небес» из стихотворения «Пловец» (1812) Жуковского) — это Е. А. Протасова с дочерьми Сашей и Машей.

⁵ Примечание П. А. Висковатова: «Слова малютки Марии Васильевны Киреевской» (РС. 1883. № 2. С. 452).

⁶ В тексте РС слово «лета» напечатано со строчной буквы, но, несомненно, имеется в виду мифологическая река Лета, воды которой стирали память о земной жизни.

⁷ Неточная цитата из письма к М. А. Протасовой от 21 июня 1814 г., ср.: «Воспоминание, святая, утешительная мысль о моем друге — пусть будет оно хранителем моего сердца. Где бы я ни был, этот ангел меня не покинет. С ним моя жизнь не может быть пустою, ничтожною жизнью. Нет, она будет *доброю* жизнью. Я чувствую в душе своей какое-то стремительное влечение к добру. Чувствую за себя и за тебя высокую твердость...» (см. наст. изд.).

173.

П. А. Вяземскому

(С. 275)

А в т о г р а ф: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1909а. Л. 2. Б. д.

Публикуется впервые.

Д а т и р у е т с я: август—сентябрь 1814 г.

Датировка предположительная: скорее всего, это письмо было написано в период, когда Жуковский окончательно покинул Муратово (июль) и еще не переселился в Долбино (октябрь).

¹ Известие о смерти сына Андрея.

² Дочь Вяземского, Мария.

174.

А. Ф. Воейкову

(С. 276)

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 244 (Онегинское собрание). № 29399. Л. 7—8. Б. г.
Впервые опубликовано: ЖИМ. Вып. 3. С. 365—373. Публикация С. В. Безкиной.

Печатается по автографу.

Датируется: 10 сентября 1814 г.

Письмо продолжает обсуждение сложной истории взаимоотношений Жуковского с Воейковым в 1813—1814 гг. (см. письма к нему от 10—12 июля и 19—20 июля 1814 г., а также примечания к ним). Писалось оно в ответ на письмо Воейкова от 4 сентября 1814 г. из Муратова (Жуковский к этому времени уже более месяца как уехал оттуда):

Надобно писать к тебе, надобно послать к тебе утешение! где возьмем мы его, с чего начать? что сказать тебе? не знаю, а писать необходимо; необходимее, нежели когда-нибудь. Покамест в твоей комнате всё оставалось по-прежнему, до тех пор нам казалось, мы верили, мы хотели уверить себя, что прежний хозяин ее отлучился ненадолго и скоро возвратится на родимое пепелище, к людям, которые его любят как брата, как друга, как человека, с которым они с малолетства привыкли вместе резвиться, расти, думать и чувствовать; как спутника, с которым прошли половину жизни, половину пути, и доброго и худого, гладкого и горестного. Несчастный друг! увозя свою библиотеку, ты отнял одно из прелестнейших наших очарований. Нет, бесценный друг муратовский и верный товарищ... братства! твоя зеленая комнатка, где мы свободно мечтали о будущем семейственном счастье, общем нашем, едином и неразделимом счастье, остается неприкосновенною до нашего возврата из Дерпта, до твоего возврата в твое семейство; кроме тебя, у ней никого не будет хозяином. Ждать тебя, готовить для тебя комнату к 20-му августа, уставлять всё на свои места, это доставило мне несколько самых приятных часов. Я всегда вхожу туда с мыслью: «здесь жил друг мой, друг Сашин, друг Машин; здесь просияла заря моего блаженства; его приятель заманила меня в Муратово; его обо мне доброму мнению я обязан Сашею; здесь будет он жить опять — с дружбою, с музами, с спокойствием и блаженством. Истинная любовь, как добродетель, сама в себе находит вознаграждение за жертвования, за лишения. И его любовь, больше нежели чья-нибудь, будет уметь вознаградить его за обладание». Мне бы хотелось, чтобы твоя комната осталась нашим общим кабинетом, работною комнатою, куда бы никто не смел войти разрушить наши мечты и помешать нам до известного часа. Сколько бы можно сделать полезного, славного!

Так, любезнейший друг и собрат! ты будешь жить вместе с нами. Никакая власть на земле не заставит нас думать, что твое удаление из Муратова вечно. Матушка обещала мне воротить тебя, когда я молил ее отдать тебе ее *доверенность*; я не смел ей сказать *любовь*, ибо она любит тебя — и любит много. Погляди мне в глаза! не сердись на ли ты? в твоей воле! Нам не привыкать видеть друг друга бешеными. Я обязан говорить тебе правду и не хочу в этом случае походить на некоторых друзей твоих, кои по бесхарактерности и по легкомыслию, или даже по ложно понимаемой дружбе, хотят тушить

пожар соломою и плачут от всей души, видя, что пожар увеличивается, а опасность становится более и более, ближе и ближе.

Не выведи, однако, из этого предисловия, что я желал бы вырвать из твоего сердца любовь твою к Маше. Да будет проклята мысль сия в самую минуту рождения! Любовь твоя есть чувство самое чистое, самое святое, самое возвышенное. Она твое богатство, гений, Слава и добродетель. И страдать от нее есть еще наслаждение, во сто раз прелестнейшее равнодушия и этой пошлой связи, какие мы видим ежедневно, которую люди хотят выдать за любовь; но которая, вопреки бесчувственным, остается землею, черною, тяжелою. Знаю многих любовников и супругов верных и страстных, и сам люблю мою Александрину горячо и нежно, люблю более своей жизни; но, право, стыжусь своей холодности, грубости и подлости, когда стану сравнивать тебя с собою. Тебе Провидение на роду написало быть во всем выше обыкновенных людей. Тридцатилетнее целомудрие, талант божественный, смирение и покорность судьбе беспримерная — друг мой! ты один достоин любви Маши единственной; твое сердце одно достойно быть алтарем этого Ангела. И мне вырывать это чувство из твоего сердца? Я бы хотел только найти средство согласить любовь твою с совестью матушки, с совестью общих родных наших. Мне бы казалось, что надобно превратить ее в дружбу, самую чистую, самую пламенную, подвязать крылья желаньям, усмирить требования и зажать рот ропоту и жалобам. Но полно! ты станешь подозревать меня в холодном непостоянстве мнений; выдумывать для себя новые муки; потому что подозревать в измене друга, с судьбою коего так тесно связана судьба твоя, — есть мучение ужаснейшее. Это я знаю по себе; мне ничего <нет> несноснее, как воображать, что мы не верим и не полагаемся один на другого: тут и радость не в радость, и любовь не в наслаждение, как прежде. Тут и в объятиях Александрины возможно быть несчастливым.

Несчастье и горесть делают тебя несправедливым; послушай языка рассудка; он скажет тебе, что моя дружба не изменилась; мое мнение постоянно; мои желанья и молитвы об одном и том же. Но обстоятельства переменились, и от того наружность говорит против меня; однако я лучше хочу быть на время виноватым перед тобою, нежели перед совестью. Время объяснит остальное; между тем скажу только одно: как могу я любить тебя меньше, когда час от часу уважаю тебя более и более? На мое уважение, на мое дружество к тебе, на мое дружество, участие, помощь и любовь к Маше можешь ты полагаться вернее, нежели на чью-нибудь. Ее счастье, твое счастье, наше счастье — есть одно и то же.

(Ж. в семье Протасовых и Воейковых. С. 226—227; Ежегодник РО ПД на 1980 г. Л., 1984. С. 87—90).

Ответ Жуковского на это письмо был отправлен Воейкову, однако ответила ему за мужа Саша (письмо не сохранилось) — см. письмо Жуковского к А. Ф. Воейкову от 19—22 августа 1815 г., в котором он с горечью упомянул об ее письме.

¹ По-видимому, имеется в виду послание Воейкова «К Екатерине Афанасьевне <Протасовой>» («Цветами счастья, ума, высоких чувств...», 1814), намекавшее на возможность брака Жуковского с ее дочерью: «...Благость щедрою десницею своей // Жуковского тебе усыновила <...> // Он нежный сын. Нет, он нежнее сыновей; // Пример почтенья, послушанья. Сын есть дар случая, а он любви твоей // И твоего избранья» (РА. 1912. № 3. С. 410). Это стихотворение, однако, было из-

вестно в Муратове не только Жуковскому, поскольку оно было записано в альбом Воейковой (см.: ПССиП. Т. 1. С. 646). Жуковский назвал послание «Документом <...> тогдашнего (*нужного для твоих выгод*) образа мыслей» и в письме к А. Ф. Воейкову от 19—22 августа 1814 г.

² См. письмо Жуковского к А. И. Тургеневу от 30 марта 1814 г., соединенное с письмом к нему же Воейкова с протестом против монаха, который запугал А. Н. Арбенева карой двум влюбленным — «адскими крючками и смолоу».

³ Речь идет о поездке Воейкова в Петербург в феврале—марте 1814 г. (см. письмо к нему Жуковского от 20 февраля 1814 г. и примечания).

⁴ О плане привлечь орловского архиерея Досифея к решению конфликта между Жуковским и Е. А. Протасовой и убедить ее в возможности брака см. письма к А. П. Елагиной от 5 мая 1814 г. (примеч. 16—17) и к А. И. Тургеневу от 30 марта и 5 мая 1814 г.

⁵ Имеется в виду письмо И. В. Лопухина к А. Ф. Воейкову, написанное в мае—июне 1814 г. и утверждавшее право Жуковского на брак с Машей Протасовой (см. письма к А. Ф. Воейкову от 13-го и 20 февраля, 10—12 июля 1814 г. и примечания к ним). Это письмо не было показано Воейковым Е. А. Протасовой.

⁶ По-видимому, Воейков приехал из Рязани в июне 1814 г.

⁷ 20 августа — день рождения А. А. Воейковой. Вероятно, обитатели Муратова предполагали приезд Жуковского.

⁸ По-видимому, именно об этом разговоре идет речь в дневниковой записи, сделанной Жуковским в конце июля 1814 г., перед его отъездом из Муратова, когда он просил Воейкова «быть только всегда на наш <его и Маши> счет неизменным во мнении» (ПССиП. Т. 13. С. 86). Тот глумливый разговор Воейкова с Машей, о котором вспомнил в письме от 10 сентября Жуковский, не попал в дневник, но, скорее всего, именно он привел к отъезду Жуковского из Муратова.

⁹ В письме к А. Ф. Воейкову от 10—12 июля 1814 г. Жуковский также упоминал о разговорах Воейкова в Муратове относительно канонических запретов, касавшихся близкородственных браков. Законы Российской империи предписывали не только расторжение такого брака, но и епитимию (Воейков говорит о пребывании в монастыре); не случайно поэтому А. П. Елагина в 1814 г. предлагала Е. А. Протасовой себя в жертву за счастье Жуковского и Маши Протасовой, намереваясь оставить свою семью и уйти в монастырь (УС. С. 290—292). В Российской империи перед венчанием свидетели ставили свои подписи в ходе так называемого брачного обыска под документом, один из пунктов которого требовал удостоверения в отсутствии у супругов близкородственной связи.

¹⁰ Это письмо Жуковского к Воейкову не сохранилось.

175.

М. А. Протасовой

(С. 279)

Автограф: РО ИРЛИ. Р. I. Оп. 9. № 3. Л. 39 (эпиграф), 40, 41, 42, 43—44. Б. д. На л. 39 об., 40 об., 41 об., 42 об. — копия рукой Жуковского письма к нему Маши Протасовой, тоже недатированного. Записано в «синенькой книжке» (см. вступительное примечание к письму от 28 июня 1814 г.), с наклеенными на обложках рисунками сепией символического содержания (их воспроизведение см.: Памяти Жуковского. Вып. 1. С. 212—213).

Впервые опубликовано: Там же. С. 180—185.

Печатается по автографу.

Датируется: 15 сентября 1814 г.

Дата этого письма Жуковского названа им в следующем его письме к Маше, от 26 сентября 1814 г. О самодельных «синеньких книжках» см. вступительное примечание к письму Жуковского М. А. Протасовой от 21 июня 1814 г. Написано в ответ на письмо Маши Протасовой (по-видимому, от 14—15 сентября 1814 г.), переписанное Жуковским на левых страницах разворота той же «синенькой книжки» (см. текст письма Маши: ПССиП. Т. 13. С. 87—90; о нем: Там же. С. 473; Веселовский. С. 177).

¹ Эпиграф: первое полустихие стиха 80 из послания Жуковского «К Филалету» (1808—1809) (ПССиП. Т. 1. С. 140).

² Ответ на упрек Маши в ее письме: «Меня огорчает чрезвычайно твоя малая доверенность к Промыслу!» и след. (Там же. Т. 13. С. 87).

³ Слова из Первого послания апостола Иоанна («Совершенная любовь изгоняет страх», 4, 18) приводятся в письме Маши, где она утверждает: «...я не буду несчастлива и не могу быть несчастливою! Добрый милостивый Отец, который *везде* со мною <...> может ли Он допустить это?» (Там же); этот настрой Маши Жуковский характеризует в своем письме как «спокойную веру».

⁴ Письмо Жуковского писалось как прощальное — в ответ на такое же прощальное письмо Маши: «...смотрю на теперешнюю жизнь, — писала она, — как на срок, который мне дан, чтобы приготовиться к счастью...» (ср. в письме Жуковского: «Готовить<ся> *в ожидании*»); здесь же называется и срок наступавшей после отъезда Протасовых и Воейковых в Дерпт разлуки — два года (Там же). Отъезд предполагался в ближайшие два дня (в письме Жуковского: «Накануне и в самый день отъезда...»), но был отложен, а вскоре было принято решение о присоединении Жуковского к семейству Е. А. Протасовой (см. письмо к М. А. Протасовой от 26 сентября 1814 г.).

⁵ Ответ на слова Маши: «Базиль, твои сочинения составят мое счастье и мою славу» (Там же. С. 89).

⁶ В письме Маши отзыв о Воейкове носит весьма сдержанный характер: «Могли ли я зависеть от Воейкова, каков бы он ни был?» (Там же. С. 87). Вероятно, Жуков-

ский говорит в письме о своем решении не переписывать для Маши то, что было им написано о Воейкове в другой тетради.

⁷ Ср. в письме Маши: «Мой друг, нужно быть выше судьбы, ты больше не похож на себя — *нужно подняться на гору, чтобы видеть царство Кашмира*. Если Бог захочет испытывать нас еще большими несчастьями, Базиль, я буду счастлива, обладая твоим сердцем; моя судьба достойна зависти» (пер. с франц.; ПССиП. Т. 13. С. 88). 12 апреля 1815 г. Жуковский записал в своем дневнике: «Всякое исполнение должности отдельно есть дорога по утесам, но кончи ее — небо над головою, а Кашемир перед глазами» (Там же. С. 98—99); то же в письме к Маше от 14 апреля 1815 г. Об образе «долины Кашемира» в творчестве Жуковского как символе земного рая см.: Там же. Т. 2. С. 597—598 (примечания О. Б. Лебедевой к стихотворению «Лалла Рук», 1821). С ним связана и картинка на обложке письма от 15 сентября 1814 г.: человек, протянув вдаль руки, стоит на горном гребне, другой карабкается к нему по крутизне. Как удалось установить И. Ю. Виноцкому, источником этого образа послужила сентиментальная повесть Бернардена де Сен-Пьера «Индийская хижина» (1790), очень популярная в России на рубеже XVIII—XIX вв. (первый русский перевод появился в 1794 г.). В частности, это следующий фрагмент: «Le malheur ressemble à la montagne noire de Bember, aux extrémités du royaume brûlant de Lahore: tant que vous la montez, vous ne vouez devant vous que de stériles rochers; mais quand vous êtes au sommet, vous appercevez le ciel sur votre tête et à vos pieds le royaume de Cachemire»^{*} См. об этом подробно: *Vinitsky I. Vasily Zhukovsky's Romanticism and the Emotional History of Russia*. Evanstone (Illinois): Northwestern University Press, 2015. P. 138—139.

⁸ Ср. в письме Маши: «Мой ангел, твоя жизнь должна быть деятельной, полезной для всех тех, кто тебя окружает <...>. Она должна быть такой и для меня. Твой пример даст мне силы и мужество» (пер. с франц.; ПССиП. Т. 13. С. 88).

⁹ Баронесса М. А. Черкасова.

¹⁰ Речь идет о воспитании детей А. П. Киреевской — сыновей Ивана и Петра, будущих славянофилов, и дочери Марии. Об этом см.: *Сахаров В. И.* Воспитание ученика (В. А. Жуковский и И. В. Киреевский) // Вопросы литературы. 1990. № 7. С. 275—280; *Долгушин Д., свяиц.* В. А. Жуковский и И. В. Киреевский. С. 38—44. Далее в письме Жуковский указывает на необходимость «чтения книг о воспитании» — для составления «писем к Дуняше о ее детях».

¹¹ Имеется в виду задуманная поэма «Владимир», создание которой Жуковский связывал с осуществлением планов совместной жизни с Машей (см. примеч. 1 к письму к А. Ф. Воейкову от 13 февраля 1814 г. и примеч. 5 к письму к А. И. Тургеневу от середины марта 1814 г.).

¹² «Белая книга» была заведена Жуковским для работы над поэмой «Владимир» (см. письмо к А. Ф. Воейкову от 13 февраля 1814 г. и примечания; см. также: К Воейкову («Добро пожаловать, певец...»), ст. 270—304 (ПССиП. Т. 1. С. 313)).

---

^{*} Несчастье подобно черной горе Бембер на границе знойного царства Лагор. Пока вы всходите на нее, вы видите перед собой лишь голые скалы, но когда вы на вершине, вы видите небо над своей головой и у ног своих — государство Кашмирское (*франц.*).

¹³ Говоря о «религии», Жуковский имеет в виду догматическую сторону христианского учения. По мнению Д. Долгушина, на него большое впечатление, с возбуждением интереса к религии, оказала поездка к И. В. Лопухину в 1814 г. (*Долгушин Д., свящ. В. А. Жуковский и И. В. Киреевский. С. 36—37*).

¹⁴ См. о ней далее: «Сделай книжку, в которую бы записывать лучшее из Святого Писания и духовных писателей».

¹⁵ О «прививках» — разного рода выписках в «журнале собственном» — речь идет и в «Плане» Жуковского 1814 г. (см.: ПССиП. Т. 13. С. 63). Образцом такого рода «прививок» своих мыслей к моральным статьям из французской «Энциклопедии» является записная книжка Жуковского «Разные замечания» 1807 г. (Там же. С. 462—463). Круг его чтения, связанный с моральной философией, обширен: это и представители немецкой «практической морали» (Гарве, Энгель), и французские моралисты (Фенелон, Дюкло, Лабрюйер, Вовенарг, Ларошфуко, «энциклопедисты»), и английские сенсуалисты (Д. Юм, Стюарт). Подробнее о характере этого чтения см.: БЖ. Ч. 2. С. 155—171; Ч. 3. С. 17—59, 138—179.

¹⁶ Т. е. в письмах А. П. Киреевской, адресованных Маше, Жуковский планировал делать сообщения о себе. План переписки строился ввиду близкого переезда Жуковского в Долбино.

176.

М. А. Протасовой

(С. 283)

Автограф: РО ИРЛИ. Р. I. Оп. 9. № 3. Л. 44—44 об. Б. г.

Впервые опубликовано: Памяти Жуковского. Вып. 1. С. 185—186.

Печатается по автографу.

Датируется: 26 сентября 1814 г.

Записано в «синенькой книжке» (см. вступительное примечание к письму к М. А. Протасовой от 28 июня 1814 г.), с наклеенными на обложках рисунками (см. вступительное примечание к письму ей же от 15 сентября 1814 г.).

¹ Имеется в виду предыдущее, более раннее письмо Жуковского к Маше Протасовой в той же «синенькой книжке».

² Стих из поэмы Виланда «Оберон», который Маша привела в письме к Жуковскому от 14—15 сентября 1814 г. (см.: ПССиП. Т. 13. С. 87, 473).

³ Жуковский говорит о времени своего отъезда из Муратова в последних числах июля 1814 г.

⁴ Т. е. после отъезда Протасовых и Воейковых в Дерпт (состоялся он, однако, только в январе 1815 г.). «О нашей будущей жизни» Жуковский начал думать после разрешения ему приехать в Дерпт вслед за ними. Ранее он готовился к разлуке с Машей на два года.

⁵ Письмо неизвестно. Видимо, с переменной настроенности Е. А. Протасовой менялись и условия переписки Жуковского с Машей: последнее, перед отъездом в Дерпт, письмо могло быть отправлено к ней не втайне.

⁶ Целью пересылки списка сочинений Жуковского Тургеневу было первое издание стихотворений Жуковского (опубликовано в 1815—1816 г.).

⁷ Жуковский приехал в Дерпт к Протасовым в марте 1815 г.

⁸ Первое упоминание о замысле послания «Императору Александру» относится к маю 1814 г.: «Я, однако, несмотря на свой паралич, подумываю иногда о послании к нашему Марку-Аврелию» (см. примеч. 6 к письму к А. И. Тургеневу от мая 1814 г.). Данное письмо наряду с письмом к А. П. Елагиной от середины сентября 1814 г. содержит одно из ранних определенных высказываний Жуковского о замысле послания «Императору Александру» (1814; о работе над ним см.: ПССиП. Т. 1. С. 722. Комментарий И. А. Поплавской). План послания был сделан поэтом в октябре 1814 г.

⁹ Речь идет о замысле перевода стихотворения Луи де Фонтана «Библия», который был осуществлен Жуковским 4—5 октября в Долбине (см. подробно: Там же. С. 684—688. Комментарий Н. В. Серебренникова).

¹⁰ Имеется в виду Авдотья Николаевна Арбенева, решительно настроенная против женитьбы Жуковского на родной племяннице.

177.

А. П. Киреевской (Елагиной)

(С. 284)

Автограф неизвестен.

Копия: РНБ. Оп. 2. № 442. Л. 1—1 об., рукой П. И. Бартенева (в составе сборника копий писем Жуковского к Елагиной), с пометой: «(Чернь. 1814. В сентябре)».

Впервые опубликовано: ЖМНП. 1869. Ч. 142. Апр. С. 424—425 (б. д.).

Впервые полностью: РС. 1883. № 3. С. 665—666, с пометой: «Вероятно, из Черни или Болхова в конце 1814 г.».

Печатается по копии.

Датируется: вторая половина сентября 1814 г.

Датируется по упоминанию о замысле послания «Императору Александру» (см.: ПССиП. Т. 1. С. 722), совпадающему с письмами, во-первых, к А. И. Тургеневу от сентября 1814 г., а во-вторых, к М. А. Протасовой от 26 сентября 1814 г.

¹ О значении слова «шептун» в письмах Жуковского к А. П. Елагиной см. вступительное примечание к письму от 31 июля — 2 августа 1814 г.

² Это письмо А. А. Воейковой к Жуковскому не сохранилось. По-видимому, оно носило примирительный характер и сгладило тяжелое впечатление от ее письма поэту, написанного в середине сентября 1814 г. в ответ на обличительное письмо Жуковского к А. Ф. Воейкову от 10 сентября. Об этом письме Саши Жуковский с горечью упомянул в своем письме к А. Ф. Воейкову от 19—22 августа 1815 г.

178.

А. И. Тургеневу

(С. 284)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 148. Л. 11—11 об. Б. д.

Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 124—125.

Печатается по автографу.

Датируется: конец сентября 1814 г.

Датируется на основании упоминания замысла послания «Императору Александру» (примеч. 13).

¹ Праздники по случаю возвращения в Россию из-за границы императора Александра I как победителя Наполеона.

² Вероятно, жена Василия Петровича Минина (1805—1874), тульского помещика, впоследствии тульского губернского предводителя. Во время пребывания в Туле 9 июля 1837 г. Жуковский записывает в дневнике: «На бале Минин с женою, дочерью Михеля...» (ПССиП. Т. 14. С. 66). В письме от 2 октября 1814 г. Тургенев сообщал: «В Лицей прямо теперь уже приема нет, а принимают в Пенсион, при Лицее учрежденный <...>. Не могу наверное сказать, успеет ли г-жа Минина приехать сюда и определить в Пенсион Царскосельский, ибо вакансии давно заняты» (Siegel. № 96. S. 260). Вероятно, это не удалось, так как Минина нет среди выпускников ни того, ни другого учебного заведения. См.: *Руденская С. Д.* Царскосельский — Александровский лицей: 1811—1917. СПб., 1999. Приложение «Словарь лицейцев и наставников». С. 481—495.

³ Письмо, в котором Жуковский послал 50 рублей и просил присылки «греческих книг» для доктора Фора (об этом см. ниже в письмах от 8 ноября и 1 декабря 1814 г.), неизвестно.

⁴ Вероятно, имеется в виду М. А. Протасова.

⁵ Цитата из оды швейцарского поэта и натурфилософа Альбрехта фон Галлера «Добродетель» («Die Tugend. Ode an den Herrn Hofraht Drollinger», 1729). См.: *Albrechts von Haller Versuch Schweizerischer Gedichte. Elfte vermehrte und verbesserte Auflage.* Bern, 1777. S. 111. Эти же стихи вспоминал Карамзин в «Письмах русского путешественника» при посещенииерна 28 августа 1789 г. Ср.: «Сидя в беседке на возвышенном месте, смотрели мы на горы, которых вершины пылали разноцветными огнями. Тут понял я Галлеров стих: Und ein Gott ist's, der Berge Spitzen röthet mit Blitzen! (Бог красит молниями венцы гор)» (*Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. С. 129). В «Росписи во всяком роде лучших книг и сочинений...» (1805) в разделе XVIII «Поэзия» Жуковский называет «Haller's Gedichte» (Резанов. Вып. 2. С. 246). А в перечне задуманных переводов и подражаний, относящемся примерно к этому же времени (РНБ. Оп. 1. № 79. Л. 8. На бумаге с водяным знаком 1804 г.), в разделе «Ода» называет снова имя Галлера (ср.: Резанов. Вып. 2. С. 254). В библиотеке поэта сохранилось отдельное издание описательной поэмы Галлера «Альпы» («Die Alpen. Von Albrecht von Haller» (Bern, 1795): Описание. № 1217)

с многочисленными пометами и записями на нижней крышке переплета, сделанными, скорее всего, позднее, возможно, во время длительного пребывания на лечении в Швейцарии (сентябрь 1832 — март 1833 г.). При посещении Муртенского замка 2 сентября н.с. 1832 г. Жуковский записывает в дневнике: «...мраморная доска с Галлеровой надписью, бывшею на прежней часовне муртенской. Жаль, что ее не утвердили на обелиске» (ПССиП. Т. 13. С. 335, подробнее об этой надписи см.: *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. С. 144). Обращение Жуковского к тексту оды Галлера представляется естественным. Ее проблематика, связанная с темой добродетели, была актуальна для русского поэта, создавшего уже в начале творческого пути два стихотворения с одним заглавием «Добродетель» (1798) (см.: ПССиП. Т. 1. С. 25—29. Можно говорить о их внутренней связи с одой Галлера «Die Tugend»).

⁶ Речь идет об Александре Павловиче Протасове. В письме от 2 октября 1814 г. Тургенев так отвечал на этот вопрос: «Протасова видел несколько раз и содействовал к его определению в комиссию законов с оставлением ему данного при отставке чина. <...> Тесная дружба между нами оттого быть не может, что нет случая сблизиться душою. Свет только разлучает и самых близких, но любить его мне никто не помешает, а когда оба созреет, к тому времени, может быть, и дружба соединит нас» (Siegel. № 96. S. 259—260).

⁷ Еще в письме от 26 июня 1814 г. Тургенев сообщал о деле Астракова: «Перевод его из одной армии в другую отсюда сделан быть не может. Это зависит от его главнокомандующего в Грузии Н. Ф. Ртищева, старинного приятеля батюшки и моего тоже. Я не знаю еще как, начать это дело и о чем мне просить его, о переводе ли или увольнении, и желает ли сего сам Астраков» (Ibid. № 92. S. 251).

⁸ После военной кампании К. Н. Батюшков возвратился в Петербург в начале июля 1814 г.

⁹ «Письмо к И. М. М<уравьеву>-А<постолу>. О сочинениях г. Муравьева» Батюшкова было напечатано в журнале СО (1814. Ч. 16. № 35. С. 87—116). Позднее прилагалось как предисловие к изданной Батюшковым книге М. Н. Муравьева «Обитатель предместья и Эмилиевы письма» (СПб., 1815) и к первому тому «Полного собрания сочинений» Муравьева (СПб., 1819).

¹⁰ Изданием сочинений М. Н. Муравьева по просьбе его вдовы, Е. Ф. Муравьевой, Жуковский занимался давно. Еще в апреле 1812 г. Батюшков упрекал его за медленность в работе: «...что ты делаешь с сочинениями Михаила Никитича? Не стыдно ли так долго держать и ничего не сделать?!» (Батюшков. Т. 2. С. 210). Подобные упреки продолжались и позднее, хотя Батюшков одобрил составленный Жуковским план издания. Подробнее см.: *Жукова Э. М. В. А. Жуковский и М. Н. Муравьев* // БЖ. Ч. 1. С. 71—104.

¹¹ У Ивана Матвеевича Муравьева-Апостола.

¹² Имеется в виду элегия Батюшкова «На развалинах замка в Швеции». Впервые опубликована в «Пантеоне русской поэзии» (Ч. 2. СПб., 1814. С. 217—233).

¹³ «Императору Александру». См. примеч. 6 к письму к А. И. Тургеневу от второй половина мая 1814 г. и примеч. 8 к письму к М. А. Протасовой от 26 сентября 1814 г.

¹⁴ Д. Н. Блудов, состоявший советником русской миссии в Стокгольме, возвратился в Петербург вместе с Батюшковым в начале июля 1814 г. В письме Жуковскому от 3 ноября 1814 г., описывая свою Одиссею, Батюшков, в частности, замечал: «Из Парижа в Лондон, из Лондона в Готенбург, в Штокгольм. Там нашел Блудова; с ним в Або и в Петербург» (Батюшков. Т. 2. С. 308).

¹⁵ Работа Жуковского над поэмой «Владимир» на сюжет из русской истории сопровождалась интенсивным изучением материалов, связанных с эпохой Древней Руси и правления Владимира.

¹⁶ С. С. Уваровым.

179.

А. И. Тургеневу

(С. 286)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 148. Л. 13—14. Б. г.

Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 125—129.

Печатается по автографу.

Датируется: 20 октября 1814 г.

Год определяется по содержанию письма.

¹ О том, что еще 17 октября 1814 г. Жуковский был в Белеве, свидетельствует роспись его произведений за октябрь (РНБ. Оп. 1. № 77. Л. 25). 20, 21 и 22 октября он провел у Черкасовых в Володькове (Там же). Письмо датируется 20-м октября на основании упоминания окончания работы над «Балладой в которой описывается, как одна старушка ехала на черном коне вдвоем...» (см. примеч. 15).

² Жуковский получил от Е. А. Протасовой разрешение ехать вместе с ее семьей в Дерпт.

³ В Москву уехала А. П. Елагина, в Тамбов — А. Ф. и А. А. Воейковы и Е. А. Протасова с Машей (см. примеч. 9 к письму к А. П. Елагиной от 1—2 декабря 1814 г.).

⁴ В Долбинскую осень 1814 г. (октябрь—ноябрь—декабрь) Жуковский написал около 60 произведений. Подробнее см.: ПССиП. Т. 1. С. 678—682 (Долбинские стихотворения. Примечания О. Б. Лебедевой); см. также: *Лебедева О., Янушкевич А.* «Жизнь мне изменяет; уцепился за бессмертие!..»: О Долбинской осени В. Жуковского // Вопросы литературы. 2015. № 4. С. 152—185.

⁵ Этот план сохранился в архиве поэта (РНБ. Оп. 1. № 78. Л. 26). Подробнее см.: Янушкевич. С. 117—119; *Поплавская И. А.* Эволюция жанра послания в творчестве В. А. Жуковского // Художественное творчество и литературный процесс. Вып. 5. Томск, 1983. С. 105—114.

⁶ 25 декабря 1812 г. появился манифест, возвещающий счастливый исход войны с Наполеоном.

⁷ День святой Цецилии (Сесилии), покровительницы духовной музыки, отмечается 22 ноября.

⁸ Перечислены известные английские поэты: Джон Драйден, Александр Поуп и Уильям Конгрив, воспевшие в своих одах этот праздник и его покровительницу. См.: «Song for St. Cecilia's Day» (1787) и «Alexander's Feast, or The Power of Music» (1697) Драйдена, «Ode for Music on Saint Cecilia's Day» (1713) Поупа, «A Hymn to Harmony written in Honour of St. Cecilia's Day» (1701) Конгрива.

⁹ По всей вероятности, речь идет об отдельном оттиске «Письма к И. М. Муравьеву»-А<постолу>. О сочинениях г. Муравьева», напечатанном в СО. Не случайно Жуковский говорит о «книжке», а указание Батюшкова к Вяземскому: «один экземпляр отправь Жуковскому» и «смотри страницу 17» (Батюшков. Т. 2. С. 301) — свидетельствует о существовании такого оттиска, ведь в СО письмо напечатано на с. 87—116.

¹⁰ Как вспоминал П. А. Вяземский, «Батюшкова между собою мы прозвали *попенькою*, потому что в лице его, а особенно в носу, было что-то птичье. Потому и Воейков в «Доме сумасшедших» посадил его в клетку» (РА. 1866. Стб. 490).

¹¹ Имеется в виду Е. Ф. Муравьева, вдова М. Н. Муравьева.

¹² О сборах в Дерпт Жуковский писал в письме к М. А. Протасовой от 26 сентября 1814 г. Семейство Воейковых и Е. А. Протасова с Машей уехали в Дерпт в январе 1815 г.; Жуковский присоединился к ним в марте 1815 г.

¹³ См. примеч. 2 к письму к А. И. Тургеневу от конца сентября 1814 г. насчет просьбы А. А. Прокоповича-Антонского о возможности занять место директора в Царскосельском лицее.

¹⁴ О переводе Григория Ильича Астракова из Грузии Жуковский начал просить Тургенева в середине марта 1814 г. (см. примеч. 2—3 к этому письму). Далее имя Астракова периодически появляется в письмах Жуковского к Тургеневу; ответ Тургенева о деле Астракова см. в примеч. 7 к письму к А. И. Тургеневу от конца сентября 1814 г.

¹⁵ Баллада «Старушка», позднее получившая заглавие «Баллада, в которой описывается, как одна старушка ехала на черном коне вдвоем и кто сидел впереди», вольный перевод баллады английского поэта Роберта Саути «A Ballad, Shewing how an Old Woman rode double, and who rode before her». Жуковский написал ее в течение четырех дней, 14, 15, 17 и 19 октября 1814 г. (РНБ. Оп. 1. № 77. Л. 25; см. также: ПССиП. Т. 1. С. 679).

¹⁶ С. С. Уваров.

¹⁷ Брошюра С. С. Уварова, посвященная известному французскому генералу Жану Виктору Моро, «Éloge funèbre de Moreau» (Spb., 1813).

¹⁸ См. примеч. 6 к письму к А. И. Тургеневу от 21 июня 1814 г.

¹⁹ По всей вероятности, княгиня Е. И. Голицына продолжала переписку с Жуковским о необходимости внести крест в русский государственный герб. См. письмо к ней от конца августа — начала сентября 1813 г. и примечания к нему.

²⁰ А. П. Протасов (см. примеч. 5 к письму к А. И. Тургеневу от 21 июня 1814 г.).

180.

П. А. Вяземскому

(С. 288)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1909. Л. 76—76 об. Б. д.

Публикуется впервые.

Датируется: первые числа ноября 1814 г.

Датируется на основании упоминания датированного письма К. Н. Батюшкова (примеч. 5).

¹ См. об Азбукине: письмо к нему от 18 февраля 1813 г., примеч. 21 к письму Жуковского к А. П. Елагиной от 15—20 (?) июня 1814 г. и письмо к А. П. Елагиной от 17 декабря 1815 г.

² См. примеч. 12 к письму к А. И. Тургеневу от 20 октября 1814 г.

³ О каких стихотворениях Вяземского идет речь, установить не удалось.

⁴ См. примеч. 2 к письму к Д. А. Кавелину от 18 июля 1814 г.

⁵ Письмо К. Н. Батюшкова от 3 ноября 1814 г.

⁶ Речь идет о подготовке к изданию наследия М. Н. Муравьева. Жуковский готовил к печати стихи. См. подробнее: *Жулякова Э. М. В. А. Жуковский и М. Н. Муравьев // БЖ. Ч. 1. С. 71—104.*

⁷ Батюшков писал по этому поводу: «Сделай маленькое предисловие <...>. “Жизнь” будет не нужна. Несколько строк твоей прозы и твое имя — вот о чем прошу тебя, жестокий!» (*Батюшков К. Н. Сочинения: В 3 т. Т. 3. СПб., 1886. С. 305.*)

⁸ Иван Матвеевич Муравьев-Апостол, двоюродный брат М. Н. Муравьева.

⁹ Жуковский просил Вяземского сшить для себя одежду по его мерке в письме от начала декабря 1813 г.; 6 января 1814 г. сообщал о том, что одежду получил.

¹⁰ «Молитва русского народа» («Боже, Царя храни!..»). В первой публикации (СО. 1815. № 48. С. 96) шла с подзаголовком «На голос: God save the King», т. е. на мелодию английского гимна «Боже, храни Короля!». См.: ПССиП. Т. 1. С. 637—638. Комментарий Н. В. Серебренникова.

¹¹ Александр Алексеевич Плещеев.

181.

П. А. Вяземскому

(С. 290)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1909. Л. 50. Б. г.

Публикуется впервые.

Датируется: 7 ноября 1814 г.

Год определяется на основании реалий письма.

¹ Речь идет о послании «К князю Вяземскому» («Нам славит древность Амфиона...»), поводом к написанию которого стал сбор средств для детей умершего московского священника. См.: ПССиП. Т. 1. С. 715—716. Комментарий О. Б. Лебедевой.

² См. письмо к П. А. Вяземскому от первых чисел ноября 1814 г.

³ «К Вяземскому. Ответ на его послание к друзьям» («Ты, Вяземский, хитрец, хотя ты и Поэт!..»). См. о его творческой истории: ПССиП. Т. 1. С. 716—717. Комментарий О. Б. Лебедевой.

⁴ Имеется в виду послание Вяземского «К друзьям» («Гонители моей невинной лени...»).

⁵ Готовые баллады — «Варвик», «Баллада, в которой описывается, как одна старушка ехала на черном коне вдвоем и кто сидел впереди», «Алина и Альсим», «Эльвина и Эдвин», «Ахилл». Три замысла — «Эолова арфа», «Вадим» и «Узник». Две «песни, от которых Феб лопнет» — программные для Жуковского послание «Императору Александру» и «Теон и Эсхин».

⁶ К. Н. Батюшков.

182.

А. И. Тургеневу

(С. 291)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 148. Л. 15—15 об.

Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 129—130.

Печатается по автографу.

Датируется: 8 ноября 1814 г.

¹ Речь идет о начале работы над посланием «Императору Александру», написанном 10—24 ноября 1814 г.

² Имеются в виду баллады «Старушка» (14, 15, 17, 19 октября), «Варвик» (24—27 октября), «Алина и Альсим» (27—30 октября), «Эльвина и Эдвин» (28—30 октября) и начатая еще в 1812 г. баллада «Ахилл» (1—3 ноября).

³ Одновременно с работой над посланием Жуковский создал «Эолову арфу» (9—13 ноября), черновой вариант «Искупления» (позднее озаглавлено: «Вадим»; вторая часть «Двенадцати спящих дев»), и стихотворение «Теон и Эсхин» (3—7 декабря).

⁴ Речь идет о памятнике над могилами Ивана Петровича и Андрея Ивановича Тургеневых на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры. Эпитафия была написана в самом начале 1819 г., но неизвестно, какая надпись была на надгробии, так как могила Тургеневых не сохранилась (см.: ПССиП. Т. 2. С. 526—527).

⁵ Павел Петрович Свинын, прозаик, журналист, историк, впоследствии издатель «Отечественных записок» (1818—1819), так же воспитанник Московского университетского Благородного пансиона. С августа 1811 г. секретарь российского генерального консульства в Филадельфии.

⁶ По всей вероятности, вышедшее в 1814 г. отдельным изданием в Петербурге сочинение «Взгляд на республику Соединенных американских областей», первоначально публиковавшееся на страницах журнала СО (1814. № 45—48). Хотя не исключено, что это была изданная в Лондоне в 1814 г. книга под названием «Sketches of Russia» с собственными рисунками автора. Учтывая, что дальше Жуковский говорит о том, что Свиньин, по слухам, «сделался славным живописцем», он мог познакомиться с его живописными опытами в этой книге.

⁷ Андрей Федорович Сухотин, товарищ Жуковского по Московскому университетскому благородному пансиону. Сведений о нем почти не сохранилось. Из письма Жуковского к А. И. Тургеневу от 31 января 1825 г. известно, что в это время он еще был жив и с ним переписывались соученики.

⁸ Свиньин в 1813 г. был направлен в Германию для сопровождения французского генерала Моро в главную квартиру русской армии, а после гибели Моро под Дрезденом был послан дикпурьером в Лондон с высочайшим соболезнованием и пенсией для семьи покойного. Эти события он отразил в своей книге «Details sur le generale Moreau et ses derniers moments suivis d'une courte notice biographique» (Paris, 1814) и в серии очерков «Переезд мой из Франции в Англию» (СО. 1814. № 39—42).

⁹ Воин Иванович Губарев, соученик и земляк Жуковского, небогатый помещик Кромского уезда Орловской губернии, помогал ему в подготовке первого собрания сочинений 1815—1816 гг., выступая в роли переписчика стихотворений Жуковского (см. также: ПССиП. Т. 14. С. 459. Примеч. 195).

¹⁰ Имеется в виду «Пантеон русской поэзии» П. А. Никольского (см. примеч. 4 к письму к А. И. Тургеневу от 21 июня 1814 г.).

¹¹ Вероятно, речь идет о следующем издании: Friedrich von Schillers sämtliche Werke. Bde 1—12. Stuttgart u. Tübingen, 1812—1815. Именно оно находится в библиотеке Жуковского (Онегинское собрание) с многочисленными пометами, записями, набросками переводов, в том числе «Перчатки» (Описание. № 2754). См. также: ПССиП. Т. 4. С. 423 (описание автографа «Перчатки» № 2). Однако все пометы в этом издании относятся к началу 1830-х гг.

183.

П. А. Вяземскому

(С. 292)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1909. Л. 49. Б. г.

Публикуется впервые.

Датируется: 10 ноября 1814 г.

Год определяется по связи содержания с предыдущим письмом тому же адресату.

¹ См. примеч. 1 и 3 к письму к П. А. Вяземскому от 7 ноября 1814 г.

² Д. В. Давыдов.

³ На чистом нижнем поле листа — рисунок Жуковского: факел с крыльями, обвитый двумя змеями и подписью: «Вместе».

184.

П. А. Вяземскому

(С. 292)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 19096. Л. 44—44 об. Б. г.

Публикуется впервые.

Датируется: 14 ноября 1814 г.

Год определяется по упоминаниям произведений Жуковского Долбинской осени 1814 г.

¹ Имеется в виду стихотворение Батюшкова «Пленный» («В местах, где Рона протекает...»).

² Предложение имело иронический характер, см. письмо к П. А. Вяземскому от 12 декабря 1814 г.

³ Подразумевается стихотворение Вяземского «Русский пленник в стенах Парижа» («На бреге Сены знаменитой...»).

⁴ Д. В. Давыдову. Речь идет о послании Вяземского «К партизану-поэту» («Давыдов, баловень счастливый...»). Далее идет речь об ошибке: вместо «так» — «там».

⁵ См. примеч. 1 к письму к П. А. Вяземскому от 7 ноября 1814 г.

⁶ Стихотворение «Библия» Луи де Фонтана. См. о переводе: ПССиП. Т. 1. С. 683—685. Комментарий Н. В. Серебrenникова.

⁷ См. примеч. 5 к письму к П. А. Вяземскому от 7 ноября 1814 г.

⁸ В. В. Измайлов был приглашен в качестве редактора ВЕ на период болезни М. Т. Каченовского, которому с 1815 г. опять было поручено издание журнала.

⁹ Этим журналом стал «Российский музей», издававшийся в 1815 г.

¹⁰ Имеется в виду микроцикл посланий Жуковского «Вот прямо одолжили», «К кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину» и вызвавшие их «Послание к кн. Петру Андреевичу Вяземскому» В. Л. Пушкина и «Ответ на послание Василью Львовичу Пушкину» Вяземского. См. о цикле: ПССиП. Т. 1. С. 699—706. Комментарий О. Б. Лебедевой.

¹¹ Вероятно, речь идет о литературно-критических фрагментах, позднее вошедших в состав некрологической статьи Вяземского «О Державине» (1816).

¹² Жуковский приехал в Москву 7 января 1815 г.

¹³ См. примеч. 5 к письму к П. А. Вяземскому от 7 ноября 1814 г.

¹⁴ В октябре 1814 г. в Москве находились сестры Юшковы — Авдотья Петровна (Киреевская-Елагина), Анна Петровна (в замуж. Зонтаг) и Екатерина Петровна (в замуж. Азбукина). Авдотья Петровна в конце октября вернулась в Долбино. См. также примеч. 7 к письму к А. П. Киреевской (Елагиной) от 1—2 декабря 1814 г.

¹⁵ Д. В. Давыдов.

185.

А. П. Киреевской (Елагиной)

(С. 295)

Автограф неизвестен.

Копия неизвестна.

Впервые опубликовано: РС. 1883. № 2. С. 453—454, с пометой: «Чернь, 1814, вероятно, в сентябре» и примечанием П. А. Висковатова: «Потому в сентябре, что здесь говорится о послании к Александру I, которое Жуковский собирается выслать Тургеневу...».

Печатается по тексту первой публикации.

Д а т и р у е т с я: 25—28 ноября 1814 г.

Датируется по сообщению о намерении Жуковского отослать А. И. Тургеневу (отослано с письмом от 1 декабря 1814 г.) послание «Императору Александру», которое было закончено им в Долбине 24 ноября 1814 г. (о датировке послания см.: ПССиП. Т. 1. С. 722), а также по обещанию в следующий раз написать Елагиной «в понедельник», т. е. 30 ноября.

¹ Анна Ивановна Плещеева; о шести детях Плещеевых, которых Жуковский упомянул в «Послании к Плещееву. В день Светлого Воскресения» (1812), см.: ПССиП. С. 568.

² Вероятно, имеется в виду музыка А. А. Плещева на стихотворение П. А. Вяземского «Русский пленный в стенах Парижа».

³ К концу 1814 г. Плещеев был автором музыки ко многим стихотворениям Жуковского. Сохранился рукописный альбом романсов Плещеева на стихи Жуковского 1815 г. (см.: РО ИРЛИ. Онегинское собрание. № 27859. Тетрадь с романсами Плещеева имеет архивную датировку «1813 год»). См.: Баллады и романсы В. А. Жуковского, положенные на музыку для фортепиано А. А. Плещеевым. СПб., 1832.

⁴ Федор Александрович Камкин, белевский почтмейстер (см.: Месяцеслов с росписью чиновных особ <...> 1814. Ч. 1. С. 303).

⁵ Польский — полонез; экосез — бальный танец типа кадрили.

⁶ Возможно, какое-то музыкальное сочинение Плещеева, связанное с ожидавшимся семейным праздником в Черни, о котором Жуковский писал Елагиной в следующем письме.

⁷ По-видимому, речь идет о письме Елагиной к Р. Фору.

⁸ Имеется в виду послание «Императору Александру», законченное Жуковским 24 ноября 1814 г.

⁹ Елена Ивановна, Мария Алексеевна Черкасовы.

¹⁰ Наталия Андреевна Азбукина.

186.

П. А. Вяземскому

(С. 295)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1909. Л. 70—70 об. Б. д.

Публикуется впервые.

Датируется: конец ноября (?) 1814 г.

Датировка предположительная — на основании упоминания тех же произведений Вяземского, о которых шла речь в предыдущих письмах к тому же адресату.

¹ См. примеч. 3 к письму к П. А. Вяземскому от 14 ноября 1814 г.

² См. примеч. 4 к тому же письму.

³ Д. В. Давыдов.

⁴ Возможно, имеются в виду заключительные стихи стихотворения «Русский пленник в стенах Парижа».

⁵ Имеется в виду басня И. А. Крылова «Пустынник и медведь» (1807) на сюжет «медвежьей услуги».

187.

А. И. Тургеневу

(С. 296)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 148. Л. 16—17 об. Б. г.

Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 130—134.

Печатается по автографу.

Датируется: 1 декабря 1814 г.

Год определяется по упоминанию произведений Жуковского Долбинской осени.

¹ Послание «Императору Александру» было закончено 24 ноября 1814 г.

² В письме к Жуковскому от 20 декабря 1814 г. С. С. Уваров писал: «*Jo, triumphe!** Прекрасно! Прекрасно! Чувства возвышенные, мысли глубокие и сильные, похвала благородная и смелая, язык поэта. Еще раз: прекрасно!.. Мы читали Ваше Послание с предубеждением, но вместе и с разборчивостью дружбы, и кроме малого числа слов и двух или трех незначащих стихов, мы всё одобрили. Мы с Тургеневым подумаем о лучшем способе представить Ваше прекрасное произведение Государыне Императрице» (РА. 1871. № 2. Стб. 0163). К. Н. Батюшков свои замечания сообщил в письме к А. И. Тургеневу от 20—21 декабря 1814 г. (Батюшков. Т. 2. С. 315—317). И хотя собрат по поэзии был более строг, чем Уваров, сделал около 20 поправок, в письме к самому Жуковскому от 29 декабря 1814 г. он восклицал, еще раз советуя прислушаться к критике: «Твое новое произведение прелестно. В нем всё благородно, и мысли и чувства. Оно исполнено жизни и поэзии, одним словом: ты наравне с предметом, и с каким предметом! И откуда ты почерпнул столько прекрасных, новых и живописных выражений? Счастливец! Чародей! Прими же чувства моей благодарности за несколько сладостных минут в жизни моей: читать твои стихи — значит наслаждаться, — а в последнем ты превзошел себя» (Там же. С. 317—318). Согласившись с частью замечаний Батюшкова, Жуковский исправил ст. 11, 23, 63, 91 в первой публикации (Отд. изд. СПб., 1815), ст. 26, 88, 92—93, 126 в С 1. Поэт также учел замечания Д. Н. Блудова и Ю. А. Нелединского-Мелецкого, изложенные в письме А. И. Тургенева от 8 января 1815 г. Об этом подробнее см.: *Ларионова Е. О.* К истории стихотворения В. А. Жуковского «Императору Александру» // РЛ. 1991. № 3. С. 75—81.

³ «Ареопагом» Жуковский называл друзей, мнение которых особенно высоко ценил: А. И. Тургенева, К. Н. Батюшкова, С. С. Уварова и Д. Н. Блудова. В послании «Ареопагу», написанном 4 января 1815 г., Жуковский в стихотворной форме отвечает на отклики и замечания друзей. См.: ПССиП. Т. 1. С. 396—400, 740—743. Примечания А. С. Янушкевича.

⁴ Тургенев исполнил это пожелание автора послания и передал его текст вдовствующей императрице Марии Федоровне. Об этом он обстоятельно рассказывает в письме Жуковскому от 1 января 1815 г., повествуя о публичном чтении послания «в комнатах ее величества и в присутствии ее, великих князей, великой княжны Анны Павловны», графини Ливен, Нелидовой, Нелединского-Мелецкого, Вилламова и Уварова» (Siegel. № 104. S. 279). В конце письма Тургенев сообщает: «Она просила меня прислать ей другую копию, которую отошлет государю. Тебе будет сама писать. Приказала поскорее приступить к изданию, самому великолепному, и возложила это на Уварова и меня. Желает, чтобы прославившийся в Париже гравер Уткин сделал виньеты, о которых уже вчера говорила Оленину. Велела напечатать поболее экз<емпляров> на веленовой бумаге, обещала взять только по одному экз<емпляру> для себя и для фамилии, да для Уварова и меня, а остальные от 1 200 все в твою пользу. Она хочет, чтобы издание было достойно и предмета, и высоты твоего Гения» (Ibid. S. 280).

---

* Ура, триумф! (*франц.*).

⁵ В архиве Жуковского (РГАЛИ. Оп. 2. № 8. Л. 1—2 об.) сохранилась копия послания «Императору Александру» с текстом посвящения императрице Марии Федоровне — в роскошном сафьяновом переплете с золотым тиснением, по всей вероятности, выполненная именно для поднесения матери имп. Александра I:

Ее Императорскому Величеству Государыне Марии Феодоровне

Воззрите с благосклонностью на произведение стихотворца, уж имевшего счастье обратить на себя снисходительные Ваши взоры.

Послание к Государю Императору, мною Вашему Величеству подносимое, есть выражение не одних чувств Поэта, но вместе и всего, что чувствует теперь народ русский... язык свободный и простой, дань благодарности, дань бескорыстного удивления.

В теперешнее время, столь славное для русского народа, всякий русский стихотворец так же обязан славить своего Царя, как и всякий, имеющий благодарное сердце, выражать свои чувства перед своим благотворителем. Ныне хвала делает более чести Поэту, нежели Царю, который не ищет ее, но творит добро потому, что иного творить не может; и не лезть приводит теперь Стихотворца к Престолу, не бедная надежда заслужить награду, но славное имя русского, но честь быть одним из тех счастливых, которые клялись в верности великому человеку, за которого жизнь отдать есть наслаждение.

Исполняя долг свой, не думаю ласкать себя надеждою, что своими стихами выразил то величие, которым мой предмет блистает; но я был уже счастлив, стараясь изобразить Его. Приношу мои хвалы не к престолу моего Царя — Он их не требует, но сердцу Его Матери — и счастлив буду, если Она найдет в моих чувствах некоторое сходство с собственными.

Благодарность за то внимание, которого Ваше Императорское Величество меня удостоили, которого я не отваживался ни надеяться, ни искать, поселила в меня эту смелость. И теперь никакой другой цели не имею, кроме этого ободрительного, столь сладостное чувство благодарности производящего, внимания. Вам угодно было удостоить меня награды — дар Священной руки Монархини сохранится в благодарной семье как памятник драгоценной милости. Но теперь, Государыня, осмелюсь сказать свободно, что, поднося мое послание Вам, Матери нашего Царя, Героя-благотворителя, желаю заслужить одно только Ваше одобрение. Как Стихотворец, я сказал вслух и весьма слабым языком то, что каждый из моих соотечественников чувствует в тайне души своей — дерзкое, но счастливое право Поэзии! и если сердце Матери-Царицы, Той, которая уже Сама с Престола склонила на меня свои милости, будет тронута голосом поэта, если мои соотечественники скажут, что я не обезобразил своими стихами их благодарность к нашему Царю за его Царские добродетели, составляющие прямую честь и драгоценнейшую собственность народа, — тогда какой счастливейшей награды желать мне останется?

Вашего Императорского Величества верноподданный

Василий Жуковский.

Это посвящение было предпослано и отдельному изданию послания (СПб.: В типографии Ф. Дрехслера, 1815).

⁶ Послание было напечатано с учетом пожеланий автора, в 4-ю долю листа.

⁷ Михаил Дмитриевич Костогоров, литератор, переводчик (см. о нем примеч. 4 к письму к А. И. Тургеневу от 31 августа 1805 г.).

⁸ П. П. Свињин (см. примеч. 5—6 к письму к А. И. Тургеневу от 8 ноября 1814 г.). Издание вышло без виньеток. В письме к Жуковскому от 8 января 1815 г. Тургенев сообщал: «Государыня разрешила нам печатать сначала без виньетов, а потом сделать великолепное издание...» (Siegel. № 106. S. 283). Второе отдельное издание послания «Императору Александру» не появилось. Но почти сразу же послание было издано в Петербурге в переводе на французский язык А. Я. Ефимовича (РБ. 1912. № 7—8. С. 206).

⁹ Вероятно, имеется в виду М. А. Протасова.

¹⁰ Андрей Тургенев.

¹¹ См. примеч. 2—3 к письму к А. И. Тургеневу от 8 ноября 1814 г.

¹² В Долбинскую осень 1814 г. Жуковский написал цикл из трех посланий «К кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину» (см. подробнее: ПССиП. Т. 1. С. 699—706. Примечания О. Б. Лебедевой). Кроме того, 7—9 ноября им были сочинены еще два послания, обращенные персонально к П. А. Вяземскому: «Нам славит древность Амфиона...» и «Ты, Вяземский, хитрец, хотя ты и Поэт!..» (см.: Там же. С. 715—718). Что имеет в виду Жуковский, говоря о трех посланиях к Вяземскому, сказать трудно.

¹³ Речь идет о будущем «Певце в Кремле», оконченом лишь в 1816 г., хотя начало работы над произведением относится к 12 декабря 1814 г. Подробнее о творческой истории «Певца в Кремле» см.: Там же. Т. 2. С. 459—461. Комментарий Н. В. Серебренникова.

¹⁴ Вероятно, «Баллада, в которой описывается, как одна старушка...» и «Варвик».

¹⁵ «Искупление» (окончательное заглавие: «Вадим»), которое было начато 17 ноября 1814 г. (см.: ПССиП. Т. 3. С. 337—348. Комментарий Н. Ж. Вётшевой).

¹⁶ М. А. Протасова.

¹⁷ А. И. Тургенев занимал в это время должность директора департамента духовных дел иностранных исповеданий, находясь под начальством кн. А. Н. Голицына, доверенного лица императора Александра I.

¹⁸ Жуковский вновь просит Тургенева об А. С. Астраковой. Речь шла о назначении ей денежного пособия. Как сообщал Жуковскому И. И. Дмитриев в письме без даты (скорее всего, от октября 1817 г.): «...г. Астраковой еще 4-го сентября назначено 125 руб.» (Сочинения Ивана Ивановича Дмитриева. Т. 2. С. 229).

¹⁹ Имеется в виду Женское патриотическое общество, основанное в конце 1812 г. под патронажем императрицы Марии Федоровны.

²⁰ Для доктора Фора (см. письмо от 8 ноября 1814 г.).

²¹ Сочинение Роберта Саути «Thalaba the Destroyer», появившееся в Лондоне в 1803 г. В библиотеке Жуковского имелось полное собрание сочинений английского поэта, которое начало выходить именно в 1814 г.: The poetical works of Robert Southey... Т. 1—13. London, 1814—1818 (Описание. № 2774). Поэма «Талаба-разрушитель» в него вошла (т. 3—4). Подробнее о знакомстве Жуковского с этим собранием сочинений см.: Костин В. М. В. А. Жуковский — читатель Саути // БЖ. Ч. 2. С. 450—476.

²² Автором «Artur'a...» был не Нооле (Хул), а Richard Hole (Хоул). Его сочинение появилось первым изданием в Лондоне в 1789 г. С. Уваров 20 декабря 1814 г., отвечая на эту просьбу Жуковского, писал: «Надеясь на будущее с Вами свидание, ныне книг Вам не посылаю. Southey's Thalaba у меня нет; но я его читал, и он очень посредственный поэт, или, лучше сказать, совсем не поэт. Теперь у англичан их только два: Walter Scott и Lord Byron. Последний превышает, может быть, первого» (РА. 1871. Стб. 0163. Курсив автора).

²³ Скорее всего, за письмо от 3 ноября 1814 г., где Батюшков подробно повествует о своей заграничной Одиссее (см.: Батюшков. Т. 2. С. 307—310).

²⁴ О Гаспари см. примеч. 5 к письму к А. И. Тургеневу от 24 марта 1814 г.

²⁵ Иван Иванович Чайковский, муж сестры А. А. Плещеева, Мавры Алексеевны.

²⁶ Как явствует из письма Тургенева к Жуковскому от 13 ноября 1814 г., он собирался ему прислать книгу немецкого профессора древних языков в Виттенберге Христиана Фридриха Маттеи: Griechisches Lesebuch für Anfänger. Wittenberg, 1791 (Siegel. № 99. S. 268).

²⁷ В первом издании послания было всего лишь два кратких примечания.

²⁸ Далее в письме следует приписка В. И. Губарева: «Позвольте Вам, почтенный Александр Иванович, напомнить о Губареве, который хотя давно не имеет удовольствия Вас видеть, но всё помнит старинную молодость лет наших. Как то у Вас в Петербурге понравится послание к достойнейшему из царей, а мы здесь очень им восхищаемся, я для Вас его спешил переписывать, зная, как Вы любите хорошее, следовательно и Жуковского». На приписку Губарева Тургенев в письме к Жуковскому от середины декабря 1814 г. прореагировал так: «Любезному Воину Ивановичу приношу мою искреннюю благодарность за приписание, которое, впрочем, удивило меня своею излишнею учтивостью. Разве мы не старые товарищи? Время и расстояние мест старого из памяти ничего не должно изглаживать. Обнимаю его и прошу верить моей всегдашней приязни» (Ibid. № 101. S. 275).

188.

П. А. Вяземскому

(С. 299)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1909. Л. 17—17 об. Б. г.

Публикуется впервые.

Датируется: 1 декабря 1814 г.

Год определяется по упоминаниям произведений Жуковского, написанных Долбинской осенью 1814 г.

¹ Послание «Императору Александру» было отправлено А. И. Тургеневу с письмом от 1 декабря 1814 г.

² Амфион, царь Фив, сын Зевса, кифаред и ученик Гермеса. Под звуки его лиры двигались камни.

³ См. примеч. 3 к письму к П. А. Вяземскому от 14 ноября 1814 г.

⁴ См. примеч. 3 к письму к А. П. Киреевской (Елагиной) от 25—28 ноября 1814 г.

⁵ См. о нем примеч. 9 к письму к А. И. Тургеневу от 8 ноября 1814 г.

⁶ Далее следует приписка А. А. Плещеева: «Après avoir été si longtemps sans vous donner signe de vie, je crois qu'il ne m'est plus permis de vous parler; et *je chante* et comme je ne pourrais non plus vous rien chanter qui soit digne de votre attention, je chante vos propres paroles, que sans présomption vous pouvez regarder comme divines!

Ma musique ne fera pas valoir vos vers; mais pourvu qu'elle ne les gête pas, vos vers feront alors valoir ma musique.

Au reste j'ai fait deux airs, vous n'avez qu'à choisir!

En attendant je vous embrasse fort. Et je vous aime toujours autant que du temps de notre correspondance galimathique.

Je vous prie de me mettre aux pieds de Mme la Princesse.

Votre dévoué A. Plestcheyeff*.

189.

А. П. Киреевской (Елагиной)

(С. 300)

Автограф неизвестен.

Копия неизвестна.

Впервые опубликовано: РС. 1883. № 2. С. 454—456, с пометой: «(1814. Чернь) в конце сентября или нач^{але} октября».

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: 1—2 декабря 1814 г.

Датируется по упоминанию уже отправленного А. И. Тургеневу (с письмом от 1 декабря 1814 г.) послания «Императору Александру», а также начала работы над стихотворением «Певец в Кремле», о котором Жуковский сообщил в том же письме к Тургеневу (см.: ПССиП. Т. 2. С. 459; см. также дневниковую запись о начальном этапе создания «Певца в Кремле»: Там же. Т. 1. С. 680). Написано в ответ на несохранившееся письмо Елагиной к Жуковскому, в котором она приглашала его вернуться в Долбино. Отвечая ей, Жуковский назначил 5 декабря днем, когда для него нужно было подготовить на дороге «подставу» (лошадей, поскольку между

---

* После того, как я столько времени не подавал признаков жизни, думаю, что больше не имею права говорить с Вами; и я пою, а так как я не могу спеть ничего, что было бы достойно Вашего внимания, я пою Ваши собственные слова, которые Вы, не боясь показаться нескромным, можете считать божественными!

Моя музыка не украсит Ваших стихов; но если она не испортит их, они украсят мою музыку. — Впрочем, я написал две мелодии, Вы можете выбирать! — Крепко Вас обнимаю. И люблю Вас так же, как во времена нашей галиматической переписки.

Прошу Вас повергнуть меня к ногам Княгини.

Преданный Вам А. Плещеев (франц.).

Черню и Долбиным было 25 верст), и, чтобы Елагина сумела об этом распорядиться, письмо должно было успеть дойти до Долбина ранее этого числа. Ответ Елагиной («с подставою») на письмо Жуковского см.: Переписка Ж. и Елагиной. С. 55.

¹ Имеется в виду семья Плещеевых.

² Речь идет о письме А. И. Тургенева от 22 декабря 1814 г. (Siegel. № 102. S. 276) и упомянутом в нем письме Батюшкова к Жуковскому. Жуковский ответил на него 1 декабря 1814 г. (см. примечания).

³ О копиях послания «Императору Александру», в том числе рукой В. И. Губарева, см.: ПССиП. Т. 1. С. 721—722. О поднесении рукописи «под стопы монаршие» см. в письме к А. И. Тургеневу от 1 декабря 1814 г. и примечаниях. Послание было читано императрице Марии Федоровне А. И. Тургеневым 30 декабря 1814 г.

⁴ Баллада «Эолова арфа» написана в Долбине 9—13 ноября 1814 г.

⁵ Речь идет о «Балладе, в которой описывается, как одна старушка...», написанной в октябре 1814 г.

⁶ По данным «Хронологической росписи Долбинских стихотворений» (РНБ. Оп. 1. № 77. Л. 25) «Певец в Кремле» начат 1—4 декабря (см.: ПССиП. Т. 1. С. 680). Бюро Жуковского, за которым он работал, находясь в Долбине, сохранялось как реликвия в семье Елагиной. По мнению Л. И. Вуич, над ним висел карандашный портрет М. А. Протасовой работы Жуковского 1811 г. (Вуич Л. И. Уткинский архив сегодня // ЖИМ. Вып. 1. С. 362, 363).

⁷ Предположение о том, что имеются в виду жившие в Москве сестры М. Н. Свечина и А. Н. Арбенева, высказано в: Переписка Ж. и Елагиной. С. 54. Иного мнения придерживался П. А. Висковатов, который считал, что это могли быть героини датированного 6 октября 1814 г. стихотворения Жуковского «Бесподобная записка к трем сестрицам в Москву» (РС. 1883. № 2. С. 454). Гипотеза развита в комментарии к этому стихотворению: в октябре в Москве находились сестры Юшковы, к которым Жуковский и обратил свою «Бесподобную записку...», — Авдотья (Киревская-Елагина), Анна (в замуж. Зонтаг) и Екатерина (в замуж. Азбукина); к двум последним могли относиться и слова Жуковского в данном письме о «наших московских дурах» (см.: ПССиП. Т. 1. С. 688—690). Это тем более вероятно, что из Москвы в конце октября Елагина вернулась в Долбино одна.

⁸ Особая теплота в описании «своего уголка» в долбинском доме и детей Елагиной, которых Жуковский называет своими, была связана с тем, что во время ее отъезда в Москву он оставался в Долбине (см.: Переписка Ж. и Елагиной. С. 49—50).

⁹ В Тамбов уехали Воейков и Е. А. Протасова с Машей и Сашей для знакомства с его родственниками. Упомянутый далее Вася — по-видимому, В. А. Проташинский.

¹⁰ Ср. в послании «Воейков, дай же знать...» (25—27 октября 1814 г.): «На почте нет пакета...» (ПССиП. Т. 1. С. 354). По предположению Висковатова, именно об этом «пришпиленном» послании идет речь в данном письме Жуковского (РС. 1883. № 2. С. 455).

¹¹ О Губареве см. примеч. 9 к письму к А. И. Тургеневу от 8 ноября 1814 г. Елагина с жаром откликнулась на просьбу Жуковского: «Давайте, давайте мне Ваши стихи переписывать...» (Переписка Ж. и Елагиной. С. 55).

¹² Ваня Киреевский. Далее упоминаются Петя и Маша Киреевские, М. А. и Е. И. Черкасовы и Н. А. Азбукина.

190.

П. А. Вяземскому

(С. 301)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1909. Л. 56. Б. г.

Публикуется впервые.

Датируется: 12 декабря 1814 г.

Год определяется по связи с содержанием предыдущих писем к тому же адресату.

¹ См. примеч. 1 и 3 к письму к П. А. Вяземскому от 14 ноября 1814 г.

² См. примеч. 4 к тому же письму.

³ См. о просьбе В. В. Измайлова в том же письме.

⁴ Имеется в виду послание Жуковского «К кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину». Далее предлагаются поправки ст. 1—2, в первоначальном варианте имевших вид: «Ты, Пушкин, стихотворец-горе, // Ты, Вяземский, прямой поэт...» (см.: ПССиП. Т. 1. С. 704. Комментарий О. Б. Лебедевой).

⁵ См. примеч. 5 к письму к П. А. Вяземскому от 7 ноября 1814 г. «Послание к царю» — стихотворение «Императору Александру».

⁶ См. примеч. 7 к письму к А. П. Киреевской (Елагиной) от 1—2 декабря 1814 г.

⁷ Баллада «Алина и Альсим» (27—30 октября 1814 г.) — перевод романса «Les constantes amours d'Alix et d'Alexis. Romance sur un air Langedocien»* французского поэта Франсуа Огюстена де Пароди де Монкрифа. См.: ПССиП. Т. 3. С. 310—313. Комментарий И. А. Поплавской.

⁸ См. примеч. 3 к письму к А. П. Киреевской (Елагиной) от 25—28 ноября 1814 г.

⁹ Прокомментировать этот пассаж не представляется возможным: неизвестно, о каком именно письме, которое нельзя было показывать Северину, идет речь, и кто подразумевается под именем «болтушка», неизвестно.

¹⁰ Вероятно, Жуковский имеет в виду замысел «Певца в Кремле».

¹¹ В ноябре 1814 г. Д. В. Давыдову, разжалованному из гусар и лишенному звания, было разрешено вернуться в гусарский полк с возвращением чина генерал-майора.

¹² См. примеч. 1 к письму к П. А. Вяземскому от 7 ноября 1814 г.

¹³ Речь идет об издании «Grammatica graeca sive institutionum linguae graecae liber, utilissimis regulis ex variis auctoribus collectis, usibus rossiacae juventutis in Academia Kiioviensi adornatus, nunc denuo ab innumeris mendis longe accuratius repurgatus, et

---

* Постоянство в любви Алисы и Алексиса. Романс на лангедокский лад (франц.).

adjectis tum exemp», подготовленном Н. Н. Бантыш-Каменским и напечатанном впервые в Лейпциге в 1779 г. (впоследствии переиздавалось).

¹⁴ См. примеч. 1 к письму к П. А. Вяземскому от 1 декабря 1814 г.

191.

Н. И. Гнедичу

(С. 303)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 94. Л. 1—2 об. Б. д.

Впервые опубликовано: Книжки Недели. 1896. № 1. С. 8—9. Публикация А. Ф. Онегина.

Печатается по автографу.

Датируется: вторая половина декабря (не ранее 12-го числа) 1814 г.

На конверте надпись: «Его высокоблагородию милостивому государю Николаю Ивановичу Гнедичу в Санктпетербург».

Основанием для датировки является указание на окончание перевода «Аббадоны» (17 ноября — 12 декабря 1814 г.), когда Жуковский постоянно проживал в имении своей племянницы А. П. Киреевской Долбино, где пережил творческий подъем, создав в течение Долбинской осени около 60 произведений.

¹ В 1807 г. Гнедич начал переводить «Илиаду» александрийским стихом (шести-стопным ямбом), но впоследствии отказался от этого размера, как не соответствующего духу и стилю древнегреческого эпоса. В 1812 г. Гнедич начал снова переводить «Илиаду» размером подлинника — гекзаметром.

² Имеется в виду эпическая поэма немецкого поэта Фридриха Готтлиба Клопштока. Отрывок из нее под названием «Аббадона» был переведен Жуковским в ноябре — декабре 1814 г. (см.: ПССиП. Т. 4. С. 394—401).

³ С. С. Уваров. В полемике о гекзаметре, развернувшейся в 1810-х гг., он отстаивал необходимость использования в переводах греческого эпоса античных размеров стихосложения. Он всячески поддерживал намерение Гнедича переводить «Илиаду» гекзаметром. «Аббадона» была отправлена Уварову 5 января 1815 г. (см. соответствующее письмо).

⁴ Улица в Москве, на которой жил Жуковский в 1808—1811 гг.

192.

М. А. Протасовой и А. А. Воейковой

(С. 303)

Автограф: РО ИРЛИ. Р. I. Оп. 9. № 81. Л. 3—3 об. Б. д.

Впервые опубликовано: Соловьев. Т. 2. С. 75.

Печатается по автографу.

Датируется предположительно: октябрь—декабрь 1814 г.

Приписка, адресованная Маше Протасовой, на письме Е. П. Азбукиной (от ее письма сохранилась только заключительная часть, на л. 3, с просьбой поцеловать «хорошенько у маменьки ручку и продолжить свои бесценные милости к своей Катоше <семейное прозвище Азбукиной>, которая очень умеет их чувствовать»); после приписки Жуковского следует еще одна, к Маше и Саше, но детской рукой. Написано в ответ на несохранившуюся «записку» М. А. Протасовой. Вероятнее всего, имеется в виду ее приписка, адресованная Жуковскому, в коллективном письме Протасовых-Воейковых к А. Н. Арбеновой (ср.: «Я сейчас от Авдотьи Никол<аевны>...»). Судя по тому, что Жуковский мешает в нем «вы» («...чтобы вы были счастливы...») и «ты» («Прости, мой милый друг...»), его ответ подразумевал, по-видимому, всё семейство.

¹Ср. в балладе «Громобой» (1810), в посвящении ее А. А. Воейковой, ст. 1: «Цвети, мой несравненный цвет...» (ПССиП. Т. 3. С. 82, 335—336). Послание «А ты, мой несравненный цвет!..» (не вошло в т. 2 наст. изд.), в точности повторяя строфу посвящения, адресовано «ленивице» Саше Воейковой, крестнице поэта (ср.: «Отец твой крестный и поэт...»). Видимо, в той «записке», на которую отвечал Жуковский, не было ожидаемой им приписки от Саши.

193.

А. И. Тургеневу

(С. 304)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 148. Л. 18. Б. д.
Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 134.
Печатается по автографу.
Датируется: 5 января 1815 г.

Основанием для датировки письма является указание на одновременность его написания со стихотворением «Ареопагу», черновой вариант которого был создан 4 января 1815 г., и с письмом к С. С. Уварову (см.: ПССиП. Т. 1. С. 740). Вероятно, Жуковский закончил работу над написанием этих писем утром 5 января.

¹ Речь идет, как уже сказано выше, о стихотворении «Ареопагу». История его создания была связана с посланием «Императору Александру», которое в начале декабря 1814 г. Жуковский послал своим петербургским друзьям, требуя от них строгой критики. Кроме Тургенева, он обращался к Батюшкову, Блудову, Уварову, Дашкову. Все они позднее войдут в «Арзамас», и в этом отношении созданный Жуковским ареопаг станет прообразом арзамасского братства.

² Тургенев в своем письме от 1 января 1815 г., рассказывая о том огромном впечатлении, которое произвело его чтение послания «Императору Александру» у им-

ператрицы Марии Федоровны в присутствии великих князей, великой княжны Анны Павловны, графини Ливен, Нелидовой, Нелединского-Мелецкого, Вилламова и Уварова, заключает: «В конце пьесы не раз навертывались слезы и <у> Государыни, и я принужден был останавливаться. Она обращалась к великой княжне и встречала взоры ее, также исполненные любви к предмету твоего песнопения и удивления к твоему таланту. Сколько сладких чувств в одно время для матери и братьев и сестры твоего героя и для твоего друга, свидетеля такого беспритворного восхищения, смешанного с благодарностью к Гению, умевшему выразить всё величие предмета единственного. <...> Едва сам мог удержаться от слез, которые помешали бы мне читать самые сильные, исполненные чувством стихи твои» (Siegel. № 104. S. 279—280).

194.

С. С. Уварову

(С. 304)

Автограф неизвестен.

Копия: РНБ. Оп. 2. № 426. Л. 4—4 об., рукою А. И. Тургенева. Б. д.

Впервые опубликовано: РА. 1900. № 9. С. 13—14, с пометой: «5 декабря (sic!) читай: января (1815) Долбино».

Печатается по копии.

Датируется: начало января (около 5-го) 1815 г.

Обоснование датировки см. во вступительном примечании к письму к А. И. Тургеневу от 5 января 1815 г.

Письмо, посланное вместе с письмом к А. И. Тургеневу от 5 января 1815 г. (см. выше), связано с обсуждением в кругу друзей послания Жуковского «Императору Александру» (1814; см.: ПССиП. Т. 1. С. 366—378) и написано в ответ на письмо Уварова от 20 декабря 1814 г. (РНБ. Оп. 2. № 73. Л. 311—311 об.; РА. 1871. Стб. 0163). Другие отклики на послание были даны в письмах к Жуковскому от конца декабря 1814 г. Батюшкова (Батюшков. Т. 2. С. 315—317) и Тургенева (*Гиллельсон М. И.* Молодой Пушкин и арзамасское братство. Л., 1974. С. 53).

¹ Письмо Уварова было в высшей степени «одобрительным, дружеским» (см. примеч. 2 к письму к А. И. Тургеневу от 1 декабря 1814 г.; см. также: РА. 1871. Стб. 0162). В своем письме Уваров высказал и более широкое суждение о музее Жуковского: «В стихах Байрона находил я некоторое сходство с Вами; но он одушевлен Гением зла, а вы — Гением добра» (Там же. Стб. 0163).

² Под стихотворным ответом на замечания Батюшкова имеется в виду послание Жуковского «Ареопагу», написанное 4 января 1815 г. и адресованное Батюшкову. В нем Жуковский ответил на высказанные Батюшковым в письме к А. И. Тургеневу от 20—21 декабря 1814 г. замечания (см. об этом в примечаниях к посланию «Ареопагу»: ПССиП. Т. 1. С. 741—742).

³ «Аббадона», перевод отрывка из поэмы Ф. Г. Клопштока «Мессиада», законченный Жуковским 12 декабря 1814 г. (см.: ПССиП. Т. 4. С. 9—13, 395). Намерение «доставить» «Аббадону» Уварову было связано с его позицией ревностного пропагандиста гекзаметра в русской поэзии. Об этом намерении Жуковский писал и в письме к Н. И. Гнедичу от второй половины декабря (не ранее 12-го числа) 181 г. Уваров одобрил «Аббадону» (см. письмо Жуковского к С. С. Уварову от 1 апреля 1815 г.).

⁴ Имеется в виду Батюшков.

195.

А. И. Тургеневу

(С. 305)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 148. Л. 19—19 об. Б. г.

Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 135—136.

Печатается по автографу.

Датируется: 25 января 1815 г.

Год определяется по связи с предыдущими письмами к тому же адресату.

¹ Об этом письме Тургенева от 1 января 1815 г. см. примеч. 4 к письму Жуковского к А. И. Тургеневу от 1 декабря 1814 г.

² Рескрипт от императрицы Марии Федоровны, о чем Тургенев сообщал в вышеупомянутом письме: «Пришли на мое имя письмо благодарное за ее рескрипт...» (Siegel. № 104. S. 280).

³ В этом же письме Тургенев писал: «Государыня начала снова у меня о тебе спрашивать и требовала от Уварова и меня, чтобы мы сказали ей, что можно для тебя сделать. <...> Мы решились подумать о том ответе, который должны дать ей на счет твой. И уже придумали...» (Там же).

⁴ Вероятно, Жуковский имеет в виду поправки к посланию «Императору Александру», находящиеся в тексте послания «Ареопагу» (см. письмо к А. И. Тургеневу от 5 января 1815 г.).

⁵ См. примеч. 5 к письму к А. И. Тургеневу от 1 декабря 1814 г.

⁶ Тургенев не успел внести эти поправки в отдельное издание послания «Императору Александру» (ц. р. от 15 января 1815 г.), но в С 1 они были учтены.

196.

А. И. Тургеневу

(С. 306)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 149. Л. 1—3. Б. г.

Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 136—140.

Печатается по автографу.

Датируется: 1 февраля 1815 г.

¹ У императрицы Марии Федоровны.

² Об этом см. письмо к А. И. Тургеневу от 30 марта 1814 г.

³ Е. А. Протасовой. Письма не сохранились.

⁴ С М. А. Протасовой.

⁵ Жуковский вспоминает о днях Долбинской осени 1814 г., проведенных в семействе А. П. Елагиной (в то время еще вдовы В. И. Киреевского).

⁶ Далее идет приписка П. А. Вяземского: «Обнимаю тебя, мой милый Тургенев. Будь здоров, люби меня, хотя и не пиши. Юрию Александровичу <Нелединскому-Мелецкому> скажи мое душевное почтение».

⁷ Е. А. Протасова с двумя дочерьми и зятем А. Ф. Воейковым.

⁸ Имеется в виду «Певец в Кремле», законченный 1 ноября 1816 г. Вероятно, в Москве, в январе 1815 г. Жуковский читал уже законченный текст Н. М. Карамзину и И. И. Дмитриеву, но не получил их полного одобрения. По воспоминаниям П. А. Вяземского: «Карамзин слушал со вниманием, но в середине чтения не вытерпел и сказал: “Вперед, вперед! Вы всё на одном месте кружитесь”» (РА. 1868. Стб. 1836). Вряд ли Жуковский мог проигнорировать эту реакцию Карамзина и решил доработать произведение, прежде всего убрав длинноты.

⁹ Ю. А. Нелединского-Мелецкого.

¹⁰ Жуковский имеет в виду следующие слова из письма А. И. Тургенева от 1 января 1815 г.: «Государыня начала снова у меня о тебе расспрашивать и требовала от Уварова и меня, чтобы мы сказали ей, что можно для тебя сделать. Я также забыл сказать тебе, что я прочел ей и твое посвящение, которое ее тронуло. Мы решились подумать о том ответе, который должны дать ей на счет твой. И уже придумали». (Siegel. № 104. S. 280). См. также примеч. 2 и 4 к письму к А. И. Тургеневу от 1 декабря 1814 г.

197.

А. И. Тургеневу

(С. 310)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 150. Л. 1—1 об. Б. г.

Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 141—142.

Печатается по автографу.

Датируется: 4 февраля 1815 г.

Год определяется по связи содержания с предыдущими письмами к тому же адресату.

¹ Александр Михайлович Офросимов, полковник, выпускник Московского университетского благородного пансиона, муж сводной племянницы Жуковского, Марии Петровны (урожд. Юшковой). См. о нем: Великий князь Николай Михайлович Романов. Московский некрополь: В 3 т. Т. 2. СПб., 1908. С. 385.

² Жуковский имеет в виду жизнь в Дерпте вместе с семейством Протасовых-Воейковых.

³ Императрицы Марии Федоровны.

⁴ В письме от 1 января 1815 г. Тургенев рассказывал, что во время чтения у императрицы Марии Федоровны послания «Императору Александру» великая княжна <Анна Павловна> и великие князья <Николай и Михаил Павловичи> «перерывали чтение восклицаниями: прекрасно! превосходно! c'est sublime!» В продолжение чтения великие князья изъявили желание, чтобы эти стихи переведены были, если можно, на немецкий и английский языки», а в конце письма добавлял: «Пришли на мое имя письмо благодарное за ее <императрицы> рескрипт и напиши великим князьям» (Siegel. № 104. S. 280).

⁵ Это письмо не обнаружено.

198.

Д. Н. Блудову

(С. 312)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 79. Л. 4—4 об. Б. д.

Впервые опубликовано: Отчет ИПБ за 1887 г. СПб., 1890. С. 216—219 первой пагинации.

Печатается по автографу.

Датируется февраль (?) 1815 г.

Основание датировки: содержание письма, связанное с историей подготовки к печати первого издания стихотворений (Стихотворения Василия Жуковского в двух частях. СПб.: В Медицинской типографии, 1815—1816). В подготовке издания участвовали А. И. Тургенев, Д. Н. Блудов, С. С. Уваров, Д. А. Кавелин. Корректуру издания Жуковский просил поручить М. Д. Костогорову. Жуковский предоставил издателям право «выбрасывать всё, что найдете негодным», но при этом просил «поправок от меня не требовать» (см. письмо к А. И. Тургеневу от 1 декабря 1814 г.).

¹ История со ст. 273—276 из «Певца во стане русских воинов», посвященными графу П. А. Строганову, в этом отношении заслуживает особого внимания. Уже первая фраза письма «Voilà ma profession de foi»^{**} обозначает принципиальность позиции автора. Несмотря на то, что Жуковский доверял эстетическому вкусу Блудова, в чем его позднее упрекал Пушкин, он решительно встает на защиту своей позиции, в которой профессиональное кредо и нравственные принципы неразделимы. В первых изданиях «Певца» (1812, 1813) имя Строганова отсутствовало. На это обратил внимание А. И. Тургенев, который в письме к Жуковскому от 2 мая 1813 г. заметил: «Жаль, что не упомянул о Строгонове. Он достоин места в истории сей битвы и в стихах твоих» (Siegel. № 64. S. 203). Уже во «втором, исправленном издании» 1813 г. Жуковский внял пожеланию друга и посвятил Строганову следу-

---

* Это несравненно! (франц.).

** Вот мое вероисповедание (франц.).

ющие стихи, где особенно подчеркнул «волонтерство» графа, добровольно вступившего в армию:

Наш смелый Строгонов, хвала!
Он жаждет чистой славы;
Она из мира увлекла
Его на путь кровавый...

К сожалению, письмо Блудова, послужившее поводом к этому ответу Жуковского, неизвестно. Поэтому трудно говорить о том, какие аргументы он выдвигал против стихов, посвященных Строганову. Возможно, его смущало «якобинское» прошлое графа, его либеральные взгляды и участие в «негласном комитете» реформаторов. Но твердость позиции Жуковского свидетельствует о том, что он был верен своему профессиональному кредо. 23 февраля 1814 г. в сражении при Краоне погиб единственный сын П. А. Строганова — Александр, и память об этом трагическом событии обостряла нравственное чувство поэта.

199.

А. И. Тургеневу

(С. 313)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 150. Л. 2—2 об. Б. г.
Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 142—143.
Печатается по автографу.
Датируется: 4 марта 1815 г.

Год определяется по ответному письму А. И. Тургенева (примеч. 4).

¹ Антон Антонович Прокопович-Антонский, наставник Жуковского в Московском университетском Благородном пансионе, принимавший самое активное участие в судьбе поэта и позднее.

² Второго отдельного издания послания «Императору Александру» не было (см. примеч. 8 к письму к А. И. Тургеневу от 1 декабря 1814 г.).

³ Этот замысел не был осуществлен, хотя в письме от 15 марта Тургенев счел мысль Прокоповича-Антонского «выгодной и основательной». Первое собрание поэтических произведений Жуковского вышло под титулом: «Стихотворения Василия Жуковского в двух частях. СПб., 1815—1816». Первая часть включала лирические стихотворения, послания, романсы и песни; вторая часть — разделы «Смесь» и «Баллады». В 1816—1817 гг. в Санкт-Петербурге появились «Переводы в прозе» в пяти частях.

⁴ Тургенев уже в письме от 15 марта сообщал: «Посылаю тебе рескрипт ее величества в письме Уварова» (Siegel. № 113. S. 297). Этот рескрипт был прислан Уваровым при письме от 15 марта 1815 г. (РА. 1871. Стб. 0164). Жуковский не случайно придавал ему такое значение. Он, вероятно, считал, что рескрипт императрицы про-

изведет впечатление на Е. А. Протасову и будет содействовать разрешению давно назревшего конфликта в истории его отношений с Машей. Но эти иллюзии оказались беспочвенными, хотя высокая оценка императрицей Марией Федоровной поэтической деятельности Жуковского имела значение для его будущей жизни.

⁵ Скрее всего, имеется в виду Александр Михайлович Офросимов, московский свойственник Жуковского.

⁶ Имеется в виду замысел поэмы «Владимир».

⁷ В архиве поэта (РНБ. Оп. 1. № 90) находится тетрадь, озаглавленная «Древняя история России», где, в частности, содержится конспект первой части карамзинской «Истории государства Российского», посвященной мифологическим верованиям древних славян и правлению Владимира. Подробнее о чтении «Истории» Карамзина см.: *Канунова Ф. З.* Русская история в чтении и исследованиях В. А. Жуковского // БЖ. Ч. 1. С. 436—449; см. также: ПССиП. Т. 4. С. 611.

200.

А. И. Тургеневу

(С. 315)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 150. Л. 3. Б. г.

Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 143.

Печатается по автографу.

Датируется: 10 марта 1815 г.

Год определяется по дате первого отъезда Жуковского в Дерпт (см. письмо к А. И. Тургеневу от 4 марта 1815 г.).

¹ Крестцы, пятнадцатая почтовая станция на пути из Москвы в Петербург.

² По мнению П. И. Бартенева, это был Лукьян Павлович Яковлев, «служивший в Московской Оружейной Палате» (ПЖТ. С. 143). Этого не может быть, поскольку Л. П. Яковлев родился в 1829 г. Скорее всего, Жуковский имел в виду Лукьяна Яковлевича Яковлева, масона, сподвижника и друга Н. И. Новикова, начинавшего свою деятельность в Туле и служившего в это время в ведомстве Московского почтамта. Жуковский и Тургенев могли быть с ним знакомы через А. А. Прокоповича-Антонского.

³ В письме от 23 марта 1815 г. Тургенев сообщает: «Я намеревался отправиться за тобою в Дерпт, но разные хлопоты меня удержали» (Siegel. № 114. S. 209). Ему так и не удалось вырваться к другу.

201.

М. А. Протасовой

(С. 315)

Автограф: РО ИРЛИ. Р. I. Оп. 9. № 81. Л. 1. Б. г.

Впервые опубликовано: Соловьев. Т. 2. С. 74—75.

Печатается по автографу.

Датируется: 27 марта 1815 г.

На обороте записи рукой Жуковского («Всё в жизни к прекрасному средство») и М. А. Протасовой-Мойер (подсчеты, о платьях, карандашом: «розовое / батист»).

Письмо связано с решительным для истории любви Жуковского к Маше Протасовой периодом его первого пребывания в Дерпте в семействе Протасовых. Приехав в Дерпт 16 марта 1815 г., он, после очередной попытки, заявил Е. А. Протасовой о своем отказе от каких-либо притязаний на руку ее дочери. Собственно, об этом Жуковский заявлял и раньше, предполагая, что для них с Машей остается лишь «дойти до гробу дорогою печали» (см. его письмо к А. И. Тургеневу от 1 февраля 1815 г.). Новым в его умонастроении было согласие на брак Маши и намерение способствовать обустройству ее будущего семейного счастья. Последнее имело для него принципиальное значение, поскольку в Дерпте Жуковский узнал о действиях Воейкова, желавшего выдать Машу замуж по своему усмотрению. Она не сразу поняла побуждения Жуковского, что потребовало объяснений с его стороны и выработки новой линии поведения. В конце марта — начале апреля 1815 г. Жуковским было написано в связи с этим четыре письма к Маше, из которых первое и второе имеют авторские даты (27 и 29—30 марта); последовательность и датировка третьего и четвертого писем (31 <?> марта и первые числа <?> апреля) определяются по контексту, с учетом их содержания.

Письмо от 27 марта писалось в расчете на то, что будет прочитано Е. А. Протасовой. Приписка в нем, обозначенная знаком «+» в начале и в конце, не была «отодрана» Машей, как просил Жуковский, следовательно, она не передала его своей матери. Екатерине Афанасьевне Жуковский написал другое письмо, тщательно его обдумав.

Как потом понял Жуковский, его решение было опрометчивым. К середине апреля 1815 г. он убедился, что принесенная им жертва не улучшила его положение в семье Протасовых. Уже в августе, перед отъездом в Петербург из Дерпта, где он прожил нескольких недель, он вновь просил у Е. А. Протасовой руки ее дочери, а после ее отказа активизировал поиски путей воздействия на нее. В ноябре—декабре 1815 г., после сообщения Маши о ее решении выйти замуж за Мойера, он отрекся от своего бывшего решения: «Милый друг, я советовал тебе выйти замуж — это правда! — написал он ей 25 декабря 1815 г. — Но этот совет мой вырван из меня был минутою огорчения! Для меня было несносно видеть твою беззащитность перед Воейковым!». Не только общение с ним в Дерпте, но и рассказы Маши повлияли на то мнение Жуковского, которое, после множества колебаний, перечеркнуло его расположение к Воейкову, выраженное еще 1 февраля 1815 г. в письме к А. И. Тургеневу: «Он любит меня, и я этому верю <...> мы будем жить вместе».

¹ Признание кровного родства с Машей получило в письмах Жуковского эфемические формы с отнесением слова «сестра» и к дочери, и к матери (см., например, в письме к А. И. Тургеневу от 1 февраля 1815 г., о Маше: «Я ей брат, то есть брат по

матери...»). Подробнее Жуковский говорит о своем отношении к Е. А. Протасовой как к сестре в письме к Маше от 31 (?) марта 1815 г. Признание кровного родства было на данном этапе необходимо Жуковскому для деятельного сопротивления своекорыстным планам Воейкова в связи с будущим Маши.

202.

М. А. Протасовой

(С. 316)

Автограф неизвестен.

Копия неизвестна.

Впервые опубликовано: ЖМНП. 1869. Ч. 142. Отд. II. С. 431—432 (с пропусками; публикация К. К. Зейдлица).

Впервые полностью: РС. 1883. № 3. С. 671—672 (публикация К. К. Зейдлица), с датировкой: «март 1815 г.».

Печатается по тексту публикации РС.

Датируется: 29—30 марта 1815 г.

О письмах Жуковского к Маше Протасовой конца марта — начала апреля 1815 г. см. вступительное примечание к письму к ней от 27 марта 1815 г.

¹ Творчество французского просветителя, педагога Ф. Фенелона, автора воспитательного романа «Приключения Телемака» (1699), занимало особое место в нравственном развитии самого Жуковского (об этом см.: Айзикова И. А. В. А. Жуковский и Ф. Фенелон // БЖ. Ч. 3. С. 220—249; ПССиП. Т. 13. С. 477). Недаром его прозвали «русским Фенелоном» (Веселовский. С. 279). Книги Фенелона, «товарища на всю жизнь», были подарены Маше самим Жуковским. В письмах 1815 г. имя Фенелона обретает почти символический характер — см., например, в письме к Маше от первых чисел апреля 1815 г. (см. наст. изд.). Упоминания Фенелона встречаются и в письмах Маши к А. П. Киреевской (Елагиной), где она говорит о нем, как о живом человеке (УС. С. 147, 152).

² Ж. Б. Массийон, французский проповедник (см.: ПССиП. Т. 10. С. 496). 7 июня 1815 г. Маша написала о нем Жуковскому: «Массильон твой так хорош, так утешителен, и... так строг, что *bon gré, mal gré** сделаешься хорошим, читая его» (УС. С. 149). Произведения этого автора занимали Жуковского с середины 1800-х гг., см.: Айзикова И. А. Неоконченные ранние переводы В. А. Жуковского в прозе (К проблеме становления прозаического слога писателя) // Известия Томского политехнического университета / Томский политехн. ун-т. 2002. Т. 305. Вып. 4 (Язык и межкультурные коммуникации). С. 119—120.

³ Слегка измененный ст. 123 из элегии «Теон и Эсхин»: «Всё в жизни к великому средству» (ПССиП. Т. 1. С. 384).

---

* Вольно или невольно (*франц.*).

⁴ Имеются в виду письма Жуковского к Маше. О них Жуковский еще раз писал ей в письме от первых чисел апреля 1815 г. (см. примеч. 4). Именно «тетрадками» были «синенькие книжки», в которых содержались письма Жуковского к Маше (см. вступительное примечание к письму от 21 июня 1814 г.).

⁵ Абзац о Воейкове возник в ответ на просьбу Маши простить Воейкова. Ср. в записке А. А. Воейковой, относящейся к тому же времени: «Жуковский, брат милый, драгоценный моему сердцу. Я тебе истинный друг; а ты ко мне дружбы ни в каком случае не сохранил. Ты нимало не бережешь моего спокойствия семейного. Обращение твое с Воейковым самое обидное: единственный человек, с которым ты не только по истинной его любви к тебе, но и из уважения моей к нему, — не только ты его не любишь, но и самым холодным манером это показываешь. Скажи, за что» (Ж. в семье Протасовых и Воейковых. С. 228).

⁶ Речь идет о реакции на решение Жуковского отказаться от претензий на руку Маши.

⁷ См. в письме к А. И. Тургеневу от 12 апреля 1815 г. По приезде в Петербург в начале мая Жуковский остановился на квартире, которую снимал Тургенев.

⁸ Высказывание, символизирующее отказ от надежды на счастье «в семье» своих родных, о котором Жуковский писал Тургеневу в письме от 1 февраля 1815 г.

203.

М. А. Протасовой

(С. 318)

Автограф неизвестен.

Копия неизвестна.

Впервые опубликовано: ЖМНП. 1869. Ч. 142. Отд. II. С. 430—431 (с пропусками; публикация К. К. Зейдлица).

Впервые полностью: РС. 1883. № 3. С. 668—670 (публикация К. К. Зейдлица), с датировкой: «март 1815 г.».

Печатается по тексту публикации РС.

Датируется: 31 (?) марта 1815 г.

Датировка предположительная.

О письмах Жуковского к Маше Протасовой конца марта — начала апреля 1815 г. см. примечание к письму к ней от 27 марта 1815 г.

¹ «Беззаконным», согласно российскому законодательству и установлениям православной церкви, было желание Жуковского жениться на дочери своей сестры; решительное несогласие с подобной оценкой выражалось им неоднократно, в частности в письме к А. И. Тургеневу от 1 февраля 1815 г.

² Ср. в письме Жуковского к Маше от 27—28 ноября 1815 г., где его рассуждения о ее браке с Мойером делались именно с позиций отца.

³ См. в письмах к А. И. Тургеневу, например, от 4 марта 1815 г., о надеждах Жуковского на «Дерптскую библиотеку» для написания своей исторической поэмы «Владимир».

⁴ См. письма Жуковского к М. А. Протасовой от 15 и 26 сентября 1814 г., в которых сообщалось о двухмесячном пребывании Жуковского вдали от семейства Е. А. Протасовой и о возвращении его в Муратово после перемены ее настроения.

⁵ В Москве Жуковский жил в январе — начале марта 1815 г.

⁶ О боязни вслед за потерей «своего счастья» потерять еще и «свою свободу <...> и сделаться ремесленником» в рассеянной «петербургской жизни» Жуковский писал А. И. Тургеневу 12 апреля 1815 г.

⁷ Отъезд Жуковского из Долбина состоялся 6 января 1815 г. Замечания в письме, касающиеся возвращения его в Муратово, а затем пребывания в Долбине и Москве, свидетельствуют, что в конце 1814 — начале 1815 г. в отношении к нему Е. А. Протасовой он усматривал проблеск надежды на возможность женитьбы на Маше. Об этом же говорит и его письмо к А. И. Тургеневу от 1 февраля 1815 г.; см. также в письме к нему же от 4 февраля: «...мать сама устала противоречить...».

204.

П. А. Вяземскому

(С. 320)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1909. Л. 77. Б. д.

Публикуется впервые.

Датируется: конец марта (?) 1815 г.

Датировка предположительная. В 1815 г. Жуковский пробыл в Дерпте с 16 марта до 3 мая (см. письма к М. А. Протасовой от 20 апреля и к П. А. Вяземскому от 20 мая 1815 г.) Но, отъезжая в Дерпт впервые, поэт не собирался задерживаться там надолго. Перед отъездом он писал А. И. Тургеневу 4 марта 1815 г. из Москвы: «Я еду отсюда в воскресенье, то есть 7 числа, и еду прямо в Дерпт, где пробуду сколько возможно менее, потом и в Петербург. Надеюсь быть там на четвертой неделе поста». В 1815 г. Пасха пришла на 18 апреля, следовательно, намереваясь приехать в Петербург на четвертой неделе поста (т. е. самое позднее, 28 марта), Жуковский рассчитывал выехать из Дерпта в конце третьей — начале четвертой недели Великого поста, т. е. самое позднее — 27 марта, о чем он и сообщил Тургеневу. Это намерение Жуковского изменилось довольно быстро в связи с новыми обстоятельствами его отношений с семейством Протасовых-Воейковых. См. письма к М. А. Протасовой от 27, 29—30, 31 (?) марта и первых чисел (?) апреля 1815 г. Ср. также упомянутое Жуковским «множество писем», что согласуется с четырьмя обширными письмами к М. А. Протасовой от последних чисел марта.

¹ Поэт остался в Дерпте на праздник Пасхи и далее до начала мая в связи со сложными обстоятельствами его отношений с семейством Протасовых. Ср. письмо

к А. И. Тургеневу от 12 апреля 1815 г.: «Твое мнение, что, вероятно, останусь здесь на праздник, принимаю за совет и останусь. Думаю, это для меня всё равно, теперь ли быть в Петербурге или после праздника» (см. наст. изд.).

² Дочь Вяземского Мария.

³ Имеется в виду рескрипт императрицы Марии Федоровны по случаю поднесения ей послания «Императору Александру» (см. письма к ней и к А. И. Тургеневу от 1 апреля 1815 г. в наст. изд.).

205.

А. И. Тургеневу

(С. 321)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 150. Л. 5—5 об.

Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 144.

Печатается по автографу.

Датируется: 1 апреля 1815 г.

¹ Рескрипт императрицы Марии Федоровны (см. примеч. 4 к письму к А. И. Тургеневу от 4 марта 1815 г.).

² Имеются в виду события, связанные с бегством Наполеона с острова Эльба и его прибытием в Париж 8 (20) марта 1815 г.

³ Это письмо Батюшкова в печати неизвестно.

206.

Императрице Марии Федоровне

(С. 322)

Автограф неизвестен.

Копия: РНБ. Оп. 2. № 113. Л. 1—1 об.

Впервые опубликовано: РС. 1898. № 11. С. 364, с датировкой: «...апреля 1815 г.».

Печатается по копии.

Датируется: 1 апреля 1815 г.

Письмо датируется на основании даты в письме к А. И. Тургеневу от 1 апреля 1815 г., вместе с которым было послано и письмо императрице Марии Федоровне. Письмо было вызвано рескриптом императрицы (см. примеч. 4 к письму к А. И. Тургеневу от 4 марта 1815 г.), в котором она высоко оценила поэзию Жуковского и его общественную деятельность.

207.

С. С. Уварову
(С. 323)

Автограф неизвестен.

Копия: РНБ. Оп. 2. № 426. Л. 3, рукой А. И. Тургенева.

Впервые опубликовано: РА. 1900. Кн. 3. № 9. С. 14—15.

Печатается по копии.

Датируется: 1 апреля 1815 г.

Письмо написано в ответ на письмо Уварова от 15 марта 1815 г. (РНБ. Оп. 2. № 73. Л. 312; РА. 1871. Стб. 0164—0165) и связано с тем успехом, который имело чтение императрице Марии Федоровне послания Жуковского «Императору Александру» (см. письмо Жуковского к А. И. Тургеневу от 1 января 1815 г. и примечания к нему).

¹ См. письмо к императрице Марии Федоровне от 1 апреля 1815 г.

² Ответное благодарственное письмо Жуковского императрице, датированное «Апрель 1815», было послано с письмом к А. И. Тургеневу от 1 апреля 1815 г. Подпись («Вашего Императорского Величества верноподданный *Василий Жуковский*») Жуковский послал ему же для «списывания» еще 1 декабря 1814 г.

³ Имеется в виду «Аббадона» — перевод Жуковского из «Мессиады» Клопштока, который Уваров в письме от 15 марта 1815 г. назвал «прекрасным»: «...в форме стиха нашел я несколько вольности; но стихи прелестны. Я не надеюсь, впрочем, чтоб можно было похитить у греков их *экзаметр* со всею строгостью правил, ими наблюдаемых. Тут и эхо приятно» (РА. 1871. Стб. 0164). О переводе см. письма Жуковского к С. С. Уварову от 5 мая 1815 г. и Н. И. Гнедичу от второй половины декабря (не ранее 12-го числа) 1814 г., а также примечания к ним.

⁴ В письме от 1 апреля Жуковский сообщает о планах своего приезда Уварову, который писал ему: «С каким нетерпением ожидаю я Вас сюда! Не забудьте, что Вы обещали торжественно не пробывать более недели в Дерпте» (РА. 1871. Стб. 0164). Предположение приехать в половине шестой недели Великого поста (т. е. 7—8 апреля) не оправдалось, и Жуковский оказался в Петербурге только 3—4 мая. После этого приезда тема «переселения» Жуковского в столицу продолжала занимать Уварова, принимавшего деятельное участие в его представлении императрице (см. письмо С. С. Уварова к поэту от 29 июля 1815 г.: Там же. Стб. 0165—0166).

⁵ «При сем посылается Вам 500 р., вырученных продажей Вашего Послания, — писал С. С. Уваров. — Я надеюсь на еще столько же, а может быть, и более» (Там же. Стб. 0165). Послание «Императору Александру» было издано в январе 1815 г. на казенный счет тиражом 1 200 экземпляров в пользу автора.

208.

М. А. Протасовой

(С. 323)

Автограф неизвестен.

Копия неизвестна.

Впервые опубликовано: ЖМНП. 1869. Ч. 142. Отд. II. С. 429 (отрывок; публикация К. К. Зейдлица).

Впервые полностью: РС. 1883. № 3. С. 666—668 (публикация К. К. Зейдлица), с датой: «весна 1815 г.».

Печатается по тексту публикации РС.

Датируется: первые числа (?) апреля 1815 г.

Датировка предположительная.

О письмах Жуковского к Маше Протасовой конца марта — апреля 1815 г. см. вступительное примечание к письму от 27 марта 1815 г.

¹ Это письмо Жуковского к Е. А. Протасовой не сохранилось; речь в нем шла о решении отказаться от претензий на руку Маши и желании помочь ей выйти замуж. По-видимому, именно с этим письмом связана запись в альбоме Жуковского: «Ничто нашей связи не могло разорвать, ты мне брат! я твой истинный друг. *Екатерина Протасова*. Вседневно прошу Бога о твоём счастье и уверена в Его милосердии, что Он тебе его и пошлет совершенное» (Ж. в семье Протасовых и Воейковых. С. 230). Об этом письме к «маменьке» Жуковский упоминал и в других письмах к Маше, в частности от 14 апреля 1815 г.

² *Persévérance* (постоянство, твердость — *франц.*) — слово, неоднократно повторявшееся в переписке Жуковского с Машей, см., например: ПССиП. Т. 13. С. 93.

³ В июле ожидалось рождение первенца Воейковых.

⁴ Согласно этикету того времени, возвращение писем несостоявшегося жениха было необходимым шагом для девушки, решившейся на брак с другим. Маша оставила у себя лишь некоторые письма Жуковского; впоследствии они были переданы ею Зейдлицу, опубликовавшему их. В архиве Жуковского сохранилась, по-видимому, весьма незначительная часть его писем к Маше, среди них — так называемые «синенькие книжки».

⁵ См. примеч. 1 к письму к М. А. Протасовой от 29—30 марта 1815 г.

209.

А. И. Тургеневу

(С. 325)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 150. Л. 6—6 об. Б. г.

Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 144—146.

Печатается по автографу.

Датируется: 12 апреля 1815 г.

Год определяется по реалиям письма.

Адрес: «Его высокородию милостивому государю Александру Ивановичу Тургеневу. В С.-Петербурге. На Фонтанке, против Михайловского замка, в доме его сиятельства князя Александра Николаевича Голицына. При сем письме посылка книги ценою в 10 рублей». Почтовый штемпель: «Dorpat».

¹ В Петербурге баллада «Старушка...» тоже была запрещена. Цензурный запрет на ее публикацию продлился до 1831 г. — только в этом году баллада после существенной переработки впервые была опубликована в сборнике «Баллады и повести, сочинение В. А. Жуковского в 2-х частях» (СПб., 1831). Подробнее см.: ПССИП. Т. 3. С. 305—308.

² О замысле разбить первое издание «Стихотворений» на несколько отдельных томов см. примеч. 3 к письму к А. И. Тургеневу от 4 марта 1815 г.

³ Известный художник, итальянец по происхождению, Николай Иванович (Сальватор) Тончи. Во второй части сочинений Жуковского имеется виньетка, гравированная Н. И. Уткиным, но не указано, кто ее рисовал. По мнению Н. В. Соловьева, рисунок Тончи, о котором идет речь в письме, не был выгравирован (РБ. 1912. Ноябрь—декабрь. С. 50). В первой части имеется аллегорический рисунок И. А. Иванова, гравированный М. А. Ивановым с монограммой А. Н. Оленина.

⁴ Карл-Август фон Зенф, немецкий художник и гравер, профессор рисования в Дерптском университете. По-видимому, именно в Дерпте Жуковский заинтересовался искусством гравирования и брал уроки у Зенфа (Там же. С. 48).

⁵ Вероятно, Григорий Александрович Окунев, кавалергардский офицер, поэт-дилетант, живший в Москве, знакомый Батюшкова (см.: Батюшков. Т. 2. С. 392). Так как говорится о его приезде в Петербург сразу же после упоминания Батюшкова, то это предположение имеет фактические основания.

⁶ Алексей Федорович Орлов, граф, государственный деятель, участник Отечественной войны 1812 г.

⁷ Эрнст Раупах, немецкий драматург; с 1816 г. был профессором всеобщей истории и немецкой литературы в Главном педагогическом институте, а с 1819-го — в Санкт-Петербургском университете. В библиотеке Жуковского есть его сочинения (Описание. № 1906—1908), в том числе первый том его пьес: Ernst Raupachs Schauspiele und Trauerspiele. Bd. 1. Hamburg, 1830 — с дарственной надписью автора (№ 1908). О переводе послания Жуковского сведений обнаружить не удалось.

⁸ Фридрих Эберхард Рамбах, профессор камеральных наук и ректор Дерптского университета. Известны его стихотворения и переводы.

⁹ Фридрих Вильгельм фон Струве, известный астроном, с 1820 г. ординарный профессор астрономии и директор обсерватории в Дерптском университете. В ответном письме от 19 апреля Тургенев приложил разрешение на получение паспорта директора департамента Министерства просвещения И. И. Мартынова (Siegel. № 117. S. 304).

¹⁰ И. А. Бычков сделал предположение, что эти слова подразумевают обращение к императору с ходатайством о разрешении на брак с М. А. Протасовой (ПЖТ. С. 146).

Примеч. 10). Маловероятно, что это так: скорее всего, здесь имеется в виду Императорская Главная квартира при Военном министерстве, а вопрос Жуковского связан с проблемой его увольнения с военной службы (ср. письмо к А. И. Тургеневу от 5 мая 1814 г., примеч. 9). По данным «Формулярного списка о службе...», поэт был «от службы Московской военной силы уволен. 1814 г. Декабря 20» (ПССиП. Т. 14. С. 413). Видимо, соответствующий документ задержался до весны 1815 г., тем более что Жуковский в это время находился в Дерпте.

210.

М. А. Протасовой

(С. 327)

Автографы:

1) РО ИРЛИ. № 27813. Л. 1—5 — первая редакция, в самодельной тетради, озаглавленной (л. 1) «Дерпт и Петербург», в виде дневниковой записи, дата: «Апреля 12». Б. г.

2) РО ИРЛИ. Р. I. Оп. 9. № 3. Л. 2—8 об. — вторая редакция, в маленькой самодельной «книжке», без картонной обложки, на л. 1 эпиграф: «Und trennen uns gleich Meer und Land, // Vereinigt uns doch Freundschaftsband, // Und fester knüpft nach kurzer Zeit // Es einst die Ewigkeit!», дата: «Дерпт. Апрель 14-го» и рисунок (зажженный фонарь, воспроизведение: Памяти Жуковского. Вып. 1. С. 186). Б. г.

Впервые опубликовано: первая редакция: Ж. в семье Протасовых и Воейковых. С. 229 (отрывок); Гофман. С. 110—122 (полностью); вторая редакция: Памяти Жуковского. Вып. 1. С. 187—200.

Печатается по автографу второй редакции.

Датируется: 14 апреля 1815 г.

В письме Жуковский использовал более ранние дневниковые записи, обращенные к Маше Протасовой и датированные 10 и 12 апреля 1815 г. (см.: ПССиП. Т. 13. С. 95—103). Несомненно, были и другие дневниковые записи, которые, в свою очередь, предшествовали этим записям в дневнике «Дерпт и Петербург». В письме от 14 апреля 1815 г. Жуковский цитирует свою дневниковую запись с датой «Апреля 11» и указывает, что она была сделана им в «своей книге». Речь идет не о дневнике «Дерпт и Петербург», поскольку в нем, во-первых, нет этой даты, а во-вторых, запись сходного содержания включена как цитата («вот что я для себя написал») в запись от 12 апреля, причем она не совпадает с приведенным в письме от 14 апреля фрагментом по ряду содержательно-стилистических особенностей (см.: Там же. С. 98—99). Выстраивается следующая цепочка записей: во-первых, «в «своей книге» (не сохранилась), во-вторых, в дневнике «Дерпт и Петербург», в-третьих, в письме от 14 декабря. Это показывает, как Жуковский перерабатывал свои дневниковые записи в письма, которые он наконец передавал Маше Протасовой. Дневниковая запись от 12 апреля была первой редакцией письма, написанного 14 декабря.

Письмо от 14 апреля содержит отголоски трех несохранившихся писем: во-первых, письма самого Жуковского, в котором содержалась фраза «...позволь мне

от тебя отказаться и самому найти человека, который бы мог тебя сделать счастливою!» (поскольку эта фраза цитируется и в дневниковой записи от 12 апреля, можно датировать несохранившееся письмо Жуковского 11—12 апреля 1815 г.); во-вторых, ответа на него Маши Протасовой (дневниковая записка от 12 апреля начинается словами: «...твое письмо меня решило, и все мои сомнения исчезли. Я отсюда уеду и счастлив мыслью, что уеду»; и далее: «Теперь буду отвечать на твоё письмо» — см.: ПССиП. Т. 13. С. 95—96; цитаты из письма Маши, в частности, зашедшие Жуковского мыслью о возможном для нее замужестве, см.: Там же. С. 99, 100); в-третьих, еще одной записки Маши, полученной им 14 апреля в момент, когда он писал свое письмо. В письме от 14 апреля Жуковский многое переработал (особенно в том, что касалось его переживаний по поводу бессмысленности принесенной им жертвы — отказа от руки Маши) или смягчил, например, отзывы о Воейкове: «Мысль, что ты зависишь от Воейкова, — он не понимает ни твоего положения, ни твоего характера; он груб в душе своей; он способен минутной выгоде пожертвовать твоим счастьем; он получил Сашу обманом — решившись обманывать с таким постоянством тогда, он способен подобное сделать и опять! Откройся выгода, и он не подорожит ничем!» и след. (Там же. С. 96). Более рельефно в дневнике изображены и переживания Маши из-за предполагаемого охлаждения к ней Жуковского.

После обещания Жуковского изменить свое отношение к Маше его положение в доме Протасовой улучшилось лишь на самое краткое время. Маша, которая стремилась к браку с ним и верила в его осуществимость, не приняла побуждений Жуковского. М. Л. Гофман писал об этом: «...с мыслию о том, что Маша не понимает мотивов его самопожертвования, равно как и с мыслию о том, что это самопожертвование, все отняв, ничего не дало ему, разлучило его внутренно с Машею и сделало ее еще более несчастной, — с этой мыслию Жуковский не мог примириться и решил во всё открыться Маше. Но как можно было открыться во всё, — и в своей любви, — не нарушая обета самопожертвования и “братского” обещания? И как можно было преступить обет и оставаться в семье, когда он дал слово скрывать свои чувства и вырвать любовь к себе из сердца Маши? — Жуковский выходит из этого затруднения решением уехать из Дерпта» (Ж. в семье Протасовых и Воейковых. С. 231—232).

¹ Эпиграф представляет собой цитату из стихотворения датского поэта-сентименталиста Иенса Иммануила Баггесена «Abschiedsrund»*. Баггесен — хороший знакомый Н. М. Карамзина во время его путешествия по Европе, часто упоминаемый в «Письмах русского путешественника» (см.: Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Указатель имен).

² Ср. письма Жуковского к Маше от конца марта — начала апреля 1815 г. и примечания к ним, а также письмо Жуковского к А. П. Елагиной от 24 мая 1815 г.

³ Это переживание отразилось в письме Жуковского к Маше от 27 марта 1815 г.

---

* Последнее прощание (нем.).

⁴ Речь идет не о том письме Жуковского к Маше от 27 марта 1815 г., которое писалось и для прочтения его Екатериной Афанасьевной. О другом письме к Е. А. Протасовой идет речь в его письме к Маше от первых чисел апреля 1815 г., с указанием на холодное отношение к нему. Далее в письме от 14 апреля Жуковский излагает Маше содержание того письма: «...я говорю, что могу быть братом только вместе с нею, что розно она не имеет никакого права <ни> на мое сердце, ни на те чувства, которые в нем; что я жертвую ими не потому, что считаю их незаконными, а потому, что искреннее пожертвование считаю необходимым для общего счастья». Ср. в дневниковой записи от 27 июня 1815 г.: «Между тем Е<катерина> А<фанасьевна> имела уже мое письмо, в котором я требовал, чтобы она была моею сестрою так же точно, как я хотел быть ее братом» (ПССиП. Т. 13. С. 116).

⁵ История сватовства к Маше генерала от инфантерии, начальника штаба 4-го пехотного полка, А. И. Красовского, за которым стоял Воейков, иронически изложена в ее февральско-мартовском журнале; «бука», как она называла Красовского, уехал из Дерпта 12 марта (УС. С. 137—140). Об этом журнале Жуковский пишет А. П. Елагиной 24 мая 1815 г.: «Чтобы дать Вам некоторое понятие о том, что было со мною в Дерпте, посылаю Вам некоторые документы; несколько страниц из Машиного журнала, писанного для Вас <...>. В Дерпте был генерал Красовский — к счастью, был он до меня и до меня ушел в поход. Надежды, ему данные, испугали меня, и они-то произвели было во мне такую перемену, какой я и ожидать не мог» (см. наст. изд.). Далее Жуковский объясняет, что эта перемена состояла в решении пожертвовать своим чувством, чтобы получить право на участие в судьбе Маши.

⁶ См. письмо к М. А. Протасовой от 15 сентября 1814 г., примеч. 7.

⁷ Записка не сохранилась.

⁸ Цитата из стихотворения «Певец во стане русских воинов» (1812) (ПССиП. Т. 1. С. 242).

⁹ Стих 123 из элегии «Теон и Эсхин»: «Всё в жизни к великому средство» (ПССиП. Т. 1. С. 384), периодически встречающийся в письмах Жуковского 1815 г. с вариацией «Всё в жизни к прекрасному средство» (см., например, письма к М. А. Протасовой от 29—30 марта и 31 <?> марта 1815 г.).

¹⁰ Дерптского профессора богословия Лоренца Эверса, «старца Эверса», «святого Эверса», Жуковский глубоко чтит. Так, стихи из обращенного к нему послания «Старцу Эверсу» (1815) поэт сопоставлял в письме к А. П. Елагиной от 16 сентября 1815 г. с «Теоном и Эсином»: «Эверс, осмидесятилетний старик, есть человек единственный в своем роде — он живет для добра, и во всём этом простота младенца» (Переписка Ж. и Елагиной. С. 120). «“Своим Эверсом” Жуковский называл в письме от 16 апреля 1815 г. и Машу, которая вторила ему: “Первый человек (который заставляет благодарить Творца за то, что создал свет и на этом прекрасном свете его и меня) есть Лоренц Эверс. Вообрази, что этот прелестный старик заключает в себе всё, что мы с тобой видали, читали и воображали хорошего”, — пишет она 6 сентября 1815 г. к той же Киреевской» (УС. С. 155). См.: ПССиП. Т. 2. С. 13—15, 434.

¹¹ См. письма Жуковского к М. А. Протасовой от 29—30 марта (примеч. 1) и от первых чисел апреля 1815 г.

211.

М. А. Протасовой

(С. 336)

Автограф: РО ИРЛИ. Р. I. Оп. 9. № 3. Л. 8 об. — 9, в маленькой самодельной «книжке» (см. о ней вступительное примечание к письму к М. А. Протасовой от 14 апреля 1815 г.). Б. г.

Впервые опубликовано: Памяти Жуковского. Вып. 1. С. 200—201.

Печатается по автографу.

Датируется: 15 апреля 1815 г.

¹ На 14 апреля (т. е. «вчера») в 1815 г. пришла Великая среда. В это время в церкви была не только вечерня, но и исповедь в преддверии Великого четверга, когда, по обычаю, причащалась вся православная Россия.

² Объяснение с Е. А. Протасовой было вызвано тем, что на Страстной неделе все говели в ожидании, во-первых, причащения в Великий четверг, а во-вторых, Пасхи. Войдя в придворный штат, Жуковский уже никогда не отступал от этого установления.

212.

М. А. Протасовой

(С. 337)

Автограф: РО ИРЛИ. Р. I. Оп. 9. № 3. Л. 9—10 об., в маленькой самодельной «книжке» (см. о ней вступительное примечание к письму к М. А. Протасовой от 14 апреля 1815 г.).

Впервые опубликовано: Памяти Жуковского. Вып. 1. С. 201—206.

Печатается по автографу.

Датируется: 16 апреля 1815 г.

Публикацию письма в составе дневников Жуковского см.: ПССиП. Т. 13. С. 104—107.

¹ «Вчера» (15 апреля) в 1815 г. — Великий четверг.

² Имеется в виду стихотворение Воейкова:

У Гениев, как у Царей,
Премножество льстецов под именем друзей,
Но я уверен в том по чести,
Что человек с умом
Найдет различие меж другом и льстецом:
Лстец гладит по шерсти — друг гладит против шерсти.
(Ж. в семье Протасовых и Воейковых. С. 231).

Жуковский впоследствии подробно описал этот эпизод в дневниковой записи от 27 июня 1815 г. (см.: ПССиП. Т. 13. С. 115—117). Разговор с Воейковым, о котором говорится в письме от 16 апреля, произошел 4 апреля 1815 г.: именно эта дата стоит в дневнике под выпиской Жуковского из альбома, озаглавленной «Хороший плод хорошего разговора», которую он затем, напоминая, привел, с небольшими отличиями, в своем письме к А. Ф. Воейкову от 19—22 августа 1815 г. (см. примеч. 24). Стихотворный ответ Воейкова «У Гениев, как у Царей...» был написан им в альбом Жуковского спустя один-два дня после 4 апреля.

³ Не сохранилась. Видимо, из нее Жуковский делал выписку и в письме к Маше от 16 апреля, и в дневнике от 27 июня 1815 г.

⁴ Ср. запись в дневнике от 14 апреля, которая начинается словами: «Черта Воейкова»; далее речь идет об эпизоде, связанном с записью Жуковского «Хороший плод...» и стихотворением Воейкова (см.: ПССиП. Т. 13. С. 103—104).

⁵ См. письмо к М. А. Протасовой от 14 апреля 1815 г., примеч. 10.

⁶ Имеется в виду вечер Великого четверга.

⁷ Вероятнее всего, речь идет о проповеди в Великий четверг.

⁸ Обещание Жуковским сохранить верность Маше, которому она, скорее всего, поверила всей душой. Сходное заверение Жуковский выразил в письме к ней от 25 декабря 1815 г. (примеч. 18). Подобного рода уверения могли сыграть свою роль в том кризисе 1820—1821 гг., когда Маша поняла, что потеряла единственное, исключительное место в жизни Жуковского и начала жить в ожидании своей смерти.

⁹ Образец такого рода двойного текста Жуковского и Маши — письмо к Маше от 15 сентября 1814 г., записанное в «синенькой книжке» (см. вступительное примечание к нему, а также: ПССиП. Т. 13. С. 87—93).

¹⁰ О каком-то недоразумении, связанном с обсуждением ухаживания генерала А. И. Красовского за Машей в разговоре с Воейковым, идет речь и в дневниковой записи Жуковского от 12 апреля 1815 г. (Там же. С. 102, см. также с. 118).

¹¹ Возможно, имеется в виду приписка Жуковского «всё притворство!», сделанная на одной из страниц венского издания книги С. Гесснера «Schriften» (1784). Об этой приписке идет речь в дневниковой записи от 19—20 апреля 1815 г. (см.: Там же. С. 109, 478).

213.

М. А. Протасовой

(С. 340)

Автографы:

1) РО ИРЛИ. Ф. 244. № 27813. Л. 5—7 об. — первая редакция, запись в дневнике, дата: «20 апреля».

2) РО ИРЛИ. № 27810. Л. 111—115 об. — вторая редакция, письмо от 20 апреля 1815 г.

Впервые опубликовано: первая редакция: Ж. в семье Протасовых и Воейковых. С. 233 (отрывок); Гофман. С. 123—131; вторая редакция (цитаты): Ж. в семье Протасовых и Воейковых. С. 233, 235; Гофман. С. 70.

Печатается по автографу первой редакции.

Д а т и р у е т с я: 20 апреля 1815 г.

Запись от 20 апреля предваряется в дневнике записью: «19 апреля. <далее зачеркнуто несколько слов>» (ср.: ПССиП. Т. 13. С. 107). М. Л. Гофман утверждал, что «почти вся запись дневника <от 20 апреля 1815 г.> дословно вошла в письмо к Маше, написанное в тот же день. Жуковский готов был бы остаться в Дерпте и сохранить свой обет самопожертвования, “если бы маменька могла видеть во мне брата и точно как сестра дать мне все права в своем семействе”»; заканчивалось письмо словами: «Прошедшего у нас никто не отымет, а будущего не надобно! Одно только условие! не дай собою пожертвовать! Чтобы твой друг, твой брат не мог упрекнуть тебя, что ты добровольно истребила всё его счастье!» (Ж. в семье Протасовых и Воейковых. С. 233, 235); начало этого несохранившегося письма приведено в другой работе М. Л. Гофмана: «Милый друг, мне оставаться в Дерпте нельзя и не должно» (Гофман. С. 70). Об обстоятельствах того «самопожертвования» в отношении Маши, о котором Жуковский писал в своих письмах к ней, начиная с 27 марта 1815 г.

¹ Жуковский уехал в Петербург, по-видимому, 1 мая 1815 г.

² Эти письма М. А. Протасовой не сохранились, скорее всего, они относились к последним числам марта — первым числам апреля. Первым из них упомянуто то, которое было ответом Маши Жуковскому на его письмо к ней от 27 марта 1815 г. «Письмо к маменьке» говорило о намерении Жуковского помочь Маше выйти замуж и было написано им в первых числах апреля. См. письмо к М. А. Протасовой от первых чисел апреля 1815 г. и примечания.

³ Под «документами» здесь имеются в виду письма Жуковского к Е. А. Протасовой, в которых он обещал изменить свое чувство к Маше на родственное.

⁴ Жуковский неоднократно выражал в письмах возмущение «притворной набожностью» Воейкова, с помощью которой последний стремился расположить к себе Е. А. Протасову, — см., например, письма к Воейкову от 10—12 <?> июля 1814 г. и от 19—22 августа 1815 г.

⁵ Книга «Les jardins. Poème par Jacques Delille...» (Paris, 1801) сохранилась в библиотеке Жуковского (Описание. № 892). По этому экземпляру «Садов» Ж. Делиля Воейков переводил поэму на русский язык (см.: Лотман Ю. М. «Сады» Делиля в переводе Воейкова и их место в русской литературе // Делиль Ж. Сады. Л., 1988. С. 191—209). Кроме многочисленных следов работы над переводом, Воейков оставил в книге дневниковые записи (об этом см.: Реморова Н. Б. Книга Ж. Делиля «Сады» из библиотеки В. А. Жуковского как памятник истории культуры // Памятники культуры: Новые открытия. 1985. М., 1987. С. 19—32. Жуковский имеет в виду следующие записи — на с. 8: «Жуковский в Дерпт прибыл 18^{III}/₁₅»; на с. 195: «18^{II}/₁₀ 15 до 18^{III}/₂₀ 15 в Дерпте совершенно счастлив. И я, и Саша, и Мария». На с. 12 Воейков записывает: «Жуковский был Ангелом; я его обожаю; жаль, что он не знает меня и не любит так, как бы мне хотелось». (Воейков необычно датирует свои записи: выделенные жирным шрифтом цифры означают год, между ними через косую

черту дано указание на число и месяц: римская цифра обозначает месяц, арабская — число.) Подобные дневниковые записи Воейков оставлял и в других книгах (в сочинениях С. Гесснера, И. Дмитриева).

⁶ Лекции Воейкова по русской словесности посещали генералы расквартированного в Дерпте 8-го егерского полка, в том числе А. А. Писарев, Б. В. Полукетов, А. И. Красовский и др. Как замечает М. А. Протасова, «Красовский влюблен в Воейкова и вернее тени ходит за ним...» (УС. С. 142—143); в письме к А. П. Киреевской (Елагиной) от 6 марта 1815 г. она же дает характеристики генералов (Там же. С. 142).

⁷ Книга Гесснера (S. Gessner's Schriften. Th. 1. Der Tod Abels: In 5 Gesängen. Wien, 1784) сохранилась в библиотеке Жуковского (Описание. № 1105). Дневниковые записи Воейкова за май—июнь 1814 г. связаны с именем Авдотьи Николаевны Воейковой. Приводимая Жуковским запись находится на с. 21: «18^{VI}/14. С<ело> Турки. Умная и добрая Анна Николаевна Чинакаева согласно со мною думает, что опытность и несчастья Авдотьи Николаевны — суть счастье и опыт — для моей Александрины. После матушки — Авд<отья> Ник<олаевна> будет лучшим, ее ментором, гораздо лучшим, нежели я и Маша». Приписка Жуковского: «*всё притворство*», о которой говорится в дневнике, отсутствует: видимо, она была стерта.

⁸ История отношений Воейкова с этой женщиной полна неясностей. М. Л. Гофман без всяких на то оснований, только из-за совпадения имени и отчества, идентифицировал ее с племянницей Жуковского А. Н. Арбеновой (Гофман. С. 127). Эта ошибка стала общим местом в литературе о Жуковском и Воейкове. Р. В. Иезуитова, опубликовавшая письмо Жуковского к Воейкову от 19—22 августа 1815 г., где фамилия этой женщины — Воейкова, высказала предположение, что «она была однофамилицей, а возможно, и родственницей А. Ф. Воейкова» (Ежегодник РО ПД на 1980 г. Л., 1984. С. 101). В записной книжке П. И. Бартенева сохранилось следующее свидетельство К. К. Зейдлица о Воейкове: «Женившись в июле 1814 г., он возил жену <т. е. А. А. Протасову> в Тамбовскую губернию знакомить с женой своего брата, которого он сплавил. Оказалось, что от этой жены братниной у него сын Митинька, и этого ребенка Екатерина Афанасьевна (Протасова, урожденная Бунина) должна была поселить у себя в Дерпте» (Голос минувшего. 1919. № 1—4. С. 162). В архиве Воейкова сохранился альбом мадригальных стихотворений, датированных 1809—1812 гг. и обращенных к А. Н. Воейковой. Среди их авторов, кроме А. Ф. Воейкова, названы А. Ф. Мерзляков, И. И. Дмитриев. Видимо, Авдотья Николаевна жила в 1809—1810 гг. в Москве и с ней были знакомы друзья Воейкова. Любопытно, что на полях с. 114 упоминавшейся выше книги Ж. Делиля есть следующая запись: «1809. Сентября 5-го в Барановке у Андрея Сергеевича Кайсарова ждали приезда А... Н... Фокину». Фамилия дописана более яркими чернилами и в неправильном согласовании, но возможно, здесь названа девичья фамилия А. Н. Воейковой. Она была женой одного из братьев А. Ф. Воейкова, скорее всего, Павла Федоровича, к 1812 г. уже умершего, и связь с ней Воейкова продолжалась с 1806 по 1814 г. Об А. Н. Воейковой см. также письмо Жуковского к А. Ф. Воейкову от 19—22 августа 1815 г. (примеч. 5).

⁹ Со временем отношение Воейкова к Е. А. Протасовой приняло крайне резкие формы. Она писала А. П. Елагиной 29 сентября 1816 г.: «...ты знаешь мою истинную

привязанность к Воейкову, ты видела мое обращение с ним, мою нежную заботливость.... Чем же я заплочена? ненавистью, да! точно, во всей силе этого слова; он не только говорит, что меня ненавидит, нет, он покойно видеть меня не может...» (УС. С. 300).

¹⁰ Павел Федорович Воейков, муж Авдотьи Николаевны, служил чиновником в Рязани, по-видимому, там же находилось и его имение. А. Ф. Воейков в 1806—1807 гг. служил в Рязани.

¹¹ Этот муратовский эпизод Жуковский вспоминал и в своем письме к А. Ф. Воейкову от 19—22 августа 1815 г. Воейков был автором послания «Мерзлякову призывание в деревню» (1810).

¹² Письмо в печати неизвестно.

¹³ Жуковский вспоминает свою обращенную к Маше дневниковую запись от 28 июня 1814 г., переписанную в письмо к ней под этой же датой, где он определял истинное удовольствие как «удовольствие с воспоминанием» о нем, и дополняет ее здесь «философией фонаря». Это был любимый символ Жуковского, символ радостей жизни, счастливых моментов, озаряющих своим светом жизнь человека (РБ. С. 47; *Лебедева О. Б., Янушкевич А. С.* «Воспоминание и я — одно и то же» // Ж. в воспоминаниях. С. 13; см. также: ПССиП. Т. 13. С. 132—133 (запись в альбом гр. С. А. Самойловой). Фрагмент «Я когда-то написал ~ А прошедшее пускай идет с нами рядом!» записан Жуковским в альбоме А.А. Воейковой со странной датой: «30 апреля 1810 г. Дерпт»: в 1810 г. Воейковы еще не жили в Дерпте. Если это не ошибка чтения, то, скорее всего, дата относится ко времени создания этого текста, а обозначение места — к тому моменту, когда запись была перенесена в альбом А. А. Воейковой, т. е., к дерптскому периоду (1814—1820 гг.) жизни Воейковых (РС. 1902. № 4. С. 189—190).

¹⁴ Фонарь был нарисован Жуковским на эскизе печатки А. П. Киреевской (Елагиной), и он неоднократно в письмах к ней возвращался к этой символике (см.: Веселовский. С. 265).

¹⁵ Так Жуковский называл в письмах этого периода свою племянницу, сестру А. П. Елагиной, Анну Петровну Юшкову (в замуж. Зонтаг), будущую детскую писательницу (УС. С. 10, 18, 24).

¹⁶ Автоцитата из стихотворения «Теон и Эсхин», неоднократно повторяющаяся в дневниках и письмах, ставшая жизненным девизом поэта.

¹⁷ См. письмо к М. А. Протасовой от 14 апреля 1815 г., примеч. 10.

214.

М. А. Протасовой

(С. 345)

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 244. № 27813. Л. 7 об. — 8.

Впервые опубликовано: Ж. в семье Протасовых и Воейковых. С. 233 (отрывок); Гофман. С. 131—132.

Печатается по автографу.

Датируется: 22 апреля 1815 г.

¹ Обещание постараться выдать Машу замуж было дано Жуковским в несохранившемся письме к Е. А. Протасовой от первых чисел апреля 1815 г.

² «Выражение» Маши приведено Жуковским в дневниковой записи от 12 апреля 1815 г. (это первая редакция письма от 14 апреля, в которое слова Маши не попали): «Помнишь ли, что ты написала в своем последнем письме...»; здесь же излагаются и переживания Жуковского: «Это выражение сжало мое сердце» и след. (ПССиП. Т. 13. С. 99) — ср. в письме-дневнике от 22 апреля 1815 г. Письмо М. А. Протасовой, написанное, по-видимому, 11—12 апреля 1815 г., не сохранилось.

³ Именно так воспринял Жуковский реакцию Е. А. Протасовой (см. письмо к ней от 11 декабря 1815 г.) в ответ на его адресованное ей несохранившееся письмо, в котором он выразил несогласие с решением Маши выйти замуж за Мойера. Частично эти аргументы изложены в письме к М. А. Протасовой от 27—28 ноября 1815 г.; см. также примечания к нему.

⁴ См. позднейшую дневниковую запись Жуковского: «Красовский, нужный для блистательного начала лекций» (ПССиП. Т. 13. С. 118, 482); о присутствии на лекции «генералов» см. примеч. 6 к письму к М. А. Протасовой от 20 апреля 1815 г. История с Красовским, которому Воейков подавал надежды на брак с Машей, постоянно обсуждалась в переписке с ней Жуковского.

⁵ Намек на эпизод со стихами Воейкова «У Гениев, как у Царей...» (см. примеч. 2 к письму к М. А. Протасовой от 16 апреля 1815 г.).

⁶ По-видимому, ответ на какие-то слова Маши в ее несохранившемся письме.

215.

А. П. Киреевской (Елагиной)

(С. 346)

Автограф неизвестен. По сообщению А. Е. Грузинского, рукой К. К. Зейдлица на нем был ошибочно проставлен 1814 г. (УС. С. 9).

Копия: РНБ. Оп. 2. № 442. Л. 2—9, с пометой: «Апреля 26 (Дерпт. [1815] [1816] 1815)». См. примечания к письму Жуковского к А. П. Елагиной от второй половины сентября 1814 г.

Впервые опубликовано: УС. С. 7—9, с пометой: «(Дерпт. Апреля 26. 1815 г.)».

Печатается по копии.

Датируется: конец апреля (не позже 28-го) 1815 г.

Написано в ответ на письмо Елагиной от 26 марта 1815 г. с сообщением о намерении найти нового опекуна для своих детей (Переписка Ж. и Елагиной. С. 56—59). Основанием для датировки письма Жуковского может служить его дневниковая запись от 28 апреля 1815 г. (оформленная как письмо, адресованное М. А. Протасовой, с той же датой, см. примеч. 5 к этому письму), свидетельствующая о том, что заявленное решение стать опекуном детей А. П. Елагиной в этот момент уже не казалось поэту желательным: «Решиться быть опекуном — была минуту энтузи-

азма! Но это надобно хорошенько обдумать! Может быть, еще полезнее *не быть* опекуном, чем *быть*» (ПССиП. Т. 13. С. 114). В публикации письма А. Е. Грузинский поставил дату «26 апреля», «отсчитав» ее от даты письма Елагиной (см.: УС. С. 9), что, однако, не представляется верным. 15 мая и затем 30 мая 1815 г. Елагина дала в своих письмах к Жуковскому ответ, отказавшись возложить на него «бремя» в виде ее «запутанного хозяйства» (Переписка Ж. и Елагиной. С. 73, 82—83).

На ту же тему Жуковским было написано еще одно письмо, шутовское, которое он, по-видимому, не отправил Елагиной. В нем содержится ироничное упоминание Е. А. Протасовой как автора одной из идей относительно этого опекуна (см. следующее письмо).

¹ Речь идет об Иване Ильиче Вишнякове (Вешнякове), друге В. И. Киреевского, о котором Елагина писала в Дерпт М. А. Протасовой, ответившей ей 25 апреля 1815 г.: «...почему считаешь его годным в опекуны и извиняешь ему прошедшее?» (УС. С. 144). Тем не менее именно Елагина не отказалась от услуг Вишнякова по долбинскому имению.

² Василий Николаевич, лицо неустановленное; в копии П. И. Бартенева утверждается, что это был дядя Елагиной В. Н. Юшков, что не может быть верно: в 1815 г. В. Н. Юшкова уже не было в живых (1749—1811).

³ Елена Ивановна Черкасова.

⁴ Эджеворт Мария, английская (ирландская) писательница и моралистка, автор романов, повестей и педагогических трудов; большой популярностью пользовались ее «Essays on Practical education» (1798), переведенные А. П. Елагиной и опубликованные в «Библиотеке для воспитания» под заглавием «Практическое воспитание» (1843. Ч. 1. Отд. 1; 1844. Ч. 2 Отд. 1). В библиотеке Жуковского сочинения английской писательницы представлены в достаточно большом объеме (Описание. № 962—969), в том числе во французском переводе Шарля Пиктета «Éducation pratique» (Т. 1—2. Paris, 1801).

⁵ Жуковский приехал в Петербург в первых числах мая 1815 г.

⁶ А. И. Тургенев, директор Департамента духовных дел и иностранных вероисповеданий, жил в доме обер-прокурора Синода князя А. Н. Голицына вместе со своим младшим братом Н. И. Тургеневым, экономистом, одним из идейных руководителей движения декабристов.

⁷ Летом 1815 г. Жуковский в Долбино не приезжал.

⁸ О каком издании сочинений Шиллера идет речь, установить не удалось. В библиотеке Жуковского сохранилось его 12-томное собрание (Friedrich von Schillers sämtliche Werke. Bde 1—12. Stuttgart u. Tübingen, 1812—1815; Описание. № 2754), но, вероятно, в библиотеке поэта оно появилось позднее.

⁹ Мария Алексеевна Черкасова.

¹⁰ Скорее всего, речь идет о портрете Жуковского (бумага, гуашь; 9 × 8,6) работы К.-А. Зенфа, с которым Жуковский познакомился в Дерпте. О получении его в Долбине Авдотья Петровна сообщала 10 июля: «Ванюша заплакал от радости, получа Ваш милый портрет, да признаюсь, поплакала над ним и я. Сначала от радости,

а потом и не от радости. Когда же эта милая рожица будет выражать счастье! С тех пор, как я его получила, мне очень грустно и от этого сходства, от задумчивого этого взгляду и от этой доброй, выражающей всю прелестную душу Вашу, но несносно горестной улыбки...» (Переписка Ж. и Елагиной. С. 100). О портрете подробнее см.: *Вуич Л. И.* Уткинский архив сегодня // ЖИМ. Вып. 1. С. 361—362; портрет воспроизведен на вклейке (между с. 367 и 381, л. 7).

216.

А. П. Киреевской (Елагиной)

(С. 349)

Автограф неизвестен.

Копия: РНБ. Оп. 2. № 442. Л. 8—8 об., с пометой: «[1814] 1815»; запись карандашом, относящаяся к сомнениям относительно необходимости включения письма в публикацию УС: «И это письмо выпусти, дабы не вредить серьезности настоящего предмета».

Впервые опубликовано: РБ. С. 90—91.

Печатается по копии.

Датируется: конец апреля 1815 г.

По предположению И. А. Бычкова, письмо является «окончанием» («на отдельном листе») письма Жуковского к А. П. Елагиной от конца апреля (не позже 28-го) 1815 г., где он предлагал себя в качестве опекуна над ее детьми и имуществом (РБ. С. 91); вероятнее всего, оно не было приложено им к отправленному в Долбино письму. В том письме, как и в неотправленном, Жуковский касался необходимости назначения еще одного, помимо себя, опекуна (правда, называл другое имя, некоего «Василия Николаевича») и не скрывал отсутствия у себя опыта в опекунских делах.

¹ Е. А. Протасова.

² Карл Яковлевич Дезе, управляющий в имении Киреевских, белевский знакомый Жуковского и Елагиной (см. письма к нему в наст. изд.).

³ «Андрей Николаевич Мясоедов, белевский уездный стряпчий» (РБ. С. 91).

217.

М. А. Протасовой

(С. 350)

Автограф: РО ИРЛИ. Р. I. Оп. 9. № 3. Л. 11—13, в маленькой самодельной «книжке» (см. о ней вступительное примечание к письму к М. А. Протасовой от 14 апреля 1815 г.). Б. г.

Впервые опубликовано: Памяти Жуковского. Вып. 1. С. 206—211.

Печатается по автографу.

Датируется: 28 апреля 1815 г.

Написано в ответ на неизвестное письмо М. А. Протасовой. По свидетельству М. Л. Гофмана, этому письму Жуковского предшествовало другое, от 26 апреля, которое содержало «в себе только “глупую историю” с Воейковым» (Ж. в семье Протасовых и Воейковых. С. 233; РО ИРЛИ. № 27810. Л. 115 об. — 116). «Краткое описание рукописей» Гофмана называет два несохранившихся, близких по тематике письма 1815 г.: «Ты должна мне непременно описать то, что случилось...» (без даты; РО ИРЛИ. № 27810. Л. 117—117 об.); «Когда делаешь дурно, не от испорченности...» (дата: «Нынче») (Гофман. С. 70; РО ИРЛИ. № 27810. Л. 118—118 об.).

¹ «Те» — Воейков и Е. А. Протасова, «тот» — Воейков.

² «Глас вопиющего в пустыне» — аллюзия на книгу пророка Исаи и Евангелие от Матфея (Ис. 40, 3; Мф. 3, 3).

³ О «философии фонаря» ср. письма Жуковского к М. А. Протасовой от 28 июня 1814 г. и от 20 апреля 1815 г.

⁴ Стих 78 из стихотворения «Теон и Эсхин» (ПССиП. Т. 1. С. 382).

⁵ Имеется в виду опека над детьми овдовевшей А. П. Киреевской (Елагиной).

⁶ Слегка измененный стих 122 из стихотворения «Теон и Эсхин» («Всё в жизни к великому средство», см.: Там же. С. 384), периодически цитируемый Жуковским в письмах и дневниках этих лет.

218.

М. А. Протасовой

(С. 353)

Автограф: РО ИРЛИ. № 27813. Л. 8. Б. г.

Впервые опубликовано: Ж. в семье Протасовых и Воейковых. С. 235—236 (не полностью); Гофман. С. 133.

Печатается по автографу.

Датируется: 2 мая 1815 г.

Написано на постоялом дворе, по пути из Дерпта в Петербург. Вероятнее всего, письмо не было показано или передано адресату.

¹ Жуковский имеет в виду Машу Протасову и друзей, поддерживавших его в чувствах к ней.

219.

А. П. Киреевской (Елагиной)

(С. 354)

Автограф неизвестен.

Копия неизвестна.

Впервые опубликовано: РС. 1883. № 3. С. 673, с пометой: «12-го мая, Петербург (1815)».

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: 12 мая 1815 г.

Отклик на письма Авдотьи Петровны от 22 апреля и 1 мая 1815 г. (Переписка Ж. и Елагиной. С. 61—64, 68—72). Подробные ответы на них Жуковский дал в следующем своем письме к ней, от 24 мая 1815 г.

¹ Вероятно, Жуковский имеет в виду Плещеевых, о переписке с которыми он упомянул в письме к А. П. Елагиной от 24 мая 1815 г.

² За время пребывания Жуковского в Дерпте известно лишь одно сохранившееся письмо его к А. П. Елагиной, от конца апреля 1815 г. Письмо от 21 марта 1815 г. не сохранилось (см. письмо к А. П. Елагиной от 24 мая 1815 г. и примечания).

³ К. Я. Дезе. О хлопотах Жуковского по делу К. Я. Дезе см. его письма к последнему, а также его письмо к А. П. Елагиной от 17 декабря 1815 г. в наст. изд.

⁴ Мадам Дружинина, лицо неустановленное. Возможно, жена П. М. Дружинина, адъюнкта Московского университета. См. о нем примеч. 8 к письму к П. А. Вяземскому от начала ноября 1815 г.

⁵ Сестры А. П. Елагиной: Анета — А. П. Юшкова (Зонтаг), Катоша — Е. П. Юшкова (Азбукина; в первой публикации явная ошибка прочтения имени: Е. П. Юшкову в семье звали не Катюшей, а Като или Катошей); В. А. Азбукин и Н. А. Азбукина, его сестра.

220.

П. А. Вяземскому

(С. 355)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1909. Л. 84—84 об. Б. г.

Публикуется впервые.

Датируется: 20 мая 1815 г.

Год определяется по содержанию письма.

¹ См. письмо к П. А. Вяземскому от первых чисел апреля 1815 г.

² Вероятно, письмо Вяземского к А. И. Тургеневу от 22 марта 1815 г. (ОА. Т. 1. С. 26—28).

³ Подробный рассказ поэта о представлении императрице Марии Федоровне, состоявшемся 9 мая 1815 г., см. в письме к А. П. Елагиной от 11 июня 1815 г. и комментарии к нему.

⁴ Речь идет о стихотворении «Певец в Кремле», работу над которым Жуковский начал в Долбине 1—4 декабря 1814 г. (см.: ПССиП. Т. 1. С. 680; Т. 2. С. 459. Комментарий Н. В. Серебренникова).

⁵ Е. Ф. Муравьева, вдова М. Н. Муравьева.

⁶ Н. М. Карамзин. Речь идет о подготовке «Полного собрания сочинений М. Н. Муравьева» (СПб., 1819—1820).

⁷ Имеются в виду «Письма к молодому человеку о предметах, касающихся истории и описания России» (Полное собрание сочинений М. Н. Муравьева: В 3 ч. Ч. 2. СПб., 1819. С. 105—112).

221.

А. А. Прокоповичу-Антонскому

(С. 356)

Автограф неизвестен.

Копия неизвестна.

Впервые опубликовано: РА. 1883. Кн. 1. № 2. С. 325—326, с пометой: «20 мая, С.-Петербург (1815)». Перепечатано: РА. 1902. № 5. С. 135—136, с той же датой.

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: 20 мая 1815 г.

¹ Жуковский приехал в Петербург из Дерпта около 3—4 мая 1815 г. (см. примеч. 1 к письму к М. А. Протасовой от 20 апреля 1815 г., а также письмо к П. А. Вяземскому от 20 мая 1815 г.). В дневнике от 3—7 мая поэт отмечает: «Приехал в Петербург в 12 часов ночи. Тургенева нет дома. Сидел долго до утра перед озером, смотря на Мих<айловский> замок, который, как черная тень, возвышался над Фонтанкою, осененною месяцем. С Тургеневым проговорил до самого утра» (ПССиП. Т. 13. С. 115).

² С января до первой половины марта 1815 г. Жуковский жил в Москве.

³ С 16 марта 1815 г. Жуковский находился в Дерпте вместе с семейством Протасовых-Воейковых. О жизни Жуковского в Дерпте в 1810-х гг., его творческих контактах с профессорами Дерптского университета и с представителями немецкой культуры см.: Никонова Н. Е. В. А. Жуковский и немецкий мир. М.; СПб., 2015. С. 29—115.

⁴ Упоминаемые здесь А. И. Тургенев, так же как и его брат Н. И. Тургенев, Д. А. Кавелин и Д. В. Дашков, были воспитанниками Московского университетского Благородного пансиона. О встречах с ними в Петербурге в мае—июне 1815 г. см. письмо Жуковского к А. П. Елагиной от 11 июня 1815 г.

⁵ 30 декабря 1814 г. послание Жуковского «Императору Александру» было прочитано А. И. Тургеневым во дворце у императрицы Марии Федоровны в присутствии членов царской семьи. В январе 1815 г. это послание было выпущено отдельной книжкой. Всё это, как представляется, послужило поводом для личного знакомства поэта с вдовствующей императрицей и великими князьями и назначения его в сентябре 1815 г. чтецом государыни Марии Федоровны. Подробнее об этом послании см. в комментариях И. А. Поплавской (ПССиП. Т. 1. С. 721—726). В упомянутом выше письме Жуковского к А. П. Елагиной поэт рассказывает об этой встрече во дворце; подробный рассказ поэта о представлении императрице Марии Федоровне см. в письме к А. П. Елагиной от 11 июня 1815 г. и комментарии к нему.

⁶ 23 марта 1814 г. скончался первый директор Царскосельского лицея В. Ф. Малиновский. В связи с его смертью А. А. Прокопович-Антонский намеревался полу-

чить эту должность, о чем между ним и Жуковским состоялся разговор во время пребывания поэта в Москве. С марта 1816 г. директором Лицея был назначен Е. А. Энгельгардт (см.: примеч. 1 к письму к А. И. Тургеневу от 21 июня 1814 г.; см. также: *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. Л., 1988. С. 250, 512—513).

⁷ В мае—июне 1815 г. Жуковский жил вместе с А. И. Тургеневым в доме обер-прокурора Синода князя А. Н. Голицына, на Фонтанке, современный адрес: Фонтанка, 20 (см.: Ж. в Петербурге. С. 289). Подробнее об этом см. письмо Жуковского к А. П. Елагиной от 11 июня 1815 г.

222.

А. П. Киреевской (Елагиной)

(С. 357)

Автограф неизвестен.

Копия неизвестна.

Впервые опубликовано: РС. 1883. № 3. С. 673—678, с пометой: «24-го мая, Петербург (1815)».

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: 24 мая 1815 г.

Написано в ответ на три письма Елагиной — от 22 апреля, 1 мая и 15 мая 1815 г. (Переписка Ж. и Елагиной. С. 61—64, 68—72, 73—77). В письме от 12 мая 1815 г. первое из них Жуковский назвал «грустным и досадным» и обещал «подробно» отвечать на него в следующем письме.

¹ Огорчившее Жуковского письмо А. П. Елагиной от 22 апреля 1815 г. было ответом на несохранившееся письмо к ней поэта от 21 марта 1815 г. Именно в нем содержалось какое-то сообщение об отношении Е. А. Протасовой к Авдотье Петровне.

² В публикации РС: «за С. М . . . . С . . . . . на». Речь идет о Сергее Михайловиче Соконине, однокашнике Жуковского по Московскому университетскому Благородному пансиону, который искал руки Авдотьи Петровны; Жуковский был против этого союза.

³ Замечания такого рода делались и ранее в письмах Жуковского к Елагиной, см., например, первое из сохранившихся писем к ней от июля 1813 г.

⁴ Цитата из письма Елагиной, далее: «Жуковский, неужели Вы <...> можете не чувствовать, что Вы мне брат, что Вы родной моему семейству, когда дети мои плачут об Вас в день радости?» (Переписка Ж. и Елагиной. С. 63). Жуковскому Авдотья Петровна приходилась родной племянницей.

⁵ Маша в письме к Авдотье Петровне от 6 марта 1815 г. сообщала: «Я пишу к тебе журнал, и всё искренно и подробно — однако до 25 февраля, а там я положила, что писать *не к кому* более <Маша боялась, что Авдотья Петровна, провожавшая семью от Москвы до Клина и заболевшая дорогой, скончалась> и бросила... теперь примусь за него опять, но пришлю его не в Москву, а в Долбино; он пишется для

тебя и только!» (УС. С. 141). Журнал М. А. Протасовой от 23 февраля — 12 марта, писанный «на нескольких отдельных полулистах» (примечание А. Е. Грузинского), был отправлен Авдотье Петровне Жуковским, по-видимому, с письмом от 24 мая 1815 г. и сохранился в ее архиве (Там же. С. 137—141). Какой-то другой дневник Елагина, уже после своего второго замужества, вернула Жуковскому, «настойчиво» потребовавшему его, причем он «нашей Маши» только «касался» (см.: Переписка Ж. и Елагиной. С. 83—85, где письмо с датой «9 juin», б. г., ошибочно связано с письмом Жуковского от 24 мая 1815 г.).

⁶ По-видимому, это именно те письма Жуковского к Маше, которые Елагина передала К. К. Зейдлицу и которые он затем напечатал, — см. письма от 29—30 марта, 31 марта и первых чисел апреля 1815 г. В письме от 24 мая Жуковский излагает историю своего пребывания в Дерпте в конце марта — апреле 1815 г., когда он пытался изменить свое положение в доме Протасовых через отказ от притязаний на руку Маши. Помимо указанных писем, см. об этом в письмах его к М. А. Протасовой от следующих чисел апреля 1815 г. — 12, 14, 15, 16, 20, 22.

⁷ История ухаживания и сватовства А. И. Красовского (см. о нем примеч. 6 к письму к М. А. Протасовой от 14 апреля 1815 г.) изложена в журнале М. А. Протасовой (УС. С. 137—140). Красовский упоминается в письмах Жуковского к М. А. Протасовой от 14, 16 и 22 апреля 1815 г.

⁸ Ср. в дневнике 1815 г.: ПССиП. Т. 13. С. 97—121.

⁹ Письма Жуковского к Е. А. Протасовой от последних чисел марта — начала апреля не сохранились. Жуковский упоминает о них — с пересказом некоторых своих выражений (они приведены и в данном письме, в частности о том, что он может быть «братом ее <...> только с нею») — в письмах к Маше от первых чисел и затем от 14 апреля 1815 г.

¹⁰ См. об этом в письме Жуковского к М. А. Протасовой от 20 апреля 1815 г.

¹¹ Афоризм, выражающий формулу жизненной философии Жуковского, стих 122 из стихотворения «Теон и Эскин»; в вариативной форме цитируемый в письмах к М. А. Протасовой от 29—30 марта, 14 апреля, 20 апреля, 28 апреля 1815 г.

¹² Реминисценция дневниковой записи от 19—20 апреля 1815 г., фрагмент которой вошел в письмо к М. А. Протасовой от 20 апреля 1815 г. См.: ПССиП. Т. 13. С. 110—111; см. также примеч. 13—14 к письму к М. А. Протасовой от 20 апреля 1815 г. и письмо к ней же от 28 апреля 1815 г.

¹³ О представлении Жуковского вдовствующей императрице Марии Федоровне см. в письме к А. П. Елагиной от 11 июня 1815 г., из которого следует, что это событие состоялось 9 мая 1815 г.

¹⁴ Письмо Плещеевым не сохранилось.

¹⁵ За май—июль 1815 г., после отъезда Жуковского из Дерпта, его писем к М. А. Протасовой не сохранилось (как и писем к ее матери и сестре; письмо от 2 мая из Нарвы, вероятнее всего, не было отправлено и сохранилось в составе дневника).

¹⁶ Речь идет о стихотворении «Певец в Кремле», работу над которым Жуковский начал в Долбине 1—4 декабря 1814 г. (ПССиП. Т. 1. С. 680; Т. 2. С. 459. Комментарий Н. В. Серебренникова).

¹⁷ По предложению Е. Ф. Муравьевой, вдовы М. Н. Муравьева, Жуковский вместе с К. Н. Батюшковым подготовил и издал в трех частях «Полное собрание сочинений М. Н. Муравьева» (СПб., 1819—1820). В библиотеке Жуковского хранится экземпляр этого издания с пометами и записями поэта во второй части (Описание. № 236).

¹⁸ Это издание не состоялось, планы неизвестны.

¹⁹ Имеется в виду первое издание «Стихотворений Василия Жуковского»: его первая часть вышла в ноябре 1815 г., вторая — в конце декабря 1816 г.

²⁰ См. письмо к А. П. Елагиной от конца апреля (не позже 28-го) 1815 г. и примечания к нему.

223.

К. Я. Дезе

(С. 361)

Автограф неизвестен.

К о п и я: РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1. № 78. Л. 4—4 об. Б. г.

Публикуется впервые, подготовка текста к печати А. С. Янушкевича.

Д а т и р у е т с я: 31 мая — 4 июня 1815 г.

Год определяется по связи содержания с письмами к А. П. Елагиной от 12 мая, 9 июня и 17 декабря 1815 г.

В предпосланной копиям с писем Жуковского к К. Я. Дезе пояснительной записке автора копий, Т. Рождественского, о местонахождении автографов говорится следующее: «Подлинники сообщаемой переписки с Дезе хранятся в Белевском музее в особом альбоме in folio, в переплете голубого бархата. Альбом этот, как видно из надписи в нем, составил в 1873 г. В. С. Сорокин, бывший директор Белевской публичной библиотеки им. В. А. Жуковского <...>. Письма тщательно вклеены в альбом и были пожертвованы в публичную библиотеку при письме от 24 ноября 1873 г. гражданки Александры Соколовой, из которого видно, что ей письма Жуковского были доставлены от деда ее, Карла Яковлевича Дезе...» (Л. 2—2 об.).

¹ Речь идет о деле К. Я. Дезе, которое не раз упоминается в переписке Жуковского с А. П. Елагиной. 12 мая 1815 г. поэт заверял ее в письме, что всё, зависящее от него и А. И. Тургенева, будет сделано для К. Я. Дезе «непрерменно». 9 июня А. П. Елагина справляется о деле Карла Яковлевича в письме к Жуковскому («Прошу мне сказать словечко о Карле Яковлевичем деле», см.: Переписка Ж. и Елагиной. С. 84). 17 декабря 1815 г. Жуковский писал А. П. Елагиной: «...то, чего он желал, исполнено: конкурс переведен в Белев» (см. наст. изд.).

² Николай Иванович Огарев, действительный тайный советник, сенатор, обер-прокурор 4-го департамента Правительствующего Сената, занимался гражданскими делами.

³ Александр Павлович Протасов, тайный советник, сенатор, двоюродный брат М. А. Моейр-Протасовой.

⁴ Павел Иванович Протасов, орловский вице-губернатор, дядя М. А. Моейр-Протасовой.

⁵ Н. И. Огарев был женат на Елизавете Сергеевне Новосильцевой, двоюродной сестре А. П. Протасова.

⁶ Т. е. Е. С. Новосильцева.

⁷ Церковнославянское наречие, возникло из сращения в одно слово словосочетания «своя веси», т. е. свои деревни, с предложением «во» означает «домой».

⁸ Имеется в виду семейство Протасовых-Воейковых, родственники Жуковского, уехавшие в Дерпт в конце января 1815 г.

⁹ Имеется в виду Федор Александрович Камкин (умер не позднее 2 августа 1815 г.).

¹⁰ Возможно, имеется в виду «Полное собрание сочинений» М. Н. Муравьева, которое Жуковский начиная с 1811 г. готовил к изданию вместе с К. Н. Батюшковым. Поэтическую и прозаическую части собрания сочинений он отредактировал в 1814 г., опираясь на издания Н. М. Карамзина и К. Н. Батюшкова. См. об этом: БЖ. Т. 1. Гл. 3. См. также письма к П. А. Вяземскому от июня, второй половины октября 1811 г., от февраля и от 29 марта 1814 г., к А. И. Тургеневу от сентября и от 20 октября 1814 г. Однако в ноябре 1814 г. Жуковский писал Вяземскому о потере рукописи отредактированных стихов Муравьева и о необходимости начать эту работу снова. В письме от 24 мая 1815 г. А. П. Елагиной поэт сообщал, что в его ближайших планах «кончить “Певца”» и сделать «издание Муравьева сочинений», «после Муравьева издание своих сочинений». Издание вышло в трех частях в Санкт-Петербург в 1819—1820 гг.

224.

К. Я. Дезе

(С. 362)

Автограф неизвестен.

К о п и я: РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1. № 78. Л. 5. Б. г.

Публикуется впервые, подготовка текста к печати А. С. Янушкевича.

Д а т и р у е т с я: 10 июня 1815 г.

Датировка: см. письмо к нему же от 31 мая — 4 июня 1815 г.

¹ А. П. Елагиной.

² Николай Петрович Свечин, военный, переводчик, автор комедий, муж племянницы Жуковского М. Н. Вельяминовой (в замужестве Свечиной).

³ Возможно, жена К. Я. Дезе.

225.

К. Я. Дезе

(С. 363)

Автограф неизвестен.

Копия: РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1. № 78. Л. 6. Б. г.

Публикуется впервые, подготовка текста к печати А. С. Янушкевича.

Датируется: 12 июня 1815 г.

Датировка: см. письмо к нему же от 31 мая — 4 июня 1815 г.

¹ Об Огареве и его родственных связях см. примеч. 2 и 5 к письму к К. Я. Дезе от 31 мая — 4 июня 1815 г.

² Т. е. Сергея Николаевича Новосильцева, сестра которого, Мария Николаевна, была женой П. И. Протасова и матерью А. П. Протасова.

226.

А. П. Киреевской (Елагиной)

(С. 363)

Автограф неизвестен.

Копия: РНБ. Оп. 2. № 442. Л. 6—7 об., 10—11, с пропусками больших фрагментов, как два самостоятельных письма (рукой П. И. Бартенева и неизвестного), с пометами: «1815. 11 июня. СПб.» и (от слов «Я не сказал Вам о весьма важном...») «1815. СПб. Февр.». В копии отсутствует часть письма (о визите к императрице), которая была опубликована в РА; рукой Бартенева рядом с другими фрагментами: «Не стоит печатать». См. примечания к письму Жуковского к А. П. Елагиной от второй половины сентября 1814 г.

Впервые опубликовано: РА. 1865. № 7. Стб. 803—806, с пометой: «11 июня (1815). СПб.» — фрагмент.

Впервые полностью: УС. С. 9—17, с пометой: «(1815 г., июня 11. СПб.)».

Печатается по тексту полной публикации, с восстановлением пропущенных слов по тексту публикации РА и сверкой по копии.

Датируется: 11 июня 1815 г.

Написано в ответ на письма от 30 мая 1815 г., во-первых, А. П. Елагиной (Переписка Ж. и Елагиной. С. 82—83), а во-вторых, ее сестер А. П. Зонтаг и Е. П. Азбукиной (не сохранились).

¹ Речь идет о предложении Жуковского стать опекуном детей Киреевских (см. два письма Жуковского к А. П. Елагиной от конца апреля (не позже 28-го) и от 24 мая 1815 г.).

² Сирейны — сирень.

³ Т. е. в Дерпт.

⁴ Жуковский приехал в Дерпт около 20 июля 1815 г. на крестины дочери Воейковых, родившейся 26 июля.

⁵ Речь идет о замысле эпической поэмы «Владимир».

⁶ Ст. 81—88 из послания Жуковского «К кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину» (1814).

⁷ Журнал «Британская библиотека» («Bibliothèque britannique». Genève, 1796—1815), печатавший переводы из английских изданий, в двух сериях, литературной и научной. Цитата, приведенная Жуковским, — фрагмент из статьи «De l'inconséquence dans nos espérances» («О нашей непоследовательности в надеждах»), которая является французским переводом фрагмента из книги: *Miscellaneous pieces, in prose* / By J. and A. L. Aikin. Belfast, 1774. Автор книги, Джон Эйкин, — английский врач и писатель, автор известных научно-популярных сочинений, произведений для детей, писавший в соавторстве со своей сестрой, Анной Летицией Барбо. Статья «De l'inconséquence dans nos espérances» напечатана в разделе «Мораль» в изд.: *Bibliothèque britannique, ou recueil extrait des ouvrages anglais périodiques et autres....* Т. 1. Littérature. Genève, 1796, Р. 643—655; цитата в письме Жуковского: Р. 646—648. Имя Эйкина было известно Жуковскому еще в период самообразования: в конспекте <На что делать примечания к Эшенбурговой теории> Эйкин упомянут как лирический поэт (ПССиП. Т. 12. С. 22).

⁸ «Хвала — гул шумный и невнятный» — ст. 80 из послания «К кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину» (1814). Далее в копию вложены чистые листы, возможно, заимствованные из подлинника письма, в конце которого Жуковский писал, что вкладывает в него чистые «листки» для записей Елагиной и ее сестер.

⁹ О проекте издания сочинений М. Н. Муравьева см. примеч. 10 к письму к А. И. Тургеневу от конца сентября 1814 г. и примеч. 17 к письму к А. П. Елагиной от 24 мая 1815 г.

¹⁰ Замысел издания своих произведений возник у Жуковского в начале 1813 г. (см. письмо к А. И. Тургеневу от 6 февраля 1813 г.; см. также письмо к Д. Н. Блудову от февраля (?) 1815 г. и письма к А. И. Тургеневу от 1 декабря 1814 г. и от 4 марта 1815 г.).

¹¹ По-видимому, имеется в виду подготовка к выпуску в 1815 г. ч. 1—3 «Собрания образцовых русских сочинений и переводов в стихах...» и «Собрания образцовых русских сочинений и переводов в прозе...» (издания завершены в 1817 г.).

¹² О плане журнала, задуманного Жуковским и его друзьями, см. письмо к А. П. Елагиной от 24 мая 1815 г.

¹³ Ст. 61—62 из стихотворения Жуковского «Теон и Эсхин».

¹⁴ Имеется в виду история женитьбы Блудова на княжне Анне Андреевне Щербатовой, которой он добивался более десяти лет.

¹⁵ Сказка К. Н. Батюшкова «Странствователь и домосед» (1814—1815).

¹⁶ Иван Андреевич Крылов, баснописец, журналист, драматург.

¹⁷ Алексей Николаевич Оленин, директор Публичной библиотеки, президент Академии художеств, историк, археолог. Далее упоминается его жена Елизавета Марковна и их гостеприимный дом, где собирались литераторы, артисты, художники, ученые. Сохранилось дружеское письмо Оленина к Жуковскому

от 19 июня 1815 г. с приглашением к обеду (*Тимофеев Л. В.* Приют, любовью муз согретый. СПб., 2007. С. 155).

¹⁸ Оленинскому дому в Приютине посвящено послание Багюшкова «К А. И. Тургеневу» (1813—1814) (см.: Там же. С. 141).

¹⁹ Жуковский обрисовывает позицию Оленина как «диктатора» своего салона, который, порицая какие-то из выступлений в печати А. С. Шишкова в защиту старого слога, одновременно сдержанно оценивает и достижения Н. М. Карамзина. По словам П. Н. Арапова, «А. Н. Оленин вырос в учении и преданиях старой школы, но не был врагом и хулителем новой. <...> По званию и связям своим был он членом Беседы <любителей русского слова>, посещал ее собрания, принимал у себя писателей старой школы; но замечал и отличал труды молодых даровитых писателей, составлявших оппозицию старине» (*Арапов П. Н.* Летопись русского театра. СПб., 1861. С. 169).

²⁰ Из задуманных Олениным появилась лишь виньетка на первом томе, которая готовилась под его наблюдением художником И. А. Ивановым (гравер М. А. Иванов). Для рисунка были выбраны строки из послания Жуковского «К кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину» (1814) с упоминанием Мемнона («Один, среди песков, Мемнон...» и след.). Третья часть вышла при переиздании «Стихотворений» в 1818 г.; первые две части — в 1815—1816 гг.

²¹ Князь Александр Николаевич Салтыков, сенатор, член Государственного совета.

²² Софья Петровна Свечина, писательница, хозяйка католического салона в Париже.

²³ Екатерина Андреевна Карамзина, вторая жена Н. М. Карамзина, сестра П. А. Вяземского, хозяйка литературного салона, собиравшего лучшую интеллигенцию петербургского общества 1820—1840-х гг.

²⁴ Екатерина Федоровна Муравьева, вдова М. Н. Муравьева, мать декабристов Никиты и Александра Михайловичей Муравьевых.

²⁵ О какой чете графа и графини Строгановых говорит Жуковский, установить не удалось.

²⁶ Речь идет о графе Николае Петровиче Румянцеве.

²⁷ Троицкая церковь (архитектор А. Н. Воронихин) воспета в стихах Г. Р. Державина «На домовую церковь князя А. Н. Голицына» (1813).

²⁸ Екатерина Ильинична Голенищева-Кутузова, светлейшая княгиня, вдова фельдмаршала М. И. Голенищева-Кутузова, светлейшего князя Смоленского. Визит к ней был сделан Жуковским в середине мая 1815 г. (см.: ПССиП. Т. 2. С. 432).

²⁹ Константин Федорович Опочинин, внук М. И. Кутузова, впоследствии полковник, флигель-адъютант.

³⁰ В связи с победой русских под Красным Жуковским было написано послание «Вождю победителей» (1812), которое в отдельном издании 1813 г. имело заглавие «К князю Смоленскому» (см.: ПССиП. Т. 1. С. 245—247, 607).

³¹ Имеется в виду «Певец в Кремле», законченный Жуковским в 1816 г.; в нем Кутузову посвящены ст. 256—291 (Там же. Т. 2. С. 344—45, 463).

³² Начало первой строфы стихотворения Жуковского «Младенец» (1814) по первой журнальной публикации, 1815 г., с заменой слова «лживой» на «ложной» (см.: ПССиП. Т. 1. С. 718).

³³ Гогарт (Хогарт) Уильям, знаменитый английский рисовальщик, гравер и живописец, автор сатирических рисунков о жизни английского общества XVIII в.

³⁴ При жизни Жуковского стихотворение не печаталось (Там же. Т. 2. С. 431).

³⁵ На вечере присутствовали Анна Михайловна Хитрово и Дарья Михайловна Опочинина.

³⁶ Анна Сергеевна Голицына, княгиня, жена князя И. А. Голицына, адъютанта великого князя Константина Павловича. В связи с ней упоминается М. А. Черкасова.

³⁷ Мария Федоровна, вдовствующая императрица.

³⁸ Жуковский приехал в Петербург в ночь на 4 мая (в 1815 г. это был вторник) и, следовательно, был представлен императрице 9 мая 1815 г.

³⁹ Николай Павлович, великий князь, российский император Николай I с 1825 г.

⁴⁰ Михаил Павлович, великий князь, генерал-фельдмаршал, главнокомандующий гвардейским и гренадерским корпусами, младший брат Николая I.

⁴¹ Скорее всего, имеется в виду великая княгиня Екатерина Павловна — четвертая дочь императора Павла I от брака с Марией Федоровной, любимая сестра императора Александра I, в 1815 г. вдова принца Георга Ольденбургского, вторично вышедшая замуж в 1816 г. за наследного принца Вюртембергского Вильгельма, который в том же году стал королем. Ее преждевременная смерть оплакана Жуковским в элегии «На кончину Ея Величества королевы Виртембергской» (Там же. С. 117—123).

⁴² Ст. 39 из стихотворения «Уединение» (1813; Там же. Т. 1. С. 263).

⁴³ Геллерт Христиан, немецкий поэт эпохи Просвещения, баснописец и романист. Басня «Зеленый осел» была известна в переводе И. И. Хемницера, вошедшем в его сборник «Басни и сказки» (ч. 2, 1782).

⁴⁴ Ст. 87—88 из послания Жуковского «К кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину» (1814).

⁴⁵ См. письмо Жуковского к А. П. Елагиной от 12 мая 1815 г., примеч. 3, а также письма к К. Я. Дезе от 31 мая — 4 июня и 12 июня 1815 г. Об успешном завершении белевского дела по продаже пеньки, к решению которого в Петербурге были привлечены А. И. Тургенев и сенатор Н. И. Огарев, Жуковский сообщил Елагиной в письме от 17 декабря 1815 г.

⁴⁶ Жуковский передает поклоны Черкасовым («володьковским друзьям», Марии Алексеевне и ее дочери Елене), В. А. Азбукину, Н. А. Азбукиной (с упоминанием несохранившегося письма) и Н. П. Свечину.

⁴⁷ Речь идет об отъезде Жуковского из Дерпта 1—2 мая 1815 г. Писем от Е. А. Протасовой к нему за май — начало июня не сохранилось.

⁴⁸ См. письма Жуковского к М. А. Протасовой от 14 апреля 1815 г. и к А. П. Елагиной от 24 мая 1815 г.

⁴⁹ Письма Воейкова за май — начало июня к Жуковскому неизвестны.

⁵⁰ В ответном письме от 26 июня 1815 г. Елагина сообщила, что Плещеевы его письма из Петербурга не получали (Переписка Ж. и Елагиной. С. 98).

⁵¹ См. письмо Жуковского к А. П. Елагиной от конца апреля (не позже 28-го) 1815 г., примеч. 10. О получении портрета Елагина сообщила Жуковскому 10 июля 1815 г. в ответ на его несохранившееся письмо (Переписка Ж. и Елагиной. С. 100, 104).

⁵² См. письмо Жуковского к А. П. Елагиной от 26 апреля 1815 г.

⁵³ По-видимому, документы были связаны с тем делом о «конкурсе», которое решалось в Петербурге по просьбе К. Я. Дезе (см. выше); в ответном письме Елагина отозвалась на цену, фигурировавшую в одном из них, — «дешево». Кроме того, в письме Жуковского, возможно, находилось заемное письмо, и, получив его, Елагина отправила ему деньги: «...на печатание Ваших сочинений...» (Переписка Ж. и Елагиной. С. 97); см. об этом в письме к А. П. Елагиной и А. П. Зонтаг от 30 июля — 2 августа 1815 г. Возможно также, что речь идет о «документах», упомянутых Жуковским в письме к А. П. Елагиной от 24 мая 1815 г. («Чтобы дать Вам некоторое понятие о том, что было со мною в Дерпте, посылаю Вам некоторые документы; несколько страниц из Машиного журнала, писанного для Вас», см. примеч. 5 к этому письму).

227.

К. Я. Дезе

(С. 371)

Автограф неизвестен.

К о п и я: РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1. № 78. Л. 7. Б. г.

Публикуется впервые, подготовка текста к печати А. С. Янушкевича.

Д а т и р у е т с я: 18 июня 1815 г.

Датировка: см. письмо к нему же от 31 мая — 4 июня 1815 г.

¹ Речь идет об А. П. Елагиной.

² Н. П. Свечин.

228.

М. А. Черкасовой

(С. 372)

Автограф неизвестен.

К о п и и:

1) РНБ. Оп. 2. № 451. Л. 1—2 об. — редакции РА, с указанием: «Отрывок».

2) РНБ. Оп. 2. № 451. Л. 3—4 — архивная.

Публикуется впервые по тексту копии № 2.

Д а т и р у е т с я: середина июня 1815 г.

Основание датировки — упоминание письма к А. П. Елагиной от 11 июня 1815 г. С баронессой Марией Алексеевной Черкасовой Жуковского связывали отношения дружбы и взаимной симпатии. Она участвовала в попытках друзей Жуковского

склонить Е. А. Протасову к согласию на брак поэта с Машей Протасовой. В стихотворной «Записке к баронессе» (1814) он прямо выражает свои чувства:

Но что володьковскую баронессу
Я всей душой люблю... вот это не мечта!
(ПССиП. Т. 1. С. 351).

Письмо смертельно больной Черкасовой (умерла в 1817 г.) напомнило Жуковскому после его возвращения из Дерпта об иллюзиях белевской жизни, поездках в «володьковский эдем».

¹ Вероятно, речь идет о письме к А. П. Елагиной от 24 мая 1815 г., где Жуковский подробно описывает историю своего отъезда из Дерпта, последний разговор с Е. А. Протасовой и расставание с Машей Протасовой.

² Ср. письма к Е. А. Протасовой от конца июля 1814 г. и к А. П. Елагиной и А. П. Зонтаг от 31 июля — 2 августа 1814 г.

³ Елена Ивановна Черкасова.

⁴ Сын И. П. и М. А. Черкасовых, барон Петр Иванович Черкасов. Брат декабриста Алексея Ивановича Черкасова; также проходил по делу декабристов, но был оправдан.

229.

Н. И. Тургеневу

(С. 373)

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 309. № 382. Л. 114. Б. д.

Публикуется впервые.

Датируется: 20 июня 1815 г.

Основание датировки — дата письма С. П. Жихарева к Н. И. Тургеневу от 17—20 июня 1815 г. из Петербурга, припиской к которому является публикуемое письмо. Это первое из известных писем Жуковского к Николаю Тургеневу, будущему арзамасцу, декабристу, одному из первых русских эмигрантов. И каждый из этих этапов духовной биографии Тургенева пройдет под знаком Жуковского. Читатель «Опыта теории налогов», разделявший антикрепостнические настроения его автора, создатель «Записки о Н. И. Тургеневе», обращенной к Николаю I в защиту приговоренного к смертной казни декабриста, участник Одиссеи братьев Тургеневых после декабристского восстания, оппонент книги «Россия и русские» — все эти факты интереса Жуковского к наследию Н. И. Тургенева и участия в его судьбе найдут свое отражение в последующих письмах.

¹ Вероятно, здесь Жуковский намекает на сотрудничество Н. И. Тургенева с бароном Штейном (см. примеч. 2 к письму к А. И. Тургеневу от 6 июня 1814 г.).

² Сергей Иванович Тургенев.

230.

П. А. Вяземскому

(С. 373)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1909. Л. 59—59 об. Б. г.

Публикуется впервые.

Датируется: 24 июня 1815 г.

Год определяется по содержанию письма.

¹ Речь идет о замысле эпической поэмы «Владимир».

² Неполная заключительная строфа баллады «Громобой».

³ Вероятно, имеется в виду письмо К. Н. Батюшкова к Н. И. Гнедичу от начала июня 1815 г. (Батюшков. Т. 2. С. 335—337).

231.

К. Я. Дезе

(С. 374)

Автограф неизвестен.

Копия: РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1. № 78. Л. 8. Б. г.

Публикуется впервые, подготовка текста к печати А. С. Янушкевича.

Датируется: 9 июля 1815 г.

Датировка: см. письмо к нему же от 31 мая — 4 июня 1815 г.

232.

А. А. Прокоповичу-Антонскому

(С. 375)

Автограф неизвестен.

Копия неизвестна.

Впервые опубликовано: РА. 1883. Кн. 1. № 2. С. 326—327, с пометой: «18 июля (1815)». Перепечатано: РА. 1902. № 5. С. 136—137, с той же датировкой.

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: 18 июля 1815 г.

¹ И. И. Мартынов был директором Департамента народного просвещения в 1803—1817 гг.; С. С. Уваров в 1811—1822 гг. — попечителем Санкт-Петербургского учебного округа.

² А. К. Разумовский, министр народного просвещения в 1810—1816 гг.

³ В первой публикации слово «удобнее» отсутствует. Восстановлено по перепечатке РА.

⁴ Виктор Антонович Прокопович-Антонский, старший брат А. А. Прокоповича-Антонского, в 1801—1809 гг. был настоятелем Донского монастыря в Москве.

⁵ Вероятно, описка: должно быть: «Буду в Петербурге». Жуковский уехал из Дерпта 21 или 22 августа (см. письмо к А. И. Тургеневу от второй половины августа 1815 г.).

⁶ Первая часть «Стихотворений Василия Жуковского» вышла в свет в Санкт-Петербурге в ноябре 1815 г.

⁷ Личность не установлена.

233.

А. И. Тургеневу

(С. 376)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 150. Л. 9. Б. г.

Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 147.

Печатается по автографу.

Датируется: 19 июля 1815 г.

Год определяется по содержанию письма.

¹ М. А. Протасовой.

² Источник цитаты: *Байрон Д. Г. Н. Абидосская невеста. Песнь II. Строфа XX.* Ст. 57—58. В переводе И. И. Козлова: «С той думою сердечной, // Что ты моя, что ты верна мне вечно, // Печаль летит — и гибель не страшна» (*Байрон Д. Г. Собр. соч.: В 4 т. Т. 3. М., 1981. С. 75*). Традиционно начало увлечения Жуковского творчеством Байрона относят к 1819 г. (см.: БЖ. Ч. II. С. 420), но данная цитата свидетельствует о более раннем интересе поэта к наследию английского романтика. Комментируя эту цитату из письма к А. И. Тургеневу (правда, без указания ее источника), Веселовский пишет: «Но это вовсе не dream, не сон, толкует Жуковский, применяя стихи к верной дружбе Тургенева» (Веселовский. С. 199).

³ Псковским архиереем в это время был Евгений (Евфимий Алексеевич Болховитинов), известный церковный деятель и писатель.

⁴ К киевскому митрополиту Серапиону (Александровскому).

⁵ Все эти действия Жуковский хотел предпринять, чтобы заручиться поддержкой церковных лиц для своих дальнейших шагов в осуществлении планов женитьбы на М. А. Протасовой.

⁶ Имеется в виду Максим Яковлевич фон Фок, директор Особой канцелярии Министерства внутренних дел, к которому должен был обратиться Тургенев с просьбой о позволении Фору приехать в Петербург: Фор собирался сопровождать в Петербург семейство Плещеевых и обратился к Жуковскому с просьбой выхлопотать ему позволение (о Форе см. примеч. 6 к письму к А. П. Елагиной от июля 1813 г.; см. также: *Ларионова Е. О. История о докторе Форе в русском плену // Пушкин и его современники: Сб. науч. трудов. Вып. 5 (44). СПб., 2009. С. 27—28*).

⁷ Вероятно, за помощь в определении на учебу в Москву Александра Петровича Петерсена (Петерсона), побочного сына П. Н. Юшкова, единокровного брата А. П. Елагиной. В письме от 26 июня Жуковскому она сообщает: «Мой Сашка при-

ехал из Москвы на ваканцию», а в приписке к письму уже сам Петерсен добавляет: «Я сию минуту возвратился, мой почтенный Василий Андреевич, рад сказать Вам, что люблю Вас и Вас благодарю всею душою» (Переписка Ж. и Елагиной. С. 100). Позднее Петерсен был студентом Дерптского университета.

⁸ Имеется в виду поэма «Владимир». Встречи и общение с профессором истории Дерптского университета Густавом Эверсом, лекции которого слушал Жуковский, чтение сочинений бывшего профессора истории этого же университета Аарона Христиана Лерберга, по замечанию Н. Ж. Вётшевой, «определили новый поворот сюжета о Владимире» (ПССиП. Т. 4. С. 613). В библиотеке поэта сохранились сочинения этих авторов, в том числе: *Kritische Vorarbeiten zur Geschichte der Russen. Erste und zweite Buch. Von Johann Philipp Gustav Ewers. Dorpat, 1814* — с дарственной надписью автора и многочисленными пометками и записями Жуковского; *Geschichte der Russen. Versuch eines Handbuchs von Johann Philipp Gustav Ewers. Th. 1. Dorpat, 1816* — с многочисленными записями; *Untersuchungen zur Erläuterung der älteren Geschichte Russlands. Von A. C. Lehrberg. Spb., 1816* — с рукописными вставками, подписанными Г. Эверсом (Описание. № 1005—1006, 1515).

234.

П. А. Вяземскому

(С. 377)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1909. Л. 57—57 об. Б. г.
Публикуется впервые.
Датируется: 22 июля 1815 г.

Год определяется по содержанию письма.

Адрес: «Его сиятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому, в Москве, у Арбатских ворот, на валу, против бывшего арбатского театра, в доме князя Сибирского» (Л. 58).

¹ Жуковский вновь приехал в Дерпт около 20 июля 1815 г.

² Дочь А. А. и А. Ф. Воейковых Екатерина родилась 26 июля 1815 г.

³ Скорее всего, это самое раннее свидетельство замысла Жуковского перевести «Слово о полку Игореве» (перевод предположительно датируется январем—сентябрем 1817 г.; см. подробнее: ПССиП. Т. 5. С. 312—315. Комментарий А. С. Янушкевича и М. Н. Климовой). Киевский князь Игорь Святославич, герой «Слова...», доводился Владимиру-крестителю если не буквально внуком, то всё же прямым потомком в 5 колене.

⁴ См. примеч. 2 к письму к Д. А. Кавелину от 18 июля 1814 г.

235.

А. И. Тургеневу

(С. 377)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 150. Л. 8. Б. д.
Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 146.
Печатается по автографу.
Датируется: около 26 июля 1815 г.

Предложенная И. А. Бычковым датировка письма: «В последних числах июня или первых числах июля 1815» (ПЖТ. С. 146) — плод недоразумения, связанного с датировкой стихов на рождение Е. А. Воейковой («Здравствуй, новый гость земной!..») 26-м июня 1815 г. Дочь А. А. Воейковой Екатерина родилась 26 июля 1815 г. Следовательно, и письмо было написано около этого дня.

¹ Как явствует из письма Тургенева к Жуковскому от 16 июля 1815 г., речь идет о журнале «Edinburgh Review» («Эдинбургское обозрение»). См.: Siegel. № 121. S. 309.

² Рождению первой дочери А. А. Воейковой Жуковский посвятил стихотворение «Здравствуй, новый гость земной!..». Об ошибочности датировки этого послания см.: ПССиП. Т. 2. С. 432—433. Комментарий А. С. Янушкевича.

236.

А. П. Киреевской (Елагиной) и А. П. Юшковой (Зонтаг)

(С. 378)

Автограф неизвестен.
Копия неизвестна.
Впервые опубликовано: ЖМНП. 1869. Ч. 143. Май. С. 58, 59—60. Б. д.
Впервые полностью: РС. 1883. № 4. С. 95—100, с пометой: «30 июля — 2 августа. Дерпт (1815)».
Печатается по тексту публикации РС.
Датируется: 30 июля — 2 августа 1815 г.

Написано в ответ на письма от 10 июля 1815 г., во-первых, А. П. Елагиной (Переписка Ж. и Елагиной. С. 100—105), а во-вторых, А. П. Зонтаг (не сохранилось). Письмо Жуковского характеризует ситуацию в дерптском доме Протасовых-Воейковых, куда он приехал около 20 июля (см. его письмо к М. А. Протасовой, написанное около (не ранее) 14 августа 1815 г., и примечания к нему).

¹ См. письмо к А. П. Елагиной от 11 июня 1815 г., примеч. 10.

² Д. А. Кавелин проводил лето в своем имении неподалеку от Белева.

³ Речь идет о крестинах дочери Воейковых, родившейся 26 июля 1815 г. Жуковский был ее крестным отцом.

⁴ В апреле 1815 г. Жуковский дал обещание побороть свою любовь к Маше, признав в ее матери свою сестру. Эта жертва не изменила его положения в семье.

⁵ Выписано Жуковским из своего дневника, в котором он, по-видимому, именно в эти дни составлял «по пунктам» всю историю взаимоотношений Воейкова с Протасовыми (ПССиП. Т. 13. С. 119). Запись Е. А. Протасовой, несомненно, относится к тому же времени пребывания Жуковского в Дерпте.

⁶ Это письмо Уварова не сохранилось. По-видимому, речь в нем шла о приезде в Петербург в связи с продвижением дела о пенсии.

⁷ Поездка не состоялась.

⁸ См.: Переписка Ж. и Елагиной. С. 103.

⁹ 3 августа в Черни праздновали день рождения А. И. Плещеевой. Письма А. А. Плещееву (Негру), упоминаемые Жуковским, неизвестны.

¹⁰ Выписано из дневника Жуковского (см.: ПССиП. Т. 13. С. 119—120); переписывая эту запись для Елагиной, Жуковский смягчил свою характеристику Екатерины Афанасьевны.

¹¹ Жуковский вспоминает М. А. Черкасову и ее дочь Елену, а также Н. А. Азбукину.

¹² Федор Александрович Камкин, белевский почтмейстер (см. письмо Жуковского к А. И. Тургеневу от середины августа 1815 г.).

¹³ В письме от 10 июля 1815 г. Елагина, познакомившись с Д. А. Кавелиным, дала ему насмешливую характеристику, которую поспешила исправить в восторженном описании своих бесед с ним в другом своем письме, от 15 июля, однако Жуковский в момент написания этого письма еще не получил его (Переписка Ж. и Елагиной. С. 103, 105—107). 21 августа 1815 г. Елагина откликнулась на «приказание» Жуковского: «Кавелин мне не только нравится, но я люблю его <...>, и я очень рада, что предупредила Ваше приказание...» (Там же. С. 114).

237.

А. И. Тургеневу

(С. 382)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 150. Л. 10. Б. д.

Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 148—149.

Печатается по автографу.

Датируется: 1—2 августа 1815 г.

Основание датировки: см. примеч. 1.

¹ Вероятно, Жуковский благодарит Тургенева за неизвестное письмо, посланное последним до 29 июля. См. приписку Тургенева к письму С. С. Уварова к Жуковскому от 29 июля 1815 г.: «Мое письмо, на прошедшей почте к тебе посланное, должно тебе служить объяснением письма Ув<арова>» (РА. 1871. Стб. 0166).

² В приписке к вышеупомянутому письму С. С. Уварову Тургенев приглашал Жуковского в Петербург, чтобы исполнить желание императрицы Марии Федо-

ровны и, в частности, замечал: «Но если жертва, которую ты должен принести нетерпению государыни, дорого тебе будет стоить, то не приноси этой жертвы; *лови день там, где твое солнце*» (Там же. Курсив автора).

³ В той же приписке Тургенев сообщал о приезде государя в Петербург если не в конце августа, то в начале сентября, а Уваров писал, что по возвращении Александра I представится удобный случай определить Жуковского на службу (Там же. Стб. 0165—0166).

⁴ Степана Петровича Жихарева, воспитанника Московского университетского Благородного пансиона, автора известных «Записок современника».

238.

А. И. Тургеневу

(С. 383)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 150. Л. 11—12. Б. г.

Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 149—152.

Печатается по автографу.

Датируется: 4 августа 1815 г.

Год определяется по содержанию письма.

¹ Анна Петровна Юшкова (в замуж. Зонтаг), сестра А. П. Елагиной.

² Сергей Кузьмич Вязмитинов, граф, петербургский главнокомандующий; в 1816—1819 гг. петербургский генерал-губернатор, должен был дать разрешение Фору на приезд в Петербург (см. примеч. 6 к письму к А. И. Тургеневу от 19 июля 1815 г.).

³ С. П. Свечиной.

⁴ В письме от 29 июля С. С. Уваров, сообщая Жуковскому о разговоре с императрицей Марией Федоровной, писал: «Императрица прибавила: *J'avais de grands projets sur M. Joukoffsky. Dites le lui, et engagez le en mon nom à hâter son retour ici*»* (РА. 1871. Стб. 0165). В письме к родным в Белев от 30 июля — 2 августа 1815 г., комментируя эти слова, Жуковский писал: «Лишь бы только выхлопотать независимость — я бы перелетел к вам, на родину, к родным <...>. Но, признаюсь, мне страшны эти *grands projets*, о которых Уваров пишет; не готовят ли мне неволи! Тогда плохо придется моей Музе! Я уверен, что ни в Петербурге, ни в Дерпте от нее ничего доброго не родится» (Переписка Ж. и Елагиной. С. 111—112).

⁵ Это путешествие так и не состоялось.

⁶ Братьев Тургеневых.

⁷ Ср. письма к Е. А. Протасовой от конца июля 1814 г., к А. П. Елагиной и А. П. Зонтаг от 31 июля — 2 августа 1814 г. и к М. А. Черкасовой от середины июня 1815 г., где повторяется этот афоризм, который определит жизненную философию

---

* Я имею большие планы насчет господина Жуковского. Скажите ему об этом и уговорите от моего имени поскорее возвратиться сюда (*франц.*).

Жуковского, найдя свое продолжение в творчестве Ф. И. Тютчева. Об этом подробнее см.: Янушкевич А. С. Философия счастья в творчестве В. А. Жуковского и Ф. И. Тютчева // Ф. И. Тютчев: Грани поэтического творчества: Сб. статей. Новосибирск, 2007. С. 117—144.

⁸ Эта надпись находится в экземпляре «Стихотворений» Ф. Бутервека (*Gedichte von Friedrich Bouterwek*. Reutlingen, 1803) из библиотеки Жуковского (Описание. № 720). На с. 11 в последней строфе стихотворения «Licht und Liebe» («Свет и любовь») отчеркнуты два стиха:

Zündet an der Liebe Flammen
Selbst der Wahrheit Fackel an!*

Надпись, сделанная напротив этих стихов, на чистом поле книги, карандашом, частично обрезанная при последующем переплете, вероятно, принадлежит Александру Тургеневу и отражает общее увлечение творчеством немецкого поэта в тургеневском дружеском кругу. Так, воссоздавая перипетии своей любви к Е. М. Соковниной, Андрей Тургенев в письме к Жуковскому от 22 января 1802 г. обращается к роману Бутервека «*Graf Donamar. Briefe geschrieben zur Zeit des siebenjährigen Krieges in Deutschland*» (1791—1793). См.: Ж. и русская культура. С. 392—393.

⁹ Неточная цитата из сочинения Иоганна Миллера «*Briefe eines jungen Gelehrten an seinen Freund*». S. 113 (Brief 46; см. примеч. 1 к письму Жуковского к А. И. Тургеневу от 12 сентября 1810 г.). Ср. у Миллера: *Lesen, ist nichts; denken, etwas; denken und fühlen, die Vollkommenheit***.

239.

А. И. Тургеневу

(С. 386)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 150. Л. 13. Б. д.
Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 152.
Печатается по автографу.
Датируется: около 14 августа 1815 г.

Основанием для датировки является письмо А. И. Тургенева от 7 августа, о котором идет речь (Siegel. № 127. S. 317), и упоминание послания «Старцу Эверсу», написанного 14 августа 1815 г. Промежутком между получением этого письма и созданием стихотворения и можно датировать письмо. Если учесть, что письма из Петербурга в Дерпт приходили приблизительно на пятый-шестой день после отправления, то дату написания письма следует отнести к 14 августа.

---

* Зажигайте на пламени любви / Сами факел истины! (нем.).

** Одно чтение — ничто, чтение и размышление — нечто; чтение, размышление и чувство — совершенство (нем.).

¹ От А. П. Елагиной. Упомянутое письмо неизвестно.

² См. письмо к А. П. Елагиной от 2 августа 1815 г.

³ Как явствует из писем А. П. Елагиной к Жуковскому от 2 мая и 14 июня 1828 г., М. Монастырев, вероятно, бывший при Ф. А. Камкине его помощником, хотел получить место «при Почтамте» или при Воспитательном доме, куда «обещали принять его в надзиратели» (Переписка Ж. и Елагиной. С. 618). Монастырев был настойчив в своих просьбах. «Монастырев каждый день бомбардирует просьбами к Вам», — жалуется Елагина. Судя по тому, что просьба 1815-го г. возобновилась через 13 лет, в ее исполнении возникли определенные трудности.

⁴ Осип Петрович Козодавлев, государственный деятель и писатель, с 1810 г. был министром внутренних дел.

⁵ Скорее всего, упомянутое выше письмо от 7 августа 1815 г.

⁶ Здесь Жуковский говорит о своем послании «Старцу Эверсу». На заглавном листе первой публикации стихотворения (С 1. Ч. 1. СПб., 1815. С. 193—196) Жуковский сделал примечание: «14 августа 1815 (Писано после праздника, данного студентами Дерптского университета)». Профессор богословия Дерптского университета Лоренц Эверс был для Жуковского реальным воплощением земной святости. Подробнее см.: ПССиП. Т. 2. С. 434.

240.

М. А. Протасовой

(С. 386)

Автограф: РГБ. Ф. 104. Карт. 8. № 53. Л. 4—6.

Впервые опубликовано: ПССиП. Т. 13. С. 120—121.

Печатается по автографу.

Датируется: около (не ранее) 14 августа 1815 г.

О датировке письма, приуроченной ко времени создания стихотворения «Старцу Эверсу», см.: ПССиП. Т. 2. С. 433—434. Стихотворение в автографе (РГБ. Ф. 104. № 53. Карт. 8. Л. 2—3 об.), позднее опубликованное под этим заглавием (С 1. Ч. 1. СПб., 1815. С. 193—196), непосредственно предшествуя письму и предваряя его тематически и содержательно, имело заглавие «Эверсу и Маше». Письмо написано в Дерпте, где Жуковский провел несколько недель в июле—августе 1815 г., приехав туда на крестины дочери Воейковых, в ответ на несохранившееся письмо Маши (ср.: «Одно место твоего письма несносно...»). Пребывание в Дерпте было для Жуковского борьбой с самим собой, поскольку он пытался исполнить данное им в апреле 1815 г. обещание побороть свою любовь к Маше, обратив ее в братское чувство. В конце концов, он отказался от этого обещания и вновь, перед отъездом из Дерпта, просил у матери Маши ее руки.

За этот период известно еще одно письмо Жуковского к Маше в отрывочной публикации и пересказе М. Л. Гофмана: «Скажи откровенно, могу ли и должен ли здесь оставаться? Мы иметь не будем более того, что имеем? а что же имеем? Обе-

щание от меня взято, а что дано за него? Принуждение всё то же — со мною маменька ласкова; но она и не думает, чтобы мне что-нибудь было нужно более! Это значит всем пожертвовать даром! Остаться здесь и иметь в душе что-нибудь противное обещанному никак не должно”. Всё письмо носит взволнованный характер, но волнение вызвано не своим положением, а чем-то, что произошло “днем и ночью”, а также положением и состоянием Маши. “Твое положение мучит меня! Ни удовольствия, ни свободы, ни даже возможности быть с собою! Всё отнято. Я перед тобою счастливец. Быть рабою Воейкова, зависеть от него во всём, не иметь ничего собственного — я думаю, что я был бы счастлив, если бы точно уверился, что с кем-нибудь другим ты была бы спокойна и имела наконец то, что тебе нужно и чего ты стоишь. Маша, ради Бога, скажи словечко. Меня твое положение мучит... Боюсь, чтобы ты, при таком тяжелом принуждении, не потеряла той опоры, которая была для тебя в самой тебе. Всего ужаснее и несноснее непривязанность к жизни и равнодушие. Боюсь, чтобы твое положение не произвело его <...>”. Жуковский писал эти слова, уже зная о том, что Мойер объяснялся с Машей, о том, что он “украл” ее кольцо, и о том, что, по словам Воейкова, “Мойеру дают слишком много надежды” (Ж. в семье Протасовых и Воейковых. С. 238).

¹ Имеется в виду встреча с Эверсом 14 августа 1815 г. (см. об этом в письме Жуковского к А. П. Киреевской (Елагиной) и А. П. Юшковой (Зонтаг) от 16 сентября 1815 г. и примеч. 15).

² «Нельзя сделать счету» — «бессчетным» — игра слов, основанная на выражении «бессчетный дурак» (Словарь русского языка XVIII века. Л., 1985. Вып. 2. С. 13); ср. в комедии Фонвизина «Недоросль» (д. II, явл. 1): «Нашел помещика дурака бессчетного...»; в сказке О. М. Сомова «В поле съезжаются, родом не считаются» (опубликована в 1832 г.: «...Елеса был простоват <...> и прослыл он по всему миру сельскому дурачком бессчетным» (Сомов О. М. Были и небылицы. М., 1984. С. 310).

³ Осуществить намерение поселиться в Мишенском, Белеве или Долбине Жуковскому не удалось.

⁴ В письме к А. П. Елагиной от 6 сентября 1815 г. М. А. Протасова писала об Эверсе: «Когда мне грустно или пройдет минута нетерпения, то я погляжу на его окошки, которые прямо против моего бюро, и опять все станет хорошо! Эверс заставляет любить свет Божий и всё Его творение» (УС. С. 155).

⁵ Жуковский говорит о себе.

⁶ Речь идет о переводе брошюры немецкого проповедника Иоганна Генриха Бернхарда Дрезеке «Glaube, Liebe, Hoffnung. Ein Handbuch für junge Freunde und Freundinnen» (Lüneberg, 1814). Перевод начат на бумаге, приплетенной к книге. На лицевой стороне книжки — четверостишие, обращенное к Маше: «Мой друг бесценный, будь спокойна...», подписанное «12 мая 1815 г.»; начерчен также ее силуэт (Веселовский. С. 198; Гофман. С. 70).

⁷ Имеется в виду племянница Маши Протасовой, дочь ее младшей сестры, А. А. Воейковой. «Катяка наша, — писала Маша к А. П. Елагиной, — утешает нас и радуется всеми своими затеями. Мы избаловали малютку свою, она уже не может иначе спать, как на руках у которой-нибудь из матерей» (УС. С. 157).

241.

А. И. Тургеневу

(С. 388)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 150. Л. 14. Б. д.

Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 152—153.

Печатается по автографу.

Датируется: середина августа (до 21-го) 1815 г.

Датируется на основании сообщения о скором отъезде из Дерпта.

¹ Карл Фридрих Людвиг Петерсен, библиотекарь Дерптского университета, учитель немецкого языка, секретарь цензурного комитета. Жуковский после его смерти принимал участие в судьбе его сына, своего крестника Фреймунда Петерсена. Подробнее см.: *Салупере М. Г.* Жуковский и Карл Петерсен // *Ж. и русская культура*. С. 444—446; ПССиП. Т. 2. С. 469; см. также примеч. 2 к письму к К. Моргенштерну от 22 сентября 1815 г.

² Готтхард Фридрих Христиан Гун, член Курляндской консистории; с 1817 г. курляндский суперинтендент. Вероятно, просьба была связана с назначением на эту должность.

³ Отто фон Гун, брат Г. Ф. Х. Гуна; с 1804 по 1807 г. жил в Москве и был домашним врачом графа А. К. Разумовского.

⁴ В Петербург Жуковский выехал 24 августа (см. письмо к А. П. Киреевской (Елагиной) и А. П. Юшковой (Зонтаг) от 16 сентября 1815 г.).

⁵ Источник цитаты не установлен.

242.

А. Ф. Воейкову

(С. 388)

Автограф: РО ИРЛИ. № 29399. Л. 2—6 об.

Впервые опубликовано: Ежегодник РО ПД на 1980 г. Л., 1984. С. 90—102. Публикация Р. В. Иезуитовой.

Печатается по автографу.

Датируется: 19—22 августа 1815 г.

Написано в канун отъезда Жуковского из Дерпта (в Петербург он отправился 24 августа). Жуковский, взявший на себя еще в начале весны обязательство стать «Машиным братом», после недель, проведенных в Дерпте в июле—августе 1815 г., посчитал себя освобожденным от него, поскольку понял, что его жертва не привела к установлению семейного мира. Напротив, Маша Протасова стала беззащитна перед грубым, неделикатным Воейковым. Перед отъездом из Дерпта Жуковский подготовил обличающее его письмо и сделал еще одну попытку просить руки Маши Протасовой (см. ниже). Воспоминания о событиях в доме Протасовых-Воейковых в письме от 22 августа близко к тому их изложению, которое Жуковский

сделал в дневниковой записи 1815 г. под датой «27 июля» (в автографе или публикации ошибочно: «июня»; далее при ссылках на эту запись приводится правильная дата: «27 июля 1815 г.»), см.: ПССиП. Т. 13. С. 115—119. В записи есть упоминание о рождении старшей дочери Воейковых Кати (26 июля 1815 г.); ее фрагмент, с указанием на то, что строки эти писались «в белой книге» накануне, приведен в письме Жуковского к А. П. Елагиной от 30 июля — 2 августа 1815 г. Можно предположить, что вся запись в дневнике делалась как черновая для письма, которое Жуковский хотел вручить Воейкову.

¹ Записи для прочтения всеми членами семейства Воейковых-Протасовых делались в особых альбомах (журналах), а порой и на полях книг.

² По-видимому, речь идет о неотправленных письмах Жуковского к А. Ф. Воейкову 1814 г., два из которых, вероятно, нам известны: это письма от 10—12 и 19—20 июля.

³ Ср. в «Эоловой арфе» (1814) Жуковского: «Минутная сладость // Веселого вместе, помедли, постой...» (ПССиП. Т. 3. С. 76). По замечанию Р. В. Иезуитовой, цитатой о «веселом вместе» Жуковский пользовался для обозначения своей жизни вблизи Маши Протасовой и ее семьи (Ежегодник РО ПД на 1980 г. С. 101).

⁴ «Последним возвращением в Муратово» Жуковский называет, по-видимому, свой приезд в Муратово 10 июля 1814 г., незадолго до свадьбы Воейкова; уехал он оттуда навсегда в конце июля. Описание событий перемежается в письме воспоминаниями о более ранних периодах пребывания в Муратове, едва ли не с момента приезда к нему в 1813 г. Воейкова.

⁵ Авдотья Николаевна Воейкова, адресат двух опубликованных посланий Воейкова («О ты, с которою блаженство постигаю...», 1808; «Не витийство, не поэзия...», 1809), жена его родного брата, с которой у него была давняя связь, возможно, с 1806 г. Ее мужем был, по-видимому, Павел Федорович Воейков, в 1810 г. судья Рязанского уездного суда (см.: Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1810: В 2 ч. Ч. 2. СПб., 1810. С. 147). В 1812 г. она, будучи уже вдовой, родила от А. Ф. Воейкова сына Дмитрия, который, как незаконнорожденный, получил фамилию Доброславский (ПССиП. Т. 13. С. 478—479; см. также: [Попов М. М.] А. Ф. Воейков. 1779—1839: Отрывки из заметок его приятеля // РС. 1875. № 3. С. 578; автор указан в изд.: Балакин А. Ю. Списки сатиры А. Ф. Воейкова «Дом сумасшедших» в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник РО ПД на 2003—2004 гг. СПб., 2007. С. 189—208). О связи Воейкова с женой родного брата существуют свидетельства К. К. Зейдлица (Голос минувшего. 1919. № 1—4. С. 162) и М. М. Попова (сохранилось только в рукописи его статьи: РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. № 513. Л. 2; см.: Балакин А. Ю., Березкина С. В. «Разлука не развод...»: Из переписки В. А. Жуковского и А. Ф. Воейкова 1823 г. // Ежегодник РО ПД на 2015 г. СПб., 2016. С. 266—269). Сомнительно, что планы Воейкова о женитьбе на своей невестке, сообщенные Жуковскому еще в 1813 г., были серьезными, поскольку законы Российской империи запрещали такое супружество. Об А. Н. Воейковой см. также письмо Жуковского к М. А. Протасовой от 20 апреля 1815 г., примеч. 8.

⁶ Имеется в виду желание Воейкова получить кафедру русской словесности в Дерптском университете. О хлопотах по этому делу и отношении к нему Жуковского см. его письма к А. Ф. Воейкову от 13 и 20 февраля, а также середины (не позднее 16-го) апреля 1814 г. и примечания к ним. Первоначальное его письмо к А. И. Тургеневу, написанное до этих писем, в котором содержалась просьба помочь Воейкову в хлопотах, в печати неизвестно. Об этом письме и разговоре между Жуковским и Воейковым об А. Н. Воейковой в связи с дерптской кафедрой см. также дневниковую запись от 27 июля 1815 г.: ПССиП. Т. 13. С. 118.

⁷ О том, как менялись объяснения Воейкова по поводу его стремления получить место профессора в Дерпте, см. также письмо Жуковского к А. Ф. Воейкову от 13 февраля 1814 г.

⁸ Ср. в дневниковой записи Жуковского от 27 июля 1815 г.: «Воейкову начинают показывать желание иметь его в семье <Протасовых>» (Там же).

⁹ Сиверс (возможно, Давид Давидович, советник ведомства Коллегии иностранных дел), по-видимому, чиновник Департамента духовных дел иностранных исповеданий, о котором Жуковский упоминал в письме к Тургеневу из Дерпта в начале июня 1816 г. (в комментарии ПЖТ, с. 157, ошибочно указано на графа Егора Петровича Сиверса, «бывшего начальником отделения в Департаменте духовных дел иностранных исповеданий»). Единственный известный Егор Петрович Сиверс — остзейский поэт).

¹⁰ Письмо А. А. Воейковой (и, по-видимому, ее мужа) к Д. А. Кавелину полностью в печати неизвестно; Жуковский упоминает об этом письме и в дневниковой записи от 27 июля 1815 г. (Там же. С. 119). Письмо Воейковой было написано в ответ на следующее письмо Кавелина от 3 июня 1815 г., в котором, как пишет далее Жуковский в письме от 19—22 августа 1815 г., Кавелин требовал от Воейкова «искренности, прямодушия» в своей «исповеди»:

НВ. *Обращение к одному Воейкову*, которому дозволяется сообщить и жене, коли на скромность ее надеяние так же, как я на скромность своей Шарлотты <жены Кавелина>. О Жуковском не говорил я ни слова во всех письмах своих вот отчего: в первом свидании, считая Жуковского истинным другом Воейкову, я от Жуковского потребовал искреннего признания в шалостях Воейкова (и надеялся, что их нет, что признаваться Жуковскому не в чем). Это было между первым откровением и длинным другим письмом моим, на которые я еще не имел от тебя ответа. Потребовал таким языком, которому нельзя было отвечать полуискренно, — Жуковский ангельски признался, и пламенное участие мое во всеобщей судьбе дерптских колонистов вырвало у него несколько слов на счет твоих *чудных* поступков с ним. Выписать здесь, от слова до слова, наши с ним разговоры невозможно — только от того, что некогда. Но они мне так памяты (несмотря, что у меня память на вершок), что я берусь от слова до слова пересказать тебе при свидании личном или на письме, когда буду посвободнее. В коротких словах скажу: Жуковский не жаловался ни на кого, но рассказывал мне кой-какие черты твои с ним и за всяким словом примолвливал, из дна души: я ему прощаю — а ты, Кавелин, и сердиться на него не должен! ты нужен для счастья Воейкова — он дружбы твоей достоин; ты можешь сделать его достойным и моей дружбы.

Я обнял ангела Жуковского так, как обнимал тебя в детстве, как обнимал тебя в проезд мой через Москву, на Пресне, за Калужскою Заставой, в <нрзб.>, в Петербурге и как опять желаю <?> и надеюсь обнимать тебя при первом случае; как между тем мысленно тебя теперь обнимаю.

Жуковский делает изъятие из доселе существовавшего правила <?>, что только дружба, в детстве рожденная, есть истинная дружба — той Жуковский, даром что не твердил вместе со мною русской и немецкой азбуки, заполнил сердце мое, всё без утайки. Жуковский лучше нас всех, мой добрый Воейков! чище нас всех; ему не нужно друга для руководства сердца и души его, нужен друг поплакать и порадоваться с ним по направлению судьбы его. Жуковский, невзирая на твои проказы с ним <нрзб.>; ибо того достоин, он в прекрасной душе своей, в своем чистейшем сердце обретает счастье и может уделять его новому своему другу Кавелину. Мы с тобою (по чести я себя самого тут ставлю в головы) в юношестве оподлили было себя препорядочно; а он! — о Жуковский! — чистота голубицы, образчик для пера Иоанна Богослова. Беседы с ним уврачуют наши старые нечистоты. Это письмо вылилось прямо из сердца, говорить без запинки о Жуковском я выпросил дозволение Жуковского (РО ИРЛИ. № 27735).

На письмо, которое послала в ответ Воейкова, Кавелин ответил молчанием. Тогда пошло в ход еще одно письмо, на этот раз написанное Воейковым. Кавелин сообщил о нем Жуковскому в письме от 22 июня 1815 г.: «От Воейкова получил письмо, где он продолжает терзаться за убытки. Фалалей наш не знает, что мы не хуже его смыслим в книжной торговле, а в сердце человеческом еще больше, гораздо больше сведущи: дай Бог, чтобы попадалось побольше таких сердец, как твое» (Из неизданной переписки В. А. Жуковского / Публ. Р. В. Иезуитовой // Ежегодник РО ПД на 1979 г. Л., 1981. С. 107).

¹¹ Из письма Кавелина к А. Ф. Воейкову от 20 марта 1814 г. видно, что он, будучи в Петербурге, уверял, что профессорская кафедра является для него «средством» для приближения счастья (РА. 1900. № 9. С. 27—28; см. также письмо Жуковского к А. Ф. Воейкову от середины (не позднее 16-го) апреля 1814 г. и примечание). Ср. в дневнике Жуковского, запись от 27 июля 1815 г., воспоминание о тех петербургских событиях: «...всех уверяет, что единственно для меня ищет Дерпта» (ПССиП. Т. 13. С. 118), а также в письме Воейкова к Д. А. Кавелину от 23 апреля 1814 г.: «Наши муратовские политические дела в таком ходу, что *все мы* уедем жить в Дерпт <...>. Стой крепко за профессора, и за профессоршу, и за профессорство...» (РА. 1900. № 9. С. 30).

¹² Ссора Воейкова с Кавелиным была достаточно серьезной. В начале 1815 г. какие-то негативные разговоры в петербургском дружеском кругу возникли после откровенных высказываний Жуковского — см., например, в его письме к А. И. Тургеневу от 1 февраля 1815 г.: «Воейков вошел в семью, а я из нее вышел». В письме к А. П. Елагиной от 30 июня — 2 августа 1815 г. Жуковский писал о Кавелине: «А мне он был большим утешением в первые минуты петербургской жизни, за которые я заплатил ему искреннюю дружбою. Я с ним говорил обо *всём* и нельзя было скрываться потому, что эта доверенность была уже сделана Воейковым в дни его *пламенной ко мне дружбы*». По-видимому, от Воейкова друзья потребовали объяснений, напоминая о его обещаниях действовать в интересах Жуковского, и он привлек, как

это позднее было в высшей степени ему свойственно, свою жену. Ее объяснения не удовлетворили Кавелина. 14 ноября 1815 г. Е. А. Протасова писала Жуковскому: «...ты непременно должен помириться <...> с Воейковым и с Сашею, которую ты очень огорчил, также и г. Кавелин, которого дружбы я не понимаю <...> он было у меня уморил Сашу <...>. А ты, мой друг, должен помирить его с Воейковым непременно. Воейков очень огорчается его молчанием» (УС. С. 298). Кавелин, тот, кого Воейков называл «вторую свою совестью», был впоследствии высмеян им в сатире «Дом сумасшедших».

¹³ Имеется в виду отъезд Воейкова из Муратова 31 января 1814 г.

¹⁴ См. письмо Жуковского от 10 сентября 1814 г.

¹⁵ Ответ А. А. Воейковой на письмо Жуковского от 10 сентября 1814 г. в печати неизвестен.

¹⁶ Ср. в дневнике Жуковского запись от 27 июля 1815 г.: «Непостижимая грубость с Машею» (ПССиП. Т. 13. С. 119).

¹⁷ Ср. в дневнике: «Предательство и лицемерство» (Там же).

¹⁸ Яснее всего свое одобрительное отношение к браку Жуковского и Маши Воейков выразил в послании «К Екатерине Афанасьевне <Протасовой>» («Цветами счастья, ума, высоких чувств...», 1814). Об этом послании Жуковский напомнил ему в письме от 10 сентября 1814 г., также назвав «документом *тогдашнего образа*» его мыслей.

¹⁹ Разговоры Воейкова, в присутствии разных людей, на тему близкого родства Жуковского и Маши отмечены в дневниковой записи Жуковского от 27 июля 1815 г., например: «...весьма жестко декламировал против меня и Маши» (Там же. С. 118—119).

²⁰ В Москве Жуковский и Воейков могли оказаться вместе в январе 1815 г. Ср. в дневниковой записи от 27 июля 1815 г.: «В Москве советы прибегнуть к императрице <Марии Федоровне>, о которой было уже рассказано...» — по-видимому, имеется в виду то, что Воейков был посвящен в этот план Жуковского и его друзей (Там же. С. 118, 481—482). См. также письма Жуковского к А. И. Тургеневу от 1 декабря 1814 г. и от 1 февраля 1815 г.

²¹ Ср. в дневниковой записи Жуковского от 27 июля 1815 г.: «Жалобы на меня за неотдачу экстрактов, похожие на тайное наущничество; а мне в глаза ласка» (Там же. С. 118, 482). В комментарии к дневнику указывается, что экстрактами в этом кругу называлась особая форма конспектирования, при котором текст снабжался обильными замечаниями. В данном случае, по-видимому, речь идет о переписывании Машей Протасовой замечаний Жуковского на ее письма. Действия Воейкова должны были продемонстрировать Е. А. Протасовой существование между ними тайной переписки.

²² Ср. в дневниковой записи Жуковского от 27 июля 1815 г.: «...решился быть точно братом Машиной матери» (Там же. С. 115).

²³ Имеются в виду планы Воейкова относительно замужества Маши Протасовой.

²⁴ Этот эпизод описан в дневниковой записи Жуковского от 27 июля 1815 г. (см.: Там же. С. 115—117). Разговор с Воейковым, о котором здесь идет речь, произошел

4 апреля 1815 г.; именно эта дата стоит в дневнике под выпиской из альбома, озаглавленной «Хороший плод хорошего разговора», которую привел, с небольшими отличиями, Жуковский в своем письме к А. Ф. Воейкову от 22 августа 1815 г. Ответное стихотворение «У Гениев, как у Царей...» было написано Воейковым спустя один-два дня после 4 апреля. См. также письмо к М. А. Протасовой от 16 апреля 1815 г. и примечания.

²⁵ Цитата из стихотворения «Теон и Эсхин» (1814).

²⁶ Письмо Жуковского к Е. А. Протасовой с обещанием «быть ее братом» в печати неизвестно. 16 марта Жуковский приехал в Дерпт, пробыв там и весь апрель, причем сразу же после приезда просил руки ее дочери; еще раз он приезжал туда в июле—августе 1815 г. В письме от 10 октября 1815 г. к П. И. и М. Н. Протасовым Екатерина Афанасьевна писала: «Здесь в Дерпте у нас было опять объяснение с Василием Андреевичем, и я опять отказала ему. Потом он сам дал слово мне и ей <Маше> победить себя и стараться о доставлении ей счастливого супружества. — В последнее его посещение я опять возвратила было ему всю мою доверенность и была совершенно покойна до самой последней минуты его отъезда. Прощаясь, он опять зачал мне говорить при ней, чтобы позволила этот ужасный для меня брак. Обоих нас это чрезвычайно удивило, и она с искреннею твердостью ему сказала, что этого никогда не будет» (УС. С. 295—296). 24 августа 1815 г. Жуковский уехал из Дерпта, продолжая надеяться на брак с Машей. Е. А. Протасову по-прежнему беспокоили родственники, уговаривавшие ее дать согласие на брак дочери. Продолжалось в кругу Жуковского и обсуждение плана привлечения на помощь ему вдовствующей императрицы, причем подлинная степень его родства с Машей, по видимому, не была ей открыта.

²⁷ Ср. в дневнике Жуковского запись от 27 июля 1815 г.: «...стихи, которые он с торжеством читает мне при Е<катерине> А<фанасьевне>» (ПССиП. Т. 13. С. 116).

²⁸ Имеется в виду поездка Воейкова в феврале—марте 1814 г. (см. примеч. 11).

²⁹ Речь идет о посещении Жуковским и Воейковым И. В. Лопухина в его имени Воскресенское в конце апреля 1814 г. и о письме Лопухина к Воейкову, написанном в мае или июне 1814 г. в защиту Жуковского. См. письма Жуковского к Воейкову от 20 февраля, 10—12 июля и 10 сентября 1814 г., а также письма к М. Н. Свечиной и А. Н. Арбеневой от 7 марта 1814 г. и к А. П. Елагиной от 16 апреля и 5 мая 1814 г.

³⁰ О том же предложении Воейкова (венчаться с Машей увозом, без благословения матери) говорится в письме к нему Жуковского от 19—20 <?> июля 1814 г.

³¹ Ср. в дневниковой записи Жуковского от 27 июля 1815 г.: «Воейков почувствовал, что это пожертвование давало мне совершенную от него независимость, совершенное с ним равенство, и это ему было тяжело. С этим пожертвованием он переставал быть для меня *подпорою и подателем всех благ и надежд*, а для Е<катерины> Аф<анасьевны> *хранителем всех бед*, ибо точно, кого она могла бояться, сам готов был сделаться во всём ее товарищем» (Там же. С. 117).

³² Речь идет об отъезде Жуковского из Дерпта в Петербург в первых числах мая 1815 г.

³³ Имеются в виду крестины Кати Воейковой. Шутливое приглашение на них Жуковского, написанное Воейковым 15 июня 1815 г. в ожидании рождения дочери, см.: РО ИРЛИ. № 27966. Л. 7 («Милостивый государь дядюшка Василий Андреевич!» и проч.).

³⁴ Речь идет о записях на книге Жака Делиля «Les jardins» (1801; см.: Описание. № 892), о которых Жуковский с возмущением писал в своем дневнике 19—20 апреля 1815 г. В одной из них Воейков утверждал, что «совершенно счастлив», после чего свои подписи поставили и Саша Воейкова, и Маша Протасова (ПССиП. Т. 13. С. 109, 477—478). См. также: *Реморова Н. Б.* Книга Ж. Делиля «Сады» из библиотеки В. А. Жуковского как памятник истории культуры // *Памятники культуры: Новые открытия.* 1985. М., 1987. С. 19—32.

³⁵ Ср. в дневниковой записи Жуковского от 27 июля 1815 г.: Там же. С. 119, 482.

³⁶ Ср. позицию Е. А. Протасовой, выраженную в письме от 10 октября 1815 г. к П. И. и М. Н. Протасовым: «Ни один священник венчать не станет сына моего отца с моею дочерью. <...> Неужели вы называете предрассудком повеление моей церкви, которой главою есть Христос, в которой я воспитана?» (УС. С. 293).

³⁷ Село Сурьянино (Сурьяново, Сурьяниново), в 25 верстах от Муратова, которое в середине 1813 г. было куплено Е. А. Протасовой. Долги Воейков наделал в ранней молодости, играя в карты; см. в его письме от 21 июня 1826 г. к кн. Е. А. Волконской упоминание о «прошедших днях молодости, глупости и мотовства», за которое ему приходится платить «каторжною работою» (Библиографические записки. 1858. № 9. С. 268).

³⁸ В формулярном списке 1820 г. указывалось, что у Воейкова во владении было 150 душ в селе Перевесенки Саратовской губернии Балашовского уезда. По-видимому, они вскоре были проданы, и в другом формулярном списке, 1834 г., он уже был владельцем 250 душ в селе Забелине и деревне Аламово Владимирской губернии Переяславль-Залесского уезда (РО ИРЛИ. Ф. 31. № 35).

³⁹ См. примеч. 10—12. По-видимому, Жуковский понимал, что письмо лишь написано рукой Саши, а сочинено самим Воейковым.

243.

К. Я. Дезе

(С. 398)

Автограф неизвестен.

К о п и я: РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1. № 78. Л. 9. Б. г.

Публикуется впервые, подготовка текста к печати А. С. Янушкевича.

Д а т и р у е т с я: 31 августа 1815 г.

Год определяется сообщением о возвращении в Петербург.

¹ Жуковский вернулся в Петербург из Дерпта, куда уезжал в июле, 26 или 27 августа.

² В письме сообщается о выполнении просьбы К. Я. Дезе о помощи в получении служебного места неустановленному лицу.

244.

А. П. Киреевской (Елагиной) и А. П. Юшковой (Зонтаг)

(С. 399)

Автограф неизвестен.

Копия неизвестна.

Впервые опубликовано: Москвитянин. 1853. № 2. С. 149—150 (публикация С. П. Шевырева); ЖМНП. 1869. Ч. 143. Май. С. 57, 60, 63 (с указанием даты: «16 сентября 1815 г.»).

Впервые полностью: РС. 1883. № 4. С. 101—105, с пометой: «16-го сентября 1815 г. Петербург».

Печатается по тексту полной публикации.

Датируется 16 сентября 1815 г.

¹ См. письмо к А. П. Киреевской (Елагиной) и А. П. Юшковой (Зонтаг) от 30 июля — 2 августа 1815 г.

² Это письмо в печати неизвестно.

³ Логогриф, разновидность шарады, загадки (см.: *Квятковский А. П.* Поэтический словарь. М., 1966. С. 146—147; *Словарь русского языка XVIII века.* Л., 1985. Вып. 11. С. 215).

⁴ Като и Букварь — Е. П. и В. А. Азбукины. Приписка последнего была на письме Елагиной от 4 сентября 1815 г. (Переписка Ж. и Елагиной. С. 115—116), которое Жуковский еще не получил.

⁵ Эти письма неизвестны. Далее упоминается А. И. Плещеева.

⁶ Здесь и далее речь идет о семье деверя Е. А. Протасовой. О П. И., М. Н. и А. П. Протасовых см. письма Жуковского к А. П. Елагиной от 10—15 <?> июня 1814 г. и к М. А. Протасовой от 9—15 <?> июля 1814 г. Намерение написать к Е. А. Протасовой увещательное письмо о Жуковском и Маше было вскоре исполнено М. Н. Протасовой. Оно появилось не спонтанно, как рассказывается в этом письме Жуковского к Елагиной, а, несомненно, в ответ на его просьбу, поскольку, находясь в Дерпте, он понял, что Маша может быть вскоре выдана замуж. Известен ответ Е. А. Протасовой от 4 октября 1815 г. на несохранившееся письмо Жуковского к ней, в котором была приписка А. А. Воейковой: «Что значит твоя просьба, чтобы я ее <Машу> замуж не выдала; право, она мне дороже, чем тебе с твоею страстью» (УС. С. 293). На письмо М. Н. Протасовой Екатерина Афанасьевна ответила, с некоторым промедлением, письмом от 10 октября 1815 г., в котором подробно изложила историю отношений Жуковского и Маши: «Ни один священник венчать не станет сына моего отца с моею дочерью» (Там же. С. 293—296).

⁷ Е. И. Протасова, тетка Маши. О ее приезде в Петербург упоминает Жуковский в письме к А. П. Елагиной от 10—13 ноября 1815 г.

⁸ The great teacher — великий учитель — судьба.

⁹ Поэт и государственный деятель Ю. А. Нелединский-Мелецкий, принимавший активное участие в судьбе Жуковского, в его придворной карьере. Ему посвя-

щено послание «Друзья, стакан к стакану!..», написанное ко дню рождения поэта, 6 сентября 1815 г. В нем Жуковский, в частности, говоря о роли Нелединского в его жизни, писал: «Забывши сан и лета, // Он был товарищ мой // При входе скользком света...» (ПССиП. Т. 2. С. 16).

¹⁰ Григорий Иванович Вилламов, литератор, статс-секретарь императрицы Марии Федоровны.

¹¹ Баллады «Эолова арфа» (1814), «Людмила» (1808), «Варвик» (1814), «Ивиковы журавли» (1813).

¹² «Певец во стане русских воинов» (1812), «Баллада, в которой описывается, как одна старушка...» (1-я ред., 1814), «Светлана» (1812—1813), «Императору Александру» (1814).

¹³ См. письмо к П. А. Вяземскому от 19 сентября 1815 г.

¹⁴ Примечание П. А. Висковатова: «...незадолго перед сим Жуковский продал принадлежавший ему в тех местах участок земли, тысяч за одиннадцать, чтобы отдать эти деньги на приданое Александры Андреевны» (РС. 1883. № 4. С. 104).

¹⁵ Имеется в виду дерптский профессор Лоренц Эверс, адресат послания «Старцу Эверсу» (1815). Подробнее см.: ПССиП. Т. 2. С. 433—434.

¹⁶ Так в тексте РС. К ст. 49—50 стихотворения «Старцу Эверсу», переписанного в тексте письма («Я зрел вчера: сходя на край небес, // Как божество, нас солнце покидало...»), Жуковский сделал примечание «*Это так случилось ~ чтобы и они когда-нибудь ко мне написали*», печатаемое здесь в конце основного текста.

¹⁷ Ср. в послании «Старцу Эверсу»: «Я вспомнил о нежном завещанье, // Оставленном в названье брата мне...» (Там же. С. 15).

¹⁸ Так в публикации РС.

245.

П. А. Вяземскому

(С. 403)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1909. Л. 61—62 об.

Впервые опубликовано: Огонек. 1949. № 23. С. 9; ЛН. Т. 58. М., 1952. С. 33 — в отрывках.

Впервые полностью: СС 1. Т. 4. С. 562—567.

Печатается по тексту первой полной публикации, со сверкой по автографу.

Датируется: 19 сентября 1815 г.

¹ Имеется в виду стихотворение Вяземского «Вечер на Волге» («Дыханье вечера долину освежило...»). К письму было приложено стихотворное послание Жуковского «К кн. Вяземскому» («Благодарю, мой друг, тебя за доставление...») с разбором «Вечера на Волге», см.: ПССиП. Т. 2. С. 436—438. Комментарий О. Б. Лебедевой.

² Цитата из послания Жуковского «К кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину», ст. 51.

³ Цитата из послания Жуковского «К Вяземскому. Ответ на его послание к друзьям», ст. 90, 104—106.

⁴ См. примеч. 3 к письму к А. И. Тургеневу от 1 декабря 1814 г.

⁵ Имеется в виду стих Вяземского «Благоухает древ трепещущая сень...» из стихотворения «Вечера на Волге».

⁶ См. там же:

И яркое светило,
Спустившись в недра вод, уже переступило
Пылающих небес последнюю ступень.

⁷ Стих был исправлен в следующем варианте: «Забывшись, наяву один дремать в мечтах...».

⁸ Ст. 94 баллады Жуковского «Кассандра».

⁹ Подразумевается стихотворение Вяземского «Весеннее утро» («По зыбким, белым облакам...»).

¹⁰ Вероятно, речь идет о замысле элегии «Славянка» (23—28 сентября 1815 г.), где присутствует ночной пейзаж.

¹¹ Жуковский вернулся в Петербург из Дерпта 26 или 27 августа.

¹² Н. М. Карамзин, завершавший в Остафьеве «Историю государства Российского». Тит Ливий — римский историк.

¹³ Инверсия ст. 42—41 стихотворения Жуковского «Старцу Эверсу»: «Прекрасному — текущее мгновенье; // Грядущее — беспечно небесам...».

¹⁴ См. описание визита в письме к А. П. Киреевской (Елагиной) и А. П. Юшковой (Зонтаг) от 16 сентября 1815 г. и примечаниях к нему.

¹⁵ «Императору Александру».

¹⁶ А. С. Пушкиным.

¹⁷ Эта сцена свидания была в 1816 г. воссоздана Пушкиным в послании «К Жуковскому»:

Не ты ль мне руку дал в завет любви священный?
Могу ль забыть я час, когда перед тобой
Безмолвный я стоял, и молнийной струей —
Душа к возвышенной душе твоей летела...

¹⁸ Это послание Пушкина до нас не дошло.

¹⁹ Григорий Иванович Гагарин, товарищ Жуковского по Московскому университетскому Благородному пансиону.

²⁰ Вероятно, имеется в виду граф Федор Иванович Толстой, прозванный «Американцем».

²¹ В. Л. Пушкин.

²² Федор Федорович Кокошкин.

²³ Мария Андреевна Щербатова, фрейлина императрицы Марии Федоровны, свояченица Д. Н. Блудова.

²⁴ См. о послании «Ю. А. Нелединскому-Мелецкому»: ПССиП. Т. 2. С. 435—436. Комментарий О. Б. Лебедевой.

246.

К. Моргенштерну

(С. 407)

Автограф неизвестен.

Копия неизвестна.

Впервые опубликовано: Ученые записки Юрьевского университета. 1904. № 5. С. 95, с пометой: «22 сентября (1815)».

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: 22 сентября 1815 г.

¹ Имеется в виду сочинение К. Моргенштерна «Grundriss einer Einleitung zur Aesthetik, mit Andeutungen zur Geschichte derselben» (Dorpat, 1815). См. рецензию на книгу Моргенштерна в *Leipzige Literatur-Zeitung*. 1816. № 140. S. 1120. Рецензент рассматривает сочинение Моргенштерна вокруг вопроса о том, является ли или может ли стать эстетика наукой.

² В Дерпте Жуковский общался с братьями Петерсенами (Петерсонами), с библиотекарем Дерптского университета Карлом Фридрихом и юристом Георгом Густавом. В письме к Моргенштерну, скорее всего, имеется в виду К. Ф. Петерсен. Карл Фридрих Людвиг Петерсен, библиотекарь Дерптского университета, секретарь цензурного комитета и лектор немецкого языка (это место он занимал безвозмездно с 1802 по 1818 г.). В бумагах Жуковского сохранилась тетрадка стихотворений Петерсена. На рождение сына Петерсена Жуковский написал четверостишие гекзаметром (ПССиП. Т. 2. С. 54, 469. Комментарий А. С. Янушкевича). 9 января 1823 г. поэт писал М. А. Мойер о смерти Петерсена: «Какой страшный конец прекрасной жизни». Жуковский, будучи крестным отцом сына Петерсена, заботился о нем после смерти его отца; см.: *Салупере М. Г. Забытые друзья Жуковского // Ж. и русская культура*. С. 444—446). После смерти Петерсена Университетский совет отправил императору прошение о назначении пособия его семье, отметив, что Петерсен внес «существенную пользу особливо тогда при тогдашних ограниченных доходах». До наступления совершеннолетия сын и вдова Петерсена получали из Кабинета Его Величества ежегодное пособие в размере 600 руб. (см. подробнее личное дело в Эстонском национальном архиве: Petersen, Karl. Sekretär an der Dorpater Universität // ЕАА.384.1.3228; Petersen, Karl. Bibliothekssekretär an der Dorpater Universität // ЕАА.384.1.3229).

³ Упомянутое письмо Жуковского к Петерсену обнаружить не удалось, вероятно, оно не сохранилось.

247.

А. А. Прокоповичу-Антонскому

(С. 408)

Автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: РА. 1902. № 5. С. 137—138.

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: 15 октября 1815 г.

¹ Первая часть «Стихотворений Василия Жуковского» вышла в Санкт-Петербурге в ноябре 1815 г., вторая часть — в конце декабря 1816 г. Также в конце декабря 1816 г. в Москве М. Т. Каченовским были изданы три части «Переводов в прозе» Жуковского.

² Речь идет о распространении «Стихотворений» Жуковского по подписке в Москве. Об этом же говорится в письмах поэта к П. А. Вяземскому от 19 октября 1815 г. Ср.: «Посылаю тебе несколько программ на издание моих сочинений, которое уже восприняло свое начало. Набирай подписчиков — но прошу сохранить надлежащую точность. Доставь вместе с деньгами и имена и адреса тех, которые подпишутся».

³ В течение 1815 г. Жуковский дважды посетил Дерпт и находился там со второй половины марта до начала мая и с июля до конца августа.

⁴ Упоминание о пребывании Жуковского в Павловске содержится в письме к А. П. Киреевской (Елагиной) и А. П. Юшковой (Зонтаг) от 16 сентября 1815 г. и в письме к П. А. Вяземскому от 19 сентября.

248.

П. А. Вяземскому

(С. 408)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1909. Л. 72—73 об. Б. г.

Впервые опубликовано (фрагмент): Арзамас-2. Кн. 1. С. 270. Публикация О. А. Проскурина.

Публикуется впервые полностью.

Печатается по автографу.

Датируется: 19 октября 1815 г.

Год определяется по содержанию письма.

¹ Подразумевается стихотворение Вяземского «Весеннее утро» («По зыбким, белым облакам...»).

² Имеется в виду стихотворение Вяземского «Вечер на Волге» («Дыханье вечера долину освежило...»).

³ См. письмо к П. А. Вяземскому от 19 сентября 1815 г. и комментарии к нему.

⁴ Имеются в виду стихи «Вечера на Волге»:

Плывущим островам подобясь, вдали
Огромные суда в медлительном паренье
Несут по лону вод сокровища земли...

⁵ См. примеч. 3 к письму к А. И. Тургеневу от 1 декабря 1814 г.

⁶ Стих был убран Вяземским.

⁷ Стих 201 баллады «Громобой», ср.: «Река сравнялась в берегах...» (ПССиП. Т. 3. С. 88).

⁸ Стих был переработан в следующем виде: «И скатерть синих вод сравнялась в берегах».

⁹ Стих был переработан в следующем виде: «Но вдруг перед собой зрю новое явление».

¹⁰ Стихи были переработаны в следующем виде: «Их крылья смелые по воздуху белеют, // Их мачты, как в водах бродящий лес, темнеют».

¹¹ См. примеч. 7 к письму к П. А. Вяземскому от 19 сентября 1815 г.

¹² Замечание относится к стихам, имеющим в окончательной редакции вид: «И звонкий глас забав // Окрест передавали».

¹³ В окончательном виде: «Противник наглых бурь...».

¹⁴ Выражение убрано Вяземским.

¹⁵ Отвергнуто Вяземским.

¹⁶ В окончательном виде: «И ропотом приятным...».

¹⁷ См. о чтении «Вечера на Волге» Ю. А. Нелединским-Мелецким императрице Марии Федоровне в письме к П. А. Вяземскому от начала января 1816 г.

¹⁸ Проект не был реализован.

¹⁹ Стихотворение Батюшкова «Странствователь и домосед» было опубликовано в журнале «Амфион» (1815. № 6. С. 75—91) А. Ф. Мерзлякова, с которым у Жуковского были творческие разногласия.

²⁰ Речь идет о пьесе А. А. Шаховского «Урок кокеткам, или Липецкие воды» с пародией на Жуковского.

²¹ *Блудов Д. Н.* Видение в какой-то ограде. Изданное обществом ученых людей (14 октября 1815 г.).

²² *Дашков Д. В.* Письмо новейшему Аристофану (СО. 1815. № 42. С. 140—148).

²³ Василий Тимофеевич Кашкин, столоначальник 2-го отделения Медицинского департамента, заведующий его типографией (см. также письмо к П. А. Вяземскому от 29 июня 1816 г.).

²⁴ Элегия «Славянка».

²⁵ Известный гравер Николай Иванович Уткин.

²⁶ Гравированный портрет Н. М. Карамзина работы В. А. Тропинина был напечатан в 11-м томе «Сочинений» писателя (СПб., 1815), издававшемся под надзором Вяземского.

249.

А. П. Киреевской (Елагиной)

(С. 411)

Автограф неизвестен.

Копия неизвестна.

Впервые опубликовано: РС. 1883. № 4. С. 105—106, с пометой: «(СПб. 1815. Осенью, после 23 сентября)».

Печатается по тексту первой публикации.

Д а т и р у е т с я: начало ноября (не ранее 3-го) 1815 г.

А. Е. Грузинский связывал датировку письма с представлением в Петербурге 23 сентября 1815 г. комедии А. А. Шаховского «Урок кокеткам, или Липецкие воды», в которой Жуковский был выведен в образе балладника Фиалкина. Между тем Жуковский в письме говорит о «брани» на него «в комедиях», имея в виду, вероятно, другой спектакль, по пьесе М. Н. Загоскина «Комедия против комедии, или Урок волокитам», состоявшийся 3 ноября 1815 г. Пьеса Загоскина, с многочисленными выпадами против карамзинистов и в том числе Жуковского, была написана в поддержку Шаховского. К моменту ее постановки в журналах уже кипела «брань» за Жуковского, о которой поэт пишет Елагиной. Начало ей было положено статьей Д. В. Дашкова «Письмо новейшему Аристофану», напечатанной в СО (1815. № 42. С. 140—148; журнал вышел 14 октября). См. письмо Жуковского к Елагиной от 10—13 ноября 1815 г. и примечания.

С письмом от начала ноября (не ранее 3-го) была отослана к Елагиной элегия «Славянка»; эта копия не сохранилась (ПССиП. Т. 2. С. 439). Восторженный отзыв о «Славянке» был дан Елагиной в письме от 23 ноября 1815 г. (Переписка Ж. и Елагиной. С. 134, 136—137).

¹ Речь идет о письмах Елагиной и, по-видимому, Зонтаг (не сохранились). Вероятно, объяснения были вызваны письмами Елагиной в Дерпт.

² Орест Адамович Кипренский, портретист, исторический живописец; закончил портрет Жуковского в 1816 г. Заказчиком портрета был С. С. Уваров.

³ По-видимому, речь идет о ситуации вокруг письма М. Н. Протасовой (см. письмо к А. П. Елагиной от 16 сентября 1815 г. и примечания). К ответному письму Е. А. Протасовой, адресованному П. И. и М. Н. Протасовым, было приложено Машино письмо, уверявшее их в отсутствии у нее нежного чувства к Жуковскому. См. письмо Жуковского к М. А. Протасовой от 27—28 ноября 1815 г. и примечания. Елагина ничего не знала о реакции в Дерпте на письмо М. Н. Протасовой, о чем с упреком писала Жуковскому в ноябре 1815 г. (см.: Переписка Ж. и Елагиной. С. 124).

⁴ См. выше.

⁵ Первоначальный вариант пояснения к элегии, которое впоследствии, во всех ее прижизненных публикациях, печаталось в форме пространного примечания (см.: ПССиП. Т. 2. С. 440).

⁶ Памятник Павлу I был поставлен в Павловске его вдовой, императрицей Марией Федоровной (в описании монумента именно о ней сказано в письме: «... в слезах женщина...»); скульптор Тома де Томон, строительство велось с 1806 по 1810 г. Далее упоминаются Александр I, великие княгини Александра Павловна и Ольга Павловна.

⁷ Монумент памяти великой княгини Александры Павловны из алебастра поставлен в Павловске летом 1814 г.; через год заменен мраморным памятником

(см.: Несин В. Н., Сауткина Г. Н. Павловск Императорский и Великокняжеский, 1777—1917. СПб., 1996. С. 113).

⁸ «...роща называется *семейственной*...» (примечание Жуковского к публикации элегии «Славянка», см.: ПССиП. Т. 2. С. 440).

250.

П. А. Вяземскому

(С. 412)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1909. Л. 63—63 об. Б. д.

Впервые опубликовано (фрагмент): Арзамас-2. Кн. 1. С. 284. Публикация О. А. Проскурина.

Публикуется впервые полностью.

Печатается по автографу.

Датируется: начало ноября 1815 г.

Датируется предположительно: см. примеч. 6—7.

Адрес: «Его благородию милостивому государю моему Василью Степановичу Афанасьеву, в Москве, в почтамте для доставления князю Петру Андреевичу Вяземскому» (Л. 64).

¹ Известный гравер Николай Иванович Уткин.

² А. С. Ширияев, московский книгопродавец и издатель (см. примеч. 2 к письму к П. А. Вяземскому от начала февраля 1814 г.).

³ См. примеч. 2 к письму к Д. А. Кавелину от 18 июля 1814 г.

⁴ См. примеч. 25 к письму к П. А. Вяземскому от 19 октября 1815 г.

⁵ Известный художник Николай Иванович (Сальватор) Тончи, которому предложили исправить, по причине несходства с оригиналом, портрет Карамзина работы В. А. Тропинина.

⁶ Имеется в виду цикл эпиграмм Вяземского «Поэтический венок Шутовского, поднесенный ему раз навсегда за многие подвиги», из которых три были опубликованы в «Российском музее» (1815. № 12).

⁷ В. Л. Пушкин. Он был заочно принят в члены «Арзамаса» 14 октября 1815 г., очное принятие произошло в марте 1816 г.

⁸ Петр Михайлович Дружинин, директор училищ Московской губернии, адъютант Московского университета по кафедре естественной истории. Письмо Жуковского к Дружинину не обнаружено. В нем, вероятно, шла речь о Николае Никитовиче Бушуеве, художнике и гравере из Златоуста, в 1815 г. отправленном на стажировку в столицу в связи с основанием Златоустовской оружейной фабрики.

251.

А. П. Киреевской (Елагиной) и А. П. Юшковой (Зонтаг)

(С. 413)

Автограф неизвестен.

Копия неизвестна.

Впервые опубликовано: Москвитянин. 1853. № 2. С. 86—87, 150 (публикация С. П. Шевырева); ЖМНП. 1869. Ч. 143. Май. С. 64, 67.

Впервые полностью: УС. С. 18—20, с пометой: «(Ноябрь 1815)».

Печатается по тексту полной публикации.

Датируется: 10—13 ноября 1815 г.

Датируется по «двум ответным письмам Авдотьи Петровны от 23 и 27 ноября <1815 г.>» (УС. С. 20, примечание А. Е. Грузинского).

¹ Письмо не сохранилось.

² В письме к Жуковскому («Августа, числа не знаю», 1815) Батюшков сообщил: «Теперь я по горло в прозе. Воображение побледнело, но не сердце, к счастью, и я этому радуюсь. Оно еще способнее, нежели прежде, любить друзей и чувствовать всё великое, изящное» (Батюшков. Т. 2. С. 347).

³ Васькова гора, Гремячий источник — памятные Жуковскому места в родном муратовско-мишенско-долбинском краю.

⁴ См. письмо к А. П. Елагиной от начала ноября (не ранее 3-го) 1815 г., где Жуковский обещает описать «войну на Парнасе» на следующей почте». Примечание А. Е. Грузинского: «Во время представления Жук<овский> сидел в креслах и от души смеялся» (УС. С. 18).

⁵ Дашков Д. В. Письмо новейшему Аристофану (ВЕ. 1815. № 42. С. 140—148). См. письмо к Елагиной от начала ноября (не ранее 3-го) 1815 г. и вступительное примечание.

⁶ Блудов Д. Н. Видение в какой-то ограде. Изданное обществом ученых людей (14 октября 1815 г.).

⁷ Имеется в виду цикл эпиграмм Вяземского «Поэтический венок Шутовского, поднесенный ему раз навсегда за многие подвиги», из которых три были опубликованы в «Российском музее» (1815. № 12; ц. р. — 1 ноября 1815).

⁸ См. выступления друзей Жуковского, как опубликованные, так и неопубликованные, в: Арзамас-2. Кн. 1. С. 240—265; см. также объявление о выходе отдельного издания комедии Шаховского: СО. 1815. № 45. С. 267, с эпиграммой А. С. Грибоедова (автор не указан): «Парнасский весь народ // Шумит, кричит и дело забывает» (журнал вышел 5 ноября 1815).

⁹ Послание «К кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину» (1814).

¹⁰ «Обвитый розами скелет» — ст. 96 из этого послания.

¹¹ Ст. 33 из басни Жуковского «Сон могольца» (1806).

¹² О ком идет речь, не установлено. Елагина с настороженностью восприняла предложения Жуковского, намекнув, что в своем представлении о воспитании

детей он умолчал о самом главном для нее — об их религиозности: «...образования для университета мне мало — для жизни полезной, для счастья добродетели, для полного сердца на вечность! Курции! Деции! Св. Павлы!»; далее по-французски (даем в переводе): «Хотеть быть оком слепого, рукой паралитика, отцом сироты, сыном покинутого, другом страдающего и скорбящего!». В этом письме она указала, почему в письмах к Жуковскому воздерживалась от изложения подобных проблем: «...а не надоест Вам *христианство?*» (Переписка Ж. и Елагиной. С. 134—135).

¹³ И. Г. Тоблер, представитель большого швейцарского семейства педагогов, воспитатель братьев Тургеневых.

¹⁴ ...*Нет шкафов, нет помела, нет добродетели и Лизы* — парафраз стиха 61 «Коловратно-куриозной сцены между господином Леандром, Пальясом и важным господином Доктором», ср.: «Нет благодарности! Нет торжества! Нет Лизы!» (ПССиП. Т. 7. С. 218).

¹⁵ М. А. и Е. И. Черкасовы, по-видимому, Петя Киреевский, Е. П. Азбукина и ее муж В. А. Азбукин («*le grimacier ordinaire*»^{*}).

¹⁶ Речь идет о Н. М. и А. М. Муравьевых, будущих декабристах.

¹⁷ Т. е. Азбукиных, ожидающих появления ребенка.

¹⁸ Наталья Андреевна Азбукина, сводная сестра Саши и Маши Протасовых; управитель в Долбине Иван Никифорович Гринев и его жена Елизавета Васильевна; Елена Ивановна Протасова («...дня три как приехала...»; см. о ней упоминание в письме к А. П. Елагиной от 16 сентября 1815 г.); Мария Николаевна Свечина (урожд. Вельяминова).

252.

П. А. Вяземскому

(С. 416)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1909а. Л. 13—13 об. Б. г.

Впервые опубликовано: Арзамас-2. Кн. 1. С. 304 — фрагмент (публикация О. А. Проскурина).

Публикуется впервые полностью.

Печатается по автографу.

Д а т и р у е т с я: 23 ноября 1815 г.

Год определяется по реалиям письма: см. примеч. 2, 4, 6.

¹ Александр Николаевич Карамзин родится 31 декабря 1815 г. Далее речь идет о ранней смерти от скарлатины дочери Е. А. и Н. М. Карамзиных Натальи, случившейся 6 ноября 1815 г. Скарлатиной болели в это время и другие дети Карамзиных.

² Д. П. Северин вернулся из путешествия по Франции и Англии в ноябре 1815 г. и вскоре был принят в «Арзамас» с прозвищем «Резвый кот». Далее идет речь

---

* Вечный кривляка (*франц.*).

о хрупкой внешности Северина, на которую обращали внимание многие друзья, в частности Вяземский (см.: РС. 1896. № 1. С. 82).

³ К. Н. Батюшков.

⁴ Петр Иванович Полетика, дипломат, советник русской миссии в Северо-Американских Соединенных Штатах, прибыл в Петербург в 20-х числах ноября. Арзамасское прозвище «Очарованный челнок».

⁵ Речь идет о доме И. И. Дмитриева в Москве у Красных ворот, сгоревшем во время пожара 1812 г.

⁶ Имеется в виду стихотворение «Песнь Русскому Царю от его воинов», посвященное празднику Семеновского полка, приходящемуся на 21 ноября и, в данном случае, приуроченному к возможному прибытию императора, полковника Семеновского полка, из Варшавы (Александр I вернулся 14 декабря 1815 г.). См.: ПССиП. Т. 2. С. 441. Комментарий Н. В. Серебренникова.

253.

М. А. Протасовой

(С. 417)

Автограф неизвестен.

К о п и я (небольшой отрывок): РНБ. Оп. 2. № 449. Л. 5—6 об.; характер отличий копии от текста публикации РС говорит о том, что она переписывалась с другого источника.

В п е р в ы е о п у б л и к о в а н о: РС. 1883. Т. 38. № 5. С. 355—362.

Печатается по копии (отрывок: «Ты хочешь говорить со мной ~ что у тебя отнял, произвольно») и публикации РС.

Д а т и р у е т с я: 27—28 ноября 1815 г.

Письмо от 27—28 ноября написано в ответ на письмо М. А. Протасовой от 8 ноября 1815 г. (было получено Жуковским 26 ноября — см. письмо к А. П. Елагиной от 30 декабря 1815 г.), в котором она сообщала ему о своем решении выйти замуж за И. Ф. Мойера:

Мой милый, бесценный друг! последнее письмо твое к маменьке утешило меня гораздо более, нежели я сказать могу, и я решаюсь писать к тебе, просить у тебя совета, так, как у самого лучшего друга после маменьки. *Vous dites que vous voulez me servir lieu de père!** О, мой добрый Жуковский, я принимаю это слово во всей его цене и очень умею понимать то чувство, с которым ты его сказал. Я у тебя прошу совета так, как у отца: прошу решить меня на самый важный шаг в жизни, я с тобой с первым после маменьки хочу говорить об этом и жду от тебя, от твоей ангельской души, своего спокойствия, счастья и всего доброго. *Je veux me marier avec Moier, j'ai eu occasion de voir, combien il est noble, combien ses sentiments sont élevés, et j'espère que je trouverai avec lui un parfait repos. Je ne m'aveugle pas sur ce que je sacrifie en faisant ce pas-là, mais je vois aussi tout se que je gagne. D'abord je suis sûre de faire le bonheur de ma bonne Maman en*

* Ты говоришь, что хочешь заменить мне отца! (*франц.*).

lui donnant deux amis;* милый друг, то, что теперь тебя с нею разлучает, не будет более существовать. В тебе найдет она утешителя, друга, брата. Милый Базиль! ты будешь жить с ней! а я получу право иметь и показывать тебе самую святую нежную дружбу, и мы будем такими друзьями, какими теперь нам всё быть мешает. Не думай, ради Бога, чтобы меня кто-нибудь принуждал на это решиться. С Воейковым я еще не говорила и уверена наперед, что он будет против этого; а маменька оставляет мне полную волю. Друг мой! я от тебя жду решения и Мойеру долго еще о том говорить не стану. Милый Жуковский, я воображаю, что мы все можем быть счастливы! Я надеюсь, что ты будешь жить с маменькой, что в тебе она найдет всё. Кто лучше тебя может дать ей счастье? Также и ты, друг мой, будешь всё иметь, живши дружно с этими двумя ангелами. Кто больше маменьки и Саши может утешить и заменить всё? Также и Воейков, я уверена, будет лучше и добродетельнее, когда будет видеть тебя. Ты много, много можешь иметь влияния на счастье Саши.

Pour moi je ne perdrai la liberté que de nom, mais je gagnerai le droit d'avoir et de vous montrer la plus sincère amitié. Mon bon ami, je crois vraiment que je trouverai le bonheur et le repos avec Moier; je l'estime beaucoup; il a une âme élevée et un caractère noble et j'attends tout du temps. J'ai encore une grande prière a vous faire. Woieykoff va venir a Petersbourg. Vous avez bien des raisons pour être fâché contre lui, il a eu de très grands torts envers vous; mais pour l'amitié que vous avez pour ma soeur, vous devez non seulement lui tout pardonner, mais le reconcilier avec Кавелин. Cet homme a une très grande influence sur lui, et en perdant son estime, il fera moins de cas de la vertu. Pardonnez lui tout de bon coeur et payez lui par des bienfaits**. Саша тебя любит и от тебя ждет больше, нежели от кого-нибудь. Она вчера сказала, что ей грустно знать тебя на нее сердиту, но что она не раскаивается в том, что написала письмо это <к Кавелину>, потому что ей легче быть самой против тебя виноватой, нежели воображать тебя недостойным ее уважения и дружбы. Для этого ангела ты должен сделать всё, что можно. Она боится поездки Воейкова в Петербург, зная его вспыльчивость и зная также, как много ты имеешь права делать ему упреки; она ожидает несчастья от этого путешествия. Ты будешь и ее благодетелем, помилив Воейкова с Кавелиным и простив его от сердца без всяких изъяснений и оправданий, которые ни к чему не послужат. Отвечай нам как можно скорей и больше. Не говори никому и ничего; еще ничто не решено (автограф неизвестен; опубликовано частично: Зейдлиц К. К. Очерк развития поэтической деятельности В. А. Жуковского //

---

* Я хочу выйти замуж за Мойера, я имела случай видеть его благородство и возвышенность его чувств и надеюсь, что найду с ним полное успокоение. Не закрываю я глаз на то, чем жертвую, делая этот шаг, и вижу то, что выигрываю. И прежде всего я уверена, что составляю счастье доброй моей матери, даруя ей двух друзей (*франц.*).

** Что касается меня самой, то я потеряю свободу только по имени, зато приобрету право пользоваться твоей дружбою и тебе ее оказывать. Мой добрый друг, я действительно уверена, что с Мойером найду счастье и покой; я очень его уважаю; душа у него возвышенная, характер благородный, и я всего ожидаю от времени. У меня есть к тебе еще большая просьба. Воейков едет в Петербург. Много есть у тебя причин быть им недовольным; он виноват перед тобою во многом; но ради дружбы, которую ты питаешь к моей сестре, — ты должен не только простить ему все, но и помирить его с Кавелиным. Этот человек имеет на него большое влияние, и, потеряв его расположение, он еще меньше будет уважать добродетель. Прости ему всё от чистого сердца и заплати благодеянием (*франц.*).

ЖМНП. 1969. Ч. 143. № 5. С. 68—70; полностью: РС. 1883. № 5. С. 351—353. Публикация К. Зейдлица.

Известие вызвало бурю в душе Жуковского и повлекло за собой целую переписку с М. А. и Е. А. Протасовыми, К. Петерсенем и А. Ф. Воейковым (ноябрь—декабрь 1815 г.); копии их писем и своих ответов (в том числе неотправленных) Жуковский переслал А. П. Елагиной с письмами от 30 декабря 1815 г. и 19 февраля 1816 г. — всего 15 «документов». Этот пакет («70 мелко исписанных страниц в четвертку» — Зейдлиц. С. 98) был в распоряжении К. К. Зейдлица, но не сохранился и известен не в полном составе; по нему, несомненно, он и осуществлял публикации на страницах ЖМНП, РС, наконец, своей книги. В публикации Зейдлица известны еще три письма, однако, еще не полученные Жуковским в момент написания письма от 27—28 ноября; это письма Маши и ее матери, оба от 22 ноября, и затем еще одно, вновь от матери, от 25 ноября 1815 г. (Там же. С. 353—354).

Незаконченное письмо Жуковского от 27—28 ноября 1815 г. является черновым. В письме к А. П. Елагиной от 30 декабря 1815 г. (в нем письмо от 27—28 ноября 1815 г. фигурирует как «№ 2») Жуковский сообщает, что, обдумав всё, «написал вместо одного письма два» — к Маше («...в котором всё то сказал, что ей от меня прилично слышать, не упоминая о Е<катерине> А<фанасьевне>») и отдельно к ее матери («...повторил то же, что было в первом моем ответе Маше, и еще много прибавил...»), т. е. разделил первоначальный текст тематически, по адресатам. Письмо, посланное М. А. Протасовой, не сохранилось; оно вызвало ее ответ (от 6 декабря 1816 г.), начинавшийся словами: «Письмо твое меня столько же удивило, сколько огорчило; я не узнаю в нем ни сердца твоего, ни чувств» (РО ИРЛИ. № 28226. Л. 3); подробнее об этом письме, а также его текст см. во вступительном примечании к письму от 10—11 <?> декабря к А. П. Елагиной и от 25 декабря 1815 г. к М. А. Протасовой.

Е. А. Протасова, со своей стороны, ответила ему также 6 декабря. Она увидела в письме Жуковского «дурное и неблагоприятное сердце», «клеветы и ругательства»; оно «открыло» ей глаза на его «дружбу» к ней и заканчивалось словами: «Теперь никто меня не лишит истинной ее <Маши> доверенности, ни моей ее!» (РС. 1883. № 5. С. 362).

Впоследствии Жуковский осознал свою неправоту: «...я слишком жестко обвинял Е<катерину> А<фанасьевну>», — написал он Елагиной 19 февраля 1816 г. после своего пребывания, в течение трех недель, в Дерпте. Там Жуковский осознал, что ему надо было ехать в Дерпт после первого же письма Маши, ни в коем случае не доверяясь «рассказам» приехавшего в Петербург Воейкова «об ужасных притеснениях, которые ей делали» (Там же). Жуковский был обманут им и лишь впоследствии уверился, что брак с Мойером был выбором М. А. Протасовой, весьма, впрочем, непростым. В первом же после своей свадьбы письме к А. П. Елагиной от 20 января 1817 г. она писала: «Скажу тебе откровенно: момент, когда я сказала себе, что хочу отказаться от всего, что составляло мое счастье, что остаюсь жить только ради Ж<уковского>, что отдам свою руку тому, кто пожелает (а я решилась пойти

замуж за первого встречного), — этот момент был ужаснее, чем все муки ада. И всё это через два месяца после того, как Жуковский <в августе 1815 г.> всё еще просил моей руки!» (подлинник по-французски; УС. С. 187).

¹ Ср. в письме Жуковского к Маше от 31 <?> марта 1815 г.: «Решившись на эту жертву, я входил во все права твоего отца» (см. наст. изд.).

² Это письмо Жуковского к Е. А. Протасовой не сохранилось. Известен ответ Е. А. Протасовой от 14 ноября 1815 г., по-видимому, именно на это письмо Жуковского. Из ответа следует, что речь в нем шла о возобновившемся в августе 1815 г. сватовстве Жуковского к Маше: «Я тебе сказала и в последний раз повторю, что только трое: Андрей Иванович <муж Екатерины Афанасьевны и отец Маши>, Афанасий Иванович <отец Е. А. Протасовой и В. А. Жуковского> и Марья Григорьевна <его жена, мать Е. А. Протасовой> — могли мне приказать, потому что имели на моих детей такое же право, как я, и отвечали бы за них перед Богом точно так же, как я. Любя тебя, как я люблю, мне тяжелее всего тебе отказывать, а прочие все мало нами интересуются, и все по разным причинам вступались в наши дела, а никто истинно не принимал участия, не думая ни о религии, ни о совести, а без этих двух друзей здесь ад: никуда не уйдешь и ничем не заглушишь» (Там же. С. 297). О том же самом шла речь и в другом письме Протасовой к Жуковскому, от 11 октября 1815 г. (Там же. С. 296—297). Отказ Жуковского Маше в благословении на брак с Мойером делался не просто как отеческое вразумление. Он хотел напомнить ей о своих самых последних действиях по обустройству брака с ней, подчеркивая, что их недавнее обещание в Дерпте подталкивало его к ним (см. в письме: «Но давно ли мы расстались?»).

³ И. Ф. Мойер делал предложение М. А. Протасовой весной 1815 г. (см. письмо М. А. Протасовой к А. П. Елагиной от 13 февраля 1816 г.: УС. С. 165); об истории с Жуковским он в это время ничего не знал.

⁴ Речь идет о письме Маши к П. И. Протасову, ее дяде, написанному, по-видимому, в октябре 1815 г. по поводу ее отношения к Жуковскому. Уезжая в августе 1815 г. из Дерпта, Жуковский вновь просил у Е. А. Протасовой разрешение на брак с Машей. После этого Екатерине Афанасьевне написал о том же самом П. И. Протасов — см. в письме Жуковского к А. П. Елагиной от 16 сентября 1815 г. Е. А. Протасова, считавшая, что ей необходимо в своем ответе П. И. Протасову не только «оправдаться», но и оправдать «репутацию бедной <...> Маши», с возмущением писала об этом Жуковскому 11 октября (Там же. С. 297). Письмо матери сопровождалось и письмом дочери, о чем Жуковский мог узнать от П. И. Протасова в Петербурге. Упоминание об этом письме Маши в письме Жуковского от 27—28 ноября 1815 г. неясно передает впечатление от сообщавшегося в нем, но, вероятнее всего, оно не расходилось с мнением матери (см. далее: «То, что ты написала к Павлу Ивановичу, может быть удовлетворительно для Павла Ивановича, но не для меня»).

⁵ По-видимому, имеется в виду начало 1811 г. Именно к 1811 г. относятся и сведения об общении Протасовых и Жуковского с семейством богатого орловского помещика Д. А. Апухтина (о семье Апухтиных см.: ПССиП. Т. 1. С. 556—556), к которому мог иметь отношение этот претендент на руку Маши.

⁶ Протасовы познакомились с И. Ф. Мойером, профессором медицины Дерптского университета, сразу же после их приезда в Дерпт в середине февраля 1815 г. Услышав его виртуозную игру на фортепиано, М. А. Протасова с радостью сообщила А. П. Елагиной в первом же письме к ней из Дерпта, что он будет учить ее музыке (см.: УС. С. 136). О «милом, добром, благородном» Мойере Маша писала в письме к ней же 6 сентября 1815 г., назвав его одним из «украшений Дерпта». Она восхищалась его умением «забывать или не думать о себе там, где дело идет о пользе ближнего, и жертвовать всем другому», а также содержанием «на свой счет» больных («безруких и безногих»), которых не могла вместить университетская клиника. При «чрезвычайно веселом и даже смешливом нраве» Мойер умел без какого-либо ханжества напомнить об евангельских истинах, например, о любимом изречении своего отца (пастора): «...soyez semblables à des enfants et le royaume des cieux est à vous»*, присовокупляя при этом, что оно позволяет ему в любой ситуации сохранять детскую беспечность, веселость и спокойствие духа (Там же. С. 156).

⁷ Жуковский говорит о праве на владение землей и, соответственно, крепостными, имевшем в Российской империи сословный характер. И. Ф. Мойер был сыном рижского суперинтенданта (церковная должность в лютеранской церкви). Он действительно не имел права владеть крепостными, но Жуковского, скорее всего, заботило не это: он напоминал о сословной ущербности Мойера. Впоследствии Е. А. Протасова охарактеризовала это в письме к А. П. Елагиной от 13 февраля 1816 г. словами: «... у него <...> один, кажется, недостаток — он *не дворянин*». Здесь же она указывала: «Богатство его в его голове и трудах, он профессор медицины и дает лекции <в Дерптском университете>, от чего имеет около шести тысяч дохода...» (Там же. С. 299).

⁸ В письмах к Екатерине Афанасьевне Жуковский писал о ее отношении к дочери столь же нелюбезно. В ответе ему от 11 октября 1815 г. Е. А. Протасова писала: «Ты просишь меня, чтобы я прибавила любви Маше; этой просьбы, я думаю, она и сама не делает, она видит, что больше любить никто ее не может моего» (Там же. С. 296).

⁹ Намек на замужество А. А. Воейковой.

¹⁰ В письме к П. И. и М. Н. Протасовым от 10 октября 1815 г. Е. А. Протасова изложила историю любви Жуковского к Маше на протяжении десяти лет, подчеркнув, что он неоднократно заверял ее в отказе от притязаний на руку дочери, впервые — в 1805 г. (Там же. С. 294—296). Как следует из письма Жуковского к Маше от 25 декабря 1815 г., он был знаком с этим письмом, возмутившим его.

¹¹ Письмо не сохранилось.

¹² Речь идет о конфликте Воейкова с Кавелиным, в котором Саша приняла участие, написав письмо к нему в защиту мужа (см. об этом в письме Жуковского к А. Ф. Воейкову от 19—22 августа 1815 г. и примеч.). Кавелин выражал возмущение петербургских друзей Жуковского по поводу поведения Воейкова в семье Протасовых (см. примеч. 25 к письму Жуковского к М. А. Протасовой от 25 декабря 1815 г.).

---

* Будьте как дети, и Царствие Небесное принадлежит вам (*франц.*).

¹³ Жуковский имеет в виду родных сестер Е. А. Протасовой Авдотью Афанасьевну Алымову и Наталью Афанасьевну Вельяминову, расставшихся со своими мужьями. Трагической была и судьба их единственного брата, Ивана Афанасьевича Бунина, умершего в день обручения: отец принуждал его к браку с нелюбимой девушкой.

254.

П. А. Вяземскому

(С. 423)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1909а. Л. 14—14 об. Б. д.

Впервые опубликовано: Арзамас-2. Кн. 1. С. 316 — фрагмент. Публикация О. А. Проскурина.

Публикуется впервые полностью.

Печатается по автографу.

Датируется: около 25 ноября 1815 г.

Основание датировки: сообщение о принятии в «Арзамас» Д. П. Северина, П. И. Полетики и А. Ф. Воейкова (см. примеч. 6).

¹ Подразумевается «Предисловие» Карамзина к «Истории государства Российского», написанное в ноябре 1815 г.

² Письмо от 17 ноября 1815 г., где говорилось о смерти дочери Натальи. См.: Николай Михайлович Карамзин, по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Материалы для биографии с примечаниями и объяснениями М. Погодина. Ч. 2. М., 1866. С. 131—132.

³ Имеется в виду статья Вяземского «Письмо с Липецких вод».

⁴ См. примеч. 6 к письму к П. А. Вяземскому от начала ноября 1815 г.

⁵ Статья была опубликована в № 46 СО и предположительно атрибутируется Ф. Ф. Вигелю (см.: Арзамас-1. С. 534—535). Поводом послужило представление пьесы М. Н. Загоскина «Комедия против комедии, или Урок волокитам», пародирующей нападку арзамасцев на А. А. Шаховского.

⁶ Д. П. Северин, П. И. Полетика и А. Ф. Воейков были приняты в «Арзамас» 25 ноября 1815 г.

⁷ В. Л. Пушкин.

255.

А. А. Прокоповичу-Антонскому

(С. 424)

Автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: РА. 1902. № 5. С. 138.

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: конец ноября 1815 г.

Основанием для датировки является упоминаемая в письме «Песнь Русскому Царю от его воинов», которая была написана в период между началом 10-х чисел ноября и 23 ноября 1815 г. Об этом см. комментарии Н. В. Серебренникова (ПССиП. Т. 2. С. 441) и письмо Жуковского к П. А. Вяземскому от 23 ноября 1815 г. Также косвенным свидетельством может служить факт возвращения Александра I из заграницы в Санкт-Петербург 14 декабря 1815 г. и намерение поэта в начале будущего, 1816 г., посетить Москву.

¹ Возможно, имеется в виду неосуществленный замысел послания к А. А. Прокоровичу-Антонскому. Речь может идти и о стихотворениях, посвященных завершению войны с Францией и возвращению Александра I в Россию в конце 1815 г. Жуковский писал об этом в таких произведениях, как «Песнь Русскому Царю от его воинов», «На первое отречение от престола Бонапарте», «Певец в Кремле».

² Здесь имеется в виду «Песнь Русскому Царю от его воинов». В 1796 г. цесаревич Александр был назначен полковником лейб-гвардии Семеновского полка. См. об этом стихотворении также в письме Жуковского к П. А. Вяземскому от 23 ноября 1815 г.: «Этот хор был пет на празднике Семеновского полку, приготовленном к приезду государя, — но государь не приехал. Праздник был прекрасный. И мне весело было писать стихи мои, несмотря на то, что они дурны».

³ О работе над изданием стихотворений см. в письме поэта к А. П. Киреевской (Елагиной) и А. П. Юшковой (Зонтаг) от 30 июля — 2 августа 1815 г., к А. П. Елагиной от 17 декабря 1815 г. и письма к П. А. Вяземскому от 19 октября, начала ноября, 23 ноября и ноября 1815 г.

256.

П. А. Вяземскому

(С. 424)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1909. Л. 52. Б. д.

Публикуется впервые.

Датируется: ноябрь 1815 г.

Датировка предположительная, на основании тематической связи с письмом к тому же адресату от 25 ноября 1815 г.

257.

А. П. Киреевской (Елагиной)

<10—11 (?) декабря 1815 г. Петербург>

(С. 425)

Автограф неизвестен.

Копия неизвестна.

Впервые опубликовано: РС. 1883. № 6. С. 541—553.

Печатается по публикации.

Датируется 10—11 (?) декабря 1815 г.

Письмо представляет собой копию письма М. А. Протасовой от 6 декабря 1815 г. с многочисленными вставками Жуковского, обращенными к А. П. Елагиной. Письмо было отослано Жуковским с письмом к А. П. Елагиной от 30 декабря 1815 г. в составе целого комплекса копий писем от него и к нему за ноябрь—декабрь 1815 г., связанных с сообщением Маши о своем решении выйти замуж за И. Ф. Мойера. Письмо Маши от 6 декабря сохранилось и в оригинале: РО ИРЛИ. № 28226. Л. 3—4 об.; опубликовано: Ж. в семье Протасовых и Воейковых. С. 239—240 (частично); Гофман. С. 143—149. Копируя это письмо для Елагиной, Жуковский внес самые незначительные изменения (например, убрал нежные обращения к нему Маши: «милый друг»). Вставки на копии, адресованные Елагиной, — это самый первый, эмоциональный, отклик на письмо Маши, написанный, по-видимому, одновременно с письмом Жуковского к Е. А. Протасовой от 11 декабря 1815 г. (ее письмо к Жуковскому имело ту же дату, что и письмо дочери, т. е. 6 декабря 1815 г.); именно это обстоятельство стало основанием для нашей датировки письма к Елагиной, оформленного как вставки на копии письма Маши.

Письмо М. А. Протасовой от 6 декабря 1815 г. — второе среди ее писем к Жуковскому о Мойере (первое от 8 ноября 1815 г. — см. его текст в примечании к письму Жуковского к М. А. Протасовой от 27—28 ноября 1815 г.) — было написано в ответ на письмо Жуковского от 27—28 ноября 1815 г., сохранившееся только в черновике и при отсылке ей значительно переработанное (см. примечания). Письмо Жуковского от 10—11 (?) декабря 1815 г. было своего рода заготовкой ответа Маше на письмо от 6 декабря. Написанное после этого письмо к ней Жуковский переслал Елагиной с письмом от 30 декабря, указав при этом его номер в пачке других, приложенных к нему, писем: «Это письмо <Маши> привело меня в ужасное положение, в ужасную нерешимость. Я отвечал на него. Ответ мой переписываю для вас (№ 7)»; познакомившись же с другими письмами из Дерпта, Жуковский решил не посылать «своего ответа (№ 7)». По-видимому, речь здесь идет о письме его к М. А. Протасовой от 25 декабря 1815 г. Жуковский никак не мог решиться ответить Маше на письмо от 6 декабря, поскольку наиболее желательным для него, несмотря на все его уверения в отсутствии противления ее браку, был совет «*остаться в семье своей*», как он и написал Маше 25 декабря 1815 г. На его позицию в этом вопросе наложили отпечаток те лживые рассказы Воейкова о якобы чинимых Маше притеснениях, которые Жуковский услышал после его приезда в Петербург 28 ноября 1815 г. В конечном итоге он так и не ответил Маше письмом, предпочтя личное объяснение в Дерпте в январе 1816 г.

Всю силу противодействия решению о браке Маши с Моейром Жуковский обрушил на Е. А. Протасову, которой написал несколько писем как виновнице всего происшедшего. Пересылая Елагиной письмо от 10—11 (?) декабря 1815 г. и доверяя ей свое возмущение поведением Екатерины Афанасьевны, Жуковский исходил из того, что Маша не может любить Мойера, но при этом не знал, что еще

6 сентября 1815 г. она адресовала Елагиной письмо с восхищенными строками о «милом, добром, благородном *Мойере*», его трудолюбию, самоотверженности, бескорыстии (УС. С. 156; см. также примеч. 6 к письму Жуковского к М. А. Протасовой от 27—28 ноября 1815 г.). Елагина тем не менее не приняла решение Маши о браке с Мойером, хотя понимала, что это было спасительным исходом и для нее, и для Саши (см. ее письмо от 4 марта 1816 г. — Переписка Ж. и Елагиной. С. 168—170).

¹ Известен ответ оскорбленной Е. А. Протасовой от 6 декабря на несохранившееся письмо к ней Жуковского. На ее письмо он, в свою очередь, ответил 11 декабря 1815 г. (см. наст. изд.).

² Жуковский отправился к Дерпту, где благословил Машу на брак, в середине января 1816 г. О том, что откладывание поездки было с его стороны ошибкой, говорится в письме Жуковского к А. П. Елагиной от 19 февраля 1816 г.

³ См. в письме Е. А. Протасовой от 6 декабря 1815 г. о письме к ней Жуковского: «Клеветы и ругательства, его наполняющие, раздирают мою душу...» (РС. 1883. № 5. С. 362). См. также примеч. 1 к письму к Е. А. Протасовой от 11 декабря 1815 г.

⁴ Ср. в письме Жуковского к М. А. Протасовой от 25 декабря 1815 г.: «Я помню прежний образ твоей жизни; знаю, что поправить его зависело и зависит единственно от маменьки».

⁵ Свадьба М. А. Протасовой и И. Ф. Мойера состоялась через год, 14 января 1817 г.

⁶ О содержании беседы с Воейковым в Петербурге Жуковский сообщал Елагиной в письме от 30 декабря 1815 г.: «...ее *принуждают*...». Далее в письме Маши упоминается о письме к ней Воейкова, по-видимому, из Петербурга. К 6 декабря, однако, он был уже в Дерпте.

⁷ В ноябре 1815 г. Маша писала в дневнике, где говорилось о плане разрешения домашнего конфликта (а к Мойеру она обратилась по этому поводу осенью сама, видимо, напомнив ему о том предложении, которое он сделал ей весной 1815 г.): «Меня ужасает ответ М<ойера>. Если он будет противный моим планам, то я крепко решилась убежать из дома *куда-нибудь*. Авось Воейк<ов> сжалится над несчастьем мам<еньки> и Саши — потеряв меня, они будут несчастливы» (УС. С. 161). Жуковский не мог себе даже представить такой исход, поэтому далее он пишет о предполагаемом Машей расставании с сестрой: «Этого я не могу понять...».

⁸ В середине августа 1815 г., перед отъездом Жуковского из Дерпта.

⁹ Речь идет об оценке М. А. Протасовой своей роли в устройстве свадьбы Саши. Сам Воейков в письме от 4 сентября 1814 г. утверждал, что он «обязан Сашею» «доброму мнению» Жуковского (см. примечание к письму Жуковского Воейкову от 10 сентября 1814 г.). Жуковский, напротив, считал, что свадьба была устроена в пику ему, поскольку Е. А. Протасова хотела обрести в Воейкове защитника для своей семьи. Далее в письме Маши упоминается о Кате, грудной дочери сестры, ради которой (чтобы «спасти, может быть, жизнь ее ребенку») она терпела выходки Воейкова.

¹⁰ Накануне свадьбы Саши в кругу родственников распространились какие-то негативные слухи об А. Ф. Воейкове, которым, однако, поверили не все. Они исхо-

дили от А. Н. Арбеновой, намеревавшейся приехать в Муратово и расстроить эту свадьбу (см. ироничное упоминание о «страшных» рассказах Арбеновой в письме Елагиной от начала июля 1814 г. — Переписка Ж. и Елагиной. С. 43); ее письмо к Е. А. Протасовой о Воейкове, упоминаемое Жуковским в письме к А. П. Елагиной от 10—11 (?) декабря 1815 г., неизвестно; примечательно, что на свадьбе Воейковых Арбенева так и не появилась. По утверждению самого Жуковского, его ответ на просьбу Екатерины Афанасьевны высказать свое мнение относительно предложения Воейкова был таким: «...согласитесь, но оставьте себе право отказать...» (письмо Жуковского к А. Ф. Воейкову от 10 сентября 1814 г.; ср. более пространный ответ в письме Жуковского к Маше от 25 декабря 1815 г.). Некоторые факты из жизни Воейкова, в частности о его связи с А. Н. Воейковой, женой родного брата, и прижитом от нее ребенке, он знал раньше Протасовой. Что говорила Саша о Воейкове «за несколько дней до свадьбы», неизвестно. Всё, связанное с его женитьбой, Жуковский впоследствии охарактеризовал словом «обман» (ПССиП. Т. 13. С. 96).

¹¹ То же нежелание писать к Воейкову по просьбе Маши выражено в письме Жуковского к А. П. Елагиной от 30 декабря 1815 г.

¹² Когда Мойер делал Маше предложение весной 1815 г., он еще не знал о месте Жуковского в ее жизни. «Мойер, вероятно, удалится», — такое предположение высказал Жуковский в письме к А. П. Елагиной от 30 декабря 1815 г., указав на то, что Мойер был кем-то уже извещен. Действительность, однако, оказалась иной: «...теперь я, она <Маша> и Мойер, — писал он Елагиной 19 февраля 1816 г., — составляем тесный триумвират, которого цель есть общее счастье».

¹³ В публикации РС слово «оне» — через ять, т. е. имеются в виду Маша и ее мать.

¹⁴ В декабре 1815 г. Карл Петерсен оказался вовлечен Жуковским в переписку о предполагавшемся браке Маши Протасовой с Мойером. Жуковский упоминал об этом в письме к А. П. Елагиной от 30 декабря 1815 г.

¹⁵ На обороте письма надпись рукою Жуковского: «Список Машина письма ко мне» (РС. 1883. № 6. С. 563).

258.

Е. А. Протасовой

(С. 435)

Автограф неизвестен.

Копия неизвестна.

Впервые опубликовано: РС. 1883. Т. 38. № 6. С. 553—556, с пометой: «11-го декабря 1815 г. СПб.».

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: 11 декабря 1815 г.

¹ Письмо от 11 декабря является ответом на следующее письмо Е. А. Протасовой от 6 декабря 1815 г.:

Надобно быть столько несчастливой, как я, чтобы получить такое письмо и иметь самое дурное и неблагородное сердце, чтобы написать его. От тебя я не ожидала! Но дело сделано, я его получила, глаза мои открылись, вижу всю твою дружбу к себе и хорошее обо мне мнение. К удовольствию твоему скажу, что я не имела сил бросить его с презрением так, как ты пишешь. Нет! клеветы и ругательства, его наполняющие, раздрают мою душу — прощай!

Напрасно ты думаешь, чтоб я Маше не показала твоего письма, — она все их читает и будет на это отвечать.

Теперь никто меня не лишит истинной ее доверенности, ни моей ее! (РС. 1883. № 5. С. 362).

Это письмо Е. А. Протасовой явилось ответом на несохранившееся письмо Жуковского, написанное, вероятно, в последних числах ноября — первых числах декабря 1815 г. после получения известия о намерении М. А. Протасовой выйти замуж за И. Ф. Мойера: основание для предположительной датировки этого не дошедшего до нас письма к Е. А. Протасовой концом ноября — началом декабря дает фраза «...что письмо мое писано после трех месяцев разлуки...» (Жуковский уехал из Дерпта 22 августа 1815 г.; см. письмо к А. И. Тургеневу от второй половины августа 1815 г.). Первоначальный черновой вариант этого несохранившегося письма к Е. А. Протасовой представляет собой письмо к М. А. Протасовой от 28—29 ноября 1815 г., которое, как это явствует из письма к А. П. Елагиной от 30 декабря 1815 г. (см. наст. изд.), Жуковский после некоторого размышления разделил на два — одно было адресовано М. А. Протасовой, другое — Е. А. Протасовой. Оба эти письма поэта не сохранились, но представление об их возможном содержании дают черновое письмо к М. А. Протасовой от 28—29 ноября 1815 г., письмо к А. П. Елагиной от 10—11 декабря 1815 г., где Жуковский копирует тот ответ М. А. Протасовой, о котором упомянуто в вышеприведенном письме Е. А. Протасовой, и начальный фрагмент комментируемого письма к Е. А. Протасовой от 11 декабря 1815 г., в котором Жуковский повторяет основное содержание этого несохранившегося письма (*Начну с себя ~ Вот всё, что я писал <...>*). О переписке Жуковского, вызванной извещением о решении М. А. Протасовой выйти замуж за И. Ф. Мойера, см. примечания к письму от 27—28 ноября 1815 г.; см. также письмо к А. П. Елагиной от 19 февраля 1816 г., где Жуковский выразил сожаление о своих «слишком жестоким» упреках Е. А. Протасовой.

² Имеется в виду отъезд Жуковского из Дерпта в августе 1815 г., когда он вновь заговорил с Е. А. Протасовой о своем желании сочетаться браком с ее дочерью.

³ Жуковский был убежден А. Ф. Воейковым, что Машу принуждает к браку с Мойером ее мать. Впоследствии он убедился в своей ошибке.

259.

А. П. Киреевской (Елагиной) и А. П. Юшковой (Зонтаг)
(С. 438)

Автограф неизвестен.

Копия неизвестна.

Впервые опубликовано: Москвитянин. 1853. № 2. С. 150. Публикация С. П. Шевырева; ЖМНП. 1869. С. 143. № 5. С. 54.

Впервые полностью: УС. С. 20—25, с пометой: «(17 декабря 1815 г.)».

Печатается по тексту полной публикации.

Датируется: 17 декабря 1815 г.

Письмо от 17 декабря 1815 г. — ответ Жуковского на два письма Елагиной, во-первых, без даты, начинавшееся словами: «Вам не нужно было на меня браниться...», а во-вторых, от 9 ноября 1815 г. (Переписка Ж. и Елагиной. С. 121—125, 125—127). Письму от 17 декабря 1815 г. предшествовало несохранившееся письмо Жуковского, вызванное сообщениями из Дерпта о письмах Елагиной к Маше (об этих письмах см.: УС. С. 163—164). В несохранившемся письме Жуковский, как он пишет 17 декабря, «пожурил <...> немного» за них Елагину. Ее ответное (без даты) письмо Жуковский оценил как «обет воздерживать себя от таких писем». «Горячо любившая и Жуковского, и Марью Андреевну, близкий поверенный всех их чувств, Авдотья Петровна огорчалась неудачей их любви, и ей больно было отказаться от всех надежд; ее письма в Дерпт тревожили и огорчали, попадая не в тон уже изменившимся обстоятельствам, и усиливали тяжесть на душе Марьи Андреевны, которой и без того нелегко было принять ее героическое решение — согласиться на предложение И. Ф. Мойера» (УС. С. 25; примечание А. Е. Грузинского).

¹ Ст. 96 из послания Жуковского «К кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину» (1814).

² Известный афоризм Горация «*carpe diem — лови день*» («Ода к Левконое»; Оды, I. 11; в переводе А. А. Фета: «Лови текущий день») получила поэтическое выражение в стихотворениях Жуковского «К Делию» (1809), свободном переводе оды 3-й из 2-й книги Горация: «Играй — пока нить дней твоих // У черной парки под перстами...» и «К Вяземскому. В ответ на его послание к друзьям» (1814): «Лови, лови летящий час! // Он, улетев, не возвратится» (см.: ПССиП. Т. 1. С. 540—541, 718. Комментарии А. С. Янушкевича и О. Б. Лебедевой).

³ В публикации УС — «столб». Исправлено в соответствии с ветхозавтным каноном.

⁴ О символическом образе Кашемира см. примеч. 7 к письму к М. А. Протасовой от 15 сентября 1814 г.; упоминания — в дневниковой записи Жуковского от 12 апреля 1815 г. (ПССиП. Т. 13. С. 98—99) и в письмах М. А. Протасовой к Жуковскому (ПССиП. Т. 13. С. 87—90) и В. А. Жуковского к М. А. Протасовой от 14 апреля 1815 г. (примеч. 6).

⁵ О «философии фонаря» см. письма к М. А. Протасовой от 28 июня 1814 г. (ср.: «одно удовольствие с воспоминанием есть прямая принадлежность души челове-

ской; одно воспоминание может дать ему цену. И только такие удовольствия могут слиться в счастье»), от 20 апреля (примеч. 3) и 28 апреля 1815 г. (примеч. 13).

⁶ Речь идет об умершей в октябре 1815 г. дочери Карамзина Наталье.

⁷ Жуковский цитирует с сокращением отрывок из письма Н. М. Карамзина к А. И. Тургеневу от 17 ноября 1815 г. (*Карамзин Н. М. Сочинения*: В 3 т. Т. 3. СПб., 1848. С. 737). В письме к А. И. Тургеневу от середины июня 1816 г. Жуковский возвратится к этому рассуждению Карамзина: «Мне здесь хлопотать будет довольно, но могу только поручиться за одну добрую волю свою, и буду, помня слова моего евангелиста, то есть Карамзина, думать только о том, чтобы ее совершенствовать, оставляя всё прочее на волю Провидения: ибо всё прочее принадлежит ему так же неограниченно, как наша воля, способная совершенствоваться, принадлежит нам».

⁸ Эти слова Е. П. Азбукиной приведены в письме А. П. Елагиной к Жуковскому от 9 ноября 1815 г.; здесь же приглашение от ее имени Жуковскому быть крестным ожидавшегося первенца Азбукиных (Переписка Ж. и Елагиной. С. 127).

⁹ Речь идет о возможности получить дворянство для В. А. Азбукина — см. письмо Елагиной к Жуковскому от 9 ноября 1815 г. (Там же. С. 126).

¹⁰ Имеется в виду орден Святого Владимира.

¹¹ Герольдия, контора при Сенате, ведавшая службой дворян и составлением дворянских гербов.

¹² Т. е. рескрипта о награждении орденом.

¹³ Имеется в виду издание «Стихотворений» Жуковского 1815—1816 гг.

¹⁴ Сергеев, лицо неустановленное.

¹⁵ Суть дела Карла Яковлевича Дезе, белевского знакомого Жуковского и А. П. Елагиной, касалась вопроса о проведении «петербургского конкурса». Заинтересованность Жуковского в этом деле нашла отражение в его письмах к Дезе (см. наст. изд.). Жуковский обратился за помощью к А. И. Тургеневу и Н. И. Огареву. Письма Жуковского к К. Я. Дезе за 1815 г. свидетельствуют о том, что он был доверенным лицом между А. П. Елагиной и В. А. Жуковским.

¹⁶ Ср. в письме Елагиной: «И виновата! Я забыла тысячу верст!» (Переписка Ж. и Елагиной. С. 121).

¹⁷ Жуковский встречался с Воейковым 28 ноября 1815 г. Разговор шел о М. А. Протасовой и ее намерении принять предложение И. Ф. Мойера (о содержании их бесед в Петербурге см. письмо к А. П. Елагиной от 30 декабря 1815 г.). То, что Жуковский в письме от 17 декабря назвал этот приезд «благодетельным», свидетельствует о том, какими нитями обмана опутал его Воейков, утверждавший, что Маша решила на это под давлением матери. Для Жуковского подобная «правда» была желательнее, нежели известие о самостоятельности решения Маши. См. письмо его к М. А. Протасовой от 27—28 ноября 1815 г. и примечания, а также письмо к А. П. Елагиной от 10—11 (?) декабря 1815 г. О конфликте с Кавелиным см. письмо к А. Ф. Воейкову от 19—22 августа 1815 г. (примеч. 10—12), а также письмо Жуковского к М. А. Протасовой от 25 декабря 1815 г. (примеч. 25, 33).

¹⁸ Елагина ответила Жуковскому на это в письме от 23 января 1816 г. Речь шла о крепостном по имени Дмитрий, сведения о котором Воейкова Авдотья Петровна

назвала ложью; вопрос об этом человеке она хотела выяснить, приехав в Дерпт (Переписка Ж. и Елагиной. С. 158, 159).

¹⁹ Примечание А. Е. Грузинского: «Конец письма утрачен».

260.

М. А. Протасовой

(С. 443)

Автограф неизвестен.

Копия неизвестна.

Впервые опубликовано: РС. 1883. Т. 39. № 7. С. 1—20, с пометой: «25 декабря (1815 г. СПб.)».

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: 25 декабря 1815 г.

Ответ на письмо М. А. Протасовой от 6 декабря 1816 г., известное как в автографе, так и в копии Жуковского с его многочисленными ответными приписками, адресованными А. П. Елагиной, — см. письмо к ней от 10—11 (?) декабря 1815 г. и примечания. Маша и после 6 декабря писала Жуковскому о своем решении выйти замуж за И. Ф. Мойера. Из этих писем сохранились два — первое без даты (возможно, оно прилагалось к письму от 6 декабря 1815 г.):

Жуковский! я от тебя прошу, требую последней милости! сжался надо мной, сожги все мои письма.

Если ты хочешь, чтоб я опять была спокойна, то сделай мне это пожертвование.

От тебя я жду *всего*, и ты меня не обманешь! я прошу Бога, чтоб ты никогда не почувствовал моего мученья. Жуковский, будь уверен, что я желаю выйти замуж, иметь семейство, привязаться к жизни. Теперь она мне в тягость! Дай мне счастье, оно в твоих руках. Я уверена, что, говоря о моем счастье и желая мне его, *au dépend de votre propre bonheur*^{*}, ты говорил не одни фразы. Теперь всё в твоих руках. Исполни эти две просьбы, и ты сделаешь для меня всё. Я надеюсь, что письмо твое к Воей<кову> будет такое, какого я желаю. *En brûlant tout ce que vous avez eu de moi (mais tout je vous supplie) vous me delivrez de tous mes tourmens! Vous ne pourrez jamais vous faire une idée des chagrins de Maman et des miens. Pour mes malheurs ne proviennent que de ce que je l'ai trompée, et Dieu me punit trop sévèrement. Je vous supplie, brûlez tout sans le lire. Dieu vous recompensera*^{**}.

Второе письмо с датой «16 декабря»:

Я хочу еще прибавить два слова к письму моему: маминька позволила мне звать Дуняшу <А. П. Елагину> сюда; в феврале мы уже будем вместе, тогда мне, верно, будет лучше, если теперь только уберегу себя как-нибудь. Я говорю о здоровье.

---

^{*} Как залога твоего собственного счастья (*франц.*).

^{**} Если ты сожжешь всё, что есть у тебя от меня (умоляю, *всё*), ты избавишь меня от всех моих мучений! Ты не можешь себе представить всех горестей маменьки и моих. Мое несчастье произошло от того, что я заблуждалась, и за это Бог слишком жестоко карает меня. Я тебя умоляю, сожги всё, не читая. Господь тебя вознаградит (*франц.*).

Ради Бога, не делай упреков Воейкову! я молюсь Богу, чтоб Он дал тебе столько доброты, чтоб простить ему всё. Я так надеюсь на тебя, что грешно тебе будет обмануть мои надежды. Еще одно слово: если Воей<ков> как-нибудь узнает о письме моем к тебе, если ты его покажешь Кавелину, то моя судьба будет решена. Из жалости к бедной моей Саше и ко мне исполни мою просьбу. Утешь и успокой нас всех, Бог знает, как я на тебя надеюсь. Будь уверен, что меня никто ни к чему принудить не может и что делаю по своей воле (РО ИРЛИ. № 28226. Л. 6, 5; опубликовано: Гофман. С. 149—150).

На обороте л. 6 записи рукой Жуковского: «point de réponse a cesi»^{*}; «Я сам хотел быть <нрзб.> / Я <нрзб.> себя / Моя лучшая песня <?>». В письме к А. П. Елагиной от 30 декабря 1815 г. прозвучал отклик на письмо Маши к Жуковскому от 16 декабря 1815 г. с известием о приглашении туда «Дуняши» (см. наст. изд.).

Письмо от 25 декабря 1815 г. не было отправлено Жуковским Маше. Об этом можно судить по письму Жуковского к А. П. Елагиной от 30 декабря 1815 г., с которым он переслал ей большой пакет писем к нему и от него (в том числе неотправленных), вызванных известием о замужестве М. А. Протасовой (см. об этом примечание к письму Жуковского к М. А. Протасовой от 27—28 ноября 1815 г.); среди них, несомненно, было и письмо от 25 декабря. Только в это письмо проник неожиданный, на первый взгляд, упрек Жуковского Маше в том, что она не открыла перед ним тех изменений, которые затронули ее чувство к нему и которые могли бы повлиять на его отношение к ней (см.: «Если моя привязанность к тебе казалась тебе заблуждением, если для тебя же самой этого заблуждения не было, для чего не говорила ты мне ясно и решительно. <...> Но ужели ты могла думать, что я для себя захочу сохранить в тебе такое чувство, какое делало бы твое несчастье! <...> я только думал, что оно в тебе было! Оно и было, но прежде; оно переменялось; а ты только боялась дать мне почувствовать эту перемену!»). Тем не менее Жуковский продолжал противиться решению Маши, полагая, что «укрощение» Воейкова устранил необходимость ее замужества. Тема «оправдания» Воейкова, прозвучавшая в письме Жуковского, диссонировала с убежденностью Маши в безуспешности подобных попыток. Впоследствии Жуковский понял ее правоту, осознав, что он «сам был обманут» Воейковым и его рассказами о принуждении Маши к замужеству (см. письмо к А. П. Елагиной от 19 февраля 1816 г.).

По-видимому, Жуковский так и не ответил Маше письмом. 30 декабря 1815 г. он писал А. П. Елагиной: «...надобно самому быть там <в Дерпте>, надобно видеть настоящее расположение Машина сердца. Надобно, чтобы мне дали свободу с нею говорить!»; здесь же сообщение: «Я жду от них ответа!» (см. наст. изд.). Вероятнее всего, речь здесь идет о несохранившемся письме Жуковского к Е. А. Протасовой (с припиской к Маше), в котором содержалась просьба о его приезде в Дерпт.

¹ Известны письма Е. А. Протасовой к Жуковскому от 11 октября, 14 ноября и 6 декабря 1815 г. с резкими высказываниями относительно чувства Жуковского к Маше (см.: УС. С. 296—298; РС. 1883. № 5. С. 362), однако его письма, на которые

^{*} На это никакого ответа (франц.).

она отвечала, не сохранились. На ее письмо от 6 декабря Жуковский ответил письмом от 11 декабря с цитатой из его предыдущего (несохранившегося) письма (см. наст. изд.). Только это последнее письмо (в копии) было отправлено им Елагиной с письмом от 30 декабря 1815 г.

² Ср. в письме к А. П. Елагиной от 10—11 (?) декабря 1815 г., где мысль выражена Жуковским более эмоционально.

³ Имеется в виду отъезд Жуковского из Дерпта в августе 1815 г.

⁴ Цитата из письма Е. А. Протасовой к Жуковскому от 6 декабря 1815 г. См. его текст в примечании к письму к Е. А. Протасовой от 11 декабря 1815 г.

⁵ Ср. отклик на слова Маши об обстоятельствах («les circonstances») жизни Протасовых-Воейковых в письме к А. П. Елагиной от 10—11 (?) декабря 1815 г.

⁶ *...что до тебя, нашего общего с нею блага, кажется!* В публикации РС в этой фразе ошибка чтения или опечатка. По смыслу должно быть: *...что до тебя, нашего общего с нею блага, касается!*

⁷ Письмо неизвестно.

⁸ См. краткие сообщения об этом эпизоде в письме к А. Ф. Воейкову от 19—22 августа 1815 г., а также в дневнике, связанном с тем же приездом Жуковского в Дерпт: ПССиП. Т. 13. С. 119, 482—483.

⁹ Имеется в виду дочь Воейковых, родившаяся 26 июля 1815 г. Эпизод относится к августу 1815 г.

¹⁰ *...я твой родной, твой брат и ее брат...* — характерная для Жуковского фантазийная сбивчивость в обозначении своих родственных связей с семьей Е. А. Протасовой.

¹¹ Имеется в виду письмо М. А. Протасовой от 8 ноября 1815 г. (см. его текст во вступительном примечании к письму Жуковского к М. А. Протасовой от 27—28 ноября 1815 г.).

¹² См. вступительное примечание к письму Жуковского к М. А. Протасовой от 27—28 ноября 1815 г.

¹³ Имеется в виду письмо М. А. Протасовой к Жуковскому от 6 декабря 1815 г. (см. выше).

¹⁴ Речь идет о несохранившемся письме к Е. А. Протасовой (по-видимому, от 11 или 12 апреля 1815 г.), в котором Жуковский писал ей о своем отказе от притязаний на руку Маши и желании помочь выдать ее замуж.

¹⁵ *«12-го апреля. Прежде я имел целию быть счастливым вместе с Машею ~ настоящим добром и проч.»*. — Этот отрывок, с небольшим расхождением в дате, Жуковский переписывал не однажды, см.: ПССиП. Т. 13. С. 98—99 (дневниковая запись, с датой: «Апреля 12»); см. также письмо к М. А. Протасовой от 14 апреля 1815 г. (цитата, с датой: «Апреля 11»).

¹⁶ *...в той же книге, написанное 22 апреля. «Мне не должно оставаться в Дерпте ~ будут причиною! и проч.»*. — Здесь Жуковский цитирует, с изменениями и сокращениями, начальные строки двух своих дневниковых записей, от 19—20 апреля и от 22 апреля 1815 г. (ПССиП. Т. 13. С. 107, 112).

¹⁷ Имеются в виду крестины дочери Воейковых.

¹⁸ Из писем, связанных с решением М. А. Протасовой выйти замуж, становится понятно, что Жуковский и Маша обменялись клятвами в вечной верности: Маша — уверяя его в том, что она нуждается только в покое, а ее замужество может быть лишь по принуждению, Жуковский же — говоря, что не будет искать в жизни другого счастья. Именно это обстоятельство объясняет, с одной стороны, остроту его реакции на ее известие о Мойере, а с другой — последующие переживания Маши, приведшие к появлению ее предсмертного дневника.

¹⁹ Ср. в письме Маши от 6 декабря 1815 г.: «...ты ошибаешься очень, думая, что я его обманываю и сделаю еще несчастного человека» (см. выше).

²⁰ См. отклик Жуковского на эти строки Маши в его письме к А. П. Елагиной от 10—11 (?) декабря 1815 г.

²¹ В черновом письме к М. А. Протасовой от 27—28 ноября 1815 г. Жуковский писал: «...прошу тебя дать себе год еще свободы; не говори ни слова Мойеру, но пускай он имеет твою дружбу»; слова «не давай надежды», по-видимому, были в беловом письме, о чем можно судить по ответу Маши: «Мойеру надежды я никогда не давала и давать не буду. Что Воейков ни говори, — я не кокетка» (см. цитату из этого письма М. А. Протасовой в письме Жуковского к А. П. Елагиной от 10—11 (?) декабря 1815 г.

²² Жуковский имеет в виду письмо Маши от 8 ноября 1815 г. (см. текст в примечании к письму Жуковского к М. А. Протасовой от 27—28 ноября 1815 г.); ср. его негодующий ответ в письме к ней от 27—28 ноября 1815 г.

²³ Ср. в письме Жуковского к А. П. Елагиной от 10—11 (?) декабря 1815 г., где также приводятся слова Маши, напоминавшие о свадьбе Саши и своей виновности в ее страданиях, см. также примеч. 9 к нему.

²⁴ Речь идет об апреле 1815 г., когда Маша не сразу приняла совет Жуковского выйти замуж.

²⁵ Имеются в виду петербургские друзья Жуковского, в первую очередь Кавелин, при встрече с которым в Петербурге (28 ноября и в ближайшие после этого дни) Воейков разыграл сцену раскаяния в своих поступках и попутно оболгал мать Маши, обвинив ее в притеснении и принуждении дочери к браку с Мойером. Жуковский писал об этом обмане в письме к А. П. Елагиной от 19 февраля 1816 г. Здесь же он дал и картину того «покоя семейного», который устроил Воейков, вернувшись в Дерпт после разговоров с Кавелиным и Жуковским и всячески противясь, якобы от лица Жуковского, замужеству Маши (см. наст. изд.).

²⁶ См. примеч. 9 к письму Жуковского к А. П. Елагиной от 10—11 (?) декабря 1815 г.

²⁷ Жуковский имеет в виду надежды, которые связывались в 1813 — первой половине 1814 г. с воздействием Воейкова на Е. А. Протасову. Эти надежды на него в устройстве своего будущего питали и Жуковский, и Маша Протасова.

²⁸ По более раннему утверждению Жуковского, его ответ Екатерине Афанасьевне относительно предложения Воейкова был кратким: «...согласитесь, но оставьте себе право отказать...» (см. письмо к А. Ф. Воейкову от 10 сентября 1814 г.). См. также примеч. 10 к письму Жуковского к А. П. Елагиной от 10—11 (?) декабря 1815 г.

²⁹ Речь идет об А. Н. Арбенева (см. примеч. 10 к письму к А. П. Елагиной от 10—11 (?) декабря 1815 г.).

³⁰ Примечание П. А. Висковатова: «Здесь в подлиннике 7 строк тщательно зачеркнуты, так что их разобрать невозможно».

³¹ Жуковский сокращенно цитирует письмо Маши от 6 декабря — ср. ту же цитату в письме Жуковского к А. П. Елагиной от 10—11 (?) декабря 1815 г. Слова «Ему сказали, что он будет изверг» Воейков относил к тому, что он услышал от Кавелина и Жуковского в Петербурге. В комментируемом письме Жуковский, решительно опротестовав эту ложь («Ни я, ни Кавелин не говорили ему, что *он будет изверг, если эта свадьба сделается!*»), далее, однако, заявил о Воейкове: «Я не могу сказать ему, что друзья не будут его почитать извергом, когда ты от него *принуждена* будешь выйти замуж...».

³² По-видимому, письмо Жуковского, о котором здесь идет речь, было написано до приезда Воейкова в Петербург (не сохранилось).

³³ Письмо Кавелина к Воейкову, о котором говорится здесь, неизвестно; по-видимому, оно относилось к осени 1815 г. О ссоре с Воейковым Кавелина и его письмах к нему (а они были друзьями с детства) см. в письме Жуковского к А. Ф. Воейкову от 19—22 августа 1815 г., примеч. 10—12. Ссора была вызвана недовольством со стороны петербургского дружеского круга Жуковского действиями против него Воейкова в семье Протасовой. Между тем и Саша, и Маша, и сама Екатерина Афанасьевна негативно оценивали вмешательство Кавелина и его оценку их внутрисемейных дел. Именно поэтому Е. А. Протасова требовала, чтобы Жуковский помирил Воейкова с Кавелиным, об этом же писала и Маша в письме от 8 ноября 1815 г. Жуковский оправдывался, утверждая, что письма Кавелина должны были «Воейкову открыть глаза на собственный его счет, испугать его разрывом со всеми его друзьями и этим страхом принудить одуматься».

³⁴ По-видимому, Маша говорила здесь о своих надеждах на Воейкова в 1813—1814 гг., когда брак с Жуковским казался ей возможным.

³⁵ Ср. приписку А. А. Воейковой на письме Е. А. Протасовой к Жуковскому от 4 октября 1815 г., из которой видно, что она целиком поддерживала позицию матери: «Что значит твоя просьба, чтобы я ее <Машу> замуж не выдала; право, она мне дороже, чем тебе с твоею страстью!» (УС. С. 293). Собственно, это была одна из причин напряженности в семье Протасовых-Воейковых: мать и сестра Маши хотели, чтобы она вышла замуж, Воейков был против (главным образом из-за меркантильных соображений, которые он тщательно скрывал: после замужества Маши Воейков утрачивал надежды на ее часть протасовского имения). Саша никогда не была сторонницей брака Жуковского и Маши, за исключением небольшого периода, когда она была невестой Воейкова, а тот еще действовал в интересах Жуковского. Впоследствии Саша считала, что разговоры об этом браке следует прекратить, поскольку он невозможен.

³⁶ Требуемого Машей письма к Воейкову Жуковский не написал.

³⁷ Т. е. письмо Жуковского к Е. А. Протасовой, переданное с Воейковым в Дерпт в первых числах декабря 1815 г. (не сохранилось).

³⁸ Ср. в письме Маши от 6 декабря 1815 г.: «Жаль, что ты сам не приехал и не увидел сам тогда всего» (см. письмо к А. П. Елагиной от 10—11 (?) декабря 1815 г. и примеч. 2). Впоследствии Жуковский согласился с этим: «По-настоящему, мне бы надобно было тотчас ехать, получив первое письмо Маши...» (см. письмо к А. П. Елагиной от 19 февраля 1816 г.).

³⁹ Поскольку письмо Жуковского является ответом на письмо Маши от 6 декабря, можно предположить, что речь здесь идет не о декабре, а о более раннем времени. По-видимому, новый виток активности Жуковского в воздействии на Е. А. Протасову (несколько писем к ней, письмо П. И. Протасова в его поддержку) начался в сентябре—октябре 1815 г. потому, что он знал о вероятности брака Маши и Мойера. Письмо Маши от 8 ноября 1815 г. не могло быть для Жуковского полной неожиданностью. В письме от 25 декабря 1815 г. он ставит в вину Екатерине Афанасьевне то, что она, не сообщавшая ему о развитии отношений дочери с Мойером, сразу же попросила у него согласия на их брак.

⁴⁰ *Ты говоришь, что мне должно быть благодарным ей за то чувство, которое заставило ее мне обо всем сказать первому!* — Ср. отклик на эти слова Маши в письме Жуковского к А. П. Елагиной от 10—11 (?) декабря 1815 г.

⁴¹ Имеется в виду письмо Е. А. Протасовой к П. И. и М. Н. Протасовым в Петербург от 10 октября 1815 г. (УС. С. 294—296), показанное Жуковскому и возмущившее его (см. примеч. 10 к письму Жуковского к М. А. Протасовой от 27—28 ноября 1815 г.).

261.

А. П. Киреевской (Елагиной)

(С. 459)

Автограф неизвестен.

Копия неизвестна.

Впервые опубликовано: РС. 1883. № 8. С. 221—226, с пометой: «30-го декабря 1815. СПб.».

Печатается по тексту первой публикации:

Датируется: 30 декабря 1815 г.

Письмо представляет собой долго откладываемый Жуковским «отчет» о событиях, произошедших после получения им письма М. А. Протасовой от 8 ноября 1815 г. с сообщением о решении выйти замуж за И. Ф. Мойера. Молчанием Жуковского Елагина была очень недовольна, о чем писала ему в письме от 4 декабря 1815 г. (Переписка Ж. и Елагиной. С. 142). С письмами от 30 декабря 1815 г. и 19 февраля 1816 г. Жуковский отправил ей копии писем от него (в том числе неотправленных) и к нему за ноябрь—январь 1815 г. Этот пакет («70 мелко исписанных страниц в четвертку» — Зейдлиц. С. 98), всего 15 «документов» (эти копии, до № 10, указаны в письме от 30 декабря), был передан затем Елагиной в распоряжение К. К. Зейдлица. Письмо от 30 декабря было отправлено Жуковским к Елагиной спустя пол-

тора месяца, с письмом от 19 февраля 1816 г. См. письма к М. А. Протасовой от 27—28 ноября 1815 г. и к А. П. Елагиной от 10—11 (?) декабря 1815 г., а также примечания.

¹ Имеется в виду письмо М. А. Протасовой к Жуковскому от 8 ноября 1815 г. и не отправленный ей ответ Жуковского от 27—28 ноября 1815 г. О приезде в Петербург Воейкова Жуковский писал Елагиной 17 декабря 1815 г.

² Письмо Жуковского, отправленное Маше в ответ на ее письмо от 8 ноября 1815 г., не сохранилось, как и его письмо к Е. А. Протасовой; они были отправлены им в один день. К Елагиной копии этих писем не высылались.

³ Имеется в виду письмо Е. А. Протасовой от 22 ноября или от 25 ноября 1815 г. (РС. 1883. № 5. С. 353—354). Ответ Жуковского ей неизвестен, копия его к Елагиной не высылалась.

⁴ Письмо Е. А. Протасовой от 6 декабря 1815 г. (Там же. С. 362) и ответ на него Жуковского от 11 декабря 1815 г.

⁵ Письмо М. А. Протасовой от 6 декабря и ответ Жуковского от 25 декабря 1815 г. (о нем он далее сообщает Елагиной: «Я не послал им своего ответа (№ 7)!»).

⁶ В письме от 30 декабря 1815 г. пропущена характеристика «документа» № 8. О К. Петерсене см. примеч. 2 к письму к К. Моргенштерну от 22 сентября 1815 г.

⁷ В публикации РС — опечатка или ошибка чтения: «Alles soll sich gehen».

⁸ Это письмо Воейкова в печати неизвестно.

⁹ Ответ Жуковского на письмо Петерсена не сохранился.

¹⁰ Сообщалось в письме М. А. Протасовой к Жуковскому от 16 декабря 1815 г., с указанием на разрешение матери на приезд Елагиной в феврале 1816 г. См. вступительное примечание к письму Жуковского к М. А. Протасовой от 25 декабря 1815 г.

262.

П. А. Вяземскому

(С. 463)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1909. Л. 80. Б. д.

Публикуется впервые.

Датируется: 10 января 1815 г.

Основание датировки: упоминание предстоящей поездки в Дерпт — как это явствует из следующего письма к П. А. Вяземскому, Жуковский уехал в ночь на 13 января 1816 г.

¹ Сын Вяземского Дмитрий родился 14 октября 1815 г.

² Имеется в виду статья Вяземского «Письмо с Липецких вод», напечатанная, как следует из письма, при посредничестве С. С. Уварова в «Российском музее» В. В. Измайлова (1815. № 12). «Липецкий пряник» — каламбурное обыгрывание фамилии адресата: вяземские пряники — региональный вид русского пряника

(из города Вязьмы), широко известный до революции по всей России. Вяземский пряник — заварной пряник малого размера. На его поверхности, как правило, помещалось название города, часто неполное — «вяз». Ср. в письме Пушкина к П. А. Вяземскому от 1 декабря 1826 г.: «Ангел мой Вяземской, или пряник мой Вяземской!»; «Москва славилась невестами, как Вязьма пряниками» («Путешествие из Москвы в Петербург»). Пушкин. Т. 13. С. 310; Т. 11. С. 240). Ср. также в стихотворении Вяземского «Масленица на чужой стороне»: «Пряник, мой однофамилец...».

³ О цели поездки в Дерпт см. письмо к А. П. Киреевской (Елагиной) от 30 декабря 1815 г.

⁴ Предика (устар., иносказ.) — увещевание, проповедь.

263.

П. А. Вяземскому

(С. 464)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1909. Л. 60—60 об. Б. д.

Публикуется впервые.

Датируется: 11 января 1816 г.

Датируется на основании упоминания письма Жуковского к К. Н. Батюшкову (не сохранилось), переданного через Е. Ф. Муравьеву, которую Жуковский, как это явствует из записки к Н. И. Гнедичу от 11 января 1816 г., посетил накануне своего отъезда в Дерпт (уехал в ночь на 13 января).

¹ К. Н. Батюшков из Каменца (выехал 26 декабря 1815 г.) приехал в Москву и остановился в доме И. М. Муравьева на улице Басманной.

² О ходе работ по подготовке «Полного собрания сочинений» М. Н. Муравьева см. письмо К. Н. Батюшкова к Жуковскому от середины декабря 1815 г. (Батюшков. Т. 2. С. 362—364).

³ Имеются в виду поэты Сергей Александрович Ширинский-Шихматов и И. А. Крылов, получившие от Александра I в 1812 г. пожизненную пенсию. В сумме пенсии И. А. Крылова, вероятно, описка: должно быть 3 000.

⁴ Стихотворение Вяземского «Вечер на Волге» («Дыханье вечера долину освежило...»). См. также письмо к П. А. Вяземскому от 19 октября 1815 г.

⁵ Вероятно, речь идет об отборе стихотворений Ю. А. Нелединского-Мелецкого для 5 и 6 частей «Собрания образцовых русских сочинений и переводов в стихах», вышедших в 1816—1817 гг.

264.

Н. И. Гнедичу

(С. 465)

Автограф: РО ИРЛИ. № 103—108 (1 единица). Л. 7. Б. д.

Копия: РО ИРЛИ. № 103—108 (1 единица). Л. 8.

Впервые опубликовано: СС I. Т. 4. С. 569.

Печатается по автографу.

Датируется: 11 января 1816 г.

Основание датировки — упоминание отъезда в Дерпт назавтра в ночь (ср. в письме к П. А. Вяземскому от 12 января 1816 г.: «нынче еду в ночь»).

¹ В Дерпт.

² Имеется в виду Е. Ф. Муравьева, через которую Жуковский передал письмо к К. Н. Батюшкову (не сохранилось).

³ «Русская баллада» П. А. Катенина «Ольга», предложившая альтернативную «Людмиле» и «Светлане» Жуковского модель русской баллады и послужившая поводом известной полемики о балладе в русской периодике 1810-х гг. См. об этом: *Иезуитова Р. В.* Баллада в эпоху романтизма // *Русский романтизм.* Л., 1978. С. 138—162.

⁴ Какое именно письмо Батюшкова к Гнедичу имеется в виду, установить не удалось. За 1815 г. известно 5 писем Батюшкова к Гнедичу (№ 193, 200, 202, 208, 212 по изд.: Батюшков. Т. 2). В большинстве из них Жуковский упомянут в связи с проектом издания сочинений М. Н. Муравьева.

265.

А. А. Прокоповичу-Антонскому

(С. 465)

Автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: РА. 1902. № 5. С. 139. Б. г.

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: начало января (до 12-го) 1816 г.

Датируется на основании реалий: упоминание скорого отъезда в Дерпт (Жуковский уехал в Дерпт в ночь на 13 января 1816 г.), просьба о распространении экземпляров первого издания «Стихотворений Василия Жуковского», посланных в Москву на имя Вяземского — за их судьбу Жуковский беспокоился в связи с тем, что был осведомлен о предстоящем отъезде Вяземского в Петербург (см. письмо к Е. А. и М. А. Протасовым, А. Ф. и А. А. Воейковым от начала февраля 1816 г., примеч. 1).

¹ О Ширяеве см. примеч. 2 к письму к П. А. Вяземскому от начала ноября 1815 г.

266.

П. А. Вяземскому

(С. 466)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1909. Л. 55—55 об. Б. г.

Впервые опубликовано: РЛ. 1975. № 1. С. 122—124. Публикация В. В. Пухова.

Печатается по автографу.

Датируется: 12 января 1816 г.

Год определяется по реалиям письма: см. обоснование датировки предыдущего письма.

¹ Первая часть «Стихотворений Василия Жуковского» (СПб., 1815), напечатанная в ноябре—декабре, но поступившая в продажу только в конце января 1816 г.

² Василий Алексеевич Плавильщиков, петербургский книгоиздатель и книгопродавец.

³ Александр Николаевич Карамзин родился 31 декабря 1815 г.

⁴ Вяземский и Карамзин приехали в Петербург 2 февраля 1816 г.

⁵ См. примеч. 1 к письму к П. А. Вяземскому от 11 января 1816 г.

⁶ Ахилл — арзамасское прозвище Батюшкова. Называя Батюшкова «убийцей «Певца»», Жуковский имеет в виду пародию Батюшкова «Певец в Беседе любителей русского слова» («Друзья! все гости по домам!..»).

⁷ См. вступительное примечание к письму к П. А. Вяземскому от 11 января 1816 г.

⁸ В Дерпт.

⁹ Подразумевается статья Вяземского «Письмо с Липецких вод» (см. примеч. 2 к письму к П. А. Вяземскому от 10 января 1816 г.). Под «объявлением мира» имеется в виду статья «Мнение постороннего» (см. примеч. 5 к письму к П. А. Вяземскому от 25 ноября 1815 г.).

¹⁰ А. А. Шаховской; имеется в виду «Баллада, в которой описывается, как одна старушка...». Следующий далее фрагмент автопародии Жуковского не учтен в ПССиП. Т. 1.

¹¹ Слуга А. А. Шаховского.

¹² А. С. Шишков, идейный вдохновитель «Беседы».

¹³ А. А. Шаховской был начальником репертуарной части петербургских театров.

¹⁴ Пародия на архаизирующую языковую программу А. С. Шишкова. В г. Острог на Волыни по инициативе князя К. К. Острожского в 1578 г. была основана типография под руководством Ивана Федорова, где было напечатано свыше 20 книг, преимущественно богослужебных, старославянским и греческим шрифтами. Пролог — сборник кратких версий житий святых.

¹⁵ Имеется в виду великий князь Московский Василий III, о княжении которого шла речь в т. 7 «Истории государства Российского», вышедшем в свет в 1816 г.

¹⁷ Батюшков был намерен оставить военную службу. Его прошение было удовлетворено в апреле 1816 г.: он вышел из службы с чином коллежского асессора.

267.

Е. А. и М. А. Протасовым, А. Ф. и А. А. Воейковым

(С. 467)

Автограф неизвестен.

Копия неизвестна.

Впервые опубликовано: РС. 1883. № 8. С. С. 228—229.

Печатается по тексту публикации.

Датируется: начало февраля 1816 г.

Датируется на основании сообщения о возвращении из Дерпта, куда Жуковский уехал в ночь на 13 января 1816 г. (пробыл в Дерпте 3 недели), и известия о пребывании Карамзина и Вяземского в Петербурге (они приехали в Петербург вечером 2 февраля, см. примеч. 1).

¹ Карамзин вместе с П. А. Вяземским приехал в Петербург вечером 2 февраля и пробыл здесь до 25 марта. Целью его поездки в Петербург было получение разрешения и средств на напечатание его «Истории...». См. об этом его письма к Е. А. Карамзиной за февраль—март 1816 г.: Неизданные сочинения и переписка Н. М. Карамзина. Ч. 1. СПб., 1862. 18 марта он получил чин статского советника и орден Св. Анны 1-й степени. Он принял также участие в заседании «Арзамаса», где был удостоен специального диплома с надписью: «От Арзамасского общества безвестных людей почтенному и известному Историографу Всея России Господину кавалеру Анны и Славы Карамзину».

² А. П. Елагина. См. письмо к ней Жуковского от 30 декабря 1815 г.: «Маша зовет Вас в Дерпт, милая Авд<отья> Петр<овна>»; см. также примеч. 10. 24 января 1816 г. А. П. Елагина писала Жуковскому: «Я выеду 25...» (Переписка Ж. и Елагиной. С. 161. Подлинник по-французски).

³ Речь идет об издании «Стихотворений Василия Жуковского» (СПб., 1815—1816).

⁴ И. Ф. Мойер и К. Петерсен.

268.

И. И. Дмитриеву

(С. 468)

Автограф неизвестен.

Копия неизвестна.

Впервые опубликовано: РА. 1866. № 11—12. Стб. 1629—1631, с пометой: «18 февраля 1816 (СПб.)».

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: 18 февраля 1816 г.

¹ В письме И. И. Дмитриева к Жуковскому от 8 января 1816 г. читаем: «Между тем покорнейше прошу Вас, любезный Василий Андреевич, принять и от меня по-

следнее издание моих басен» (РА. 1871. Стб. 423). По всей вероятности, речь идет о «Собрании образцовых русских сочинений и переводов в стихах. Изданное Обществом любителей отечественной словесности» (Ч. 1—3. СПб., 1815). В третьей части этого издания были опубликованы сказки «Воздушные замки», «Модная жена», «Причудница», а также 24 басни Дмитриева. Третья часть открывается портретом Дмитриева.

² В Дерпте Жуковский был с середины января до начала февраля 1816 г.

³ Первым изданием своих стихотворений (СПб., 1816. Ч. 1—2).

⁴ В Москве на Спиридоновке, близ Патриарших прудов. В конце марта Жуковский второй раз уехал в Дерпт, съездить в Москву ему не удалось.

⁵ См. примеч. 1 к письму к Е. А. и М. А. Протасовым, А. Ф. и А. А. Воейковым от начала февраля 1816 г.

⁶ «История государства Российского» будет сопровождать Жуковского почти всю жизнь. Он постоянно обращается к ней и как поэт, и как педагог. Подробнее см.: *Канунова Ф. З.* Русская история в чтении и исследованиях В. А. Жуковского // БЖ. Ч. 1. С. 436—446.

269.

А. П. Юшковой (Зонтаг) и Е. П. Азбукиной

(С. 470)

Автограф неизвестен.

Копия неизвестна.

Впервые опубликовано: РС. 1883. № 8. С. 235—236, с пометой: «СПб., 1816, в феврале (после 19) или в марте».

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: первая половина (до 19-го) февраля 1816 г.

Основание датировки: письмо А. П. Елагиной в Дерпт к Протасовым из Долбина от 19 февраля 1816 г., в котором она описывает несчастный случай по дороге в Дерпт, свою болезнь и вынужденное двухнедельное пребывание в Москве (Переписка Ж. и Елагиной. С. 167—168). Очевидно, что ко времени написания этого письма Жуковский еще ничего не знал о том, где находится Елагина, — до него только стороной дошел слух о том, что она больна и в Москве.

¹ Авдотья Ивановна Нарышкина, племянница П. Н. Юшкова, двоюродная сестра А. П. Елагиной по отцу; Мария Ивановна и Елена Ивановна Протасовы, сестры А. И. Протасова, тетки М. А. и А. А. Протасовых по отцу.

² Первое известное письмо А. П. Елагиной к Жуковскому после ее неудавшейся февральской поездки в Дерпт датировано 29 февраля 1816 г. (Там же).

³ Речь идет о решении М. А. Протасовой выйти замуж за И. Ф. Мойера. В январе 1816 г. Жуковский ездил в Дерпт для того, чтобы увериться в добровольности решения М. А. Протасовой.

⁴ Т. е. от дерптских родственников.

⁵ Об «уродцах» (ср.: «...все эти маленькие безобразные уродцы, которые называются *желаниями для себя* и которые иногда выскакивают как пузыри и лопаются!») Жуковский писал в следующем февральском письме к А. П. Елагиной (около 19 февраля). Но, поскольку оно написано явно позже комментируемого (в нем Жуковский сообщал, что уже извещен из Дерпта о несчастном случае с Елагиной), можно предположить, что это же выражение было употреблено им и в более раннем, но не дошедшем до нас письме к долбинским родственникам, или же что февральское письмо к Елагиной было написано раньше комментируемого, но отправлено позже, после получения сведений об А. П. Елагиной из Дерпта: ср.: «Посылаю Вам все письма, написанные к Вам в разное время!» (см. письмо к А. П. Елагиной (около 19 февраля) 1816 г.

270.

А. П. Киреевской (Елагиной)

(С. 471)

Автограф неизвестен.

Копия (отрывок): РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. № 1040. Л. 15—15 об. О копиях (наборная рукопись РС) см. вступительное примечание к письму Жуковского к Елагиной от июля 1813 г.; в копиях делались вычерки малоинтересных фрагментов, не вошедших в публикацию.

Впервые опубликовано: ЖМНП. 1869. Ч. 143. Май. С. 72—75, с указанием даты: «19 февраля 1816 г.»; РС. 1883. № 8. С. 229—235, с пометой: «19 февраля 1816 (СПб.)».

Впервые полностью: Переписка Ж. и Елагиной. С. 162—167.

Печатается по тексту публикации РС, пропущенный в ней отрывок («Милая Катя ~ братское лобзание») по копии.

Датируется: около 19 февраля 1816 г.

Основание датировки: письмо Елагиной из Долбина в Дерпт к Протасовым от 19 февраля 1816 г. с описанием несчастного случая по дороге в Дерпт. По-видимому, Жуковский, начав писать это письмо, полагал, что А. П. Елагина всё же поехала в Дерпт: см. примеч. 2. Письмо сопровождалось другим письмом Жуковского к А. П. Елагиной, от 30 декабря 1815 г., к которому прилагалось десять копий писем к нему и от него за ноябрь—декабрь, связанных с замужеством М. А. Протасовой (см. наст. изд.). К письму от 19 февраля были приложены еще пять копий писем, охватывающих период до февраля 1816 г. В нем Жуковский подвел итог своему январскому (в течение трех недель) пребыванию в Дерпте.

¹ Письма А. П. Зонтаг и, по-видимому, М. А. Протасовой не сохранились.

² В письме в Дерпт из Долбина от 19 февраля 1816 г. Елагина писала:

Под Лихвиним, на реке, ехавши ночью, я попала в полынью, быструю, глубокую, из которой меня и Анету Полонскую, которая была со мною, едва вытащили. Входя

на гору пешком, я отморозила ногу и крепко простудилась. Вместо того, чтобы вернуться, бывши только 40 верст от дому, я только одну имела мысль: *к вам!*

Два дни сильного жару и принужденный отдых меня только мучили *нетерпением*. Собравши все силы, я доехала до Москвы, остановилась у Офросимовых и там одно говорила и думала: подорожную! лошадей! ехать! к ним!

Это одно заставляло сердце биться.

Офросимовы, увидевши, что я ходить не могла, плевала кровью, кашляла, не сказавши мне ни слова, послали за Шнаубертом. Тот, видя мою настойчивость, принужден был заклинять меня и горячками, и чахотками остаться неделю, — я согласилась и — слегла.

Две недели провела я в Москве с сильным беспокойством душевным и телесным, — оправившись и видя себя, — нет, милые друзья! я не должна была ехать к вам. За что вместо радости дать вам горе?

(РГБ. Ф. 99, карт. 22, № 43, л. 1—2; см. также: Переписка Ж. и Елагиной. С. 162).

³ Как явствует из письма Елагиной к Жуковскому от 29 февраля 1816 г., она к этому времени еще не получила письма М. А. Протасовой (Переписка Ж. и Елагиной. С. 167).

⁴ Очевидно, что это письмо было написано Жуковским до получения известия о том, что А. П. Елагина вернулась в Долбино, это произошло в 10-х числах февраля (ср. в ее письме к Протасовым от 19 февраля: «Две недели провела я в Москве...»).

⁵ Первое из написанных Жуковским писем к Е. А. Протасовой не сохранилось; второе, от 11 декабря 1815 г., было написано им в ответ на ее оскорбленное письмо от 6 декабря 1815 г.: см. примеч. 1 к письму к Е. А. Протасовой от 11 декабря 1816 г.

⁶ Имеется в виду письмо М. А. Протасовой от 8 ноября 1815 г. См. ответ на него Жуковского от 27—28 ноября 1815 г.

⁷ М. А. Протасова тяжело болела в сентябре 1815 г. (см.: УС. 156, 165).

⁸ См. об этом письмо Жуковского к М. А. Протасовой от 27—28 ноября 1815 г.

⁹ Скорее всего, имеется в виду не столько текст, сколько устное высказывание Карамзина. За время его пребывания в Петербурге (см. примеч. 1 к письму к Е. А. и М. А. Протасовым, А. Ф. и А. А. Воейковым от начала февраля 1816 г.) Жуковский интенсивно общался с ним.

¹⁰ Вероятно, отсылка к устному высказыванию Карамзина.

¹¹ Елагина откликнулась на сообщения о Саше и ее муже в письме от 4 марта 1816 г.: «Мое сердце разорвано, его недостает об бедной Саше думать! — Друг мой, скажите Маменьке, что она должна быть гораздо самовластнее с этим извергом, с этой грубостью, злостью, подлостью — деликатность и чувствительность губят Сашку!» (Переписка Ж. и Елагиной. С. 169).

¹² Заключительные стихи из стихотворения «Теон и Эсхин» (1814).

¹³ Перечень «документов» Жуковский начинает с № 12, отнеся № 11, по-видимому, к своему письму от 30 декабря 1815 г. «Отрывок Машина журнала» (ноябрь 1815 г.), см.: УС. С. 161—162.

¹⁴ Все перечисленные здесь письма неизвестны.

¹⁵ Напоминание Елагиной о ее письмах от 23 и 27 ноября 1815 г., в которых она обещала прислать Жуковскому «план» воспитания своих детей (Переписка Ж. и Елагиной. С. 132—141; см. также письмо Жуковского к Елагиной, написанное около 20 января 1816 г.). 4 марта 1816 г. Елагина написала ему о задержке с высылкой плана (Там же. С. 170).

¹⁶ Ср. в письме А. П. Елагиной от 23 ноября 1815 г., в котором она писала о воспитании своих детей: «...скажите, не скучно будет Вам прочесть *всё* <...> не надоеет Вам *христианство*?» (Там же. С. 134).

¹⁷ См. письма к А. П. Елагиной от 11 июня и 30 июля — 2 августа 1815 г. и примечания.

¹⁸ Елагина отвергла намерение Жуковского платить по векселю Свечиной: «...какое Вы имеете право платить мне за Марию Ник<олаевну>? У нас с ней свой счет...» (Там же. С. 170). Далее в связи с долгом М. Н. Свечиной упоминается Иван Никифорович Гринева.

¹⁹ Речь идет, по-видимому, о части первой «Стихотворений» Жуковского.

²⁰ Авдотья, новорожденная дочь Е. П. и В. А. Азбукиных («крестница» Жуковского).

²¹ Речь идет о хлопотах В. А. Азбукина по поводу получения им свидетельства о дворянстве (см. примеч. 9 к письму Жуковского к А. П. Елагиной от 17 декабря 1815 г.). «Большее письмо» Жуковского к Азбукиным с «образцом просьбы о получении грамоты и герба» не сохранилось. В связи с ним упоминается Н. А. Азбукина, сестра В. А. Азбукина.

²² См. ответ Елагиной от 4 марта 1816 г., в котором она написала о необходимости сказать «всё баронессе», т. е. М. А. Черкасовой (Там же. С. 170).

²³ Архиреем Жуковский называл кого-то из членов семьи Гринева. Елизавета Васильевна — жена И. Н. Гринева.

²⁴ 29 февраля 1816 г. Елагина написала Жуковскому: «От Маши я ничего еще не получила» (Там же. С. 167).

271.

К. Н. Батюшкову

(С. 476)

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 19. № 18. Л. 1 об.

Впервые опубликовано: Ежегодник РО ПД на 1980 г. Л., 1984. С. 85. Публикация и комментарий Р. В. Иезуитовой.

Печатается по автографу.

Датируется: начало апреля 1816 г.

Ответная записка Жуковского, написанная в тот же день на обороте записки к нему К. Н. Батюшкова (Л. 1):

Ты едешь, и я, по милости к<нязя> Вяз<емского>, с тобой не увижусь. Скажи мне, куда прислать твои стихи, которые я, верно, на сих днях получу от Самариной? Что

ты будешь делать с сочинениями М<ихаила> Н<икитича>? Будешь ли их печатать? Я должен об этом известить Катерину Федоровну и удивляюсь, как ты (впрочем, человек весьма рассудительный), уезжаешь, не повидавшись с нею!!! Дай мне по крайней мере ответ. И Бог с тобой! Уезжай и будь счастлив — я этого желаю от всей души, потому что люблю тебя, несмотря на твои чудеса.

К. Б.

¹ Тибулл, римский поэт-элегик, которого переводил Батюшков, называвший себя «маленьким Тибуллом» (Батюшков. Т. 2. С. 277). Возможно, имеется в виду популярное в начале XIX в. издание Catullus, Tibullus, Propertius. Ad optimorum librorum fidem accurate editi. Lipsiae. Sumtibus et typis Caroli Tauchnitzii. 1812.

272.

А. П. Киреевской (Елагиной)

(С. 476)

Автограф неизвестен.

Копия неизвестна

Впервые опубликовано: ЖМНП. 1869. Ч. 143. Май. С. 75, с указанием на апрель 1816 г.

Впервые полностью: РС. 1883. № 9. С. 533—535, с пометой: «Дерпт. 12-го апреля (1816)».

Печатается по тексту полной публикации.

Датируется: 12 апреля 1816 г.

¹ Вопрос прозвучал в письме Елагиной от 11 марта 1816 г. (Переписка Ж. и Елагиной. С. 170), которое было ответом на несохранившееся письмо Жуковского, вызванное опасениями за ее здоровье.

² Ср. в письме Елагиной: «Ваше положение необыкновенно, — но оно прекрасно!» (Там же. С. 171).

³ По болезни и сложным обстоятельствам Елагина не смогла приехать в Дерпт, о чем писала в своем ответе Жуковскому от 19 мая 1816 г. (Там же. С. 174—176). Сохранилось письмо к ней А. Ф. Воейкова от 20 апреля 1820 г., в котором он демонстрировал всеобщее согласие в семейных отношениях и его благорасположенность к Авдотье Петровне:

Что сказать Вам, милая сестра? Сказать Вам, что каждая жилка у меня билась от звука при получении известия об опасности и болезни Вашей? Но Вы это сами знаете, сами чувствуете. Благодарю ли Вас за брошенную у Вас сиротку Митеньку <речь идет о побочном сыне Воейкова>, который не погиб по милости Вашей? Сердце Ваше скажет Вам то, что мое и Сашино чувствует! Уверять ли, что с беспокойством дружбы, с нетерпением человека, который много Вам обязан, который любит Вас нежно и уважает, я ждал Вас и выбегал встречать каждую кибитку и вздрагивал при звоне каждого колокольчика? Это очень просто и само собой разумеется! Звал ли Вас в Дерпт,

где присутствие дружбы Вашей необходимо? Жалеете ли об том, что когда Вы будете в Дерпте, — то я и жена моя будем далеко, далеко, одни, странствовать по чужбине?

В день счастья вспомни обо мне!..

Ограничусь уверенностью, что я всегда буду много Вас любящим, всегда братом. Воейков.

(РГБ. Ф. 99, карт. 3. № 45, л. 8—9; см. также: Переписка Ж. и Елагиной. С. 172).

⁴ Впоследствии этот план был исполнен, и М. А. и И. Ф. Мойеры с Е. А. Протасовой жили в Дерпте отдельно от Воейковых.

⁵ Жуковский обращался к С. П. Жихареву с просьбой о продвижении документов, необходимых для получения дворянского звания В. А. Азбукину. См. письма к С. П. Жихареву и А. И. Тургеневу от 23—24 мая 1816 г. и к А. П. Елагиной от конца мая (до 23) 1816 г.

273.

А. И. Тургеневу

(С. 478)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 150. Л. 15. Б. г.

Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 153—154.

Печатается по автографу.

Датируется: 12 апреля 1816 г.

Год определяется по упоминанию планов А. Ф. Воейкова совершить путешествие в Киев и Крым.

¹ Александр Лебрен, родом из Женевы, учившийся Дерптском университете с 1812 г., в 1816 г. получил там степень доктора философии. Вероятно, о нем говорит Маша Протасова в письме к А. П. Киреевской (Елагиной) от 6 сентября 1815 г., давая краткие характеристики дерптским знакомым: «3. Lebrun, точный Menu наш, француз во всей силе слова, и такой же нетерпеливый» (УС. С. 157). В библиотеке Жуковского сохранилось печатное издание его диссертации: *Essai historique sur la commerce de la Mer-Noire. 1. partie: depuis les premiers temps connus jusqu'au moyen âge. Dissertation présentée à la Faculté de l'Université impériale de Dorpat, pour obtenir le grade le Docteur en Philosophie, par Alexandre Lebrun de Genève. Dorpat, 1816. 44 S.* (Описание. № 1506). О дальнейшей его судьбе сведений обнаружить не удалось.

² Граф Дмитрий Александрович Гурьев, в 1810—1823 гг. министр финансов.

³ Комментируя этот вопрос Жуковского о Карамзине, И. А. Бычков, ссылаясь на слова из письма Батюшкова к Жуковскому от 20—21 марта: «Что делает Рафаэль-Карамзин в Суздаль?» (Батюшков. Т. 2. С. 380), предполагает, что «Карамзин ездил в Суздаль?» (ПЖТ. С. 153. Примеч. 3). Но это явное недоразумение, так как очевидно из того же письма, что Суздаль и «абдерито-суздальские маляры» в данном случае — это перифрастическое наименование Петербурга (см.: Батюшков. Т. 2.

С. 636). Как явствует из письма Карамзина к А. И. Тургеневу от 13 апреля 1816 г., он в это время еще только собирался ехать: «Очень желаю сведать что-нибудь на верное о Царском Селе: мне хотелось бы ехать отсюда прямо туда, а не в Петербург, где у меня нет пристанища» (*Карамзин Н. М. Избранные статьи и письма*. М., 1982. С. 261).

⁴ Об этом путешествии Воейковых см.: Соловьев. Т. 1. С. 59—60.

274.

Г. Р. Державину

(С. 479)

Автограф неизвестен.

Копия неизвестна.

Впервые опубликовано: Державин. Т. 6. С. 335, с пометой: «Дерпт, 17 апреля 1816».

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: 17 апреля 1816 г.

¹ Карл Фридрих фон дер Борг, университетский синдик в Дерпте, переводчик русской поэзии на немецкий язык (см.: ПССиП. Т. 13. С. 394).

² Ср. примечание Я. К. Грота: «Эти слова дали нам возможность отнести письмо с достоверностью к 1816 году (в подлиннике проставлено только число): 2 февраля этого года Карамзин приехал в Петербург из Москвы с князем П. А. Вяземским. Историограф повез его вместе с Жуковским к ветерану русского Парнаса. Державин пригласил всех троих к себе обедать; но в назначенный день Карамзин не мог ехать к нему, быв, кажется, приглашен к императрице Марии Федоровне; Жуковский и Вяземский одни обедали у Державина...» (Державин. Т. 6. С. 335—336).

275.

П. А. Вяземскому

(С. 479)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1909. Л. 83. Б. г.

Впервые опубликовано: СС 1. Т. 4. С. 570—571.

Печатается по автографу.

Датируется: 26 апреля 1816 г.

Год определяется по содержанию письма: см. примеч. 3.

¹ См. примеч. 2 к письму к П. А. Вяземскому от 27 июня 1813 г.

² Слуга А. И. Тургенева.

³ Имеется в виду заседание «Арзамаса», состоявшееся 20 апреля 1816 г., на котором разбирались «поносные стихи» арзамасского старосты В. Л. Пушкина, но-

сившего прозвище «Вот я вас». Эти стихи были написаны им по дороге из Петербурга в Москву, на станции Яжелбицы. Так как экспромт В. Л. Пушкина страдал погрешностями ритма и рифмы, арзамасские стилисты учинили над ним, по своему обыкновению, литературный суд, потешный по своей внешней форме, но строгий и придирчивый по критике недостатков стиха. По итогам суда В. Л. Пушкин был переименован в «Вотрушку».

⁴ А. И. Тургенева.

⁵ Н. М. Карамзин с семьей переедет в Петербург (Царское Село) 24 мая 1816 г.

⁶ Петер Отто Геце, литератор и переводчик, которому принадлежит перевод исторического исследования, написанного Карамзиным в 1803 г.

⁷ Первый немецкий перевод «Истории государства Российского» появился в 1820 г. (Karamsins Geschichte des Russischen Reiches Nach der 2. Original-Ausgabe übersetzt, Bd. I. Riga, 1820). Первые три тома переводил временно исполнявший обязанности директора Царскосельского лицея Федор Матвеевич Гауеншильд.

⁸ Г. И. Гагарин после скандала, вызванного обнаружением его связи с фавориткой Александра I М. А. Нарышкиной, был отправлен в отставку и в январе 1816 г. поехал в путешествие за границу, где жил до своей смерти.

276.

Ф. Гизе

(С. 480)

Автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: Эстония. Т. 6. Таллин, 1956. С. 246, с пометой: «1 мая».

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: 1 мая 1816 г.

Год определяется по «Формулярному списку...».

¹ Как явствует из «Формулярного списка...», «Философическим факультетом Императорского Дерптского Университета удостоен звания доктора философии. 1816 г. Апреля 8» (ПССиП. Т. 14. С. 413).

277.

А. П. Киреевской (Елагиной)

(С. 480)

Автограф неизвестен.

Копия: РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. № 1040. Л. 13—14 об. (до слов «Бумаги его я оставил»), с пометой: «Дерпт, 1816. Янв. [или февр.]». О копиях (наборная рукопись РС) см. вступительное примечание к письму к А. П. Елагиной от июля 1813 г.; в копиях делались вычерки малоинтересных фрагментов, не вошедших в публикацию.

Впервые опубликовано: РС. 1883. № 8. С. 226—228, с неверной датировкой: «Дерпт, 1816 г. янв.».

Впервые полностью: Переписка Ж. и Елагиной. С. 156—157.

Печатается по копии.

Датируется: конец мая (до 23-го) 1816 г.

Датируется на основании упоминания планов А. Ф. и А. А. Воейковых отправиться в Киев и Крым и сообщения о получении перстня от императрицы Елизаветы Алексеевны, о чем Жуковский пишет в письме к А. И. Тургеневу от 23—24 мая 1816 г. и в письме к Н. М. Лонгинову от 24 мая 1816 г.

¹ Это письмо к А. П. Зонтаг неизвестно.

² Эти письма А. П. Елагиной к М. А. Протасовой неизвестны. Далее упоминается «последняя записка» Елагиной к Жуковскому в Дерпт, также неизвестная.

³ Упомянутая Жуковским «записка» с обращением на «ты» неизвестна. Но в письме А. П. Елагиной к Жуковскому от 19 мая 1816 г. есть сходное обращение: «Христос с Вами, берегите себя...» (Переписка Ж. и Елагиной. С. 175).

⁴ А. П. Зонтаг, Е. П. Азбукина и ее новорожденная дочь Авдотья.

⁵ Имеются в виду дети Елагиной.

⁶ Речь идет об учителе для сыновей Елагиной; кого имеет в виду Жуковский, неизвестно.

⁷ Жуковский напоминает Елагиной о ее письмах от 23 и 27 ноября 1815 г., в которых она говорила о воспитании своих детей, обещая прислать ему свой «план» (Там же. С. 132—141).

⁸ См. письмо Жуковского к А. А. Воейковой от 5 июня 1816 г.

⁹ Речь идет о получении грамоты на дворянство для В. А. Азбукина (см. письмо к А. П. Елагиной от 17 декабря 1815 г. и примеч. 8—11).

¹⁰ Ср. упоминание о получении перстня вместе с письмом от Н. М. Лонгинова, секретаря императрицы Елизаветы Алексеевны, в письме к С. П. Жихареву и А. И. Тургеневу от 23—24 мая 1816 г. Сопроводительное письмо Н. М. Лонгинова, вместе с которым был отправлен перстень, датировано 15 мая 1816 г. (РГИА. Ф. 535. Оп. 1. № 6. Л. 58).

278.

С. П. Жихареву и А. И. Тургеневу

(С. 482)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 151. Л. 1—2. Б. д.

Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 154—155.

Печатается по автографу.

Датируется: 23—24 мая 1816 г.

Обоснование датировки: см. примеч. 2.

¹ Жуковский обращался к С. П. Жихареву с просьбой о получении дворянского звания В. А. Азбукину. Около 20 января 1816 г. он писал А. П. Елагиной: «Азбукина обнимаю. <...> О его делах оставил я в Петербурге хлопотать Жихареву» (см. наст. изд.). В письмах к Тургеневу от июня—сентября 1816 г. Жуковский будет напоминать Жихареву об этом деле.

² От секретаря императрицы Елизаветы Алексеевны Николая Михайловича Лонгинова. В ПЖТ письмо датировано: «Весна 1816 г.». Но так как ответное благодарственное письмо Н. М. Лонгинову датируется 24 мая, то можно высказать предположение, что письмо к А. И. Тургеневу было написано в этот же день или накануне, ср.: «К Лонгинову буду писать после почты».

³ Стих из русской народной песни «По улице мостовой», ставший крылатым выражением: «Мне не дорог твой подарок, — // Дорога твоя любовь». Судя по этой цитате, можно предположить две вещи — 1) получением перстня Жуковский был обязан хлопотам Тургенева и 2) Жуковский таким образом намекает на нежелание откликнуться стихами на знак высочайшего благоволения.

⁴ Имеется в виду Максим Григорьев, также «Белевский Максим» — слуга Жуковского. Ему посвящено одно из долбинских стихотворений под заглавием «Максим» (см.: ПССиП. Т. 1. С. 385, 730—731. Комментарий О. Б. Лебедевой). П. Загарин со слов А. П. Петерсона приводит рассказ о том, как Жуковский, «выведенный из терпения своим Максимом <...>, любившим порядком выпить, ударил его по лицу. Находно видеть, <...> с каким чувством совестливости и сожаления о своем поступке он потом просил у Максима прощения и целовал его при этом» (Загарин. С. 390—391). В 1823 г. он выкупил его на волю вместе с остальными своими крепостными людьми (РА. 1863. Стб. 708—709; 1865. Стб. 319—322).

⁵ Имеется в виду доктор Раймонд Фор, собравшийся вернуться во Францию. См. об этом: *Ларионова Е. О.* История о докторе Форе в русском плену // Пушкин и его современники. Вып. 5 (44). СПб., 2009. С. 29.

⁶ В письме к Жуковскому от 30 мая 1816 г., возможно, в ответ на этот упрек Жуковского, А. И. Тургенев сообщает: «Стихов твоих от Каткарта я достать не мог» (Siegel. № 135. S. 326). Речь идет о стихотворении Жуковского «Стихи, петье на празднестве английского посла лорда Каткарта, в присутствии Его Императорского Величества», опубликованные в СО (1816. Ч. 29. № 14. С. 68). с примечанием: «Сей великолепный праздник дан был ныне, 28 марта, в день падения и отречения Бонапартова за два года перед сим. Все генералы, участвовавшие в той знаменитой кампании, были приглашены к оному». Вероятно, в английском посольстве текст стихотворения был отдельно напечатан малым тиражом для публичного исполнения.

⁷ Евгению (Болховитину), в то время архиепископу Псковскому.

⁸ В то время митрополитом Киевским был Серапион (Александровский).

279.

Н. М. Лонгинову

(С. 483)

Автограф неизвестен.

Копия: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 5777. Л. 1.

Публикуется впервые.

Датируется: 24 мая 1816 г.

Тексту копии предшествует примечание: «Список с письма В. А. Жуковского к Н. М. Лонгинову от 24 мая 1816. (Из Дерпта)». Благодарственное письмо Жуковского по случаю получения перстня от императрицы Елизаветы Алексеевны в ответ на письмо Н. М. Лонгинова от 15 мая 1816 г. (РГИА. Ф. 535. Оп. 1. № 6. Л. 58; см. также письма к А. П. Елагиной от конца мая (до 23-го) 1816 г. и к С. П. Жихареву и А. И. Тургеневу (около 23—24 мая 1816), примеч. 2).

¹ Так в копии. Возможно, это ошибка переписчика, поскольку перстень был пожалован Жуковскому именно императрицей Елизаветой Алексеевной (см. примеч. 10 к письму к А. П. Киреевской (Елагиной) от конца мая (до 23-го) 1816 г.).

280.

А. И. Тургеневу

(С. 484)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 152. Л. 1—1 об. Б. д.

Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 155—156.

Печатается по автографу.

Датируется: начало июня 1816 г.

Так как ответное письмо Тургенева с сообщением о получении книги К. Э. Берга и отсылкой писем для Воейкова датируется 21 июня (Siegel. № 137. S. 328), то можно предполагать, что письмо было написано Жуковским в начале июня 1816 г.

¹ Речь идет о небольшой книжке дерптского пастора Карла Эрнста Берга «Briefe über eine magnetische Kur von einem Livländischen Landprediger. Geschrieben im Januar 1816. Zum Besten einer armen Familie». Книга была напечатана в Дерпте без указания имени автора. В 1818 г. было опубликовано продолжение этого сочинения.

² Имеется в виду князь Александр Николаевич Голицын, министр просвещения в 1816—1824 гг.

³ Жуковский написал эпитафию для надгробного памятника Ивану Петровичу и Андрею Ивановичу Тургеневым только в 1819 г. («Надгробие И. П. и А. И. Тургеневым», см.: ПССиП. Т. 2. С. 117, 526—527. Комментарий А. С. Янушкевича). Рисунок см. в примечании к письму к А. И. Тургеневу от 31 августа 1805 г.

281.

А. И. Тургеневу

(С. 485)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 152. Л. 3—3 об. Б. д.
Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 156—157.
Печатается по автографу.
Датируется: середина июня 1816 г.

Основанием для датировки является указание на то, что при двух присланных из Петербурга письмах «нет от тебя ни строчки». 21 июня Тургенев отвечает Жуковскому на его предшествующее письмо. Следовательно, настоящее письмо было написано в промежутке между началом и 21 июня 1816 г.

¹ Из этих писем Тургенева к Жуковскому в печати известно только одно — от 30 мая 1816 г., при котором он послал Жуковскому копии писем к киевскому митрополиту и псковскому архиерею (Siegel. № 135. S. 326).

² Скорее всего, Жуковский имеет в виду «Стихи, петые на празднестве английского посла лорда Каткарта...» (см. примеч. 6 к письму к А. И. Тургеневу от 23—24 мая 1816 г.

³ Ср. в письме к А. П. Елагиной от второй половины (после 19-го) февраля 1816 г.: «Как прекрасно сказал недавно Карамзин (который теперь здесь), и он только выразил ясными словами то, что я чувствовал ясно: *нам должно думать не о совершенстве действий, а о совершенстве одной воли! Действия от нас не зависят, но воля есть человек!*»; см. также примеч. 9.

⁴ Парафраз 122 ст.: «Всё в жизни к великому средство...» из стихотворения «Теон и Эсхин» (1814). Они становятся жизненным девизом поэта и многократно варьируются в письмах и дневниках поэта (см.: ПССиП. Т. 1. С. 729).

⁵ Имеется в виду писатель и журналист С. Н. Глинка. Философствование в духе à la Glinka нередко вызывало иронию Жуковского.

⁶ В письме от 21 июня Тургенев писал о результатах своих хлопот: «...книжку о магнетизме получил и отдал переводить последние письма на франц<узском> для прочтения князю. <...> Я уже предварил его в их пользу» (Siegel. № 137. S. 328). О деле Фора см. примеч. 5 к письму Жуковского к А. И. Тургеневу от 23—24 мая 1816 г.

282.

А. И. Тургеневу

(С. 486)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 152. Л. 4. Б. д.
Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 157.
Печатается по автографу.
Датируется: конец июня 1816 г.

Основание датировки: скорее всего, письмо было написано сразу же после получения письма Тургенева от 21 июня (Siegel. № 137. S. 328), которое было невелико по объему и касалось его действий в отношении к публикации книги Берга.

¹ Варфоломей Филиппович Боголюбов, чиновник Министерства иностранных дел, близкий к арзамасцам, и прежде всего к С. С. Уварову. Подробнее о нем см.: Греч Н. И. Записки о моей жизни. М.; Л., 1930. С. 566—577.

² Возможно, имеется в виду Давид Давыдович Сиверс, советник ведомства Коллегии иностранных дел (см. письмо к А. Ф. Воейкову от 19—22 августа 1815 г., примеч. 9).

³ Речь идет о празднике по случаю второй годовщины отречения Наполеона, данном в английском посольстве 28 марта 1816 г. и стихотворении Жуковского «Стихи, петье на празднестве английского посла лорда Каткарта...» (см. примеч. 6 к письму к А. И. Тургеневу от 23—24 мая 1816 г.).

283.

П. А. Вяземскому

(С. 486)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1909. Л. 86. Б. г.

Публикуется впервые.

Датируется: 29 июня 1816 г.

Год определяется по содержанию письма: см. примеч. 1.

¹ Речь идет о скоропостижной смерти от чахотки приятельницы Вяземских, княжны Александры Алексеевны Шаховской, последовавшей 20 апреля 1816 г. Ср. фрагмент из письма М. А. Волковой к В. И. Ланской об этом событии: «Князь Петр плакал все эти дни, быть может, больше, чем некоторые из нас. У него золотое сердце; очень похвально, что он не старается скрывать своей чувствительности, подобно другим мужчинам, которые считают стыдом, если у них выкажется хоть одна слезинка». Спустя 34 года, в 1850 г., П. А. и В. Ф. Вяземские, находясь в Иерусалиме, заказали в Храме Гроба Господня заупокойный молебен по родным и близким. Среди них было названо и имя Александры Шаховской: Из писем М. А. Волковой и В. И. Ланской, 1812—1818 гг. / Публ., вступит. ст. и примеч. А. К. Афанасьева // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2007. Т. XV. С. 564, 568—569.

² Поездка в Ревель состоялась 4 июля 1816 г.

³ См. примеч. 22 к письму к П. А. Вяземскому от 19 октября 1815 г.

⁴ Граф Николай Петрович Румянцев, государственный деятель, канцлер, известный коллекционер, основатель Румянцевского музея.

⁵ По поводу продажи «Стихотворений Василия Жуковского» (см. также письмо к П. А. Вяземскому от 10 января 1816 г.).

284.

Г. Р. Державину

(С. 487)

Автограф неизвестен.

Копия неизвестна.

Впервые опубликовано: Державин. Т. 6. С. 341, с пометой: «Дерпт, 29 июня 1816».

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: 29 июня 1816 г.

¹ Очевидно, имеется в виду последнее прижизненное издание: Сочинения Державина (в 5 частях). С иллюстрациями А. Н. Оленина. СПб., 1808—1816. (Ч. I—V — 1808; Ч. V — 1816). Это издание в библиотеке Жуковского не сохранилось. Есть более позднее издание сочинений Державина (1831 г.). См.: Описание. № 2510.

285.

А. П. Киреевской (Елагиной)

(С. 488)

Автограф неизвестен.

Копия: РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. № 1040. Л. 16—17 об., с пометой: «(Дерпт. 1816. Летом)». О копиях (наборная рукопись РС) см. вступительное примечание к письму к А. П. Елагиной от июля 1813 г.

Впервые опубликовано: РС. 1883. № 9. С. 535—536, с той же пометой.

Впервые полностью: Переписка Ж. и Елагиной. С. 176—177.

Печатается по копии.

Датируется: 4 июля 1816 г.

Обоснование датировки см. в примечании к письму к А. И. Тургеневу от 4 июля 1816 г.

¹ О намерении осмотреть «некоторые места Лифляндии» Жуковский писал Жихареву и Тургеневу в письме от 23—24 мая 1816 г. и П. А. Вяземскому в письме от 29 июня 1816 г.

² Жуковский имеет в виду свое письмо от 12 апреля 1816 г. с сомнениями относительно будущего счастья Маши с Мойером, на которые Елагина с тревогой откликнулась в ответном письме от 19 мая.

³ См. письмо Жуковского к А. П. Елагиной от 10—13 ноября 1815 г. и примеч. 12.

⁴ Имеется в виду летняя поездка Воейковых на юг России, куда они отправились в конце мая (см. письма к А. И. Тургеневу от 12 апреля 1816 г., к А. П. Елагиной от конца мая (до 23-го) 1816 г. и к А. А. Воейковой от 5 июля 1816 г.). В Долбино Жуковскому приехать в 1816 г. не довелось.

⁵ В конце письма Жуковский упоминает А. П. Зонтаг, Е. П. и В. А. Азбукиных с дочерью Дуней, И. В., П. В. и М. В. Киреевских, Н. А. Азбукину.

⁶ А. П. Зонтаг занималась подпиской на «Стихотворения» Жуковского.

⁷ М. А. и Е. И. Черкасовы.

286.

А. И. Тургеневу

(С. 489)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 152. Л. 6. Б. д.

Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 157—158.

Печатается по автографу.

Датируется: 4 июля 1816 г.

Основанием для датировки письма является указание на отъезд в Ревель. В письме к А. А. Воейковой, которая находилась в это время в Киеве, Жуковский пишет 5 июля 1816 г.: «Вот мы в Ревеле, милая моя Саша...» (Соловьев. Т. 1. С. 59 — с ошибкой в дате: вместо «июля» — «июня»). О скором отъезде в Ревель Жуковский сообщает в письмах к П. А. Вяземскому от 29 июня (см. выше) и к А. П. Елагиной от 4 июля 1816 г.

¹ Так как супруги Воейковы в это время были в Киеве, вероятно, вместе с Жуковским в Ревель ездили Е. А. и М. А. Протасовы и дочь Воейковых Катя. В письме к А. А. Воейковой от 5 июля 1816 г. Жуковский, в частности, пишет: «А в домике нашем одушевленная радость-Катюшка, которая так же, как и все мы, купается в морской воде» (см. наст. изд.).

² См. письмо к А. А. Воейковой от 5 июля 1816 г.

³ Сведений об этом лице обнаружить не удалось.

⁴ Имеется в виду Н. М. Карамзин и его жена Екатерина Андреевна.

⁵ Сергей Петрович Румянцев, граф, сын фельдмаршала П. А. Румянцева, поэт, публицист, дипломат, историк, в 1817—1820 гг. посещавший «субботы» Жуковского, прибыл в Дерпт 14 июня 1816 г. (см.: *Dörptsche Zeitung*. 1816. № 49. 18 июня. Отдел: *Angekommene Fremde*).

⁶ Профессора Дерптского университета: Карл Симон Моргенштерн, профессор эстетики и археологии, и Георг Фридрих Паррот, профессор физики, ректор.

⁷ Петр Иванович Полетика, арзамасец, дипломат, с 1816 г. русский посланник в Мадриде.

⁸ Софья Петровна Свечина. Она проехала через Дерпт 6 июля 1816 г. на пути из Петербурга за границу (см.: *Dörptsche Zeitung*. 1816. № 55. Отдел: *Durchpassierte Reise*).

⁹ Екатерина Петровна Гагарина, сестра С. П. Свечиной, жена Г. И. Гагарина, воспитанника Московского университетского благородного университета (учился в одно время с А. И. Тургеневым и Жуковским), почетного члена «Арзамаса», дипломата и литератора.

¹⁰ Ивана IV Грозного. По всей вероятности, учитывая знакомство с восьмым томом «Истории государства Российского», воссоздающим атмосферу зверств и злоупотреблений царя, характеристика имеет очевидный иронический оттенок.

¹¹ С. П. Жихарев был возведен в ранг кавалера как член царской свиты во время путешествия Александра I по России и Польше 10 августа — 13 октября 1816 г.

¹² Имеются в виду документы на получение дворянства В. А. Азбукина (см. примеч. 9—12 к письму Жуковского к А. П. Елагиной от 17 декабря 1815 г.).

¹³ Известный гравер Николай Иванович Уткин.

¹⁴ Е. Ф. Муравьевой. Н. И. Уткин был ее родственником по линии ее мужа М. Н. Муравьева.

287.

А. А. Воейковой

(С. 490)

Автограф: РО ИРЛИ. Р. I. Оп. 9. № 112. Л. 4. Б. г.

Впервые опубликовано: Соловьев. Т. 1. С. 59—60.

Печатается по автографу.

Датируется: 5 июля 1816 г.

Год определяется по сообщению о поездке в Ревель.

Первое из сохранившихся писем Жуковского к А. А. Воейковой, его племяннице и крестнице, хотя в действительности их переписка была значительно более интенсивной. В 1814—1815 гг. ей приходилось писать письма вместо своего мужа, во-первых, по его наущению, а во-вторых, в его защиту, и это огорчало Жуковского (см. его письмо к А. Ф. Воейкову от 19—22 августа 1815 г.). К 1816 г. Воейкова, по-видимому, избавилась от всех иллюзий относительно своего мужа, и отношение к ней Жуковского приняло ту форму защиты и поддержки жертвы сложнейших жизненных обстоятельств, которой он неукоснительно следовал до самой ее смерти.

Письмо адресовано Жуковским в Киев. Приехав туда, А. А. и А. Ф. Воейковы вскоре разделились: Воейкова осталась в Киеве, желая насладиться жизнью киевских монастырей, а также поправить расстроенное здоровье, Воейков же отправился в Крым. Для поездки, начавшейся 25 мая 1816 г., Воейков заручился от Дерптского университета «рекомендательным листом ко всем губернаторам и архиереям, для оказания ему содействия “к обозрению всего примечания достойного”» (Петухов Е. В. Кафедра русского языка и словесности в Юрьевском (Дерптском) университете. Юрьев, 1900. С. 43; см. также: Балакин А. Ю. Стихотворение «Переход русских войск через Неман 1 января 1813 года» и его автор: (История одной мистификации) // Пушкинские чтения в Тарту. Тарту, 2011. Вып. 5: Пушкинская эпоха и русский литературный канон. Ч. 2. С. 295—296). В организации поездки принимал участие Жуковский (см. его письма к А. И. Тургеневу от 12 апреля 1816 г. и к С. П. Жихареву и А. И. Тургеневу от 23—24 мая 1816 г.). Родные, отправляя

Сашу в путешествие с мужем, надеялись на умиротворение их семейной жизни; М. А. Мойер, однако, это казалось маловероятным, и она очень беспокоилась о положении сестры, оставленной один на один со своим мужем (см.: УС. С. 171; Соловьев. Т. 1. С. 59).

¹ На морские купания в Ревель Жуковский отправился с Е. А. Протасовой, М. А. и И. Ф. Мойерами, а также Катей Воейковой (см. письмо Жуковского к А. И. Тургеневу от 4 июля 1816 г.).

² Имеются в виду Екатерининский дворец (подарок Екатерине I от Петра I), с огромным парком, и домик Петра I, служивший ему пристанищем во время постройки военной гавани.

³ Видоизмененная автоцитата из стихотворения «Теон и Эсхин» (1814), жизненный девиз Жуковского (см.: ПССиП. Т. 1. С. 729).

⁴ Письма Воейкова к жене 1816 г. в печати неизвестны. А. Ф. Воейков в своих произведениях, как в стихах, так и в прозе, многократно возвращался к своим впечатлениям от этой поездки, начиная с Псково-Печерской обители и пещер Киевской лавры и кончая крымскими достопримечательностями и видами (см., например, послания «К жене» («Ты права; но теперь раскаиваться поздно...»), 1817; «К моему другу-воспитаннику о пользе путешествия по отечеству», 1818).

288.

А. И. Тургеневу

(С. 491)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 152. Л. 7. Б. г.

Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 159.

Печатается по автографу.

Датируется: 17 августа 1816 г.

Год определяется по упоминанию о смерти И. В. Лопухина и производства А. И. Тургенева в действительные статские советники (примеч. 1, 5).

¹ Иван Владимирович Лопухин, скончавшийся 22 июня 1816 г.

² Цитата из послания «К Воейкову» (1814). Ст. 193—194.

³ Стихи, посвященные И. В. Лопухину, видимо, не были написаны.

⁴ Имеется в виду Иван Петрович Тургенев, памяти которого Жуковский посвятил ст. 43—48 в послании «Тургеневу, в ответ на его письмо» (1813): «Старик при нем был юноша живой <...> И он друзей не рознил с сыновьями...»

⁵ А. И. Тургенев был произведен в действительные статские советники 22 июля 1816 г.

⁶ В это время Жуковский занят планами издания альманаха, состоящего из двух книжек: русской и немецкой. Свой проект он подробно развивает в письме к Д. В. Дашкову от января 1817 г. В состав «русской книжки» он включает «первую половину “Ундины” в стихах» (С. 6. С. 440), тем самым подчеркивая оригинальность за-

думанного им переложения прозаической повести немецкого романтика Фридриха де Ла Мотт Фуке. В следующем письме к А. И. Тургеневу от 24 августа он конкретизирует свою просьбу (см. ниже). Альманах «Die Jahreszeiten. Eine Vierteljahresschrift für romantische Dichtungen», издаваемый Фуке в 1811—1815 гг., вышел в четырех частях, озаглавленных названиями времен года. «Ундина» была опубликована во второй книге («Frühling-Heft»). Жуковский получил ее 16 сентября 1816 г. от своего дерптского приятеля, педагога, поэта и издателя Мартина Асмуса (см.: *Салупере М. Г.* Жуковский и М. Асмус // *Ж. и русская культура*. С. 442; ПССиП. Т. 4. С. 473).

289.

А. И. Тургеневу

(С. 492)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 152. Л. 8. Б. г.

Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 160.

Печатается по автографу.

Датируется: 24 августа 1816 г.

Год определяется по реалиям письма (примеч. 3, 4).

¹ Иван Федорович Воейков, брат А. Ф. Воейкова, участник Отечественной войны 1812 г.

² Неточная цитата из стихотворения Н. М. Карамзина «Прости» (1792). Ср.: «Насильно полюбить // Не можно никому».

³ См. примеч. 6 к письму к А. И. Тургеневу от 17 августа 1816 г.

⁴ 8 апреля 1816 г. философский факультет Дерптского университета удостоил Жуковского почетного диплома доктора философии (см. его письмо к Ф. Гизе от 1 мая 1816 г. в наст. изд., а также: «Формулярный список...» // РА. 1902. № 6. С. 86; ПССиП. Т. 14. С. 413).

290.

А. И. Тургеневу

(С. 492)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 152. Л. 9. Б. д.

Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 161—162.

Печатается по автографу.

Датируется: первая половина сентября (до 16-го) 1816 г.

Основание датировки: как явствует из текста письма, ко времени его написания Жуковский еще не располагал текстом повести Фуке «Ундина», о которой он просил Тургенева в письмах от 17 и 24 августа 1816 г. Альманах «Die Jahreszeiten» с текстом повести Жуковский получил от Мартина Асмуса 16 сентября 1816 г. (см. примеч. 6

к письму к А. И. Тургеневу от 17 августа 1816 г.). Однако в письме к А. И. Тургеневу от 2 октября Жуковский благодарит и Тургенева за присылку «Ундины» (см. наст. изд.). В библиотеке Жуковского сохранились 7 изданий произведений Ла Мотт Фуке (Описание. № 1043—1049), причем 6 из них — 1811—1816 гг., что свидетельствует об интенсивности интереса Жуковского к творчеству Ла Мотт Фуке именно в этот период.

¹ См. письмо к А. И. Тургеневу от 24 августа 1816 г., примеч. 1.

² Письмо Вяземского неизвестно. Но речь идет о полемике с автором комедии «Урок кокеткам, или Липецкие воды» А. А. Шаховским, развернувшейся на страницах журналов СО и РМ. Особой популярностью пользовалось «Письмо к новейшему Аристофану» Д. В. Дашкова, напечатанное в СО (1815. № 42. С. 140—148). Именно об этом журнале говорит Жуковский.

³ «Харьковский Демокрит. Тысяча первый журнал» (январь—июнь 1816), издававшийся В. Г. Масловичем. В шестом номере была напечатана его пародия «Певец во стане эпикурейцев».

⁴ Игнатий Фесслер, немецкий писатель и религиозный деятель, основатель союза ученых масонов. В 1809 г. был приглашен М. М. Сперанским на должность профессора восточных языков и философии в Александрово-Невскую лавру и Санкт-Петербургскую Духовную академию. Но в 1810 г. вынужден был оставить кафедру. Затем служил в Комиссии составления законов, но обвиненный в атеизме был отправлен на житье в Саратовскую губернию. В 1815 г. был лишен профессорского содержания, возвращенного в 1817 г. Вероятно, вопрос Жуковского был связан с борьбой за возвращение этих прав Фесслеру.

⁵ О проекте Азиатской академии С. С. Уварова см. письма к А. И. Тургеневу от августа (примеч. 7) и от 4—5 декабря 1810 г. (примеч. 2, 5). В 1816 г. вслед за преобразованием Санкт-Петербургского педагогического института С. С. Уваров вызвал рекомендованных известным французским востоковедом Сильвестром де Саси его учеников Жака Франсуа Деманжа и Франсуа Бернара Шармуа, которые были приняты ординарными профессорами арабского, турецкого и персидского языков. Это способствовало развитию востоковедения в России. См.: Григорьев В. В. С.-Петербургский университет в течение первого пятидесятилетия его существования. СПб., 1870. С. 21.

⁶ Личность не установлена.

291.

А. П. Киреевской (Елагиной)

(С. 493)

Автограф неизвестен.

Копия неизвестна.

Впервые опубликовано: РС. 1883. № 9. С. 536—537, с пометой: «1816 г. 15-го сентября. Дерпт (?)».

Печатается по тексту первой публикации.

Д а т и р у е т с я: 15 сентября 1816 г.

¹ См. в письме к А. П. Елагиной от 4 июля 1816 г.: «Прошу быть осторожнее в Ваших ко мне письмах. Их без меня распечатывают. И едва последнее письмо Ваше не попало в руки».

² Цедергрэн (см. об этом письмо Жуковского к А. П. Елагиной от 23 октября 1816 г.). После письма от 15 сентября 1816 г. Жуковским было отправлено еще одно (несохранившееся) письмо, с которым Жуковский послал Елагиной «условие Цедергрэна, учителя». В ответном письме от 10 октября 1816 г. Елагина сообщила Жуковскому о том, что учитель для детей уже нанят (Переписка Ж. и Елагиной. С. 185—187).

³ Мещёвский Александр Иванович, поэт и переводчик, принадлежал к кружку поэтов Московского университетского Благородного пансиона. С Жуковским познакомил Мещёвского В. А. Азбукин; в 1809—1810 гг. в ВЕ (период, когда Жуковский был редактором) были опубликованы 4 стихотворения Мещёвского (см. о нем подробно: *Поплавская И. А.* Письма А. И. Мещёвского к В. А. Жуковскому // ЖИМ. Вып. 2. С. 410—421). В 1812 г. Мещёвский добровольно вступил в армию, за попытку дезертирства был разжалован в солдаты и сослан в Оренбургский гарнизонный полк (Жуковский назвал в письме Оренбург Сибирью). Судьба Мещёвского стала предметом особой заботы Жуковского и Вяземского. См.: *Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь*. Т. 4. М., 1999. С. 39—40 (статья Г. В. Зыковой); см. также письмо к А. П. Елагиной от 23 октября 1816 г. Мещёвский упомянут в целом ряде писем Жуковского 1816—1817 гг.: к А. П. Киреевской (Елагиной) от 23 октября и 7 ноября 1816 г., к А. И. Тургеневу от первой половины декабря (до 12-го) 1816 г., начала января, второй половины января 1817 г., к П. А. Вяземскому от 27 января 1817 г., к Д. Н. Блудову от 18 февраля 1817 г.

⁴ Возможно, имеется в виду Александр Васильевич Корсунский (Карсунский), двоюродный брат архимандрита Иакинфа (в миру Никита Яковлевич Бичурин), известного востоковеда, основателя российской синологии, с которым Корсунский вместе учился в Казанской духовной семинарии.

⁵ Письма Жуковского к А. А. Плещееву неизвестны.

292.

А. И. Тургеневу

(С. 494)

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 309. № 124 (старый шифр). Л. 322. Б. д.

Впервые опубликовано: РА. 1867. Кн. 5—6. Стб. 799—800; перепечатано: ПЖТ. С. 161—162.

Печатается по автографу.

Д а т и р у е т с я: первая половина сентября 1816 г.

Основанием для датировки являются письма Тургенева к Жуковскому от 4 и 19 сентября 1816 г. (Siegel. № 144. S. 338; № 146. S. 340) 4 сентября Тургенев просит написать «краткое письмо на имя Государя, которым ты посвятишь ему свои сочинения <...>. Чем скорее ты это исполнишь, тем лучше». А 19 сентября он сообщает: «Вчера прискакал я сюда и нашел письмо твое <...> Вероятно, в промежутке времени между этими письмами Жуковский написал это письмо к Тургеневу и приложенный к нему проект письма к императору (см. ниже).

¹ Имеются в виду «Стихотворения Василия Жуковского». Ч. 1—2. СПб., 1815—1816. Министр просвещения — князь А. Н. Голицын.

² Эти планы не были реализованы полностью. После кратковременного пребывания в Петербурге в декабре 1816 г. уже в самом начале января Жуковский уехал на свадьбу М. А. Протасовой и И. Ф. Мойера в Дерпт, где задержался до начала мая. В связи с назначением его учителем русского языка великой княгини Александры Федоровны вырваться в Белев ему не удалось.

³ Август Генрих Вейраух, композитор и поэт, живший в Дерпте. Он положил на музыку несколько стихотворений Жуковского. Подробнее см.: Eichstädt. S. 39—88. О взаимоотношениях двух поэтов см.: *Салупере М. Г. Жуковский и А. Вейраух // Ж. и русская культура. С. 449—454.*

293.

Императору Александру I

(С. 495)

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 309. № 124 (старый шифр). Л. 303 — черновой, с правкой А. И. Тургенева. Б. д.

Впервые опубликовано: РА. 1867. Кн. 5—6. Стб. 800—801; перепечатано: ПЖТ. С. 162—163.

Печатается по автографу.

Датируется: первая половина сентября 1816 г.

Основание датировки: письмо, адресованное Александру I, было написано под влиянием Тургенева, возможно по совету министра просвещения А. Н. Голицына. 4 сентября 1816 г. Тургенев писал Жуковскому, находившемуся в Дерпте: «Сделай одолжение, любезный друг, напиши краткое письмо на имя Государя, которым ты посвятишь ему свои сочинения и пришли письмо, набело переписанное ко мне, не говоря об этом никому — во всем пространстве этого слова. Чем скорее ты это исполнишь, тем лучше. <...> Оно должно служить только вместо адреса двум частям твоих сочинений, которые должны быть доставлены Государю» (Siegel. № 144. S. 338). Речь шла о только что появившихся «Стихотворениях Василия Жуковского». См. письма к А. И. Тургеневу от первой половины сентября и от 21 октября 1816 г. 28 октября Тургенев ответил на это письмо: «Письмо нужно было только для одной формы, я сократил его, да и намерен взять его назад, хотя уверен, что

до него дело не дойдет и что без него обойдется. Надобно только выбрать время» (Siegel. № 149. S. 346). Жуковский на эти слова друга отреагировал почти мгновенно в письме от 31 октября: «Я очень буду рад, если дело обойдется без письма моего. На что оно? Надобно получить одобрение Государя, а не выпросить. Это одобрение может быть прекрасным идеалом для поэта. Ничем этого идеала помрачить не должно» (см. наст. изд.). Первую публикацию этого письма, вероятно, И. А. Бычков, озаглавил «Проект письма Жуковского к Императору Александру Павловичу» (ПЖТ. С. 162).

¹ Ст. 438—440 из послания «Императору Александру» (1814). Ст. 438 начинался с союза «когда»: *Когда всё сладкое для сердца: честь, свобода...*

294.

П. А. Вяземскому

(С. 495)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1909. Л. 74—74 об. Б. д.

Публикуется впервые.

Датируется: сентябрь 1816 г.

Датировка предположительная: см. примеч. 6.

Адрес: «Его сиятельству князю Петру Андреевичу Вяземскому, в Москве, в Чернышовском переулке, в доме Наумова». На конверте штемпель: «Dorpat» (Л. 75).

¹ Мысль об издании журнала регулярно обсуждалась в кругу Арзамаса. О его программе Вяземский писал А. И. Тургеневу 27 сентября 1816 г. (ОА. Т. 1. С. 53). См. также статью Вяземского по поводу арзамасского журнала: Арзамас-2. Кн. 1. С. 459—461.

² Подразумевается журнал «Московский Меркурий» П. И. Макарова, издававшийся в 1803 г., где основной корпус материалов составляли литературно-критические статьи.

³ В. Л. Пушкин (см. о вспоминаемой далее ситуации примеч. 3 к письму к П. А. Вяземскому от 26 апреля 1816 г.).

⁴ Речь идет о послании В. Л. Пушкина «К ***» («Я грешен. Видно, мне кибитка не Парнас...»), переведенном Карлом Фридрихом фон ден Боргом и позднее включенном в состав антологии «Поэтические опыты русских» (*Borg K. F. v. d. Poetische Erzeugnisse der Russen. Ein Versuch. Bd. 1. Dorpat, 1820; Bd. 2. Riga; Dorpat, 1823.*)

⁵ Стихотворение В. Л. Пушкина «Вечер» («Нет боле сил терпеть! Куда ни сунься: споры...»), также включенное в антологию К. Ф. фон ден Борга.

⁶ Наиболее интенсивный период работы над балладой «Вадим», второй частью цикла «12 спящих дев», пришелся на 1—20 сентября 1816 г., что позволяет приблизительно датировать письмо. См.: ПССиП. Т. 3. С. 342—347. Комментарий Н. Ж. Вётшевой.

295.

А. И. Тургеневу

(С. 497)

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 309. № 124 (старый шифр). Л. 333.

Впервые опубликовано: РС. 1901. Т. 106. Апрель—июнь. С. 131—132.

Печатается по автографу.

Датируется: 2 октября 1816 г.

Адрес: «Его превосходительству Александру Ивановичу Тургеневу. В Санктпетербурге. На Фонтанке, в доме к<нязя> Александра Николаевича Голицына». Почтовый штампель: «Dorpat» (Л. 334).

¹ Речь идет о деле братьев Воейковых, о котором Жуковский писал Тургеневу еще 24 августа (см. наст. изд.).

² «Искушение» — первоначальное заглавие баллады «Вадим», второй части стихотворной повести «Двенадцать спящих дев». Закончена 29 июня 1817 г. В С 2—5 печаталась с посвящением Д. Н. Блудову. Подробнее см.: ПССиП. Т. 3. С. 337—348.

³ Н. М. и Е. А. Карамзиным.

⁴ О пасторе Берге см. примеч. 1 в письме к А. И. Тургеневу от начала июня 1816 г.

⁵ См. книгу К. Э. Берга «Briefe über eine magnetische Kur von einem Livländischen Landprediger...» (Dorpat, 1816. S. 5—22 — история пациентки U...).

⁶ Граф Георг Рейнхольд Дунтен.

296.

А. И. Тургеневу

(С. 498)

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 309. № 124 (старый шифр). Л. 311—311 об. Б. г.

Впервые опубликовано: РА. 1867. Кн. 5—6. Стб. 801—806; перепечатано: ПЖТ. С. 163—165.

Печатается по автографу.

Датируется: 21 октября 1816 г.

Год определяется по сообщению о переводе из Гебеля («Овсяный кисель», перевод закончен в начале ноября 1816 г.: ПССиП. Т. 2. С. 453. Комментарий И. А. Айзиковой).

¹ «Певец в Кремле» закончен 1 ноября 1816 г. (подробнее см.: ПССиП. Т. 2. С. 458—461. Примечания Н. В. Серебренникова).

² Имеется в виду послание «Императору Александру». Начало работы над «Певцом...» относится к 12 декабря 1814 г.

³ Т. е. вышеприведенным письмом к императору Александру I.

⁴ Александр Иванович Ковальков, неродной племянник и воспитанник И. В. Лопухина, переводчик и прозаик. Печатался в журнале «Друг юношества» М. И. Невзорова. Автор книги «Плод сердца, полюбившего истину...» (М., 1811) и «Мистических творений» (Ч. 1—2. Орел, 1815). После смерти Лопухина переехал в Петербург. Вероятно, в результате хлопот Жуковского и Тургенева в 1817 г. занял должность помощника столоначальника по учебной части Главного правления училищ. Ему покровительствовал князь А. Н. Голицын. Подробнее см.: Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. Т. 2. М., 1992. С. 579—580 (статья С. И. Панова).

⁵ Впоследствии это заглавие получила вся «Старинная повесть в двух балладах», а первая часть стала называться «Громобой». Об «Искуплении» см. примеч. 2 в письме к А. И. Тургеневу от 2 октября 1816 г.

⁶ Идиллия «Овсяный кисель», перевод стихотворения «Das Habermuß» немецкого поэта И. П. Гебеля. Жуковский познакомил с этим произведением друзей-арзамасцев на одном из заседаний Общества в конце декабря 1816 г., после возвращения из Дерпта (Арзамас-2. Кн. 1. С. 380).

⁷ Вместо виньеты Оленина при первом издании «Певца...» (СПб.: В Медицинской типографии, 1816) на титульном листе был напечатан рисунок Ф. Я. Алексева «Вид Кремля» (гравюра резцом С. Ф. Галактионов). В журнале СО (1817. Ч. 35. № 2. С. 69—75) рецензент особо отмечал высокое качество гравюры.

⁸ Граф Франсуа (Франц) Габриэль де Брей (Брэ), историк, дипломат; в 1814—1819 гг. баварский посланник в Петербурге. Как явствует из воспоминаний К. К. Зейдлица, Жуковский познакомился с ним в Дерпте, когда Брей жил у своего тестя Лёвенштерна. Жуковский помогал ему в работе над историческим сочинением *Essai critique sur l'histoire de la Livonie, suivi d'un tableau de l'état actuel de cette province*. Т. 1—3 (Dorpat, 1817), перевода «некоторые страницы из истории Карамзина» (Ж. в воспоминаниях. С. 52). В библиотеке поэта сохранилось это сочинение с дарственной надписью автора в первом томе (Описание. № 725). В письме от 28 октября Тургенев сообщал: «Я давно уже познакомился с фамилиею де Бре и точно для того недавно еще раз был у них, что они говорят часто о тебе. Третьего дня дала она мне твои стихи: очаровательное Там. Но еще я не успел прочно с ней познакомиться» (Siegel. № 149. S. 347).

⁹ Имеется в виду брат Карла Петерсена Георг Густав (Евстафий Федорович), юрист, впоследствии лифляндский губернский прокурор. Подробнее о нем, Тидебеле (см. примеч. 11) и скандале на юридическом факультете Дерптского университета Жуковский говорит в письме к А. И. Тургеневу от 31 октября 1816 г. (см. наст. изд.).

¹⁰ Вальтер и Вебер — доктора Дерптского университета. Сведений о них обнаружить не удалось. С ними была связана ставшая общеизвестной скандальная история с незаконным присуждением в 1816 г. докторской степени. См.: *Петухов Е. В. В. А. Жуковский в Дерпте (1815—1817) // Сборник в память Н. В. Гоголя и В. А. Жуковского. Юрьев, 1902. С. 175.*

¹¹ Иоганн Генрих Тидебель, адвокат, учился на юридическом факультете Дерптского университета (1803—1805), обер-секретарь магистрата в г. Ревель и чиновник при ревельском генерал-губернаторе (1811—1820).

¹² 25 мая 1816 г. Совет университета писал в Министерский комитет: «Настоящее положение университета требует разрешения. Неоднократно пытался университет вызывать на праздные места известных по своим способностям иностранных ученых, но тщетно; никто не хотел принять на себя сего звания, по скудному жалованью. Институты должны частью рушиться, или хотя иные и могут продержаться, но только с крайнею нуждою, поелику положенной на содержание их штатной суммы уже недостаточно» (Императорский Юрьевский, бывший Дерптский, университет за сто лет его существования (1802—1902). Т. 1: Первый и второй периоды (1802—1865) / Исторический очерк Е. В. Петухова. Юрьев, 1902. С. 317—318).

297.

П. А. Вяземскому

(С. 500)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1909а. Л. 29—29 об. Б. г.

Публикуется впервые.

Датируется: 23 октября 1816 г.

Год определяется по дате возвращения Жуковского из Дерпта в Петербург.

¹ Жуковский вернулся в Петербург около 13 декабря 1816 г.

² Готовясь ко вступлению в статскую службу, Вяземский просил А. И. Тургенева найти хорошее место, для чего, по совету друга, нужно было сдать экзамен на должность. Осенью 1816 г. Вяземский готовился к сдаче экзамена перед профессорами Московского университета.

³ См. письмо к П. А. Вяземскому от сентября 1816 г.

⁴ Речь, очевидно, идет о подготовке к 15 ординарному заседанию Арзамаса, которое состоялось 11 ноября 1816 г.

⁵ Возможно, речь идет о вышедшем в свет переводе поэмы Жака Делиля «Сады»: *Делиль Ж. Сады, или Искусство украшать сельские виды* / Пер. А. Воейков. СПб.: Медицинская тип., 1816.

⁶ Скорее всего, имеется в виду стихотворение «Овсяный кисель», перевод из И. П. Гебеля (см. примеч. 6 к письму к А. И. Тургеневу от 21 октября 1816 г.).

⁷ «Певца в Кремле» (см. письмо к А. И. Тургеневу от 21 октября 1816 г., примеч. 1.)

⁸ Подразумевается баллада «Вадим» (см. письмо к А. И. Тургеневу от 21 октября 1816 г., примеч. 5).

298.

А. П. Киреевской (Елагиной)

(С. 501)

Автограф неизвестен.

Копия: РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. № 1040. Л. 18—19 об. О копиях (наборная рукопись РС) см. письмо к А. П. Елагиной от июля 1813 г.

Впервые опубликовано: РС. 1883. № 9. С. 537—539, с пометой: «(Дерпт. Октября 23-го, 1816 г.)».

Впервые полностью: Переписка Ж. и Елагиной. С. 190—191.

Печатается по копии.

Датируется: 23 октября 1816 г.

¹ Об А. И. Мещёвском см. письмо Жуковского к А. П. Елагиной от 15 сентября 1816 г. (примеч. 3). Елагина ответила на это письмо 10 октября 1816 г., но Жуковский ее ответ еще не получил. В нем она писала о материальной помощи ссыльному: «Благодарствуйте <...> за письмо Мещёвского. На этих днях мы посылаем ему, что теперь можем; будем еще собирать...» (Переписка Ж. и Елагиной. С. 188).

² Об этом учителе для детей Елагиной говорилось в письме Жуковского от 15 сентября 1816 г., следующее же после него письмо, с «условием Цедергрена», не сохранилось. Далее в письме от 23 октября Жуковский дает краткий пересказ своего письма в том, что касалось Мещёвского и Цедергрена.

³ Речь идет о письме Елагиной от 30 сентября 1816 г. с помянутыми чертей и проч. (Там же. С. 180—183).

⁴ Это письмо к А. П. Зонтаг не сохранилось.

⁵ Имеется в виду мешок с бурными встречными ветрами, подаренный Эолом Одиссею.

⁶ Об А. В. Корсунском см. примеч. 4 к письму Жуковского к А. П. Елагиной от 15 сентября 1816 г.

⁷ Об активном участии Жуковского в поисках учителя для детей А. П. Киреевской (Елагиной) были осведомлены все родные. Так, Маша Протасова 29 октября 1816 г. писала ей из Дерпта: «...а жаль, что Cedegrün не у тебя, его чрезвычайно хвалят» (УС. С. 180). Как известно, к этому времени Авдотья Петровна уже «взяла в учителя» некоего Вагнера, чем был обеспокоен не только Жуковский (см. его письмо от 7 ноября 1816 г.), но и Маша Протасова, узнавшая о круге чтения Вагнера и писавшая в Долбино подруге: «Коли бы ты знала, как мне страшно за вас» (Там же. С. 186). Жуковский даже сделал попытку разделить преподавательские функции между двумя учителями, но, вероятно, этот проект не увенчался успехом. Карл Иванович Вагнер продолжал и в дальнейшем занятия с детьми Елагиной. Больше упоминаний о Цедергене в переписке Жуковского нет.

⁸ По словам Зейдлица, «А. И. Тургенев и Кавелин <...> хотели упрочить положение его и для того поднести сочинения его государю вместе с отдельно изданным стихотворением “Певец в Кремле”, к которому Жуковский должен был прибавить кое-что в виде приветствия к государю» (ЖМНП. 1869. Ч. 143. Май. С. 77).

⁹ В конце письма Жуковский упоминает А. П. Зонтаг, Е. П. и В. А. Азбукиных («великанчик Вася») с дочерью Дуняшей, М. В., И. В. и П. В. Киреевских, а также М. А. и Е. И. Черкасовых («...в Володьково <...> двух родных своих...»).

¹⁰ Далее следует приписка А. А. Воейковой:

Дуняша, друг мой! Ты спрашиваешь у меня об Жуковском. Он, слава Богу, здоров, кланяться тебе приказал.

Ангел милый, пиши ко мне, душечка! а я на той почте пошлю к тебе свое письмо, а ты в Жуковского пакете пиши ко мне.

299.

А. И. Тургеневу

(С. 502)

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 309. № 124 (старый шифр). Л. 305—306. Б. г.

Впервые опубликовано: РА. 1867. Кн. 5—6. Стб. 806—810 с пометой: «31 октября (1816)»; перепечатано: ПЖТ. С. 165—167.

Печатается по автографу.

Датируется: 31 октября 1816 г.

Год определяется по дате письма А. И. Тургенева от 28 октября 1816 г., ответом на которое является это письмо.

¹ Цитата из письма А. И. Тургенева к Жуковскому от 28 октября 1816 г. (Siegel. № 149. S. 347).

² А. И. Тургенев писал в цитированном выше письме: «Карамзин, кажется, любил меня» (Ibid.)

³ Впервые свой жизненный принцип «жить как пишешь» Жуковский сформулировал на страницах дерптского дневника, адресованного Маше Протасовой, 15 сентября 1814 г. Он писал: «Вот мой кодекс. *Писать* (и при этом правило — жить, как пишешь, чтобы сочинения были не маска, а зеркало души и поступков)...» (ПССиП. С. 91. Курсив Жуковского).

⁴ Арзамасский патриарх — Н. М. Карамзин. Первый том его «Истории государства Российского» был напечатан в Военной типографии, директором которой был С. К. Вязмитинов. Но со второго тома «История...» стала выходить в Медицинской типографии, директором которой был Д. А. Кавелин. Комментируя эту ситуацию, А. И. Тургенев в вышеупомянутом письме от 28 октября замечал: «Карамзин имел неудовольствие по военной типографии, ибо начальник ее варвар, и, как говорит брат Николай, хам. Но князь <А. Н. Голицын> доложил государю и освободил Историю от цензуры. Теперь она будет печататься в медиц<инской> типографии, где можно положить на просвещенную ревность доброго Кавелина» (Siegel. № 149. S. 346).

⁵ «Ковальков давно здесь, и из благодарности к князю я должен был уступить ему удовольствие ему благодетельствовать. Он печется о нем, как второй Ив<ан> Вл<адимирович> <Лопухин>, определяет его к себе в Мин<истерство> просв.<ещения>, дал ему квартиру у своей приятельницы Н. Ф. Плещеевой и любил его искренно <...>. Никогда завещание не было исполняемо с такою точностью» (Ibid. S. 347).

⁶ Имеется в виду князь А. Н. Голицын. Его домовая церковь на Фонтанке против Михайловского замка, освященная Филаретом в 1812 г., была известна в тогдашнем петербургском обществе. Такая признательность Жуковского князю была вызвана той заботой, которой он окружил А. И. Ковалькова.

⁷ Н. И. Тургенев был принят в «Арзамас» под прозвищем «Варвик» 24 февраля 1817 г. В его лексиконе «хам» — символ подлости и крепостничества.

⁸ Кроме «Овсяного киселя» Жуковский перевел из Гебеля стихотворения «Утренняя звезда», «Тленность», «Деревенский сторож в полночь», которые вошли в 1818 г. в авторский альманах Жуковского «Für wenige. Для немногих» (№ 3—4).

⁹ Третий том «Стихотворений Василия Жуковского» не вышел.

¹⁰ «Певец в Кремле» был издан отдельной книгой в конце 1816 г. (СПб.: Медицинская типография).

¹¹ Старинная повесть «Двенадцать спящих дев», включившая две баллады: «Громобой» и «Вадим», была издана отдельной брошюрой в 1817 г. там же.

¹² 28 октября А. И. Тургенев, в частности, писал Жуковскому по поводу письма к императору: «Письмо нужно было только для одной формы, я сократил его, да и намерен взять его назад, хотя уверен, что до него дело не дойдет и что без него обойдется. Надобно только выбрать время» (Siegel. № 149. S. 346). Подробнее см. примечания к письму императору Александру I в наст. изд.

¹³ О Тидебеле, Вальтере, Вебере и связанной с ними скандальной истории в Дерптском университете см. примеч. 10—12 к письму к А. И. Тургеневу от 21 октября 1816 г.

¹⁴ Дерптский профессор теоретической и экспериментальной физики Георг Фридрих (Егор Иванович) Паррот. Подробнее об отношении Жуковского к трудам Паррота см. в его статье: «О новой книге [Паррота: *Entretiens sur la Physique*]» ПССиП. Т. 11/1. С. 57, 645. Комментарий Н. Ж. Вётшевой.

¹⁵ Имеется в виду дерптский профессор Лоренц Эверс, адресат послания «Старцу Эверсу» (1815).

¹⁶ Иоганн Филипп Густав Эверс, профессор русской истории Дерптского университета, с 1818 г. его ректор. Сочинение Эверса-младшего «*Vom Ursprunge der Russischen Staates*» (Riga u. Leipzig, 1808) вызвало критику А. Л. Шлёцера в пятой части его «Нестора» (S. XVI—XXV). Во время пребывания в Дерпте Жуковский слушал лекции Г. Эверса. В его библиотеке имеются труды историка с многочисленными записями и дарственными надписями (Описание. № 1005—1007).

¹⁷ Иоганн Христиан (Иван Филиппович) Мойер, с 1814 по 1836 г. профессор хирургии Дерптского университета. 14 января 1817 г. женился на М. А. Протасовой. Пользовался большим уважением за свое благородство, широкое классическое образование и музыкальный талант.

¹⁸ О Брее см. примеч. 8 к письму к А. И. Тургеневу от 21 октября 1816 г.

300.

С. П. Жихареву

(С. 505)

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 309. № 124 (старый шифр). Л. 328. Б. г.

Впервые опубликовано: РА. 1867. Кн. 5—6. Стб. 810—811; перепечатано: ПЖТ. С. 167—168.

Печатается по автографу.

Датируется: 31 октября 1816 г.

Адрес: «Степану Петровичу господину Жихареву» (Л. 320).

Год определяется по содержанию письма.

Первое известное в печати эпистолярное послание к другу юности, арзамасцу, мемуаристу С. П. Жихареву (не считая письма, адресованного Жихареву и Тургеневу). Оно было отправлено вместе с письмом к А. И. Тургеневу от 31 октября (см. выше) и носило прикладной характер, связанный с делом о получении дворянства В. А. Азбукиным, незаконным сыном А. И. Протасова. Переписка с Жихаревым возобновится позднее и приобретет драматический характер в связи с неблагоприятным поведением Жихарева по отношению к имущественным делам семейства Тургеневых.

¹ Громобой, арзамасское прозвище Жихарева, данное ему по заглавию одноименной баллады Жуковского (первой части стихотворной повести «Двенадцать спящих дев»). Слова: «Уж и впрямь, не отдал ли ты дьяволу душу?» — отсылают к ее содержанию.

301.

А. И. Тургеневу

(С. 505)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 152. Л. 11—11 об. Б. г.

Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 168—169.

Печатается по автографу.

Датируется: 6 ноября 1816 г.

Год определяется по сообщению об отсылке законченного стихотворения «Певец в Кремле» (1 ноября 1816 г., см.: ПССиП. Т. 2. С. 459).

¹ «Певец в Кремле».

² Жуковский говорит о соотношении «Певца во стане русских воинов» и «Певца в Кремле».

³ Граф Николай Петрович Румянцев, государственный деятель, канцлер, известный коллекционер, основатель Румянцевского музея.

⁴ Титулом, т. е. названием стихотворения. В процессе работы над стихотворением его название менялось: «Восточный Певец», «Песнь на торжество», «Певец на Кремле. В день Рождества Спасителя и воспоминания о спасении России»; см.: ПССиП. Т. 2. С. 461. Комментарий Н. В. Серебренникова.

⁵ С Н. М. Карамзиным.

⁶ Мартин Асмус, педагог, поэт и издатель, один из самых близких дерптских друзей Жуковского. Подробнее см.: *Салупере М. Г. Жуковский и М. Асмус // Ж. и русская культура.* С. 437—444.

302.

А. П. Киреевской (Елагиной)

(С. 506)

Автограф неизвестен.

Копия: РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. № 1040. Л. 20—25 об., с пометой: «7 ноября. (Дерпт, 1816)». О копиях (наборная рукопись РС) см. письмо к А. П. Елагиной от июля 1813 г.

Впервые опубликовано: ЖМНП. 1869. Ч. 143. Май. С. 76, 78; РС. 1883. № 9. С. 539—544, с той же пометой.

Впервые полностью: Переписка Ж. и Елагиной. С. 192—196.

Печатается по копии.

Датируется: 7 ноября 1816 г.

Ответ на письмо Елагиной от 10 октября 1816 г., в котором сообщалось об обстоятельствах появления К. И. Вагнера в качестве учителя ее детей (Переписка Ж. и Елагиной. С. 184—190). См. примечания к письму от 23 октября 1816 г., в котором Жуковский предлагал Елагиной взять дерптского «педагогуса» Цедергрена.

¹ О Вагнере Елагина сообщала: «...граф Тизенгаузен, с которым он ездил по свету, был с ним *дружен* до смерти» (Переписка Ж. и Елагиной. С. 185). Кто из рода графов Тизенгаузенов имелся в виду, неизвестно. Среди остзейских знакомых семейства Мойеров были бароны Тизенгаузены, в пансионе которых воспитывалась дочь И. Ф. Мойера (см.: *Безр М. В. Семейная хроника Елагиных-Безр // Русский архив*. Новая серия. М., 2005. Т. 14. С. 324—325).

² Ср. в письме Елагиной: «Французский же язык, географию, историю и прочие, единственно *на чтении* основанные науки — стыдно, ежели бы я не умела показать их сама» (Там же. С. 186).

³ В письме Елагина делилась с Жуковским огорчениями в связи с ее попыткой завязать переписку с Машей, не стесненную цензурой Е. А. Протасовой: «Уговорите их, милый друг, не отвечать мне, если они мною недовольны <...>. Мое сердце не переменится, им можно мне верить и начать жить вместе *без прошедшего...*» (Там же. С. 185; см. также ее письмо от 30 сентября 1816 г.: Там же. С. 180—183).

⁴ В «планах», изложенных в письме Елагиной, говорилось о покупке для Жуковского имения вблизи Белева и какой-то «немке»: «И если бы я была вашей немкой, я сказала бы: “Жуковский! Давайте поселимся рядом с вашей сестрой”» (Там же. С. 190). Подробнее о личности этой «немки» — предполагаемой кандидатуры на роль жены Жуковского см. подробно в примеч. 10 к письму Жуковского к А. П. Зонтаг от 4 февраля 1817 г.

⁵ О женихе А. П. Юшковой, американце на русской службе Егоре Зонтаге (ее свадьба состоялась в 1817 г.), Елагина сообщала в письме от 10 октября 1816 г.

⁶ Свадьба М. А. Протасовой и И. Ф. Мойера состоялась 14 января 1817 г.

⁷ Речь идет о хлопотах В. А. Азбукина по поводу получения им свидетельства о дворянстве. «*Верный человек* в Петербурге для ходатайства», которому писал

о возвращении бумаг Азбукина Жуковский, — С. П. Жихарев (см. письмо к нему от 31 октября 1816 г. и примечания).

⁸ Письмо Елагиной к Жуковскому от 10 октября 1816 г. содержало сообщение о посылке каких-то «картин», по поводу которой Елагина даже сожалела об отсутствии у нее способности «скупиться» (Переписка Ж. и Елагиной. С. 188). «Картинки» были связаны с долбинским кружком, в тот момент уже «рассыпавшимся»; среди упомянутых «собирателей» картинок можно указать предположительно на покойного В. И. Киреевского («...одного из собирателей нет на свете...»), И. Ф. Мойера, с которым Елагина уже завела переписку («...обрадуют прекрасного человека...»), А. Ф. Воейкова («...они достанутся человеку, который для нас совершенно чужой...»).

⁹ См. письма Жуковского к А. П. Елагиной от 15 сентября и 23 октября 1816 г., а также примечания. Елагина писала ему о Мещёвском и «благословенной Поэзии» 10 октября 1816 г. (Там же. С. 188—189).

¹⁰ Имеется в виду «Певец в Кремле», заверченный 1 ноября 1816 г., и «Вадим» (1810—1817).

¹¹ В конце письма Жуковский поминает детей Елагиной, Н. А. Азбукину, И. Н. и Е. В. Гриневу (и кого-то из их семейства, прозванного «Архиерей»).

¹² «Там небеса и воды ясны...» (сентябрь—октябрь 1816 г.), вольная переработка романа из повести Ф.-Р. де Шатобриана «История последнего из Абенсеражей» (1810; см.: ПССиП. Т. 2. С. 457—458. Комментарий И. А. Поплавской). По мнению П. А. Висковатова, при посмертной публикации стихотворения «следовало бы поставить “К Родине” (посв. Авд. Петр. Киреевской)» (РС. 1883. № 9. С. 544).

¹³ Жуковский так и не перевел последней, пятой, строфы Шатобриана; стихотворение было опубликовано посмертно в 1853 г.

¹⁴ Стихотворение «Весеннее чувство» датируется началом апреля 1816 г. (ПССиП. Т. 2. С. 448. Комментарий И. А. Поплавской). Публикуя этот отрывок письма, Зейдлиц вставил в него имя автора романа А. Г. Вейрауха (ЖМНП. 1869. Ч. 143. Май. С. 76; см. также: *Салупере М. Г. Жуковский и А. Вейраух // Ж. и русская культура. С. 452).*

303.

А. И. Тургеневу

(С. 510)

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 309. № 124 (старый шифр). Л. 324. Б. д.

Впервые опубликовано: РС. 1901. Т. 106. Апрель—июнь. С. 133—134, с пометой: «В конце (после 6-го ноября) 1816 г. Дерпт».

Печатается по автографу.

Датируется: первая половина (после 6-го) ноября 1816 г.

Адрес: «Его превосходительству Александру Ивановичу Тургеневу. В Санктпетербурге. На Фонтанке, в доме князя Александра Николаевича Голицына». Почтовый штампель: «Dorpat» (Л. 339).

¹ Имеется в виду ст. 165 из «Певца в Кремле», аллегория свободы и просвещения. В окончательной редакции текста стих остался без изменения.

² Н. М. Карамзину.

³ Хотя последние строфы «Певца в Кремле» были дописаны 1 ноября 1816 г., основная работа над произведением относится к концу 1814 — началу 1815 г. Примечание к первому (отдельному) изданию 1816 г. гласит: «Сии стихи написаны в конце 1814 года. Автор представляет *певца русских воинов*, возвратившегося на родину и поющего песнь освобождения на Кремле, среди граждан московских, в виде жертвы, принесенной за отчизну и в тот самый день <25 декабря>, когда торжествующая Россия преклоняет с благодарностью колена пред Промыслом, спасшим чрез нее народы Европы и все блага свободы и просвещения» (Певец в Кремле. СПб: Медицинская типография, 1816).

⁴ Н. П. Румянцев просил книгу дерптского историка Георга Фридриха Паррота «Biographische Notizen über A.C. Lehrberg», посвященную жизни известного немецкого историка Аарона Христиана Лерберга, автора сочинения «Untersuchungen zur Erläuterung der ältern Geschichte Rußlands» (SPb., 1816). Обе книги имеются в библиотеке Жуковского (Описание. № 1515, 1810). Сочинение Лерберга под заглавием «Исследования, служащие к объяснению древней русской истории, А. Х. Лерберга» было переведено Д. И. Языковым и вышло в Петербурге в 1819 г. К переводу были приложены «Биографические известия о А. К. Лерберге» Г. Ф. Паррота. Издано на счет графа Н. П. Румянцева. Известно, что Жуковский отредактировал перевод по просьбе Румянцева (см. письмо к А. И. Тургеневу от середины января 1817 г.).

⁵ Историк Иоганн Филипп (Филипп Иванович) Круг был издателем вышеуказанного сочинения Лерберга.

304.

А. П. Юшковой (Зонтаг)

(С. 511)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) ОР РНБ. Оп. 2. № 444. Л. 2—3 об. — рукою А. П. Елагиной. Б. д., с пометой: «(1816)».

2) РО ИРЛИ. Архив Грота. № 16000. Л. 1об. — 2 — рукою А. П. Зонтаг. Б. д.

Впервые опубликовано: Грот. С. 3—4; УС. С. 88—89.

Печатается: по тексту первой публикации со сверкой по копиям.

Датируется: конец ноября (около или после 21-го) 1816 г.

В публикации Грота (копия № 2) письмо датировано по примечанию А. П. Зонтаг, предшествующему его тексту: «Года и числа не означено, но оно было писано в 1816 году, осенью». В публикации УС (копия № 1) эта датировка уточнена из релий: в письме упомянуто окончание работы Жуковского над стихотворной повестью «Красный карбункул» (21—26 октября 1816 г.: ПССиП. Т. 4. С. 402) и «Певцом

в Кремле» (рукопись «Певца» была отослана А. И. Тургеневу для печатания в письме от 6 ноября 1816 г. — см. наст. изд.). Эту датировку можно локализовать на основе упоминания о близком завершении работы над старинной повестью в двух балладах «Двенадцать спящих дев». Судя по датам в «Книге Александры Воейковой» (РО ИРЛИ. № 27807), периодами особенно интенсивной работы Жуковского над текстом баллады «Вадим» были сентябрь и конец ноября; после этого он вернулся к балладе только в июне 1817 г. Единственная ноябрьская дата 1816 г. в черновом автографе «Вадима» — «21 ноября» (Л. 27 об., строфа № 16. См.: ПССиП. Т. 3. С. 346. Комментарий Н. Ж. Вётшевой).

¹ В публикации УС с разночтением: «сестра». В копии Зонтаг обращение по имени: «Анета»

² ... *сказал Вам много пустого...* — В копии Зонтаг с разночтением: «много сказал Вам пустого». Американские мотивы в письме Жуковского — отклик на известие о сватовстве Егора Васильевича Зонтага, американца на русской службе. Подробные сведения о нем и его служебной карьере см.: Грот. С. 5.

³ В копии Зонтаг разночтение в устойчивом обороте *медь звенящая и кимвал бряцай*: «кимвал звяцай».

⁴ Имеется в виду Е. А. Протасова.

⁵ Намек относится к обстоятельствам брака А. П. Юшковой, на руку которой было два претендента — москвич и американец на русской военной службе. Эти обстоятельства подробно описаны в «Воспоминаниях» Е. И. Елагиной (урожд. Мойер): «...расскажу о том, как вышла замуж Анна Петровна <...>. Она слыла в семье за благоразумную, не увлекающуюся, не романтическую и дожила до 1816 года в девушках. За нее посватался некто Егор Васильевич Вражский; она дала слово и свадьба должна была быть в Москве. Вдруг в декабре приезжает в Орел Егор Вас<ильевич> Зонтаг, американец в русской морской службе, познакомился с Марьей Никол<аевной> Свечиной, которая показала ему портрет Анны Петр<овны>, говоря: “Вот Вам бы жениться”. Он пленился и тотчас же поехал в Мишенское. Там после обеда стали загадывать слова, давая друг другу смешанные буквы; он подал Анне Петр<овне> (portrait) портрет. Она отгадала и подала ему оригинал (original). Он отгадал и поцеловал ручку сперва у невесты, потом у ее двух сестер, рекомендуя себя женихом. И вот 7 января тетенька вышла за него. Это было в 1817 году» (*Елагина Е. И. Семейная хроника // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2005. Т. XIV. С. 308*). Из контекста письма ясно, что А. П. Юшкова, первоначально склонявшаяся к Вражскому и описавшая его семью, просила у Жуковского совета.

⁶ ...*доброй Москве...* — В копии Зонтаг с разночтением: «родной Москве».

⁷ В публикации Грота ошибочное примечание: «Разумеется семья Зонтаг, в которую вскоре вступила А. П.». Этот пассаж относится к семье Вражских.

⁸ ...*Вы с собой туда принесете* — В копии Зонтаг с разночтением: «Вы с собой туда внесете».

⁹ О «belle allemande» см. примечание к письму Жуковского к А. П. Зонтаг от 4 февраля 1817 из Дерпта.

¹⁰ Имеются в виду А. П. Елагина и Е. П. Азбукина.

¹¹ В сказках заключаются народные мнения; суеверные предания дают понятие о нравах их и степени просвещения — Так в копии Елагиной и публикации УС. В копии Зонтаг и публикации Грота разночтение: «В сказках этих таятся народные мнения; суеверные предания дают понятия о нравах народа и степени просвещения».

¹⁰ Имеется в виду повесть «Красный карбункул» (датируется 21—26 октября 1816 г.: ПССиП. Т. 4. С. 404. Комментарий И. А. Поплавской).

305.

А. И. Тургеневу

(С. 512)

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 309. № 124 (старый шифр). Л. 324. Б. д.

Впервые опубликовано: РС. 1901. Т. 106. Апрель—июнь. С. 134, с пометой: «В конце 1816 г. (после 6-го ноября). Дерпт».

Печатается по автографу.

Датируется: конец ноября 1816 г.

Датировка предположительная.

Адрес: «Его превосходительству Александру Ивановичу Тургеневу. В Санкт-петербурге. На Фонтанке, в доме князя Александра Николаевича Голицына». Почтовый штемпель: «Dorpat» (Л. 325).

¹ Письмо не сохранилось.

² Арзамасское прозвище С. П. Жихарева.

³ «Первое письмо» С. П. Жихареву было приложено к письму к А. И. Тургеневу от 31 октября 1816 г. (см. наст. изд.).

⁴ См. письмо к А. И. Тургеневу от 6 ноября 1816 г. (примеч. 6).

306.

А. И. Тургеневу

(С. 513)

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 309. № 124 (старый шифр). Л. 313. Б. д.

Впервые опубликовано: РА. 1867. Кн. 5—6. Стб. 811—812. Перепечатано: ПЖТ. С. 169 с пометой: «В начале 1817. Дерпт».

Печатается по автографу.

Датируется: первая половина декабря (до 12-го) 1816 г.

Адрес: «Его превосходительству Алксандру Ивановичу Тургеневу. В Санктпетербурге». Л. 314. Под адресом приписка: «Собери Арзамас и отдай Блудову приложенную бумагу для прочтения».

Есть все основания датировать письмо первой половиной декабря 1816 г., так как в нем присутствует намек на слухи о наградах, пожалованных Жуковскому Александром I в декабре 1816 г. (рескрипт о награждении перстнем — от 16 декабря, рескрипт о назначении пожизненного пенсионера — от 30 декабря 1816 г.: последний прочитан написавшим его А. И. Тургеневым на 17 заседании «Арзамаса» 6 января 1817 г. в присутствии Жуковского (см.: Арзамас-2. Кн. 1. С. 384—385). В письме от 31 декабря 1816 г. Н. М. Карамзин сообщал И. И. Дмитриеву: «Вот тебе на новый год новость: добрый государь пожаловал Жуковскому 4 000 р. пенсии и перстень с шифром» (Письма Карамзина к Дмитриеву. СПб., 1866. С. 203). 12 декабря 1816 г. Жуковский писал М. Н. Свечиной: «Я сейчас еду в Петербург, где пробуду не более трех недель»; а в письме к А. П. Елагиной от 2 января 1817 г. он сообщает: «Через три дни еду обратно в Дерпт» (см. наст. изд.).

¹ Рейн, арзамасское прозвище Михаила Федоровича Орлова, известного генерала, будущего члена «Союза Благоденствия». Официальное вступление М. Ф. Орлова в «Арзамас» произошло на заседании 22 апреля 1817 г. Его вступительная речь дала толчок к обновлению Общества (Арзамас. Кн. 1. С. 402—408). Но слухи о вступлении Орлова в «Арзамас» под прозвищем Рейн распространились гораздо раньше. Еще 25 февраля Н. И. Тургенев сообщал брату Сергею о принятии на ближайшем заседании Орлова в «Арзамас» (Там же. С. 394).

² Об участии Жуковского в судьбе Александра Ивановича Мещёвского см. письмо Жуковского к А. П. Елагиной от 15 сентября 1816 г. (примеч. 3). Ссылный поэт стал поистине «приемышем Арзамаса». В письмах к друзьям-арзамасцам и родственникам Жуковский постоянно говорил о нем, а около 25 марта 1817 г. Жуковский направил в «Арзамас» послание под названием «В Общее собрание Нового Арзамаса от действительного Секретаря Его Превосходительства всепокорнейшее завывание», призывающее арзамасцев помочь Мещёвскому изданием его произведений (см.: ПССиП. Т. 11/1. С. 52—53, 643. Комментарий А. С. Янушкевича). В течение всего 1817 г. в письмах к А. И. Тургеневу, Кавелину, Вяземскому, Карамзину Жуковский предлагает различные проекты помощи ссылке поэту.

³ Имеется в виду драматург А. А. Шаховской, автор комедии «Урок дочкам, или Липецкие воды», представление которой стало поводом к созданию «Арзамаса». Образ Шаховского-Шутовского в кругу арзамасцев стал символом литературной архаики.

⁴ Упоминание рядом с Шаховским имени французского писателя-острослова Антуана де Ривароля было связано, вероятно, с пародийными аспектами комедий русского драматурга и его претензиями на острословие.

⁵ Писем Вяземского и копии письма Д. И. Герценберга к Вяземскому при письме Жуковского не обнаружено. Генерал-майор Данила Иванович Герценберг, с 1804 по 1816 г. шеф Оренбургского гарнизонного полка, покровительствовал А. И. Ме-

щёвскому (см.: *Роскина Н. А.* Послание «К артельным друзьям и его автор. I. Новое о поэте А. И. Мещёвском // ЛН. Т. 60. Декабристы-литераторы. Кн. 1. М., 1956. С. 540).

⁶ См. примеч. 6 к письму Жуковского к А. И. Тургеневу от 6 ноября 1816 г.

⁷ Речь идет о пенсионе, пожалованном императором Александром I.

307.

М. Н. Свечиной

(С. 513)

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 18. № 34. Л. 1. Б. г.

Публикуется впервые.

Печатается по автографу.

Датируется: 12 декабря 1816 г.

Год определяется по сообщению Жуковского о короткой (на 3 недели) поездке из Дерпта в Петербург, которую он предпринял в связи с формальностями, требуемыми назначением ему пожизненного пенсионера (рескрипт о назначении пенсионера — от 30 декабря 1816 г.; см. «Формулярный список...»: ПССиП. Т. 14. С. 413).

Письмо племянницы Жуковского М. Н. Свечиной с просьбой об устройстве детей ее сестры А. Н. Арбеновой, у которой было четыре сына и три дочери, — напоминание о событиях двухлетней давности, когда Арбенова не оправдала доверия поэта и по существу предала его в истории с Машей Протасовой. Именно поэтому она не решилась обращаться к нему сама, хотя Жуковский простил ее.

¹ Речь идет о сыновьях А. Н. и П. И. Арбеновых Александре и Дмитриии (см. об Александре: ПССиП. Т. 1. С. 651—652. Комментарий А. С. Янушкевича; см. о других сыновьях Арбеновых, с указанием их возраста в 1825 г.: Дмитриии (18 лет), Николае (13 лет), а также о дочерях: *Розанов Н. П.* Церковь архангела Гавриила в Москве на Чистом пруде, или Меншикова башня. М., 1877. С. 34). В какое учебное заведение они в итоге были отданы, неизвестно.

² Жуковский говорит о школе своего друга М. Асмуса (см. письмо А. И. Тургеневу от 6 ноября 1816 г.).

³ Жуковский вспоминает о поведении А. Н. Арбеновой в истории своего сватовства к Маше Протасовой.

⁴ А. Н. Вельяминова, сводная сестра М. Н. Свечиной и А. Н. Арбеновой.

308.

М. Я. фон Фоку

(С. 514)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 168. 1 л. Б. д. Б. м.

Публикуется впервые.

Датируется: 1815—1816 г.

Основание датировки: имя ректора Дерптского университета Фридриха Эбергарда Рамбаха упомянуто Жуковским в письме к А. И. Тургеневу от 12 апреля 1815 г. в связи с намерением Рамбаха перевести послание «Императору Александру» на немецкий язык. Рамбах был ректором Дерптского университета в 1814—1816 гг. Таким образом, письмо Жуковского относится к первым двум годам его пребывания в Дерпте, т. е. к июлю—августу 1815 г. или к январю, апрелю—декабрю 1816 г., что и определяет крайние даты. Более точно датировать письмо не представляется возможным.

¹ Имеется в виду Рамбах Георг Фридрих, сын Ф. Э. Рамбаха, которому в 1816 г. было 5 лет. Вероятно, срочность просьбы Жуковского была связана с оказией, по которой малолетний сын Ф. Э. Рамбаха мог быть отправлен в Гамбург в сопровождении третьего лица.

309.

Н. И. Гнедичу

(С. 515)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 95. Л. 24. Б. д.

Впервые опубликовано: ЖИМ. Вып. 2. С. 384. Публикация В. С. Киселёва. Печатается по автографу.

Датируется: конец декабря 1816 — начало января (до 12-го) 1817 г.

Адрес: «Николаю Ивановичу Гнедичу».

Основание датировки: по адресу очевидно, что записка написана из Петербурга в Петербург. В ней идет речь о подготовке шестой части «Собрания образцовых русских сочинений и переводов в стихах» (ц. р. 9 марта 1817 г., цензор Иван Тимоковский), вышедшей в 1817 г., где были помещены гнедичевские «Отрывки из XXIII и XXIV песни “Илиады”». В Петербурге Жуковский был в начале февраля — конце марта 1816 г. и 13 декабря 1816 — 12 января 1817 г. (в ночь на 13 января Жуковский уехал в Дерпт). К периоду составления цензурного текста шестой части ближе второй период, что позволяет приблизительно датировать записку (первый период слишком близок ко времени выхода из печати пятой части, ц. р. 10 декабря 1815 г., когда часть шестая вряд ли еще была спланирована).

¹ Алексей Николаевич Оленин.

² Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах. Ч. 6: Смесь. СПб., 1817. Здесь были помещены «Отрывки из XXIII и XXIV песни “Илиады”» (С. 174—188).

310.

А. П. Киреевской (Елагиной)

(С. 515)

Автограф неизвестен.

Копия: РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. № 1040. Л. 26—26 об., с пометой: «2 января. (1817, СПб.)». О копиях (наборная рукопись РС) см. вступительное примечание к письму к А. П. Елагиной от июля 1813 г.

Впервые опубликовано: РС. 1883. № 9. С. 543—544, с той же пометой.

Печатается по копии.

Датируется: 2 января 1817 г.

¹ См. «Формулярный список...»: «По высочайшему именному указу за отличные в Российской словесности произведения пожалован пенсионом по 4 000 р. в год. 1816 г. Декабря 30» (ПССиП. Т. 14. С. 413).

² На 12 января 1817 г. была назначена свадьба Маши Протасовой, но состоялась она 14-го.

³ «Московский имярек» — скорее всего, «некто Егор Васильевич Вражский; она <Анна Петровна> дала слово и свадьба должна была быть в Москве» (см. примеч. 5 к письму Жуковского к А. П. Зонтаг от конца ноября (около или после 21-го) 1816 г.).

⁴ О К. И. Вагнере, учителе в доме Елагиной, см. письмо Жуковского от 7 ноября 1816 г.; ответ Елагиной на это письмо неизвестен.

⁵ Адрес на обороте: «Ее высокоблагородию Авдотье Петровне Киреевской. Спросить в доме Офросимовых в приходе Власия в Старой Конюшенной».

⁶ «Певец в Кремле» вышел отдельным изданием в Петербурге (Медицинская типография) в конце декабря 1816 г.

311.

А. И. Тургеневу

(С. 516)

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 309. № 124 (старый шифр). Л. 335—335 об. Б. д.

Впервые опубликовано: РА. 1867. Кн. 5—6. Стб. 813—815. Перепечатано: ПЖТ. С. 169—171.

Печатается по автографу.

Датируется: середина января 1817 г.

Датировка предположительная, по упоминанию о «поправленной Лерберговой биографии» (см. примеч. 3).

¹ Фелициан Мартин фон Заремба-Калиновский, священник, миссионер, учававший теологию в Дерпте и Петербурге. Подробнее см.: Ein russischer Edelmann als Missionar. Aus dem Leben von dr. Felicjan v. Zarembo. Basel, 1894.

² Докторская диссертация Ф. Зарембы была опубликована в Митаве в 1817 г. под заглавием «Рассуждение о цехах ремесленных в отношениях политическом и в особенности политико-экономическом, с присовокуплением нужных исторических известий».

³ Подробнее см. примечание 4 к письму Жуковского к А. И. Тургеневу от первой половины (после 6) ноября 1816 г.

⁴ Речь идет о дерптском историке Густаве Парроте.

312.

Д. В. Дашкову

(С. 517)

Автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: РА. 1868. С. 837—843.

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: середина (до 19-го) января 1817 г.

Письмо представляет своеобразный проспект арзамасского журнала, споры о котором не замолкали именно в 1817 г. (подробнее см.: Арзамас-2. Кн. 1). О времени написания письма можно говорить приблизительно. Безусловно одно: оно было создано в январе 1817 г. В середине декабря 1816 — начале января 1817 г. Жуковский приезжал из Дерпта в Петербург (см. письмо к А. П. Елагиной от 2 января в наст. изд.). Вероятно, этот скоротечный визит был связан с получением в самом конце 1816 г. пенсионного императором Александром I. Быстрое возвращение в Дерпт было продиктовано тоже жизненными обстоятельствами: на 12 января была назначена свадьба Маши Протасовой и И. Ф. Мойера (она состоялась 14 января). С Дашковым ему встретиться не удалось, так как тот находился в отъезде (родовое имение в Спасском уезде Рязанской губ., Москва) и возвратился в Петербург около 19 января. Во всяком случае, 19 января Северин сообщает Вяземскому: «Дашков приехал и рассказывает нам о Москве разного рода *вещи*» (Там же. Кн. 2. С. 399. Курсив автора). Скорее всего, в Петербурге Дашкова ожидало письмо от Жуковского, которое скоро стало известно Вяземскому. 22 января в письме к Блудову он резко критикует проект Жуковского и в частности пишет: «Жуковский с ума сошел на том, чтобы выдавать по книжке в год. Дело ли тут до перепалки, когда надобно дуть картечью? Не раз в год, а каждый месяц, каждую неделю, каждый день, если можно, бейте по щекам эту посадскую бабу, зовоемую публикою!» (Там же. С. 408). На его упреки Жуковский отвечает в письме от 27 января из Дерпта.

Отсутствие подлинника письма затрудняет его датировку. При первой публикации в РА издатель, опираясь на неизвестный источник, заметил: «Письмо писано (из Дерпта, где жил Жуковский) и, как надо думать, в 1817 году». Не приходится сомневаться в правильности датировки письма 1817-м г., но есть основания локализовать время создания этого эпистолярного документа. По всей вероятности, сама идея подобного издания возникла у Жуковского раньше. Еще в письме от

26 сентября 1813 г. во время белевского уединения он писал Вяземскому: «В голове у меня вертится план журнала. <...> Весьма было бы хорошо выдавать что-нибудь подобное Аддисонову Спектатору...» (см. наст. изд.). Судя по письму (упоминание «нашей покойной Мнемозины»), «альманашный» замысел обсуждался Жуковским с Дашковым еще раньше. Вероятно, в конце декабря 1816 — начале января 1817 г. Жуковский приехал в Петербург уже с готовым проектом, чтобы обсудить его с другом-арзамасцем, но, не застав Дашкова, решил изложить его в эпистолярной форме. Исходя из документальных источников, можно предположительно говорить, что письмо (возможно, проект издания уже существовал в письменной форме и был приложен к тексту послания) было написано в промежутке между началом января (до 12 января, времени отъезда Жуковского в Дерпт) и 19 января (приездом Дашкова в Петербург). Во всяком случае на основе письма Вяземского к Блудову можно говорить, что около 20 января оно уже стало фактом литературной жизни, арзамасского бытия.

Как известно, этот проект Жуковского по разным причинам не был осуществлен во всем своем объеме. Во всяком случае, «русская книжка» так и не появилась. Что касается, «немецкой книжки», то, думается, вышедшие в 1818 г. четыре выпуска авторского альманаха Жуковского «Für wenige. Для немногих» стали частичной реализацией этого замысла и важным этапом в истории русского германофильства.

¹ Здесь и далее: «Чурочка, где ты?» обыгрывание арзамасского прозвища Д. В. Дашкова «Чу».

² Эти письма Д. В. Дашкова к Жуковскому в печати неизвестны.

³ Каламбурное описание ситуации через воспоминание о комедии «Урок кокеткам, или Липецкие воды» А. А. Шаховского (Шутовского).

⁴ Русская книжка задуманного издания — один из самых ранних после Карамзина замыслов ежегодного альманаха, совмещающего в своем составе литературно-критическую, художественную, эссеистическую прозу и стихи. В 1820—1830-х гг. эта жанровая модель найдет свое продолжение и развитие в многочисленных изданиях подобного типа (ср. самые известные альманахи «Полярная звезда», «Северные цветы», «Мнемозина», «Северная лира» и др.).

⁵ «Аониды, или Собрание разных новых стихотворений» — три ежегодных стихотворных сборника, напечатанные в Москве в 1796, 1797 и 1799 гг. под редакцией Н. М. Карамзина. Образцом для него послужили заграничные ежегодники, называемые альманахами, календарями муз, или аонидами. Кроме «Аонид» Карамзин издавал и другие сборники подобного типа, как, например, «Аглая», вышедший в двух частях в 1794 г. и содержащий преимущественно сочинения самого Карамзина; «Пантеон иностранной словесности» и др. В «Аонидах» Карамзина поместили свои стихотворения Г. Р. Державин, И. И. Дмитриев, М. М. Херасков, В. В. Капнист, Е. И. Костров, кн. Д. П. Горчаков и сам издатель.

⁶ Вероятно, «Мнемозина» — воспоминание о более раннем замысле издания альманашиного типа, не воплотившемся в жизнь. В 1824 г. под этим заглавием начнут издавать свой альманах В. Ф. Одоевский и В. К. Кюхельбекер.

⁷ Анри Луи Огюст Рикар де Монферран — французский архитектор. Позднее Жуковский отдаст должное таланту создателя Александровской колонны в статье «Воспоминание о торжестве 30 августа 1834 года». Возможно, выбор его в качестве рисовальщика для задуманного альманаха в 1817 г. объясняется намерением Жуковского приложить в качестве иллюстраций «три вида Петербурга или Павловска».

⁸ Жанр годового обзора литературных новинок в 1810-х гг. становится популярным в русской критике и найдет свое продолжение в годовых обзорах А. А. Бестужева в альманахе «Полярная звезда» и литературно-критических обзорах В. Г. Белинского. Критические статьи Д. В. Дашкова «О легчайшем способе возражать на критики», «Нечто о журналах», созданные и опубликованные еще в 1811—1812 гг., во многом определили особенности этого жанра. Сам их пафос — утверждение взаимосвязи критики, исторической и эстетической мысли не мог не импонировать Жуковскому как бывшему редактору ВЕ.

⁹ Какая именно статья Д. В. Дашкова имеется в виду, установить не удалось.

¹⁰ О замысле прозаической «сказки» Жуковского, относящемся к 1817 г., сведений нет.

¹¹ Вероятно, замысел «двух отрывков в прозе» Жуковским не был осуществлен.

¹² Замысел перевода прозаической повести Фридриха Генриха Карла де Ла Мотт Фуке «Undine» возник у Жуковского в 1816 г. В письмах к А. И. Тургеневу от 16 и 24 августа он просит его прислать это произведение и замечает: «Чтобы раззадорить тебя, скажу, что эта книжка нужна моей Музе» (См. наст. изд.). Получив книгу от своего дерптского друга, поэта и педагога Мартина Асмуса в сентябре 1816 г. (см.: Ж. и русская литература. С. 442), он, видимо, начинает свой эксперимент по переложению «Ундины» на язык поэзии. Подробнее см.: ПССиП. Т. 4. С. 472—480.

¹³ Надежды Жуковского на участие Вяземского и Батюшкова в его проекте не оправдались. Позиция Вяземского, изложенная в его письме к Д. Н. Блудову от 22 января (см. выше), свидетельствовала о неприятии им самого типа издания альманашного формата. Батюшков в письме к П. А. Вяземскому от 4 марта 1817 г. так объяснял свой отказ стать сотрудником проекта: «Благодарю Жук<овского> за предложение трудиться с ним: это и лестно, и приятно. Но скажи ему, что я печатаю сам и стихи, и прозу в Пет<ербурге> и потому теперь ничего не могу уделить от моего *сокровища*...» (Арзамас-2. Кн. 2. С. 360). Речь идет о готовящемся к печати авторском сборнике «Опыты в стихах и прозе», вышедшем в свет в 1817 г. (первый том — июнь, второй — октябрь).

¹⁴ «Послание к жене и друзьям» Воейкова было опубликовано лишь через четыре года (СО. 1821. № 4. С 177—186, с пометой: «1816 г. Августа 20 дня. Дерпт»), но его черновая редакция была известна арзамасцам еще во время его создания, в 1816—1817 г. Как справедливо замечает О. А. Проскурин: «Послание связано с замыслом большой описательной поэмы; из заготовленных к ней материалов Воейков на протяжении длительного времени комбинировал различные тексты» (Арзамас-2. Кн. 2. С. 547—548).

¹⁵ На какие именно произведения Пушкина-лицеиста рассчитывал Жуковский, неизвестно.

¹⁶ Вероятно, намерение попросить Блудова написать статью об итальянской литературе связано с тем, что Блудов владел итальянским языком.

¹⁷ Репутация «русского Ривароля», мастера «устной литературы» закрепились за Блудовым именно в «Арзамасе». Идея собрать воедино свои мысли и афоризмы возникла у него во время подготовки арзамасского журнала. Итогом этого замысла стала так называемая «Украденная записная книжка», своеобразный авторский альманах, именуемый здесь Жуковским «Отрывки из записок». В нее вошла одна из самых пронзительных характеристик творческого дара Жуковского (Ж^{***}) как целителя души от моральной болезни. «О Ж^{***}! — писал Блудов. — Если б я не имел к тебе чувства бессмертного, в коем все сливается, и почтение к твоей благородной душе, девственной от всех порочных побуждений, и бесценное ощущение твоей любви, наконец, и воспоминание первых лет и надежд; Ж^{***}! я бы еще любил тебя из благодарности за те минуты, в кои оживляюсь твоими стихами как увядающий цветок возвращенным свежим воздухом. <...> Очаровательная музыка! Тобой я всегда буду лечиться от новой тарантулы, которая не дает смерти, но отнимает жизнь» (Арзамас-2. Кн. 2. С. 134).

¹⁸ Д. П. Северин рано начал свою дипломатическую деятельность, сначала в Коллегии иностранных дел под покровительством И. И. Дмитриева, затем в Московском архиве Министерства иностранных дел. Это позволило ему участвовать во многих международных конгрессах и быть свидетелем важных исторических событий. Обладая литературным талантом, он публиковал на страницах журналов, в том числе ВЕ, свои сочинения и переводы. В журнале «Русский Музеум, или Журнал европейских новостей» (1815. Ч. 1. № 3. Февраль—март) он опубликовал «Письмо Русского из Англии», где рассказал о развитии «Нравственной Философии» и «основателях Шотландской школы, о своем знакомстве с Вальтером Скоттом. Такой подход к литературе путешествий не мог не импонировать Жуковскому, тяготеющему к «травелогу возвышения души». К сожалению, Северин, вероятно, не реализовал замысел поэта.

¹⁹ Речь идет об арзамасском старосте В. Л. Пушкине, получившем прозвище *Вот*. Как справедливо замечает комментатор: «Несомненно, подразумевается послание В. Л. Пушкина “К арзамасцам”, за которое он, прежде разжалованный в “Вотрушку”, получил имя “Вот я вас опять!”» (Арзамас-2. Кн. 2. С. 557).

²⁰ Член «Арзамаса», будущий декабрист Н. М. Муравьев в это время интенсивно занимается историей. В 1816 г. появляется его первый печатный труд «Рассуждения о жизнеописаниях Суворова» (СО. 1816. № 6). Жуковский, готовя вместе с Батюшковым к печати сочинения его отца, Михаила Никитича Муравьева, видел в молодом арзамасце продолжателя традиции М. Н. Муравьева-историка.

²¹ Именно Жуковский в своей статье «О басне и баснях Крылова» (ВЕ. 1809. Ч. 45. № 9. С. 35—67) заявил о Крылове как родоначальнике новой русской басни. Позднее, в «Конспекте по истории русской литературы» и «Речи И. А. Крылову» он акцентирует в этой характеристике дух «национальной поэзии» и назовет Крылова «поэтом — представителем своего народа». Неизвестно, какие басни русского баснописца хотел включить в свой альманах Жуковский, но показательно, что в его за-

мысле Крылов органично вписан в арзамасское сообщество. Вполне возможно, что 2 января 1817 г. Жуковский присутствовал на торжественном собрании Императорской Публичной библиотеки, где Крылов читал свои новые басни, изданные отдельной брошюрой «Три новые басни, читанные в торжественном собрании императорской Публичной библиотеки января 2 дня 1817 года». СПб., 1817. В нее вошли басни «Кукушка и Горлинка», «Сочинитель и Разбойник», «Похороны».

²² Ссылный поэт, «приемыш Арзамаса», как его называл Жуковский, А. И. Мещёвский — не только объект постоянных забот о его материальном положении, но и поистине воспитанник Жуковского. В письме к П. А. Вяземскому от 27 января 1817 г., отмечая «большое дарование» Мещёвского и говоря о том, что «надобно спасти человека и дать России поэта», он делится своими планами по реализации творческих его возможностей: «Работу я ему задал: я послал ему книг, велел перевести Клейстову “Весну”, с которою он в состоянии сладить, задал сюжет для поэмы, небольшой и не превышающий его дарований и теперешнего навыка; и наконец, дал ему благой совет понабить руку около переводов из Шиллера, Гердера и Бюргера, пригласил к переводу Виландова “Оберона”, за которого через год будет он в состоянии приняться с успехом!» (см. наст. изд.). Никаких сведений о реализации этих планов не обнаружено, хотя в 1817 г. на страницах ВЕ Мещёвский публикует поэтические переводы именно из немецких авторов, но, по всей вероятности, эти предложения Жуковского были связаны с изданием альманаха.

²³ Об издании сочинений М. Н. Муравьева см.: БЖ. Ч. 1. С. 71—140. Общая оценка его деятельности дана Жуковским в «Конспекте по истории русской литературы» (ПССиП. Т. 12. С. 363).

²⁴ Возможно, Жуковский опирается здесь на письмо Вяземского к А. И. Тургеневу от 16 октября 1816 г., который сообщал: «Иван Иванович <Дмитриев> написал несколько превосходных басен» (ОА. Т. I. С. 58). Скорее всего, Вяземский имел в виду басни «История» и «Бобр, кабан и горностаи», впервые опубликованные в вышедшей в начале ноября 1818 г. ч. 3 изд. 5 «Сочинений И. И. Дмитриева» (М.: В Университетской Типографии, 1818. Ч. 3. С. 39, 77). Все другие басни Дмитриева были известны Жуковскому по предыдущему изд. «Сочинений И. И. Дмитриева» 1810-го г., в подготовке которого он принимал активное участие. См. письмо к И. И. Дмитриеву от 10 марта 1810 г. Обладателем этого издания Жуковский стал осенью 1810 г. (см. письмо к И. И. Дмитриеву (между 30 сентября и 3 октября 1810 г.)

²⁵ Арзамасец Д. А. Кавелин был для Жуковского авторитетом в издательских делах, так как в течение долгого времени заведовал Медицинской типографией и принимал активное участие в подготовке и издании «Стихотворений Василия Жуковского» (Ч. 1—2. СПб., 1815—1816).

²⁶ Появление в альманашном проекте «немецкой книжки» наряду с русской — важный момент в развитии германофильства Жуковского. Дерптские впечатления и контакты способствовали активизации интереса русского поэта к немецкой культуре и исторической мысли. Культ Шиллера и Гёте, увлечение моральной философией Энгеля, Гарве, эстетическими теориями Эшенбурга, Зульцера, Лессинга, определившие период самообразования и самоусовершенствования, не уходят

в прошлое. Они получают свое развитие в рецепции идей немецкого романтизма. Почти одновременно с планом «немецкой книжки» Жуковский создает оригинальный конспект, составленный из основных положений виднейших представителей немецкой эстетической мысли. Он выбирает из сочинений Бутервека, Августа Шлегеля, Жан-Поля, Шиллера, Гердера, Клингера рассуждения о сущности поэзии, о классическом и романтическом искусстве, о духе народной поэзии (см.: ПССиП. Т. 12. С. 334—342). Выход в свет четырех выпусков авторского альманаха «Für wenige. Для немногих» (1818) стал важным этапом в истории отечественного германофильства и переводческой деятельности Жуковского. Но его «немецкая книжка» не вызвала поддержки со стороны ближайших друзей-арзамасцев. В письме к П. А. Вяземскому от 4 марта 1817 г. Батюшков так выразил свою позицию, разделяя мнение своего адресата: «Но я согласен с тобою насчет Жуковского. К чему переводы немецкие? Добро — философов. Но их-то у нас читать и не будут. Что касается до литературы их, собственно литературы, то я начинаю презирать ее (не сказывай этого!). У них все коряченье и судороги. Право, хорошего немного» (Батюшков. Т. 2. С. 424).

²⁷ В 1816 г. Жуковский мог располагать первым прижизненным полным собранием сочинений Гёте (Bde 1—13. Stuttgart und Tübingen: J. G. Cotta, 1806—1810); это издание в составе его библиотеки не сохранилось. Имеется более позднее полное собрание сочинений Гёте в 40 т., вышедшее в 1827—1830 гг. в том же издательстве (Описание. № 2634); кроме того, есть отдельные издания «Страданий молодого Вертера» (1787), «Писем о Швейцарии» (1819; этот текст сопровождался вступительной заметкой Гёте: «Когда несколько лет тому назад нам передавали копии нижеследующих писем, нас уверяли, что они найдены в бумагах Вертера, и утверждали, что он еще до знакомства своего с Лоттой побывал в Швейцарии», поэтому Жуковский называет этот текст «Werther's Briefe über Schweiz») и «Об искусстве и древности» (1818—1820; см.: Описание. № 2636, 2637). «Итальянское путешествие» Гёте, так же как и автобиографические записки «Aus meinem Leben. Wahrheit und Dichtung» («Из моей жизни. Правда и поэзия») Жуковский будет внимательно читать в 1832 г., собираясь в путешествие по Италии (ПССиП. Т. 13. С. 325—326, 581, 582).

²⁸ Подробнее о 33-томном собрании сочинений Гердера, сохранившемся в библиотеке Жуковского (Описание. № 1279), (Johann Gottfried von Herder's sämtliche Werke. 33 Bde. Tübingen: J. G. Cotta, 1805—1810) см.: БЖ. Ч. 1. С. 150—153. Упомянутые Жуковским работы Гердера, назначенные им к переводу (Über Wissen und Nichtwissen der Zukunft. Blicke in die Zukunft. Über das Schicksal) являются главами книги Гердера «Postscenien zur Geschichte der Menschheit», напечатанной в т. VII вышеупомянутого издания. («Постсцении истории человечества»; иногда переводится как «Идеи к истории человечества»; постсцений — пространство за сценой в римском театре.) Названия этих глав в книге из библиотеки Жуковского подчеркнуты карандашом и чернилами. Первая глава «Постсцений» Гердера «Über das eigene Schicksal» («О собственной судьбе») была отдельно опубликована в альманахе Шиллера «Die Noren» («Оры») в 1795 г. См. подробно: Реморова. С. 149—152.

²⁹ В библиотеке Жуковского сохранилось полное собрание сочинений Ф. Шиллера: Friedrich von Schillers sämtliche Werke. Bde 1—12. Stuttgart und Tübingen: J. G. Cotta, 1812—1815 (Описание. № 2754). Исторические труды Шиллера «О великом переселении народов, о крестовых походах и о средних веках» и «История отпадения Нидерландов» интересовали Жуковского в связи с замыслом волшебнo-исторической поэмы «Владимир».

³⁰ Первое издание сборника новелл Людвиг Тика «Фантазус» («Phantasmus. Eine Sammlung von Märchen, Erzählungen, Schauspielen und Novellen. 3 Bde. Berlin: Realschulbuchhandlung») появилось в 1812—1816 гг. Этого издания в библиотеке Жуковского нет. Но несколько других изданий произведений Людвиг Тика в ней сохранилось, в том числе полное собрание его сочинений, однако все они — более поздние (1826—1829; Описание. № 2262—2266), исключая два издания романа «Странствия Франца Штернбальда» 1798 г. Письмо к Дашкову является одним из самых ранних свидетельств интереса Жуковского к творчеству немецкого романтика; этот интерес будет сопровождать его до середины 1840-х гг.: во время первого заграничного путешествия в 1821 г. Жуковский познакомится с Тиком и оставит в дневнике характеристику его личности (см.: ПССиП. Т. 13. С. 181, 183—185), русский поэт получит в подарок от Тика корректурный экземпляр любимого им романа Тика «Странствия Франца Штернбальда» (об этом см.: Тик Л. Странствия Франца Штернбальда. М., 1987. С. 341—346 (Сер. «Литературные памятники»), оставит многочисленные пометы и записи в собрании сочинений Тика (Описание. № 2262). Фрагментарный стихотворный перевод повести «Белокурый Экберт» Жуковский предпримет в 1832—1833 и 1841 гг., а повести «Эльфы» (у Жуковского — «Альфы») — в 1845 г. См.: ПССиП. Т. 4. С. 575—580, 585—586.

³¹ В библиотеке Жуковского сохранилось несколько изданий произведений Ла Мотт Фуке (Описание. № 1034—1049), в основном за 1811—1816 гг. Источником упоминаемых Жуковским рассказов Ла Мотт Фуке, скорее всего, является альманах «Die Jahreszeiten» (1811). См. примеч. к письму к А. И. Тургеневу от 17 августа 1816 г.

³² В библиотеке Жуковского сохранилось только одно издание Жан Поля: Die Vorschule der Ästhetik... Stuttgart und Tübingen: J. G. Cotta, 1813 с пометами Жуковского (Описание. № 1380). В письме имеется в виду следующее изд.: Jean Pauls Geist: oder Chrestomathie der vorzüglichsten, kräftigsten und gelungensten Stellen aus seinen sämtlichen Schriften. Hg. K. H. L. Poelitz. Weimar; Leipzig, 1801—1816. Bde I—IV. Этого издания в библиотеке Жуковского нет, но оно имелось в Эрмитажной библиотеке, учрежденной под его присмотром. В 1831 г. Жуковский вернулся к произведениям Жан Поля, взяв из Эрмитажной библиотеки антологию «Дух Жан Поля» в ее текстовом варианте 1825 г., как об этом свидетельствует запись в регистрационной книге выдачи от 26/7 января—февраля 1831 г. (Архив Государственного Эрмитажа. Ф. 2. Оп. XIV/ж. Ед. хр. 21). См. об этом: Бёмиг М. Повесть Н. В. Гоголя «Нос»: пародия на «Физиогномику» Лафатера? // Образы Италии в русской словесности. Томск: Изд-во Томского университета, 2011. С. 206—207. Жуковский познакомился с Жан Полем в 1821 г. (ПССиП. Т. 13. С. 191, 517. Комментарий А. С. Янушкевича). См. также рассказ Жуковского И. Е. Бецкому о по-

сещении Жан Поля (Москвитянин, 1845. Ч. 3. С. 242—243; Ж. в воспоминаниях. С. 344—345).

³³ Клаудиус Маттиас (псевдонимы — Асмус, Вандсбеккер Боте) — немецкий поэт и народный писатель, издавал в 1770—1775 гг. газету «Wandsbecker Bote» («Вандсбекский вестник») и напечатал там множество статей, рассказов, стихов, басен и т. д. В 1763 г. вышел его сборник: «Tändeleien und Erzählungen» («Безделки и рассказы»), а под конец жизни он издал полное собрание своих сочинений: «Sämmtliche Werke des Wandsbecker Boten» (1790—1812) — вероятнее всего, именно это последнее издание имеет в виду Жуковский.

³⁴ Георг Кристоф Лихтенберг, немецкий ученый и публицист. Своей прижизненной и посмертной славой Лихтенберг обязан остро-сатирическому дару полемиста, более всего проявившемуся в антилафатеровском памфлете «О физиогномике; против физиогномистов» («Über Physiognomik; wider die Physiognomen»), который вышел в свет двумя изданиями в 1778 г. и вызвал невероятный резонанс. «Lichtenberg's Vermischte Schriften» вышли в Гёттингене в 1800—1805 гг.

³⁵ Трудно сказать, приведения которого из братьев Якоби здесь имеет в виду Жуковский (Фридрих Генрих Якоби, немецкий философ, издание его произведений сохранилось в библиотеке поэта: см. примеч. 50; Иоганн Георг Якоби, немецкий поэт, педагог, профессор философии и красноречия университета Галле).

³⁶ Гебель Иоганн Петер, немецкий поэт и прозаик, писал на алеманнском наречии. Темы его стихов и рассказов взяты из жизни и быта крестьян верхнерейнской области: «Alemannische Gedichte» («Алеманнские стихотворения», 1803), «Katechismus» («Катехизис»), «Lieder und Rätsel» («Песни и загадки»). В библиотеке Жуковского сохранилось только позднее издание произведений Гебеля (Carlsruhe, 1838). В 1816—1818 гг. Жуковский перевел 4 произведения Гебеля, вызвавшие неоднозначное отношение его окружения в связи с метрическими экспериментами по использованию гекzamетра и белого пятистопного ямба: «Овсяный кисель», «Деревенский сторож в полночь», «Тленность», «Красный карбункул» (См.: ПССиП. Т. 2. С. 452—457, 497—502. Комментарий И. А. Айзиковой; ПССиП. Т. 4. С. 402—404. Комментарий И. А. Поплавской). Позже Жуковский переведет еще 4 произведения Гебеля: «Утренняя звезда», «Летний вечер», «Воскресное утро в деревне», «Неожиданное свидание».

³⁷ Новалис (наст. имя Фридрих фон Гарденберг), немецкий философ, писатель, поэт-мистик, один из иенских романтиков. Жуковский имеет в виду фрагмент «Поэт» (Новалис. Фрагменты). Вероятно, русскому поэту было доступно первое или второе издание произведений Новалиса: *Novalis' Schriften*. Herausgegeben von Ludwig Tieck und Friedrich Schlegel. Berlin, in der Realschulbuchhandlung, 1805, 1815.

³⁸ Скорее всего, здесь Жуковский имеет в виду венский курс лекций Августа Шлегеля «О драматическом искусстве и литературе» (1808, изд. 1809—1811). Этого издания в библиотеке поэта нет, но имеется второе издание этого сочинения: *Schlegel August. Über dramatische Kunst und Literatur*. Th. 1. Heidelberg, 1817. В октябре 1818 г. Жуковский составит конспект нескольких немецких эстетических трактатов <Выписки из немецкой эстетики и критики>, в котором присутствует раздел, оза-

главленный «Шлегель». Выписки в нем — отражение чтения Жуковским одного из значительнейших произведений немецкой романтической эстетики, «О драматическом искусстве и литературе» Августа Шлегеля.

³⁹ Мориц Август фон Тюммель, немецкий писатель, последователь Виланда. В особенности Тюммель прославился своим травелогом «Путешествие в полуденные области Франции» («Reisen in die mittäglichen Provinzen von Frankreich»). Этот роман со стихами в 10 томах публиковался с 1791 по 1805 г.

⁴⁰ Здесь Жуковский перечисляет имена особенно повлиявших на его мировоззрение немецких ученых — философов, моралистов, эстетиков, с трудами которых он ознакомился в основном в период самообразования и редактирования журнала «Вестник Европы» (1805—1811 гг.):

Гарве Христиан, немецкий философ-моралист и критик. Интерес Жуковского к сочинениям Гарве восходит к 1805 г.: его статью «Об уединении и обществе» Жуковский читает 21 июля 1805 г. (ПССиП. Т. 13. С. 21). В архиве поэта находится перевод начала статьи Х. Гарве «Общество и уединение», писанный на бумаге с водяным знаком 1804 г. и, вероятно, относящийся к 1805 г. (РНБ. Ф. 286. Оп. 1. № 18. Л. 13). В разделе «Драма» <Конспекта по истории литературы и критики> в § 137 «О характерах сумасшедших в трагедии» содержится рассуждение Жуковского, полемичное по отношению к статье Гарве «О ролях сумасшедших в трагедиях Шекспира и о характере Гамлета в частности» (ПССиП. Т. 12. С. 135—137). В библиотеке поэта имеется издание сочинения Гарве: *Versuche über verschiedene Gegenstände aus der Moral, der Literatur und dem gesellschaftlichen Leben. Von Christian Garve. Th. 1—5. Breslau, 1797—1802*, где во второй части на с. 434—510 и находится данная статья. Об этом подробнее см.: Янушкевич А. С. Немецкая эстетика в библиотеке Жуковского. С. 140—202. Повесть немецкого моралиста «Подарок на Новый год» Жуковский перевел и напечатал в ВЕ (1808. № I. С. 26—29). См. также: Резанов. С. 261—264; Янушкевич А. С. Немецкая эстетика в библиотеке В. А. Жуковского // БЖ. Ч. 2. С. 166—171. Кроме этого издания в библиотеке поэта сохранилось еще 7 изданий разных сочинений Гарве (Описание. № 1072—1080).

Энгель Иоганн Якоб, немецкий критик, педагог и моралист. В библиотеке Жуковского имеется собрание сочинений Энгеля: *J. J. Engel's Schriften. Bde 3—10. Berlin, 1801—1805* с многочисленными пометами и записями Жуковского (Описание. № 984). Интерес Жуковского к наследию одного из характерных представителей так называемого философско-психологического направления был достаточно устойчив. Об этом свидетельствуют материалы его библиотеки и архива, запечатлевшие процесс чтения и осмысления как эстетики Энгеля («Идеи о мимике»), так и произведений по проблемам воспитания и политики («Зерцало для князей»). Подробнее об этом см.: БЖ. Ч. 1, 2. Указатель имен. Переводы Жуковского из «Светского философа» печатались в ВЕ в 1809 г. («О нравственной пользе поэзии. Письмо к Филалету»: ВЕ. 1809. Ч. 43. № 3. Февраль. С. 161—172; «Два разговора о критике»: ВЕ. 1809. Ч. 48. № 23. Декабрь. С. 215—228). См. также: ПССиП. Т. 12. С. 201—217, 473—475; 253—259, 478—479. Указатель имен).

Покольку фамилии «Миллер» Жуковский предпослал инициал «Г. », надо полагать, что здесь имеется в виду не швейцарский историк Иоганн Миллер, а Герхард Фридрих Миллер (Мюллер), в русифицированном варианте Федор Иванович Миллер (нем. Gerhard Friedrich Müller), российский историограф немецкого происхождения, автор норманской теории, согласно которой варяги — основатели русского государства — были скандинавского происхождения. Его основные труды: «Origines gentis et nominis Russorum» («Происхождение народа и имени российского»), «О летописце Несторе», «Известие о запорожских казаках», «О начале Новгорода и происхождении российского народа», «Опыт новой истории о России». С 1732 г. Миллер издавал сборник статей, касающихся русской истории: «Sammlung Russischer Geschichte» (1732—1765) — это было первое издание, основательно знакомившее иностранцев с русской историей.

Возможно, Готтхильф Генрих Шуберт, немецкий писатель и натурфилософ. Скорее всего, здесь имеется в виду одно из ранних произведений Шуберта «Ahnungen einer allgemeinen Geschichte des Lebens» («Представления обыкновенного человека. История жизни»: Leipzig, 1806). Этого издания в библиотеке Жуковского нет, но сохранились три другие книги Шуберта, более поздних годов издания, свидетельствующие об устойчивости интереса Жуковского к творчеству немецкого философа и естествоиспытателя: Lehrbuch für Naturgeschichte. Erlangen, 1825; Reise durch das südliche Frankreich und durch Italien. Erlangen, 1827—1831; Spiegel der Natur. Erlangen, 1845 (Описание. № 2079—2081). О чтении Шуберта см.: ПССиП. Т. 13. С. 353, 592—593.

Фихте Иоганн Готлиб, немецкий философ. Один из основателей немецкой классической философии. В библиотеке Жуковского сохранились три издания произведений Фихте: Die Anweisung zum seeligen Leben, oder auch die Religionslehre. Berlin, 1806; Die Grundzüge des gegenwärtigen Zeitalters. Berlin, 1806; Reden an die deutsche Nation. Berlin, 1808 (Описание. № 1020—1022). Подробнее об этом см.: Янушкевич А. С. Немецкая эстетика в библиотеке В. А. Жуковского // БЖ. Ч. 2. С. 188—201.

Фридрих Вильгельм Генрих Александр фон Гумбольдт, немецкий ученый-энциклопедист. Скорее всего, Жуковский здесь имеет в виду одно из первых значительных произведений А. фон Гумбольдта, «Картины природы» («Ansichten der Natur, mit wissenschaftlichen Erläuterungen»). Однако все сохранившиеся в библиотеке поэта издания произведений А. фон Гумбольдта относятся к более позднему времени, в частности, и издание «Картин природы» с дарственной надписью автора (Bde 1—2. Stuttgart u. Tübingen, 1826.; Описание. № 2656). В библиотеке поэта есть и другие сочинения Гумбольдта, в том числе знаменитый «Космос». Жуковский познакомился с Гумбольдтом в сентябре—октябре 1827 г. (ПССиП. Т. 13. С. 295—296, и 24/6 сентября—октября получил от него в подарок экземпляр «Картин природы». См. также: ПССиП. Т. XIV. Указатель имен).

⁴¹ Какое именно произведение имеется в виду, установить не удалось. Очевиден только источник его сюжета: легенда св. Губерта. Святой Губерт — католический святой. В 718 г. стал первым епископом Льежа. Канонизирован вскоре после смерти за христианизацию горных районов Арденн. В одном из эпизодов жития святого

описано обращение юного Губерта в христианство после встречи его во время охоты с оленем, у которого между рогами был сияющий крест. Этот эпизод послужил тому, что св. Губерт стал считаться покровителем охотников и лесников.

⁴² Фрагмент незавершенной трагедии Ф. Шиллера «*Demetrius, oder Die Bluthochzeit zu Moskau*» («Дмитрий, или Кровавый брак в Москве», 1804—1805), которую Жуковский здесь называет «*Demetrius der Falsche*», т. е. «Лжедмитрий», поэт перевел в промежутке времени от второй половины 1815 г. до января—марта 1817 г. См.: ПССиП. Т. 7. С. 477—480 (текст), 688—692 (комментарий О. Б. Лебедевой). Пассаж относительно «рычания критикусов» имеет в виду замысленный и осуществленный Жуковским метрический эксперимент: белый пятистопный ямб в качестве драматургического метра в 1817 г. был абсолютным новаторством.

⁴³ Сказку Гебеля «*Der Garfunkel*» («Красный карбункул») Жуковский перевел 21—26 октября 1816 г. (ПССиП. Т. 4. С. 402. Комментарий И. А. Поплавской), стихотворение «*Der Habermuß*» — в октябре 1816 г.: об окончании работы над этим переводом Жуковский писал А. И. Тургеневу в письме от 21 октября 1816 г. (см. примеч. 6).

⁴⁴ Судя по тому, что в письме к Дашкову стихотворение Гебеля «*Die Vergänglichkeit*» («Тленность») не названо в числе переведенных, время его создания определить затруднительно: впервые оно было напечатано в 1818 г. в: FWДН. № 3. С. 2—15. Следовательно, время создания перевода — это достаточно значительный промежуток от конца января 1817 г. до середины 1818 г.

⁴⁵ Диалог Гёте «*Der Wanderer*» Жуковский перевел 29 ноября 1819 г. под названием «Путешественник и поселанка» (ПССиП. Т. 2. С. 576).

⁴⁶ Первоначальный замысел Жуковского перевести прозаический рассказ Гебеля «*Unverhofftes Wiedersehen*» прозой достаточно быстро изменился: первый черновой набросок перевода в «Книге Александры Воейковой», относящийся к 1818 г., написан сказовым гекзаметром. Полностью Жуковский перевел рассказ Гебеля стихами только в 1831 г. (см. подробно: ПССиП. Т. 4. С. 426—428. Комментарий И. А. Айзиковой). Перевод «нескольких анекдотов из Гебеля в прозе» неизвестен.

⁴⁷ Очевидно, под «сказкой из Ламотт-Фуке» Жуковский имеет в виду «Ундину».

⁴⁸ «Парамифии» — произведение И. Г. Гердера. Слово «парамифии» означает «отрада, утешение, увещание». Д. В. Дашков перевел «Парамифии» еще в 1815 г.: перевод читался на заседаниях «Арзамаса» 18 ноября и 16 декабря 1815 г., переводчиком назван «один германский арзамасец» (Д. В. Дашков). См.: Арзамас-2. Кн. 1. С. 209—210, 317. О рукописном переводе «Парамифий», сделанном Дашковым, П. А. Вяземский упоминает в статье «Об альманахах 1827 года» (Вяземский. Т. 2. С. 13). См.: ПССиП. Т. 11/1. С. 33, 37, 635.

⁴⁹ Появление в составе «немецкой книжки» названия памфлета английского писателя Джонатана Свифта «Рассуждение о помеле» выглядит необычным. Но речь идет не о самом этом произведении, а о его критическом осмыслении немецким писателем и философом Фридрихом Генрихом Якоби. Под заглавием «*Swifts Betrachtung über einen Besenstiel, und wie sie entstanden ist*» эта статья была впервые опубликована в журнале «*Neues deutsches Museum*» (1789. S. 405—417), а затем вошла

в собрания сочинений Якоби. В библиотеке Жуковского имеется их второе издание с многочисленными пометами и записями в т. 1—3: Friedrich Heinrich Jacobi's Werke. Bde 1—5. Leipzig, 1812—1820 (Описание. № 1367). Статья «Свифтово рассуждение о помеле, и как оно возникло» находится в первом томе (С. 310—324).

⁵⁰ Как это явствует из контекста письма, перевод рассуждения Якоби о трагедиях Шиллера должен был быть выполнен не по публикации самого Якоби, а по изданию лекций А. В. Шлегеля «О драматическом искусстве и литературе». См. примечание 58.

⁵¹ Имеется в виду «Сказка из “Разговоров немецких беженцев”». См.: *Gёте И. В.* Собр. соч.: В 10 т. М.: Худож. лит., 1978. Т. 6. С. 193—220.

⁵² Речь идет о статье «Немецкая литература» в изд.: «Энциклопедический словарь с преимущественным вниманием к теперешним временам» («Conversations-Lexikon mit vorzüglicher Rücksicht auf die gegenwärtigen Zeiten»). «Словарь...» выходил в Лейпциге и включал статьи по географической и исторической тематике, биографии, статьи по мифологии, философии, естествознанию и пр. Тома 1—4 (от А до R; издание «Leipzig: F. A. Leupold») вышли в 1796—1800 гг., т. 5 (издание «Leipzig: J. C. Werther») появился в 1806 г. В 1808 г. Фридрих Арнольд Брокгауз выкупил право издания «Словаря...» и завершил его выпуск к 1811 г. В 1812 г. Брокгауз предпринял второе издание энциклопедии (в 10 томах), с соответствующими изменениями и дополнениями, взяв на себя роль редактора, и это второе издание получило всеобщее признание. В составе библиотеки Жуковского это издание не сохранилось.

⁵³ О дерптском гравере Зенфе см. примеч. 4 к письму к А. И. Тургеневу от 12 апреля 1815 г.

⁵⁴ «Тевтона» — производное от древнегерманского этнонима «тевты, тевтонцы», названия древнегерманского племени. Современный этноним «Deutsche» этимологически восходит к этнониму «Teutische».

⁵⁵ Жуковский не перевел поэму Гёте «Герман и Доротея». Но в многочисленных списках произведений, назначенных для перевода, название поэмы Гёте периодически встречается (см., напр.: РНБ. Оп. 1. № 37). А в 1832 г. в Швейцарии, готовясь к итальянскому путешествию и перечитывая некоторые произведения Гёте, поэт перечитал и поэму «Герман и Доротея» (ПССиП. Т. 13. С. 326).

⁵⁶ Вероятно, имеется в виду произведение Гердера «Über das eigene Schicksal» («О собственной судьбе»); см. примеч. 28. Кроме того, в греческой антологии Гердера есть несколько стихотворений, прямо озаглавленных «Das Schicksal» (*Herder J. G. Sämmtliche Werke. Zur schönen Literatur und Kunst.* Т. 10. S. 22, 232, 249), по мотивам которых Жуковский создал оригинальное стихотворение «Судьба», вошедшее в цикл 1837 г. <Из альбома, подаренного графине Ростопчиной> (ПССиП. Т. 2. С. 303, 702. Комментарий Н. Б. Реморовой). Сквозной образ судьбы, варьируемый понятием «несчастье» и выраженный аллегорией великана с золотой головой и свинцовыми ногами, присутствует и в устном общении, и в прозаических текстах Жуковского: так, А. Н. Муравьев упоминает о разговоре Жуковского с ослепшим и парализованным И. И. Козловым: «Помню, какое трогательное слово сказал однажды Жуковский, чтобы утешить болящего: “Ты все жалуешься на свою судьбу, друг мой Иван Иванович; но знаешь ли, что такое судьба? — это исполин, у кото-

рого золотая голова, а ноги железные. Если кто, по малодушию, пред ним падет, того он растопчет своими железными ногами; но если кто без страха взглянет ему прямо в лицо: того осияет он блеском золотой головы!» (Ж. в воспоминаниях. С. 310). Ср. также отрывок «Несчастье» (6/18 апреля 1821 г. — июнь 1850 г.) в цикле «Отрывки» (см. подробно: ПССиП. Т. 11/1. С. 457, 892—894. Комментарий А. С. Янушкевича. См. также: РНБ. Оп. 2. Л. 5; ПМиЖ. Вып. 8. С. 42—45; БЖ. Ч. 1. С. 202).

⁵⁷ По всей вероятности, имеются в виду фрагменты из упомянутой выше книги Жан Поля «Дух Жан Поля» (см. примеч. 32).

58 Шлегель Август Вильгельм (1767—1845), немецкий критик, историк литературы и поэт-переводчик. В библиотеке Жуковского имеется второе издание его знаменитых лекций «О драматическом искусстве и литературе» (*Über dramatische Kunst und Literatur. Vorlesungen von August Wilhelm von Schlegel. Theile 1—3. Heidelberg, 1817. Описание. № 2055*). Однако вполне возможно, что в Дерпте Жуковский мог воспользоваться и первым изданием этих лекций (1809—1811). Возможно также, что ему была знакома специально посвященная Шекспиру статья Шлегеля «Нечто о Вильяме Шекспире по поводу Вильгельма Мейстера», напечатанная в альманахе Шиллера «Оры» (*Schlegel A. W. Etwas über William Shakespeare bey Gelegenheit Wilhelm Meisters // Die Horen. 1796. № 4*).

313.

Д. Н. Блудову

(С 520)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 72. Оп. 1. № 5. Л. 6—6 об. Б. д.

Публикуется впервые.

Датируется: середина января 1817 г.

Адрес: «Его высокоблагородию Дмитрию Николаевичу Блудову. В Санкт-Петербурге. Близ Аничковского моста, на вшивой бирже, в собственном доме» (Л. 7 об.). Д. Н. Блудову принадлежал дом на Невском проспекте (современный адрес Невский проспект, 80). При нем в этом доме (наряду с другими адресами участников) по четвергам проходили встречи литературного общества Арзамас. С мая по сентябрь 1817 г. Жуковский жил в доме Блудова (см.: *Шубин В. Ф. Литературный Петербург пушкинской эпохи: Адресный указатель. СПб., 1994. С. 100—111*).

Основание датировки: в письмах к А. И. Тургеневу от середины января 1817 г. и к П. А. Вяземскому от 27 января 1817 г. Жуковский упоминает о том, что он писал к Блудову о Мещёвском; содержащаяся в письме просьба к Блудову прислать статью об итальянской литературе и отрывки из записок для задуманного Жуковским издания альманаха немецкой и русской литературы «Мнемозина» («Аониды», «Тевтона») согласуется с планом альманаха, изложенным в письме к Д. В. Дашкову от середины (до 19) января 1817 г., см. примечания 16—17.

¹ О своих мероприятиях по напечатанию поэмы «Наталья» Жуковский подробно пишет в письме к П. А. Вяземскому от 27 января 1817 г. Об участии Жуковского в судьбе Александра Ивановича Мещёвского и хлопотах по печатанию его произведений см. письмо Жуковского к А. П. Елагиной от 15 сентября 1816 г., примеч. 3, письмо к А. И. Тургеневу от первой половины декабря (до 12) 1816 г., примеч. 2.

² Пустынник, арзамасское прозвище Д. А. Кавелина. «Должность», назначенная ему Жуковским, заключалась в надзоре за печатанием поэмы Мещёвского.

³ Кассандра, арзамасское прозвище Д. Н. Блудова.

⁴ Это письмо к Кавелину, по всей видимости, приложенное к рукописи поэмы Мещёвского, не сохранилось.

⁵ Имеется в виду шеститомное издание «Précis de géographie universelle, ou Description de toutes les parties du monde» (Paris, 1810) географа, этнографа и историка Конрада Мальт-Брена. Жуковский интересовался им начиная с 1808 г., а в 1812 г. просил Вяземского купить ему 2 и 3 тома этого издания (см. письмо к П. А. Вяземскому от первой половины марта 1812 г., примеч. 3).

⁶ См. письмо к Д. В. Дашкову от середины (до 19-го) января 1817 г.

⁷ *Не губи недруга, Бог приберет друга* — «Не избывай постылого, приберет Бог милото»: *Даль В. И.* Пословицы русского народа (Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и пр.). М., 1979 (раздел «Любовь — нелюбовь»).

⁸ Вдова Русинова, лицо неустановленное.

⁹ Имеются в виду жена Блудова, Анна Андреевна (урожд. княжна Щербатова) и их дочь Антонина Дмитриевна, впоследствии адресат многих шуточных писем Жуковского.

¹⁰ Речь идет о первом отдельном издании «Певца в Кремле».

314.

А. И. Тургеневу

(С. 522)

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 309. № 124 (старый шифр). Л. 320—320 об. Б. д.

Впервые опубликовано: РА. 1867. Кн. 5—6. Стб. 815—817. Перепечатано: ПЖТ. С. 171—172.

Печатается по автографу.

Датируется: середина января 1817 г.

Основание датировки: упоминание о свадьбе М. А. Протасовой и И. Ф. Мойера, состоявшейся 14 января 1817 г.

Адрес: «Его превосходительству Александру Ивановичу Тургеневу. В Санктпетербурге. На Фонтанке против Михайловского замка, в доме к<нязя> Александра Николаевича Голицына». Почтовый штампель: «Dorpat» (Л. 321 об.).

¹ Стихотворное переложение четырехстопным хореем повести Н. М. Карамзина «Наталья, боярская дочь». Подробнее см.: *Поплавская И. А.* «Наталья, боярская дочь» Н. М. Карамзина и А. И. Мещёвского // *Поплавская И. А.* Типы взаимодействия поэзии и прозы в русской литературе первой трети XIX в. Томск, 2010. С. 364—375. Цензурное разрешение на печатание этой поэмы Мещёвского было получено только 24 августа 1817 г. Отрывок был опубликован в СО (1817. № 52). Отдельное полное издание — СПб., 1817 под криптонимом А. М.

² Имеется в виду Н. И. Тургенев.

³ Свадьба М. А. Протасовой и И. Ф. Мойера, состоявшаяся 14 января 1817 г.

⁴ О какой «картинке» идет речь, установить не удалось. Возможно, это был рисунок для предполагаемого издания «Двенадцати спящих дев», который должен был гравировать Н. И. Уткин, о котором идет речь в данном письме.

⁵ Вероятно, общий план издания «Двенадцати спящих дев», так как дальше идет речь о «Вадиме».

⁶ Перстень, пожалованный Жуковскому императором Александром I.

⁷ Граф Н. П. Румянцев, за счет которого было осуществлено отдельное издание «Певца в Кремле» (ср. в письме к П. А. Вяземскому от 27 января 1817 г.: «Румянцев издатель моего “Певца”, но он знает, что деньгами его я не воспользуюсь!»).

⁸ Речь идет о Максиме Ивановиче Невзорове, писателе и журналисте, близком к московским масонам, дружившем с И. П. Тургеневым и И. В. Лопухиным. После отставки в феврале 1815 г. жил в большой бедности. Только в 1817 г. при содействии А. Н. Голицына получил «половинную» пенсию, которую раздавал нищим. Жуковский и Тургенев старались помочь ему, поэтому просьба передать ему «первую выручку» за «Певца...» была вполне естественной для Жуковского. Как явствует из благодарственного письма М. И. Невзорова от 9 августа 1817 г. Жуковский пожертвовал ему 800 рублей (РА. 1870. Вып. 10. Стб. 1952).

315.

М. Н. Свечиной

(С. 523)

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 18 (Бартенев). № 34. Л. 3—3 об. Б. г.

Публикуется впервые.

Датируется: 26 января 1817 г.

Письмо является продолжением послания М. Н. Свечиной от 12 декабря 1816 г., в котором она просит Жуковского об устройстве «арбенят», т. е. детей А. Н. Арбенева, на учебу в петербургские Лицей или пансион. В ответ Жуковский предлагает дерптскую школу М. Асмуса с планом проживания детей у Маши Протасовой-Мойер. Вероятно, этот вариант не устроил просительниц. Во всяком случае, этот сюжет не получил продолжения в переписке.

¹ А. Н. Вельяминова, сестра М. Н. Свечиной и А. Н. Арбенева.

316.

П. А. Вяземскому

(С. 523)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1909. Л. 78—79 об. Б. г.
Впервые опубликовано: Гиллельсон. С. 371 (фрагмент).
Публикуется впервые полностью.
Датируется: 27 января 1817 г.

Год определяется по упоминанию замысла русско-немецкого альманаха (см. о нем письмо к Д. В. Дашкову от середины (до 19-го) января 1817 г.).

¹ План не осуществился, но был подробно разработан арзамасцами в 1817 г. См. план издания в письме к Д. В. Дашкову от середины (до 19-го) января 1817 г.

² См. примеч. 24 в том же письме к Д. В. Дашкову.

³ Речь идет о романе Д. В. Давыдова с Елизаветой Антоновной Золотницкой, которая впоследствии увлеклась князем П. А. Голицыным и отказала Д. В. Давыдову.

⁴ Общество любителей российской словесности при Московском университете, членом которого Вяземский стал 26 февраля 1816 г.

⁵ Вероятно, подразумеваются «Овсяный кисель» и «Красный карбункул», переводы из И. П. Гебеля, выполненные сказовым гекзаметром. Далее в письме идет речь о неоднозначной реакции арзамасцев на подобное использование гексаметра для изображения обыденной жизни. Впоследствии эти переводы будут всё же представлены в Обществе любителей российской словесности и опубликованы в его «Трудах» в 1817 г.

⁶ Чтение «Вадима» в Арзамасе состоялось на 16-м заседании 24 декабря 1816 г., на котором присутствовал и Н. М. Карамзин. Окончательно текст баллады был завершён к 29 июня 1817 г.

⁷ «Певца в Кремле» (см. письмо к А. И. Тургеневу от 21 октября 1816 г., примеч. 1).

⁸ Графа Николая Петровича Румянцева (см. письмо к А. И. Тургеневу от 6 ноября 1816 г.).

⁹ О получении пенсионера см. также примеч. 1 к письму к А. П. Елагиной от 2 января 1817 г. Кроме того, 25 декабря 1816 г. А. И. Тургенев обратился к личному секретарю императрицы Елизаветы Алексеевны Н. М. Лонгинову с просьбой представить печатный экземпляр стихотворения «Певец в Кремле императрице Елизавете Алексеевне, а 29 декабря, т. е. накануне выхода рескрипта о пенсии, Н. М. Лонгинов направил Тургеневу официальное уведомление о том, что издание представлено императрице (РГИА. Ф 535. Оп. 1. № 7. Л. 541—542).

¹⁰ Князь Александр Николаевич Голицын, министр просвещения. О его роли в деле получения пенсионера Жуковским см. также в письме к А. П. Зонтаг от 4 февраля 1817 г.

¹¹ Об А. И. Мещёвском см. примеч. 3 к письму к А. П. Елагиной от 15 сентября 1816 г. и примеч. 2 к письму к А. И. Тургеневу от середины декабря 1816 г.

¹² Поэма Мещёвского «Наталья, боярская дочь», стихотворное переложение повести Н. М. Карамзина. Была издана арзамасцами в 1817 г. (в Морской типографии).

¹³ Жуковский сам имел намерение перевести гекзаметрическую поэму «Весна» Эвальда Кристиана фон Клейста (см.: ПССиП. Т. 4. С. 310—311, 355—357, 601—603. Комментарий Н. Ж. Вётшевой).

317.

И. И. Мартынову

(С. 526)

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 93 (собр. П. Я. Дашкова). Оп. 3. № 522. Л. 1.

Впервые опубликовано: РЛ. 2009. № 3. С. 93. Публикация А. С. Янушкевича. Печатается по автографу.

Датируется: 27 января 1817 г.

¹ Речь идет о дерптском друге Жуковского, Мартине Асмусе (см. о нем примеч. 6 к письму к А. И. Тургеневу от 6 ноября 1816 г.). Их длительная переписка в течение 25 лет, постоянные встречи в Дерпте, забота Жуковского о его материальном положении, 10 стихотворных посланий Асмуса к Жуковскому — все это свидетельство их близких дружеских отношений (об этом см.: *Салупере М. Г. Жуковский и М. Асмус // Ж. и русская культура. С. 437—444*). Поводом к просьбе «касательно г-на Асмуса» стало его бедственное положение после отставки (см. подробно в письме к А. И. Тургеневу от 24 февраля 1817 г.). Несмотря на настойчивые напоминания Тургеневу в течение марта—апреля 1817 г. и обращения к Мартынову, Асмус получил чин только семь лет спустя. Но получение знаков отличия, ордена святого Станислава III степени, производство в 1839 г. в коллежские асессоры, вероятно, происходило не без участия Жуковского (см.: *Салупере М. Г. Указ. соч. С. 440*).

318.

А. П. Зонтаг

(С. 526)

Автограф неизвестен.

Копии:

1) ОР РНБ. Оп. 2. № 444. Л. 4—8 об. — рукою А. П. Елагиной. с датой «4 февраля». Б. г.

2) РО ИРЛИ. Архив Грота. № 16000. Л. 2—3 — рукою А. П. Зонтаг. С датой: «4 февраля 1817 года. Дерпт».

Впервые опубликовано: Плетнев П. А. О жизни и сочинениях В. А. Жуковского // Живописный Сборник, 1853. Т. III. С. 367 (отд. оттиск: СПб., 1853. С. 43—45), фрагмент «*Пансион, который дал мне государь ~ Я не должен обмануть надежды царской*».

Впервые полностью: Грот. С. 5—7; УС. С. 89—92.

Печатается по тексту копии № 1 со сверкой по копии № 2 и публикациям.

Датируется: 4 февраля 1817 г.

Год определяется по дате свадьбы А. П. Юшковой и Е. В. Зонтага (7 января 1817 г.).

¹ Корсар, морской офицер Е. В. Зонтаг, которого Жуковский сравнивает с героем одноименной поэмы Байрона, далее упомянуты его визит в Мишенское (см. примеч. 5 к письму к А. П. Зонтаг от конца ноября (около или после 21-го) 1816 г.) и решение А. П. Юшковой принять его предложение. Письмо написано уже после бракосочетания А. П. Юшковой и Е. В. Зонтага, состоявшегося 7 января 1817 г.

² *Te Deum laudamus* (Тебя Бога хвалим) — благодарственная молитва; в католической традиции исполняется в конце воскресной утрени и на все большие праздники, в англиканской церкви — как одна из двух обязательных песен утрени, в русской православной церкви — в заключение благодарственных молебнов; многолетие (многая лета) в русской православной церкви исполняется как завершение торжественного богослужения и заключительный элемент обряда венчания.

³ Пожизненный пенсион в 4 000 рублей, пожалованный Жуковскому императором Александром I по подношении ему первого издания «Стихотворений Василия Жуковского». См. об этом: письма А. И. Тургеневу и Александру I (первая половина сентября 1816 г.) и А. П. Елагиной (7 ноября 1816 г.) в наст. изд. Рескрипт был зачитан А. И. Тургеневым на 17 заседании «Арзамаса» 6 января 1817 г. в присутствии Жуковского (см.: Арзамас-2. Кн. 1. С. 384—385).

⁴ *...поскорее успокоить совесть свою...* — В копии Зонтаг с разночтением: «и успокоить совесть свою».

⁵ Речь идет о замысле эпической поэмы «Владимир», над которой Жуковский продолжал работать в 1816 г. в Дерпте и посещал лекции историка Г. Эверса (см. комментарий Н. Вётшевой к этому замыслу: ПССиП. Т. 4. С. 609—621).

⁶ *... теперь каждая минута кажется важной тратой!* — Так и в публикации УС. В копии Зонтаг и публикации Грота с разночтением: «теперь каждая минута кажется важною».

⁷ Имеется в виду экземпляр отдельного издания «Певца в Кремле», предназначенный И. В. Киреевскому.

⁸ Проект этого письма, отправленный А. И. Тургеневу вместе с письмом от первой половины сентября 1816 г. см. в наст. изд.

⁹ *Он хотел дать мне не мелочную награду...* — В копии Зонтаг с разночтением: «Он хотел доставить мне...».

¹⁰ Анета, она же «la belle allemande» в письме к А. П. Зонтаг (конец ноября (около или после 21-го) 1816 г.) как предполагаемая кандидатура на роль жены Жуковского, неоднократно упомянута в письмах М. А. Протасовой к А. П. Киреевской (Елагиной), ср.: «Сегодня ужинают у нас гости и будет... кто? отгадай: молодая особа 17 лет, прелестная как сердце, совершенно прекрасно воспитанная, очаровательная во всех отношениях; она придет со своей матерью, бабушкой, дядей (молодым человеком 30 лет), своими маленькими братьями и сестрами. Маменька мне приказала поднести ей букет из миртов (что здесь много значит), трех гвоздик и веточки туи. И наконец... она моя соперница» (письмо от 11—13 августа 1816 г. — УС. С. 175. Подлинник по-французски. Перевод мой. — О. Л.). Ср также: «Дуняша, это было бы

замечательно, если бы прекрасная немка <la belle allemande> и Мойер имели одинаковые намерения, но если он думает о том, чтобы доставить мне счастье, то у нее нет иных мыслей кроме как о столице и Ливонии, Ливонии и столице. Однако она очаровательна; если бы только она была не так богата, не так знатна и лучше знала бы русский язык. Не хочу, чтобы ты ее узнала — ты не будешь любить меня, ты будешь любить только ее, вы с ней очень похожи, но она ребячески наивна. Ее *видели* в деревне, видеть ее *едут* в Петербург, ей *пишут* в альбом тысячу глупостей о деревьях в саду, мадмуазель поминутно краснеет и бледнеет, ее счастье — только *с нами!* она *нас* любит так нежно» (письмо от 29 октября 1816 г. — УС. С. 180—181. Подлинник по-французски. Перевод мой. — О. Л.). Относительно личности упоминаемой в этих пассажах героини потенциально-матримониального сюжета ничего достоверно не известно. Существуют три предположения по этому поводу. 1. В кодексе Елагиной имя «Анета» прокомментировано П. И. Бартевым «Лиленфельт» (Л. 6). Семейство фон Лиленфельд входило в круг знакомых семьи Воейковых в Дерпте, девицы фон Лиленфельд — Женни и Шарлотта — периодически упоминаются в дерптских стихотворениях Воейкова (см.: *Салупере М. Г. Забытые друзья Жуковского // Ж. и русская культура*. Л., 1987. С. 437; см. также послание Воейкова «К жене»: ВЕ, 1818. Ч. 99. № 9. С. 25—27; Веселовский. С. 211—212). Однако о самом факте существовании третьей сестры — Анны фон Лиленфельд — нет никаких сведений. 2. А. Е. Грузинский в УС прокомментировал этот пассаж следующим образом: «...из протасовских знакомых в Дерпте могла бы подходить разве гр. Менгден» (УС. С. 93; возможно, А. Е. Грузинский имел в виду Амалию Георгиевну, урожд. баронессу Фелькерзам, 1799—1864, дочь Георга Фридриха фон Фелькерзам, гражданского губернатора Лифляндской губернии, в замужестве графиню Менгден. В 1817 г. ей было 18 лет). 3. Наконец, К. Я. Грот высказал предположение о том, что это могла быть баронесса Анна фон Лёвенштерн, сославшись на «намеки в письмах Карамзина (1817 г.)» (Грот. С. 6) — однако в письмах Карамзина за 1817 г. никаких намеков на возможную женитьбу Жуковского, как и самого имени «Лёвенштерн», не обнаружено. А. Е. Грузинский, комментируя письмо М. А. Протасовой к А. П. Киреевской (Елагиной) от 29 ноября 1816 г., замечает: «...присоединяем указание на бар. фон Лёвенштерн, которую звали Анной» (УС. С. 181). Анной звали жену Карла Людвиг фон Лёвенштерна (Анна Шарлотта, урожд. фон Фитингоф), но дочерей брачного возраста у этой супружеской четы в 1817 г. быть не могло. Следовательно, речь может идти только о других ветвях этого большого лифляндского рода — возможно, Анета фон Лёвенштерн принадлежала к одной из них. Семейство фон Лёвенштерн принадлежало к верхушке остзейской аристократии: барон Генрих Карл Людвиг фон Лёвенштерн был вице-губернатором Лифляндии, на Софии фон Лёвенштерн, дочери богатого землевладельца Карла Отто фон Лёвенштерна был женат общий знакомый Жуковского, Карамзина и Протасовых, баварский посланник при русском дворе граф Франсуа Габриэль де Брей; об образе жизни фон Лёвенштернов — де Брей сохранились согласующиеся с характеристикой Жуковского и М. А. Протасовой-Мойер воспоминания Ф. В. Булгарина: «В это время жил в Дерпте патриарх лифляндского гостеприимства, барон Лёвенштерн, в прекрасном своем доме, на большой площади, возле

Ратуши. Высокая немецкая честность и прямотушие, французская любезность и русское гостеприимство были соединены в семействе Лёвенштерна. <...> Француз родом и баварец по натурализации, граф де Бре, женившийся потом на дочери <так у Булгарина> барона Лёвенштерна и бывший долгое время баварским посланником при российском дворе» (*Булгарин Ф. В. Воспоминания. М.: Захаров. 2001. Ч. III. Гл. 1*). Тем не менее, личность потенциальной героини несостоявшихся матримониальных планов Жуковского и его родственного окружения остается загадочной.

¹¹ *Здесь я не позволю себе действовать по первому побуждению...* — В копии Зонтаг с разночтением, искажающим смысл: «Здесь я позволяю себе действовать по первому побуждению...».

¹² *... чтобы Вы не платили мне процентов, а уплачивали ими мои долги, начиная с себя...* — В копии Зонтаг разночтение: «... чтобы Вы не присылали мне процентов, а уплачивали ими мои долги; начните с себя...».

¹³ *Если расчеты меня не обманут...* — В копии Зонтаг: «Если мои расчеты меня не обманывают...».

¹⁴ Имеется в виду Карл Иванович Вагнер, учитель Ивана и Петра Киреевских. См. о нем письмо к А. П. Елагиной от 7 ноября 1816 г. в наст. изд. Историю появления Вагнера в семье А. П. Елагиной она излагает в письме Жуковскому от 10 октября 1816 г. (Переписка Ж. и Елагиной. С. 185—186. Указатель имен). Вагнер неоднократно упомянут и в письмах М. А. Мойер к А. П. Елагиной (УС. С. 180, 186, 218).

¹⁵ *... понеглижировал...* — от франц. *négliger* — «относиться небрежно, оставлять без внимания, пренебрегать».

¹⁶ Здесь речь идет об исходатайствовании жалованной дворянской грамоты и герба для В. А. Азбукина, мужа Е. П. Юшковой (Катоши). Об этом деле Жуковский неоднократно пишет в письмах к А. П. Елагиной (от 17 декабря 1815 г., во второй половине (после 19-го) февраля 1816 г., 12 апреля 1816 г., в конце мая (до 23-го) 1816 г., 7 ноября 1816 г.), а также к А. И. Тургеневу (во второй половине июня 1816 г., 4 июля 1816 г., во второй половине января 1817 г.) и к С. П. Жихареву (23—24 мая 1816 г., 31 октября 1816 г.). См. наст. изд.

319.

И. Ф. Николеву

(С. 530)

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 18. № 26. Л. 1—2.

Впервые опубликовано: РА. 1902. № 5. С. 133—134, с датой: «1817. Февраля 18. Дерпт».

Печатается по автографу.

Датируется: 18 февраля 1817 г.

¹ Речь идет об А. Г. Жуковском, крестном отце поэта, бедном дворянине, «жившем на хлебах у Буниных». По воспоминаниям А. П. Зонтаг, поэт получил его фамилию (Ж. в воспоминаниях. С. 94). Критику семейного предания об усыновлении Жу-

ковского его крестным см.: *Глаголева О. Е., Фомин Н. К.* Незаконнорожденные дети в XVIII в.: Новые материалы о получении В. А. Жуковским дворянского статуса // Отечественная история. 2002. № 6.

² Пожелание Жуковского взять на попечение сына А. Г. Жуковского и племянника И. Ф. Николева, Павла Андреевича Жуковского, было исполнено. В письме М. А. Мойер к А. П. Елагиной от 7 февраля 1818 г. говорится о его учебе в дерптском пансионе Асмуса и он характеризуется так: «Павлуша Жук<овский> самый простой и глупенький мальчик, но он так много научился по-немецки и во всех науках так ушел, что видно, что у него хорошие примеры в глазах и что им много занимаются» (УС. С. 202—203). По словам издателя УС А. Е. Грузинского, он «в 1817 г. жил на попечении Мойера и в приписках к письмам Е. А. Протасовой звал нашего поэта братом» (Там же. С. 42. Примеч. 1). Из письма Жуковского к А. П. Елагиной от декабря 1818 г. известно, что он финансировал обучение своего «питомца» (Переписка Ж. и Елагиной. С. 212).

³ По-видимому, вдова А. Г. Жуковского жила в Камышине, так как в письме к А. П. Елагиной от 29 декабря 1825 г. поэт писал: «... мой питомец, сын Андрея Григорьевича Жуковского <...> едет из Петербурга в Камышин к своей матери» (Переписка Ж. и Елагиной. С. 280). Других сведений о ней не обнаружено.

320.

Д. Н. Блудову

(С. 531)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 72. Оп. 1. № 5. Л. 5. Б. г.

Впервые опубликовано: РЛ. 2009. № 3. С. 92—93. Публикация А. С. Янушкевича.

Печатается по автографу.

Датируется: 18 февраля 1817 г.

Основанием для датировки письма 1817-м г. является его общий контекст: упоминание об экземплярах «Певца» («Певец в Кремле»), напечатанного в декабре 1816 г. (ПЖТ. С. 173), о Николеве, о Мещёвском, о приеме в «Арзамас» Д. А. Кавелина (ноябрь 1816 г.). Таким образом, указанная в письме дата «18 февраля» соотносится именно с 1817 г.

¹ Инвектива Жуковского, видимо, была вызвана тем, что Блудов не послал письмо, адресованное великому князю Константину Павловичу, председателю Совета по военным училищам, о помещении племянника И. Ф. Николева в кадетский корпус. Основание для этого предположения — фрагмент из письма к А. И. Тургеневу от конца февраля — начала марта 1817 г. из Дерпта: «Если бы Блудов не вспомнил о письме Николева и наконец не вздумал бы его послать, давши ему 20 дней жить в Петербурге, вы бы все кончили без меня и сделали бы еще кадета, то есть куклу бездушную, и мне бы только осталось браниться и злиться!», а также письмо к самому И. Ф. Николеву (см. выше).

² Имеется в виду «Певец в Кремле», напечатанный в типографии Медицинского департамента в самом конце 1816 г.

³ О ссыльном поэте А. И. Мещёвском см. примеч. 3 к письму к А. П. Елагиной от 15 сентября 1816 г.

⁴ Это письмо не сохранилось.

⁵ Вероятно, неудовольствие Жуковского по поводу молчания Дашкова и Северина было связано с замыслом издания русско-немецкого альманаха; поэт надеялся на их сотрудничество в этом издании. См. письмо к Д. В. Дашкову от середины (до 19-го) января 1817 г. и примеч. 18.

321.

И. И. Мартынову

(С. 531)

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 93. Оп. 3. № 522. Л. 2.

Впервые опубликовано: РЛ. 2009. № 3. С. 94. Публикация А. С. Янушкевича. Печатается по автографу.

Датируется: 18 февраля 1817 г.

¹ О каком предложении Мартынова А. Ф. Воейкову, который в это время был профессором русского языка в Дерптском университете, идет речь, установить не удалось. Возможно, это связано с переводом «Георгик» Вергилия, который Воейков закончил в это время и экземпляр которого Мартынов хотел доставить для поднесения императору Александру I (см.: письмо к А. И. Тургеневу от 24 февраля 1817 г.).

322.

А. И. Тургеневу

(С. 532)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 152. Л. 12—12 об. Б. д.

Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 172—173.

Печатается по автографу.

Датируется: около 18 февраля 1817 г.

Основанием для датировки письма является его общий контекст, связанный с получением письма от Блудова, хлопотами вокруг Николева (см. письма к ним от 18 февраля 1817 г.). Вероятно, в этот же день или около 18-го февраля было написано письмо и к Тургеневу.

¹ О И. Ф. Николеве см. письмо к нему от 18 февраля 1817 г.

² Граф Андрей Андреевич Мантейфель, эстляндский помещик, дерптский знакомый Жуковского, попечитель Казанского учебного округа.

³ По всей вероятности, эти хлопоты не увенчались успехом, так как среди выпускников Царскосельского лицея сыновей Мантейфеля нет. См.: Руденская С. Д. Царскосельский — Александровский лицей: 1811—1917. СПб., 1999. С. 495. Приложение «Выпускники Царскосельского Лицейского благородного пансиона 1819—1829 годов (I—XI курсы)».

⁴ Очевидно, описка Жуковского. Судя по контексту письма к И. Ф. Николеву от 18 февраля 1817 г., где речь идет о сыне А. Г. Жуковского Павле (см. примеч. 2 к этому письму), должно было бы быть не «брат его сестры» (т. е. брат И. Ф. Николева), а «сын его сестры», т. е. племянник. А. Г. Жуковский, отец мальчика, был, вероятно, женат на сестре И. Ф. Николева.

⁵ Намек на «Послание к Т<ургене>ву» К. Н. Батюшкова, вошедшее в письмо Батюшкова к А. И. Тургеневу от 14 октября 1816 г. Было опубликовано в «Пантеоне русской поэзии» (Ч. 6. СПб., 1815. С. 234—237). Ср.:

О ты, который средь обедов,
Среди веселий и забав <...>
О ты, который с похорон
На свадьбы часто поспеваешь...
(Батюшков. Т. 1. С. 215—216).

323.

А. А. Прокоповичу-Антонскому

(С. 533)

Автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: РА. 1902. № 5. С. 140—141, с датой: «1817. Февраля 24. Дерпт».

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: 24 февраля 1817 г.

¹ Речь идет о назначении Жуковскому пожизненной пенсии в 4 000 рублей ассигнациями. Об этом поэт сообщает также в письме к А. П. Елагиной от 2 января 1817 г.

² В связи со свадьбой М. А. Протасовой и И. Ф. Мойера, которая состоялась 14 января 1817 г., Жуковский находился в Дерпте с января до начала мая 1817 г.

³ Работа над стихотворением «Певец в Кремле» была завершена 1 ноября 1816 г., в конце декабря того же года вышло отдельным изданием. Подробнее об издании «Певца» см.: ПССиП. Т. 2. С. 458—464. Комментарий Н. В. Серебренникова.

⁴ Литературное общество «Собрание воспитанников университетского Благородного пансиона».

⁵ 9 октября 1817 г. Жуковский приедет в Москву в качестве учителя русского языка великой княгини Александры Федоровны и первое время будет жить на квартире А. А. Прокоповича-Антонского. См. об этом в письме к А. И. и Н. И. Тургеневым, Д. Н. Блудову, К. Н. Батюшкову от второй половины октября 1817 г.: «Прошу <...> прислать мои деньги. <...> с тем, чтобы передать мне, живущему

в Университетском Благородном Пансионе у известного профессора Антонского. <...> Я опять в пансионе, там, где жил мальчиком; а сколько перемен с того времени. Квартиры еще не имею, но скоро иметь буду». О проживании в Москве на квартире у А. А. Прокоповича-Антонского поэт также сообщает и в письме к А. А. Воейковой от 17 октября 1817 г.: «Я живу опять в пансионе (моя казенная квартира еще не готова). <...> Мой адрес: в Москве; Его Высокор. Ант. Ант. Прокоповичу-Антонскому на Тверской в благородн. универ. пансионе для передачи В. А. Ж.». В конце октября поэт переселится в Кремль, в одну из келий Чудова монастыря. Об этом он сообщает в письме А. И. Тургеневу около 22 октября 1817 г.

324.

А. И. Тургеневу

(С. 534)

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 309. № 124 (старый шифр). Л. 326. Б. г.

Впервые опубликовано: РА. 1867. Кн. 5—6. Стб. 817—818, с пометой: «24 февраля (1817)». Перепечатано: ПЖТ. С. 173—174.

Печатается по автографу.

Датируется 24 февраля 1817 г.

Год определяется по упоминанию пребывания графа Мантейфеля в Петербурге (ср. просьбу о нем в письме к А. И. Тургеневу, написаном около 18 февраля 1817 г.).

Адрес: «Его превосходительству Александру Ивановичу Тургеневу. В Санктпетербурге. Против Михайловского замка, в доме князя Александра Николаевича Голицына». Почтовый штампель: «Dorpat» (Л. 327).

¹ Это письмо Тургенева в печати неизвестно.

² Воейковский перевод «Георгик» Вергилия первоначально печатался в ВЕ (1816—1817 гг.).

³ Отдельное издание перевода А. Ф. Воейковым поэмы французского поэта Жака Делиля «Les jardins» появилось в 1816 г.: Сады, или Искусство украшать сельские виды. Сочинение Делиля / Перевел Александр Воейков. СПб.: В Медицинской типографии, 1816. Подробнее см.: Лотман Ю. М. «Сады» Делиля в переводе Воейкова и их место в русской литературе // Делиль Ж. Сады. Л., 1988. С. 191—209. (Сер. «Лит. памятники»). О французском экземпляре поэмы Делиля, с которым работал Воейков и который в настоящее время находится в библиотеке Жуковского (Описание. № 892), см.: Реморова Н. Б. Книга Ж. Делиля «Сады» из библиотеки В. А. Жуковского как памятник истории культуры // Памятники культуры: Новые открытия. 1985. М., 1987. С. 19—32. В библиотеке поэта имеется также экземпляр перевода «Садов» Воейкова в кожаном переплете с золотым тиснением и золотыми обрезками. На верхней крышке переплета приплетена золоченая пластинка с инициалами Александры Воейковой и датой — «А. В. 1816». После заглавного листа

вклеен двойной лист бумаги, на первой странице которого напечатано посвящение (Описание. № 113).

⁴ Реализацией этого плана стало издание «Эклог и Георгик» Вергилия (Т. 1—2. СПб., 1816—1817). На страницах ВЕ (1817. Ч. 92. № 7. Апрель. С. 161—187) был опубликован отрывок из воейковского перевода первой песни «Энеиды».

⁵ Куратором, т. е. попечителем Дерптского учебного округа в это время был генерал-лейтенант граф Карл Андреевич Ливен.

⁶ Князю А. Н. Голицыну.

⁷ Имеется в виду директор департамента народного просвещения Василий Михайлович Попов.

⁸ Сочинение немецкого историка Карла фон Роттека «Allgemeine Geschichte vom Anfang der historischen Kenntnis bis auf unsre Zeiten» (6 Bde. Freiburg, 1813—1818). В библиотеке поэта имеется более позднее издание этого сочинения в 9 томах (Freiburg, 1826) с многочисленными пометами и записями владельца (Описание. № 1978). Следы экслибриса великого князя Александра Николаевича на переплетах томов дают возможность предполагать, что Жуковский использовал сочинение К. Роттека в учебных целях.

⁹ Сочинение немецкого экономиста и статистика Бурхарда Генриха фон Вихмана «Darstellung der russischen Monarchie nach ihren wichtigsten statistisch-politischen Beziehungen. Zum Gebrauch akad. Vorlesungen» (Th. 1—2. Leipzig u. Riga, 1813).

325.

А. И. Тургеневу

(С. 535)

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 309. № 124 (старый шифр). Л. 317. Б. д.

Впервые опубликовано: РС. 1901. Стб. 135. с пометой: «Конец февраля или начало марта 1817 г., Дерпт»

Печатается по автографу.

Датируется: конец февраля — начало марта 1817 г.

¹ Письмо Жуковского к Кавелину о деле Николева не сохранилось, но Жуковский упоминает о нем в письме к Д. Н. Блудову от 18 февраля 1817 г. О деле Николева см. письмо к А. И. Тургеневу (около 18 февраля 1817 г., примеч. 3). Эти упоминания в датированных письмах дают возможность отнести комментируемое письмо к концу февраля — началу марта 1817 г.

326.

А. И. Тургеневу

(С. 535)

Авторграф: РНБ. Оп. 2. № 152. Л. 14. Б. д.

Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 174—175, с пометой: «В конце февраля или в марте 1817, Дерпт».

Печатается по автографу.

Д а т и р у е т с я: конец февраля — начало марта 1817 г.

Датируется по упоминанию дела о выборе учебного заведения для Павла Андреевича Жуковского, сына крестного отца поэта (см. примеч. 2 к письму к И. Ф. Николеву от 18 февраля 1817 г.).

¹ Великому князю Константину Павловичу, председателю Совета военных училищ. Речь идет о племяннике Николева, которого хотели поместить в кадетский корпус.

² Возможно, имеется в виду скандальная брошюра французского писателя и государственного деятеля Ф. Р. Шатобриана «Монархия согласно Хартии» («Monarchie selon la charte»), появившаяся в Париже в сентябре 1816 г. и почти сразу же конфискованная. В результате Шатобриана лишили должности министра без портфеля. Хотя речь может идти не о конкретном произведении, а вообще о брошюрах с речами Шатобриана, которые были популярны в то время.

³ Скорее всего, Жуковский так называет своего воспитанника, сына своего крестного отца, А. Г. Жуковского, Павла Андреевича Жуковского, который жил в это время в Дерпте на попечении Мойеров и посещал частную школу М. Асмуса, в которой воспитывалось около 50 мальчиков (см. письмо к А. И. Тургеневу от 24 февраля 1817 г.; см. также примеч. 2 к письму к И. Ф. Николеву от 18 февраля 1817 г. в наст. изд.

327.

И. И. Дмитриеву

(С. 536)

Автограф неизвестен.

Копия неизвестна.

В п е р в ы е о п у б л и к о в а н о: РА. 1866. № 7—12. Стб. 1631—1632, с датой: «1817. Марта 1. Дерпт».

Печатается по тексту первой публикации.

Д а т и р у е т с я: 1 марта 1817 г.

¹ См. письмо И. И. Дмитриева Жуковскому от 10 февраля 1817 г. с благодарностью за получение «Певца в Кремле» (РА. 1871. Стб. 423—424).

² Жуковский посетил Дмитриева в Москве 22 июня, о чем Дмитриев писал А. И. Тургеневу в этот же день: «Сейчас расстался со мною добрый В. А. Жуковский» (РА. 1867. № 7. Стб. 1088).

³ Имеется в виду сбор материала для поэмы «Владимир» на сюжет из древнерусской истории.

328.

А. И. Тургеневу

(С. 537)

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 309. № 124 (старый шифр). Л. 309. Б. д.

Впервые опубликовано: РА. 1867. Кн. 5—6. Стб. 819. Перепечатано: ПЖТ. С. 176.

Печатается по автографу.

Датируется: конец марта (до 25-го) 1817 г.

Адрес: «Его превосходительству Александру Ивановичу Тургеневу. В Санктпетербурге. У Семионова моста, на Фонтанке, против Михайловского замка, в доме князя Александра Николаевича Голицына» (Л. 310).

Основанием для датировки является указание в тексте письма на праздник Светлого Воскресения. Пасха в 1817 г. приходилась на 25 марта.

¹ Имя «чудака, поэта, бродяги, ребенка, старика» раскрыто в карандашной приписке рукою А. И. Тургенева: «Белендорф». Имеется в виду курляндский поэт Казимир Антон Ульрих Белендорф, отличавшийся причудливым характером, любовью к фантазиям и грезам. См.: Siegel. № 163. S. 368. Примеч. 1.

329.

А. И. Тургеневу

(С. 537)

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 309. № 124 (старый шифр). Л. 307. Б. д.

Впервые опубликовано: РС. 1901. Стб. 135—136, с пометой: «В марте 1817 г., Дерпт».

Печатается по автографу.

Датируется: март 1817 г.

Адрес: «Его превосходительству Александру Ивановичу Тургеневу. В Санктпетербурге. В доме К. Александра Николаевича Голицына» (Л. 308).

Датируется на основании реалий: упоминания о просьбе Мантейфеля (примеч. 1) и о биографии Лерберга (письмо к А. И. Тургеневу от середины января 1817 г., переданное через Ф. Зарембу).

¹ В письмах к А. И. Тургеневу около 18 февраля 1817 г. и от 24 февраля 1817 г.

² См. примеч. 4 к письму к А. И. Тургеневу от первой половины (после 6-го) ноября 1816 г.

³ Сочинение немецкого историка Христиана Фридриха Рюса «Handbuch der Geschichte des Mittelalters» (Berlin, 1816). В библиотеке Жуковского имеется штутгартское издание этого сочинения 1840 г. (Описание. № 1994), а также: Die Edda.

Nebst einer Einleitung über nordische Poesie und Mythologie und einem Anhang über die historische Literatur des Isländer. Von Friedrich Rühls (Berlin, 1812) — с пометами владельца (Описание. № 1993).

⁴ Лекции историка Густава Эверса Жуковский слушал в Дерптском университете.

330.

А. И. Тургеневу

(С. 538)

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 309. № 124. Л. 323. Б. д.

Впервые опубликовано: РА. 1867. Кн. 5—6. Стб. 812—813. Перепечатано: ПЖТ. С. 175—176.

Печатается по автографу.

Датируется: конец марта 1817 г.

Обоснование датировки: см. примеч. 5.

¹ Речь идет о представлении литературных трудов Воейкова императору Александру I. См. письмо к А. И. Тургеневу от 24 февраля 1817 г., примечания 1—4.

² Генерал-лейтенант граф Карл Андреевич Ливен, попечитель Дерптского учебного округа с 1817 по 1828 г.

³ Имеется в виду А. Н. Голицын.

⁴ Н. И. Гнедич за свою литературную деятельность был награжден двумя орденами — Владимира IV степени и Анны II степени.

⁵ Имеется в виду послание Жуковского к арзамасцам под названием «В Общее собрание Нового Арзамаса от действительного Секретаря Его Превосходительства всепокорнейшее завывание», призывающее арзамасцев помочь Мещёвскому изданием его произведений. См. примеч. 2 к письму к А. И. Тургеневу от первой половины декабря (до 12-го) 1816 г. Поскольку в послании упоминается близкая Пасха (см.: ПССиП. Т. 11. С. 53; в 1817 г. Пасха пришлась на 6 апреля), «всепокорнейшее завывание», его чтение в «Арзамасе» и отклик Жуковского на это чтение позволяют отнести это письмо к концу марта 1817 г.

331.

П. А. Вяземскому

(С. 538)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1909а. Л. 8—8 об. Б. д.

Публикуется впервые.

Датируется: март 1817 г.

Датируется по упоминанию о рождении дочери Вяземского Прасковьи (см. примеч. 6).

¹ «Певца в Кремле».

² См. в письме к П. А. Вяземскому от 27 января 1817 г., примеч. 11 и 12.

³ Письмо в печати неизвестно.

⁴ См. о Д. И. Герценберге примеч. 5 к письму к А. И. Тургеневу от первой половины декабря 1816 г.

⁵ Александр Яковлевич Булгаков, чиновник по особым поручениям при московском генерал-губернаторе, в 1832—1856 гг. московский почт-директор.

⁶ Дочь Вяземского Прасковья родилась 21 февраля 1817 г. Упомянутая далее «тройка» — трое детей Вяземского.

332.

А. И. Тургеневу

(С. 539)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 152. Л. 16—17. Б. г.

Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 176—179.

Печатается по автографу.

Датируется: 25 апреля 1817 г.

Год определяется по упоминанию о предложении стать учителем русского языка принцессы Шарлотты, невесты великого князя Николая Павловича.

¹ Имеется в виду М. Н. Свечина. Упомянутое письмо, вероятно, повествующее о состоянии Жуковского накануне свадьбы М. А. Протасовой и И. Ф. Мойера, неизвестно.

² Находясь в Дерпте после женитьбы Маши Протасовой, Жуковский начинает «новую жизнь», о чем и говорит другу.

³ Григорий Андреевич Глинка, переводчик, филолог, драматург; в 1802—1810 гг. профессор русской словесности в Дерптском университете, с 1811 г. помощник воспитателя великих князей Николая и Михаила Павловичей, преподаватель русского языка и литературы членам царской фамилии.

⁴ Невеста великого князя Николая Павловича, дочь прусского короля Фридриха Вильгельма III Фредерика Луиза Шарлотта Вильгельмина, с 1 июня 1817 г. великая княгиня Александра Федоровна.

⁵ Н. М. Карамзин.

⁶ Императрица Мария Федоровна.

⁷ Все эти планы поэта не осуществились: ему не удалось совершить путешествие, съездить в Белев, а в октябре 1817 г. он начинает занятия с великой княгиней. Однако, как явствует из дневника, свою должность он рассматривает как новый этап жизни и творчества, связанный с внутренней свободой. В записи от 27 октября он так говорит об этом: «Одним словом, до сих пор чувствую себя совершенно счастливым в своей должности, и счастливым особенно потому, что чувствую себя со всех сторон независимым: *извне и внутри души*. Честолюбие молчит; в душе одно

желание доброго. Без всякого беспокойства желания смотрю на будущее и весь отдан настоящему. Милая, привлекательная должность! Поэзия! Свобода! Заслуженное уважение по чистоте намерений и дел, желание добра всем и сердечная уверенность, что не буду ни с кем соперником и не огорчусь потерей выгод, ибо не ищу их — вот теперь мое положение» (ПССиП. Т. 13. С. 124. Курсив Жуковского).

333.

А. И. Тургеневу

(С. 542)

Автограф: РО ИРЛИ. Ф. 309. № 124 (старый шифр). Л. 315. Б. д.

Впервые опубликовано: РС. 1901. Стб. 137.

Печатается по автографу.

Датируется: конец апреля (после 25-го) 1817 г.

Основание датировки: месяц и число предыдущего письма; комментируемое написано вслед ему.

¹ Данное письмо продолжает сюжет предыдущего, связанный с предложением Г. А. Глинки занять должность учителя русского языка великой княгини Александры Федоровны. Письмо Глинке, которое Жуковский просит Тургенева передать, в печати неизвестно.

334.

К. Моргенштерну

(С. 542)

Автограф неизвестен.

Копия неизвестна.

Впервые опубликовано: Ученые записки Юрьевского университета. 1904. № 5. Приложение. С. 90.

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: апрель 1817 г.

Датировка первопубликации маем 1817 г. является ошибочной, поскольку, как это явствует из следующего письма Жуковского к А. П. Елагиной, поэт покинул Дерпт 2 мая. Записочка с приглашением на обед — еще одно свидетельство теплых дружеских отношений Жуковского и профессора эстетики и классической филологии Дерптского университета Карла Моргенштерна. Подробнее см. письмо к нему от 22 сентября 1815 г. и список адресатов в наст. изд.

¹ В числе приглашенных были профессора Дерптского университета Георг Фридрих Паррот, Лоренц Эверс и Мориц Энгельгардт. Последний вместе с Ф. Парротом в 1811 г. совершил путешествие в Крым и на Кавказ. В библиотеке Жуковского хра-

нится их совместное сочинение «Reise in die Krym und den Kaukasus. Von Moritz von Engelhardt und Friedrich Parrot. Th. 1—2. Berlin, 1815» (Описание. № 988) — с дарственной надписью, часть которой срезана при переплете книги.

335.

А. П. Киреевской (Елагиной)

(С. 543)

Автограф неизвестен.

Копия неизвестна.

Впервые опубликовано: УС. С. 193.

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: 1 мая 1817 г.

Основание датировки: приписка к письму М. А. Мойер к А. П. Елагиной от 1 мая 1817 г., написанному в ответ на ее несохранившееся письмо в Дерпт от 7 апреля 1817 с сообщением о смерти Е. П. Азбукиной. Как явствует из текста М. А. Мойер («Ангел мой, я только что получила твое письмо от 7 апреля, то есть почти через 6 недель после ее смерти»: УС. С. 193; подлинник по-французски), Е. П. Азбукина умерла в последних числах марта, вероятно, накануне Пасхи (ср. в тексте Жуковского ответ «воистину» на слова Елагиной «Христос воскрес!»; в 1817 г. Пасха пришла на 25 марта).

¹ В 1817 г. Жуковскому не удалось приехать в Долбино.

² Имеются в виду переговоры о назначении Жуковского учителем русского языка принцессы Шарлотты, будущей великой княгини Александры Федоровны

336.

А. Е. Измайлову

(С. 543)

Автограф неизвестен.

Копия: РО ИРЛИ. Ф. 461. № 10. Л. 1.

Впервые опубликовано: ИВ. 1889. Т. 37. № 7—9. С. 215.

Печатается по копии.

Датируется: 22 июня 1817 г.

Поводом к написанию письма стало избрание Жуковского членом Общества любителей словесности, наук и художеств на заседании 21 июня 1817 г. Председателем на этом заседании был поэт и журналист А. Е. Измайлов.

337.

М. А. Мойер

(С. 543)

Автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: РС. 1883. Т. 40. № 10. С. 79.

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: июнь—июль 1817 г.

Письмо датируется по откликам на два события в жизни А. П. Елагиной — смерть ее сестры Е. П. Азбукиной (об этом Жуковский писал и в письме к А. П. Елагиной от 1 мая 1817 г.) и бракосочетание с А. А. Елагиным, состоявшееся 4 июля 1817 г. См. письмо Жуковского к А. П. Елагиной (середина июля 1817 г.), в котором речь идет об этих двух событиях в жизни Авдотьи Петровны, о его желании поздравить ее и о препятствии, мешающем это сделать.

¹ Ср. в том же письме к Елагиной, где он жалуется на отсутствие писем из Дерпта с самого своего отъезда оттуда в начале мая 1817 г.

² Речь идет о предполагаемом назначении учителем русского языка к великой княгине Александре Федоровне.

³ О желании ехать в Долбино Жуковский писал и в письме от 1 мая 1817 г.

338.

А. П. Елагиной

(С. 544)

Автограф неизвестен.

Копия: РНБ. Оп. 2. № 442. Л. 13—14 об., с пометой: «(СПб. 1817. В июле)». См. примечания к письму Жуковского к А. П. Елагиной от второй половины сентября 1814 г.

Впервые опубликовано: УС. С. 25—27, с пометой: «(Июль 1817 г.)».

Печатается по копии.

Датируется: середина июля 1817 г.

Датируется по упоминанию о свадьбе А. П. и А. А. Елагиных, состоявшейся 4 июля 1817 г. (УС. С. 27). Письмо Елагиной (не сохранилось), на которое отвечал Жуковский, было написано ею, по-видимому, в день свадьбы (см.: «Писать ко мне и писать так много, и в какую минуту! <...> в день Вашей свадьбы!»).

¹ К. Я. Дезе.

² Сближение Елагиных произошло в период предсмертной болезни Е. П. Азбукиной, скончавшейся в начале 1817 г.

³ По словам А. Е. Грузинского, «летом все дерптские поехали в Муратово — и Мойеры, и Воейковы, и Екатерина Афанасьевна, — но на свадьбе не были, потому

что Елагин решил обвенчаться в Козельске без всякой пышности и съезда гостей и родни» (УС. С. 27).

⁴ Письма Елагиной за 1817 г. неизвестны (см.: Переписка Ж. и Елагиной. С. 199).

⁵ А. А. Плещеев только что потерял жену, А. И. Плещееву.

⁶ Речь идет о назначении Жуковского учителем к великой княгине Александре Федоровне.

339.

П. А. Вяземскому

(С. 545)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1909а. Л. 1. Б. г.

Публикуется впервые.

Датируется: 11 августа 1817 г.

Год определяется по дате выхода в свет отдельного издания старинной повести в двух балладах «Двенадцать спящих дев».

¹ Речь идет об отдельном издании, куда были включены баллады «Громобой» и «Вадим»: Двенадцать спящих дев, старинная повесть, сочинение Василия Жуковского. СПб.: В Медицинской типографии, 1817. Цензурное разрешение было получено 4 июля 1817 г. Очевидно, к началу августа книга была уже напечатана.

² Перечисляются стихотворения Вяземского «Д. В. Давыдову» («Давыдов! где ты? что ты? сроду...»), «Цветы» («Спешите в мой прохладный сад...»), «Волнение» (возможно, фрагмент «Желанья, бурные желанья...» — ОА. Т. 2. С. 107—108), «Услад» («Схвативши меч булатный...»), «К овечкам» («Овечки милые! как счастлив ваш удел...»).

³ Николай Иванович Нагибин, чиновник канцелярии Синода, затем департамента народного просвещения, выполнявший различные поручения А. И. Тургенева и П. А. Вяземского.

⁴ О М. Ф Орлове см. примеч. 1 к письму к А. И. Тургеневу от первой половины декабря 1816 г. Заседание, о котором говорится далее, прошло в доме Орлова 13 августа 1817 г.

⁵ 27 августа 1817 г. Вяземский получил назначение на службу в Варшаву в качестве переводчика при императорском комиссаре Н. Н. Новосильцеве, в 1813—1815 гг. вице-президенте временного совета, управляющего Варшавским герцогством (впоследствии Царство Польское), позднее представителем императора Александра I при совете, управляющем Царством Польским, а с 1821 года — советнике наместника Царства Польского и доверенном лице великого князя Константина Павловича.

⁶ Подразумеваются «Опыты в стихах и прозе» Батюшкова, изданные Н. И. Гнедичем в 1816—1817 г.

⁷ Имеются в виду частные Санкт-Петербургские типографии Александра Ивановича Плюшара и Николая Ивановича Греча.

⁸ В. Л. Пушкину.

⁹ Это письмо к И. И. Дмитриеву неизвестно.

¹⁰ «Красный карбункул», перевод И. П. Гебеля, был представлен в Обществе любителей российской словесности и опубликован в его «Трудах» с авторским предисловием (1817. Ч. 9. С. 49—65).

¹¹ А. Ф. Мерзляков сам много переводил гекзаметром, но считал его принадлежностью высокой эпической поэзии.

340.

А. И. и Н. И. Тургеневым

(С. 547)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 153. Л. 1. Б. д.

Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 179—180.

Печатается по автографу.

Датируется: 18 сентября 1817 г.

Основанием для датировки является прощальная речь Жуковского на заседании «Арзамаса» 18 сентября 1817 г., обнаруженная среди писем Жуковского к П. А. Вяземскому (см.: Арзамас-2. Кн. 1. С. 586).

¹ В письме перечисляются прозвища следующих арзамасцев: Варвик — Н. И. Тургенев, Арфа (Эолова арфа) — А. И. Тургенев, Вран (Черный Вран) — А. А. Плещеев, Светлана — В. А. Жуковский, Кот (Резвый Кот) — Д. П. Северин, Ахилл — К. Н. Батюшков, Журавль (Ивиков Журавль) — Ф. Ф. Вигель.

² Возможно, в сентябре—октябре 1817 г. в этом доме жил Жуковский. См.: Иезуитова Р. В. Жуковский в Петербурге. Л., 1976. С. 289.

³ Д. Н. Блудов, арзамасец, имевший прозвище Кассандра.

⁴ Михаил Александрович Салтыков, сенатор, попечитель Казанского учебного округа, почетный член «Арзамаса».

341.

И. И. Дмитриеву

(С. 547)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 73. Л. 91—92. Б. г.

Впервые опубликовано: РА. 1870. Стб. 1703—1705.

Печатается по автографу.

Датируется: 20 сентября 1817 г.

Основанием для отнесения письма к 1817-му г. является указание на предстоящий приезд в Москву в октябре 1817 г. в связи с получением должности учителя русского языка великой княгини Александры Федоровны.

¹ Как известно, Жуковский приехал в столицу 9 октября 1817 г., а уже 10-го посетил Дмитриева (ПССиП. Т. 13. С. 123). О новом доме Дмитриева на Патриарших прудах см. письмо к нему от 18 февраля 1816 г., примеч. 4.

² В письме к П. А. Вяземскому от 28 августа 1817 г. Карамзин об этом событии сообщал так: «Прощаясь, я сказал ему: Государь! Желаем не новых от Вас милостей, а продолжения старых! И Жуковский с местом, и не по милости Глинки. Императрица сказала мне, что Жуковский за молодостью *не может быть* учителем великой княгини... Я представил, что ему 34 года, и описал его благородный характер. Надлежало еще объяснить некоторые обстоятельства его жизни — и третьего дня наш поэт обедал в Павловском уже как признанный учитель <...>» (Старина и Новизна. 1897. № 28. С. 33—34). В письме к Жуковскому от 6 сентября Дмитриев поздравил его «с новым Монаршим благословением» и добавил: «Этот случай принес мне сугубую радость, ибо ласкаю себя надеждою скоро увидеть в моем кабинете любезного поэта» (РА. 1871. Стб. 424—425).

342.

П. А. Вяземскому

(С. 548)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. № 1909. Л. 71. Б. д.

Публикуется впервые.

Датируется: конец сентября 1817 г.

Год определяется сообщением о скором приезде Жуковского в Москву и просьбой задержаться в Москве до отъезда в Варшаву (см. примеч. 5 к письму к П. А. Вяземскому от 11 августа 1817 г.).

¹ Жуковский приехал в Москву 9 октября 1817 г.

² Подразумевается возможный отъезд Вяземского в Варшаву, куда он был назначен на службу в августе 1817 г. В реальности отъезд состоялся только 11 февраля 1818 г.

³ «Овсяный кисель», который будет представлен в Обществе любителей российской словесности 29 ноября 1817 г. и опубликован в его «Трудах» с авторским примечанием и предисловием (1817. Ч. 10. С. 62—70).

⁴ Жуковский был назначен учителем русского языка при великой княгине Александре Федоровне.

343.

А. И. и Н. И. Тургеневым, Д. Н. Блудову, К. Н. Батюшкову

(С. 548)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 154. Л. 1—1 об. Б. д.

Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 180—181.

Печатается по автографу.

Д а т и р у е т с я: около 9 октября 1817 г.

Основанием для датировки можно считать время приезда Жуковского в Москву 9 октября 1817 г. (ПССиП. Т. 13. С. 123).

¹ Крепостной слуга Жуковского, которого он позднее отпустил на волю.

² Имеется в виду Е. С. Тургенева, мать А. И. Тургенева, жившая в Москве. Далее в письмах к А. И. Тургеневу Жуковский ее называет «матушкой».

³ А. Н. Голицын.

⁴ Александр Яковлевич Булгаков, чиновник по особым поручениям при московском генерал-губернаторе, в 1832—1856 гг. московский почт-директор.

⁵ До переезда в свою «кремлевскую келью» в Чудовом монастыре Жуковский жил у своего наставника по Московскому пансиону А. А. Прокоповича-Антонского.

⁶ На письме рукою А. И. Тургенева написано: «Прошу, прочитав, переслать Блудову, который может доставить обратно ко мне. Я вчера брал ванну и сегодня целый день дома». По всей вероятности, эта просьба была обращена к Батюшкову.

344.

Н. М. Лонгинову

(С. 549)

А в т о г р а ф: РО ИРЛИ. № 23678 (архив Н. М. Лонгинова). Л. 7—7 об. На л. 7 об. след от печати и указание адресата: «Его высокоблагородию милостивому государю Николаю Михайловичу Лонгинову».

Публикуется впервые.

Д а т и р у е т с я: 12 октября 1817 г.

Основание датировки: речь идет об официальном представлении императрице Марии Федоровне, о котором Жуковский хлопотал с начала октября 1817 г., желая лично объяснить с нею по поводу своего нового положения — учителя великой княгини Александры Федоровны и статуса по службе, о чем он писал великому князю Николаю Павловичу 11—21 октября 1817 г., ср.: «Будучи ею определен в настоящую мою должность, считаю обязанностью узнать и ее волю относительно ко мне». 14 октября (в 1817 г. — понедельник) поэт делает запись в дневнике о напрасной попытке представиться государыне (ПССиП. Т. 13. С. 123); скорее всего, представление должно было состояться накануне, в воскресенье, 13 октября (ср. в письме к А. П. Елагиной от 11 июня 1815 г. о порядке представлений: «...мы с Уваровым отправились в воскресенье во втором часу во дворец. Ждали довольно долго, потому что были после обедни парадные аудиенции, а меня велено было представить ей в ее кабинете»). 20 октября он обращается к Лонгинову с просьбой быть представленным императрице «завтра» и подписывает свое письмо словом «суббота» (см. следующее письмо к Н. М. Лонгинову), а 21 октября, в воскресенье, Жуковский делает в дневнике запись о том, что представление великому князю

и императрице состоялось (Там же. С. 124). Всё это позволяет датировать комментируемое письмо датой предшествующей субботы октября 1817 г., т. е. 12 октября.

¹ Императрица Мария Федоровна.

² Ср. в письме к А. П. Елагиной от 11 июня 1815 г. о первом представлении Жуковского императрице Марии Федоровне в Петербурге: «...а меня велено было представить ей в ее кабинете. Из большой залы, в которой мы стояли, двери прямо в этот кабинет».

345.

А. А. Воейковой

(С. 549)

Автограф: РО ИРЛИ. Р. I. Оп. 9. № 112. Л. 9—10 об. Б. г.

Впервые опубликовано: Соловьев. Т. 1. С. 62—65.

Печатается по автографу.

Датируется: 17 октября 1817 г.

Год определяется сообщением о прибытии Жуковского в Москву.

¹ Жуковский приехал в Москву в качестве учителя великой княгини Александры Федоровны 9 октября 1817 г.

² В это время Воейкова находилась в Долбине, у А. П. Елагиной. Выраженное в письме беспокойство связано с близящимися родами Воейковой (ее вторая дочь родилась 14 октября 1817 г.). В конце сентября Жуковский ездил в Дерпт, чтобы попрощаться с родными перед отъездом на службу в Москву. Слова о себе: «*не был в Дерпте и не могу быть у тебя (по крайней мере, теперь не могу)*» — означают, что он, будучи в Дерпте, не заходил к ее мужу, Воейкову. Подробнее об обострившихся в это время отношениях с ним Жуковского см. примечания к его письму к А. А. Воейковой от 27 ноября 1817 г.

³ О том же чувстве пустоты в Москве («как на гробе») Жуковский писал и в письме к А. И. и Н. И. Тургеневым, Д. Н. Блудову, К. Н. Батюшкову около 9 октября 1817 г.

⁴ «Казенной квартирой» Жуковского стала одна из келий Чудова монастыря в Кремле (см. письмо к А. И. Тургеневу от 22—23 октября 1817 г.). До переезда туда он жил у А. А. Прокоповича-Антонского, в здании Московского университетского Благородного пансиона, где учился в 1797—1800 гг.

⁵ Авдотья Николаевна Арбенева.

⁶ Первенец Николая I и Александры Федоровны, будущий воспитанник Жуковского великий князь Александр Николаевич, будущий император Александр II, появился на свет 17 апреля 1818 г.

⁷ Авдотья Петровна Елагина, хозяйка имения Долбино.

⁸ Маша (далее: Наташа) — предполагавшееся имя второй дочери Воейковой.

⁹ Возможно, Жуковский встречался с О. П. Букильоном, управляющим имением Чернь, в Петербурге, куда собирался приехать в 1817 г. А. А. Плещеев, владелец этого имения (см. письмо Жуковского к А. П. Елагиной от середины июля 1817 г.).

¹⁰ А. Ф. Воейков приехал в Долбино в ноябре 1817 г. Письмо, в котором Воейков сообщал об этом Антонскому, в печати неизвестно.

¹¹ Письмо Воейкова было получено Жуковским, однако он отвечать на него не стал (см. об этом в письме к А. А. Воейковой от 27 ноября 1817 г. и примечаниях к нему).

¹² «Печаль по слуху только знай» — цитата из посвящения А. А. Воейковой баллады «Громобой» (1810). Воспоминание об этих стихах могло быть навеяно выходом отдельного издания «Двенадцати спящих дев» в июле 1817 г.

¹³ «...В жизни всё к великому средство!» — видоизмененная автоцитата из стихотворения «Теон и Эсхин» (1814), жизненный девиз Жуковского (см.: ПССиП. Т. 1. С. 729).

¹⁴ В. А. Азбукин, внебрачный сын А. И. Протасова, был женат на сестре А. П. Елагиной и жил неподалеку от нее в имении Игнатьево. О деле Азбукина в герольдии см. письма Жуковского к А. П. Елагиной от 17 декабря 1815 г., 19 февраля и 12 апреля 1816 г., а также к С. П. Жихареву и А. И. Тургеневу (около 23—24 мая 1816 г.), к А. И. Тургеневу от 4 июля, первой половины сентября (до 16-го) 1816 г. и к С. П. Жихареву от 31 октября 1816 г.

¹⁵ Должность, о которой говорит Жуковский, — обучение русскому языку великой княгини Александры Федоровны. О своей любви к этой должности Жуковский писал также в дневнике 27 октября 1817 г. (ПССиП. Т. 13. С. 124), письме к Н. М. Карамзину от 8 ноября 1817 г. и др.

¹⁶ Великий князь — Николай Павлович.

¹⁷ Марья Николаевна Свечина, урожд. Вельяминова, племянница Жуковского. Со своим мужем, Н. П. Свечиным, она жила раздельно с 1806 г. (см.: *Елагина Е. И. Семейная хроника // Российский архив. М., 2005. Т. 14. С. 296—297; Самовер Н. В. Свечин Н. П. // Русские писатели. Т. 5. С. 509*). Со Свечиной Жуковский был связан денежным долгом (см. его письма к А. П. Елагиной от второй половины (после 19-го) февраля 1816 г.).

¹⁸ Крестник Жуковского — лицо неустановленное, но, по-видимому, он имел отношение к А. Н. Арбеновой, урожд. Вельяминовой, племяннице Жуковского, у которой была большая семья (см.: *Елагина Е. И. Семейная хроника // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2005. С. 297—298*).

346.

Н. М. Лонгинову

(С. 551)

А в т о г р а ф: РО ИРЛИ. № 23678 (архив Н. М. Лонгинова). Л. 8.

Публикуется впервые.

Д а т и р у е т с я: 20 октября 1817 г.

Основание датировки: запись от 21 октября (воскресенье) в дневнике Жуковского о его представлении императрице Марии Федоровне (ПССиП. Т. 13. С. 124).

¹ Возможно, речь идет о поздравлении императрицы Марии Федоровны с днем рождения, который приходился на 25 октября и мог стать поводом для представления Жуковского, которого он добивался с начала октября 1817 г. (см. примечание к письму к Н. М. Лонгинову от 12 октября 1817 г.).

² В Чудов монастырь Жуковский переселился, как это явствует из данного письма, 20 октября 1817 г. в связи с началом занятий русским языком с великой княгиней Александрой Федоровной. Указанные факты позволяют датировать комментируемое письмо.

³ Официальный титул принца Прусского носил дядя Александры Федоровны, четвертый и самый младший из сыновей короля Фридриха Вильгельма II, Фридрих Вильгельм Карл Прусский.

347.

Великому князю Николаю Павловичу

(С. 552)

Автограф: РНБ. Опись 2. № 233. Л. 1—1 об. Б. д.

Впервые опубликовано: РА, 1900. Кн. 3. № 9. С. 39—40. («Неизданные письма В. А. Жуковского. С примечаниями И. А. Бычкова». На с. 5 ко всей публикации имеется следующее примечание: «*печатаются с подлинников, хранящихся в Императорской Публичной Библиотеке»).

Печатается по автографу.

Датируется: между 11 и 21 октября 1817 г.

В каталоге фонда Жуковского письмо имеет название: «Прошение на имя великой княгини Александры Федоровны о рассмотрении его преподавательской деятельности как государственной службы. Черновик. (1817)», без мотивировки адресата. Мотивировкой даты послужила бумага с фирменным водяным знаком фабрики Елизаветы Баташевой и датой изготовления партии — «1817» (см.: *Ushastkina Z. V. A history of Russian hand paper-mills and their watermarks. Hilversum-Holland, MCMLXII. P. 60—62, 754*). Описание: Отчет ИПБ за 1884 год, с. 35—36; в отчете обозначено как «Черновой проект докладной записки Жуковского к Великой Княгине Александре Федоровне, 1817 г., о зачислении его на службу как преподавателя Ея Высочества». При первой публикации адресатом письма также названа великая княгиня Александра Федоровна (с. 39). Однако язык и содержание письма противоречат этой атрибуции: письмо написано по-русски, а великая княгиня осенью 1817 г. не могла еще ни говорить, ни читать по-русски: ее бракосочетание с Николаем Павловичем состоялось 1 (13) июля 1817 г. Далее, письмо имеет сугубо деловой характер, касающийся условий службы Жуковского при дворе: маловероятно, что эти формальные условия могла определять Александра Федоровна. Скорее всего, письмо адресовано ее мужу, великому князю Николаю Павловичу, который, как это явствует из письма Жуковского к А. И. Тургеневу от 25 апреля 1817 г. из Дерпта (см. наст. изд.), назначил из личных средств 2 000 рублей жалованья преподавателю русского языка ве-

ликой княгини. Поскольку в тексте публикации нет ни даты, ни подписи, логично предположить, что это — черновик или неотправленного, или несохранившегося письма.

При первой публикации датировка письма предположительная: «Вероятно, в конце 1817 или начале 1818 года» (с. 39). Как свидетельствуют записи в дневниках Жуковского, его первая встреча с великим князем Николаем Павловичем состоялась 11 октября 1817 г., а официальное представление великому князю и императрице Марии Федоровне — 21 октября 1817 г. (ср. просьбу о личной встрече с вдовствующей императрицей в тексте письма). Поскольку в начале письма упомянута личная встреча с адресатом, при которой, скорее всего, и оговаривались условия придворной службы Жуковского, наиболее вероятной датой написания этого письма является промежуток времени от 11 до 21 октября 1817 г.

¹ Имеется в виду М. И. Голенищев-Кутузов, с 1812 г. именовавшийся «светлейший князь Голенищев-Кутузов-Смоленский».

² «За отличие в сражениях награжден чином штабс-капитана и орденом св. Анны 2 класса. 1812 г. Ноября 6» (см. «Формулярный список...». ПССиП. Т. 14. С. 412; см. также: РА. 1902. № 5. С. 85—87. Публикация К. Я. Грота).

³ «Философическим факультетом Императорского Дерптского Университета удостоен звания доктора философии. 1816 г. Апреля 8» (ПССиП. Т. 13. С. 413).

⁴ Чин коллежского асессора, соответствующий VIII классу «Табели о рангах», был пожалован Жуковскому 23 марта 1818 г. (Там же), т. е. через 5 месяцев после его вступления в службу при дворе. Кроме того, одновременно с назначением на должность учителя русского языка великой княгини был определен и официальный служебный статус Жуковского: «и вместе с тем высочайше повелено состоять по министерству духовных дел и народного просвещения» (Там же. Т. 14. С. 413). Это обстоятельство является косвенным доказательством атрибуции адресата: таким образом, придворная должность Жуковского, соответственно его высказанному в письме пожеланию, была приравнена к государственной службе.

⁵ Имеется в виду вдовствующая императрица Мария Федоровна.

⁶ О предложении вступить в должность учителя русского языка великой княгини Александры Федоровны Жуковский писал А. И. Тургеневу в письме от 25 апреля 1817 г. из Дерпта: «Третьего дня проезжал здесь Глинка. Он сделал мне от себя следующее предложение. Для принцессы Шарлотты нужен будет учитель русского языка. Место это предлагают ему с 3 000 жалованья от Государя и 2 000 от великого князя, с квартирою во дворце вел<икого> князя и другими выгодами. Занятие: один час каждый день. Остальное время свободное» (см. наст. изд.). К сентябрю 1817 г. назначение было уже свершившимся фактом, как это явствует из письма к П. А. Вяземскому от конца сентября 1817 г. из Петербурга: «Ты знаешь и без меня, что я уже определен к моему месту» (см. наст. изд.). Первая лекция в Москве состоялась 22 октября 1817 г. (Там же. Т. 13. С. 124).

348.

А. И. Тургеневу

(С. 553)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 155. Л. 1. Б. д.
Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 181.
Печатается по автографу.
Датируется: около 22 октября 1817 г.

Основанием для датировки является дневниковая запись от 22 октября: «День освоб<ождения> Москвы от поляков. Первая лекция. Мое переселение...» (ПССиП. Т. 13. С. 124), где зафиксирован факт нового местожительства Жуковского. Ср. примеч. 3 к письму к Н. М. Лонгинову от 20 октября и примеч. 5 к письму к А. И. и Н. И. Тургеневым, Д. Н. Блудову, К. Н. Батюшкову около 9 октября 1817 г.

¹ А. А. Прокоповича-Антонского.

² Имеется в виду портрет кн. А. Н. Голицына, вероятно, работы В. Л. Боровиковского. См. письмо Тургенева к Жуковскому от 1 ноября 1817 г. (Siegel. № 175. S. 384).

³ Елизавета Михайловна Кологривова была сводной сестрой кн. А. Н. Голицына.

349.

А. И. Тургеневу

(С. 553)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 155. Л. 3—4. Б. г.
Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 181—183.
Печатается по автографу.
Датируется: 26 октября 1817 г.

Основание датировки: см. примеч. 1.

¹ Как заметил еще А. И. Бычков (ПЖТ. С. 181—182), здесь очевидная ошибка-описка: 25 октября 1817 г. приходилось на четверг, а среда на 24-е. «Третьего дня» по отношению к дате написания письма также приходится на 24 октября. В дневнике есть следующие записи, проясняющие события 24—25 октября: «24. Письмо от Тургенева <...>. 25. Поутру у Екатер<ины> Семен<овны> <...>. После обеда у Екатерины Семен<овны>. К<нязь> Голицын» (ПССиП. Т. 13. С. 124).

² Н. Н. Новосильцев (см. о нем примеч. 1 к письму Жуковского к А. И. Тургеневу от 20 мая 1813 г.). Мать А. И. Тургенева была обеспокоена тем, что он долго не получает должности статс-секретаря и хотела ускорит производство обращением к непосредственному начальнику Тургенева, кн. А. Н. Голицыну, прямо и через посредство Н. Н. Новосильцева.

³ Проповедь митрополита Московского, архиепископа Августина (в миру Алексей Васильевич Виноградский) на закладку храма Христа Спасителя в Москве.

⁴ Известный московский врач Матвей Яковлевич Мудров, профессор медицины в Московском университете.

⁵ Н. М. Карамзин.

350.

Н. М. Карамзину

(С. 555)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 110. Л. 1—2. С надписью на конверте: «Его Высоко-родию Николаю Михайловичу Карамзину». Б. г.

Впервые опубликовано: РА. 1900. № 9. С. 38—39.

Печатается по автографу.

Датируется: 8 ноября 1817 г.

Год определяется по сообщению о смерти сына Вяземского Дмитрия.

¹ Письмо извещает о смерти сына П. А. Вяземского Дмитрия (род. в 1814 г.).

² Измененная автоцитата из стихотворения «Теон и Эсхин», ставшая с момента создания стихотворения жизненным девизом Жуковского и многократно с вариациями («к великому» — «к прекрасному») встречающаяся в письмах поэта 1814—1817 гг.

³ И. И. Дмитриев.

⁴ Вот как эти события отражены в дневниковой записи Жуковского от 6 ноября 1817 г.: «Возвращаюсь домой. У самого крыльца нагоняет Вяземского человек. Зовут к нему. Всё переменялось. Я застал несколько минут жизни малютки. Все сидели вместе. Доктор был над умирающим. Послышались его шаги: это было приближение смерти. Мать, прощаясь с мертвым, говорила ему, как живому: прости, мой голубчик. В этом выражении что-то необыкновенно трогательное...» (ПССиП. Т. 13. С. 126).

⁵ Имеется в виду семья Андрея Михайловича Рябина, действительного статского советника, одного из последних в истории носителей чина камергера. Был женат на княжне Екатерине Алексеевне, дочери князя Алексея Леонтьевича Шаховского. Рябинин был в многолетних дружеских отношениях с Карамзиным и с князем А. И. Вяземским (отцом писателя).

⁶ Теща П. А. Вяземского, кн. П. Ю. Гагарина (урожд. кнжн. Трубецкая), во втором браке была замужем за П. А. Кологривовым. О Кологривовых см. вступительное примечание к письму Жуковского к П. А. Вяземскому от 8 сентября 1811 г.

351.

А. И. Тургеневу

(С. 556)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 155. Л. 6—6 об. Б. г.

Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 184—185.

Печатается по автографу.

Датируется: 8 ноября 1817 г.

Год определяется по связи содержания письма с дневниковой записью от 6 ноября 1817 г. и письмом к Н. М. Карамзину от 8 ноября этого же года.

¹ См. письмо к А. И. Тургеневу от 26 октября 1817 г.

² Дело о производстве А. И. Тургенева в статс-секретари. После учреждения Министерства духовных дел и народного просвещения (указ императора Александра I от 24 мая / 5 июня 1817 г.). Тургенев возглавил один из двух его департаментов — департамент духовных дел, исполняя одновременно должность помощника статс-секретаря в Государственном Совете.

³ Эти слова Жуковского находят свое подтверждение в дневниковой записи от 6 ноября 1817 г.: «Мое положение прекрасное. Душа жива. Могу действовать без принуждения, могу действовать для добра; чувствую, что буду действовать бескорыстно, на эту минуту доволен собою — надобно всегда быть довольным собою. Да сохранит мне Бог всегда чистоту сердца и да пошлет успех добрым желанием и способность их исполнить» (ПССиП. Т. 13. С. 126).

⁴ 6 ноября у П. А. Вяземского умер малолетний сын Дмитрий (р. 14 октября 1815 г.). Ср. письмо к Н. М. Карамзину от 8 ноября 1817 г.

⁵ Портрет кн. А. Н. Голицына для А. А. Прокоповича-Антонского (см. письмо к А. И. Тургеневу около 22 октября 1817 г.).

⁶ М. И. Невзоров.

352.

А. И. Тургеневу

(С. 557)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 155. Л. 5. Б. д.

Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 183—184.

Печатается по автографу.

Датируется: 9 ноября 1817 г.

Основанием для датировки может служить дневниковая запись от 10 ноября (суббота): «Вечер у Вяземского. Обед у Екатерины Семеновны» (ПССиП. Т. 13. С. 127). Ср.: в письме: «...узнаю в субботу, ибо в этот день буду у матушки обедать». Видимо, Жуковский написал это письмо на следующий день после письма от 8 ноября.

¹ П. И. Юшков, владелец имения Славистово в Чухломском уезде Костромской области, известный певец-любитель и музыкант, содержавший известный по всей России оркестр крепостных музыкантов (см.: Яцевич А. Крепостной Петербург Пушкинского времени. Л., 1937. С. 145).

² Н. Н. Новосильцев.

³ А. И. Голицын (см. письмо к А. И. Тургеневу от 26 октября 1817 г.). Речь идет об отпуске для А. И. Тургенева, чтобы он мог навестить мать в Москве.

353.

А. А. Воейковой

(С. 557)

Автограф: РО ИРЛИ. Р. I. Оп. 9. № 112. Л. 11—11 об. Б. г.

Впервые опубликовано: Соловьев. Т. I. С. 65—66.

Печатается по автографу.

Датируется: 27 ноября 1817 г.

Год определяется датой рождения второй дочери Воейковых, Александры.

¹ Письмо Воейковой в печати неизвестно. В нем сообщалось о рождении второй ее дочери Александры (14 октября 1817 г.).

² Катька, старшая дочь Воейковой.

³ Цитата из лирической сцены Шиллера «Поклонение искусства» («Die Huldigung der Künste», 1804), посвященной великой княгине Марии Павловне, ср.: *Wisset, ein erhabner Sinn // Legt das Große in das Leben, // Und er sucht es nicht darin**. Пер. О. Н. Чюминой: «Дух возвышенный не просит // Сам от жизни ничего, // Всё святое для него // В эту жизнь с собой он вносит» (Собрание сочинений Шиллера в переводе русских писателей: В 4 т. Т. 3. СПб., 1901. С. 156). Это же трехстишие Жуковский повторит в 1819 г. в альбоме, подаренном графине С. А. Самойловой (ПССиП. Т. 13. С. 134).

⁴ Письмо Воейкова (не сохранилось) было написано, по-видимому, из Долбина, куда он приехал к своей жене. Отзыв о нем в письме Жуковского говорит о каком-то недовольстве с его стороны. Примечательно, что по времени оно близко к тому письму от Воейкова, которое 17 декабря 1817 г. получила в Муратове М. А. Мойер и в котором она была названа любовницей Жуковского. Письмо было в конверте, написанном рукой Елагиной, но без подписи (как анонимное). О получении его и содержащихся в нем оскорблениях М. А. Мойер сообщила в письме к А. П. Елагиной от 18 декабря 1817 г. (УС. С. 197—199). Возможно, Воейков предпринял несколько ранее какой-то шаг и в отношении Жуковского. Судя по датам, письмо к М. А. Мойер могло быть состряпано Воейковым после получения его женой письма Жуковского от 27 ноября с презрительным отказом отвечать ему. Поводом к обмену этими письмами могло быть осуждение Воейкова со стороны М. А. Мойер и Жуковского, с элементом угрозы в его адрес: Воейков сумел получить в свое распоряжение часть муратовского имения, принадлежавшего его жене. Летом 1817 г. М. А. Мойер писала Жуковскому: «Он будет в Петербурге в конце этого месяца, ты посоветуй ему быть осторожнее и уверь, что репутация его страдать будет, если жена без куска останется» (Там же. С. 196). По-видимому, в ответ на защиту имущественных прав его жены Воейков и предпринял те действия, которые отразились в письмах Жуковского (от 27 ноября) и М. А. Мойер (от 18 декабря) и которые должны были, по его замыслу, заставить их замолчать. Об имущественной подоплеке действий

---

* Знайте, возвышенный ум // Вкладывает великое в жизнь, // А не ищет его в ней (нем.).

Воейкова осенью 1817 г. см. также: Соловьев. Т. 1. С. 62. Убежденность Воейкова в существовании любовной связи между Жуковским и М. А. Мойер отразилась в его письме к нему от 4 апреля 1823 г. (см. примечания: *Балакин А. Ю., Березкина С. В.* «Разлука не развод...». Из переписки В. А. Жуковского и А. Ф. Воейкова 1823 г. // Ежегодник РО ПД на 2015 г. СПб., 2016. С. 289—292).

⁵ Записка к Жихареву в печати неизвестна. В 1816—1817 г. Жихарев занимался по просьбе Жуковского делом Азбукина в герольдии (см. письмо к Жихареву от 31 октября 1816 г.).

354.

А. П. Елагиной

(С. 559)

Автограф неизвестен.

Копия: РНБ. Оп. 2. № 442. Л. 12, с пометами: «(1817. СПб. Октябрь)» и «Не надо». См. вступительное примечание к письму Жуковского к А. П. Елагиной от второй половины сентября 1814 г.

Впервые опубликовано: УС. С. 27, с пометой: «(Москва. Ноябрь—декабрь 1817 г.)».

Печатается по копии.

Датируется: ноябрь—декабрь 1817 г.

Датируется по упоминанию о рождении в Долбине у А. А. Воейковой дочери Александры (14 октября 1817 г.). В письме от 17 октября 1817 г. Жуковский предупреждал ее, опираясь на адресованное в Москву письмо А. Ф. Воейкова, о скором его приезде в Долбино; прежде чем туда отправиться, Воейков побывал в Москве, где повидался с Жуковским. См. также письмо к А. А. Воейковой от 27 ноября 1817 г. Записка и деньги, по-видимому, были переданы Елагиной приехавшим к ней Воейковым.

¹ Максим, слуга Жуковского, впоследствии получивший от него отпускную. Многократно упоминается в письмах Жуковского, а также в «долбинском» стихотворении 1814 г. «Максим» (ПССиП. Т. 1. С. 385, 731). В 1837 и 1839 гг. приехавший в Белев Жуковский видел своего Максима «с шестью сыновьями» (Там же. Т. 14. С. 67, 188).

² И. И. Вишняков (Вешняков), управляющий в долбинском имении.

355.

Д. Н. Блудову

(С. 559)

Автограф: РГАЛИ. Ф. 72. Оп. 1. № 5. Л. 14. Б. д.

Впервые опубликовано: *Черниговский Д. Н.* Неизвестное послание И. М. Долгорукова к В. А. Жуковскому // Анализ литературного произведения: Сб. науч. трудов. Киров, 1995. С. 22 (начало в примечании).

Впервые полностью: РЛ. 2009. № 3. С. 98—99. Публикация А. С. Янушкевича. Печатается по автографу.

Датируется: декабрь 1817 г.

Недатированное стихотворное послание, по всей вероятности, связано с пребыванием Жуковского в Москве в качестве учителя русского языка при великой княгине Александре Федоровне (9 октября 1817 — май 1818 г.). К сожалению, дневниковых записей Жуковского за этот период почти не сохранилось, что не позволяет точнее локализовать датировку. Однако из переписки братьев Тургеневых можно установить время пребывания в Москве Д. Н. Блудова: с 10 декабря 1817 г. по 19 февраля 1818 г. (см.: Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу. М.; Л., 1936. С. 244, 247, 249). Именно в этот отрезок времени, вероятно, и было написано послание. Скорее всего, встреча друзей должна была произойти вскоре после приезда Блудова, т. е. в конце декабря 1817 г. И. М. Долгоруков постоянно проживал в Москве.

¹ Данная грамматическая форма: «Князь Иван Долгорукий с балконом звал» не является опиской Жуковского. Дело в том, что князь Иван Михайлович Долгоруков, «стихоплет великородный», как назвал его Пушкин в десятой главе «Евгения Онегина», имел неказистую внешность. В обществе его называли «балконом» за выдававшийся большой подбородок. Ср.: «Князь Иван Михайлович, отличавшийся, по рассказам современников, <...> некрасивою наружностью, не раз в своих записках и словаре упоминает об этом, не скрывая своих недостатков. Его звали обыкновенно “губаном” и “балконом” за широкую нижнюю челюсть и толстую губу...» (Записки князя И. М. Долгорукова: Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни. 1764—1800. Пг., 1916. С. 52).

356.

С. И. Тургеневу

(С. 559)

Автограф неизвестен.

Впервые опубликовано: Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу. М.; Л., 1936. С. 484.

Печатается по тексту первой публикации.

Датируется: конец 1817 г.

Основание датировки: сообщение о пребывании в Москве и о прекращении деятельности «Арзамаса».

Первое из известных писем Жуковского к С. И. Тургеневу.

¹ Вероятно, Жуковский имеет в виду свой «пост» секретаря «Арзамаса».

² Старынкевич Николай Александрович, писатель и переводчик, сенатор. Во время Отечественной войны 1812 г. был директором канцелярии главнокоман-

довавших 2-й западной армией кн. П. И. Багратиона и гр. М. А. Милорадовича, а с 25 декабря 1812 по 17 августа 1813 г. находился в главном штабе М. И. Голенищева-Кутузова и Барклая де Толли. В 1815 был причислен к военному министерству и отправлен в Париж, в распоряжение графа Воронцова.

357.

А. И. Тургеневу

(С. 560)

Автограф: РНБ. Оп. 2. № 155. Л. 7. Б. г.
Впервые опубликовано: ПЖТ. С. 185.
Печатается по автографу.
Датируется: конец 1817 — начало 1818 г.

Год определяется по времени последнего заседания «Арзамаса» в Москве (см. также примеч. 4).

¹ См. примеч. 4 к письму к великому князю Николаю Павловичу (между 11 и 21 октября 1817 г.).

² Письмо неизвестно.

³ Арзамасское прозвище С. С. Уварова.

⁴ Имеется в виду московское собрание арзамасцев, состоявшееся в конце 1817 г., на котором Жуковский произнес речь. См.: Арзамас-2. Кн. 1. С. 588—589. В письме к брату Сергею от 25 января 1818 г. Н. И. Тургенев сообщал: «Предполагаемый арзамасский <журнал> умер до рождения и сам Арзамас рассыпался и более уже не собирается» (Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу. М.; Л., 1936. С. 249, что позволяет отнести письмо к концу 1817 г. или началу 1818 г.

УКАЗАТЕЛЬ АДРЕСАТОВ ПИСЕМ В. А. ЖУКОВСКОГО

Азбукин

Василий Андреевич

Василий Андреевич Азбукин (1789—1832), внебрачный сын А. И. Протасова, сводный брат М. А. и А. А. Протасовых. Военную кампанию 1812—1814 гг. кончил владимирским кавалером, в чине штабс-капитана (более подробно см.: *Самовер Н. В.* «Русские крестоносцы». 1-й пехотный полк Московского ополчения в Отечественной войне 1812 года // Эпоха Наполеоновских войн: люди, события, идеи: Материалы Второй науч. конф. М.: Комитет по культуре Москвы, Музей-панорама «Бородинская битва», 1999. С. 148—149. В 1812 г. был начальником Жуковского в Московском ополчении. Был женат на младшей из сестер Юшковых — Екатерине Петровне. Их свадьбе в конце 1814 г. посвящено стихотворение Жуковского «Любовная карусель, или Пятилетние меланхолические стручья сердечного любления». К нему же адресовано стихотворение «Добрый совет. В альбом В. А. Азбукину», написанное 2 октября 1814 г. Подробнее см.: ПССиП. Т. 1. С. 330, 682—683. Комментарий О. Б. Лебедевой. Поэт принимал активное участие в его судьбе: в 1815—1816 гг. он хлопотал в Герольдии об узаконении дворянства Азбукина, которое не было признано за ним как за внебрачным сыном, но на которое он получил право, став кавалером ордена Св. Владимира. Кроме публикуемого письма, известно еще о другом неопубликованном письме Жуковского к Азбукину по случаю написания стихотворения «Добрый совет» (упоминание: Веселовский. С. 180). Но пока обнаружить его не удалось.

Азбукина

Екатерина Петровна

Екатерина Петровна Азбукина (урожд. Юшкова; ок. 1790 — 1817), сестра А. П. Елагиной и А. П. Зонтаг, племянница Жуковского. В домашнем кругу — Като, Катоша. Ее свадьбе с В. А. Азбукиным посвящена пародийная баллада Жуковского «Любовная карусель, или Пятилетние меланхолические стручья сердечного любления» (1814; ПССиП. Т. 1. С. 364—366 текст, 719—721. Комментарий О. Б. Лебедевой). Эпистолярные контакты Жуковского с Азбукиной ограни-

чены одним письмом, адресованным ей и А. П. Юшковой (Зонтаг). Ответные письма неизвестны.

Александр I, император

Александр Павлович (1777—1825), российский император (1801—1825). О взаимоотношениях Жуковского и Александра I дошло не так уж много сведений. По всей вероятности, 18-летний Жуковский впервые воочию увидел императора во время его коронации 15 сентября 1801 г., когда он вместе с Блудовым был дежурным при предъявлении билетов на Кремлевскую площадь (*Ковалевский Е.* Граф Блудов и его время. СПб., 1866. С. 24). О встрече с императором 3 ноября 1817 г. в Москве во время урока русского языка у великой княгини Александры Федоровны Жуковский записывает в дневнике: «Только хотели мы начинать, явился государь» (ПССиП. Т. 13. С. 125). Других личных встреч царя и поэта не зафиксировано, хотя после 1817 г., когда Жуковский начинает придворную службу, они должны были быть. Но переписка Жуковского, и особенно с А. И. Тургеневым, восполняет этот пробел. Как известно, Тургенев находился в свите императора Александра I в его заграничном путешествии 1807 г. при подписании Тильзитского мира и вместе с Блудовым участвовал в составлении документов, связанных с антинаполеоновской кампанией, в частности, манифеста 30 ноября 1806 г. В письме к А. И. Тургеневу от декабря 1806 г. Жуковский дает подробную его оценку, подчеркивая необходимость больше говорить «о любви к государю». Отечественная война 1812 г., участником и певцом которой был поэт, обострила интерес к личности царя-освободителя. Особенно это проявилось в 1814 г. В письмах к А. И. Тургеневу от мая—октября 1814 г. он выражает этот интерес с необыкновенной эмоциональной силой (ПЖТ. С. 119, 127; см. наст. изд.). Идея создания «послания к нашему Марку-Аврелию», его подробный план, а затем и написание его, история его публикации — важные этапы не только творческого пути Жуковского, но и истории русского общественного сознания (подробнее см.: *Зорин А.* Кормя двуглавого орла... М., 2001. С. 267—295). Это не могло не отразиться на отношении Александра I к поэту. Пожизненный пенсион, который дал Жуковскому «добрый царь» в конце 1816 г. (Переписка Ж. и Елагиной. С. 197) был признанием его заслуг в российской словесности. Как указано в «Формулярном списке о службе...»: «За предоставленные на высочайшее усмотрение стихотворения свои

всемиловейшее пожалован бриллиантовым перстнем с вензелевым именем Его Величества. 1816 г. Декабря 16»; «По высочайшему именному указу за отличные в Российской словесности произведения пожалован пенсионом по 4 000 р. в год. 1816 г. Декабря 30» (ПССиП. Т. 14. С. 413). В письме к А. И. Тургеневу от 26 ноября 1825 г. по поводу смерти императора Жуковский дал следующую характеристику его деятельности: «Чувство, которое наполняет и давит душу, есть какое-то неизъяснимое сиротство. Теперь одно только прекрасное жизни его памятно и видишь перед собою гения, которого так радостно встречали в 1801 году; видишь славного царя, которому Россия обязана 1813 и 1814 годами; видишь утешителя народа после наводнения прошлогоднего; видишь приветливого, доброжелательного человека, который так был любезен в сношении личном. Ах, в душе его было много идеально-прекрасного, он искренно желал добра, он любил добро и постигал его!» (ПЖТ. С. 200).

Арбенева

Авдотья Николаевна

Авдотья Николаевна Арбенева (урожд. Вельяминова; 1784—1831), дочь Н. А. Вельяминовой (урожд. Буниной), сводной сестры Жуковского, его племянница и подруга детства (Зонтаг. С. 280). Особенно после возвращения с Отечественной войны 1812 г. Жуковский сблизился с Авдотьей Николаевной, посвятив ей три своих послания (см.: ПССиП. Т. 1. С. 589—591, 643—644). Зная о ее влиянии на Е. А. Протасову, он рассчитывал на поддержку А. Н. Арбеневой в конфликте по поводу сватовства к Маше Протасовой. Но его расчеты не оправдались: Арбенева приняла сторону матери. После ее смерти Жуковский принимал активное участие в судьбе ее детей. Известно письмо А. И. Арбеневой к Жуковскому от 22 марта 1814 г.: РА. 1883. № 2. С. 315—318.

Батюшков

Константин Николаевич

Константин Николаевич Батюшков (1787—1855), поэт, арзамасец. Поэты познакомились в начале января 1810 г. в Москве. Уже 3 января 1810 г. Батюшков рассказывает Н. И. Гнедичу о встрече с Жуковским в доме С. Н. Глинки (Батюшков. Т. 2. С. 116), а в письме к нему же от 16 января сообщает уже о личных и творческих контактах с ним: «...я отдал Жуковскому твое послание ко мне с моим от-

ветом, кой-где поправив. Он тебя любит <...> ибо он один с толком» (Там же. С. 118). 9 февраля пишет Гнедичу: «С Жуковским я на хорошей ноге, он меня любит и стоит того, чтоб я его любил» (Там же. С. 120). Жуковский привлекает Батюшкова для работы в редактируемом им ВЕ. С этих пор личные и творческие отношения поэтов становятся постоянными. Публикации писем Батюшкова к Жуковскому: РА. 1870. Стб. 1711—1718; 1875. № 11. С. 343—362; *Батюшков К. Н.* Сочинения: В 3 т. Т. 3. СПб., 1886; Ежегодник РО ПД на 1980 г. Л., 1984. С. 84; Батюшков. Т. 2. (Всего 17).

Блудов

Дмитрий Николаевич

Дмитрий Николаевич Блудов (1785—1864), граф с 1842 г., государственный деятель, арзамасец, приятель Жуковского с ранней молодости до конца жизни. По всей вероятности, Жуковский познакомился с Блудовым в 1801 г., когда последний служил в Московской коллегии иностранных дел и сблизился с Дашковым, Андреем и Александром Тургеневыми (см.: *Ковалевский Е. П.* Граф Блудов и его время. С. 17, 19). В 1805 и 1815—1817 гг. Жуковский во время приездов в Петербург останавливается на квартире Блудова (см.: Ж. в Петербурге. С. 31—34 и др.). В 1810 г. он обращается к нему со стихотворным посланием «Веселого пути // Любезному желаю...» (см.: ПССиП. С. 149—152, 544—546. Комментарий И. А. Поплавской). Ему поэт посвятил свою балладу «Вадим» (первую часть «старинной повести» «Двенадцать спящих дев»), к его эстетическим суждениям прислушивался в начале своего творческого пути: «твоя критика для меня закон», см.: ПЖТ. С. 27), в чем А. С. Пушкин упрекал Жуковского в 1825 г.: «Зачем слушаешься ты маркиза Блудова? пора бы тебе удостовериться в односторонности его вкуса» (Пушкин. Т. 13. С. 167). Публикуя в 1902 г. подборку писем Блудова к Жуковскому, издатель «Русского архива» П. Бартенев заметил: «Ответов писем Жуковского, вероятно, не сохранилось, так как граф Д. Н. Блудов не любил собирать получаемых писем, на что жаловался его биограф, Е. П. Ковалевский» (РА. 1902. Кн. 2. № 8. С. 348). В настоящее время выявлено 22 письма Жуковского к Блудову, но очевидно, что их было значительно больше. Публикации писем Блудова к Жуковскому: РА. 1875. № 11. С. 341—343; 1902. № 6. С. 335—348.

Вендрих

Федор Григорьевич

Федор Григорьевич Вендрих (годы жизни неизвестны), сосед Жуковского по Мишенскому, переводчик и знаток немецкой литературы. В разделе «Прошедшая жизнь» (дневник за 1806 г.) Жуковский, рассказывая о своей деревенской жизни, в ряду других лиц называет и Вендриха (ПССиП. Т. 13. С. 33). См. также: *Власов В., Назаренко И.* В. А. Жуковский в Приокском крае. Тула, 1979. С. 84—87. Кроме этого письма, впервые опубликованного М. М. Достоевским, вероятно, знакомым с семейством Вендриха, других сведений об эпистолярных контактах Жуковского и Вендриха не обнаружено.

Воейков

Александр Федорович

Александр Федорович Воейков (1778/1779—1839), поэт, переводчик, критик, журналист и издатель, автор знаменитой стихотворной сатиры «Дом сумасшедших», арзамасец. В конце 1813 г. приехал по приглашению Жуковского в Муратово, где познакомился с Е. А. Протасовой и ее дочерью. 14 июля 1814 г. обвенчался с Сашей Протасовой. История дальнейших отношений Жуковского и Воейкова драматична и нашла свое отражение в многочисленной литературе. По существу, к началу 1820-х гг. эти отношения прекращаются. Жуковский в 1814 г. написал несколько стихотворных посланий, обращенных к нему, в том числе программное «Добро пожаловать, певец...» (см.: ПССиП. Т. 1. С. 306—313, 654—661. Комментарий О. Б. Лебедевой). Публикации писем Воейкова к Жуковскому: Ж. в семье Протасовых и Воейковых; Ежегодник РО ПД на 1980 г. Л., 1984. С. 87—90.

Воейкова

Александра Андреевна

Александра Андреевна Воейкова (урожд. Протасова; 1795—1829), жена А. Ф. Воейкова, племянница Жуковского. Ей посвящено несколько стихотворений поэта, в том числе баллады «Громобой» и «Светлана». Жуковский на протяжении всей своей жизни заботился о ней и ее детях. Подробнее см.: Соловьев. Т. 1—2. Публикации писем А. А. Воейковой к Жуковскому: Соловьев. Т. 2. С. 7—22, 116.

Вяземская

Вера Федоровна

Княгиня Вера Федоровна Вяземская (урожд. кнж. Гагарина; 1790—1886), с 18 октября 1811 г. замужем за П. А. Вяземским. Разделяя литературные увлечения мужа, она следи-

ла за современной поэзией, копировала рукописи литературных новинок, вела тетрадь любимых стихов, в которой заметное место занимали произведения Жуковского. Их эпизодическая переписка продолжалась до 1852 г.; регулярное личное общение в Петербурге приходится на 1833—1841 гг.

**Вяземский
Петр Андреевич**

Князь Петр Андреевич Вяземский (1792—1878), поэт, критик. Познакомился с Жуковским в родительском доме через Н. М. Карамзина, с 1804 г. женатого на единокровной сестре Вяземского Екатерине Андреевне (внебрачная дочь А. И. Вяземского). Их общение, вскоре переросшее в близкую дружбу, возобновилось осенью 1807 г., когда Жуковский приехал в Москву готовиться к изданию ВЕ. Из их переписки, продолжавшейся до смерти Жуковского, сохранилось около 400 писем; в 1840—1850-е гг. Жуковский писал также жене друга, В. Ф. Вяземской, и их сыну Павлу. Вяземские поддерживали отношения с вдовой поэта Е. Е. Жуковской и их детьми. Публиковать письма Жуковского начал сам Вяземский (РА. 1866. № 5), отметив огромную ценность и значение переписки Жуковского (см.: Ж. в воспоминаниях. С. 206). Задуманный в 1900-е гг. том их переписки в серии «Остафьевский архив князей Вяземских» не был издан. Позже были опубликованы два крупных эпистолярных комплекса: 42 письма Вяземского к Жуковскому 1821—1845 гг. (РА. 1902. № 2, 3; из архива П. В. Жуковского) и двусторонняя переписка 1842—1852 гг., подготовленная М. И. Гиллельсоном (Гиллельсон; 34 письма). Дополнением к переписке был обмен стихотворными посланиями, особенно интенсивный в 1810-е гг. См.: *Лебедева О. Б., Янушкевич А. С.* В. А. Жуковский и П. А. Вяземский. К истории личных и творческих отношений (по материалам архива и библиотеки В. А. Жуковского) // ПМиЖ. Томск, 1986. Вып. 13. С. 57—65. Другие публикации писем Вяземского к Жуковскому: Из собрания автографов ИПБ. Пб., 1898. С. 49—131; РС. 1902. № 10. С. 202—208; ЛН. 1952. Т. 58. С. 61—62.

**Гизе Фердинанд
(Федор Федорович)**

Иоганн Эммануэль Фердинанд Гизе (Giese; 1781—1821), в 1804—1814 гг. профессор химии, сначала в Харьковском, затем в Дерптском университетах, в 1816 г. проректор (декан) Дерптского университета, член Санкт-Петербургской

академии наук; в 1809—1810 гг. вместе с Д. И. Гринделем издавал журнал «Russisches Jahrbuch der Pharmazie». В письме от 29 января 1818 г. А. И. Тургенев сообщал, что получил докторский диплом Жуковского и «письмо Декана Гизе» (Siegel. № 184. S. 396). В 1817—1818 гг. был ректором Дерптского университета. Других упоминаний его имени в бумагах Жуковского не обнаружено.

**Гнедич
Николай Иванович**

Николай Иванович Гнедич (1784—1833), поэт и переводчик. Поэты познакомились в Москве, вероятно, в 1810 г. при посредничестве К. Н. Батюшкова, который 3 января 1810 г. рассказывал Н. И. Гнедичу о встрече с Жуковским в доме С. Н. Глинки (Батюшков. Т. 2. С. 116), а в письме к нему же от 16 января сообщал: «...я отдал Жуковскому твое послание ко мне с моим ответом, кой-где поправив. Он тебя любит <...> ибо он один с толком» (Там же. С. 118). В 1810 г. Жуковский включил ряд стихотворений Гнедича в свою антологию «Собрание русских стихотворений, взятых из сочинений лучших стихотворцев российских и из многих русских журналов» (М., 1810—1815). С этих пор личные и творческие отношения поэтов стали постоянными, укрепившись во второй половине 1810-х гг. после переезда Жуковского в Петербург. Публикации писем Н. И. Гнедича к Жуковскому: РА. 1875. № 11. С. 364—365; РС. 1903. № 7. С. 117—121.

**Голицына
Евдокия Ивановна**

Княгиня Евдокия (Авдотья) Ивановна Голицына (урожд. Измайлова; 1780—1850), хозяйка известного литературного и светского салона в Петербурге, объект поклонения Пушкина и адресат его посланий. Была горячей почитательницей таланта Жуковского. По словам П. А. Вяземского, оставившего замечательный мемуарный портрет «la princesse Nocturne», она «его <Жуковского> обожает» (Вяземский. Т. 8. С. 378). Это обожание переросло в глубокую любовь после Отечественной войны 1812 г. Именно в создателе «Певца во стане русских воинов» Голицына видела воплощение подлинного национального чувства и патриотизма. Как вспоминал Вяземский: «События 1812 г. живо расшевелили патриотическую струну княгини. Помнится, вскоре после окончания войны явилась она в Москве, на обыкновенный бал Благородного собрания, в сарафане и кокошнике, оплетенном лаврами. Невозмутимо и с не-

которой храбростью прохаживала она по зале и посреди дам в обыкновенных бальных платьях; с недоумением, а может быть, насмешливым любопытством, смотрели они на эту возрожденную Марфу Посадницу» (Там же. С. 381). По всей вероятности, княгиня писала поэту и позднее, но Жуковский вряд ли одобрял ее сближение с С. Н. Глинкой, о славянофильстве которого поэт оставил нелицеприятные оценки. Но это не сказалось на личных отношениях Жуковского с княгиней. Как явствует из письма Тургенева к Жуковскому от 16 июля 1815 г., княгиня, узнав о приезде поэта в Петербург, зовет его к себе в гости (Siegel. № 121. S. 309). А в письме от 15 января 1816 г. сообщает о чтении послания «Императору Александру» в ее парижском салоне, о своей встрече с поэтом в Дерпте и о том, что «она хотела что-нибудь послать Ж<уковскому> к Новому году, но не придумала, что; и в самом деле, что достойно быть поднесено Жуковскому» (Ibid. № 132. S. 322). В свою очередь, сразу же после выхода издания своих стихотворений в январе 1816 г. Жуковский отправляет их «горячей почитательнице своего таланта (см.: *Чистова И. С.* Пушкин в салоне Авдотьи Голицыной // Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1989. Т. 13. С. 192—193). По всей вероятности, в петербургском салоне Голицыной на Миллионной Жуковский всегда был желанным гостем. Но других эпистолярных контактов княгини и поэта, кроме упомянутых выше, пока не обнаружено.

Голубков Петр Иванович

Петр Иванович Голубков (1783—1837), однокашник Жуковского по Тульскому пансиону, впоследствии тульский полицмейстер. Упоминается в дневниках Жуковского 1806 г. при описании «Прошедшей жизни». Вспоминая «учение у Роде» в Тульском пансионе, Жуковский в ряду других однокашников называет и Голубкова (ПССиП. Т. 13. С. 33). Упоминает он его и во время путешествия с наследником по России при посещении Тулы 17 августа 1837 г. (Там же. Т. 14. С. 71), что позволяет говорить о времени смерти Голубкова: вторая половина (после 17 августа) 1837 г. Эпистолярные контакты Жуковского с Голубковым ограничиваются одним известным в печати письмом. Вероятно, о сестре П. И. Голубкова, обучавшейся вместе с племянницами Жуковского в Туле, идет речь в воспоминаниях А. П. Зонтаг (Ж. в воспоминаниях. С. 104). Эпистолярные контакты ограничиваются одним известным в печати письмом Жуковского.

Дашков

Дмитрий Васильевич

Дмитрий Васильевич Дашков (1788—1839), литератор и государственный деятель (с 1832 по 1839 г. — министр юстиции), член Вольного общества любителей словесности, наук и художеств, сотрудник многих журналов. Уже с начала 1810-х гг. он включился в литературную борьбу. В 1810—1811 гг. выходят его критико-полемические работы, направленные против А. С. Шишкова. Они принесли ему известность блестящего полемиста и подготовили эстетические принципы «Арзамаса». В 1815 г. Дашков стал одним из основателей и активных участников «Арзамаса». Он готовит уставные документы, читает несколько речей, сочиняет «Письмо к новейшему Аристофану» и пародийную кантату против Шаховского. Несмотря на то, что в 1820-е гг. Дашков отходит от активной литературной деятельности, уйдя в дипломатию и политику, его переводы из антологии греческой эпиграммы, другие опыты имели «важное значение для развития поэтических стилей в XIX веке» (Поэты 1820—1830-х годов: В 2 т. Т. 1. Л., 1972. С. 69). Арзамасцев Жуковского и Дашкова связывали тесные дружеские отношения. Оба они были воспитанниками Благородного пансиона, оба увлекались немецкой литературой. Не случайно Жуковский в письме от середины (до 19-го) января 1817 г. предлагает ему издавать альманах немецкой словесности (см. наст. изд.). Несмотря на то, что эпистолярные контакты Жуковского и Дашкова ограничены этим письмом, имя Дашкова постоянно присутствует на страницах писем Жуковского, особенно до 1820 г. Дашков — постоянный член критического «Ареопага», на суд которого отдает Жуковский свои произведения. Письма Дашкова к Жуковскому в печати неизвестны.

Дезе

Карл Яковлевич

Карл Яковлевич Дезе (годы жизни неизвестны), белевский знакомый Жуковского, помогавший А. П. Киреевской в управлении ее имением Долбино (см. юмористическую сценку в письме Жуковского к Авдотье Петровне от конца апреля 1815 г.; Переписка Ж. и Елагиной. С. 64—65).

Державин

Гаврила Романович

Гаврила Романович Державин (1743—1816), один из любимых поэтов юного Жуковского. История личных и творческих отношений двух поэтов не была идиллической. Трения возникли во время работы Жуковского над «Со-

бранием русских стихотворений...» в 1811 г. Державин выражал неудовольствие за помещение в первых двух частях его од: «Нигде не позволяется похищать чужие труды и обогащаться на счет ближнего», а в случае появления своих произведений в последующих частях даже угрожал обратиться к властям, «...чтобы и напечатанные отобранные были и проданы в пользу казенных ученых институтов». Подробнее см.: ПЖТ. С. 90—94. Однако этот конфликт был исчерпан, и в письме от 17 апреля 1816 г. (см. наст. изд.) Жуковский благодарит поэта «за несколько счастливых часов, проведенных в беседе с Вами» и говорит, что «видеть великого поэта Екатерины в России было для меня счастьем». В свою очередь, на склоне лет Державин именно Жуковскому завещал свою «лиру»:

Тебе в наследие, Жуковской!
Я ветху лиру отдаю;
А я над бездной гроба скользкой
Уж преклоня чело стою.

(Державин Г. Р. Сочинения. Л., 1987. С. 271).

Подробнее: Иезуитова. С. 194.; см. также *Ионин Г. Н.* Державин и Жуковский // РЛ. 1975. № 4. С. 71—84. Известны три письма Жуковского к Державину и одно ответное письмо Державина (не сохранилось), о котором упоминает Жуковский в письме к Г. Р. Державину от 29 июня 1816 г., благодая его за присылку сочинений.

Дмитриев Иван Иванович

Иван Иванович Дмитриев (1760—1837), известный поэт и государственный деятель. Как явствует из дневника Жуковского, знакомство с Дмитриевым произошло, по всей вероятности, после переезда И. И. Дмитриева в Москву в конце 1801 г. (ПССиП. Т. 13. С. 33). Именно к этому времени относится упоминание Дмитриева о его беседах с молодым Жуковским в «Записках» (Сочинения И. И. Дмитриева: В 2 т. Т. 2. СПб., 1893. С. 56). Об истории их взаимоотношений см.: Стихотворения. Т. 2. С. 498—499. Их переписка длилась на протяжении почти 30 лет. Первые письма Дмитриева к Жуковскому относятся к 1805 г. К сожалению, письма Жуковского к Дмитриеву до 1810 г. не обнаружены. Сохранилось 18 писем Жуковского к И. И. Дмитриеву, и 30 писем Дмитриева к Жуковскому. Публикация: РА. 1870. Стб. 1691—1703; 1871. Стб. 409—430, 1691—1703.

Елагина

Авдотья Петровна

Авдотья Петровна Елагина (урожд. Юшкова, в первом браке Киреевская; 1789—1877), племянница Жуковского, духовная спутница поэта на протяжении всей его жизни. Мать братьев Киреевских, склонная к литературной деятельности, она была в центре московской духовной жизни 1840-х гг. Их переписка 1813—1852 гг., включающая более 400 писем — поистине памятник русской культуры первой половины XIX в. Публикация: Переписка В. А. Жуковского и А. П. Елагиной. 1813—1852 / Сост., подгот. текста, ст. и коммент. Э. М. Жиликовой. М.: Знак, 2009.

Жихарев

Степан Петрович

Степан Петрович Жихарев (1788—1860), переводчик, мемуарист, арзамасец. Воспитанник Московского университетского благородного пансиона, он, вероятно, был знаком с Жуковским еще с юношеских лет. Отношения с ним Жуковского испортились после скандала, связанного с финансовыми делами братьев Тургеневых, что отразилось на прекращении переписки.

Зонтаг

Анна Петровна

Анна Петровна Зонтаг (урожд. Юшкова; 1785—1864), детская писательница, племянница Жуковского, сестра А. П. Елагиной, его подруга с детских лет, о чем она позднее расскажет в своих воспоминаниях. Их переписка охватывает около 40 лет. Публикации писем Зонтаг к Жуковскому: РА. 1902. Вып. 5. С. 130—133 (6 писем); РС. 1909. № 10. С. 155—163 (4 письма).

Измайлов

Александр Ефимович

Александр Ефимович Измайлов (1779—1831), поэт-баснописец и прозаик, журналист, издатель журнала «Благонамеренный», председатель Вольного общества любителей словесности, наук и художеств в Петербурге. По всей вероятности, высоко ценил поэтический дар Жуковского. Так, в письме к Н. Ф. Грамматину от 13 января 1813 г., сравнивая «Гимн на прогнание французов из Отечества» Державина с «Певцом во стане русских воинов» Жуковского, замечал: «Я не думаю, чтобы этот гимн мог сравниться с последними стихами Жуковского “Певец во стане русских воинов”» (Библиографические записки. 1859. № 14. Стб. 418). На страницах своего журнала он публикует стихотворение Пушкина «К портрету Жуковского»

(«Его стихов пленительная сладость...»). Избрание Жуковского в члены Общества любителей словесности, наук и художеств — следующий этап этого признания. В библиотеке Жуковского сохранился конволют «Басен и сказок Александра Измайлова... СПб., 1816» и «Новых басен и сказок... Александра Измайлова. СПб., 1817» (Описание. № 155—156).

Кавелин

Дмитрий Александрович Дмитрий Александрович Кавелин (1778—1851), воспитанник Московского университетского Благородного пансиона, арзамасец, директор Петербургского главного педагогического института (с февраля 1819 г. — Петербургского университета) и пансиона при нем. Как директор Медицинского департамента и типографии при нем в Петербурге, принимал активное участие в издательских проектах Жуковского, в том числе в издании «Стихотворений Василия Жуковского» 1815—1816 гг. Послание, адресованное к нему (1814), с просьбой о помощи орловскому доктору Гаспари, не случайно начинается словами: «Кавелин! друг, поэт, директор // И медиков протектор...» (ПССиП. Т. 1. С. 354). Симпатия к нему А. П. Киреевской (см.: Переписка Ж. и Елагиной. С. 105—108), заинтересованное участие в дерптской истории Жуковского — всё это сблизило друзей. Впоследствии отношения с Кавелиным, вероятно, испортились, причиной чему была его общественная позиция, связанная с гонениями на профессоров Петербургского университета, обвиненных в либерализме. Как вспоминал Ф. Вигель: «Безнравственность его обнаружилась в скором времени; постыдные поступки лет через семь или восемь до того обесславили его, что все порядочные люди от него удалились, и в России, где общее мнение ко всем так снисходительно, к нему одному осталось оно немилосердно. Как будто сбылось пророчество Жуковского: около него сделалась пустыня, и он всеми был забыт» (Вигель. Т. 2. С. 102). Эпистолярных контактов и упоминаний имени Кавелина в наследии Жуковского после 1821 г. не обнаружено. Публикация писем Кавелина к Жуковскому: Ежегодник РО ПД на 1979 г. Л., 1981. С. 106—112.

Карамзин

Николай Михайлович Николай Михайлович Карамзин (1766—1826), писатель, историк, автор «Истории государства Российского». С его

именем связаны многие этапные события в жизни Жуковского: от перевода «Сельского кладбища», издания ВЕ до штудирования и конспектов «Истории государства Российского». Это значение Карамзина в своей жизни и духовной истории России Жуковский лаконично и афористически определил в 1831 г. в послании «К Ив. Ив. Дмитриеву»: «Святое имя: Карамзин» (ПССиП. Т. 2. С. 287). К сожалению, писем Жуковского к Н. М. Карамзину почти не осталось: ранние, вероятно, сгорели в московском пожаре 1812 г., судьба более поздних (1813—1826 гг.) остается загадкой. Публикации писем Карамзина к Жуковскому: РА. 1869. С. 1383—1386; 1868. С. 1827—1836; 1870. С. 1682—1689; Голос минувшего. 1919. № 3. С. 39.

**Каченовский
Михаил Трофимович**

Михаил Трофимович Каченовский (1775—1842), историк, критик, издатель. В 1805—1830 гг. был (с перерывами) редактором журнала ВЕ. Как известно, в 1808—1809 гг. журнал издавал В. А. Жуковский. Но уже с конца 1809 г. (Ч. 48. № 21—24. Ноябрь—декабрь) до начала 1810 г. к нему присоединился Каченовский. В 1811 г. Жуковский отстраняется от обязанностей редактора, ограничившись авторским участием на его страницах. Два публикуемых письма от конца сентября раскрывают историю их непростых отношений во время ухода Жуковского с поста редактора журнала. Как справедливо замечает Р. В. Иезуитова: «Ценность публикуемых писем в том, что они раскрывают изнутри характер сложившихся в ходе совместной работы отношений» и «наглядно свидетельствуют о глубоких разногласиях соредакторов во взглядах на цели и задачи журнала» (Ежегодник РО ПД на 1979 г. Л., 1981. С. 87). Начало их переписки относится к лету 1809 г., когда Жуковский хотел привлечь Каченовского в соредакторы как одного из прежних редакторов и постоянного сотрудника. Именно это предложение и вызвало интенсивную переписку. К сожалению, ответные письма Жуковского, за исключением публикуемых, до сих пор не обнаружены. Подробнее см.: Ежегодник РО ПД на 1979 г. С. 86—87. Во время посещения Москвы в 1817, 1831 гг. Жуковский фиксирует в дневнике свои встречи с Каченовским (ПССиП. Т. 13. С. 124, 317), но никаких фактов их переписки после 1810 г. не обнаружено. В РО ИРЛИ в составе Онегинского собрания (№ 28075. 91 л.) сохранилось 49 писем Каченовского к Жуковскому от 1809—1817 гг.

Частично опубликованы: Ежегодник РО ПД на 1979 г. Л., 1981. С. 89—91, 97—106.

Лонгинов

Николай Михайлович

Николай Михайлович Лонгинов (1770—1853), секретарь императрицы Елизаветы Алексеевны, статс-секретарь Комиссии по принятию прошений, позднее сенатор. В дневнике поэта зафиксирована встреча с ним 16 августа 1819 г. в Царском Селе, а в записи от 1 сентября говорится о письме к Лонгинову (ПССиП. Т. 13. С. 130—131). Другие встречи с ним, известные по дневниковым записям, относятся к 1831, 1839, 1841 гг. (Там же. Т. 14. С. 35, 188, 254).

Лопухин

Иван Владимирович

Иван Владимирович Лопухин (1756—1816), известный масон и общественный деятель. Друг И. П. Тургенева, он участвовал в организации и деятельности Московского университетского Благородного пансиона. Его трактаты «Духовный рыцарь» и «Некоторые черты о внутренней церкви» были настольными книгами пансионеров. В дневниках Жуковского его имя появляется в связи с событиями пансионской жизни (ПССиП. Т. 13. С. 33). Лопухин принимал активное участие в судьбе поэта в связи с драматической историей его отношений с Машей Протасовой (Там же. С. 57—58, 60—61, 80—81). Поэт посещал его в подмосковном имении Савинское; в ВЕ с подписью «Ж.» опубликовано описание пейзажного парка Савинского с «Юнговым островом» и памятником Фенелону (1809. Ч. 43. № 2. Январь. С. 298—299; к ч. 43 ВЕ приложена гравюра, изображающая этот вид с подписью: «Юнгов остров и Памятник Фенелону в саду И. В. Л.»). Залогом дружеских отношений Жуковского и Лопухина стала рукопись «Отзыва искренности» (в печатном варианте: «Глас искренности») со следующим посвящением: «Гению-поэту Жуковскому от автора, друга его» (РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 289. Л. 1 об.). Эпистолярные контакты ограничились, вероятно, одним известным в печати письмом.

**Мария Федоровна,
императрица**

Мария Федоровна (урожд. София Мария Доротея Августа Луиза, принцесса Вюртембергская; 1759—1828), жена великого князя Павла Петровича, российская императрица с 1796 г., мать Александра I и Николая I. В феврале 1813 г. Жуковский удостоился получить от вдовствующей импе-

ратрицы рескрипт и перстень за «Певца во стане русских воинов» (см. письмо И. И. Дмитриева к Жуковскому от 20 февраля 1813 г.: РА. 1871. Вып. 3. Стб. 418—419); тогда же она выразила желание «сделать второе издание <...> песни» (ПЖТ. С. 100—101). В начале мая 1815 г. Жуковский был представлен императрице (см.: Переписка Ж. и Елагиной. С. 93—94). Последующие встречи с ней в Павловске во многом определили судьбу поэта, его педагогическую деятельность при дворе. К ней обращены два стихотворных «павловских послания», в том числе знаменитый «Подробный отчет о луне» (1820), неразрывно связанный с философией и поэтикой эстетических манифестов Жуковского (см.: ПССиП. Т. 2. С. 156—173, 194—203. Комментарий Н. Ж. Вётшевой). Как сообщал поэт в письме Ю. А. Нелединскому-Мелецкому: «Накануне ее погребения я провел ночь у ее гроба...» (С. 7. Т. 6. С. 519), следствием чего явилось его стихотворение «У гроба Государыни Императрицы Марии Федоровны. В ночь накануне Ея погребения» (ПССиП. Т. 2. С. 255—258. Комментарий И. А. Поплавской). Публикация письма императрицы Марии Федоровны к Жуковскому: РС. 1898. № 11. С. 363.

Мартынов Иван Иванович

Иван Иванович Мартынов (1771—1833), директор Министерства народного просвещения (1803—1817), эллинист, переводчик лагинских авторов, издатель журнала «Северный вестник» (1804—1805), член Российской академии. В библиотеке Жуковского сохранилось несколько сочинений Мартынова, в том числе его переводы гомеровских «Илиады» (Ч. 1—4. СПб., 1823—1825; Описание. № 87) и «Одиссеи» (Ч. 1—4. СПб., 1826—1828; Описание. № 88), «Предположение о глаголах языка российского» (СПб., 1829; Описание. № 215), два сочинения, посвященные ботаническим увлечениям автора (Описание. № 214, 2534). На одном из них на обложке имеется надпись: «В. А. Жуковскому». См.: Ж. и русская культура. С. 281. Во время работы над переводом «Одиссеи» в письме к А. П. Елагиной от 5 (17) декабря 1845 г. Жуковский так характеризовал его перевод: «Мартынов был искусный педант, но мне он может быть полезен для технических терминов в последних песнях, которые, кажется мне, будут труднее первых, более разнообразных» (Переписка Ж. и Елагиной. С. 525). Сведения о личных контактах Жуковского и Мартынова практически отсутствуют.

**Мерзляков
Алексей Федорович**

Алексей Федорович Мерзляков (1778—1830), поэт, теоретик литературы, впоследствии профессор Московского университета. В 1798 г. становится студентом Московского университета и членом тройственного творческого союза М. Т. Ж. (Мерзляков — Андрей Тургенев — Жуковский). Подробнее см.: Письма Андрея Тургенева. С. 351. Впоследствии между бывшими друзьями произошло заметное охлаждение, связанное с различием как их жизненных позиций, так и литературных принципов. Выступление Мерзлякова на 33-м заседании Общества любителей российской словесности 22 февраля 1818 г. с «Письмом из Сибири», где подвергалась критике поэзия Жуковского, прежде всего его баллады и гекзаметрические опыты (см. об этом: *Дмитриев М. А.* Мелочи из запаса моей памяти // *Дмитриев М. А.* Московские элегии. М., 1985. С. 247—249), обострило эти расхождения. Интенсивность переписки Мерзлякова и Жуковского в период с 1800 по 1828 г. (к сожалению, от нее до нас дошли около двадцати писем Мерзлякова и только одно письмо Жуковского) свидетельствует о длительных творческих взаимоотношениях двух деятелей русской культуры. После смерти Мерзлякова Жуковский принимал участие в судьбе его сына, о чем свидетельствует письмо к его вдове. Публикации писем Мерзлякова к Жуковскому: РА. 1871. Стб. 0133—0157; РС. 1903. № 7. С. 121—124; 1904. № 5. С. 445—450.

**Моргенштерн
Карл**

Иоганн Симон Карл Моргенштерн (1770—1852), с 1802 по 1833 г. профессор классической филологии, риторики, эстетики, истории литературы и искусства Дерптского университета. Познакомившись в Дерпте в 1815 г., Жуковский и Моргенштерн сохранили дружеские отношения почти на протяжении всей жизни. Так, 4—5 мая 1841 г., отправляясь в Германию, Жуковский прощается в Дерпте с могойлой Маши, с друзьями и родственниками. В дневнике 5 (17) мая он записывает: «У Моргенштерна» (ПССиП. Т. 14. С. 258). В библиотеке Жуковского сохранились его сочинения, относящиеся к 1807—1839 гг., с дарственными надписями автора, свидетельствующими о теплой дружбе (Описание. № 1681—1684, 2710). Известны 7 писем-записок Жуковского к дерптскому другу от 1817—1842 гг. (Петухов. С. 90—96). Моргенштерн проработал в Дерптском университете 40 лет и вышел на пенсию в 1839 г. В период

1801—1839 гг. он занимался комплектацией университетской библиотеки (к середине XIX в. она насчитывала 100 000 экз.). В 1851 г. Моргенштерн подарил университету свою библиотеку (11 500 томов), собрание произведений искусства и земельный участок (см.: *Салупере М. Г.* Тысячелетний Тарту. Город молодости. Тарту: Изд-во «Грейф», 2011. С. 66, 99—100).

**Николай Павлович,
великий князь**

Николай I Павлович (1796—1855), третий сын императора Павла I и Марии Федоровны, родной брат императора Александра I, отец императора Александра II. Император Всероссийский с 14 (26) декабря 1825 г., царь Польский и великий князь Финляндский. Как человека, близкого ко двору и воспитателя престолонаследника, Жуковского связывали с ним многолетние и часто непростые отношения, иногда доходившие до конфликтов. Тем не менее после завершения воспитательной миссии Жуковского Николай I предложил ему стать воспитателем младших великих князей, при вступлении Жуковского в брак назначил ему пожизненный пенсион, а после смерти поэта материально обеспечил его семью (см. подробнее: ПССиП. Т. 13—14. Указатель имен).

**Николев
Иван Федорович**

Иван Федорович Николев (годы жизни неизвестны). Как явствует из письма Жуковского к А. И. Тургеневу от 24 февраля 1817 г. и письма самому И. Ф. Николеву, он находился в родстве с крестным отцом Жуковского Андреем Григорьевичем Жуковским; будучи в Дерпте, Жуковский по просьбе Николева устроил в пансион сына А. Г. Жуковского, Павла, и внимательно следил за судьбой мальчика.

**Перовский
Алексей Алексеевич**

Алексей Алексеевич Перовский (1787—1836), внебрачный сын гр. А. К. Разумовского, старший брат Льва и Василия Перовских. Учился в Московском университете, в 1807 г. вышел его перевод на немецкий язык «Бедной Лизы» Карамзина; около этого же времени, очевидно, состоялось его знакомство с Жуковским. В 1808 г. Перовский определяется на службу в Петербург. В 1812—1816 гг. служит в армии, участвует в европейских походах; с 1816 г. — чиновник возглавляемого А. И. Тургеневым департамента духовных дел иностранных исповеданий; в 1825—1830 гг.

Перовский — попечитель Харьковского учебного округа, но живет в Петербурге, где регулярно общается с Жуковским, А. С. Пушкиным и литераторами их круга. В 1830-е гг. посещает вечера Жуковского (изображен в числе гостей на известной картине «Субботы Жуковского»; нач. 1836 г.; Всероссийский музей А. С. Пушкина). Перовский был воспитателем и литературным наставником своего племянника гр. А. К. Толстого. В 1820 г. Перовский напечатал в СО три статьи в защиту «Руслана и Людмилы» Пушкина и стихотворный перевод из Горация, но литературную известность получил как прозаик — под именем Антоний Погорельский вышли две его книги: повести в стиле Гофмана «Двойник, или Мои вечера в Малороссии» (1828) и роман «Монастырка» (1830—1833). Ответные письма Перовского к Жуковскому в печати неизвестны.

**Прокопович-Антонский
Антон Антонович**

Антон Антонович Прокопович-Антонский (1762—1848), выпускник Киевской духовной академии и Московского университета, преподаватель естественной истории (с 1787), инспектор (с 1791), потом директор Московского университетского Благородного пансиона (1818—1826), впоследствии профессор и ректор Московского университета. С именем Прокоповича-Антонского связан важный этап в жизни поэта — период его умственного и духовного становления, начало его поэтической деятельности. Он был не только наставником Жуковского в пансионе, но и активизировал его тягу к сочинительству. Являлся одним из руководителей литературного общества «Собрание воспитанников университетского Благородного пансиона». После окончания пансиона Жуковский некоторое время жил в его доме, в Москве, в Газетном переулке. В это же время Прокопович-Антонский вызвался кредитовать заграничное путешествие Жуковского и Мерзлякова для продолжения учебы в лучших университетах Германии. И хотя этот замысел не осуществился, пансионский наставник всегда старался помочь своему воспитаннику. Тому свидетельством — 26 писем Жуковского к Антонскому (как именовал он его в дневниковых записях) от 1814—1839 гг. Биография Прокоповича-Антонского включена в сборник «Русские люди. Жизнеописание соотечественников, прославившихся своими деяниями на поприще науки, добра и общественной пользы». СПб.; М.: Издание М. О. Вольфа, 1866. Т. 2. С. 169—188. Подробнее о нем

см.: Русский биографический словарь. Т. 15: «Притвиц — Рейс». СПб.: Тип. Имп. АН, 1910. С. 38—40; *Серков А. И.* Русское масонство. 1731—2000 гг. // Энциклопедический словарь. М.: РОССПЭН, 2001. С. 669. Об истории пансиона, его преподавателях и воспитанниках см.: *Пономарева В. В., Хорошилова Л. Б.* Университетский Благородный пансион. М.: Новый хронограф, 2006. Письма Прокоповича-Антонского к Жуковскому в печати неизвестны.

Протасова

Екатерина Афанасьевна Екатерина Афанасьевна Протасова (урожд. Бунина; 1770—1848), сводная сестра Жуковского, мать М. А. Протасовой-Мойер и А. А. Протасовой-Воейковой. История их отношений связана с влюбленностью Жуковского в Машу Протасову и последующим сватовством к ней. Мать решительно воспрепятствовала этому, опираясь на мнение о родстве Маши и Жуковского. Письма Жуковского отражают основные этапы этой драматической истории. Но писем к самой Екатерине Афанасьевне Жуковский написал в этот период всего три. После женитьбы Маши и ее смерти Жуковский продолжал общение с ней. На сегодняшний день известны 12 писем Жуковского к Е. А. Протасовой и 6 ее писем к нему. Публикация писем Е. А. Протасовой к Жуковскому: УС. С. 292, 296—298; РС. 1883. № 5. С. 353—354, 362.

Протасова

Мария Андреевна Мария Андреевна Протасова (в замуж. Мойер; 1793—1823), племянница Жуковского, любовь к которой он пронес через всю жизнь. Дерптские письма-дневники 1814—1815 гг., последующие эпистолярные послания — отражение драматической истории их отношений. Письма М. А. Протасовой (Мойер) к Жуковскому (всего 25): УС. С. 147—149, 169—170, 185—186, 194—196, 219—221, 27—235, 236—240, 244—245, 248—254, 257, 259, 267—272, 275—279, 285—286.

Свечин

Николай Петрович Николай Петрович Свечин (1776 / 1778—1823), драматург-дилетант, муж племянницы Жуковского М. Н. Вельяминовой, с которой с 1806 г. жил раздельно. Отношения с Жуковским, вероятно, сложились еще в ранние годы, о чем свидетельствует упоминание Свечина среди других белевских знакомых и запись «Свечина развод» в дневнике Жуковского 1805 г. (ПССиП. Т. 13. С. 33). В начале

Отечественной войны 1812 г. Свечин вступил в Московское ополчение и был назначен командиром 1-го пехотного (1-го пешего казачьего) полка. С декабря 1812 по июнь 1813 г. был комендантом г. Борисова Минской губернии. Вышел в отставку с чином полковника. Поэтому в письме Жуковский называет его «любезный командир и комендант» и говорит о его службе именно в Борисове. После возвращения с войны Жуковский встречался со Свечиным, который занимал должность предводителя дворянства Белевского уезда Тульской губернии, о чем свидетельствует его стихотворная «Записка к Свечину» («Извольте, мой полковник, ведать...»), датированная 16 октября 1814 г. (ПССиП. Т. 1. С. 349. Комментарий О. Б. Лебедевой). Возможно, к нему обращено и еще одно послание «Сам Бог тебе порука...», датированное 1813 г. (Там же. С. 273). Подробнее о нем: Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. Т. 5. М., 2007. С. 509—510 (автор статьи Н. В. Самовер при участии А. Н. Полосиной). О других эпистолярных контактах Жуковского и Свечина сведения не обнаружены, хотя в письме к А. П. Елагиной от июня 1814 г. поэт говорит о своем послании, «писанном к Свечину» (Переписка Ж. и Елагиной. С. 41). Письма Свечина к Жуковскому неизвестны.

Свечина Мария Николаевна

Мария Николаевна Свечина (урожд. Вельяминова; ок. 1781 — 1821), жена Н. П. Свечина, племянница Жуковского. С Жуковским ее сближала судьба незаконнорожденного ребенка. Она была первым юношеским увлечением поэта. Наконец, известны факты его приобщения юной «девицы Марьи Вельяминовой» к творческой деятельности. В 1798—1799 гг. при непосредственном участии тогда еще воспитанника Московского университетского Благородного пансиона выходит в свет ее перевод сочинения французского анонимного автора «Остаток человеколюбия во Франции» (подробнее см.: *Виницкий И.* Семейные связи. Заметки о реальной основе биографического мифа Жуковского // ЖИМ. Вып. 2. С. 14—20). Вместе с сестрой А. Н. Арбеновой принимала участие в истории сватовства Жуковского к Маше Протасовой, но была не на его стороне, хотя в отличие от сестры была сдержанна в своих оценках возникшего конфликта. Известны два письма Жуковского к ней, ее письма к Жуковскому неизвестны.

Соковнина

Анна Михайловна

Анна Михайловна Соковнина (в замуж. Павлова; 1784—1873), сестра приятеля Жуковского Сергея Соковнина, вышедшая позднее замуж за Василия Николаевича Павлова (см.: Ж. в воспоминаниях. С. 565—566). Объект увлечения братьев Тургеневых (Андрея и Александра), а также в определенной степени и самого Жуковского (см.: Веселовский. С. 71—74, а также: Ж. и русская культура. С. 373). Ответные письма неизвестны.

Тургенев

Александр Иванович

Александр Иванович Тургенев (1784—1845), воспитанник Московского университетского Благородного пансиона, публицист, автор «Хроники русского», публиковавшейся на страницах известных русских журналов, археограф, арзамасец, задушевный друг Жуковского на протяжении почти 50 лет его жизни. Переписка Жуковского и Тургенева — один из замечательных памятников русской эпистолярной культуры первой половины XIX в. Известны 214 писем Жуковского к Тургеневу; двусторонняя переписка в данное время частично издана Хольгером Зигелем, см.: Siegel. Издание продолжается. Другие публикации: РА. 1873. № 8. Стб. 1515—1518, 1528—1529; 1875. № 11. С. 339—341; 1864. С. 448—452; 1900. № 3. С. 361—362; 1902. Т. 2. С. 340, 457; РС. 1903. № 8. С. 439—445; АБТ. Вып. 2. С. 268—269, 271—272, 497—498; ЛН. 1952. Т. 58. С. 104, 116, 119—120, 128—129; *Гиллельсон М. И.* Молодой Пушкин и арзамасское братство. Л., 1974. С. 67; *Тургенев А. И.* Политическая проза. М., 1989. С. 164—170.

Тургенев

Иван Петрович

Иван Петрович Тургенев (1752—1807), масон, ближайший сподвижник Н. И. Новикова, литератор, директор Московского университета, отец братьев Тургеневых. Жуковский считал его не только своим наставником, «духовным отцом», но и видел в нем, в его сыновьях свою семью. Позднее поэт в примечании к стихотворению «Тургеневу, в ответ на его письмо. Послание» (1813), обращенному к сыну И. П. Тургенева Александру, вспоминал: «Он был живой юноша в кругу молодых людей, из которых каждый готов был сказать ему всё, что имел на сердце, будучи привлечен его прямодушием, отеческим участием, веселостью, простотою» (ПССиП. Т. 1. С. 635). В «Надгробии

И. П. и А. И. Тургеневым» (1819) он называл его «милый наш отец» (Там же. Т. 2. С. 117).

**Тургенев
Николай Иванович**

Николай Иванович Тургенев (1789—1871), сын И. П. Тургенева, брат А. И. и С. И. Тургеневых, воспитанник Московского и Гёттингенского университетов, экономист, автор книги «Опыт теории налогов», общественный деятель, один из руководителей Союза благоденствия и видный член Северного общества. С 1824 г. находился за границей, заочно был приговорен к смертной казни и оказался в эмиграции. Жуковский принимал самое активное участие в его судьбе, написал «Записку о Н. И. Тургеневе» как оправдательный документ декабриста. Их переписка активизировалась в 1840-х гг. в связи с выходом за границей сочинения Тургенева «Россия и русские». Публикация писем Н. И. Тургенева к Жуковскому: ВЛ. 1975. № 11. С. 207—227.

**Тургенев
Сергей Иванович**

Сергей Иванович Тургенев (1792—1827), младший из братьев Тургеневых, воспитанник Гёттингенского университета, дипломат, был близок к декабристам. Большую часть своей жизни прожил за границей и умер в Париже. Жуковский был все последние дни у постели сошедшего с ума друга и проводил его в последний путь. Публикация письма С. Н. Тургенева к Жуковскому: РА. 1902. Т. 2. № 7. С. 457.

**Турчанинова
Елизавета Дементьевна**

Елизавета Дементьевна Турчанинова (Сальха; 1754—1811). Мать Жуковского. Согласно семейному преданию, шестнадцатилетняя пленная турчанка Сальха была привезена после боев под Бендерами крестьянином из Мишенского своему помещику А. И. Бунину и стала его наложницей (см.: Зонтаг. С. 267—268). Была приведена в «веру греческого исповедания» и получила имя Елизавета Дементьевна Турчанинова. Подробнее см.: *Глаголева О. Е.* Детство и юность В. А. Жуковского: уточнение фактов биографии поэта // Жуковский и время: Сб. статей. Томск, 2007. С. 218—219. Сохранилось 5 писем Жуковского к матери от 1795—1805 гг.; публикация ответных писем Елизаветы Дементьевны к Жуковскому за 1799—1807 гг.: РА. 1883. Кн. 1. С. 213—215.

Уваров

Сергей Семенович

Сергей Семенович Уваров (1786—1855), граф, государственный деятель, министр просвещения, президент Академии наук, автор сочинений по классической филологии и археологии, арзамасец. В молодые годы переписка друзей была достаточно интенсивной, впоследствии известны немногие письма. Особый интерес представляют письма Жуковского о переводе «Одиссеи». Публикация писем Уварова к Жуковскому: РА. 1871. Стб. 0157—0170.

фон Фок

Максим Яковлевич

Максим Яковлевич фон Фок (1777—1831), действительный статский советник, директор Особенной канцелярии Министерства внутренних дел (1819—1826), управляющий Третьим отделением, с 1826 г. фактический глава тайной полиции России. В октябре 1811 г. назначен чиновником Министерства полиции (помощник правителя Особенной канцелярии); в марте 1813 г. назначен правителем Особенной канцелярии. В 1819 г. сменил Я. И. де Санглена на посту директора Особенной канцелярии. Современники и позднейшие историки считали фон Фока настоящим создателем Третьего отделения. Свидетельства современников о личности фон Фока представляют его человеком, достойным уважения и доверия, ср.: «Я был знаком с директором Особенной Канцелярии Министерства внутренних дел (что ныне III Отделение Канцелярии государя), Максимом Яковлевичем фон Фоком, с 1812 года и пользовался его дружбой и благосклонностью. Он был человек умный, благородный, нежный душой, образованный, в службе честный и справедливый. Ему обязаны государь и Россия многими благими мыслями и делами» (*Греч Н. И.* Записки о моей жизни; гл. «Фаддей Булгарин». СПб., 1993). Узнав о смерти фон Фока, Пушкин оставил в своем дневнике следующую запись: «На днях скончался в Пб Фон-Фок, начальник 3-го отделения Государевой канцелярии (тайной полиции), человек добрый, честный, твердый. Смерть его есть бедствие общественное. Государь сказал: «J'ai perdu Fock; je ne puis que le pleurer et me plaindre de n'avoir pas pu l'aimer»^{*}. Вопрос: кто будет на его месте? важнее другого вопроса: что сделаем с Польшей?» (*Пушкин А. С.* Дневники. Записки. СПб., 1995. С. 27). Жуковский неоднократно обращался к фон Фоку через А. И. Тургенева и лично

---

^{*} Я потерял Фока; могу лишь оплакивать его и сетовать, что не мог его любить (*франц.*).

с просьбами процедурного порядка (выдача заграничных паспортов). Известно еще одно письмо Жуковского к фон Фоку (1829).

Черкасов Иван Петрович Иван Петрович Черкасов (ок. 1761 — после 1841), барон, белевский сосед Жуковского (имение Володьково). Впервые имя барона упоминается в дневниковой записи от 16 июля 1805 г.: «Нынче я был у барона. <...> С ним приятно быть, потому что он не оставляет ума в бездействии, будучи сам очень умным человеком» (ПССиП. Т. 13. С. 19). В письме к А. И. Тургеневу от 15 мая 1813 г. Жуковский рекомендует его так: «...один из добрых моих приятелей и достоин с твоей стороны всякого уважения» (см. наст. изд.). К нему обращены два стихотворных послания 1806 и 1814 гг. (см.: Там же. Т. 1. С. 676—677; Т. 2. С. 748—749). Несколько долбинских стихотворений 1814 г. адресованы его жене и детям. Более поздние эпистолярные контакты неизвестны.

**Черкасова
Мария Алексеевна**

Мария Алексеевна Черкасова (урожд. Кожина, ? — 1817), баронесса, первая жена И. П. Черкасова. Впервые упоминается в дневнике Жуковского 1805 г. (ПССиП. Т. 13. С. 20). Сочувствовала Жуковскому и Маше Протасовой в их борьбе за право на любовь. В письме к А. П. Елагиной от 16 апреля 1814 г., узнав о ее поддержке, Жуковский пишет: «Скажите ей, что, узнавши о ее участии, о том, что она за меня молилась, я привязался к ней, право, сыновнею благодарностью. Такую нежную доброту в редком сердце встретишь» (Переписка Ж. и Елагиной. С. 21). К ней обращена стихотворная «Записка к баронессе» (1814), заканчивающаяся словами: «Но что володьковскую баронессу // Я всей душой люблю ... вот это не мечта!» (ПССиП. Т. 1. С. 350. Комментарий О. Б. Лебедевой).

УКАЗАТЕЛЬ ПИСЕМ ПО АДРЕСАТАМ*

Азбукин Василий Андреевич 103
Азбукина Екатерина Петровна 268
Александр I, император 293
Арбенева Авдотья Николаевна 104, 130, 138

Батюшков Константин Николаевич 55, 271, 343
Блудов Дмитрий Николаевич 8, 12—14, 16, 23, 30, 33, 92, 198, 313, 320, 343, 355

Вендрих Федор Григорьевич 20
Воейков Александр Федорович 20, 122, 136, 137, 146, 167, 169, 174, 242, 267
Воейкова Александра Андреевна 192, 267, 287, 345, 353
Вяземская Вера Федоровна — 91
Вяземский Петр Андреевич 37, 39, 40, 51, 52, 56, 57, 68, 72, 75, 84—89, 90, 93, 94—101, 111—
113, 123—129, 131, 133—135, 142, 156, 173, 180, 181, 183, 184, 186, 188, 190, 204, 220,
230, 234, 245, 248, 250, 252, 254, 256, 262, 263, 266, 275, 283, 294, 297, 316, 331, 339, 342

Гизе Фердинанд (Федор Федорович) 276
Гнедич Николай Иванович 81, 191, 264, 309
Голицына Евдокия Ивановна 120
Голубков Петр Иванович 44

Дашков Дмитрий Васильевич 311
Дезе Карл Яковлевич 223—225, 227, 231, 243
Державин Гаврила Романович 4, 274, 284
Дмитриев Иван Иванович 53, 64, 107, 268, 325, 341

Жихарев Степан Петрович 278, 300

Измайлов Александр Ефимович 336

Кавелин Дмитрий Александрович 149, 168
Карамзин Николай Михайлович 350
Каченовский Михаил Трофимович 62, 63

---

* Цифры соответствуют номерам писем.

Киреевская (Елагина) Авдотья Петровна 116—118, 148, 150, 151, 153, 154, 158—160, 171, 172, 177, 185, 189, 215, 216, 219, 222, 226, 236, 244, 249, 251, 257, 259, 261, 270, 273, 277, 285, 291, 298, 302, 310, 335, 338, 354

Козлов Иван Иванович 337

Лонгинов Николай Михайлович 279, 344, 346

Лопухин Иван Владимирович 46

Мария Федоровна, императрица 206

Мартынов Иван Иванович 317, 321

Мерзляков Алексей Федорович 6

Моргенштерн Карл 246, 334

Николай Павлович, великий князь 347

Николев Иван Федорович 319

Перовский Алексей Алексеевич 50

Прокопович-Антонский Антон Антонович 143, 145, 221, 232, 247, 255, 265, 323

Протасова Екатерина Афанасьевна 10, 170, 258, 267

Протасова (Мойер) Мария Андреевна 163—166, 175, 176, 201—203, 208, 210—214, 217, 218, 240, 253, 260, 267, 337

Свечин Николай Петрович 105

Свечина Мария Николаевна 104, 138, 307, 315

Соковнина Анна Михайловна 9, 32

Тургенев Александр Иванович 17—19, 21—29, 31, 33, 34—36, 42, 43, 47—49, 54, 58—61, 65—67, 69—71, 73, 74, 76—78, 80, 82, 83, 102, 106, 108—110, 114, 119, 121, 132, 139—141, 144, 147, 152, 155, 157, 161, 178, 179, 182, 187, 193, 195—197, 199, 200, 205, 209, 233, 235, 237—239, 241, 273, 278, 280—282, 286, 288—290, 292, 295, 296, 299, 301, 303, 305, 306, 311, 314, 322, 324—326, 328—330, 332, 333, 340, 343, 348, 349, 351, 352, 357

Тургенев Иван Петрович 5, 11

Тургенев Николай Иванович 229, 340, 343

Тургенев Сергей Иванович 356

Турчанинова Елизавета Дементьевна 1—3, 7, 15, 41

Уваров Сергей Семенович 115, 194, 207

фон Фок Максим Яковлевич 308

Черкасов Иван Петрович 38

Черкасова Мария Алексеевна 228

Юшкова (Зонтаг) Анна Петровна 45, 171, 236, 244, 251, 259, 269, 304, 318

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ, ЗАМЫСЛОВ И ИЗДАНИЙ В. А. ЖУКОВСКОГО*

- <А. А. Воейковой> («А ты, мой несравненный цвет!..») 192
А. А. Прокоповичу-Антонскому (неосуществленный замысел послания) 255 (?)
Аббадона 172, 191, 194, 207
Адельстан 111, 311
Александре Андреевне Воейковой («Печаль по слуху только знай...»; посвящение к балладе «Громобой») 345
Алина и Альсим 181, 182, 184, 187, 190
Альманах (неосуществленный замысел) 294
Аониды см. Мнемозина
Ареопагу 193, 194
Арзамасские речи и протоколы 275, 297
Ахилл 181, 182, 184, 187, 190, 312
- Баллада, в которой описывается, как одна старушка ехала на черном коне вдвоем, и кто сидел впереди 179, 181, 182, 184, 187, 189, 209, 244, 245, 266
Библия 176, 184
Бог (ода Г. Р. Державина, переведенная на французский язык В. А. Жуковским и С. Е. Родзянко, не сохранилась) 4
- В альбом кн. Е. И. Голенищевой-Кутузовой 226
В Общее собрание Нового Арзамаса от действительного Секретаря Его Превосходительства всепокорнейшее завывание 330
Вадим 98, 181, 182, 184, 187, 296, 297, 299, 302, 314, 316, 339
Вадим Новгородский 13, 14
Варвик 181, 182, 184, 187, 244
Весеннее чувство 302
Весна (неосуществленный замысел перевода) 316
Вестник Европы (редакторская работа и сотрудничество Жуковского в 1809—1811 гг.) 30, 31, 33, 35, 36, 45, 46, 48, 51, 52, 59, 60, 62, 63, 68, 70, 71, 73, 79, 90, 92
Вечер 23, 24
Владимир (замысел поэмы, не осуществлен) 59, 60, 69, 70, 92, 136, 175, 178, 187, 199, 226, 230, 233, 234, 236, 238, 316, 318, 327
Вождю победителей 105

---

* Цифры соответствуют порядковому номеру письма. В указателе учитываются косвенные свидетельства о работе над произведением или изданием и цитация даже в тех случаях, когда не упомянуто название произведения.

<Послания к кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину> II. «Вот прямо одолжили...» 184

Герман и Доротея (замысел перевода, не осуществлен) 312

Гимн («О Боге нам гласит времен круговращенье») 128

Государыне Императрице Марии Федоровне («Мой слабый дар Царица ободряет...»)
107, 110, 125—127, 131

Громобой 70, 230

<Д. Н. Блудову> «Друг сердечный, прости ты меня окаянного друга...» 355

Два отрывка в прозе (неизвестны) 312

Два перевода с немецкого см. Овсяный кисель, Красный карбункул

Двенадцать спящих дев 124, 184, 187, 294, 296, 297, 299, 304, 313, 314, 339

Деревенский сторож в полночь 299

<Дмитрий Самозванец> 312

Дон Карлос (замысел перевода, частично осуществлен в 1815) 90

Дон Кишот Ламанхский (перевод) 14, 48

Жалоба 88

Желание 88, 148, 151

Журнал (ряд неосуществленных замыслов) 31, 124, 136, 142, 175, 180, 220, 222, 226, 230,
248, 294

Ивиковы журавли 131, 133, 142, 244

<Из письма к П. А. Вяземскому> («Но быть к тебе на именины...») 37

Избранные сочинения Жан-Жака Руссо (замысел перевода и издания, не осуществлен)
14

Императору Александру 155, 176—179, 181, 182, 184, 185, 187—189, 195, 196, 199, 209, 244,
245, 293, 296

Искупление см. Вадим

К Батюшкову («Сын неги и веселья...») 97, 98, 100, 111, 112

К Воейкову («Добро пожаловать, певец...») 122, 131—136, 139, 142, 288

К Вяземскому. Ответ на его послание к друзьям («Ты, Вяземский, хитрец, хотя ты и
Поэт!...») 181, 183, 187, 245

К Ив. Ив. Дмитриеву («Итак! ее уж нет, // Сей пристани спокойной...») 107, 125

<Послания к кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину> III. К кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину.
Послание 184, 187, 190, 226, 245, 251, 259

К князю Вяземскому («Нам славит древность Амфиона...») 181, 183, 184, 187

<К П. А. Вяземскому> («Князь Петр, жилец Московский!») 94

К самому себе 131, 163

К Тургеневу, в ответ на стихи, присланные вместо письма 141, 155

К Филалету 151, 175

Кассандра 48, 245

Коловратно-куриозная сцена между господином Леандром, Пальясом и важным госпо-
дином Доктором 88, 90

Красный карбункул 304, 312, 316, 339

Лерберг А. Х. Исследования, служащие к объяснению древней русской истории (редакторская работа) 311
Людмила 70, 244

Макар сквозь сон в каморке прокричал... (Автопародия на «Балладу, в которой описывается, как одна старушка ехала на черном коне вдвоем...»; частично реализованный замысел) 266

Младенец 226

Мнемозина (замысел альманаха 1817 г., не реализован) 312, 313, 316

Моя богиня 48

Молитва русского народа («Боже, Царя храни!..») 180

Мысли о заведении в России Академии Азиатской (перевод) 73, 79

На первое отречение от престола Бонапарте 255 (?)

На победы русских в 1813 г. (черновой набросок) 103(?), 106(?)

На смерть А<ндрея> Тургенева 11

На с.<мерть> Кайсарова (неосуществленный замысел) 114, 121

На смерть Кутузова (неосуществленный замысел) 110, 131

На смерть фельдмаршала графа Каменского 48

Надгробие И. П. и А. И. Тургеневым 280

Неожиданное свидание (замысел перевода, осуществлен в 1831 г.) 312

Несколько анекдотов из Гебеля в прозе (перевод неизвестен) 312

Несколько писем Иоанна Миллера, историка Швейцарии, к Карлу Бонстеттену, другу его (перевод) 60

Оберон 92, 93,

Овсяный кисель 296, 299, 301, 312, 316, 343

Опыт о похвальных словах (замысел перевода «Essai sur les Éloges, ou histoire de la littérature et de l'Éloquence, appliquées a ce genre d'ouvrage» Антуана Леонара Тома, не осуществлен) 14

П. А. Вяземскому («Мой милой друг...») 89

Певец в Кремле 187, 189, 190, 196, 220, 222, 226, 255(?), 296, 299, 301—305, 310, 313, 316, 318, 320, 323, 331

Певец во стане русских воинов 103, 105—107, 110, 112, 114, 119, 121, 125—128, 137, 142, 156, 157, 187, 198, 210, 244, 245, 266

Переводы из Гебеля см. Овсяный кисель, Утренняя звезда, Тленность, Деревенский сторож в полночь

Песнь барда над гробом славян-победителей 23—27

Песнь Русскому Царю от его воинов 252, 255

Песня (Счастлив тот, кому забавы...) 48

Песня Братьев (неосуществленный замысел) 127

Перевод с немецкого (неизвестен) 1

- Пиршество Александра, или Сила гармонии 97, 147
 Письмо к *** («Я сам, мой друг, не понимаю...») 130
 Пленник (неосуществленный замысел) 184, 190
 Полное собрание сочинений М. Н. Муравьева (редакторская работа Жуковского) 84, 93, 178—180, 220, 222, 223, 226, 263, 271, 312
 Послание А. А. Воейковой (неосуществленный замысел) 192
 Послание к Воейкову (по случаю его женитьбы — неосуществленный замысел) 147
 Послание к Вяземскому (замысел 1813 г., не осуществлен) 124, 127, 131
 Послание к жестокой (неизвестно) 9
 Послание к императрице см. Государыне Императрице Марии Федоровне («Мой слабый дар Царица ободряет...»)
 Послание к Плещееву. В день Светлого Воскресения 97, 98, 164
 Послание о деятельности (неизвестно) 70, 80
 Послание к Царю, Послание к государю см. Императору Александру
 Поэма <...> стихов 300 (Весна <?>) 97
 Поэтическое искусство (начало перевода поэмы Н. Буало; перевод неизвестен) 112
 Пустынный 98
 Путешественник 88
 Путешественник и поселанка (перевод диалога Гете «Der Wanderer», 1819) 312
 Путешествие жизни 127
- «Радамист и Зенобия», трагедия в пяти действиях, в стихах, сочинение Кребильона, перевел с французского Степан Висковатов 68, 72
- Светлана 97, 111, 226, 244
 Сила гармонии см. Пиршество Александра, или Сила гармонии
 Сказка в прозе (нереализованный замысел) 312
 Сказка из Ламот-Фуке (перевод неизвестен) 312
 Скачет груздочек по ельничку (шутливое представление, не сохранилось) 88, 90
 Славянка 245, 248, 249
 Слово о полку Игореве 234
 Собрание образцовых русских сочинений и переводов в прозе / в стихах, изданных Обществом любителей отечественной словесности (составительско-редакторская работа) 168, 180, 226, 250, 263, 267, 309
 Собрание русских стихотворений, взятых из сочинений лучших стихотворцев российских и из многих русских журналов, изданное Василием Жуковским (составительско-редакторская работа) 21, 48, 60, 70, 135, 142, 226
 Сократовы разговоры о бессмертии души («Федон») 90, 92, 93
 Сон могольца 251
 Старцу Эверсу 239, 244, 245
 Стихи на «Марьину рощу» (неизвестны) 11
 Стихи, петье на празднестве английского посла лорда Каткарта, в присутствии Его Императорского Величества 278, 280—282
 <Стихи, посвященные И. В. Лопухину> (неосуществленный замысел) 288

Стихотворения Василия Жуковского (первое издание 1815—1816 гг.) 102, 110—112, 123, 124, 128, 131, 152, 161, 173, 176, 182, 184, 190, 196, 197, 199, 205, 209, 222, 226, 232, 234, 236, 245, 247, 250, 252, 254, 255, 256, 259, 262, 265—268, 270, 283, 285, 292, 293, 297, 299

Счастье (Из Шиллера) 48

«Там небеса и воды ясны...» 302

Тевтона (замысел альманаха 1817 г., не рализован) 312, 313, 316

Теон и Эсхин 181, 182, 184, 202, 203, 210, 213, 217, 222, 226, 242, 244, 260, 270, 281, 287, 345, 350

Тленность 299, 312

Тоска по миллом 88

Тургеневу, в ответ на его письмо 121—123(?), 131, 137, 144, 155, 160

Уединение 107, 226

Узник 181

Ундина (замысел, осуществлен в 1831—1836 гг.) 312

Утренняя звезда 299

Федон *см.* Сократовы разговоры о бессмертии души

«Филлида, я любим тобою!..» (неизвестно) 9

Alix et Alexis *см.* Алина и Альсим

Art Poétique *см.* Поэтическое искусство

Demetrius der Falsche *см.* <Дмитрий Самозванец>

Der Garfunkel *см.* Красный карбункул

Der Habermus *см.* Овсяный кисель

Der Wanderer *см.* Путешественник и поселянка

Die Vergänglichkeit *см.* Тленность

Essai sur les Eloges *см.* Опыт о похвальных словах

Hermann und Dorothea *см.* Герман и Доротея

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абаза 152

Абаза Аггей Васильевич (1782 или 1783—1852), сокурсник Жуковского по Московскому университетскому Благородному пансиону 714

Абаза Платон Никандрович (1798—1862), ротмистр, впоследствии автор книг о сельском хозяйстве 714

Августин (в миру Виноградский Алексей Васильевич; 1766—1819), епископ Дмитровский, управляющий Московской митрополией 218, 233, 236, 554, 757, 980

Авдотья *см.* Азбукина Авдотья Васильевна

Авдотья *см.* Елагина Авдотья Петровна

Авдотья Афанасьевна *см.* Алымова Авдотья Афанасьевна

Авдотья Николаевна *см.* Арбенева Авдотья Николаевна

Авдотья Николаевна *см.* Воейкова Авдотья Николаевна

Авдотья Петровна *см.* Елагина Авдотья Петровна

Аддисон Джозеф (1672—1719), английский писатель, драматург и публицист, издатель журнала «Spectator» (1711—1712, 1714) 185, 732, 941

Аже (Оже) Мария Семеновна, бабушка братьев А. К. и К. К. Бошняков 609

Азбукин Василий Андреевич (1789—1832), внебрачный сын А. И. Протасова, сводный брат М. А. и А. А. Протасовых, адресат 149, 204, 242, 288, 289, 354, 370, 399, 415, 441, 476—478, 482, 488, 493, 494, 501, 502, 505, 508, 522, 529, 543, 550, 589, 709, 710, 712, 714, 748, 773, 799, 840, 849, 868, 877, 890, 905, 907, 910, 911, 916, 917, 921, 927, 930—932, 959, 977, 984, 987, 1011

Азбукина Авдотья Васильевна (в первом браке Вельс, во втором Пелопидас; род. 1815), дочь В. А. и Е. П. Азбукиных 475, 476, 481, 488, 502, 508, 529, 709, 905, 910, 916, 927

Азбукина Екатерина Петровна (Като, Катоша, Катя, урожд. Юшкова; ок. 1790—1817), жена В. А. Азбукина, сестра А. П. Елагиной и А. П. Зонтаг, сводная племянница Жуковского 242, 273, 284, 300, 348, 349, 354, 371, 399, 415, 441, 470, 475, 478, 481, 488, 502, 508, 512, 529, 544, 764, 766, 771, 773, 785, 786, 803, 810, 813, 840, 846, 847, 868, 877, 890, 902, 905, 910, 916, 927, 934, 935, 959, 970, 971, 987, 994, 1011

Азбукина Наталья Андреевна, сестра В. А. Азбукина 204, 235, 295, 301, 354, 370, 382, 412, 416, 476, 478, 509, 748, 767, 804, 811, 840, 849, 856, 877, 905, 916, 932

Азбукины, семейство 381, 412, 488, 515, 529, 877, 890, 905

Александр I (1777—1825), российский император с 1801 г., адресат 45, 46, 53, 157, 181, 215, 219, 236—238, 283—285, 287, 288, 290—292, 296, 297, 299, 302, 305, 306, 309, 314, 321, 322, 401, 411, 412, 416, 417, 482, 483, 494, 495, 498, 499, 503, 515, 516, 522, 525, 527, 528, 533, 534, 540, 552, 554, 578, 589, 625, 626, 646, 649, 650, 655, 656, 690, 691, 717, 718, 721, 724, 739, 757, 758, 765, 768, 770, 774, 794—796, 800, 803—811, 813—816, 818, 824, 825, 841, 849, 857, 869—871, 874, 878, 884, 898, 909, 911, 917, 922—924, 927—929,

- 936—938, 940, 942, 954, 957, 961, 967, 972, 974, 979, 982, 988, 989, 994, 1000, 1003, 1011, 1014—1016
- Александр Македонский (356—323 до н. э.), древнегреческий полководец и государственный деятель 704, 735, 760, 798, 1016
- Александр Невский (1220—1263), князь Новгородский, великий князь Владимирский 577, 604, 623, 800, 920
- Александр Николаевич (1818—1881), старший сын Николая I, великий князь, с 1855 российский император Александр II 576—578, 581, 582, 609, 673, 710, 964, 976, 994, 1003
- Александр Павлович *см.* Протасов Александр Павлович
- Александр Яковлевич *см.* Булгаков Александр Яковлевич
- Александра Павловна (1783—1801), великая княгиня 411, 874
- Александра Федоровна (Фредерика Луиза Шарлотта Вильгельмина; 1798—1860), дочь прусского короля Фридриха Вильгельма III, с 1817 г. жена великого князя Николая Павловича, российская императрица с 1825 г. 540, 550, 551, 569, 576, 578, 581, 582, 587, 922, 962, 968—979, 985, 988
- Александрина *см.* Воейкова Аалександра Андреевна
- Александрина *см.* Шаховская Александра Алексеевна
- Алексеев Федор Яковлевич (между 1753 и 1755—1824), живописец, один из основоположников русского городского пейзажа 925
- Алексей Сергеевич *см.* Бунин Алексей Сергеевич
- Аллар Морис Николаевич (1779—1847), учитель французского языка и московский книгопродавец 144, 703
- Альмова Авдотья Афанасьевна (урожд. Бунина; 1854—1813), сводная сестра Жуковского 149, 423, 597, 598, 607, 710, 883
- Альбани Франческо (1578—1660), итальянский художник 752
- Американец *см.* Зонтаг Егор Васильевич
- Анакреон (Анакреонт, (559—478 г. до н. э.), греческий поэт 406, 407
- Андрей Григорьевич *см.* Жуковский Андрей Григорьевич
- Андрей Николаевич *см.* Мясоедов Андрей Николаевич
- Андрей Сергеевич *см.* Кайсаров Андрей Сергеевич
- Андрей Федорович *см.* Сухотин Андрей Федорович
- Андрей, Андрей Иванович, *см.* Тургенев Андрей Иванович
- Анета (*belle allemande*), неустановленное лицо, предполагаемая невеста Жуковского 512, 528, 957, 958
- Анета (Аннета, Анюта) *см.* Зонтаг Анна Петровна
- Анна Антоновна *см.* Дезе Анна Антоновна
- Анна Ивановна *см.* Плещеева Анна Ивановна
- Анна Иоанновна (1693—1740), российская императрица с 1730 г. 625
- Анна Михайловна *см.* Соковнина Анна Михайловна
- Анна Николаевна *см.* Вельяминова Анна Николаевна
- Анна Павловна (1795—1865), великая княжна, дочь Павла I; с 1816 г. жена принца Вильгельма Оранского, с 1840 — королева Нидерландская 805, 814, 817
- Анна Петровна *см.* Зонтаг Анна Петровна

- Анна Федоровна (урожд. принцесса Юлиана Саксен-Кобургская, 1781—1860), первая жена великого князя Константина Павловича 690
- Анна, святая, в христианской традиции мать Богородицы, бабушка Иисуса Христа 721, 753, 901, 967, 979
- Антипа (Антипий) Пергамский, ученик Иоанна Богослова, священномученик 693
- Антон Антонович *см.* Прокопович-Антонский Антон Антонович
- Антонина *см.* Блудова Антонина Дмитриевна
- Антонский *см.* Прокопович-Антонский Антон Антонович
- Апухтин Гаврила Петрович, предводитель дворянства Орловской губернии в 1806—1814 гг. 151, 707, 711, 771
- Апухтин Дмитрий Акимович (1768—1838), орловский помещик и сослуживец Жуковского по Московскому ополчению 131, 136, 692, 881
- Апухтин, предполагаемый претендент на руку М. А. Протасовой 419
- Апухтины, семейство 881
- Арбнев Александр Петрович (ок. 1807 — после 1856 г.), старший сын А. Н. Арбневой, адресат послания Жуковского «К Саше Арбневу» 193, 514, 523, 737, 937, 989
- Арбнев Дмитрий Петрович (1807—1849), сын А. Н. Арбневой 514, 523, 937, 989
- Арбнев Николай Петрович (1812—1864), сын А. Н. Арбневой 937, 989
- Арбнев Петр Иоасафович (р. ок. 1780), камергер, муж А. Н. Арбневой 937
- Арбнева Авдотья Николаевна (урожд. Вельяминова; 1784—1831), племянница Жуковского, адресат 150, 192, 199, 203, 206, 218, 219, 223, 224, 229, 231, 236, 249, 263, 265, 266, 276, 283, 303, 307, 513, 514, 523, 550, 583, 589, 711, 736, 737, 743—745, 749, 750, 757, 760, 761, 764, 765, 767, 769, 777, 781—783, 790, 794, 810, 813, 834, 866, 887, 895, 937, 954, 976, 977, 989, 1006, 1011
- Арбеньята *см.* Арбнев Александр Петрович, Арбнев Дмитрий Петрович, Арбнев Николай Петрович
- Аретино Пьетро (1492—1556), итальянский поэт-сатирик, публицист и драматург 141, 142, 701
- Арзамасский патриарх *см.* Карамзин Николай Михайлович
- Ариосто Лудовико (1474—1533), итальянский поэт и драматург 91, 658
- Аристотель (384—322 до н. э.), древнегреческий философ 125, 524, 613, 681
- Аристофан (444 до н. э. — между 387 и 380 гг. до н. э.), древнегреческий комедиограф 410, 414, 873, 874, 876, 920, 995
- Арфа, Эолова арфа *см.* Тургенев Александр Иванович
- Архиепископ Киевский *см.* Серапион
- Архиепископ Псковский *см.* Евгений
- Архиепископ Черниговский *см.* Михаил
- Архиерей *см.* Досифей
- Архиерей, неустановленное лицо, шутовское прозвище члена семьи И. Н. и Е. В. Гриневых, управителей поместья А. П. Елагиной 416, 476, 509, 932
- Аршеневский Василий Кондратьевич (1758—1808), профессор математики в Московском университете 52, 624
- Асмодей *см.* Вяземский П. А.
- Асмус Мартин (1784—1844), дерптский поэт и педагог 506, 513, 526, 531, 533—536, 538, 542, 919, 930, 937, 942, 954, 956, 960, 965

- Астраков Григорий Ильич (ум. около 1829), сын И. В. и А. С. Астраковых, офицер 210, 211, 213, 221, 233, 237, 239, 242, 285, 288, 298, 751, 796, 798
- Астраков Илья Васильевич, муж А. С. Астраковой 598
- Астракова Авдотья Степановна (ум. 1848), московская знакомая Жуковского 210, 211, 221, 242, 298, 598, 687, 751, 807
- Астракова Екатерина Ильинична, младшая дочь И. В. и А. С. Астраковых 751
- Астракова, старшая дочь И. В. и А. С. Астраковых 751
- Афанасий Иванович *см.* Бунин Афанасий Иванович
- Афанасьев Василий Степанович, почтамтский экзекутор в Москве 527, 711, 875
- Ахилл *см.* Батюшков Константин Николаевич
- Бабушка *см.* Бунина Мария Григорьевна
- Баггесен Иенс Иммануил (1764—1826), датский поэт-сентименталист 829
- Багратион Петр Иванович (1765—1812), князь, генерал от инфантерии, герой Отечественной войны 1812 г. 986
- Бажанов Ясон Савич, киевский почтмейстер 489
- Байрон Джордж Ноэл Гордон (1788—1824), английский поэт, 589, 808, 814, 853, 957
- Баккаревич (Боккаревич) Михаил Никитич (1775—1819), преподаватель словесности в Московском университетском пансионе 21, 22, 84, 604, 652
- Бантыш-Каменский Николай Николаевич (1737—1814), историк, управляющий Московским архивом коллегии иностранных дел, автор латинской грамматики 99, 302, 657, 665, 812
- Баранова Юлия Федоровна (урожд. Адлерберг, 1789—1864), статс-дама, воспитательница великих княжон, начальница Смольного института 571
- Барбо Анна Летиция (1747—1822), сестра Джона Эйкина, английская писательница 847
- Барклай де Толли Михаил Богданович (1761—1818), фельдмаршал, герой Отечественной войны 1812 г. 183, 731, 736, 986
- Барон *см.* Черкасов Иван Петрович
- Баронесса *см.* Черкасова Мария Алексеевна
- Баташева Елизавета Осиповна (урожд. Москвина; 1759—1833), владелица бумажной и полотняной фабрики 978
- Батюшка *см.* Тургенев Иван Петрович
- Батюшков Константин Николаевич (1787—1855), поэт, адресат 85, 103, 130, 132, 142, 144, 145, 147, 164, 166, 186, 191, 197, 205, 214, 238, 285, 287, 289, 292, 293, 296, 299, 300, 302, 304—306, 322, 325, 326, 356, 366, 367, 374, 410, 414, 416, 464—467, 476, 479, 480, 487, 496, 500, 518, 524, 526, 539, 546—549, 567, 574, 589, 652, 653, 668, 669, 674, 685, 690—694, 697, 701, 705, 707—709, 711, 720, 721, 728, 732, 736, 740, 756, 783, 796—800, 802, 805, 808, 810, 813—815, 824, 827, 844, 845, 847, 848, 852, 873, 876, 878, 898—900, 905—907, 942, 943, 945, 962, 972—976, 980, 989, 990, 993, 1011, 1014
- Бекетов Платон Петрович (1761—1836), издатель, родственник И. И. Дмитриева 83, 651, 696
- Белендорф Казимир Антон Ульрих (1775—1825), курляндский поэт 537, 966
- Белинский Виссарион Григорьевич (1811—1848), литературный критик 568, 576, 942
- Бенигсен Леонтий Лаврентьевич (Левин Август Готтлиб Теофиль фон; 1745—1826), генерал, командующий армией в антинаполеоновских войнах 624

- Бенкендорф Александр Христофорович (1783—1844), граф, шеф жандармов, начальник III Отделения 578
- Берг Карл Эрнст (1775—1833), дерптский пастор 484, 485, 486, 497, 912, 914, 924
- Бердяев Николай Александрович (1874—1948), философ 567
- Бестужев (Бестужев-Марлинский) Александр Александрович (1797—1837), декабрист, писатель и критик 942
- Бетховен Людвиг ван (1770—1827), немецкий композитор и пианист 754
- Бёр, швейцарка, воспитательница детей в семье Карамзиных 719
- Бецкий Иван Егорович (1818—1890), переводчик, издатель и журналист 946
- Блок Александр Александрович (1880—1921), поэт 568, 570
- Блудов Дмитрий Николаевич (1785—1864), граф (с 1842 г.), государственный деятель, член литературного общества «Арзамас», адресат 13, 18—21, 25, 32, 43, 44, 48—59, 61, 62, 69, 70, 75, 76, 78, 87, 91, 93, 103, 109, 112, 113, 116, 119, 120, 129, 139, 141, 145, 285, 288, 292, 296, 304—306, 310, 322, 325, 326, 356, 366, 377, 383, 386, 399, 403, 406, 410, 416, 478, 483, 485, 486, 489, 491, 493, 497—499, 504—506, 518, 520—522, 524—526, 531, 532, 535, 547—549, 559, 567, 573, 574, 589, 599—606, 608, 612, 616, 618—621, 624, 627—629, 652, 662, 669, 675, 681, 689, 698, 699, 701, 704, 706, 783, 797, 805, 813, 817, 818, 847, 873, 876, 921, 924, 936, 940—943, 952, 953, 960—962, 964, 973—976, 980, 984, 985, 988, 990, 1011, 1014
- Блудова Анна Андреевна (урожд. княжна Щербатова, 1777—1848), жена Д. Н. Блудова 521
- Блудова Антонина Дмитриевна (1813—18910), их дочь, писательница, благотворительница, с 1863 года камер-фрейлина, мемуаристка 521, 571, 573, 574, 953
- Блудова Екатерина Ермолаевна (урожд. Тишина; ум. 1807), мать Д. Н. Блудова 49, 50, 620, 621, 624
- Бобринский Алексей Алексеевич (1800—1868), граф, управляющий двором великой княжны Ольги Николаевны, крупный промышленник, муж С.А. Самойловой 570
- Бобров Семен Сергеевич (ок. 1763—1810), поэт 86, 654, 675
- Богданович Ипполит Федорович (1743—1803), поэт, переводчик 76, 643
- Боголюбов Варфоломей Филиппович (ок. 1785—1842), чиновник министерства иностранных дел, близкий к арзамасцам 486, 914
- Болтин Иван Никитич (1735—1792), историк, гуманист, государственный деятель 90, 658
- Бонами де Бельфонтен Шарль-Огюст-Жан-Батист-Луи-Жозеф (1764—1830), французский генерал, живший в имении А. А. Плещеева 160, 161, 163, 716
- Бонапарте см. Наполеон I Бонапарт
- Бонстеттен (Бонштеттен) Карл Виктор (1745—1832), швейцарский писатель и педагог, адресат известных «Писем...» Иоганна Миллера 93, 94, 99, 101, 103, 106, 656, 657, 666, 673, 1015
- Борг Карл Фридрих фон дер (1794—1848), переводчик русской поэзии на немецкий язык 479, 496, 908, 923
- Борецкая Марфа (Марфа Посадница, вторая половина XV в.), одна из лидеров новгородской оппозиции к московскому царю Ивану III (1440—1505) 607, 994
- Боровиковский Владимир Лукич (1757—1825), художник-портретист, академик Императорской академии художеств 980

- Бороздна Иван Петрович (1804—1858), поэт и переводчик 661
- Бошняк Александр Карлович (1786—1831), ботаник, воспитанник Московского Благородного университетского пансиона 18, 19, 26, 609
- Бошняк Константин Карлович (1788—1863), участник Отечественной войны 1812 г., Костромской губернский предводитель дворянства 609
- Бошняк, семейство 609
- Брат *см.* Тургенев Андрей Иванович
- Брёдер Христиан Готтлоб (1745—1819), немецкий филолог, составитель элементарных учебников латинского языка 120, 676
- Брей (Брэ) Франсуа (Франц) Габриэль де (1765—1832), граф, историк, дипломат; в 1814—1819 гг. баварский посланник в Петербурге 499, 504, 522, 925, 929, 958, 959
- Бригген Александр Федорович фон (1792—1859), декабрист, автор исторических сочинений и переводов 583
- Брокгауз Фридрих Арнольд (1772—1823), немецкий книгоиздатель 951
- Буажермен Пьер Жозеф Франсуа Лююно де (1732—1801), французский лингвист 103, 669
- Буало-Депрео Никола (1636—1711), французский поэт, теоретик классицизма 1016
- Букварь *см.* Азбукин Василий Андреевич
- Букильон Осип Петрович (ок. 1775—1827), управляющий имением А. А. Плещеева Большая Чернь, упоминаемый в стихотворениях Жуковского 1811—1814 гг. 195, 203, 550, 738, 739, 746, 753, 976
- Булгаков Александр Яковлевич (1781—1863), чиновник по особым поручениям при московском генерал-губернаторе, в 1832—1856 гг. московский почт-директор 69, 539, 548, 579, 583, 586, 636, 703, 705, 968, 975
- Булгаков Константин Яковлевич (1782—1835), управляющий почтовым ведомством и петербургский почт-директор в 1819—1835 гг. 69, 586, 636
- Булгарин Фаддей Венедиктович (1789—1859), писатель и журналист 958, 959, 1009
- Буле Иоганн Готтлиб (1763—1821), немецкий философ, с 1805 по 1810 гг. профессор Московского университета 125, 623, 682, 683
- Бунин Алексей Сергеевич, родственник А. П. Елагиной 241, 772
- Бунин Афанасий Иванович (1727—1791), тульский помещик, отец Жуковского 70, 71, 591, 592, 597, 611, 637, 639, 645, 686, 699, 745, 775, 778, 881, 1008
- Бунин Иван Алексеевич (1870—1953), писатель 645
- Бунин Иван Афанасьевич (1762—1781), сын А. И. Бунина, брат Е. А. Протасовой 423, 883
- Бунина Анна Петровна (1774—1829), поэтесса, дальняя родственница Жуковского по бунинской линии 78, 645
- Бунина Варвара Афанасьевна (в замуж. Юшкова; 1768—1797), сводная сестра Жуковского, жена П. Н. Юшкова 607
- Бунина Мария Григорьевна (урожд. Безобразова; ок. 1728—1811), жена А. И. Бунина 72, 129, 591, 597, 598, 639, 678, 686, 687, 689, 691, 699, 881
- Бунины, семейство 591, 778, 960
- Бутервек Фридрих (1766—1828), немецкий эстетик и критик 51, 221, 385, 622, 760, 858, 945
- Буффлер Станислас де (1737—1815), французский поэт-моралист 214, 755
- Буше д'Аржи Андре Жан (1750—1794), французский юрист 628

- Бушуев Николай Никитович, уральский гравер и художник, отец И. Н. Бушуева, знаменитого златоустовского гравёра (1798—1835) 413, 875
- Бюргер Готфрид Август (1747—1794), немецкий поэт 525, 701, 944
- Бюффон Жорж-Луи Леклерк, граф де (1707—1788), французский натуралист, биолог, математик, естествоиспытатель и писатель 200, 563, 564, 609, 744
- Бюшинг Антон Фридрих (1724—1793), немецкий теолог, историк и педагог 655
- Вагнер Карл Иванович, воспитатель И. В. и П. В. Киреевских 506, 507, 515, 529, 927, 931, 939, 959
- Вагнер, автор «St. Hubertus-Jagd» 519
- Вадим Новгородский (Вадим Храбрый, уб. 864), легендарный предводитель новгородцев, восставших в 864 г. против князя Рюрика 604, 606, 607, 1013
- Вадковская Екатерина Ивановна (урожд. гр. Чернышева; 1766—1829), сестра Анны Ивановны Плещеевой 222, 761
- Вальтер, доктор Дерптского университета 499, 504, 925, 929
- Ван Эйк Ян (ок. 1390—1441), нидерландский художник 589
- Ваничка, Ваня, Ванька *см.* Киреевский Иван Васильевич
- Ванюша *см.* Иванов Иван
- Варвик *см.* Тургенев Николай Иванович
- Варлашка (Варлам Акимыч), юродивый, живший в имении Буниных 772, 773
- Варнер Франсуа Антуан (1789—1854), французский драматург 674
- Василий III (1479—1533) великий князь Владимирский и Московский 467, 900
- Василий III (1479—1533), великий князь Московский*
- Василий Николаевич, неустановленное лицо, кандидат в опекуны И. В., П. В. и М. А. Киреевских 347, 348, 837, 838
- Василий, Вася *см.* Азбукин Василий Андреевич
- Василий, возница в Долбине 295, 349
- Вася *см.* Проташинский Василий Андреевич
- Вебер, доктор Дерптского университета 499, 504, 925, 929
- Вейраух Август Генрих фон (1778—1876), дерптский композитор и поэт 494, 499, 922, 932
- Великая княгиня *см.* Екатерина Павловна
- Великие князья *см.* Николай Павлович, Михаил Павлович
- Вельяминова Анна Николаевна, сводная сестра М. Н. Свечиной и А. Н. Арбенева, *плевмянница Жуковского* 514, 523, 937, 954
- Вельяминова М. Н. *см.* Свечина Мария Николаевна
- Вельяминова Наталья Афанасьевна (урожд. Бунина, 1756—1785), сводная сестра Жуковского 423, 757, 778, 883, 989
- Вельяминов-Зернов Николай Иванович (1765—1849), муж Н. А. Вельминовой (Бунинной), чиновник Соляной конторы, отец А. Н. Арбенева, М. Н. Свечиной (урожд. Вельяминовых) и А. Н. Вельминовой 254, 750, 778
- Вельяминовы *см.* Арбенева Авдотья Николаевна и Свечина Мария Николаевна
- Вендрих Федор Григорьевич, орловский помещик, переводчик и знаток немецкой литературы, адресат 34, 589, 613—617, 991, 1011
- Вера, Вера Федоровна *см.* Вяземская Вера Федоровна

- Вергилий (Виргилий) Публий Марон (70—19 до н. э.), римский поэт 92, 108, 194, 204, 534, 605, 748, 961, 963, 964
- Вешняков (Вишняков) Иван Ильич (ок. 1771 — между 1830 и 1837), друг В. И. Киреевского, управляющий в долбинском имении 347, 348, 559, 837, 984
- Вигель Филипп Филиппович (1786—1856), чиновник Министерства иностранных дел, член литературного общества «Арзамас», мемуарист 547, 573, 620, 691, 883, 973, 998
- Виктор Антонович *см.* Прокопович-Антонский Виктор Антонович
- Викфорт Авраам де (1606—1682), французский дипломат, политик, библиофил, переводчик 666
- Виланд Кристоф Мартин (1733—1813), немецкий писатель 35, 36, 42, 91, 255, 525, 614, 615, 617, 658, 659, 699, 701, 752, 777, 779, 793, 944, 948
- Вилламов Григорий Иванович (1773—1842), статс-секретарь императрицы Марии Федоровны, литератор 401, 805, 814, 869
- Виллие Яков Васильевич (1768—1854), с 1799 г. лейб-хирург, президент Медико-Хирургической академии в 1808—1838 гг. 87, 655
- Виллье (Вильерс) Пьер Антуан Жан-Батист (1760—1849), французский драматург, поэт и журналист 674
- Вильгельм I (1781—1864), наследный принц Вюртембергский, король Вюртемберга с 30 октября 1816 г. 849
- Винкельман Иоганн Иоахим (1717—1768), немецкий эстетик 99, 666
- Висковатов Степан Иванович (1786—1831), драматург, поэт, переводчик 634, 661, 664, 668, 669, 675, 1016
- Витгенштейн Петр Христианович (1768—1842), граф, главнокомандующий русской армии после смерти Кутузова 163, 216, 718, 756
- Вихман Бурхард Генрих фон (1786—1822), немецкий экономист и статистик 535, 964
- Вихрь-атаман *см.* Арбенев Александр Петрович
- Владимир Всеволодович Мономах (1053—1125), великий князь киевский (1113—1125), государственный деятель, военачальник, писатель, мыслитель 90, 658
- Владимир Святославич (962—1015), великий князь киевский, креститель Руси 91, 566, 656, 658, 673, 699, 742, 752, 792, 797, 819, 823, 847, 852, 854, 890, 946, 957, 965, 967, 987, 1013
- Власий (ум. ок. 316), священномученик, епископ Севастийский 939
- Вовенарг Люк де Клапье (1715—1747), французский моралист 793
- Воейков Александр Федорович (1778 или 1779—1839), поэт, журналист, муж племянницы Жуковского А. А. Протасовой, адресат 92, 182, 194—197, 199, 202, 210—212, 217—221, 223, 225—234, 236, 237, 239—241, 243, 248, 262—264, 266—268, 276, 280, 287, 289, 292, 298, 300, 301, 305, 307, 308, 314, 315, 317, 318, 322, 325, 329, 337, 340—342, 345, 346, 351, 353, 358—360, 370, 377, 379, 382, 387—390, 402, 422, 424, 426, 427, 429—435, 442—447, 450—454, 456—462, 467, 468, 472, 473, 475, 478, 481—484, 490, 492, 497, 501, 510, 518, 532, 534, 538, 546, 550, 558, 559, 574, 589, 595, 596, 607, 661, 704, 717, 719, 724, 730, 731, 734, 737—762, 764, 766, 769—772, 774—778, 780—786, 788—792, 794, 797, 798, 810, 816, 820—822, 829—836, 839, 849, 854, 856, 860—867, 879, 880, 882, 883, 885—888, 890—895, 897, 899, 901, 902, 904, 906, 907, 910, 912, 914,

- 917—919, 924, 926, 932, 942, 958, 961, 963, 964, 967, 976, 977, 983, 984, 991, 1011, 1014, 1016
- Воейков Андрей Александрович (1822—1866), сын А. А. и А. Ф. Воейковых 991
- Воейков Иван Федорович (1781—1847), брат А. Ф. Воейкова, участник Отечественной войны 1812 г. 492, 493, 497, 919, 924
- Воейков Павел Федорович (1780 — не позднее 1812), судья Рязанского уездного суда, муж А. Н. Воейковой, брат А. Ф. Воейкова 834, 835, 862, 887
- Воейкова Авдотья Николаевна (урожд. Фокина?), жена одного из братьев А. Ф. Воейкова, вероятно, Павла Федоровича 265, 342, 343, 389, 390, 433, 453, 742, 782, 834, 835, 862, 863, 887
- Воейкова Александра Александровна (1817—1893), дочь А. А. и А. Ф. Воейковых, впоследствии фрейлина великой княгини Марии Николаевны 550, 551, 558, 976, 983, 984, 991
- Воейкова Александра Андреевна (урожд. Протасова; 1795—1829), жена А. Ф. Воейкова, племянница Жуковского, адресат 91, 108, 109, 174, 199, 203, 217, 225, 229, 240, 260, 262, 263, 265—267, 272, 273, 276, 278, 279, 284, 303, 336, 342, 378, 379, 389, 390, 392, 422, 430, 431, 433, 452—454, 456, 467, 468, 470, 473, 474, 477, 481—483, 488—490, 492, 545, 549—551, 557—559, 571, 575, 584, 589, 632, 656, 659, 660, 666, 671, 687, 707, 709, 715, 726, 737, 741, 743, 744, 747, 751, 752, 756, 760, 761, 764, 766, 767, 769, 770, 772, 774, 777—780, 784, 786—790, 794, 797, 810, 812, 813, 822, 829, 833—835, 843, 854, 855, 860, 863—865, 867, 869, 877, 879, 882, 886, 887, 892, 894, 895, 899, 901, 902, 904, 906, 907, 910, 915—918, 927, 928, 934, 950, 963, 976, 977, 983, 984, 987, 991, 1005, 1011, 1013, 1016
- Воейкова Екатерина Александровна (1815—1844), старшая дочь А. Ф. и А. А. Воейковых 377, 378, 388, 446, 490, 492, 558, 826, 847, 854, 855, 859, 860, 862, 867, 886, 893, 916, 918, 983, 991
- Воейкова Мария Александровна (1826—1906), дочь А. А. и А. Ф. Воейковых, супруга А. И. Бреверна-де-ла-Гарди, фрейлина великой княгини Александры Иосифовны 991
- Воейковы, семейство 497, 760, 789, 791, 793, 798, 813, 816, 822, 823, 826, 828, 829, 831—833, 835, 839, 841, 845, 847, 855, 859—862, 885, 887, 893, 895, 907, 908, 915, 916, 958, 971, 991
- Вожьд победителей *см.* Голенищев-Кутузов Михаил Илларионович
- Воин-поэт *см.* Давыдов Денис Васильевич
- Волкова Мария Аполлоновна (1786—1859), фрейлина императрицы Марии Федоровны, певица-любительница 914
- Волконская Екатерина Алексеевна (урожд. Мельгунова; 1770—1853), княгиня, статс-дама 867
- Волконский Михаил Петрович (ум. 1845), управляющий московским театром от Воспитательного дома 25, 26, 608
- Володьковские друзья *см.* Черкасовы, семейство
- Вольтер (Аруэ Франсуа Мари, 1694—1778), французский философ-просветитель, поэт, прозаик, сатирик, трагик, историк и публицист 31, 289, 606, 612, 613, 704
- Ворм Олаф (Оле; 1588—1654), датский физик, естествоиспытатель и антиквар 630
- Воронихин Андрей Никифорович (1759—1814), архитектор и живописец 848

- Воронцов Михаил Семенович (1782—1856), граф, участник Отечественной войны 1812 г., впоследствии новороссийский генерал-губернатор 188, 734, 986
- Востоков Александр Христофорович (1781—1864), поэт, писатель, ученый 76, 77, 644
- Вот (Вот я вас, Вотрушка) см. Пушкин Василий Львович
- Вражские отец и сын 511
- Вражские, семейство 934
- Вражский Егор Васильевич, претендент на руку А. П. Юшковой (Зонтаг) 511, 515, 934, 939
- Вран (Черный Вран) см. Плещеев Александр Алексеевич
- Всеволожский Николай Сергеевич (1772—1857), отставной полковник, литератор и путешественник 166, 720
- Вяземская Вера Федоровна (урожд. кнж. Гагарина; 1790—1886), княгиня, адресат 139, 143, 147, 164, 165, 166, 184, 186, 189, 195, 215, 217, 275, 290, 291, 294, 321, 356, 374, 377, 406, 466, 589, 691—693, 698, 702, 707, 719, 731, 735, 738, 756, 809, 914, 981, 991, 992, 1011
- Вяземская Евгения Ивановна (урожд. О'Рейли, в первом браке Квин; 1762—1802), жена А. И. Вяземского, мать П. А. Вяземского и Е. А. Щербатовой 648
- Вяземская Мария Петровна (в замуж. Валуева; 1813—1849), дочь П. А. Вяземского 275, 321, 356, 374, 377, 406, 466, 787, 824, 968967, 968
- Вяземская Прасковья Петровна (1817—1835), княжна, дочь П. А. Вяземского 539,
- Вяземские, семейство, княжеский род 583, 674, 693, 914, 992
- Вяземский Андрей Иванович (1754—1807), князь, сенатор, отец П. А. Вяземского 648, 981, 992
- Вяземский Андрей Петрович (малютка, малышка; 1812—1814), умерший во младенчестве сын П. А. Вяземского 186, 187, 189, 195, 215, 275, 702, 720, 732, 734, 735, 738, 787
- Вяземский Дмитрий Петрович (Митенька; 1814—1817), умерший во младенчестве сын П. А. Вяземского 463, 466, 555, 897, 968, 981, 982
- Вяземский Павел Петрович (1820—1888), князь, археограф, литератор, сын П. А. Вяземского 992
- Вяземский Петр Андреевич (1792—1878), князь, поэт и публицист, адресат 62, 66, 79, 81, 85, 86, 102, 111, 122, 129, 131—133, 135, 137—139, 141, 142, 144, 145, 147, 148, 163, 165, 167, 183, 184, 186—189, 191, 193—195, 198, 205, 213, 237, 240, 275, 288, 289, 290, 292, 295—297, 299, 301, 320, 355, 361, 373, 377, 402, 403, 408, 412, 414, 416, 423, 424, 463—466, 468, 476, 479, 486, 492, 495, 497, 498, 500, 513, 518, 521, 523, 538, 539, 545, 548, 555, 556, 563, 567, 571, 573—575, 578, 581, 582, 585, 589, 631, 633, 634, 637, 640, 647—650, 652—654, 659, 668, 669, 674, 675, 678, 679, 687, 689, 691—698, 700—709, 711, 717, 719—721, 731—738, 740, 741, 744, 746, 754, 756, 768, 769, 771, 787, 798—804, 807—809, 811, 812, 816, 823, 824, 840, 841, 845, 847—849, 852, 854, 869, 870, 872, 873, 875—878, 883, 884, 889, 897—901, 905, 908, 914—916, 920, 921, 923, 926, 936, 940—942, 944, 945, 950, 952—955, 967, 968, 972—974, 979, 981, 991—993, 1011, 1014—1016
- Вязмитинов Сергей Кузьмич (1744—1819), граф, петербургский главнокомандующий; в 1816—1819 гг. петербургский военный генерал-губернатор 383, 716, 875, 928
- Габлер Амброзиус (1764—1834), немецкий художник и скульптор 106, 670
- Гагарин Григорий Иванович (1782—1837), князь, товарищ Жуковского по Московскому университетскому пансиону, дипломат и поэт, покровитель искусств, почетный член «Арзамаса» 55, 405, 480, 626, 705, 870, 909, 916

- Гагарин Матвей Петрович (1659—1721), князь, государственный деятель, нерчинский воевода, глава Сибирского приказа и Оружейной палаты, комендант Москвы, первый глава Сибирской губернии, владелец роскошного дома на Тверской улице в Москве 854
- Гагарин Павел Гаврилович (1777—1850), князь, русский дипломат, военный и писатель 78, 646, 647
- Гагарин Федор Федорович (1786—1863), генерал-майор, герой 1812 г., брат В. Ф. Вяземской 693
- Гагарина Вера Федоровна *см.* Вяземская Вера Федоровна
- Гагарина Екатерина Петровна (урожд. Соймонова; 1790—1873), графиня, сестра С. П. Свечиной, жена графа Г. И. Гагарина 489, 916
- Гагарина Прасковья Юрьевна *см.* Кологривова Прасковья Юрьевна
- Галактионов Степан Филиппович (1779—1854), график, литограф и пейзажный живописец, профессор Санкт-Петербургской Академии художеств 925
- Галлер Альбрехт фон (1708—1777), швейцарский поэт и натурфилософ 795, 796
- Галченков Федор Андреевич (1757 или 1758 — кон. 1780-х гг.), переводчик, служащий Переводческой экспедиции Академии наук 634
- Гамильтон Антуан (1646—1720), шотландско-французский писатель 676
- Гарве Христиан (1742—1798), немецкий моралист и философ 125, 519, 681, 682, 793, 944, 948
- Гаспари (Каспари) И., французский врач в Орле, упомянут в послании «К Кавелину» (1814), 211, 213, 299, 753, 808, 998
- Гаспари Адам Христиан (1752—1830), с 1795 г. профессор философии в Иене, с 1803 г. профессор, декан и ректор (в разные периоды) Дерптского университета 753
- Гаттерер Иоганн Христофор (1727—1799), немецкий историк 104, 670
- Гауеншильд Фридрих Леопольд Август (Федор Матвеевич; 1783—1830), профессор немецкого языка и словесности в Царскосельском лицее 909
- Гегбарди (Гегбард) Людвиг Альбрехт (1735—1802), немецкий историк 86, 654
- Гебель (Хебель) Иоганн Петер (1760—1826), немецкий писатель, богослов и педагог; самый крупный поэт, писавший на алеманнском диалекте 499, 503, 506, 519, 924—926, 929, 947, 950, 955, 973, 1015
- Гейнеманн Симон (1762—1796), ректор гимназии в Шпрее, переводчик Овидия 660
- Геллерт Кристиан (Христиан) Фюрхтеготт (1715—1769), немецкий поэт и моралист 370, 849
- Гельмольд из Гольштейна (ок. 1125 — после 1177), немецкий миссионер и хронист XII в. 88, 92, 656, 659
- Генрих IV (1553—1610), французский король 16, 602
- Генслер Карл Фридрих (1761—1825), немецкий драматург и актер 675
- Георг II Ганноверский (1683—1760), король Великобритании с 1727 г. 625
- Георг Ольденбургский *см.* Ольденбургский Георгий Петрович
- Герберштейн Сигизмунд фон (1486—1556), барон, немецкий дипломат, автор трудов о России 90, 658
- Гердер Иоганн Готфрид (1744—1803), немецкий писатель и философ 120, 127, 519, 520, 525, 598, 677, 944, 945, 950, 951
- Герен Арнольд (1760—1842), немецкий историк 99, 100, 103—106, 110, 666, 667, 672, 673

- Гермоген (в миру Ермолай; 1530—1612), патриарх Московский 669
- Герценберг Данила Иванович (1746—1829), с 1804 по 1816 г. шеф Оренбургского гарнизонного полка, покровительствовавший А. И. Мещёвскому 513, 539, 936, 968
- Герцог Бургонский *см.* Людовик, герцог Бургундский
- Гесснер Соломон (1730—1788), швейцарский поэт, художник и график; автор знаменитых в свое время идиллий 265, 342, 782, 832, 834
- Гёте Иоганн Вольфганг (1749—1832), немецкий поэт 127, 518, 520, 572, 634, 779, 944, 945, 950, 951, 1016
- Гец (Геце) Петер Отто (1793—1880), литератор и переводчик 480, 909
- Гизе Иоганн Эммануэль Фердинанд (1781—1821), в 1816 г. проректор (декан) Дерптского университета, член Санкт-Петербургской Академии Наук, адресат 480, 589, 909, 919, 992, 993, 1011
- Гирцель Ганс Каспар (1725—1803), выдающийся швейцарский врач и автор трудов по экономике сельского хозяйства 57, 61, 627, 631
- Глейм Иоганн Вильгельм Людвиг (1719—1803), немецкий поэт эпохи Просвещения 61, 631
- Глинка Григорий Андреевич (1774 или 1776—1818), переводчик, филолог, драматург, преподаватель русского языка и литературы членам царской фамилии 540—542, 968, 969, 974, 979
- Глинка Сергей Николаевич (1776—1847), издатель журнала «Русский вестник» 99, 103, 485, 666, 669, 676, 723, 913, 989, 993, 994
- Глинка Федор Николаевич (1786—1880), поэт и публицист 660
- Гнедич Николай Иванович (1784—1833), поэт и переводчик, адресат 124, 128, 215, 303, 305, 311, 322, 323, 374, 465, 466, 515, 538, 589, 661, 681, 685, 690, 725, 736, 755, 812, 815, 825, 852, 898, 899, 938, 967, 972, 989, 990, 993, 1011
- Гогарт *см.* Хогарт Вильям
- Гоголь Николай Васильевич (1809—1852), писатель 576, 579, 581, 583—585, 925, 946
- Голенищева-Кутузова Екатерина Ильинична (урожд. Бибикова; 1754—1824), светлейшая княгиня, вдова фельдмаршала М. И. Голенищева-Кутузова 368, 848, 1013
- Голенищев-Кутузов Михаил Илларионович (1747—1813) граф, светлейший князь, полководец, генерал-фельдмаршал, главнокомандующий русской армией во время Отечественной войны 1812 г. 162, 184, 194, 220, 368, 552, 709, 710, 712, 713, 718, 731, 735, 738, 848, 979, 986, 1013, 1015
- Голенищев-Кутузов Павел Иванович (1767—1829), поэт и переводчик, член «Беседы любителей русского слова», попечитель Московского университета 145, 204, 706, 747
- Голицын Александр Михайлович (1723—1807), князь, русский посланник в Великобритании, вице-канцлер, построивший Голицынскую больницу 73, 640
- Голицын Александр Николаевич (1773—1844), князь, государственный деятель Российской империи, в 1803—1816 гг. обер-прокурор, в 1816—1824 гг. министр народного просвещения 348, 357, 362, 367, 484, 490, 494, 499, 503, 523, 525, 528, 534, 538, 548, 553, 554, 556, 557, 686, 757, 807, 827, 837, 842, 848, 912, 922, 924, 925, 928, 932, 935, 953—955, 963, 964, 966, 967, 975, 980, 982
- Голицын Борис Владимирович (1769—1813), князь, генерал-лейтенант, известный в светском обществе как красавец, щеголь и танцор 124, 681, 705, 706
- Голицын Дмитрий Михайлович (1721—1793), князь, русский дипломат, учредитель московской Голицынской больницы 640

- Голицын Иван Александрович (1783—1852), камергер, участник французской кампании 1812—1814 гг., адъютант великого князя Константина Павловича 849
- Голицын Петр Алексеевич (1792—1842), князь, участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 955
- Голицына Анна Сергеевна (урожд. Всеволожская, 1774—1838), княгиня, писательница в духе пиетизма, первая жена князя Ивана Александровича Голицына 368, 849
- Голицына Евдокия (Авдотья) Ивановна (урожд. Измайлова; 1780—1850), княгиня, адресат 180, 182, 288, 589, 728—730, 798, 993, 994, 1011
- Голицыны, семейство 73
- Голостеев, протеже Жуковского 217, 756
- Голостеева, девица, его сестра 217, 756
- Голубков Петр Иванович (1783—1837), однокашник Жуковского по Тульскому пансиону, впоследствии тульский полицмейстер, адресат 70, 589, 636, 994, 1011
- Гольберг Людвиг *см.* Хольберг Людвиг
- Гольдсмит Оливер (1728—1774), английский писатель 13, 599
- Гомер, легендарный древнегреческий поэт 92, 111, 128, 303, 515, 546, 659, 742, 752, 1001
- Гораций Флакк Квинт (65—8 до н. э.), римский поэт 83, 92, 108, 111, 135, 146, 293, 439, 615, 651, 671, 682, 706, 889, 1004
- Горн Григорий Христианович (Иоганн-Кристиан) (1757—1828), московский книгопродавец 134, 141, 697
- Горчаков Алексей Иванович (1769—1817), военный министр в 1812—1815 гг. 716, 721
- Горчаков Дмитрий Петрович (1758—1824), князь, поэт-сатирик и драматург 941
- Государыня, государыня императрица *см.* Мария Федоровна
- Государь *см.* Александр I
- Готчесон *см.* Хатчесон Френсис
- Грамматин Николай Федорович (1786—1827), поэт и филолог 142, 701, 708, 997
- Грей Томас (1716—1771), английский поэт 731
- Грей, московский портной 142
- Грекус *см.* Маттеи Христиан Фридрих
- Греч Николай Иванович (1787—1867), писатель и журналист 515, 520, 546, 914, 972, 1009
- Грибоедов Александр Сергеевич (1795—1829), драматург, дипломат 675, 691, 876
- Григорий, крепостной А.И. Бунина 12, 597, 598
- Григорьев Максим, слуга Жуковского 233, 483, 548, 559, 766, 911, 984
- Гриндель Давид Иероним (1776—1836), дерптский химик, фармацевт и врач, ректор университета в 1810—1812 гг. 993
- Гринев Иван Никифорович, учитель уездного училища в Белеве. В 1811 г. был учителем сестер Протасовых, впоследствии — управляющий имением Долбино 87, 93, 235, 241, 381, 416, 475, 476, 509, 632, 656, 767, 772, 877, 905, 932
- Гринева Елизавета Васильевна, его жена 416, 476, 509, 877, 905, 932
- Громобой *см.* Жихарев Степан Петрович
- Грот Яков Карлович (1812—1893), историк литературы 586, 637, 908, 933, 956
- Губарев Воин Иванович (1781 — ок. 1868), соученик и земляк Жуковского, помещик Кромского уезда Орловской губернии 291, 297, 300, 301, 499, 801, 808, 810, 811
- Губерт св. (656—727), католический святой, покровитель охотников 949, 950

- Гумбольдт Фридрих Вильгельм Генрих Александр фон (1769—1859), немецкий ученый-энциклопедист 519, 583, 949
- Гумбольдт Фридрих Вильгельм Кристиан Карл Фердинанд фон (1767—1835), немецкий филолог, философ, языковед, государственный деятель, дипломат 779
- Гун Готтхард Фридрих Христиан (1753—1824), член Курляндской консистории; с 1817 г. курляндский суперинтендент 388, 861
- Гун Отто фон (1764—1832), брат Г. Ф. Х. Гуна; в 1804—1807 гг. домашний врач графа А. К. Разумовского 388, 861
- Гурьев Дмитрий Александрович (1751—1825), государственный деятель, сенатор, министр финансов в 1810—1823 гг. 478, 907
- Густав II Адольф (1594—1632), шведский король, полководец в Тридцатилетней войне 162, 718
- Гуффе Арман (1775—1845), французский шансонье и водевиллист 674
- Д. В. Д. *см.* Дашков Дмитрий Васильевич
- д'Антрег, граф *см.* Лонэ Эмманюэль Анри Луи Александр де
- Давыдов Денис Васильевич (1784—1839), поэт, герой 1812 г. 111, 290—295, 301, 302, 321, 524, 545, 674, 801—804, 811, 955, 972
- Даль Владимир Иванович (1801—1872), врач, писатель и лексикограф 620, 784, 786, 953
- Данилова Мария Ивановна (настоящая фамилия Перфильева; 1793—1810), балерина Петербургской императорской труппы 649
- Дашков Дмитрий Васильевич (1788—1839), литератор и государственный деятель, адресат 142, 161, 163, 186, 205, 213, 221, 233, 286, 296, 310, 322, 356, 367, 383, 409, 410, 414, 416, 464, 496, 517, 521, 524, 531, 567, 573, 590, 659, 669, 701, 707, 714, 715, 732, 736, 783, 813, 841, 873, 874, 876, 918, 920, 940—942, 946, 950, 952, 953, 955, 961, 990, 995, 1011
- Дед седой *см.* Шишков Александр Семенович
- Дезе Анна Антоновна, жена К. Я. Дезе 362, 363, 371, 399
- Дезе Карл Яковлевич, управляющий в имении Киреевских, адресат 66, 349, 354, 361, 362, 363, 371, 374, 398, 442, 544, 545, 589, 633, 838, 840, 844—846, 849, 850, 852, 867, 890, 971, 995, 1011
- Делиль Жак (1738—1813), французский поэт и переводчик 10, 22, 23, 341, 595, 596, 603—605, 738, 755, 833, 834, 867, 926, 963
- Деманж Жак Франсуа (1780—1845), французский ориенталист, ординарный профессор С.-Петербургского Педагогического института с 1817 г. 920
- Демид *см.* Муромцев Демид
- Демидов Петр Григорьевич (1740—1826), тайный советник, обер-директор С.-Петербургского коммерческого училища 58, 59, 629
- Демидова Екатерина Алексеевна (урожд. Жеребцова; 1749—1810), жена П. Г. Демидова, фаворитка графа А. Г. Орлова-Чесменского 629
- Демокрит (ок. 460 — ок. 370 до н. э.), древнегреческий философ 920
- Демосфен (384—322 до н. э.), греческий оратор 111
- Державин Гавриил Романович (1743—1816), поэт, адресат, 8, 49, 76, 123—125, 128, 479, 487, 590, 593, 594, 599, 601, 610, 620, 643, 644, 680, 681, 683, 684, 690, 736, 803, 848, 908, 915, 941, 995—997, 1011

- Детенки, дети, детки *см.* Киреевская Мария Васильевна, Киреевский Иван Васильевич, Киреевский Петр Васильевич
- Деции, древнеримский род, прославившийся во время войн, которые вел Древний Рим в IV—III веках до н. э. тем, что его представители ценой своей жизни спасали римское войско от разгрома 877
- Джонс Уильям (1746—1794), английский лингвист и ориенталист, основатель Азиатского общества 677
- Джонсон Сэмюэл (1709—1784), английский литературный критик, лексикограф и поэт эпохи Просвещения 57, 61, 627, 630, 631
- Дибич Иван Иванович (1785—1831), граф, начальник Главного штаба, герой Отечественной войны 1812 г. 313
- Дидро Дени (1713—1784), французский философ и писатель 645
- Диев Михаил Яковлевич (1794—1866), протоиерей, член Императорского общества истории и древностей Российских 609
- Диоген Синопский (Диоген киник; 412—323 до н. э.), древнегреческий философ, ученик Антисфена, основателя школы киников 779
- Дмитриев Иван Иванович, (1760—1837), поэт и государственный деятель, почетный член «Арзамаса», адресат 58, 59, 61, 76, 82, 84, 98, 109, 124, 125, 153, 159, 162, 163, 166, 187, 188, 191, 205, 305, 416, 468, 518, 524, 536, 546, 547, 555, 557, 564, 583, 590, 594, 611, 612, 628, 649—653, 665, 670, 672, 676, 681, 683, 692, 693, 695, 696, 701, 708, 714, 715, 717, 718, 720, 728, 730, 733, 734, 736, 807, 816, 834, 877, 901, 902, 936, 941, 943, 944, 965, 973, 974, 981, 996, 999, 1001, 1011, 1014
- Дмитриев Михаил Александрович (1796—1866), поэт и литературный критик, племянник И. И. Дмитриева 1002
- Дмитриев-Мамонов Матвей Александрович, граф, общественный деятель и литератор, организатор и шеф Мамоновского полка во время Отечественной войны 1812 г., генерал-майор, основатель преддекабристского Ордена русских рыцарей 709
- Дмитрий Александрович *см.* Кавелин Дмитрий Александрович
- Дмитрий Петрович *см.* Северин Дмитрий Петрович
- Дмитрий Самозванец *см.* Отрепьев Григорий Богданович
- Дмитрий, крепостной крестьянин 442, 890
- Доброславский Дмитрий Александрович (Митенька, ок. 1812—1838), внебрачный сын А. Ф. Воейкова, в 1820х гг. студент-медик 782, 834, 862, 887, 906
- Доктор *см.* Фор Раймонд
- Докторов *см.* Дохтуров Дмитрий Сергеевич
- Долгорукий (Долгоруков) Иван Михайлович (1764—1823), князь, поэт и общественный деятель 559, 778, 984, 985
- Дон Карлос (1545—1568), принц Астурийский, инфант Испании, умер в заточении, персонаж трагедии Ф. Шиллера «Дон Карлос» 696, 698, 1014
- Досифей (в миру Ильин; 1751—1827), в 1798—1817 гг. епископ Орловский 218, 228, 231, 233, 235, 236, 257, 276, 757, 764, 766, 790
- Достоевский Михаил Михайлович (1820—1864), писатель, переводчик, драматург, журналист, старший брат Ф. М. Достоевского 614, 991
- Достоевский Федор Михайлович (1821—1881), писатель 570, 587, 613, 615, 661

- Дохтуров Дмитрий Сергеевич (1759—1816), военачальник, генерал от инфантерии, герой Отечественной войны 1812 г. 190, 312, 736
- Драйден Джон (1631—1700), английский поэт 144, 287, 704, 760, 798
- Дрезеке Иоанн Генрих Бернгард (1774—1849), выдающийся немецкий проповедник, епископ магдебургский 388, 860
- Дрехслер Теодор (Федор), петербургский издатель и книгопродавец 718, 806
- Дроллингер Карл Фридрих (1688—1742), швейцарский поэт и переводчик 795
- Дружинин Петр Михайлович (1764—1827), директор училищ Московской губернии, в 1812 г. редактор газеты «Московские ведомости» 413, 840, 875
- Дружинина, мадам, неустановленное лицо 354, 840
- Друзья *см.* Плещеевы, семейство
- Дунтен Георг Рейнгольд фон (1766—1845), граф, дерптский знакомый Жуковского 498, 924
- Дунька, Дуняша *см.* Азбукина Авдотья Васильевна
- Дуняша *см.* Елагина Авдотья Петровна
- Дюверье Анн Оноре Жозеф (псевд. Мельвиль, 1787—1865), французский драматург 675
- Дюг Жан Луи Мари, маркиз де Буа-Сен-Жюст (1743—1820), французский писатель 703
- Дюкло Шарль (1704—1772), французский писатель, моралист 793
- Дюмениль Мме (наст. имя — Мари Франсуаз Маршан; 1713—1802), французская актриса 25, 608
- Евгений (в миру Болховитинов Евфимий Алексеевич; 1767—1837) в 1816—1822 г. предстоятель Псковской епархии, с 1822 г. митрополит Киевский, церковный историк, археограф и библиограф 376, 478, 483, 489, 658, 853, 911, 913
- Ее величество *см.* Мария Федоровна
- Екатерина (Катерина) Афанасьевна *см.* Протасова Екатерина Афанасьевна
- Екатерина (Катерина) Михайловна *см.* Соковнина Екатерина Михайловна
- Екатерина (Катерина) Федоровна *см.* Муравьева Екатерина Федоровна
- Екатерина I Алексеевна (урожд. Марта Скавронская; 1684—1727), вторая жена Петра I, с 1725 г. российская императрица 918
- Екатерина II Алексеевна Великая (урожд. София Августа Фредерика Ангальт-Цербстская, в православии Екатерина Алексеевна, 1729—1796), императрица Всероссийская 479, 592, 724, 754, 996
- Екатерина Андреевна *см.* Карамзина Екатерина Андреевна
- Екатерина Павловна (1788—1819), великая княгиня, вдова принца Георга Ольденбургского, в 1816 г. вторично вышедшая замуж за наследного принца Вюртембергского Вильгельма, который в том же году стал королем 369, 674, 849
- Екатерина Семеновна *см.* Тургенева Екатерина Семеновна
- Елагин Алексей Андреевич (1790—1846), участник Отечественной войны 1812 г., тульский помещик, муж А. П. Елагиной, отчим бр. Киреевских 545, 971, 972
- Елагина Авдотья Петровна (урожд. Юшкова, в первом браке Киреевская, 1789—1877), племянница Жуковского, адресат 172, 177, 178, 221, 226, 233, 235, 239, 240, 247, 250, 270, 273, 282, 284, 294, 295, 300, 344, 346, 349, 354, 357, 362, 363, 371—374, 378, 381, 382, 386, 399, 411, 413, 415, 425, 438, 441, 442, 459, 463, 468, 470, 471, 475—477, 480, 488, 493, 501, 506, 509, 512, 515, 527, 529, 543, 544, 550, 559, 571, 582, 583, 585, 587, 589, 598, 614, 633, 635, 637, 638, 656, 682, 686, 703, 709, 710, 713, 725—728, 733, 744,

745, 749—751, 758, 760—767, 769—778, 782—787, 790, 792—794, 797, 799, 803, 804, 809—812, 816, 821, 829, 830, 834—847, 849—851, 853—857, 859—862, 864, 866, 868, 870, 872—874, 876—878, 880, 882, 884—898, 901—907, 909—913, 915—917, 920, 921, 926—928, 931—936, 939, 940, 953, 955—962, 969—972, 975—977, 983, 984, 987, 988, 994, 995, 997, 998, 1001, 1006, 1010, 1012

Елагина Екатерина Ивановна *см.* Мойер Екатерина Ивановна

Елена Ивановна *см.* Протасова Елена Ивановна

Елена Ивановна *см.* Черкасова Елена Ивановна

Елизавета Алексеевна (урожд. Луиза Мария Августа, принцесса Баден-Дурлахская, 1779—1826), императрица, жена императора Александра I 162, 482—484, 690, 730, 910—912, 955, 1000

Елизавета Васильевна *см.* Гринева Елизавета Васильевна

Елизавета Николаевна, неустановленное лицо, адресат 615

Ермолов Алексей Петрович (1777—1861), генерал от инфантерии, военный деятель, герой Отечественной войны 1812 г., мемуарист 710

Ершов, неустановленное лицо 127, 128, 670, 685, 686

Ефимович А. Я., писатель 1810-х гг., переводчик послания «Императору Александру» 807

Жанлис Стефани Фелисите (урожд. Дюкре де Сент-Обен; 1746—1830), французская писательница 57, 61, 628

Жан-Поль (наст. имя Иоганн Пауль Фридрих Рихтер; 1763—1825), немецкий писатель 519, 520, 945—947, 952

Жеребцова Екатерина Алексеевна *см.* Демидова Екатерина Алексеевна

Жильбер Никола (1750—1780), французский поэт 660, 661

Жихарев Степан Петрович (1787—1860), воспитанник Московского университетского благородного пансиона, автор «Записок современника», адресат 383, 386, 406, 410, 478, 482, 485, 486, 489, 491, 493, 499, 503, 505, 512, 522, 529, 532, 533, 558, 590, 605, 608, 610—612, 622, 626, 703, 851, 857, 907, 910—912, 915, 917, 929—932, 935, 959, 977, 984, 997, 1011

Жорж (Веймер Маргерит Жозефин; 1786—1867), французская актриса 646

Жуковская (урожд. Николева), жена А. Г. Жуковского 530, 960

Жуковская Александра Васильевна (в замуж. баронесса Верман; 1842—1899), дочь Жуковского 992

Жуковская Елизавета Евграфовна (урожд. Рейтерн Елизавета фон, 1821—1856), дочь Герхарда Рейтерна, жена Жуковского 686, 992

Жуковские, семейство 1003

Жуковский Андрей Григорьевич, крестный отец В.А. Жуковского (ум. ок. 1817) 530, 959, 960, 962, 965, 1003

Жуковский Павел Андреевич, сын А. Г. Жуковского, воспитанник В. А. Жуковского, учившийся в Дерпте 530, 533, 535, 536, 960, 962, 965, 1003

Жуковский Павел Васильевич (1845—1912), художник, сын Жуковского 992

Журавль (Ивиков Журавль) *см.* Вигель Филипп Филиппович

Заборовский, московский домовладелец 711

- Загоскин Михаил Николаевич (1789—1852), писатель, драматург 874, 883
- Заремба-Калиновский Фелициан Мартин фон (1794—1874), священник, миссионер, изучавший теологию в Дерпте и Петербурге 516, 536, 537, 939, 940, 966
- Зверев Михаил Иванович, управляющий Мишенским 12, 597
- Зейдлиц Карл Карлович (1798—1885), выпускник Дерптского университета, врач, биограф Жуковского 582, 598, 726, 821, 822, 834, 836, 843, 862, 879, 880, 896, 925, 927, 932
- Зенф Карл Август фон (1770—1838), немецкий художник и гравер 325, 520, 827, 837, 951
- Золотарев Иван Федорович (1812—1881), выпускник Дерптского университета, юрист, чиновник канцелярии М. С. Воронцова на Кавказе, впоследствии ее директор 753
- Золотницкая Елизавета Антоновна (Эльжбета Злотницка, в замуж. Голицына; 1800—1866), предмет увлечения Д. В. Давыдова, жена князя П. А. Голицына 955
- Зонтаг Анна Петровна (урожд. Юшкова; 1785—1864), детская писательница, племянница Жуковского, сестра А. П. Елагиной, адресат 71, 270—272, 284, 294, 300, 344, 348, 354, 363, 371, 378, 381, 383, 399, 402, 413, 438, 441, 470, 471, 475, 478, 480, 481, 488, 501, 502, 507, 508, 511, 512, 515, 526, 529, 581, 583, 587, 589, 591, 637—639, 678, 686, 687, 713, 733, 764, 766, 771, 785, 786, 803, 810, 835, 840, 846, 847, 850, 851, 855, 857, 860, 861, 868, 870, 872, 874, 876, 884, 889, 902, 903, 910, 916, 927, 931, 933—935, 939, 955—957, 959, 987—989, 994, 997, 1008, 1012
- Зонтаг Егор Васильевич (1786—1841), американец по происхождению, начальник карантинной службы одесского порта, муж А. П. Зонтаг 508, 526, 529, 931, 934, 957
- Зубова, квартирохозяйка 216
- Зульцер (Сульцер) Иоганн Георг (1720—1779), немецкий эстетик и критик 61, 631, 944
- Иакинф** (Бичурин Никита Яковлевич; 1777—1853), архимандрит, известный востоковед, основатель российской синологии 921
- Иван IV Грозный (Иоанн Васильевич, 1530—1584), первый царь всея Руси 489, 917
- Иван Владимирович *см.* Лопухин Иван Владимирович
- Иван Иванович *см.* Дмитриев Иван Иванович
- Иван Никитич *см.* Скобелев Иван Никитич
- Иван Никифорович *см.* Гринев Иван Никифорович
- Иван Петрович *см.* Тургенев Иван Петрович
- Иван Федоров (ок. 1520—1583), первопечатник 900
- Иванов Иван (Ванюша), московский управляющий семьи Вяземского-Карамзиных 122, 187, 678
- Иванов Иван Андреевич (1812—1848), живописец-пейзажист 827, 848
- Иванов Михаил Андреевич (1781—1831), художник-график, почетный библиотекарь Публичной библиотеки в 1812—1831 гг. 827, 848

- Иванов Федор Федорович (1777—1816), драматург и поэт, член-учредитель Общества любителей российской словесности 188, 204, 704, 734, 748
- Иванов, неустановленное лицо, соискатель руки М. А. Протасовой в 1814 г. 254, 259, 778
- Ивик (2-я пол. VI в. до н. э.), греческий лирик, старший современник Анакреонта 197
- Игнатъев, неустановленное лицо 149, 711
- Игорь Рюрикович (ок. 878—945), великий князь Киевский 658
- Игорь Святославич (1151—1201), князь Новгород-Северский, князь Черниговский, герой «Слова о полку Игореве» 566, 657, 658, 673, 701, 854, 1016
- Измайлов Александр Ефимович (1779—1831), поэт-баснописец и прозаик, журналист, издатель журнала «Благонамеренный», председатель ВОЛСНХ, адресат 543, 590, 970, 997, 998, 1011
- Измайлов Владимир Васильевич (1773—1830), писатель-карамзинист, журналист, издавал ВЕ в 1814 г. 195, 216, 294, 301, 738, 756, 802, 811, 897
- Иловайский Василий Дмитриевич (1785—1860), генерал, участник антинаполеоновских войн, герой Отечественной войны 1812 г. 190, 312, 313, 736
- Имбер Жан-Гильбер (1786—1846), французский драматург 674
- Император см. Александр I
- Императрица см. Мария Федоровна
- Иоанн Богослов, апостол 791, 864
- Иоанн Милостивый (ум. 610), александрийский патриарх 702
- Исайя, ветхозаветный пророк 839
- Иффланд Август Вильгельм (1759—1814), немецкий писатель и актер, популярный драматург 177, 726
- Кавелин Дмитрий Александрович (1778—1851), воспитанник Московского университетского пансиона, директор Медицинского департамента, литератор, член литературного общества «Арзамас», адресат 65, 205, 211, 220, 225, 242, 266, 276, 286, 299, 356, 367, 378, 382, 389, 397, 398, 441, 442, 454, 455, 472, 483, 485, 486, 489, 491, 497, 502, 503, 505, 506, 510, 516, 518, 520—523, 525, 530, 531, 533, 534, 535, 539, 553, 560, 590, 632, 633, 643, 746, 747, 753, 758, 759, 762, 783, 799, 817, 841, 854—856, 863—865, 875, 879, 882, 890, 892, 894, 895, 927, 928, 936, 944, 953, 960, 964, 998, 1011
- Кавелина Шарлотта Ивановна (урожд. Белли; 1787—1853), его жена, по происхождению англичанка; поэтесса и арфистка 863
- Казаков Матвей Федорович (1738—1812), архитектор 216, 756
- Казимиров Василий, крепостной Жуковского 70, 71
- Казимиров Ефим, крепостной Жуковского 70, 71
- Казимиров Сергей, крепостной Жуковского 70, 71
- Казимировы, семейство 637
- Кайсаров Андрей Сергеевич (1782—1813), соученик Жуковского и братьев Тургеневых в Московском благородном пансионе, историк, профессор Дерптского университета 27, 42, 78, 121, 149, 168, 182, 610, 617, 635, 636, 646, 677, 679, 710, 721, 722, 730, 741, 752, 834, 1015
- Кайсаров Михаил Сергеевич (1780—1825), чиновник Министерства внутренних дел, полиции и финансов, переводчик 122 599, 679

- Кайсаров Паисий Сергеевич (1783—1844), генерал от инфантерии, брат А. С. и М. С. Кайсаровых 14, 599, 601
- Кайсаров Петр Сергеевич (1777—1854), поэт, переводчик, сенатор 18, 19
- Кайсаровы, братья 601
- Калидаса, драматург и поэт древней Индии 677
- Каменский см. Бантыш-Каменский Николай Николаевич
- Каменский Михаил Федотович (1738—1809), генерал-фельдмаршал 625, 643, 1015
- Каменский Николай Михайлович (1776—1811), граф, генерал от инфантерии, младший сын фельдмаршала М. Ф. Каменского 53, 625, 662
- Камкин Федор Александрович (ум. 1815), белевский почтмейстер 71, 149, 295, 362, 363, 382, 386, 639, 710, 731, 804, 845, 856, 859
- Камкина Прасковья Федоровна, его дочь 710
- Кампенгаузен Балтазар Балтазарович (1772—1823), русский государственный деятель, сенатор, член Государственного совета 652
- Канар Никола Франсуа (1754—1833), французский экономист, профессор математики 52, 623
- Кант Иммануил (1724—1804), немецкий философ 779
- Кантемир Антиох Дмитриевич (1708—1744), поэт, дипломат 54, 625
- Канцлер см. Румянцев Николай Петрович
- Капнист Василий Васильевич (1758—1823), поэт, драматург 681, 690, 941
- Карабанин (Карабанов) Петр Матвеевич (1765—1829), член Российской академии и Беседы любителей русского слова 215, 755
- Карамзин Александр Николаевич (1815—1888), сын Н. М. Карамзина от второго брака с Е. А. Кольвановой, литератор, поэт-дилетант 466, 877, 900
- Карамзин Андрей Николаевич (1807—1813), рано умерший старший сын Н. М. Карамзина от второго брака 86, 654
- Карамзин Николай Михайлович (1766—1826), писатель, журналист, историограф 14, 16, 51, 52, 63, 76—78, 80, 82—87, 103, 113, 120, 126, 143, 146, 147, 155, 166, 169, 186, 195, 198, 205, 240, 305, 314, 321, 356, 367, 404, 406, 411, 413, 416, 423, 440, 466, 468, 469, 473, 478, 480, 485, 489, 492, 497, 498, 500, 503, 506, 510, 516, 517, 521, 522, 524, 525, 532, 535, 539—542, 547, 554—556, 560, 564, 567, 576, 590, 594, 600—602, 604, 607, 623, 625, 631, 643, 649, 651—656, 658, 663, 669, 674, 678, 679, 683, 684, 689, 690, 692, 693, 695, 696, 698, 702, 706, 707, 709, 720, 724, 725, 736, 738, 740, 747, 748, 770, 771, 780, 795, 796, 816, 819, 829, 840, 845, 848, 870, 873, 875, 877, 883, 890, 900, 901, 904, 907—909, 913, 916, 919, 924, 925, 928, 930, 933, 936, 941, 954—956, 958, 968, 974, 977, 981, 982, 992, 998, 999, 1003, 1011
- Карамзина Екатерина Андреевна (урожд. Кольванова; 1780—1851), вторая жена Н. М. Карамзина. Внебрачная дочь князя Андрея Ивановича Вяземского, единокровная сестра П. А. Вяземского, внучка генерал-аншефа К. Е. Сиверса 79, 85, 103, 113, 143, 147, 186, 195, 321, 367, 406, 416, 480, 489, 497, 556, 648, 674, 693, 702, 707, 738, 848, 877, 901, 916, 924, 992
- Карамзина Екатерина Николаевна (в замуж. Мещерская; 1806—1867), дочь Н. М. Карамзина от второго брака 86, 654
- Карамзина Елизавета Ивановна (урожд. Протасова; 1767 или 1771—1802), первая жена Карамзина 654, 679

- Карамзина Наталья Николаевна (1804—1810), первая дочь Н. М. Карамзина от второго брака 654, 877, 883, 890
- Карамзина Наталья Николаевна (1812—1815), третья дочь Н. М. Карамзина от второго брака 440
- Карамзина Софья Николаевна (1802—1856), старшая дочь Н. М. Карамзина от первого брака, фрейлина с 1821 г. хозяйка популярного в 1840-х петербургского литературного салона, близкая знакомая Пушкина и друг Лермонтова 86
- Карамзины, семейство 138, 416, 423, 467, 653, 654, 674, 675, 678, 689, 693, 695, 719, 732, 877
- Караулов, подполковник, офицер Московского ополчения, участник Бородинской битвы 187, 733
- Карл I Великий (742/747 или 748—814), король франков, лангобардов, герцог Баварии, император Запада с 800 г. 91
- Карл Яковлевич *см.* Дезе Карл Яковлевич
- Карпов, неустановленное лицо 149, 710
- Кассандра *см.* Блудов Дмитрий Николаевич
- Катенин Павел Александрович (1792—1853), поэт, драматург, литературный критик, переводчик, театральный деятель 465, 899
- Катерина Яковлевна, неустановленное лицо 257, 779
- Каткарт (Кэткарт) Уильям Шоу (1755—1843), британский генерал и дипломат, в 1805—1806 и 1812—1820 британский посол в России 911, 913, 914, 1016
- Като (Катоша, Катя) *см.* Азбукина Екатерина Петровна
- Катулл Гай Валерий (ок. 87 — ок. 54 до н. э.), римский лирик 906
- Катя, Катюшка *см.* Воейкова Екатерина Александровна
- Каченовский Михаил Трофимович (1775—1842), историк, журналист, адресат 54, 75, 77, 80, 92, 95, 97, 99, 102, 111, 198, 201, 205, 343, 423, 464, 487, 500, 578, 587, 590, 625, 641, 642, 644, 648, 649, 663—665, 668, 669, 675, 740, 744, 749, 802, 872, 999, 1011
- Кашин Даниил Никитич (1770—1841), русский композитор и педагог 47, 48, 620
- Кашкин Василий Тимофеевич, столоначальник 2-го отделения Медицинского Департамента, заведующий его типографией 410, 487, 873
- Квашнина-Самарина Анна Петровна, фрейлина русского императорского двора (1795—1827), хозяйка литературного салона в Петербурге 130, 690, 691, 905
- Кипренский Орест Адамович (1783—1836), портретист, исторический живописец 874
- Киреевская Авдотья Петровна *см.* Елагина Авдотья Петровна
- Киреевская Аграфена Ивановна (после 1743 — после 1812) 598
- Киреевская Мария Васильевна (1811—1859) дочь А. П. Елагиной от первого брака, сестра Ивана и Петра Киреевских 177, 239, 284, 295, 301, 347, 349, 358, 363, 370, 415, 471, 475, 477, 481, 488, 493, 501, 502, 506, 507, 509, 512, 529, 544, 545, 726, 787, 792, 810, 811, 836, 846, 905, 910, 916, 921, 927, 931, 932
- Киреевские, семейство 632, 633, 698, 726, 767, 776, 838, 846
- Киреевский Василий Иванович (1773—1812), секунд-майоре в отставке, первый муж племянницы Жуковского А. П. Юшковой, отец братьев И. В. и П. В. Киреевских 34, 174, 199, 598, 614, 726, 727, 753, 816, 837, 932
- Киреевский Иван Васильевич (1806—1856), критик и публицист, славянофил 177, 199, 224, 239, 284, 295, 301, 347, 349, 354, 358, 363, 370, 415, 471, 475, 477, 481, 488, 493, 501,

- 502, 506, 507, 509, 512, 527, 529, 544, 545, 614, 682, 726, 743, 744, 761, 792, 793, 810, 811, 836, 837, 846, 905, 910, 916, 921, 927, 931, 932, 957, 959, 997
- Киреевский Иван Васильевич (р. после 1708), отец Василия Ивановича и Аграфены Ивановны Киреевских 598
- Киреевский Петр Васильевич (1808—1856), литератор, фольклорист, славянофил 177, 230, 239, 284, 295, 301, 347, 349, 354, 358, 363, 370, 415, 471, 475, 477, 481, 488, 493, 501, 502, 506, 507, 509, 512, 529, 544, 545, 614, 726, 743, 765, 792, 810, 811, 836, 846, 877, 905, 910, 916, 921, 927, 931, 932, 959, 997
- Кирилов, неустановленное лицо 180, 728
- Клаудиус Маттиас (псевдонимы — Асмус, Вандсбеккер Боте; 1743—1815), немецкий поэт и народный писатель 519, 947
- Клейст Эвальд Христиан фон (1715—1759), немецкий поэт 525, 944, 956
- Клерон Ипполита (1723—1803), французская актриса 608
- Клеффер, французский издатель 682
- Клингер Фридрих Максимилиан (1752—1831), немецкий писатель 945
- Клопшток Фридрих Готтлиб (1724—1803), немецкий поэт, 303, 755, 787, 812, 815, 825
- Клушин Николай Иванович (1764 — после 1833), советник Орловской губернской уголовной палаты и секретарь губернского предводителя дворянства 242, 773
- Князь см. Голицын Александр Николаевич
- Князь Сибирский см. Гагарин Матвей Петрович
- Князь Смоленский см. Голенищев-Кутузов Михаил Илларионович
- Ковальков Александр Иванович (1794—1852), неродной племянник и воспитанник И.В. Лопухина, переводчик и прозаик 499, 503, 925, 928
- Козлов Иван Иванович (1779—1840), поэт, переводчик 567, 583, 853, 951, 1012
- Козлятев Федор Ильич (ум. 1808), генерал-майор, близкий друг И. И. Дмитриева и Н. М. Карамзина 155
- Козодавлев Осип Петрович (1754—1819), государственный деятель и писатель, с 1810 г. министр внутренних дел 386, 859
- Кокошкин Федор Федорович (1773—1838), переводчик и драматург, член-учредитель и председатель ОЛРС (с 1811 г.) 196, 204, 205, 406, 704, 740, 748, 870
- Кологривов Петр Александрович (1770—1852), второй муж кн. П. Ю. Гагариной, тещи П. А. Вяземского 691, 692, 721, 981
- Кологривова Елизавета Михайловна (1777—1845), сводная сестра кн. А. Н. Голицына 553, 980
- Кологривова Прасковья Юрьевна (урожд. кнж. Трубецкая, в первом браке Гагарина; 1762—1748), теща П. А. Вяземского 691—693, 695, 696, 981
- Кологривовы, семейство 555, 691, 693
- Колтовская, неустановленное лицо 204, 747
- Колумб Христофор (1451—1506), испанский мореплаватель 776
- Конгрив Уильям (1670—1729), английский поэт и драматург 287, 798
- Коновницын Петр Петрович (1764—1822), граф, генерал от инфантерии, участник Отечественной войны 1812 г. 163, 190, 718, 719, 735
- Константин VII Багрянородный (Порфирородный; 905—959) византийский император из Македонской династии, номинально царствовал с 913 г., фактически с 945 г. 780

- Константин Николаевич (1827—1892), генерал-адмирал, великий князь, сын российского императора Николая I и Александры Федоровны, младший брат императора Александра II 563, 564, 576, 577, 582
- Константин Павлович (1779—1831), великий князь, главнокомандующий польской армией и наместник Царства Польского 535, 690, 805, 814, 841, 849, 960, 965, 972
- Копецкий Александр, поэт начала XIX в. 652
- Копецкий (неустановленно лицо) 84, 85, 652, 670
- Корсар *см.* Зонтаг Егор Васильевич
- Корсунский (Карсунский) Александр Васильевич, двоюродный брат архимандрита Иакинфа (Бичурина) 494, 501, 921, 927
- Кост д'Арноба Шарль Пьер (1732—1808), французский журналист 608
- Костогоров Михаил Дмитриевич (1783—1834), соученик Жуковского и Тургеневых по Московскому благородному пансиону, учитель российской грамматики и немецкого языка 27, 29, 42, 54, 56, 61, 75, 86, 87, 296, 297, 610, 618, 627, 655, 783, 807, 817
- Костров Ермил Иванович (1755—1796), поэт 941
- Кот (Резвый Кот) *см.* Северин Дмитрий Петрович
- Котта Иоганн Фридрих (1764—1832), немецкий издатель, предприниматель и политик 739, 945, 946
- Коцебу Август Фридрих Фердинанд фон (1761—1819), немецкий писатель 592, 711
- Кошен Анри (1687—1747), французский адвокат, писатель 58, 59, 628
- Красовский Афанасий Иванович (1780—1843), генерал от инфантерии, начальника штаба 4-го пехотного полка, претендент на руку М. А. Протасовой 329, 340, 345, 359, 370, 830, 832, 834, 836, 843
- Кребильон (Кребийон; наст. имя Проспер Жолио; 1674—1762), французский драматург 68, 634, 664, 668, 669, 1016
- Кребс Иоганн Филипп (1771—1850), учитель гимназии, классический филолог-латинист, переводчик 660
- Крестник Жуковского, неустановленное лицо 551, 977
- Крестница *см.* Воейкова Александра Андреевна, Воейкова Екатерина Александровна
- Кречетников Михаил Никитич (1729—1793), граф, генерал-губернатор, генерал-поручик 591
- Круг Иоганн Филипп (Филипп Иванович; 1764—1844), историк, хранитель библиотеки и минц-кабинета Эрмитажа, с 1805 г. адъюнкт Императорской академии наук 511, 933
- Крылов Иван Андреевич (1769—1844), баснописец 76, 296, 367, 518, 574, 804, 847, 898, 943, 944
- Крылов, неустановленное лицо 252, 778
- Куприянов Александр Иванович, неустановленное лицо 149, 710, 711
- Куратор *см.* Ливен Карл Андреевич
- Курции, древнеримский патрицианский род 877
- Кутузов М. И. *см.* Голенищев-Кутузов Михаил Илларионович
- Кушников Сергей Сергеевич (1765—1839), сын старшей сестры Н. М. Карамзина, сенатор 82, 649
- Кюхельбекер Вильгельм Карлович (1797—1846), поэт-декабрист 941

- Лабрюйер Жан де (1645—1696), французский писатель, моралист 793
- Лаврушка, слуга А. И. Тургенева 479, 493, 532, 908
- Лагарп Жан Франсуа (1739—1803), французский писатель, драматург, литературный критик, член Французской академии. Последовательный сторонник классицизма 28, 30, 57, 61, 90, 119, 608, 609, 612, 628, 669
- Ламберт Карл Осипович, гр. (1772—1843), генерал от кавалерии, участник антинаполеоновских войн, герой Отечественной войны 1812 г. 313
- Ламотт Фуке Фридрих Генрих Карл де (1777—1843), немецкий писатель-романтик 519, 520
- Ланская Варвара Ивановна (урожд. Одоевская, 1794—1845), графиня 914
- Ланц, пленный французский офицер, живший в Орле и близкий к семейству Протасовых 148, 152, 153, 162, 709, 714, 717
- Ларошфуко Франсуа де (1613—1680), французский писатель, моралист 793
- Ласосс Жан-Батист, аббат, французский писатель 652
- Лафатер Иоганн Каспар (1741—1801), швейцарский писатель и физиономист 946, 947
- Лафонтен Жан де (1621—1695), французский баснописец 214, 619
- Лебедев Василий Иванович (1716—1771), выпускник Славяно-греко-латинской академии, переводчик 104, 670
- Лебрэн Александр, швейцарец, в 1816 г. получивший степень доктора философии в Дерптском университете 478, 907
- Левенштейн-Вертегейм Константин (1786—1844), князь, немецкий дипломат и публицист 925
- Лёвенштерн Анна Шарлотта фон (урожд. фон Фитингоф; 1795—1832) жена Г. К. Л. Фон Лёвенштерна 958
- Лёвенштерн Генрих Карл Людвиг фон (1783—1843), барон, вице-губернатор Лифляндии 958, 959
- Лёвенштерн Карл Отто фон (1755—1833), богатый лифляндский помещик 958
- Лёвенштерн София фон (в замуж. де Брей, 1788—1855), его дочь, жена Франсуа Габриэля де Брей 925, 958
- Лёвенштерн фон, семейство 958, 959
- Лёвенштерн, лифляндский дворянский род 958
- Лекен Анри Луи (1728—1778), знаменитый французский актер 28, 30, 136, 612
- Леклерк Никола-Габриэль (до возведения в дворянство Клерк; 1726—1798), французский медик и историк России 658
- Леконт (Лекоэнт) де Лаво Жорж, французский писатель и издатель, автор «Путеводителя по Москве» 703
- Леман Иван Иванович (ум. 1807), воспитатель в Московском университетском благородном пансионе 55, 626
- Леопольд Фридрих Август, немецкий книгоиздатель 951
- Лепренс (Ле Пренс) де Бомон Жанна Мари (1711—1780), французская писательница и педагог 724, 725
- Лерберг Аарон Христиан (1770—1813), профессор истории Дерптского университета 511, 516, 537, 854, 933, 966, 1015
- Лермонтов Михаил Юрьевич (1814—1841), поэт, писатель 564, 576

- Лессинг Готхольд Эфраим (1729—1781), немецкий писатель и драматург 90, 125, 598, 682, 779, 944
- Лже-Дмитрий см. Отрепьев Григорий Богданович
- Ливен Карл Андреевич (1767—1844), граф, генерал-лейтенант, попечитель Дерптского учебного округа 534, 538, 964, 967
- Ливен Шарлотта Карловна (урожд. фон Поссе, 1743—1828), баронесса, статс-дама, воспитательница дочерей Павла I 805, 814
- Ливий см. Карамзин Николай Михайлович
- Ливий Тит (59 до н. э. — 17 н. э.), римский историк 155, 404, 870
- Лилиенфельд фон Женни 958
- Лилиенфельд фон Шарлотта 958
- Лилиенфельд фон, семейство, дерптские знакомые Воейковых-Протасовых 958
- Липман Фридрих Леберехт (Федор Иванович, 1784—1854), немецкий историк, статистик, профессор Берлинского университета, читавший наследнику курс всеобщей истории 583
- Липранди Иван Петрович (1790—1880), военный и государственный деятель, военный историк, мемуарист 710
- Лихтенберг Георг Кристоф (1742—1799), немецкий ученый и публицист 519, 947
- Лобанов-Ростовский Дмитрий Иванович (1758—1838), князь, генерал от инфантерии, министр юстиции (1817—1827), член Государственного совета 555
- Лодер Христиан Иванович (1753—1832), профессор Московского университета, анатом 55, 626
- Ломоносов Михаил Васильевич (1711—1765), поэт, ученый, историк 76, 205, 294, 594, 643, 670, 749
- Лонгинов Николай Михайлович (1775—1853), секретарь императрицы Елизаветы Алексеевны, адресат 483, 549, 551, 586, 589, 910—912, 955, 975, 977, 978, 980, 1000, 1012
- Лонэ Эмманюэль Анри Луи Александр де, граф д'Антрег (1753—1812), французский публицист, памфлетист, депутат и дипломат 630
- Лопухин Иван Владимирович (1756—1816), известный масон и общественный деятель, адресат 15, 29, 31, 42, 72, 74, 77, 152, 199, 200, 202, 208, 209, 223—225, 227—229, 231, 234, 236, 240, 255, 257, 263, 266, 276, 393, 491, 499, 564, 566, 590, 600, 601, 611, 613, 617, 636, 639—642, 644, 714, 743—746, 750, 761—767, 770, 772, 779, 782, 790, 793, 866, 918, 925, 928, 954, 1000, 1012, 1016
- Лубяновский Федор Петрович (1777—1869), сенатор, с 1833 г. пензенский и подольский губернатор, переводчик 602
- Луиза Ульрика Прусская (1720—1782), прусская принцесса, младшая сестра Фридриха Великого, с 1751 г. королева Швеции 613
- Луцилий, прокуратор Сицилии времен правления Нерона, адресат «Нравственных писем» Сенеки 676
- Львов Павел Юрьевич (1770—1825), прозаик, член Российской Академии, Беседы любителей русского слова и Общества истории и древностей российских 644
- Людвик XV (1710—1774), французский король с 1715 г. 703
- Людвик XVI (1754—1793), французский король с 1774 г. 703
- Людвик, герцог Бургундский (1682—1712), дофин Франции, внук Людовика XIV 628

- Магницкий Михаил Леонтьевич (1778—1844), государственный деятель, сподвижник гос. секретаря М. М. Сперанского и статс-секретарь департамента законов в Государственном совете 145, 705
- Майков Аполлон Николаевич (1821—1897), поэт 613
- Макар, слуга А. А. Шаховского 466, 467
- Макаров Петр Иванович (1765—1804), писатель, литературный критик, сотрудничавший в «Вестнике Европы» и издававший в 1803 г. журнал «Московский Меркурий» 923
- Максим см. Григорьев Максим
- Максим(ус) Иванович см. Невзоров Максим Иванович
- Малиновский Алексей Федорович (1762—1840), историк, археограф, сенатор, главный управляющий Московским архивом Коллегии иностранных дел 657
- Малиновский Василий Федорович (1765—1814), дипломат, публицист, просветитель, первый директор Императорского Царскосельского Лицея 773, 841
- Мальте-Брюн Конрад (Мальт-Брен) 1775—1826), французский географ, этнограф и историк 144, 521 703, 953
- Мальтиц Аполлоний Петрович (Фридрих Аполлоний, 1795—1870), барон, дипломат, старший секретарь русского посольства в Мюнхене, переводчик 583
- Малютка см. Жуковский Павел Андреевич
- Малютка, малышка см. Вяземский Андрей Петрович
- Маменька см. Протасова Екатерина Афанасьевна
- Манкиев Алексей Ильич (Манкеев; ум. 1723), дипломат и историк 658
- Мантейфели, семейство 395, 446
- Мантейфель Андрей Андреевич фон (1762—1832), граф, сенатор, дерптский знакомый Жуковского 532, 534, 537, 961—963, 966
- Марин Сергей Никифорович (1776—1813), офицер, герой 1812 г., поэт 697
- Мария Алексеевна см. Черкасова Мария Алексеевна
- Мария Андреевна см. Протасова Мария Андреевна
- Мария Ивановна см. Протасова Мария Ивановна
- Мария Николаевна см. Свечина Мария Николаевна
- Мария Николаевна (в замуж. герцогиня Лейхтенбергская, во втором браке графиня Строганова; 1819—1876), великая княжна, старшая дочь Николая I 576, 581, 582
- Мария Павловна (в замуж. герцогиня Саксен-Веймарская; 1786—1859), великая княгиня, жена великого герцога Карла Саксен-Веймар-Эйзенахского 983
- Мария Федоровна (1759—1828), вдовствующая императрица, адресат 153, 154, 159, 162, 166, 186, 187, 188, 296, 298, 305, 306, 309—311, 314, 321—323, 355, 357, 360, 368, 369, 385, 392, 393, 401, 404, 408, 409, 411, 505, 542, 549, 551, 552, 556, 590, 696, 714, 715, 718, 732, 733, 747, 805—807, 810, 814—819, 824, 825, 840, 841, 843, 846, 849, 856, 857, 865, 866, 869, 873, 874, 908, 968, 974—979, 1000, 1001, 1003, 1012, 1014, 1016
- Марк Аврелий (121—180), римский император и философ 237 768, 794, 988
- Марк Лоллий (I век до н. э. — 2 г. н. э.), римский государственный и военный деятель 671
- Марков см. Морков Иракий Иванович
- Мармонтель Жан Франсуа (1723—1799), французский писатель 632
- Мартынов Иван Иванович (1771—1833, Петербург), филолог, переводчик греческих классиков, издатель журналов «Муза», «Северный вестник», «Лицей», директор

- департаментa Министерства просвещения, адресат 375, 526, 531, 533, 534, 590, 759, 827, 852, 956, 961, 1001, 1012
- Марфа Посадница *см.* Борецкая Марфа
- Марья Николаевна *см.* Протасова М. Н.
- Маслович Василий Григорьевич (1792—1841), русский и украинский писатель, баснописец, журналист, основатель журнала «Харьковский Демокрит» 920
- Массильон (Массийон) Жан Батист (1663—1743), французский проповедник 317, 821
- Маттеи Христиан Фридрих (1744—1810), немецкий эллинист 299, 808
- Матушка *см.* Тургенева Екатерина Семеновна
- Матушка *см.* Турчанинова Елизавета Дементьевна
- Матфей Левий (ум. 74 н. э.), апостол 839
- Мать (маменька, матушка) *см.* Протасова Екатерина Афанасьевна
- Маш Андреас Готтлиб (1724—1807), немецкий историк 86, 655
- Маша *см.* Киреевская Мария Васильевна
- Маша *см.* Протасова Мария Андреевна
- Маша (Машенька) *см.* Вяземская Мария Петровна
- Маша (Наташа, предполагаемое имя второй дочери Воейковых) *см.* Воейкова Александра Александровна 550
- Межаков Павел Александрович (1788—1865), поэт круга Г. Р. Державина 191, 736
- Мельвиль *см.* Дюверье Анн Оноре Жозеф
- Менгден Амалия Георгиевна (урожд. баронесса Фелькерзам, 1799—1864), графиня 958
- Мендельсон Мозес (1729—1786), немецкий философ и моралист 138, 140, 698, 700
- Мену, пленный француз, живший у А. А. Плещеева, племянник генерала Жака-Франсуа де Мену де Бюсси (1750—1810) 235, 767
- Меншиков Александр Данилович (1673—1729), светлейший князь, генералиссимус, сподвижник Петра I 694
- Мерзляков Алексей Федорович (1778—1830), поэт, переводчик, критик, профессор Московского университета, адресат 9, 26—32, 41, 42, 51, 53, 56, 78, 92, 130, 146, 196, 205, 343, 390, 406, 546, 565, 590, 595, 596, 606, 607, 610, 627, 661, 690, 705, 706, 740, 745, 748, 834, 835, 873, 973, 1002, 1004, 1012
- Мерзляков, сын А. Ф. Мерзлякова (Семен, Александр либо Владимир) 1002
- Мерзлякова Любовь Васильевна (урожд. Смирнова; ум. 1861), жена А. Ф. Мерзлякова 1002
- Меркель Гарлиб Хельвиг (1769—1850), лифляндский писатель немецкого происхождения 630
- Метастазио Пьетро (1698—1782), итальянский поэт и драматург-либреттист 754
- Мещёвский Александр Иванович (ок. 1792 — ок. 1820), поэт и переводчик, принадлежал к кружку поэтов Московского университетского пансиона 494, 501, 509, 513, 516, 518, 520, 522, 525, 531—536, 538, 539, 542, 575, 921, 927, 932, 936, 937, 944, 952—956, 960, 961
- Миллер Герхард Фридрих (Федор Иванович; 1705—1783), российский историограф немецкого происхождения, автор норманской теории 519, 949
- Миллер Иоганн (Мюллер; 1752—1809), швейцарский историк 88, 89, 90, 93, 94, 98—101, 103—106, 109, 110, 113, 119, 120, 195, 385, 656, 657, 663, 665—668, 673, 739, 858, 949, 1015

- Милло (Миллот) Клод Франсуа Ксавье, аббат (1726—1785), французский историк 115, 676
- Милонов Михаил Васильевич (1792—1821), поэт 135, 697
- Милорадович Михаил Андреевич (1771—1825), генерал от инфантерии, петербургский военный генерал-губернатор 986
- Мильвуа Шарль Юбер (1782—1816), французский поэт 661
- Мильтон Джон (1608—1674), английский поэт, политический деятель и мыслитель 627
- Минин Василий Петрович (1805—1874), тульский помещик 795
- Минин Козьма Захарович (ум. 1616), нижегородский посадский, герой национально-освободительной борьбы против польской интервенции 669
- Минина Екатерина Егоровна (урожд. Михель), жена В. П. Минина 285, 795
- Митенька *см.* Вяземский Дмитрий Андреевич
- Митенька *см.* Доброславский Дмитрий Александрович
- Михаил (в миру Десницкий Матфей Михайлович; 1761—1821), епископ Православной Российской Церкви; с 1803 по 1818 г. — архиепископ Черниговский и Нежинский 478
- Михаил Дмитриевич *см.* Костогоров Михаил Дмитриевич
- Михаил Никитич *см.* Муравьев Михаил Никитич
- Михаил Николаевич (1832—1909), великий князь, четвертый сын Николая I 576
- Михаил Павлович (1798—1849), великий князь, впоследствии генерал-фельдмаршал, главнокомандующий гвардейским и гренадерским корпусами, младший брат Николая I 311, 357, 360, 369, 805, 814, 817, 841, 849, 968
- Михаил Федорович (1596—1645), первый царь из династии Романовых 666
- Михель *см.* Минина Екатерина Егоровна
- Михель Егор Константинович (1767—1836), офицер, участник антинаполеоновских войн, приближенный великого князя Константина Павловича, отец Е. Е. Мининой 795
- Модерах Карл Федорович (1747—1819), военный инженер, пермский губернатор, отец С. К. Певцовой 649
- Мойер Екатерина Ивановна (в замуж. Елагина; 1821—1899), дочь И. Ф. и М. А. Мойеров 931, 934
- Мойер Иван Филиппович (1786—1858), хирург, профессор, декан медицинского факультета и ректор Дерптского университета, муж М. А. Протасовой 417—422, 427—432, 434, 435, 437, 438, 450—452, 455, 457, 458, 460—462, 468, 470, 472—474, 477, 482, 504, 544, 587, 775, 820, 822, 836, 860, 878—882, 885—891, 894, 896, 901, 902, 907, 915, 918, 922, 929, 931, 932, 940, 953, 954, 958, 960, 962, 968
- Мойер Мария Андреевна *см.* Протасова Мария Андреевна
- Мойер Филипп Кристиан, пастор, отец И. Ф. Мойера 882
- Мойеры, семейство 965, 971
- Мольер (наст. имя Жан-Батист Поклен; 1622—1673), французский комедиограф 783
- Монастырев, помощник белевского почтмейстера Ф. А. Камкина 386, 859
- Монах *см.* Филарет (Пуляшкин)
- Монкриф Франсуа Огюстен Паради де (1687—1770), французский поэт 811
- Монферран Анри Луи Огюст Рикар де (1786—1858), французский архитектор, создатель Александровской колонны и Исаакиевского собора 517, 942

- Моргенштерн Карл Симон (1770—1852), профессор эстетики и археологии Дерптского университета, адресат 407, 489, 542, 589, 861, 871, 897, 916, 969, 1002, 1003, 1012
- Мордвинов Николай Семенович (1754—1845), русский флотоводец и государственный деятель, владелец дома на Басманной улице в Москве, где квартировали Н. М. Карамзин и А. И. Тургенев 668, 678, 693
- Морков Иракий Иванович (1753—1828), граф, генерал-лейтенант, в 1812—1813 г. возглавлял Московское народное ополчение 164, 167, 183, 187, 719
- Морленкур, пленный француз, живший у А. А. Плещеева 235, 767
- Моро де ла Мелтиер Анна Катрин Шарлотта (урожд. Бутье де Санглен; 1777—1854), жена Ж. П. Т. Моро де ла Мелтиера 164, 165, 186, 197, 201, 216, 703, 719, 732, 744
- Моро де ла Мелтиер Жак Пьер Теодор (Moreau de la Meltièr; 1780—1848), французский эмигрант 144, 147, 163, 165, 197, 198, 201, 703, 707, 719, 744
- Моро Жан Виктор (1763—1813), французский генерал, сражавшийся на стороне антинаполеоновской коалиции 195, 288, 291, 739, 798, 801
- Моро, семейство 703
- Моро, французский издатель 682
- Московские дуры *см.* Азбукина Екатерина Петровна, Зонтаг Анна Петровна
- Московский имярек *см.* Вражский Егор Васильевич
- Мудров Матвей Яковлевич (1772—1831), профессор медицины в Московском университете 554, 981
- Муравьев Александр Михайлович (1802—1853, Тобольск), декабрист, младший брат Н. М. Муравьева 415, 690, 848, 877
- Муравьев Андрей Николаевич (1806—1874), чиновник Синода, камергер, духовный писатель, поэт 951
- Муравьев Михаил Никитич (1757—1807), писатель и общественный деятель, воспитатель великих князей, попечитель Московского университета 52, 109, 130, 142, 198, 285, 287, 289, 356, 361, 366, 464, 466, 476, 518, 624, 672, 690, 740, 796, 798, 799, 840, 841, 844, 845, 847, 848, 898, 899, 906, 917, 943, 944, 1016
- Муравьев Никита Михайлович (1796—1843), один из главных идеологов движения декабристов 415, 518, 690, 848, 877, 943
- Муравьева Екатерина Федоровна (урожд. баронесса Колокольцева; 1771—1848), жена М. Н. Муравьева 130, 142, 690, 796, 798, 840, 844, 848, 898, 899, 906, 917
- Муравьев-Апостол Иван Матвеевич (1762—1851), дипломат и писатель 215, 285, 289, 682, 683, 755, 796, 798, 799, 898
- Муравьевы, семейство 690
- Муромцев Демид, слуга Вяземского 165, 194, 287, 356, 367, 464—466, 479, 490, 720, 738
- Мусин-Пушкин Алексей Иванович (1744—1817), государственный деятель, археограф, историк, собиратель рукописей и русских древностей 657, 658
- Мухин Ефрем Осипович (1766—1850), профессор патологии и терапии, а затем анатомии и физиологии в Московском отделении Медико-Хирургической академии 86, 655
- Мюллер Иоганн Георг (1759—1819), швейцарский теолог, педагог, историк и политик 739
- Мясоедов Андрей Николаевич (р. 1739), подпоручик, затем титулярный советник, с 1802 стряпчий г. Белева 349, 838

- Мясоедов Николай Ефимович (1750—1825), сенатор, московский вице-губернатор и директор Главной соляной конторы, владелец особняка в Москве 711
- Нагибин Николай Иванович (ум. 1819), чиновник канцелярии Синода 546, 972
- Наполеон I Бонапарт (1769—1821), французский император 53, 236, 566, 618, 621, 624, 625, 656, 692, 708, 714, 733, 739, 758, 769, 774, 795, 797, 824, 884, 911, 914, 987, 988, 1015
- Нарышкин Александр Львович (1760—1826), обер-камергер, директор Императорских театров 48, 620
- Нарышкин Александр Львович (1760—1826), обер-камергер, директор императорских театров*
- Нарышкина Авдотья Ивановна (между 1751 и 1807 гг.; дата смерти неизвестна), племянница П. Н. Юшкова, двоюродная сестра А. П. Елагиной по отцу 470, 902
- Нарышкина Мария Антоновна (урожд. кнж. Святополк-Четвертинская; 1779—1854), фрейлина, фаворитка императора Александра I 909
- Наталья, Наталья Андреевна *см.* Азбукина Наталья Андреевна
- Наумов Петр Алексеевич, гвардии прапорщик, владелец дома в Чернышевском переулке Москвы 923
- Незоров Максим Иванович (1762 или 1763—1827), масон, литератор 17, 54, 522, 557, 602, 625, 654, 663, 925, 954, 982
- Негр *см.* Плещеев Александр Алексеевич
- Негр (черный Негр) *см.* Воейков Александр Федорович
- Нелединская-Мелецкая Аграфена Юрьевна (1789—1828), старшая дочь Ю. А. Нелединского от брака его с княжной Е. Н. Хованской (1762—1813), жена А. П. Оболенского 674
- Нелединский-Мелецкий Юрий Александрович (1752—1829), поэт, статс-секретарь Павла I, почетный член «Арзамаса» 310, 314, 385, 401, 404—406, 409, 464, 505, 605, 674, 805, 814, 816, 868—870, 873, 898, 1001
- Нелидова Екатерина Ивановна (1758—1839), камер-фрейлина императрицы Марии Федоровны 805, 814
- Несвицкая Мария Ильинична, жена Д. М. Несвицкого 253, 254, 778
- Несвицкий Дмитрий Михайлович (1767—1821), князь 253, 254, 778
- Нестор Летописец (ок. 1056—1114), древнерусский летописец и агиограф, монах Киево-Печерского монастыря 86, 87, 89, 90, 94, 657, 673, 929, 949
- Нефшато Франсуа де (1750—1828), французский писатель и государственный деятель 58, 59, 628
- Никитенко Александр Васильевич (1804—1877), историк литературы, цензор, профессор, действительный член Академии наук 567, 582
- Николаев Петр, неустановленное лицо 551
- Николай *см.* Тургенев Николай Иванович
- Николай Михайлович *см.* Карамзин Николай Михайлович
- Николай Павлович (1796—1855), великий князь, с 1825 г. — российский император Николай I, адресат 311, 357, 360, 369, 540, 551, 552, 564, 576—578, 582, 589, 619, 655, 778, 805, 814, 817, 841, 849, 851, 968, 975—979, 986, 1000, 1003, 1009, 1012

- Николев Иван Федорович, родственник А. Г. Жуковского, крестного отца В. А. Жуковского, адресат 530—533, 535, 590, 959—962, 964, 965, 1003, 1012
- Никольский Павел Александрович (1791—1816), переводчик, критик и журналист 242, 292, 774, 801
- Никон (в миру Никита Минин; 1605—1681), московский патриарх в 1652—1666 гг. 657
- Нимейер Август Герман (1754—1828), немецкий богослов и писатель 40, 78, 616, 647
- Нинушка см. Плещеева Анна Ивановна
- Новалис (наст. имя Фридрих фон Гарденберг; 1772—1801), немецкий философ, писатель, поэт-мистик, один из иенских романтиков 519, 947
- Новиков Николай Иванович (1744—1818), масон, писатель, журналист, издатель, просветитель 746, 819, 1007
- Новосильцев Николай Николаевич (1766—1838), государственный деятель, член Негласного комитета, президент Императорской Академии наук (1803—1810), председатель Комитета министров (1832—1838), председатель Государственного совета (1834—1838) 162, 553, 554, 556, 557, 617, 619, 622, 626, 717, 972, 980, 982
- Новосильцев Сергей Николаевич (р. ок. 1760), брат Н. Н. Новосильцева, тесть Н. И. Огарева 363
- Новосильцева Александра Васильевна, двоюродная сестра Д. Н. Блудова 26, 608
- Новосильцева Елизавета Сергеевна (в замуж. Огарева; 1786—1870), двоюродная сестра А. П. Протасова, жена Н. И. Огарева 361, 845
- Оболенский Александр Петрович (1789—1855), сенатор, участник наполеоновских войн 674
- Обресков Петр Алексеевич (1752—1814), тайный советник, сенатор, статс-секретарь императора Павла I 647, 650
- Овидий Назон Публий (43 до н. э. — 17 н. э.), римский поэт 660
- Огарев Николай Иванович (1780—1852), действительный тайный советник, сенатор 361, 363, 370, 844—846, 849, 890
- Одоевский Владимир Федорович (1804—1869), писатель 941
- Озеров Владислав Александрович (1769—1816), драматург 25, 26, 49, 77, 78, 608, 612, 620, 644, 645
- Окунев Григорий Александрович (р. 1789), кавалергард, поэт-дилетант 326, 827
- Олеарий Адам (1603—1671), немецкий путешественник, неоднократно посетивший Россию 99, 666
- Оленин Алексей Николаевич (1763—1843), археолог, директор Императорской Публичной библиотеки, президент Академии художеств 180, 367, 370, 499, 515, 728, 805, 827, 847, 848, 915, 925, 938
- Оленина Елизавета Марковна (урожд. Полторацкая; 1768—1838), его жена 367, 847
- Олсуфьев Василий Дмитриевич (1796—1858), граф, гофмаршал двора, в 1838—1840 гг. московский губернатор 586
- Ольга Павловна (1792—1795), великая княгиня 411, 874
- Ольденбургский Георгий Петрович (1784—1812), принц, зять императора Павла I, генерал-губернатор сначала Эстляндии, затем — Тверской, Ярославской и Новгородской губерний 674, 849

- Опочинин Константин Федорович (1808—1848), внук М.И. Кутузова, полковник, флигель-адъютант 368, 848
- Опочинина Дарья Михайловна (урожд. Голенищева-Кутузова; 1788—1854), дочь М. И. Кутузова, фрейлина, жена обер-гофмейстера Ф. П. Опочинина (1779—1852) 849
- Орлов Алексей Федорович (1786—1861), граф, государственный деятель, участник Отечественной войны 1812 г. 326, 827
- Орлов Михаил Федорович (1788—1842), генерал, член литературного общества «Арзамас», будущий член «Союза Благоденствия» 513, 546, 936, 972
- Орлов-Чесменский Алексей Григорьевич (1737—1808), граф, военный и государственный деятель 629
- Оссиан (III в.), легендарный воин и бард кельтов 631
- Остерман-Толстой Александр Иванович (1770 или 1772—1857), граф, генерал от инфантерии, герой Отечественной войны 1812 г. 190, 312, 736
- Острожский Константин Константинович (1526—1608), князь, основатель Острожской типографии, в которой работал первопечатник Иван Федоров 900
- Отрепьев Григорий Богданович (Лжедмитрий I, ум. 1606), беглый дьякон московского Чудова монастыря, выдававший себя за сына Ивана IV — Димитрия 950, 1014, 1017
- Офросимов Александр Михайлович (1780—1857), штабс-капитан, муж сводной племянницы Жуковского М. П. Юшковой 310, 314, 713, 733, 816, 819
- Офросимов Николай Михайлович (1790? — после 1829?), чиновник Московского архива Коллегии иностранных дел, офицер Московского ополчения 187, 733
- Офросимова Мария Петровна (урожд. Юшкова; 1787—1809), жена А. М. Офросимова, сестра А. П. Елагиной и А. П. Зонтаг 816
- Офросимовы, семейство 527, 904, 939
- Очарованный челнок *см.* Полетика Петр Иванович
- Павел I (1754—1801), в 1796—1801 гг. российский император 411, 592, 655, 663, 715, 849, 874, 1000, 1003
- Павел Иванович *см.* Протасов Павел Иванович
- Павел, святой, апостол 877
- Павлов Василий Николаевич, муж А. М. Павловой (урожд. Соковниной) 1007
- Павлов Николай, сосед Протасовых в Орловской губернии 145, 706
- Паисий Сергеевич *см.* Кайсаров Паисий Сергеевич
- Пален Павел Петрович (Пауль Карл Эрнст Вильгельм Филипп фон дер Пален, 1775—1834), граф, генерал от кавалерии и генерал-адъютант русской императорской армии, участник Отечественной войны 1812 г. 313
- Палиссо (Монтенуа Шарль де; 1730—1814), французский писатель 608
- Панина, неустановленное лицо, возможно, родственница будущей жены Блудова, А. А. Щербатовой 24, 605
- Парни Эварист (1753—1814), французский поэт 57, 61, 628
- Паррот Георг Фридрих (Егор Иванович; 1791—1852), профессор физики в Дерптском университете 489, 504, 511, 516, 534, 538, 542, 916, 929, 933, 940, 969, 970
- Партизан-поэт *см.* Давыдов Денис Васильевич

- Паскевич Иван Федорович, князь Варшавский (1782—1856), генерал-фельдмаршал, командир Отдельного кавказского корпуса, граф Эриванский, с 1831 г. наместник Царства Польского 581
- Певцов Аггей Степанович (1773—1812), генерал-лейтенант, инспектор пехотной дивизии и шеф Екатеринбургского полка 649
- Певцова Софья Карловна (урожд. Модерах; 1782—1852), дочь К. Ф. Модераха, жена А. С. Певцова, после смерти мужа начальница Екатерининского училища в Москве 649, 650
- Пелиц Карл Генрих Людвиг (1772—1838), немецкий историк 946
- Пелопидас Авдотья Васильевна *см.* Азбукина Авдотья Васильевна
- Перовский Алексей Алексеевич (псевд. Антоний Погорельский; 1787—1836), внебрачный сын гр. А. К. Разумовского, старший брат Льва и Василия Перовских, писатель, адресат 79, 82, 590, 647—649, 1003, 1004, 1012
- Перовский Василий Алексеевич (1795—1857), граф, флигель-адъютант, впоследствии директор канцелярии Морского штаба, генерал-адъютант, в 1833—1842 гг. оренбургский военный губернатор 692, 1003
- Перовский Лев Алексеевич (1792—1856), граф, брат А. А. и В. А. Перовских, в 1828—1840 гг. вице-президент Департамента земельных уделов, впоследствии министр внутренних дел и уделов 1003
- Песталоцци Иоганн Генрих (1746—1827), швейцарский педагог 83, 506, 514, 651
- Петерсен (Петерсон) Георг Густав (Евстафий Федорович, 1782—1839), лифляндский губернский прокурор, брат Карла Петерсена 499 871, 925
- Петерсен (Петерсон) Карл Фридрих Людвиг (1775—1822 или 1823), библиотекарь Дерптского университета, поэт 388, 407, 408, 434, 460—463, 468, 504, 861, 871, 880, 887, 897, 901, 925
- Петерсен (Петерсон) Паулина, жена К. Ф. Л. Петерсена 871
- Петерсен (Петерсон) Фреймунд, сын К. Ф. Л. Петерсена 861, 871
- Петерсон (Петерсен) Александр Петрович (1800—1890), побочный сын П. Н. Юшкова, единокровный брат А. П. Елагиной 376, 772, 853, 854, 911
- Петр I Великий (1672—1725), царь с 1682 г., российский император с 1721 г. 116, 490, 592, 597, 669, 728, 918
- Петр Иванович *см.* Черкасов Петр Иванович
- Петр Николаевич *см.* Юшков Петр Николаевич
- Петруша, Петушок *см.* Киреевский Петр Васильевич
- Печурка *см.* Воейков Александр Федоови
- Пиктет Шарль, французский переводчик 837
- Пиндар (522 или 518—448 или 438 до н. э.), греческий поэт 124
- Пипинька *см.* Батюшков Константин Николаевич
- Писарев Александр Александрович (1780—1848), генерал-лейтенант эпохи антинаполеоновских войн, литератор и поэт, член ВОЛСНХ с 1804 г. 834
- Плавильщиков Василий Алексеевич (1768—1823), петербургский книгоиздатель и книгопродавец 466, 900
- Платнер Эрнст (1773—1855), немецкий историк 51, 52, 623

- Племянник Букильона *см.* Франсуа
- Плетнев Петр Александрович (1792—1865), поэт и критик, профессор и ректор Петербургского университета 574, 579, 581—583, 638, 956
- Плещеев Александр Алексеевич (1775 или 1778—1762), владелец имения Большая Чернь, сын близких друзей Н. М. Карамзина А. А. и А. И. Плещеевых, племянник Е. А. Протасовой, друг Жуковского 134, 138, 140, 144, 145, 183, 186, 195, 200, 205, 222, 223, 233, 237, 290, 295, 299, 300, 302, 376, 381, 393, 399, 476, 494, 545, 547, 551, 571, 574, 679, 696, 699, 700, 704, 706, 709, 731, 732, 739, 741, 744, 749, 761, 763, 767, 771, 774, 779, 785, 799, 803, 804, 808, 809, 856, 921, 972, 973, 976, 1016
- Плещеев Алексей Александрович, отец Александра Плещеева, друг Н. М. Карамзина 679
- Плещеева Анастасия Ивановна (урожд. Протасова), мать Александра Плещеева, свояченица и друг Н. М. Карамзина 679, 724
- Плещеева Анна Ивановна (урожд. графиня Чернышева; 1776—1817), жена А. А. Плещеева 134, 138, 198, 226, 227, 295, 399, 679, 696, 698, 708, 739, 741, 761, 763, 774, 785, 786, 803, 856, 868, 972
- Плещеева Наталья Федотовна (урожд. Веригина; 1768—1855), фрейлина великой княгини Марии Федоровны, жена адъютанта Павла I Сергея Ивановича Плещеева (1752—1802) 928
- Плещеевы, семейство 72, 122, 132, 134, 195, 204, 226, 239, 240, 242, 263, 264, 300, 361, 370, 403, 412, 476, 494, 679, 689, 696, 698, 726, 738, 739, 765, 772, 782, 803, 810, 840, 843, 849, 853
- Плюшар Александр Иванович (1777—1827), типографщик, литограф и художник, владелец типографии (с 1813 г.) и книжной лавки в Петербурге 546, 972
- Пнин Иван Петрович (1773—1805), поэт-публицист 198, 740
- Погодин Михаил Петрович (1800—1875), историк, писатель, журналист 600, 883
- Пожарский Дмитрий Михайлович (1578—1642), князь, полководец, возглавивший народное ополчение против польских интервентов 669
- Пожарский, кузен сестер Юшковых 713
- Полетика Петр Иванович (1778—1849), чиновник коллегии Министерства иностранных дел, дипломат, член «Арзамаса» 416, 424, 489, 878, 883, 916
- Полонская Анета, дочь Полонских, соседей Киреевских и Черкасовых 903
- Полуктов Борис Владимирович (1779—1843), генерал от инфантерии, участник заграничного похода 1813 г. 834
- Поль *см.* Жан Поль
- Поп (Поуп) Александр (1688—1744) английский поэт и переводчик Гомера 92, 287, 608, 659, 667, 798
- Попов Василий Михайлович (1771—1842), директор департамента народного просвещения 534
- Попов Василий Михайлович (1771—1842), директор департамента народного просвещения 964
- Попов Иван Васильевич (ум. 1839), московский купец, издатель и книготорговец 186, 188, 191, 217, 733, 735
- Попов Михаил Максимович (1800—1871), преподаватель естественной истории и словесности в Пензенской гимназии, учитель В. Г. Белинского, позднее чиновник III Отделения 743, 862

- Постников Дмитрий Гаврилович, тульский помещик, майор, знакомый Буниных 7, 591, 592
- Почтенный учитель *см.* Карамзин Николай Михайлович
- Принц Прусский *см.* Фридрих Вильгельм Карл Прусский
- Прокопович-Антонский Антон Антонович (1762—1848), наставник в Московском университетском пансионе, впоследствии профессор Московского университета, адресат 26, 40, 109, 204, 217, 219, 242, 313, 356, 375, 408, 424, 465, 533, 548, 550, 551, 553, 557, 564, 583, 589, 609, 611, 616, 677, 748, 756, 758, 773, 798, 818, 819, 841, 842, 852, 871, 883, 884, 899, 962, 963, 975—977, 980, 982, 1004, 1005, 1012, 1013
- Прокопович-Антонский Виктор Антонович (1749—1825), старший брат А. А. Прокоповича-Антонского, настоятель Донского монастыря в 1801—1809 гг. 375, 852
- Проль, московский портной 142
- Проперций Секст Аврелий (50—16 до н. э.), римский поэт-элегик 906
- Протасов Александр Павлович (1790—1856), историк, сенатор, сын П. И. Протасова 243, 249, 257—259, 285, 288, 361, 362, 370, 400, 774, 777, 779, 780, 796, 798, 845, 846, 868
- Протасов Андрей Иванович (ум. 1805), муж Е. А. Протасовой, отец сестер А. А. Протасовой-Воейковой и М. А. Протасовой-Мойер 319, 635, 707, 773, 775, 881, 902, 930, 977, 987
- Протасов Павел Иванович (1760—1828), орловский вице-губернатор, дядя М. А. Протасовой-Мойер 228, 240, 241, 243, 257—260, 264, 400, 417, 418, 422, 458, 764, 766, 767, 770—772, 774, 775, 777—780, 782, 845, 846, 866—868, 874, 881, 882, 896
- Протасов Петр Степанович (1730—1791), отец графини А. П. Толстой 770, 780
- Протасова Александра Андреевна *см.* Воейкова Александра Андреевна
- Протасова Екатерина Афанасьевна (урожд. Бунина; 1770—1848), сводная сестра Жуковского, адресат 14, 25, 35, 69, 94, 101, 110, 111, 113, 119, 122, 123, 129, 149, 152, 174, 176, 178, 192, 199, 200, 203, 204, 206—208, 218, 223—225, 227—229, 231, 234—236, 239, 245, 246, 248—250, 257, 259, 262—268, 271—273, 276—280, 283, 307—309, 311, 316—319, 323, 324, 327—332, 335, 336, 338—343, 345, 349, 350, 352, 357—360, 370, 379—381, 390—397, 400—402, 418—422, 425—433, 435, 443—463, 467, 471, 472, 474, 477, 511, 514, 523, 544, 545, 583, 584, 590, 600, 602, 605, 607, 635, 639, 657, 678, 679, 687, 689, 707, 709—711, 714, 726, 728, 731, 737, 739, 742, 743, 745, 749, 750, 757, 759, 761—768, 771, 772, 775—780, 782, 784—791, 794, 797, 798, 810, 816, 819—823, 826, 829—831, 833—839, 842, 843, 849, 851, 856, 857, 859, 860, 865—868, 874, 878—883, 885—888, 890—897, 899, 901, 902, 904, 907, 916, 918, 931, 934, 957, 960, 971, 989, 991, 1005, 1012
- Протасова Елена Ивановна, незамужняя сестра А. И. Протасова, мужа Е. А. Протасовой, тетка Маши и Саши Протасовых 146, 400, 416, 470, 635, 640, 707, 868, 877, 902
- Протасова Мария Андреевна (в замуж. Мойер; 1793—1823), племянница Жуковского, адресат 35, 150, 151, 174—176, 178—180, 203, 204, 208, 218, 221, 223, 224, 227—229, 230, 234, 241, 243, 246, 247, 252, 255, 257, 258, 263, 265—269, 272, 273, 278—281, 283, 300, 303, 304, 307, 309, 310, 315, 316, 318, 323—325, 327, 330, 331, 336, 337, 340, 342, 343, 345, 346, 350, 353, 359, 360, 370, 378—380, 386, 390—392, 394—396, 398, 399, 401, 402, 417, 419, 421, 422, 425—431, 433, 434, 436—438, 442, 443, 447—449, 451, 453—456, 458—463, 467, 468, 470—477, 480, 482, 488, 508, 514, 523, 529, 543, 545, 568—571, 584, 587, 589, 601, 605, 626, 629, 632, 640, 656, 660, 687, 691, 699, 700, 707, 709, 711, 714, 715, 718, 726, 728, 730, 737, 739, 743—745, 747, 749, 752, 757, 760—764, 766, 767,

- 770—798, 807, 810, 812, 813, 816, 819—823, 826—839, 841—843, 845, 849—851, 853, 855, 856, 859—862, 865—868, 871, 874, 877—882, 885—897, 899, 901—904, 907, 910, 915, 916, 918, 922, 927—929, 931, 937, 939, 940, 953, 954, 957—960, 962, 968, 970, 971, 983, 984, 987, 989, 991, 1000, 1002, 1005, 1006, 1010, 1012
- Протасова Мария Ивановна, тетка М. А. и А. А. Протасовых 72, 154, 470, 640, 715, 902
- Протасова Мария Николаевна (урожд. Новосильцева; 1760—1830), жена П. И. Протасова 257—259, 400, 775, 779, 780, 846, 866—868, 874, 882, 896
- Протасовы, семейство 147, 614, 639, 663, 678, 689, 703, 707, 709, 727, 746, 760, 767, 770, 771, 781, 785, 787, 789, 791, 793, 794, 813, 816, 820, 822, 823, 826, 828, 829, 831—833, 835, 839, 841, 843, 845, 855, 856, 861—863, 882, 885, 893, 895, 902—904, 958, 991
- Проташинский Василий Андреевич, сводный брат М. А. Протасовой-Мойер, выпускник Московского университетского пансиона 55, 56, 59, 221, 242, 300, 626, 629, 760, 773, 810
- Проташинский Иван Васильевич (1802—1870 или 1881), копиист в Экспедиции Кремлиевского строения, писец в Московском университете и корректор в Университетской типографии, поэт 626
- Профессор *см.* Воейков Александр Федорович
- Профессорша *см.* Воейкова Александра Андреева
- Псковский архиепиеp *см.* Евгений (Болховитинов Е. А.)
- Пустынник *см.* Кавелин Дмитрий Александрович
- Пуятина Варвара Семеновна (урожд. Качалова; р. 1756), сестра Е. С. Тургеневой, тетка А. И. Тургенева, владелица родового дома в Итальянской слободе 662, 665, 667, 670, 685, 687
- Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837), поэт 405, 518, 564, 567—569, 571—574, 576, 578, 581, 583—585, 599, 632, 747, 814, 853, 870, 898, 911, 917, 942, 990, 993, 994, 997, 1004, 1007, 1009
- Пушкин Василий Львович (1770—1830), поэт, член литературного общества «Арзамас», дядя А. С. Пушкина 92, 124, 134, 138, 146, 155, 238, 294, 302, 406, 413, 414, 424, 479, 496, 497, 518, 546, 573, 574, 659, 669, 674, 696, 704, 706, 768, 803, 807, 811, 847—849, 869, 870, 875, 876, 883, 889, 908, 909, 923, 943, 973, 1014
- Пушкин Сергей Львович (1770—1848), отец А. С. Пушкина 581
- Пущина Наталья Дмитриевна (урожд. Апухтина, в первом замужестве Фонвизина; 1805—1869), дочь Д. А. Апухтина, адресат послания Жуковского 692
- Пфеффель Готлиб (Амедей) Конрад (1736—1809), франко-немецкий поэт, баснописец, писатель и переводчик 592
- Равальяк Франсуа (1578—1610), убийца французского короля Генриха IV (1553—1610) 16, 602
- Разумовский Алексей Кириллович (1748—1822), граф, действительный камергер, тайный советник, сенатор, министр народного просвещения 80, 375, 648, 649, 747, 759, 765, 773, 852, 861, 1003
- Рамбах Георг Фридрих (1811—1895), сын Ф. Э. Рамбаха, юрист, нотариус, адвокат 514, 938
- Рамбах Фридрих Эбергард (1767—1826), ректор Дерптского университета и поэт-переводчик 326, 514, 827, 938
- Рамлер Карл Вильгельм (1725—1798), немецкий писатель 615

- Расин Жан (1639—1699), французский драматург 68, 646
- Расопчин (Ростопчин) Федор Васильевич (1763—1826), граф, генерал от инфантерии, московский генерал-губернатор в период Отечественной войны 1812 г. 221, 242
- Раупах Эрнст (1784—1852), немецкий драматург 326, 827
- Рафаэль Санти (1483—1520), итальянский художник 569, 581, 589, 907
- Ребятински *см.* Киреевская Мария Васильевна, Киреевский Иван Васильевич, Киреевский Петр Васильевич
- Резвый кот (Кот) *см.* Северин Дмитрий Петрович
- Рейн *см.* Орлов Михаил Федорович
- Рейтерн Елизавета *см.* Жуковская Елизавета Евграфовна
- Ремер (Рёмер) Юлиус Август (1736—1803), с 1787 г. профессор истории и статистики университета в Гельмштедте 104, 670
- Ржевский, неустановленное лицо 199, 743
- Ривароль Антуан де (1753—1801), французский писатель-острослов 513, 936
- Риттер, петербургский купец, домовладелец 547
- Рихтер Г. Э., издатель 599
- Ричардсон Самюэль (1689—1761), английский писатель 778
- Робертсон Вильям (1721—1793), английский историк, королевский историограф Шотландии 612
- Рогачев Сергей Егорович, неустановленное лицо 149, 150, *неустановленное лицо* 710
- Роде Мария Христофоровна, дочь Х. Ф. Роде 637
- Роде Христофор Филиппович, директор Тульского пансиона 70, 591, 636, 637
- Родзянко Семен Емельянович, поэт, однокашник Жуковского по Московскому университетскому пансиону 8, 9, 13, 18, 19, 52, 62, 599, 601, 603, 624
- Родионов Ростислав Родионович (ок. 1800—1872), старший чиновник Собственной канцелярии императрицы Александры Федоровны, душеприказчик Жуковского 579
- Родня *см.* Николев Иван Федорович
- Ромул, легендарный основатель Рима 780
- Роспини Антуан Франсуа (1772 — после 1829), петербургский книгопродавец 58, 59, 628
- Ростопчин Федор Васильевич (1763—1826), генерал от инфантерии, фаворит императора Павла и руководитель его внешней политики, московский градоначальник и генерал-губернатор Москвы во время наполеоновского нашествия 710, 773
- Ростопчина Евдокия Петровна (урожд. Сушкова; 1811—1858), графиня, писательница 951
- Ротек Карл фон (1775—1840), немецкий историк 535, 964
- Рош Мария Регина (1766—1845), английская писательница 770
- Ртищев Николай Федорович (1754—1835), генерал от инфантерии, главнокомандующий в Грузии 796
- Рудин Петр Михайлович, неустановленное лицо 187, 733
- Румянцев Николай Петрович (1754—1826), граф, государственный деятель, в годы антинаполеоновских войн, министр иностранных дел, известный коллекционер, основатель Румянцева музея 367, 487, 505, 511, 516, 522, 524, 525, 536, 537, 557, 848, 914, 930, 933, 954, 955
- Румянцев Петр Александрович (1725—1796), прославленный русский полководец 8, 594, 916

- Румянцев, Сергей Петрович (1755—1838), граф, дипломат, поэт, публицист и меценат 489, 916
- Русинова, вдова, неустановленное лицо, вдова 521, 953
- Руссо Жан Жак (1712—1778), французский писатель и философ 24, 42, 61, 606, 617, 630, 1014
- Рюс Христиан Фридрих (1781—1820), немецкий историк 537, 966, 967
- Рябинин Андрей Михайлович (1772 или 1773—1854 или 1855), действительный статский советник, друг Н. М. Карамзина и А. И. Вяземского, отца писателя 981
- Рябинина Екатерина Алексеевна (урожд. Шаховская), жена А. М. Рябинина, дочь кн. А. Л. Шаховского 981
- Рябинины, семейство 555
- Сабанеев Иван Васильевич (1770—1829), военачальник, генерал от инфантерии, герой Отечественной войны 1812 г. 313
- Салтыков Александр Николаевич (1775—1837), князь, сенатор, член Государственного совета 367, 848
- Салтыков Михаил Александрович (1769—1851), сенатор, попечитель Казанского учебного округа, почетный член «Арзамаса» 547, 973
- Самарина см. Квашнина-Самарина Анна Петровна
- Самойлова Софья Александровна (в замуж. графиня Бобринская; 1797—1866), фрейлина императрицы Марии Федоровны, с 1821 г. жена графа А. А. Бобринского 570, 835, 983
- Санглен Яков Иванович де (1776—1864), государственный деятель и писатель, один из руководителей политического сыска при Александре I, действительный статский советник 1009
- Саси Сильвестр де (1758—1838), известный французский востоковед 920
- Саути Роберт (Southey; 1774—1834), английский поэт 298, 798, 807, 808
- Саша см. Воейкова Александра Андреевна
- Светлейший, светлейший князь см. Голенищев-Кутузов Михаил Илларионович
- Свечин Николай Петрович (1776—1823), военный, переводчик и автор комедий, муж племянницы Жуковского М. Н. Вельяминовой, адресат 151, 166, 183, 185, 239, 242, 362, 370, 371, 590, 712, 713, 720, 731, 750, 770, 772, 845, 849, 850, 977, 1005, 1006, 1012
- Свечин Николай Сергеевич (1759—1850), генерал от инфантерии в отставке 367
- Свечина Мария Николаевна (урожд. Вельяминова; ок. 1781—1821), сводная племянница Жуковского, адресат 66, 150, 206, 222, 223, 233—235, 240, 241, 243—245, 250, 260, 416, 475, 513, 523, 539, 540, 551, 590, 633, 711, 737, 743—745, 749, 750, 757, 761, 765—767, 769, 770, 772, 776—778, 781, 810, 847, 866, 877, 905, 934, 936, 937, 954, 968, 977, 1005, 1006, 1012
- Свечина Софья Петровна (урожд. Соймонова; 1782—1857), жена Н. С. Свечина, писательница 367, 384, 385, 489, 848, 857, 916
- Свиньин Павел Петрович (1788—1839), прозаик, журналист, историк, впоследствии издатель «Отечественных записок» (1818—1819) 291, 297, 800, 801, 807
- Свифт Джонатан (1667—1745), английский писатель 520, 950, 951

- Святослав Игоревич (942—972), великий князь Киевский, прославленный полководец 91, 658, 728
- Северин Дмитрий Петрович (1791 или 1792—1865), дипломат, литератор, член литературного общества «Арзамас» 83, 84, 105, 109, 119, 127, 133, 138, 145—147, 187, 189, 302, 416, 424, 464, 486, 518, 521, 531, 547, 548, 549, 651—653, 670, 675, 676, 685, 689, 693—695, 707, 708, 734, 877, 878, 883, 940, 943, 961, 973
- Северин Петр Иванович, гвардейский офицер, губернатор, сенатор, сослуживец И. И. Дмитриева, отец Д. П. Северина 707
- Севрен Шарль Огюстен (1771—1853), французский комедиограф 645
- Сенека Луций Анней (ок. 4 до н. э. — 65 н. э.), римский философ и писатель 120, 676
- Сен-Пьер Жак-Анри Бернарден де (1737—1814), французский писатель, путешественник и мыслитель 792
- Серапион (в миру Александровский Стефан Сергеевич; 1747—1824), епископ Русской православной церкви, митрополит Киевский и Галицкий в 1803—1822 гг. 478, 483, 853, 911, 913
- Сербинович Константин Степанович (1796—1874), журналист, историк 582, 600, 658
- Сервантес Сааведра Мигель де (1547—1616), испанский писатель 604, 606, 645
- Сергеев (неустановленное лицо) 442, 890
- Сергей (неустановленное лицо) 242, 773
- Сергей *см.* Тургенев Сергей Иванович
- Сергей Семенович *см.* Уваров Сергей Семенович
- Сесилия *см.* Цецилия, св.
- Сестра *см.* Елагина Авдотья Петровна
- Сестры *см.* Елагина Авдотья Петровна, Зонтаг Анна Петровна, Азбукина Екатерина Петровна
- Сиверс Давид Давыдович (р. 1763, советник ведомства Коллегии иностранных дел 389, 486, 863, 914
- Сиверс Егор Петрович (1779—1827), остзейский поэт 863
- Скобелев Иван Никитич (1778—1849), генерал-лейтенант, участник Отечественной войны 1812 г. адъютант М. И. Кутузова, военный писатель 149, 190, 710, 735
- Скотт Вальтер (1771—1832), английский писатель 213, 754, 808, 943
- Скриб Эжен (1791—1861), французский драматург 674, 675
- Смирнов М. А., владелец дома в Кисловодском переулке Москвы 693, 702
- Смирнова Александра Осиповна (урожд. Россет; 1809—1882), фрейлина, с 1832 г. жена Н. М. Смирнова, мемуаристка 571, 582, 583, 586, 773
- Смит Адам (1723—1790), шотландский философ и экономист 682
- Соболевская Мария Михайловна (урожд. Денисьева; 1759—1824), гражданская жена А. К. Разумовского, мать А. А. Перовского 649, 650
- Соковнин Сергей Михайлович (1785—1868), чиновник, друг и однокашник Жуковского по Московскому университетскому пансиону, приятель братьев Тургеневых 83, 85, 120, 358, 600, 646, 651, 653, 676, 842, 1007
- Соковнина Анна Михайловна (в замуж. Павлова; 1784—1873), сестра друга Жуковского С. М. Соковнина, адресат 13, 55, 61, 590, 599, 600, 626, 629, 630, 1007, 1012
- Соковнина Екатерина Михайловна (ум. 1809), сестра друга Жуковского С. М. Соковнина 13, 61, 70, 600, 630, 636, 858

- Соковнины, семейство 42, 54, 59, 600, 618, 636
- Соколович Роман Гаврилович, чиновник Санкт-Петербургского почтамта 375
- Сокорев, неустановленное лицо 50
- Сократ (470 или 469—399 до н. э.) древнегреческий философ 61, 156, 606, 650, 700, 779, 1016, 1017
- Сомов Орест Михайлович (1793—1833), литературный критик, писатель и журналист 860
- Софья Петровна см. Свечина Софья Петровна
- Сохацкий Павел Афанасьевич (1765—1809), профессор эстетики и древней литературы в Московском университете 28, 610
- Сперанский Михаил Михайлович (1772—1839), граф, государственный деятель, член Государственного Совета, пензенский губернатор, сибирский генерал-губернатор 705, 920
- Станислав, святой (Станислав Щепановский; 1030—1079), краковский епископ, был убит польским королем Болеславом II Смелым; причислен католической церковью к святым мученикам 956
- Староста см. Пушкин Василий Львович
- Старушка см. Уваров Сергей Семенович
- Старынкевич Николай Александрович (1784—1857), сенатор Варшавского департамента, литератор, мемуарист 560, 710, 985
- Стерн Лоренс (1713—1768), английский писатель 679
- Строганов (Строгонов) Павел Александрович (1774—1817), граф, генерал-лейтенант, основатель и член Негласного комитета при Александре I, участник антинаполеоновских войн, герой Отечественной войны 1812 г. 190, 312, 313, 721, 736, 817, 818
- Строганов Александр Павлович (1794—1814), граф, подпоручик Главного штаба русской армии, сын графа П. А. Строганова 818
- Строганова Александра Ивановна (урожд. Протасова; 1750—1782), мать графини А. П. Толстой 770, 780
- Строгановы, граф и графиня, чета 367, 848
- Струве (Штруве) Фридрих Георг Вильгельм фон (Василий Яковлевич; 1793—1864), астроном, с 1820 г. ординарный профессор астрономии в Дерптском университете 326, 827
- Струве Эмилия (Штруве, урожд. Валль; 1796—1834), его жена 326
- Стурдза Александр Скарлатович (1791—1854), государственный деятель, писатель и дипломат 581, 582
- Стюарт Дугалд (1753—1828), шотландский философ, представитель школы «здравого смысла», моралист 682, 793
- Суворов Александр Васильевич (1729 или 1730—1800), светлейший князь, генералиссимус 7, 592, 716, 728, 943
- Сусанин Иван (ум. 1613), крестьянин Костромского уезда, герой освободительной борьбы против польских интервентов 576
- Сухотин Андрей Федорович, товарищ Жуковского по Московскому университетскому благородному пансиону 61, 291, 631, 801
- Сущёв (Сушов) Андрей Дмитриевич (1770 или 1771—1816), субсидировал журнал «Вестник Европы» 96, 130, 664

- Сынок см. Жуковский Павел Андреевич
- Сэй Жан-Батист (1767—1832), французский экономист 52, 623
- Сюар Жан Батист Антуан (1734—1817), журналист, музыкальный критик, член Французской академии 164, 186, 719
- Тальма Франсуа-Жозеф (1763—1826), французский драматический актер 134, 612, 696
- Тассо Торквато (1544—1595), итальянский поэт 146, 706
- Тацит Публий Корнелий (ок. 58 — ок. 117), римский историк 92, 108, 111
- Тепляков Виктор Григорьевич (1804—1842), поэт, археолог, путешественник 586
- Тетушка см. Протасова Екатерина Афанасьевна
- Тибулл Альбий (I в. до н. э.), римский поэт-элегик 476, 906
- Тидебель Иоганн Генрих (1786—1856), адвокат, обер-секретарь магистрата в г. Ревель 499, 504, 925, 929
- Тизенгаузен, граф, неустановленное лицо 506, 931
- Тизенгаузены, бароны, остзейское семейство, дерптские знакомые Мойеров 931
- Тизенгаузены, графы 931
- Тик Людвиг (1773—1853), немецкий писатель 519, 520, 946, 947
- Тимковский Иван Осипович (1768—1837), действительный статский советник, доктор медицины, цензор, директор гимназий и училищ Петербургской губернии 938
- Тоблер Иоганн Георг (1769—1844), швейцарский педагог, последователь Песталоцци 415, 877
- Токаревы (семейство, в котором служил И. Г. Тоблер) 415
- Толстая Александра Ивановна (урожд. Протасова, 1750—1782), сестра П. И. Протасова и мать А. П. Толстой 780
- Толстая Анна Петровна (урожд. Протасова; 1794—1869), графиня, жена В. В. Толстого, племянница статс-дамы А. С. Протасовой 770, 780
- Толстая Анна Яковлевна (урожд. Протасова; ум. 1786), графиня, мать В. В. Протасова 770, 780
- Толстой Алексей Константинович (1817—1875), граф, поэт и дипломат 1004
- Толстой Варфоломей Васильевич (1754—1838), граф, муж А. П. Толстой, действительный статский советник, камергер 260, 780
- Толстой Василий Иванович (1718—1785), отец графа В. В. Толстого 770
- Толстой Лев Николаевич (1828—1910), граф, писатель 661
- Толстой Федор Иванович «Американец» (1782—1837), граф 405, 406, 870
- Толстой Яков Николаевич (1791—1867), театральный критик и поэт-дилетант, с 1837 г. тайный агент русского правительства в Париже 586
- Тома Антуан Леонар (1732—1785), французский моралист и эстетик 606, 1015
- Тома де Томон Жан-Франсуа (1760—1813), французский архитектор, рисовальщик, работавший в России 874
- Томашевский, пенсионер при Московском университете 52, 62, 70, 624
- Томсон (Томпсон) Джеймс (1700—1748), английский поэт 190, 731, 735
- Тончи Николай Иванович (Сальваторе; 1756—1844), русский художник итальянского происхождения 184, 325, 413, 732, 827, 875
- Траэтта Томмазо Микеле Франческо Саверио (1727—1779), итальянский композитор 754

- Трессан Луи Элизабет де ла Вернь де (1705—1783), граф, французский писатель, автор рыцарских романов 658
- Тропинин Василий Андреевич (1776—1857), художник-портретист 873, 875
- Тунман Ханс Эрих (1746—1778), шведский историк и археолог 86, 655
- Тургенев Александр Иванович (1784—1845), воспитанник Московского университетского Благородного пансиона, публицист, друг Жуковского, адресат 24—26, 29, 30, 37, 42, 43, 47, 49—54, 56—59, 61, 69, 70, 73, 74, 78, 84, 86, 87, 93, 98, 99, 101, 103, 110, 113, 119, 121—123, 126—128, 140, 141, 143, 145, 146, 148, 152, 160, 161, 166, 167, 172, 180, 182—184, 194, 195, 201, 203—205, 210—212, 218—220, 228, 230, 234, 235, 238, 242, 248, 249, 263, 275, 276, 283, 284, 286, 288, 291, 295, 296, 300, 304—306, 310, 313, 315, 318, 323, 325, 344, 348, 352, 354—357, 361—363, 366, 370, 376, 377, 382, 383, 386, 388, 389, 398, 399, 403, 406, 409, 410, 416, 423, 440, 464, 478, 479, 482—486, 489, 491, 492, 494, 497, 498, 500—502, 505, 510, 512, 513, 516, 521—523, 525, 528, 532, 534, 535, 537—539, 542, 547, 548, 553, 556, 557, 560, 565—567, 583, 585, 586, 590, 594, 603, 605, 606, 608—611, 613—627, 629—631, 633, 635, 636, 640—644, 646—652, 654—657, 659—663, 665—673, 675—677, 679—681, 683—687, 689, 695, 699, 702, 703, 705, 707, 709, 710, 713—717, 719—723, 725, 728—731, 733, 738, 739, 741, 742, 746, 747, 749—754, 756—760, 764, 765, 767—770, 772—774, 776, 777, 782, 783, 785, 790, 792, 794—801, 803—805, 807—811, 813—820, 822—828, 837, 840—842, 844, 845, 847—849, 851, 853, 855—858, 861, 863—865, 870, 872, 888, 890, 907—930, 932, 934—940, 942, 944, 946, 950—957, 959—969, 972—982, 986, 988—990, 993, 994, 1003, 1007—1009, 1012, 1014, 1017
- Тургенев Андрей Иванович (1784—1803), поэт, переводчик, друг Жуковского 13, 14, 16, 18, 19, 32, 37, 38, 43, 48, 54, 61, 77, 87, 183, 203, 219, 321, 565, 585, 599—605, 609, 611, 613, 615, 618, 620, 623, 625, 644, 655, 657, 671, 710, 717, 728, 730, 731, 757, 758, 761, 800, 807, 858, 912, 990, 1002, 1007, 1008, 1015
- Тургенев Иван Петрович (1752—1807), московский масон, директор Московского университета, отец братьев Тургеневых, адресат 9, 24, 26, 29, 31, 37, 39, 42, 47, 51, 52, 77, 202, 288, 491, 564, 566, 590, 594, 601—605, 609—611, 619, 621, 623, 640, 644, 671, 728, 796, 800, 912, 918, 954, 1000, 1007, 1008, 1012, 1015
- Тургенев Иван Сергеевич (1818—1883), писатель 587, 588
- Тургенев Николай Иванович (1789—1871), общественный деятель, экономист, идеолог декабризма, адресат 25, 28, 29, 40, 43, 53, 78, 87, 88, 93, 163, 182, 239, 288, 373, 385, 503, 511, 521, 522, 535, 547—549, 557, 560, 575, 590, 606, 611, 612, 616—618, 623, 642, 644, 646, 656, 717, 721, 769, 837, 841, 851, 928, 929, 936, 954, 962, 973, 974, 976, 980, 985, 986, 1008, 1012
- Тургенев Петр Петрович (1760 или 1763—1830) дядя братьев Тургеневых, брат И. П. Тургенева 78, 646
- Тургенев Сергей Иванович (1792—1827), дипломат, брат Александра, Андрея и Николая Тургеневых, адресат 43, 53, 78, 87, 93, 99, 100, 163, 167, 182, 288, 373, 385, 559, 590, 618, 635, 646, 655, 703, 717, 721, 769, 851, 936, 985, 986, 1008, 1012
- Тургенева Екатерина Семеновна (урожд. Качалова; 1757—1824), жена И. П. Тургенева, мать братьев Тургеневых 43, 51, 55, 87, 548, 553, 554, 556, 557, 559, 560, 616, 618, 635, 640, 975, 980, 982

- Тургеневы, семейство 26, 40, 43, 55, 415, 584, 602, 605, 608, 610, 611, 618, 626, 640, 642, 646, 746, 757, 851, 857, 877, 930, 985, 997, 1007
- Турчанинова Елизавета Дементьевна (ум. 1811), мать В. А. Жуковского, адресат 7, 8, 12, 14, 24, 69, 72, 118, 129, 242, 530, 583, 589, 591—593, 597, 598, 604, 607, 635, 639, 678, 687, 689, 691, 699, 751, 1008, 1012
- Тюммель Мориц Август фон (1738—1817), немецкий писатель 519, 948
- Тютчев Иван Николаевич (1768—1846), отец поэта Ф. И. Тютчева 570
- Тютчев Федор Иванович (1803—1873), поэт, дипломат, публицист, адресат 564, 569, 570, 858
- Тютчева Элеонора Федоровна (урожд. Элеонора Ботмер, в первом браке Петерсон; 1800—1838), жена поэта Ф. И. Тютчева 570
- Уваров Сергей Семенович (1786—1855), государственный деятель, в 1833—1849 гг. министр народного просвещения, президент Академии наук, адресат 85, 88, 91, 92, 113, 114, 120, 123, 125, 128, 129, 161, 163, 168, 205, 211, 213, 221, 243, 286, 288, 296, 303—305, 310, 321, 323, 325, 367, 368, 375, 377, 380—383, 385, 386, 407, 410, 411, 463, 485, 486, 489, 491, 493, 499, 521, 522, 560, 567, 573, 582, 586, 589, 656, 659, 660, 675, 676, 680, 683, 684, 686, 687, 689, 695, 719, 722—725, 739, 754, 774, 797, 798, 805, 808, 812—818, 825, 852, 856, 857, 874, 897, 914, 920, 975, 986, 1009, 1012
- Ульрих, пациентка, упомянута в книге К. Э. Берга 497
- Усач см. Давыдов Денис Васильевич
- Уткин Николай Иванович (1780—1863), гравёр, крупнейший мастер русской портретной резцовой гравюры первой половины XIX века 411, 412, 490, 522, 535, 805, 827, 873, 875, 917, 954
- Ученица см. Александра Федоровна
- Фарнгаген (Варнгаген) фон Энзе Карл Август (1785—1858), немецкий писатель и критик, адресат 583
- Федер Георг Генрих (1740—1821), немецкий философ 125, 682
- Федор Александрович см. Камкин Федор Александрович
- Фелленберг Филипп Эммануил (1771—1844), выдающийся швейцарский педагог 651
- Фельбигер Иоганн Игнатий (1724—1788), немецкий педагог 724
- Фёлькерзам Георг Фридрих фон (Егор Федорович; 1766—1848), гражданский губернатор Лифляндской губернии 958
- Фенелон Франсуа де Салиньяк де Ла Мот (1651—1715), французский религиозный деятель, писатель 15, 317, 325, 335, 601, 602, 628, 793, 821, 1000
- Феокрит (ок. 300 — ок. 260 до н. э.), древнегреческий поэт, известный преимущественно своими идиллиями 645
- Фергюсон Адам (1723—1816), английский философ и историк 125, 682
- Ферран Антуан Франсуа Клод (1751—1825), французский политический деятель и публицист 602, 603
- Фесслер Игнатий (1756—1839), немецкий писатель и религиозный деятель, основатель союза ученых масонов 493, 920
- Фет Афанасий Афанасьевич (Шеншин; 1820—1892), поэт, переводчик 889

- Филарет (в миру Дроздов Василий Михайлович; 1783—1867); архимандрит, писатель и оратор, с 1812 г. ректор Санкт-Петербургской духовной академии 180, 205, 215, 216, 728, 749, 756, 928
- Филарет (Пуляшкин, в схиме Феодор; 1758—1842), иеромонах Новоспасского Московского монастыря 218—220, 223, 231, 307, 749, 750, 757, 761, 782, 790
- Филимонов Владимир Сергеевич (1787—1858), поэт 127, 685
- Филлис Жаннетта (в замуж. Андриё; 1780—1838), французская певица 24, 605
- Фихте Иоганн Готлиб (1762—1814), немецкий философ 519, 949
- Флассан Гаэтан де Раксис де (1769—1845), французский исторический писатель 672
- Флориан де Клари Жан Пьер (1755—1794), французский писатель и проповедник 568, 604, 606, 619, 645
- Фок Максим Яковлевич фон (1771—1831), директор Особой канцелярии министерства внутренних дел, адресат 376, 514, 589, 853, 937, 1009, 1010, 1012
- Фонвизин Денис Иванович (1744 или 1745—1792), писатель, драматург 76, 644, 786, 860
- Фонтан Луи де (1757—1821), маркиз, французский поэт 293, 794, 802
- Фор Раймонд (1786—1850), мемуарист, французский доктор, взятый в плен, живший в имении Плещеевых Чернь, адресат послания Жуковского 174, 176, 242, 249, 269, 292, 295, 376, 383, 385, 483, 485, 486, 716, 726, 774, 777, 785, 795, 804, 807, 853, 857, 911, 913
- Форстер Иоганн Георг Адам (1754—1794), немецкий писатель, путешественник, ученый-естествоиспытатель, этнограф, публицист, общественно-политический деятель 677
- Фосс Иоганн (1751—1826), переводчик Гомера на немецкий язык 92, 659
- Франк Иван Петрович (Иоганн Петер; 1745—1821), немецкий профессор-клиницист, лейб-медик 51
- Франк Иван Петрович (Иоганн Петер; 1745—1821), немецкий профессор-клиницист, лейб-медик 622
- Франклин Бенжамен (Вениамин; 1706—1790), американский политический деятель, писатель, моралист 171, 565, 725
- Франсуа, пленный адъютант-майор 4-го линейного полка, племянник О. П. Букильона 195, 203, 211, 213, 221, 233, 239, 738, 746, 751, 753
- Фридрих Великий (1712—1786), король Пруссии с 1740 г., основоположник прусской государственности 613
- Фридрих Вильгельм II (1744—1797), король прусский в 1786—1797 гг. 978
- Фридрих Вильгельм III (1770—1840), прусский король с 1797 г., отец императрицы Александры Федоровны 647, 718, 968
- Фридрих Вильгельм IV (1795—1861), прусский король с 1840 г. 583
- Фридрих Вильгельм Карл (1783—1851), принц Прусский, его сын, дядя Александры Федоровны 551, 978
- Фриоф (Фрюауф) Иоганн Людвиг Вильгельм (1760 – после 1826), врач, поэт, переводчик, художник-любитель, живший в имении Муратово в 1813—1814 гг. 203, 211, 219, 266, 746, 747, 753, 758, 783
- Фуке Фридрих Генрих Карл де ла Мотт (Ламот) (1777—1843), барон, немецкий писатель, автор повести «Ундина» 919, 920, 942, 946, 950, 1016

- Хатчесон (Готчесон) Френсис (1694—1747), шотландский философ 125, 682
 Хвостов Дмитрий Иванович (1757—1835), граф, плодовитый поэт, академик 215, 755
 Хемницер Иван Иванович (1745—1784), поэт и переводчик 849
 Херасков Михаил Матвеевич (1733—1807), писатель 76, 941
 Хилков Андрей Яковлевич (1676—1716), князь, дипломат, которому приписывалось сочинение «Ядра Российской истории» 90, 658
 Хитрово Алексей Захарович (1776—1854), русский государственный деятель, сенатор, занимавший разные должности в Министерстве финансов 101, 122, 667, 668, 679
 Хитрово Анна Михайловна (урожд. Голенищева-Кутузова; 1782—1846), жена генерал-майора Николая Захаровича Хитрово (1779—1826) 368, 849
 Хогарт Вильям (1697—1764), знаменитый английский рисовальщик, гравёр и живописец 368, 849
 Хольберг Людвиг (1684, Берген — 1754), норвежско-датский писатель, драматург, философ, историк, деятель Просвещения 786
 Хоул Ричард (1746—1803), английский поэт, священнослужитель и антиквар 298, 808
- Царица см. Мария Федоровна
 Царь см. Александр I
 Цедергрэн (Cedergrün), дерптский учитель, кандидат в учителя детей А. П. Елагиной 493, 501, 502, 506, 507, 921, 927, 931
 Цезарь Гай Юлий (100—44 до н. э.), государственный и политический деятель, полководец, писатель 216
 Цецилия (Сесилия) Римская (200—230 н. э.), святая, мученица, в католичестве — покровительница духовной музыки 287, 797, 798
 Цицерон Марк Туллий (106—43 до н. э.), римский оратор 44
- Чайковская Мавра Алексеевна (урожд. Плещеева), сестра А. А. Плещеева 241, 772, 808
 Чайковский Иван Иванович, ее муж 241, 299, 772, 808
 Чайковские, семейство 241
 Чарторыйский (Чарторижский) Адам Адамович (Адам Ежи, 1770—1861), князь, польский и русский государственный деятель, министр иностранных дел Российской империи в 1804—1807 гг. 626
 Чеботарев Харитон Андреевич (1746—1815), географ, профессор, первый выборный ректор Московского университета, первый председатель Московского общества истории и древностей российских 676
 Черепанов Никифор Евтропиевич (1762—1823), профессор истории и географии Московского университета 676
 Черкасов Алексей Иванович (1799—1855), сын барона И. П. Черкасова, барон, участник восстания декабристов 851, 1010
 Черкасов Иван Петрович (ок. 1761 — после 1830), барон, адресат 64, 73, 161, 228, 571, 590, 632, 640, 716, 764, 772, 851, 1010, 1012
 Черкасов Петр Иванович (1796—1867), его сын, барон, полковник русской армии, 161, 373, 716, 851, 1010
 Черкасова Елена Ивановна, баронесса, дочь И. П. Черкасова, близкая подруга сестер Протасовых и Юшковых 242, 295, 301, 348, 349, 371, 372, 382, 415, 489, 502, 772, 804, 811, 837, 849, 851, 856, 877, 927, 1010

- Черкасова Мария Алексеевна (урожд. Кожина; ум. в 1817 г.), баронесса, жена И. П. Черкасова, адресат 65, 66, 176, 224—226, 228, 231, 239, 242, 281, 295, 301, 349, 368, 372, 373, 382, 415, 489, 502, 590, 632, 726, 762—764, 770, 772, 792, 804, 811, 837, 849—851, 856, 857, 877, 905, 927, 1010, 1012
- Черкасовы, семейство 370, 632, 797, 849
- Черный негр (Негр) *см.* Воейков Александр Федорович
- Чернышев Александр Иванович (1785—1857), князь, генерал-адъютант, декабрист 761
- Чернышев Захар Григорьевич (1797—1862), граф, ротмистр Кавалергардского полка, декабрист 761
- Чернышева, графиня *см.* Плещеева Анна Ивановна
- Чинакаева Анна Николаевна, неустановленное лицо, знакомая или родственница А. Ф. Воейкова 834
- Чичагов Павел Васильевич (1767—1849), адмирал, участник Отечественной войны 1812 г. 153, 714
- Чу! *см.* Дашков Дмитрий Васильевич
- Шазе Андре Рене де (1775—1844), французский комедиограф, 645
- Шак Адольф Фридрих фон (1815—1894), граф, немецкий писатель 581
- Шаликов Петр Иванович (1768—1852), князь, поэт и журналист 675
- Шарлотта *см.* Кавелина Шарлотта Ивановна
- Шарлотта, принцесса *см.* Александра Федоровна, великая княгиня
- Шармуа Франсуа Бернар (Франц Францевич; 1793—1868), французский ориенталист, с 1817 г. ординарный профессор С.-Петербургского Педагогического института 920
- Шатобриан Франсуа Рене де (1768—1848), французский писатель и политический деятель 509, 535, 632, 932, 965
- Шаховская Александра Алексеевна (1792—1816), княжна, приятельница Вяземских 486, 914
- Шаховской Александр Александрович (1777—1846), драматург 410, 413, 414, 466, 467, 513, 517, 748, 873, 874, 876, 883, 900, 920, 936, 941, 995
- Шаховской Алексей Леонтьевич (1755—1837), князь 981
- Шевченко Тарас Григорьевич (1814—1861), украинский поэт и писатель 567
- Шевырев Степан Петрович (1806—1864), историк русской литературы, поэт и журналист 582, 868, 876, 889
- Шези Вильгельмина (Гельмина) Христина де (урожд. фон Кленце, в первом браке баронесса Гастфер; 1783—1856), немецкая писательница 583
- Шекспир Уильям (1564—1616), английский поэт и драматург 520, 948, 952
- Шереметев Николай Петрович (1751—1809), граф, обер-камергер, сенатор, основатель Странноприимного дома в Москве 643
- Шиллер Иоганн Кристоф Фридрих фон (1759—1805), немецкий поэт, драматург 42, 134, 138, 141, 142, 151, 213, 292, 349, 371, 519, 520, 525, 558, 572, 598, 616, 617, 643, 696, 700, 701, 711, 755, 761, 779, 801, 837, 944—946, 950—952, 983, 1017
- Шипилов Алексей Никитич (1752—1816), полковник, отец шурина К. Н. Батюшкова — Павла Алексеевича, за которым была замужем старшая сестра поэта Елизавета Николаевна 605
- Ширяев Александр Сергеевич (ум. 1841), московский книгопродавец, коммерции советник 198, 201, 412, 465, 740, 744, 875, 899

- Шихматов (Ширинский-Шихматов) Сергей Александрович (1783—1837), князь, поэт 103, 464, 669, 898
- Шишков Александр Семенович (1754—1841), государственный деятель, писатель 92, 141, 367, 467, 659, 701, 723, 724, 848, 900, 995
- Шлегель Август Вильгельм фон (1767—1845), немецкий историк литературы, поэт и переводчик 519, 520, 945, 947, 948, 951, 952
- Шлегель Карл Вильгельм Фридрих фон (1772—1829), немецкий писатель и поэт, критик, философ, лингвист 126, 683, 684, 947
- Шлёцер Август Людвиг фон (Август Иванович; 1735—1809), немецкий историк и филолог 86—90, 100, 103, 104, 110, 113, 120, 122, 504, 624, 640, 656, 657, 667, 673, 676, 677, 929
- Шлёцер Христиан Августович (1774—1831), сын Августа Шлёцера, профессор политической экономии Московского университета 52, 106, 121, 624, 671, 677
- Шнауберт Карл Андреевич (1779—1859), известный московский медик, врач Ф. В. Ростовчина и А. П. Тормасова 904
- Штейн Генрих Фридрих Карл фон (1757—1831), барон, прусский государственный и политический деятель, 769, 851
- Штритгер (Стриттер) Иван Михайлович (Иоганн Готтхильф; 1740—1801), историк, академик Петербургской академии наук 90, 658
- Штруве см. Струве Фридрих Георг Вильгельм фон
- Штруве Эмилия см. Струве Эмилия
- Шуберт Готтхильф Генрих (1780—1860), немецкий писатель и натурфилософ 519, 949
- Шутихин см. Шаховской Александр Александрович
- Шутовской см. Шаховской Александр Александрович
- Щербатов Алексей Григорьевич (1776—1848), князь, генерал от инфантерии, участник Отечественной войны 1812 г., московский генерал-губернатор с 1843 г. 53, 188, 625, 648, 696, 734, 735
- Щербатов Григорий Алексеевич (1735—1810), князь, верейский уездный предводитель дворянства, отец А. Г. Щербатова 648
- Щербатов Михаил Михайлович (1733—1790), князь, историк, публицист, философ 90, 658
- Щербатова Анна Андреевна (в замуж. Блудова; 1777—1848), княжна 605, 619, 620, 624, 847, 953
- Щербатова Антонина Васильевна (урожд. Яворская; ок. 1759—1812), мать А. А. Щербатовой 620
- Щербатова Екатерина Андреевна (урожд. кнж. Вяземская; 1789—1810), княгиня, старшая сестра П. А. Вяземского, жена А. Г. Щербатова 79, 80, 648, 696, 734, 735
- Щербатова Мария Андреевна (в замуж. Поликарпова), фрейлина императрицы Марии Федоровны, свояченица Д. Н. Блудова 406, 870
- Эверс Иоганн Филипп Густав (1781—1830), сын Л. Эверса, профессор русской истории Дерптского университета, с 1818 г. ректор 504, 505, 534, 537, 538, 542, 854, 929, 957, 967
- Эверс Лоренц (1742—1830), профессор богословия в Дерптском университете, адресат послания Жуковского «Старцу Эверсу» 335, 337, 386, 387, 402, 504, 830, 858—860, 869, 870, 929, 969, 1016

Эверсы (нарицат.) 344

Эджворт Мария (1767—1849), английская (ирландская) писательница и моралистка, автор романов, повестей и педагогических трудов 348, 837

Эйкин Джон (1747—1822), английский врач и писатель, автор научно-популярных сочинений и произведений для детей 847

Эйхкофф Николаус Готтфрид (1766—1844), учитель гимназии, переводчик античной литературы 660

Эйхгорн Иоганн Готфрид (1752—1827), немецкий историк и ориенталист 109, 110, 111, 672, 673

Экгоф (Екгоф, Эйхгоф) Фредерик (1799—1875), французский филолог 589

Эккарстгаузен Карл фон (1752—1803), немецкий католический мистик, писатель и философ 14, 600

Энгель Иоганн Якоб (1741—1802), немецкий критик, педагог и моралист 519, 698, 793, 944, 948

Энгельгардт Егор Антонович (1775—1862), директор Царскосельского Лицея 773, 842

Энгельгардт Мориц (1779—1842), профессор Дерптского университета 542, 969, 970

Эолова Арфа (Арфа) *см.* Тургенев Александр Иванович

Эсхил (ок. 525—456 до н. э.), древнегреческий трагик 755

Эшенбург Иоганн Иоахим (1743—1820), немецкий критик 612, 847, 944

Юм Давид (1711—1776), английский философ, историк, экономист 440, 793

Юнг Эдвард (1683—1765), английский поэт 1000

Юрасовская Александра Денисовна, дочь болховского помещика Дениса Васильевича Юрасовского, владевшего многими поместьями в Болховском уезде 772

Юрий Александрович *см.* Нелединский-Мелецкий Юрий Александрович

Юшков Василий Николаевич (1749 — после 1811), полковник Рязанского карабинерного полка, дядя А. П. Елагиной 837

Юшков Петр Иванович (1771—1847), тайный советник, помещик, певец-любитель и музыкант 557, 982

Юшков Петр Николаевич (ум. 1805), полковник, тульский помещик, муж сводной сестры Жуковского Варвары Афанасьевны Буниной 25, 597, 607, 853, 902

Юшкова Авдотья Петровна. *см.* Елагина Авдотья Петровна

Юшкова Анна Петровна *см.* Зонтаг Анна Петровна

Юшкова Екатерина Петровна *см.* Азбукина Екатерина Петровна

Юшкова Мария Петровна (1787—1809), дочь П. Н. Юшкова, жена А. М. Офросимова, сестра А. П. Елагиной, Е. П. Азбукиной и А. П. Зонтаг 733

Юшковы, семейство 242, 294, 302, 310, 362, 592, 772

Юшковы, сестры 587, 764, 803, 810

Языков Дмитрий Иванович (1773—1845), историк и переводчик, непрменный секретарь Российской академии, президент ВОЛСНХ, директор департамента министерства народного просвещения 933

Якоби 519

Якоби Иоганн Георг (1740—1814), немецкий поэт и педагог 947

Якоби Фридрих Генрих (1743—1819), немецкий философ 520, 947, 950, 951

Якобс Фридрих (1764—1847), немецкий филолог и писатель 122, 679
Яковлев Лукьян Павлович, служащий Московской Оружейной Палаты 819
Яковлев Лукьян Яковлевич (1783—1831), служащий в ведомстве Московского почтамта 315, 819
Яковлев Михаил Лукьянович (1798—1868), сенатор, тайный советник, соученик Пушкина, «лицейский староста», композитор 704

Aikin A. L. *см.* Барбо Анна Летиция
Aikin J. *см.* Эйкин Джон
Alexander *см.* Александр Македонский
Alexandre L'Empereur *см.* Александр I
Alexandrine *см.* Воейкова Александра Андреевна
Annette *см.* Зонтаг Анна Петровна
Aristoteles *см.* Аристотель

Belle allemande *см.* Анета
Boehr *см.* Бёр, швейцарка 719
Boisjermain (Boisgermain) Luneau de *см.* Буажермен Пьер Жозеф Франсуа Люно де
Borg K. F. v. d. *см.* Борг Карл Фридрих фон дер
Bouquillon De *см.* Букильон Осип Петрович
Bouterweck *см.* Бутервек Фридрих
Bulgakov *см.* Булгаков Константин Яковлевич
Buonaparte *см.* Наполеон I Бонапарт
Büsching Ant. Fr. *см.* Бюшинг Антон Фридрих
Byron Lord *см.* Байрон Джордж Ноэл Гордон

Canard *см.* Канар Никола Франсуа
Catullus *см.* Катулл Гай Валерий
Cecilia *см.* Цецилия (Сесилия) Римская
Cedegrün *см.* Цедертрен
Chazet *см.* Шазе Андре Рене де
Clairon Hippolite *см.* Ипполита Клерон
Claudius *см.* Клаудиус Маттиас
Cochin *см.* Кошен Анри
Coste d'Arnobat *см.* Кост д'Арноба Шарль Пьер
Cotta J. G. *см.* Котта Иоганн Фридрих

Delille Jacques *см.* Делиль Жак
Demetrius *см.* Отрепьев Григорий Богданович
Drollinger *см.* Дроллингер Карл Фридрих
Drousjinine, Mme *см.* Дружинина, мадам

Eckartshausen *см.* Эккертсгаузен Карл фон

Edgeworth Mme *см.* Эджворт Мария
Eichhoff N. G. *см.* Эйкхофф Николаус Готтфрид
Engel J. J. *см.* Энгель Иоганн Якоб
Engelhardt Moritz von *см.* Энгельгардт Мориц
Eudoxie *см.* Елагина Авдотья Петровна
Ewers Johann Philipp Gustav *см.* Эверс Иоганн Филипп Густав

Feder *см.* Федер Георг Генрих
Fénélon F. *см.* Фенелон Франсуа Салиньяк де ла Мотт
Ferguson *см.* Фергюсон Адам
Ferrand *см.* Ферран Антуан Франсуа Клод
François *см.* Франсуа
Frédéric le Grand *см.* Фридрих Великий
Früauf *см.* Фриоф Иоганн Людвиг Вильгельм

Gagarine *см.* Гагарин Павел Гаврилович
Garve *см.* Гарве Христиан
Gebhardi *см.* Гебгарди Людвиг Альбрехт
Genlis Mme *см.* Жанлис Стефани Фелисите
Gessner S. *см.* Гесснер Соломон
Gleim *см.* Глейм И. В. Л.
Glinka *см.* Глинка Сергей Николаевич
Goldsmith Oliver *см.* Гольдсмит Оливер

Haller Albrechts von *см.* Галлер Альбрехт фон
Hamilton Antoine *см.* Гамильтон Антуан
Hebel *см.* Гебель Иоганн Петер
Heeren *см.* Герен Арнольд
Herberstein Sigismund *см.* Герберштейн Сигизмунд фон
Herder *см.* Гердер Иоганн Готфрид
Heynemann S. *см.* Гейнеманн Симон
Hirzel H. C. *см.* Гирцель Ганс Каспар
Hoole *см.* Хоул Ричард
Hutcheson *см.* Хатчесон Френсис

Jacobi *см.* Якоби
Jacobi Friedrich Heinrich *см.* Якоби Фридрих Генрих
Jean Paul *см.* Жан Поль
Johnson *см.* Джонсон Сэмюэл

Karamzin *см.* Карамзин Николай Михайлович
Kleffer *см.* Клеффер, французский издатель 682
Krebs J. P. *см.* Кребс Иоганн Филипп

Laharpe *см.* Лагарп Жан Франсуа

Laharpe *см.* Лагарп Жан Франсуа
Lasausse J.-B. *см.* Ласосс Жан-Батист
le grimacier ordinaire *см.* Азбукин Василий Андреевич
Lebrun *см.* Лебрен Александр
Lehrberg A. C. *см.* Лерберг Аарон Христиан
Lekain *см.* Лекен Анри Луи
Lessing Gotthold Ephraim *см.* Лессинг Готхольд Эфраим
Leupold F. A. *см.* Леопольд Фридрих Август
Lichtenberg *см.* Лихтенберг Георг Кристоф
Louis XV *см.* Людовик XV
Louis XVI *см.* Людовик XVI

Malte-Brun *см.* Мальт-Брюн Конрад
Maman *см.* Протасова Екатерина Афанасьевна
Marie *см.* Протасова Мария Андреевна
Masch *см.* Маш Андреас Готтлиб
Mesnil Mme *см.* Дюмениль
Miller *см.* Миллер Иоганн фон
Moreau *см.* Моро Жан Виктор
Moreau Madame *см.* Моро де ла Мелтиер Анна Катрин Шарлотта
Moreau *см.* Моро, французский издатель
Moyer *см.* Мойер Иван Филиппович
Müller Gerhard Friedrich *см.* Миллер Герхард Фридрих
Müller J. *см.* Миллер Иоганн фон
Müller J. G. *см.* Мюллер Иоганн Георг

Neufchateau *см.* Нёфшато Франсуа де
Nicolas *см.* Тургенев Николай Иванович
Niemeyer *см.* Нимейер Август Герман
Novalis *см.* Новалис (Фридрих фон Гарденберг)

Olearius *см.* Олеарий Адам

Parny *см.* Парни Эварист
Parrot Friedrich *см.* Паррот Георг Фридрих
Petersen Karl *см.* Петерсен (Петерсон) Карл Фридрих Людвиг
Pierrot *см.* Киреевский Петр Васильевич
Poelitz K. H. L. *см.* Пелиц Карл Генрих Людвиг
Propertius *см.* Проперций Секст Аврелий
Protasoff, Madame *см.* Протасова Екатерина Афанасьевна

Raupachs Ernst *см.* Раупах Эрнст
Rhüs *см.* Рюс Христиан Фридрих
Richter G. E. *см.* Рихтер Г. Э., издатель
Rivarol *см.* Ривароль Антуан де

Robertson *см.* Робертсон Вильям
Robertson William *см.* Робертсон Вильям
Rotteck Karl von *см.* Роттек Карл фон
Rühs Friedrich *см.* Рюс Христиан Фридрих

Say *см.* Сэй Жан-Батист
Schiller Friedrich von *см.* Шиллер Иоганн Кристоф Фридрих
Schipilov A. *см.* Шипилов Алексей Никитич
Schlegel August *см.* Шлегель Август Вильгельм фон
Schlegel Friedrich *см.* Шлегель Фридрих Вильгельм
Schlötzer-fils *см.* Шлёцер Х. А.
Schlözer *см.* Шлёцер Август Людвиг
Scott Walter *см.* Скотт Вальтер
Sénèque *см.* Сенека Луций Анней
Sewrinet *см.* Севрен Шарль Огюстен
Shakespeare William *см.* Шекспир Уильям
Southey Robert *см.* Саути Роберт
Sulzer *см.* Зульцер И. Г.

Thomas *см.* Тома Антуан Леонар
Tibullus *см.* Тибулл Альбий
Tieck Ludwig *см.* Тик Людвиг

Ulrique de Prusse *см.* Луиза Ульрика Прусская

Voltaire *см.* Вольтер Мари Франсуа Аруэ

Wandsbecker Bote *см.* Клаудиус Маттиас
Wicquefort *см.* Викфорт Авраам де
Wieland C. M. *см.* Виланд Кристоф Мартин

Zaremba Felicjan v. *см.* Заремба-Калиновский Фелициан Мартин фон

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Архивохранилища

ГА РФ —	Государственный архив Российской Федерации
НИОР РГБ —	Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки
ОПИ ГИМ —	Отдел письменных источников Государственного исторического музея (Москва)
РГАДА —	Российский государственный архив древних актов (Москва)
РО ИРЛИ —	Отдел рукописей Института русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук (Санкт-Петербург)
РГАЛИ —	Российский государственный архив литературы и искусства (Москва), ф. 198 (В. А. Жуковский)
РГБ —	Российская государственная библиотека (Москва), ф. 104 (В. А. Жуковский)
РНБ —	Российская Национальная библиотека (Санкт-Петербург), ф. 286 (В. А. Жуковский)
СПФ АРАН —	Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
РГИА —	Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)

Печатные источники

АБТ —	Архив братьев Тургеневых. СПб.: Изд. Отд. рус. яз. и словесности Рос. Академии наук, 1911—1921. Вып. I—VI.
Арзамас —	Арзамас и арзамасские протоколы / Ввод. ст., ред. протоколов и примеч. к ним М. С. Боровковой-Майковой; предисл. Д. Благого. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1933.
Арзамас-2 —	«Арзамас»: Сб.: В 2 кн. М.: Худож. лит., 1994.
Афанасьев —	<i>Афанасьев В. Жуковский.</i> М.: Мол. гвардия, 1986. (Сер. «Жизнь замечательных людей».)
Барсуков —	<i>Барсуков Н.</i> Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1888—1901. Кн. 1—22.
Батюшков —	<i>Батюшков К. Н.</i> Сочинения: В 2 т. М., 1989.
БдЧ —	Библиотека для чтения.

- Белинский —** *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1953—1959.
- БЖ —** Библиотека В. А. Жуковского в Томске: В 3 ч. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1978—1988.
- БЗ —** Библиографические записки.
- БиП —** Баллады и повести, сочинение В. А. Жуковского: В 2 ч. СПб., 1831.
- Бумаги Жуковского —** *Бычков И. А.* Бумаги В. А. Жуковского, поступившие в Императорскую Публичную библиотеку в 1884 г. // Отчет Имп. Публичной библиотеки за 1884 г. Приложение. СПб., 1887.
- Вацуро —** *Вацуро В. Э.* Лирика пушкинской поры: «Элегическая школа». СПб., 1994.
- ВЕ —** Вестник Европы.
- Веселовский —** *Веселовский А. Н.* В. А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». СПб., 1904.
- Вигель —** *Вигель Ф. Ф.* Записки: В 2 т. / Сост. С. Я. Штрайх. М.: Артель писателей «Круг», 1928.
- ВЛ —** Вопросы литературы.
- ВОЛСНХ —** Вольное общество любителей словесности, наук и художеств.
- Вяземский —** *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч.: В 12 т. Т. 1—12. СПб., 1878—1896.
- Гиллельсон —** *Гиллельсон М. И.* Переписка П. А. Вяземского и В. А. Жуковского (1842—1852) // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник. 1979. Л.: Наука, 1980. С. 34—75.
- Гоголь —** *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. Т. 1—14. М.; Л., 1937—1952.
- Гофман —** *Гофман М. Л.* Пушкинский музей А. Ф. Онегина в Париже: Общий обзор, описание и извлечения из рукописного собрания. Париж, 1926 (*Hoffmann M. Le Musée Pouchkine d'Alexandre Onéguine a Paris: Notice, catalogue, extraits de quelques manuscrits. Paris, 1926*).
- Грот —** *Грот К. Я.* В. А. Жуковский и А. П. Зонтаг (К сорокалетию со дня смерти А. П. Зонтаг 19 марта 1864 г.). Отдельный оттиск из газеты «Правительственный Вестник». № 96, 100, 105, 119, 133, 134 за 1904 г. СПб., 1904.
- Державин —** *Державин Г. Р.* Сочинения Державина. С объяснительными примечаниями Я. Грота: В 9 т. Т. 1—9. СПб.: В Тип. Имп. акад. наук, 1864—1883.
- Дневники —** Дневники В. А. Жуковского / С примеч. И. А. Бычкова. СПб., 1903.
- Дубровин —** *Дубровин Н. Ф.* Василий Андреевич Жуковский и его отношения к декабристам // Русская старина. 1902. № 4. С. 45—119.
- Ежегодник РО ПД —** Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома.
- ЖИМ —** Жуковский: Исследования и материалы. Вып. 1—3. Томск, 2010—2016.
- Жихарев —** *Жихарев С. П.* Записки современника. М.; Л., 1955. (Сер. «Литературные памятники»).

- ЖМНП** — Журнал Министерства народного просвещения.
- Ж. в воспоминаниях** — В. А. Жуковский в воспоминаниях современников / Подгот. текстов, сост., вступит. ст., коммент. О. Б. Лебедевой и А. С. Янушкевича. М.: Наука: Школа «Языки русской культуры», 1999.
- Ж. в Петербурге** — *Иезуитова Р. В.* Жуковский в Петербурге. Л.: Лениздат, 1976.
- Ж. и русская культура** — Жуковский и русская культура: Сб. науч. трудов. Л., 1987.
- Ж. в семье Протасовых и Воейковых** — *Гофман М. Л.* Жуковский в семействе Протасовых и Воейковых // На чужой стороне. Т. 9. Берлин; Прага, 1925. С. 219—252.
- Загарин** — *Загарин П. (Поливанов Л. И.).* В. А. Жуковский и его произведения. М., 1883.
- Зейдлиц** — *Зейдлиц К. К.* Жизнь и поэзия В. А. Жуковского: По неизданным источникам и личным воспоминаниям. СПб., 1883.
- Зонтаг** — *Зонтаг А. П.* Воспоминания о первых годах детства В. А. Жуковского // Русская мысль. 1883. № 2. С. 266—285.
- ИВ** — Исторический вестник.
- Иезуитова** — *Иезуитова Р. В.* Жуковский и его время. Л.: Наука, 1989.
- Из дневника Андрея Тургенева** — Из дневника Андрея Тургенева / Публ. и коммент. М. Н. Виротайнен // Восток — Запад: Исследования. Переводы. Публикации. Вып. 4. М., 1989. С. 100—139.
- Канунова** — *Канунова Ф. З.* Вопросы мировоззрения и эстетики В. А. Жуковского. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1990.
- ЛН** — Литературное наследство.
- МВ** — Московский вестник.
- МТ** — Московский телеграф.
- ОА** — Остафьевский архив князей Вяземских. СПб.: Изд. гр. С. Д. Шереметьева, 1899—1913. Т. I—IV / Под ред. и с примеч. В. И. Саитова; 1909—1913. Т. V. Вып. 1, 2 / Под ред. и с примеч. П. Н. Шеффера.
- ОЗ** — Отечественные записки.
- ОЛРС** — Общество любителей российской словесности при Московском Университете.
- Описание** — Библиотека В. А. Жуковского: Описание / Сост. В. В. Лобанов. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1981.
- Памяти Жуковского** — Памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя. Вып. 1—3. СПб., 1907—1909.
- Переводы в прозе** — Переводы в прозе Василия Жуковского. Ч. 1—5. М., 1816—1817.
- Переписка** — Сочинения и переписка П. А. Плетнева. Т. 1—3. СПб., 1885.
- Переписка Ж. и Елагиной** — Переписка В. А. Жуковского и А. П. Елагиной: 1813—1852 / Сост., подгот. текста, ст. и коммент. Э. М. Жилияковой. М.: Знак, 2009.

- Петухов —** *Петухов Е. В. В. А. Жуковский в Дерпте // Сборник в память Н. В. Гоголя и В. А. Жуковского, изданный Юрьевским университетом. Юрьев, 1902. С. 45—101.*
- ПЖТ —** *Письма В. А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу. М., 1895.*
- ПЗ —** *Полярная звезда, карманная книжка для любительниц и любителей русской словесности [на 1823, 1824, 1825 гг.], изданная А. Бестужевым и К. Рылевым. СПб., 1823—1825.*
- Письма Андрея Тургенева —** *Вацуро В. Э., Виролайнен М. Н. Письма Андрея Тургенева к Жуковскому // Жуковский и русская культура. Л.: Наука, 1987.*
- Письма-дневники —** *Письма-дневники В. А. Жуковского 1814 и 1815 годов (числом пять), приготовленные к печати П. К. Симони // Памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя. Вып. I. СПб., 1907. С. 145—213.*
- ПМиЖ —** *Проблемы метода и жанра. Вып. 6—19. Томск: Изд. ТГУ, 1979—1997.*
- ПСС —** *Жуковский В. А. Полн. собр. соч.: В 12 т. / Под ред., с биограф. очерком и примеч. А. С. Архангельского. СПб., 1902.*
- ПССиП —** *Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 1—14. М.: Языки славянской культуры, 1999—2016.*
- Пушкин —** *Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 1—16. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1937—1949.*
- РА —** *Русский архив.*
- РБ —** *В. А. Жуковский. Издание журнала «Русский библиофил». Ноябрь—декабрь. СПб., 1912.*
- РВ —** *Русский вестник.*
- Резанов —** *Резанов В. И. Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского. Вып. 1—2. СПб.; Пг., 1906—1916.*
- Реморова —** *Реморова Н. Б. Жуковский и немецкие просветители. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1989.*
- РЛ —** *Русская литература.*
- РЛ. 2009. № 3 —** *Янушкевич А. С. Неопубликованные письма В. А. Жуковского по московским и петербургским архивам // Русская литература. 2009. № 3. С. 81—104.*
- РМ —** *Российский музей.*
- РС —** *Русская старина.*
- Русские писатели —** *Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. Т. 1: А—Г (М., 1989); Т. 2: Г—К (М., 1992); Т. 3: К—М (М., 1994); Т. 4 (М., 1999); Т. 5 (М., 2007).*
- С 1 —** *Стихотворения Василия Жуковского: В 2 ч. [1-е изд.]. СПб., 1815—1816.*

- С 2** — Стихотворения Василия Жуковского: В 3 ч. Ч. 4: Опыты в прозе. 2-е изд. СПб., 1818. М., 1818.
- С 3** — Стихотворения Василия Жуковского: В 3 т. 3-е изд., испр. и умнож. СПб., 1824.
- С 4** — Стихотворения Василия Жуковского: В 9 т. 4-е изд., испр. и умнож. СПб.: Изд-во А. Ф. Смирдина, 1835—1844.
- С 5** — Стихотворения Василия Жуковского: В 13 т. 5-е изд., испр. и умнож. Т. I—IX. СПб., 1849; Т. X—XIII. СПб., 1857.
- С 6** — Сочинения В. Жуковского / Под ред. К. С. Сербиновича. 6-е изд. Ч. 1—6. СПб., 1869.
- С 7** — Сочинения В. А. Жуковского: В 6 т. / Под ред. П. А. Ефремова. 7-е изд., испр. и доп. СПб., 1878.
- С 8** — Сочинения В. А. Жуковского: В 6 т. / Под ред. П. А. Ефремова. 8-е изд., испр. и доп. СПб., 1885.
- С 10** — Сочинения в стихах и прозе В. А. Жуковского: В 1 т. / Под ред. П. А. Ефремова. 10-е изд., испр. и доп. СПб., 1901.
- Семенко** — *Семенко И. М.* Жизнь и поэзия Жуковского. М.: Худож. лит., 1975.
- Семинарий** — *Янушкевич А. С.* В. А. Жуковский: Семинарий. М.: Просвещение, 1988.
- СиН** — Старина и новизна.
- Смирнова-Россет** — *Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания / Изд. подгот. С. В. Житомирская. М.: Наука, 1989.
- СО** — Сын Отечества.
- Совр.** — Современник.
- Соловьев** — *Соловьев Н. В.* История одной жизни: А. А. Воейкова — «Светлана». Т. 1—2. Пг., 1916.
- СРС** — Собрание русских стихотворений, взятых из сочинений лучших стихотворцев российских и из многих русских журналов, изданное Василием Жуковским. М., 1810—1815. Ч. I—VI (1810. Ч. I—II; 1811. Ч. III—V; 1815. Ч. VI).
- СС 1** — *Жуковский В. А.* Собр. соч.: В 4 т. / Вступит. ст. И. М. Семенко. М.; Л.: ГИХЛ, 1959—1960.
- СС 2** — *Жуковский В. А.* Собр. соч.: В 3 т. / Сост., вступит. ст. и коммент. И. М. Семенко. М., 1980.
- Стихотворения** — *Жуковский В. А.* Стихотворения: В 2 т. / Вступит. ст., ред. и примеч. Ц. Вольпе. Л.: Сов. писатель, 1939—1940 (Библиотека поэта. Большая серия).
- СЦ** — Северные цветы.
- Сухомлинов** — *Сухомлинов М. И.* История Российской академии. Вып. 1—8. СПб.: Тип. Имп. АН, 1874—1888.
- ТОДРЛ** — Труды отдела древнерусской литературы.

- Тургенев** — *Тургенев А. И.* Хроника русского. Дневники (1825—1826 гг.) / Изд. подгот. М. И. Гиллельсон. М.; Л., 1964.
- УС** — Уткинский сборник: Письма В. А. Жуковского, М. А. Мойер и Е. А. Протасовой / Под ред. А. Е. Грузинского. М., 1904.
- Ц. р.** — Цензурное разрешение.
- Черейский** — *Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. 2-е изд., доп. и перераб. Л.: Наука, 1988.
- Эстетика и критика** — *Жуковский В. А.* Эстетика и критика / Вступит. ст. Ф. З. Кануновой и А. С. Янушкевича; подгот. текста, сост. и примеч. Ф. З. Кануновой, О. Б. Лебедевой и А. С. Янушкевича. М.: Искусство, 1985.
- Янушкевич** — *Янушкевич А. С.* Этапы и проблемы творческой эволюции В. А. Жуковского. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1985.
- Eichstädt** — *Eichstädt H.* Žukovskij als Uebersetzer. München, 1970 (= Forum slavicum. Bd. 29).
- FWДН** — Für wenige. Для немногих.
- Gerhardt** — *Gerhardt D.* Aus deutschen Erinnerungen an Žukovskij, mit einigen Exkursen // Orbis scriptus: Festschrift für Dmitrij Tschizewskij zum 70. Geburtstag. München, 1966. S. 245—313.
- Siegel** *Siegel H. (Hg).* Der Briefwechsel zwischen Aleksandr I. Turgenev und Vasilij A. Žukovskij 1802—1809. Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 2012.

СОДЕРЖАНИЕ

Письма 1795—1817 годов

1. Е. Д. Турчаниновой. 20 ноября 1795 г. Кексгольм	7	591
2. Е. Д. Турчаниновой. 20 декабря 1795 г. Кексгольм	7	592
3. Е. Д. Турчаниновой. <Начало января (после 6-го) 1796 г. Кексгольм>	8	593
4. Г. Р. Державину. Январь 1799 г. Москва	8	593
5. И. П. Тургеневу. 17 февраля 1799 г.	9	594
6. А. Ф. Мерзлякову. 22 августа 1800 г. <Москва>.	9	595
7. Е. Д. Турчаниновой. <Вторая половина 1800 г. (не ранее июня). Москва>	12	597
8. Д. Н. Блудову. <Середина ноября (после 12-го) 1801. Москва>*	13	599
9. А. М. Соковниной. <Первая половина 1802 г. Москва>.	13	599
10. Е. А. Протасовой. 21 апреля <1803. Москва>	14	600
11. И. П. Тургеневу. 11 августа <1803 г. Белев>	14	601
12. Д. Н. Блудову. 7 ноября 1803 г. <Белев>*	18	602
13. Д. Н. Блудову. 21 января 1804 г. <Белев>*	20	603
14. Д. Н. Блудову. <Начало августа 1804 г. Белев>*	22	604
15. Е. Д. Турчаниновой. <Конец марта — начало апреля (до 9-го) 1805 г. Петербург (?)>	24	607
16. Д. Н. Блудову. <Май—июнь 1805 г. Белев>.	25	608
17. А. И. Тургеневу. 31 августа <1805 г. Белев>	26	609
18. А. И. Тургеневу. <Вторая половина августа 1805. Белев>	29	611
19. А. И. Тургеневу. 11—16 сентября 1805 г. Белев	30	613
20. Ф. Г. Вендриху. 19 декабря 1805 г. <Белев>.	34	613
21. А. И. Тургеневу. 8 января <1806 г. Белев>	37	615
22. А. И. Тургеневу. <Ноябрь 1806 г. Москва>.	42	617
23. А. И. Тургеневу и Д. Н. Блудову. <Первая половина декабря 1806 г. Москва>	43	618
24. А. И. Тургеневу. 24 декабря <1806 г. Москва>	47	619
25. А. И. Тургеневу. <Первая половина января 1807 г. Москва>.	49	620
26. А. И. Тургеневу. 17 января <1807 г. Москва>.	50	621
27. А. И. Тургеневу. 28 января <1807 г. Москва>.	51	621
28. А. И. Тургеневу. <Начало февраля 1807 г. Москва>.	51	622
29. А. И. Тургеневу. <Вторая половина февраля 1807 г. Москва>	52	623
30. Д. Н. Блудову. <Конец июня 1807 г. Москва>	53	624
31. А. И. Тургеневу. <Начало июля 1807 г. Белев>	54	625
32. А. М. Соковниной. <Июль—август 1807 г. Белев>	55	626
33. А. И. Тургеневу и Д. Н. Блудову. <Конец ноября 1807 г. Москва>	56	627
34. А. И. Тургеневу. 9 декабря <1807 г. Москва>.	58	629
35. А. И. Тургеневу. <Начало декабря (до 10-го) 1807 г. Москва>	60	629
36. А. И. Тургеневу. <Конец декабря 1807 — начало января 1808 г. Москва>	61	630

*Астериском отмечены письма, публикуемые впервые, и письма, впервые публикуемые полностью.

37. П. А. Вяземскому. <25—27 июня 1808 г. Москва>	62	631
38. И. П. Черкасову. 29—30 июня <1808 г. Москва>	64	632
39. П. А. Вяземскому. <30 июля 1808 г. Москва>*	66	633
40. П. А. Вяземскому. 5 августа <1808 г. Москва>*	68	634
41. Е. Д. Турчаниновой. <Сентябрь (не позднее 10-го) 1808 г. Москва>	69	635
42. А. И. Тургеневу. <10 февраля 1809 г. Москва>	69	635
43. А. И. Тургеневу. <Конец марта 1809 г. Москва>.	70	636
44. П. И. Голубкову. 25 мая 1809 г. Белев	70	636
45. А. П. Юшковой (Зонтаг). <Июнь 1809 г. Муратово>	71	637
46. И. В. Лопухину. 24 августа 1809 г. Белев	72	639
47. А. И. Тургеневу. <Конец августа 1809 г. Белев>	73	641
48. А. И. Тургеневу. 15 сентября 1809 г. Белев	74	642
49. А. И. Тургеневу. <2 декабря 1809 г. Москва>	78	646
50. А. А. Перовскому. <20—25 января 1810 г. Москва>*	79	647
51. П. А. Вяземскому. <20—25 января 1810 г. Москва>*	79	648
52. П. А. Вяземскому. 1 февраля <1810 г. Москва>*	81	649
53. И. И. Дмитриеву. 10 марта 1810 г. Москва	82	650
54. А. И. Тургеневу. <Начало апреля 1810 г. Москва>.	84	651
55. К. Н. Батюшкову. <7> мая 1810 г. <Москва>	85	652
56. П. А. Вяземскому. <Около 1 июля 1810 г. Москва>*	85	653
57. П. А. Вяземскому. 3 <июля> 1810 г. <Москва>*	86	654
58. А. И. Тургеневу. 11 июля 1810 г. Белев	86	654
59. А. И. Тургеневу. <Август 1810 г. Белев>	87	655
60. А. И. Тургеневу. 12 сентября 1810 г. <Муратово>	88	656
61. А. И. Тургеневу. 19 сентября <1810 г. Муратово>	93	662
62. М. Т. Каченовскому. 27 сентября <1810 г. Муратово>	95	663
63. М. Т. Каченовскому. <Между 30 сентября и 3 октября 1810 г. Муратово>	97	664
64. И. И. Дмитриеву. <Между 30 сентября и 3 октября 1810 г. Муратово>	98	665
65. А. И. Тургеневу. <Конец сентября — начало октября 1810 г. Муратово>	98	665
66. А. И. Тургеневу. 11 октября <1810 г. Белев>	99	666
67. А. И. Тургеневу. 18 октября <1810 г. Белев>	101	667
68. П. А. Вяземскому. 4 ноября <1810 г. Белев>*	102	668
69. А. И. Тургеневу. 4 ноября <1810 г. Белев>	103	670
70. А. И. Тургеневу. 7 ноября <1810 г. Белев>	105	671
71. А. И. Тургеневу. <Вторая половина ноября 1810 г. Муратово>.	110	672
72. П. А. Вяземскому. <Начало декабря 1810 г. Белев>*	111	674
73. А. И. Тургеневу. 4—5 декабря <1810 г. Белев>	113	675
74. А. И. Тургеневу. <Декабрь 1810 г. Белев>.	121	677
75. П. А. Вяземскому. <Вторая половина 1810 г. Белев (?)>*	122	678
76. А. И. Тургеневу. <Конец декабря 1810 — начало января 1811 г. Москва>	122	679
77. А. И. Тургеневу. 15 февраля 1811 г. <Москва>	123	680
78. А. И. Тургеневу. 27 марта 1811 г. <Москва>	123	680
79. С. С. Уварову. 4 мая 1811 г. Москва	125	683
80. А. И. Тургеневу. <Начало мая (около 6-го) 1811 г. Москва>	127	684
81. Н. И. Гнедичу. <6 мая 1811 г. Москва>	128	685
82. А. И. Тургеневу. <Середина мая (около 13-го) 1811 г. Москва>.	128	686

83. А. И. Тургеневу. <Середина июня 1811 г. Муратово>*	128	687
84. П. А. Вяземскому. <Середина июня 1811 г. Муратово>*	129	689
85. П. А. Вяземскому. 8 <сентября 1811 г. Муратово>*	131	691
86. П. А. Вяземскому. 22 сентября <1811 г. Муратово>*	131	691
87. П. А. Вяземскому. <Середина сентября 1811 г. Муратово>*	132	694
88. П. А. Вяземскому. <Первая половина октября 1811 г. Муратово>*	133	695
89. П. А. Вяземскому. <Конец (после 18-го) октября 1811 г. Муратово>	135	697
90. П. А. Вяземскому. 6 ноября 1811 г. <Белев>*	137	697
91. В. Ф. Вяземской. 7 ноября 1811 г. Белев*	139	698
92. Д. Н. Блудову. <5—11 декабря 1811 г. Белев>	139	699
93. П. А. Вяземскому. <Начало декабря 1811 г. Муратово>*	141	700
94. П. А. Вяземскому. <Конец 1811 г. Муратово>	142	701
95. П. А. Вяземскому. <Начало февраля 1812 г.>*	143	702
96. П. А. Вяземскому. <Первая половина марта 1812 г. Мишенское>*	144	703
97. П. А. Вяземскому. <Конец апреля 1812 г. Муратово>*	144	704
98. П. А. Вяземскому. <Конец мая 1812 г. Чернь>*	145	705
99. П. А. Вяземскому и Д. П. Северину. <Конец мая 1812 г. Муратово>*	147	707
100. П. А. Вяземскому. <Начало (?) июня 1812 г. Муратово>*	147	708
101. П. А. Вяземскому. <Конец июля 1812 г.>*	148	708
102. А. И. Тургеневу. 6 февраля 1813 г. <Белев>	148	709
103. В. А. Азбукину. 19 февраля <1813 г.> Белев*	149	709
104. М. Н. Свечиной и А. Н. Арбеновой. 2 марта <1813 г. Муратово>	150	711
105. Н. П. Свечину. <Весна (март?) 1813 г. Белев>*	151	712
106. А. И. Тургеневу. 9 апреля <1813 г. Муратово>	152	713
107. И. И. Дмитриеву. 18 апреля 1813 г. <Муратово>	153	715
108. А. И. Тургеневу. 9 мая <1813 г.> Орел	160	716
109. А. И. Тургеневу. 15 мая <1813 г.> Белев	161	716
110. А. И. Тургеневу. 20 мая <1813 г.> Белев	161	717
111. П. А. Вяземскому. 13 июня <1813 г. Муратово>*	163	719
112. П. А. Вяземскому. 27 июня <1813 г. Муратово>*	165	720
113. П. А. Вяземскому. <Начало июля 1813 г. Муратово>*	167	721
114. А. И. Тургеневу. <Начало июля 1813 г. Мишенское>	167	721
115. С. С. Уварову. 15 июля <1813 г. Белев>	168	722
116. А. П. Киреевской (Елагиной). <Июль 1813 г. Чернь, Мишенское>	172	725
117. А. П. Киреевской (Елагиной). <Июль 1813 г. Мишенское>	177	727
118. А. П. Киреевской (Елагиной). <Июль 1813 г. Мишенское>	178	727
119. А. И. Тургеневу. <Август 1813 г. Муратово>	180	728
120. Е. И. Голицыной. <Конец августа — начало сентября 1813 г. Муратово>	180	728
121. А. И. Тургеневу. 2 сентября <1813 г. Муратово>	182	729
122. А. Ф. Воейкову. <Сентябрь 1813 г. Муратово>	182	730
123. П. А. Вяземскому. <Около 20 сентября 1813 г. Муратово>*	183	731
124. П. А. Вяземскому. 26 сентября <1813. Муратово>*	184	732
125. П. А. Вяземскому. <Начало октября 1813 г. Муратово>*	186	732
126. П. А. Вяземскому. 12 октября <1813 г. Муратово>*	187	734
127. П. А. Вяземскому. <31 октября 1813. Муратово>*	188	734
128. П. А. Вяземскому. <Конец ноября — начало декабря 1813. Муратово>*	189	735
129. П. А. Вяземскому. <Начало декабря 1813 г. Муратово>*	191	736

130. А. Н. Арбеновой. 15 декабря <1813 г. Муратово>	192	736
131. П. А. Вяземскому. 6 января 1814 г. <Муратово>*	193	737
132. А. И. Тургеневу. 31 января <1814 г. Муратово>	195	738
133. П. А. Вяземскому. <Начало февраля 1814 г. Муратово>*	195	740
134. П. А. Вяземскому. <Начало февраля 1814 г. Муратово>*	198	740
135. П. А. Вяземскому. <Начало февраля 1814 г. Муратово>*	198	741
136. А. Ф. Воейкову. 13 февраля <1814 г. Муратово>	199	741
137. А. Ф. Воейкову. 20 февраля <1814 г. Муратово>	202	744
138. М. Н. Свечиной и А. Н. Арбеновой. 7 марта 1814 г. <Муратово>	206	749
139. А. И. Тургеневу. <Середина марта 1814 г. Болхов>.	210	750
140. А. И. Тургеневу. 24 марта <1814 г. Муратово>.	211	752
141. А. И. Тургеневу. <26 марта 1814 г. Муратово>.	212	753
142. П. А. Вяземскому. <Около 30 марта 1814 г. Муратово>*	213	754
143. А. А. Прокоповичу-Антонскому. 30 марта <1814 г. Муратово>	217	756
144. А. И. Тургеневу. 30 марта 1814 г. Муратово	218	757
145. А. А. Прокоповичу-Антонскому. <Конец марта (после 30-го) — начало апреля 1814 г. Муратово>.	219	758
146. А. Ф. Воейкову. <Середина апреля (не позднее 16-го) 1814 г. Муратово>	219	758
147. А. И. Тургеневу. 16 апреля <1814 г. Муратово>	220	759
148. А. П. Киреевской (Елагиной). <16 апреля 1814 г. Муратово>	221	760
149. Д. А. Кавелину. <23 апреля 1814 г. Муратово>.	225	762
150. А. П. Киреевской (Елагиной). <Конец апреля 1814 г. Муратово>	226	762
151. А. П. Киреевской (Елагиной). <5 мая 1814 г. Чернь>	226	763
152. А. И. Тургеневу. 5 мая <1814 г. Чернь>	230	765
153. А. П. Киреевской (Елагиной). <Середина (?) мая 1814 г. Чернь>	233	766
154. А. П. Киреевской (Елагиной). <22 мая 1814 г. Чернь>	235	767
155. А. И. Тургеневу. <Вторая половина мая 1814 г. Чернь>.	235	767
156. П. А. Вяземскому. <Май 1814 г. Чернь>*	237	768
157. А. И. Тургеневу. 6 июня <1814 г. Чернь>	238	769
158. А. П. Киреевской (Елагиной). <10—12 (?) июня 1814 г. Чернь>	239	769
159. А. П. Киреевской (Елагиной). <10—15 (?) июня 1814 г. Чернь (?)>.	240	770
160. А. П. Киреевской (Елагиной). <15—20 (?) июня 1814 г. Муратово (?)>.	240	771
161. А. И. Тургеневу. 21 июня 1814 г. <Чернь>	242	773
162. М. А. Протасовой. 21 июня <1814 г. Муратово>	243	774
163. М. А. Протасовой. 28 июня <1814 г.> Дер. Куликовка — Сорочьи Кусты <Орловская губ.>.	252	777
164. М. А. Протасовой. 29 <июня 1814 г.> С. Губкино <Орловская губ.>	255	778
165. М. А. Протасовой. 5 июля <1814 г.> Орел.	256	779
166. М. А. Протасовой. 9—15 (?) июля <1814 г.> Дер. Котовка <Орловская губ.> — Муратово	258	780
167. А. Ф. Воейкову. <10—12 (?) июля 1814 г. Муратово>	263	781
168. Д. А. Кавелину. 18 июля 1814 г. <Муратово>	266	783
169. А. Ф. Воейкову. 19 июля 1814 г. <Муратово>	267	783
170. Е. А. Протасовой. <Конец июля 1814 г. Чернь>	268	785
171. А. П. Киреевской (Елагиной) и А. П. Юшковой (Зонтаг). 31 июля — 2 августа <1814 г. Чернь>	270	785
172. А. П. Киреевской (Елагиной). <Август (?) 1814 г. Чернь>.	273	786

173. П. А. Вяземскому. <Август—сентябрь 1814 г. Мишенское (?)>*	275	787
174. А. Ф. Воейкову. 10 сентября <1814 г.> Чернь	276	788
175. М. А. Протасовой. <15 сентября 1814 г. Чернь>	279	791
176. М. А. Протасовой. 26 сентября <1814 г. Чернь>	283	793
177. А. П. Киреевской (Елагиной). <Вторая половина сентября 1814 г. Чернь>	284	794
178. А. И. Тургеневу. <Конец сентября 1814 г. Мишенское (Чернь?)>	284	795
179. А. И. Тургеневу. 20 октября <1814 г. Володьково>	286	797
180. П. А. Вяземскому. <Первые числа ноября 1814 г. Долбино>*	288	799
181. П. А. Вяземскому. 7 ноября <1814 г. Долбино>*	290	799
182. А. И. Тургеневу. 8 ноября 1814 г. <Долбино>	291	800
183. П. А. Вяземскому. 10 ноября <1814 г. Долбино>*	292	801
184. П. А. Вяземскому. 14 ноября <1814. Долбино>*	292	802
185. А. П. Киреевской (Елагиной). <25—28 ноября 1814 г. Чернь>.	295	803
186. П. А. Вяземскому. <Конец ноября (?) 1814 г. Чернь>*	295	804
187. А. И. Тургеневу. 1 декабря <1814 г. Чернь>	296	804
188. П. А. Вяземскому. 1 декабря <1814 г. Чернь>*	299	808
189. А. П. Киреевской (Елагиной). <1—2 декабря 1814 г. Чернь>	300	809
190. П. А. Вяземскому. 12 декабря <1814 г. Долбино>*	301	811
191. Н. И. Гнедичу. <Вторая половина декабря (не ранее 12-го числа) 1814 г. Долбино>	303	812
192. М. А. Протасовой и А. А. Воейковой. <Октябрь—декабрь 1814 г. Долбино>	303	812
193. А. И. Тургеневу. <5 января 1815 г. Долбино>	304	813
194. С. С. Уварову. <Начало января (около 5-го) 1815 г. Долбино>.	304	814
195. А. И. Тургеневу. 25 января <1815 г. Москва>	305	815
196. А. И. Тургеневу. 1 февраля 1815 г. <Москва>	306	815
197. А. И. Тургеневу. 4 февраля <1815 г. Москва>	310	816
198. Д. Н. Блудову. <Февраль (?) 1815 г. Москва>	312	817
199. А. И. Тургеневу. 4 марта <1815 г. Москва>	313	818
200. А. И. Тургеневу. 10 марта <1815 г.> Крестцы	315	819
201. М. А. Протасовой. 27 марта <1815 г. Дерпт>	315	819
202. М. А. Протасовой. 29—30 марта <1815 г. Дерпт>	316	821
203. М. А. Протасовой. <31 (?) марта 1815 г., Дерпт>.	318	822
204. П. А. Вяземскому. <Конец марта (?) 1815 г. Дерпт>*	320	823
205. А. И. Тургеневу. 1 апреля 1815 г. <Дерпт>.	321	824
206. Императрице Марии Федоровне. 1 апреля 1815 г. <Дерпт>.	322	824
207. С. С. Уварову. 1 апреля 1815 г. Дерпт	323	825
208. М. А. Протасовой. <Первые числа (?) апреля 1815 г., Дерпт>	323	826
209. А. И. Тургеневу. 12 апреля <1815 г. Дерпт>	325	826
210. М. А. Протасовой. 14 апреля <1815 г. Дерпт>	327	828
211. М. А. Протасовой. 15 апреля <1815 г. Дерпт>	336	831
212. М. А. Протасовой. 16 апреля <1815 г. Дерпт>	337	831
213. М. А. Протасовой. 20 <апреля 1815 г. Дерпт>	340	832
214. М. А. Протасовой. 22 апреля <1815 г. Дерпт>	345	835
215. А. П. Киреевской (Елагиной). <Конец апреля (не позже 28-го) 1815 г. Дерпт>.	346	836
216. А. П. Киреевской (Елагиной). <Конец апреля 1815 г. Дерпт>	349	838

217. М. А. Протасовой. 28 апреля <1815 г. Дерпт>	350	838
218. М. А. Протасовой. 2 мая <1815> г. Нарва	353	839
219. А. П. Киреевской (Елагиной). <12 мая 1815 г. Петербург>	354	839
220. П. А. Вяземскому. 20 мая <1815 г. Петербург>*	355	840
221. А. А. Прокоповичу-Антонскому. <20 мая 1815 г. Петербург>	356	841
222. А. П. Киреевской (Елагиной). <24 мая 1815 г. Петербург>	357	842
223. К. Я. Дезе. 31 мая — 4 июня <1815 г.> Петербург*	361	844
224. К. Я. Дезе. 10 июня <1815 г.> Петербург*	362	845
225. К. Я. Дезе. 12 июня <1815 г. Петербург>	363	846
226. А. П. Киреевской (Елагиной). <11 июня 1815 г. Петербург>	363	846
227. К. Я. Дезе. 18 июня <1815 г.> Петербург*	371	850
228. М. А. Черкасовой. <Середина июня 1815 г. Петербург>*	372	850
229. Н. И. Тургеневу. <20 июня 1815 г. Петербург>*	373	851
230. П. А. Вяземскому. 24 июня <1815 г. Петербург>*	373	852
231. К. Я. Дезе. 9 июля 1815 г. <Петербург>*	374	852
232. А. А. Прокоповичу-Антонскому. 18 июля <1815 г. Дерпт>	375	852
233. А. И. Тургеневу. 19 июля <1815 г. Дерпт>	376	853
234. П. А. Вяземскому. 22 июля <1815 г.> Дерпт*.	377	854
235. А. И. Тургеневу. <Около 26 июля 1815 г. Дерпт>	377	855
236. А. П. Киреевской (Елагиной) и А. П. Юшковой (Зонтаг). <30 июля> — 2 августа <1815 г. Дерпт>	378	855
237. А. И. Тургеневу. <1—2 августа 1815 г. Дерпт>	382	856
238. А. И. Тургеневу. 4 августа <1815 г. Дерпт>	383	857
239. А. И. Тургеневу. <14 августа 1815 г. Дерпт>	386	858
240. М. А. Протасовой. <Около (не ранее) 14 августа 1815 г.>	386	859
241. А. И. Тургеневу. <Середина августа (до 21-го) 1815 г. Дерпт>	388	861
242. А. Ф. Воейкову. 19—22 августа 1815 г. <Дерпт>	388	861
243. К. Я. Дезе. 31 августа <1815 г.> Петербург*	398	867
244. А. П. Киреевской (Елагиной) и А. П. Юшковой (Зонтаг). <16 сентября 1815 г. Петербург>	399	868
245. П. А. Вяземскому. 19 сентября 1815 г. <Петербург>	403	869
246. К. Моргенштерну. 22 сентября <1815 г.> Петербург	407	871
247. А. А. Прокоповичу-Антонскому. 15 октября 1815 г. Петербург	408	871
248. П. А. Вяземскому. 19 октября <1815 г. Петербург>*	408	872
249. А. П. Киреевской (Елагиной). <Начало ноября (не ранее 3-го) 1815 г. Петербург>	411	873
250. П. А. Вяземскому. <Начало ноября 1815 г. Петербург>*	412	875
251. А. П. Киреевской (Елагиной) и А. П. Юшковой (Зонтаг). <10—13 ноября 1815 г. Петербург>	413	876
252. П. А. Вяземскому. 23 ноября <1815 г. Петербург>*	416	877
253. М. А. Протасовой. 27—28 ноября <1815 г. Петербург>	417	878
254. П. А. Вяземскому. <Около 25 ноября 1815 г. Петербург>*	423	883
255. А. А. Прокоповичу-Антонскому. <Конец ноября 1815 г. Петербург>	424	883
256. П. А. Вяземскому. <Ноябрь 1815 г. (?) Петербург>*	424	884
257. А. П. Киреевской (Елагиной). <10—11 (?) декабря 1815 г. Петербург>	425	884
258. Е. А. Протасовой. 11 декабря 1815 г. Петербург	435	887
259. А. П. Киреевской (Елагиной) и А. П. Юшковой (Зонтаг).		

<17 декабря 1815 г. Петербург>	438	889
260. М. А. Протасовой. 25 декабря <1815 г. Петербург>	443	891
261. А. П. Киреевской (Елагиной). <30 декабря 1815 г. Петербург>	459	896
262. П. А. Вяземскому. <10 января 1816 г. Петербург>*.	463	897
263. П. А. Вяземскому. <11 января 1816 г. Петербург>*.	464	898
264. Н. И. Гнедичу. <11 января 1816 г. Петербург>	465	899
265. А. А. Прокоповичу-Антонскому. <Начало января (до 12-го) 1816 г. Петербург>	465	899
266. П. А. Вяземскому. 12 января <1816 г. Петербург>	466	900
267. Е. А. и М. А. Протасовым, А. Ф. и А. А. Воейковым. <Начало февраля 1816 г. Петербург>	467	901
268. И. И. Дмитриеву. 18 февраля 1816 г. <Петербург>	468	901
269. А. П. Юшковой (Зонтаг) и Е. П. Азбукиной. <Первая половина февраля (до 19-го) 1816 г. Петербург>	470	902
270. А. П. Киреевской (Елагиной). <Около 19 февраля 1816 г. Петербург>	471	903
271. К. Н. Батюшкову. <Начало апреля 1816 г. Петербург>	476	905
272. А. П. Киреевской (Елагиной). <12 апреля 1816 г. Дерпт>	476	906
273. А. И. Тургеневу. 12 апреля <1816 г.> Дерпт	478	907
274. Г. Р. Державину. 17 апреля <1816 г. Дерпт>	479	908
275. П. А. Вяземскому. 26 апреля <1816 г.> Дерпт	479	908
276. Ф. Гизе. 1 мая <1816 г.> Дерпт	480	909
277. А. П. Киреевской (Елагиной). <Конец мая (до 23-го) 1816 г. Дерпт>	480	909
278. С. П. Жихареву и А. И. Тургеневу. <Около 23—24 мая 1816 г. Дерпт>	482	910
279. Н. М. Лонгинову. <24 мая 1816 г. Дерпт>*.	483	912
280. А. И. Тургеневу. <Начало июня 1816 г.>	484	912
281. А. И. Тургеневу. <Середина июня 1816 г. Дерпт>	485	913
282. А. И. Тургеневу. <Конец июня 1816 г. Дерпт>	486	913
283. П. А. Вяземскому. 29 июня <1816 г.> Дерпт*	486	914
284. Г. Р. Державину. <29 июня 1816 г. Дерпт>	487	915
285. А. П. Киреевской (Елагиной). <4 июля 1816 г. Дерпт>	488	915
286. А. И. Тургеневу. <4 июля 1816 г. Дерпт>	489	916
287. А. А. Воейковой. 5 июля <1816 г.> Ревель	490	917
288. А. И. Тургеневу. 17 августа <1816 г.> Дерпт	491	918
289. А. И. Тургеневу. 24 августа <1816 г.> Дерпт	492	919
290. А. И. Тургеневу. <Первая половина сентября (до 16-го) 1816 г. Дерпт>	492	919
291. А. П. Киреевской (Елагиной). 15 сентября 1816 г. Дерпт	493	920
292. А. И. Тургеневу. <Первая половина сентября 1816 г. Дерпт>	494	921
293. Императору. Александру I. <Первая половина сентября 1816 г. Дерпт>	495	922
294. П. А. Вяземскому. <Сентябрь 1816 г. Дерпт>*	495	923
295. А. И. Тургеневу. 2 октября 1816 г. Дерпт	497	924
296. А. И. Тургеневу. 21 октября <1816 г. Дерпт>	498	924
297. П. А. Вяземскому. 23 октября <1816 г. Дерпт>*	500	926
298. А. П. Киреевской (Елагиной). 23 октября <1816 г. Дерпт>	501	926
299. А. И. Тургеневу. 31 октября <1816 г. Дерпт>	502	928
300. С. П. Жихареву. 31 октября <1816 г. Дерпт>	505	929
301. А. И. Тургеневу. 6 ноября <1816 г. Дерпт>	505	930
302. А. П. Киреевской (Елагиной). 7 ноября <1816 г. Дерпт>	506	931

303. А. И. Тургеневу. <Первая половина (после 6-го) ноября 1816 г. Дерпт> . . .	510	932
304. А. П. Юшковой (Зонтаг). <Конец ноября (около или после 21-го) 1816 г. Дерпт>	511	933
305. А. И. Тургеневу. <Конец ноября 1816 г. Дерпт>	512	935
306. А. И. Тургеневу. <Первая половина декабря (до 12-го) 1816 г. Дерпт>	513	935
307. М. Н. Свечиной. 12 декабря <1816 г.> Дерпт*	513	937
308. М. Я. фон Фоку <1815—1816 г. Дерпт>*	514	937
309. Н. И. Гнедичу. <Конец декабря 1816 — начало января (до 12-го) 1817 г. Петербург>	515	938
310. А. П. Киреевской (Елагиной). 2 января <1817 г. Петербург>	515	939
311. А. И. Тургеневу. <Середина января 1817 г. Дерпт>.	516	939
312. Д. В. Дашкову. <Середина (до 19-го) января 1817 г. Дерпт>.	517	940
313. Д. Н. Блудову. <Середина января 1817 г. Дерпт>*	520	952
314. А. И. Тургеневу. <Середина января 1817 г. Дерпт>.	522	953
315. М. Н. Свечиной. 26 января <1817 г.> Дерпт*	523	954
316. П. А. Вяземскому. 27 января <1817 г.> Дерпт*	523	955
317. И. И. Мартынову. 27 января 1817 г. Дерпт	526	956
318. А. П. Зонтаг. 4 февраля <1817 г. Дерпт>.	526	956
319. И. Ф. Николеву. 18 февраля 1817 г. Дерпт	530	959
320. Д. Н. Блудову. 18 февраля <1817 г. Дерпт>	531	960
321. И. И. Мартынову. 18 февраля 1817 г. Дерпт	531	961
322. А. И. Тургеневу. <Около 18 февраля 1817 г. Дерпт>	532	961
323. А. А. Прокоповичу-Антонскому. 24 февраля 1817 г. Дерпт	533	962
324. А. И. Тургеневу. 24 февраля <1817 г. Дерпт>	534	963
325. А. И. Тургеневу. <Конец февраля — начало марта 1817 г. Дерпт>	535	964
326. А. И. Тургеневу. <Конец февраля — начало марта 1817 г. Дерпт>	535	964
327. И. И. Дмитриеву. 1 марта 1817 г. Дерпт	536	965
328. А. И. Тургеневу. <Конец марта (до 25-го) 1817 г. Дерпт>	537	966
329. А. И. Тургеневу. <Март 1817 г. Дерпт>	537	966
330. А. И. Тургеневу. <Конец марта 1817 г. Дерпт>.	538	967
331. П. А. Вяземскому. <Март (?) 1817 г. Дерпт>*	538	967
332. А. И. Тургеневу. 25 апреля <1817 г. Дерпт>	539	968
333. А. И. Тургеневу. <Конец апреля (после 25-го) 1817 г. Дерпт>	542	969
334. К. Моргенштерну. <Апрель 1817 г. Дерпт>	542	969
335. А. П. Киреевской (Елагиной). <1 мая 1817 г. Дерпт>	543	970
336. А. Е. Измайлову. 22 июня 1817 г. Петербург.	543	970
337. М. А. Мойер. <Июнь—июль 1817 г. Петербург>	543	971
338. А. П. Елагиной. <Середина июля 1817 г. Петербург>.	544	971
339. П. А. Вяземскому. 11 августа <1817 г. Петербург>*.	545	972
340. А. И. и Н. И. Тургеневым. <18 сентября 1817 г. Петербург>	547	973
341. И. И. Дмитриеву. 20 сентября <1817 г.> Петербург	547	973
342. П. А. Вяземскому. <Конец сентября 1817 г. Петербург>*	548	974
343. А. И. и Н. И. Тургеневым, Д. Н. Блудову, К. Н. Батюшкову. <Около 9 октября 1817 г. Москва>	548	974
344. Н. М. Лонгинову. <12 октября 1817 г. Москва>*.	549	975
345. А. А. Воейковой. 17 октября <1817 г.> Москва	549	976
346. Н. М. Лонгинову. <20 октября 1817 г. Москва>*.	551	977

347. Великому князю Николаю Павловичу. <Между 11 и 21 октября 1817 г. Москва>	552	978
348. А. И. Тургеневу. <Около 22 октября 1817 г. Москва>.	553	980
349. А. И. Тургеневу. 26 октября <1817 г. Москва>	553	980
350. Н. М. Карамзину. 8 ноября <1817 г.> Москва	555	981
351. А. И. Тургеневу. 8 ноября <1817 г. Москва>	556	981
352. А. И. Тургеневу. <9 ноября 1817 г. Москва>	557	982
353. А. А. Воейковой. 27 ноября <1817 г. Москва>	557	983
354. А. П. Елагиной. <Ноябрь—декабрь 1817 г. Москва>	559	984
355. Д. Н. Блудову. <Декабрь 1817 г.>	559	984
356. С. И. Тургеневу. <Конец 1817 г. Москва>	559	985
357. А. И. Тургеневу. <Конец 1817 — начало 1818 г. (?) Москва>	560	986

Приложения

А. С. Янушкевич. Эпистолярный В. А. Жуковского: летопись персонального жизнетворчества и коллективного литературного быта	563
Примечания	581
Указатель адресатов писем В. А. Жуковского	987
Указатель писем по адресатам	1011
Указатель произведений, замыслов и изданий В. А. Жуковского	1013
Указатель имен	1018
Условные сокращения	1071

Научное издание

Василий Андреевич Жуковский

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ

В двадцати томах

Том 15

Письма 1795—1817-х годов

2-е издание

Ведущий редактор И. Полосухина

Оригинал-макет подготовлен И. Богатыревой

Подписано в печать 21.01.2019. Формат 70×100 1/16.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура Minion Pro.
Усл. п. л. 87,72. Тираж 600. Заказ №

Издательский Дом ЯСК

№ госрегистрации 1147746155325

Phone: 8 (495) 624-35-92 E-mail: Lrc.phouse@gmail.com

Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

ООО «ИТДГК «Гнозис»»

Розничный магазин «Гнозис» (с 10:00 до 19:00)

Турчанинов пер., д. 4, стр. 2. Тел.: +7 499 255-77-57

itdgkgnosis@gmail.com

Оптовый отдел

Ул. Бутлерова, д. 17Б, оф. 313. Тел.: +7 499 793-58-01

sales@gnosisbooks.ru

www.gnosisbooks.ru, vk.com/gnosisbooks

